

Владимир Герье

Лейбниц и его век



Том 75

Владимир Герье



Лейбниц и его век

Отношения Лейбница
к России и Петру Великому



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008

УДК 1 (091)
ББК 87.3
Г37

Серия основана в 1992 году

Редакционная коллегия серии «Слово о сущем»

В. М. КАМНЕВ, Ю. В. ПЕРОВ (председатель),
К. А. СЕРГЕЕВ, Я. А. СЛИНИН, Ю. Н. СОЛОНИН

Герье В. И.

Г37 Лейбниц и его век. — СПб.: Наука, 2008. — 807 с. (Серия «Слово о сущем»).

ISBN 978-5-02-026942-2

Лейбниц (1646—1716) играл видную роль в великом перевороте, совершавшемся с XV по XVII в. и отделяющем Новое время от Средних веков, и биография его может много содействовать к пояснению как свойств этого переворота, так и раз личного характера упомянутых исторических периодов.

I—VII главы данного издания являются докторской диссертацией (1868) профессора Московского университета В. И. Герье (1837—1919), VIII глава вышла отдельной книгой в 1871 г.

УДК 1(091)
ББК 87.3

© Издательство «Наука», серия «Слово о сущем» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2008

© Кузницын Д. В., перевод, 2008

© Марков Б. В., послесловие, 2008

ISBN 978-5-02-026942-2

Памяти
Тимофея Николаевича
Грановского

Я пользовался слишком короткое время преподаванием Грановского, чтобы иметь право причислять себя к его ученикам. Но такие люди, как Грановский, приобретают учеников не одним только преподаванием. Имя Грановского сделалось знаменем в трудную, но славную эпоху Московского университета. Двенадцать лет прошло после его смерти, и много совершилось с тех пор перемен. Великие реформы нашего времени коснулись также университетов и дали им полную свободу и самостоятельность. Но высокие нравственные свойства, которыми обуславливалось влияние Грановского и которые оставили после себя такую неизгладимую память, в настоящее время не менее необходимы, чем тогда, — честное отношение к науке, искреннее участие к ее интересам и теплая, непоколебимая вера в силу истины и нравственных начал. Только нравственные начала могут дать жизнь уставам, только тогда может процветать наука, когда она служит сама себе целью, когда она дороже и священнее всех других интересов.

Влияние людей, служивших всю жизнь идее, не прекращается с их смертью. Деятельность их становится преданием, память о них — нравственной силой. Грановский надолго связал свое имя с исторической кафедрой в Московском университете. Заняв эту кафедру, я желал посвящением моего труда его имени заявить, что свежо еще предание о нем в Московском университете и жива его память.

ВВЕДЕНИЕ

Я имел намерение изложить влияние немецкой философии на понимание истории и на историографию и уже окончил некоторые части моего труда; но, принявшись за Лейбница, я остановился на нем с особенным интересом. Правда, Лейбниц не создал особого учения о философии истории, и у него можно встретить только несколько основных мыслей о философском ее построении; но, чтобы выяснить эти мысли, нужно было подвергнуть подробному изучению всю его деятельность, вследствие чего то, что должно было быть эпизодом, получило размеры отдельной монографии.

При этом первоначальная задача — указать влияние Лейбница на философию истории — мало-помалу уступила место другой, более обширной, — выяснить вообще значение Лейбница в истории. Не много можно назвать ученых или философов, биография которых представляла бы такой важный исторический интерес. Лейбниц играл видную роль в великом перевороте, совершавшемся с XV по XVII в. и отделяющем Новое время от Средних веков, и биография его может много содействовать к пояснению как свойств этого переворота, так и различного характера упомянутых исторических периодов.

Эти два периода резко противоположны друг другу во всех отношениях: в религиозном, политическом и научном. В религиозном отношении средневековый период ознаменован преобладанием церкви над всеми другими интересами. Реформация, отвергнув папство, разрушила самое крепкое основание средневековой жизни, но протестантизм сам еще долго сохранял теократический характер, отчего политика, школа и наука в протестантских странах еще более столетия носят клерикальный оттенок. После Вестфальского мира этот клерикальный оттенок утрачивается. Место религиозных страстей занимают идеи веротерпимости, которые в некоторых передовых людях выражаются в стремлениях к примирению и объединению церквей. Лейбниц был одним из самых деятельных поборников слияния христианских церквей. Он вно-

сит в политику идеи прогресса и цивилизации. В прежнее время религиозное влияние на политику сильнее всего высказывалось в борьбе с магометанами. Лейбниц с жаром отстаивает необходимость освободить Восток, изгнать турок из Европы, но на первом плане у него стоят при этом интересы цивилизации.

В политическом отношении средневековый период отличается от нового тем, что он не знает государства. Это эпоха медленного образования государства и борьбы монархического начала с феодализмом и сословиями. В XVII в. эта борьба была окончена. Европейские государства ясно выделяются и вступают друг с другом в соперничество. Самое сильное из них старается подчинить себе остальные. Слабые государства ищут себе гарантии в союзах и в общественном мнении. Возникает обширная политическая литература. Является потребность в установлении международного права. Лейбниц один из первых сознает важность европейской публицистики. Он становится во главе публицистов, которые ратуют против преобладания Франции, против стремлений Людовика XIV к универсальной монархии. Он старается вести эту борьбу на твердых основах и борется во имя европейского равновесия и общих интересов европейских народов.

Если, таким образом, деятельность Лейбница тесно связана с историей Европы, то она имеет еще большее значение для истории его отечества, Германии. Биография его знакомит нас со всеми важными событиями в истории Германии во второй половине XVII в. Лейбниц вносит в науку те изменения в государственном праве Германии, которые повлекла за собой политическая самостоятельность ее князей. Он принимает участие в попытке политической реформы Германии посредством Рейнского союза. По биографии его можно проследить постепенное возвышение Ганноверского дома, а в конце ее мы встречаемся с усилением Пруссии, имевшим такое великое значение для судеб Германии.

В области науки переход от Средних веков к Новому времени совершался еще медленнее, чем в других сферах. Гуманизм и более близкое знакомство с классическим миром произвели переворот в духовной жизни западных народов. Но этот переворот не имел еще своим следствием полного перелома. Гуманизм вызвал филологические и исторические занятия, развил литературный и эстетический вкус, расширил круг политических и нравственных понятий, внес в школьное и университетское образование больше зрелости и научности. Но он не изменил основы этого образования, ибо не мог подорвать значения схоластической фило-

софии, так как эта философия сама отчасти опиралась на классическую почву — на учение Аристотеля.

Схоластика могла быть совершенно вытеснена только коренным преобразованием воспитательного и научного метода, только внесением в школу и науку реальных элементов. Это преобразование было совершено великими математическими открытиями, на которых основывалась новая философия. В этом поражении схоластики посредством математики, в этом преобразовании научного и воспитательного метода Лейбниц играл первенствующую роль. Он был для Германии тем, чем Бэкон был для Англии, Декарт для Франции. Он замыслил реформу всех наук посредством математического метода. Главное основание его философии совпало с его великим математическим изобретением.

В противоположность схоластике, которая отвернулась от действительности, он настаивал на постоянном применении науки и теории к практической жизни. Вследствие этого он взамен университетов, в которых тогда господствовали рутинная и схоластические приемы, так неотступно хлопотал об учреждении академии и ученых обществ, которые могли бы открыть приют математическим и естественным наукам и в которых теория шла бы рука об руку с практикой.

Из всего этого мы видим, как тесно жизнь и деятельность Лейбница связана с главными вопросами его времени и как полезна его биография для объяснения этих вопросов.

Этими краткими указаниями я хотел оправдать выбор предмета и пояснить цель моего труда. Но я, кроме того, считаю нужным доказать его своевременность. Можно спросить, нужно ли было приступать к новой биографии Лейбница после превосходного сочинения Гурауера? Биография Гурауера вышла в 1846 г., а с тех пор в двух новых изданиях сочинений Лейбница был напечатан целый ряд неизвестных его произведений, бросающих новый свет на его деятельность. Кроме того, с тех пор появилось множество статей и монографий о Лейбнице, доказывающих, что вопрос о его деятельности и значении далеко еще не исчерпан.

Оба издателя — Онно Клопп и Фуше де Карель — начали с политических сочинений Лейбница; хотя издания их не окончены, они взаимно друг друга пополняют, так что мы находим в них почти все, что было написано Лейбницем по поводу политики. А именно политическая роль Лейбница была до сих пор менее всего разработана и недовольно разъяснена Гурауером по недостатку материала. Кроме того, религиозные убеждения Лейбница и его деятельность по вопросу о соединении церковью также более выяснились после выхода книги Гурауера, вследствие издания переписки

ски Лейбница с Боссюэ, с ландграфом Эрнстом, с Арно и вследствие исследований Фуше де Кареля, Бёка, Перца и др.

Наконец, предлагаемый труд оправдывается тем, что я поставил себе другую цель, чем Гурауер. Мне хотелось описать жизнь и деятельность Лейбница в связи с его веком и с современным ему обществом. Биография Лейбница должна была познакомить меня ближе с XVII веком, и в то же время изучение этого века должно было пояснить мне значение Лейбница. Мне кажется, что только этого метода следует придерживаться в биографических сочинениях, особенно же в биографии людей, имевших такое громадное влияние, как Лейбниц.

Но подобный прием представляет важные неудобства. Он заставляет делать отступления и вредит единству сочинения. Я не избегал отступлений там, где они казались необходимыми для объяснения деятельности Лейбница. Так, глава I посвящена описанию школы и университетов в XVII в., чтобы охарактеризовать обстановку, среди которой развивался Лейбниц. В главе II сделано отступление, чтобы описать политическое состояние Германии и интересы, среди которых пришлось действовать Лейбницу. В главе III пришлось остановиться на картезианизме как на господствующей философии того времени, из которой возникло собственное учение Лейбница. В остальных главах описаны Ганноверский и Берлинский дворы и охарактеризованы те личности, с которыми Лейбниц находился в близких отношениях.

Одна из причин, почему я так охотно остановился на Лейбнице, заключается в том, что из великих людей Запада он стоит всех ближе к России. Я надеялся, что удастся найти новый материал для объяснения его сношений с Петром Великим и его приближенными. Но в Московском архиве не было ничего замечательного об этом вопросе. Я обратился к издателю сочинений Лейбница, ганноверскому библиотекарю Онно Клоппу, чтобы узнать, есть ли у него под рукой какой-нибудь материал относительно интересовавшего меня вопроса. Но вследствие занятия Ганновера прусскими войсками, Онно Клопп, замешанный в борьбу политических партий, должен был бежать, издание его приостановилось, и я не получил удовлетворительного ответа. Когда мое сочинение было почти уже окончено, я узнал, что за границей находился чрезвычайно интересный материал. Но так как для его исследования необходима поездка за границу, то я решился опустить главу о сношениях Лейбница с Петром Великим, в надежде, что в непродолжительном времени, когда стану излагать учение Лейбница, я буду в состоянии сказать больше о его отношениях к России, чем в настоящую минуту.

Didici in mathematicis ingenio, in natura experimentis, in legibus divinis humanisque auctoritate, in historia testimoniis nitendum esse.

*Leibniz**

ГЛАВА I

ВОСПИТАНИЕ ЛЕЙБНИЦА. ГИМНАЗИИ И УНИВЕРСИТЕТЫ В ГЕРМАНИИ В XVII В.

Происхождение Лейбница. — Его семейство. — Протестантизм в XVII в. — Латинская школа. — Отсутствие реального элемента в школьном образовании. — Предметы гимназического курса. — Методы преподавания. — Диспуты. — Религиозное воспитание. — Наказания. — Нравы учеников. — Лейбниц восполняет чтением недостатки школьного образования. — Влияние классических писателей. — Занятия логикой. — Восприимчивость Лейбница. — Лейпцигский университет. — Студенческий быт. — Депозиция. — Пеннализм. — Бурсы и стипендии. — Занятия студентов. — Лекции. — Диспуты. — Университетские степени. — Церемония при получении докторства. — Пороки студентов. — Возникновение университетов из духовных училищ. — Секуляризация их и подчинение правительству в XVI в. — Ректор. — Канцлер. — Университетское управление. — Контроль над профессорами. — Отношения между университетскими преподавателями. — Профессора обычные и экстраординарные. — Приват-доценты. — Лекции публичные и частные. — Чинопочитание. — Занятия профессоров. — Отсутствие специализма. — Доходы профессоров. — Костюм профессоров и студентов. — Недостатки профессоров. — Их нетерпимость. — Лейбниц от схоластики переходит к изучению классической и новейшей философии. — Лейбниц в Йене. — Вейгель. — Математический метод и применение его ко всем наукам. — Занятия и диссертации Лейбница. — Лейпцигский университет отказывает ему в докторской степени. — Лейбниц в Альторфе. — Докторство. — Общество алхимиков в Нюрнберге. — Знакомство с Бойнебургом. — Лейбниц переселяется во Франкфурт.

В 1646 г., 21 июня старого стиля, у профессора Лейпцигского университета Фридриха Лейбница родился сын Готфрид Вильгельм, с жизнью и деятельностью которого мы намерены познакомить читателя.

Имя Лейбница — славянское. Он сам на это указывал, и в бумагах его найден список различных городов и местечек в славянских землях — в Штирии, Богемии, Силезии, Саксонии и др., кото-

* Я научился в математических науках полагаться на свой ум, в исследовании природы на эксперимент, в законах божественных и человеческих на авторитет, в изучении истории на свидетельства очевидцев. *Лейбниц (лат.)*. — *Прим. пер.* (Здесь и далее переводы с латинского, немецкого, французского, итальянского и английского языков выполнены Д. В. Кузницыным. — *Прим. ред.*)

рые носят это имя. Название местечка переходило часто к его жителям или владельцам, и действительно в исторических памятниках несколько раз упоминается о роде Лейбницев — familia de Leibniz или dominus Lipnicii. В XIV в. один зальцбургский архиепископ носил это имя. Но какого происхождения — германского или славянского — то семейство, в котором родился Г. В. Лейбниц, неизвестно¹. Достоверно только то, что прадед его, Христоф Лейбниц, жил во время Реформации и был назначен курфюрстом

¹ Заметка Лейбница, найденная в его бумагах, в которой он говорит о своем славянском имени, подала французскому биографу Лейбница, графу Фуше де Карелю, повод к некоторым соображениям, которые наши читатели прочтут не без интереса. Они характеризуют способ исследований французских ученых и наклонность их к широким выводам (grandes vues) и эффектным сопоставлениям, от чего они нередко впадают в странные промахи. В заметке Лейбница сказано: Leibniziorum nomen slavonicum; familia in Polonia, Boh... (Славянский род Лейбницев, или Лубеничей; семья из Польши, Бог[емии]... (лат.). — Прим. пер.) Затем следует пробел. Издатель полного собрания сочинений Лейбница Онно Клопп (Т. I. Р. XXXII) говорит, что тут вырезано 6 строк. После пробела идет фраза, начала которой недостает. Лейбниц говорит тут, что отец его, когда ему ничего хорошего в будущем не представлялось, отправился в Лейпциг по совету друзей, которые составили ему протекцию при Саксонском дворе, и пр. Фуше де Карель связал две фразы, разделенные пробелом, и вывел из этого заключение, что отец Лейбница был поляк и переселился из Польши в Саксонию. На этом основании он делает следующий вывод.

«Trois éléments concourent à la politique de Leibniz. Deux nous sont connus. Ce sont l'élément germanique et l'éléments chrétien, dont la fusion lui coûta tant de peine et dont il rêvait l'accord impossible par des anachronismes un peu forts comme celui de l'Empereur et du Pape chefs de la chrétienté. Un troisième élément moins connu, et que nous avons découvert, resterait à déterminer et peut dès à présent figurer en ligné de compte dans une certaine mesure. C'est l'élément slave, représenté au dix-septième siècle par Pierre le Grand et Leibniz.

Leibniz était d'origine slave. Sa famille était venu de la Pologne, et le nom qu'il portait était slave. C'est Leibniz lui-même, qui nous l'apprend dans son autobiographie. Sans vouloir attacher à ces questions de race toute l'importance, qu'on leur donne aujourd'hui, il est curieux de penser cependant que cette gloire de la nation allemande lui est venue de la Pologne, et que ce génie le plus universel des temps modernes appartient à cette race, destinée à renouveler ou à bouleverser le monde. Leibniz eût pu dire à Pierre le Grand, qu'il vit à Totgau et qui lui demanda ses plans pour l'avenir de la Russie: „Notre origine est la même: Slaves tous les deux, vous avez conquis sur la barbarie le plus grand empire du monde; moi j'ai fondé par la science un non moins vaste royaume. Tous deux initiateurs de siècles nouveaux, nous sommes tous deux de cette race, dont nul ne peut prédire encore les destinées“. Il eût pu ajouter, en pensant à l'Allemagne, où son père était venu se fixer, et à l'ingrate Leipzig, qui fut sa partie d'adoption et qui ne sut pas le retenir: „Que l'Allemagne soit moins fière; ce n'est pas au génie exclusivement allemande, que j'appartenais en naissant; c'était le génie de la race slave, qui s'éveillait en moi dans la partie de la scolastique“» («В политических воззрениях Лейбница сочетались три элемента.

Августом исправником в Альтенбурге, а потом казначеем в Пирне. Брат Христофа, Павел, служил в австрийском войске и за храбрость был возведен императором Рудольфом в дворянское достоинство. Сын Христофа, Амвросий, шел по следам отца; он был членом управления в городе Альтенбурге. Амвросий женился на дочери одного Лейпцигского патриция, и это родство дало возможность его сыну Фридриху выгодно устроиться в Лейпциге. Фридрих Лейбниц занимался юридическими и философскими науками в Лейпцигском университете, сделался практическим юристом и нотариусом, но в то же время занимал при Лейпцигском университете должность профессора морали и был членом философского факультета. Практическая деятельность отвлекала его от ученых занятий, и он известен только как автор нескольких программ и похвальных слов, которые, по обычаю того времени, писались по смерти всех сколько-нибудь замечательных людей.

Он был женат три раза и от первого брака имел сына, сделавшегося впоследствии богословом и учителем, человека благочестивого, простого и довольного своей судьбой, и дочь Розину, вышедшую замуж за богослова. В третий раз Фридрих Лейбниц женился в 1644 г., когда ему было уже 47 лет, на Катерине Шмук, дочери известного в то время Лейпцигского юриста и профессора. Она рано потеряла своего родителя, воспитывалась в доме своих

Два из них нам известны. Это элементы германский и христианский, связать которые стоило ему стольких трудов и которые он с помощью несколько анахроничных средств пытался привести в согласие, подобное согласию между императором и папой — главами христиан. Остается определить третий, открытый нами элемент, который менее известен, но с которым теперь придется в какой-то степени считаться. Это элемент славянский, в XVII в. представленный фигурами Петра Великого и Лейбница. По происхождению Лейбниц был славянином. Его семья была родом из Польши, и имя имело славянский корень. Он сам сообщает об этом в своей биографии. Не придавая расовому вопросу той важности, какая ему отведена сегодня, любопытно все же отметить, что эта слава немецкой нации пришла к ней из Польши и что самый универсальный ум Нового времени принадлежал к этой расе, призванной обновить и перевернуть весь мир. Навестив в Торгау Петра Великого, Лейбниц на вопрос о его взглядах на будущее России имел право ответить: „У нас с вами одно происхождение: оба мы славяне; вы жесткой рукой подчинили себе самую большую в мире империю. Я же обрел в науках не менее обширное царство. Оба мы зачинатели нового века, оба принадлежим к одной расе, судьба которой еще никем не предсказана“. Размышляя о Германии, где решил поселиться его отец, и о неблагодарном Лейпциге, ставшем его приемной родиной, но не сумевшем его удержать, он вполне мог добавить: „Германия пусть не слишком гордится; от рождения я принадлежу не одному только германскому духу. Именно дух славянской нации пробудился во мне на родине учености“» (фр.). — *Прим. пер.*)

опекунов, которые оба были уважаемыми богословами и профессорами в Лейпциге, в 23 года вышла замуж. У нее было двое детей: сын Готфрид и дочь Анна, которая впоследствии вышла замуж за пастора Симона Лёфлера и рано умерла.

Мы видим из этого, что Лейбниц по своему происхождению принадлежал к кругу тех профессорских и пасторских семейств, которые были представителями образования в протестантской Германии и которые придавали этому образованию, и вследствие этого всей жизни общества, строго протестантский характер, отличавший его в XVII в. и видоизменившийся под влиянием рационализма XVIII в.

Протестантизм XVII в. был не только известной формой вероисповедания, но силой, которая налагала свою печать на весь склад общества, проникала во все мелочи и подробности жизни и давала людям известного рода постоянное настроение. Протестантизм, поставивший в религиозной жизни на первый план веру, поддерживал этим известную степень экзальтации. Не находя себе пищи в скромной и однообразной жизни большинства людей, эта экзальтация обратилась на мелочи и породила ту наивность и фамильярность с божеством, которые особенно характеризуют протестантов XVI и XVII вв. Этой наивностью, которая видит во всех мелких случайностях жизни непосредственное действие Провидения, и этой фамильярностью с божеством, которая призывает его в свидетели и покровители самых простых и обыденных событий жизни, дышит и религиозная поэзия того времени — единственная отрасль литературы, в которой немцы XVII в. проявили оригинальность и некоторое творчество. Но эта поэзия была только выражением того, что постоянно высказывалось в ежедневной прозе жизни, и нередко с некоторым педантизмом.

До нас дошло мало сведений о домашней жизни родителей Лейбница и о событиях его раннего детства; но то, что мы знаем об этом, показывает нам, до какой степени вся обстановка, среди которой он вырос, была проникнута теплой верой и наивной религиозностью. Когда происходили крестины маленького Лейбница, крестными отцами которого были придворный проповедник курфюрста доктор Гейер и профессор юридического факультета Фриш, и когда пастор взял его на руки, чтобы облить водой, трехдневный ребенок, к удивлению всех, поднял голову и открыл глаза, и таким образом дал совершить над собой крещение. Это обстоятельство показалось отцу настолько замечательным, что он описал его в своей домашней хронике и приписал следующие сло-

ва: «Я того желаю, и пророчу, что это служит признаком веры и лучшим знамением того, что этот сын всю жизнь будет обращать свой взор к Богу, пламенеть любовью к нему и в этой любви совершит великое к славе Всевышнего, к пользе и процветанию христианской церкви и к своему и нашему спасению».

Другой факт подобного рода рассказан самим Лейбницем по воспоминаниям детства. В одно воскресенье мать его отправилась в церковь, отец же был болен и лежал в постели. Ребенок был еще не совсем одет и играл на скамье, которая стояла у стены. Перед скамьей стоял стол. Тётка ребенка хотела его одеть и подошла к нему, но он, убегая от тётки, вскочил на стол, оступился и упал со стола на пол. Отец и тётка вскрикнули. Но ребенок сидел на полу и смеялся, а расстояние, в котором он находился от стола, было больше, чем можно было бы ожидать от простого детского прыжка. Отец увидел в этом знак особенной милости Божией и тотчас послал в церковь, чтобы по обычаю, после обедни, там произнесли особенную благодарственную молитву. Об этом происшествии много говорили в городе. «Отец же мой, — говорит Лейбниц, — извлек из этого, и, не знаю, из каких еще других слов и предзнаменований, такие надежды относительно меня, что навлек на меня насмешки со стороны своих друзей».

Первоначальным воспитанием ребенка занимался его отец. Он рано выучил его читать и потом посредством частых рассказов и с помощью маленькой книжки старался внушить ему любовь к священной и мирской истории. Но это воспитание было рано прервано. Лейбницу было 6 лет, когда умер его отец, и мать вскоре после этого отдала ребенка в школу, пользовавшуюся особенной репутацией в Лейпциге.

Школьное образование в XVII в. находилось совершенно в том состоянии, в которое его поставила средневековая жизнь, и только к концу столетия было сделано несколько уступок потребностям Нового времени. В Средние века и еще в XVII в. могущественным двигателем и единственным средством образования было знакомство с древним, преимущественно римским, миром. Памятники этого мира изучались не ради их собственных достоинств, не для того, чтобы ввести изучающего их в идеи классического мира, но главным образом потому, что они служили источником для реальных познаний. В университетах того времени математика, астрономия, география, даже медицина и естественные науки, не говоря уже о науках юридических и философских, о логике, этике, метафизике, изучались на основании сочинений, оставшихся от древнего мира. Лекции читались в университетах на латинском языке

до конца XVII в., и только в этом веке научные сочинения стали появляться и на новых языках.

Нужно иметь это в виду, чтобы понять характер и направление школьного образования того времени. Школа везде служит подготовкой для целей высшего образования и руководствуется его требованиями. Для того чтобы получить это образование, нужно было знать латинский язык, и не только понимать его, но совершенно свободно владеть им как разговорным и литературным языком. Поэтому выучить школьников латинскому языку было главной целью школы. Передача реальных познаний стояла на заднем плане, и в отношении их требования были не очень высоки. Гораздо настоятельнее была необходимость приготовить учеников к слушанию лекций философских, которое предшествовало избранию специальных факультетов, богословского или юридического, а для этого нужно было заранее посвятить учеников во все тонкости логики и диалектики, тем более что диспуты были, наравне с лекциями профессоров, средством университетского преподавания.

Реформация не изменила этого характера школы. Реформаторы, правда, опираясь на Библию, требовали от мирян знакомства с ней и постоянного чтения ее, поэтому старались распространить в народе грамотность и должны были заботиться об устройстве протестантских школ, где учили читать по-немецки, но главная их забота все-таки была направлена на средние учебные заведения, т. е. на латинскую школу. Школьный устав, составленный Меланктоном, был принят в основание при устройстве школ в лютеранской части Германии. По этому уставу занятия школы распределялись следующим образом. Из 26 уроков в неделю 2 урока назначались для закона Божия, 6 уроков на музыку, а 18 уроков для латинского языка. Греческий язык был введен только с 1850 г., по уставу курфюрста Августа, и только в двух старших классах. Мало-помалу в течение XVII в. стало усиливаться преподавание греческого языка в гимназиях северной Германии, но и тут преимущественно читались сочинения религиозного или педагогического содержания: Новый Завет, апокрифы, сочинения Плутарха о воспитании, и только в некоторых гимназиях принимались за Гомера и Демосфена. На латинском языке преподавались реальные предметы, и в каком виде! — как будто их преподавание имело целью только упражнять учеников в латинском языке. Иногда эта цель прямо выставлялась на вид. Даже катехизис иногда изучался на латинском языке, и виртембергский устав пренаивно советует прилежно изучать катехизис, «для того чтобы с Божией милостью

юношество достигло настоящего знания и навыка в латинском языке и благочестии» (Gottesfurcht). Кроме древних языков, в школах преподавали риторику, диалектику и музыку, кое-где арифметику, *doctrinam sphaericam*, т. е. объяснение небесного глобуса, физику по Аристотелю, этику. История была введена в большей части гимназий в XVIII столетии, и только в некоторых школах в конце XVI; зато в пресловутой саксонской школе в Пфорте история и география еще не были введены даже по уставу 1801 г. Даже математика в некоторых гимназиях была введена уже в XVIII в., а естественная история еще позднее.

Всего более характеризует школы XVII в. то, что в них не везде еще было введено преподавание отечественного языка. Латинские грамматики, с которых школьники начинали свое трудное поприще, были написаны на латинском языке в Дании еще до 1730 г.; еще более странным покажется то, что даже грамматики немецкого языка, которые были в употреблении в XVI и XVII вв., были составлены на латинском языке. Иногда прямо высказывалось, что преподавание немецкого языка нужно для того, чтобы с помощью немецкой грамматики подготовить детей к латинской грамматике.

Для оправдания этого факта, конечно, не следует забывать, что только в XVI в. образовался литературный, или книжный, немецкий язык, вытеснивший употребление наречий и сделавшийся общим языком нации. В основание этого общего языка лег перевод Библии, сделанный Лютером; и первая грамматика немецкого языка, принявшая в руководство язык Лютера, вышла в 1578 г. Вскоре после этого начались попытки заменить в преподавании латинский язык немецким. Во главе агитации в пользу немецкого языка стоял известный педагог XVII в. Ратихий, который в 1612 г. даже имперскому сейму во Франкфурте подал записку о своем методе. Но и Ратихий более имел в виду начинать обучение с немецкого языка, чем совершенно заменить им латинский. В продолжение всего XVII в. ученики были обязаны говорить между собой и с учителями на латинском языке даже во время отдыха, и за каждое немецкое слово их строго наказывали. Померанский устав еще в 1690 г. предписывает учителям говорить с учениками всегда по-латыни, ибо «употребление немецкого языка само по себе легкомысленно, а детям приносит вред и соблазн»¹. Так как за немецким языком в то время не признавали ни литературного, ни педаго-

¹ См. об этом вообще: *Raumer. Geschichte der Paedagogik; Tholuck. Das Academische Leben im XVII Jahrh.*

гического значения, то естественно, что в школах на него обращали очень мало внимания. Достаточно было, если ученики умели читать и писать на своем родном языке; в некоторых гимназиях их учили орфографии и грамматике, но о слоге никто не заботился. Только в XVIII в. начали упражнять их сочинениями на немецком языке. Невыносимо дурной слог произведений немецкой литературы XVII и XVIII вв. был достаточным наказанием за это пренебрежение, оказанное ему в школе и в университете. С содержанием школьного преподавания стоял в тесной связи метод преподавания: он заключался в выучивании всего на память и в постоянном повторении выученного. Поэтому приемы, и со стороны учителя, и со стороны учеников, были чисто механические. Никто не заботился о том, чтобы преподавание было интересно для учеников или содействовало их развитию¹. Учителя диктовали уроки; выучив урок, ученики должны были повторить его наизусть: иногда один говорил урок, а остальные хором повторяли за ним, потом говорил другой; вопросов в разбивку не предлагали; каждый ученик должен был сказать весь урок. При объяснении писателей подвигались очень медленно. Каждая форма, каждая конструкция, как бы часто она ни повторялась, каждый раз тщательно объяснялась. Некоторые педагоги, правда, позволяли себе смелые выходы. Например, конректор Эйслебенской гимназии сказал в своем отчете в 1679 г., что «не следует кормить юношество шелухой; оно нуждается в *реальных* познаниях для речей, писем и университетских диспутов». Но что понималось тогда под реальными познаниями, видно из его же пояснений. Конректор говорит, что он долго останавливался на книге Цицерона «Об обязанностях» ради ее прекрасного нравственного содержания, причем занимался объяснением различных философских мнений, филологическим пояснением слога (*der Latinität*) и разбором риторических периодов ради *практической пользы* общих мест и подражаний (*der loci communes und imitationes*)². Один рюштокский профессор приглашал своих слушателей заниматься изучением Энеиды ради

¹ *Ellendt. Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Eisleben. Eisleben, 1846. P. 310.*

² При чтении древних писателей, прозаиков и поэтов, равно как и при чтении Нового Завета, учитель останавливался на каждом месте, содержащем в себе какую-нибудь сентенцию, указывал на риторические фигуры и тропы и диктовал ученикам подражания и пояснения (*Amplificationen*) или заставлял их самих развивать и придумывать подражания. Оттого чтение писателей подвигалось чрезвычайно медленно (*Ellendt. Geschichte des Königlichen Gymnasiums zu Eisleben. P. 139.*)

большой пользы, которую она приносит в красноречии, математике (*mathesi*) и медицине. Механизм и формализм в преподавании, казалось, могли бы быть вознаграждены уроками диалектики и частыми диспутами, которыми старались развить ум учеников и подготовить их к университетским диспутам. Ректор или учителя, а иногда пастор диспутировали, а ученики должны были оппонировать. Но уже из этого участия пасторов видно, что диспуты часто имели богословский характер. Так, диспутировали на тему: следует ли обоготворять плоть Христову вместе с Его божественностью (*cum ipsa deitate*)? Иногда темы были философские, но очень отвлеченные, например: погибнет мир по своей субстанции или по своей форме (*An mundus interiturus secundum substantiam, an secundum qualitatem*)?

Вследствие усиленного преподавания логики и вследствие частых диспутов ученики рано изошрялись в диалектических тонкостях, а некоторые еще на школьной скамье выступали на литературное поприще или вступали в полемику со своими учителями. Клоц, бывший впоследствии суперинтендентом*, в 14 лет написал логику на аристотелевских началах в оппозицию своему ректору, который придерживался метода Рамуса. Юнгий еще в гимназии объяснял своим товарищам диалектику Рамуса и издал свою *logica Hamburgensis*; тот же Юнгий поставил однажды в тупик своего ректора, задав ему следующий сорит: «Если нет времени, то нет и ночи; если нет ночи, тогда бывает день; если есть день, тогда есть и время, следовательно, если нет времени, тогда есть время». Только на другой день ректор был в состоянии выпутаться из затруднения. Механической методе преподавания и отсутствию в ней педагогических приемов соответствовала школьная дисциплина. Наказания в старших классах иногда состояли в денежных штрафах, но большей частью розги были главным воспитательным орудием. Несмотря на то что религия имела такое значение для того времени — то была эпоха религиозных войн, — она оказывала очень мало влияния на педагогию. Это происходило оттого, что и религиозная жизнь носила на себе печать механизма и педантизма, сковывавших общественную жизнь. Уроки из закона Божия были немногочисленны, два или три раза в неделю, но они состояли в механическом освоении немецкого, а потом латинского катехизиса; в старших же классах проходили учебник богословия, вмещавший все спорные вопросы тогдашней догматики. Религи-

* Суперинтендент (*лат.*) — сан старшего лютеранского пастора. — *Прим. ред.*

озное воспитание восполнялось частыми упражнениями в церковном пении, которые занимали от 4 до 6 часов в неделю, в каждом классе, и слушанием проповедей в церкви. Целое воскресенье было занято этим. Утром чтение Библии с пением и молитвой в школе, потом ранняя обедня, продолжавшаяся 2 1/2 часа; после обеда учеников снова водили слушать проповедь, которая опять продолжалась 2 часа. Дóма старшие ученики должны были записать слышанную проповедь, а после этого им объясняли греческий текст Нового Завета. Вечером опять пение и молитва. Проповеди говорились в церквях не только по воскресеньям, но и среди недели. Излишество и принуждение, конечно, действовали вредно, тем более что проповедники вовсе не принимали в расчет потребностей и степени понимания детей, а наполняли проповеди догматическими тонкостями и полемическими выходками против кальвинистов и католиков.

При этих условиях главной опорой педагогов, конечно, должны были быть розги. Один хороший педагог XVII в. говорил о них, что «это скипетр отцовской власти, не перуны строгости, не преторианские *фасцы*, но символ материнского сердца, который ученики должны целовать и почитать как божество школы (*als das numen scholasticum verehren*)». Одному ректору гимназии был сделан выговор в полном собрании консистории за то, что он «не сек розгами в классе учеников старшего класса». Правда, исполнение этой обязанности было не всегда безопасно для учителей, и не в одном только Магдебурге случалось, что родители наказанных учеников нападали на учителей, как разбойники (*mörderlich*), вырывали им волосы и бороду и наносили им тяжкие побои.

Этой дисциплине соответствовали, впрочем, грубые нравы учеников. Везде случается, что ученики средних заведений подражают старшим, и особенно студентам. Так было и в XVII в., когда немецкое студенчество достигло крайних пределов грубости и дикости нравов. Сюда присоединялось пагубное влияние Тридцатилетней войны и всеобщее огрубение. Ученики носили запрещенное оружие, дрались между собой и с жителями, пьянствовали, играли в карты, брали приступом дома ненавистных им людей, врывались на свадьбы и крестины и пр. От времени Тридцатилетней войны сохранилось любопытное известие, что в Силезии между молодежью составилось общество, члены которого давали обещание не молиться, «воздерживаться от всякой чистоты и производить всякие скандалы».

Конечно, при политической раздробленности Германии и при отсутствии всякой централизации положение учебных заведений

представляло большое разнообразие, и трудно подвести его под общее правило. Но то, что мы сообщили о предметах гимназического курса, о методе преподавания и о педагогических приемах, относится ко всем учебным заведениям и достаточно характеризует состояние их в то время, когда Лейбниц начал свое воспитание.

Такая школа не могла удовлетворить ребенка, одаренного необыкновенными способностями и рано почувствовавшего сильную жажду знания. Восемилетний Лейбниц начал заниматься помимо школы. Он прочитывал все немецкие книги, которые попадали ему в руки, и с особенным удовольствием читал всякого рода истории. В том доме, где он жил, один студент заложил две латинские книги: то был Ливий и хронологический *Тезаурус* Сета Кальвизия. Маленький Лейбниц нашел их и не мог от них оторваться, хотя ничего еще не знал по-латыни. Историю Кальвизия он скоро стал понимать, потому что у него была немецкая книга о всеобщей истории, которая содержала почти то же самое, и он стал сличать обе книги. Ливий давался ему не так легко, но это было старое издание с картинками: ребенок рассматривал картинки, прочитывал то, что было подписано под ними, пропускал непонятное и перелистывал таким образом несколько раз всю книгу. Вскоре Лейбниц нашел, что многое стал лучше понимать, и тогда с удвоенным рвением принялся изучать книгу без помощи словаря. Однажды он проговорился в школе о том, что прочел у Ливия; учитель спросил его, откуда он это знает, и Лейбниц рассказал все, как было. Учитель отправился к родственникам Лейбница и просил их не позволять ребенку прерывать занятия неуместным и преждевременным чтением: «Ливий идет ему так же, как котурн пигмею. У него следует отнять эту книгу и посадить его за детские рассказы Комения¹ и сокращенный катехизис». К счастью для ребенка, об этом узнал один соседний дворянин, человек ученый, как говорит Лейбниц в своей заметке, и образовавший себя путешествиями. Он призвал ребенка, начал задавать ему разные вопросы и, удостоверившись в его способностях, убедил его родственников дать ему доступ к библиотеке его отца. Ребенок был в восторге; он горел желанием увидеть сочинения древних, которые до сих пор были

¹ Comenius (Komensky), уроженец Моравии (1592—1671), принадлежал к секте Моравской братии. Он сделался реформатором педагогики и приобрел особенную известность своим наглядным методом для обучения детей языкам. Им издана первая книжка с картинками для детей. Педагогические сочинения Комения были переведены почти на все языки, даже на сербский и персидский, а его самого приглашали в Англию, Швецию, Венгрию и другие страны для организации учебных заведений.

известны ему только по их именам: Цицерон и Квинтилиан, Сенека и Плиний, Геродот и Ксенофонт, Платон, писатели императорской истории, церковные отцы латинские и греческие — все они были теперь в его распоряжении; Лейбниц переходил от одного к другому и любовался разнообразием содержания. Целые дни проводил он в библиотеке, брался то за одну, то за другую книгу, пропускал трудное и углублялся в то, что ему казалось понятнее; таким образом полусуто и полусерьезно он упражнял себя и двенадцати лет знал латинский язык совершенно хорошо и кое-как греческий. Латинские стихи Лейбниц писал с особенной легкостью; однажды, чтобы выручить товарища, который должен был на акте произнести латинскую речь в стихах, он заперся в своей комнате и в полдня написал 300 латинских гекзаметров совершенно правильных. Ему было тогда тринадцать лет.

Впоследствии Лейбниц с удовольствием вспоминал о том времени, которое он посвящал знакомству с древними писателями. Он сравнивал себя с людьми, которые постоянно работают на солнце и от этого загорают. Подобно тому, говорит он, и классические писатели наложили на него свою печать; они имели влияние не только на способ его самовыражения, но и на склад его мысли. Когда Лейбниц перешел от них к модным современным писателям, сочинения которых были выставлены в книжных лавках, последние опротивели ему, как он выражается, своей высокопарной болтовней (*schwülstiger Schaum*), бедностью мысли, которая не производила ничего нового, а только «сшивала старые тряпки». «Без изящества, без силы, без пользы для жизни, эти сочинения, казалось, были писаны для особенного мира, который одни называли республикой ученых, другие — Парнасом, тогда как зрелые, великие и меткие мысли древних, вполне охватывающие предметы и выставляющие как на ладони смысл жизни, и ясный соответствующий делу способ их выражения возбуждают в душе совершенно другие движения». Из этой школы Лейбниц вынес аксиому, которая потом сделалась девизом всей его жизни, — «в словах искать ясности, а в делах пользы». Первое он называл основанием суждения, а второе — путем к открытию истины (*Erfindung*); он полагал, что большая часть заблуждений происходит оттого, что люди не вполне ясно понимают слова, употребляемые ими, и недостаточно анализируют их, или оттого, что они не умеют пользоваться известными истинами, не испытывают их вопросами, не сталкивают их между собой, чтобы таким образом дойти до открытия новых истин.

Так Лейбниц дошел до того класса, где начиналось преподавание логики. Знакомство с ней произвело переворот в его занятиях.

До сих пор он совершенно углублялся в чтение историков и поэтов, теперь с таким же увлечением стал изучать классификации понятий и идей и всматриваться в ход человеческой мысли. И в этом случае Лейбниц не удовольствовался тем, что мог узнать в школе, но самостоятельной работой своего юного ума удивил товарищей и учителей. Ему казалось, что в логике заключается ключ всех человеческих познаний, — с детским воображением он придумывал разные проекты о расширении познаний, которые потом сам называл химерами. Но многое из того, что занимало Лейбница на школьной скамье, не оставляло его потом целую жизнь. Его натура, склонная к априористическому мышлению, нашла себе полное удовлетворение в занятиях, которые другим кажутся сухими и бесплодными. В точном определении понятий и их логической классификации Лейбниц находил подспорье памяти. Он придумывал различные логические таблицы, чтобы с их помощью напасть на след какого-нибудь забытого факта или понятия. Лейбниц мечтал о том, чтобы с помощью этих таблиц приобрести искусство *выспрашивать людей и природу*, установить известные правила, которыми могли бы руководствоваться судьи при следствии, исповедники, путешественники, сталкивающиеся с новыми и замечательными людьми, от которых можно узнать много нового. Это искусство должно было служить не только к тому, чтобы выпытывать у людей новое и интересное, но и к тому, чтобы уметь наблюдать, выспрашивать природу, подвергать ее пытке¹, как выражался Лейбниц, и выманивать ее тайны. Такое умение наблюдать и выспрашивать природу совпадало для него, по его собственному пониманию, с искусством делать опыты (*ars experimentandi*), которое Бэкон развил с таким успехом.

В числе этих юношеских затей была одна, которой Лейбниц особенно дорожил в продолжение всей своей жизни и от которой ожидал удивительных результатов. Он считал возможным изобрести *азбуку* человеческих мыслей, т. е. подразделить все понятия и истины на группы, каждую из этих групп обозначить особым знаком, чтобы потом посредством сочетания и анализа этих знаков открывать новые истины и понятия. Впоследствии, когда Лейбниц познакомился с математикой, убеждение в возможности этого средства еще более усилилось в нем, и он намеревался изобрести *алгебру* человеческих понятий. Подобно тому как с помощью алгебраических формул математик доходит до новых выводов

¹ Die Natur gleichsam auf die Folterbank spannen (Как бы вздернуть природу на дыбу (нем.). — Прим. пер.).

в своей науке и находит новые доказательства для прежних выводов, алгебра мыслей должна служить философу и мыслителю средством изобретать новые истины и доказывать несомненность прежде известных. В школьном образовании Лейбница очень ощутительно отсутствие математики. Эта наука, сродная с логикой, дала бы богатую пищу его любознательному и самостоятельному уму. Теперь же логика заменяла Лейбницу математику, и он бессознательно¹ искал в логике удовлетворения своей страсти к тому способу доказательств, на котором построена математика (*mathematicae demonstrationes*), — страсти, которая впоследствии принесла такие богатые результаты. Занятия логикой внушили Лейбницу интерес к книгам, которые своей сухостью и отвлеченностью не соответствовали его возрасту. Он отыскивал в библиотеке своего отца сочинения схоластиков и догматиков католической и протестантской церкви. «Я жил, — говорит Лейбниц, — в Забарелле, Рубие, Фонзеке и других схоластиках с не меньшим удовольствием, чем прежде в историках, и достиг того, что читал Суареса с такой легкостью, как читают романы. Мои опекуны, которым я всего более обязан тем, что они совершенно не вмешивались в мои занятия, и которые прежде боялись, что я сделаюсь поэтом по ремеслу, теперь начали бояться, что я застряну в утонченностях схоластики; но они не понимали, что моя натура не могла удовлетвориться одним родом занятий».

Четырнадцать лет Лейбниц пристрастился к спорам богословов различных исповеданий и партий. Его занимал преимущественно вопрос о свободной воле, и он не только начал читать сочинение Лютера об этом предмете и сочинения других лютеранских богословов, но интересовался тем, что было написано против них реформатскими богословами, арминианами, иезуитами, томистами и янсенистами. В это же время Лейбниц восторгался сочинением Лаврентия Валлы против Боэция наравне с вышеупомянутым сочинением Лютера, написанным против Эразма, хотя и находил, что их выводы следует смягчить. Он уже тогда задумывался над вопросом, каким образом примирить учение о свободной воле с аксиомой, что мир управляется Провидением. Этот вопрос занимал потом Лейбница целую жизнь, и он разрешил его в своей «Теодицее»; а убеждение ранней юности, что надо смягчить резкие выводы Лютеровой догматики и придерживаться более умеренного учения аугсбургского исповедания, созрело в нем и привело к тому, что одной из задач его жизни сделалось примирение

¹ Письмо к Вагнеру о защите логики.

и слияние христианских церквей. Мы видим, что своими успехами Лейбниц был обязан не воспитателям и учителям, но собственной любознательности и тому счастливому обстоятельству, что ему рано открылся свободный доступ к богатой и разнообразной библиотеке. Поэтому не без основания Лейбниц называет себя самоучкой. Он гордится этим и говорит, что, хотя самоучение многим вредно, ему оно принесло большую пользу. Оно приучило его не наполнять ум пустыми познаниями, которые потом скоро забываются и которые держатся более влиянием учительского авторитета, чем разумными основаниями. Самоучение приучило его также искать в каждой науке *нового*, прежде чем он успевал усвоить себе старое и всем известное; вследствие этого он в каждой новой науке старался добраться до ее начал и оснований и потом уже самостоятельно и независимо выводил все остальное.

Но мы не думаем, чтобы это самоучение и отсутствие разумного руководителя не имели также и вредного влияния на Лейбница. Его многосторонняя и восприимчивая натура легко переходила от одного предмета к другому и беспрестанно разбрасывалась. Полная свобода, которой Лейбниц пользовался с шестилетнего возраста, и возможность постоянно находить новую пищу для своей любознательности должны были усилить эти свойства и развить ту лихорадочную деятельность, которой отличается вся его жизнь. Ребенком Лейбниц хватался то за одну, то за другую книгу; не овладев одним, он принимался изучать другое. В зрелом возрасте Лейбниц также быстро переходил от одной науки к другой, точнее, занимался всеми сразу — его ум постоянно был занят самыми разнообразными проектами, проблемами, задачами; он не успевал окончить одной работы и уже бросал ее ради другой, более занимательной. Мимоходом, на клочке бумаги, в письме к какому-нибудь знакомому он набрасывал самые зрелые и глубокие свои идеи. Задача, предложенная одним из друзей, заставляла его решать самые трудные математические теоремы; какой-нибудь разговор в обществе, недоумение, высказанное в его присутствии, заставляло его изложить основание его философской системы. Лейбниц стал членом комиссии для пересмотра законов и тогда принялся перестраивать на новых началах изучение римского права и применение его к действительному законодательству. Ему поручили надзор за работами в рудниках — он написал геологию на новых основаниях и положил начало палеонтологии. Ему поручили заняться генеалогией Ганноверской династии — он написал по источникам историю Германии и положил основание критической разработке исторических и дипломатических памятников. На всех

науках Лейбниц оставил следы своего глубокого ума и своей неутомимой деятельности; но только в математике, где можно достигнуть сразу блестящих результатов гениальным напряжением ума, он создал нечто целое. Его философская система вполне окончена, стройна и последовательна, как никакая другая; но она не выражена в соответствующей форме. Полнее всего философия Лейбница высказана в двух сочинениях, из которых одно состоит из отрывков, написанных в разное время по просьбе Прусской королевы, которая была дружна с Лейбницем, другое — из заметок и комментариев на сочинение Локка.

Лейбниц вышел из школы и поступил в университет в 15 лет. В то время в Германии, как и теперь, не было определенного возраста для поступления в университет. Приемных экзаменов также почти не было — в некоторых университетах они состояли в простой формальности, а там, где они сохранялись, требования были чрезвычайно слабы. Мало-помалу они совершенно вышли из употребления и заменены, особенно с XVIII столетия, выпускными экзаменами гимназии. Свобода при поступлении была неограниченная. Это объясняется тогдашним положением факультетов. Все поступающие в университет слушали лекции на философском факультете и достигали званий бакалавра и магистра философии или искусств, как тогда говорилось (т. е. *artium liberalium*), а потом уже держали экзамен на степени юридические, богословские и медицинские. Слушание лекций на философском факультете заменяло многим скудное и поверхностное школьное образование. Тут они учились математике, физике, истории, географии, философским наукам. Некоторые проводили не менее 5 лет в занятиях этими предметами. Общих правил, конечно, нельзя установить, потому что их не было, и все зависело от обычаев различных университетов и личного произвола. Вследствие этого многие очень рано поступали в университет. Средний возраст был от 17 до 20 лет, но многие поступали в 16, 15 лет и моложе — в 13, 12, а были примеры, что поступали даже в 10 лет. Раннее поступление в университет оправдывается тем, что ученых степеней было гораздо больше, чем теперь, и большинству приходилось очень долго оставаться в университете.

Лейбниц поступил в Лейпцигский университет, где его отец был некогда профессором. Этот университет по времени основания был пятым в Германии, но по своей славе, по многочисленности слушателей и по богатству своих средств он тогда считался первым, особенно между протестантскими университетами Германии. В Лейпцигском университете, наподобие Пражского,

от которого он отделился, и Парижского, который был прототипом всех немецких университетов, все учашие и учащиеся делились на четыре нации, которые составляли каждая свою особенную корпорацию, управлялись прокураторами, выбранными из среды нации, и имели особенную кассу. В Лейпциге это устройство сохранилось с видоизменениями до 1830 г., тогда как в прочих университетах оно рано начало распадаться и уже не существовало в XVII в. В это время корпоративное устройство имело важное значение; каждая корпорация владела богатыми средствами, имела в своем распоряжении бурсы или стипендии, даровые обеды (Freitische), получала завещания и пожертвования. Корпорации Лейпцигского университета были так богаты, что многие магистры «польской нации» получали стипендии в 100 талеров. Это была очень значительная сумма для того времени, когда молодые дворяне, посылаемые за границу для своего образования в сопровождении дядьки и слуги, иногда получали в год не более 100 талеров.

Такое богатство корпоративных средств, конечно, заставляло многих избирать Лейпцигский университет. Других манили туда слава самого города, удовольствия, которые представляла тамошняя жизнь, наконец возможность найти в богатом городе средства к жизни, место домашнего учителя (Informator) или корректора в многочисленных типографиях. Благодаря своей ярмарке Лейпциг уже с конца XV в. сделался богатым торговым городом, а в XVII в. он стал центром книжной торговли. С расширением торговли развивалась зажиточность горожан, и уже во время Реформации Лейпциг славился чистотой улиц и великолепием зданий, тогда как Виттенберг, центр реформационного движения, еще в конце XVI в. называется «маленьким, дрянным городишком» (ein unansehnlich Dreckstädtlein). Конечно, эти похвалы нужно понимать относительно, и не следует прилагать к городам XVII в. современную мерку. В начале Тридцатилетней войны в Лейпциге было 17 300 жителей; после жестоких битв 1630-х годов, происходивших под самым городом, число жителей падает до 12 300; в 1679 г. оно опять возрастает до 20 000. Но если мы вспомним, что в 1661 г. в Берлине, столице Великого курфюрста, игравшего такую важную политическую роль и заключившего отдельный мир с Людовиком XIV, было 6500, а в 1680 г. 9800 жителей, что только в 1679 г. введено там мощение и освещение улиц, тогда мы поймем восторг, с которым современники говорили о Лейпциге. Один вспоминает слова императора Юлиана о Дамаске, называвшего этот город светилом и оком всего Востока, и говорит, что Лейпциг имеет то же значение для целой Германии. Дру-

гой восклицает, что вне Лейпцига жить — значит, прескверно жить (*extra Lipsiam vivere, miserrime vivere est*). Многие смотрели с завистью на Лейпциг и обвиняли жителей его и особенно университет в чванстве. Лютер пишет одному знакомому: *Lipsia lipsiscit, ut mos est**; другой современник говорит, что Лейпциг надувается надменностью и чванством (*turgescit fastu et sublime sapit*). Значение Лейпцига покоилось на двух основах: ярмарке и университете. Какую роль играл университет, доказывают цифры. В городе, где число жителей не доходило до 20 000, было до 3000 студентов; а в то время когда Лейбниц был в университете, число студентов перешло и эту цифру.

О том, как Лейбниц провел свои студенческие годы, мы знаем мало, и мы должны восполнить этот пробел общей характеристикой студенческого быта и университетской жизни того времени. Сначала мы опишем нравы студентов, потом перейдем к их занятиям, к ученым университетским степеням и наконец к быту и занятиям профессоров.

Те неудобства, которые везде представляются историку быта и нравов, особенно ошутительны в настоящем случае. Обыкновенный ход жизни нелегко дается наблюдению; явления, не выходящие из ряда вон, не обращают на себя внимания и не записываются, и только явления ненормальные, поразительные, бросаются в глаза и передаются памяти потомства. Вследствие этого описания быта и нравов часто вдаются в преувеличение, имеют характер карикатуры или сатиры на общество. Особенно осторожным нужно быть там, где речь идет о быте, в котором крайности, увлечения и эксцессы всякого рода случаются чаще и легче, чем где бы то ни было, и где хорошие стороны — трудолюбие, стойкость, благородный энтузиазм, стремление к духовным интересам среди самых тяжких материальных лишений — скрываются от наблюдения и никого не поражают, потому что встречаются на каждом шагу.

Но краски, которыми описывается студенческая жизнь XVII в. в Германии, так ярки, что историк не находится в затруднении. Университетская жизнь того времени только более рельефно выражает собой характер века, когда разгул и веселье облекались в грубые, угловатые формы сообразно с привычками и вкусом неразвитого общества, когда духовная жизнь оковывалась мелочностью условий, узостью интересов и общей склонностью к регламентации и формальностям, т. е. к педантизму.

* Лейпциг и есть Лейпциг, он верен себе (*лат.*). — *Прим. пер.*

Студенты всегда склонны отделять себя от общества, смотреть на себя как на корпорацию. Но в ту эпоху, когда корпоративное начало было особенно развито, когда все общество распалось на цехи и корпорации, такая склонность студентов должна была проявляться особенно сильно. Вступление в корпорацию есть честь, и потому оно везде празднуется с особенным торжеством, а иногда сопряжено с известными, более или менее неприятными, формальностями. Как в Средние века монахи, рыцари, купеческие сыновья, ремесленники, оканчивавшие учение и вступавшие в цех, подвергались особенному искусству и испытанию, так и вступление в корпорацию студентов сопровождалось известными церемониями. Эти искусства и церемонии были очень разнообразны, смотря по степени развития и образу жизни корпорации. Иногда вступление получало характер таинства и сопровождалось театральными церемониями, как например у рыцарей. Иногда оно становилось действительным искусством — вступающий подвергался различным телесным истязаниям к удовольствию грубых зрителей; церемонии имели комический, несколько пошлый характер и должны были сместить незатейливую публику, например у ремесленников. Эти истязания принимают решительно жестокий характер при поступлении в купеческую, ганзейскую гильдию в Бергене и напоминают страшные мучения, придуманные суровыми воинами римских легионов для тех, кто посвящался в мистерии Митры, и нередко кончавшиеся смертью. В церемониях, сопровождавших поступление в студенческую корпорацию, как можно было ожидать, серьезный элемент — символические указания на высокое призвание служить науке — смешивается с комическим и веселым, а иногда с пошлыми и школьническими выходками. Эти церемонии назывались *depositio*, т. е. молодой человек должен был *сложить* с себя прежние дурные привычки, прежнюю неразвитость и глупость и вступить в новую жизнь.

Все это выражалось символически. Молодых людей, подвергавшихся депозиции, называли *beani*, вероятно от французского *bes-jaune* — молокосос, а впоследствии фуксами — название, которое еще в XIX в. сохранилось для молодых студентов в Дерптском университете. Церемонию совершали в некоторых университетах старшие студенты, в других назначалось особенное официальное лицо — *depositor*. Беанов наряжали в смешной, уродливый костюм, составленный из разноцветных тряпок, сверху надевали черную шинель, потом шляпу с нависшими на лицо полями; к этим шляпам прикрепляли рога и ослиные уши; иногда вставляли в рот два свиных клыка. Потом депозитор сгонял беанов палкой,

«как *скотину*», *resus campī*, в залу, где их ожидали зрители. Тут он над ними насмехался, делал им гримасы и потом переходил от шуток к серьезному, указывал на пороки молодых людей и на необходимость исправить и устранить их с помощью учения. В уставе Грейфсвальдского университета было сказано, что бeаны, свободные от принуждения школы, склонны к лени и считают себя весьма учеными; поэтому во время депозиции им следует строго внушить, как ничтожно их знание и как много еще им остается учиться.

Депозитор предлагал бeанам различные вопросы, иногда очень курьезные, например: «Сколько блох входит в меру (*Scheffel*)?» — «Этого мне не говорил мой учитель». «Болван! — возражал депозитор и давал при этом бeану пощечину. — Они не входят, а прыгают туда».

Те бeаны, которые держали во рту свиные клыки, не были в состоянии ясно отвечать и мычали. Депозитор называл их свиньями и наказывал легким ударом по плечу. Эти зубы, говорил он, обозначают неумеренность, вследствие которой молодые люди помрачают свой рассудок обжорством и пьянством; их нужно поэтому вырвать. При этом он вынимал из мешка длинные деревянные щипцы, сжимал ими шею и тряс бeанов до тех пор, пока у них не выпадали клыки изо рта. Потом депозитор отдирали у них ослиные уши, говоря при этом, что если они не станут учиться, то останутся ослами. Он срывал с них рога, а потом вынимал из мешка рубанок. Каждый бeан должен был лечь на землю и перевертываться; а депозитор строгал его рубанком и приговаривал, что таким образом науки выровняют его ум. Были еще и другие церемонии: бeана строгали, чистили ему ухо большой дубиной, чтобы оно было открыто для учения и не слушало нелепостей; пилили ему ногти, чесали его, чтобы приучить его соблюдать телесную и душевную чистоту; просверливали его платье буравчиком — это означало, что трудом и прилежанием нужно, так сказать, просверливаться в тайны природы. Наконец депозитор наливал в чан воды, обливал ею бeанов и обтирал их жесткой тряпкой. Иногда эти истязания принимали безобразный характер. Так, в 1543 г. Пражский университет нашел нужным постановить, чтобы «обходились мягче и приличнее с теми, кто слагает с себя мужицкие манеры и грубость (*agrestes mores ac ruditatem*), чтобы не заставляли их глотать вонючее, червивое мясо, чтобы не марили их лицо и другие части тела дёгтем, дрожжами и другими нечистыми и вонючими веществами, которые возбуждают рвоту и могут оскорбить порядочных людей и благородных юношей».

После этого беанов приводили к декану философского факультета, который подвергал их экзамену и давал им наставления, каким образом вести себя в университете и в жизни. Потом декан посвящал их в студенты, клал им в рот соли и наливал на голову вина. Соль была символом мудрости, а вино — символом очищения от невежества и грубости.

Эти церемонии, как мы видели, совершались официально, и уставы требовали строгого соблюдения этого обычая. Никто не мог быть принят в число студентов, если он в каком-нибудь университете не подвергся депозиции. Этот обычай считался весьма древним. Уже в IV в. он был в употреблении в знаменитой Афинской школе, а в VI в. Юстиниан уже воспрещает истязания новичков в юридических школах Константинополя и Берита. Многие приписывали церемониям депозиции высокое нравственное влияние. Эти церемонии будто бы напоминали молодым людям при вступлении в жизнь, что их ожидают разные неприятности и трудности, которые нужно терпеливо сносить. В этом смысле выражались Меланхтон и Лютер. Другие отстаивали депозицию, потому что это была доходная статья. Во время ревизии Йенского университета Веймарская консистория решила, что нужно сохранить депозицию ради вознаграждения профессоров философского факультета, которые получают скудное содержание. В XVII в. протесты против депозиции слышатся чаще — ее называют варварским обычаем, который непонятен для детей, а взрослых людей оскорбляет и внушает им презрение к университетской жизни. Неудовольствие против депозиции особенно возросло потому, что из нее в XVII в. развился другой обычай, который имел чрезвычайно вредное влияние на студенческие нравы — пресловутый пеннализм.

Это слово производят от *pennale*, коробка для перьев, и полагают, что такое название дано было в насмешку молодым студентам, ревностно посещавшим и записывающим лекции. Пеннализм был порабощением младших студентов старшими. Депозиция, хотя она заключалась в непродолжительном обряде, не могла остаться без влияния на дальнейшие отношения между вновь поступившими студентами и теми, которые были свидетелями их унижения, а иногда принимали при этом деятельное участие. Старые студенты назывались *шористами*, оттого что они *постригали* (*scheeren*) вновь поступающих. В шведских университетах беаны должны были полгода носить свои черные шинели — признак того, что они считались все еще не настоящими студентами. Развитию пеннализма содействовало также существование национальных корпо-

раций. Средневековое разделение на нации утратило во многих университетах свое официальное значение; нации мало-помалу заменились частными союзами, в которые поступали уроженцы одного и того же города или области, земляки (Landsmannschaft). При тогдашнем политическом раздроблении Германии, при господстве партикуляризма, при недостаточности средств сообщения с родным городом было естественно сближение студентов-земляков, которые пиروвали вместе и выручали друг друга своими скудными средствами. Каждого вновь прибывшего вербовали в ту или другую корпорацию, и, конечно, в первое время новичок находился в большой зависимости от старших товарищей. Но в начале XVII в. эти отношения между новичками и старыми студентами одновременно во всех университетах Германии, преимущественно же в лютеранских, принимают особый суровый характер, получают определенную организацию. Новичок, или пеннал, вступает в служебное отношение к одному из старших товарищей по назначению корпорации, и остается целый год в этой зависимости. Вскоре он становится жертвой и добычей своего шориста. При поступлении в корпорацию новичок должен угостить товарищей; если у него не хватает денег, у него отнимают книги, платье, даже мебель и закладывают их, чтобы оплатить пирушку. Новичок должен состоять на посылках у своего шориста, ходить за него в университет, записывать для него лекции, переписывать тетради, исполнять его поручения иногда за 10 и за 20 миль. Если у шориста гости, он должен служить им, подавать пить, провожать домой пьяных. Если шорист хочет гулять, новичок должен сопровождать его; если тому скучно, он должен веселить его, например музыкой, если он ее знает; если тот болен, он не должен ни днем, ни ночью отходить от его постели. Если тот отправляется на дуэль, новичок должен держать его рапиру. Он должен отдавать ему последние деньги, даже свое платье, а сам ходить в особенном, ободранном и смешном костюме, чтобы все знали, кто он такой. В аудиториях, в церкви пенналы должны сидеть на особых местах. Несмотря на ревностную службу, новичок постоянно подвергается насмешкам и оскорблениям, которые он должен безропотно переносить. Особенно во время пирушек опьяневших шористов нет конца глумлению над пенналами; они должны пить намыленную воду, для них составляется особенное кушанье или питье из объедков и остатков с примесью горчицы, чернил, шелухи, обгоревших фитилей и др. Если же шорист злого нрава или в пьянстве склонен к бесчинствам, тогда страдания новичков доходят до невероятной степени. Разные сочинения и протоколы того времени изобилуют опи-

саниями¹ отвратительных студенческих кутежей, на которых цинизм старших и угнетения новичков превосходят всякую меру.

Новички большей частью охотно подвергались пеннализму, в надежде по прошествии года, в свою очередь, разыгрывать роль господ. В тех же случаях, когда они тяготились своим положением или слишком страдали от произвола шористов, им не было никакого выхода. Если бы они вздумали пожаловаться университетскому начальству, они навлекли бы на себя месть корпорации и лишились права вступать в звание шористов, что для них было «в 10 раз хуже самого ужасного и обидного оскорбления».

Влияние пеннализма отзывалось чрезвычайно вредно на нравственности студентов: в старших он развивал до крайности бесстыдство, грубость и склонность пользоваться чужим, у новичков же отнимал возможность заниматься, воздерживаться от безобразных кутежей и разгульной жизни остальных. Поэтому университеты и правительства постоянно прибегали к разным мерам для искоренения пеннализма. Но все меры были тщетны, так как студент, изгнанный за пеннализм, удалялся в другой университет, где такого молодца принимали с большим почетом. В 1654 г. немецкие князья внесли даже в имперский сейм петицию запретить повсеместно пеннализм. В своем постановлении против пеннализма сейм заявляет, что между пороками немецкого народа, которыми он навлек на себя бедствия Тридцатилетней войны, занимает не последнее место вреднейший обычай пеннализма. Но и это постановление несколько не помогло. Наконец в 1661 и 1662 гг., в то самое время, когда Лейбниц был студентом, саксонские университеты — Виттенберг, Йена и Лейпциг — заключили между собой картель, по которой обязывались не принимать студентов, исключенных из другого университета за пеннализм. К ним вскоре присоединились и другие университеты. Эта мера подействовала, и в 1660-х годах прекращаются повсеместные жалобы на пеннализм. Вероятно, он исчез не вдруг, ибо находил поддержку в депозиции, которая вышла из обычая только в XVIII в., и в корпорациях, значение которых только в XIX в. было ослаблено буршеншафтами и студенческими союзами с религиозными и политическими целями.

Пеннализм мог развиваться в XVII в., когда студенты пользовались большой свободой и надзор за ними был не строг. Иначе было в Средние века. Университет считался по преимуществу духовным училищем; он часто существовал только на средства, отделяе-

¹ Tholuck. Das Akademische Leben im XVII Jahrh. I. P. 286 sq.

мые от церковных имуществ, из дохода от аббатств, каноникатов и т. п. Студенты были клерики, т. е. причислялись к духовенству; многие из них уже были посвящены в низшие духовные степени. Частная благотворительность поддерживала университеты как религиозное учреждение. Оттого университеты были подвержены церковной дисциплине. Большая часть студентов жила в коллегиях или бурсах, учрежденных при университетах церковью, правительством или частными людьми, и получала от них содержание. В других коллегиях помещались магистры, которые держали при себе нескольких молодых людей пансионерами и руководили их занятиями. Такое устройство еще до сих пор сохранилось в двух старших английских университетах — Оксфорде и Кембридже. Те студенты, которые не желали жить в бурсах, преимущественно дворяне, испрашивали особое разрешение у ректора. Молодым студентам это дозволялось под условием иметь при себе руководителя — прецептора. Те, кто имел в городе родственников или был особенно рекомендован знатным горожанам, также освобождались от бурсы. Но в эпоху Гуманизма и Реформации бурсы начинают пустеть. Университеты утрачивают характер духовных академий, богословие становится факультетом, занятия специализируются и прочие факультеты приобретают большую самостоятельность. В протестантских университетах бурсы сохраняются, но преимущественно назначаются для студентов богословия. Реформация подчиняет церковь государству, и согласно с этим изменяется характер университетов. Бурсы превращаются в *казенные стипендии*, и стипендиаты обязываются служить правительству. Правда, число стипендий, не зависящих от правительств, остается еще очень велико.

Магистры старого времени, которые прежде иногда всю жизнь оставались при университетах в качестве магистров и жили в бурсах, все более и более исчезают. Они женятся, стараются найти место пастора, учителя и др. Приверженцы старого порядка с прискорбием вспоминают о счастливом времени бурсы. Возворяется новый обычай — жить в пансионе у профессоров. Прежние профессора большей частью принадлежали к духовному званию или они получали доходы от таких мест, которые не допускали женитьбы, например каноникаты. После реформации все профессора живут семейной жизнью. Они освобождены от акцизов, и поэтому им очень выгодно иметь пансионеров или по крайней мере давать обед. В XVII в. этот обычай студентов обедать у профессоров все более и более распространяется, приват-магистры исчезают, и только дети знатных родителей живут со своими *гофмейстерами*. Этот обычай

имел, конечно, хорошие стороны. Правда, слышатся жалобы, что некоторые профессора набавляют плату за стол, дают студентам дорогое пиво и приучают их пить, требуют от них подарков в дни рождения, именин и ярмарки, стараются влиять на посещение своих лекций и лекций других профессоров, выручают своих *Tischbursche**, или *комменсалов*, в разных историях. Все это воспрещается профессорам ревизионными комиссиями под денежным штрафом. Однако такое частое общение с профессорами в интимной беседе должно было иметь хорошее влияние на развитие студентов и на их образ мыслей. Тут часто завязывалось более тесное сближение и возникала искренняя дружба между учителем и учеником, которая действует так плодотворно для обеих сторон.

При тогдашнем распределении учебного курса и вследствие многочисленности ученых степеней студентам приходилось долго оставаться в университете. Мы видели, что они поступали туда с весьма слабой подготовкой. В Средние века в круг полного образования входили семь наук, так называемые *septem artes liberales***, унаследованные от классического мира: грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Они распадалась на две группы, или на два курса: первая группа состояла из трех словесных наук и называлась *trivium*; второй курс заключал в себе четыре математические науки и назывался *quadrivium*. Школа имела целью познакомить учеников с тривиумом; оттого школы, соответствующие нашим гимназиям, назывались тривиальными школами. Квадривиум предоставлялся университету, и если в некоторых школах проходили математические науки, то в весьма небольшом объеме. Реформация не изменила учебного плана, но внесла в него несколько более реального элемента. Меланхтон заменяет «плеяду наук священным числом муз» и прибавляет историю и поэзию. Он читал историю по хронике Кариона, и с этого времени в протестантских университетах вошло в обычай читать исторические курсы.

От средневековых студентов, прежде чем они приступали к изучению специальных наук, требовалось образование. Это общее образование они получали на философском факультете, на котором, кроме названных наук, читались этика, физика, география, философия. В Париже студенты 5 лет оставались на философском факультете и в это время приобретали степени бакалавра, а потом магистра философии; затем они 5 лет изучали какой-нибудь спе-

* Сотрапезники, товарищи по столу (нем.). — Прим. пер.

** Семь свободных искусств (нем.). — Прим. пер.

циальный предмет и приобретали там также степени бакалавра, магистра и доктора. В немецких университетах эти сроки соблюдались менее точно, но и там даже в XVII в. время пребывания в университете колеблется от 5 до 10 лет. Многие, конечно, оставались так долго не ради знаний, а потому что им нравилась студенческая жизнь; другие по бедности должны были на время оставлять университет, учительствовали и потом снова поступали туда; некоторые даже оставались для того, «чтобы поддерживать свое подлое существование ограблением пенналов». Это продолжительное пребывание в университете способствовало тому, что придавало университетскому образованию энциклопедический характер. Не говоря уже о науках философского факультета, с которыми все более или менее знакомились, многие слушали лекции на нескольких факультетах или, пробыв несколько лет на одном, переходили на другой. Знаменитый богослов XVII в. Каликст сначала был на медицинском факультете; Даубера отец его предназначал для юридического факультета, но заставил его прежде прослушать богословские курсы. Были примеры, что некоторые успевали познакомиться с курсами всех факультетов.

Главные занятия студентов состояли в слушании лекций и в диспутах. Название *лекции* происходит от того, что профессор читал параграфы из сочинения, положенного им в основание своего курса, а затем объяснял прочитанное устной речью. Этот обычай сохранился до XIX столетия в английских университетах. Такой способ преподавания обуславливался дороговизной и недостатком книг до изобретения книгопечатания. Но мало-помалу установился обычай диктовать всю лекцию, хотя многие уставы ратуют против него. В XVI в. обычай этот уже так укоренился, что в Падуанском университете студенты посылали на лекции писцов — *famuli*. Многие обвиняют иезуитов в том, что они завели этот обычай, и действительно, механический способ преподавания и буквальное усвоение учеником учительских слов были согласны с духом иезуитской педагогики. Но обычай профессоров диктовать их лекции водворился независимо от иезуитского влияния. В XVII в. устное преподавание составляло исключение. Студенты сами этого требовали и не ходили к тем профессорам, которые не диктовали. Впрочем, студенты не всегда были так ленивы. Йенский профессор Краусс объявил в 1644 г. ревизионной комиссии, что у него было 4 слушателя, когда он диктовал; с тех пор как он читает спонтанно (*memoriter*), у него от 20 до 30 слушателей.

В то время студенты слушали мало лекций. Профессоров было немного, и число лекций, читаемых публично, было очень невели-

ко, как еще и в XIX в. в английских и шведских университетах. Публичные лекции отчасти заменялись лекциями, которые профессора читали у себя на дому за особую плату и из которых к XIX столетию образовались курсы *privatim* и *privatissime** в германских университетах, которые читают в аудиториях, но за гононар. Большой же частью они заменялись занятиями с магистрами, т. е. приват-доцентами германских и тьюторами английских университетов. В Средние века одним из золотых правил педагогики считалось частое повторение — *repetitio est mater studiorum*. Повторение стояло, конечно, в связи с обычаем диктовать и учить наизусть. В школах беспрестанно повторяли — в последнюю четверть урока, вечером на другой день; так же и в университете. Это продолжалось и после Реформации, и теперь еще сохранилось в американских colleges. В некоторых университетах были представлены особые репетиторы — *resumptores*. Но к концу XVII в. этот обычай слабеет. «Студенты отказываются: *die Purschen wollen nicht mehr*»**, — докладывает ревизионной комиссии один профессор Йенского университета.

Несмотря, однако, на малое количество лекций, часто слышатся жалобы, что студенты лениво их посещают. На них жалуются, что «они редко входят в аудитории, когда читаются лекции, и только стоят у дверей».

Зато в большом ходу было одно педагогическое средство, которое в наше время совершенно вышло из употребления, — диспуты. Они стояли в связи с *формальным* образованием и с богословским диалектическим направлением умов. Как высоко ценилось это средство, видно из устава Саксонского герцога Августа, написанного в исходе XVI в., где сказано, что один диспут полезнее, чем 20 лекций. Профессора были обязаны два раза в неделю держать публичные диспуты или по крайней мере чередоваться. Вся суббота на философском факультете посвящалась диспутам; магистры председательствовали или вели диспут, бакалавры были диспутантами, декан и магистры оппонировали; по воскресеньям бакалавры председательствовали, студенты были диспутантами. Диспуты проходили, конечно, на латинском языке, иногда на греческом и даже на еврейском.

В Средние века эти словесные турниры нередко кончались пощечинами, дракой и убийствами. После Реформации драки происходили редко, зато диспутанты говорили иногда друг другу изуми-

* Для узкого круга, для особо узкого круга (лат.). — Прим. пер.

** Студенты больше не *хотят* (нем.). — Прим. пер.

тельные любезности. В Виттенберге в 1581 г. один диспутант заметил оппонентам, что они богохульствуют и думают оправдать себя словами Лютера. Студенты подняли шум, но диспутант усмирил их и привел несколько мест из сочинений Лютера в свое оправдание. Оппонент — это был сам канцлер — начал ему возражать и потом обратился к диспутанту, *cum tarda et gravi pronuntiatione*: «Слушай, *tu sus, tu canis**, ты дурак, или кто ты такой, ты — грубый осел», — закрыл книгу и спросил диспутанта, что он имеет возразить. Тот ответил, что ничего, и диспут окончился громким хохотом студентов и публики.

Усиление реального элемента в образовании, гуманизм и Реформация несколько уменьшили страсть к диспутам. Многие уже начали нападать на диспуты за то, что они поддерживают склонность к богословской полемике; другие вооружаются против их театральности и утверждают, что не достойно кроткого и миролюбивого учения Христова делать его предметом таких споров. В исходе XVII в. профессора жалуются, что многие студенты занимаются диспутами, тогда как им было бы полезнее слушать лекции, в XVIII в. ревизионные комиссии доносят, что диспуты становятся все реже, потому что нет охотников возражать.

Существенное различие между степенями средневековых университетов и учеными степенями наших университетов заключается в том, что первые были ступенями учебного курса и соответствовали собственно переходным экзаменам наших студентов. Только последние степени уже имели значение *ученых степеней*. Всякий студент прежде всего должен был выдержать экзамен на бакалавра философии. Этот экзамен состоял в удостоверении, что студент читал известные книги или слушал их объяснения. Затем он держал экзамен на магистра философии. В некоторых университетах объем бакалаврского экзамена заключал в себе *trivium*, а объем магистерского — *quadrivium*. После этого начиналось изучение специальных факультетов. И тут каждому первоначально предстояли две степени — бакалавриат и магистерство — богословского, или юридического, или медицинского факультета. Последней и собственно ученой степенью был докторат, который давал большие права: на юридическом факультете, например, дворянство, на остальных — титул *превосходительства* и др. Эту степень было довольно трудно получить; ее достижение было сопряжено с большими издержками за экзамен, за диплом, за угощение

* Медленно и грозно выговаривая слова: ...ты свинья, ты пес... (лат.). — Прим. пер.

и др. Лица, желавшие держать экзамен на магистра или доктора, должны были исполнить известные формальности и взять разрешение у канцлера или ректора. После этого они назывались кандидатами и лиценциатами (Licentiat), что напоминает наших магистрантов и докторантов. Впоследствии эти названия стали вытеснять названия степеней, а в XIX столетии, например в протестантских университетах, магистр богословия называется лиценциатом, т. е. как бы человеком, приобретшим право (Licenz) держать экзамен на доктора.

Но эта градация пяти степеней еще до Реформации не везде в Германии одинаково соблюдалась. В XVI в. степень бакалавра вышла из употребления на специальных факультетах или соединялась с магистерством. Философский бакалавриат сохранился до половины XVII в., только Лейпцигский университет выдавал дипломы бакалавра философии до 1759 г. В XVII в. магистерская степень начинает выходить из употребления на медицинском и юридическом факультетах и сохраняется только на богословском под именем лиценциатуры. Но в некоторых университетах она почти сливается с докторатом, т. е. лиценциат по прошествии нескольких дней держит экзамен на доктора, и отношение этих степеней сравнивают с отношением свадьбы к обручению. Лейпцигский университет предоставляет докторантам право приобретать по желанию степень лиценциата или нет. Но еще в XVII в. встречаются примеры последовательного приобретения всех прежних степеней. Так, один профессор богословия в Виттенберге в 1627 г. приобрел степень бакалавра философии, в том же году степень магистра, в 1631 — степень бакалавра богословия, в 1635 — лиценциатуру, в 1640 — докторство. Мало-помалу стал исчезать обычай, который требовал, чтобы ищущие степени на специальных факультетах предварительно приобретали степени на философском, а в XVIII в. этот факультет сам специализируется и распадается на отделение словесных и математических наук, связанных общим названием философских.

В настоящее время в немецких университетах сохранилась только одна степень — докторская. Условия для ее получения различны в различных университетах. Но почти везде она приобретается, особенно на философском факультете, тотчас по окончании и даже во время студенческого курса. Ее получение сопровождается некоторыми формальностями, напоминающими средневековый церемониал; но когда теперь ректор одевает молодого докторанта в длинную шинель из полинявшего красного бархата, а на голову надевает ему огромную шапку такого же цвета, которая падает ему

на лицо до самого носа к удовольствию присутствующей публики, то самый виновник торжества начинает конфузиться и кривить рот в неохотную улыбку. Прежде же получение степени, особенно докторской, было настоящим торжеством и празднеством не только для докторанта, но и для целого университета. Вот каким образом описывается подобное торжество, праздновавшееся в Ростоке еще в XVIII в. На черной университетской доске вывесили приглашение ко всем членам университета участвовать в празднике. Несколько кандидатов на степень и несколько студентов попросили у ректора университета скипетр и в сопровождении служителей университета разносили по домам приглашение от имени деканов и кандидатов. Эти студенты назывались паранимфами, т. е. шаферами. В назначенный день в 10 часов весь университет собрался в зале и оттуда процессией отправился в церковь с музыкой и при колокольном звоне. За музыкантами шли мальчики с зажженными свечами, за ними 6 паранимфов, которые несли факультетские шляпы, книги и перчатки. Церковь была убрана коврами. Ректор, проканцлер, доктора и пасторы сели под канцелом, кандидаты — перед кафедрой под органом. На органе сыграли кантату, потом один из мальчиков произнес молитву. После этого проканцлер произнес речь и произвел двух кандидатов в докторов юридического факультета. Затем опять музыка и речь профессора, который произвел одного кандидата в доктора медицины. Затем профессор философского факультета произвел 8 магистров в докторов философии. После этого два студента поднесли всем почетным гостям, депутатам, профессорам, докторам, пасторам и магистрам по паре перчаток (прежде раздавали в таких случаях, кроме перчаток, кусок бархата) и разбросали по церкви перчатки для желающих. По окончании церемонии процессия в том же порядке из церкви отправилась в дом декана на пир — *convivium*, конечно на счет докторов. Прежде во время этого шествия происходила пляска с факелами — шафера плясали с приглашенными на праздник девицами и держали при этом в руках факелы. Докторские пиршества бывали всегда очень роскошны — постоянно издаются постановления для ограничения этой роскоши. В Гельмштедте в 1652 г. число кушаний ограничивается восемью. В Йене запрещается продолжать пиршество на другой день; но, несмотря на это, угощение всегда продолжается два дня. Лейпцигский университет в 1628 г. отписывает курфюрсту, что докторанту не нужно делать излишних издержек, — достаточно пригласить университет (*corpus academicum*) и городской сенат, что составит 8 столов и будет стоить 200 флоринов. Часто докторство стоило еще дороже. В некоторых

местах докторанты делали бал для профессорских жен и дочерей. В Виттенберге в 1618 г. это воспрещается, потому что бал продолжается слишком долго и студенты напиваются.

Университеты возникли в эпоху, когда вся общественная жизнь раздробилась на корпорации, и они вполне сохранили этот характер до XVIII в. Студенты поэтому зависели только от университета. Этот контроль был довольно слаб. Ректорам и деканам вменялось в обязанность созывать студентов два или четыре раза в год и подвергать их известного рода исповеди. Но это или не соблюдалось, или обращалось в пустую формальность. Деканы расспрашивали студентов о том, какие они посещают лекции, у кого обедают и т. д. Наказаниями, которыми университет поддерживал свою власть, были карцер и денежные штрафы, но на последние часто жалуются, ибо они падали не столько на студентов, сколько на их родителей. Иногда наказания студентов носят отпечаток прежней бурсацкой жизни — их заставляют выучить наизусть речь Цицерона. Самым сильным наказанием было исключение из университета; но постоянно слышатся жалобы, что ректоры не применяют этого наказания из страха уменьшить численность студентов. Из-за студентов у университетов часто происходили столкновения с правительством, особенно с сенатом вольных городов, от которых зависели некоторые университеты, например Страсбургский, Альторфский (в Нюрнбергской области), Ростокский. Слабый контроль университета мог иногда сдерживать слишком буйные проявления разгула или молодечества, но не имел влияния на нравственный быт студентов. Этот быт рисуется весьма часто в самых темных красках. Ни на чем, может быть, не отражается так рельефно грубость тогдашнего общества, как на студенческих нравах, и постоянные протесты против них доказывают только, что отдельными мерами ничего нельзя было сделать, — корни зла лежали в самом обществе. Некоторые из этих недостатков связаны с возрастом и положением студентов, и они, конечно, никогда не перестанут проявляться; но за форму, в которой они проявлялись в то время, нужно винить общество. Подробные описания студенческого быта не имеют ничего отрадного и могут только послужить сюжетом для картин в манере Остаде и Тенирса; но они утешительны в одном отношении — они ясно доказывают не всеми признанную истину, что цивилизация имеет следствием не только материальный прогресс, но и нравственный.

Мы не будем указывать на преступления, например убийства, совершенные студентами с целью грабежа. Такие факты не могут служить для характеристики какого-нибудь сословия или корпо-

рации, особенно же студенческой, состав которой постоянно меняется. Но нельзя не обратить внимания на частые случаи воровства, в котором обвинялись студенты. *Ne sitis fures* — не воруйте, гласит первый параграф Виттенбергского устава 1596 г. На крестины у Гессенского ландграфа Морица, куда он пригласил студентов из дворян, *studiosos nobiliores*, втерся один студент из Любека и украл серебряный поднос.

Страсть к дракам и пролитию крови, равнодушие к жизни других, распространенные между студентами, соответствуют взглядам эпохи, в которой военные хвастались неслыханными жестокостями и неистовствами, совершенными над беззащитными жителями. Воинственности студентов, конечно, способствовал их обычай постоянно носить оружие. Ссоры и драки между ними и с жителями, кончавшиеся убийством, были очень нередки. Марбургские протоколы 1619 г. благодарят Бога, что этот год прошел без убийства, *sine caede*. Частый повод к дракам и убийствам подавал обычай пьяных студентов ночью ходить толпой по улицам (*grassatores*) и начинать ссоры со встречными. В Лейпциге в 1672 г. образовалось общество студентов, вооруженных дубинами, которые мальчики должны были носить за ними. Но и днем нередко случались кровавые драки, даже при выходе из церкви. Запрещения дуэлей между студентами встречаются уже в XV в. и потом повторяются все чаще и чаще.

Увеселения студентов часто носили очень грубый характер. Собраться толпой и бесчинствовать было главным удовольствием. Такие толпы студентов выжидали у церковных дверей венчающихся молодых, чтобы осыпать их насмешками. Особенно же любили они врываться толпой на свадьбы, выпить все пиво и побить гостей. Вообще надменность и презрение к *филистерам*, т. е. горожанам, были отличительной чертой тогдашнего студенчества. Сражения между студентами и горожанами были нередки. Франкфуртский магистрат жалуется в XVII в. университету на бесчинства студентов, которые разбивают окна, в церкви пристают к девушкам, особенно же во время карнавала никому на улицах не дают прохода. «Если господа профессора, — заключает магистрат, — оставят это безнаказанным, то нужно будет опасаться восстания со стороны горожан». Столкновения между студентами и университетским начальством и неповиновение правительству также случались не редко. Студенты прибавали пасквили на дверях профессоров, пели под их окнами неприличные песни, приступали к самому дому. Наказание виновных не всегда помогало. Их освобождали из карцера, и волнение усиливалось. Такие волнения часто оканчива-

лись кровопролитием. В 1665 г. в Йену прислали чиновников из Веймара, чтобы усмирить студентов. Они поставили в городе караул из бюргеров. Студенты оскорбили караул. Виновных посадили в карцер, но остальные решились их освободить. Два дня сряду студенты толпились на городской площади, кричали всю ночь и дразнили караул. В воскресенье пастор в церкви слезно умолял студентов усмириться; это не помогло. Наконец собрали горожан под ружьем. Студенты со своей стороны собрались в числе нескольких сот; по ним стреляли и убили четверых. На другой день они решаются оставить университет и выходят из города. Против них собирают крестьян и посылают кавалерию. Некоторых отводят в Веймар, остальные наконец дают обещание ректору отказаться от своих планов.

Более удивительно то, что студенты, которые, по обычаю века, проводили с малолетства столько времени в церкви и в слушании проповедей, нередко позволяли себе бесчинствовать в церкви и кощунствовать. Они спорили и ссорились в церкви, и эти ссоры кончались иногда криками, хохотом, щелчками и пощечинами. В Гельмштедте в 1697 г. студенты шалостями прерывают богослужение и сбивают певчих. В начале XVII столетия студенты иногда отправлялись по деревням, входили на канцел вместо пастора, говорили в пьяном виде проповеди, пародировали пастора, смешили крестьян.

Пьянство доходило до удивительных размеров. Устраивались диспуты в честь Вакха — пародия ученых диспутов. Присутствующие имели при этом небольшие бокалы, диспутант и оппоненты — громадные кружки; оппонент тремя глотками представлял *jus objectionis**, диспутант возражал *мокрым силлогизмом* в три приема, а председатель выпивал остальное.

Разврат был гораздо более распространен, чем в настоящее время в немецких университетах, и проявлялся иногда очень грубо. «*Studiosi wollten auch ihre oblectamenta haben*»**, — показывал на следствии один студент того времени. Разгул и распутство были не везде и не всегда одинаковы. Один университет славился тем, другой иным.

Wer von Tübingen kommt ohne Weib,
Von Iena mit gesundem Leib,
Von Helmstädt ohne Wunden,
Von Iena ohne Schrunden,

* Право возражения (лат.). — Прим. пер.

** Студенты тоже хотели поразвлечься (лат., нем.). — Прим. пер.

Von Marburg ungefallen
Hat nicht studiert auf allen*, —

говорит одна студенческая песня того времени.

Как сильно отражаются недостатки общества на студенческом быте, доказывается неестественным для юношеского возраста чинопочитанием и педантизмом, которыми отличались студенты того времени. Нередко происходили столкновения и драки между студентами, жившими в алумнатах и бурсах (казенными), и студентами, обедавшими у профессоров (своекоштными), за места в аудиториях и в *церкви*. В этом следует винить, конечно, только общество, которое все старалось классифицировать и отделять особыми привилегиями и пустыми формами. Так называемым профессорским студентам (Professorenburse) предоставлялось право в аудиториях занимать особенные места, в церкви сидеть в первом ряду и подходить к причастию перед стипендиатами.

Еще большее различие существовало, конечно, между дворянами и недворянами, и столкновения между ними были еще чаще. История Гейдельбергского университета сохранила рассказ о таком происшествии. Один студент, из дворян, ударил другого палкой на улице. Их позвали к суду. Оскорбленный показал, что подошел к причастию рано, поэтому ему пришлось поместиться между первыми; другой, подошедший после, старался спихнуть его с места и во время причащения, когда становятся на колени, лег на него. В свое оправдание обвиненный сказал, на характерном для того времени жаргоне, в котором французские и латинские слова смешиваются с немецкими, следующее: «*Sie hätten gemeint, der Vorrang in der Kirche sei ihnen, als denen vom Adel, üngsthin per decretum vergönnt, da sie es in einer supplique erboten; er hatte also die Affront quovis modo revangiren müssen*»**. Университетский совет объявил, что патент, на который он ссылается, говорит только, чтобы младшие студенты не заходили вперед старших, и приговорил его к штрафу в 30 талеров. Против этого протестовал ein Hofgerichts-rath: dass man Cavaliers so hart traktire***, ни один из них не явился более в Гейдельберг.

* Если кто из Тюбингена вернулся без жены, из Йены без увечий, из Гельмштедта без ран, из Йены без ссадин, из Марбурга живым — значит, он там не учился (нем.). — Прим. пер.

** Они полагали, что первые места в церкви с недавних пор закреплены за ними, дворянами, особым указом, поскольку они добились того, подав прошение; значит, он должен был как-то ответить на оскорбление (лат., фр., нем.). — Прим. пер.

*** Член верховного суда: если с господами обращаться так грубо... (нем.). — Прим. пер.

Теперь мы перейдем к профессорам и рассмотрим сначала их положение, их права и занятия, а затем нравственные стороны профессорской корпорации в XVII в.

Христианская церковь была для европейских народов источником цивилизации и почвой, из которой развились все отрасли духовной жизни. И университеты, как мы видели, учреждались для потребностей церкви и сначала были по преимуществу духовными школами. Правда, некоторые возникали помимо церкви, например Салернская медицинская школа; в Болонье молодые люди собирались толпами, чтобы слушать юристов, и жители города, довольные таким стечением, дали им большие льготы и права корпорации. Но главный университет Средних веков — Парижский, который послужил образцом для немецких и английских, — имел богословское назначение. Притом организация всех университетов доказывает влияние церкви; при учреждении их испрашивалось позволение папы, и папская булла утверждала их права и привилегии и наделяла их доходами из церковных имуществ. Только вследствие этого университеты всех стран, несмотря на политическое раздробление, были солидарны. Степень, полученная в Парижском университете, признавалась в Германии, Италии и Франции, ибо все университеты одинаково находились под покровительством и надзором папы.

Известно, что первый университет в Германской империи был основан императором Карлом IV. Этот император почти не имел немецких владений; он опирался на Богемию и Моравию и поэтому учредил университет в Праге. Это было в 1348 г. Его примеру скоро последовал эрцгерцог Австрийский и курфюрст Пфальцский, и в 1365 и 1386 гг. были учреждены университеты в Вене и Гейдельберге. Затем курфюрсты-архиепископы Кельнский и Майнцкий учредили университеты в Кельне и Эрфурте.

В начале XV в. ссора между чешскими и немецкими студентами в Праге, вызванная гуситским движением, послужила причиной основания Лейпцигского университета. В продолжение этого века в Германии были учреждены еще 6 университетов: в Ростоке, Грейфсвальде, Фрейбурге, Ингольштадте, перемещенный в XIX в. в Мюнхен, в Тюбингене и Майнце. Перед самым началом Реформации, в 1502 г., основан тот университет, из которого вышла Реформация, — Виттенбергский, и затем, для поддержания нового учения, основаны один за другим в протестантских землях 6 университетов: во Франкфурте-на-Одере, в Марбурге, Кенигсберге, Йене, Гельмштедте (в Брауншвейге), в Альторфе (в области Нюрнберга), а в конце XVI в., когда католицизм снова окреп

для наступательного движения, 4 католических университета: в Диллингене, Ольмюце, Вюрцбурге и Грецце (в Штирии). Для интересов науки университетов было довольно, но политическое и религиозное раздробление Германии побуждало каждого князя иметь свой университет, и вследствие этого в течение XVII в. в собственной Германии возникло еще 12 университетов, из которых, впрочем, только один, в Галле, приобрел особенную известность. В XVIII в. основаны три славных университета: Бреславльский, Геттингенский и Эрлангенский. Во время политического переустройства Германии, в начале XIX в., некоторые из прежних университетов были закрыты, другие перемещены или соединены, зато основаны два новых университета, которые тотчас заняли первое место между другими, — Берлинский и Боннский.

Реформация изменила положение университетов в протестантских землях; контроль церкви был заменен контролем светской власти. Это еще не значит, что университеты секуляризировались, т. е. освободились из-под влияния церкви и сделались светскими учебными заведениями. Церковные интересы были в XVI и еще в XVII в. всюду на первом плане; они руководили политикой и давали направление науке: князья в политических делах, в вопросах дипломатии, мира и войны очень часто прибегают к совету своих придворных проповедников, консисторий и богословских факультетов; но князь был главой церкви, по крайней мере стоял во главе церковной администрации, и поэтому университеты зависели прямо от него.

Отношения между князьями и университетами были патриархальные. Князь очень часто был сам ректором, и университетом тогда заведовал проректор. По случаю всех событий в княжеском семействе университет приносит поздравление или высказывает сожаление (*Condolenz*); зато члены княжеской семьи, или представители их, присутствуют при диспутах, свадьбах и похоронах более известных профессоров. Князья посылают профессорам подарки съестными припасами, особенно после удачной охоты. Так, курфюрст Саксонский Иоанн Фридрих посылает оленя с письмом: «*einen frischen Hirschen den wir heut dato gefangen, den wollet von Unsertwegen in Fröhlichkeit verzehren*»*. Зато они, по обычаю того времени, и не стесняются с профессорами. Ландграф Мориц рекомендовал однажды профессо-

* Этого свежего оленя, которого мы поймали сегодня, благоволите ради нас скушать с отрадой (*нем., лат.*). — *Прим. пер.*

ром на вакантное место в Марбуге своего спившегося секретаря. Университет отклонил предложение. Ландграф, рассерженный неожиданным отказом, оправдывается в собственноручном письме тем, что его секретарь обещал вести себя хорошо, а что касается до лишнего глотка, то он найдет в Марбуге много товарищей, ибо, к сожалению, почти во всех факультетах «*gute Zechbrüder und Lucubranten mit unterlaufen*»*.

Во главе университета стоял ректор, который был окружен необыкновенным почетом. Он часто заступает место государя, и поэтому оскорбления, нанесенные ему, считаются уголовными преступлениями. Древнейшие уставы требуют, чтобы он, для большей важности, редко показывался *in publico conspectu*** . Еще в 1715 г. в Лейпциге делается распоряжение, чтобы солдаты делали на караул перед ректором. В торжественных случаях ректор является в пурпуровой мантии с золотой цепью, перед ним несут тяжелый университетский скипетр, и в этих случаях он идет прямо за государем и уступает место только епископу. Он вступает в должность с большой торжественностью, при звуке колоколов и после молебствия. Ректор большей частью избирается (как и теперь) по очереди из всех факультетов на год или семестр.

Второе место за ректором занимает канцлер. Происхождение этой должности случайное. Парижский университет образовался из школ при соборе. Оттого канцлер собора сохранил известный контроль и над университетом. Канцлер должен был иметь надзор за экзаменами на степени и утверждать дипломы. Он назначался папой, который поручал обыкновенно эту обязанность епископу. В протестантских землях, где сохранились епископы, например в Швеции, они продолжают занимать должность канцлера. В других она поручалась духовному лицу или одному из членов богословского факультета. В некоторых университетах канцлер получил значение попечителя; он был представителем университета перед государем и охранял права последнего относительно университета. В других государь сам брал на себя обязанности канцлера, т. е. утверждал в степенях, и его место заступал проканцлер. Случалось также, что канцлерство поручалось юристу или что эта должность обращалась в простую формальность — для каждого диспута выбирался канцлер из среды профессоров. В настоящее время эта должность почти нигде не существует.

* Встречаются как усердные трудяги, так и пропойцы (нем.). — Прим. пер.

** На глазах у публики (лат.). — Прим. пер.

Университет управлялся ректором сообща с советом, который назывался сенатом и состоял из ординарных профессоров. В менее важных делах ректор совещался только с деканом.

Правительственный надзор поручался куратору или особенным комиссарам, но, кроме того, время от времени, снаряжались ревизионные комиссии, протоколы которых составляют драгоценный материал для истории университетов и просвещения в Германии.

Никогда, может быть, дух регламентации не проникал так далеко во все сферы жизни, как в исходе Средних веков и в XVI—XVII столетиях. С князьями и государями того времени, стремившимися к самовластию, соперничали правительства вольных городов. Достаточно вспомнить бесчисленные законы против роскоши, которые с самыми мелочными подробностями определяли костюм каждого сословия, число аршинов каждой материи, нужной для платья, число гостей, которых каждый, смотря по своему сану, имел право приглашать, число кушаний за его столом, количество серебра, которое позволялось держать в доме.

И профессора в своем частном быту были подвержены тем же стеснениям. В Виттенберге в 1562 г. профессорам запрещается приглашать на свадьбу более 120 гостей. «Полицейский устав» курфюрста Саксонского Георга I, в 1661 г., определяет костюм профессоров, их жен и дочерей и даже ценность материй, в которые они могут одеваться. В том же году совет Тюбингенского университета запрещает своим членам носить шитье и шелк, а женам их, под штрафом 10 талеров, запрещает носить дворянское платье. Но еще более странным покажется то, что регламентацию распространяли даже на ученую деятельность профессоров и старались заменить ею чувство чести и совести. Профессорам запрещалось особыми указами читать на лекции чужие сочинения (в Тюбингене еще в 1744 г.); им предписывалось *не срамить университета плохими сочинениями*. С них взыскивался денежный штраф за пропущенные лекции. В Гиссене для этой цели была заведена особая штрафная книга, а в других университетах назначались особенные стипендиаты, которые должны были записывать все лекции профессора и отмечать день и час чтения. По окончании семестра эти тетради отсылались на рассмотрение правительства. Но как всякая регламентация, и эти меры приучали только к мелочности и педантизму и в сущности ни к чему не вели. Постоянно приходится напоминать университетам, чтобы они держали штрафную книгу, чтобы профессора составляли программы своих лекций и отсылали их на рассмотрение правительства, чтобы факультеты вели

журнал — *acta facultatis*. Но когда приходилось представлять этот журнал, то оказывалось, что часть дел находилась у такого-то профессора, который теперь умер, или что архив университета находится в сыром месте, и вследствие этого все покрылось плесенью. Ревизионные комиссии также оставались без результатов, и ревизорам часто приходилось повторять пословицу:

Wenn wir kommen über's Jahr,
So finden wir es, wie es war*.

Права университета, как корпорации, были очень обширны. Все члены его, профессора и студенты, семейства профессоров и все лица, зависящие от него, университетские типографы, переплетчики, аптекари и прочие, подлежали университетскому суду. Этому суду подлежали не только проступки, но и гражданские, а в большей части немецких университетов также и уголовные дела. Даже супружеские отношения и семейные ссоры профессоров подлежали разбирательству совета, и архив Тюбингенского университета за XVI в. наполнен такими делами. Компетентность университетского суда всего более стеснялась и оспаривалась в вольных городах, магистраты которых с ревностью заботились о поддержании своего собственного авторитета. Профессорам было предоставлено право управлять университетским имуществом и избирать членов университета. Обыкновенно они должны были представлять несколько кандидатов на должность, из которых правительство назначало одного. Но часто правительство назначало профессоров и помимо кандидатов, представленных университетом. Это было очень естественно в маленьких государствах, где университет занимал весьма видное место и где университетским делам придавали значение государственных вопросов. Нужно, впрочем, заметить, что эти стеснения не имели политического характера. Правительствам в то время, когда общество было лишено всякой политической жизни, нечего было опасаться оппозиции со стороны университетов, а наука носила еще совершенно религиозный характер, так что редко возникали вопросы о свободе преподавания. На избрание профессоров всего более имели влияние богословские интересы, так как каждый университет принадлежал к какой-нибудь богословской партии: к строго лютеранской, т. е. к последователям «формулы согласия», например, Лейпциг и Виттенберг, к пиетистам — Галле или к умеренной лютеранской, не признававшей формулы, — Альторф, к партии примире-

* Приедем через год — найдем все как было (нем.). — *Прим. пер.*

ния и слияния лютеран и реформатов — Гельмштедт, к реформатам — Марбург, и др. Оттого в некоторых университетах избрание профессоров зависело от консистории. В Лейпциге, например, придворный проповедник входил в соглашение с важнейшими членами факультета. Только в университетах немецкой Швейцарии профессора, наподобие французских, избирались по конкурсу.

Профессора были освобождены от налогов, поборов, акциза и постоя. Иногда университетам или отдельным профессорам предоставлялось право заводить аптеки, вести торговлю и даже производить распивочную продажу пива и вина. Это неудивительно, ибо в то время право распивочной продажи составляло нередко часть жалованья чиновников. Но в XVIII в., при усилении бюрократии и централизации, эти привилегии мало-помалу уничтожались и заменялись денежным вознаграждением от казны.

Университетам было предоставлено право собственной цензуры, которая большей частью была предоставлена деканам. Но постоянная богословская полемика, которая раздражала партии и имела также политическое влияние, заставляла правительства иногда стеснять университетскую цензуру и подчинять ее контролю консисторий.

В тех областях, где сохранилось земство (*Landstände*), университеты пользовались по-прежнему политическими правами. Они высылали в земство своих депутатов, которые заседали за прелатами, т. е. представителями духовенства, и перед представителями дворянства. Но по свойству времени и устройству общества профессора, при всей свободе, подвергались иногда странным стеснениям. Им насильно навязывали профессию или временное занятие ее; особенно часто случалось это с пасторами. Еще хуже было то, что правительство иногда насильно задерживало хороших профессоров, не позволяя им принимать приглашения в другие университеты на более выгодных условиях. Правда, переход из одного университета в другой обыкновенно влек за собой перемену подданства. Весьма характерны для своего времени те случаи, когда одно правительство отпускало другому *взаимы* на известный срок особенно знаменитого преподавателя.

Профессора разделялись на обычных и экстраординарных; последние были действительно экстраординарными, т. е. *сверхштатными*; они часто не получали никакого жалованья или получали его из частных средств государя, и в таком случае назначение их зависело от него. Вследствие этого в некоторых университетах они не были членами совета. У обычных профессоров были

адъюнкты, помощники, которые в известных случаях заступали их место. На богословском факультете в Кенигсберге адъюнкты избирались из экстраординарных. Их положение было не везде одинаково; большей частью они были членами факультета, и из их среды по очереди с профессорами избирался декан. Это было отголоском средневекового устройства университетов, когда членами факультетов были не только профессора, читавшие лекции и получавшие жалованье, но все доктора того же факультета или по крайней мере известное их число; последние пользовались особыми правами и назывались *assessores*. Этот обычай теперь еще в известном смысле сохранился в английских университетах. В Лейпциге при юридическом факультете, во времена Лейбница, было 12 ассессоров, которые избирались по старшинству из всех получивших в Лейпциге степень *doctor juris**. В некоторых университетах адъюнкты получали жалованье от университета, часть дохода от экзаменов и прочих факультетских доходов, в других же только плату от слушателей.

Число ординарных профессоров было очень невелико. Толук насчитывает их средним числом 17 для всех четырех факультетов, собственно для шести, так как философский факультет заключал в себе филологический, математический и отделение естественных наук. В голландских университетах на каждом факультете было только три ординарных профессора, в Гейдельберге, Базеле и других только два. Но места эти часто оставались незамещенными, или по недостатку денежных средств, или по недостатку людей. В 1665 г. Кортгольт пишет из Киля, что он один читает на своем факультете; такой же случай был в Страсбурге в 1621 г.; во Франкфурте один профессор в течение 6 лет был единственным представителем своего факультета.

Этот недостаток был не так чувствителен вследствие многочисленности и близкого расстояния университетов и вследствие того, что профессора читали мало публичных лекций и слушание их для студента не было главным занятием. Он восполнялся, кроме того, возможностью, при тогдашнем состоянии науки, читать лекции по нескольким предметам и, наконец, огромным числом приват-доцентов или так называемых *magistri legentes***.

В средневековых университетах не было резкого различия между учащими и учащимися. Студенты оставались в университете 10 лет и более и проходили через целый ряд ученых степеней.

* Доктор права (*лат.*). — Прим. пер.

** Магистры-лекторы (*лат.*). — Прим. пер.

Они в это время и учились, и учили. С получением степени магистра философии они приобретали право открыть самостоятельный курс, и этим правом пользовались очень многие. В Париже бывало до 200 магистров, читавших лекции¹. Лекционный каталог маленького Ростокского университета в 1520 г. не уступал числом курсов теперешнему Берлинскому. Этот обычай продолжался до конца XVII в. Придворный проповедник Саксонского курфюрста, Гое, говорит в своей автобиографии, что в 1601 г. он сделался магистром и открыл курс. Хотя это стоило ему немало труда, он, однако, в это время слушал ежедневно 4 богословские лекции и в неделю 3 проповеди. Кроме того, он присутствовал на нескольких сотнях диспутов, сам диспутировал на всех факультетах и президировал 65 раз, причем у него бывало до 200 слушателей.

Знаменитый Гельмштедтский богослов Каликст в 18 лет приобретает степень магистра философии и открывает частный курс, на котором руководит философскими диспутами. После четырехлетних занятий философией он переходит к богословию и по прошествии двух лет открывает богословский курс, в котором диктует положения и потом руководит диспутом.

Даже студенты, не получившие еще степени магистра (*students simplex**), открывают курсы и руководят диспутами; для этого они должны просить разрешение ректора, которому они представляют свои тетради. Такие курсы читались студентами особенно во время каникул.

Но число приват-доцентов уменьшается значительно к концу XVII в. Причиной этого отчасти было то, что количество частных курсов (*privat-collegia*), читаемых профессорами, постоянно возрастало. Профессора получали жалованье только за публичные лекции. Но так как жалованье остается то же, цена деньгам постоянно падает, то мало-помалу главный доход профессоров начинают составлять их частные курсы, гонорар которых можно было увеличивать сообразно с ценой денег. Оттого публичные лекции становятся все реже и утрачивают всякое значение, их место заступают *privat-collegia*, читаемые уже в университете. Но приват-доценты

¹ *Thurot* говорит в своей истории Парижского университета: L'enseignement était plutôt un stage qu'une profession. Le professeur étudiait; il n'entrait dans l'université, que pour acquérir des bénéfices; il ne se proposait pas d'y rester (Преподавание было скорее стажировкой, чем профессией. Профессора сами учились; они поступали в университет только ради получения льгот, никто не собирался там оставаться (*фр.*). — *Прим. пер.*)

* Просто студенты (*лат.*). — *Прим. пер.*

сбивали цену гонорара. Профессора жалуются, что они преподают по дурной методе и за несколько грошей прочитывают в 8 недель курс, на который нужно употребить целый семестр.

Главная же причина заключалась в коренном изменении университетского преподавания. Наука специализируется, студенты прямо приступают к изучению специального факультета, они недолго остаются в университете. Диспуты выходят из употребления; прежнее формальное образование, которое давало возможность способному юноше в 16 лет быть учителем своих сверстников и руководителем диспутов, заменяется специальным. Требуется большой запас сведений, более продолжительный труд, и это делает невозможным раннее преподавание. Расстояние между ученым и учащимся (*studens*) становится резче, промежуточные степени магистра философии, бакалавра и других исчезают, и к концу XVIII в. в приват-доценты идут только молодые люди, которые посвятили себя специальной науке и выжидают штатного места.

При своих условиях прежний порядок имел хорошую сторону. Тесная связь между учащими и учащимися имела благотворное влияние на обе стороны и увеличивала в последних уважение и интерес к науке. Количество и разнообразие курсов могло удовлетворять самым разнообразным потребностям. Раннее преподавание развивало в молодых людях самостоятельность и самостоятельность и противодействовало механическому труду; успех и репутация ободряли их и увлекали менее ревностных. Университет кипел жизнью и представлял настоящую *universitas studiosorum**.

Титулы и чины, которые в настоящее время так прельщают ученое сословие в Германии, суть изобретение позднейшего времени, когда монархический элемент, опираясь на бюрократию, окончательно победил средневековый порядок. Но и в Средние века страсть к отличиям и чинопочитанию находила себе достаточную пищу в ученых степенях и в отношениях отдельных факультетов. Богословский факультет — *beatissimum stadium*** — пользовался самым почетным положением; за ним следовал юридический, ибо докторская степень этого факультета давала дворянство, и до Вестфальского мира государи брали из юристов-докторов своих канцлеров и советников; но в XVII в. дворянство, которое прежде было исключительно военным сословием, вытеснило юристов из высших должностей гражданской службы. За

* Вселенная студентов (*лат.*). — *Прим. пер.*

** Благословеннейшее место (*лат.*). — *Прим. пер.*

юристами следовали медики, а последнюю степень занимал философский факультет, так как он в то время преимущественно имел значение пригготовительного факультета. Это «местничество» факультетов имело в то время практическое значение, так как от него зависело положение в обществе и оно было очень ощутительно, потому что корпоративная жизнь университета была тогда гораздо развитее, и непрерывные процессии, диспуты, празднества постоянно напоминали о нем. Не только профессора считались между собою, но и доктора всех факультетов, принимавшие в то время деятельное участие в университетской жизни, постоянно спорили с профессорами низших факультетов. В Ростоке, например, в 1601 г. «доктора прав» требуют, чтобы в публичных процессиях они имели преимущество перед профессорами медицинскою и философского факультетов, и спор решается в их пользу, с тем, однако, чтобы в самом университете преимущество и первое место оставалось за профессорами. Такой же спор возникал несколько раз в Йене. Доктора юридических наук ссылаются на то, что у них гербы, как у благородных, и те же привилегии. Они заявляют, что те из них, которые не читают в университете, равноправны с профессорами, ибо докторская шляпа дает *jus docendi**, а это право распространяется также на лиценциатов и бакалавров. Философский факультет возражает, что и все магистры философии имеют право читать лекции, а также носить золотые кольца, цепи и дворянское платье. Притом никто еще не оспаривал у профессоров философского факультета права носить шпагу. Юристы, в свою очередь, возражают, что в Страсбурге по праздникам все горожане обязаны носить оружие и все-таки они не *nobiles***.

Йенский университет, наконец, делает запрос у Гиссенского, Виттенбергского, Альторфского и Тюбингенского университетов и получает ответ, что там профессора имеют преимущество перед докторами. Тогда последовало такое решение, что только деканы низших факультетов должны иметь преимущество перед докторами не читающими, остальные же члены должны уступать им первенство. Еще в XVIII в. приходится определять порядок, в котором должны следовать друг за другом, например на похоронах или свадьбах, представители различных степеней и факультетов.

Что касается доходов, которые получали профессора, то они находятся в тесной связи с их занятиями, и мы поэтому будем рассматривать их вместе.

* Право преподавания (лат.). — Прим. пер.

** Дворяне (лат.). — Прим. пер.

Главной обязанностью профессоров было читать публичные или даровые лекции, за которые они получали жалованье. Эти лекции были не обременительны: ординарный был обязан читать четыре лекции в неделю, экстраординарный две, но на самом деле они читали обыкновенно еще меньше. Но зато время профессоров поглощалось *приватными* курсами, за которые они получали гонорар со слушателей. Большой частью каждый профессор читал два курса, по 4 часа в неделю. Но многие, как и теперь, далеко переходили за это число. Озиандер в Тюбингене, например, читал ежедневно 5 лекций. Голландский богослов Воеций, известный своей враждой с картезианцами, ежедневно читал 8 лекций. Гебенштрейт в Йене читал в 1696 г. ежедневно от 6 до 11 утра «in una sessione»* при большом стечении слушателей, а после обеда от 3 до 6. О Лёшере рассказывают, что он будто бы читал 13 лекций ежедневно. Кроме лекций нужно еще брать в расчет диспуты, которых приходилось на каждого профессора от 2 до 6 в неделю. Немало времени профессора убивали на заседания факультетов и совета, на которые нужно было являться непременно и по звонку. Сюда же можно отнести экзамены на степени и промоции. Все это составляло обыкновенные занятия; но к ним присоединялись еще экстренные случаи, отнимавшие также очень много времени: избрание ректора, дни рождения и другие торжественные случаи в княжеской семье, похороны профессоров и их жен — ибо во всех этих случаях нужно было произносить речи, писать вирши (*carmina*) и т. п. Все это усложнялось иногда занятиями по должности декана или ректора, которые, при существовании очереди и кратких сроков, приходилось довольно часто занимать.

При всем этом профессора богословия были часто членами консисторий или занимали должности пасторов, юристы были членами коллегий, медики имели свою практику. На профессоров часто налагали обязанность наблюдать за гимназиями и школами, производить ревизии (*Visitationen*), что, впрочем, обыкновенно выпадало на долю богословов. Университетам постоянно делали запросы правительство, другие университеты и частные лица. Юридические факультеты должны были давать свое «мнение» (*Gutachten*) в сложных юридических вопросах, а в вольных городах они часто составляли высшую инстанцию.

К тому же нужно еще принять в расчет формализм общественной жизни в ту эпоху. Все эти семейные празднества и публичные процессии тянулись бесконечно. Одна проповедь продолжалась от

* Подряд, в один присест (*лат.*). — *Прим. пер.*

2 до 4 часов. По самому обыкновенному поводу нужно было написать обстоятельное письмо, поднести поздравление или высказать сожаление. Этикет университетский также играл немалую роль. Всякий проезжий магистр считал долгом *явиться* к знаменитому профессору и завязать с ним ученый разговор. С удивлением узнаем мы из записок путешественников, как доступны и болтливы были ученые того времени, если сравнить их с современными учеными Германии¹. К тому же в XVII в. ученые отличались замечательным гостеприимством; обычай требовал, чтобы они угощали знатных и ученых гостей своих, и даже университетские уставы выставляют это как обязанность профессоров. «*Praecipua humanitatis pars est, — гласят Грейфсвальдские статуты, — liberalem et benignum declarare animum erga hospites*»*. Ни одна промоция не обходилась без так называемой Аристотелевой пирушки (*prandia Aristotelica*), и в Йене таких пирушек насчитывали до сотни в течение года. К этим официальным пирушкам присоединялись еще дружеские пирушки между товарищами.

Виттенбергский рескрипт 1668 г. запрещает профессорам устраивать *convivium*** по случаю получения жалованья, «чтобы не стеснять еще более без того уже истощенную казну». Несмотря на все это, продуктивность многих ученых того времени изумительна и превосходит иногда всякое вероятие. Гергард — который читал ежедневно от 3 до 4 часов, председательствовал беспрестанно на диспутах, напечатал около 100 диспутов и бесчисленные «мнения», был членом консистории и 4 раза ректором, принимал деятельное участие в 6 богословских синодах и в различных дипломатических посольствах, состоял в переписке с 30 княжескими семьями в качестве советника по самым разнообразным делам, часто проповедовал дома и во время своих постоянных путешествий, — этот Гергард нашел время написать догматическое сочинение необыкновенной учености в 23 томах *in quarto*, 3 фолианта, несколько других сочинений меньшего размера и 34 сочинения, напечатанные после его смерти. Не менее прославился своей продуктивностью Лейпцигский богослов Калов, одна догматика которого состоит из 12 томов *in quarto*.

¹ Чрезвычайно интересны в этом отношении отрывки из записок г. Штолле, относящихся к началу XVIII в. и напечатанных Гурауером в «Историческом журнале» Шмидта (1847. Т. VII).

* Главнейшая составная часть человечности... — проявлять благородство и радушие по отношению к гостям (*лат.*). — *Прим. пер.*

** Пир, обед (*лат.*). — *Прим. пер.*

Такая изумительная деятельность, конечно, должна была выкупаться большими жертвами. Многим, вероятно, приходилось, подобно Любекскому ректору Штольтерфоту, садиться за работу в 3 часа утра и, подобно Гергарду, жаловаться на постоянно слабое здоровье; многим, вероятно, пришлось испытать *malum hypochondriacum**, хорошо известное в то время, и другие болезни, которые составляют привилегию ученого сословия.

Одной характерной особенностью отличалась жизнь тогдашних ученых от жизни ученых XIX в. — отсутствием специализации. Студентами они часто слушали лекции по разным или даже всем факультетам, учеными они читали лекции по самым разнообразным наукам. До Реформации на философском факультете был обычай чередоваться в предметах; таким образом, каждый профессор по очереди читал все предметы — логику, этику, философию, математику, физику, астрономию и др. После Реформации тесная связь между предметами философского факультета сохранилась; молодые люди готовились по всем предметам, чтобы занять первую открывшуюся кафедру на этом факультете. Часто философский факультет служил ступенью для других, более выгодных, факультетов. Так, Рунгиус был профессором поэтики (*poetices*), потом профессором богословия и еврейского языка. Современник и друг Лейбница, полигистор Конринг, доктор философии и медицины, просит в 1633 г. совет Гельмштедтского университета, «так как он несколько лет прилежно читал на философском факультете, а теперь открылась вакансия на медицинском», позволить ему занять это место. Особенно способные не ограничивались пределами одного факультета. По смерти Меланхтона в 1560 г., профессора были в большом затруднении, как заменить его, и решились разделить между собой его занятия. Доктор медицины Ортель взял на себя диалектику, греческий язык и объяснение «Деяний апостолов», Винценций — этику, доктор медицины Пейцер — всеобщую историю. В Ростке в это самое время один профессор медицины и математики читает также еврейский язык. Тильман, профессор истории в Виттенберге, вместе с тем был и главный представитель юридической науки. Кумуляция мест на одном и том же факультете встречается еще чаще.

Такое явление было возможно только при малом развитии науки и при отсутствии специальных занятий. Оно имело свои хорошие стороны, особенно для людей, вышедших из ряда вон. При таких условиях становилась возможна многосторонность, которая

* Ипохондрический недуг (лат.). — *Прим. пер.*

нас удивляет в Лейбнице и в некоторых других его современниках. Но вообще этот обычай поддерживал дилетантизм и мешал серьезному и специальному изучению наук. Он исчез, когда началось самостоятельное развитие отдельных наук, и в XIX в. попытки гениальных людей обнять, подобно Лейбницу, необозримое поле человеческих познаний не увенчались прежним успехом.

Так же разнообразны, как занятия профессоров, были и их доходы. Поэтому трудно их подвести под общий итог и высказаться определенно о положении профессоров. Можно только сказать, что положение их было весьма различно не только в разных территориях Немецкой империи, но и в одном и том же университете, ибо доходы их были распределены чрезвычайно неравномерно — еще более неравномерно, чем в настоящее время. Поэтому если положение одних, особенно на философском факультете, было бедственное, положение их товарищей в том же университете было иногда самое блестящее. Вообще же можно сказать, что доходы их были весьма значительны сравнительно с доходами чиновников и людей среднего сословия, особенно в маленьких городах; об этом свидетельствует, например, поговорка в Гиссене: «он может жить, как профессор».

В числе этих доходов казенное жалованье не всегда составляло главную статью. В древнейших университетах профессора большей частью были обеспечены доходами с каноникатов, приходов и прочих мест, занимаемых ими. В Париже частная благотворительность учредила до 50 коллегий, в которых всякий, кто имел ученую степень, получал в конце недели *бурсу* (*bursa* — мешок с деньгами, откуда немецкое *Vörse* и русское *биржа*), обеспечивавшую его содержание. Это устройство перешло также к немецким университетам и сохранилось особенно долго в Лейпциге, где многие магистры философии еще в XVII в. получали содержание от университета, вследствие чего число искавших эту степень в Лейпциге было значительнее, чем где бы то ни было, и между ними было много дворян.

После Реформации профессора начинают получать определенное жалованье с обязательством читать даровые лекции. Около 1550 г. профессора богословского факультета получают средним числом 200 гульденов в год (*Goldgulden*). К концу столетия эта сумма увеличивается до 400, в 1622 г. Мейснер в Виттенберге получает 500. В Гельмштедте в 1637 г. Каликст, как профессор *primagius*, получает 500 талеров, второй профессор — 400, третий и четвертый — по 300. Но по смерти Каликста преемник его получает только 350 талеров. В Виттенберге жалованье гораздо мень-

ше; еще в начале XVIII в. жалование профессора богословского факультета доходит там только до 315 талеров, тогда как в Страсбурге оно составляет уже в 1622 г. 1500 гульденов. Эти суммы были незначительны в сравнении с тем, что получали пасторы, суперинтенденты и ректоры гимназий (из богословов), особенно в вольных городах. В Гамбурге ректор в 1680 г. получал около 2000 талеров. Оттого профессора с удовольствием меняют свои профессуры на такие места.

Положение профессоров философского факультета было гораздо хуже, ибо у них не только было мало посторонних доходов, но и содержание их было гораздо скуднее. В то время, когда профессор богословия получал в Виттенберге (в 1589 г.) 410 гульденов, профессор поэтики получал только 180 гульденов, а в 1728 г. философский факультет жалуется, что его члены, считая все доходы, получают только до 250 талеров, на что невозможно содержать семью и прислугу.

При этом нужно принять в соображение, что вследствие произвола тогдашней администрации жалование выплачивалось чрезвычайно неаккуратно, и профессорам того времени нельзя ставить в вину то, что они устраивали *convivium* по случаю получения жалования. Особенно бедственно было их положение во время войны. Гергард жалуется в 1630 г., что профессора уже 4 года ждут жалования. Канцлер Тюбингенского университета живет подарками Страсбургского магистрата. К этому присоединяется еще бесцеремонность, с которой тогдашние правительства ухудшали качество своей монеты. Изменения в монетной системе и понижение курса были непрерывны. Во время Тридцатилетней войны это понижение доходило до невероятных пределов. В начале этой войны Веймарский гульден пал до такой степени, что на один талер шло 30 гульденов.

Недостаточность жалования и желание правительства перенести на слушателей часть издержек на содержание профессоров было причиной того, что публичные лекции мало-помалу вытеснялись частными курсами профессоров, за которые они брали гонорар со слушателей. Гонорар, впрочем, древнее, чем казенное жалование профессоров. В Болонье профессора получали приглашение от слушателей читать лекции за известное вознаграждение, которое распределялось между участниками. Желая поддержать стечение молодежи, город взял на себя часть издержек и стал платить жалование профессорам. Но гонорар сохранился. Вследствие преобразования университетов в Германии после Реформации и увеличения жалования профессорам даровые курсы выступают

на первый план. Профессора обязываются читать таким образом, чтобы дать возможность пройти весь факультетский курс с помощью одних публичных лекций. Но вскоре профессора начинают небрежно читать эти курсы, и уже в начале XVII в. сами студенты смеются (как и теперь) над товарищами, которые ходят прилежно на даровые курсы. Правда, некоторые профессора считают своей обязанностью и долгом чести читать *gratis**. Шуппе в Марбурге, например, говорит, что он в течение 10 лет читал «почти» все даром.

Гонорар был очень различен — таксы для него не существовало, как теперь. Иногда профессор сам назначал определенную плату, которую должен был вносить каждый слушатель. За курс пандектов в Гельмштедте брали в 1656 г. 4 талера; другие брали 2 талера и меньше. Принимая в соображение тогдашнюю ценность денег, можно сказать, что гонорар в Германии не изменился; в настоящее время в прусских университетах за каждый курс платится золотой, а за медицинские курсы платится иногда вдвое, и дороже.

Но древний обычай назначать за курсы определенную сумму, распределяемую между слушателями, также сохранился. В этих случаях за некоторые курсы приходилось платить очень дорого. Профессор философии Гебенштрейт взял за полуторагодичный курс, по два часа в день, с 18 слушателей 200 талеров. Профессор еврейского языка Данц объявил в комиссии, что за курс, который должен был продолжаться 2 1/2 года, два слушателя предлагали ему 200 талеров. Это было не много сравнительно с тем, что получали юристы. Если в настоящее время медики в Германии получают гонорарами, то в XVII в. это делали юристы. Линкер в Йене брал за каждый курс (вероятно, полугодичный) по 1200 талеров, так что на каждого слушателя иногда приходилось по 100 талеров.

Но так как слушатели вносили в то время деньги по окончании курса, то гонорар часто пропадал, и вследствие этого некоторые профессора совершенно отказываются от частных курсов.

Третью статью доходов составляли пошлины с экзаменов, диспутов и промоций. Они были очень высоки. Доктор богословия платил факультету за экзамен 50 талеров, за *tentamen*** 22 1/2, за *examen rigorosum**** 22 1/2, председателю диспута 10 талеров, и

* Бесплатно (лат.). — Прим. пер.

** Пробное испытание (лат.). — Прим. пер.

*** Строгий экзамен (лат.). — Прим. пер.

т. д. Такие промоции происходили довольно часто. Один Эрфуртский профессор пишет в 1635 г., что у них последнее время получили докторскую степень 3 богослова, 2 юриста и 3 медика. За упражнения студентов в диспутах профессора также получали особую плату, по 2 талера или по золотому, иногда с диспутантов, иногда с казны.

Кроме того, нужно принять в расчет плату и подарки за «мнения» факультетов или отдельных профессоров. Особенно высоко оплачивались *мнения* юридического факультета. В Болонье они стоили не менее 100 дукатов. Богословский факультет в Виттенберге получает от Данцига 4 дуката, от Гамбурга 50 талеров. Половина этой суммы идет декану. Подарки не всегда заключались в деньгах; иногда они состояли в съестных припасах и тогда бывали не особенно ценны. Граф Мансфельд присылает Гергарду трех зайцев. Граф Шварцбургский, за одну проповедь Гергарда, которая ему очень понравилась, присылает золотой (Rosenobel), зайца и четверть оленя. Иногда, впрочем, эти подарки были довольно значительны. Например, Калов получает от курфюрста в подарок карету с лошадьми.

Странный по понятиям XIX в. доход доставляли «посвящения», без которых не выходила в свет почти ни одна книга и за которые авторы получали ценные подарки. Не многие отказывались от них. Гергард посвящает каждый том своего многотомного сочинения особо тому или другому лицу; точно так же и Калов — тома своей догматики. Первый том Гергард посвятил Оксенштиерне и получил за него 50 червонцев; пятый том он посвятил ганзейским городам. Магдебург присылает ему 10 гульденов золотом, Люнебург — 16, Гамбург — 3 розенобеля, с замечанием, что Гергард, вероятно по ошибке, поставил Магдебург перед Гамбургом. Лейпциг в другой раз присылает вызолоченный кубок. Каликст за сочинение, посвященное герцогу Фридриху Ульриху, получил 100 талеров; Хитреус от короля Шведского — 300 талеров; датский профессор Якобеус от курфюрста Бранденбургского — 100 червонцев, и т. д.

Зато литературная деятельность не только редко приносила доход, но иногда была сопряжена с издержками. Книжная торговля была еще не так организована, как в настоящее время в Германии. Трудно было найти издателя. Автор обыкновенно платил издателю известную сумму с листа и получал взамен часть издания, которую сам должен был распродать. Знаменитости, конечно, составляли исключение. Калов требует за второе издание своей догматики (12 т. in 4°) 200 талеров гонорара.

Не следует также забывать пансионеров, число которых составляло у богословов от 10 до 20. Так как профессора не платили акциза и пошлин, то содержание пансионеров было для них весьма выгодно. Ценность денег можно определить по тому, что за стол в 1630 г. пансионеры платили по талеру в неделю, а за квартиру около 8 талеров в семестр. Нужно считать при этом также подарки, которые, по обычаю того времени, подносились при всех торжественных случаях.

Нас поражает количество золотых и серебряных вещей, которые мы находим в то время у людей всех состояний и сословий. Гергард, например, имел у себя 68 вызолоченных и высеребренных кубков, 17 колец и 4 цепи. Эту страсть накоплять вещи из драгоценных металлов нужно объяснять не только склонностью к роскоши, которой отличался век Людовика XIV, но преимущественно экономическими условиями. При неразвитости промышленности и торговли капитал, особенно небольшой, не имел цены. Многие не знали, что делать со своими лишними деньгами. Средневековый взгляд, считавший грехом увеличение капитала посредством процентов и не делавший различия между ростовщичеством и нормальным обращением денег, которое требуется свойством самого капитала и интересами общества, был возобновлен и поддерживаем Реформацией и долго еще не утрачивал своей силы, хотя мы уже встречаем примеры, что даже богословы отдают свои капиталы на проценты. К упомянутому Гергарду, которому удалось, несмотря на все бедствия Тридцатилетней войны, на опустошения его поместья и разграбление дома в Йене, собрать весьма значительный капитал, имперские князья и магистраты обращаются с просьбой дать им денег взаймы. Виттенбергского богослова Мейснера обвиняют в том, что он отдал 3 тысячи талеров в рост, а также знаменитого Гизениуса. Но мы не всегда имеем возможность определить основательность таких упреков вследствие сбивчивости понятий у людей того времени о процентах и росте.

Внешний вид профессоров и студентов в XVII в. носит на себе отпечаток театральности, которой отличались костюмы со Средних веков и до XVIII столетия.

В Средние века все профессора носили платье католического духовенства и входили в аудиторию в докторской шапочке, или барете. После Реформации богословы читали в таларах протестантских пасторов, а остальные профессора — в черных плащах, в Альторфе в красных. В XIX столетии этот обычай еще не вывелся во Францию. Мы видели в Страсбурге, на лекциях, декана сло-

весного факультета, кажется, в желтом длинном плаще, а декана юридического факультета — в красном.

В XVII в. профессора носили бороду, как это видно из портретов того времени; с половины столетия они начали носить подстриженный, а потом и длинный парик (*alonge*), характеризующий эпоху Людовика XIV. При их появлении студенты почтительно вставали с места; лекция часто начиналась и кончалась молитвой. Студенты сидели на лекции также в баретах, и когда профессором произносилось какое-нибудь уважаемое имя, они приподнимали барет.

Студенты в начале XVII в. носили испанский костюм, общепотребительный и модный в то время. Барет с широкими полями, длинные локоны, совершенно обнаженная шея, широкая белая пелеринка, короткий плащ, спускавшийся немного ниже талии, весьма широкие шаровары, разрезанные полосками, между которыми продергивалась красная подкладка, невысокие сапоги с широкими отворотами, шпага или кинжал с безобразной рукояткой составляли студенческий костюм. Против модного короткого плаща, как неприличного костюма, постоянно ратуют законы того времени. Бороду было запрещено носить студентам, но это не всегда соблюдалось. Во время Тридцатилетней войны студенческий костюм приобретает более воинственный вид и уже мало отличается от костюма, известного из картин Ле Дюка и других военных живописцев XVII в. В их костюме появляются перья, высокие сапоги со шпорами, военные сюртуки (*Koller*), широкие пояса, ленты через плечо и др. Во второй половине XVII в. и студенты начинают носить длинные парики. Неотъемлемой принадлежностью студентов, кроме шпаги, была *палка*. С этим двойным вооружением они сидят и на лекциях. Кокетничанье с военным костюмом к концу XVII в. заменяется распушенностью. Слышатся постоянные жалобы на то, что студенты ходят без плаща. Другие носят длинные плащи, но они заменяют им все остальное платье. В Йене жалуются, что студенты являются в аудитории в халатах, прикрываемых плащом. Халат, наконец, уже не скрывается. Студенты открыто расхаживают по улицам в халате, ночном колпаке и с трубкой во рту. Эти три принадлежности составляли костюм студентов в продолжение всего XVIII в. и еще не очень давно исчезли в Йене и Галле.

Лекции, несмотря на высокопарность и натянутость поддельной латинской речи того времени, не всегда были чинны. Студентов нужно было развлекать шутками и юмористическими выходками, которые часто принимали весьма грубый характер. Брань и ругательства против других ученых или даже товарищей по уни-

верситету также нередко раздавались с кафедры. Когда латинский язык стал вытесняться немецким, шутовство (*Scurrilität*) увеличилось еще более, и в продолжение всего XVIII в. университетское преподавание страдало этим недостатком.

Это обстоятельство наводит нас на вопрос о пороках профессоров. Мы имеем право говорить о пороках профессоров в том случае, если должны указать не только на различные слабости отдельных лиц, нисколько не стоящие в связи с их положением и занятиями, но и на пороки, которые следует поставить в вину всей корпорации или большинству ее и которые вытекали из ее положения, степени развития, занятий или были присущи всему обществу и веку. Несмотря на мелочную регламентацию и постоянные штрафы, профессора того времени часто навлекали на себя упреки в лени и небрежности к своим занятиям. Рескрипт герцога Юлиуса к Гельмштедтскому университету в 1614 г. упрекает профессоров в том, что они все (*sammt und sonders*), за исключением двоих или троих, в 16, 20 и более недель и даже в течение года не читали ни одной лекции, даром потратили дорогое время (*die liebe Zeit verspielet*) и забыли о студентах. В одном письме, около того же времени, Гельмштедтские профессора называются «ленивой породой трутней». В 1620 г. в Страсбурге нашли нужным преобразовать университет, поднять занятия, почти совершенно заброшенные, пробудить ленивых, лишить их жалованья и т. п. Сами студенты, которые также часто не отличались ревностью к занятиям, жалуются на эту небрежность профессоров. Один юрист пишет из Базеля: «В изучении права мы, к сожалению, не можем делать хороших успехов — один из двух профессоров по небрежности читает очень редко, другой же лишен всякой методы и ставит вверх дном небо и землю» (*alter absque omni methodo coelum et terram misceresolet*). Другой пишет из Тюбингена: «Зачем же мы поступаем в университет?.. В течение целого семестра не было 6 публичных лекций (на богословском факультете)». Небрежность профессоров не всегда обуславливалась ленью; часто они отвлекались учеными и домашними занятиями. О йенском профессоре Музее сообщают, что «он уже в течение 30 недель не читает; вероятно, занят сочинением *contra Wideliium*». Другой сообщает о себе, что не читал лекций с прошлой зимы до конца августа: сначала его слушатели рассеялись, опасаясь чумы; потом он денно и ночью был занят каталогом библиотеки, потом более месяца провел в Карлсбаде, затем опять был занят каталогом. После этого он не пропустил ни одной публичной лекции, но иногда трудная болезнь его жены и его собственная ипо-

хондрия прерывали их. Он начал отмечать в календаре, как часто это случалось, но потом оставил это, чтобы напоминанием не допустить себе новой печали (*ne relegens novum meoerem contraherem*).

Иногда профессора поневоле ленились — слушателей не было. В Базеле предписывается профессорам не оставаться дома из-за этого, но приходить в университет и *полчаса* ждать в аудитории, не придет ли кто-нибудь.

Другие, хотя и ходили на лекции, но читали небрежно или читали то, что им было нужно для их ученых работ. «Тот, кто диктовал, прямо диктовал целую книгу, приготовленную им для печати», — против чего восстает Марбургский устав, — а «тот, кто говорил свободно, говорил не назидательно и болтал вздор» (*radotirte*), как рассказывает Шуппе о знаменитом голландском ученом Гейнзиусе.

Конечно, было много исключений, и исключений блестящих. Куящий готовился 8 или 9 часов для каждой лекции, ибо, говорил он, «все равно, обмануть студента юридического факультета или целое государство, так как такой студент может сделаться правителем государства». О Гейдельбергском профессоре Фабриции рассказывают, что он никогда не позволял себе пропускать лекции или, «не приготовившись, нести всякий вздор» (*ungesalzenes Gewäsch*). Музо, профессор в Ринтельне, избрал себе девизом: *professorem oportet laborantem mori* — профессор должен умереть в труде; еще накануне смерти он сам прочел одну лекцию, а другую заставил прочесть одного из своих учеников. Хитреус в Ростоке, страдавший подагрой, до самой смерти читал лекции в постели.

Зависть, кумовство и ссоры между профессорами и вследствие этого доносы правительству были нередки. Притеснения молодых профессоров старыми и завистливыми также случались. «Пока я жил на студенческой скамье, — пишет Крамер своему другу Мейснеру в 1612 г., — и в четырех стенах моей комнатки, для меня не было ничего приятнее университетской жизни; но как только я вступил одной ногой на кафедру, эта сладость превратилась для меня в горечь. Ибо вот какова эта университетская жизнь: если ты что-нибудь можешь сделать или только захочешь сделать более чем *veteranus aliquis asinus**, который заботится только о том, чтобы играть на своей старой балалайке, — Боже милостивый! — тотчас против тебя воздвигают небо и землю, да не открыто, а тайно.

* Какой-нибудь старый осёл (*лат.*). — Прим. пер.

Тотчас открывается война против твоих сочинений или начинают с тобой тяжбу за аудиторию, за время чтения, за методу его, тотчас появляются подосланные, которые наблюдают за всеми твоими речами и действиями, теребят и оскорбляют тебя, а дома, сверх того, нужно бороться с бедностью и со скудостью жалованья, которое они обрезают; а если не в состоянии обрезать его, то по крайней мере выражают свою злобу против тебя. Вот, мой друг, смысл университетской жизни, подведенный в итоге». В голландском университете Франекере два профессора живут под одной кровлей, но никогда друг с другом не говорят и не ходят на заседания факультета. О Герборне (в Нассау) пишут: «Весь университет не только разделен на партии, но один профессор противен другому. Они говорят друг другу колкости на лекциях и враждуют между собой перед правительством. Об этом свидетельствует целая кипа дел».

Особенное ожесточение эти ссоры принимали там, где замешивалось религиозное, точнее догматическое, разногласие и где одна партия старалась заподозрить другую в ереси. Например, в Лейпциге. Иногда ссоры происходили оттого, что в университете заводился беспокойный человек, который во все вмешивается и со всеми ссорится. Из-за Гебенштрейта, говорит философ Слевогт, Йену прозвали *eine Canaillenuniuersität**. Но самыми скандальными ссорами прославился Кенигсберг.

Эти ссоры были особенно вредны, потому что при грубости тогдашних нравов не обуздывались приличием и проявлялись в весьма грубой форме. Профессора не щадили друг друга на лекциях и говорили о своих противниках в самых оскорбительных выражениях. Один профессор в Йене сказал на лекциях о Данце, профессоре еврейского языка: «У Данца много акцентов в голове, но только недостает акута». В Лейпциге Олеарий жалуется, что один из его товарищей назвал его *egusa***, которая своим ядом портит Божий цветник (*den edlen Rosengarten Gottes*). В Йене Гебенштрейт жалуется, что Данц обещал дать одному солдату 50 гульденов, если он отрежет ему нос и уши.

Правительства тщетно стараются примирить враждующие партии и успокоить расхордившихся профессоров. Тюбингенский рескрипт увещевает богословский факультет оставить всякие ссоры, ибо вследствие их факультет лишился уважения и менее привлекает к себе студентов.

* Сволочной университет (нем.). — Прим. пер.

** Капустная гусеница (лат.). — Прим. пер.

Общим пороком того времени было пьянство, и профессора в этом отношении не стояли выше своих современников. В том, конечно, была виновата и разгульная жизнь студентов, от которой многие были не в состоянии отстать. Примеров неумеренности было много. Герцог Брауншвейгский предостерегает Гельмштедтский университет от избрания спившихся профессоров. Часто профессора кутили вместе со студентами. Гебенштрейт на допросе показывает, что Данц так был пьян, что лежал без чувств на земле и должен был ночью остаться в харчевне. Обвиненный этого вовсе не отрицал, а оправдывался тем, что это случилось против его воли и что он жалеет об этом.

Такие случаи, конечно, составляют исключение, но уже довольно того, что они бывали и что общество их допускало. Что касается до семейной жизни профессоров, то они едва ли отличались в этом отношении от других слоев общества, и поэтому отдельные проявления безнравственности и грубого распутства никак нельзя ставить в вину корпорации, а нужно отнести на счет целого общества. В Тюбингене университет до 1620 г. судил также проступки против нравственности и супружеской верности в профессорских семьях, и университетский архив сохранил память о таких случаях, которые представляют в печальном виде нравственное состояние тогдашнего образованного общества. У Толука приведено несколько выписок из этого архива, и многое можно также узнать из биографии Фришлина, написанной Штраусом. Число скандальных происшествий в кругу тюбингенских профессоров дает нам право заключить, что и в других университетах бывали такие случаи. Утонченного разврата, конечно, не следует искать в грубом, но простом обществе немецких городов XVI—XVII вв., но необузданность грубых инстинктов в мужчинах и даже девушках доказывает, что представители образования в то время в нравственном отношении стояли не выше простого народа.

Существует, конечно, много примеров счастливой и достойной супружеской жизни. О старике Воецие, прославившемся своей нетерпимостью в вопросах догматических, рассказывают, что он до старости сохранил нежную дружбу к жене. Часто видели, как он в часы досуга сидел рука в руку со своей 65-летней старушкой-женой. Но из всего видно, что доля жены немецкого профессора была еще скромнее, чем теперь. «Скромное ограничение себя пределами хозяйственной деятельности» (*inter metas functionis oesopomicae*), как свидетельствуют латинские надгробные речи того времени, считалось лучшим качеством жены профессора.

В заключение мы должны указать на важный недостаток тогдашних профессоров, обуславливавшийся характером общества и века, — узость взгляда и нетерпимость. Не следует, конечно, забывать, что университеты первоначально были клерикальными учреждениями. Реформация оставила за ними этот характер. «Благочестия ради учреждены университеты», — сказано в одной речи в 1583 г. Не только богословский факультет, который занимал первое место, но также медицинский и юридический должны, как сказано в Базельском уставе, «считать главной своей задачей славу Божию». «И философский факультет (*coetus*), — говорит Виттенбергский устав 1595 г., — должен быть частью Божией церкви». Так как в то время почти все отождествляли религию с буквой своего вероисповедания и самому мелкому различию в догматах и обрядах придавали существенное значение, то этим объясняется исключительность тогдашних университетов. В эпоху религиозных войн, когда церковные интересы управляли политикой, университеты служили тем же интересам, и они заслуживают упрек за то, что увеличивали и раздували раздор между враждующими партиями. Мы уже говорили о том, что каждый университет смотрел на себя как на оплот известной религиозной партии. Такая роль была возможна только при полном единодушии всех членов университета. Поэтому не только все профессора, но даже все кандидаты на ученые степени, даже все служащие при университете, синдик* и секретари, наконец учителя фехтования и танцев непременно должны были принадлежать к господствующему вероисповеданию. Университетские ревнители чистоты догматов предпочитали оставлять кафедру не замешенной по несколько лет, чем поручить ее человеку, который был бы укором для их совести. Так как протестантизм в то время разбился на партии и каждая партия имела свои символы, то при поступлении на службу от каждого требовалось, чтобы он подписал эти символы. Это подавало иногда повод к странным оговоркам. В символе Швейцарской церкви (*consensus Helveticus***) древность значков для гласных букв еврейского языка была возведена в догмат. Когда в 1693 г. Креспину, профессору *humaniorum****, пришлось подписать этот символ, то он, для того чтобы никого не обмануть, сделал следующую оговорку: «Так как всем известно, что я невежда в еврейском языке и забыл схоластику (*plane rudem et methodi scholasticae oblitum*), то

* Синдик (*греч.*) — управляющий делами. — *Прим. ред.*

** Гельветское соглашение (*лат.*). — *Прим. пер.*

*** Гуманитарных наук (*лат.*). — *Прим. пер.*

объявляю себя согласным во всем с отцами и братьями, за исключением того, что превышает мой рассудок... *exsertis, quae cartum meum superant*».

Даже правительства того времени, которые вообще не отличались особенной просвещенностью, подавали хороший пример университетам и должны были сдерживать порывы их ревности.

Известно, что пфальцский курфюрст Карл Людвиг пригласил Спинозу на кафедру философии в Гейдельбергский университет. Но умный еврей, хорошо зная, что с зилотами* нет житья, отклонил предложение. В реформатском Гамме еще в 1760 г. поднялся протест, когда на кафедру математики был представлен лютеранин. Министр Цедлиц на это сделал запрос профессорам, признают ли они также различие между лютеранской и реформатской математикой?

Нетерпимость эта иногда приводила к печальным столкновениям, как например в Лейдене, где они окончились тем, что почтенного Гейдана лишили места. Там во второй половине XVII в. враждовали две партии: ревнители старины — приверженцы Воеция — и более либеральные и современные приверженцы Кокцея и Декарта. Попечители и бургомистры города Лейдена были на стороне первых и формулировали 20 положений картезианцев, которые они запретили преподавать. «Мы не понимаем, — возразил Гейдан, — как можно отвергать эти положения на том только основании, что они не содержатся в катехизисе и в канонах Дортрехтского синода: разве университетское преподавание не должно заключать в себе ничего более?.. С нашими противниками разделяют нас не догматы, но *недостаток любви*».

Мы видим из этого, что немецкие университеты в XVII в. еще не *секуляризировались*: они не сознавали своего настоящего назначения и почти во всем еще носили свой старый покров. Немногие еще из ученых того времени понимали самостоятельное значение науки и ставили ее интересы выше тех соображений и расчетов, к которым влекли их общие предрассудки, рутина и предания старины.

Медленно и незаметно происходило освобождение науки из-под опеки того могущественного учреждения, которое породило ее и в течение стольких веков охраняло ее слабую жизнь. Историк не в состоянии указать на последовательный ход этого процесса. Отрывочно и бессвязно, часто бессознательно происходил он,

* Зилоты (*греч.*) — ревнители. — *Прим. ред.*

начиная от спора гуманистов с людьми мрака¹ во время возрождения наук и кончая борьбой поэтизма и рационализма в XVIII в. с окоченевшей протестантской догматикой. Тихо и среди частых ошибок и увлечений подготавливалась победа, тем более славная, что она была достигнута собственными средствами. Своей непобедимой силой восторжествовала наука, и благодетельное влияние ее тотчас сказалось на нравственном характере служителей. Мы с удовольствием описывали слабые и смешные стороны немецких профессоров, потому что они совершенно исчезли в настоящее время, в доказательство врачующей силы науки. Несмотря на невыгодное положение немецких профессоров, на необходимость конкурировать между собой в приобретении материальных средств, вышеуказанные пороки корпорации исчезли, и встречаются только отдельные проявления человеческой слабости, которые существуют везде, где живут и действуют люди. И теперь иногда религиозные и особенно политические страсти в разьединенной Германии порождают вражду и нетерпимость; но они сдерживаются всеобщим уважением к науке, которое заставляет дорожить каждым ее достойным представителем и заботиться об интересах университета. А в этом вся сущность дела. Много странного и педантического может встречаться в среде ученых, на что общество всегда будет смотреть снисходительно, если только оно будет находить в них то, что должно составлять главное их достоинство, именно ясное и строгое понимание своего призвания, глубокое уважение к науке и справедливое презрение ко всему, что обращается с ней небрежно и видит в ней средство для посторонних целей.

После этого длинного отступления, которое мы считали необходимым для характеристики XVII в., мы обратимся к университетской жизни Лейбница. Он поступил, как мы видели, весной 1661 г., следовательно, десяти лет, в Лейпцигский университет и по желанию своих родственников избрал юридический факультет. Но по обычаю того времени Лейбниц начал слушать лекции философии у Шерцера и Якова Томазиуса, отца знаменитого Христиана Томазиуса. Первый из них был представитель древней схоластики и ловкий боец на поле диалектики. Лейбниц всегда отзывался о нем с уважением. Но он считал себя более обязанным

¹ Много интересных сведений для истории секуляризации науки и жизни ученых в эпоху Реформации можно найти в сочинении *Kampschulte* об истории Эрфуртского университета; см. также: *Muther. Aus dem Universitäts und Gelehrtenleben im Zeitalter der Reformation*. Erlang, 1866.

Томазиусу, с которым сблизился и находился в переписке. Томазиус оживлял мертвую массу схоластики изящными формами и внес в нее живое начало, но он не был самостоятельным деятелем.

Плодом этих занятий была первая диссертация Лейбница на степень бакалавра — «*De principio individui*»*, защищенная под председательством Томазиуса весной 1663 г. Само заглавие уже многозначительно, ибо принцип индивидуальности был корнем всей философской системы Лейбница. Но в этой диссертации он стоит еще совершенно на схоластической почве. Лейбниц рассматривает свой вопрос с точки зрения древних схоластических школ, номиналистов и реалистов, и становится на сторону первых. Не лишним будет заметить, что в то время реализм имел смысл, противоположный теперешнему его значению: реалистами назывались те схоластики, которые признавали за отвлеченными понятиями — например, понятием рода — реальное значение; номиналистами же — те, которые видели в них лишь формы мышления и наименования (*nomina*) отвлеченных понятий. Но в это самое время происходил глубокий переворот в занятиях и образе мыслей Лейбница. Он познакомился с сочинением Бэкона о расширении научных познаний (*de augmentis scientiarum*) и с философией Декарта. Много было говорено о благодетельном и сильном влиянии, которое Бэкон и Декарт имели на освобождение человеческой мысли от схоластических пут; но мы были бы в состоянии лучше оценить их заслуги, если хотя бы в одном индивидуальном случае могли проследить, как совершался этот процесс. Глубокое впечатление произвели они на пятнадцатилетнего Лейбница; он сам рассказывает, как задумчиво ходил по Розенталю, знаменитому месту гулянья Лейпцигских горожан, и размышлял, следует ли сохранить веру в коренной догмат схоластической философии — в субстанциальность форм. Под руководством великих умов своего века — Бэкона, Декарта, мечтательного Кампанеллы, глубокомысленного Кеплера и положительного Галилея — его мысль окрепла, и он вырос из схоластических пеленок; но, по собственному признанию, он никогда не раскаивался в том, что положил столько времени на изучение схоластики. Близкое знакомство с ней спасло его от односторонности, с которой Бэкон, Декарт и Локк смотрели на раннюю деятельность человеческого ума, на схоластику и классическую философию. Универсальный гений Лейбница стремился везде охватить целое и отыскать гармонию; теперь он с тем же увлечением наслаждался Платоном, неоплатониками и новейши-

* «О принципе индивидуальности» (лат.). — *Прим. пер.*

ми системами механизма, с каким прежде читал схоластиков. Товарищи Лейбница, оставшиеся совершенно под влиянием господствовавшей в немецких университетах схоластики, удивлялись ему. Отдавая полную справедливость его уму и его способностям, они не понимали его и называли чудачком (*pro monstro erat*). Но Лейбниц, сохраняя полное уважение к трудам схоластических философов, хорошо сознавал, что их время прошло. В этом смысле он стал смотреть с пренебрежением на дальнейшие занятия схоластикой, считая ее, как он сам выражается, поверхностной и бесполезной для человеческого прогресса.

Путеводной нитью, которая окончательно вывела из лабиринта схоластики, была для Лейбница, как и для других его современников, математика. Мы видели, что в школах или совсем не учили математике, т. е. геометрии, или проходили ее весьма плохо. Лейбниц только в университете познакомился с Евклидом с помощью какого-то Кюна, который преподавал так темно, что остальные студенты совсем его не понимали, и только Лейбниц пускался с ним в объяснения и растолковывал товарищам его теоремы. Лейбниц потом с грустью вспоминал об этом пробеле в своем образовании. «Если бы, — говорил он, — я провел свою юность, как Паскаль, в Париже, я, может быть, раньше обогатил бы науку».

Его математическое образование недалеко подвинулось в Лейпциге, и по защите своей бакалаврской диссертации он на летний семестр 1663 г. перешел в Йенский университет. Обычай студентов посещать несколько университетов и теперь существует в Германии, но прежде, особенно в Средние века, он господствовал еще более. Многие просто путешествовали по университетам, и из них сложился класс «странствующих студентов» (*fahrender Scholast*), этот интересный тип Средних веков.

В Йену Лейбница привлекал, вероятно, математик Эргард Вейгель, но он слушал, кроме того, юридические курсы у Фалькнера и исторический у полигистора Бозиуса. Йена вообще в то время славилась своими профессорами и веселой, даже слишком разгульной, студенческой жизнью. Даже во время Тридцатилетней войны Йенский университет не переставал процветать, и Гергард пишет: «Наш университет цветет как розан между шипами». Подобно большинству современных ученых, особенно на философском факультете, Вейгель занимался несколькими науками, но подобно немногим, он был самостоятелен и оригинален во всех. Кроме математики, он занимался философией, особенно этикой и естественным правом. Когда Лейбниц был в Йене, там рассказывали, что Пуфендорф, слава которого начинала распространяться

в это время, заимствовал основания своего естественного права из тетрадок Вейгеля. В философии он старался восстановить истинное понимание Аристотеля, искаженного схоластикой, и примирить с его учением теорию новейших философов и физиков; он враждовал со схоластикой и, как рассказывает Лейбниц, приводил в смущение ее приверженцев, требуя на диспутах, чтобы они передавали свои термины и пустые определения на немецком языке. Схоластика держалась, пока был в употреблении ее орган — латинский язык, произвольно изуродованный для ее потребностей; но живые языки, полные силы, не поддавались порабощению, и когда они получили право гражданства в области науки, схоластика пала.

Главным двигателем умственного развития, наравне с философией, была в то время математика. Ее влияние не могло не отразиться на остальных науках, и математический метод везде и во всем был в то время таким же лозунгом, как в XIX в. возгласы о методе естественных наук. Мы постоянно встречаемся с учеными, которые делают задачей своей жизни применение математики, по крайней мере ее метода, к философии, к этике, к *праву* и даже к богословию. К таким ученым, почувствовавшим на себе живую силу математики, принадлежал и Вейгель. Тут, конечно, не могло обходиться без промахов и курьезов. Таково, например, сочинение Вейгеля «Школа добродетелей», в котором он старается применить арифметику к учению о добродетелях. Но на такие *применения* смотрели тогда вовсе не как на курьез, а очень серьезно. Богословский факультет восстал в 1679 г. против Вейгеля, который *доказывал* троичность Бога на основании математических принципов. Вейгель должен был формально отречься (*revociren*), по настоянию курфюрстских комиссаров, от всего, «что признано господами богословами неправославным (*heterodoxum*) и нечестивым в его лекциях и сочинениях» (*solches alles ind jades kraft dieses zum kräftigsten widersprochen haben will**).

Вейгель, как представитель господствовавшего в то время стремления применять математический метод к философским и нравственным наукам, оказал глубокое влияние на Лейбница. Следы этого влияния мы встречаем во всех юношеских произведениях Лейбница. Но он не остановился лишь на попытках и стремлениях и извлек настоящую пользу из этого стремления века. Лейбниц действовал не ощупью, как другие, стремления ко-

* От всего этого вместе и по отдельности, поскольку сие крайне противоречит (христианскому учению) (*нем.*). — *Прим. пер.*

горых остались бесплодны, потому что они механически прилагали друг к другу разнородные по своему содержанию науки; он сумел найти точку прикосновения этих двух областей, и главное изобретение его в математике — *дифференциал* — совпало с принципом его философской и космогонической системы — *монадой*.

В Йене Лейбниц был принят членом ученого общества, состоявшего из профессоров и студентов и называвшего себя *societas quaerentium**. Это общество собиралось ежедневно, и члены его излагали свои суждения о различных старых и новых книгах, прочитанных ими. Эти суждения записывались в особый журнал. И в Лейпциге были такие же общества, бумаги которых, как говорит Гурауер, сохраняются в университетской библиотеке. Лейбниц принимал участие в их собраниях, и везде товарищи признавали за ним первенство. По возвращении в Лейпциг он посвятил себя своим специальным занятиям и слушал юридические курсы у Шахера и Швендендёрфера. Но Лейбниц здесь, как и во всех других случаях, шел своей собственной дорогой. Он не удовлетворялся теоретическим изучением права; практический гений побуждал его готчас же применять теорию к делу. Лейбниц говорит, что предшествовавшие занятия историей и философией чрезвычайной облегчили ему изучение и понимание юридических наук. Поэтому он недолго останавливался на догмате и законах; он был дружен с одним ассессором в Лейпцигском надворном суде; тот часто давал ему читать акты и учил, как составляются приговоры. Таким образом, Лейбниц рано вник в область права; ему нравилась деятельность судьи, но он не терпел уловок и хитростей (Ränke) адвокатов. Как он сам говорит, это было причиной, почему он никогда не соглашался вести процессы, хотя, по мнению всех, он хорошо владел немецким языком.

Это последнее обстоятельство очень важно. Ученые сочинения и диссертации все писались по-латыни, и если бы Лейбниц не занимался у практического юриста, он не выучился бы владеть немецким языком. Впоследствии это принесло ему большую пользу. Лейбниц был первый замечательный ученый Германии, который писал по-немецки, и хотя большинство его сочинений писано по-латыни и по-французски, он все-таки содействовал вытеснению латинского языка из области науки и философии, без чего было невозможно дальнейшее их развитие.

По обычаю того времени, Лейбниц защитил в продолжение студенческой жизни несколько диссертаций. Для получения сте-

* Общество взыскующих (лат.). — Прим. пер.

пени магистра философии он представил диссертацию, в которой указывал на важность философии для юриспруденции и на точки соприкосновения между этими двумя областями. По его собственному выражению, он желал содействовать тому, чтобы юристы перестали относиться с пренебрежением к философии, и убедить их, что без философии большая часть юридических вопросов представляет безвыходный лабиринт.

Мы видим из этого, что жалоба на пренебрежение к философии ведется исстари и что это пренебрежение нельзя оправдать ни падением философии, ни высоким процветанием других наук, ибо везде, где проявлялось это пренебрежение, оно исходило из одного источника — из невежества и незнания философии.

В двух других юридических диссертациях Лейбниц развивал мысль, к которой он потом часто возвращался, но которую ему не удалось осуществить. Он был поражен глубиной, логичностью и точностью мысли древних римских юристов, и ему казалось, что при некоторых усилиях можно было бы дать их аргументам силу неопровержимых, почти математически точных доказательств.

Весной 1666 г. Лейбниц защищал диссертацию *pro loco**, т. е. чтобы приобрести право занять со временем место в философском факультете. Эту диссертацию он потом обработал и издал отдельным сочинением, под заглавием «*De arte combinatoria*»**. В этом труде вполне отражаются все университетские занятия и стремления Лейбница. В них высказывается сильное преобладание математики и надежда достигнуть великих результатов посредством применения математического метода к другим наукам.

Прошло уже 5 лет с тех пор, как Лейбниц вступил в университет, и ему минуло 20 лет. При его способностях, познаниях и умении заниматься пребывание в университете сделалось уже для него бесполезным, но обычай не позволял ему искать необходимой докторской степени до истечения пятилетнего срока. Впоследствии он вспоминал с сожалением и раскаянием о потерянном времени и говорил, что эти 5 лет можно было бы сократить вдвое.

Наконец наступил желанный срок, но тут Лейбниц встретил неожиданное препятствие. Факультет не допустил его к экзамену. Так как причина со временем сделалась неизвестной, то начали придумывать различные объяснения, возникли какие-то темные сплетни о жене декана и др. Но настоящая причина объяснена самим Лейбницем в его записках.

* Ради места (лат.). — Прим. пер.

** «О комбинаторном искусстве» (лат.). — Прим. пер.

Юридический факультет Лейпцигского университета, кроме профессоров, состоял из 12 ассессоров, которые занимались более юридической практикой, т. е. составлением мнений и консультациями, чем лекциями и диспутами. В этот факультет принимались по старшинству все доктора прав, получившие свою степень в Лейпциге, как скоро открывалась вакансия. Лейбниц рассчитал, что если он рано приобретет докторскую степень, то до него скоро может прийти очередь, и он обеспечит свое положение. Но именно этого-то не желали допустить другие претенденты, которые были гораздо старше его, и они хотели заставить его отсрочить экзамен до другой промоции. Большинство членов факультета было на их стороне. Тогда Лейбниц решил оставить свой родной город и приобрести докторство в другом университете. Ему было не трудно решиться на это. Его живой натуре казалось «неприличным для молодого человека сидеть пригвожденным к одному месту». Кроме того, его манило вдаль пламенное желание увидеть другие страны и усовершенствоваться в математике.

Лейбниц навсегда покинул свой родной город, и это решение имело большое влияние на его дальнейшее развитие и на его судьбу. Неизвестно, почему он избрал Альторф, чтобы приобрести там то, в чем ему отказал Лейпцигский университет. Может быть, его привлекало туда то обстоятельство, что у него там был родственник и однофамилец. Но Лейбницу не нужна была протекция. Экзамен его и диспут были так блистательны, что обратили на него всеобщее внимание. На диспуте Лейбниц выказал замечательный дар слова, так что многие думали, что он читает свою речь, хотя он говорил спонтанно. Ясность, с которой он излагал свои мысли, казалась необычайной для юриста и чрезвычайно удовлетворила слушателей и оппонентов.

В диссертации «*De casibus perplexis*»^{*} Лейбниц разбирал вопрос, какими принципами следует руководствоваться при разрешении запутанных случаев, т. е. когда в пользу той и другой стороны представляются одинаково важные соображения. Он отвергал мнение тех, которые говорили, что в таких случаях нужно ничего не постановлять (*non liquet*), а равно и мнение их противников, утверждавших, что решение нужно предоставить жребию или личному взгляду судьи. Лейбниц полагал, что в таких случаях нужно прибегать к естественному, или общенародному, праву, ибо всякое положительное законодательство есть известное видо-

^{*} «О запутанных судебных случаях» (лат.). — Прим. пер.

изменение естественного права и поэтому его пробелы следует пополнять из этого общего источника, основанного на чистом разуме.

Успех Лейбница был так велик, что комиссия, заведовавшая учебной частью в Нюрнбергской республике, в области которой находился Альторф, предложила ему занять место в Альторфском университете. Но Лейбниц отклонил предложение. Он не хотел закабалить себя деятельности, результатами которой остался так мало доволен. Его отталкивали рутинерство и педантизм профессоров, буйный и грубый разгул студентов, бедность университетских интересов, мелочность богословских споров, разделявших профессоров и университет на враждебные партии. Ему не хотелось окончить жизнь в качестве многоуважаемого профессора или, пожалуй, ректора-магнификуса маленького провинциального немецкого университета. Жизнь кипела в 20-летнем юноше, который сознавал свою силу: ему хотелось выйти на более обширную арену; жажда знания влекла его туда, где был источник настоящей науки и действительного прогресса, в Париж, в славную и свободную Голландию, где, под защитой республиканских учреждений, собирались ученые и передовые люди всех стран. В то время, небогатое специальными знаниями, более чем теперь было важно и полезно общество передовых людей, представлявших собой всю образованность века и оказывавших поэтому на развитие и направление общества громадное влияние. Во время студенчества Лейбница умерла его мать, и он вместе со своей сестрой получил небольшое наследство, которое обеспечивало его на некоторое время. Он решил переехать в Нюрнберг, который, благодаря своей муниципальной свободе, был в то время одним из самых богатых и замечательных городов Германии и заключал в себе более 40 тысяч жителей, хотя он уже перестал быть центром торговли и умственной и художественной деятельности в Германии, каким являлся во время Реформации наравне с Аугсбургом.

Пребывание Лейбница в Нюрнберге представляет один только замечательный эпизод. В этом промышленном городе, как во многих других местах того времени, было замкнутое общество, занимавшееся алхимией и *выдelyванием* золота. Любознательность Лейбница была в высшей степени заинтересована таинственностью, покрывавшей эти занятия. Чтобы проникнуть в это общество, он придумал хитрость, о которой под старость со смехом рассказывал своему секретарю. Он взял несколько химических книг и выписал оттуда самые непонятные и темные выражения. Из них он составил письмо к председателю общества и просил принять его в

члены. Между членами общества было много профессоров, авторфских и нюрнбергских пасторов и юристов, а председателем его был профессор богословия и пастор Вюльфер. Вюльфер подумал, что Лейбниц совершенно посвящен в тайны алхимии, пригласил его в лабораторию и предложил даже место секретаря в обществе за известное вознаграждение. Обязанность его заключалась в том, чтобы вписывать в журнал все произведенные алхимические опыты и делать извлечения из знаменитейших химических книг для руководства и по указанию членов. И вот молодой доктор права, со свойственной ему энергией, принялся за изучение химии и за алхимические опыты. Лейбниц впоследствии был очень доволен этими юношескими затеями. Век алхимии еще не прошел. Она была модным занятием важных особ. Лейбницу, во время его пребывания при различных дворах Германии, нередко приходилось быть помощником и советником государей, занимавшихся алхимией; опытность, приобретенная им в юности, служила ему средством сближения с коронованными алхимистами; он удерживал их от увлечений, но из его рассказа не видно, чтобы он сам был совершенно убежден в бесплодности этих опытов.

Так прошла зима 1667 г. В это время через Нюрнберг проезжал барон Бойнебург, бывший министр Майнцского курфюрста Шёнборна, один из замечательнейших политических деятелей Германии в XVII в. Случайная встреча за общим столом в гостинице или, как другие говорят, рекомендация одного из алхимистов была поводом к знакомству между Бойнебургом и Лебницем. Опытный государственный человек тотчас распознал ум и способности своего собеседника. Он пригласил его переселиться во Франкфурт, где в это время жил Бойнебург, и, вероятно, обещал доставить ему место в Майнцской службе. Лейбниц последовал приглашению. Он оставил Нюрнберг и заключил этим период своей студенческой жизни. Перед ним открылось более обширное поле деятельности, и мы скоро увидим молодого алхимика в кругу людей, направлявших политику Германии. Лейбниц становится замечательным публицистом, и имя его приходит в связь с важнейшими историческими событиями той эпохи и с политическими комбинациями, которые волнуют умы еще и в наше время. Поэтому нам нужно теперь познакомиться с политическим состоянием Германии и Европы в то время и с теми людьми, с которыми была связана деятельность Лейбница.

ГЛАВА II

ЛЕЙБНИЦ В МАЙНЦЕ. ГЕРМАНСКИЙ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЫ В XVII В.

Тесная связь германского вопроса с папским и итальянским. — Общее происхождение их из средневекового порядка вещей. — Различные взгляды современных немецких историков на германский вопрос. — Различные взгляды на разрешение этого вопроса в XVII в. — Богуслав Хемниц, Hippolithus a Lapide. — Пуфендорф. — Его критика современного состояния Германии. — Переворот в европейской политике. — Могущество Франции. — Распадение Германии на 3 группы. — Рейнский союз. — Вмешательство Людовика XIV в дела Германии. — Турецкая война и Эрфуртское дело. — Архиепископ Майнцский. — Династическая политика немецких князей. — Барон Бойнебург. — Отношения Лейбница к Бойнебургу. — Его занятия в Майнце. — Математический метод в юридических и политических науках. — Занятия Лейбница по физике и философии. — Его религия. — Занятия политикой. — Записка о водворении внутренней и внешней безопасности в Германии. — Проект Лейбница о завоевании французами Египта. — Шум, который наделало обнаружение этого проекта в 1803 г. — Мнение о нем французских историков. — История восточного вопроса. — Три периода его. — Общий взгляд на этот вопрос в XVII в. — Лейбниц вносит в этот вопрос новую точку зрения. — Интересы цивилизации. — Его записка об экспедиции в Египет. — Своевременность этого плана. — Переговоры с французским правительством по поводу его проекта. — Лейбниц отправляется в Париж. — Перемена, происшедшая в положении восточного вопроса вследствие политики России. — Роль России в этом вопросе.

Последнее десятилетие всемирной истории чрезвычайно замечательно по важности совершившихся в нем событий, и чем далее последние отодвинутся в прошедшее, тем более выступит на вид их значение и тем ощутительнее станут их последствия. Все эти события имеют известное значение для настоящего и для будущего, и с этой точки зрения они рассматриваются современниками. Но для людей, которые соединяют интерес к современному с любознательностью относительно прошедшего, некоторые из них представляют двойной интерес. Они обращены своим лицом к прошедшему; ими заканчивается длинный ряд исторических фактов, тянувшийся целые века; корни их нужно искать в отдаленном прошедшем, в романтической эпохе Средних веков и еще ра-

ныше — в сумрачном периоде варварства, который наступил после падения Западно-Римской империи.

Обыкновенно полагают, что преобразования XVII в. и Французская революция покончили с остатками Средних веков. Действительно, они изгладили из внутренней жизни европейского общества, из сферы законодательства и обычаев, науки и образа мыслей людей многое, что было порождено феодализмом и схоластикой, этими главными произведениями средневековой цивилизации. Но многое осталось нетронутым или было потом восстановлено реакцией, последовавшей за падением Наполеона. Менее всего эти преобразования коснулись политических вопросов, вызванных средневековым порядком вещей. Между ними особенно выдаются три вековых вопроса, которые остались неразрешенными до нашего времени, и последнее десятилетие важно именно потому, что оно как будто было призвано для того, чтобы покончить все их за один раз или по крайней мере определить их решение. Эти три вопроса, поставленные Средними веками, называются папская власть, политическое состояние Италии и политическое состояние Германии. Все они тесно связаны между собой, и запутанность каждого из них мешала удовлетворительному решению остальных. Что касается до первого вопроса, то, как известно, развитие папской власти было вызвано особенными условиями средневекового периода; духовная власть папы в то время не могла упрочиться иначе, как приняв светский характер. В настоящее время светская власть папы есть не что иное, как мумия давно минувшего феодального периода; но в Средние века светская власть римского епископа составляла такое же нормальное явление, как самостоятельность других территорий, принадлежавших духовным лицам, особенно в Германии. Реформация и войны Наполеона секуляризировали все эти духовные территории, и тогда во всей Европе осталась одна только церковная область.

Не менее связан с ходом средневековой истории итальянский вопрос. Одно из самых трогательных зрелищ в истории представляют четырнадцативековые тщетные стремления Италии к политической организации, к самостоятельной жизни, к единству. С тех пор, как в северной Италии образовалось Готское, а потом Лонгобардское государство, не прекращалась эта непрерывная борьба против иноземного влияния, которое хочет навязать Италии чуждый ее интересам порядок. Все усилия лонгобардских королей вызвать Италию к новой политической жизни после распада Римской империи — сделать для нее то, что франки сделали для Галлии, вестготы для Испании — разбивались о твердые стены Ра-

венны, защищаемые византийскими гарнизонами, и о развалины Рима, охраняемые более сильным оружием — золотом церкви и нравственным обаянием римского епископа. Наконец Равенна пала, и гордый епископ должен был смириться; он, казалось, должен был расстаться с мечтой о господстве над церковью и довольствоваться ролью своего соперника, Константинопольского патриарха, который был патриархом в своей епархии и слугой светского государя; но на помощь римскому епископу явилась Франция, и вскоре за тем ценой императорской короны, отданной северным варварам, папы купили свою самостоятельность и тысячелетнее порабощение Италии.

С этого времени цветущие поля Италии периодически затаптывались необузданными войсками, когда императоры *Священной Римской империи* отправлялись совершать вооруженной рукой свою коронацию в храме Святого Петра; пылающие города и кровавые сражения обозначали путь этого торжественного шествия, которое так часто оканчивалось печально для самих коронованных. Когда эта мечта об универсальном императоре, главе всего христианского мира и покровителе церкви, прошла как мираж, Италия была раздроблена, и власть папы была упрочена. Только в мире духовном итальянцы достигли объединения; в области науки, поэзии и особенно искусства усилия итальянцев различных провинций дружно сливались в общем деле. Но пока зрели плоды этой прекрасной цивилизации, соседи итальянцев были заняты более суровой работой, политическим объединением страны и упрочением монархической власти, и на границах Италии вдруг возникли три грозные монархии — Франция, Испания и Австрия, которые вступили друг с другом в состязание на итальянской почве и за владычество в Италии. С этого времени Италия сделалась предметом раздора между своими соседями, и под суровым владычеством иностранцев погибла ее цивилизация и иссякли ее силы.

Наконец, в наше время Франция искупила свою вину против Италии; она сначала идеями, порожденными великой революцией, содействовала ее возрождению, а потом обеспечила возрождение своей материальной помощью¹.

¹ Мы не можем не вспомнить при этом, как искренно интересовался покойный П. Н. Кудрявцев судьбой Италии и с каким живым сочувствием он ожидал ее возрождения. Ранней судьбе Италии был посвящен его главный литературный труд — той поре, когда Италия шла к политическому объединению под властью лонгобардских королей. Сочинение это было написано в то время, когда наследники Лонгобардов, пьемонтские короли, сделали последнюю неудачную попытку освободить Италию из-под власти иноземцев (1849—1850).

Италия сделалась жертвой грандиозного средневекового идеала, воспетого Данте. Идеал заключался в объединении всего христианского мира в религиозном и политическом союзе, представителями которого должны быть две главы мира, папа и император. Этот идеал потребовал еще другой жертвы — Германии. Немецкие короли, преследуя космополитические планы несбыточного господства над миром, не имели силы и времени бороться с феодализмом, который незаметно подточил единство Германии; и когда феодализм уступил место более зрелому государственному быту, Германия оказалась раздробленной на множество самостоятельных территорий, соединенных номинальной связью — тенью, которая продолжала титуловаться Священной Римской империей. Но в Германии долго никто не хотел понять настоящего положения вещей; с необыкновенным ослеплением все продолжали лелеять предания и повторять устаревшие термины, не сознавая, что действительность перестала им соответствовать. Особенной непрактичностью отличались историки. Подобно средневековым летописцам, которые считали Германскую империю продолжением Римской, немецкие историки не хотели понять совершенно изменившегося характера своего государства; они продолжали считать австрийских Габсбургов преемниками средневековых Оттонов и Генрихов и судили о прошедшем с точки зрения партии, которая называла себя *reichspatriotisch**. Недавно только историческая наука в Германии освободилась от преданий и усвоила себе точку зрения, более соответствующую современному положению вещей. Рассадником этого нового направления был Берлинский университет, основанный именно в тот момент, когда исчезла самая тень Священной Римской империи, и тем немецким правительством, которое в своей политике пошло наперекор старинным преданиям.

Тот самый государственный человек, которому Пруссия преимущественно обязана своим обновлением после наполеоновского погрома, — Штейн сделался основателем исторического общества, около которого потом группировались лучшие силы новой

Когда прошли над Европой мрачные годы реакции против движения 1848 г. и когда снова блеснула надежда окончить тысячелетнее дело Италии, Кудрявцев с прежним сочувствием отнесся к стремлениям, которые многим тогда казались фантастической мечтой. О том, как он интересовался итальянскими делами, свидетельствуют письма из Италии, написанные им для «Русского Вестника» зимой 1857 г., в последний год жизни, когда никто еще не мог предвидеть успеха. Покойному не суждено было дожить до восторженного одушевления итальянцев и до событий 1859—1860 гг., создавших единую Италию.

* Имперско-патриотической (нем.). — Прим. пер.

исторической школы. Последователи этой школы скоро разнесли по всей Германии новый взгляд, который они называли национальным, противники же их — прусским, или *готским*. Этот взгляд их так соответствовал современным потребностям Германии и сделался так популярен, что остальные немецкие государства, несмотря на свой партикуляризм и ненависть к Пруссии, не могли воспротивиться его влиянию, и несколько лет тому назад исторические кафедры во всех главных университетах средних государств были заняты представителями национального или даже специально-прусского взгляда; так, в Гейдельберге был Гейссер, в Мюнхене — Зибель, в Йене — Дройзен, автор сочинения о прусской политике. Труды этой школы выставили всю историю Германии в совершенно новом свете. Особенно изменился взгляд на средневековый период немецкой истории. Политика блестящих императоров, своими победами упрочивших за Германией обладание Италией и титул Римской империи, которой так восторгались *имперские* историки, подверглась строгим нареканиям. Новая школа стала доказывать, что эта политика была антинациональная, что постоянные походы в Италию изнурили материальные силы Германии и что стремление к *универсальному* господству имело своим последствием политическое ничтожество Германии, начиная с XVII в. С национальной точки зрения рассматривалась потом деятельность императоров из Габсбургского дома.

Габсбурги с самого начала заботились только о приращении своих владений и этой цели приносили в жертву интересы империи. В XV в., угождая папству, они противодействовали попыткам ослабить влияние папы на церковные дела в Германии и дать церкви, по примеру Франции, национальный характер. В исходе XV в. Габсбурги противились преобразованию государственного устройства Германии, потому что не хотели отказаться от своих планов относительно Бургундии и Италии в пользу более национальной политики, на которой настаивали приверженцы реформы. Вскоре за тем Габсбургский дом занял престол Испании. Карл V смотрел на Германию как на провинцию своей огромной империи, в которой солнце не заходило. Он во всем держался испанской политики и свои итальянские завоевания присоединил не к Германии, которой они издревле принадлежали, а к Испании. В союзе с папством, он воспротивился церковной реформе и расколол таким образом немецкий народ на две враждебные половины. Австрийские преемники его, подчиняясь влиянию иезуитов, довели до крайности религиозные страсти; они заботились только о том, чтобы воспользоваться средствами империи для своих войн с турками и для

завоевания Венгрии, а в войнах с французами постоянно жертвовали национальными интересами, уступали немецкие области, для того чтобы сохранить владения своего дома в Италии. До последней минуты австрийская политика сохранила этот характер и за обладание северной Италией готова была рисковать интересами Германии. Вследствие этого всякое противодействие австрийской политике было национальным делом, и в этом отношении самые важные заслуги оказаны Пруссией, которая уже при Великом курфюрсте явилась представительницей национальных интересов. Фридрих Великий, наконец, разорвал очарованный круг, в котором Габсбургский дом держал Германию. После него Пруссия, и в деле образования, и в отношении внутреннего устройства, сделалась передовым государством Германии. Она объединила Германию, вопреки желанию Австрии, в экономическом и в духовном отношении, и потому только ей может быть разрешена задача политического объединения немецкого народа. Вот вкратце та критика, которой новая школа подвергла политику немецких императоров. С наибольшей рельефностью и ясностью она высказалась в сочинении талантливейшего из немецких историков *Зибеля* «Die Deutsche Nation und das Kaiserreich»*. Но этот взгляд нашел себе много противников. Защитниками императорской политики явились прежде всего австрийские и католические историки, между которыми по своей учености занимает самое видное место инспрукский профессор *Фикер*¹.

Партикуляризм, которым держится самостоятельность средних немецких государств, также выставил несколько ревностных защитников древних императоров и противников Пруссии. Между последними особенно замечателен резкостью своей полемики *Онно Клопп*, библиотекарь Ганноверского архива и издатель сочинений Лейбница. Клопп написал сочинение о Тридцатилетней войне, в котором старался оправдать Тилли от взводимых на него упреков в жесткости и выставить Густава Адольфа виновником всех бедствий Германии, ибо под личиной защиты протестантизма он желал в союзе с Францией увеличить Швецию на счет Германии. Наследницей этой шведской политики, пользовавшейся протестантизмом, чтобы возбудить ненависть против Габсбургского дома, явилась, по мнению Клоппа, Пруссия, которая преследует эгоистические планы в ущерб национальным интересам Герма-

¹ *Ficker*. Das deutsche Kaiserreich in seinen nationalen und universalen Beziehungen.

* «Немецкая нация и кайзерская империя» (нем.). — Прим. пер.

нии. Клопп является представителем той политической партии в Германии, которая называет себя великогерманской (*grossdeutsch*) и которая желала включить всю Австрийскую империю в тесный союз с Германией или по крайней мере уменьшить влияние Пруссии и предоставить Австрии полную гегемонию в Германии. Он негодует на вышеназванных историков, называя их представителями малогерманской партии, поборниками идей *национального общества* (*Nationalverein*), которое было готово купить объединение Германии ценой исключения Австрии из Германского союза. В своем памфлете (*Kleindeutsche Geschichtsbaumeister*) он запальчиво обвиняет Гейссера, Дройзена и Зибеля в пристрастии к Пруссии, в искажении исторической истины и непонимании национальных интересов. В этом сочинении резким нападкам подвергается, кроме того, гейдельбергский юрист Блунчли за его пристрастие к Пуфендорфу, который в XVII в. будто бы явился провозвестником идей, проповедуемых теперь национальным обществом. В своей полемике против Блунчли и Пуфендорфа Клопп постоянно ссылается на современника Пуфендорфа — Лейбница, который ему мало сочувствовал и стоял на совершенно другой точке зрения¹.

Эта полемика переносит нас в XVII в., когда в немецкой публицистике уже были возбуждены те же самые вопросы, но когда они, конечно, представлялись в совершенно ином свете. В XVII в. в Германии наделала много шума политическая брошюра о состоянии Римско-Германской империи, написанная, по обычаю того времени, по-латыни с большим запасом ученых цитат, под псевдонимом *Hippolithus a Lapide*. Впоследствии оказалось, что автором ее был Богуслав Филипп фон Хемниц, который скрыл свое славянское имя под латинским переводом *a Lapide*. Хемниц сначала служил в голландских войсках, потом в шведских, впоследствии был сделан шведским историографом и награжден королевой Христиной дворянством и именем.

Сочинение его² появилось в 1640 г. и было явно написано по внушению шведского правительства. Оно должно было подействовать на общественное мнение в Германии, возбудить ненависть

¹ Сюда еще относятся брошюры Клоппа: 1) *Die Gothaische Auffassung der deutschen Geschichte und der Nationalverein*. 1862 г.; 2) *Offener Brief an H. Pr. Häusser*.

² *Dissertatio de ratione status in Imperio nostro Romano-Germanico*. Aust. Hippolithus a Lapide. S. 1., 1640. Pars I. P. 258; Pars II. P. 152; Pars III. P. 55. Во время Семилетней войны это сочинение было издано в немецком переводе с подробными комментариями: *Hippolithi a Lapide. Abriss der Staatsverfassung* (и т. д.). 1761 (in 8°).

против Габсбургской династии и внушить протестантским князьям новое рвение в пользу шведского дела. Протестантские князья с недоверчивостью смотрели на своих защитников-шведов и, испугавшись их успехов, стали сблизиться с императором. Плодом этой политики был Пражский мир, заключенный между курфюрстом Саксонским и императором. Сочинение Ипполита а Лапиде имело целью показать, какая опасность грозила бы не только протестантским, но и всем остальным князьям, если бы восторжествовали Габсбурги. Сочинение распадается на три части: в первой автор разбирает государственное устройство Германской империи и старается доказать, что она не монархия, а аристократия, ибо император не обладает правами монарха и даже может быть лишен имперскими князьями своего сана; во второй части автор говорит о настоящих интересах немецкой нации; в третьей части — о средствах, которыми можно восстановить и упрочить навсегда свободу в Немецком государстве. Нас здесь интересует не столько юридическая, сколько политическая сторона разбираемого сочинения. Юридическая точка зрения автора совершенно ложная — он не понимает или не хочет понять первоначального устройства Немецкой империи, по которому император был действительно главой государства; все монархические тенденции автор приписывает влиянию римского права, и он не прибегает к резким выражениям против юристов и докторов этого права. Ипполит постоянно толкует о свободе, но злоупотребляет этим словом, ибо понимает под ним не политические и гражданские права народа, но произвол князей и право их заключать союзы с врагами отечества. Странно звучат в устах этого защитника княжеских прав и династических интересов выражения, заимствованные у Демосфена, и высокопарные слова: «Мы в свободе рождены и воспитаны»¹. Защищая самостоятельность членов имперского сейма, Ипполит становится на точку зрения английских либералов, совершенно забывая, что парламент действительно состоял из представителей народа, чины же имперского сейма (*Reichsstände*) представляли независимые государства и общины, которые в своих пределах деспотически и без ответственности управляли народом.

¹ *Dissertatio de ratione... Pars III. Cap. II. P. 18: Nobis, in lebertate natis et educatis, placet generosa illa Demosthenis vox, qui plerisque aliis Antipatri humanitatem ac facilitatem laudantibus dominum, inquit, quantumenque facilem repudiamus* (Нам, рожденным и воспитанным в свободе, импонирует этот благородный тон Демосфена, хозяина, давшего приют Антипатру и вознесшего хвалу его человечности и простоте, сколько бы мы на словах такую простоту ни отвергали (*лат.*). — *Прим. пер.*).

Но перейдем к политической стороне сочинения. Ипполит старается доказать, что Габсбурги — злейшие враги Германии и что для ее спасения необходимо уничтожить габсбургское могущество. «Пусть же, — восклицает он, — все соединят свои войска и нападут на детей умершего тирана (Фердинанда II) и на весь этот род, столь пагубный для нашего государства и для нашей дедовской свободы, на этот Австрийский дом, который никому кроме самого себя не верен. Пусть он будет совершенно изгнан из Германии, сообразно с заслугами, которые он оказал нашему государству. Обширные области его, которые он приобрел по милости (*beneficio*) империи и как ее лен*, пусть будут конфискованы и обращены в казенную собственность... Если справедливы слова Макиавелли, что в государствах бывают роковые семейства, которые возникают на погибель своего отечества, то, конечно, таков для Германии этот Австрийский дом, который, начав с малого, дошел до такого могущества, что стал страшен и пагубен для всей империи»¹.

Предложения автора, каким образом заменить изгнанную династию, чрезвычайно непрактичны и свидетельствуют о безвыходном положении Немецкой империи. Он советует избрать нового императора, невзирая на его знатность и могущество его рода и только принимая в соображение его личные достоинства. Обеспечить его можно было бы доходами с конфискованных владений Габсбургов, и, кроме того, курфюрсты могли бы отказаться в его пользу от некоторых незаконно присвоенных доходов империи, например от пошлин на Рейне. Чтобы обезопасить свободу империи, следует принять некоторые меры: не следует избирать более трех императоров сряду из одного дома; по смерти императора следует подвергнуть суду все его действия, выслушать все жалобы против него и при составлении условий, предлагаемых его преемнику пред избранием (*Capitulation*), отнять у него возможность повторить такие действия. Ипполит указывает весьма неудачно на Польшу, которая таким способом обеспечила за собой свободу и ограничила власть королей.

Гораздо больше политического смысла Ипполит выказал в вопросе религиозном. Он считает необходимым условием политического благоденствия примирение религиозных партий. Он тре-

¹ *Dissertatio de ratione...* Pars III. Cap. II, в начале.

* Лен (*нем. Lehn*) — в Западной Европе в эпоху феодализма (гл. обр. в Германии) — земельное владение, которое вассал получал от сеньора на условии несения службы (гл. обр. военной), с XII в. наследственное. — *Прим. ред.*

бует полной равноправности для обеих церквей и убеждает обе партии отказаться от своих крайних притязаний. Вспомним, что это было написано во время Тридцатилетней войны. Правда, война эта уже начинала утрачивать религиозный характер, который она имела вначале, политические интересы выступили на первый план; французы сражались за протестантов, протестантские саксонцы были в союзе с католической Австрией. Ипполит прямо говорит: «Да замолкнет, наконец, и исчезнет этот мнимый (*vanus*) предлог религии; ибо мы не верим, чтобы борьба шла преимущественно из-за религии; она идет из-за политических интересов, из-за того, будем мы жить в свободе или с позором преклоним шею под ярмо Австрийского дома, смешанного с испанской кровью»¹. Но и тут нет речи о настоящей религиозной свободе — о свободе совести и веротерпимости. Автор и тут стоит на точке зрения князей; он требует равноправности для имперских чинов, отстаивает права протестантских князей секуляризировать духовные имущества, но умалчивает о правах подданных. Его веротерпимость исходит не из философского или нравственного принципа, а из политической необходимости.

Далее Ипполит требует реорганизации имперского сейма и учреждения из чинов империи особой директории, члены которой должны чередоваться. В заключение Ипполит настаивает на необходимости составить настоящую имперскую армию и учредить имперскую казну; но, по его мнению, каждому князю должна быть предоставлена забота о составлении и содержании его контингента, и только общее начальство над всей армией должно быть вручено императору под строгим надзором сейма.

Резкость мер, предлагаемых Ипполитом против Габсбургского дома, свидетельствует о сильном возбуждении страстей во время тогдашней войны. Но после Вестфальского мира все опять пошло по старой колее. Политическая организация империи приняла еще более уродливый вид, ибо независимость князей увеличилась и разнородность их интересов становилась все ощутимее. Между тем юристы и публицисты Германии пребывали в своем наивном ослеплении — они продолжали обсуждать политическое устройство Германии с точки зрения римского права и подводить его, по обычаю схоластиков, под политические категории Аристотеля, не вникая в действительность. Но педантизм и рутина

¹ *Dissertatio de ratione... Pars III. Cap. I: Non enim credimus de religione jam amplius principaliter, sed de regione potius agi* (Мы полагаем, что дело, по существу, идет уже не столько о религии, сколько о правлении (*лат.*). — *Прим. пер.*).

их были сильно потрясены смелой и мастерской критикой существующего порядка. «*De statu Imperii Germanici*»*, которая появилась в 1667 г. под псевдонимом Северин Монзамбано. Автором этого сочинения, которое произвело сильное впечатление на современников и разошлось, как уверяют, несмотря на все запрещения, в числе 300 тысяч экземпляров, был молодой гейдельбергский профессор *Пуфендорф*. Он родился близ того же Хемница, который дал свое имя его знаменитому предшественнику, занимался юридическими науками в Лейпцигском университете, потом в Йене, под руководством известного нам Вейгеля. Подобно Лейбницу, Пуфендорф не мог найти места в своем отечестве, потому что не был в состоянии, как он выражается, поддержать свое дело звонким металлом и был слишком горд, чтобы гнуть свою спину. Он поступил в домашние учителя и секретари к шведскому послу в Копенгагене и скоро приобрел известность небольшим сочинением о юридической науке, обратившем на себя общее внимание. Курфюрст Пфальцский Карл Людвиг, тот самый, который приглашал Спинозу, учредил для Пуфендорфа при Гейдельбергском университете особую кафедру естественного и международного права, и в 1661 г., в 29 лет, Пуфендорф поселился в Гейдельберге. Там он написал свою критику на состояние Германской империи, которая и теперь еще читается с удовольствием: так много в ней здравого смысла, так она проницательна и бойка, так мало она страдает недостатками своего времени — педантизмом и тупой ученостью.

Автор принимает на себя роль итальянского путешественника, который хочет познакомиться с политическим устройством Германии, посещает ее дворы, знакомится с учеными и передает вынесенные им впечатления в письме к брату. Это письмо составляет введение его книги; оно содержит в себе самую едкую сатиру на тогдашних ученых, особенно же на юристов Германии. «Немцы, — говорит Монзамбано, — одержимы неизлечимой болезнью — ненасытной страстью писать. Очень немногим дана способность произвести что-нибудь такое, что могло бы возбудить сочувствие образованных современников глубиной мысли или изяществом таланта. Но чтобы не шадить бумаги, которая без того должна пропасть, толпа ученых, собирая разбросанные крохи, печет их в одно тесто, редко прибавляя от себя хоть одну крупинку здравого смысла»¹. Монзамбано применяет к сочинениям немец-

¹ *Severinus de Monsambano. De statu Imperii Germanici* (Cur. Titio. Lips. 1708). P. 8: Teutonicos homines insatiabile scribendi cacothetes tenere.

* «О состоянии Германской империи» (лат.). — *Прим. пер.*

ких ученых слова, сказанные римским поэтом о хаосе, — *rudis indigestaque moles**. Когда ему захотелось, говорит он, познакомиться с сочинениями о государственном праве Германии, к нему в дом внесли такое количество многотомных сочинений, что он не знал, куда деться, а знакомый, приславший книги, утешал его тем, что это только небольшая доля его библиотеки. Вооружившись железным терпением, он выбрал одно сочинение, которое объемом превосходило остальные, надеясь, что в нем собрано все, что сказано в других. Но к неожиданному удовольствию своему, он нашел большое облегчение, ибо в это сочинение было напицкано так много ненужного и не идущего к делу, что оно читалось очень скоро. Монзамбано упрекает немецких юристов в том, что никто из них не определил верно политического характера империи, ибо все они чрезвычайно невежественны в политических вопросах. Большинство ограничивается тем, что сопоставляет целую груду различных мнений, и это называется у них сочинением.

Затем Монзамбано начинает излагать свой собственный взгляд на устройство Немецкой империи. В первой главе он говорит о ее происхождении. Он восстает против рутинного мнения, что Немецкая империя есть продолжение Римской. Такой взгляд был новизной для того времени. В университетах история читалась по руководствам Кариона (Меланхтона) и Слейдана, в которых события всемирной истории все еще располагались по четырем монархиям Св. Иеронима, а юристам, воспитанным на римском праве, и в голову не приходило, что они стоят на почве погибшего мира. Автор рассказывает, как разрушилась Римская империя и как возникла на новых основаниях империя Карла Великого. Потом папы из личных выгод, чтобы найти себе покровителя против врагов, доставили императорскую корону немецким королям, но эта честь принесла Германии не пользу, а огромный вред. Ибо таковы свойства всякого духовенства, что оно всегда готово брать, но никогда не давать¹. И римские папы дорого заставляли платить немецких королей за императорскую корону. Сколько золота и людей истратила Германия на итальянские походы, предпринятые для защиты пап от их противников или для усмирения мятежей, возбужденных самими же папами, а между тем никто не подвергался так часто церковному проклятию, никто не страдал так много от строптивости духовенства, как германские императоры. Наконец им остался только один пустой титул.

¹ Ibid. Cap. I. P. 68: *Nabent hoc omnes sacerdotes, ut manus semper paratas gerant ad accipiendum, nunquam ad dandum.*

* Необтесанная, необработанная глыба (лат., Овидий). — Прим. пер.

Во второй главе Монзамбано описывает территории, из которых состоит Германская империя. Интересно то, что он говорит об Австрии. Габсбургский дом поставил себя в такое независимое от империи положение, что чины теперь принуждены избирать императоров из этого дома, ибо в противном случае Габсбурги вышли бы со всеми своими обширными владениями из состава империи и этим показали бы дурной пример остальным. Германия распалась бы на мелкие государства, подобно Италии. Габсбурги давно уже выгородили себя различными привилегиями, так что везде, где им это выгодно, они являются членами империи, а где им приходится нести общее бремя, они устраняют себя. Особенно расширил австрийские привилегии Карл V. Он постановил, чтобы Австрия оставалась вечным леном Габсбургского дома и переходила также по женской линии; чтобы без ведома эрцгерцога Австрийского император не имел права предпринять никакой важной меры; чтобы австрийские владения находились под покровительством империи, но чтобы они были освобождены от всяких взносов и налогов в пользу империи. Австрийский эрцгерцог имеет право по своему желанию участвовать в сейме или не являться туда. Он — самовластный государь в своих владениях, и от его судов нельзя апеллировать к сейму; он имеет право жаловать дворянством и графством — право, которое предоставлено только одному императору.

Мы видим из этого, как ясно понимал Пуфендорф исключительное положение Австрии в Германии и его последствия, тогда как современные ему публицисты в своем благоговении перед Цезарским Величеством (*Sacra Caesarea Majestas*) не выходили из общих фраз. Так же ясно он определял форму государственного устройства Германии. Он смеется над учеными, которые называют Немецкое государство аристократией, и над теми, которые видят в нем монархию. Определения и доказательства их, говорит он, могут быть хороши на кафедре, но никуда не годятся в действительности. Германия не аристократия, ибо император не обязан повиноваться сейму, а даже над членами империи сейм не имеет никакой правительственной власти. Но Германия и не монархия,¹

¹ *Severinus de Monsambano. De statu Imperii Germanici. Cap. VI. P. 354: Absolutam in Imperatore potestatem per universum Imperium exercendam, qui agnoscat, vervecesum in patria natum esse oportet* (Кто не признает за императором абсолютной власти, осуществляемой над всей империей, тот, по-видимому, просто выродок в своем Отечестве (лат.). — Прим. пер.

ибо чины империи почти независимы, а власть императора ничтожна. Нелепо определять власть императора по видению Даниила или по римскому праву. Высокопарные титулы и канцелярский слог не могут заменить власти. Германия, говорит Пуфендорф, не подходит ни под одну из Аристотелевых категорий; ее устройство неправильно; она представляет *уродливое* политическое тело (*monstrum*). Вследствие нерадения некоторых императоров, честолюбия князей, строптивости духовенства, первоначально правильное ее устройство приняло такой безобразный вид, что его нельзя назвать ни ограниченной монархией, ни федерацией союзных между собой государств, но она нечто среднее между этими двумя формами. И так как все, что уклонилось от своего принципа, стремится к разрушению и с трудом может быть возвращено к прежнему состоянию, то и в Германии не может быть восстановлено правильное устройство без громадных переворотов и крайних смут — напротив, она все более и более склоняется к форме федерации.

Хотя сочинение Пуфендорфа содержит в себе едкую сатиру на государственное устройство Германии, оно, однако, не памфлет, как сочинение Ипполита, и поэтому Пуфендорф не требует такого радикального переворота, какого требует Ипполит. Он говорит, что меры, предлагаемые Ипполитом, более отзываются *палачом*, чем врачом. Австрию невозможно уничтожить без содействия Швеции и Франции, а эти державы, конечно, не даром примут на себя такую задачу. Он предостерегает немцев, чтобы с ними не случилось того, что было с лягушками, которые были недовольны чурбаном, назначенным им в цари, и получили вместо него журавля. Опасаясь того, что всякий крутой переворот совершенно погубит Германию, Пуфендорф ограничивается более умеренными советами. Необходимо прежде всего, по его мнению, чтобы император и чины отказались от чрезмерных притязаний. Он одобряет учреждение постоянного сейма, который начался в 1663 г. Особенно необходимо для благоденствия Германии наблюдать за тем, чтобы отдельные члены империи не заключали союзов между собой или с иностранцами против другого члена союза. В случае войны никак не следует допускать, чтобы некоторые чины устранили себя от войны и держались нейтрально. Вообще не следует допускать вмешательства иностранцев во внутренние дела империи. Необходимо содержать небольшое постоянное войско на счет союза.

Для поддержания внутреннего согласия необходимо дать католикам и протестантам равные права, запретить духовенству

оскорблять своих противников и возбуждать страсти, а школы поручить людям умеренным и благоразумным¹.

Сильно восстает Пуфендорф против существования в Германии духовных территорий, князя которых 2 или 3 раза в год служат мессу с гордым великолепием, а в остальное время совершенно забывают о своем сане и занимаются политикой. Особенно резко нападает он на каноников, которые, не краснея, сами признаются, что и не помышляют о своих духовных обязанностях, которые ведут совершенно светскую жизнь (*canonici irregulares*) и, щадя свое горло, «оглашают своды храмов голосом своих викариев». А что сказать, спрашивает Пуфендорф, о бесконечных сокровищах монастырей и бесчисленной толпе братьев, обитающих там? Конечно, полезны заведения (*collegia*), в которых юноши могли бы воспитываться для церкви и для государства и которые могли бы служить убежищем для людей, склонных к созерцанию. Но и тех и других лучше всего содержать на умеренном иждивении, ибо тучность ослабляет энергию и деятельность. На лень и равнодушные современного ему монашества Пуфендорф нападает с таким ожесточением, что мы предпочитаем отослать читателя к приведенным ниже подлинным его словам². Пуфендорф доказывает, что главную поддержку каноников и монастырей составляет дворянство, которое пользуется доходными местами высшего духовенства для обеспечения своих сыновей, и советует конфисковать эти доходы в пользу той части духовенства, которая действительно служит интересам церкви, и в пользу народного образования. Пуфендорф жалуется, что при современном положении дела пропадает для Германии больше половины ее земель. Если бы очистить

¹ Ibid. Cap. VIII. P. 470: Si denique in scholis publicis non ferantur doctores, nisi viri moderati atque prudentes, non dubito quin paucos intra annos illae lites ultro sint exspiraturae (Вообще, если бы в публичных школах с лекциями выступали только мужи умеренные и благоразумные, то, не сомневаясь, за несколько лет все эти ссоры прекратились бы (*лат.*). — *Прим. пер.*).

² Ibid. P. 485: De cetero nulla apparet ratio, quare desperati homines, aut qui taedio laborum, cucullo deformes incedere amant, absurdis boatibus templa impleturi, aut frigidissimo affectu repetitas preculas Deo ad globules annumeraturi, publice saginari debeant. P. 487: Quae antea fere ad lardum generandum insumebantur, deinceps cederent in usum eorum, и т. д. (P. 485: В остальном же нет, по-видимому, никаких причин, почему бы людей безнадежных — тех, кто из отвращения к труду предпочитает прослыть лентяем и наполнять храмы бессмысленным мычаньем, или тех, кто от полного охлаждения чувств непрестанно возносимые к Богу молитвы готов заменить бусинами четок, — не кормить за общественный счет. P. 487: То, что прежде расходовалось на производство солонины, теперь перейдет в их пользование (*лат.*). — *Прим. пер.*).

Германию, восклицает он, от тунеядцев монахов и злокозненных иезуитов, то ее избавили бы этим от хитрейших *шпионов*, а конфискованных имуществ было бы достаточно, чтобы содержать войско, которое было бы страшно для соседей¹.

Но Пуфендорф сознается, что его советы преждевременны. «Можно было бы, — заключает он иронически, — опасаться за судьбу католической церкви в Германии, если бы мир не был так устроен, что частные люди напрасно придумывают прекрасные проекты и воспаляются в уединении своих четырех стен, пока не поймут своих интересов те, которые родились у руля государства, по воле судьбы, чаще расточающей богатство и могущество, чем мудрость».

Как практичны были советы Пуфендорфа, видно из того, что через 150 лет почти все эти меры осуществились при устройстве Германского союза. Но в то время все подобные советы должны были остаться в области теории, ибо общественное мнение и сознание национальных интересов не имели тогда никакого влияния на политику князей. Тридцатилетняя война совершенно расшатала основы империи, и никогда еще не заключалось столько отдельных союзов между членами империи и с иностранными державами, как именно после Вестфальского мира.

Эпоха после Вестфальского и Пиренейского мирных договоров в этом отношении представляет для историка чрезвычайно безотрадную сторону. Редко приходится ему обращать так много внимания на дипломатические связи, на инструкции и депеши послов, на проекты дипломатов и на трактаты. Эти занятия дипломатическим материалом становятся особенно скучны вследствие беспрестанных колебаний в политике отдельных государств: дипломатические сделки часто остаются без всякого результата или оканчиваются только проектами договоров, трактаты не исполняются, государства вступают в одно и то же время в два враждебных друг другу союза, принимают участие в совершенно противоположных политических комбинациях.

Важное значение, которое приобрела дипломатия, и ее запутанность проистекали преимущественно из двух причин. На первую мы уже указали; она заключается в том, что Вестфальский мир дал всем территориям Немецкой империи значение самостоя-

¹ Ibid. P. 490: *Istud autem ignavum pecus, monachos et prave sollertes Iesu sodales, si qua posset expurgare Germania, и т. д.* (Но если бы можно было очистить Германию от этого ленивого скота, этих монахов и искусных в ложноумии членов Иисусова братства (лат.). — Прим. пер.).

тельных государств; все они бьются изо всех сил, чтобы играть роль в Европе, и так как главные интересы европейской дипломатии сосредоточивались в то время около Бельгии и Голландии, то многие из мелких немецких государств приобретают значение, превышающее их материальные средства. Большие государства ищут их дружбы, и вследствие этого в наше время историку приходится обращать на них больше внимания, чем они заслуживают сами по себе.

Другая причина заключается в том, что во второй половине XVII в. совершается переворот в политике Западной Европы. Два условия определяли в течение 150 лет ход европейской истории — испанская политика и религиозный вопрос. Окончив борьбу с маврами и свое политическое объединение, Испания выходит из своего изолированного положения, вступает на путь внешних завоеваний и становится членом европейской семьи. На этом пути она сталкивается с Францией и естественно сближается с другим соперником Франции — Габсбургским домом. В образовании монархии Карла V видят обыкновенно замечательную игру случая, результат счастливых браков; но именно этот факт показывает, что случай играет в истории гораздо меньшую роль, чем кажется. Вражда с Францией и опасение быть поглощенной ею заставили Бургундию по смерти Карла Смелого сблизиться с Австрией, и следствием этого тяготения к Австрии был брак Марии Бургундской с Максимилианом. Та же самая причина заставила через некоторое время Иоанну Испанскую выйти замуж за сына Максимилиана. И без этих брачных союзов Испания соединилась бы политическими интересами с Габсбургским домом. Ведь Франция прибегала несколько раз к тому же самому средству; но брачные союзы между Испанией и Францией не имели желанных результатов. Франциск I был женат на испанской инфанте; за Филиппа II выдали французскую принцессу; Людовик XIII и Людовик XIV женились на дочерях Испанского короля. Несмотря на все это, Испания и Австрия оставались тесно соединенными, и полтора века вся внешняя деятельность Франции заключалась в борьбе с Габсбургской политикой. Она одержала полную победу. Вестфальский мир был выражением победы Франции над немецкими Габсбургами, а Пиренейский мир запечатлел поражение испанских Габсбургов. Истощенная Испания снова возвратилась в изолированное положение. Франция приняла на себя ее роль в Европе. Это должно было произвести переворот в политике европейских государств. Не Габсбургский дом, а Франция угрожает теперь политическому равновесию, и против нее составляется ев-

ропейская коалиция. Борьба Франции с этой коалицией определяет ход европейской истории во второй половине XVII в.

Этот поворот европейской политики произвел то замешательство в дипломатии 50-х и 60-х годов XVII столетия, о котором мы говорили. Нужно было оставить прежние политические предания, искать новые комбинации, прилаживаться к новым союзникам, пока наконец смелое нападение Франции на Голландию не разоблачило притязаний Людовика XVI и не определило политики отдельных государств.

Никогда еще Франция не была так грозна для Западной Европы, как в первые годы правления Людовика XIV. Она была тогда почти единственным государством, которое всегда было наготове для наступательной войны. Французская армия, прошедшая через продолжительную школу внешних и междоусобных войн, получила такое устройство, что и в мирное время была на военном положении. Финансы были в большем порядке, чем в других государствах, и в казне всегда были налицо большие суммы денег для субсидий союзникам, для подарков и пенсий иностранным министрам. Пограничные крепости были выстроены сообразно с новейшими успехами инженерного искусства. Французское дворянство, которое так долго отстаивало свою феодальную вольность в рядах гугенотов и Фронды, примирилось с монархией, поступило на службу государству и спешило заявить свою *лояльность* в рядах королевского войска и на дипломатическом поприще. В то время, когда государственные люди и особенно дипломаты всех стран не считали бесчестным принимать подарки и пенсии от иностранных государей, французские дипломаты отличались замечательным бескорыстием и рвением к службе.

Могущество Франции представляется еще рельефнее при сравнении с окружающими ее государствами. Испания была совершенно истощена продолжительными войнами и непрерывными внутренними возмущениями и напрягала все свои силы, чтобы покорить отдалившуюся от нее Португалию. Англия переживала, после блестящей эпохи Кромвеля, годину политического унижения. На ее престоле был король, который боялся своего парламента и искал опору против него в союзе и в денежных субсидиях Французского короля. Голландия не могла помериться силами с Францией на сухом пути, а борьба партий — аристократической и оранской — еще более ослабляли ее. Наконец Германская империя, этот политический *monstrum*, не только не была опасна для Франции, но давала ей постоянную возможность находить союзников и вассалов.

Германская империя пришла в такое хаотическое состояние, что даже не имела определенных границ. Вестфальский мир признал за Швейцарией самостоятельность и отделил ее от империи. По тому же миру Франции были уступлены в полное владение завоеванные ею в XVI в. области епископов Туля, Меца и Вердена и, кроме того, ландграфство Эльзас, область Зунтгау и верховная власть (Landvogtei) над десятью свободными имперскими городами в Эльзасе, которые продолжали считаться имперскими городами. Все эти области были уступлены со «всеми деревнями и правами, к ним принадлежащими»; но никто не определил этих прав, и они давали Франции удобный повод к новым притязаниям. На севере от Эльзаса было герцогство Лотарингское. Карл IV, герцог Лотарингский, постоянно колебался между Францией и Испанией; после Пиренейского мира он открыто принял сторону Франции, назначил Людовика XVI своим преемником, в ущерб своим законным наследникам, несмотря на то, что Лотарингия принадлежала к Германской империи, а герцог ее был членом сейма. Границы со стороны владений испанской короны были также неопределенны. Карл V включил свои Бургундские земли (Бельгию и Голландию) в состав Германской империи и образовал из них 10-й округ империи. Вследствие этого Испанский король был членом империи, и посол его имел голос на сейме. Но этот округ не платил общей имперской подати (Römermonate) и не подлежал имперским судам; кроме того, по Вестфальскому миру было определено, в угоду Франции, чтобы ни император, ни империя не вступались за него в войне Испании с Францией. Этот округ находился, следовательно, в совершенно исключительном положении. Но границ между ним и империей не было определено, ибо множество графских, баронских и аббатских владений, лежавших в империи, простирались отсюда в Бургундский округ или считались ленами испанской короны. То же самое было со стороны Голландии¹. Во время Тридцатилетней войны голландцы, помогая протестантам против испанцев, завладели разными крепостями и укреплениями в пределах империи, в которых они и по заключении мира держали свои гарнизоны, например, в Везеле, Эммерихе, Орзое и других крепостях Клевского герцогства, принадлежавшего курфюрсту Бранденбургскому. Некоторыми волостями они завладели более мирным способом, давая деньги взаймы их владельцам и удерживая их как залог. Особенно старались они захватить местности на больших реках, Маасе, Эмсе: они устраивали там таможи, стесняя

¹ *Droysen. Geschichte der Preussischen Politik. III. Th. 3. P. 91 sq.*

ли местную торговлю и брали пошлины в пределах империи. Какое разноречие интересов и сколько столкновений должно было постоянно возникать при этой запутанности пограничных отношений!

Но еще в более хаотическом положении, чем западная граница государства, находилось само управление империей. Почти все соседние государи, интересы которых были прямо противоположны интересам Германии, были членами ее правительства и, конечно, старались извлечь из этого положения наибольшую выгоду для себя. Датский король был имперским князем, в качестве Голштинского герцога, и был начальником Нижнесаксонского округа, т. е. имел известную полицейскую власть в землях между Эльбой и Одером и начальство над войсками этого округа. Вечная соперница Дании — Швеция также была членом империи, ибо ей принадлежали герцогство Померанское и секуляризованные епископства Бремен и Верден. Курфюрст Бранденбургский, как герцог Прусский, был вассалом Польши, а с 1660 г. в одно и то же время имперским князем и самостоятельным государем вне пределов империи. В том же положении находилась Габсбургская династия, которая именно в это время успела в Венгрии смирить независимую аристократию и усилить значение монархической власти. Посол Испанского короля, как мы видели, также имел голос на сейме. Но опаснее всего для Германии было постоянное вмешательство Франции в ее дела. Со времени Вестфальского мира французский посол в Регенсбурге был одним из самых влиятельных членов имперского правительства, хотя он не имел на это формального права, и высокомерный Людовик XIV напрасно добивался чести быть признанным, в качестве ландграфа Эльзасского, князьком империи.

Одно время можно было полагать, что единство империи вовсе исчезнет, а части ее распадутся на три группы, что северная часть, руководясь протестантскими интересами, примкнет к Швеции и составит конфедерацию под ее гегемонией. Швеции тогда удалось бы образовать могущественное государство вокруг бассейна Балтийского моря. Ей уже принадлежали Финляндия, Эстляндия, Лифляндия и Померания, и Карл X, победивший Польшу и Данию, мечтал уже о присоединении Курляндии, Пруссии и Голштинии. Главным препятствием шведскому честолюбию была в это время энергетическая политика Великого курфюрста, а потом усиление России. На юго-востоке, по течению Дуная, образовалась бы Габсбургская монархия — полунемецкая, полувенгерская и славянская — как оплот западной Европы против грозного

тогда могущества Турции. Третья группа, состоящая из областей, лежащих по течению Рейна и Майна, примкнула бы в этом случае к Франции; князья этих областей признали бы себя вассалами Франции, как они это действительно сделали при Наполеоне I. Недаром немецкие ученые, жившие своими мыслями в прошедшем и не понимавшие настоящего, сравнивали Людовика XIV с Карлом Великим и с восходящим солнцем; недаром французские публицисты мечтали о возобновлении франкской империи Карла Великого, которая когда-то простирала свои границы до Эльбы и до верховий Майна и Дуная¹.

Эта последняя мысль была близка к осуществлению. Людовику XIV уже удалось из прирейнских князей составить союз, который, как при Наполеоне I, назывался Рейнским и был орудием Франции в германских делах. Нигде в Германии не было так много духовных территорий, как на Рейне, и эта река давно уже приобрела название «Поповская улица» (Pfaffengasse). От Эльзаса до границ Голландии по обоим берегам Рейна тянулись владения епископов Вормского и Шпейерского, архиепископа Майнцского, несколько выше по реке Майну — епископа Вюрцбургского, на Мозеле — архиепископа Трирского, потом на Рейне — архиепископа Кельнского, а несколько в стороне, на границах Голландии, — епископов Люттихского и Мюнстерского. Эти «церковные области» представляли много удобства для иностранного вмешательства. Военная часть, за редкими исключениями, была организована в них хуже, чем в светских территориях, и владельцы их готовы были, под влиянием страха, скорее других примкнуть к грозному соседу. У них не было наследственной фамильной политики, и посредством подкупа легко можно было добыть преданных приверженцев в среде капитула* и даже иметь влияние непосредственно на выборы архиепископа.

Французская политика воспользовалась замешательством, которое произошло в Германии по смерти императора Фердинанда III,

¹ *J. de Cassan. La recherch du droit du roi et de la couronne de France, etc.* — Кассан основывает права Франции на завоеваниях галльских вождей Сиговеца и Бренна и на завоеваниях Карла Великого, которому папой была предоставлена власть над завоеванными им областями. Карл Великий и его преемники имели неосторожность разделить империю; теперь пора снова воссоединить ее. В этом же духе было написано сочинение: *Aubéry. Des justes prétentions du roi sur l'Empire. 1617.* — И тут главная мысль автора заключается в том, что Людовик XVI — прямой преемник и наследник Хлодвига и Карла Великого.

* Капитул (лат.) — коллегия священников, состоящих при епископе или кафедральном соборе в католической и англиканской церквах. — *Прим. ред.*

чтобы устроить Рейнский союз. До этого времени, внутри Германии существовало два союза: один, заключенный в 1651 г. между архиепископами Майнцским, Кельнским и Трирским, епископом Мюнстерским и пфальцграфом Нейбургским с целью взаимной помощи; другой, заключенный с этой же целью протестантскими князьями, группировавшимися около Швеции, — тремя герцогами Вельфского дома: Брауншвейгским, Люнебург-Цельским, Ганноверским и ландграфом Гессен-Кассельским. Хитрой политике Мазарини и искусству его посла при Франкфуртском сейме, Лионна, удалось слить в 1658 г. (14 августа) эти два союза, лишить их религиозного характера, который они имели первоначально, направить новый союз против Габсбургского дома и сделать из него орудие французской политики. Целью Рейнского союза была объявлена гарантия Вестфальского мира и взаимная защита членов союза. Таким образом, французский король обязывался помогать имперским князьям против императора, а князья — помогать Франции в случае войны ее с кем-либо из членов империи. Князья обязывались не пропускать через свои владения войск императора, если бы последний захотел оказать помощь Испании в ее войне с Францией. Делами рейнской конфедерации должна была заведовать особая директория во Франкфурте, во главе которой был поставлен архиепископ Майнцкий. Конфедерация должна была содержать особое войско, составленное из контингентов союзников. Франция обязывалась выставить 1600 человек пехоты и 600 кавалерии, Майнцкий архиепископ — 600 пехоты и 300 кавалерии, стальные союзники — по соразмерности. Союз первоначально был заключен на три года, но потом продолжен еще на 6 лет, и в него вошли новые члены: графы Вальдекские, ландграф Гессен-Дармштадтский, герцог Виртембергский, епископы Базельский и Страсбургский, ландграфы Ансбахский и Кульмбахский и, что важнее, курфюрст Бранденбургский (в 1664 г.).

Рейнский союз, со своей постоянной директорией и со своим войском, опираясь на громадные военные и финансовые средства Франции, совершенно парализовал политическое устройство дряхлой империи. Напрасно немецкие князья и их советники льстили себя мыслью, что этим союзом они окутали честолюбие Франции, опасное для Германии¹. Французские дипломаты хорошо понимали, что не Германия, а Франция извлекает выгоды из

¹ «Die Rheinische Allianz hat mehr den Alliierten in der That als Frankreich genutzt» (На деле Рейнский союз больше пользы принес союзникам, а не Франции (нем.). — *Прим. пер.*), — говорил Лейбниц в своем проекте: *Securitas publica*.

этого союза. «Этот союз представляет чрезвычайную важность для интересов вашего величества, — пишет в своей депеше Гравель, французский посол при Регенсбургском сейме, к Людовику XIV, — он дает вам возможность поддерживать в империи ваших друзей и ваш авторитет (*le grand crédit*); он дает вам право ввести косвенным образом ваших послов во все совещания князей, сделаться, так сказать, членом империи, сохраняя полную независимость от нее; он дает вам средство узнать и устранить все пружины, которые Австрия так давно уже заставляет действовать в ущерб вашему королевству»¹. Значение Рейнского союза обнаружилось очень скоро самым бесцеремонным вмешательством Людовика XIV в дела Германии. Мы укажем здесь только на Турецкую войну и на Эрфуртское дело.

Между Турцией и Австрией не могло быть прочного мира, так как в руках первой находилась половина Венгрии и так как Трансильванский воевода, вассал Порты, постоянно искал опоры у Венского двора. В 1663 г. наконец произошел разрыв между Турцией и Австрией. Леопольд созвал сейм в Регенсбурге и сам отправился туда просить помощи у имперских князей. На этом сейме члены Рейнского союза представляли твердо сплоченную группу. Они согласились защищать границы империи против общего врага на следующих условиях: чтобы контингенты их составляли во время похода совершенно отдельный корпус под предводительством генерала, поставленного Рейнским союзом; чтобы этот генерал участвовал во всех военных советах и без него не было заключено ни перемирия, ни мира; наконец чтобы в походе участвовала также Франция со своим контингентом. Таким образом, император и сейм должны были официально признать политическое существование Рейнского союза. Действительно, во время войны с турками, 20-тысячное войско Рейнского союза составляло отдельный отряд под командой графа Гогенлоз, и к нему примыкало 6-тысячное французское войско под командой Колиньи.

Французская политика, которая постоянно поддерживала союз с Турцией против Австрии, в это время отступила от своих преданий. Между Францией и Турцией произошел разрыв дипломатических отношений по причине оскорбления французского посла

¹ Депешни, относящиеся сюда, и акты см.: *Mignet. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV. T. II. P. 38; Collection de documents inédits sur l'histoire de France publ. p. ordre du Roi...* О Рейнском союзе см.: *Guhrauer. Kur-Mainz in der Epoche. 1672. 2 B. Hamburg, 1839; Droysen. Geschichte der Preussischen Politik. III. Th. 3. Abth. P. 9.*

в Константинополе, и молодому честолюбивому Людовику нравилась роль спасителя христианских интересов в Европе, тем более, что он этим способом мог увеличить свой авторитет в Германии.

Во время Турецкого похода французское вмешательство порешило Эрфуртское дело. Вестфальский мир оставил несколько имперских городов в неопределенном положении. Они считались вольными имперскими городами, но соседние князья изъявляли на них свои притязания и старались включить их в свои владения. Таким образом возникла борьба между Бременом и шведским правительством, между Магдебургом и Бранденбургом, между Кельном, Мюнстером и их епископами, между Эрфуртом и архиепископом Майнцским. В последнем деле борьба дошла уже до кровопролития; над городом была произнесена имперская опала (*Acht*), и чернь оскорбила герольда, который провозгласил опалу. Но Эрфуртский вопрос усложнялся тем, что город принадлежал к лютеранскому исповеданию, а тот, кто хотел подчинить его своей власти, был архиепископ Майнцкий; вместе с тем несколько соседних князей, герцоги Готы и Альтенбурга, также изъявляли различные притязания относительно Эрфурта и призывали на помощь против Майнца Швецию и Бранденбург. Архиепископ обратился к Людовику, как члену Рейнского союза, и прежде чем кто-либо этого ожидал, под стенами Эрфурта явилось французское 5-тысячное войско, и генерал Прадель начал бомбардировать город, принудил его к сдаче и к повиновению архиепископу Майнцскому, как своему государю. В Эрфурте и его окрестностях пока остался сильный гарнизон, состоявший преимущественно из французских войск.

Еще прежде Французский король, в качестве ландфогта Эльзасского, принудил 10 имперских городов в Эльзасе, свобода которых и связь с Германской¹ империей были гарантированы Вестфальским миром, признать над собой верховное владычество Франции. Только Кольмар и Мюнстер решились не повиноваться. Людовик уже успел войти в переговоры с другими князьями, не принявшими участия в Рейнском союзе. Курфюрст Саксонский заключил с ним оборонительный союз и обязался тайной статьей в договоре подавать на сейме свой голос постоянно по желанию Людовика, за что должен был от последнего получать 20 тысяч талеров ежегодно. Герцог Мекленбургский заключил с Францией до-

¹ *Libertas et immedietas erga Imperium Romanum* (Свобода и связь с Римской империей (*лат.*). — *Прим. пер.*).

говор, по которому обязался уступить крепость на Эльбе для стоянки французским войскам, на вербованным в Германии, и предоставить в распоряжение короля одну из гаваней на Балтийском море. Таким образом, Людовик приобрел крепкую стратегическую позицию на Рейне и подчинил своей политике большую часть немецких князей. Хотя он был иноземный государь и враждебен интересам Германии, он одно время имел в ней большой авторитет, чем сам император, и его почти справедливо можно было называть настоящим правителем империи¹.

Главной опорой французской политики и душой Рейнского союза был архиепископ Майнцский Иоган Филипп фон Шёнборн. Как Вюрцбургский каноник он составил себе такую славу своими административными способностями, что в 1642 г. был сделан епископом Вюрцбургским, а в 1647 г. архиепископом Майнцским, причем, по обычаю того времени, он сохранил свою прежнюю должность. Его ловкости и искусству приписывают то, что во время переговоров о мире церковные области избежали опасности секуляризации². Шёнборн был представителем того нового типа церковных деятелей, который развился в XVII—XVIII вв. и к которому принадлежат несколько пап и особенно несколько князей-епископов в Германии. Они были не столько духовными пастырями, сколько благоразумными светскими правителями, которые старались ввести в свои области все реформы, требуемые духом времени. Архиепископ Шёнборн заботился об украшении города, построил новый мост через Рейн, учреждал больницы и богадельни, реформировал суд и администрацию и в то же время построил на французские деньги Майнцскую цитадель и другие укрепления. Все эти государь-реформаторы того века отличались большой веротерпимостью и свободой от предрассудков. Но что неувидительно в таком философе-рационалисте XVIII в., как Фридрих Великий, то можно поставить в большую заслугу католическому архиепископу XVII в., современнику Тридцатилетней войны. Архиепископ Шёнборн мечтал о примирении и слиянии протестантской и католической церкви, что было невозможно без уступок со стороны последней. Но что всего более служит к его чести — он был единственным государем между католиками и протестантами, который в течение XVII в. обратил внимание на книгу иезуита Шпе против преследования за колдовство, этого страшного бедствия и пятна тогдашнего об-

¹ *Mignet*. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV. T. II. P. 21: Il était le chef véritable de l'Empire.

² *R. A. Menzel*. Neuere Gesch. d. Deutschen. Bd IV. P. 308.

щества. Он пересмотрел акты нескольких процессов и навсегда запретил возбуждать подобные процессы в пределах своей области.

Если характер Шёнборна, как правителя, и внутренняя деятельность его заслуживают больших похвал, то этого нельзя сказать о внешней его политике. Она была эгоистична и враждебна интересам той нации, к которой он принадлежал, и того государства, которого он был самостоятельным членом. Он был главным проводником французского господства в Германии и получал за это субсидии — в первые три года Рейнского союза по 10 тысяч, а потом по 20 тысяч талеров ежегодно. Конечно, о характере политических деятелей не всегда следует судить с точки зрения современных понятий о национальности: в жизни каждого народа могут быть минуты, когда интересы не менее священные, чем национальность, заглушают на время народное чувство. С точки зрения национальных интересов Германии, заслуживает, например, совершенного порицания вся политика протестантских князей, которые вступали в союз то с Францией, то со Швецией, чтобы отстаивать свои религиозные убеждения. Но члены Рейнского союза не могли оправдать свою политику таким высоким интересом. В их пользу можно сказать только то, что политическое устройство Германии было до такой степени уродливо, что в XVII в. иногда трудно было сказать, в чем заключаются национальные интересы. Горжество Габсбургского деспотизма с его клерикальной политикой могло быть так же опасно для Германии, как покровительство Франции и вмешательство ее в германские дела. Для князей Немецкой империи в XVII в., как и в XIX в., на первом плане стоял вопрос о собственной независимости и династические интересы, и ими никто из них не хотел жертвовать для блага империи и нации. Где этот вопрос не затрагивался, они могли быть хорошими патриотами.

Архиепископу Шёнборну обыкновенно противопоставляется Великий курфюрст Бранденбургский как образец патриотического князя. Это было сделано еще Пуфендорфом в его сочинении «(О деяниях Фридриха Вильгельма)», написанном по Берлинскому архиву. Против Пуфендорфа восстал в наше время Гурауер, биограф Лейбница¹, — опровергая нападки Пуфендорфа, он старался выставить патриотическую сторону в деятельности Шёнборна и его министра Бойнебурга. В XIX в. вся прусская школа идет по следам Пуфендорфа, и во главе ее — известный Дройзен. Политика Великого курфюрста и всех его преемников была, однако,

¹ *Guhrauer. Kur-Mainz in der Epoche 1672.*

большей частью так же эгоистична, как и политика остальных князей. Но она была более дальновидна и энергична; она была самостоятельна и опиралась на бóльшие средства, а главное, она чаще совпадала с интересами целой нации, чем политика Габсбургского дома и стремления мелких князей, которые вследствие своей слабости должны были примыкать то к Франции, то к Австрии. Политика Гогенцоллернов была всегда чисто прусская политика, и видеть в них поборников и мучеников национального дела Германии было бы анахронизмом.

С памятью архиепископа Шёнборна тесно связано имя его главного советника, барона Бойнебурга. Германия в XVII в. была очень бедна государственными людьми; в ее политическом хаосе не было почвы, на которой они могли бы развиваться, не представлялось высокой цели, которой они могли бы посвятить свою жизнь, и способности их погибали среди мелочных интересов и бесцельных интриг. Подтверждением этого может служить вся деятельность и судьба Бойнебурга, которого современники считали одним из самых замечательных государственных людей. Он умел внушить архиепископу Шёнборну такое доверие к себе, что тот принял его к себе на службу, несмотря на его протестантизм, и впоследствии сделал его председателем своего тайного совета, или первым министром. Через некоторое время, впрочем, Бойнебург перешел в католичество. Это было сделано не по расчету. В то время переходы в католичество были не редки, и об искренности Бойнебурга свидетельствуют его письма к друзьям. Французские дипломаты, которые вышли из хорошей школы Мазарини и знали людей, все отзываются с большим уважением о его уме и способностях. Он получил отличное образование и, несмотря на свое честолюбие, навсегда сохранил горячий интерес к науке и литературе; он состоял в очень близких отношениях с лучшими из тогдашних ученых — с юристом и историком Беклером в Страсбурге и особенно с известным полигистором Конрингом в Гельмштедте, с которым он был в постоянной переписке¹.

Самую блестящую роль Бойнебург играл в 1657 г. во время избрания преемника императору Фердинанду III. Франция старалась всеми силами помешать избранию эрцгерцога Леопольда. Испания, доведенная до изнеможения войной с Францией, видела свое спасение в избрании Габсбурга и поддерживала партию австрий-

¹ Часть этой латинской переписки, вместе с другими письмами Бойнебурга, Конринга и их современников, издана Грубером в 1745 г. — *Commercii Epistolici Leibnitiani etc.* 2 тома.

скую. Все эти партии наперебой старались привлечь на свою сторону Бойнебурга, уполномоченного посла архиепископа Шёнборна. Архиепископ Майнцский был канцлером империи: от его политики, от искусства его уполномоченного не в малой мере зависел исход избрания. Испанский посол Пиньеранда вручил Бойнебургу вексель на 20 тысяч талеров, чтобы привлечь его на сторону Габсбургов. С Австрийским домом Бойнебург был связан еще другим, не менее важным интересом. Он мог надеяться получить должность имперского вице-канцлера, которую ему обещали покойный император и старший сын его Фердинанд, умерший при жизни отца.

Интриги и переговоры шли не только об избрании на германский престол, но и об условиях избрания, о так называемых капитуляциях, которые император должен был утвердить для обеспечения свободы князей. Французы воспользовались этим, чтобы связать руки императору. Они требовали, чтобы в капитуляции была внесена статья, по которой новый император обязывался не помогать Испании во время ее войны с Францией, не посылать вспомогательного войска в Бургундский округ. В этом случае французы могли рассчитывать на поддержку многих имперских князей, которые всегда старались сделать капитуляции как можно более стеснительными. Архиепископ Майнцский также принадлежал к этим блюстителям имперской свободы. Бойнебург разделял взгляд архиепископа. Это видно из его письма к Конрингу, в котором он говорит об общественной пользе условий и об увлечении партии: «Одни слишком потворствуют своеволию иностранцев; другие боятся могущества императора больше, чем следует; некоторые, наконец, стараются, как следует честным людям и хорошим гражданам, устроить все сообразно с теперешним положением отечества».

Мы видим, что Бойнебург действовал искренно и считал свою деятельность патриотической. Но о патриотизме неудобно говорить там, где он оплачивается личными выгодами. По настоянию французских послов Лионна и Граммона, Бойнебург возвратил Пиньеранде вексель и за это получил от французского правительства пожизненную и наследственную ренту в 1000 талеров ежегодно с королевской домены Ретель в Арденнах. Кроме того, он получил еще от Людовика пенсию в 1500 талеров, которая должна была перейти и к его сыну. Выдачу пенсии король имел право приостановить, если бы был недоволен Бойнебургом, ренту же он в этом случае обязывался выкупить единовременной уплатой 20 тысяч талеров.

Бойнебург, однако, не хотел сделаться слепым орудием французской политики: он имел свои убеждения относительно интересов Германии и не хотел ими жертвовать. Разногласие между его убеждениями и видами французского правительства обнаружилось на Регенсбургском сейме. Французы хотели своими интригами удержать князей от деятельной помощи императору против турок; Бойнебург чувствовал весьма живо опасность, которая грозила империи от турок, и старался восстановить на сейме единодушие. Французское правительство было раздражено против Бойнебурга и обвинило его в измене перед архиепископом. Последний, который нуждался в помощи французов против Эрфурта и, может быть, с завистью смотрел на своего министра, пожертвовал им. Бойнебург был отозван из Регенсбурга, отрешен от всех должностей, лишился пенсии, был даже заключен и подвергнут суду, но по прошествии 5 месяцев, весной 1665 г., освобожден. Бойнебург поселился во Франкфурте. Архиепископ, убедившись в его невинности, сделал несколько попыток, чтобы примириться с ним. Он приглашал его поселиться в Майнце, от чего Бойнебург долго отказывался. В 1668 г. племянник архиепископа женился на дочери Бойнебурга, и тогда последовало сближение между ним и архиепископом. Но прежнее полное доверие не было восстановлено; по крайней мере Бойнебург, хотя и сделался снова советником архиепископа, но уже не занимал при его дворе никакой официальной должности. Вот в это время Бойнебург привез в Майнц молодого Лейбница.

Лейбниц провел в Майнце и в обществе Бойнебурга 5 лет. В первое время он не имел официального положения и определенных занятий. Лейбниц был и секретарем, и другом Бойнебурга и почти все свое время посвящал его интересам. Он исполнял для него различные поручения, писал письма и деловые бумаги, служил ему адвокатом в одном процессе, делал для него извлечения из книг с собственными примечаниями, составлял записки о различных религиозных и политических вопросах. Поручения Бойнебурга отнимали у него часто очень много времени. Однажды Лейбниц проработал целую зиму над бумагами, относившимися к дипломатической миссии Бойнебурга в Польшу; другую зиму он просидел над составлением особенного, придуманного им систематического каталога для обширной библиотеки Бойнебурга.

Близкие отношения к такому умному, опытному и многостороннему человеку, как Бойнебург, имели, конечно, хорошее влияние на Лейбница; но такая разнообразная деятельность поддерживала в нем врожденную его страсть братья за все, являться везде

изобретателем, составлять без усталы новые планы и проекты, не всегда сообразовавшиеся с действительностью. Шёнборн, которому Лейбниц посвятил свое небольшое сочинение «Новый способ для изучения юридической науки и обучения ей», скоро оценил его способности и предложил ему сделаться помощником Майнцского юриста Лассера, которому было поручено сделать в законах Юстиниана изменения, требуемые современными условиями. За это Лейбниц получил небольшое вознаграждение из казны курфюрста, которое, впрочем, скоро прекратилось. Наконец, в 1670 г. Лейбниц получил важное место советника в ревизионной комиссии в Майнце, которая составляла высшую инстанцию в курфюршестве.

Мы должны остановиться на юношеской деятельности Лейбница, ибо в ней уже отражается вся будущая деятельность великого философа. Во всех своих разнообразных проявлениях она проникнута одной основной идеей, которая чрезвычайно характерна как для самого Лейбница, так и для его века. Век Лейбница был веком великих математических открытий. Ум человека, изощренный в трудной диалектической школе схоластики, принял за деятельность более зрелую и плодотворную. Но у человека в то время было мало реальных познаний и не было еще умения пользоваться ими; главным орудием его была сила разума, и потому самые важные успехи были совершены им прежде всего в области математики и философии. Ясность и несомненность математических истин вызвали желание достигнуть тех же результатов в остальных науках. XVII век имел своего рода *позитивизм*. Казалось достаточным перенести в другие науки внешние приемы математики, строгую последовательность в доказательствах, способ демонстраций, чтобы поставить их на такую же твердую почву, какую занимала математика.

Лейбниц еще более, чем другие, поддавался этому общему настроению времени, так как он сам был гениальный математик. Во всех его планах и проектах, касающихся самых разнообразных наук, виден истый математик. В области права Лейбница неприятно поражала запутанность и неясность многих юридических вопросов; он считал возможным упростить науку права. Взяв за основание римское право, он думал извлечь из него существенные истины или аксиомы права (*Elementa juris*). На одной большой карте должны быть размещены эти основные истины таким способом, чтобы с помощью их сочетаний легко и как бы сами собой разрешались возможные юридические вопросы. Вскоре Лейбниц решился предпринять то же самое для всего объема чело-

веческой науки. Его пугало громадное число книг, выходявших ежегодно и терявшихся бесследно в общей массе. Он считал эту литературную плодовитость главным препятствием для успехов науки. «В наше время, — говорил Лейбниц, — часто берутся писать книги такие люди, которые едва умеют читать их». Он считал необходимым осмотреться в этом хаосе, отделить существенное от ненужного, и ему казалось, что настала последняя минута, удобная для этого дела, ибо книжный хаос увеличится скоро до такой степени, что в нем нельзя будет восстановить порядка. Для этой цели Лейбниц решился предпринять периодическое издание, в котором он хотел излагать вкратце сущность всех вновь выходящих книг — указывать в сжатой форме математической аксиомы, какую новую истину автор прибавил к общему запасу человеческих сведений. В прибавлениях к этому изданию точно таким же образом предполагалось изложить сущность всех важных, когда-либо вышедших книг. Таким образом Лейбниц надеялся в течение нескольких лет и при сотрудничестве людей, интересующихся успехами науки, собрать сокровищницу человеческих знаний и положить основание для полной энциклопедии, в которой были бы изложены систематически все понятия и истины, добытые человеком. Все истины, которые вытекают из разума (a priori), должны были быть здесь доказаны математическим способом. Что касается до истин, основанных на предположениях, то следовало определить тем же путем степень их вероятности. Все же истины, вытекающие не из разума, но из опыта над настоящим и прошедшим (история), должны были быть распределены по известной системе и подтверждены достоверными авторитетами. Эта энциклопедия, которая, по мнению Лейбница, для своего окончания потребовала бы, может быть, более столетия, должна была послужить твердым фундаментом для будущей науки.

Для успешного начала задуманного дела Лейбниц считал нужным попросить у императора привилегию на основании периодического журнала. Он обратился со своим проектом к вице-канцлеру и просил его доложить об этом императору. Без привилегии, писал Лейбниц, ни один книгопродавец не согласится взять на себя риск издания. В то же время он обратился к библиотекарю императора, известному Ламбецию, который был в большой милости у Леопольда, с просьбой ходатайствовать за него. Леопольд, предназначавшийся сначала для духовного знания и получивший поэтому ученое воспитание, отзывался очень благосклонно о проекте Лейбница. Но Австрийский дом всегда был равнодушен к развитию научных интересов в Германии. Лейбниц не только просил

привилегию, но надеялся также на денежные пособия, без которых издание не могло состояться. Леопольд поручил Ламбецию вступить в переписку с Лейбницем и ободрять его; но более деятельной поддержки не последовало, и в начале 1670 г. переписка между Лейбницем и его венскими меценатами прерывается¹.

Еще более оригинально применение математического метода к политике, которое находим в сочинении Лейбница, написанном в пользу кандидатуры пфальцграфа Нейбургского на польский престол.

Последний король Польский из дома Вазы, Ян Казимир, утомленный бесплодной борьбой с надменной шляхтой и неудачными войнами, после долгих колебаний и отсрочек наконец отрекся от престола в 1669 г. Все европейские государства, заинтересованные в польском вопросе, снова поспешили, как 100 лет перед тем по прекращении дома Ягеллонов, воспользоваться междуцарствием и провести своего кандидата. Россия выставила своего царевича; Австрия тайно поддерживала герцога Лотарингского, имея в виду женить его на сестре императора; Франция, хотя и вошла в соглашение с Фридрихом Вильгельмом и со Швецией, и поддерживала прусского кандидата, однако рассыпала золото в пользу избрания герцога Конде; прусским кандидатом был пфальцграф Нейбургский, старинный соперник Бранденбургского курфюрста из-за Юлих-Клевского наследства, примирившийся наконец с Фридрихом Вильгельмом под условием, что он будет поддерживать его кандидатуру.

Пфальцграф упросил Бойнебурга, как искусного дипломата, принять на себя посольство в Польшу, и это послужило поводом к тому, что и Лейбниц принял участие в деле пфальцграфа. Он написал по просьбе Бойнебурга сочинение под заглавием «Образчик политических доказательств в пользу избрания Польского короля, изложенных по новому способу и с совершенной очевидностью» (*ad claram certitudinem*)². Лейбниц говорит в предисловии, что ему надоели пустые уловки ораторов и неуклюжие (*humiliter*) силлогизмы схоластиков. Ему пришло желание возобновить мужественный, сжатый и тонкий способ выражения, которым отличались Гиппократ, Эвклид, Аристотель и римские юристы. Но он счел нужным заимствовать у математиков способ сцепления мыслей,

¹ Проекты и письма, относящиеся сюда, напечатаны впервые О. Клоппом в томе I сочинений Лейбница.

² Сочинение вышло под псевдонимом — *autore Georgio Ulicio Lithuano. Vilna. Anno 1659* (10 годами раньше).

ибо из всех смертных только они ничего не говорят бездоказательно. С помощью математики Галилей оплодотворил естественные науки. Тем же путем, хотя с меньшим успехом, Декард высоко поднял метафизику. Гоббс применил этот способ к гражданской науке, которая состоит из двух частей — из исследований 1) справедливого и 2) полезного (право и политика). Сам Гоббс занялся только первой частью и, к сожалению, с большим талантом, чем правдивостью. Метод же политики еще нуждается в реформе. Далее Лейбниц говорит: «Меня удивляет беспечность людей; мы измеряем в точности движения тела и в то же время поверхностно обсуждаем движения души, подчиняющейся не менее научному закону. Мы имеем теоремы о любом механическом снаряде, а о благоденствии стольких народов мы имеем только декламации»¹.

Согласно с этой программой все сочинение, весьма объемистое (109 страниц большого формата), состоит из 60 положений, например: выгоды дворянства совпадают в Польше с выгодами государства; главный интерес Польши составляет свобода в пределах безопасности; все, что препятствует свободе, нарушает также безопасность; аристократическое правление опасно для Польши; в Польше как можно скорее нужно избрать короля; избрание должно быть не случайное, а разумное; от избираемого требуются такие и такие-то свойства; и др. Каждое из этих положений представляет как бы отдельную математическую теорему и доказывается целым рядом других положений. Как в математике, вначале поставлено положение, требующее доказательства, затем идет ряд положений, а последнее есть именно то, которое требовалось доказать. Некоторые из положений пояснены пространными комментариями. Затем следует четыре вывода (*conclusiones*). Избрание Московского кандидата не выгодно (*utiliter non eligitur*). Избрание Конде и Лотарингского герцога не выгодно. Избрание пфальцграфа Нейбургского выгодно. Каждый из этих выводов опять подтверждается рядом положений. О Московском кандидате, например, сказано: Его нрав неизвестен, что противно такому-то положению; он будет управлять посредством наместника, что противно... и т. п.; он не католик, а если сделается католиком, то ради достижения власти; он несовершеннолетен (*puer*) и др.

Это сочинение написано не одним Лейбницем. В составлении его участвовал также Бойнебург. Но мысль и форма, которая для нас интереснее содержания, принадлежит Лейбницу. Бойнебург и его друзья отзывались с большой похвалой об этом «Образчике

¹ G. G. Leibnitii Opera Omnia / Ed. Dutens. Genevae, 1768. T. IV. P. 523.

нового рода политических сочинений». Бойнебург, не называя автора, говорит о нем в письме к Бёклеру, что он *summus summarum rerum tractator et actor**, а Бёклер, приводя эти слова в своем сочинении «О пользе составления всеобщей истории», говорит: «Автор этот исследовал интерес королевства Польского таким замечательным способом обсуждения и доказательства, что, может быть, нельзя указать ничего подобного».

Мы не знаем, какое впечатление произвело сочинение Лейбница на его польских читателей; но мы полагаем, что золото, которое сыпал щедрой рукой посол Людовика XIV, было гораздо убедительнее, чем математические выкладки молодого философа. Однако на этот раз и золото ничего не могло сделать. Неожиданно для всех, польской шляхтой во время избрания овладел патриотический порыв, и королем был провозглашен *пяст*, т. е. природный поляк, — Михаил Вишневецкий.

Несмотря на разнообразные поручения Бойнебурга и на свои служебные занятия, Лейбниц находил время деятельно заниматься математикой, философией и богословием. В 1670 г. Бойнебург описывает Лейбница в письме к Конрингу следующим образом: «Это молодой человек 24 лет, родом из Лейпцига, доктор юридических наук. Он ученеe, чем можно сказать или поверить. Философию он изучил до основания и счастливо примиряет древнюю философию с новой. Он математик, знаток физики, медицины, всей механики и совершенно предан этим наукам. Он трудолюбив и пылок. В религии он независим (*suae spontis*), впрочем, принадлежит к вашей церкви (т. е. лютеранской). Философия права ему известна и, что удивительно, также и практическое применение права».

Мы не можем говорить здесь подробно о занятиях Лейбница математикой и физикой, хотя они уже в это время доставили ему некоторую известность. Так, в 1670 г. Лейбниц издал сочинение под заглавием «Новая физическая гипотеза» в двух частях, из коих в первой он говорит как теоретик (*Theoria motus abstracti***), во второй как эмпирик. Первую часть он послал в Парижскую академию наук, а вторую — в Лондонское королевское общество, которое, в противоположность спекулятивному методу Декарта и его последователей, придерживалось эмпирического метода для объяснения физических явлений. Лондонская академия очень благосклонно приняла труд Лейбница и благодарила его через своего

* Лучший толкователь и устроитель всех дел (*лат.*). — *Прим. пер.*

** Теория абстрактного движения (*лат.*). — *Прим. пер.*

секретаря. Гипотеза Лейбница заключается в том, что он объясняет явления природы, особенно явления тяжести и упругости, движением эфира, который по направлению земной оси проникает во все поры физических тел. Он подтверждает свою гипотезу всеми результатами, добытыми в то время физикой, особенно же старается воспользоваться для своей цели только что сделанным изобретением воздушного насоса. Лейбниц в эту пору своего философского развития стоит как бы на перепутье между реализмом и идеализмом. Ибо так как все явления объясняются у него из одного принципа, то все зависит от того, какое значение будет иметь этот принцип — материалистическое или духовное.

Выставленная Лейбницем гипотеза навлекла на него обвинение в материализме, и действительно, знаменитое его выражение — *omne corpus est mens momentanea*, всякое тело есть *мгновенный дух*, — на первый взгляд может казаться материалистическим, т. е. ведущим к отрицанию духа. Но вместе с тем отсюда чрезвычайно легко переход в противоположную крайность, где все материальные явления объясняются из одного духовного принципа. Выражение «*omne corpus est mens momentanea*» может быть истолковано и так: все материальные явления не что иное, как постоянно сменяющиеся видоизменения (*momentanea*) духа; и когда Лейбниц определил этот духовный принцип всех явлений и назвал его *монадой*, тогда основание его идеалистической философии было готово.

От этой гипотезы, объяснявшей явление тяжести из движения эфира, Лейбниц никогда не хотел отказаться, даже тогда, когда Ньютон сделал свое бессмертное открытие законов притяжения. Лейбниц не признавал силы притяжения, которую Ньютон принимал за основание открытых им законов. Идеалист-философ в этом случае оказался замечательно упрямым реалистом. Гипотеза Ньютона напоминала Лейбницу фантастические гипотезы схоластиков, различные *силы*, которыми они произвольно населяли мир, особенно пресловутое «действие вдали», игравшее такую роль в физике схоластиков и так мило пародированное Гёте в его стихотворении: *Wirkung in der Ferne*.

Около этого самого времени Лейбниц послал знаменитейшему из современных ему философов, который добывал свое скромное дневное пропитание шлифованием оптических стекол, — Бенедикту Спинозе, записку об усовершенствовании этих стекол и просил его высказать ему свое мнение о ней. Лейбницу казалось возможным изготовить такое стекло, с помощью которого можно было бы измерять расстояние и величину отдаленных предметов

с одной точки. Спиноза, который, как все ученые-евреи, был чрезвычайно вежлив и сдержан с незнакомыми людьми, ответил ему очень вежливо, но объявил, что он находит его описание не совсем ясным.

Мы не станем останавливаться на философских занятиях Лейбница в этот период, ибо нас интересует не столько постепенное развитие его философских убеждений, сколько результаты его философской системы, которые мы потом представим в общем обзоре. Самым замечательным его трудом по философии во время майнцского периода жизни было новое издание сочинения Ницолля «Об истинных началах и истинном способе философствования против лжефилософов», с предисловием к нему. Это сочинение вышло в Италии в 1553 г. во время процветания гуманизма. Автор его вооружается против схоластических философов за то, что они своей варварской терминологией искажают латинский язык. В своем предисловии к сочинению Ницолля Лейбниц настаивает на необходимости ясного и понятного изложения философских идей и самым лучшим средством для этого считает употребление живых языков. Он объясняет большее процветание философии в Италии, Франции и Англии сравнительно с Германией тем, что там о философских предметах давно уже начали писать на отечественном языке, в Германии же все еще употребляют латинский.

Философские размышления Лейбница стояли в непосредственной связи с его религиозными убеждениями. Исходный пункт его философской системы, т. е. существование последней причины — Бога, был для него не философским только тезисом, но живым источником религиозного чувства. Мы потом увидим, как вера в бессмертие души совпадала с одним из существенных положений его философской системы. Уже в это время он в нескольких небольших рассуждениях, которые он не предназначал для печати, отстаивал положение о существовании Бога и бессмертия души. В этом случае, как и в занятиях юридическими и политическими вопросами, Лейбниц находился под влиянием и руководством Бойнебурга. Последний был человек чрезвычайно религиозный; его переход в католицизм был следствием искреннего убеждения. В это время он был занят полемикой с сектой социниан, которые не признавали божественности Христа и Троицы и поэтому называли себя унитариями. Эта секта была особенно распространена в Польше, и там, в городке Ракове, она имела свою типографию. Но в 60-х годах многие из вождей унитариев должны были бежать из Польши; между ними был известный Виссоваций; он нашел убежище у того самого курфюрста Пфальцского, кото-

рый пригласил Спинозу в Гейдельберг и построил один общий храм *Согласия* для враждующих исповеданий — католического, реформатского и лютеранского. Виссоваций своей диалектикой привел в затруднение Бойнебурга, и по просьбе последнего Лейбниц принял участие в полемике и написал рассуждение «Защита учения о Троице с помощью новых логических изобретений».

На религиозные убеждения Лейбница в это время бросает новый, интересный свет небольшой отрывок, в первый раз напечатанный в последнем издании сочинений Лейбница, начатом О. Клоппом¹.

Как реакция против рационализма, который в XVIII в. уничтожил религиозность в большей части образованного общества, в конце XVII и в начале XIX в. появилось особенное поклонение чувству. Уже Руссо был одним из апостолов этого нового направления, которое превозносило чувство над разумом. Оно скоро обнаружило свое влияние во всех сферах литературной деятельности. В изящной литературе оно вызвало ту сентиментальность, которой проникнуты все произведения европейских литератур за известный период, начиная от «Страданий молодого Вертера»; в политических науках это направление вызвало романтизм; в философии и богословии оно укоренило убеждение, что религиозность основана на чувстве, что источник ее нужно искать в той особенной области души, которая недоступна анализу разума, в которой не формулируются ясные понятия, способные предстать пред судом логики, в области смутных представлений, влекущих в беспредельную даль, в области чаяния и надежд. В XVIII в. философ Якоби первый выставил это учение, а в XIX в. самым красноречивым провозвестником его явился Шлейермахер. Напрасно философия (особенно гегелизм) боролась против этой теории и доказывала, что источника религии, этой высшей деятельности человеческого духа, не должно искать в психической сфере, которая стоит ниже, чем разум. Эта теория, ищущая единственного источника религиозности в чувстве, имеет некоторое основание, ибо есть известная религиозность, которая основывается на чувстве. Но есть другого рода религиозность, не менее глубокая, чем первая, в которой чувство в вышеупомянутом смысле играет весьма небольшую роль. Лейбница можно принять за представителя этой последней религиозности. В его жизни вообще мы встречаем мало проявлений чувства. Он умел сильно привязываться к людям и был верен своим привязанно-

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. T. I. P. 111 sq.

стям. Но если мы ближе всмотримся в них, то увидим, что источником их всегда был какой-нибудь научный или духовный интерес. Женщины не внушали ему чувства привязанности, и единственная женщина, к которой он питал действительно нежное чувство, была умная и даровитая Софья-Шарлотта, королева Прусская, внимательная ученица стареющего философа, с живым участием следившая до последнего года своей жизни за самыми отвлеченными выводами его системы. Мы можем сказать, что каков он был в своих отношениях к людям, таков он был и в религии. В нем было необыкновенно развито чутье разума, разлитого в природе и в мире. Но вследствие совершенного отсутствия фантазии это чувство не перешло в энтузиазм поэта, не привело его к пантеистическому обоготворению природы. Его строгий математический ум старался спокойно и бесстрастно проникнуть в глубину этого разума и понять гармонию мира, и чем далее он проникал, тем яснее становился ему образ виновника этого разума и этой гармонии. Его религиозность состояла в созерцании мирового разума, в преклонении перед ним и в сознании, что в нем самом живет и действует частичка этого разума.

Мы поясним это собственными словами Лейбница.

Любовь, — говорит он, — есть восторг души, происходящий от созерцания красоты и совершенства в другом¹. Красота же состоит в гармонии и соразмерности. Любовь к Богу, к высшему благу, заключается в беспредельном, непостижимом (*unglaublich*) восторге, который черпается из созерцания его красоты, т. е. соразмерности между беспредельным Его могуществом и премудростью. Любовь эта удивительно укрепляется с помощью сознания и удостоверения во всемогуществе и премудрости Божией. Сознание, что Он всемогущ и премудр, побуждает нас любить Его, а понимание, каким образом Его могущество и мудрость выражается в мире, насколько оно возможно, указывает нам, как мы должны любить Его.

Всемогущество Бога состоит в том, что Он есть последняя причина всего существующего (*Ratio ultima rerum*). Его премудрость заключается в том, что Он составляет высшую гармонию мира (*Harmonia maxima rerum*).

Отсюда следует неминуемо, что любить Бога больше всего (*Amor Dei super omnia*) значит не что иное, как любить общественное благо и всеобщую гармонию, или, что то же самое, сознавать славу Божию и увеличивать ее, насколько это в наших силах².

Мы можем прославлять Бога тремя способами: словами, помыслом и действиями. Отсюда следует, что мы можем служить ему как пропо-

¹ Liebe ist eine Freude des Gemüths aus Betrachtung der Schönheit und Vortreflichkeit eines andern.

² Amare bonum publicum et harmoniam universalem, vel quod idem est, gloriam Dei et intelligere et quantum in se est facere majorem.

ведники и священники, как философы-естествоведы и как философы-политики! Все, кто чтит Бога восхвалением и приношением, составляет разряд проповедников и священников. Первые чтут Его своими речами, вторые — обрядами. (Мы не говорим здесь, прибавляет Лейбниц, о той части их обязанности, которые относятся к попечению о душах и врачеванию их — *cura animarum*.) Сюда же нужно отнести тех, кто прославляет Бога поэзией и музыкой, украшением и построением храмов для вящего благочестия.

Как философы, чтут Бога все те, кто открывает новую гармонию в природе или искусстве и этим способом обнаруживает Его всемогущество и премудрость. Большого уважения между людьми и без сомнения милости Божией достоин всякий, кто с доброй целью прославить Творца и принести пользу ближнему созидает чудо гармонии, будь то произведение искусства или физический опыт и объяснение какого-нибудь закона природы. Эмпириков в этом случае можно приравнять к проповедникам (*oratores*), а теоретиков к поэтам, ибо первые указывают новые факты, а последние вымышляют на основании их новые гипотезы, согласные с опытом и служащие к славе Божией.

Каждый раз, например, когда деятельные в настоящее время естествоиспытатели (*anatomici*) с помощью опыта открывают новые сосуды, или посредством гипотезы усматривают доселе неизвестное значение давно известных сосудов, всемогущество и премудрость Божества, так сказать, изображаются (*illuminat*) живыми красками, и во всяком разумном человеке сильнее возбуждается любовь к Творцу и сознание Его совершенства, чем посредством тысячи речей, песнопений (*carmina*), а иногда и проповедей.

Третий способ прославления Божия — самый совершенный. Это способ тех, кто служит Господу как моралист, политик, правитель государства (*rectores regum publicarum*). Ибо они не только стремятся к тому, чтобы открыть в природе сияние божественного света, но хотят уподобиться Ему посредством подражания Его *творчеству*; они прославляют Его не восхвалениями только и помыслом, но и благами делами; они не довольствуются созерцанием Его благодати, но становятся Его орудиями, содействуя развитию общественного блага и пользы человеческого рода. Сюда относятся все те, кто прилагает чудеса природы и изобретения к медицине, к механике, к удобству жизни, к обеспечению труда и материального положения бедных классов, к искоренению между людьми тунеядства и пороков, к установлению справедливости, кары и возмездия, к поддержанию общественного спокойствия, к благосостоянию и процветанию отечества, к отвращению дороговизны, моровых язв и войн, насколько это в человеческой власти и происходит от человеческой вины, к распространению истинной религиозности и благочестия, наконец к блаженству всего человеческого рода, насколько это в их силах, и, таким образом, старается в своей сфере подражать тому, что Бог делает для всего мира.

¹ Unde Deum colimus vel ut oratores et sacerdotes, vel ut philosophi naturales, vel ut morales seu politici.

Из этих слов мы можем составить себе ясное понятие о том, какого свойства была религиозность Лейбница. В ней не было во все того самозабвения, того стремления к слиянию с Божеством в экстазе молитвы и восторженном одушевлении, которые бывают у людей, склонных к мистицизму и чувствительности. Источником его религиозности был разум, и оттого она не вела его к страдательному самоотвержению, но возбуждала постоянно к бодрой, практической деятельности. Он видел в себе и других людях самодетельные монады, в которых отражался всемирный разум. Оттого он за все брался с одинаковой живостью и увлечением — как за философские умозрения и математические проблемы, так и за практические улучшения в механике и ремеслах; везде он видел в себе орудие божественного разума, призванное содействовать обнаружению и установлению всеобщей гармонии. Таков он был и в политике, в которой судьба, к сожалению, не дала ему возможности играть роль, соответствующую его гению. С этой точки зрения получают цену его политические планы и проекты, хотя они и не нашли себе практического применения.

К майнцкому периоду его жизни относятся «Записка об обеспечении внутреннего и внешнего мира в империи» и проект о разрешении восточного вопроса посредством завоевания Египта французами, к которым мы теперь переходим.

В Лейбнице было чрезвычайно живо чувство патриотизма. Это чувство шло у него рука об руку с необыкновенным благоговением перед Австрийским домом, который так давно уже занимал престол в Германской империи. Лейбниц уважал в императоре не только верховного государя своего народа, но и представителя единства всего христианского мира по идеям Средних веков. При его потребности видеть гармонию водворенной в политическом мире ему нравились средневековые мечты о союзе всех христианских государств под руководством верховного судьи в международных отношениях — Римского императора. Особенно в юности он увлекался этими мечтами — и в мелких статьях, и в стихотворениях этого периода часто встречаются следы этого настроения и благоговения перед Австрией.

Знакомство с Бойнебургом посвятило его в политику рейнских князей. В это время она уже утратила свой антиавстрийский оттенок, и Лейбниц чистосердечно вошел в виды Бойнебурга и архиепископа, которые считали необходимым тесный союз прирейнских князей с Людовиком XIV для внутреннего мира в Германии и избежания войны с Францией.

Нельзя было с большей искренностью и бóльшим энтузиазмом говорить о политике архиепископа, как это делает Лейбниц в посвящении своего «Нового метода». «Тебе более всех, — говорит он, — Германия обязана своим миром; тебе одному будет обязана миром церковь, если небо осуществит твои планы. О, если бы мне довелось дожить до той минуты, когда я увижу исцеленными раны Германии, согласие и любовь восстановленными между ее князьями! Тогда возвратится благочестие храмам, любовь людям, народу доблести, страх врагам и всем благоденствие»¹.

Лейбниц не изменил этого взгляда до конца своей жизни. По прошествии многих лет, когда архиепископ и Бойнебург давно умерли, когда сам Лейбниц, наученный долгим опытом жизни, мог составить себе независимое суждение о деятельности этих людей, он идеализировал ее с такой же искренностью, как в свои юношеские годы². Отзыв Лейбница может служить самой красноречивой апологией, самым лучшим оправданием политики Майнцского курфюрста. Лейбниц пишет:

Это был человек высоких побуждений³, который руководствовался в своей политической деятельности интересами всего христианского мира. Он действовал совершенно искренно и искал свою славу в том, чтобы обеспечить мир своему отечеству, будучи убежден, что он может согласовать свои собственные интересы с пользой империи. Он, конечно (je veux stoïge), не воображал себе тогда, что равновесие между обеими могущественнейшими державами Европы будет так легко нарушено и что Франция так скоро возьмет перевес. Как бы то ни было, он был свидетелем разорения Германии, развалины которой еще дымились; он был из числа тех, кто более всех трудился над ее умиротворением. Она едва еще дышала, вся страна была населена только малыми детьми, и если бы возобновилась война, что легко можно было ожидать при раздирании Швеции и при угрозах Франции, то нужно было опасаться, что будет истреблено и подрастающее поколение и что тогда бóльшая часть несчастной Германии превратится в пустыню. Поэтому ему казалось необходимым — чтобы дать какое-нибудь удовлетворение тем двум державам, которые тщетно противились избранию императора (Швеции и Франции), и чтобы сохранить мир — связать новому императору (Леопольду) руки посредством капитуляции и обеспечить эту капитуляцию союзом между несколькими князьями империи и выше-названными двумя державами — т. е. Рейнским союзом.

¹ «O mihi tam longe maneat pars ultima vitae! Donec videre liceat coeuntia Germania ulcera et т. д. Tum vero redibit honor templis, charitas animis, virtus genti, exteris terror, salus omnibus» (Die Werke v. Leibniz. I. P. 4).

² См. его французское письмо, напечатанное у Гурауера: *Guhrauer. Kur-Mainz in der Epoche 1672*. I. P. 91.

³ C'était un génie élevé et que n'agitait rien moins dans son esprit, que les affaires générales de la chrétienté.

Действительно, рейнские князья могли мечтать одно время, что они своим нейтралитетом уравновесят соперничество между Габсбургами и Бурбонами и обеспечат таким образом европейский мир, подобно тому, как в XIX в. мелкие государства Германии мечтали о такой же политике относительно Австрии и Пруссии (*Triaspolitik*). Но в обоих случаях эти мечты скоро рассеялись, и политика архиепископа Майнцского должна была совершенно измениться. Честолюбивые планы Людовика XIV ясно обнаружили, когда он, по смерти Филиппа IV Испанского, изъявил притязания на большую часть Бельгии и двинул туда свои войска. Дальнейшие завоевания в Бельгии были приостановлены только опасением, которое внушил ему *Тройственный* союз между Голландией, Англией и Швецией. Архиепископ, правда, заключил, по примеру других рейнских князей — курфюрста Кельнского и пфальцграфа Нейбургского, — с Людовиком XIV особый союз в 1667 г. (28 февраля, в Вюрцбурге)¹ на три года, по которому он обязался содержать на французские субсидии 3500 солдат, для сопротивления всякому войску, «которое двинулось бы на Рейн», т. е. для защиты Бельгии от французов. Но уже в следующем году он заключил с курфюрстом Трирским и герцогом Лотарингским союз в Лимбурге, направленный против французских интересов, и намеревался даже с этими своими союзниками искать поддержки у Тройственного союза. В 1670 г. французский дипломат Гравель отзывается о нем, что он в последние годы изменился так, что его узнать нельзя (*changé du blanc au noir*). Бойнебург смотрел с неудовольствием на эту перемену в политике архиепископа и старался поддержать прежние связи с Францией, оттого ли, что он считал Тройственный союз непрочным², как он говорит в одном письме к Конрингу, или оттого, что он боялся раздражать Людовика и считал по-прежнему союз с Францией единственным средством обуздать ее воинственность. И по-прежнему к этому примешивались материальные интересы. Бойнебург надеялся, что его доброе расположение к Франции будет вознаграждено возвращением пенсии и ренты, которых он лишился, и он уже завел об этом переговоры с Лионном, министром иностранных дел Людовика XIV. Он употреблял все свое влияние на Иоганна Филиппа и особенно на курфюрста Трирского, чтобы отклонить лимбургских союзников от вступления в Тройственный союз.

¹ См. *Mignet. Négociations relatives...*

² *Triplex foedus variantibus et alternantibus votis spebusque interpungitur* (Тройственный союз полнится меняющимися и колеблющимися обещаниями и чаяниями (*лат.*). — *Прим. пер.*).

Однако разрыв между курфюрстом Майнцским и Францией обнаружился все более и более. Несмотря на то, что архиепископ в договоре 1667 г. обязался продолжить срок Рейнского союза, он не только этого не сделал, но и отговаривал других князей от союза, вследствие чего возобновление его не состоялось. За это французы прекратили выдачу субсидий, которые они обязались, по договору 1667 г., выплачивать в течение 3 лет. Курфюрст пошел далее. Уже шла речь о том, чтобы лимбургские союзники выставили войско между Сарой и Рейном для обеспечения Лотарингии от притязаний Франции. Курфюрст везде искал союзников, чтобы составить лигу для обеспечения рейнских князей, приглашал курфюрста Саксонского, отправил с той же целью в 1670 г. Бойнебурга к своему давнишнему врагу, курфюрсту Пфальцскому, но безуспешно, и обращался даже к швейцарцам с предложением вступить в оборонительный союз с прирейнскими князьями. В это время курфюрст Трирский советовал ему предложить императору вступить вместе с обоими курфюрстами в Тройственный союз под условием гарантии Лотарингии и Бельгии как частей империи.

Чтобы подвинуть вперед эти переговоры, Шёнборн устроил свидание с курфюрстом Трирским на водах в Швальбахе близ Висбадена, которые в XVII в. пользовались еще большей популярностью, чем теперь. Туда должны были прибыть поверенные герцога Лотарингского, курфюрста Саксонского и Голландской республики. Тут, в начале августа 1670 г., мы находим и Бойнебурга в сопровождении Лейбница. Последний составил здесь, по просьбе Бойнебурга, *в течение 3 дней*, свое «Мнение, каким способом обеспечить общественную безопасность (*securitas publica*) вне и внутри империи при теперешних обстоятельствах».

Мысль Бойнебурга заключалась в том, что курфюрстам не следовало принимать открыто сторону императора, чтобы не возбудить вражду Франции и не привлечь других имперских князей во французский лагерь, но что лучше всего было бы для них заключить между собой особую конфедерацию с центральной директорией и постоянным войском. Лейбниц развил эту мысль, прибавил многое от себя и определил потом условия, на которых должна была состояться конфедерация¹. Записка его была поправлена Бойнебургом, но поправки последнего известны, так как у Лейбница сохранился подлинник рукописи. Записка Лейбница отлично

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. I. P. 185: Plurima notatu digna addidi (Многое тут можно добавить (*лат.*) — *Прим. пер.*). Затем следует обозначение того, что принадлежит собственно ему.

обрисовывает тогдашнее политическое состояние Западной Европы и составляет одно из самых замечательных произведений публицистики XVII в., и поэтому мы вкратце познакомим читателя с ее содержанием.

Германия, — говорит Лейбниц, — могла бы блаженствовать, ибо она не имеет недостатка ни в земле, ни в людях. Люди бодры и рассудительны, земля весьма обширна и плодородна. Но тем не менее Германия страдает многими недугами. Ее губят жалкое состояние торговли и промышленности, совершенно испорченная монетная система, небеспеченность прав и медленное судопроизводство, никуда не годное воспитание, преждевременные путешествия юношества, атеизм, нравы, зараженные чуждым влиянием, ожесточенные религиозные ссоры. Все эти недуги, однако, не в состоянии погубить ее внезапно, ибо они действуют медленно и постепенно ослабляют ее. Вдруг же она может погибнуть от внешней или внутренней войны, ибо вследствие своего беспомощного состояния она может сделаться добычей и врагов, и защитников своих. Поэтому врачевание ее нужно начать с самого опасного ее недуга — дурного политического устройства.

Споры и недоразумения, — продолжает Лейбниц, — которые возникают от неисправного исполнения имперскими чинами их обязанностей, невозможно устранить, ибо нельзя уменьшить количество денег и войск, разложенное на чины империи, а при отсутствии центральной власти их нельзя принудить к исправному исполнению их обязанностей.

Государство должно быть гражданским лицом (*persona civilis*). Как у человека есть ум, кровь и члены, так в государстве должно быть постоянное правительство, постоянная казна и постоянное войско. Первое невозможно устроить в Германии вследствие ревности, с которой все имперские князья стараются сохранить свои права. Слабые боятся угнетения; сильные опасаются, что их произвол будет ограничен. Постоянной казны и войска нельзя ввести вследствие тех же причин. Так как прямой путь — совещания на сейме — не приводит к цели, то ее нужно достигнуть окольным путем. Некоторые влиятельные и благоразумные люди, хорошо знакомые с настоящим положением дела, считают единственным средством для этой цели составление особого тесного союза между теми имперскими князьями, которые или всего более подвержены опасности, или всего ближе принимают к сердцу дела империи. Эти лица находят, что существующий уже Тройственный союз (между Англией, Голландией и Швецией) мог бы послужить точкой опоры для нового союза, ибо у них есть общая цель. Но отдельным членам империи нельзя примкнуть к этому союзу; их бы неохотно приняли, потому что они, нуждаясь в защите, увеличили бы объективность Тройственного союза, между тем принесли бы ему мало пользы своим участием. Кроме того, они возбудили бы против себя подозрение и нерасположение Франции как главные противники ее честолюбивых видов в Германии. Из этого следует, что нужно устроить тесный союз из имперских князей, который бы не вмешивался в дела, не касающиеся империи. Нужно сознаться, что вне империи никто не нуждается в ее

защите и никто не надеется на нее, так как всякий, кто при настоящем положении дел вступил бы с ней в союз, должен был бы ожидать, что ему придется ее защищать, не получая от нее никакой помощи. Нужно, чтобы этот особый союз не разрушил окончательно единства империи, которое держится теперь только на волоске. Многие даже из членов империи радуются, что все попытки *починить* (*flicken*) ее устройство остались тщетными; они надеются, что когда рухнет ее здание, то они успеют присвоить себе из развалин богатую добычу и с этими средствами построить нечто новое, и поэтому ждут только случая, чтобы дать ей хороший толчок, однако так, чтобы вина не падала на них. Поэтому всякая неосторожность могла бы побудить их составить новый враждебный союз и таким образом оторвать северную Германию от южной. Это не пустые подозрения, ибо всякому известно, что замышлялось в прошлом году. Предполагаемый союз должен быть такого свойства, чтобы и те чины империи, которые враждебны к Тройственному союзу, могли принять в нем участие. Вражда эта происходит у одних из зависти к Австрии и Голландии, у других из того, что они пользуются разными выгодами от Франции, против которой направлен Тройственный союз. Первых легко привлечь в новый союз, ибо они боятся могущества Франции. Последние также не желают увеличения Франции; они в этом случае похожи на Иуду (не в обиду будет сказано), который не сомневался, что Христос уйдет от жидов, несмотря на то, что он его выдает, а деньги между тем, думал он, останутся у него в руках. Союзу нужно дать такое устройство, чтобы Франция ему не противилась и не считала его враждебным. Когда же он усилится, тогда можно будет противодействовать всем намерениям Франции, клонящимся к вреду империи. Поэтому нужно действовать осторожно и постепенно. Конечно, было бы желательно, чтобы с самого начала все члены союза и их министры клятвенно обязались не принимать ни от кого субсидий и подарков, как это делается в Голландии. Но и здесь не следует действовать круто и не бросать палками в птиц, а нужно постепенно стараться, чтобы этот позорнейший обычай совершенно искоренился.

При составлении союза, Францию никак не следует раздражать, ибо она может занять все прирейнские области, прежде чем подоспеет помощь со стороны Австрии или Голландии, притом давно известно, что Францию всего легче сдерживать, если те государства, которые ближе к ней, находят с ней в дружеских отношениях. Вступить же в Тройственный союз значило бы сделать вызов Франции. Без этого Франция, может быть, оставит в покое прирейнских князей. Вообще если Франция решится на войну, то она нападет или на Бургундский округ (Бельгию), или на Лотарингию, или же на рейнские области Германии. В первом случае прирейнские князья ничего не могут сделать. Ибо если Австрия, Англия, Швеция и Голландия не в состоянии будут защищать Бургундский округ, то наше¹ участие только увеличит поражение союзников. Для спасения Лотарингии герцог ее требует, чтобы рейнские курфюрсты вместе с ним вступили в Тройственный союз. Но

¹ Записка предназначалась, как известно, для курфюрстов Майнского и Трирского.

это значило бы погубить Лотарингию, ибо Франция в этом случае тотчас заняла бы ее, основываясь на Пиренейских трактатах. К тому же потеря Лотарингии не слишком важна для Германии, так как она уже теперь находится почти в руках Франции, и нам легче ее защитить, составив предполагаемый союз и потом приняв ее в этот союз. Что касается до рейнских областей, то вступление их в Тройственный союз не спасло бы их. Политика Голландии такова, что она более заботится о независимости берегов, чем внутренних областей. Во время последней войны она охотно уступила бы Карлу X всю Польшу, если бы только берега Балтийского моря остались независимы; точно так же она более жалела о том, что Франция приобрела покупкой Дюнкирхен, чем о завоевании бельгийских крепостей. Она извлекает очень мало пользы из судоходства по Рейну, вследствие бесчисленных пошлин на этой реке, и привоз из одной гавани в Бретани значительнее, чем вся торговля на Рейне. Поэтому Голландия охотнее уступила бы Франции рейнские области, чем Антверпен или Остенде.

К тому же, Тройственный союз сам едва держится. В английском парламенте только слабое большинство за него. В Голландии партия принца Оранского ненадежна, ибо она сообразуется с политикой Английского короля. Швецию же легко отвлечь войной с соседями. Притом неизвестно, не изменит ли совершеннолетие короля политику Швеции, тем более, что в шведском сенате немало членов, расположенных к Франции. Надежда на Австрию также слаба, и в случае защиты со стороны Австрии рейнским князьям пришлось бы принять в свои крепости австрийские гарнизоны. А что, если бы Габсбургский дом вдруг вздумал примириться с Францией и разделить с ней нас беззащитных?

Из всего этого следует, что союз нельзя составить помимо Франции. Но каким образом расположить ее в пользу союза? Нужно указать на успехи императорских войск в войне с турками, на союз Австрии с Польшей и на опасность, которая грозит от нее свободе Германии. Императору же нужно было бы откровенно сообщить, в чем состоит цель союза.

Союз мог бы быть устроен на следующих главных основаниях. Каждый член союза, желающий иметь полный голос, должен выставить войска — 1200 человек (800 пехоты и 400 кавалерии). Войско это должно получать жалованье не от своих офицеров, но от казначеев союза, присягнуть в верности союзу и находиться в распоряжении директории. Директория не должна состоять из депутатов от всех участников союза подобно имперскому сейму, но из одного постоянного и двух сменяющихся членов. Постоянный член мог бы быть назначаем Майнским курфюрстом, прочие два — по очереди остальными участниками в союзе. Директория может два раза в год созывать общее собрание всех членов союза. Императору следует предоставить два голоса, за Австрию и Богемию, с условием выставить двойной контингент. Но в союзе он должен участвовать не как император, а на одинаковых правах с остальными членами. Директории предоставляется заведование канцелярией союза, дипломатическими переговорами и казной союза, которая пополняется взносами членов в определенные сроки.

Лейбниц надеялся посредством этого союза достигнуть великих результатов не только для Германии, но для целой Европы, и даже для всего христианского мира.

Германия, — говорит он, — яблоко раздора, как была сначала Греция, потом Италия. Германия — мячик, которым играли все те, которые соперничали между собой за власть. Германия — поле брани, на котором сражались за первенство в Европе. Вследствие ее слабости — остальные сильны. Если она укрепится, вся Европа успокоится и обратится туда, где можно добыть славу и пользу с чистой совестью, — против неверных. Если император и Польша с напряжением всех сил пойдут на турок, а Москва — на татар, и никто из них при этом не станет опасаться неприятельского нападения с тыла, то как скоро обнаружится благословение Божие в этом справедливом деле! Англия и Дания изберут себе тогда поприщем своей деятельности северную Америку, Испания — южную, Голландия — Индию; Франция же предназначена Провидением сделаться вождем христианского оружия в Малой Азии — выставлять Готфридов Бульонских и Людовиков Святых, напасть на Африку и истребить там притоны морских разбойников, наконец завоевать Египет, одну из лучших стран в мире. Иными словами, все европейские народы тогда обратят свою деятельность на открытие неведомых стран и колонизацию. Там они найдут бессмертную славу, спокойную совесть, всеобщее сочувствие, верную победу, неизмеримую пользу. Тогда осуществится желание того философа, который советовал, чтобы люди воевали только с волками и хищными зверями, к которым можно в известном смысле приравнять дикарей и неверных до крощения их и подчинения цивилизации.

Записка эта, как выше сказано, была составлена в августе 1670 г. Через два месяца после этого Людовик XIV, которому надоели непостоянство и интриги герцога Лотарингского, занял своими войсками Лотарингию. Эта решительность возбудила повсюду большую тревогу. Многие думали, что это первый шаг к завоеванию Германии. Но Лейбниц был дальновиднее других; он догадался (не многие это предвидели), что намерения французского короля направлены против Голландии. Тогда он составил продолжение своей записки, в котором мастерски изложил тогдашнее политическое положение Европы, объяснил политику Франции и указал средства к предотвращению грозившей опасности.

Опасения оправдались, — говорит он, — французы заняли Лотарингию. Но чего от них ожидать далее? Они не имеют намерения завоевать Германию, ибо такую обширную страну невозможно завоевать или удержать в повиновении. Людовик XIV стремится только к тому, чтобы медленным, но верным путем достигнуть первенствующего положения в Европе (*arbitrium regum*). Невероятно даже, чтобы Франция имела намерение завоевать рейнские области, ибо в этом случае она возбудила бы против себя всю Германию и объединила бы ее. Если же

бы она захотела поделиться с какою-нибудь из немецких держав: с Баварией, Бранденбургом или Австрией, то последнюю легко было бы усмирить при отдаленности французской помощи.

Притом, — продолжает Лейбниц, — приобретение рейнских областей не представляет для Франции больших выгод: ей легко их завоевать, но трудно удержать. Вероятнее всего, что опасность грозит Голландии. Причины озлобления Людовика против этой республики двоякие: личные и политические. Французы стремятся к господству в мире (*monarchia universalis*); но всемирное господство, в смысле Александра Македонского или же Юлия Цезаря, теперь невозможно, разве только в Азии. Господство, которое имеет в виду Франция, заключается только в том, чтобы иметь решительный голос во всех политических делах. Таким преобладанием пользовались римляне в эпоху своего процветания. Но когда они превратили своих союзников в подданных, тогда начался упадок их республики. Испания когда-то также стремилась к такому первенствующему положению, но погубила себя при этом слишком насильственными, жестокими средствами, которыми она действовала против иноверцев. Теперь могущество Испании перешло к Франции. Сокровища Испании не помогли ей. У Франции много золота, которое добывается без помощи ртuti. Франция посредством торговли и промышленности постоянно возвращает истраченное ею золото.

Для того чтобы достигнуть первенствующего положения, нужно укрепить себя и ослабить других посредством разделения. Франция делает и то и другое. У принцев крови, у правителей провинций отнята всякая власть, протестанты усмирены, злоупотребления откупщиков податей ограничены, доходы приведены в порядок, устроены торговые общества, введены новые роды промышленности, учреждены академии, военные школы и др. Франция употребляет в дело также и второй способ: всюду вносит раздор, вооружает Португалию против Испании, Арагонию против Кастилии, королеву против грандов, и наоборот; в Англии поддерживает короля против парламента; под предлогом гарантии Вестфальского мира вмешивается во все дела Германии, поддерживает сильных, чтобы привлечь их к себе, или старается примирить враждующих, если обе стороны ей привержены. Франция повсюду действует двумя орудиями, посредством женщин и денег. Посредством женщин вносятся в Германию французские нравы и моды, воспитание становится французским. Деньги действуют еще сильнее. В Германии в них так нуждаются вследствие расточительности, подражания французским нравам и бесполезных путешествий, что было бы лишним указывать на отдельные примеры. При этом стремлении к преобладанию в Европе, для Франции особенно важно ослабить Голландию. Республики вообще ненавистны монархам. Они дают убежище политическим изгнанникам, возбуждают в соседних государствах стремления к политической свободе, допускают всевозможные религии, заботятся об общественных интересах, недоступны подкупу, представляют рассадники способных людей, которые не довольствуются риторикой, но имеют в виду положительную пользу. Голландию же Франция должна ненавидеть еще несравненно сильнее, вследствие противоположности их интересов и могущества первой. Одна Голландия

в состоянии остановить развитие торговли и морского могущества Франции.

Начнет ли Франция весной войну с Голландией? Это много зависит от Англии. В союзе с Англией Голландии было бы выгодно самой начать войну. Без Англии Франция не может причинить Голландии существенного вреда, разве только ежегодно брать у нее по одной крепости, на манер Спинолы (*auf gut spinolisch*).

Но Франция может натравить на Голландию ее соседей — Бранденбург, Люнебург, Мюнстер, курфюрста Кельнского и других, а это может возбудить в Германии большие смуты. Поэтому нужно прежде всего уладить несогласия между Голландией и вышесказанными ее соседями, затем возбудить Голландию и Англию против Франции. Если между ними возгорится война, тогда наступит надлежащее время для устройства в Германии того союза, о котором говорилось в первой части записки. Тогда наконец Германия будет в состоянии освободиться от вредного французского влияния. Прежде всего нужно будет искоренить пагубное злоупотребление французских субсидий и подарков. Потом нужно будет ограничить роскошь, запретить бесполезные путешествия, которыми вывозятся деньги и ввозятся дурные нравы, затем поднять торговлю восстановлением Ганзы, развить мануфактуры повышением пошлин. Нужно только захотеть. При этом необходимо согласие не всех, а только многих, которым следует предоставить на выбор, хотят они сомкнуться или врозь погибнуть, из-за каприза и мнимых интересов, из-за пагубной медлительности или страсти к неразумной роскоши, которая влечет за собой смешное притворство и унижение перед тем, кто дает им для того только, чтобы удержать их в бедности и зависимости от себя. От Господа же зависят все начинания и исполнения, и Он все устроит к лучшему, согласно со своим величием и неисповедимой мудростью.

Мы остановились на записке Лейбница не потому, что она имела важные практические последствия. Правда, в следующем году курфюрсту Майнцкому удалось заключить с императором, Триром, Мюнстером, Саксонией и Бранденбург-Кульмбахом оборонительный союз, который представляет много общего с проектом Лейбница: этот Мариенбургский союз имел целью обеспечить внутренний мир в Германии (*securitas publica*); он предоставлял открытый доступ всем имперским князьям без различия религии и старался придать себе не враждебный для Франции характер. Но хотя этот союз в известном смысле осуществил идеи Лейбница, ему не пришлось играть политической роли, и он скоро был забыт среди других, более важных политических событий. Мы обратили внимание читателя на записку Лейбница потому, что в ней выражается его замечательный талант публициста, его верный взгляд на политическое состояние Европы и характер отдельных государств, а также тот живой и глубокий интерес, с которым он принимал участие во всех важных современных вопросах, наконец —

что всего более делает ему честь — выражается его способность всегда возвышаться над тесным кругом близких ему и дорогих интересов и выискивать такие цели, которые могли бы примирить враждебные столкновения и содействовать общему благу и успехам цивилизации. Это последнее свойство Лейбница еще более обнаруживается в другой его записке, стоящей в непосредственной связи с вышеизложенной, именно в его предложении Людовику XIV завоевать Египет.

В 1803 г. перед началом новой войны между Англией и Францией, в Англии вышла брошюра, которая наделала много шума. Европейская публика из нее впервые узнала, что Лейбниц указывал Людовику XIV на выгоды, которые представляло для Франции завоевание Египта, и представил ему проект, каким образом лучше всего совершить это завоевание¹. Эта брошюра получила потому важный интерес в глазах европейской публики, что издание ее было, очевидно, делом английского правительства, которое хотело в общественном мнении оправдать свой разрыв с Францией и неисполнение со своей стороны Амьенского трактата, обязавшего Англию возвратить иоаннитам остров Мальту. Брошюра была озаглавлена «Извлечение из записки Лейбница, представленной Людовику XIV и доказывающей, что завоевание Египта доставит Франции господство (*supreme authority*) над Европой» и имела целью показать, что экспедиция Бонапарта в Египет не что иное, как исполнение этого плана, давно подготавливаемого французским правительством. Издатель брошюры весьма искусно применял к Англии все, что Лейбниц говорил о Голландии. «Из Египта, — говорил Лейбниц в своем проекте, — можно без труда лишить голландцев торговли с Индией и причинить им непосредственно и неминуемо большой вред, чем самыми блестящими победами в открытой войне». «*Это наша судьба*», — восклицает по этому поводу английский издатель брошюры. Далее он доказывает, что Бонапарт в точности исполнял указания Лейбница, который считал необходимым завоевать на пути в Египет Мальту, чтобы иметь верную станцию на море и занять в Сирии Алеппо и Дамаск для обеспечения французского владычества в Египте. Автор выводил из этого, что английскому правительству необхо-

¹ До того времени о существовании такого проекта можно было догадываться только по одному намеку в корреспонденции Лейбница с ориенталистом Лудольфом, изданной в 1755 г. В 1795 г. распространились темные известия о существовании в Ганноверской библиотеке рукописей Лейбница, касающихся этого проекта. Но эти известия обращали на себя мало внимания и не выходили из пределов Германии.

димо оставить за собой остров Мальту вопреки Амьенскому договору, чтобы предотвратить французское намерение снова завоевать Египет, *разделить Турецкую империю*, ниспровергнуть могущество Англии и присвоить себе господство в Европе.

Интерес, возбужденный этой брошюрой, был так велик, что маршал Мортье, который в том же году занял Ганновер, чтобы наказать Георга III, короля Английского и курфюрста Ганноверского, велел взять копию с рукописи Лейбница и послал ее Наполеону. Наполеон велел передать ее Монжу, президенту Египетской комиссии, и в предисловии к знаменитому изданию этой комиссии «Описание Египта» с большой похвалой говорится о проекте Лейбница¹.

В общественном мнении укоренилось убеждение, что Бонапарт заимствовал у Лейбница идею о завоевании Египта, и это убеждение долгое время разделялось даже лучшими французскими историками. Знаменитый историк крестовых походов Мишó говорит еще в 1838 г.: «Читая описание французской экспедиции, остаешься убежденным, что Бонапарт был знаком с проектом, представленным Людовику XIV». Мишó восхваляет Лейбница, но как историк периода Реставрации он не любит Наполеона и сочувствует Людовику XIV. Это чувство заставляет его отзываться скептически о плане Лейбница. «Этот гениальный человек, — говорит Мишó, — ослепленный своим воображением и, примешивая к своей политике предрассудки века, ставил завоевание Египта тотчас после открытия философского камня». А в другом месте: «Это колоссальное предприятие, успех которого был более блестящ, чем продолжителен и прочен, менее шло монарху, который руководствовался в своей политике чувством истинного величия (Людовику XIV), чем герою новейшего времени, который всегда стремился к причудливой и фантастической славе».

Современные историки не совсем согласны с суждением Мишó. Достаточно прочесть у Анри Мартена упреки, которым теперь подвергается Людовик XIV за то, что предпочел войну с Голландией экспедиции в Египте и этим принес в жертву истинные интересы Франции увлечениям страсти и своего оскорбленного самолюбия².

¹ Le célèbre Leibniz, né pour toutes les grandes vues, s'était longtemps occupé de cet objet и т. д. (Знаменитый Лейбниц, от природы способный совмещать несколько точек зрения, давно занимается этим предметом... (фр.). — Прим. пер.).

² H. Martin. Histoire de France. T. XIII. P. 369: C'était le génie même de la civilisation et de l'humanité, qui appelait la France en Orient par la voix du plus grand

Но не только писатель, проникнутый духом Реставрации, а даже восторженный историк первой империи также разделяет убеждение, что Наполеон знал о проекте Лейбница. Вот что говорит, между прочим, Тьер по поводу планов Наполеона предпринять экспедицию в Египет: «В Министерстве иностранных дел находились драгоценные документы о Египте, о значении его для торговли, для морского и военного дела. Наполеон поручил Талейрану доставить их ему и начал углубляться в них». Далее: «Великие гении, которые рассматривали карту этого мира, все думали о Египте. Можно назвать троих: Альбукерка, Лейбница и Бонапарта. В царствование Людовика XIV великий Лейбниц, ум которого был всеобъемлющ, представил французскому королю записку, составляющую один из лучших памятников политического смысла (*raison*) и красноречия. Людовик XIV хотел вторгнуться в Голландию из-за нескольких медалей¹. „Сир, — говорил ему Лейбниц, — не в собственной стране этих республиканцев вы победите их. Вы не будете в состоянии перейти через их плотины и вооружитесь против себя всю Европу. В Египте нужно нанести им удар. Там вы

homme, qu'ait enfanté l'Allemagne!.. Trois fois la même apparition s'est manifestée à des puissans chefs de nations et leur a fait signe de les suivre... La première fois, ce fut Ximenez, qui l'aperçut... La seconde fois nous venons de la dire. Combien différentes eussent été les destinées de notre patrie et du monde, si Lois XIV au lieu d'ameuter l'Europe contre la France en s'acharnant à l'injuste destruction d'une nationalité, eût fondé un empire oriental, que sa glorieuse marine — elle allait bientôt en donner la preuve! — eût été aussi capable de conserver que de conquérir! La troisième, c'était à Bonaparte que l'idée devait apparaître, mais trop tard!.. La puissance navale de la France, minée par des circonstances fatales, n'était plus en état de soutenir l'éclatant début d'une telle entreprise! La fausse gloire l'emporta donc sur la vraie; la passion sur l'intérêt et la raison... (Именно дух цивилизации и гуманности повлек Францию на восток по зову самого великого человека, рожденного Германией!.. Трижды одно и то же явление воплощалось в могущественных вождях нации и побуждало следовать за ними... Первым взор туда направил Хименес... Про второй случай мы сейчас расскажем. Насколько иными были бы судьбы нашей родины и всего мира, если бы Людовик XIV, вместо того чтобы настраивать Европу против Франции, упорствуя в несправедливой войне с одним из ее народов, основал восточную империю, которую его славный флот — и скоро он это докажет! — был бы в силах не только завоевать, но и удержать! В третий раз эта идея начала созревать у Бонапарта, но слишком поздно... Морское могущество Франции, подорванное роковыми событиями, уже не в состоянии было поддержать блестящее развитие такого предприятия! Ложная слава вняла все же верх над истинной; страсть — над выгодой и расчетом... (*фр.*). — *Прим. пер.*).

¹ Будто бы из-за того, что голландцы оскорбили его чеканкой нескольких медалей с надменными надписями, прославлявшими торжество Голландии над Францией. Подробности см. у А. Мартена: *Martin H. Histoire de France*. Т. XIII.

найдете настоящий путь к индийской торговле и обеспечите за Францией навеки господство в Малой Азии; вы обрадуете весь христианский мир, вы исполните всю Европу изумлением и похвалой. Европа будет сочувствовать вам вместо того, чтобы соединяться против вас“. Вот великие идеи, которыми пренебрег Людовик XIV и которые наполнили голову молодого республиканского генерала».

После этого не покажется странным, что убеждение, будто бы Бонапарт заимствовал свой план у Лейбница, высказывалось у других еще определеннее. Так, в известных мемуарах герцогини д'Абрантес Бонапарт и Талейран прямо обсуждают записку Лейбница.

Немецкому биографу Лейбница Гурауеру принадлежит заслуга, что он с помощью неутомимых поисков в ганноверском и парижских архивах совершенно разъяснил этот вопрос¹. Результаты

¹ Проекту Лейбница посвящена большая часть сочинения Гурауера: *Guhrauer. Kur-Mainz in der Epoche 1672*. — Там же напечатан *Consilium Aegyptiacum* — извлечение из пространной записки, сделанное Лейбницем для курфюрста Майнцского. В издании О. Клоппа записки Лейбница, относящиеся к завоеванию Египта, занимают том II (1864), LXXXVI р. и 432 р. in 4°. Главные относящиеся сюда документы на латинском языке и история самого проекта изданы Клоппом отдельно: *Leibnitz Vorschlag einer Französischen Expedition nach Aegypten*. Hannover, 1864. Еще до появления ганноверского издания Фуше де Карель издал во французском переводе египетский проект Лейбница и относящуюся сюда переписку в томе V «Сочинений Лейбница» (*Oeuvres de Leibniz*. T. V. Paris, 1864). Он воспользовался тем, что было издано Гурауером, главную же записку Лейбница, которая была неизвестна Гурауеру, заимствовал из ганноверского архива. Но небрежность французского издания превосходит всякое вероятие. Перевод чрезвычайно не точен и часто неверен. Иногда не разобрана рукопись подлинника, и оттого некоторые места лишены всякого смысла. При этом обнаруживается иногда изумительное невежество в истории и географии. В одном месте Лейбниц говорит, что могущество голландцев основано на их морской торговле; потеря нескольких внутренних городов, Маастрихта, Рейнбергена и, пожалуй, даже Герцогенбуша, для них не ощутительна. Фуше де Карель или тот, кто для него сделал перевод, передает это так: *Car, pour les affaires maritimes, surtout celles de quelques villes, situées dans les terres, telles que Maestricht sur la Meuse, Rheims, et si vous voulez Sedan* (оба города во Франции) *Leur commerce est faible, et sans poids aucun sur la souveraineté des choses* (Ибо из-за морских отношений, особенно в некоторых городах, расположенных внутри страны, таких как Маастрихт на Маасе, Реймс и, если хотите, Седан... торговля ведется слабо и не имеет никакого значения для суверенитета страны (фр.). — Прим. пер.). В другом месте Лейбниц говорит о нападении на Новую Батавию, принадлежащую голландцам. Фуше де Карель исправляет это: *J'ai lieu de penser, qu'une invasion de l'Australie ne leur causerait pas des alarmes plus vives* (У меня есть основания полагать, что вторжение Австралии не произвело бы слишком уж большого переполоха (фр.). — Прим. пер.). Там, где Лейбниц

его поисков подтверждены более тщательными и полными исследованиями новейшего издателя сочинений Лейбница — Онно Клоппа, и они ясно доказывают, что обстоятельная записка Лейбница вовсе не была отправлена к Людовику XIV и что Бонапарт был совершенно незнаком с проектом Лейбница.

Но для нас записка Лейбница важна не потому, что она обратила на себя всеобщее внимание в начале XIX столетия и что ей долгое время приписывали идею французской экспедиции в Египет, а потому, что выраженный в ней взгляд Лейбница составляет одну из самых интересных страниц в истории восточного вопроса.

Под восточным вопросом в XIX в. разумеют неминуемое разложение Турецкой империи, возникновение на ее месте новых государств и роль, которую должны играть в этом деле могущественнейшие из европейских держав. Но историки справедливо напоминают, что восточный вопрос имеет за собой длинное прошедшее, что в XIX в. он в своей форме есть не что иное, как эпизод из вековой борьбы между Европой и Азией¹. В этой борьбе, которая начинается почти вместе с историей человечества, мы можем различить три эпохи. Первую можно назвать периодом гелленизма, вторая знаменуется борьбой христианства с магометанством и мо-

говорит, что Франция во время войны с императором должна возбуждать Швецию, Данию же с ее союзниками Бранденбургом и Люнебургом успокаивать, для того чтобы они допустили вторжение (шведов) из Померании в Силезию (принадлежавшую Австрии), переведено: *il faudra endormir le Danemark, au moyen du Brandebourg-Lunebourg, afin, qu'il laisse* и т. д. (нужно успокаивать Данию через Бранденбург-Люнебург, чтобы она допустила... (фр.). — Прим. пер.). Особенно хорошо следующее недоразумение: Лейбниц говорит, что честь короля и французской нации нисколько не пострадали от бесславной экспедиции в Жижери (Gigeri на африканском берегу) и в Кандию — у Фуше де Кареля сказано: *La réputation du roi et de la nation ne perdit rien de son prestige, lorsque Genséric abandonna peu glorieusement Candie* (Репутация короля и нации не потерпела ущерба, когда Жансерри бесславно оставил Кандию (фр.). — Прим. пер.). Далее французский издатель говорит о японцах (вместо яванцев) в Новой Батавии, о том, что мать Мелеагра бросила в пылающий огонь своего несчастного сына *et fit brûler ses entrailles* (и сожгла его с потрохами (фр.). — Прим. пер.), (вместо головешки, которую она сожгла). Но замечательно, с каким пренебрежением Фуше де Карель, при этих достоинствах своих, говорит о трудах Гурауера, хотя он сам ими пользуется и переносит в свой текст ошибки, сделанные его предшественником. Эта непростительная недобросовестность французского ученого, столь заслуженного в других отношениях, обнаружена Клоппом в вышеназванном сочинении: *Leibnitz Vorschlag einer Französischen Expedition nach Aegypten*.

¹ Эта мысль развивается в статье С. М. Соловьева (Москва. 1866. № 1) и в статьях: *Saint Marc Girardin. Les origines de la question d'Orient // Révue des Deux Mondes*. 1864. 1 мая и 1 октября; 1865. 1 декабря.

жет называться периодом крестовых походов, третья постепенно заменяет вторую и начинается в XVII в. В первую эпоху борьба шла сначала за самостоятельность маленьких греческих общин на материке и в Архипелаге, но она скоро получила характер борьбы за цивилизацию против восточного варварства и деспотизма. Во имя гелленской цивилизации Александр Великий низверг Персидскую монархию и распространил влияние гелленизма до Пенджаба, где в XIX в. стоят форпосты англичан, и до Яксарта или Сыр-Дарьи, куда с противоположной стороны проникает цивилизация под защитой русского оружия. Главная часть наследия Александра перешла в руки римлян, и долгое время они употребляли все силы своей могущественной империи, лежавшей вокруг Средиземного моря, как оплот европейской цивилизации на берегах Евфрата и Тигра. Но когда империя распалась, когда западная часть ее раздробилась от наплыва германцев, а восточная половина дрожала от беспрестанного напора славян, норманнов и степных кочевников, тогда Азия снова ободрилась. На этот раз она выставила не нестройные полчища Ксеркса, не шайки диких наездников парфян, но новую религию, основанную на строгом монотеизме, которая изъявила притязания сделаться общечеловеческой религией, породила новую цивилизацию и вооружила своих поклонников двумя непобедимыми орудиями: фанатизмом и верой в свое призвание. Тогда борьба между Европой и Азией совершенно изменилась и получила религиозный характер. Интересы цивилизации были забыты; о них не могло быть и речи: эмиры Саладина и мавры испанских халифов в отношении цивилизации стояли выше феодальных баронов и нестройной толпы, предводимой фанатическими монахами. Крест, символ христианской религии, был знаменем европейских народов и воодушевлял их к опасным и безуспешным походам. Борьба сохранила этот характер и тогда, когда арабов заменили турки и место борьбы было перенесено из Палестины в равнины Дуная. Магометане по-прежнему считались общим врагом всех христианских народов. В XVI в. это изменилось. Соперничество с Габсбургским домом заставило Францию вступить в союз с неверными, а протестанты Германии, теснимые католическим большинством, начали видеть в турках орудие Божие против нечестивого папства.

Францию часто хвалили за то, что она первая перестала руководствоваться в политике религиозными интересами и сочла возможным вступить в союз с магометанами, а потом с протестантами против своих единоверцев-католиков. Другие порицают ее за это и называют *антихристианскими* писателей, хваливших Фран-

цию за освобождение политики из-под религиозного влияния. Но дело в том, что Франциск I также мало заслуживал похвалы за свой союз с турками, как генуэзцы, которые перевезли через Босфор войско султана Мурада, так как это происходило у него из политического эгоизма, а не из веротерпимости, ибо в то же время считал своим долгом сжигать еретиков. Нельзя не порицать этих грубых проявлений политического эгоизма, но вместе с тем нельзя не признать, что союз Франции с Турцией в XVI в. был первым признаком более зрелого взгляда на политические дела, который умел политику отделять от религии и который стал мало-помалу заменять теократические идеи Средних веков.

Несмотря однако на эти отступления, которые, повторяем, вытекали из эгоизма, а не из ясно осознанного принципа веротерпимости, общественное мнение в XVI и XVII вв. продолжало считать войну с турками *священной* и *общим делом* всех христианских народов. Даже такие практические умы, как Бэкон, в часы досуга мечтали о *священной войне*. В одном из сочинений этого философа люди разных положений и убеждений беседуют об этом предмете — ревностный католик, ревностный реформат, католический священник с умеренным взглядом, воин, политик и придворный. Результат их беседы клонится к тому, что всеобщая война христиан против турок сообразна как с естественным и международным, так и с божественным правом и потому поистине может быть названа священной войной. Французы, особенно дворянство, несмотря на политику своего правительства, горели нетерпением выказать свою храбрость в борьбе с турками. При Генрихе IV целые толпы французских волонтеров, под предводительством герцогов Меркёр и Невер, сражались в Венгрии против турок, и напрасно султан требовал от французского короля их отозвания. Бюргар посвятил свое издание историков крестовых походов Людовику XIII, как преемнику Людовика Святого. Кардинал Мазарини в своем завещании отказал германскому императору сумму в 400 тысяч франков *для войны с Турцией*. Когда в 1663 г. турки снова поднялись против Австрии, Тюрен приветствовал в Марселе короля Людовика речью, в которой он напоминал ему о славе его предка, умершего в крестовом походе. Он советовал собрать войско и через северную Германию поспешить в Венгрию на помощь императору. «Все народы Европы, — говорил Тюрен, — с удовольствием услышат призыв Франции и примкнут к ней». Сам Людовик XIV мечтал в первые годы своего царствования о славе христианского героя. Его послы в Риме вели переговоры о союзе между папой, Францией, императором, Испанией и Венецианской

республикой против Турции. Он приказывает своему послу в Вене успокоить императора относительно намерений Франции, для того чтобы тот не жертвовал интересами христиан и не заключал с турками постыдного и невыгодного для религии мира. Он выражает свою готовность помогать ему против *общего* врага. Действительно, как мы видели, Людовик послал войско в Венгрию, и знаменитое сражение при Сан-Готарде казалось состязанием в храбрости между французскими и немецкими войсками. Несколько позднее французские волонтеры отстаивали против турок остров Кандию*, принадлежавший тогда венецианцам. В 1668 г. герцог Ла Фёлиад за свой счет перевез в Кандию более 500 офицеров, получивших отставку после Ахенского мира. В следующем году Людовик послал для защиты Кандии 6-тысячное войско под предводительством герцога Наваль, которое впрочем не могло спасти острова, завоеванного турками в 1669 г. Но рассчитывают, что в течение 25 лет, которые продолжалась осада острова, венецианцы получили из Франции 50 тысяч людей¹. Германия в это время была наводнена сочинениями и памфлетами, возбуждавшими к войне с турками. Конринг издал целое собрание сочинений, доказывавших солидарность христиан против турок и требовавших общего нападения. Он посвятил это сочинение французскому послу и возлагал все свои надежды на Людовика XIV. Бойнебург из опасения перед турками изменил свою французскую политику и стал склоняться на сторону Австрии.

Лейбниц жил в этих идеях священной войны; но к религиозному энтузиазму у него примешивался еще другой элемент. Турки были для него не только врагами христианских народов, но и врагами цивилизации. Воображение рисовало ему картины тех чудных стран, которые были колыбелью человечества и цивилизации, а теперь, покрытые развалинами и бесплодные, навсегда казались потерянными для человечества. Вырвать их из рук варваров, открыть доступ к ним торговле и промышленности, вызвать их снова к жизни и воспользоваться их богатыми средствами для успехов цивилизации — вот что было его мечтой. Лейбниц один из первых стал смотреть на Восток не глазами только христианина, который ищет там мест, дорогих для его религиозных воспоминаний, но глазами человека, который желал бы перенести туда благоденствия цивилизации, освободить народы, погибающие под гнетом варварского деспотизма, вызвать их к политической жизни и ввести в общую семью народов, трудящихся для цивилизации. С Лейбни-

¹ *H. Martin. Histoire de France. T. XIII. P. 365.*

* Кандия — итальянское название острова Крит. — *Прим. ред.*

ца мы можем начать третий период в великом состязании Европы с Азией — период борьбы за успехи и торжество цивилизации, борьбы не истребительной и бесплодной, как религиозные войны, но оживляющей и призывающей к возрождению народы Востока.

Лейбниц, как мы видели, был человек глубоко религиозный; он был религиозен не только в философском смысле, т. е. не только сознавал, что религия составляет неотъемлемую потребность человеческой природы, и видел в ней могущественнейшее орудие для нравственного развития индивидуальностей и всего человечества, но он был религиозен в христианском смысле, т. е. верил в христианские догматы и только в христианстве находил спасение. Эта религиозность, однако, не затемняла ясности его взгляда и не возбуждала в нем страстей. Он желал подорвать владычество магометанства над Востоком не потому только, что это было учение лжепророка, а потому что эта религия — со своим фанатизмом, со своими окаменевшими обрядами, вынесенными из Арабской пустыни, со своим взглядом на Провидение, порождающим такую беспечность и фатализм, со своим детски-грубым воззрением на государственную жизнь, на искусство, науку и высшие духовные потребности человека — сделалась тормозом для цивилизации и гнетом для подвластного христианского населения.

С жаром принялся Лейбниц изучать политическое и экономическое состояние Востока, чтобы приискать средства, которые бы скорее всего привели к цели. Он углубился в чтение сочинений путешественников как средневековых, так и современных, чтобы составить себе ясное понятие о топографии, о средствах обороны, об устройстве и могуществе Турецкой империи. Он перечитал летописи, повествовавшие о крестовых походах, чтобы узнать причины неудач и составить план более успешной экспедиции. С необыкновенным практическим взглядом Лейбниц скоро убедился, что ключ к обладанию Востоком составляет Египет и что туда должны быть направлены удары европейцев. Сама история указывала на этот путь. Уже в XII в. крестоносцы убедились, что они не в состоянии будут удержать Палестину и Сирию, если не обеспечат за собой владычества над Египтом.

Предание, занесенное в летопись, говорит, что один арабский мудрец, которому французский король Филипп II даровал жизнь при взятии Птолеми, из благодарности открыл ему, что он не иначе овладеет Иерусалимом, как покорив наперед Египет. Филипп хотел двинуться в Египет, но ссора с Ричардом Львиным Сердцем разрушила этот план. Действительно, уже в XII в. Иерусалимский король Амальрих совершил поход в Египет, а со времени третьего

крестового похода почти все попытки крестоносцев были направлены против Египта. Они не удавались, потому что вожди крестоносцев ссорились между собой, войска были не дисциплинированы, припасы скудны, а главное потому, что у них не было флота и они не могли поддерживать сообщение с Европой.

При успехах мореплавания и при развитии материальных средств Европы, в XVII в. можно было ожидать совершенно другого исхода. Внимание Лейбница преимущественно останавливала на себе Франция. Это было передовое государство в XVII в.; оно имело отборное войско, часть которого легко можно было отправить в дальнюю экспедицию, не оставляя без защиты границ; во главе его стоял молодой воинственный государь, жаждавший славы. Экспедиция в Египет доставила бы Франции громадные выгоды; но ее последствия были бы не менее благодетельны и для всей Европы. Франция готовилась к войне с Голландией, но эта война непременно завлекла бы все остальные государства и особенной тяжестью пала бы на Германию. Ибо ни Испания, ни император не могли бы допустить завоевания Голландии французами, и на берегах Рейна возгорелась бы всеобщая европейская война, во время которой Франции легко было бы захватить рейнские области и окончательно подорвать единство и существование Германской империи; экспедиция же в Египет и война с Турцией послужили бы громоотводом для Европы, соединили бы интересы Габсбургов и Бурбонов и положили бы конец вековой вражде этих двух могущественных династий. Выгоды египетской экспедиции для Франции казались Лейбницу очевидными. Нигде Франция не была в состоянии нанести такой удар торговле голландцев, как в Египте, который лежал на кратчайшем пути в Индию. Вся индийская и азиатская торговля перешла бы в руки французов и их союзников. Франция сделалась бы властительницей Востока, покровительницей христианства и вследствие этого неминуемо приобрела бы первенствующее положение между европейскими державами.

Лейбниц надеялся, что эта блестящая перспектива увлечет воображение Людовика XIV, и он решился представить ему проект о завоевании Египта. Он взялся за дело основательно. Из богатого, собранного им материала он составил обширное сочинение, которое и в XIX в. еще имеет ученое достоинство и читается с большим интересом. Мы находим в нем такое подробное описание внутреннего состояния Турецкой империи в политическом и статистическом отношениях, что оно может служить важным пособием для истории XVII в. Вторая часть содержит в себе характеристику европейских государств, их политики и их материальных интересов,

которая обличает в Лейбнице не только близкое знакомство с делом, но и чрезвычайно ясный и глубокий взгляд государственного человека. Некоторые страницы, где Лейбниц говорит о предметах ему особенно знакомых, например об австрийской политике, можно назвать классическими, и мы полагаем, что теперь, когда они впервые сделались известны, ни один историк XVII в. не преминет пользоваться ими.

Сочинение Лейбница не подверглось окончательной отделке. Оно оставалось черновым, написано небрежно на клочках бумаги, так что издателю его стоило большого труда разобрать неясное письмо и привести в порядок отрывки. Оттого в нем нередко встречаются повторения и слишком частые и обширные цитаты; отдельные части его неравномерно разработаны. Но все это не уменьшает его значения, и мы жалеем, что объем нашего труда позволяет нам только в общих чертах познакомить читателя с этим интересным сочинением Лейбница.

Указав в беглом очерке, что европейцами уже давно понято значение Египта и что самые мудрые из политиков, например кардинал Хименес, не раз замыслили завладеть им, Лейбниц начинает излагать выгоды, которые Франция извлекла бы из завоевания Египта. Он доказывает, что завоевательная политика в Европе невозможна и что она была гибельна для всех, кто увлекался ею, начиная с германских императоров, стремившихся к обладанию Италией, и кончая Карлом X Шведским, который хотел завоевать Польшу. Лейбниц пишет:

Желание подчинить себе оружием народы цивилизованные и воинственные и в то же время любящие свободу, каковы в настоящее время почти все народы Европы, есть не только преступление (*res impia*), но и нелепость. Войны между цивилизованными народами могут иметь своим результатом только приобретение нескольких клочков земли, не имеющих никакого значения. Франция не должна идти этим путем; только внутренними реформами устанавливается безопасность монарха и благоденствие народа; только мирным путем христианские государства должны соперничать между собой — договорами, торговлей, промышленностью, мореплаванием; только против варваров должно быть обращено их оружие. В войнах с варварами одним счастливым ударом можно разрушить и основать целые государства; там, в случае неуспеха, нет позора и нет опасности; там можно приобрести изумительную славу и средства к громадному могуществу; там достигается всеобщее сочувствие, которое у всех завистников отнимет возможность вредить и препятствовать. Покорив Египет, французский король делается вождем христианских народов, а Франция военной школой Европы, академией замечательнейших умов, складочным местом для торговли на океане и на Средиземном море. Если нужны почести и титул,

то французский король может приобрести этим путем титул и права восточного императора, низложенного турками, и первенствующее положение в Европе (*arbitrium regum*), что несравненно желательнее и благоразумнее, чем всемирная монархия. Несвоевременной же войной в Европе, особенно же войной, предпринятой против народов, сильных на море, Франция может погубить свою торговлю и свои неукрепившиеся еще акционерные общества, учрежденные с очень большими издержками, и вызвать такое отчаяние в умах, которого нельзя будет поправить в течение нескольких столетий. Египетская экспедиция — это самое выгодное из всех предприятий за море, ибо Египет — зеница земли, источник плодов, центр торговли.

Высчитывая преимущества Египта, Лейбниц останавливается с особенным вниманием на Суэцком перешейке и на громадном значении, которое он имеет для торговли Европы с Индией, Африки с Азией. Он описывает плодородие Египта, неисчерпаемое богатство его почвы. Он называет Египет Голландией Востока, с той только разницей, что Египет вечно был в цветущем состоянии, Голландия же как бы выросла случайно из земли, благодаря междоусобиям соседей, волнениям религиозных страстей, и держится только вследствие беспечности остальных народов, которые позволили голландцам присвоить себе все выгоды торговли¹.

С особенной тщательностью Лейбниц собрал все данные, относившиеся к доходам Египта. О громадных богатствах этой страны можно составить себе понятие по тому, что султан получает с нее ежегодно 1 миллион скудо чистого дохода. Паша Египетский, вступая в должность, платит за нее чистыми деньгами от 3 до 400 тысяч скудо, а по прошествии трехлетия, когда его сменяют, он привозит с собой такие громадные сокровища, что возбуждает алчность султана и бывает принужден делиться ими со своим господином.

Завоевание Египта доставит французам неминуемо владычество в Индии. Португальцы давно завладели бы этой страной, если бы у них было больше людей. Французам легко будет завоевать Индию. Укрепившись там, они будут в состоянии открыть торговле, цивилизации и христианской религии доступ в Китай и до крайних пределов мира. Тот, кто в состоянии понять легкость этих предприятий, ни во что не будет ставить мелочные результаты (*minutias*) европейских побед. Легче покорить Египет, чем Бельгию, и легче овладеть всем Востоком, чем одной Германией. Что касается до средств, необходимых для завоевания Египта, то не по-

¹ *Ex vicinorum fluctibus, religionumque aestu creverit, nec nisi ceterorum sluttitia subsistat.*

требуется больших пожертвований. При теперешней военной организации своей, Франция без труда может выслать 50 тысяч войска, а это более чем достаточно для завоевания Египта. Нужно только все подготовить и сделать внезапное нападение. Морская экспедиция никого не должна пугать; морем всего легче перевозить большие массы войска и поддерживать в нем дисциплину. Враждебных флотов в Средиземном море нет; бури опасаться нечего; переезд можно совершить в 3 недели, а острова Средиземного моря везде представляют безопасные станции для флота. При этом Лейбниц обращает особенное внимание на Мальту и Кандию.

Климат Египта чрезвычайно здоров, особенно во время разлива Нила. Правда, там господствует чума, вследствие нечистоты и беспечности магометанского населения, но чума редко поражает европейцев и страшна только для туземцев, потому что они постоянно употребляют нездоровую пищу. Притом как только начинается разлив Нила, тотчас же прекращается самая жестокая чума.

Затем Лейбниц подвергает подробному изучению военные силы Египта. Он описывает отдельные разряды войск: янычар, спагиев, тимариотов, или земское ополчение, а также их вооружение, их дисциплину, их военное искусство. По его вычислению, Египет может выставить около 36 тысяч солдат и около 100 тысяч земского ополчения. Но эта масса не страшна для европейских войск, ибо янычар презирают остальные войска, сами же они утратили всю воинственность и дисциплину, с тех пор как сделались торгашами и толпятся на рынках Каира, нагруженные тряпками и всяким хламом.

Со стороны моря Египет совершенно открыт. Александрия защищается небольшим каменным замком без рва и укреплений. Дамьетта только с одной стороны окружена стеной, да в некотором расстоянии от нее находится небольшое укрепление с четырьмя башнями. Со стороны Черного моря Египет защищен еще хуже. Внутренние города почти совершенно лишены стен и укреплений и необходимо достанутся тому, кто будет господствовать своим флотом над Нилом. Все будет зависеть от завоевания столицы Египта — Каира. Этот город, правда, очень велик и защищен стенами и цитаделью; но он был взят султаном Селимом в три дня, несмотря на то, что артиллерия султана была гораздо хуже европейской и что морской берег и Нил находились во власти неприятеля. Притом же европейцы имели бы на своей стороне многочисленное христианское население Каира.

С такой же подробностью Лейбниц описывает потом береговые и внутренние укрепления Сирии. Хотя он имел перед собой

только описания путешествий и плохие карты, он ясно понял, что завоевателю, высадившемуся в Египте, рано или поздно придется перенести театр войны в Сирию, чтобы упрочить свои победы.

Действия Наполеона в Сирии послужили впоследствии блестящим доказательством дальновидности и стратегических способностей Лейбница.

Описав собственные средства Египта к обороне, Лейбниц переходит к вопросу: какие силы могут прийти на помощь к Египту. Он приходит к убеждению, что вследствие плохой военной организации Турции завоевание Египта будет давно совершено, прежде чем подспеет какое-либо турецкое войско; следовательно, нужно только решить вопрос, будет ли Франция в состоянии отстоять Египет против турецких сил. Даже в том случае, если бы Турция могла выслать 100 тысяч отборного войска в Сирию, а французы, оставив 20 тысяч для гарнизона в Египте, выслали против турок только 30 тысяч, они могли бы быть совершенно спокойны. Из Сирии ведут в Египет только три узких прохода. Один идет по берегу Средиземного моря, другой — по берегу Черного моря, третий находится посредине, у подошвы Синайской горы. Последние два ведут через Арабскую пустыню, и этот путь невозможен для большого войска. Первый так узок, что его чрезвычайно легко защитить. Но дело в том, что Турция не в состоянии выслать сильное войско. Чтобы доказать это, Лейбниц подвергает подробному анализу финансовые и военные средства Порты. Результат, к которому он приходит, весьма замечателен для того времени, когда турецкое могущество казалось еще столь грозным для всей Европы. Лейбниц убедился, что это могущество только мнимое, что турецкое владычество в Европе не имеет под собой твердого основания и что оно обязано своим существованием только раздорам и близорукой политике европейских государств.

Финансы Порты вовсе не находятся в блестящем состоянии. Полагают, что ежегодно вносится в казну 10 миллионов золотых. Но к концу года мало остается. Часто даже истрачиваются вперед доходы за несколько лет, и султанам несколько раз приходилось отдавать драгоценности сераля и уменьшать подарки янычарам.

Турецкий флот со времени войны в Кандии находится в бедственном положении. Турки перестали строить большие корабли. В 1661 г. они потеряли от бури в Черном море 28 галер со всем экипажем. Визирь Куприли приказал тотчас построить 30 новых; но лес, из которого они были построены, был так сыр и так мало пригоден, что большая часть этих кораблей не могла выйти в море. Остальные после первого рейса были отчислены к старым кораб-

лям, негодным для употребления. Вообще во всем, что касается кораблестроительного дела, турки выказывают изумительную небрежность и поспешность.

Могущество Порты основывалось на ее военной организации. Но в последнее время эта организация подверглась коренным изменениям, и вместе с ней рушилось прежнее могущество османов. Главные силы турецкой армии заключаются в коннице спагиев и в пехоте янычар. Но так как эти постоянные войска своей необузданностью стали страшны султанам, то все старания визирей клонились к тому, чтобы подорвать их значение. Вожди их погибли от казней или на поле битвы; остальное представляет нестройную толпу. Ряды янычар не пополняются по-прежнему детьми, отобранными у христиан: туда принимают теперь всякий сброд, не привыкший к войне. Янычарам не выдают жалованья и вместо этого позволяют заниматься мелочной торговлей и всякого рода ремеслами. Те, у которых есть деньги, откупаются у офицеров от обязанностей военной службы, не отправляются в поход и пользуются привилегиями своего сословия.

Самую многочисленную часть турецкого войска составляют тимариоты. Это войско заведено султаном Солиманом. Он начал раздавать особые поземельные участки (тимары), владельцы которых были обязаны нести за это военную службу. Но с течением времени корыстолюбие военачальников исказило это учреждение; вместо того чтобы раздавать участки солдатам, паша, казначей и другие власть имущие начали дарить их своим рабам и другим людям за известные услуги. В провинциях эти участки продаются часто с публичного торга.

Администрация испорчена так же, как и военная организация. Министрам недостает самых обыкновенных сведений из истории и географии; невежество и варварство встречаются на каждом шагу. На кораблях турецких нет ни одной морской карты, которой хороший моряк мог бы довериться. Эта страна представляет царство мрака (*ruditatis*) и варварства, а султан, восседая на престоле невежества, влачит жизнь Сарданапал среди целого стада женщин и евнухов.

По теперешней пустынности турецких областей едва можно себе составить понятие о населенности Азии и Древней Греции. Труд не уважается; жители не заботятся ни об улучшении земледелия, ни о постройке прочных зданий. Дома редко выносятся более 15 или 20 лет. В этой богатой своей природой стране редко можно найти фруктовый сад, или цветник, или дачу. Никто не дерзает какими-либо удобствами жизни навлечь на себя подозрение в богат-

стве. Никто не трудится для своих детей, потому что наследство их не обеспечено. Это отнимает даже охоту иметь детей. Там нет другого средства обессмертить свое имя, как постройкой мечетей, бань и богаделен, до которых религия не позволяет коснуться султану. Там, где прежде были населеннейшие города, теперь стоят жалкие деревни. Турки давно уж были бы не в состоянии собрать войско по недостатку людей, если бы татары не привозили каждый день по Черному морю пленных христиан. Малая населенность Турции проистекает прежде всего от ежегодной чумы, которая зарождается в реках, запруженных вследствие беспечности турок песком и нечистотами, и в болотах, которые никто не решается прорыть и осушить. Во время летней жары тут происходит гниение и заражение воздуха, которое распространяется тем дальше, чем менее турки берегут себя от неизбежного зла и чем более они склонны к заражению вследствие дурной пищи; ибо большинство по бедности питается только полусгнившими плодами. Лениость этого народа заставляет его жить со дня на день. К этому примешивается еще политика правительства, которое сознает, что оно было бы неспособно удержать в повиновении такие обширные области, если бы они находились в цветущем состоянии. Зло увеличивается от жестокости и корыстолюбия пашей и других правителей, которые заставляют бедных жителей провинций искать убежища в горах и пустынях. Наконец ко всему этому присоединяется безобразный содомический грех, пренебрежение к женщинам среди полигамии и отвращение от большого потомства, так как дети здесь в тягость родителям. Нигде не встречается так часто вытравливание детей, ибо женщины боятся оскорбить мужей своей плодovitостью и тем побудить их к разводу. Сюда присоединяется частое употребление опиума, который, как говорят, чрезвычайно способствует бесплодности, и многие полагают, что если бы не было многоженства, большая часть турок совсем не имела бы детей. Если мы рассмотрим ближе в государственное устройство Турции, то найдем там неограниченную власть в руках неспособного и безнравственного государя, приказания которого, как бы несправедливы они ни были, считаются законом, действия, как бы ни были своевольны, служат образцом, мнения которого, особенно в делах государственных, принимаются как указы, против которых нельзя возражать. Добродетель там не вознаграждается, преступления остаются безнаказанными, если они доставляют какую-нибудь выгоду султану; люди повышаются внезапно посредством лести, случая и милости султана; они достигают самых важных, самых почетных должностей в империи, не имея за

собой ни знатного происхождения, ни заслуг, ни опытности в делах. Они не долго остаются в своих высоких должностях и в мгновение ока по воле султана предаются казни. Они стараются как можно скорее обогатиться, хотя знают, что богатства для них составляют оковы, что они сделаются когда-нибудь причиной их гибели и смерти, несмотря даже на всю честность и верность их султану, — свойства, впрочем, редко встречающиеся у турок.

Теперь уже обнаружилось, что султан утратил в глазах своих подданных святость и неприкосновенность; это подвергает его постоянной опасности, ибо там давно уже не существует никакой любви. Вообще этого свойства почти нет между турками: братья предают смерти братьев, отцы пренебрегают воспитанием детей, знатность рода не уважается, имущества не переходят по наследству, никто не печется о своем потомстве и о бессмертии, детям самых богатых пашей часто приходится побираться милостыней, доверия и любви нет между самыми близкими родственниками. Султан не заботится даже о своих дочерях и сестрах; детей и внучат своих он ежедневно приносит в жертву своему эгоизму. Все живут как будто во сне или как будто разыгрывая роль в театре. Ибо большинство вдруг вырастает из земли наподобие грибов, не зная родителей своих и родни, живет со дня на день, не знает, куда стремится, алчет богатства и могущества и не знает, чего ради. У всех одна только забота — награть как можно больше сокровищ, которые они должны принести в дар султану. Все несутся в общем потоке туда, куда влечет их обычай, едва помышляя о своей жизни, конца которой они ожидают, как жертвы, без заботы и надежды. Нечего искать благородных порывов и силы добродетели у рабов, рабски воспитанных, которые держатся на мгновение, но пока они держатся на высоте, — надменны, как тираны. Весь двор турецкий есть не что иное, как темница рабов, отличающихся от преступников, приговоренных к галерам, только пышностью места заключения и драгоценностью своих оков. Сам султан, рожденный от рабыни, только первый из этих рабов, погруженный в полное невежество и роскошь варварства и постоянно подверженный ярости своих приближенных.

Вторжение в Египет вызовет всеобщее восстание против султана. Турки хотят, чтобы в каждой провинции воспроизводился деспотизм, образцом которого служит правление самого султана. Поэтому в руках пашей сосредоточивается и администрация, и судебная власть, и казна, и командование войсками. Но паши, жертвы султанского произвола, постоянно склонны к восстанию и часто восстают; эти мятежи не удаются, потому что у мятежного

паши нет организованного войска и крепостей, жители провинций ненавидят своего пашу и никогда его не поддерживают, соседние паши под влиянием страха не оказывают ему помощи. При иностранном же вторжении можно ожидать одновременного восстания нескольких пашей.

Лейбниц рассматривает отдельные провинции Турецкой империи, доказывает, как мало Порты может рассчитывать на них, указывает на многочисленность и неудовольствие христианского населения и переходит наконец к соседям Турции, чтобы показать, в каком опасном положении находится эта империя. Он говорит об арабах и о землях, соседних Египту. В этом месте рукопись представляет пробел, который отчасти можно восполнить по извлечению, сделанному самим Лейбницем из пространного его сочинения.

Затем он переходит к европейским соседям Турции и к остальным европейским государствам. Цель этого обзора, который составляет одно из лучших произведений публицистики XVII в., — показать, каких союзников и каких врагов Франция найдет в случае войны с Турцией. Лейбниц доказывает, что Австрия, Польша и Россия будут самыми надежными союзниками Франции, если она предпримет экспедицию в Египет. Главный интерес этих государств заключается в уничтожении или, по крайней мере, в ослаблении Турецкой империи. Лейбниц при этом превосходно обрисовывает политическое состояние Германии и политику Австрии. Эти страницы нужно прочесть в подлиннике, на выразительной художественной латыни, на которой они написаны. Империя — говорит между прочим Лейбниц — находится теперь в таком положении, как и Италия; политика ее князей, подобно хамелеону, беспрерывно меняет свои цвета; нужно обратить внимание на тысячу соображений и гипотез, взять в расчет мельчайшие случайные обстоятельства и проследить их в последовательной связи, чтобы сказать о ней что-нибудь положительное. Сын часто оставляет политику своего отца, преемник (в духовных территориях) изменяет взгляд своего предшественника. Не всегда при этом руководствуются разумом, большая часть — страстями или случаем, или каким-нибудь мелочным соображением. Некоторые с детства или даже с молоком матери всосали какое-нибудь безотчетное нерасположение к Франции или к Австрии, и часто приходится применять к ним пословицу: «Тебя я не люблю, но отчего — не знаю». Другие отступают от образа действий своего предшественника, потому что ненавидят его министров или его память, или завидуют его судьбе. Поэтому невозможно установить общие правила отно-

сительно политики немецких князей, если не оградить себя разными условиями и ограничениями... Император, как известно, государь благоразумный и основательный (*profundus*), скорее тяжелый на подъем, чем изменчивый; он ненавидит перемены, крепко держится за прошедшее и упрям; более способен к обороне, чем к наступательным действиям, вообще довольно беспристрастен и почти вовсе не раздражителен. Его намерения тверды, решения положительны и безопасно могут быть провозглашаемы на целый мир. Его политика заключается в следующем: сохранение настоящего положения дел, усмирение мятежных подданных, обуздание турецкого своеволия, сохранение достоинства империи, безопасность Германии, благоденствие Польши, всеобщий мир.

При теперешнем политическом расстройстве своем Польша легко может сделаться добычей Турции и крымских татар. Для императора чрезвычайно важно сохранение Польши, и потому Франции легко будет склонить Польшу и Австрию к коалиции против Турции. Остальные европейские государства или возьмут сторону Франции, или не станут препятствовать ей. Испания не поднимется против Франции, если последняя будет действовать в союзе с австрийскими Габсбургами. Португалия охотно согласится помогать своим флотом Франции, если последняя предоставит ей некоторые выгоды на Черном море и обещает ей свое содействие, чтобы вытеснить голландцев из Индии. Английский король получает пенсию от Франции, и притом легко возбудить соперничество между Англией и Голландией. Швеция находится в полной зависимости от Франции; ее положение таково, что она должна содержать большое войско и держаться воинственной политики; но она в состоянии это делать только с помощью французских субсидий.

Только Голландия встретит враждебно попытку Франции завладеть Египтом, ибо эта попытка подорвет торговлю голландцев с Индией. По выражению Лейбница, голландцы играют такую же роль относительно всей Европы, какую евреи во многих государствах. Они сумели сосредоточить в своих руках денежные капиталы, завладели торговлей и сделались поэтому необходимыми для правительств и народов. Между причинами, вызвавшими благосостояние голландцев, Лейбниц, кроме чрезвычайно выгодного географического положения их страны, указывает на умеренность их и способность переносить всякого рода лишения, и эти качества дают им возможность производить товары и доставлять их на рынки с меньшими издержками, чем другие народы. Главная же причина, которая притягивает в Голландию людей и капиталы, это —

неограниченная веротерпимость и политическая свобода. Хотя большая часть населения, особенно ремесленники, находится в крайне бедственном положении по причине дороговизны съестных припасов и своей материальной зависимости от купеческой аристократии, стоящей во главе государства, однако равноправность перед законом, отсутствие насилий и свобода веры и слова все искупают. Последний матрос в кабаке, где он пьет свое пиво, считает себя царем, хотя в то же время должен таскать самые тяжелые ноши из-за насушного хлеба. Вследствие того, что голландцы притянули в свои руки монополию торговли, они сделались бременем для других народов, особенно для Германии и Франции. Последняя не имеет другого средства освободиться из-под этого ярма, как подорвав индийскую торговлю голландцев занятием Египта. Голландцы, конечно, будут противиться этому всеми силами и оказывать туркам деятельную помощь, но в союзе с Англией и Португалией Франция может достигнуть своей цели.

Доказав выгоды, которые представляет для Франции завоевание Египта, и возможность его, Лейбниц переходит к вопросу о своевременности экспедиции. Обстоятельства для Франции весьма благоприятны. Если же она начнет какую-нибудь другую войну, например с Голландией, эта война непременно затянется, и тогда все может измениться: Англия, например, может перейти на сторону врагов Франции, и тогда возможность совершить экспедицию в Египет пройдет безвозвратно. То, что Лейбниц предвидел, действительно случилось.

В заключение он говорит о справедливости экспедиции, о нравственном праве, которое имеет Франция на завоевание Египта. «Что может быть справедливее этого предприятия, в котором дело идет не только о распространении, но и о спасении (*servanda*) христианской религии, об освобождении несчастного народа, который стоит под варварским игом и скоро утратит остатки своей религии? От этого предприятия зависит благоденствие (*salus*) немалой части рода человеческого. Не Египет, не Палестина, не Евфрат будут пределами христианского мира; он обнимет Японию, Китайские земли, неведомые берега Австралии и крайние страны, в которых обитает человек. Эта экспедиция избавит Европу от страха, Францию от ненависти, христианство, до сего времени терзающееся в расприх, от векового позора, восточные народы от ига неверных, мир от варварства, род человеческого от ослепления».

Лейбниц оканчивает патетическим эпилогом, обращенным к Людовику XIV, и пророческими словами, которые он влагает в уста Людовику Святому. Людовику XIV, занятому пригото-

ниями к войне с Голландией, является во сне его предок, Людовик Святой, который порицает его за эти приготовления и побуждает предпринять поход в Египет. Он напоминает Людовику XIV о поражении, которое французы потерпели в Египте во время крестового похода. Обращаясь к нему с Вергилиевым стихом: *Echogiare aliquis nostris ex ossibus ultor**, Людовик Святой показывает раны, которые ему были нанесены в плену, и говорит, что только кровь может смыть этот позор с Франции и с королевского дома. Он умоляет Людовика XIV жалиться над несчастным Востоком,

Et tandem oppressi miserere orientis et una
Redde decus patriae, pareque vocantibus astris... **

и пророчит самый блестящий успех.

Лейбниц имел полное право рассчитывать, что его проект будет принят французским правительством со вниманием, ибо в это самое время отношения между Францией и Портой были так натянуты и враждебны, что обе стороны ежеминутно ожидали разрыва дипломатических отношений и войны. Причина этого заключалась прежде всего в неудовольствии Порты за вмешательство французов в последнюю войну с Австрией и с Кандией и в оскорблениях, которым подвергались французские дипломаты в Константинополе. Там издавна существовал обычай, чтобы иностранные послы поздравляли всякого нового великого визиря и подносили ему подарки. Но при Махмуде IV великие визири так часто сменяли друг друга, что французский посол де ла Ге (*de la Haue*) нашел нужным не подносить подарков. Наконец великим визирем был назначен знаменитый Кюприли-паша, который возненавидел французского посла за оказанное ему пренебрежение. Однажды, во время войны с Венецией, визирь потребовал к себе посла; тот, по причине болезни, не явился, а послал вместо себя сына. Визирь велел его избить и бросить в тюрьму, наконец арестовал самого посла. С большим трудом Франции удалось освободить своих дипломатов, а должность посла оставалась не занятой до 1665 г. В этом году Людовик назначил послом в Константинополь сына бывшего посла, того самого, который был так жестоко оскорблен турками. Он сделал это отчасти из гордого упрямства, отчасти потому, что де ла Ге за это отказался от большой суммы, которую он имел право требовать от правительства. Визирем в это время был

* Да восстанет из наших костей некий мститель (*лат.*). — *Прим. пер.*

** И наконец жалиться над угнетенным Востоком, вернуть славу отечеству, повинуюсь тому, что начертано светилами... (*лат.*). — *Прим. пер.*

сын Кюприли-паши. Новый посол вел себя в Константинополе чрезвычайно надменно. На второй аудиенции между визирем и послом произошла ссора; посол бросил визирю под ноги договорные грамоты (*les capitulations*). Визирь назвал его жидом, слуги визиря сорвали его со стула, и когда посол выхватил шпагу, один из них дал ему пощечину. После этого его три дня держали под арестом.

Несмотря на эти оскорбления, де ла Ге оставался в Константинополе 5 лет и только в 1670 г. был сменен графом Ноантелем. Но отношения между Францией и Портой вследствие этого не улучшились. Порта не соглашалась на возобновление прежних договоров и отвечала насмешками на новые требования Франции, чтобы ее подданные платили наравне с англичанами, голландцами и генуэзцами только три процента торговой пошлины, вместо пяти, и чтобы султан предоставил французам право производить торговлю с Индией через его владения, особенно же через Суэцкий канал. «Может ли быть, — отвечал визирь послу, — чтобы такой великий, по вашим словам, падишах, как ваш, так близко принимал к сердцу купеческое дело?»

Французское правительство начало склоняться к намерению силой принудить турок к уступкам. Оно созвало в Марселе купцов, торговавших с Турцией, и других людей, близко знакомых с делами Востока, и предложило им вопрос: может ли Франция отказать на несколько лет от торговли с Востоком, чтобы в это время каперством и блокадой турецких гаваней принудить турок к уступкам? Съезд купцов, по большинству голосов, заявил мнение, что Франция по крайней мере на десять лет запаслась восточными товарами и что достаточно было бы отправить 10 кораблей в Дарданеллы, чтобы произвести голод в Константинополе и мятеж в пользу французов.

Но в это время Людовик XIV почти уже решился на войну против Голландии; ему не хотелось в одно и то же время вести две войны, и поэтому он предпочел еще раз прибегнуть к помощи дипломатии. Осенью 1671 г. в Константинополь был отправлен переводчик Гервьё с письмом к султану, в котором французское правительство объявляло Порте, что будет вести свои переговоры не иначе как через посредство Ноантеля, а если Порта не желает довериться ему, то чтобы она его отпустила. Это был ультиматум Франции. Неблагоприятная погода задержала посланного, и он прибыл в Константинополь только через 6 месяцев — в конце февраля.

Порта, до которой дошли преувеличенные слухи о приготовлениях Франции к войне, сделалась уступчивее и снова вступила в переговоры с Ноантелем, причем визирь по-прежнему стал да-

вать французскому королю титул падишаха вместо *кряля*, как он называл его в последнее время. Но только в июле следующего года переговоры привели к результату. Порта согласилась на понижение торговой пошлины и на то, чтобы европейские нации, не имевшие особых представителей в Константинополе, торговали под французским флагом, но отказала французам в праве производить торговлю с Индией через Черное море. Виновником этого отказа был муфтий, который «не хотел увеличить число неверных в тех местах, где покоился прах пророка».

В то самое время, когда Франция отправляла свой ультиматум, Лейбниц принял за составление своего проекта. Он тогда еще надеялся отклонить войну с Голландией. В декабре в Майнце узнали точно, что Людовик решил напасть на Голландию. Но ни Лейбниц, ни Бойнебург, который во всем этом деле был его советником, не отчаивались. Для Лейбница с проектом о завоевании Египта тесно связывалась мысль о поездке в Париж: он не видел другого средства для достижения этой заветной цели. Притом он считал неудобным послать весь проект, который легко мог быть дурно истолкован недоброжелательными людьми; Лейбницу казалось необходимым его личное присутствие в Париже для успеха самого дела. Бойнебург также желал отправления Лейбница в Париж: он хотел поручить ему хлопотать о возобновлении пенсии и уплате обещанной ренты.

20 января 1672 г. Бойнебург отправляет к Людовику XIV письмо, вместе с краткой запиской, в которой он говорит об одном весьма важном и выгодном для Франции проекте, не упоминая самого имени Египта. Бойнебург выражает уверенность, что война с Голландией будет непродолжительна и что осуществление проекта довершит поражение голландцев. Он предлагает отправить в Париж автора проекта для личных объяснений о цели самой экспедиции и средствах ее исполнения¹.

12 февраля последовал чрезвычайно благосклонный ответ Арно де Помпонна, французского министра иностранных дел². От

¹ По мнению О. Клоппа, Бойнебург уже в декабре писал Людовику XIV и приложил к письму краткое изложение проекта о завоевании Египта, напечатанное в «Сочинениях Лейбница» (III. P. 100) под заглавием: Specimen etc. Мы не решаемся допустить этого — иначе второе письмо Бойнебурга, в котором он нарочно выражается о проекте неопределенно и умалчивает о Египте, не имело бы смысла. Только последнее письмо найдено в Парижском архиве, первое же сохранилось в бумагах Лейбница в виде чернового и без означения числа.

² Из ответа Помпонна также нельзя заключить, что ему известна цель экспедиции.

имени короля он благодарит Бойнебурга и просит его прислать в Париж автора проекта для дальнейших объяснений.

В тот самый день¹, когда французский переводчик привез из Адрианополя послу благоприятный ответ, положивший начало примирению между Францией и Портой, 14 марта 1672 г. Лейбниц отправился в Париж с полномочиями и письмами Бойнебурга. Мы можем себе представить, с каким восторгом и с какими смелыми надеждами 25-летний юноша совершал свое медленное путешествие. По обычаю времени, он ехал верхом; все его пожитки состояли из нескольких книг; в кошельке его было только 100 талеров, которые Бойнебург дал ему заимообразно; но он вез с собой свой проект, и его воображение постоянно уносило его к подножию пирамид, в Индию, эту обетованную землю его современников, в Китай и «крайние пределы человечества». Его сердце билось при мысли, что скоро он будет стоять с глазу на глаз с Людовиком XIV, с этим величественным властителем судеб Европы, с его гениальным, всемогущим Кольбером, и самые заманчивые мечты о славе и блестящей будущности ласкали его воображение. Вдали ему виделся Париж, в то время столица европейской цивилизации и науки, со своей Академией и со своими учеными. Туда его давно манила жажда знания и предчувствие, что там ему откроется настоящий путь к науке и свету. Судьба предназначала Лейбницу венок ученого и философа вместо более громкой славы государственного человека; она разрушила его блестящие мечты и принудила его ограничиться областью науки. Он скоро должен был отказаться от надежды открыть для цивилизации сумрачные страны Востока; но судьба вознаградила его, и в том же Париже ему удалось открыть для человеческой мысли новую, неизмеримую область посредством дифференциального исчисления.

Мы, к сожалению, не в состоянии следить за постепенным разочарованием, которое ожидало Лейбница в Париже, ибо до нас не дошла его интересная переписка с Бойнебургом. Мы даже не знаем, был ли он представлен Людовику XIV. Он впоследствии избегал касаться этого вопроса и даже близким людям не сообщал настоящего повода его поездки в Париж.

В апреле Франция объявила войну Голландии, и еще прежде, 23 марта, последовало первое столкновение между английским флотом и голландским. Но Лейбниц все еще не терял надежды. Бойнебургу удалось заинтересовать курфюрста Майнцского проектом о завоевании Египта, и Лейбниц составил для него извлече-

¹ *Guhrauer*. Kur-Mainz in der Epoche 1672. I. P. 312.

ние¹ из своего пространного сочинения. Шёнборн в последнее время снова сблизился с Людовиком XIV и обещал ему употребить все свое влияние для того, чтобы удержать Леопольда и империю от вмешательства в войну с Голландией. Но он понимал опасность, которая грозила Германии от быстрых побед французского короля и от вмешательства курфюрста Бранденбургского, Фридриха Вильгельма в пользу Голландской республики. Война с турками и экспедиция в Египет казались ему самым лучшим средством, для того чтобы окончить Голландскую войну и примирить враждующие стороны. Через французского посла при своем дворе, маркиза де Фёкьер, он снова обратил внимание Людовика на экспедицию в Египет и указал на ее выгоды. Он обещал ему свое содействие для скорейшего заключения мира и предлагал внести в мирный договор с голландцами условие, чтобы они своим флотом и субсидиями оказали французам помощь при завоевании Египта.

Но он выбрал минуту чрезвычайно неблагоприятную для своего предложения. Успехи блестящего похода вскружили голову честолюбивому королю, который сам находился при армии. Одна крепость за другой сдавались французам, и 12 июня они совершили переправу через Рейн, которая была так громко и высокопарно воспета современными поэтами. В то время, когда завоевание всей Голландии казалось близким, Людовик во главе своего 100-тысячного войска получил совет бросить все и отправиться в крестовый поход. Такой совет, конечно, должен был показаться ему странным. Арно де Помпонн в своей депеше в Фёкьеру отклонил этот совет краткими и насмешливыми словами: «Я ничего не пишу вам о проектах священной войны; но вы знаете, что она вышла из моды со времени Людовика Святого». Эти слова должны были рассеять последние надежды Лейбница на осуществление его грандиозного плана; для нас они замечательны потому, что характеризуют тогдашний взгляд Франции на восточный вопрос и служат признаком резкой перемены, совершившейся в ее политике. Влияние воинственного Лувуа взяло верх, и Франция пошла по пути, на котором ее ожидали кровопролитные и изнурительные войны, поражения при Блендгейме и Мальплакете и наконец Утрехтский мир, разрушивший надежды Людовика на гегемонию в Европе.

Франция отвергла программу Кольбера, который обещал ей доставить обширные колонии в Америке и Индии, расширение торговли и промышленности, мирные и прочные успехи цивили-

¹ *Sonsilium Aegyptiacum* напечатано впервые у Гурауера, перепечатано у Фуше де Кареля (*Oeuvres de Leibniz*. Т. III) и более точно у Клоппа.

зации. Она скоро испытала весь вред своей ложной политики. Англия освободилась от позорной зависимости, в которую ее поставила эгоистическая и бессильная политика двух последних Стюартов, и сделалась для Франции более страшным противником, чем Голландия. При преемнике Людовика XIV Франция утратила свои колонии в Америке и Индии, несмотря на геройскую деятельность своих Ла Бурдонне и Дюпле. В конце XVII в., потрясенная революцией, Франция пробудилась, и одним из предприятий, за которые она взялась в избытке сил, была экспедиция в Египет. Но предсказание Лейбница сбылось. Удобное время для завоевания Египта прошло: Франция имела теперь дело не с амстердамским купечеством, которое боялось за свою индийскую торговлю, а с Англией, которая успела создать себе в Индии необозримую империю; египетская экспедиция доставила Франции много славы, но кончилась безуспешно. После этого Франция решилась искать себе вознаграждения в другой области африканского берега; но Алжир со своими военными станицами, со своей непрерывной мелкой войной — плохая замена Египта. Относительно же последней страны Франция стала придерживаться политики, более сообразной с идеями и со средствами XIX в. Она принялась за мирное ее завоевание и старается подчинить ее своей политике, привлечь ее к себе своими торговыми капиталами и водворить в ней свою цивилизацию. Уже при Людовике Филиппе она благоприятствовала политическому освобождению Египта от Порты и так называемому национальному возрождению его и одну минуту даже готова была из-за Египта вступить в войну с четырьмя первоклассными европейскими державами. При Наполеоне III, который поставил себе целью возобновить все вопросы, поднятые его дядей, но разрешить их более верным путем, это мирное завоевание Египта сделало еще большие успехи. На французские капиталы прорывается Суэцкий перешеек; Египетский паша прикрывает свой восточный деспотизм пародией на французскую конституцию. К чему все это приведет, к увеличению могущества Франции или только к возрождению и самостоятельному развитию древнейшей исторической страны, с помощью европейского населения и материальных средств европейской цивилизации, — предвидеть невозможно.

Результат этот будет зависеть от разрешения восточного вопроса. В XIX в. этот вопрос поставлен совершенно иначе, чем в XVII в. Три причины особенно повлияли на это изменение и указывают на совершенно другое разрешение его, чем то, о котором мечтал Лейбниц.

Первая причина, это — появление России среди европейских государств и могущественная роль, которую она с тех пор играет в истории. Участие России в европейских делах произвело переворот в политике XVIII столетия. Оно изменило прежнюю систему европейского равновесия и вызвало новую группировку политических интересов. Оно, между прочим, совершенно изменило взгляд Западной Европы на Турецкую империю. Ненависть к магометанской, варварской державе заменилась политическими попечениями о поддержании ее существования. Сначала Англия, опасаясь за свою торговлю на Востоке, стала держаться этой политики; потом к ней примкнула Австрия и наконец Франция. Это — политика ложная, потому что она противится естественному ходу истории. Распавшийся организм Оттоманской империи нельзя возродить лекарствами, точно так же как нельзя приостановить влияние и могущество России на Востоке. Своим географическим положением, всем ходом своей истории, сочувствием народов, родственных по происхождению и по вере, она призвана властвовать на Востоке, и в ее руках теперь находится разрешение восточного вопроса.

Вторая причина изменившегося положения восточного вопроса заключается в том, что с течением времени совершенно изменился взгляд на способность христианских народов, подвластных Турции, к политическому возрождению. В XVII в. никому не приходило в голову искать на этом пути разрешения восточного вопроса. Это видно, например, из записки Лейбница. Лейбниц возлагает большие надежды на различные секты, появившиеся в магометанстве и будто бы приближающиеся к христианству; но у него нет ни слова о возрождении Греции и политическом развитии придунайских славян. Это объясняется тем, что в XVII в. в глазах западного человека судьба восточных народов отождествлялась с историей Византийской империи, так бесславно павшей от внутреннего разложения.

Инициатива в этом отношении принадлежит России. Связанная происхождением и языком со славянами и верой со всеми остальными подданными Оттоманской Порты, она никогда не разрывала связей с Востоком и сохранила живое сочувствие к его населению и понимание его нужд и потребностей. Она первая стала принимать участие в судьбе христианского населения Турции и в своих мирных трактатах с Портой ограждать его права и интересы. Своим заступничеством она первая ободрила эти населения и вселила в них надежду на освобождение или, по крайней мере, на политическую равноправность с помощью России. Эта политика России сначала находила себе отпор в западных державах, кото-

рые видели в этом только стремление России к протекторату над всеми христианскими народами Востока. Но мало-помалу она, без сомнения, восторжествует и увлечет за собой остальные европейские державы. Политика Франции, уступая нравственному авторитету России и влиянию общественного мнения, должна будет принять решительный оборот в этом направлении, а за нею последует и Англия. Прежняя система, желавшая поддержать во что бы то ни стало власть султана, заменится другой, которая имеет целью постепенное развитие отдельных национальностей и образование из них самостоятельных государств. Указание этого нового пути к разрешению восточного вопроса составляет одну из важных заслуг, которые Россия оказала европейскому человечеству, с тех пор, как она принимает деятельное участие в его делах, а для самой России этот путь служит оправданием и залогом ее будущего значения и нравственного авторитета на Востоке.

Третья причина изменившегося положения восточного вопроса — экономическое развитие Европы и изменившееся вследствие этого воззрение на политические интересы. Уже в XVII в. начали обращать внимание на экономические нужды, и Лейбниц противопоставляет тщеславной и бесплодной войне, к которой готовился Людовик XIV, завоевания — с целью расширения торговли и увеличения материального благосостояния. Англия была первой державой, которая начала придерживаться этой политики, и ей она обязана своим благосостоянием. Но в эпоху меркантилизма на торговлю смотрели как на монополию. Благосостояние одного народа обуславливалось, как полагали в то время, банкротством других народов. Лейбниц советует занять Египет потому, что это единственное средство подорвать торговлю голландцев. Но развитие экономической науки и практический опыт привели наконец к убеждению, что как в общественном быту, так и в международных отношениях только нерасчетливый эгоизм ищет своей выгоды в ущерб других и что чем выше всеобщее благосостояние, тем более выигрывает каждый отдельный член. Конечно, эта истина не всеми признается, и признание ее возможно только при полном торжестве принципа свободной торговли. Но сама сила вещей влечет людей к этой цели. Теперь не может быть речи, как в XVII в., об исключительной эксплуатации Востока французской или английской нацией.

Россия и в этом случае имеет возможность оказать Востоку большую услугу. Она первая вступилась за права угнетенных народностей, она первая указала на удовлетворительное разрешение восточного вопроса посредством возрождения этих народностей:

она же может сделаться посредницей между европейскими нациями, которые соперничают между собой на Востоке и наперебой хотят облагодетельствовать его своими капиталами. Но ей придется охранять молодые народы Востока не только от излишней материальной опеки, а еще более от чрезмерного нравственного влияния, от политической и особенно религиозной пропаганды. Восток был колыбелью великих религий, он был всегда поприщем религиозной борьбы, ему и в будущем грозит большая опасность от столкновения религиозных страстей. На Востоке никогда не была известна веротерпимость, а она так необходима для него, что составляет главное условие его самостоятельного политического развития. Россия в веротерпимости сделала гораздо более успехов, чем можно было ожидать по ходу ее истории; среди ее подданных можно назвать многочисленных приверженцев всевозможных исповеданий и религий, от Моисеева закона до язычества. Она одна приучила магометанское население вполне мириться с христианским владычеством. Она должна сделаться на Востоке проводником веротерпимости и тогда до конца выполнить свою великую роль — быть руководительницей своих соплеменников и единоверцев не только на пути к политическому освобождению, но и на пути к цивилизации.

ГЛАВА III

ЛЕЙБНИЦ В ПАРИЖЕ. КАРТЕЗИАНИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

Значение картезианизма. — Его последователи и противники. — Салоны. — Университеты. — Ученые общества. — Публичные лекции. — Монашеские ордена. — Бенедиктинцы. — Доминиканцы и францисканцы. — Иезуиты. — Отношение их к науке. — Ораторианцы. — Мальбранш. — Его переписка с Лейбницем. — Арно. — Философская переписка между Лейбницем и Арно. — Ненависть иезуитов к картезианизму. — Гюе, епископ Авраншский. — Отношения Лейбница к картезианизму. — Занятия Лейбница математическими науками. — Гюйгенс. — Кольбер. — Жизнь Лейбница в Париже. — Отношения его к семейству Бойнебург и к своим родственникам. — Предложение герцога Ганноверского. — Поездка в Лондон. — Спор с Ньютоном об изобретении дифференциального исчисления. — Лейбниц и Спиноза.

Мы видели в предшествовавшей главе, что Лейбница привлекал в Париж двоякий интерес — политический и научный. Из Парижа исходили все нити, которые приводили в движение европейскую дипломатию, и поэтому только там он мог бы осуществить свои великие политические планы. Но эти надежды его не сбылись. Поэтому мы не станем описывать здесь политическое состояние Франции и ее государственных людей, на которых Лейбниц возлагал свои надежды.

Мы не остановимся также на французской литературе, так как Лейбниц мало интересовался ею. Только вскользь он упоминает о том, что видел самого Мольера на сцене. Мы ограничимся характеристикой умственного состояния Франции, укажем на главные научные и философские вопросы, которые занимали парижское общество, и познакомим читателя с замечательными людьми того времени, с которыми Лейбниц успел сблизиться или которые оказали влияние на него своими идеями и сочинениями.

Более 20 лет уже прошло с тех пор, как Декарт умер в Стокгольме, куда призвала его капризная королева Христина, непременно желавшая из уст самого философа узнать сущность его учения. Картезианская философия успела в это время распространиться во Франции и совершить в ней глубокий переворот. Она

проникла во все слои общества, и вопросы, возбужденные ею, получили общественный интерес. Университеты, ученые общества, монашеские ордена, церковь, правительство были заинтересованы или озабочены успехами новой философии; везде происходила борьба между приверженцами и противниками ее, и в этой борьбе принимало участие все образованное общество. Ибо картезианизм был не только новой философской теорией: он имел значение полной революции в умственной жизни французского народа. Он отвергал схоластику, которая господствовала в течение нескольких веков и на которой была построена вся система тогдашнего образования; он разрушал метафизическое здание, которое с такими усилиями возвели в течение столетий средневековые философы, и положил в основание философии математику, механику и физику. Образование получило новую цель и новое содержание, все умственные силы и стремления людей — новое направление.

Понятно, что при таком положении дел борьба между старым и новым началом не могла ограничиваться кабинетами ученых: она проникла в общество и сделалась предметом оживленных бесед в многочисленных *салонах*, которые так много способствовали развитию образования и смягчению нравов во Франции. Старые фронтеры старались забыть честолюбивые замыслы своей юности в беседах с приверженцами новой философии и в спорах о беспредельности мира и о свойствах материи. Кардинал де Рец, удалившись от политической жизни, устроил в своем замке Коммерси философские беседы и отстаивал истинный смысл Декартова учения против искажений бенедиктинца Дегабе (*Desgabets*). Герцог Конде, который своей непокорностью едва не пошатнул французский престол, но свою вину перед отечеством искупил блестящими победами, занимался теперь философией с лучшим из учеников Декарта — Режиом и в своем замке Шантлиль беседовал с Мальбраншем. Он имел даже намерение привлечь к себе Спинозу и от имени Людовика XIV предложил ему пенсию¹. Маркиз де Вард, тесть герцога де Рогана, увозит Режию в провинцию, в которую он назначен губернатором, и в своем завещании поручает зятю выплачивать ему пожизненную пенсию. Замок герцога де Люина заслужил прозвание картезианской академии: до такой степени интересовались там философией Декарта.

Но самым лучшим доказательством популярности нового учения может послужить участие, которое принимали в нем женщины. Не все, конечно, занимались им так серьезно и понимали его

¹ *Bouillier*. Histoire de la Philosophie Cartésienne. I. P. 419 sq.

так глубоко, как Елизавета, принцесса Пфальцская, которая своими возражениями и замечаниями поставила в затруднение самого Декарта¹. Большая часть женщин интересуется в подобных случаях не столько отвлеченными началами новой системы, сколько впечатлением, которое она производит на близких им людей, влиянием, которое она оказывает на их образ мыслей и действий, наконец практическим применением новых начал к событиям и вопросам ежедневной жизни, к области чувств и религии. Многие в то время, подобно мадам де Севинье, изучали картезианскую философию не ради ее самой, а потому что она сделалась предметом общественного интереса.

«Я хочу изучать философию Декарта, — говорила мадам де Севинье своим друзьям, — как я выучилась игре l'hombre*, не для того чтобы самой играть, а чтобы следить за игрой» (non pas pour jouer, mais pour voir jouer). То была лучшая пора французских салонов, когда светская жизнь и *galanterie*** французской аристократии, вызванные рыцарским периодом Фронды и блестящей придворной жизнью Людовика XIV, умерялись и украшались интересом к литературе, искусству и даже к самым глубоким вопросам тогдашней науки. В этих салонах с одинаковым любопытством выслушивались рассказы о тайнах и интригах придворной жизни, об успехах и галантных подвигах тогдашних красавиц и салонных героев, и беседы о литературных новостях, о полемике между иезуитами и янсенистами, между картезианцами и приверженцами старой школы (l'École, т. е. схоластики), по поводу самых отвлеченных и неуловимых вопросов философии и богословия. Светские аббаты — младшие сыновья аристократических фамилий — составляли естественное звено между знатью и тем миром, который жил исключительно в области названных наук. При маленьком дворе в Со (Sceaux), составившемся около честолюбивой герцогини Мэнской, невестки Людовика XIV, царствовал картезианизм. Об этой герцогине мадам де Лоне говорит в своих мемуарах, что «она одинаково хорошо знает свой катехизис и философию Декарта. Она с такой же доверчивостью относится к Декарту, как к самому Господу». Главным приверженцем Декарта в салоне герцогини Мэнской был кардинал Полиньяк. Один современный писатель, посвящая герцогине свое сочинение, сравнивает ее с ко-

¹ *Foucher de Careil*. Descartes et la Princesse Palatine ou l'influence du Cartésianisme sur les femmes au XVII^e siècle.

* В ломбер (фр.). — Прим. пер.

** Галантность, учтивость (фр.). — Прим. пер.

ролевой Христиной. «Декарт, — говорит он, — может гордиться тем, что вы обе были его ученицами. Христина лично знала этого замечательного человека, а вы его нашли в кардинале Полиньяке».

В гостинной мадам де Севинье картезианизм составляет главный предмет разговора. То аббат де Ламусс спорит об атомах с епископом Леонским, ревностным картезианцем (*cartésien à brûler*), то сын хозяйки выступает за «врожденные идеи» против тех, кто утверждает, что пять чувств человека составляют исключительный источник всех идей. Эти беседы продолжаются в деревне, в глуши Бретани, где мадам де Севинье встречает племянницу Декарта. Отсутствующие друзья своими письмами принимают участие в споре. Мадам де Севинье своим изящным слогом передает содержание этих бесед в письмах к своей дочери, которая принадлежит к молодому поколению и с горячностью принимает сторону новой философии. Мать в шутку в своих письмах к дочери называет ее любимца *vosre père Descartes**.

Маркиза Сабле умела сделать из своей гостинной один из самых замечательных *салонов* того времени. Лишенная всяких средств, она привлекала друзей своей приветливостью, своей беспорочной жизнью, своим умением разыгрывать роль приятной хозяйки. До конца своей жизни она собирала около себя как бы маленький двор. Тут можно было встретить самых разнообразных посетителей, светских львов и ученых, людей глубоко религиозных и модных либералов, госпожу де Севинье, письма которой получили классическую известность, и мадам де Лафайет, романы которой доставляют и читателю XIX в. истинное наслаждение свежестью и искренностью чувства и рельефностью, с которой они представляют характеры и образ мыслей людей того времени. Между мужчинами, которые посещали гостиную маркизы Сабле, мы встречаем гордого фрондера герцога де Ларошфуко, который старался скрыть свое оскорбленное честолюбие под разочарованием философа, познавшего суету мирскую и мелочность человеческих стремлений и страстей; Арно — пылкого поборника предопределения и зависимости человеческой добродетели от всевышней воли; грозу иезуитов — Паскаля, благородного и пылкого до раздражительности, в котором мы видим в редком соединении ясный и точный ум гениального математика и пламенную религиозность мистика и аскета.

В кругу этих людей серьезно обсуждали основные начала картезианизма и последствия, к которым они могли повести. Главные

* Ваш дядюшка Декарт (*фр.*). — *Прим. пер.*

обвинения, которые выставлялись против учения Декарта, заключались в том, во-первых, что оно не согласно с догматом о пресуществлении в таинстве Евхаристии, во-вторых, что оно приводит к спинозизму. Из дошедшей до нас заметки¹ одного из посетителей салона маркизы Сабле мы узнаем, что и там обсуждались эти обвинения и что некто де Лаклозюр, по-видимому считавшийся большим авторитетом в своем кружке, взял на себя защиту картезианизма против этих обвинений. Автор заметки дает отчет о беседе, происходившей по этому поводу в один из весенних вечеров 1673 г., и критикует доказательства, приведенные де Лаклозюром.

Картезианизм своим распространением был много обязан женщинам. Нередко случалось, что люди, остававшиеся совершенно равнодушными к самым блестящим выводам Декарта, вдруг преклонялись перед обаянием какой-нибудь прекрасной картезианки и становились ревностными защитниками нового учения. В одном из стихотворений того времени тень Декарта благодарит мадемуазель де Лавинь за ее рвение к его философии и за учеников, которых она ей доставила своим умом и своими прелестями. Те женщины, которые не были в состоянии прибегать к обыкновенному средству женской пропаганды, принимались за оружие более серьезное. Одна дама на публичном диспуте в Тулузе с чрезвычайным успехом защищала, под руководством философа Режиса, одно из положений философии Декарта. Некая мадемуазель Дюпрё, писавшая стихи и отлично знакомая с греческим и латинским языками, была прозвана картезианкой за рвение, с которым она изучала и защищала Декарта. Мадемуазель де Вальи (Wailly), родственница Мальбранша, знаменитейшего из преемников Декарта, руководила еженедельными заседаниями, на которые собирались самые ревностные последователи Мальбранша, чтобы пояснять и развивать его учение.

Но конечно, в этих салонах и на этих беседах, в которых женщины принимали такое деятельное участие, не всегда обсуждались самые существенные стороны или самые трудные вопросы Декартова учения. Чаще всего, вероятно, тут рассматривалась та сторона его учения, которой оно соприкасалось с ежедневной жизнью и которая естественно представляла много парадоксов, легко опровержимых. Так, одним из самых существенных положений Декарта было отождествление духа или души с сознанием и мыслительной способностью. Исходя из этого положения Де-

¹ *Cousin*. 1) *Des Rapports du Cartésianisme et du Spinosisme // Fragments de philosophie cartésienne*; 2) *M. de Sablé*.

карт должен был отрицать существование души у животных. Животные на языке его философии назывались *автоматами и машинами*. Смело можно предположить, что многие картезианки того времени не углублялись в философию далее этого положения, и, вероятно, не одна мадам де Севинье, лаская на коленях свою Марфизку и глядя в ее умные глаза, уверяла, что Декарт не прав и не может быть, чтобы у этого милого создания не было души.

Для многих, конечно, картезианизм был модой, и иезуитский патер Даниэль в своем сатирическом сочинении «Кругосветное путешествие Декарта» был прав, когда уверял, что *мода философствовать* между французскими дамами не продержится дольше, чем все другие моды. Но тем не менее эта мода не прошла бесследно. Без участия женщин общество не могло бы так глубоко проникнуться идеями нового учения и так живо сочувствовать ему. Мы не в состоянии указать в истории другую эпоху, когда философия стояла бы так близко к жизни и когда она имела бы такое благотворное нравственное влияние.

Совершенно иначе, чем женщины, относилось к философии Декарта ученое сословие Франции. Если бы с помощью истории указать весь вред, который принесло успехам науки и умственному развитию человечества ученое сословие разных эпох, т. е. люди, официально призванные блюсти интересы истины и содействовать ее распознаванию, то можно было бы составить против них весьма тяжелый обвинительный акт. Оттого совершенно понятны и естественны протесты, которые общество так часто поднимает против официальных представителей науки. Но в этом случае не следует слишком увлекаться обвинением, а нужно примириться с действительностью.

В мире науки происходит то же, что и в мире религии. Религиозные истины не могут существовать отвлеченно — они должны переходить в церковные учреждения, и хранителями этих учреждений становятся люди с человеческими стремлениями и страстями и с недостатками того общества, среди которого они живут. Все обвинения против религии, которые расточает известная школа, неосновательны в том отношении, что с религией тут постоянно смешивают консервативный дух церкви и еще чаще политику людей, в данную эпоху управлявших церковью.

Подобное же ограничение следует выговорить в пользу ученого сословия. Наука не может успешно развиваться без помощи учреждения с определенной организацией, а последняя влечет за собой рутину, господство преданий и дух консерватизма. К этому еще часто присоединяются материальные интересы, самолюбие

и дурные страсти тех людей, которые укрываются за почтенные учреждения. Отдельный человек скорее доступен силе истины, но коллегия ученых, опираясь на свои вековые привилегии и на взаимное ослепление, может иногда дойти до крайних пределов неразумности. Дух учреждений обновляется только новыми людьми, и иногда целое поколение должно сойти в могилу, чтобы могло восторжествовать новое начало. Только контроль общественного мнения может оградить ученые корпорации от исключительности и рутины. Там же, где нет этого контроля или где корпорация даже находит поддержку в обществе, там эти недостатки могут дойти до самых уродливых проявлений.

Такое уродливое явление представляют нам в XVI—XVII вв. французские университеты.

Подобно другим средневековым учреждениям Франции, например парламенту, университеты выросли под опекой королевской власти и испытали на себе ее централизующее начало. Во Франции было несколько парламентов, но Парижский был собственно парламентом, т. е. высшим судебным и правительственным учреждением всего государства; точно так же и Парижский университет был высшим научным учреждением для всего королевства, и история его совпадает с историей французского Просвещения. Остальные университеты были не более чем провинциальные отделения его. Французские университеты представляют еще другое сходство с парламентами. Последние получали такую крепкую организацию, были ограждены такими вековыми привилегиями и поддерживаемы такими обширными сословными интересами, что сделались почти недоступны влиянию времени и новых порядков. Университет отстал еще более от общего движения.

В начале XVI в. Парижский университет сделался оплотом схоластики против гуманизма. Король Франциск I, покровительствовавший гуманизму, должен был создать для поддержки его особое учреждение, независимое от университета. То был знаменитый Collège de France, существующий до сих пор; 12 профессоров, из которых первоначально состояла эта коллегия, назначались самим королем и не принадлежали к университету, лекции их были публичны и бесплатны. Здесь нашел убежище от гонения оскорбленных схоластиков неустрашимый поборник гуманизма, истинной философии и здравых педагогических начал против схоластического пустословия Рамюс, который всю жизнь должен был бороться со своими университетскими врагами и погиб от их мести во время Варфоломеевой ночи. Такое же упорство университет выказал потом в борьбе с иезуитами, которые хотели подчинить

себе народное образование и проникнуть в университет. Несмотря на поддержку правительства, иезуитам удалось только после долгих стараний добыть себе право открыть школы и публичные курсы. Борьба этим не кончилась, ибо университет не допускал к магистерскому экзамену молодых людей, слушавших курсы иезуитов, и только при Людовике XIV иезуиты окончательно возторжествовали над сопротивлением университета¹.

В борьбе с иезуитами университет имел в виду только свою монополию, а не какое-либо существенное различие в направлении и методе преподавания. Там же, где дело шло о последнем, вражда должна была быть еще ожесточеннее, и такую-то вражду университет питал к картезианизму.

Гуманизм был ненавистен университету, потому что он настаивал на классическом образовании, основывал воспитание на изучении лучших писателей греческой и латинской литературы; картезианизм же — потому, что он ставил на первый план математику и физику, отвергал весь схоластический хлам, поддерживаемый авторитетом великого Аристотеля, и требовал вместо диалектических ухищрений физических опытов и анатомических препаратов. Такая новизна испугала тех, которые с самодовольством жили в мире *субстанциальных форм* и ради своей причудливой метафизики столько же искажали латинский язык, сколько извращали простое представление о человеке. Из-за новизны эти философы не хотели распознать истину².

Всем кандидатам на философские степени было вменено в обязанность добыть свои первые лавры в борьбе с картезианизмом и выступить против нового учения с заржавленным оружием схоластической диалектики. Но новое учение скоро начало проникать в ряды своих противников, а это еще более ожесточило университет.

Когда в 1671 г. архиепископ Парижский передал университету приказание короля, чтобы из университетского преподавания было исключено всякое новое учение, отступающее от принятого, и чтобы на диспутах не обсуждалось ни одно положение, заимствованное оттуда, то все факультеты, и во главе их богословский, поспешили заявить свою покорность и свое рвение в преследовании новизны. Медицинский факультет не отставал от богословского, и на запрос Реймского медицинского факультета, можно ли

¹ Hahn. Unterrichtsvesen in Frankreich. I. P. 85.

² Bouillier. Histoire de la Philosophie Cartésienne. I. P. 455: Cartesius dictus est magis indulsisse novitati quam veritati (О Декарте говорят, что он принес больше новизны, нежели истины (лат.)). — Прим. пер.).

подвергать обсуждению одно медицинское положение, на котором отразилось влияние картезианизма, ответил, что этого не следует допускать и что нужно почтительно сообразоваться с королевским указом. Но противники картезианизма не довольствовались этими административными мерами — им хотелось выхлопотать у парламента формальное запрещение распространять учение Декарта в пределах королевства под страхом строгих наказаний. Университет уже готовил прошение в этом смысле, и первый президент парламента Ламуаньон говорил своим знакомым, что ему нельзя будет не исполнить желания университета. Но к чести парламента такое постановление не состоялось. Между его членами было несколько горячих приверженцев Декарта. Наконец все это дело произвело большую тревогу в обществе. Арно¹ представил парламенту записку, в которой с большим достоинством доказывал невозможность запретить Декартово учение и вредные последствия такой меры. История, говорил он, убеждает в том, что никакой закон не может заставить людей предпочесть одну философию другой, и всякая попытка такого рода может только подорвать авторитет законодательной власти. Напрасно упрекают картезианизм в том, что его нельзя привести в согласие с догматами церкви. То же самое можно сказать о всякой другой философии. Это происходит оттого, что всякое учение, основанное исключительно на выводах разума, недостаточно и не может удовлетворить потребностям веры. Если же сохранить неприкосновенным принцип независимости веры от выводов разума, то с верой можно согласить всякую философскую систему, действительно основанную на законах разума.

Сильнее, может быть, чем эти доказательства философа, действовала на общественное мнение и парламент сатира, написанная Буало, вместе с Расином и Бернье. В этой сатире, которую Буало представил своему другу Ламуаньону, поэты наперед осмелили постановление парламента против картезианизма в пользу университетской схоластики. Подделываясь под старинный канцелярский слог парламента, они в своем «*Arrêt Burlesque*»* пародируют университетских профессоров, которые жалуются парламенту, что какой-то незнакомец, *Разум*, хочет насильно вторгнуться в университет и с помощью нескольких беспокойных голов и заговорщиков вытеснить оттуда Аристотеля, исконного и мир-

¹ Авторство Арно доказано Кузеном. См.: *Fragments de Philosophie Cartésienne*. P. 101.

* «Веселая перемена» (*фр.*). — *Прим. пер.*

ного обладателя университета. Парламент, в ответе на жалобу университета, определяет неприкосновенность прав Аристотеля и постановляет, чтобы все доктора, магистры и профессора придерживались его учения, — хотя они и избавляются от обязанности читать его и познакомиться с его языком и с его мнениями, — изгоняет навсегда *Разум* из вышесказанного университета, запрещает ему вторгаться туда, «тревожить и беспокоить вышеназванного Аристотеля, под страхом признания его за янсениста и за приверженца новизны»¹.

¹ Вот некоторые выдержки из «Arrêt Burlesque»: «Vu par la Cour la requête présentée par les régents, maîtres-ès-arts, docteurs et professeurs de l'Université, tant en leur nom que comme tuteurs et défenseurs de la doctrine de maître Aristote, ancien professeur royal en grec dans le collège du Lycée et précepteur du feu roi de querelleuse mémoire, Alexandre dit le Grand, acquéreur de l'Asie, Europe, Afrique et autres lieux, contenant que depuis quelques années, une inconnue, nommée la Raison, aurait entrepris d'entrer par force dans les écoles de ladite Université, et pour cet effet à l'aide de certains quidams factieux, prenant les surnoms factieux de cartésiens, nouveaux philosophes, circulateurs et gassendistes, gens sans aveu, se serait mise en état d'en expulser Aristote, ancien et paisible possesseur des dites écoles... La Cour a maintenu et gardé, maintient et garde Aristote en pleine et paisible possession et jouissance des dites écoles; ordonne, qu'il sera toujours suivi et enseigné par les régents, docteurs, maîtres-ès-arts et professeurs en ladite Université, sans que pour cela ils soient obliges de le lire ou de savoir sa langue et ses sentiments; remet les entités, identités, formalités, matérialités, virtualités, eccités, pétrités, polycarpeités et autres imaginaires... en leur bonne fame... bannit à perpétuité la Raison des écoles de ladite Université, lui fait défense d'y entrer, troubler et inquiéter ledit Aristote en la possession et jouissance d'icelles, à peine d'être déclarée janséniste et amie des nouveautés» (Рассмотренное судом прошение, поданное преподавателями, магистрами, докторами и профессорами университета как от его имени, так и от имени поборников и защитников доктрины учителя Аристотеля, древнегреческого королевского профессора в Ликейском коллеже и наставника усопшего бранной памяти царя Александра, прозванного Великим, покорителя Азии, Европы, Африки и прочих краев, в коем говорится, что столько-то лет назад некий незнакомец по имени *Разум* предпринял попытку силой вторгнуться в классы названного университета и тем оказал поддержку неким мятежникам, получившим прозвище мятежных картезианцев, новых философов, циркуляторов и гассендистов, людей без роду и племени, готовившихся изгнать из означенных классов Аристотеля, исконного и кроткого их владельца... суд поддержал и защитил, а равно поддерживает и защищает Аристотеля в его полном и безмятежном владении и пользовании всеми названными классами; постановляет, чтобы ему всегда следовали и в нем наставляли преподаватели, доктора, магистры и профессора названного университета, при том, что им для этого не обязательно его читать, тем более понимать его язык и суждения; вверяет сущности, тождественности, формальности, матерьяльности, виртуальности, бытийности, каменности, многоплодности и прочие воображаемые сущности... его доброй славе...; навечно изгоняет *Разум* из классов названного университета, защищает

Ввиду такого сильного движения в обществе Парижский университет не решился представить своей просьбы, и постановление парламента не состоялось. Но пример главного университета подействовал на провинциальные. Больше всех отличился Анжерский университет в преследовании новой философии. Картезианизм сделал там особенные успехи благодаря деятельности нескольких профессоров, принадлежавших к ордену ораторианцев и потому менее зависевших от ученой коллегии. Андре Мартен был одним из первых проповедников картезианизма, хотя он еще считал нужным прикрывать себя псевдонимом. Смелее его действовал его преемник по кафедре Бернард Лами. Кокери, ректор (*principal*) коллегии, учрежденной при университете орденом ораторианцев, также принадлежал к приверженцам Декарта. В 1675 г. Анжерский университет получил королевское послание, в котором ему предписывалось никоим образом не допускать распространения на лекциях нового учения, по примеру Парижского университета. По получении этого послания весь университет решил принять его к сведению и положить в архив, собрать всех ректоров коллегий, профессоров философии и аббатов монастырей, чтобы обязать их подпиской сообразоваться с постановлением университета, наконец впредь подвергать все тезисы и рукописные учебники философии цензуре особой комиссии, назначенной университетом. Один только Кокери протестовал и апеллировал в Парижский парламент. Там в последние три года картезианизм, вероятно, сделал большие успехи, ибо парламент опроверг постановление Анжерского университета и призвал его к своему суду (*mander à la barre*) за превышение власти. Но этим решением парламент сам стал в оппозицию против правительства, а то было время полного развития абсолютизма. Незадолго до этого молодой Людовик явился в заседание парламента в охотничьем костюме и с хлыстом в руке. Поэтому вслед за приговором парламента вышел королевский указ, опровергший этот приговор и подтвердивший запрещение, наложенное Анжерским университетом на картезианизм и на приверженцев его в ордене Оратория.

Несмотря на это, Бернард Лами продолжал излагать учение Декарта, стараясь только соблюдать осторожность и прикрывать его формулами Аристотелевой схоластики. Это навлекло на него со стороны ректора университета и комиссии новое внушение воз-

их от посягательств привнести туда сумятицу и нарушить покой названного Аристотеля в его владении и пользовании оными классами под угрозой быть объявленным янсенистом и другом нововведений (*фр.*). — *Прим. пер.*)

вернуться к прежней философии и отказаться от Декарта. Настоятели ордена порицали поведение Лами и увещевали его покориться; наконец, опасаясь, что его упорство навлечет на весь орден неприятности и преследования, они отняли у него кафедру и перевели его в другую провинцию, лишив права проповедовать и обучать.

Вскоре после этого Канский (Саен) университет в Нормандии, который считался лучшим после Парижского, также начал преследовать картезианизм. В 1677 г. богословский факультет постановил не допускать к ученым степеням тех, которые придерживались картезианизма, и запретил всем распространять это учение устно или письменно под страхом лишения привилегий и степеней. Вследствие этого несколько профессоров и духовных лиц были лишены должностей и подверглись изгнанию или должны были отказаться от своих мнений.

Оппозиция университетов против картезианизма получила особенно ожесточенный характер вследствие того, что в них преобладал богословский факультет, а большинство богословов считало картезианизм несовместным с христианской религией, потому что он опровергал объяснение, придуманное схоластической метафизикой для учения о пресуществлении. Подобно тому как гуманизм, отверженный университетами, должен был искать себе другой орган и вызвал Французскую коллегию, и картезианизм нашел убежище помимо университета и послужил поводом к возникновению новых научных учреждений. Он нашел это убежище в *ученых обществах*, новом явлении, характеризующем ту эпоху. Такие общества составлялись повсеместно; в одном Париже их было около 12; сначала они не имели определенной организации, но некоторые из них вскоре получили более постоянный характер. Наконец, само правительство обратило на них свое внимание, и под его покровительством из них образовалась в 1666 г. Академия наук, которая принесла такие плодотворные результаты.

С подобным же явлением мы встречаемся в Англии. И там потребность найти помимо устаревших университетов новые органы для успешного развития математических и естественных наук привела к составлению ученых обществ, наконец к учреждению Лондонского Королевского общества наук, которое скоро прославилось именем Ньютона. Во Франции уже при жизни Декарта существовали общества и сходки ученых, которые разрабатывали свою философию и старались подтвердить ее результаты физическими опытами и анатомическими исследованиями. Парижские ученые собирались то у отца Мерсенна во францисканском мона-

стыре (aux Minimes), то у аббата Пико, у которого останавливался Декарт, когда приезжал в Париж, то у Абера де Монмора (Habert de Monmort), члена парламента. Последний был до такой степени предан новому учению, что с большой настойчивостью упрашивал Декарта принять от него в подарок дачу, дававшую от 3 до 4 тысяч ливров дохода. Члены общества, собиравшиеся у Монмора, сходились каждую неделю, для того чтобы заниматься разъяснением философии Декарта. Но последователи Декарта не довольствовались учеными обществами, которые были доступны немногим; они распространяли новую философию с помощью публичных лекций и прений, на которые собирались люди всех сословий. Известный физик Рого (Rohault), один из самых ученых и даровитых последователей Декарта, устраивал каждую среду в своем доме публичное заседание, на которое сходились епископы и аббаты, придворные, доктора, философы, математики, учителя, студенты, провинциалы, иностранцы, ремесленники — люди всех возрастов, полов и званий. В этом обществе «дамы занимали первое место». Рого излагал на этих собраниях физику, начиная с теории и подтверждая ее самыми точными опытами, причем он каждому позволял прерывать себя вопросами и возражениями. Из этой школы вышел Режи, который потом читал такие же публичные лекции в Тулузе и Монпелье. По возвращении своем в Париж и по смерти Рого он возобновил его публичные лекции в 1680 г. с таким успехом, что повредил своему делу. Архиепископ Парижский, встревоженный шумом, который наделали эти курсы, велел закрыть их по прошествии 6 месяцев. Интерес, который они возбуждали, был так велик, говорит Фонтенель в своем похвальном слове Режи, что нужно было приходиться задолго до начала, чтобы найти себе место.

Успех картезианизма в немалой степени зависел от того, каким образом к нему относились монашеские ордена. Влияние, которое эти ордена имели в XVII в., было еще чрезвычайно значительно. Большая часть низших и высших учебных заведений во Франции существовали на средства монашеских орденов и находились под руководством учителей и профессоров, принадлежащих к этим корпорациям. Домашнее воспитание было большей частью в их руках. Наконец они доставляли тысячам людей обеспеченное и независимое положение и давали им возможность совершенно предаваться по своему выбору научным занятиям в течение целой жизни. Напрасно полагают, что наука только в Средние века была много обязана монашеским орденам. В католических странах эти ордена продолжали до конца XVIII в. оказывать науке чрезвычай-

но важные услуги. Католицизм выказывал удивительную живучесть; монашеские ордена, которые он создавал из своей среды, всегда соответствовали изменившемуся духу времени и всегда умели удовлетворять новым потребностям общества. В эпоху феодализма католицизм выставил Бенедиктинский орден, монастыри которого имели характер рыцарских замков, а аббаты несколько не отличались от воинственных феодальных баронов. Когда папству нужно было ввести в церковь дух аскетизма и централизации, из ордена бенедиктинцев вышли конгрегации Ключьи и Ситё. Монастыри их состояли в строгом подчинении главному центру конгрегации, и всякое приказание папы быстро разносилось в самые отдаленные области. Когда рушился феодализм и вместе с этим изменился политический быт и экономические условия, папству понадобилось орудие другого свойства, и в начале XIII в. на помощь к нему явились доминиканцы и францисканцы. Светская власть окрепла и победила феодализм; политическая жизнь сосредоточилась в городах, где торговля и промышленность накопили большие богатства; университеты развились и приобрели громадное значение; началось научное движение; христиане стали прислушиваться к голосу еврейских и арабских философов; появились ереси. Светская власть, материальные интересы и наука готовились вступить в могущественную коалицию против папства. Тогда францисканцы и доминиканцы приняли свои меры. Они провозгласили принцип бедности и нищенства. Но это значило только, что они не стремились к приобретению поземельного владения. Они не хотели жить в горах и в лесах, окруженные своими подданными, подобно бенедиктинцам. Они поселились в городах; в душных и мрачных кварталах, среди городского пролетариата, они строили свои монастыри; босиком и с непокрытой головой, повязанные веревкой, входили они в лагучи бедняков, молились у постели больных и зараженных чумой. В этом же костюме они теснились в аудиториях, входили на кафедру, стали наконец во главе научного движения, довершили здание схоластики и победоносно отразили влияние арабской философии. Они сделались любимыми проповедниками и духовниками, вступили в борьбу с ересью и овладели инквизицией. Они не имели, подобно бенедиктинцам, местных привязанностей, их отечеством был их орден, и они послушно отправлялись туда, где могли служить интересам ордена и папства. Они составляли подвижную милицию папства; смотря по обстоятельствам, они становились миссионерами, проповедниками, демагогами, профессорами, жандармами и сборщиками податей в интересах папской курии.

В XVI в. произошел важный переворот в положении папства. Реформация отторгла от римской церкви значительную часть Европы и подвергла сомнению самый принцип католицизма — необходимость единства в христианской церкви. Протестантская церковь не хотела быть ересью или сектой в прежнем значении этого слова, в смысле отступничества от католицизма; она провозгласила принцип, что права различных исповеданий должны основываться не на древности их учреждений и многочисленности их приверженцев, а на потребностях религиозной совести человека. Но положение католицизма не менее изменилось в тех странах, которые остались ему верны. В Средние века католицизм был цивилизирующим началом; папы были блюстителями нравственности, защитниками слабых от грубого насилия, учителями политической мудрости; хотя они сами не много заботились о науке, но они не мешали и иногда даже покровительствовали ей, в надежде найти в ней могущественное орудие в пользу церкви. Но в XVI в. все это изменилось. Католицизм пришел в застой; последний Тридентский собор был созван как будто для того только, чтобы освятить этот застой. Папство стало относиться враждебно ко всякому движению, ко всякому улучшению в политическом и научном мире. Оно одобрило Варфоломееву ночь и отказалось признать Вестфальский мир, который окончил полторавековую религиозную борьбу. Когда гуманизм подорвал значение схоластики, папство перестало покровительствовать ему и начало враждебно смотреть на науку. Оно громко протестовало против развития математических и естественных наук, сожгло Ванини на костре и заставило Галилея отказаться от научной аксиомы. Во всех сферах жизни папство поспешило заявить свое *non possumus*, свою невозможность следовать новому порядку вещей.

В этом опасном положении папства на выручку к нему явились иезуиты. Сообразно с тем, что папство теперь должно было преследовать двойную политику, внутреннюю и внешнюю, относительно католиков и протестантов, деятельность иезуитов получила самый разнообразный характер. В борьбе с протестантами они позволяли себе употреблять всевозможные средства: внешнее насилие, подкуп, заговоры, пропаганду, обман, хитрость, ученую полемику, даровое обучение и др., для того чтобы уменьшить число протестантов. В католических же странах они преследовали иные цели. Они ясно поняли, что при новом порядке вещей им придется главным образом иметь дело с тремя силами, и все их стремления были направлены к тому, чтобы подчинить себе эти три силы и заставить их действовать в свою пользу. Эти три силы — правитель-

ство, общественное мнение и наука. Чтобы подчинить себе правительство, они прибегали к интригам, замещали людьми своего ордена должности царских духовников и даже, не колеблясь, признали страшную теорию цареубийства. Они отлично поняли громадную силу общественного мнения и науки. Образование перестало быть монополией духовенства; явилась светская наука, светские ученые и писатели. Первой заботой иезуитов было овладеть образованием, устроить даровые школы, бесплатные курсы в университетах, подчинить себе народное воспитание. Они придумали новые методы обучения, более сообразные с успехами педагогики, и иезуитские школы скоро сделались образцом для остальных. Монахи-педагоги вышли из моды. Иезуиты не хотели быть монахами. На запрос Парижского университета, причисляют они себя к монашествующему или к светскому (*séculier*) духовенству, они уклончиво отвечали: *sumus talés, quales nos Curia accipit**. Иезуиты не имели, подобно прежним орденам, своей философской системы. Они готовы были принять всякую систему, лишь бы она могла служить им полезным орудием. Их орден довел централизацию до крайних пределов. Члены его не только должны были менять местопребывание и образ жизни по приказанию своего генерала, отправляться миссионерами в Азию или Америку и рисковать жизнью для ордена; они точно так же должны были приносить в жертву ордену свои научные убеждения. Всякому иезуиту позволялось придерживаться известной философской и научной системы и писать в ее духе до тех пор, пока он не получал приказа менять ее на другую.

Иезуиты раньше других заметили разлад между католицизмом и наукой и смело взялись прикрыть этот разлад. Они занялись естественными науками, вдалились в материализм, для того чтобы показать миру, что католицизм все может сносить, что он не боится никакой новой истины. Многие в этом случае действовали искренне, другие были орудием в руках ордена. Но они поступали при этом очень осторожно. Как скоро они замечали, что либеральничанье опасно, что новое учение непримиримо с их интересами, они тотчас повертывали в другую сторону и тогда уже употребляли все свои средства, все интриги своей хитрой политики, для того чтобы подавить то, что они прежде сами отстаивали. Эта система ставила их постоянно в ложное положение, и между многими обвинениями во лжи и обмане, которые падают на иезуитов, их неискреннее отношение к науке есть самое тяжелое.

* Мы таковы, какими нас принимает курия (лат.). — Прим. пер.

Другой орден, возникший вскоре после иезуитского, также сообразовался с потребностями Нового времени. Это орден Оратория (молельня), основанный в 1574 г. Филиппом де Нери и распространившийся во Франции при Людовике XIII под покровительством кардинала Берюлла. Ораторианцы не давали монашеских обетов; их задачей было руководить религиозной жизнью, заниматься богословием и разрабатывать науку и философию в католическом духе. Из рядов французского ордена Оратория вышло много замечательных ученых.

Мы позволили себе это отступление, для того чтобы охарактеризовать монашеские ордена и объяснить из самой истории их различное отношение к науке и философии Декарта. Бенедиктинцы преданиями и привычками своего ордена были привлечены к историческим занятиям. Монастыри их представляли богатые хранилища самых драгоценных рукописей. Архивы их были лучшей школой для палеографии и дипломатики, для искусства критически обходиться с древними рукописями и грамотами. Трудлюбие и рвение бенедиктинцев соответствовали их громадным средствам; они обогатили историческую науку и археологию такими сборниками летописей, изданиями и такими исследованиями, которые вызывают благодарность и заставляют удивляться учености и самоотверженности этих почтенных тружеников. Бенедиктинцы не пренебрегали занятиями философией. Преданиями своего ордена они не были особенно связаны со схоластикой и потому были довольно расположены к учению Декарта. Гордость и украшение Бенедиктинского ордена, основатель дипломатики Жан Мабильён в своем сочинении о монастырских занятиях советует заниматься философией — и не скрывает своего предпочтения — философией Декарта. Главные ветви Бенедиктинского ордена, конгрегации Св. Мавра и Св. Ванна (Saint-Vannes), выставили из своей среды несколько человек, которые составили себе имя в истории картезианизма. К первой принадлежали Франсуа Бернард Лами (его не следует путать с ораторианцем Лами), автор сочинения: *de la Connaissance de soi-même*, и Галлуа (Gallois); ко второй — более известный Дегабэ (Desgabets)¹, прославившийся рвением, с каким он старался ввести в свой орден изучение картезианизма. Он был в близких отношениях с самыми даровитыми последователями Декарта — Режисом, Рого, Клерселье (Clerselier) и Мальбраншем. В защиту последнего против крити-

¹ См.: *Cousin. Séance d'une Société Cartésienne // Fragments de Philosophie Cartésienne.*

ки Фуше он в 1676 г. написал свою *антикритику* (*Critique de la critique de la Recherche de la Vérité...*). Дегабэ оставил после себя множество сочинений — богословских и философских, — до сих пор не изданных. Особенное же внимание он обратил на себя своими стараниями распространить и защитить объяснение пресуществления, придуманное Декартом, для того чтобы примирить богословскую науку со своей философией. Он возбудил этим такое неудовольствие против себя, что начальство ордена потребовало, чтобы он отрекся. Он должен был оправдаться и заявил свою полную покорность принятому в церкви учению. Последнее время своей жизни он провел аббатом Брельского монастыря, близ замка Коммерси, в котором жил кардинал де Рец, и играл главную роль в кружке картезианцев, собравшемся около кардинала.

Другой орден, менее значительный, конгрегация Св. Женевьевы (*Geneviève*), так отличался своим расположением к учению Декарта, что навлек на себя следующую остроуту Гюе (*Huet*), известного противника картезианизма: «Этот орден убежден, что он канонизировал систему Декарта, с тех пор как поместил тело Декарта рядом с мощами св. Женевьевы». Тело Декарта было погребено в церкви Св. Женевьевы, впоследствии превращенной в Пантеон. К этому ордену принадлежали Пьер Лаллеман, сказавший надгробное слово Декарту, и Рене Лебоссю, старавшийся примирить древнюю философию с системой Декарта. Доминиканцы и францисканцы были слишком заинтересованы услугами, оказанными их орденом схоластике, чтобы особенно сочувствовать учению, которое подрывало созданную ими систему. Но и между последними можно указать на отца Мерсенна, близкого друга Декарта, и Меньяна (*Maignan*), много позаимствовавшего у Декарта.

Зато полнейшее сочувствие нашло учение Декарта в ордене Оратория. Совсем не в духе этой конгрегации были стремления иезуитов. Искренне преданный своему призванию — молитве, науке и преподаванию, орден Оратория устранял себя от всяких политических интриг, от всякого стремления к господству и порабощению других. Преподавание не служило ему средством для достижения корыстных целей, как у иезуитов, но имело в виду интересы истины и пользу обучаемых. По уставу ордена всякий, кто вступал в него, должен был несколько лет заниматься преподаванием. Это было скорее общество ученых, посвятивших себя науке и церкви, чем монашеский орден. «Идите, — говорит Боссюэ об этом ордене, — в ту обитель, где покоятся мощи великого святого

Маглуара¹; там на самом ясном и чистом воздухе города бесчисленный сонм духовных питается еще более чистым духом церковного чина (*discipline clérical*), отсюда они расходятся по епархиям и повсюду разносят с собой истинный дух церкви». Устав этой конгрегации был либеральнее, чем в других орденах. Там не было тайных статей, не было монашеских обетов; всякий член имел право оставить конгрегацию и сохранял полную независимость в выборе занятий. От членов требовались только священнические обеты; они не были подвержены такой строгой дисциплине, как монахи других орденов, и не были изъяты из подсудности епископам. «Нас связывают, — говорит ораторианец Лами, — только одни узы любви. Без них орден не мог бы существовать».

Любимым писателем для членов этого ордена был блаженный Августин. Изучение его сочинений привело их к идеализму и расположило к Платону, которого они предпочитали Аристотелю схоластиков. Это уважение к Августину было внушено им их покровителем, кардиналом Берюллом. Он же обратил их внимание на Декарта. Этот кардинал одним из первых заинтересовался идеями Декарта и выказывал ему свое личное расположение в то время, когда он еще не приобрел славы знаменитого философа. Орден Оратория скоро сделался одним из главных рассадников картезианства и подвергся за это различным гонениям со стороны правительства и церкви и сильным нападкам со стороны иезуитов и схоластиков. Мы уже говорили о гонениях против ораторианцев в Анжерском университете. Преследования этим не ограничились, но вместе с ними усиливалась среди членов конгрегации приверженность к учению Декарта и к идеям блаженного Августина, которые в это время были заклеимлены прозванием янсенизма. «40 лет преследований против картезианства и янсенизма, подведенных под общее проклятие, не могли заставить последователей Берюлла отказаться от той философии, которую он им указал»². Когда в 1678 г. управление ордена, чтобы спасти его от неминуемой гибели, было принуждено запретить изучение картезианства, члены конгрегации протестовали и сказали в своем прошении: «Если картезианство зараза, то более двухсот из нас заражены ею»³.

Между последователями Декарта в конгрегации Оратория, которые особенно выдавались своими философскими трудами,

¹ Главная обитель ордена — St. Magloire — находилась в Париже на высоте Faubourg St. Jacques.

² Biographie Universelle под Bérulle.

³ Bouillier. Histoire de la Philosophie Cartésienne. II. P. 10.

мы укажем на Андре Мартена, о котором уже упоминали в другом месте. В большом сочинении «Христианская философия» он не упоминает о Декарте; он постоянно цитирует только блаженно-го Августина, но так подбирает цитаты и дает им такое толкование, что легко заметить его цель — поддержать учение современного философа авторитетом отца церкви. Другой картезианец, Пуассон, сделался известен переводом «Механики» Декарта на латинский язык и своим комментарием на его «Рассуждение о методе». Но самый замечательный человек, вышедший из конгрегации Оратория, и в то же время самый знаменитый преемник Декарта был Мальбранш. Влияние, которое Мальбранш имел на развитие Декартовой системы, было так велико, что в ее истории начинается новый период со времени этого влияния. Декарт не довершил своей системы, он оставил многое недосказанным. В основании его философии лежал дуализм, противоположность между мыслящим духом и измеряемой материей. Поэтому его систему можно было развивать в двояком направлении. Можно было продолжать его исследования над материей, подчинять философию математике и механике. Это делали непосредственные ученики его — Рого, Режи и другие, которые продолжали начатые Декартом математические исследования и физические опыты. Но можно было также развить ту сторону Декартовой системы, которая содержала в себе учение о духе, — его теорию о врожденных идеях, об идее Бога как источнике всех других истин, — определить отношение души к телу, вопрос, не разрешенный Декартом. Эту задачу взял на себя Мальбранш. Декарт, вероятно, был бы недоволен тем направлением, которое приняла его система под руководством Мальбранша; последний внес туда весь идеализм и мистицизм своей созерцательной и болезненно-сосредоточенной природы, которые делали его непонятным для толпы и доставили ему прозвище «мечтателя Оратория» (*Rêveur de l'Oratoire*). Но Декарт не имел бы права жаловаться на искажение своей ясной, популярной системы. Самые мистические положения Мальбранша логически вытекают из оснований, положенных Декартом, и представляют только крайне идеальное развитие его системы.

Для нас Мальбранш имеет особенно важное значение по тому влиянию, которое он имел на Лейбница. Философия Лейбница выросла на почве картезианизма, хотя во многом является ее противоположностью. Отношение этих двух систем было бы непонятно без Мальбранша, который составляет естественный переход от Декарта к Лейбницу.

Лейбниц был лично знаком с Мальбраншем. Первое сочинение последнего, в котором была уже изложена вся его система, — *La Recherche de la Vérité* — вышло в 1674 г., во время пребывания Лейбница в Париже. Лейбниц бывал у Мальбранша и беседовал с ним о различных вопросах, относящихся к математике и метафизике. Мы знаем об этом по письмам, которые сохранились в бумагах Лейбница и изданы Кузеном¹. Однажды у них зашел спор о том, существует ли пространство отдельно от материи, существует ли пустота в пространстве, составляет ли протяжение существенное свойство материи. Лейбниц оспаривал это краеугольное положение картезианизма. Возвратившись домой в свой *Hôtel de St. Quentin**, он письменно формулировал свои возражения и послал их Мальбраншу. Тот ответил ему вежливо, но неохотно и коротко. Он замечает в своем письме, что письменные споры представляют еще больше затруднений и большую потерю времени, чем устные. Лейбниц остался неудовлетворен ответом. Он снова пишет Мальбраншу, просит снисхождения за неповоротливость своего ума (*esprit pesant*), который не позволяет ему высказаться вполне в устной беседе и заставляет прибегать к письменным объяснениям, и потом повторяет свои доводы с удвоенной силой. Мальбранш, кажется, оставил это письмо без ответа. Он был ласков и приветлив в обращении и разговорчив о предметах, интересовавших его. Но как все люди с сосредоточенным и созерцательным характером, привыкшие к уединению, он легко поддавался застенчивости и робости и тогда уклонялся от прений. Так, он всегда отказывался вступать в устные прения с Боссюэ. Он любил проводить время в сельском уединении и закрывал ставни своего дома, чтобы ничто не мешало его размышлениям. Для отдохновения от своих напряженных занятий он играл с маленькими детьми.

Предмет его спора с Лейбницем очень интересен, ибо из него видно, что Лейбниц уже в то время отвергал самое существенное положение картезианизма. Он высказывает свою мысль еще неопределенно и смутно, но он уже выработал главные положения своей философии, что принцип материи есть сила и что пространство есть отношение.

Переписка между Лейбницем и Мальбраншем не прекратилась на этом. Лейбниц возобновил ее в 1679 г. по поводу нового сочинения Мальбранша — *Les Conversations Chrésiennes*, — в котором

¹ *Correspondance inédite de Malebranche et de Leibniz // Fragments de Philosophie Cartésienne. P. 349.*

* Приют Св. Квентина (лат.). — Прим. пер.

он, по просьбе герцога де Шеврёз, популяризовал свою систему. Лейбниц жил в это время в Ганновере и получил книгу Мальбранша через знаменитую ученицу Декарта, Елизавету Пфальцскую. В письме своем Лейбниц позволяет себе высказывать уже более резкое мнение о Декарте. «Я убежден, — говорит он, — что его механика полна ошибок, что его физика слишком поспешна в своих заключениях (*va trop vite*), что его геометрия не идет довольно далеко (*trop bornée*), наконец, что его метафизика представляет все эти недостатки вместе». Он выражает надежду доказать чем-нибудь существенным (*d'effectif*), что Декарт не открыл еще настоящего метода в математике. Мальбранш отвечает ему очень коротко: он отклоняет от себя авторство книги, приписываемой ему Лейбницем, и говорит, что общество будет ему чрезвычайно признательно, если он исполнит свои обещания и откроет настоящий метод в математических науках. В своем ответе Лейбниц обсуждает более обстоятельно некоторые положения Декарта и Мальбранша. Он одобряет вполне теорию Мальбранша, что идеи всех предметов мы созерцаем в Боге и что тело не производит прямого действия на душу. Он соглашается также с мнением Мальбранша, что Бог действует в мире только простыми способами (*simplicité des décrets*) и посредством неизменных законов, вследствие чего становится возможным физическое и нравственное зло, ибо Бог имеет в виду не частности, а возможно большее совершенство целого. Далее он отвергает положение Декарта, что животные лишены души; тут мы уже встречаем так называемые *смутные представления*, которые играют такую важную роль в философии Лейбница и которыми он объясняет переход от низших проявлений органической жизни в природе к сознательному мышлению человека. Затем он критикует Декартовы доказательства в пользу существования Бога и противоположности между мыслью и протяжением, или духом и материей, находя их недостаточными и неполными.

Переписка их снова возобновилась в 1693 г. по поводу одного научного спора. Лейбниц оспаривал положение Декарта, что количество движения в мире всегда остается одинаково, и доказывал, что не количество движения, но количество сил остается неизменным. На этом положении он построил новую систему динамики и с его помощью доказал ошибочность Декартовых законов упругости тел. Это вовлекло его в полемику с картезианцами, во время которой Лейбниц сослался на мнение Мальбранша. Тогда Мальбранш напечатал свой «Трактат о законах передачи движения», в котором он отстаивал положение Декарта, хотя с некоторыми уступками. Вероятно, в ответе на возражения Лейбница, которые

не дошли до нас, Мальбранш написал ему письмо, в котором говорит, что ни уважение, ни дружба не могут заменить ему очевидных доказательств. Однако новые возражения Лейбница произвели на него сильное впечатление и осуществили переворот в его динамической теории. Он подверг ее новому анализу и убедился, что факты не согласуются с его теорией. В 1698 г. он сообщает Лейбницу, что отказывается от своего прежнего взгляда. «Я теперь убежден, — пишет Мальбранш, — что абсолютное движение постоянно убывает и прибывает. Я говорю вам это, чтобы убедить вас в том, что я искренно ищущ истинны». С трогательной скромностью признает он превосходство Лейбница. «Если есть люди, — говорит он, — которые равнодушны к вашим заслугам или придают себе такой вид, то они только вредят этим самим себе, по крайней мере в мнении благоразумных людей».

Такой благородный образ действия глубоко тронул Лейбница. Он пишет об этом Бейлю, не упоминая имени Мальбранша, но называя его одним из первых современных философов. В письме Мальбраншу он восхваляет его искренность и поздравляет его в самых лестных выражениях с избранием в почетные члены Академии наук. «Математикам, — говорит он, — столь же необходимо быть философами, сколько философам быть математиками; вы, достопочтенный отец, соединяя в себе то и другое и справедливо считаясь одним из первых современных философов, способнее всех на свете осуществить этот союз». Переходя к себе, Лейбниц жалуется, что не в состоянии посвящать себя, как следует, математике. «Здесь нет никого, кто бы интересовался этой наукой, и это меня отталкивает от нее (*cela me rebute*). Такого рода занятия, сухие сами по себе, становятся приятными, когда можно поделиться ими с кем-нибудь, и я не в состоянии долго заниматься математикой без поддержки со стороны других».

В 1710 г. Лейбниц послал Мальбраншу свою «Теодицею». Мальбранш должен был отнестись с полным сочувствием к этому сочинению. Он вполне разделял основную мысль его, что мир есть совершенство и что грех и зло неминуемо вытекают из совершенства всего целого. Но между его взглядом и теорией Лейбница мы находим существенное различие, и Мальбранш в своем письме к нему прямо указал на это различие. Для «мечтателя Оратория», который признавал идеи всех предместов в Боге, вселенная была совершенством не сама по себе, а как творение Бога. Наисовершеннейшее существо может создать только творение, совершенное по цели и по средствам. Совершенство средств в мироздании заключается в наибольшей простоте и неизменности мировых законов. А что ка-

сается цели, то, создавая мир, Творец имел в виду самую высокую цель — славу Иисуса Христа, который искупил человечество. По представлению Мальбранша, Бог в своей бесконечности остается неподвижен (*immobile*) при грехопадении человека, ибо благоденствие лучшего из Его творений ничто пред Ним. Грехопадение для Него только средство к возвеличению Иисуса Христа. В конце письма высказывается католический священник: Мальбранш, увлеченный сочувствием к Лейбницу, молит Бога, чтобы он «наградил его и сподобил последовать примеру его достойного покровителя¹, т. е. сделаться католиком».

Лейбниц, вероятно, не ожидал такого заключения. Ему часто приходилось отклонять подобные советы и просьбы, и он делал это всегда с большой мягкостью и вежливостью. На этот раз в его ответе слышится какая-то горечь. Впрочем, до нас дошло только его черновое письмо, но и там относящееся сюда место перечеркнуто. Он выражает свое неудовольствие против Тридентского собора, который возвел несущественные различия в догматы и сделал всякое примирение невозможным, и заключает: «Остальные народы не должны иметь столько снисходительности, чтобы давать обманывать себя итальянцам, которые вдобавок только смеются над ними» (*qui s'en moquent*).

Замечания Мальбранша по поводу «Теодицеи» были слишком проникнуты богословским духом и вызвали возражения Лейбница. Философ индивидуализма и восторженный поклонник красоты природы не мог допустить толкование, по которому вся вселенная и благоденствие разумных существ исчезали в мистическом созерцании Божества и которое слишком близко подходило к суровому пантеизму Спинозы. Лейбниц замечает Мальбраншу, что его объяснение дает право заключать, будто бы Бог совершенно равнодушен к благоденствию и спасению своих творений, и что такой взгляд уменьшил бы любовь к Божеству. В сущности же Он ни к чему не относится равнодушно; все творения Его сохраняют свои размеры пред Ним (*gardent ses proportions entre elles*), подобно бесконечно малым линиям, которые исчезают пред обыкновенными, хотя отношения их определяются теми же математическими законами.

Как видно из этой переписки, между философией Мальбранша и Лейбница существовало глубокое различие, но в то же время между ними было много общего. В основании обеих систем лежал картезианизм, но Лейбниц получил картезианизм, так сказать,

¹ Мальбранш имеет в виду ландграфа Эрнста Гессенского.

из рук Мальбранша. Его философия прямо примыкает к системе Мальбранша и во многих отношениях может считаться ее продолжением и дальнейшим развитием. *Предопределенная гармония* Лейбница есть не что иное, как видоизмененная Мальбраншева теория *окказионализма*¹, а в «Теодицее» его точно так же отражается оптимизм французского философа. Сам Лейбниц в этом откровенно сознается². Действительно, мирозерцание обоих философов есть *оптимизм*. Но оптимизм Мальбранша основан только на вере в совершенство Создателя; это мрачный монашеский оптимизм, который соединяется с полным пренебрежением или по крайней мере равнодушием к миру. Оптимизм же Лейбница основан на убеждении в совершенстве природы, в гармонии мировых законов и поддерживается верой в бесконечный прогресс.

Правда, и у Мальбранша мы находим теорию, которая представляет много сходства с мировой гармонией Лейбница. По его представлению, все, что существует в мире, обладает известной степенью совершенства, и эта степень определяет различное отношение Божества к Его творениям. Отсюда проистекает неизменный и необходимый строй, и сознание этого строя есть источник всех истин, как отвлеченных (научных), так и нравственных (практических). Но у Мальбранша этот мировой строй отражается только в Божестве, и человек сознает его, только погружаясь в бесконечность Божества. Мы увидим, как это представление преобразилось в системе Лейбница. Различие их философских систем соответствует различию, которое представляют их личности.

¹ В письме к Р. де Монмору от 26 августа 1714 г.: Je ne trouve pas, que les sentiments du révérend P. Malebranche soient trop éloignés des miens: le passage des causes occasionnelles à l'harmonie préétablie ne parait pas très difficile (Я не считаю, что служения преподобного о. Мальбранша слишком уж далеки от моих: переход от окказиональных причин к предустановленной гармонии вовсе не представляется трудным (*фр.*). — *Прим. пер.*).

² *Leibniz. Théodicea* II § 208: Les voies de Dieu sont les plus simples et les plus uniformes, parce qu'il choisit des règles, qui se limitent le moins les unes les autres. Elles sont aussi les plus fécondes par rapport à la simplicité des voies. C'est comme si l'on disait, qu'une maison a été la meilleure, qu'on ait pu faire avec la même dépense. On peut même réduire ces deux conditions, la simplicité et la fécondité, à un seul avantage, qui est de produire le plus de perfection, qu'il est possible, et par ce moyen, le système du P. Malebranche en cela se réduit au mien (Пути Божии наиболее просты и единообразны. Вот почему он избирает правила, наименее ограничивающие друг друга: они также наиболее плодотворны в отношении простоты путей. Точно так же говорят, что дом является наилучшим, учитывая израсходованные на него средства. Оба этих условия, т. е. простоту и плодотворность, можно свести к одному преимуществу, а именно к достижению возможно большего совершенства, а этим путем система о. Мальбранца сводится к моей (*фр.*). — *Прим. пер.*).

Мальбранш был богослов, и его философское мышление находило себе пределы в твердо установленных догматах католической церкви. Он был натурой сосредоточенной и созерцательной; он гордился прозвищем *le méditatif**. Его пугал шум общественной и политической жизни, и он с пренебрежением относился к историческим и политическим наукам, несмотря на то что в юности под руководством известного Ле Куэнта (*Cointe*) занимался некоторое время историей. Он говорил, что в одном принципе метафизики и этики содержится гораздо больше истины, чем во всех исторических книгах. В другой раз он сказал, что вид всякого насекомого занимает его больше, чем вся греческая и римская история. Натура же Лейбница была до крайней степени восприимчива и всеобъемлюща. Для него повсюду в мире была разлита жизнь, везде действовали индивидуальные силы. История человечества, как произведение разумных существ, представляла для него такой же смысл, отражала на себе ту же мировую гармонию, как и царства природы; но и вся природа оживлялась перед ним индивидуальными, не гибнущими силами, которыми он заменил отвлеченное *протяжение* материи Декарта. Эти монады Лейбница — самостоятельные вечно действующие силы — давали миру реальность и не допускали его исчезновения в мистическом пантеизме Мальбранша.

Так же хорошо, как с Мальбраншем, Лейбниц успел сойтись, во время своего пребывания в Париже, с его знаменитым противником Арно́. Арно, подобно большинству членов Порт-Рояля, принадлежал к последователям Декарта. Это ученое общество, прославившееся научными трудами, благочестием и строгой нравственностью своих членов, отличалось почти не меньшей преданностью картезианизму, чем конгрегация Оратория. Ученые Порт-Рояля, разделявшие свое время между специальными, научными трудами и какой-нибудь механической работой, в часы досуга охотно беседовали о теориях Декарта, производили на основании их физические опыты и даже, как говорят, безжалостно анатомировали животных, считая их автоматами. Но картезианизм для них стоял не на первом плане — они были более заняты другим современным вопросом, янсенизмом, возбуждавшим не менее горячую полемику и вызвавшим еще более смут в обществе и преследований, чем учение Декарта.

Последователей Янсена и Декарта соединяла общая судьба; они подвергались одинаковым гонениям со стороны папства и правительства, у них были общие враги — иезуиты. Обвинение

* Медитативный: размышляющий, опосредующий (*фр.*). — *Прим. пер.*

в картезианизме и янсенизме сделалось обычной формулой, для того чтобы заподозрить человека в глазах общества или по крайней мере правительства. Но система французского философа и учение бельгийского епископа имели еще более важные точки соприкосновения, чем внешняя их судьба. В основании обоих лежал суровый идеализм, который ставил их во враждебное отношение к схоластике, господствовавшей тогда в философии и в богословии, и строгое отвлечение, которое делало их равнодушными ко всему конкретному и индивидуальному. Как у Декарта органические существа природы исчезают перед математическими линиями и механическими законами, и индивидуальные души людей сглаживаются в общей субстанции «мыслящего духа», так, по воззрению янсенизма, внутренняя жизнь и борьба людей в стремлении к добру и к злу ничтожна пред Божественным предопределением, которое ниспосылает благодать по своему усмотрению и по соображениям, недоступным человеческому разуму.

Самым блестящим поборником янсенизма был тот же Антуан Арно, который, как мы видели, защищал картезианизм против преследований Парижского парламента. Он принадлежал к семье, которая прославилась даровитостью своих членов, преданностью янсенизму и враждой к иезуитам. Отец его был адвокатом и приобрел известность своим красноречием и своим бескорыстием. Одна из речей его в парламенте произвела такое сильное впечатление на генерального адвоката Мариона, что тотчас после заседания он предложил ему жениться на его дочери. Особенно он отличился в процессе, который он вел против иезуитов от имени Парижского университета. Из 22 его детей остались в живых 4 сына и 6 дочерей, которые все поступили в бенедиктинский монастырь Порт-Рояля около Версаля. Одна из них, Мария-Анжелика, в 14 лет была выбрана игуменьей и сделала из своего монастыря центр янсенизма. Несмотря на все гонения, монахини Порт-Рояля оставались верны янсенизму, пока наконец в 1709 г. они не были изгнаны, а монастырь их разрушен по приказанию Людовика XIV. Около 1640 г. в соседстве этого монастыря поселился ее брат Антуан со своими товарищами. Они приняли устав монастыря и устроили при нем школу, которая должна была отличаться от иезуитских более чистой нравственностью и более серьезным образованием.

Как все его семейство, Антуан Арно отличался необыкновенной пылкостью характера, которая часто доходила до раздражительности и надменности. О его сестрах их противник архиепископ Парижский выразился, что «эти девы чисты как ангелы, но надменны как демоны». Подобный характер рано обнаружился

в Арно. Когда он получил звание доктора богословия и по обычаю того времени произносил сопряженную с этим присягу в Соборе Богоматери, он прибавил от себя слова: «И клянусь защищать истину до пролития крови». Эти слова после него были повторяемы всеми докторантами. Вся жизнь Арно была постоянной полемикой с Сорбонной, с иезуитами, с кальвинистами, с противниками Декарта и Янсена, наконец с Мальбраншем по вопросу о предопределении. За твердость своих убеждений и горячность, с которой он их высказывал, он подвергался постоянным гонениям. Будучи еще студентом Сорбонны, он вооружил против себя своей искренностью и честностью своего бывшего учителя Леско, который навлек на него гнев всемогущего Ришелье. Только после смерти мстительного кардинала Арно удалось получить докторскую степень и вступить в факультет. Но когда он, возмущенный недобросовестным способом действия римской курии, принял под свою защиту янсенистов, его вытеснили из факультета посредством неправильного суда. В заседание факультета, на котором обсуждались сочинения Арно, были приглашены 32 монаха, вопреки университетскому уставу. Арно должен был оставить свое убежище в Порт-Рояле и скрываться в Париже, в доме герцогини Лонгвиль и в бедных квартирах, где его не могла отыскать парижская полиция. В 1668 г. папе Клименту IX удалось умиротворить взволнованные страсти. Арно обратился против кальвинистов, но через несколько лет снова возгорелась полемика между ним и иезуитами. В 1679 г. он был вынужден оставить Францию и поселился в Бельгии, где в 1694 г. умер в 82 года. Но все эти тревоги и лишения не сломили его бодрости. Когда однажды его друг и товарищ в борьбе с иезуитами, Николь, утомленный полемикой, выразил желание отдохнуть, неутомимый Арно воскликнул: «Как, вы хотите отдыхать? Разве вам не предстоит отдыхать целую вечность?».

Лейбниц приехал в Париж в то время, когда полемика между Арно и иезуитами приостановилась, и Арно мог наслаждаться непродолжительным отдыхом. Неизвестно, каким путем он с ним познакомился, — может быть, через тогдашнего министра иностранных дел, Арно де Помпона, к которому Лейбниц имел рекомендательные письма от Бойнебурга. Лейбниц бывал у Арно и беседовал с ним о вопросах, имевших тогда современный интерес. Но самолюбию молодого неизвестного ученого часто приходилось страдать от вспыльчивости Арно. Лейбниц сам рассказывает об одном случае, который мы приводим, потому что он хорошо характеризует тогдашнее общество и вопросы, занимавшие в то время передовых людей. «Однажды, — говорит Лейбниц, — я застал

у него нескольких из самых замечательных людей его кружка, которых он пригласил, как мне кажется, для того чтобы им показать меня. Между ними были Николь и С. Аманд. Я упомянул в разговоре, так как об этом зашла речь, что ландграф Эрнст составил молитву, которую может произносить не только всякий христианин, но и всякий еврей и магометанин. Как только я сказал свою молитву, Арно воскликнул: „Она никуда не годится, потому что в ней не упоминается о Иисусе Христе“. В первую минуту я был немало смущен таким быстрым и суровым осуждением, но я не потерял присутствия духа и возразил ему, что в этом случае не годилось бы также „Отче наш“ и многие другие молитвы в Деяниях Апостолов и в посланиях их, в которых не всегда упоминается о Христе и о Троице. Арно смутился, и вслед за этим мы все вышли, чтобы освежиться».

В 1686 г. между Лейбницем и Арно завязалась чрезвычайно интересная переписка. Она была вызвана ландграфом Гессен-Рейнфельдским, который интересовался философскими и особенно богословскими вопросами и был в переписке со многими замечательными людьми своего времени. Этот ландграф принял католицизм и сделался самым ревностным поборником католической пропаганды. Особенно близко принимал он к сердцу проект о примирении протестантизма с католицизмом. С этой целью он завел с Лейбницем переписку, которая продолжалась 13 лет. Они сообщали друг другу самые разнообразные новости, главным же предметом были религиозные вопросы и соглашение между церквями. При этом ландграф не скрывал своего желания, если не удастся осуществить слияние враждебных церквей, то по крайней мере переманить Лейбница в лоно «единоспасающей» церкви. Он избрал себе для этого помощником Арно, прославившегося своей полемикой с кальвинистами. Лейбниц воспользовался перепиской с Арно, чтобы сообщить ему свои философские воззрения, которые окончательно сложились, после того как они расстались в Париже, и подвергнуть их критике искусного картезианца. Арно сначала отвечал нехотя и иногда позволял себе обидные для Лейбница выражения; последний не раз жалуется на это в письмах к ландграфу. Но мало-помалу Арно начинает интересоваться философскими вопросами, предлагаемыми Лейбницем, и письма обоих становятся все серьезнее и искреннее. Лейбниц опровергает некоторые положения Декартовой системы и заменяет их своими. Арно защищает их, но постепенно сдается и в конце переписки стоит уже гораздо ближе к системе Лейбница, чем прежде. Желая убедить своего достойного противника, Лейбниц развивает перед

ним все полнее и полнее свои воззрения, и его письма к Арно становятся одним из лучших изложений всей его системы. Еще современники его оценили важность этой переписки и распространяли ее в копиях. Сам Лейбниц думал издать ее в конце своей жизни, по выходе «Теодицеи», и писал об этом к своему издателю в Голландии. Но дело это почему-то не состоялось. В XIX в. ее долго считали потерянной. Издатели сочинений Лейбница, Эрдман и Гурауер, напрасно искали ее в Париже. Наконец, Гротефенд нашел ее в ганноверском архиве и обогатил философскую литературу одним из драгоценных и интересных памятников XVII в.¹

Совершенно противоположным образом, чем ораторианцы, относились к картезианизму иезуиты. Сначала они как будто покровительствовали Декарту — они любили выказывать интерес ко всему новому и замечательному в науке; притом же Декарт воспитывался в их школе. Некоторые из иезуитов до конца сохранили к Декарту уважение и личную дружбу. Между ними заслуживает внимание отец Мелан (Mesland), восторженный приверженец Декарта, которому последний в двух письмах объяснил возможность примирить новую философию с католическим учением о пресуществлении. Декарт взял с него обещание хранить эти письма в тайне. Но отец Мелан, отправленный своим орденом, может быть за излишнюю страсть к философии, миссионером к дикарям, чтобы проповедовать им христианство, перед отъездом своим распространил письма Декарта, так как был глубоко убежден, что они навсегда устранят всякие недоразумения между новой философией и католической догматикой. Эти письма вызвали целую бурю против картезианизма. Лучшие из картезианцев отвергли весьма странное и натянутое объяснение, предложенное Декартом, считая вообще неуместным и опасным всякое применение новой философии к твердо установившейся католической догматике.

Другой приверженец Декарта из иезуитов, о. Андре, подвергся за это со стороны своего ордена самым продолжительным и жестоким преследованиям, несмотря на свою красноречивую и мужественную защиту. Начальники о. Андре называют его фанатиком, помешанным и дураком. Провинциал Гимонд пишет ему, что орден требует не только чтобы никто из его членов не одобрял философии Декарта, но чтобы всякий нападал на нее. «Говорить, что я

¹ *Grotefend*. Briefwechsel zwischen Leibnitz, Arnald und Landgraf Ernst. 1846. Сюда же относится: *Rommel*. Leibnitz und Landgraf Ernst. 2 vol. 1847. Переписка Лейбница с Арно перепечатана Фуше де Карелем в: *Nouvelles Lettres et Opuscules inédits de Leibnitz*. Paris, 1857. P. 206—316.

ее уважаю и что в ней много разумного, это все равно что сказать: я уважаю Кальвина и нахожу в его убеждениях много разумного». Еще в начале XVIII в. генерал ордена иезуитов Микеланджело Тамбурины разослал по своему ордену 30 положений, большей частью взятых из философии Декарта, с запрещением объяснять их в преподавании.

Из этого видно, с какой ненавистью орден иезуитов стал относиться к картезианизму. Эта ненависть проистекала из различных причин. Иезуиты любили кокетничать с прогрессом, однако боялись всякого серьезного переворота в системе воспитания и в науке. Наравне с многочисленными преподавателями философии в гимназиях (*colléges*) и университетах, повторявшими со спокойной совестью выученный ими курс схоластики, они испугались учений о вечности материи, о бесконечности мира, о невмешательстве Бога в жизнь мира, о движении Земли вокруг Солнца, которые истекали из новой философии. Им казалось, что святость веры христианской несовместна с учением о том, что протяжение составляет существенное свойство материи, и вера в таинство причащения невозможна при отрицании схоластических «субстанциальных и акцидентальных форм».

Но иезуитов заставляло враждовать против картезианизма не только их консервативное направление, их опасение возбуждать существенные вопросы в науке и философии — учение Декарта должно было быть им крайне антипатично по своему идеалистическому характеру, по своей противоположности их любимым приемам и теориям. Иезуиты придерживались эмпиризма и ненавидели всякий спиритуализм и идеализм. Это, по-видимому, странный, но легко объяснимый и поучительный факт. Мы не раз встречаем в истории, что те, кто выдает себя за защитников самых священных интересов своего общества, за блюстителей чистоты веры, сами склонны к материализму и скептицизму и вступают в союз с тенденциями грубыми и даже разрушительными против всего, что носит идеалистический характер. Иезуиты вступились вместе со всеми приверженцами схоластики за известное положение Аристотеля, которое признает физическое ощущение за источник всех понятий и идей человека (*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu**) и из которого схоластики делали такое плохое употребление, пока оно наконец не было восстановлено Локком и положено в основание сенсуалистической философии. С помощью этого эмпиризма иезуиты ратуют против «врожденных идей» Декарта и

* Нет ничего в уме, чего бы прежде не было в ощущениях (*лат.*). — Прим. пер.

прокладывают дорогу рационалистам и энциклопедистам XVIII в., своим злейшим врагам. Иезуиты берут даже под свое покровительство последователей Гассенди, этого французского предшественника Локка и основателя полуматериалистической школы во Франции. Благодаря этому покровительству, сочинения Гассенди не попали в знаменитый *Индекс*, т. е. список книг, запрещенных римской курией, тогда как в него были включены сочинения Декарта, правда, после того как они сделались известны всему свету. Особенно неприятен иезуитам был догматизм в философии Декарта. Эта философия начинала с сомнения, но нашедши однажды твердое основание в известном своем положении: *je pense, donc je suis**, которое принималось за неопровержимо-достоверную аксиому, она выводила дальнейшие свои положения с уверенностью математики и уже не допускала ни малейшего сомнения. Так как для иезуитов истина сама по себе была не целью, а только средством, то они не любили придавать ей характер неопровержимости. Они были скептиками как в нравственных понятиях, так и в философии. Их этика низводилась к казуистике, т. е. к искусству толковать нравственные истины сообразно с потребностями случая, и совершенно последовательно их метафизика оканчивалась скептицизмом. Картезианизм признавал врожденные идеи; между ними за первую и основную принималась идея о Боге; вследствие этого все остальные врожденные человеку идеи приобретали характер какой-то святости и несомненности; человеческий разум возвышался, ибо как бы происходил от божественного, и на истины, добытые им, падал отблеск вечной абсолютной истины. Иезуитам было весьма неловко в такой отвлеченной сфере, и они охотно становились на почву эмпиризма, допускавшего догадки и сомнения — орудие весьма удобное в руках ловких диалектиков.

Мы не станем говорить о многочисленных противниках Декарта в рядах иезуитов, а остановимся на человеке, который не принадлежал к самому ордену, но был тесно связан с ним и личными симпатиями, и общей враждой к Декарту: это — Гюе, епископ Авраншский, который для нас интересен своими отношениями к Лейбницу. Во время своей молодости Гюе был даже поклонником Декарта, но главный интерес его сосредоточивался на археологии классической и библейской. Еще молодым человеком он предпринял путешествие в Швецию, чтобы познакомиться с тамошними библиотеками и с учеными, которыми окружила себя королева Христина. Потом он был сделан учителем Дофина под

* Мыслью, следовательно, существую (*фр.*). — *Прим. пер.*

руководством Боссюэ и в это время положил начало знаменитому изданию классических писателей, известному под названием *in usum Delphini**. По окончании воспитания Дофина Гюе получил аббатство Оне (d'Aunay), а потом был сделан епископом Авраншским. Почти в 70 лет он оставил свою епархию, так как его должность отнимала слишком много времени у его любимых ученых занятий, и переселился в Париж к иезуитам, которым он завещал свою богатую библиотеку. Там он провел еще 20 лет, занимаясь наукой, и умер в 1721 г. на 91-м году своей жизни.

Епископ Авраншский оставил после себя много сочинений, которые очень ценились в свое время за их ученость, например «О местности, в которой находился рай», «История торговли и мореплавания у древних». Но еще больше славы доставили ему его полемические сочинения против философии Декарта. В своем «Осуждении (censure) картезианской философии» он старается опровергнуть учение Декарта и доказать, что он не сказал ничего нового, что все замечательное в его физике и метафизике заимствовано им у прежних философов — у Платона и Аристотеля, у Эпикура и Августина, у киренаиков и Ансельма Кентерберийского. В памфлете: «Nouveaux mémoires pour servir à l'histoire du Cartésianisme»** он старается подорвать авторитет Декарта самыми грубыми и не совсем остроумными насмешками. Он предполагает, что Декарт не умер в Швеции (сочинение написано почти 50 лет по смерти Декарта), но что ему надоело быть оракулом королевы Христины и всего рода человеческого и что он инкогнито удалился в Лапонию, где обучает мудрости молодых лапонцев, над легковерием и простотой которых он сам смеется.

В осуждении картезианизма епископ Авраншский становится, подобно своим друзьям иезуитам, на почву эмпиризма и скептицизма. Он хвалит Декарта за то, что он начал с последовательного сомнения (*le doute méthodique*), и порицает за то, что он не остановился на этом, а пришел к своему категорическому: *je pense, donc je suis*. Он обвиняет его за то, что он придает душе чисто духовное свойство, и приводит против него обыкновенные доказательства материалистов. Но вражда Авраншского епископа к Декарту протекла не из одного только скептицизма. Он — ученый археолог и дорожит поэтою историческими занятиями. Картезианцы же, имевшие притязание построить совершенно новую систему, относились с пренебрежением к изучению чужих мнений и вообще ко

* Для использования Дофином (лат.). — Прим. пер.

** Новые замечания к истории картезианства (фр.). — Прим. пер.

всем историческим занятиям. Им казалось, что они только обременяют память ненужными сведениями и ошибочными мнениями и таким образом приводят ум человека в заблуждение и мешают ему выйти на истинный путь размышления. У Декарта это пренебрежение к историческим занятиям вытекало из его философского метода. Он начинает свою философию с сомнения, находит нужным отрешиться от всех прежних своих мнений и убеждений как не вполне достоверных, останавливается только на положении: *je pense, donc je suis*, и уже на этом твердом основании строит новую систему. Но этот логический прием привел его и особенно его последователей к пренебрежению прежней философией, как схоластической, так и классической, а потом и вообще всеми историческими занятиями. Епископа Авраншского оскорбляла гордая и насмешливая поговорка картезианцев, что люди, развивающие свой разум, достойнее тех, которые развивают только свою память. Он видел в этом надменность, варварство и фанфаронство. В этом отношении он совершенно сходил с Лейбницем. Мы не знаем, каким образом Лейбниц познакомился с Гюе, но уже через год после своего приезда в Париж он получил от него приглашение участвовать в издании классиков *in usum Delphini*. Гюе просил его взять на себя издание такого классического писателя, для объяснения которого была необходима не только филологическая ученость, но и близкое знакомство с реальными науками, «для того чтобы сведения, переданные древними, пояснять открытиями современников». Всего более он желал, чтобы Лейбниц занялся Витрувием. Но Лейбниц отклонил это предложение, так как в это самое время Витрувием занимался известный филолог Вазелий, и остановился в выборе на Марциане Капелле, энциклопедическом писателе времен падения римской образованности. Лейбниц действительно приготовил к изданию отрывок из его сочинения и послал его к Гюе на обсуждение. В письме своем он выражается с обычной ему любезностью, которая иногда кажется преувеличенной, даже если принять в расчет манеру того времени. «Чего другого, — говорит он, — можете вы ожидать от немца, принадлежащего к народу, которому из всех способностей (*inter animi dotes*) дано одно только трудолюбие?» Но продолжения своего труда Лейбниц не представил, так как был слишком отвлечен математическими и физическими занятиями, которыми больше дорожил.

Мы видим, что Лейбниц стоял в близких отношениях не только к последователям и приверженцам Декарта, но и к противникам его. Когда вышло «Осуждение» епископа Авраншского, Лейбниц выражает ему свое сочувствие и предлагает ему на случай второго

издания прислать несколько любопытных замечаний (*des choses curieuses*), которые могут ему пригодиться. Некоторые из французских писателей упрекают за это Лейбница и обвиняют его в неблагодарности относительно картезианизма, которому он столь многим обязан¹. Кузен видит в этом даже неблагоприятное желание возвысить свой собственный авторитет за счет учения, подвергавшегося преследованиям со стороны правительства и церкви². Французские писатели, однако, не всегда смотрели так на Лейбница — его современник Фонтенель сказал гораздо справедливее о нем: он не знал зависти. Не изложив учения Лейбница, мы не имеем возможности точно определить, чем именно он обязан картезианизму и в чем состоят его собственные заслуги. Но мы укажем, как сам Лейбниц смотрел на философию Декарта и как он к ней относился, чтобы оправдать его от возведенного на него упрека. В своих сочинениях Лейбниц нередко говорит об ошибках и недостатках системы Декарта и его последователей. С особенным удовольствием упоминает он о том, что законы движения, выставленные Декартом, неверны, а что ему удалось открыть настоящие законы. Это удовольствие очень понятно. Лейбниц имел дело с системой, которая господствовала уже несколько десятилетий в науке и философии и в результаты которой тысячи современников верили со слепой покорностью. Эти поклонники ее смотрели враждебно на всякого, кто порицал ее или даже дерзал предложить вместо нее нечто лучшее. Ничто не производит такого неприятного и тягостного впечатления, как замкнутая школа, которая прикрывается авторитетом своего основателя и с высокомерием отвергает всякое улучшение или самостоятельное развитие принятой теории. Лейбниц был молодым человеком и непризнанным философом; ему стоило много труда, чтобы обратить внимание на существенные изменения, сделанные им в системе Декарта, важность которых долго оставалась незамеченной. В одном письме к Мальбраншу он говорит, что так как он начал размышлять, когда еще не был «проникнут картезианскими теориями» (*imbu des opinions cartésiennes*), то это дало ему возможность подойти другим путем к истине и открыть в ней другие стороны, подобно путешественнику, который оставляет торную дорогу, рискуя даже заблуд-

¹ *Cousin*. *Fragments de Philosophie Cartésienne*. P. 367—378.

² *Ibid.*: Il aimait passionnément la gloire, et puis il voulait être bien avec les puissances, et toutes celles du jour, religieuses et politiques, s'étaient déclarées contre Descartes (Он страстно любил славу, и к тому же стремился сохранять хорошие отношения с властями, а все они — и религиозные, и политические — в те времена объявили себя противниками Декарта (*фр.*). — *Прим. пер.*)

даться, и вследствие этого встречает предметы, неизвестные остальным путешественникам. Кузен замечает на это, что когда Лейбниц был в университете, картезианизм уже был известен во всей Европе, и что Лейбниц начал заниматься им очень рано. Конечно, если бы Лейбниц хотел сказать, что он был уже самостоятельным мыслителем, прежде чем познакомился с учением Декарта, то это было бы и высокомерно, и несправедливо; но он высказал только то, что он никогда не был настолько увлечен картезианизмом, чтобы утратить всякую самостоятельность. Происхождение и значение философии Лейбница, конечно, были бы непонятны без истории картезианизма. Система Лейбница вытекает так естественно из картезианизма, что она кажется только эпизодом в ее истории. Но изменения, сделанные Лейбницем в системе Декарта так существенны, что он пришел к совершенно противоположным результатам. Он хорошо сознает свою оригинальность, а потому, может быть, иногда слишком выставляет ее на вид в своей полемике с картезианцами, которые считают его только отступником от настоящего учения. Лейбниц всегда отдает самому Декарту полную справедливость и говорит о нем с большим уважением, но он постоянно высказывает, что его учение не есть последнее слово философии, и особенно любит выражение, что картезианизм есть преддверие к истине¹. Ему многое было антипа-

¹ Lettre à un ami s. le Cart // G. G. Leibniti Opera Philosophica Omnia / Ed. Erdmann. 1840. P. 123: «Il m'arriva un jour de dire, que le Cartésianisme en ce qu'il a de bon n'était que l'antichambre de la véritable philosophie. Un homme de la compagnie, qui fréquentait la Cour, qui avait de la lecture et qui se mêlait même de raisonner sur les sciences, poussa la figure jusqu'à l'allégorie et peut-être un peu trop loin; car il me demanda là dessus, si je ne croyois point, qu'on pourroit dire sur ce pied-là, que les anciens nous avaient fait monter l'escalier, que l'école des modernes était venue jusque dans l'antichambre, qu'il me souhaitait l'honneur de nous introduire dans le cabinet de la nature? Cette tirade de parallèles nous fit tous rire, et je lui dis: Vous voyez, Monsieur, que votre comparaison a réjoui la compagnie; mais vous ne vous êtes point souvenu, qu'il y a la chambre d'audience entre l'antichambre et le cabinet, et que ce sera assez, si nous obtenons audience, sans prétendre de pénétrer dans l'intérieur» (Письмо к другу... Пришла пора сказать, что картезианство, со всем что есть доброго в нем, осталось лишь преддверием к истинной философии. Как-то в компании один человек, часто бывавший при дворе, весьма начитанный и сам много размышлявший над науками, довел эту фигуру до аллегии, быть может, довольно-таки отдаленной; он спрашивал меня, не полагаю ли я, что с этой высшей точки зрения можно сказать, что древние помогли нам подняться по лестнице, что новая школа дошла до передней, что он удостоил меня чести вести нас в кабинеты природы? Эта череда сравнений всех нас рассмешила, и я ответил ему: «Вы видите, сударь, ваши параллели потешили общество; но Вы совсем забыли, что между передней и кабинетом есть еще и приемная, и что до-

тично в картезианизме — тот дуализм, который он вносил в мир своим резким противоположением души и материи, то механическое объяснение мироздания, которое необходимо вытекало из главного положения Декарта, что существенное свойство материи есть протяжение. Весь мир, по Декарту, представлялся громадной, чрезвычайно искусной, но мертвой машиной, пущенной в ход ее Творцом и бессознательно действующей. Все живое и органическое исчезало в ней и низводилось на степень бессознательных колес. Тут не было места ни Провидению, ни нравственной ответственности сознательных личностей, без которых немыслима человеческая история. Лейбницу было особенно неприятно антиисторическое направление картезианизма, его пренебрежение к отжившим мнениям и минувшим эпохам. Лейбниц готов был допустить механику и математику для объяснения неорганического мира, но он считал их недостаточными для понимания органических явлений природы и нравственных фактов человеческой истории.

Лейбниц еще до своей поездки в Париж был знаком с картезианизмом по сочинениям самого Декарта и его последователей. Жизнь же в Париже и личное знакомство со многими из них совершенно ввели его в сферу картезианских идей и воззрений. Мы видели, до какой степени в это время всех занимал картезианизм; в ученых заседаниях, в частных сходах, в салонах, чуть не на улице, с жаром обсуждались положения новой философии. Как далеко доходил этот интерес, доказывает нам один рассказ, сохраненный самим Лейбницем. Однажды он зашел в книжную лавку, где его не знали. Тогда только что вышла новая книга, опровержение Мальбраншева «Изыскания истины» (*Critique de la Recherche de la Vérité*). В магазине шел по поводу новой книги живой спор о философских предметах. Лейбниц вмешался в него и высказал самостоятельное мнение. Но присутствовавшим не понравилось то, что он говорил, и они слушали его с заметным пренебрежением. Маленький рост и неловкая фигура оратора не внушали им большого уважения. Книгопродавец даже смеялся над ним, а кто-то из других спросил его: разве он не знает различия между логикой и метафизикой? «Я сам начал хохотать, — говорит Лейбниц, — ибо я подумал, как смешно люди рассуждают и какое значение они придают мелочным внешностям, которые действуют на их воображение и ослепляют их ум». Вдруг входит автор книги — дижонский каноник аббат Фуше. Он был знаком с Лейбницем, ласково привет-

вольно с нас будет подождать аудиенции в приемной, не претендуя на то, чтобы пробраться во внутренние покои» (фр.). — *Прим. пер.*

ствовал его, стал ему говорить любезности и так расхвалил его достоинства, что привел присутствовавших в крайнее смущение. Тогда только они поняли, что имеют перед собой замечательного человека, и в их обращении с ним произошла такая перемена, что Лейбниц потом искренне смеялся своему торжеству¹.

Но пребывание в Париже представляло для Лейбница еще другую, более важную сторону. Оно дало ему давно желанную возможность познакомиться с современным состоянием математических и физических наук и многому научиться у знаменитых ученых, которые в то время находились в Париже. Между ними занимает первое место — и по своим ученым заслугам, и по влиянию, которое он имел на Лейбница, — известный астроном и математик Гюйгенс (Huyghens)². Он был 17 годами старше Лейбница и в это время уже пользовался славой первого математика. Еще молодым человеком Гюйгенс приобрел известность, открыв с помощью сделанного им самим телескопа первый спутник Сатурна. Впоследствии он же открыл кольца Сатурна. В 23 года Гюйгенс издал свое сочинение о применении математического расчета к азартным играм. Это было первое сочинение о теории вероятностей, так как относящиеся сюда труды Паскаля и Ферма не были еще обнародованы.

Вскоре после этого Гюйгенс сделал то знаменитое открытие, которое обессмертило его имя и имело такие важные последствия в науке и практической жизни, — применение маятника к часам. В продолжение нескольких лет он усовершенствовал свое открытие и развивал относящиеся сюда математические теории, наконец в 1673 г. издал свое знаменитое сочинение «*Horologium Oscillatorium*»*, которое он посвятил Людовику XIV. Гюйгенс происходил из знатной и богатой голландской фамилии; его брат, отец и дядя служили по дипломатии и занимали важные места при штатгальтерах Оранских, но любовь к науке заставила его отказаться от службы и отправиться во Францию. Когда была учреждена Французская академия наук, Кольбер обратил внимание короля на Гюйгенса, и он был первым из иностранных ученых, которым щедрость Людовика XIV обеспечила полный досуг для научных занятий. Ему была предложена значительная пенсия и квартира в королевской библио-

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. VIII: Und habe ich niehmals noch so sichtbarlich gemerket, was bei den Mensclien die Praeoccupation und das Ansehen vermöge (И иногда мне не было столь очевидно, куда людей могут завести предубеждения и склонность доверять внешнему виду (нем.). — Прим. пер.).

² Этот ученый в своих письмах к Лейбницу всегда подписывался Гугенс (Hugens).

* «Часовой маятник» (лат.). — Прим. пер.

теке, и в 1666 г. Гюйгенс поселился в Париже, который он оставлял только для поправки своего здоровья в родном климате Голландии, пока наконец расстроенное здоровье не заставило его в 1681 г. окончательно переселиться на родину, где он умер в 1695 г.

Лейбниц познакомился с ним тотчас по приезде в Париж и был совершенно им очарован; он говорит, что знакомство с Гюйгенсом открыло ему новый мир и что он сделался от этого совершенно новым человеком. Действительно, не говоря уже о том, что молодой Лейбниц был чрезвычайно многим обязан знаменитому математику, натуры этих двух ученых представляли очень много сходного. Лейбницу должно было чрезвычайно нравиться в Гюйгенсе это соединение теоретических способностей с практическим направлением, которое постоянно побуждало Гюйгенса применять теорию к практике и обогащать науку своими механическими снарядами.

Несмотря на всю точность ума Гюйгенса, мы встречаем и у него то живое воображение, не останавливающееся пред самыми смелыми и причудливыми гипотезами для объяснения явлений природы, которым отличаются все знаменитые математики-философы XVII в. Только это свойство делает понятной догматическую философию XVII в., представляющую в небывалом соединении строгую математическую науку с самой отвлеченной и произвольной метафизикой, — эти смелые системы, объясняющие все мироздание с помощью одной отвлеченной идеи — *турбильоны* Декарта, *монады* Лейбница. Ньютон был первый из великих математиков XVII в., который отказался от этого фантастического элемента в физических науках и который вследствие этого произвел в них переворот; под его руководством наука о природе сделалась вполне точной и положительной наукой и надолго распространилась с метафизикой.

Как мало еще в науке того времени отличали то, что доступно знанию (*scibile*), от недоступного, доказывает пример Гюйгенса, который в своем «*Cosmothéoros*» обсуждает с самой строгой, научной основательностью вопросы о том, покрыты ли планеты, подобно земле, растениями, и водятся ли на них животные, обитают ли на них разумные существа, и каковы их свойства, обычаи, законы и занятия? Для объяснения закона тяжести Гюйгенс предполагал существование особенной эфирной материи, которая окружает землю и вследствие быстрого движения сильно стремится к центру и производит давление на все остальные предметы в направлении к центру земного шара. На этой гипотезе Гюйгенс основывал также свое объяснение магнетизма и света. Мы видели, что Лейбниц еще в Майнце высказывал подобное мнение. Мы не знаем,

насколько Лейбниц тут заимствовал у Гюйгенса и насколько он был оригинален, но пример Гюйгенса показывает, что не один Лейбниц не хотел признать Ньютонова закона притяжения и что выставленная им гипотеза тогда не казалась столь невероятной, как в XIX в.

Кроме Гюйгенса Лейбниц познакомился в Париже с известным астрономом Джованни Доменико Кассини (Cassini), родоначальником семейства, которое в течение четырех поколений оказывало астрономии и математической географии самые важные услуги. Кассини был четырьмя годами старше Гюйгенса; он родился на границе Италии и Франции, в 25 лет уже занимал кафедру астрономии в Болонье и составил себе громкую славу, открыв спутники Юпитера и определив время, в которое Марс и Юпитер вращаются около своих осей. В 1673 г. Кольберу удалось переманить его во Францию, где он продолжал наблюдения Гюйгенса за Сатурном и открыл еще 4 спутника этой планеты. Лейбниц был в очень дружеских отношениях с обоими астрономами. Почти с детским удовольствием рассказывает он в одном письме к курфюрсту Майнцскому, как у них в Париже в шутку говорили, что душа Гюйгенса после его смерти будет пребывать на Сатурне, душа Галилея на Юпитере, а душа Кассини на Марсе.

Сам Лейбниц в это время всего более был занят устройством *самосчета*, над которым он трудился еще в Майнце. Такого рода снаряды были тогда в моде, от них ожидали громадной пользы для науки и практической жизни. Паскаль устроил самосчет, с помощью которого можно было механически производить сложение и вычитание. Лейбниц этим не удовлетворялся; он хотел, чтобы его снаряд производил также умножение и деление и даже извлечение квадратных и кубических корней. После многих не совсем удовлетворительных опытов ему наконец удалось устроить модель снаряда, который превзошел ожидания всех: посредством вращения колеса можно было на этом самосчете производить сложение и вычитание, умножение и деление самых крупных чисел (из 12 цифр). Этот самосчет обратил на себя всеобщее внимание, несмотря на то, как говорит Лейбниц, что в Париже ежедневно говорили о новых проектах и открытиях. Кольбер очень интересовался изобретением Лейбница, и последний надеялся, что его снаряд будет введен во все финансовые бюро. Из одного письма Лейбница мы узнаем, что в 1675 г. Кольбер действительно заказал три самосчета по модели Лейбница. Один предназначался для короля, другой для обсерватории, третий для самого Кольбера. Самосчеты эти, впрочем, требовали для своего устройства продолжительного

труда и обходились весьма дорого. Механик, которому они были заказаны, должен был получить за каждый 200 пистолей (733 талера). Были ли окончены эти самосчеты и какая была их дальнейшая судьба, об этом письма Лейбница ничего не говорят. Во всяком случае видно, что Лейбниц пользовался покровительством Кольбера.

Кольбер не получил высокого образования. Он не интересовался философскими проблемами, которые так волновали его современников. Один иезуитский автор, враждебный картезианизму, приписывает Кольберу следующий не совсем лестный для картезианцев отзыв. Когда ему советовали не учить сына схоластике, потому что она заключает в себе только нелепости и химеры, Кольбер будто бы возразил: «Мне говорили, что и в новой философии немало нелепостей (*fadaises*) и химер: итак, старая нелепость, новая нелепость (*folie ancienne, folie nouvelle*), уж если выбирать, то следует предпочесть старую новой». Впрочем, в этих словах гораздо более выражается скептицизм делового человека и недоверчивость вообще к отвлеченным теориям, чем нерасположение к картезианизму. Практическое направление Кольбера выражается в том, что он покровительствовал Дюгамелю, первому секретарю Академии наук, который старался привести в согласие древнюю философию с новой, Платона с Аристотелем и схоластикой и составить курс философии, удобный для употребления в школах (*Philosophia vetus et nova ad usum scholae accomodata**). О Кольбере рассказывают, что он плохо знал по-латыни и потому взял к себе в дом аббата Галлуа, которого он возил с собой, когда ездил к королю в Версаль, для того чтобы у него учиться этому языку.

Но Кольбер более чем кто-либо понимал важность науки и умел ценить ученых и научные учреждения. Франция преимущественно ему обязана высоким и быстрым развитием всех наук в царствование Людовика XIV. Кольбера можно считать учредителем Академии надписей, первые члены которой собирались у него на дому. В 1664 г. он учредил Академию художеств, а через 2 года Академию математических и физических наук. Он основал Французскую академию художеств в Риме, обогатил королевскую библиотеку и античный кабинет, построил обсерваторию; под его надзором и руководством был отстроен Лувр. Он приглашал во Францию знаменитых художников и ученых и от имени короля выдавал пенсии и пособия 60 ученым, между которыми было 45 французов и 15 иностранцев.

* Философия старая и новая, приспособленная к преподаванию в школах (лат.). — *Прим. пер.*

Лейбниц бывал в доме Кольбера. Он был очень близок с аббатом Галлуа, который жил у Кольбера и пользовался его особенным расположением. Галлуа был одним из основателей «Журнала для ученых» (*Journal des Savants*) и с 1666 по 1674 г., по поручению Кольбера, его редактором. Он был также членом Академии наук и Французской академии. Лейбниц называет его чрезвычайно самолюбивым и упрямым. Галлуа доказал это тем, что впоследствии сделался одним из самых упорных противников дифференциального исчисления. Лейбницу остался особенно памятен один день, когда он отправился к Кольберу, сопровождая туда герцога Шеврёза, зятя Кольбера и сына знаменитой и блестящей интриганки времен Ришелье и Фронды. Они встретили там Галлуа и младшего брата Кольбера, известного под именем маркиза де Кроасси, который впоследствии стал министром иностранных дел. Теперь он готовился к отъезду в Нимвеген в качестве уполномоченного Франции для переговоров о мире. Лейбниц был очень удивлен, что Галлуа старался сместить младшего Кольбера, и ему казалось недостойным такого ученого человека добиваться почти пошлыми остротами расположения людей сильных. Лейбниц прибавляет как бы в оправдание, что и старший Кольбер часто потешал себя болтовней аббата, когда хотел отдохнуть от трудов своего министерства.

В бумагах Лейбница найдены черновики двух писем к французскому министру. На первом число не обозначено: оно, вероятно, написано в 1675 г. Лейбниц говорит о великих услугах, которые Кольбер оказал науке и цивилизации. Великие открытия и изобретения, которые сделаны под его покровительством, принадлежат всем временам и всем нациям. «Персидский шах придет в изумление от действия оптических стекол, и китайский мандарин будет в восторге, когда поймет непогрешимость миссионера-математика. Эти народы убедятся, что разум человеческий исходит от божественного и что Божество предпочтительно открывается христианам». Лейбниц извещает министра, что он сообщил Королевской академии два открытия: первое, сделанное одним химиком и усовершенствованное Лейбницем, заключается в изготовлении какого-то постоянного света; второе состоит в точном определении цифрами отношения круга к квадрату — проблема, над разрешением которой тщетно трудились со времени Архимеда¹. Потом Лейбниц говорит министру о своих занятиях

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. III. P. 212: La véritable proportion telle qu'elle est en nombres effables entre le cercle et son quarré, qu'on a cherchée depuis Archimède jusqu'à nous et que j'ai trouvée et démontrée (Истинная пропорция между

минералогией и палеонтологией и присылает ему в подарок камень, интересный в палеонтологическом отношении. Второе письмо — от 11 января 1676 г. Лейбниц просит в нем министра, в чрезвычайно вежливых и благородных выражениях, нельзя ли его принять в число ученых, получающих пенсии от французского правительства. Из одного письма, написанного Лейбницем из Ганновера, мы узнаем, что Лейбниц мог надеяться на успех и что только болезнь Кольбера остановила дело. А в это время настойчивые требования герцога Ганноверского, приглашавшего Лейбница к себе и желавшего получить решительный ответ, заставили его отказаться от своего намерения, несмотря на доброе расположение к нему герцога Шеврёза, Галлуа и самого Кольбера¹.

Мы зашли несколько вперед в нашем рассказе, чтобы объяснить отношения Лейбница к Кольберу. Из писем Лейбница, которые мы привели, видно, что он желал приобрести в Париже твердое и обеспеченное положение. Он был вынужден к этому, потому что его прежние отношения к Майнцскому двору расстроились вследствие смерти Бойнебурга и курфюрста. Бойнебург хотел ехать в Париж вслед за Лейбницем, чтобы выхлопотать себе возвращение пенсии и привезти в Париж своего сына, 16-летнего юношу, который должен был там окончить свое образование. Но война и занятие курфюршества прусскими войсками его остановили. Вместо него осенью 1672 г. прибыл в Париж обермаршал Шёнборн, племянник курфюрста и зять Бойнебурга, как чрезвычайный посол курфюрста, чтобы предложить Людовику XIV посредничество германского сейма в голландской войне. Он привез с собой молодого Бойнебурга, который, по желанию отца, должен был заниматься в Париже под руководством Лейбница. Но в декабре того же года Бойнебург-отец неожиданно умер. Для Лейбница это была большая потеря. В течение 6 лет он пользовался его руководством, и Бойнебург относился к нему как искренний друг, несмотря на неравенство лет и положений. В письме к вдове умершего Лейбниц выражает ей свое участие и старается утешить ее, напоминая ей о славе покойного мужа. «Смерть тех, — говорит он, — оставляет нас без утешения, память о которых погибает вместе с ними; но те, которые продолжают жить незабвенной славой, блаженны, когда бы они ни умирали. Для себя они никогда не

кругом и его квадратом, существующая и выразимая в числах, которую искали со времен Архимеда и которую я нашел и доказал (*фр.*) — *Прим. пер.*)

¹ *Ibid.* IV. P. XXIV.

умирают слишком рано, ибо достигли того, чего может желать благоразумный человек. Для своих же и для общества они всегда умирают слишком рано, хотя бы прожили целый век».

Обермаршал имел еще поручение к союзнику Людовика, к Карлу II, и отправился в Англию. Лейбниц должен был сопровождать посольство, и таким образом ему удалось посетить Лондон и завести знакомство со многими учеными, которых он знал прежде только по имени. В Лондоне его настигла другая, не менее печальная для него весть — о смерти курфюрста Майнцского, который умер также неожиданно 12 февраля 1673 г. Лейбниц возвратился в Париж; там оставался молодой Бойнебург, мать которого уполномочила Лейбница хлопотать о возобновлении пенсии, обещанной покойному мужу французским правительством, и о продолжении, в уплату прежнего долга, ежегодной выдачи 1000 талеров с Ретельской домены. В то же время она просила Лейбница руководить занятиями сына. Лейбниц серьезно принял исполнять это поручение. Он читал с молодым человеком сочинения лучших юристов и публицистов и заставлял его делать извлечения из них. Он составил тщательную программу для его занятий, так как молодой Бойнебург брал уроки и у других учителей. Но молодой барон неохотно слушался его. Он предпочитал телесные упражнения (*Fatiguen des Leibes*) умственным занятиям (*Studen des Gemüths*), не делал визитов к знакомым отца, куда Лейбниц его посылал, и хотел поступить в одну из *академий*, где воспитывались сыновья знатных фамилий. Его манило туда веселое товарищество и разгульная жизнь, которую вели там молодые люди.

У Лейбница были еще другие неприятности. Пока молодой Бойнебург находился в Париже, Лейбниц жил у него и таким образом был в известном отношении обеспечен, хотя не получал никакого денежного вознаграждения за свои труды. Вдруг у него потребовали возвращения тех 100 талеров, которые Бойнебург дал ему заимообразно, когда он отправился в Париж. Это чрезвычайно огорчило Лейбница. В его бумагах найдены две записки, составленные им по этому поводу, в которых он вычисляет все услуги, оказанные им барону без всякого вознаграждения, доказывает, что те 100 талеров он обязался возвратить только в случае, если его план будет иметь успех, и требует себе вознаграждения за свои труды по делам баронессы и по воспитанию ее сына. Мы не знаем, какая из этих записок, из которых одна написана весьма резко, действительно была отправлена и чем кончилось дело, но вскоре после этого последовало охлаждение и разрыв между семейством Бойнебурга и Лейбницем.

Лейбницу хотелось оставаться в Париже в звании дипломатического агента курфюрста Майнцского. Это дало бы ему возможность продолжать его научные занятия, не покидая майнцской службы. Он обратился с этой просьбой к преемнику курфюрста, бывшему епископу Шпейерскому, К. Г. фон Бейльштейн-Меттерниху, через посредство обермаршала Шёнборна, его родственника. Новый курфюрст хорошо знал Лейбница и был к нему расположен, но не мог или не хотел ничего для него сделать. Шёнборн ответил ему 5 мая 1673 г., что он не мог исполнить желание Лейбница и доставить ему дипломатическое поручение, но что курфюрст позволяет ему оставаться в Париже с зачислением на майнцскую службу.

В 1675 г. Лейбниц снова обратился к курфюрсту и к Шёнборну с просьбой сколько-нибудь обеспечить его шаткое положение в Париже. Но время было еще неудобное для такой просьбы. Война в Германии еще более истощила скудную казну курфюрста. «Мне кажется, — отвечал ему Шёнборн, — в настоящее время можно сказать, что щедрость князей *не превышает* разорения их государств»¹. Это было в начале 1676 г. Лейбниц после этого не мог уже иметь никакой надежды на своих прежних майнцских друзей и должен был приискивать новый способ существования.

У Лейбница были разные планы, и он получал предложения с различных сторон. Он питал большую преданность к императорскому дому Габсбургов и охотно переселился бы в Вену. На это указывает его переписка с Линкером фон Луценвиком, Трирским советником, который имел связи в Вене. Линкер радуется намерению Лейбница написать биографию Бойнебурга; он говорит, что никто не мог бы выполнить этой задачи с таким успехом, как Лейбниц, и умоляет его «сделаться Тацитом этого нового Агриколы». В другом письме из Вены 1673 г. Линкер высказывает желание, чтобы Лейбниц сделался императорским историографом и написал биографию Леопольда, ибо «он гораздо больше содействовал бы славе императора, чем Гвальдус и Ламбеций, пользующиеся его милостями». Но эта переписка не привела ни к какому результату.

Другое предложение было сделано Лейбницу через Габбеуса фон Лихтенштерна, датского резидента в Гамбурге, который был прежде шведским дипломатическим агентом при Рейнских князьях и познакомился с Лейбницем в Майнце. Габбеус предложил Лейбницу место секретаря у датского первого министра графа Гюлденлёве, с 400 талерами жалованья, квартирой и столом у гра-

¹ La libéralité des princes n'excède pas la ruine de leurs états (Ibid. P. 53).

фа. Лейбниц нашел это предложение выгодным, но говорит, что он ищет не денег и развлечения, а такого занятия, которое давало бы пищу уму и возможность сделать что-нибудь полезное. Он пишет, что ему необходимо иметь полное доверие графа, так как он не привык подчиняться различным политическим капризам важных господ. Лейбниц признается, что за ним есть недостаток, недопустимый в свете, — он часто не соблюдает этикета и не производит слишком выгодного впечатления с первого раза. «Если, — говорит он, — всему этому придадут там большое значение, чего я, впрочем, не думаю, если там необходимо много пить, чтобы прослыть дельным человеком, то я туда не гожусь, как вы сами согласитесь»¹.

Переписка Лейбница с Габбеусом интересна еще тем, что знакомит нас с новой стороной его деятельности в Париже. Его занятия были самые разнообразные: он читал исторические памятники в архиве и библиотеках; писал, как мы увидим, юридические исследования; следил деятельно за политикой; занимался чрезвычайно усердно, особенно после лондонской поездки, высшей математикой, и при всем этом имел время следить за фабричной промышленностью, за всеми усовершенствованиями ремесел и искусств, которые в это время быстро развивались во Франции благодаря покровительству Кольбера. Для этого он заводил знакомства с простыми ремесленниками, стараясь усвоить себе их приемы и узнать от них секреты их ремесла. «Если бы, — говорит он, — у меня было больше денег, я сделал бы гораздо больше успехов». Он предлагает датскому министру вывести с собой из Парижа искусных ремесленников и фабричных, которые могли бы перенести в Данию свое искусство и открыть таким образом новые источники дохода в этой стране.

Предложение переселиться в Данию, однако, не состоялось. Лейбниц одно время думал навсегда остаться во Франции, где его любознательность постоянно находила новую пищу. Как он привязался к Франции, видно из одного письма к Габбеусу, написанного в начале 1676 г. «Что касается меня, — говорит Лейбниц, — я буду амфибией, то во Франции, то в Германии, пока не найду случая где-нибудь выгодно поселиться (*me fixer avantageusement*)».

Во Франции в это время большая часть административных и судебных должностей продавались в пользу казны. При хорошей протекции можно было за не слишком большую сумму достать такое место, которое обеспечивало известный пожизненный доход и

¹ Ibid. III. P. 227: Je confesse... de manquer souventes fois aux cérémonies... s'il faut boire pour se faire valoir...

не требовало слишком много трудов. Лейбниц имел в виду достать себе одно из подобных мест; какое именно это было место, мы не знаем, но из письма Лейбница к одному из его родственников¹ видно, что он его считал очень выгодным. Оно давало ежегодно до 800 талеров, в мирное время до 1000, и Лейбниц надеялся, что будет иметь возможность еще более увеличить эту сумму. Оно было почетно, могло быть занято лютеранином, не ставило его во враждебное отношение к его отечеству, не требовало усиленных трудов и большой ответственности, позволяло ему предпринимать время от времени путешествия и всегда могло быть опять продано. Хотя для покупки этого места нужно было иметь несколько тысяч талеров, но друзья Лейбница хлопотали за него, чтобы ему рассрочили уплату, и собрали даже большую часть необходимых денег. Ему предоставляло только несколько сот талеров. Он обратился за этими деньгами к своим родственникам в Германии. Его отношения с этими родственниками очень трогательны. Их письма, особенно письма сестры Лейбница, наполнены упреками за то, что он покинул отечество, и опасениями за его веру. Сестра пишет ему в Майнц, что, по слухам, оттуда хотят изгнать всех лютеран и евреев; она просит его быть осторожным и боится, чтобы его не отравили. «И в лютеранской земле много добрых людей, и Бог его не оставит». Лейбниц успокаивает их, что, хотя бы он считал римскую веру истинной или неопасной (*ungefährlich*), он никогда не принял бы ее, если бы это было сопряжено с какой-нибудь выгодой.

Лейбниц имел полное право просить у своих родственников денег, так как его семейство должно было получить с саксонского правительства в уплату старого долга весьма значительную сумму, часть которой принадлежала Лейбницу. Еще в 1682 г. он уполномочивает своего брата взыскать с веймарского правительства следующую ему часть иска — 600 гульденов. Один из родственников Лейбница выслал ему 336 талеров заимообразно; но его план купить себе место не состоялся, неизвестно, по недостатку денег или по другой причине.

Впрочем, Лейбниц не находился в бедственном положении в Париже. Он сам говорит в письме к родственнику, что «с помощью благословения Божия и своими трудами собрал немного денег». Он зарабатывал деньги тем, что составлял «Записки» (*Denkschriften*) и юридические акты для различных лиц. В письме к Ольденбургу, секретарю Лондонского Королевского общества, Лейбниц жалуется, что эти работы отнимают у него много времени и не

¹ Ibid. P. XX. An Aegidius Strauch. 20 Oct. 1675 г.

дают заняться, как бы хотелось, математикой и физическими опытами. Одна из таких работ была вызвана делом герцога Христиана Мекленбургского. Этот герцог был сначала женат на своей двоюродной сестре; затем принял католичество и выхлопотал у папы расторжение брака под предлогом близкого родства. После этого он женился в Париже на вдове герцога Колиньи. Однако и вторая жена ему надоела, и он теперь хлопотал в Париже, чтобы и этот брак был расторгнут. Он просил Лейбница быть его адвокатом, и Лейбниц составил для него на латинском и французском языках несколько записок, которые все отличаются строгой логичностью доказательств и ясностью выводов¹. Математический метод принес свою пользу. Лейбниц доказывает, что второй брак незаконен, так как первый брак был вполне законен и поэтому не мог быть расторгнут папой. Католическая церковь сама избавляет протестантов от многих правил, которым она подчиняет католиков. Браки протестантов в запрещенных у католиков степенях родства вполне законны и без разрешения (*dispensus*) папы, так как протестанты не имеют возможности получить этого разрешения. Наконец, государственная власть в Германии, которая заключается в императоре и сейме, избавила протестантов от обязанности искать разрешения папы. Каждое из этих положений подтверждается в свою очередь многими фактическими и юридическими доказательствами. В заключение Лейбниц приводит из истории французской юридической практики различные случаи, доказывающие, что гражданское законодательство в брачных делах не подчиняется во Франции постановлениям канонического права и что права, которыми пользуются французские протестанты, во всяком случае должны быть распространены и на немецких. Лейбниц должен был за свой труд получить 60 луидоров, но, кажется, его обманули: по крайней мере в письме к одному из приближенных герцога он жалуется, что ему дали только 24, и требует остального.

Наконец, судьба Лейбница решилась, и он вступил в отношения, которые уже не разрывались до самой его смерти. Еще когда Лейбниц был в Майнце, Габбеус обратил на него внимание Иоганна-Фридриха, герцога Ганноверского, одного из самых просвещенных и любознательных государей своего времени. Проездом через Майнц в 1669 г. герцог познакомился с Лейбницем, принял большое участие в его занятиях и просил его сообщать ему обо всех его трудах и открытиях в науке. Письма Лейбница к герцогу

¹ Ibid. De Matrimoniorum Principum Germaniae Protestantium... validitate Leibnitii dissertatio. P. 113—209.

составляют одну из самых интересных частей его громадной переписки и дают представление о ходе его занятий в Майнце и Париже, о развитии его философских идей и о различных планах и проектах, которыми постоянно была наполнена голова молодого ученого. Бойнебургу очень хотелось пристроить его в Ганновер, и он говорил об этом герцогу. Герцог с удовольствием согласился принять Лейбница к себе на службу, но, вероятно, поездка последнего в Париж помешала делу. По смерти Бойнебурга герцог возобновил свое предложение; он обещал Лейбницу чин советника и 400 талеров ежегодно. Мы не знаем, почему Лейбниц не принял предложения. Вероятно, ему еще не хотелось оставлять Париж и бросить начатые там занятия. Может быть, его останавливала война и вражда политических партий в Германии. Он говорит об этом в письме к своему родственнику Штрауху. «Между тем, Бог даст, — пишет Лейбниц, — пройдет и война, во время которой я боюсь в Германии выступить на общественное поприще¹, так как в случае ее продолжения в империи могут произойти большие перемены, и потом один будет обвинять другого. В этих случаях всегда прав — победитель; те же, которые в такое время имеют в виду справедливость, приискывают какой-нибудь выход и не хотят слепо следовать всему тому, что предлагают горячие головы из той или другой партии, подвергаются опасности с обеих сторон. Если приобретешь милость какого-нибудь государя, то она непрочна, потому что он может умереть, и часто приходится отвечать перед его преемником, чему я видел немало примеров. Да и государи сами изменчивы, и часто невинный человек приносится в жертву их непостоянству, чему я также мог бы привести примеры. Поэтому лучше оставить Германию, пока не восстановится в ней мир». После этого, как кажется, переписка между Лейбницем и герцогом прервалась на некоторое время. Она возобновилась в 1675 г. и с ней предложение поселиться в Ганновере. Лейбниц смотрел на него теперь благосклоннее, ему надоело его необеспеченное положение. Лейбницу не нравилась деятельность профессора; целью его было найти себе такое положение, которое оставляло бы ему как можно более досуга для его научных занятий, давало бы средства производить научные опыты в больших размерах и возможность путешествовать, видаться с замечательными людьми, заниматься политикой и жить постоянно в кругу людей образованных, светских и влиятельных. Такое положение он мог найти только при дворе какого-нибудь государя. Мы не хотим отрицать, чтобы

¹ Ibid. P. XXIII: Mich in publicis brauchen zu lassen...

в этом желании вовсе не участвовало самолюбие, но во всяком случае самолюбие великого человека, которому нужна обширная и плодотворная деятельность. Не следует забывать, что в то время общество не имело ни малейшего влияния; все исходило от государей, особенно в Германии, где их было так много. Всякий материальный и научный прогресс зависел от их доброй воли; только они имели средства покровительствовать науке и применять к жизни ее результаты. Этим объясняется тот *культ* государей, которым отличалась эпоха Людовика XIV. Лейбниц был совершенно проникнут убеждением, что без содействия государей ничего нельзя сделать, и в его сочинениях мы часто встречаем восторженный взгляд на задачу и положение великого государя. «Великие государи, — говорит он, — число которых так невелико, мне кажутся достойными совершенно особенного *служения* (d'un culte tout-à-fait particulier); им следует оказывать не только почитание (*vénération*), но еще особенную преданность (*une certaine tendresse*). Так как от них можно ожидать противодействия общественному злу и так как они самое могущественное орудие Божеской милости (*bonté divine*), то они по необходимости любимы всеми бескорыстными людьми, которые ищут своего счастья только в общественном благоденствии и которые никогда не перестанут воссылать мольбы за сохранение таких государей, хотя они от них ничего для себя лично не ожидают». Мы взяли это место из письма Лейбница к герцогу Ганноверскому; такой язык может показаться странным в XIX в., но можно указать много мест из сочинений Лейбница и его писем к частным людям, в которых он говорит тем же самым языком. В его словах не следует видеть лести; в письмах к тому же герцогу он говорит языком человека чрезвычайно благородного и независимого. «Все, что дается людям моего характера (*de mon humeur*), которые употребляют это только на общепользные цели, скорее дается заимообразно, чем в дар»¹. В другом месте он говорит: «Я никогда не действовал из корыстолюбия. Все честолюбие мое заключалось только в том, чтобы найти великого государя (*un grand Prince*), который был бы развит и просвещен более обыкновенного, и я думал, что нет ничего столь благородного и прекрасного (*si noble ny de si beau*) в человеческом мире, как великая мудрость, соединенная с могуществом».

Лейбниц решил принять место библиотекаря у герцога с чинном советника и на прежних условиях. Но ему не хотелось так

¹ Ibid. P. 275: Est plustot presté que donnéé. Далее p. 285 и p. 191. Correspondenz v. Leibnitz mit. d. Herzoge. I. Fr. v. Br. L. P. 239—305.

скоро покинуть Париж. Наследники Паскаля передали Лейбницу на рассмотрение бумаги Паскаля и просили издать его сочинение о конических сечениях. Аббат Гравель, отправлявшийся в качестве французского уполномоченного в Маршиен-сюр-Самбр для дипломатических переговоров, предлагал Лейбницу сопровождать его. Лейбниц очень любил политику, и ему хотелось ехать с Гравелем. Но герцог торопил его. Наконец, осенью 1676 г. Лейбниц покинул Париж навсегда. Он отправился в Ганновер через Англию и Голландию; в Лондоне ему хотелось повидаться с его учеными друзьями, с которыми он познакомился во время своего первого путешествия в Англию.

Мы видели, что это путешествие было совершено им в начале 1673 г. в свите майнцкого посольства. Англия в это время особенно привлекала его славой своих замечательных математиков и химиков, местом сбора которых было незадолго перед тем учрежденное Лондонское Королевское общество наук. Лейбниц еще в Майнце вступил в переписку с Ольденбургом, своим соотечественником, секретарем общества. Теперь Лейбниц познакомился с ним лично и через него с некоторыми другими членами общества. Среди них был знаменитый химик Бойль. Однажды Лейбниц встретился у него с математиком Пеллем и сообщил ему одно из своих математических открытий. Пелль заметил ему, что это открытие уже прежде было сделано французским ученым Реньо и описано в вышедшей в 1670 г. книге Мутона «*Observationes diametragum solis*» etc. Лейбниц достал книгу и убедился, что французский ученый опередил его; но он нашел, к своему утешению, что его формула была полнее и сохраняла свою оригинальность и после сличения с прежней. Чтобы оправдать себя в глазах своих новых друзей, он составил об этом особую записку и передал ее Ольденбургу. По возвращении в Париж Лейбниц возобновил ученую переписку с Ольденбургом, которая не прерывалась до смерти последнего в 1677 г. Через Ольденбурга Лейбниц завел переписку с математиком Коллинсом. Коллинс был в близких отношениях с Ньютоном и другими современными учеными, которые по обычаю того времени извещали его о ходе своих занятий и о сделанных ими открытиях. Поэтому в его руках находилось много интересных писем и рукописных сочинений и между ними несколько писем и статей Ньютона, чрезвычайно важных в истории математических наук. С Ньютоном Лейбниц не успел познакомиться в Лондоне, так как тот жил в Кембридже, но и с ним завел переписку в 1676 г. через посредство Ольденбурга, незадолго перед своей второй поездкой в Лондон.

Эти поездки в Лондон и эта переписка с Ольденбургом, Коллинсом и Ньютоном играют весьма важную роль в жизни Лейбница и находятся в связи с самым славным и счастливым событием его жизни — изобретением дифференциального исчисления. Во время своего четырехлетнего пребывания в Париже Лейбниц усердно занимался математикой, и самой лучшей наградой, самым блестящим результатом этих занятий было это знаменитое изобретение, которое доставило ему славу одного из величайших математиков в мире. Но как часто бывает в жизни, лучшая заслуга Лейбница перед наукой послужила для него источником неприятностей, которые отравили ему последние годы его жизни, помрачили ясность его благородного характера и навлекли на него оскорбительные упреки и клевету, вполне опровергнутые только в XIX в. К удовольствию, которое должно было доставлять ему его высокое изобретение, примешалась горечь бесконечного спора с Ньютоном и его приверженцами о том, кто был *первым* изобретателем дифференциального исчисления.

Но не только для самих изобретателей, а и для всего потомства этот спор представляет очень неприятную сторону. Он напоминает, что в людских делах самые великие подвиги не бывают свободны от примеси человеческой слабости и что самые гениальные таланты не умеют возвышаться над самолюбием и раздражительностью. Биографы Ньютона и Лейбница охотно бы опустили из жизнеописания их рассказ об этом споре; но это невозможно, потому что он обратил на себя еще при жизни их слишком большое внимание и навлек на них упреки, которые нельзя оставить неразъясненными. Мы в настоящем случае не можем присвоить себе права суда относительно ученой стороны дела и должны ссылаться на авторитет специалистов; но весь этот вопрос теперь так разъяснен, что читатель может составить себе понятие о нем, и не входя в научные подробности¹.

¹ Для читателей, желающих познакомиться с научной стороной спора, мы укажем на следующие источники. С англ. стороны: *Brewster D. Memoirs of the Life, Writings and Discoveries of S. J. Newton*. 2. VII. 1855 (Переделка изд. 1831 г.). Главы XIV, XV и XXII. С немецкой стороны: *Gerhardt. Die Entdeckung der Differentialrechnung durch Leibnitz*. Halle, 1848; Введение к его изданию математических сочинений Лейбница: *Leibnizens Ges. W. her. v. Pertz. III Folge: Mathem. Schriften*. B. I. 1849; *Cantor. War Leibnitz ein Plagiator? // Sybels Histor. Zeitschr.* 1863. III; Замеч. Гергарда: *Ibid.* 1864. I. С французской стороны: статьи *Biot Leibnitz* и *Newton // Biographie Universelle*; Предисловие к сочинению Бертрана: *Traité de Calcul Différentiel et de Calcul Intégral*. Paris, 1864.

XVII век был эпохой замечательного развития математических наук. Они возбуждали к себе всеобщий интерес и занимали самые лучшие умы. В Англии, во Франции и в Италии одновременно трудились над разрешением математических проблем, и ученые этих стран были между собой в деятельной переписке, чтобы сообщать друг другу достигнутые результаты и ободрять себя взаимными успехами. Особенное внимание обращали на себя те математические исследования, венцом которых было изобретение дифференциального исчисления. С разных сторон подходили к великой цели. Труды Кавалери и Риччи в Италии, Ферма и Роберваля во Франции, Гюйгенса, Гудде и Слюза в Голландии, Валлиса и Барроу в Англии постепенно подготавливали окончательный результат. В трудах их недоставало общего метода, недоставало, так сказать, последнего слова, которое бы всем раскрыло глаза, озарило светом пройденный путь и показало цель, к которой все приближались как бы ошупью. Это последнее слово было у всех на устах; изобретение дифференциального исчисления чуялось, так сказать, в воздухе. При этом положении дела понятно, что окончательный результат мог быть одновременно достигнут в разных местах. Такие случаи были нередки в то время. История математических наук в XVII в. исполнена рассказами о спорах между учеными по поводу *первенства* того или другого изобретателя. Мы видели, что с Лейбницем в Лондоне был подобный случай. Лейбниц ничего не знал о том, что его открытие было уже сделано другим. При тогдашней неразвитости книжной торговли, при медленности сообщений, литературные новости, которые в XIX в. в несколько недель распространяются по всей Европе, оставались долго неизвестными на самом близком расстоянии. Особенно много подобных споров пришлось пережить Ньютону вследствие множества сделанных им открытий и изобретений. Почти каждый раз, когда он выступал с каким-нибудь новым открытием, ему приходилось отстаивать свои права против какого-нибудь соперника, который хотел разделить с ним его славу. Этими соперниками не всегда можно было пренебрегать; иногда между ними были люди, заслуживающие полного доверия и вполне способные к достижению серьезных результатов. Но Ньютон всегда имел перед ними то громадное преимущество, что всякий охотнее приписывал ему новое открытие, так как его авторитет стоял выше всяких сомнений, а заслуги его были так велики, что новое открытие, кажется, немного прибавляло к его славе, тогда как для его соперника оно составляло жизненный вопрос, результат долголетних, темных трудов.

Нельзя также сказать, чтобы Ньютон во всех этих спорах вел себя так, как могло бы желать сочувствующее ему потомство. Он как будто не доверял своей славе и выказывал в своих литературных спорах чрезмерную нетерпимость и раздражительность. Этот гениальный человек отличался в частной жизни замечательной, совершенно искренней скромностью. В высшей степени трогательны слова, приписываемые ему в конце его славной, столь плодотворной для человечества жизни: «Я не знаю, каков я кажусь людям: себе же самому я кажусь мальчиком, который играет на берегу морском и тешится тем, что находит то гладкий камешек, то раковину более красивую, чем обыкновенно, тогда как необъятный океан истины простирается перед ним неизведанный». При этой скромности раздраженное самолюбие его в литературных спорах за первенство кажется противоречием. Но такие противоречия нередки в жизни, и немаловажное влияние имели в этом лень и подстрекательства его друзей и поклонников.

Нужно иметь в виду эти два обстоятельства, характеризующие эпоху: одновременное и независимое исследование научных проблем, приводящих к общей цели, и частые споры за первенство в изобретении, чтобы не считать спор между Лейбницем и Ньютоном исключительным явлением и оставить себе о нем настоящее понятие. В 1669 г. Ньютон, которому тогда было только 27 лет, но который с детства занимался своей наукой, написал сочинение, заключающее в себе основание нового математического метода. Он не напечатал этого сочинения и переслал его своему учителю и другу Барроу, который показал его Коллинсу. Последний снял с него копию и отослал оригинал Ньютону. Это было в обычае того времени; ученые не спешили с обнародованием своих трудов, иногда, может быть, и в тех видах, чтобы другие не воспользовались ими, прежде чем они сами извлекут из них всю пользу для своих дальнейших исследований. В таких случаях эти труды сообщались только самым близким друзьям или отдавались на хранение в ученые общества; иногда даже сущность труда, главная формула, скрывалась под загадочной формой анаграммы. В 1672 г. Ньютон написал Коллинсу письмо, которое могло служить дополнением к первому его сочинению.

Лейбниц был в переписке с Ольденбургом и сообщал ему о своих занятиях. Часто он подчеркивал слова «сообщаю вам», если он желал, чтобы Ольденбург хранил в тайне то или другое известие о добытых им результатах. Переписка между Ольденбургом и Лейбницем издана в 1849 г.: она составляет один из самых важных документов в истории знаменитого спора. Из нее видно,

что исследования Лейбница происходили совершенно независимо от результатов, добытых Ньютоном, и что Лейбниц шел к общей цели совершенно иным путем. Из этой переписки, кроме того, видно, что Лейбниц не был знаком с Коллинсом во время своей первой поездки в Лондон и не мог получить от него рукописного сочинения Ньютона, что Лейбниц вообще ничего не знал о содержании этого сочинения. Летом 1674 г. Лейбниц сообщает Ольденбургу об одном важном результате, которого он достиг. Ольденбург в ответ на это извещает его в декабре, что Ньютон сделал прежде то же самое открытие. Лейбниц продолжал свои занятия и в конце 1675 г. изобрел интегральное исчисление, а в половине 1676 г. окончил свое изобретение дифференциалов.

Между тем Ольденбург обратил внимание Ньютона на успехи Лейбница, и это было поводом, что Ньютон написал через него Лейбницу письмо, в котором, между прочим, сообщил ему свой знаменитый *бином*. Ольденбург отправил его 26 июля и при этом в первый раз упомянул о письме Ньютона к Коллинсу от 10 декабря 1672 г., но в выражениях, доказывающих, что Лейбниц ничего не знал о его содержании. Лейбниц ответил Ньютону 27 августа и сообщил ему изобретенное им дифференциальное исчисление, но в таких темных выражениях, что только человек, знакомый с делом, мог бы понять, в чем оно заключается.

Несколько недель спустя Лейбниц отправился вторично в Лондон. Здесь ему удалось увидеть сочинение, которое Ньютон написал в 1669 г. Он мог узнать из него много нового; но главное уже было сделано им самим. В его бумагах найдено извлечение, сделанное им из этого сочинения; к сожалению, на нем не обозначено число. Но в этом извлечении Лейбниц везде употребляет знаки интегрального и дифференциального исчисления, введенные им и впоследствии принятые наукой. Это доказывает, что он познакомился с сочинением Ньютона уже после того, как сделал свое изобретение; вероятнее всего, он получил его от Ольденбурга во время своей второй поездки в Лондон. С Ньютоном он не видался. Последний ответил ему 24 октября на его письмо от 27 августа. Но это письмо пролежало у Ольденбурга до весны, пока он не нашел верного случая, чтобы переслать его в Ганновер. В этом письме Ньютон сообщает Лейбницу о своем изобретении; но он тщательно скрывает от него его сущность. Главная формула сообщена под видом анаграммы, т. е. Ньютон говорит, что сущность его метода заключается в латинском предложении, которое содержит в себе столько-то *a*, столько-то *b* и т. д. Очевидно, Ньютон хотел, не посвящая Лейбница в самую сущность дела, доказать ему, что он еще

прежде открыл новый метод, а в доказательство ссылается на свое сочинение 1669 г. В ответ на это письмо Лейбниц совершенно откровенно сообщает ему основания дифференциального исчисления, но тщательно скрывает алгоритм интегралов. В этом письме Лейбниц умалчивает о том, что он знаком с сочинением Ньютона 1669 г., вероятно для того, чтобы не дать последнему повод подумать, что он оттуда почерпнул свое знакомство с новым методом. Лейбниц не уничтожил в своих бумагах извлечения, сделанного им из сочинения Ньютона, даже и тогда, когда спор между ними достиг крайнего ожесточения. Но он не хотел сознаться перед ним в том, что знал о его сочинении, не желая дать ему против себя сильного оружия. Мы видим, что Лейбниц находился в невыгодном положении относительно Ньютона; его легко можно было заподозрить в том, что он всем был обязан Ньютону. Это заставляло его быть осторожным, и эта осторожность ставила его в фальшивое положение.

Из сказанного читатель мог заметить, что для разрешения спора между Ньютоном и Лейбницем чрезвычайно важно определение времени, когда именно последнему удалось познакомиться с рукописными сочинениями Ньютона. На предположении, что это было во время первой поездки в Лондон или вскоре после того, Ньютон и его приверженцы основывали обвинение Лейбница в *плагиате*, т. е. в том, что он присвоил себе чужое открытие и, несколько изменив его, выдал за свое. Для подтверждения своего обвинения они, между прочим, пользовались еще следующим фактом. В мае 1675 г. в Англию приехал молодой немецкий ученый Чирнгаус, который познакомился там со многими знаменитостями и около сентября отправился в Париж, где сошелся очень близко с Лейбницем и занимался вместе с ним математикой. Через посредство этого Чирнгауса Лейбниц будто бы получил знаменитое письмо Ньютона к Коллинсу, написанное в 1672 г.

Это обвинение в первый раз было выставлено в 1725 г., когда всех замешанных в этом лиц — Лейбница, Чирнгауса и Коллинса — уже не было в живых. Обнародованная теперь переписка между Ольденбургом и Лейбницем бросает свет на все это дело. Из нее видно, что Лейбниц в 1673 г. не был знаком с Коллинсом, что до своей второй поездки в Лондон он не получал от Ольденбурга сочинений Ньютона и, главное, что к 1676 г. он окончил свои работы над дифференциальным и интегральным исчислением. Извлечение из сочинения Ньютона, сделанное Лейбницем, наконец, доказывает, что Лейбниц познакомился с ним уже после изобретения дифференциального исчисления.

Это материальные доказательства в пользу Лейбница; но есть еще доказательства не менее важные, основанные на самом свойстве открытий, сделанных Лейбницем и Ньютоном. Противники первого представляли дело так, как будто открытие Лейбница только во внешнем, формальном отношении отличается от открытия Ньютона. Лейбниц будто бы только придумал название для метода, открытого Ньютоном, и первый обнародовал его. Таково было мнение Лондонского Королевского общества, которое приняло сторону Ньютона и всех английских ученых. Только в конце XVIII в. Лейбниц нашел могущественных защитников в знаменитых французских математиках того времени. Лаплас обратил внимание на то, что между методами Ньютона и Лейбница заключается существенное различие, и увидел в обозначении, придуманном Лейбницем, принцип нового исчисления. Пуассон приписывал все успехи, которые сделало исчисление бесконечно малых величин, способу, придуманному Лейбницем. Биот оправдал Лейбница против обвинений, возведенных на него биографом Ньютона Брюстером¹, и доказал, что в этом случае не может быть речи о том, кто первый и кто второй изобретатель, потому что мы имеем дело с *двумя* изобретениями, различными по методу и по всему ходу мысли и умственной работы, который привел изобретателей к общему результату. Даже если бы было доказано, что Лейбниц знал сочинение Ньютона до изобретения дифференциального исчисления, то из этого нельзя было бы вывести, что он оттуда заимствовал свое изобретение, так как там обозначены только результаты исчислений, но не описан их метод. Биот находит, что оба изобретения имеют совершенно особый характер, соответствующий *индивидуальности* изобретателей и своеобразному ходу их занятий².

¹ Гурауэр цитирует в биографии Лейбница (прим. к части I, с. 23) рецензию Биота на книгу Брюстера о Ньюtone из «Journal des Savants» (1832).

² *Biot. Leibnitz // Biographie Universelle. XXIII (1819). P. 631. Cette série d'idées séparément propre à chacun de ces grands génies, et suivie par chacun d'eux depuis ses premiers pas jusqu'au terme de ses dernières découvertes, nous semble offrir un caractère d'individualité, que suffirait pour qu'on dut attribuer à l'un comme à l'autre l'honneur d'être arrive au calcul infinitésimal par ses propres vues et par une route indépendante, si les preuves matérielles, qui peuvent établir ce fait littéraire, étaient perdues... En effet une série d'idées si continue et si distincte, attachée à un mode de génération des quantités tout-à-fait abstrait, et exprimée par un algorithme spécial d'une facilité comme d'une netteté admirable pour toutes les applications aux questions d'analyse et de philosophie naturelle, ont dû paraître aux géomètres des titres péremptoires à une invention propre non du calcul des fluxions, que Newton possédait sans aucun doute avant 1669, calcul compliqué de l'idée de mouvement et jusque là sans algorithme, mais du calcul différentiel abstrait avec sa métaphysique, son*

Эти слова написаны, когда еще не были изданы Гергардом математические сочинения Лейбница и его переписка с Ольденбургом, которые содержат в себе вполне убедительные фактические доказательства в его пользу. В настоящее время невозможен упрек

algorithmes et ses procédés généraux tout établis; et c'est en effet ainsi qu'ils en ont décidés quatre juges, qui me dispenseront d'en citer d'autres, quand j'aurai dit, qu'ils s'appellent *Euler, Lagrange, Laplace et Poisson* (Этот ряд идей, развитый по отдельности каждым из этих двух великих умов и прослеженный ими от первых шагов до самых последних выводов, по-видимому, позволяет нам выявить характерную черту их индивидуальности, которая достаточна для того, чтобы им обоим приписать честь открытия исчисления бесконечно малых, к которому они пришли каждый своим, независимым путем и опираясь на свои собственные воззрения, даже если бы были утрачены все материальные свидетельства этого научного факта... В самом деле, столь последовательный и столь отчетливый ряд идей, сопряженный с методом порождения абсолютно абстрактных величин и выраженный в особом алгоритме, отличающемся восхитительной ясностью и простотой, пригодном для решения всех прикладных вопросов анализа и натуральной философии, геометрам, в силу строгости их науки, непременно должен был казаться изобретением, касающимся, собственно, *не исчисления флюксий*, которым Ньютон уже, несомненно, владел к 1669 г. и которое связывалось с идеей движения и до той поры не имело алгоритма, *а абстрактного дифференциального исчисления*, с его метафизикой, с его алгоритмом и его твердо установленными общими процедурами; к такому же выводу пришли и четверо судей, имена которых избавят меня от надобности упоминать о других, если я их назову: это *Эйлер, Лагранж, Лаплас и Пуассон (фр.)*. —Прим. пер.). Особенно хорошо охарактеризовано отношение Лейбница к Ньютону в «Истории дифференциального исчисления» Бертраном (см.: *Bertran. Traité etc. P. XVII: Leibnitz et Newton partagent donc la gloire d'avoir inventé le calcul différentiel, et quoique différemment illustres, chacun d'eux doit être tenu pour honoré de s'être rencontré avec un tel émule. Bien qu'ils soient complètement d'accord sur le fond, on retrouve dans la forme, qu'ils ont adoptée, l'empreinte de leurs génies si dissemblables. L'un plus préoccupé des lois de l'univers que de celles de l'esprit humain, semble voir surtout dans les nouvelles méthodes l'instrument de ses efforts pour pénétrer la nature et leur assignant un but plus élevé en a mieux montré toute la portée. L'autre, qui mettait sa gloire à perfectionner l'art d'inventer, a plus nettement marqué la route et nous suivons encore aujourd'hui les traces lumineuses, qu'il a laissées (Лейбниц и Ньютон делают, стало быть, славу первооткрывателей дифференциального исчисления, и, хотя оба они сделались знаменитыми в своих областях, каждый почитает за честь встречу с таким конкурентом. Пусть они полностью согласны друг с другом в основах, выбранная ими форма выражения несет на себе хорошо различимую печать их столь несхожих умов. Один, больше поглощенный изучением законов вселенной, а не человеческого духа, видел в новом методе главным образом инструмент, которым можно было воспользоваться в его попытках проникнуть в природу, и, приписав ему более высокую цель, лучше выявил подлинное его значение. Другой, стремившийся усовершенствовать изобретательную способность ума, с большей отчетливостью разметил дальнейший путь, и мы до сего дня все еще следуем прочерченным им траекториям (фр.)*. — Прим. пер.).

Лейбница в плагиате; даже восторженный биограф Ньютона отказался в новом издании своего сочинения от своего прежнего мнения. Впрочем, полное единогласие в этом вопросе не может быть достигнуто, так как тут играют слишком большую роль патриотическое чувство и национальная раздражительность. Английские ученые всегда будут обращать особенное внимание на то, что Ньютон был первым изобретателем; немецкие ученые будут выставлять на первый план существенное различие между обоими изобретениями и самостоятельность исследований Лейбница.

Мы охотно закончили бы на этом наш рассказ о соперничестве, возникшем между знаменитейшими математиками Англии и Германии, но, к сожалению, мы должны еще коснуться той роли, которую они сами играли в этом споре.

Лейбниц сначала не имел намерения обнародовать свое изобретение, может быть, потому, что считал свой труд еще не вполне оконченным и не имел времени заняться им; но в 1682 г. Чирнгаус, его товарищ по занятиям в Париже, желая получить место в академии, напечатал под своим именем несколько исследований, сделанных им вместе с Лейбницем. Это послужило поводом к спору между друзьями и заставило Лейбница в 1684 г. напечатать в Лейпцигском журнале «Acta Eruditiorum» статью, в которой впервые было изложено дифференциальное исчисление. Ньютон не протестовал против этого. В 1687 г. он издал свое знаменитое сочинение «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica»*, часть результатов которого была достигнута им с помощью изобретенной им теории *флюксий*, соответствующей дифференциальному исчислению. Но и при этом случае он не объяснил своего метода и только в одном примечании упомянул, что в 1676 г. он письменно сообщил Лейбницу, что открыл новый метод, с помощью которого можно достигнуть таких-то результатов; формулу метода он скрыл под анаграммой. На это Лейбниц ему ответил, что он открыл подобный же метод. «Этот метод, — продолжает Ньютон, — почти вовсе не отличался от моего, за исключением формул, слов и знаков». Интересно то, что во 2-м издании этого сочинения, которое было напечатано в 1710 г. Котсом¹ (Cotes), учеником Ньютона (Котс с согласия Ньютона сделал важные поправки и изменения), к вышеприведенному месту была прибавлена вставка о том, что различие между методами Ньютона и Лейбница основано,

¹ Та часть издания, в которой находится вставка, была напечатана в 1710 г., хотя все издание появилось в 1713 г. См.: Cantor. P. 135.

* «Математические начала натуральной философии» (лат.). — Прим. пер.

кроме того, на *способе возникновения величин*. В этих словах была указана вся важность и сущность различия. В 3-м же издании, появившемся после смерти Котса и Лейбница в 1726 г. и после разгара страстей, возбужденных спором, эта вставка опять была опущена. В этом примечании уже заключалось косвенное, хотя, может быть, не намеренное, обвинение Лейбница. Вскоре оно было прямо высказано друзьями и приверженцами Ньютона. В предисловии к сочинению английского математика Валлиса, появившемуся в 1695 г., было сказано, что Ньютонова теория флюксий подобна дифференциальному исчислению Лейбница и что Ньютон сообщил ему свой метод в двух письмах, написанных в 1676 г. Этот намек вызвал со стороны Лейбница возражение в анонимной рецензии книги Валлиса, что автор ее, к сожалению, слишком мало знаком с трудами немецких ученых. Несравненно оскорбительнее для Лейбница было обвинение, выставленное против него швейцарским ученым Фатио из Дюиллье в особом памфлете, появившемся в 1699 г. Этот Фатио был очень способный, но чрезвычайно тщеславный человек; он жил в Англии и сумел приобрести расположение Ньютона, Гюйгенса и многих других современников и внушить им преувеличенное мнение о своих способностях. Фатио считал себя оскорбленным Лейбницем, не желающим поменяться с ним математическими исследованиями и не упомянувшим о нем в статье, в которой он назвал по имени знаменитейших математиков своего времени. Фатио искал случая, чтобы отомстить Лейбницу. В своем памфлете он прямо сказал, что Ньютон — первый изобретатель новых методов в высшем анализе; заимствовал ли что-нибудь от него Лейбниц, второй изобретатель, этого он не берет решитель, но предоставляет это людям, которым удастся увидеть письма и бумаги Ньютона. В своем возражении Лейбниц оспаривает у Фатио право говорить от имени Ньютона, который всегда оказывал ему, Лейбницу, уважение и доверие, ссылается на примечание в сочинении Ньютона и доказывает, что он только из сочинения Валлиса узнал значение метода, изобретенного Ньютоном.

В 1705 г. Ньютон издал свои оптические сочинения, в которых находилась статья о квадратуре кривых линий. Во введении к этой статье Ньютон обсуждает метод Лейбница и относится к нему полемически; он говорит, что вовсе не нужно вводить в геометрию бесконечно малых величин, что в математике не следует допускать ни малейших неточностей.

Лейбниц напечатал в «Acta Eruditorum» анонимную рецензию на это сочинение, в которой, между прочим, сказано, что «дифференциальное и интегральное исчисление изобретено Лейбницем.

Вместо дифференциалов Ньютон применяет и прежде всегда применял теорию флюксий, подобно тому как Фабри заменил метод Кавалери». Эти слова должны были оскорбить Ньютона, так как изменение, сделанное Фабри в методе Кавалери, было несущественное, и Фабри не мог считаться оригинальным изобретателем.

За Ньютона вступился шотландский математик Кейль. В 1708 г. он напечатал в журнале Лондонского Королевского общества статью, в которой прямо назвал Ньютона первым изобретателем и заявил, что Лейбниц впоследствии изменил название метода и способ обозначения. Секретарь Общества только в 1710 г. выслал этот том Лейбницу как члену Общества; но так как Лейбница в это время не было в Ганновере, то он получил его только в 1711 г. Лейбниц тотчас запротестовал и потребовал, чтобы Общество заставило Кейля взять назад его обвинение. Кейль ответил еще более резким письмом, адресованным в Королевское общество; здесь он, между прочим, прямо говорит, что Лейбниц довольно богат собственными трудами, так что ему не нужно увеличивать свое богатство ограблением других. Лейбницу переслали это письмо, и он в своем ответе заявил, что в его летах и положении от него нельзя ожидать, чтобы он защищался против такого новичка, как Кейль. Тогда последний потребовал от Общества, чтобы оно назначило комиссию для исследования переписки Коллинса и других бумаг, хранившихся в архиве Общества. В комиссию были выбраны 6 членов Общества, преданных Ньютону, и между ними астроном Галлей, друг Ньютона¹. Потом к ним были присоединены еще несколько лиц и, между прочим, прусский посол Бонет, который едва ли был в состоянии судить о сущности дела. Общество, выслушав доклад комиссии, постановило напечатать его от своего имени. Доклад заключал в себе следующие чрезвычайно оскорбительные для Лейбница обвинения: 1) Лейбниц состоял в 1673—1676 гг. в переписке с Коллинсом, а Коллинс чрезвычайно щедро сообщал другим ученым то, что знал о трудах Ньютона; 2) еще во время первого своего пребывания в Лондоне Лейбниц сделал попытку присвоить себе дифференциальный метод Ньюто-

¹ *Brewster. Memoirs on the Life.* P. 48: The committee consisted entirely of Newton's friends; and several of them, though qualified to attest the genuineness of the documents in the report, were not fitted by their mathematical acquirements to give an opinion on the subject (Комиссия целиком состояла из друзей Ньютона, однако некоторые из них, хотя и обладали достаточной квалификацией для определения подлинности документов, не имели тех математических познаний, которые позволили бы им составить мнение о трактуемом предмете (англ.). — Прим. пер.).

на; 3) Ньютон еще до 1669 г. изобрел теорию флюксий; 4) дифференциальное исчисление отличается от теории флюксий только названием и знаками; они представляют не два различных метода, а один и тот же, изобретателем которого был Ньютон: следовательно, Кейль был прав во всем, что он сказал об этом деле.

Экземпляры этого доклада были разосланы только приверженцам Ньютона. По прошествии целого года (1713) Лейбниц получил один экземпляр через своего последователя и друга, известного математика Иоганна Бернулли. Последний вместе с этим прислал ему письмо, в котором он принимает его сторону и высказывает убеждение, что Ньютон и после обнародования дифференциального исчисления не вполне овладел новым методом. Бернулли позволяет Лейбницу воспользоваться этим письмом, но просит не компрометировать его относительно Ньютона и его соотечественников.

Лейбниц был чрезвычайно взволнован. Он напечатал письмо Бернулли, не называя автора и обозначая его только выражением «один знаменитый математик», но нарочно или случайно в письме было сохранено одно выражение, по которому легко можно было догадаться, кто его автор. Письмо было издано с примечаниями, в которых обвинение в плагиате возвращается Ньютону. Есть основание думать, что Лейбниц сам составил эти примечания, хотя в письме к графу Ботмеру он отказывается от авторства и приписывает их одному из своих друзей. Через некоторое время Лейбниц напечатал письмо Бернулли в одной голландской газете с обозначением его имени, хотя обещал ему прежде не называть его. Узнав об этом, Бернулли отрекся от своего письма. Печатно и в частных письмах он стал уверять Ньютона и его приверженцев, что не он автор письма, и употреблять всевозможные средства, лесть и самоничужение, чтобы задобрить Ньютона и возратить его расположение. Вообще во всем этом деле этот замечательный математик выказал крайнюю нравственную слабость и ничтожество характера, чем весьма повредил Лейбницу. Поразителен контраст между поведением приверженцев Ньютона, которые заступались за него смело и запальчиво, и поклонниками Лейбница, которые, за исключением Вольфа, были равнодушны или слишком заботились о том, чтобы не компрометировать самих себя. Спор между Лейбницем и Ньютоном принимал все более и более ожесточенный характер.

Некоторые из современников пытались положить конец спору. Сначала за это взялся английский ученый Чемберлен, который был в переписке с Ньютоном и Лейбницем; но его попытка была весьма неудачна. Лейбниц в письме к нему выразился, что он име-

ет основания сомневаться, знал ли Ньютон новый метод, прежде чем он его обнародовал. Чемберлен переслал это письмо к Ньютону, который ответил, что он не оскорблял Лейбница, но не может взять назад того, что он считает справедливым; наконец, что Лейбниц не имеет никакого права жаловаться на доклад комиссии; этим он прямо обвинил Лейбница в плагиате. Лейбниц ответил из Вены, что признает письмо Ньютона как бы не написанным, что по возвращении в Ганновер пересмотрит свои бумаги и также издаст сборник писем, которые послужат пояснением для истории науки. Вскоре после того венецианский аббат Конти, который давно был в переписке с Лейбницем и в это время находился в Англии, вызвался быть посредником между враждующими. Спор, начавшийся в самой отвлеченной области математики, сделался предметом всеобщего интереса и получил отчасти политический характер. На английский престол взошла Ганноверская династия, и королем Англии с 1714 г. стал Георг, курфюрст Ганноверский, выросший на глазах Лейбница. Вся свита короля, прибывшая с ним из Ганновера, близко знала Лейбница и привыкла уважать его как гениального философа и ученого. Двор разделился на партии. Недоверие и недоброжелательство между английскими и ганноверскими придворными отразились на споре между учеными, представителями обеих наций. По желанию Ньютона Конти пригласил в заседание Общества некоторых иностранных послов и придворных, чтобы они могли рассмотреть бумаги, служившие документами в споре. Ганноверский обершталмейстер, барон фон Кильмансегге заявил, что этого недостаточно и что лучше всего попросить Ньютона написать письмо к Лейбницу и таким образом разъяснить дело. Все присутствовавшие согласились с ним, и король, которому об этом донесли в тот же день, также одобрил это.

Можно было бы подумать, что король, который в продолжение всего своего царствования оставался ганноверцем в душе, будет пристрастен к Лейбницу, но это было бы несправедливо. Георгу I приписывают по поводу этого спора слова, достойные короля: «Я счастлив, что у меня два государства, из которых в одном я могу назвать своим подданным Ньютона, а в другом Лейбница». Но на самом деле он, несмотря на свой ганноверский патриотизм, был не расположен к Лейбницу. Как это часто бывает, наследник престола не любил друга и долголетнего советника своих родителей, а королю Георгу пришлось долго быть наследником престола.

Письмо Ньютона не могло достигнуть своей цели; оно было написано строгим и резким тоном, и в нем не высказывается ни малейшего желания достигнуть примирения. Ньютон защищается

против подозрения, что он заимствовал что-либо у Лейбница, называет Лейбница зачинщиком спора (*aggressor*) и требует от него, чтобы он доказал свое обвинение, если не хочет быть признан клеветником. Ньютон был прав, но он выказал при этом слишком много жесткости и мстительности. Так как он находился в гораздо более выгодном положении, чем Лейбниц, то ему было легко пощадить самолюбие последнего, признать за ним некоторые права на новое изобретение и этой справедливой уступкой покончить спор. В своем письме Ньютон, кроме того, строго критикует философскую систему Лейбница; он называет его *предустановленную гармонию* чудом и говорит, что оно противоречит опыту.

Ньютон и в этом отношении был прав, так как Лейбниц не раз печатно нападал на его теорию *притяжения* и еще в последнем письме к Конти упрекал Ньютона в том, что он своей теорией воскресил схоластические понятия, критиковал его философию и назвал вообще английскую метафизику узкой (*bornée*), а математику *поверхностной*.

Письмо Ньютона было переведено на французский язык баронессой фон Кильмансегге¹, которая была в переписке с Лейбницем. Сам король читал письмо Ньютона и объявил, что доводы его ясны и просты и что трудно будет возражать против фактов. В своем ответе Лейбниц отрицает, что был зачинщиком и что обвинял Ньютона в плагиате, и доказывает, что его философские идеи искажены Ньютоном. Спор был перенесен из области математики в область философии.

В письме к принцессе Вельской, которая в то время уже находилась в Англии, Лейбниц подверг строгой критике господствовавшее в Англии философское направление. Каролина, жена принца Вельского, сделавшегося в 1727 г. английским королем под именем Георга II, принадлежала к числу замечательных женщин XVII—XVIII вв., которые среди забот и удовольствий при-

¹ Эта баронесса, известная в английской истории под именем графини Дарлингтон, была одной из метресс короля Георга I. Она была дочерью графини Платен, бывшей в связи с курфюрстом Эрнстом-Августом, и, как говорят, отцом ее был этот курфюрст. Она, по отзыву всех своих современников, была очень умная женщина. Злая маркграфиня Байрейтская, сестра Фридриха Великого, говорит о ней в своих мемуарах: *On peut dire d'elle avec vérité, qu'elle avait de l'esprit, comme un diable, car il était entièrement tourné au mal. Elle était vicieuse, intrigante et ambitieuse* (О ней поистине можно сказать, что она была умна, как дьявол, поскольку весь ее ум был обращен ко злу. Она была порочна, хитра и амбициозна (*фр.*). — *Прим. пер.*). Англичане ее не любили, равно как и ее соперницу, герцогиню Кендаль. Вальполь в своих мемуарах описывает ее наружность не совсем лестным для нее образом и глумится над ее полнотой.

дворной жизни сохраняли живой интерес к науке и философии. Со времени своего замужества в 1705 г. она жила в Ганновере в близкой дружбе с курфюрстиней Софьей, покровительницей Лейбница, и часто слушала их беседы. В Англии она искала убежища от грубых выходок своего тестя и мужа в кружке умных и образованных людей, к которым принадлежали, между прочим, Поп, Честерфильд и леди Монтегю. С большей вероятностью, чем ее тестю Георгу I, ей приписывают вышеприведенные нами слова: «Лучшее царство в мире то, которое считает между своими подданными Лейбница и Ньютона».

Лейбниц, конечно, должен был дорожить мнением такого лица — может быть, тут была замешана маленькая ревность к его ученице, и он боялся, что она подчинится влиянию враждебной ему философии. В своем письме к принцессе он обвинил английскую философию в том, что она ведет к материализму. Лейбниц говорит, что, как ему кажется, в Англии религиозное чувство (*religion naturelle*) быстро слабеет; многие полагают, что человеческая душа состоит из материи; другие представляют себе самого Бога материальным существом (*être corporel*). По крайней мере Локк и его последователи допускают возможность, что душа человека материального свойства и поэтому по своей природе разрушима. Ньютон утверждает, что пространство есть *орган*, которым Бог ощущает предметы мира; из этого следовало бы, что они не зависят от Него и не созданы Им. Ньютон и его последователи также имеют чрезвычайно странное понятие о мироздании. Согласно их представлению, мир подобен *часам*, которые мастер должен заводить от времени до времени, для того чтобы не остановились. Как будто бы Творец не мог с самого начала придать Своему творению вечное движение. По мнению этих господ, мир такая несовершенная машина, что Творец принужден даже время от времени *чинить* ее посредством особенного прямого вмешательства в ее ход, подобно тому как мастер чинит свои часы, когда они испорчены. «По моему же представлению, — говорит Лейбниц, — одни и те же *силы* всегда остаются в мире и только переходят от одной частички материи к другой согласно с законами природы и с чудным *предустановленным порядком*. И я полагаю, что если Бог творит чудеса, то не для того чтобы восполнять недостатки в царстве природы, но для того чтобы осуществить царство благодати. Всякий, кто думает иначе, имеет очень недостойное понятие о премудрости и могуществе Бога».

Письмо Лейбница ходило по рукам и обратило на себя всеобщее внимание при дворе. Король пожелал, чтобы Ньютон оправ-

дался против упреков Лейбница. Защиту Ньютона взял на себя английский философ Кларк, который пользовался при этом указаниями и советами самого Ньютона. Между Кларком и Лейбницем возникла по этому поводу полемическая переписка, чрезвычайно интересная для истории философии. На четыре письма Кларка Лейбниц прислал свои возражения; пятое письмо не застало его в живых¹. Лейбниц был совершенно прав в своей полемике против английской философии. Эмпирический метод Локка в психологии и философии был важным успехом в науке и залогом блестящего ее развития, но он имел своим последствием материализм и сенсуализм XVIII в. То же самое можно сказать относительно Ньютона. Ньютон, правда, не занимался специально философией и не создал оригинальной философской системы; но он выставил несколько гипотез в метафизике, например о пространстве, и во всех своих научных сочинениях проводил известный взгляд, который мог сделаться основанием определенной философской системы. Принципом этой философии был механизм — механическое представление о мире, о силах природы и о человеке. Великая заслуга XVII в. заключается в том, что он освободил область математических наук от фантастических представлений более наивного периода и выяснил строгий метод, без которого эти науки не могли достигнуть настоящего развития. В исследовании явлений стали отыскивать только *причину*, старались с математической точностью определить *закон*, по которому эта причина действовала, но устраняли при этом все догадки о *цели* явления, все соображения, заимствованные из другого порядка идей. Это *одностороннее* направление сделало XVII в. особенно способным к развитию математических наук и дало ему возможность достигнуть тех изумительных результатов в астрономии, математике и физике, которые глубоко видоизменили все мирозерцание европейского человека. Но это направление века, именно вследствие своей односторонности, влекло за собой большие неудобства. *Причинность* или исследование явлений только со стороны отношения их как причины и следствия есть принцип механизма, и этот принцип, оказавшийся столь плодотворным в одной области науки, был применен и приложен ко всем остальным. Личность Ньютона является самым полным выражением этого стремления века; оттого он опередил всех своих современников многочисленностью и величием своих открытий, но оттого и все представления его о природе

¹ Recueil de Lettres entre Leibniz et Clarke sur Dieu, l'Ame, l'Espace, la Durée etc. (Leibnitii Opera Philosophica Omnia / Ed. Erdmann. P. 746).

и мире носят на себе особенно явно характер механизма. Лейбниц совершенно верно уподобил взгляд Ньютона на мир представлению о часах, о машине, которая действует по механическим законам. Лейбниц по своей природе не мог отдаться одностороннему направлению; оттого он, несмотря на свои блестящие способности к математическим наукам, сделал менее открытий в них, чем можно было ожидать от него. Он был философ, т. е. всегда имел в виду целое, и из-за явлений никогда не терял из виду идеи. Занимаясь нравственными науками, Лейбниц убедился в недостаточности механического метода. Принципом его философии природы и философии духа был индивидуализм, и его мирозерцание, его представление о взаимодействии бесчисленных индивидуальных сил в природе был прямой противоположностью механическому представлению Ньютона. Нам в XIX в. совершенно понятно пренебрежение, с которым должен был относиться Ньютон к метафизике Лейбница, для него непостижимой и излишней; но нам точно так же понятно негодование, которое должно было внушать тонкой натуре Лейбница механическое мирозерцание английских эмпириков. Если природа человека так устроена, что она может достигнуть великих результатов только односторонним напряжением своих сил, то взамен ему дана способность беспристрастно относиться к зрелищу противоположных стремлений в науке и истории и одинаково ценить все, что вытекало из искреннего побуждения доискаться истины¹.

¹ Мы с удовольствием пользуемся случаем, чтобы указать читателю на умный и отлично написанный эскиз Снелля: *Snell. Newton und die Mechanische Naturwissenschaft. Leipzig, 1858. 2. Aufl.* — Автор старался охарактеризовать Ньютона и науку его времени. Заключительные слова, которыми он описывает стремление века, могут быть особенно применены к Ньютону и Лейбницу и характеризуют их противоположные стремления: *Die allgemeine und wesentliche Eigenthümlichkeit jener Zeit besteht darin, dass die Geister, ohne von den tieferen Problemen, die concreten und individuellen Gestaltungen des Lebens und der Geschichte in ihrer philosophischen Nothwendigkeit zu begreifen beunruhigt und bedrängt zu sein, in einem reinen Aether des abstracten Verstandes lebten, und auf dies eine Gebiet beschränkt, wenigstens in der Naturwissenschaft und Philosophie uns abgeschlossene plastisch vollendete Gestalten der Wissenschaft hinterlassen haben, an denen wir uns immer, nach dieser Richtung des Geistes hin, werden erziehen und heraufbilden müssen* (Характерной чертой, свойственной всему тому времени, было то, что человеческие умы, вовсе не заботясь о более глубоких проблемах, о познании конкретных, индивидуальных форм жизни и истории в их философской необходимости, обитали в чистом эфире абстрактного рассудка и по крайней мере в естествознании и философии (если ограничиться одной этой областью) оставили нам цельные, пластически завершенные образцы науки, на которых мы всегда будем воспитываться и учиться, устремляя свой дух в этом направлении (нем.). — Прим. пер.).

Возвращаясь из Англии, Лейбниц свернул с прямой дороги, чтобы заехать в Гаагу и лично познакомиться со Спинозой. Мы видели, что Лейбниц еще в Майнце искал знакомства со Спинозой. Он известил Спинозу о своих занятиях оптикой и просил его познакомиться со своей философией. Но Спиноза не доверял ему и боялся сближения. «Я знаю этого Лейбница, о котором ты мне говоришь, — пишет он к одному из своих друзей. — Я получал от него письма, но я не знаю, почему он оставил Майнц; где он имел место советника, и отправился во Францию. Он мне показался человеком благородным, гуманным и действительно ученым. Но я считал неосторожным доверить ему так скоро мои сочинения. Мне хотелось бы прежде знать, что он делал во Франции». Спиноза до этого времени издал два из своих сочинений: «Изложение Декартовой философии по геометрическому способу» и «Богословско-политический трактат», основная идея которого состоит в том, что свобода мысли не только совместна с общественным спокойствием и религиозностью, но и необходима для их поддержания. Несмотря, однако, на эту сдержанность, Спиноза успел уже обратить на себя внимание своих современников и навлек на себя ненависть и гонения, хотя жил в Голландской республике, самом либеральном из тогдашних государств. Единоверцы с проклятием изгнали его из своей среды, подсылали к нему убийц и упрашивали правительство подвергнуть его полицейскому преследованию как преступника. Христиане всех исповеданий провозгласили его атеистом и с ужасом и отвращением избегали его как врага человеческого рода. «Он носил на своем челе печать отвержения», — сказал самый *беспристрастный* из его современных биографов. Долго господствовало это предубеждение против Спинозы и его учения. Только философия XIX в. смягчила этот приговор и истолковала печать отвержения, которую современники усматривали на челе Спинозы. «Эта суровая черта глубокого мыслителя, — говорит Гегель, — правда, признак отвержения, но только не страдательного, а действительного: ибо то философ, который отвергает заблуждения и бессмысленные страсти людей».

Спиноза — одна из тех благородных личностей истории, в которых вполне олицетворялось истинное человеческое достоинство. Это тип мудреца, характер и вся жизнь которого соответствуют его учению и могут служить ему объяснением и подтверждением. В этом отношении он представляет большое сходство с Сократом. Постоянно подвергавшийся самой ожесточенной ненависти и безрассудному глумлению, он никогда не знал злобы. Со спокойной улыбкой смотрел он на страсти людей как на естественные явле-

и мире носят на себе особенно явно характер механизма. Лейбниц совершенно верно уподобил взгляд Ньютона на мир представлению о часах, о машине, которая действует по механическим законам. Лейбниц по своей природе не мог отдаться одностороннему направлению; оттого он, несмотря на свои блестящие способности к математическим наукам, сделал менее открытий в них, чем можно было ожидать от него. Он был философ, т. е. всегда имел в виду целое, и из-за явлений никогда не терял из виду идеи. Занимаясь нравственными науками, Лейбниц убедился в недостаточности механического метода. Принципом его философии природы и философии духа был индивидуализм, и его мирозерцание, его представление о взаимодействии бесчисленных индивидуальных сил в природе был прямой противоположностью механическому представлению Ньютона. Нам в XIX в. совершенно понятно пренебрежение, с которым должен был относиться Ньютон к метафизике Лейбница, для него непостижимой и излишней; но нам точно так же понятно негодование, которое должно было внушать тонкой натуре Лейбница механическое мирозерцание английских эмпириков. Если природа человека так устроена, что она может достигнуть великих результатов только односторонним напряжением своих сил, то взамен ему дана способность беспристрастно относиться к зрелищу противоположных стремлений в науке и истории и одинаково ценить все, что вытекало из искреннего побуждения доискаться истины¹.

¹ Мы с удовольствием пользуемся случаем, чтобы указать читателю на умный и отлично написанный эскиз Снелля: *Snell. Newton und die Mechanische Naturwissenschaft. Leipzig, 1858. 2. Aufl.* — Автор старался охарактеризовать Ньютона и науку его времени. Заключительные слова, которыми он описывает стремление века, могут быть особенно применены к Ньютону и Лейбницу и характеризуют их противоположные стремления: *Die allgemeine und wesentliche Eigenthümlichkeit jener Zeit besteht darin, dass die Geister, ohne von den tieferen Problemen, die concreten und individuellen Gestaltungen des Lebens und der Geschichte in ihrer philosophischen Nothwendigkeit zu begreifen beunruhigt und bedrängt zu sein, in einem reinen Aether des abstracten Verstandes lebten, und auf dies eine Gebiet beschränkt, wenigstens in der Naturwissenschaft und Philosophie uns abgeschlossene plastisch vollendete Gestalten der Wissenschaft hinterlassen haben, an denen wir uns immer, nach dieser Richtung des Geistes hin, werden erziehen und heraufbilden müssen* (Характерной чертой, свойственной всему тому времени, было то, что человеческие умы, вовсе не заботясь о более глубоких проблемах, о познании конкретных, индивидуальных форм жизни и истории в их философской необходимости, обитали в чистом эфире абстрактного рассудка и по крайней мере в естествознании и философии (если ограничиться одной этой областью) оставили нам цельные, пластически завершенные образцы науки, на которых мы всегда будем воспитываться и учиться, устремляя свой дух в этом направлении (нем.). — *Прим. пер.*).

Возвращаясь из Англии, Лейбниц свернул с прямой дороги, чтобы заехать в Гаагу и лично познакомиться со Спинозой. Мы видели, что Лейбниц еще в Майнце искал знакомства со Спинозой. Он известил Спинозу о своих занятиях оптикой и просил его познакомиться со своей философией. Но Спиноза не доверял ему и боялся сближения. «Я знаю этого Лейбница, о котором ты мне говоришь, — пишет он к одному из своих друзей. — Я получал от него письма, но я не знаю, почему он оставил Майнц; где он имел место советника, и отправился во Францию. Он мне показался человеком благородным, гуманным и действительно ученым. Но я считал неосторожным доверить ему так скоро мои сочинения. Мне хотелось бы прежде знать, что он делал во Франции». Спиноза до этого времени издал два из своих сочинений: «Изложение Декартовой философии по геометрическому способу» и «Богословско-политический трактат», основная идея которого состоит в том, что свобода мысли не только совместна с общественным спокойствием и религиозностью, но и необходима для их поддержания. Несмотря, однако, на эту сдержанность, Спиноза успел уже обратить на себя внимание своих современников и навлек на себя ненависть и гонения, хотя жил в Голландской республике, самом либеральном из тогдашних государств. Единоверцы с проклятием изгнали его из своей среды, подсылали к нему убийц и упрашивали правительство подвергнуть его полицейскому преследованию как преступника. Христиане всех исповеданий провозгласили его атеистом и с ужасом и отвращением избегали его как врага человеческого рода. «Он носил на своем челе печать отвержения», — сказал самый *беспристрастный* из его современных биографов. Долго господствовало это предубеждение против Спинозы и его учения. Только философия XIX в. смягчила этот приговор и истолковала печать отвержения, которую современники усматривали на челе Спинозы. «Эта суровая черта глубокого мыслителя, — говорит Гегель, — правда, признак отвержения, но только не страдательного, а действительного: ибо то философ, который отвергает заблуждения и бессмысленные страсти людей».

Спиноза — одна из тех благородных личностей истории, в которых вполне олицетворялось истинное человеческое достоинство. Это тип мудреца, характер и вся жизнь которого соответствуют его учению и могут служить ему объяснением и подтверждением. В этом отношении он представляет большое сходство с Сократом. Постоянно подвергавшийся самой ожесточенной ненависти и безрассудному глумлению, он никогда не знал злобы. Со спокойной улыбкой смотрел он на страсти людей как на естественные явле-

ния природы, как на бурю и дождь, на холод и зной. В обращении с людьми он был всегда кроток и ровен, доступен и приветлив. Он был невзыскателен в жизни и в высшей степени бескорыстен. Трудом своих рук, шлифованием оптических стекол, он доставлял себе дневное пропитание и часть ночи посвящал своим философским занятиям. Спиноза иногда целые месяцы не выходил из дома. Хотя он страдал в течение 20 лет изнурительной болезнью, он не хотел изменить этот образ жизни и воспользоваться помощью своих друзей. Он уступил своим жадным сестрам отцовское наследство, на которое они не имели права, и отказался от значительного состояния, которое хотел завещать ему один из его друзей. Он убедил его завещать состояние брату и уменьшил назначенную ему ежегодную пенсию с 500 до 300 гульденов. Он даже не мог искать себе вознаграждения в славе; ибо нетерпимость его века не позволяла ему при жизни обнародовать свои сочинения. Но несмотря на эти высоконравственные свойства, Спиноза не сделался, подобно Сократу, идеалом мудреца. Главная причина этого заключается в характере его учения. Его суровый пантеизм, который уничтожал всякую индивидуальную жизнь, обдавал ужасом его современников и казался им мертвящим атеизмом. Его спокойное, почти безучастное отношение к человеческим порокам и страстям было непонятно для большинства и казалось преступным равнодушием к злу и к добру. Только поэтический талант Шеллинга и философское понимание природы Гёте в XIX в. могли одушевить это суровое учение и указать его поэтическую сторону.

Свидание Спинозы, доживавшего последний год своей жизни, с молодым Лейбницем, которому было суждено сделаться основателем философской системы, прямо противоположной его пантеизму, для нас в высшей степени интересно. К сожалению, мы имеем о нем только отрывочные сведения. В своей «Теодицее» Лейбниц упоминает о Спинозе и говорит, что слышал от него несколько интересных рассказов (*bonnes anecdotes*) о современных событиях. В одной заметке, найденной¹ между бумагами Лейбница, он говорит подробнее о своем свидании со Спинозой. «Я провел с ним после обеда несколько часов; он рассказывал мне, между прочим, что в день убиения братьев де Вит он собирался выйти ночью и около того места, где совершено было убийство, прибить надпись: *ultimi barbarorum* (последние варвары). Но его хозяин запер дверь и не выпустил его, потому что он в этом случае подверг бы себя опасности быть разорванным разъяренным народом». Этот маленький

¹ *Foucher de Careil*. Leibniz, Descartes et Spinoza. Paris, 1863. P. 74.

рассказ прибавляет новую, интересную черту к характеристике Спинозы, о котором мы имеем так мало известий, не искаженных слепой страстью. Мы видим из него, что философ, который в своей этике смотрел на пороки и преступления людей как на естественные явления, порожденные неизбежной необходимостью, на деле не всегда оставался невозмутимым зрителем и даже рисковал своей жизнью в справедливом негодовании на бессмысленное преступление.

Потом мы застаем обоих философов в серьезном разговоре. Лейбниц объясняет Спинозе ошибочность законов движения, установленных Декартом. Как известно, ошибочность этих законов побудила Лейбница отвергнуть вместе с ними самый принцип Декартовой философии и заменить его новым. Спиноза был верным последователем Декарта в его математических теориях, и вся его собственная система основывалась на картезианских принципах. Он поэтому был весьма удивлен, когда молодой его собеседник математически доказал ему ошибочность одного из главных оснований картезианизма.

Это свидание и эта интимная беседа двух философов, вероятно, повлекли бы за собой переписку между ними и, может быть, не остались бы без влияния на их убеждения, если бы смерть Спинозы, последовавшая через несколько месяцев после того, не прервала их личных отношений. Но зато вопрос о взаимных отношениях их философских систем постоянно занимал науку и долгое время разрешался чрезвычайно неудовлетворительно. В XVIII в. Спинозе приписывали преувеличенное влияние на Лейбница и обращали больше внимания на общие стороны их систем, чем на существенное их различие. Может быть, тут участвовало, по крайней мере у Лессинга, желание восстановить таким образом память Спинозы и защитить его популярностью Лейбница. Но и Якоби, противник Спинозы и Лессинга, был в этом отношении совершенно согласен с последним, так что, например, Мендельсон, друг Лессинга и поклонник Спинозы, был поставлен в затруднительное положение относительно обоих. Рационализм XVIII в. не умел различить пантеизм Спинозы и индивидуалистическую философию Лейбница. И в XIX в. еще нередко повторялось старое недоразумение. Один из биографов Спинозы, Сент (Saintes)¹, прямо высказал обвинение, что Лейбниц из тщеславия и из уступчивости предрассудкам свое-

¹ См.: *Helpferich*. Spinoza und Leibniz. 1846. P. 100. — Автор этой книги весьма поверхностно решает вопрос об отношениях двух философов и только проводит парадоксальную мысль, что Спиноза был идеалистом, а Лейбниц реалистом.

го века постоянно полемизировал со Спинозой и умалчивал о том, что он сам у него заимствовал. Еще недавно Эрдман, издатель сочинений Лейбница и один из лучших знатоков его философии, доказывал влияние, которое Спиноза имел на Лейбница, причем ему случилось сделать странный промах. В доказательство этого влияния он приводил небольшой отрывок Лейбница — *De Vita Beata**, — им впервые изданный, в котором находились некоторые выражения, взятые из «Этики» Спинозы. Но потом оказалось, что эти места буквально заимствованы и Лейбницем и Спинозой из общего источника — Декарта.

В настоящее время вопрос об отношениях Лейбница к Спинозе может быть решен удовлетворительно, благодаря стараниям Фуше де Кареля¹, который особенно им занимался и в Ганновском архиве отыскал различные рукописные заметки Лейбница, объясняющие его взгляд на Спинозу. Лейбниц изучал сочинения Спинозы так же добросовестно и серьезно, как все замечательные произведения своего века. Все издания Спинозы, находившиеся в библиотеке Лейбница, покрыты примечаниями и заметками. Главное сочинение Спинозы, его «Этика», подвергнуто Лейбницем серьезному критическому разбору; шаг за шагом он анализирует или опровергает отдельные положения Спинозы. Наконец, между рукописями Лейбница найдено множество извлечений из Спинозы и отдельных заметок к его сочинениям.

Еще во время своего свидания со Спинозой Лейбниц заметил, как глубоко различие между их философскими убеждениями. «Спиноза умер нынешней зимой, — пишет он аббату Галлуа в 1677 г. — Я его видел проездом через Голландию и говорил с ним несколько раз и очень долго. У него странная метафизика, полная парадоксов. Между прочим, он думает, что мир и Бог, по своему существу (субстанции), одно и то же, что Бог есть субстанция всех предметов и что Его творения — только видоизменения этой субстанции (*des modes ou accidents*). Но я заметил, что некоторые из его так называемых *демонстраций* (*démonstrations prétendues*) не точны». Когда в том же году в числе посмертных сочинений Спинозы вышла «Этика», Лейбниц был еще более изумлен его учением и заключил свои заметки о ней восклицанием: «„Этика“ — это сочинение, до того исполненное заблуждений, что я удивляюсь!»²

¹ *Foucher de Careil*. 1) Leibniz, Descartes et Spinoza. 2) Leibniz. La Philosophie Juive et la Cabale. Paris, 1861.

² L'Éthique cet ouvrage si plein de manquement, que je m'étonne (*Foucher*. P. 93).

* О счастливой жизни (*лат.*). — *Прим. пер.*

Но Лейбниц лучше других своих современников понимал источник этих заблуждений и отлично определил характер спинозизма. «Спиноза, — говорил он, — развил только некоторые начала Декарта, и учение Спинозы есть крайнее развитие картезианизма»¹. Он совершенно различно относился к картезианизму и к крайнему развитию его начал у Спинозы. В первом он только находил некоторые заблуждения, которые он хотел устранить, и недостатки, которые он старался восполнить, учение же Спинозы он считал ложным в основании и вредным для религии.

Действительно, хотя Лейбниц и Спиноза оба исходили из положений картезианизма, они приходили к самым противоположным результатам относительно всех трех существенных вопросов метафизики: Бога, бессмертия души и свободной воли.

Желая очистить понятие о Божестве от всякой примеси антропоморфических представлений, Спиноза стал отрицать в нем свойства духа. Рассудок и воля суть свойства человеческого духа, и потому их не следует приписывать Божеству. Между свойствами человека и Божества так же мало общего, говорит Спиноза, как между Сириусом (по-латыни *Canis* — собака) на звездном небе и собакой — лающим животным. Человек в своих действиях рассчитывает и желает, Божество же действует — согласно со Своей природой, т. е. Его действия всегда необходимы, и для Него невозможен выбор. Лейбниц сильно порицает такое представление и называет его странным и вредным (*un sentiment si mauvais et si inexplicable*). «Спиноза, — говорит Лейбниц, — не допускает, что действия Божества определяются Его благостью и совершенством; он признает за Ним только слепую математическую необходимость, подобно тому как дуга полукруга может заключать в себе только прямые углы, хотя не имеет в этом отношении ни сознания, ни воли». Божество Спинозы не создало мира; мир есть естественное и необходимое проявление этого Божества. Божество Лейбница создало самый совершенный из всех возможных миров. Иными словами, принцип Спинозы есть *фатализм*, принцип Лейбница — *оптимизм*; Божество Спинозы есть причина всего существующего, Божество Лейбница есть Провидение.

Декарт внес в философию дуализм, признавая в мире две субстанции: мысль и протяжение, которым в человеке соответствуют душа и тело. Он не знал, как примирить этот дуализм и как объяснить взаимодействие души и тела. Спиноза думал устранить

¹ Spinoza n'a fait que cultiver certaine semence de la philosophie de Mr. Descartes. — Письмо к аб. Нисез (*Leibnitii Opera Philosophica Omnia* / Ed. Erdmann. P. 139).

дуализм, признавая мысль и протяжение *атрибутами* (свойствами) Божества, но вместе с тем он отвергал индивидуальность и, следовательно, бессмертие души человеческой. Лейбниц совершенно справедливо критикует его понятие о душе. «Душа, — говорит он, — для Спинозы только мимолетное видоизменение (*une modification passagère*) его единой мировой субстанции, и хотя он делает вид, что считает ее постоянной (*durable*) и даже вечной, его душа есть не что иное, как *идея тела* (*l'idée du corps*), т. е. простое понятие, а не реальное и действительное существо» (*chose*)¹.

Лейбниц не ограничивается тем, что критикует Спинозу; он старается проследить исторически эту пантеистическую теорию, уничтожающую индивидуальность человеческой души. Он находит ее у некоторых аристотеликов, которые признавали мировой дух, оживляющий вселенную и все ее отдельные части, каждую сообразно с ее устройством и органами, подобно тому как один и тот же ветер заставляет звучать иначе различные трубы органа. По мнению этих аристотеликов, этот мировой дух (*ame universelle*) один может вечно существовать, отдельные же души постоянно возникают и погибают. Они рождаются, отделяясь от него, подобно каплям от океана, когда находят тело, которое они могут оживить. А когда это тело разрушается, они погибают, возвращаясь в общий океан, подобно ручьям, текущим в море. Это учение возобновлено было Аверроэсом, известным арабским философом, и в XVII—XIX вв. принималось многими последователями Аристотеля и различными мистиками. Лейбниц находит, что многие картезианцы, полагая, что Бог один действует во вселенной, бессознательно приближаются к тому учению и впадают в спинозизм. Он указывает на сходство между учением Спинозы и средневековой арабско-еврейской философией, ведущей свое начало от Аристотеля. Он изучает сочинение «*De secundita Hebraeorum philosophia*» Вахтера, который старался доказать, что Спиноза заимствовал свое учение из еврейской каббалы, и делает извлечение из сочинения еврейского философа Моисея Маймонида «*Doctor Perplexorum*», комментирует его и тщательно отмечает мысли и выражения, встречающиеся также у Спинозы.

В философии Спинозы, в которой Божество действует по слепой необходимости и в которой душа человеческая является только мимолетным видоизменением мировой субстанции, конечно, не могло быть речи о свободной воле. Учение о свободной воле

¹ Лейбниц. Теодицея / Изд. Эрдмана. Р. III. § 372.

стоит в тесной связи с представлением о Божестве. Спиноза не хотел допустить в Божестве ничего случайного и произвольного и поэтому заставляет его повиноваться необходимости. По его учению, мир не мог быть создан Божеством случайно, но возник по необходимости. Точно так же в мире не может произойти ничего случайного, все имеет свою причину, т. е. подлежит необходимости. На это Лейбниц возражает, что между необходимым и случайным заключается еще третье — то, что проистекает из свободной воли. Спиноза прав, говорит Лейбниц, если он отрицает в Божестве и в действиях человеческой воли случайность; но он несправедливо подчиняет их необходимости. Божество вполне свободно в Своих действиях, но Оно руководствуется всегда *лучшими* целями. Воля человека также свободна, хотя она далеко не всегда руководствуется лучшими целями. Спиноза говорит, что люди, считая свои поступки и действия *свободными*, т. е. не подлежащими необходимости, управляющей миром, создали для себя, так сказать, отдельный мир в мире или государство в государстве (*imperium in imperio*). Лейбниц на это возражает, что всякое существо в мире (субстанция) представляет государство в государстве, но только в гармонии со всем остальным.

Вследствие этой противоположности взглядов на свободную волю этика обоих философов должна была представлять совершенно иной характер. Этика Спинозы в известном смысле не знает различия между добром и злом. Добро и зло, правда, существуют сами по себе, но не от человека зависит направлять свои действия в ту или другую сторону. «Я приучил себя к тому, — говорит Спиноза, — чтобы рассматривать человеческие страсти, любовь, ненависть, гнев, зависть, честолюбие, сострадание и все другие чувства не как пороки человека, но как его свойства, которые принадлежат ему так же неотъемлемо, как природе воздух, жар, холод, буря, гром и другие подобные явления, хотя неприятные, но необходимые и проистекающие от определенных причин». Лейбниц одним выразительным словом определил это направление, и в его определении заключается в одно и то же время объяснение этики Спинозы и осуждение ее. «*Spinoza, — говорит он, — incepit, ubi Cartesius desivit — in naturalismo*» («Спиноза начал там, где кончил Декарт, — в натурализме»).

Действительно, этика Спинозы есть не что иное, как последовательное применение к нравственным наукам тех начал, которые Декарт выставил для наук математических и физических, т. е. механизма. Заслуга Декарта заключается в том, что он изгнал из этих наук понятие цели — телеологический метод, по которому явле-

ния природы рассматривались не по своему происхождению и по своим следствиям, а по своему отношению к человеку, — как орудия Провидения для нравственного воспитания человека и человечества. Человек считался центром вселенной, вся природа существовала только для него. Философия и наука XVII в. изменили этот взгляд. Они стали отыскивать в явлениях природы только причины (*causae efficientes*), а не конечную цель (*causae finales*), которая не может быть известна человеку, и для объяснения которой он всегда руководствуется своими человеческими потребностями и желаниями. Они провозгласили основным принципом математических и физических наук, что всякое материальное явление имеет свою материальную причину и что в природе все происходит по строгому закону причинности (*Causalität*).

Спиноза перенес этот принцип в духовную область. Он с торжеством восклицает: «Древние, насколько мне известно, никогда не понимали подобно нам, что душа действует по определенным законам». Итак, подобно явлениям природы, духовные явления должны быть рассматриваемы только как причина и следствие, но не с точки зрения цели; все действия человека имеют свою причину, т. е. необходимы, и поэтому в них не может быть ни доброй, ни дурной цели.

Но Спиноза не только перенес в духовный мир основной принцип физического мира, он прямо применил к этике положения картезианской физики. Декарт нашел закон, что количество движения в мире всегда остается одно и то же, или что отношение между движением и покоем всегда остается неизменным. Декарт говорит, что всякое движение в мире может быть вызвано только другим движением, или всякое тело может быть приведено в движение только другим движущимся телом. Спиноза переносит это в область идей и говорит: «Порядок и связь идей тождественны с порядком и связью предметов».

Нельзя слишком упрекать Спинозу за это применение физики к метафизике. Оно было в духе картезианской философии. Сам Декарт провозгласил этот принцип. «Эти физические истины, — говорит он в своих письмах, — составляют основание более разумной этики». Но не всякому человеку и не всякому мыслителю дана последовательность. Декарт ограничился провозглашением принципа, Спиноза построил на нем свою этику.

Лейбниц отвергал и основание этой этики, и ее результаты. Он доказал, что механические законы Декарта неверны. Лейбниц отстаивал в науке понятие о цели, или телеологический метод. Он находил его полезным даже в механических и физических на-

уках и признавал его положительно необходимым для объяснения явлений нравственных. Вся его философия есть борьба против ложного применения механизма к области духовных явлений. Sa monadologie, как выразился удачно один французский философ, c'est la pensée, qu'on opprime et qui se venge sur l'étendue¹.

Математический метод и механизм были знаменем науки в XVII в. Им она обязана своими лучшими успехами, и ими характеризуется деятельность самых замечательных деятелей этого века. Декарт перенес математический метод в метафизику; его философия проникнута механизмом; его физика построена на механических законах; даже органическую природу он начал объяснять этими законами; мы видели, что он отрицает существование души у животных и называет их автоматами и машинами. Но Декарт останавливается перед человеком; его религиозное воспитание и известный верный такт заставляют его быть непоследовательным. Спиноза идет далее; он прямо применяет механику к нравственным наукам, к психологии и этике. Возвышенность его точки зрения и чистая нравственность его собственной личности мешают ему заметить практический вред и несостоятельность этого учения. У Ньютона, как мы это часто видим у англичан, крайний механизм в науке соединяется с какой-то трезвой, практической религиозностью. Оттого философия и религия этого замечательного человека носят на себе характер какой-то наивности и ограниченности. Мироздание представляется ему громадной, в высшей степени научной машиной, а Божество — машинистом, который наблюдает за своим произведением.

Лейбниц был также приверженцем математического метода. Принцип его философии — монада — совпадает с его великим научным открытием, исчислением бесконечно малых величин. Но у него была в высшей степени гармоническая натура, и он не выносил никаких крайностей и преувеличений. Особенно неприятно должно было быть для него всякое преувеличение в применении механического метода вследствие его живого понимания индивидуальности и самостоятельности человека (Spontaneität), проявляющейся в свободной воле, в выборе между добром и злом. Поэтому Лейбниц постоянно восстает против крайностей господствующего направления своего века, против мертвого понимания органической природы в картезианской философии, против механической этики Спинозы, против эмпирической психологии Лок-

¹ Foucher de Careil. Leibniz, Descartes et Spinoza. P. 102: Его монадология... это мысль, убивающая протяженность, мстящая ей за себя (фр.). — Прим. пер.

ка, против механических представлений Ньютона о мироздании и о Провидении. Но полемика его не имеет раздражительного, личного характера, если она не вызвана нападками противников. Она не служит ему средством увеличить свой собственный авторитет и приобрести популярность: только изредка, например, встречаются в его сочинениях критические замечания против Спинозы, которые всего легче могли бы вызвать сочувствие общественного мнения. Главная часть этих замечаний написана на клочках бумаги, на полях книг, не предназначалась для печати и не скоро сделалась известной.

В откровенной беседе, в переписке с близкими людьми Лейбниц высказывает свои опасения насчет вредных последствий, которые может иметь крайнее развитие механического метода. В одном из писем к Арно он является как бы пророком, который ясно предвидит грядущее зло. Он предсказывает материализм и сенсуализм XVIII в. — крайнее развитие и популярное изложение начал предшествовавшего века. «Настает, — говорит Лейбниц, — философский век, когда искреннее стремление к распознаванию истины (*cura actior veritatis*) из философских школ проникнет в общество (*in viros reipublicae natos*) и к политическим деятелям... Нужно опасаться, чтобы последней ересью не был если не атеизм, то по крайней мере явный *натурализм* (*naturalismus publicatus*)». Мы знаем, что Лейбниц разумел под натурализмом, которого он так боялся и которому он предсказывал такое успешное развитие, — ложное применение математического метода и законов, которыми управляется неорганическая природа, к духовной жизни человека и неминуемое вследствие этого непонимание религиозных и нравственных явлений человеческой жизни, происхождение и свойства которых необъяснимы математическими и естественными науками.

ГЛАВА IV

ЛЕЙБНИЦ ПРИ ДВОРЕ ГЕРЦОГА ИОАННА-ФРИДРИХА В ГАННОВЕРЕ

Герцоги Брауншвейгского дома. — Переворот в политике немецких князей. — Сыновья герцога Георга. — Иоганн-Фридрих. — Положение Лейбница. — Его занятия как библиотекаря и герцогского советника. — Его записки и предложения. — Открытие фосфора. — Бранд. — Алхимические опыты. — Химик Бехер. — Улучшение рудопромышленности в Гарце. — Статистический альманах и центральный архив. — Записка о направлении занятий в школах и университете. — Уничтожение преследований против колдовства. — Сочинения Лейбница о праве немецких князей отправлять полномочных послов. — Его записки о соединении церквей. — Геолог Стено; его странное обращение в католицизм. — Смерть герцога. — Его торжественные похороны. — Надгробное слово Лейбница. — Его «идеал государя». — Его стихотворения на смерть герцога. — Его «правила жизни». — Его характеристика самого себя. — Цель его разнообразных занятий.

Герцог Брауншвейг Ганноверский Иоганн-Фридрих, ко двору которого Лейбниц переселился из Парижа, принадлежал к знаменитому своей древностью и знатностью дому Вельфов, ведущему свой род от итальянских маркграфов Эсте и через них от Карла Великого. В XII в. Вельфы были самым могущественным домом в Германии; им принадлежала Бавария и почти вся Саксония в тогдашнем смысле, т. е. земли, лежащие между Эльбой и Рейном. Они вступили в состязание с Гогенштауфенами, и политика их имела важное влияние на судьбы Германии и Италии. Самый знаменитый из Вельфов, Генрих-Лев, преследовал цель, которая потом была осуществлена Пруссией. Он задумал завоевать Славянские земли на правом берегу Эльбы, создать себе там крепкое воинственное государство, не зависимое от империи, и его средствами противодействовать древнегерманской политике, стремившейся к обладанию Италией и к верховному владычеству над христианским миром на основании императорского титула. Но он не выдержал борьбы с рыцарственным Фридрихом Барбароссой, лишился своих герцогств Баварии и Саксонии, и за потомками его остались только его аллодиальные Брауншвейгские земли.

Эти земли лежали между Везером и Эльбой; они были бедны и малонаселенны, потому что часть их на склонах Гарца была гориста, другая часть представляла бесплодную степь (Lüneburger Haide). Но потомки Генриха-Льва еще более ослабили свое могущество посредством раздробления своего наследия подобно другим княжеским домам в Германии. В конце XVI в. Брауншвейгские земли были разделены между тремя ветвями: старшая линия владела княжествами Каленберг и Грубенгаген, с городами Ганновером и Гёттингеном; вторая — княжеством Волфенбюттель; третья — княжеством Люнебург с главным городом Целле. Брауншвейг был вольным имперским городом. Владения каждой ветви были чересполосны и поэтому представляли еще большую дробность. Вследствие этого средства Брауншвейгских герцогов были чрезвычайно ограничены и придворная жизнь их отличалась крайней простотой и патриархальностью. Все придворные, например, должны были сходиться к обеду по данному знаку, и тот, кто не приходил вовремя, оставался без обеда. Пиво и вино раздавались каждому в известные часы дня по определенной мерке. Сидевшим за столом было воспрещено «наполнять карман хлебом, мясом и другими кушаньями», которые подавались на стол. Но если судьба не щедро наделила Брауншвейгских герцогов богатством, то она вознаградила их семейным счастьем. У герцога Люнебургского Вильгельма, который умер в 1592 г., было 8 дочерей и 7 сыновей. Все сыновья имели право наследовать отцу; но они заключили между собой сделку, что старший между ними должен управлять страной, и что только одному из них, по жребию, будет предоставлено право жениться; остальные же должны были или остаться холостыми, или же заключить так называемый брак *левой руки*, т. е. жениться на девушке не княжеского происхождения, чтобы их дети не имели права престолонаследия. Жребий пал на шестого из братьев, Георга; этот Георг принимал деятельное участие в Тридцатилетней войне, сражался то на стороне протестантов, то на стороне императора и умер в 1641 г., оставив после себя четырех наследников.

К счастью этих наследников, в 1634 г. прекратилась старшая линия Вельфского дома, и владения ее были разделены между двумя младшими ветвями. Княжество Каленберг с городами Ганновером и Гёттингеном досталось Люнебургской линии. Оно было отдано Георгу и перешло к его сыновьям, к которым после смерти дядей перешло также княжество Люнебург. Старший из них получил Люнебург, второй — Каленберг; а по смерти старшего, который не оставил детей, Люнебург перешел ко второму, Георгу-Виль-

гельму; Каленберг же, или Ганновер, достался Иоганну-Фридриху. Младший брат Эрнст-Август управлял епископством Оснабрюк, в котором, согласно с постановлением Вестфальского мира, должен был поочередно управлять то католический епископ, то кто-нибудь из герцогов Брауншвейгского дома.

При этих братьях снова возвысилось значение Вельфского дома, и преимущественно Ганноверского герцогства. Это возвышение основывалось на тех же причинах, которым Пруссия была обязана своим усилением в это время. То, что в Пруссии сделал Великий курфюрст, в Ганновере ввел герцог Георг-Вильгельм. Прежний патриархальный образ правления в этих странах уступил место другому, более энергическому и даже деспотическому, и притом более правильному. Земство, которое прежде определяло налоги, потеряло всякое значение. То, что прежде издавалось в виде сделки между земством и правительством, теперь издавалось в виде герцогских указов. Подати перестали считаться временными и сделались постоянными. К ним присоединились новые подати. На высшие правительственные места назначались не юристы и ученые доктора из шляхетского сословия, как прежде, а придворные дворяне, совершенно преданные герцогу, или иностранцы, не знакомые с преданиями страны. Правой рукой герцога сделался, таким образом, Мекленбургский барон Бернсторф, который впоследствии был первым министром в Ганновере при курфюрсте Георге I. На маленьких правителей Германии заразительно действовала пример Людовика XIV. Все они стремились к абсолютизму.

Главным же нововведением была постоянная армия, которая заменила прежние наемные войска. Содержание этой армии требовало много денег. Нельзя было ограничиваться, как прежде, доходами с доменов. Нужно было ввести правильную систему податей, придумать новые источники дохода, регалии и пошлины. Высшее финансовое искусство заключалось в том, чтобы собрать как можно больше денег со страны. Для этой цели истощались все средства страны.

Но зато у герцога была постоянная армия в 10 тысяч человек, очень значительная для того времени, когда Франция могла выслать за границу не более 70 тысяч. Свою маленькую армию герцог мог двинуть в поход в каждую данную минуту против кого ему было угодно. Это заставляло других добиваться его дружбы и давало ему немаловажное значение и голос в европейских делах.

В 1665 г. Георгу-Вильгельму в Ганновере наследовал Иоганн-Фридрих, который продолжал дело, начатое братом. Он прямо объявлял, что он император в своей стране. При нем доходы гер-

цогства увеличились и число постоянного войска было доведено до 14 тысяч.

Подобно другим князьям этого времени, Иоганн-Фридрих отдавал войско внаем; так, в 1668 г. он послал венецианцам отряд в 2800 человек для защиты Кандии против турок.

Подобно своему отцу, который был прозван Одиссеем, и всем своим братьям, Иоганн-Фридрих страстно любил путешествовать. Все время, от смерти отца и до смерти старшего брата, которая открыла ему путь к престолу, т. е. 25 лет, он провел в путешествиях и посетил Францию, Англию, Голландию и Италию. Подобно своим братьям, он особенно любил Венецию и несколько раз ездил туда. Уже сделавшись герцогом Ганноверским, Иоганн-Фридрих еще раз отправился в Венецию и заставил внести себя в Золотую книгу венецианской аристократии.

Венеция со своей блестящей аристократией, со своей утонченной роскошью, со своей оперой и художественными произведениями, с увеселениями своего карнавала, со своими красавицами, которые так выгодно отличались своей приветливостью от ганноверских баронесс, имела чарующую силу для этих северных князьков. Они там совершенно забывали про свою родину и про страну, которой они управляли. Напрасно их министры, не знавшие, откуда достать денег, настаивали на том, чтобы они возвратились. «Господин маршал, — писал герцог Георг своему гофмаршалу, — не поверит, как здесь весело; если бы он попал сюда, он бы не захотел возвратиться в Германию». Как нравилась им Венеция, можно судить по тому, что эти герцоги, гордые своим происхождением и утверждавшие, что они «императоры над своими подданными», считали за честь, если их вписывали в Золотую книгу венецианских «Nobili».

Они страстно предавались удовольствиям; проигрывали большие суммы и не меньше тратили на танцовщиц и оперных певцов. Герцог Георг даже привез с собой танцовщицу Зенобию Буколини, и она была причиной того, что он так поздно женился. Ее сын от герцога, Букко, был сделан обер-шталмейстером при дворе своего отца.

Иоганн-Фридрих сделался жертвой другого влияния. Он попал в руки католического духовенства и принял в Италии католицизм. Напрасно из Ганновера отправили для его спасения профессора Блума. Тот сам принял католичество и был возведен императором в сан барона и в члены придворного совета.

Когда Иоганн-Фридрих вступил в управление Ганновером, он привез с собой капуцинов и пригласил к своему двору множество

католиков. Папа назначил к его двору апостольским викарием епископа Мароккского, а потом Титопольского (*in partibus infidelium*). Некоторые из придворных приняли, в угоду герцогу, католичество; но пример их не имел влияния. Герцог женился на католичке, на дочери пфальцграфа Эдуарда, сына известного курфюрста Пфальцкого Фридриха V и итальянской принцессы Анны Гонзаци, воспитывавшейся в Париже.

Эта перемена религии, а может быть, и этот брак имели влияние на политику герцога. Тогда как его брат Георг, друг Вильгельма Оранского, ненавидел французов и был приверженцем императора, Иоганн-Фридрих искал дружбы Людовика XIV. Он получал от него значительные субсидии, и из Франции был прислан генерал, который обучал ганноверских солдат французскому строю. Когда в 1673 г. началась война между Францией и империей, Иоганн-Фридрих, вместе с Кельном и Мюнстером, принял сторону Франции и заключил с ней оборонительный союз, несмотря на то что принцы его дома сражались в рядах императорского войска против французов. Наконец соседние князья, во главе которых была Пруссия, заставили его объявить себя нейтральным и выслать свой контингент в имперскую армию.

Частые путешествия и долгое пребывание за границей имели по крайней мере одну хорошую сторону для герцога Ганноверского. Они содействовали его образованию и развили в нем уважение к науке и любознательность, необыкновенную для людей его положения, особенно в то время в Германии. Иоганн-Фридрих интересовался не только, как многие из его современников, теми химическими опытами, которые обещали привести к давно искомому результату, к искусству превращать в золото дешевые металлы, но и более серьезными исследованиями в химии и в других естественных науках. Он тратил большие деньги на покупку книг и составил в своем дворце хорошую библиотеку. Он подражал Людовику XIV в том, что давал из своих небольших средств пенсии некоторым ученым; но он этим не ограничивался, а старался познакомиться с ними и приблизить их к себе.

С Лейбницем, как мы видели, Иоганн-Фридрих познакомился еще в Майнце, и тогда уже желал перевести его в Ганновер. После того он писал ему несколько раз в Париж и приглашал к своему двору, для того чтобы тот мог, «при своих разнообразных и многотрудных правительственных занятиях, находить в его обществе отдохновение и развлечение».

Лейбниц сначала не имел в Ганновере никаких определенных занятий. Он был советником герцога, как тогда говорилось, «Herz.

Rath von Haus aus», т. е. чем-то вроде частного секретаря. Он должен был отвечать на запросы герцога и давать ему объяснения по самым различным предметам, иными словами, служить ему живым справочным словарем. Он должен был поддерживать обширную переписку с замечательными людьми разных стран и сообщать герцогу все важные новости по части наук и литературы, которые он узнавал этим путем. При тогдашнем положении книжной торговли, при отсутствии критических журналов, особенно в Германии, только с помощью такой переписки можно было следить за успехами наук и узнавать мнения специалистов о том или другом новом сочинении. Наконец Лейбниц должен был подавать герцогу записки обо всем, что он считал важным, об улучшениях и применении новых научных изобретений к самым разнообразным отраслям промышленности.

Через некоторое время после приезда Лейбница освободилось место библиотекаря, и герцог дал ему это место. Лейбниц серьезно посмотрел на свою обязанность. Он заботился не только о том, чтобы ввести порядок в расположение библиотеки и составить для нее каталог по самой разумной системе, но и о том, о чем редко заботятся другие библиотекари, — чтобы пополнять библиотеку и при самых небольших средствах приобретать самое нужное по всем отраслям человеческого знания, для того чтобы библиотека действительно соответствовала своему назначению и представляла полный обзор всего, что достигнуто в различных науках. Для этой цели Лейбниц придерживался следующего правила. «Мне кажется, — говорит он, — что нужно иметь большое разнообразие и обилие в исторических книгах, но что достаточно иметь самое необходимое во всех остальных науках. Не числом, а выбором можно достигнуть этой цели, и я бы предпочел 2 или 3 тысячи избранных сочинений шести или семи других»¹.

Лейбниц убедил герцога приобрести целиком библиотеку, оставшуюся после смерти гамбургского медика и естествоиспытателя Фогеля. Он был в переписке с этим ученым и, узнав о его смерти еще в Париже, хлопотал о том, чтобы эта важная библиотека не была разрознена. В 1673 г. он отправился по поручению герцога в Гамбург для ее приобретения и этим чрезвычайно обогатил библиотеку Иоганна-Фридриха, которая сделалась основанием Королевской Ганноверской библиотеки.

Лейбниц, однако, был не совсем доволен своим положением. Несмотря на то что к его прежним занятиям присоединились

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. IV. P. 378.

занятия по библиотеке, он продолжал получать 400 талеров. В его бумагах находится несколько писем к герцогу на немецком и французском языках, в которых он просит назначить ему, кроме 400 талеров, еще содержание, выдававшееся его предшественнику библиотекаряю. «Я менее всего на свете, — пишет он, — желаю излишнего (*le superflu*), но я не могу, без крайнего неблагоразумия, пренебрегать необходимым». Лейбниц обращает внимание герцога на то, что в течение 10 лет, за исключением очень короткого времени, он не получал никакого жалованья, что он в это время должен был истратить свои деньги и что ему необходимо подумать о будущем¹.

Кроме этой просьбы у него была еще другая. Ему не хотелось оставаться в звании заштатного гофрата; он желал сделаться действительным членом придворной канцелярии герцога и продолжать юридическую карьеру, начатую в Майнце.

«Ваша светлость знает, — пишет Лейбниц герцогу, — что люди, которые возятся только с книгами, не пользуются большим уважением, а обыкновенно считаются неспособными к другим занятиям. Для меня это будет тем неприятнее, что обо мне прежде было совсем другое мнение и что я действительно занимал место в юридической службе. К тому же должность библиотекаря пользуется уважением только у тех князей, которые, подобно вашей светлости, обладают необыкновенным умом. Но и здесь эта должность вовсе непостоянна и сама библиотека не публична». Лейбниц обращает внимание герцога на то, что уже 10 лет тому назад получил степень доктора и с тех пор имел почетные поручения (*anständige Vocationen*). Место библиотекаря ему было бы гораздо приличнее 10 лет тому назад, и ему не хотелось бы отстать от людей, которые стояли ниже его и которые между тем успели занять почетное и выгодное положение.

¹ *Ibid.* P. 373: Pendant tout ce temps là j'ai eu partout le bonheur d'avoir l'approbation des personnes le plus approuvées et le moins suspectes; mais les avantages n'ont pas été proportionnés aux applaudissemens, que j'ai reçus. Ce que j'impute partie à la froideur de mon naturel à m'intriguer en matière d'interest, m'estant toujours imaginé, que la justice se doit faire elle même sans ces sollicitations basses, partie aux conjunctures du temps, etc. (В течение всего этого времени я имел счастье пользоваться поддержкой людей, больше соглашавшихся со мной, чем в чем-либо меня подозревавших; но выгоды не были пропорциональны рукоплесканиям, которыми меня встречали. Отчасти я объясняю это своим от природы прохладным отношением к материальным интересам, поскольку мне всегда представлялось, что справедливость должна пробить себе дорогу сама, не унижаясь до челобитных; отчасти стечением обстоятельств, и т. д. (*фр.*). — *Прим. пер.*)

Обе просьбы его были исполнены герцогом. На третий год своего пребывания в Ганновере он получил место в гофрате, который соответствовал в Ганновере министерству юстиции. Он остался при этом библиотекарем герцога¹. В новой должности ему приходилось читать судебные акты, произносить приговоры в процессах и иногда, по желанию герцога, высказывать свое мнение об общих государственных делах. Но он пользовался большими льготами. Ему позволялось посвящать канцелярии не все свое время и ходить туда только в свободное от других занятий время. Герцог ценил в нем по преимуществу ученого и хотел ему дать возможность продолжать прежние занятия. «Я, право, не желал бы, — пишет Лейбниц Конрингу о своих занятиях в надворной канцелярии, — быть приговоренным к тому, чтобы постоянно влачить эту Сизифову скалу канцелярских занятий, даже если бы мне были обещаны самые богатые сокровища и самые высокие почести».

Лейбниц никогда не мог находить полного удовлетворения ни в кабинетной жизни ученого, ни в практической деятельности, которую представляла юридическая или государственная служба. Он всегда старался соединить и то и другое. Когда в 1680 г., после смерти Ламбеция, Лейбниц стал искать места библиотекаря в Вене, он выставил первым условием, чтобы его назначили также в число протестантских членов императорского гофрата (высшей судебной инстанции в империи по делам, не подлежащим *Рейхскамер-герихту*. «Занимая место, — писал он в Вену, — в совете моего государя, я не желал бы сойти с этой степени; а это бы случилось, если бы я принял на себя место простого императорского библиотекаря и историографа, и таким образом из блеска практической деятельности отступил бы в тень».

Предложения, которые Лейбниц делал герцогу, и записки, которые он ему представлял, можно разделить на два разряда. Одни касались естественных наук или улучшений по разным отраслям промышленности и государственного устройства, т. е. служили к увеличению герцогских доходов; другие были политического свойства.

Однажды Лейбниц сообщает герцогу, что получил письмо из Парижа о новом способе лить чугун. Изобретатель этого способа уверяет, что пушки, вылитые из этого чугуна, не уступают в крепости лучшим медным. Лейбниц просит у герцога позволения

¹ Как гофрат Лейбниц получал теперь жалованья 375 талеров, квартирных 50 талеров, на дрова 40 талеров, соли на 2 талера, ржи (24 малтера) на 48, ячменя (24 малтера) на 36 талеров, гороха на 3, всего 554 талера; и как библиотекарь — 400 талеров (Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. IV. P. XXXIV).

съездить в рудники в Гарце, чтобы познакомиться со свойствами тамошней руды и выслать изобретателю несколько образчиков ее для исследования.

Лейбниц познакомил герцога с новым химическим открытием, которое в то время сделало много шума, — с фосфором. Заслуга этого открытия принадлежит одному малоизвестному химику в Гамбурге — Бранду. Бранд, по указанию одной алхимической книги, занимался разрешением проблемы превращать серебро в золото с помощью какого-то жидкого состава, приготовляемого из мочи. Эти алхимические опыты навели его случайно на открытие фосфора. Этому открытию в первое время придавали совершенно ложное значение. Между многими странными задачами, над которыми задумывался тогдашний век, было также изобретение неугасаемого света; фосфор, казалось, соответствовал желанному результату. Бранд сообщил о своем открытии саксонскому коммерц-советнику Крафту, который, вместе с камердинером курфюрста Кункелем, отправился в Гамбург, чтобы узнать от Бранда тайну приготовления фосфора. Узнав кое-что и дополнив свои сведения собственными опытами, они начали выдавать новое открытие за свое и путешествовать по Европе, чтобы продать секрет.

Крафт, во время своего проезда через Ганновер, познакомился с Лейбницем и назвал Бранда как первоначального изобретателя. Лейбниц убедил герцога назначить Бранду ежегодную пенсию в 120 талеров и пригласить его в Ганновер, чтобы он там мог производить свои опыты в больших размерах. Когда в 1678 г. Лейбниц ездил в Гамбург для покупки библиотеки Фогеля, он заключил условие с Брандом, и тот действительно приехал в Ганновер. Герцог сам интересовался его опытами и сделал распоряжение, чтобы целыми бочками доставляли необходимый ему материал. Пока жив был герцог, Бранд исправно получал свою пенсию, а это, говорит Лейбниц, было, может быть, единственной выгодой, которую доставило ему его открытие.

В Ганновере от этих опытов ожидали важных результатов. Бранд сообщил Лейбницу в Гамбурге, что он знает тайну, каким образом с помощью нового света, т. е. фосфора, превращать серебро в золото. Из письма Лейбница к герцогу видно, что он не совсем не доверял обещаниям Бранда. Он поспешил дать ему денег и заключить с ним условие, чтобы помешать ему разболтать свою тайну другим. Бранд был человек простой и легковверный, и его так же легко было обмануть, как он обманывал самого себя.

Лейбниц особенно боялся в Гамбурге некоего доктора Бехера, который не отходил от Бранда и обещал ему пожизненную пенсию

в 10 талеров еженедельно и разные другие выгоды, если тот станет работать вместе с ним.

Этот Бехер был очень способный человек и известный в свое время химик, хотя он, как многие химики того века, был более похож на искателя приключений, чем на настоящего ученого. Многие считали его *адептом*, т. е. приписывали ему умение делать золото. Но при всем своем шарлатанстве Бехер оставил след в науке. Он был основателем так называемой флогистической теории в химии, которая потом была развита Шталем и господствовала до исследований Лавуазье¹.

Через некоторое время Лейбниц имел с ним еще одно неприятное столкновение. Бехер явился в Ганновер, чтобы воспользоваться столковерием герцога и предложить ему свое алхимическое искусство. Лейбниц помешал ему в его планах, и за это Бехер возненавидел его и впоследствии отомстил ему. Лейбниц, узнав, что он интересуется механикой, говорил ему, между прочим, о некоторых улучшениях в механике дилижансов, которые он придумал. Бехер воспользовался этим разговором, чтобы подвергнуть Лейбница насмешкам. В 1683 г. он издал сочинение «Глупая мудрость и мудрая глупость», осмеивая в нем все изобретения и проекты своих современников, которые считал невозможными и несбыточными, конечно, преувеличивая и искажая их. Между мудрыми глупостями Бехер приводил проект Лейбница об устройстве дилижанса, который мог бы проехать от Ганновера в Амстердам за 6 часов.

Лейбниц должен был оправдываться перед герцогом в том, что он никогда не имел такого проекта. Он ссылался на то, что Бехер известен своими странностями (*extravagances*), заносчивостью и злобой. Впрочем, несмотря на это, Лейбниц отдавал должное его заслугам. В 1692 г., по смерти Бехера, он писал о нем: «Этот Бехер был способный человек и много знал, хотя больше от других, чем по собственному опыту. Во всяком его сочинении находятся новые химические принципы. Но я не знал и даже не вообразал, что есть люди, которые его считали адептом».

Такие адепты, которые посещали дворы и своим шарлатанством обманывали многих, были тогда нередки. Лейбниц пишет однажды герцогу о некоем Венцеле, которого император за его заслуги сделал бароном и начальником Богемского монетного двора. Этот барон Венцель фон Рейнбург предлагал герцогу «*comme par grace et pour faire cet honneur à V. Altesse Serenissi-*

¹ *Guhrauer. Leibnitz. II. P. 299.*

те»* превратить две серебряные медали в золотые, одну целиком, другую наполовину. Лейбниц пишет по этому поводу герцогу, что «нужно принять все меры предосторожности: лучше обе медали превратить наполовину» и т. д.

В другой раз Лейбниц пишет герцогу о введении в Ганновере шерстяной промышленности через того же Крафта, о котором мы упоминали выше. Этот Крафт предлагал еще курфюрсту Майнцскому привезти к нему рабочих из Голландии и устроить у него фабрики для производства шерстяных товаров. Но смерть курфюрста помешала этому, и Крафт обратился со своим предложением в Саксонию, где ему действительно удалось устроить несколько фабрик.

Между бумагами Лейбница находится также один интересный отрывок, в котором он защищает введение машин для замены ручной работы. Тогда это был вопрос еще новый и возбуждавший общее внимание. О нем рассуждали в это время на Регенсбургском сейме; и незадолго еще перед этим голландское правительство запретило употребление машин; в Лондоне ученики мастеровых разрушили дома тех рабочих, которые употребляли машины, а придворный проповедник курфюрста Саксонского сделал из этого религиозный вопрос.

Внимание Лейбница было также обращено на монетную систему — вопрос, который одинаково занимал его знаменитых современников Локка и Ньютона. При раздроблении на мелкие государства, при произволе и невежестве, которые господствовали в этих делах, этот вопрос был очень важен для Германии. Лейбниц постоянно защищал принцип, что нужно чеканить серебряную монету как можно более высокой пробы, и этому правилу действительно следовали при дворах Брауншвейгских князей, которым богатые рудники в Гарце доставляли серебро в достаточном количестве, так что брауншвейгские монеты считались даже лучше английских. В 1700 г. Лейбниц писал Бюрнету, что он прежде много думал об этом предмете и открыл множество заблуждений, распространенных о нем. В другой раз он писал: «Монетная система — такой предмет, о котором я думал не менее всякого другого. Я написал об этом столько замечаний, что из них легко составил бы целый том». Но более, чем все приведенные нами проекты, занимал Лейбница вопрос об улучшении рудокопства в Гарце. Ежегодная прибыль с этих руд составляла весомый доход Ганноверского гер-

* В благодарность и чтобы оказать эту честь его светлости... (фр.). — Прим. пер.

цога. В 1678 г. он получил с них 77 тысяч талеров на 342 тысячи талеров всего дохода. Прежде эти руды были в большом запустении. При Иоганне-Фридрихе производство поднялось и доход возрос. Но доходы можно было еще более увеличить при некоторых улучшениях в производстве работ, и на это-то Лейбниц обратил свое внимание. Каждый год приходилось покидать богатые руды вследствие того, что в них накапливалась вода, которую не умели отвести. Лейбниц начал придумывать машины, чтобы очищать руды от этой воды. Герцог так заинтересовался этим планом, что обещал Лейбницу ежегодную пенсию в 2 тысячи талеров, если ему удастся осуществить его, и приказал чиновникам своего горного правления оказывать Лейбницу необходимую помощь. По уверению Лейбница, он был близок к цели, когда смерть герцога остановила работы. Они были возобновлены уже при преемнике его, Эрнсте-Августе. Лейбниц часто проводил по несколько месяцев в Гарце, но он должен был бороться не только с затруднениями, которые представляло само дело, но и с препятствиями, придуманными завистью и невежеством. Лейбниц сам просил у герцога, чтобы ему позволили оставить дело. В 1684 г., например, он просил герцогиню Софью, чтобы она походатайствовала за него перед мужем. «Я сделал то, — писал он ей, — что считали невозможным, и надеюсь, чтобы мне позволили с честью отказаться от этого поручения». В письмах Лейбница к герцогу Иоганну-Фридриху, относящихся к этому вопросу, есть одно место, которое чрезвычайно характеризует понятия и сведения той эпохи. Лейбниц убеждает герцога, что надобно спешить с улучшением горного производства. «Ибо эти сокровища уменьшаются, если ими пренебрегают. Рудодобытчики справедливо полагают, что металлы поднимаются и опускаются, что испарения уничтожают в них самые существенные части, так что там происходят постоянные перемены и, может быть, через 100 лет не будет ни одного куска тех металлов, которые теперь там находятся»¹.

Лейбниц надеялся посредством этого увеличения доходов герцога достигнуть осуществления своей заветной мысли — учреждения в Ганновере академии, члены которой могли бы предаться изучению практических наук и своими изобретениями вызвать новые промыслы и увеличить благосостояние народа. В уме Лейбница мысль о серьезной науке, о теории, всегда соединялась с мыслью о практическом применении ее. Извлекая из нее тотчас практическую выгоду, Лейбниц думал оправдать отвлеченную на-

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. IV. P. 404.

уку и доказать необходимость постоянно прибегать к теории, к отвлеченной мысли. Оттого он не любил университетов, представлявших только сухую и часто бесполезную теорию, и постоянно хлопотал об учреждении академий, которые должны были соединять научные исследования с практическим их применением. «Если научные учреждения, — писал Лейбниц герцогу, — как бы они ни были важны, кажутся бесполезными, то народ отзывается о них дурно и воображает, что такими пустыми забавами растрачивается достояние подданных, хотя бы издержки были и незначительны. Но если он видит, что думают только о том, чтобы облегчить его положение, дать ему средство заработать свой хлеб, производить дома то, что привозится от иностранцев, извлечь выгоду из произведений страны, он только будет благословлять такие благие намерения. И так как все подобные предприятия основаны на механике и физике, то нет лучшего средства поддерживать науку, как соединяя с ней эти практические цели».

Но пока нельзя было и думать об устройстве в Ганновере такого ученого общества. Лейбниц один старался заменить собой целую академию. Для того чтобы быть более в состоянии давать герцогу советы, Лейбниц считал прежде всего нужным собрать как можно больше фактических сведений о положении герцогства и о состоянии различных промыслов и различных отраслей государственного хозяйства. В одной из своих записок он указывает герцогу на то, что император Август постоянно носил при себе нечто вроде справочной книги «*Breviarium Imperii*»*, в которой заключались самые главные сведения о состоянии его империи, собранные из различных архивов при канцеляриях и местных управлениях. Эта книга служила основанием самых важных постановлений его. Лейбниц советует герцогу составить для себя такую книгу и предлагает ему свои услуги. Эта книга должна была служить, по предположению Лейбница, тем, что в XIX в. называется статистическим сборником, и в то же время заключать в себе указатель, в каком архиве и в каком месте его можно собрать все нужные сведения по известному предмету. С этой целью он советует герцогу учредить центральный архив или назначить центрального архивария, который имел бы право требовать от всех присутственных мест в герцогстве и от всех чиновников все сведения, касающиеся их ведомства, т. е. нечто вроде статистического комитета в XIX в.

Лейбниц прямо высказывал герцогу, что он с удовольствием принял бы на себя эту должность, и действительно, такая долж-

* Бревиарий империи (лат.). — Прим. пер.

ность была бы совершенно по нем. Но опасаясь возбудить подозрение герцога, что он действует по внушению честолюбия, т. е. желает таким путем сделаться чем-то вроде первого министра, герцогского *fac-totum*, Лейбниц говорит, что эта должность могла бы остаться тайной для всех и известной одному герцогу.

Лейбниц должен был опасаться зависти других министров и советников герцога, которые не могли сочувствовать подобным проектам. Поэтому, представляя свои записки герцогу, он часто просит его никому их не показывать, сделать к ним собственноручные замечания и возвратить их ему.

С этим центральным архивом Лейбниц соединял еще много других важных планов. Кроме краткого статистического альманаха, при этом архиве должны были бы издаваться несколько важных сборников и собраний документов. Лейбниц считал необходимыми следующие сборники:

— сборник всех договоров, заключенных с соседними и иностранными государствами;

— сборник всех постановлений, касающихся княжеского Брауншвейгского дома;

— свод законов и постановлений, изданных правительством герцогства, который распадался бы на несколько отделов: *Regierungsordnung*, *Canzleyordnung*, *Amtsordnung*, *Forstordnung*, *Ausschussordnung* и др.;

— собрание всех земских постановлений, *Landtagsabschiede*, в которых находится много полезных указаний;

— собрание всех привилегий, почестей и преимуществ, признанных за герцогским домом;

— собрание всех решений имперских судов в Шпейере и в Вене, касающихся Брауншвейгского дома;

— собрание всех притязаний этого дома;

— собрание всех привилегий и постановлений, касающихся городов, общин, обществ, ремесел и отдельных семейств в стране;

— сборник сведений, относящихся к географии страны;

— сборник исторический, служащий дополнением к летописям страны, и несколько других сборников, необходимость которых сказалась бы с течением времени.

Легко заметить, что некоторые из предположенных сборников имели целью только заинтересовать герцога и расположить его в пользу такого предприятия, но что вообще все предприятие было бы в высшей степени полезно. Оно свидетельствует об обширности ума Лейбница, о том, насколько он опередил свой век и к какой блестящей деятельности он был бы способен, если бы нашел себе

большой простор. Мы укажем еще на один план Лейбница, который доказывает, как высоко он понимал значение науки и какую благодетельную реформу он произвел бы в системе народного образования, если бы ему дали возможность осуществить свои планы.

В Ганновере, как и во всех протестантских государствах северной Германии, во время Реформации было конфисковано множество имений, принадлежавших католическим епископам, монастырям и церквам. Еще во время Тридцатилетней войны Ганновер приобрел таким образом аббатство Валькенрид. Большая часть этих имуществ, по крайней мере в Ганновере, состояла под особенным ведомством, и доходы с них обращались в пользу школ, университетов, на содержание духовенства и др. В Ганновере сохранились даже от времени католицизма несколько так называемых *Pfründen* — доходы, которые отдавались в пожизненное пользование различным лицам в виде награждения или в дополнение жалованья, преимущественно профессорам и проповедникам; так, Моланус, председатель Ганноверской консистории, носил звание аббата Локумского и получал доходы, принадлежавшие этому аббатству. И Лейбницу было обещано герцогом Иоганном-Фридрихом одно из таких мест, если оно сделается вакантным. Лейбниц просил герцога поручить ему управление всеми этими имуществами и, кроме того, заведование стипендиями и суммами, завещанными с благотворительной целью. «Эти имущества, — писал он герцогу, — могут еще и теперь быть употреблены для благочестивых целей (*à des causes pieuses*), не так, как это понимает народ, но не менее к славе Божией, как сообразно с благоразумием и с общественной и государственной пользой». Лейбниц надеялся, таким образом, выискать средства к осуществлению тех ученых и промышленных учреждений, которые он считал необходимыми. Но он рассчитывал, кроме того, посредством этого получить влияние на направление занятий в Гельмштедтском университете, который содержался на счет всех княжеских линий Брауншвейгского дома, и на школы герцогства, так как от него зависело бы в этом случае жалованье профессорам и стипендии учащимся. «Так как эти люди, — пишет он герцогу, — должны были бы относиться ко мне по своим делам, я мог бы направлять их на полезные занятия. Ибо жалко смотреть, как много способных и трудолюбивых молодых людей занимаются пустяками (*niaiseries*) по недостатку такого лица, которое могло бы указать им предметы, достойные их трудов и более подходящие к их способностям и наклонностям. Некоторых можно было бы направлять к исследованиям в математике и в механике и к физическим опытам. Тем же, которые склон-

ны к литературным занятиям (*gens de belles lettres*), можно было бы предлагать темы по истории и публицистике, которые были бы полезны и бросили бы свет на историю страны и на ее состояние, не говоря уже о сборниках и изданиях материала, которые можно было бы поручать людям, только к этому способным».

«В Гельмштедте читается столько лекций и защищается столько тезисов, часто составленных с тщательностью и понимаем дела; но что можно было сделать, если бы эти университетские господа так же охотно занимались действительностью, как и призрачными тонкостями?»¹

Издатель сочинений Лейбница Онно Клопп не без некоторого основания приписывает также его влиянию уничтожение в Ганновере этого странного предрассудка его времени, так называемых преследований за колдовство. Как известно, первый, кто понял, что колдовство существует только в воображении невежественных судей и суеверной толпы и что эти тысячи бедных людей и даже детей, ежегодно погибавших на костре за то, что они в муках пытки наговаривали на себя то, что им подсказывали их фанатические судьи и исповедники, — только невинные жертвы векового предрассудка, был иезуит Фридрих Шпее. Он убедился в этом, так как ему не один раз приходилось напугивать таких несчастных на ужасную смерть, и он высказал это убеждение в своем знаменитом сочинении «*Cautio criminalis circa processum contra sagas*»*. Дело было, однако, так опасно, что он издал свое сочинение анонимно, и если бы не Лейбниц, то мы бы не знали имени человека, который своим простым умом опередил самых мудрых и высокоученых юристов своего века. Лейбниц несколько раз в своих сочинениях упоминает о почтенном иезуите и всякий раз говорит о нем с самой высокой похвалой. Мы уже сказали, что курфюрст Майнцкий И. В. Шёнборн первый уничтожил в своей стране преследование против колдовства; его примеру последовал Иоганн-Фридрих, герцог Ганноверский. Сам Лейбниц перевел на французский язык для герцогини Софьи введение к сочинению патера Шпее, и поэтому предположение, что Лейбниц имел влияние на уничтожение при Иоганне-Фридрихе процессов за колдовство, не лишено вероятности.

Второй отдел занятий Лейбница при дворе герцога Ганноверского составляют его труды политического и религиозно-политического содержания.

¹ Die Werke v. Leibniz. P 423: Si ces messieurs de l'université trouvoient leur conte aussi bien dans les realités, que dans les subtilités en l'air.

* «Предостережение обвинителю» (лат.). — Прим. пер.

В Париже Лейбниц имел мало времени и возможности заниматься политикой и публицистикой. В его бумагах найдено несколько относящихся сюда отрывков, но до сих пор неизвестно, для кого они были написаны и почему не были окончены. Один отрывок отлично описывает политическое состояние Швеции около 1674 г., когда с совершеннолетием Карла XI вновь начала усиливаться королевская власть за счет самовольной и избалованной аристократии, расточавшей средства страны. В другом отрывке Лейбниц в кратких, но метких выражениях обрисовывает истощение Франции, плохо прикрываемое внешним блеском двора. «Париж процветает, провинции беднеют»¹, — говорит Лейбниц. Он указывает на дороговизну капиталов, высокие проценты, распродажу имений и отсутствие покупателей, падение торговли и промышленности вследствие войны и высоких пошлин как на верные признаки обеднения страны.

Несколько отрывков касаются плена и освобождения князя Фюрстенберга и заключения мира между Францией и Германией. Известно, что нападение французов на Голландию заставило императора и Испанию объявить войну Людовику XIV. По настоянию Швеции, союзницы Франции, воюющие державы согласились в 1674 г. прислать своих уполномоченных в Кельн для переговоров о мире. Сюда же, в Кельн, явился без охранной или пропускной грамоты князь Вильгельм Фюрстенберг, советник курфюрста Кельнского, совершенно преданный Франции и постоянно действовавший в ее интересах. Его влиянию и советам приписывали насильственные действия Франции в Эльзасе и Лотарингии и ее высокомерие на Кельнском конгрессе. Император, по совету своих послов, приказал схватить Фюрстенберга как вероломного вассала и отвезти его в Вену. Франция и Швеция объявили это нарушением международного права, отозвали своих уполномоченных из Кельна, и переговоры о мире были на долгое время отсрочены.

Лейбниц, несмотря на свой патриотизм и на привязанность к императору, рассматривает в своих отрывках дело Фюрстенберга чрезвычайно объективно и беспристрастно; он вычисляет все обвинения против него и приводит все, что можно было сказать в его оправдание. Наконец разбирает все дело с точки зрения международного права и осуждает способ действия императорского правительства. Лейбниц называет себя в одном из этих отрывков *sempersibisimilis**, намекая на то, что он в самых разнообразных

¹ Parisii florent, provinciae exhauriuntur (Die Werke v. Leibniz. III. P 78 etc.).

* Всегда остающийся собой (лат.). — Прим. пер.

обстоятельствах остается верен себе, т. е. беспристрастен, не поддаваясь духу партий и всегда имея в виду не частный, а общий интерес. В этом случае он больше всего желал восстановления европейского мира и в последнем отрывке обсуждает основания, на которых мог бы быть заключен этот мир.

Пребывание в Ганновере снова дало Лейбницу возможность заняться политикой и выказать свой замечательный талант к публицистике. Но, как можно было ожидать, его талант в Ганновере поглощался мелочными интересами маленького немецкого двора и не находил соответствующей себе задачи. В этом случае, как и во многих других, выказывается весь вред политической раздробленности, которую так часто выставляют в Германии с идеальной стороны.

Главная забота Ганноверского герцога состояла в том, чтобы обеспечить за собой право посылать, подобно великим державам, на конгресс и к иноземным дворам уполномоченных послов с подобающими их званию почестями. В 1675 г. в Нимвегене собрался конгресс для переговоров о мире. На этом конгрессе не хотели допускать уполномоченных от немецких князей иначе, как в звании «представителей» (*deputés*); тогда как уполномоченные от курфюрстов были допущены в звании послов (*ambassadeurs*), подобно дипломатам Франции, Англии, Испании и др. Напрасно герцоги Брауншвейгского дома обращались к Англии, как посреднической державе на конгрессе, с требованием, чтобы их послы были сравнены в правах с правами курфюрстов. Напрасно они объявили императору, что готовы на всякое пожертвование в пользу империи, если их просьба будет им исполнена. Желание их не было удовлетворено, и переговоры об этом тянулись несколько лет. По этому поводу возникла целая литература полемических сочинений в пользу княжеских притязаний и против них. Этот спор на первый взгляд может казаться только пустым изобретением тщеславия и педантизма, которым отличались дипломаты XVII в. Во время между послами постоянно происходили столкновения из-за титулов, из-за почестей и мелочей дипломатического церемониала. Известно столкновение между французским и испанским послом в Лондоне, во время которого лондонская чернь приняла сторону последнего и которое едва не послужило поводом к разрыву между Францией и Испанией. Вскоре после того подобная ссора возникла между императором и курфюрстом Бранденбургским за то, что императорский посол в Варшаве не хотел дать бранденбургским послам титул превосходительства. Но спор, о котором мы хотим говорить, представляет более серьезную сторону. В настоя-

щем случае важен был не столько титул, сколько политический принцип, скрывающийся за ним. Немецкие князья давно стремились к самостоятельности и независимости от императора. До Тридцатилетней войны, однако, их независимость касалась только внутреннего устройства империи; во внешних же отношениях империя представляла одно государство. После Тридцатилетней войны Германия перестает быть государством, хотя сохраняет прежние формы; она является группой самостоятельных государств, весьма слабо связанных политическими преданиями и федеральными формами. Выражением этого нового порядка вещей является стремление князей заключать союз с иностранными государствами, что было допущено Вестфальским миром, и выступать на конгрессах в качестве европейской державы. Но на практике тут представлялись большие затруднения. Число государств, на которые распадалась Германия, было слишком велико, и большая часть их была слишком ничтожна, чтобы играть роль в международных отношениях Европы и стать наряду с первоклассными державами Европы. Но как разграничить полноправные государства и неполноправные? Легче всего от других князей отделялись курфюрсты, которые избирали императора и составляли особенную коллегия на сейме. После некоторых пререканий европейские державы признали их равноправными с собой. Но за курфюрстами тянулся целый ряд герцогов и других князей, из которых некоторые в могуществе не уступали курфюрстам и составляли переход к графам и прочим мелким владетелям. К этим князьям, не желавшим уступить курфюрстам, принадлежал и герцог Ганноверский, который поручил Лейбницу написать сочинение в защиту княжеских притязаний.

Итак, здесь дело шло не столько о праве князей посылать уполномоченных на конгресс, сколько о том, чтобы выяснить место мелких государств Германии в международных отношениях Европы. Задача, порученная Лейбницу, была для него нелегка. Мы видели, что он по своим политическим убеждениям был противником партикуляризма, стремившегося к раздроблению Германии. Он был патриот, т. е. защитник верховных прав императора, насколько это нужно было для объединения и безопасности Германии. И ему-то поручали защищать княжеские интересы, доказывать право князей на политическую самостоятельность. Его сочинение носит на себе следы этого противоречия, в котором он находился. Он старался занять такую точку зрения, с которой можно было примирить интересы князей и императора, как представителя целой Германии. Сам псевдоним, который он избрал для

себя — Caesarinus Fürstenerius*, указывает на то, что он, поддерживая притязания князей, старается соблюдать интересы императора. Он старался быть умеренным и беспристрастным не только относительно императора, но и относительно главных соперников князей — курфюрстов, которые желали иметь как можно более преимуществ перед князьями и потому были самыми ожесточенными их противниками. Эта умеренность его в отношении к курфюрстам вызвала неудовольствие ганноверского министра Грота; но Лейбниц успел склонить герцога на свою сторону. Впоследствии, когда ганноверские герцоги сами приобрели титул курфюрстов, Лейбниц часто напоминал Гроту о том, как уместно было его беспристрастие.

По своему обыкновению, Лейбниц совершенно исчерпывает затронутый вопрос и пользуется всеми средствами своей громадной учености и начитанности, чтобы выяснить его настоящее значение и возвести частный факт в область строгой науки. Под его пером памфлет о праве князей послать уполномоченных послов на Нимвегенский конгресс превратился в серьезное сочинение, которое занимает почетное место в литературе государственного и международного права. Его «Tractatus de jure suprematus ac legationis principum Germaniae»** служит важным историческим источником, потому что бросает яркий свет на переворот, происшедший вследствие Тридцатилетней войны в государственном праве Германии и вследствие этого в международных отношениях Европы. Несмотря на свою обширность (305 страниц in 4° в издании О. Клоппа), на сухость предмета и мелочность интересов, наконец на латинский язык, сочинение Лейбница читается почти с увлечением, так живо его изложение и так искусно овладевает он вниманием читателя.

Точка отправления Лейбница следующая: немецкие князья — свободные, самостоятельные государи, облеченные всеми правами верховной власти; следовательно, им принадлежит также право отправлять посольства. Но возвысив таким образом значение князей, Лейбниц должен был, для сохранения идеи Германской империи, возвысить значение императора. Для этого он прибегнул к средневековым представлениям о том, что все христианские народы составляют одно целое и что выражением этого единства служат папа, глава духовный, и император — глава политический.

* Цезарин Фюрстенерий: от Caesar — император (лат.) и Fürst — князь (нем.). — Прим. пер.

** «Трактат о праве супремата и принципах германских посольств» (лат.). — Прим. пер.

Странно было в конце XVII в., да к тому же еще протестанту, снова вызывать эту давно забытую тень средневекового католичества. Но Лейбниц применил ее к современным потребностям. Если в Средние века народы группировались около императора во имя католической идеи и преданий Римской империи, теперь они могли сомкнуться в братский союз во имя интересов цивилизации и для поддержания мира. Это та же самая идея о вечном мире, которая занимала столько мыслителей, от Сен-Пьера до Канта. Лейбниц думал достигнуть того же самого посредством постоянного конгресса под председательством или руководством императора. В его время предание было еще так свежо и авторитет римско-германского императора для многих еще так велик, что эта мысль находила себе некоторое основание в действительности. Римско-германская империя, уже теперь состоявшая из самостоятельных государств, превратилась бы тогда в федерацию всех христианских народов. «То, чего теперь, — говорит Лейбниц, — стараются достигнуть с помощью посредничества (*mediationibus*) и гарантий, тогда осуществлялось бы гораздо действительнее».

Все эти рассуждения о вечном мире и о средствах восстановить более разумные и достойные отношения между народами легко считать несбыточными мечтами теоретиков, несообразными с действительностью и с эгоистическими порывами человеческой природы; но не следует забывать, что с развитием цивилизации крепнет сознание о международном праве и что особенно история XIX в. представляет отрядные доказательства пробуждения этого сознания. Дело не в вечном мире, а в развитии общественного мнения между цивилизованными народами, которое может со временем представлять крепкую гарантию для международного права и интересов цивилизации.

В начале своего сочинения Лейбниц излагает историю спора. Франция, желая присоединить к себе Лотарингию и считая ее полузавоеванной провинцией, не хотела допустить на Нимвегенский конгресс послов Лотарингского герцога. После смерти герцога Карла она не хотела дать его преемнику герцогского титула, а назвала его князем (*prince*), чтобы таким образом сравнить его с младшей линией Лотарингского дома, давно принявшей французское подданство. Наконец французское правительство признало его герцогом, но в паспорте (*sauf-conduit*), выданном его послам, назвало их *deputés* — представителями. Чтобы оправдать это, Франция объявила, что она только за посланниками курфюрстов признает титул послов (*ambassadeur*), герцогских же и вообще княжеских послов считает только депутатами или агентами. Французы даже взяли

назад охранную грамоту, выданную уполномоченным Пфальц-Нейбургского герцога, на том основании, что они в ней были названы послами. Против этого герцоги Лотарингский и Нейбургский подали протест, и к ним скоро присоединились герцоги Брауншвейгского дома. Вследствие этого переговоры о мире затянулись. Наконец генеральные штаты, недовольные проволочкой, стали хлопотать в пользу герцогов, и хотя последние, не желая терять времени, отправили на конгресс послов низшего звания, так называемых *Ablegati*, император признал за ними право посылать послов первого разряда, т. е. *Legati*.

Из того, что за герцогскими уполномоченными признано было звание послов, Лейбниц выводил, что за ними следует также признать права и почести, связанные с этим званием, т. е., во-первых, чин превосходительства, во-вторых, право требовать по приезде на конгресс первый визит от всех прежде прибывших, наконец, в-третьих, право, в случае посещения ими другого посла, занимать первое место у него в доме.

Для подтверждения этого Лейбниц разбирает различные посольские звания и титуты. По его мнению, послы могут различаться относительно полномочий и относительно почестей. Полномочный посол (*plenipotentiarius*) тот, действия которого обязательны для государя. Относительно почестей можно различать два разряда: послов (*legati, ambassadeurs*) и посланников (*ablegati, envoyés*). И те и другие могут быть полномочные и неполномочные. Степень полномочия не дает права на особенные почести и преимущества, как некоторые полагают; точно так же, говорит он, ошибочно полагать, что *чрезвычайные* (*extraordinarii*) послы своим званием стоят выше обыкновенных (*ordinarii*) и составляют особенный разряд. Как послы, так и посланники могут быть обыкновенные и чрезвычайные. Это зависит от того, посланы они на неопределенный срок или по известному делу. Эта ошибка происходит оттого, что вновь прибывший чрезвычайный посол пользуется преимуществом перед постоянным того же государства.

Что касается остальных дипломатических званий, то *резидент* не что иное, как обыкновенный посланник (*envoyé ordinaire*), *агент* — тот, который имеет при себе не верительные грамоты, а только рекомендационные; агентов поэтому не причисляют к дипломатическому корпусу (*inter ministros non habent*). *Консулы* занимаются купеческими делами и им подсудны купцы их нации; *депутатами* называются те, которые присланы от государств, составляющих одно целое; так, посланники немецких государей на императорском сейме носят звание депутатов.

Таким образом, относительно почестей следует различать только два разряда: послов и посланников. Посол представляет своего государя (*habet characterem repraesentatitium*), т. е. пользуется тремя почестями, которыми пользовался бы его государь; так, он имеет право стоять с покрытой головой в присутствии государя, к которому он послан. Но, конечно, он пользуется этими почестями только в тех случаях, где он действительно представляет собой своего государя.

Право отправлять таких послов первого разряда принадлежит немецким князьям. Это доказывается логикой (*ratione*), ибо это право вытекает из понятия верховной власти (*suprematus*). Это понятие не вполне выяснено юристами. Первая ступень общественной власти — право суда в известной области и право наказывать непослушных суду (*jurisdictio*). Если же к этому присоединяется право держать воинскую силу, набирать войско из граждан и собирать все нужное для их продовольствия, то это уже верховная власть — *jus superioritatis territorialis* или, как французы это называют, *souveraineté*. Но это еще не есть верховная власть в полном смысле, ибо подвластная область может быть так мала, что будучи в состоянии обороняться, она, однако, может не иметь средств к наступательным действиям. Если же она довольно обширна, чтобы вести войну и вступать в союз с соседними государствами, тогда и государю уже принадлежит полная верховная власть, или *suprematus territorialis*.

Таким образом в своем рассуждении Лейбниц из области теории прямо выступает на почву действительности. В теории он признает за всеми немецкими князьями верховную власть, считает их государями; но как называть государями мелких немецких князей, которые в богатстве и значении уступают многим подданным других государей? Лейбниц берет за норму материальный факт; он приписывает супремат тем, кто имеет средства доказать, что они государи, в состоянии вести войну и довольно могущественны для того, чтобы другие добивались их расположения и союзничества. Таким образом, он не признавал верховной власти за мелкими князьями империи и устанавливал различия между немецкими князьями, которых на самом деле не существовало. Но не следует забывать, что вопрос, обсуждаемый Лейбницем, касался не столько внутреннего государственного права Германии, относительно которого и слабейшие князья могли претендовать на равноправность, сколько международного права, в котором их притязания не могли иметь смысла, и что он писал для герцога Ганноверского, который подходил под установленную им норму.

Но признавая за более крупными немецкими князьями полную верховную власть, Лейбниц патриот, Лейбниц приверженец императора и защитник общегерманских интересов присоединялся к противнику своему Пуфендорфу, ко всем, которые разрушали единство империи, считали ее не государством, а федерацией. Поэтому он спешит заявить, что супремат князей не мешает государственному единству, и выставляет для этого различие между конфедерацией и унией (*unio*), вроде того как немецкие публицисты, например Блунчли, до 1866 г. старались различать *Bundesstaat* и *Staatenbund**, причисляя к первому Германию, ко второму Америку и Швейцарию. Лейбниц полагает, что между *конфедерацией* и *унией* существует такое же различие, как между *обществом* (в смысле компании) и *общиной*. Общество состоит из отдельных членов, которые делят между собой барыши; община же представляет собой гражданское лицо, и члены ее находятся в гораздо большем подчинении целому, чем члены общества.

Но при этом Лейбниц впадает в противоречие с учением самого знаменитого из тогдашних юристов, Гоббса, и поэтому подвергает критике его взгляд на государство.

По учению Гоббса, люди по природе, или в безгосударственном состоянии, имеют право делать все, что они считают для себя полезным; их право на все ограничено только сопротивлением других; отсюда проистекает постоянная борьба со всеми, пагубная для отдельных лиц. Из этого вытекает необходимость мира, который возможен только в том случае, если все отказываются от своего права на все, от того произвола, из которого происходит это право. Таким образом право, произвол, воля каждого отдельного лица в совокупности переносятся на правительство как на гражданское лицо (*persona civilis*), будь то монарх, совет оптимистов или народное собрание. Это правительство представляет собой волю всех граждан государства, поэтому должно быть единым, и верховную власть невозможно дробить между несколькими лицами или коллегиями. Ибо если, например, одному лицу будет предоставлена законодательная власть, другому — право налагать подати, то в случае разногласия между ними государство разрушается. Ибо так как без денег управлять нельзя, то лицо или коллегия, заведующая налогами, могут лишиться другое лицо правительственной власти, что не имеет смысла. Поэтому везде, где существует разделе-

* Союзное (федеративное) государство и союз (конфедерация) государств (нем.). — Прим. пер.

ние властей, Гоббс видит не государство, а чистую анархию — *anarchiae metae*.

Лейбниц возражает против того, что такое государство, какое понимает Гоббс, возможно на земле. Из принципов Гоббса вытекает, что монарх может сам назначать себе преемника; а это подверглось бы осмеянию даже во Франции, которую многие считают образцом абсолютистского государства. Ошибка Гоббса заключается в том, что, по его мнению, не следует терпеть никакого положения, которое влечет за собой известные затруднения; но это несогласно с природой дел человеческих. Хотя разделение властей может породить несогласия и даже войны, но опыт показывает, что на самом деле люди большей частью избирают известный средний путь. Затем Лейбниц доказывает, что ни одно из европейских государств не подходит под норму Гоббса; даже в Турции власть султана ограничена, как видно из истории Ибрагима, который был низложен по решению высших сановников и которого глава духовенства, или муфтий, призвал к духовному суду (*Char-Allah*), и потом, когда он не повиновался муфтию, снял с его поданных присягу в верности.

Таким образом, заключает Лейбниц¹, государства Гоббса не встречаются ни у варваров, ни у цивилизованных народов. Они невозможны, да и незачем их желать; разве только в том случае, если бы те, которые заведуют правительством, обладали ангельскими добродетелями. Ибо до тех пор люди захотят сохранить за собой свободную волю и заботиться о своем благоденствии по своему усмотрению, пока не будут вполне убеждены в высшей мудрости и способности (*potentia*) своих правителей, что необходимо для совершенной уступки (*resignatio*) своей воли. Поэтому рассуждения Гоббса уместны только относительно того царства, правитель которого есть Бог, которому одному можно во всем довериться.

Затем Лейбниц приводит в доказательство того мнения, что немецкие князья обладают верховной властью, мнения различных ученых и государственных людей. Он доказывает, что Франция и Швеция всегда признавали этот супремат, когда им было выгодно. Давно уже признана за князьями верховная власть. Еще в XV в. Гней Сильвий (папа Пий II) говорил, что они признают над собой главу, но управляют своими подданными по своему произволу. Император Максимилиан называл себя царем царей; его современники подшучивали над этим, говоря, что он признает себя царем без подданных.

¹ Die Werke v. Leibniz. IV. P 60.

Из ученых Лейбниц цитирует Эразма, Бодэна, наконец самого Монзамбана (Пуфендорфа), который «в своем изящном, но слишком едком и не лишенном пристрастия сочинении говорит, что только на основании ленной присяги князья состоят с императором в неравноправном *союзе*, в прочем же сохраняют за собой верховную власть»¹.

Но Лейбниц идет еще дальше. Он берется доказать, «вопреки общепринятому мнению», что немецкие князья искони обладали этой верховной властью, что она произошла не от начальников и воевод, мало-помалу приобретших наследственность и самостоятельность, а от древних князей и царьков германских племен. Эти царьки были побеждены франками, но не совершенно покорены, и владения их не были обращены в провинции, а оставлены им и их наследникам в виде лена. Этот парадокс характерен для состояния тогдашней исторической науки. Правда, Лейбниц не сразу посвятил себя специальному изучению средневековой истории. Теперь же он обладал обширными сведениями в исторической и юридической литературе, как видно из его сочинения, и тем не менее решился высказать такой парадоксальный взгляд на происхождение княжеской власти. Но вспомним, что еще в XVIII в. во Франции в ученых сочинениях доказывалось, что дворянство происходит от франков-завоевателей, а остальные сословия — от покоренных романов, и что быт германских племен V в. объяснялся с помощью теорий общественного договора Руссо.

Чтобы доказать свое положение, Лейбниц проходит в беглом обзоре историю Германии со времени франков и приводит имена герцогов и графов, о которых упоминается в истории. Тут встречаются имена вождей еще не покоренных франками племен и рядом с ними имена герцогов и графов, очевидно, поставленных франкскими королями над отдельными провинциями. Как известно, в VII—VIII вв., вследствие раздробления Меровингской монархии, значение франкской аристократии чрезвычайно усилилось, и многие провинции уже тогда приобрели большую самостоятельность. Лейбниц указывает на это и выводит заключение, что уже тогда состояние Германии приближалось к тому, в котором она находилась через 300 лет после этого, «так что, — говорит он, — мы напрасно отыскиваем в древних памятниках временных герцогов, поставленных над отдельными провинциями». Эпоха Карла Вели-

¹ Nuper Monzambanus quidam personatus libello eleganti, sed paulo mordaciore, quam par sit, nec affectuum vacuo asseruit, Principes Imperatori tantum feudi fide inaequaliter foederatos esse, salva ipsorum summa potestate (Idid. P. 66).

кого, время усиления королевской власти, могла бы служить опровержением парадокса Лейбница, но он быстро ее проходит и останавливается на следующей эпохе, когда развивается феодализм и в отдельных областях империи Каролингов снова возникают могущественные, полусамостоятельные владельцы. В X в., продолжает он, по причине вторжения варваров, число князей и власть их еще более увеличились, так что уже в то время утвердилось то могущество князей, которым они теперь обладают.

Таким образом, заключает Лейбниц, княжеская власть не возникла из воеводской посредством возмущения, но стоит в преемственной связи с властью древних племенных царьков.

После этого исторического обзора Лейбниц описывает современное положение князей и доказывает, что они пользуются в своих областях верховной властью. Относительно подданных им предоставлена законодательная власть, право чеканить монету, устанавливать меру и вес, учреждать суд, созывать земство, право помилования, право набирать войско, право вводить в своей области всякое вероисповедание; у протестантов еще высшая церковная власть, право собирать налоги, акцизы и таможенные пошлины, право регалий и др. В международных отношениях князья всегда имели право воевать между собой; с Вестфальского же мира они получили право вести войну и вступать в союз с иностранными государствами. Итак, Лейбниц, который так неодобрительно относился к этому праву князей, теперь употребляет его как доказательство в пользу своего положения. Он даже с помощью истории вычисляет, какую пользу принесли Германии различные союзы, заключенные имперскими князьями с иностранцами, например Шмалькальденский и Рейнский союзы. Он говорит, что этим союзам Германская империя обязана своим существованием, и приводит слова одного публициста, который заметил: как в медицине для больного тела полезно много того, что вредно для здорового, так и эти союзы с иностранцами должны быть рассматриваемы как лечебные средства, от которых следовало бы воздержаться, если бы государство было в нормальном положении. Далее, говорит он, немецкие князья не уступают королевским домам в древности рода; они часто приглашались ими как посредники и третейские судьи, гарантировали их владения, и хотя уступают им в материальных средствах, однако составляют с ними известную семью, подобно тому как все рыцари, допускаемые на турниры, хотя были не равны друг другу средствами и почестями, считались членами одного и того же сословия. Немецкие князья искони пишутся «Божьей милостью», что составляет признак верховной

власти, и хотя им, равно как и князьям Италии, не предоставлено право титуловаться «Величеством», на самом деле оно им принадлежит, ибо преступления против их особы считаются преступлениями против Величества (*laesae majestatis*).

Затем Лейбниц приводит противное мнение тех, которые считают князей подданными на том основании, что они присягают императору в верности как вассалы и могут быть обвиняемы в измене. Лейбниц говорит, что тот же самый аргумент можно привести против курфюрстов, и если бы ленная присяга влекла за собой подданство, то короли Испании, Дании и Швеции должны были бы считаться подданными императора. В настоящее время суровые феодальные законы и вассальные обязательства смягчены обычаями. Во время войны между Империей и Францией последняя считала некоторых князей нейтральными, хотя они, как вассалы империи, выслали против Франции свои контингенты. Немудрено, говорит он, что князья пользуются теперь большей свободой, когда и частным людям предоставлена большая свобода, например право переселяться из одного государства в другое.

Что касается наказания князей за измену, то казнь в настоящее время считалась бы слишком жестокой. Правда, они могут быть лишены имперским сеймом своих владений, но по праву войны, как и иностранные государи. В настоящее время в такую войну, на основании Вестфальского мира, гарантированного европейскими державами, непременно вмешались бы иностранные государи, и не Империя, а вся Европа была бы судьей в этом вопросе. Против силы ничего нельзя сделать в человеческих делах; но тех, по крайней мере, нужно считать свободными и неприкосновенными, которых трудно осилить. Итак, суд над имперскими князьями теперь непременно должен принять международный характер. Подобно тому, в Древней Греции амфикионы были судьями над свободными, независимыми государствами, и ими осуждены лакедемонцы за занятие Кадмеи, а фокейцы объявлены врагами, и против них вооружена вся Греция.

Папа, как глава церкви, и император, как *меченосец* церкви, глава светский, всегда имели и имеют известную власть над самостоятельными государями, в доказательство чего Лейбниц приводит множество исторических примеров. Французские короли до сих пор на своих золотых монетах употребляют эпитаф: *Christus regnat, vincit, imperat**. Под эти царством Христовым подразумевалось то царство, главой которого состоят папа и император.

* Христос правит, торжествует, властвует (*лат.*). — *Прим. пер.*

И хотя бы предание о наместничестве св. Петра и о Четвертой монархии и не было божественного происхождения, большая часть людей считала бы это поверие полезным и целесообразным. Таким образом, немецкие князья, признавая над собой власть императора, в этом не отличаются от остальных государей; немецкая нация только дольше сохранила уважение к императорской власти, после того как присвоила себе право избирать императора. Итак, за немецкими князьями следует признать верховную власть; а из понятия верховной власти проистекает право посольства.

Это доказательство логическое, но существует еще доказательство фактическое. Если право посольства признано за курфюрстами и за князьями Италии, то его следует предоставить также князьям Германской империи.

Курфюрсты прежде не имели никаких преимуществ перед другими князьями в дипломатических сношениях. Только в последнее время они приобрели их. Когда курфюрсты согласились давать французскому королю титул величества (*majestas*), он стал называть их братьями (*mon frère*), тогда как прежде давал им титул *mon cousin**. А на Мюнстерском конгрессе, когда они согласились не оказывать императорскому послу предподчительных почестей перед французским, их послы были уравнены в почестях с венецианскими, впрочем не совсем; ибо послы венецианские, савойские, даже мантуанские и моденские имеют право стоять с покрытой головой в присутствии французского короля; а послы венецианские и голландские имеют, кроме того, право торжественного въезда ко двору (*receptio solennis*). Но против уравнивания князей с курфюрстами, говорит Лейбниц, нам могут сделать возражение, что курфюрста можно поставить в уровень с королями, остальных же князей — только с герцогами. Например, в Риме венецианские послы пользуются почестями королевских послов; курфюрсты же уравниваются теперь с венецианцами.

Для того чтобы убедиться, справедливо ли это различие между курфюрстами и князьями, следует рассмотреть положение первых в Империи.

Преимущество курфюрстов перед князьями двоякое. Они избирают императора и принимают известное участие в управлении Империей. К избранию императора присоединяется еще право устанавливать условия избрания, так называемые *капитуляции*. Это не очень древнее право. Золотая булла не упоминает о капитуляциях, а только о том, что император при избрании обязан утвер-

* Кузен (*фр.*). — *Прим. пер.*

дить привилегии князей. Когда курфюрсты начали все более и более расширять значение капитуляции и хотели присвоить себе известную законодательную власть, остальные члены Империи восставали против этого при Рудольфе II. Еще более увеличилось неудовольствие против курфюрстов при Фердинанде II, который вовсе не созывал сеймов, а только собирал курфюрстов и с их помощью хотел управлять Империей. Для него это было выгодно, так как духовные курфюрсты были в зависимости от него, Баварский курфюрст ему предан. Но это имело печальные последствия для самих курфюрстов. Пфальцский курфюрст лишился своих владений, Саксонский подвергся большой опасности, его спасла только Лейпцигская битва. «Вот что значит сходить с царской дороги (*via regia*) общественной пользы личных выгод ради».

Во время переговоров о Вестфальском мире условились составить постоянную капитуляцию, и на последующих сеймах действительно было приступлено к ее обсуждению. Но при избрании Фердинанда IV и Леопольда курфюрсты не удовлетворили ожидания князей и заставили последних протестовать. Наконец в 1663 г. формула постоянной капитуляции была составлена, но курфюрсты придумали для себя право делать к ней прибавления (*jus adscapitulationis*), что сделало бы постоянную формулу тщетной. Опасность, грозившая от турок, заставила на время забыть эти споры.

Что касается участия курфюрстов в администрации, то они составляют коллегия, которая представляет некоторое сходство с польским сенатом. Она предварительно обсуждает дела, поступающие в сейм (*quaedam suadendi et praeconsultandi auctoritas*). Но в важных делах сами курфюрсты всегда относились к сейму. Право же толковать имперские законы и произносить вместе с императором опалу над имперскими чинами, которое они хотели себе присвоить, им не предоставлено.

Многие утверждают, что на сейме один курфюрст значит столько, сколько 10 князей, ибо голоса на сейме подаются не поголовно, а по палатам (*non viritum, sed curiatim*), и что палата курфюрстов имеет такую же силу, какую имеет вся палата князей, но уже давно установился обычай не прибегать в важных делах к подаче голосов, а решать их миролюбивой сделкой (*amicabili compositione*). Сначала этот способ был принят для религиозных дел, а с Вестфальского мира он прилагается также к делам, касающимся имперских налогов. Курфюрсты имеют еще некоторые мелкие преимущества, например право собираться (*conventus*). Но теперь и остальным князьям это не воспрещается. Им предоставлены некоторые наследственные имперские должности, например звание

маршала, кравчего и др. Но эти должности в настоящее время потеряли политическое значение и сохранили его только в церемониале при коронации императора. Притом такие должности предоставлены также некоторым из остальных князей: герцогу Виртембергскому приписывают титул знаменосца империи, герцогу Каринтийскому — титул егермейстера. Наконец можно еще привести право *de non appellando*, т. е. привилегию курфюрстов, что от их судов нельзя апеллировать к имперским судам. Но это право принадлежит не всем курфюрстам, и притом не одним только курфюрстам. Титул «братьев» дан курфюрстам не слишком давно; прежде французский король называл братьями только эрцгерцога Альберта и герцогов Лотарингского и Савойского. Даже король Шведский назывался прежде только родственником (*cognatus*). В настоящее время увеличены почести голландцев, итальянских князей и курфюрстов; поэтому несправедливо сохранять прежний обычай только относительно князей.

На Вестфальском конгрессе еще не было различия между курфюрстами и князьями. Император не хотел признать за князьями право вести переговоры и посылать уполномоченных, поэтому все князья и курфюрсты в прелиминариях были приглашены прислать не уполномоченных послов, а депутатов, т. е. конгресс рассматривался как имперский сейм.

Но на самом конгрессе приезд венецианского посла Алоизия Контарена раздражил курфюрстов (*salivam movit*). Ибо он пользовался почестями, которые были неизвестны в Империи. Курфюрсты же прежде имели преимущество перед венецианцами. Они потребовали для своих послов титул «превосходительство». Князья не соглашались на это. Курфюрсты упрасивали их только на этот раз уступить, без ущерба для себя на будущее время. Они говорили, что император и иностранные державы на это уже согласились, что от этого падет большой блеск на всю Империю и, следовательно, на самих князей, что иначе иностранные державы сами перестанут давать курфюрстам этот титул, что для всей Империи будет предосудительно, если венецианцы будут иметь преимущество перед курфюрстами; но курфюрсты ничего не выиграли, так как в мирном договоре, заключившем конгресс, и их послы и послы князей были названы депутатами.

На сейме 1653 г. курфюрсты были уступчивее и менее притязательны. В 1655 г. во Франкфурте они успели еще меньше достигнуть своей цели, так как они ссорились между собой о том, следует титул превосходительства предоставлять всем послам или только тем, которые рождены графами и баронами. При заключении

Рейнского союза уполномоченные князей подписались, с согласия Франции, в звании послов, хотя курфюрсты этим были очень недовольны.

Не только пример курфюрстов, но и пример итальянских князей может служить в пользу притязаний немецких князей. Венецианцы только недавно достигли того, что их послы были уравнены в почестях с королевскими послами. Прежде они уступали курфюрстам и даже некоторым герцогам. Титул превосходительства был за ними признан только на Вестфальском конгрессе. Этот титул прежде давался только самым знатым князьям, когда еще не существовал титул «высочество» (*celsitudo*); потом он был предоставлен князьям менее знатым, но все-таки происходящим из светлейшего рода (*familia serenissima*). Но когда посол Генриха IV при папском дворе, князь Неверский, принял по праву этот титул, так как он происходил из дома Мантуанских герцогов, испанский посол, побуждаемый соревнованием, выхлопотал себе тот же самый титул. Его примеру последовали венецианцы и герцог Савойский. Послу последнего долго не давали этого титула. Но папа Иннокентий X решил дело в его пользу. То же самое наконец было предоставлено и послам остальных итальянских князей, Тосканского, Мантуанского, Пармского и Моденского, которые пользуются высшими посольскими почестями и правом стоять с покрытой головой в присутствии французского короля. Это право не предоставлено послам курфюрстов, хотя они имеют преимущество перед итальянскими князьями. Из этого видна неправильность этикета, соблюдаемого при французском дворе. То, что предоставлено итальянским князьям, должно принадлежать и немецким князьям, ибо и первые подчинены Империи.

Никто не сомневается, что Италия до Фридриха была подвластна Империи. Но Сигоний и за ним другие утверждают, что Рудольф Габсбургский, занятый Германией, уступил за деньги большей части итальянских государств полную свободу и самостоятельность. Это несправедливо, ибо в этом случае существовали бы какие-нибудь грамоты об этом; но история показывает, что и следующие за Рудольфом императоры отправлялись в Италию и поступали с тамошними князьями, как их верховные государи. Еще Максимилиан I дал, по желанию папы Юлия II, город Сиену в лен герцогу Урбинскому. В середине XIX в. герцог Савойский — очевидно, вассал Империи, ибо он приглашается на сейм и присылает туда депутата — внесен в имперскую матрикулу и обязан вследствие этого выставлять в пользу империи 600 пеших и 277 конных солдат или заплатить 1828 флоринов. Триста фло-

ринов он платит на поддержание имперского высшего суда (Reichs-Kammergericht). В XVIII столетии он подвергнут этим судом опале и в сеймовых постановлениях (например, 1541 и 1544 гг.) называется вассалом Империи. На сейме его место — после герцогов Брауншвейгских, Мекленбургских, Виртембергских и Голштинских. Его титул — Prince et Vicaire perpétuel du S. Empire*. В качестве викария он имеет право возводить в графское и дворянское достоинство, решать споры именем императора и др.

Герцог Мантуанский получает инвеституру от императора и может быть призван к имперскому суду, как видно из Вестфальского договора. Герцог Флорентийский никогда не был освобожден от зависимости от Империи. Карл V победил флорентинцев и назначил герцогом их Климента VI. Герцог Пармский — вассал папы. Герцогство Пармское было уступлено Карлом V папе Павлу III Фарнезе, который дал его своему сыну *salvis Imperii iuribus***.

Притом все эти итальянские фамилии в древности и знатности рода уступают немецким князьям. Медичисы, например, были флорентинскими купцами. Возражение, что итальянские князья кроме ленов владеют еще землями, независимыми от Империи, не имеет силы, ибо эти земли не обширны, наконец они не могут изменить их положения как вассалов. И Бранденбургский курфюрст владеет Пруссией, независимо от Империи, но это не дает ему никакого преимущества перед остальными курфюрстами. Другое возражение — итальянские князья подчинены императору, но не сейму, так как они участвуют в совещаниях сейма, — также не имеет значения; ибо герцог Савойский — член сейма, а остальные были бы еще свободнее, если бы принимали участие в совещаниях сейма, т. е. имели бы право голоса в своем государстве, которому они подчинены и тяжести которого они должны нести. Подобно тому и немецкое имперское дворянство (*Reichsritterschaft*) охотно бы согласилось высылать депутатов на сейм, если бы ему было предоставлено право голоса.

Примером курфюрстов и итальянских князей доказано, что немецким князьям следует предоставить посольское право; теперь нужно доказать, что они уже обладают этим правом (*possessionem ipsi asseramus*). Для этого не нужно доказывать, что они действительно им пользовались, ибо то, что вытекает из естественной свободы и предоставлено собственному желанию, должно считаться принадлежащим всякому по праву, пока он не утратит этого

* Князь и постоянный наместник Св. Империи (фр.). — Прим. пер.

** Не нарушая законов империи (лат.). — Прим. пер.

права¹. Так, не нужно доказывать, что я имею право строить на моей собственной земле или продавать ее, если на ней не лежит никакого обязательства. То же самое можно сказать о праве отправлять послов, которое прямо вытекает из верховной власти. «Если бы, например, великий князь Московский, изменяя обычаи своего народа, захотел принять наши обычаи и принимать участие посредством своих послов в наших конгрессах, то, я думаю, никто не усомнится, что это право ему вполне принадлежит, хотя он им никогда не пользовался». Но можно спросить, почему немецкие князья не пользовались своим правом, подобно итальянским? Потому, что итальянцы вообще гораздо пристрастнее ко всему, что относится к обрядам и церемониям. Италия — колыбель этикета². Там возникли титулы светлости (*serenitas*) и превосходительства, все тонкости, соблюдаемые в процессиях, при торжественных встречах, при визитах и др. До каких ухищрений дошли итальянцы, можно видеть из сочинений «Римский церемониал» и «Церемониймейстер» (*Magister Camerae*). Они употребляют такие тонкости, которые незаметны для других; так, венецианский дож пишет какому-нибудь немецкому или итальянскому князю: в письме — *Vostra Altezza*, а на конверте — *Illustrissimo atque Excellentissimo Principi**. Другие не обратили бы на это внимания, но герцог Савойский, сведущий в этих тонкостях, не допустил этого; ибо он заключил из этого, что дож хочет называть его высочеством только частным образом, без свидетелей.

Как искусны итальянцы в деле этикета, видно из дневника Даниила Еремита, сопровождавшего в 1609 г. флорентинского посла Колоредо.

Когда Фердинанд Козьма, великий герцог Тосканский, наследовал своему отцу, он воспользовался этим случаем, чтобы отправить посольство к немецким князьям, в сущности для того только, чтобы обманом выхлопотать себе от них титул «*Serenissimus*»**.

¹ Die Werke v. Leibniz. P. 236: Quae sunt naturalis libertatis et dicuntur *merae facultatis*, ea possideri intelliguntur ipso jure, et retenta censentur, nisi amissa esse doceantur, qualia sunt re, conditione, dignitate mea uti ac frui (То, что принадлежит естественной свободе и диктуется только собственными способностями, понимается как принадлежащее каждому по праву и считается неотъемлемым, пока не будет оглашена утрата; таковы, например, принадлежащие мне вещи, особенности и достоинства, которыми я могу пользоваться и наслаждаться (лат.). — Прим. пер.)

² Italia fons est caeremoniarum (Die Werke v. Leibniz. P. 240).

* Ваше высочество... Сиятельному и величественнейшему князю (итал.). — Прим. пер.

** Светлейший (лат.). — Прим. пер.

Посол его объехал дворы немецких князей и курфюрстов и представлял им грамоты, в которых они были названы *Illustrissimi*, объясняя это канцелярской ошибкой, сам же для своего герцога требовал титул «*Serenissimus*». Ему удалось склонить к этому курфюрста Саксонского, а его примером — и некоторых других курфюрстов; только при Виртембергском дворе ему очень не повезло — там увидели его хитрость, ибо виртембергский посол только что возвратился из Флоренции и рассказал, как дурно он был там принят.

Немецкие князья не следовали примеру итальянских, отчасти по незнанию этих новых обычаев и иностранного этикета, отчасти из привязанности к отцовским обычаям, наконец потому, что продолжительная война внушила им более серьезные заботы.

Но хотя это и не нужно, можно собственным примером князей доказать, что им всегда принадлежало право, которое теперь у них оспаривают. Недавно лотарингский министр барон де Сереншамп в ученом сочинении доказал, что его герцог всегда посылал и принимал у себя полноправных послов, и это право признано в 1677 г. в охранной грамоте, выданной лотарингским уполномоченным императором и губернатором Бельгии от имени испанского короля.

Точно так же полноправные посольства были отправляемы эрцгерцогами Австрийскими и эрцгерцогом Альбертом, которому было поручено управление герцогствами Бургундии и Брабанта, принадлежащими к Империи. Поэтому Габсбургский дом заинтересован в деле князей и должен оказать им покровительство, если не хочет повредить своим собственным притязаниям. Ведь еще на Мюнстерском конгрессе папский нунций не хотел уступить первое место приехавшему к нему австрийскому послу, полагая, что имперским князьям, а следовательно, и Австрийскому дому, не принадлежит право посылать полноправных послов. Во время переговоров о перемирии между Испанией и Голландией ландграф Гессенский и герцог Виртембергский были посредниками между ними, вместе с курфюрстами и королями Франции и Англии, и при этом случае отправили послов в Гаагу. Вильгельм, герцог Юлиха и Клеве, отправлял посольство к Франциску I; на Тридентском соборе послы баварские спорили с венецианскими, хотя Бавария тогда была не курфюршеством, а герцогством, и получили преимущество перед швейцарскими и флорентинскими. Герцог Пфальц-Нейбургский трижды отправлял посольства в Польшу; в первый раз его послу оказывали те же почести, что и мантуанскому; в последние два раза послы королевские давали ему титул превосходитель-

ства, он стоял с покрытой головой в присутствии польского короля и королевы, сестры императора, и пользовался всеми почестями, которые оказывали послам шведским и французским. В 1667 г. некоторые курфюрсты и князья отправили посольство во Францию для переговоров по поводу мира, который потом был заключен в Ахене. Их приняли как послов и не делали различия между послами курфюрстов и князей.

Можно было бы привести еще много других примеров, если просмотреть архивы.

В заключение Лейбниц старается доказать, что признание княжеских притязаний было бы полезно для всех. Императору он советует оставить прежнее ошибочное мнение, что ему выгодно оказывать курфюрстам преимущество перед князьями; придет время, когда для него не менее важно будет снискать расположение могущественных князей. Для курфюрстов также было бы выгодно поддерживать притязания князей. Ибо если последние, которые им уступают в значении, были бы уравнены с самостоятельными герцогами Италии, тогда им самим было бы легче достигнуть своей цели — уравнивания в почестях с королями. У Испании тот же интерес, что и у Австрии. Швеция есть член Империи. Франция не должна отказывать немецким князьям в том, что она признала за итальянскими, которые не могут оказать ей такую же пользу. Император согласился признать княжеских уполномоченных послами; пусть Франция последует его примеру и прибавит к этому почести, связанные с этим званием. Иначе и князья могут делать различие в почестях между послами французскими и императорскими. Франция в Вестфальском мире настояла на том, чтобы имперским законом за князьями было признано право вести войну, заключать мир и союзы, одним словом — супремат. Пусть король довершит свое благодеяние и признает за ними те почести, которые вытекают из супремата. Теперь спрашивается, кто первый захочет показать свою готовность помочь князьям в справедливейшем деле? Кому они будут более обязаны: христианнейшему или католическому королю?

Книга Лейбница была анонимно издана в Голландии и тотчас обратила на себя всеобщее внимание. Авторство ее приписывали различным ученым того времени, например Конрингу, но многие догадывались, что автором ее был Лейбниц, потому что в книге сообщались некоторые сведения, которые могли быть почерпнуты только из Ганноверского архива. Другие, впрочем, на этом основании приписывали трактат ганноверскому вице-канцлеру Лудольфу Гуго.

Сам Лейбниц скрывал свое авторство от самых близких людей, но, несмотря на это, через несколько лет установилось мнение, что он автор трактата.

Сочинение Цезарина Фюрстенерия вызвало много возражений и сделалось в университетах темой для публичных диспутов. Лейбниц с интересом следил за опровержениями, написанными против его книги, и делал к ним свои примечания. Некоторые из своих возражений он хотел напечатать, но они остались неизданными в его бумагах¹. Более всего его возмущал упрек, что он, слишком защищая в своей книге вольность князей, повредил императору и навлек опасность на Германию, указывая врагам на ее слабую сторону. «Как будто, — восклицает Лейбниц, — князя не знали, что имеют право собирать войско и заключать союзы, прежде чем я написал свою книгу. Или нужно было молчать об этом. Я, напротив, думаю, что нужно искренно и честно говорить о состоянии нашего отечества. Это голос льстецов или людей, которые пустым криком стараются приобрести славу патриотов. Как относительно религии, так и относительно государства бывают ханжи, самая вредная порода людей. Как те вредят истинному благочестию, так эти — общественной жизни. Ибо они делают то, что люди честные и преданные своему отечеству или не признаются таковыми, или не смеют свободно высказывать свое мнение». Лейбниц сам старался выпрашивать мнение тех, суждением кого дорожил. Так, он писал о своей книге Конрингу. Тот ее знал только еще понаслышке и не одобрял политического взгляда ее автора. «Мне кажется, — писал Конринг, — что все эти вопросы возбуждены некстати, к гибели Римской империи».

В одном интересном отрывке Лейбниц сообщает о своем разговоре с Пуфендорфом по поводу книги Цезарина Фюрстенерия. Где и когда происходила эта беседа, к сожалению, остается неизвестным. Пуфендорф был особенно недоволен тем, что курфюрсты в книге уравнивались в правах с королями. Пуфендорф сначала подозревал, что Лейбниц — автор книги, но последний нарочно делал некоторые возражения против нее и этим разуверил своего собеседника.

Французы были очень недовольны тем, что императору приписывалась известная власть в христианской церкви или над всеми христианскими государями. Но, по мнению Лейбница, французов, которые свысока смотрели на немецких князей, нужно было задеть за живое, и для них ничего не могло быть чувствительнее, чем

¹ Впервые изданы О. Клоппом: Die Werke v. Leibniz. IV.

уверение, что император Германский стоит выше их короля, с чем они прежде сами соглашались.

Лейбниц написал еще несколько небольших отрывков для пояснения некоторых мест своей книги. В одном из этих отрывков он еще более настаивает на том, что императору принадлежит верховная власть над всем христианским миром. Он это доказывает своим любимым математическим способом, т. е. положениями, которые составляют непрерывную цепь доказательств. Мы приводим главные из них.

Все люди грешат, если не делаются христианами, а христиане не грешат, если их силой заставляют делаться христианами.

Все христиане обязаны повиноваться тем, кому дана власть разрешать грехи.

Эта власть дана апостолам, и преимущественно апостолу Петру. От апостолов эта власть перешла к Римской церкви. Поэтому всякий обязан повиноваться Римской церкви. Следовательно, всякий, кто обязан повиноваться ей и этого не делает, может быть принужден к этому императором, т. е. защитником (*advocatus*) Римской церкви. Следовательно, относительно распространения и защиты Римской церкви, императору принадлежит высшая судебная власть (*jurisdictio*) на земном шаре.

При изложении книги Лейбница о супремате князей мы уже указывали на то, что его не следует за это возобновление средневековых представлений о церкви и императоре ставить на один уровень с теми современными ему рутинерами, которые все еще мечтали о Четвертой монархии и считали Немецкую империю продолжением Римской. Это не было также для него уловкой, чтобы оправдать себя в том, что он слишком резко выставил самостоятельность князей, и за это вознаградить императора какой-то призрачной властью над всеми князьями мира. Лейбниц верил в единство христианского мира, и это единство олицетворялось для него церковью. Эту-то вселенскую церковь разумел он, когда говорил о Римской церкви. Он не относился враждебно к папе и к католицизму и готов был признать за Римским епископом примат над всей христианской церковью в том случае, если бы удалось осуществить примирение и слияние церквей. Это соединение было одной из задач, над которыми Лейбниц искренне трудился в течение многих лет.

Этой же задаче он посвящал часть своей деятельности при дворе герцога Ганноверского. Хотя Иоганн-Фридрих по убеждению принял католицизм, он, однако, отличался большой веротерпимостью, как и все его братья. Лейбниц приписывал это их частым путешествиям. «Почти только одни герцоги Брауншвейг-Люнебургские, — пишет он ландграфу Рейнфельдскому, — освободились от

предрассудков посредством путешествий и общения с людьми другого исповедания. Подобно тому как итальянцы и испанцы имеют странное мнение о протестантах, так и те из протестантов, которые не сходились с благоразумными католиками, составили себе о них не лучшее понятие. Оттого происходит, что всякий замечает только то, что дурно в его противнике или кажется ему таковым, и не обращает внимания на хорошие стороны».

Иоганн-Фридрих управлял своими протестантскими подданными с большой умеренностью и не дал им повода жаловаться на него, как свидетельствует Лейбниц в своем письме к Фоме Бёрнету; но при всем этом он сильно желал распространения католичества, и его двор сделался центром переговоров, которые имели целью присоединение лютеран к католической церкви.

Между католиками, собравшимися ко двору герцога, одним из самых замечательных был папский викарий и епископ Титопольский Николай Стено. Он был родом из Ютландии, протестант, занимался медициной и геологией и приобрел известность своими анатомическими и геологическими трудами. Особенно прославился Стено своим сочинением «*De solido intra solidum naturaliter contento*»* (Флоренция, 1669), которое доставило ему почетное место в истории геологии. Он может считаться одним из основателей этой науки. Мы еще коснемся его заслуг, когда будем говорить о трудах самого Лейбница по геологии. Вдруг, вскоре после издания этого сочинения, Стено бросил все занятия и прежние связи и принял католичество. Лейбниц в «Теодицее» рассказывает о странном поводе, который побудил его переменить веру. «Он был замечательным анатомом, — говорит Лейбниц, — и очень хорошо знал природу; но, к сожалению, он перестал заниматься и из великого естествоиспытателя сделался посредственным богословом. С тех пор он слышать не хотел о чудесах природы, и для того чтобы выведать из него те наблюдения, которые желал узнать от него Тевено, нужно бы было особенное повеление папы *in virtute sanctae obedientiae***». Он сам рассказывал, что на его решение принять католичество имел большое влияние следующий случай. Во Флоренции он услышал голос одной дамы, которая кричала ему из окна: „Не идите в эту сторону, ступайте в другую сторону“. Эта дама знала, что он отыскивает одного знакомого в том доме, где она жила, и когда она заметила, что он ошибся в направлении, хотела ему указать дорогу».

* «О твердом, естественно содержащемся в твердом» (лат.) — Прим. пер.

** Во исполнение святого послушания (лат.) — Прим. пер.

Лейбниц напрасно старался победить отвращение нового католического епископа к занятиям естественными науками, и в своих письмах к Конрингу он жалуется на эту ложно понимаемую религиозность.

Лейбниц часто вступал в устную и письменную полемику со Стено, с патером Денисом, одним из капуцинов, живших при дворе герцога, и автором сочинения «Via Pacis», и с некоторыми другими католиками в Ганновере. Эти споры получили новый интерес, когда в Ганновер приехал епископ Тинский (Thina), собственно испанский францисканец Христоф Рохас, происходивший от знаменитой Геузской фамилии Спинола. Он был послан в Вену испанским королем Филиппом IV с дипломатическим поручением, остался там в качестве исповедника жены императора Леопольда, сделался любимцем императора и был произведен папой в епископы города Тина, в Хорватии.

Этот епископ был одним из самых ревностных приверженцев идеи о присоединении лютеран к католической церкви; император Леопольд сам лелеял эту мечту, и по его поручению Спинола предпринял путешествие по дворам протестантских князей Германии, чтобы склонить их к этому делу. В 1676 г. он был в Ганновере и остался очень доволен герцогом, который с полным сочувствием вошел в его предположения. Папа Иннокентий XI, один из просвещенных и гуманных пап, знал об этих планах и в 1678 г. письменно благодарил герцога за содействие, оказанное епископу. В 1679 г. Спинола по этому делу еще раз приехал в Ганновер и познакомился с Лейбницем, который с обыкновенной горячностью принялся за дело.

Лейбниц уже перед этим имел частые беседы с герцогом о религиозном примирении и соединении церквей. Ему это дело было знакомо и близко; он еще в Майнце часто говорил об этом с Бойнебургом и тогда еще составил план обширного сочинения, которое должно было содействовать примирению враждующих церквей. Он выработал себе особенный взгляд на метод, которого, по его мнению, следовало держаться в сочинениях этого рода. Он считал этот метод безошибочным и неминуемо ведущим к желанному результату. Вообще в век Лейбница методу приписывали гораздо большее значение, чем в XIX в. Лейбниц же отличался особенным уважением к методу; он выказывал во всем строгую методичность: в мелочах жизни, в ежедневных занятиях, тем более в своих литературных и научных приемах. В науке он считал верный метод самым существенным условием успеха.

В одном отрывке Лейбниц описывает свой разговор с герцогом, в котором он объяснял ему свой метод. Этот метод в сочинениях, касающихся религиозной полемики, состоял главным образом в том, чтобы автор был «не судьей, не истцом, не посредником, но только докладчиком». Верность его изложения должна обнаружиться в том, чтобы не было возможно узнать, к какой стороне он сам принадлежит. Он должен держаться известного, строгого порядка и стараться как можно более сокращать спор; наконец вести дело так, чтобы человек со смыслом по его изложению легко мог составить себе понятие о сущности дела, без того чтобы докладчик сам высказал свое мнение.

Большая часть споров, говорил Лейбниц герцогу, не приводит ни к чему, потому что люди не привыкли твердо останавливаться на чем-нибудь и со вниманием об этом размышлять. Когда они начинают доказывать свое мнение, они приводят первое попавшееся им на ум доказательство. Но так как это доказательство часто так же шатко, как то, что они стараются доказать, то они сердятся, когда их заставляешь подкрепить свое предположение, и жалуются, что их противник имеет дурную привычку все отрицать. Всякий из спорящих придумывает особый порядок спора, и нужна большая память и много досуга, чтобы объять все, что сказано с обеих сторон. Оттого споры все разрастаются и доходят до размера нескольких томов, а это отнимает охоту познакомиться с предметом спора. Далее, спорящие имеют обыкновенно дурную привычку скрывать доказательства противника или ослаблять их при изложении; притом повторять свои доказательства, не принимая в расчет справедливых возражений противника.

Метод Лейбница должен был устранить все эти недостатки. Доказательства обеих сторон были бы изложены так точно и верно, что всякий читатель, не лишенный здравого смысла, составил бы себе ясное понятие обо всем. Этот метод имел бы то преимущество, что он не возбуждал бы страстей, ибо ни один читатель не знал бы, имеет он дело с союзником или с противником. У тех, кто спорил бы по этому методу, были бы, так сказать, связаны руки, они могли бы наносить друг другу удары только в известном порядке, подобно тому как в морской битве движение корабля дает направление бою.

В другой записке Лейбниц объясняет герцогу план сочинения, которое он намерен был написать еще в Майнце. Оно должно было состоять из трех частей. В первой Лейбниц хотел привести доказательства в пользу существования Бога, бессмертия души и так называемой естественной религии (*théologie naturelle*). Вторая часть

была бы посвящена христианству, или религии Откровения. Лейбниц хотел в ней доказать возможность христианских таинств и возразить тем, кто находит трудности и противоречия в догматах о Троице, о воплощении, евхаристии и воскресении мертвых; ибо, говорит Лейбниц, «одна невозможность, доказанная в наших таинствах, ниспровергает все здание». Третья часть касалась бы церкви. Лейбниц хотел доказать «неопровержимо», что церковная иерархия имеет божественное происхождение (*de droit divin*), и точно разграничить пределы светской и духовной власти. «Нет ничего более полезного, — говорит он, — для общества, как авторитет вселенской церкви, которая соединяет всех христиан в одно тело посредством любви и которая может поддерживать священное благоговение в самых могущественных людях на земле, пока они доступны упрекам совести».

Этому сочинению должно было предшествовать изложение «оснований истинной философии», необходимое для ее понимания. Ибо, говорит Лейбниц, необходима новая логика, чтобы понимать степень вероятности приведенных в сочинении доказательств. А искусство определять степень вероятности нигде еще не объяснено. Необходимо также дать новое развитие метафизике, чтобы составить себе верные понятия о Боге, о душе, о личности, о субстанции и др. Необходимо несколько основательнее изложить физику, ибо без этого нельзя опровергнуть возражений против сотворения, потопа и воскресения из мертвых. Наконец нужно изложить истинную этику, чтобы знать, что такое справедливость, свобода, наслаждение, счастье, — чаяние блаженных (*vision béatifique*). Но так как в философии до сих пор более привыкли спорить, чем доказывать, говорит Лейбниц, то нужно было убедить читателей, что автор — человек, знакомый с математикой и умеющий доказывать систематически и неопровержимо¹. Поэтому он хотел предпослать своему сочинению свои математические исследования и открытия, «которые были приняты и одобрены самими замечательными людьми века и которые не уступают открытиям Галилея и Декарта». «Это-то и было причиной того, — говорит Лейбниц, — что я так долго жил во Франции. Мне хотелось усовершенствоваться в математике и приобрести способность безошибочно *демонстрировать*». «Итак, я занимался математически-

¹ См. также: *Die Werke v. Leibniz*. IV. P. 450: Les hommes de meilleure trempe ne pêchent presque que par des faux raisonnements (Единственным прегрешением людей твердой закалки бывают ошибки в рассуждениях (*фр.*). — *Прим. пер.*).

ми науками не ради них самих, но для того чтобы посредством их принести пользу религии»¹.

Подобно Боссюэ, издавшему в 1671 г. свое знаменитое сочинение «Exposition de la foi de l'église catholique»*, в котором он старался изложить и объяснить для протестантов догматы католической церкви, Лейбниц, в деле примирения протестантов с католиками, принял за точку отправления постановления Тридентского собора. Он полагал, что эти постановления могли бы быть приняты протестантами, за исключением 3 или 4 из них, которым следовало дать истолкование, согласное со смыслом и с догматами католической церкви, но различное от толкований нескольких схоластических богословов и особенно монахов.

Но чтобы сочинение, написанное в этом смысле, имело успех у католиков, нужно было выхлопотать папское бреве, в котором было бы сказано, что в нем не заключается ничего еретического. Для того чтобы получить это бреве, Лейбниц хотел придать своему сочинению такую форму, как будто оно написано католиком для обращения протестанта и как будто с этой целью автор дает католическим догматам самое близкое и благоприятное для протестантов толкование.

Но все эти предположения были прерваны одним неожиданным событием. Осенью 1679 г. герцог собрался в новое путешествие в Венецию. Он отправил свою жену с тремя маленькими дочерьми в Париж и сам выехал из Ганновера. Последние свои записки о примирении церквей Лейбниц написал уже по отъезде герцога и отправился ему вслед. В одной из них он говорит, что ему нужно отправиться в Майнц, чтобы достать несколько книг из библиотеки Бойнебурга, и что, может быть, ему придется по окончании своего сочинения отправиться на свидание с герцогом в Италию.

Вдруг в Ганновер пришла весть, что герцог Иоганн-Фридрих умер. Он должен был остановиться в Аугсбурге, чтобы дожидаться там пропускной грамоты (*fede*) из Венеции, так как по случаю чумы в южной Германии въезд в Италию из Германии был запрещен. Здесь он заболел и после трехдневной неопасной болезни неожиданно умер.

Для Лейбница это известие было тяжелым ударом. В последнее время ему удалось сблизиться с герцогом, так что он каждую неде-

¹ Ibid. P. 454: Je n'ai donc pas étudié les sciences mathématiques pour elles-mêmes, mais à fin d'en faire un jour un bon usage pour me donner du crédit en avançant la piété; p. 450: pour les faire servir à l'avancement de la piété.

* «Изложение католического вероучения» (фр.). — Прим. пер.

лю устно или письменно сообщал ему свои мысли и планы. Лейбниц был очень доволен своим положением и писал о себе Гейеру, саксонскому проповеднику, который знал его с детства: «Я теперь живу при дворе государя, достоинства которого так велики, что я предпочитаю зависимость от него всякой свободе».

Преемником Иоганна-Фридриха был брат его Эрнст-Август, который в это время находился в Венеции. Новый герцог перевез тело своего брата с большими почестями в Каленберг, где оно находилось, пока делались приготовления к торжественным похоронам. Эти похороны происходили 30 апреля с всевозможным великолепием, которое доказывает, какие успехи сделали Ганноверские герцоги и как далеко за собой оставили они простоту и патриархальность своих предков. В бумагах Лейбница находится описание этого торжества. Герцог выехал на встречу к телу в Герренгаузен в сопровождении 60 карет, запряженных 6 лошадьми. Впереди ехали две роты кирасир и гвардия герцога, одетая в черное, на белых лошадях. За ними шел хор из 300 детей, одетых в черные мантии. Затем духовенство герцогства и между ним депутаты 4 факультетов Гельмштедтских. Второе отделение составляли земские чины герцогства — депутаты городов, Ганноверский магистрат, депутаты духовенства и дворянство княжеств Каленберг, Грубенгаген и Гёттинген и епископства Оснабрюкского. К ним примыкали все придворные, которым не было указано особенного места.

Третье отделение составляли знамена и гербы всех графств и земель, присоединенных к герцогству: Рейнштейн, Бланкенбург, Гоя и др. Впереди их шли герольды с гербами, вышитыми на плаще. Каждое знамя нес дворянин, а за ним два дворянина вели лошадь, на черном черпаке которой был вышит тот же герб. Затем следовали знамена герцогств в том же порядке, и после всех древнее королевское знамя Саксонии, на котором был изображен белый конь Витекинда, языческого вождя саксов, сражавшегося с Карлом Великим. Затем — боевой конь, на котором сидел вооруженный рыцарь, а за ним шел пешком другой рыцарь, одетый в черный панцирь. Затем вели траурного коня, покрытого черным бархатом до самой земли со серебряным шитьем, и за ним маршал нес шпагу покойного герцога, вице-канцлер — скипетр, а генерал Подевильс, главнокомандующий всех войск, — герцогскую корону с богатыми камнями.

В четвертом отделении везли тело герцога. Впереди шли 6 гофмаршалов, за ними 12 пажей, которые несли факелы белого воска. Гроб стоял на колеснице, запряженной 8 лошадьми, которых вели за узду дворяне. Балдахин несли 8 полковников, около

которых шли 20 дворян с факелами и драбанты с опрокинутыми алебардами. Концы одеяла, которое покрывало гроб, держали четыре генерал-майора.

В пятом отделении находились преемник покойного герцога и его сыновья в сопровождении маршалов и пажей, которые несли за ними шлейф, и большого числа дворян и драбантов.

Последнее отделение составляли советники и чиновники различных правлений и канцелярий, как столичных, так и провинциальных, со своими маршалами, которые ехали верхом. Наконец две роты кавалерии и остальная часть гвардии.

По дороге жители Ганновера под ружьем и солдаты составляли шпалер. В церкви был устроен великолепный катафалк (*chapelle ardente*, или *castrum doloris**) во всю высоту церкви, украшенный скульптурными изображениями, эмблемами, надписями и бесчисленным количеством восковых свечей. Епископ принял тело, и итальянскими певцами был превосходно спет обычный реквием.

На другой день епископ отслужил несколько месс при помощи 4 аббатов. Один из капуцинов сказал надгробное слово; затем лютеранский придворный проповедник прочитал так называемые *Personalia* герцога, написанные Лейбницем, т. е. краткий очерк жизни и деятельности покойного.

После похорон последовало великолепное угощение на счет нового герцога, которое продолжалось четыре дня. Все это торжество было так великолепно по понятиям того времени, что герцог счел нужным увековечить память о нем в особенном сочинении, в котором были изображены в точности катафалк, выстроенный в церкви, и триумфальные арки со всеми украшениями, а затем на нескольких листах вся похоронная процессия и притом так подробно, что можно было узнать портреты наиболее важных лиц, участвовавших в ней. Многие уже изображены в длинных париках, которые тогда входили в моду, другие носили еще свою природную прическу.

В этом же издании собраны все надгробные речи и стихотворения, написанные по случаю похорон герцога Иоганна-Фридриха. Между ними находится также жизнеописание его, написанное Лейбницем, о котором мы упоминали. Обычай произносить во время похорон герцогов такие надгробные речи давно существовал в Ганновере, и один ганноверский историк говорит, что в прежние времена проповедники, которым поручали писать эти речи, подражали примеру египетских судей, которые часто неумо-

* Горящая капелла (*фр.*), покой скорби (*лат.*). — *Прим. пер.*

лимо осуждали своих умерших царей. Но в XVII в., в эпоху развития княжеской власти, прежняя суровая патриархальность уступила место более смягченным формам; и хотя все еще проповедники произносили эти речи, составление их, однако, поручалось царедворцам, и речи все более и более принимали характер похвальных слов. Речь Лейбница (на немецком языке), впрочем, написана с большим достоинством и такой искренностью, что ее нельзя назвать похвальным словом. Сначала Лейбниц вкратце рассказывает жизнь покойного герцога, которая большей частью прошла в путешествиях; тех поступков его, которые были неприятны для присутствующих, т. е. принятия католичества и союза с Францией, он касается слегка и очень бережно, указывая на то, что его главной заботой было поддержание и восстановление мира в Германии. В заключение следует характеристика герцога. Лейбниц указывает на его правительственные способности: герцог обладал проницательным умом и отличной памятью, что редко встречается вместе, и во всем схватывал существенную сторону. Он был очень трудолюбив и входил с большим терпением в самые мелочные дела. Он заботился о том, чтобы поднять благосостояние своей страны, и придумал много полезных улучшений. В обращении с подчиненными он был приветлив и невзыскателен, но ненавидел ложь. Он хорошо отличал людей, и всякого употреблял на то, к чему тот был способен. Он не только уважал науку, но сам много занимался и любил беседовать с учеными. Он был очень религиозен и говорил, что дела правления мешают ему заботиться как следует о своем спасении. Поэтому он думал оставить престол, чтобы совершенно предаться созерцательной жизни.

Кроме этой речи Лейбниц написал еще на французском языке сочинение под заглавием «Portrait du Prince, tiré des qualités et des vertus héroïques de S. A. S. Msgr. J. Fr. duc de Bronsvic et de Lunebourg*», в котором он излагает свой взгляд на то, что может называться идеалом государя. Это сочинение было написано при жизни герцога и, вероятно, предназначалось для него, хотя нет никаких указаний на то, что оно сделалось известным герцогу или его преемнику. Это очень искусный панегирик герцога. Ибо, разбирая различные свойства и достоинства, необходимые для того, чтобы составить идеал государя, Лейбниц указывает на герцога как на пример и образец. Впрочем, в этом панегирике под формой похвал

* Портрет государя, извлеченный из достоинств и героических добродетелей его светлости Иоганна-Фридриха герцога Брауншвейгского и Люнебургского (фр.). — Прим. пер.

очень часто заключаются советы, которые он дает герцогу. Некоторые выражения для XIX в. слишком сильны; часто, например, повторяется оборот, что государи — подобие божества на земле и что они поэтому должны подражать его свойствам. Лейбниц указывает на то, какое должно быть различие между свойствами частного человека и свойствами государя. Так, если мужество заставляет частного человека не бояться опасностей и смерти, то мужество государя преимущественно должно высказываться в воздержанности в удовольствиях и постоянстве в труде. Лейбниц приписывает большое значение природной доброте, и, по его мнению, потому так мало благородных людей, что это свойство встречается слишком редко. Он полагает, что оно обыкновенно встречается только у людей знатного происхождения, если верить истории, показывающей, что знаменитые люди низкого происхождения почти всегда пятнали себя коварством, вероломством и жестокостью, например Марий. Здесь слышится уже панегирик; если в этом положении и заключается известная доля истины, то ее нужно было бы высказать осторожнее и определеннее; пример также выбран неудачно, ибо от Мария недалеко до Суллы.

Лейбниц настаивает на необходимости для государя хорошего воспитания и образования. Он не считает нужным, чтобы государь знал все науки, — знать следует самые полезные для правителя, к которым он относит географию, этику, политику, военные науки; и самые приятные для общества, к которым он относит знакомство с языками, с обычаями, преимуществами и достопримечательностями различных стран. Лейбниц говорит, что государи должны приобретать все эти познания не столько посредством учения, сколько в беседах со знающими людьми, более в свете, чем в книгах, более через практику, чем через теорию. Он хвалит герцога за то, что он так много путешествовал для своего образования, и говорит, что он соединил в себе преимущества трех наций: сдержанность, тонкость ума, ловкость и вежливость итальянцев; свободное обращение, живость, приятность ума и рыцарство французов; наконец основательность и рассудительность немцев и их преданность требованиям чести.

По его мнению, необходимо соединение трех условий, чтобы образовать великого государя — преимущества природы, судьбы и добродетели. К первому он относит ум, рассудительность, мужество, душевную доброту и любовь к добродетели и славе. Под вторым он понимает происхождение от знатных и славных предков и соответствующее этому воспитание. Под третьим он понимает те свойства, которые приобретаются посредством ума и воли;

сюда он причисляет благоразумие, умеренность, справедливость, милость, щедрость и великодушие. Лейбниц особенно долго останавливается на справедливости. Она более всего необходима государям. Прочие добродетели служат им украшением, справедливость же существенна для их призвания.

Справедливость вообще играет важную роль в юридической и политической теории Лейбница. Она составляет для него основание общественной жизни и связь, которая соединяет людей в государстве. Она занимает в общественной жизни такое место, какое занимает разум в мире; ибо на разуме зиждется природа и вся вселенная, и разум есть основание мировой гармонии, как справедливость есть основание гармонии в мире политическом. Жизнь общества может быть поддерживаема только тремя добродетелями: благосклонностью, справедливостью и храбростью. Если первая, которая стремится к тому, чтобы сделать все блага общими между людьми, могла быть осуществима, то не нужно было бы справедливости; а если бы люди никогда не уклонялись от справедливости, не нужно было бы храбрости, чтобы защищать государство. Но слабость человеческой природы не допускает того, чтобы общественная жизнь была исключительно основана на благосклонности, а нужно было приступить к разделению благ, общих от природы. Это разделение должно быть поддерживаемо справедливостью, которая в свою очередь опирается на силу против тех, кто дерзает нарушать ее законы.

Вот сущность политического учения Лейбница. Выставляя врожденное человеку стремление к справедливости основанием общественной жизни, оно этим существенно отличается от других современных политических теорий, которые объясняли образование государства или чувством страха, заставившего людей сплотиться в тесный союз и поручить кому-то одному власть над всеми, или эгоизмом, принудившим людей прибегнуть к государственной жизни для установления равновесия между враждебными страстями.

Лейбниц также часто настаивает на великодушии. Он называет его украшением всех добродетелей, потому что оно возвышает каждую из этих добродетелей.

Благоразумие, например, предписывает много правил относительно войны и политики, но великодушный государь выбирает не те, которые дозволены, а всегда самые честные. Если милость побуждает государя прощать обиды, нанесенные другим, то великодушие, по мнению Лейбница, заставляет государя прощать заговоры, направленные против него самого. Если государь, любящий

великолепие, много издерживает для своего удовлетворения, то великодушный государь, делая эти издержки, руководствуется общественным благом.

Интересно сравнить этот «идеал государя», начерченный Лейбницем, с другими подобными произведениями. Каждая эпоха имеет свой идеал, и на этом идеале всегда отражаются особенности ее политической жизни. Сравнение между этими идеалами разных веков, например, типом государя, созданным в древности афинским философом и политиком Ксенофонтом в «Киропедии», с «государем» (*principe*) Макиавелли, с идеалом Лейбница и другими, было бы весьма поучительно.

В идеальном представлении государя у Лейбница преобладает личный, человеческий элемент, т. е. такие свойства, которые украшают не именно государя, а всякого человека, находящегося в высоком положении и облеченного властью. Это вполне согласно с политическими условиями эпохи, которая была прозвана веком просвещенного абсолютизма. В ту эпоху благосостояние государства исключительно зависело от личности государя, и чем более совершенная личность был этот государь, чем более он был *человеком* в идеальном смысле этого слова, тем счастливее была его страна.

У Лейбница вовсе не упоминается о народе и об отношениях государя к народу. У него государь представляется художником или творцом, который трудится над своим творением. Оттого сравнение с божеством и с отношениями божества к сотворенному миру не лишено основания. В XIX в. такой отвлеченный идеал государя был бы невозможен. Каковы бы ни были политические условия страны, при идеальном представлении государя нельзя было бы ограничиваться общечеловеческими его добродетелями, но нужно было бы коснуться и тех свойств государя, которые находят свое применение в его отношениях к внутренней жизни народа, к его развитию на пути политической и нравственной зрелости.

Лейбниц почтил память герцога не только прозаическими произведениями, но и стихами. Им сочинены латинские метрические надписи на катафалке, и кроме того он написал одно большое стихотворение на смерть Иоганна-Фридриха, которое он посвятил ученому епископу Мюнстерскому. Этот *Epicedium in obitum Joh. Fr.** пользовался в свое время большой известностью. Фонтенель в своей похвальной речи Лейбницу называет это стихотворение образцовым произведением и причисляет его к лучшим поэ-

* Эпикедий на смерть Иоганна-Фридриха (*лат.*). — *Прим. пер.*

тическим произведениям века¹. Особенно славилось то место, в котором Лейбниц описывает звучными стихами и блестящими картинками новое открытие, сделанное как бы под покровительством герцога, т. е. фосфор. Это действительно поэтическое место, показывающее, с каким интересом современники смотрели на это новое для них явление природы, которое в XIX в. почти не обращает на себя внимания.

Под конец Лейбниц очень искусно приветствовал нового герцога, которому вся Германия будет обязана своим возрождением и которому поэт предсказывает великую будущность:

Et Superi majora parant: sed talia Parcae
Noscere mortalem prohibent vel dicere vatem*.

Впоследствии, когда сын этого герцога взошел на английский престол, Лейбниц часто вспоминал о том, какой он был счастливый предвещатель.

Лейбниц приветствовал также новую герцогиню французским стихотворением, по обычаю того времени довольно высокопарным, в котором говорится гораздо менее о покойном герцоге, чем о ее добродетелях. Оно начинается стихами:

Princesse dont l'esprit et la grandeur de l'âme
Est un épanchement d'une céleste flamme
De qui le sang royal et souverain état
N'est pas le plus solide ou le plus grand éclat...**

Эти приветствия и поздравления, конечно, имели целью обратить на себя внимание нового герцога. Положение Лейбница было довольно шатко. Он был пришельцем в Ганновере и любимцем умершего герцога; а эти свойства не должны были особенно располагать в его пользу людей, к которым переходила теперь власть. Заслуги Лейбница и его способности были известны только покойному герцогу, так как труды его или заключались в проектах, или же были изданы под псевдонимом, например его *Caesarinus*. Лейбниц мог ожидать, что его удалят от двора вместе с католическим

¹ Il fit sur la mort du prince un poëme latin qui est son chef-d'œuvre et qui mérite d'être compté parmi les plus beaux d'entre les modernes (На смерть герцога он сочинил латинскую поэму, ставшую его шедевром и достойную быть упомянутой среди наилучших стихов современности (фр.). — *Прим. пер.*)

* И высшие порождают большее; но Парки запрещают об этом знать смертным и прорицать пророкам (лат.). — *Прим. пер.*

** Герцогиня, чей ум и величие души отражают небесное пламя, чья слава и могущество состоят отнюдь не только в монаршей крови или суверенном государстве (фр.). — *Прим. пер.*

духовенством, приглашенным в Ганновер Иоганном-Фридрихом. Правоверное протестантское духовенство уже тотчас по смерти герцога обратилось к его преемнику с просьбой изгнать католиков, «ради милости Божьей и ран Иисуса»¹.

Лейбниц в это время завел переписку с Веной, о которой мы упоминали, и хлопотал о месте библиотекаря при императорском дворе. В то же время он обратился к своим друзьям в Париже: Гюйгенсу и герцогу Шеврёзу, желая получить место иностранного члена Французской Академии наук. Главным препятствием в этом деле служила религия, и, как видно из некоторых писем, Лейбница обнадёживали в Париже, но с условием принять католичество. Только после изменения устава Академии Лейбниц был принят в ее члены в 1699 г.

Но новый герцог любил своего брата и из уважения к нему не только оставил католическое духовенство в Ганновере для совершения похорон, но удержал при своем дворе почти всех любимцев и слуг брата. Рассказывают только о некоторых исключениях. Однажды герцог встретил садовника своего брата, француза, который ехал в великолепной коляске. Герцог остановил его и спросил, кто он такой. Тот ответил: «Садовник вашей светлости». «Тебе было бы приличнее, — сказал ему герцог, — взять на плечо лопату, чем разъезжать в коляске». Затем он прислал ему пару башмаков в знак того, что он может удалиться, и отдал место прежнему садовнику, немцу, «welchen der Franzmann ausgebissen»².

Между оставшимися был и Лейбниц. Но все-таки в его жизни произошла большая перемена. Он вступил в новые отношения, и его деятельность получила новое направление. Об этом мы расскажем в следующей главе.

Настоящую же главу заключим характеристикой личности Лейбница, составленной им самим в эту эпоху его жизни.

Лейбниц, как мы говорили, был очень методичен не только в своих трудах, но и в ежедневной жизни. Нередко он набрасывал на клочке бумаги правила для самого себя. В одном из таких отрывков на латинском языке мы читаем следующее.

Правила жизни. Приличие в одежде и манере. Речь спокойная, сдержанная, изящная — могущественные друзья в разных местах. Относительно религии никаких странностей³.

¹ Um Gottes Barmherzigkeit und der Wunden Jesu Willen (Leibnitz's Deutsche Schriften / Ed. Guhrauer. 1838. Т. I. P. 372).

² ...которого выжил француз (нем.). — Прим. пер. (Vehse. Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig. I. P. 39).

³ In Religione nil singulare (Die Werke v. Leibniz. IV. P. XXVII).

Действия относительно Бога, государя и др. По воскресеньям ходить в церковь, раз или два. Определенное место в главной церкви. Итальянскую проповедь посещать всякий раз, когда она бывает. Говеть в Локкуме. Одежда черная, шелковая или суконная. Иногда поститься. В разговоре величайшее уважение к божественному. Все брать в отношении к Богу и к благочестию.

Относительно государя. С государем говорить или ему писать каждую неделю. Всегда что-нибудь новое. Предложение относительно географии областей (чиновникам). Точные карты. Чудеса природы. О ценности предметов, или доклад о торговле. Доклад о мануфактурах. Точный доклад о металлической части. О земледелии. О лесоводстве. Статистический альманах (Breviarium Reipublicae). Краткая история событий с тех пор, как герцог принял управление. Реляции Регенсбургские (где находился сейм). Допущение к архиву. Извлечения из новейших дел в архиве.

В другом отрывке на немецком языке Лейбниц излагает свои правила *относительно здоровья*: не напрягать глаз, движение, диета, соответствующая одежда и др.

Лейбниц часто анализировал себя; об этом свидетельствует один отрывок, в котором он, говоря как будто об одном знакомом, описывает самого себя.

В Париже я познакомился с одним религиозным человеком, заслуги которого были всеми признаны. Он много размышлял о богословских спорах, был хорошо знаком с древним миром. Чтение святых отцов было одним из его лучших удовольствий. Он питал к ним уважение, но оно не было чрезмерным.

Этот человек был чрезвычайно способен объяснить какое-нибудь место и указать его настоящее значение; он делал это с необыкновенной точностью и ясностью. Он выказывал отличные познания в том, что называют гуманитарными науками (les humanités), когда он принимался писать стихи, что, впрочем, случалось с ним очень редко. Его стихи нравились всем, и можно было думать, что он никогда ничем другим не занимался. Его слог как на латинском, так и на его родном языке был естествен и прост, но силен и возвышался там, где это было нужно. Он был краток, но ясен, приятен, хотя не подкрашен.

Он не любил заимствованных украшений и полагал, что достоинство рассуждения (d'un discours) должно заключаться в силе доводов (des raisons). Он был мастером в искусстве доказывать. В этом все были согласны. Он обладал всеми свойствами, которые для этого необходимы.

Когда мы познакомились с ним, он мне рассказывал несколько раз, каким образом шли его занятия. Он занимался классическими языками (humanités) и историей до 13 или 14 лет. С 15 до 17 лет он до такой степени вник в тонкости схоластиков, что ставил в тупик своих учителей. Многие находят эти занятия бесполезными.

Но он говорил мне часто, что этим очень доволен и что посредством этого узнал, до какой утонченности может дойти человеческий ум. Он говорил мне также, что в схоластике есть много основательного

и хорошего, и что если бы это было выражено ясно и точно, то возбудило бы удивление в мире.

Но он не остановился на схоластике, как этого боялись его друзья, и с 18 лет четыре года изучал юридические науки с таким успехом, что вызвал общее одобрение, и один замечательный государь нашел его достойным содействовать реформе этих наук. Ему дали место в одном суде высшей инстанции, и он доказал, что в случае нужды он также способен к практике, как к теории. Это продолжалось до 25 лет, и в это время он имел случай еще более познакомиться с богословскими спорами.

Вдруг слух о новых открытиях в математике и физике возбудил его любопытство. Что же, сказал он себе, меня считали к чему-нибудь способным, и я не буду в состоянии содействовать развитию наук? Это возбудило его неудовольствие против его прежних занятий; он увидел, что важное открытие в математике есть самый верный признак основательного ума; ибо тут не отделаешься словами — нужны доказательства, годность и недостатки которых очевидны.

Он бросил свои занятия и свое место, чтобы иметь возможность провести некоторое время в Париже — центре всех важных интересов. Там он доказал, что он в состоянии сделать; ибо в два года отличился перед всеми остальными: замечательные люди, которые находятся в Париже, признали его одним из первых математиков, способным сделать важные открытия. Он предъявил машины своего изобретения, которые вызвали удивление. И можно сказать, что ни один иностранец не был принят так хорошо людьми, заслуживающими уважения.

В это время я с ним познакомился. Его вид не обещал ничего замечательного, его обыкновенный разговор был мало интересен, он не имел или не хотел выказать способности, выставить себя с хорошей стороны. И я был удивлен, что не находил в нем признаков того, о чем мне говорили. Но я потом убедился в своей ошибке.

Я его застал однажды над богословскими книгами и высказал ему мое удивление — его выставляли мне как исключительного математика, так как он ничем другим в Париже не занимался. Тогда он сказал, что в нем очень ошибаются, что его главные труды посвящены богословию, что он занимался математикой как схоластикой для развития своего ума и для того, чтобы выучиться искусству изобретать и *демонстрировать* (*l'art d'inventer et de démontrer*), и что он в этом искусстве теперь успел более всех других.

Так понимал себя Лейбниц и так мы должны объяснять необыкновенное разнообразие его занятий. Не самолюбие и тщеславие заставляли его бросаться от одной науки к другой; для него все они составляли части одного целого, ступени к одной высшей цели, к которой он стремился. Эту цель Лейбниц обозначает здесь словами: искусство *изобретать* и *доказывать*. Под этим он разумел *метод* увеличивать познания человека как в мире природы (изобретать), так и в мире духовных истин (демонстрировать, т. е. доказывать математическим, безошибочным способом). Эти стремления Лейбница объяснятся нам из дальнейших глав.

ГЛАВА V

ЛЕЙБНИЦ ПРИ ДВОРЕ ГЕРЦОГА ЭРНСТА-АВГУСТА В ГАННОВЕРЕ

Политическое состояние Германии. — Отжившие территории и возникающая государственная жизнь. — Отношения Лейбница к политическим событиям его времени. — Герцог Эрнст-Август. — Герцогиня Софья. — Ее характер и ее переписка с Лейбницем. — Семейные раздоры в Ганноверском доме. — Убийство Кенигсмарка и заговор в пользу младших сыновей. — Установление престолонаследия в Ганновере и приобретение курфюрстского сана. — Патриотизм Лейбница. — *Mars Christianissimus* — памфлет против Людовика XIV. — Лейбниц защитник идеи права в государственных отношениях Европы. — Деятельность Лейбница при Ганноверском дворе. — Его путешествия по Германии и Италии. — Пребывание в Вене. — Его заботы об интересах империи. — Пребывание в Риме. — Знакомство Лейбница с иезуитами и старания завести сношения с Китаем. — Исторические занятия и труды Лейбница. — Судьба его Истории Вельфского дома. — Заслуги Лейбница в геологии. — Протогея, или История земного шара. — Жизнь и увеселения при Ганноверском дворе. — Участие Лейбница в этих увеселениях. — Пир Трималциона.

Хотя Лейбницу и не удалось сыграть политической роли, соответствующей его наклонностям и замечательным способностям, его биография представляет, однако, большой интерес в политическом отношении. В течение долгой, богатой событиями жизни ему приходилось сталкиваться с самыми разнообразными политическими интересами его отечества; и не только на его публичной, литературной деятельности, но и на его частной жизни и личных сношениях вполне отразились современные ему политические стремления и события.

Ни одно государство в мире не представляло такого разнообразия политических форм и не сохранило так много остатков средневекового быта, как «Священная Римская империя германской нации». Ее можно было в этом отношении назвать *музеем* исторических и политических древностей. Каждый век, каждая историческая эпоха оставили в ней следы; и отжившие политические формы давно прошедших времен продолжали существовать рядом, подобно слоям преемственных геологических эпох.

Между ними мы различаем прежде всего так называемые духовные территории, как остаток того времени, когда церковь, для поддержки своего влияния, должна была принять грубые формы окружавшего ее политического быта. Подобно своим предшественникам, жившим в эпоху феодализма и крестовых походов, князья-епископы и аббаты XVII в. делают смотр своим войскам, проводят целые дни на охоте, а ночи в шумных играх, принимают послов и занимаются дипломатией, а в большие праздники служат обедню в соборе, окруженные всевозможным великолепием католического богослужения. К тому же времени относится многочисленное «имперское рыцарство» (Reichsritterschaft), которое по-прежнему не знает отечества и признает над собой только одного императора, живет в своих замках, окруженное своими крепостными подданными, по-прежнему считает позорным учиться и отказываться от своих сословных преданий, но которое потеряло теперь всякое значение вследствие переворота в военном устройстве и вооружении. Этим имперским рыцарям соответствуют имперские города (Reichsstädte), которые успели сохранить свои средневековые привилегии. Таких вольных городов во времена Лейбница было еще 51. По-прежнему они участвовали на имперском сейме и составляли там особенную палату, а у себя дома они сохранили свое цеховое, корпоративное устройство, которое сковывало ремесла и промышленность, довело горожан до политического отупения, а самые города до нищеты и разорения. К тому же историческому слою принадлежала сотня мелких самостоятельных владельцев под разными наименованиями — Reichsgraf, Reichsfürst, Markgraf, Burggraf, Wild- und Raugraf и т. п., которые на сейме подавали голос наряду с курфюрстами, с королем прусским и императором германским и подобно им в своих манифестах писали: «Мы Божьей милостью», хотя бы государство их было так же обширно, как владения того бургграфа Рейнекского, все имущество которого состояло из одного замка, 12 бедных подданных, одного еврея, нескольких дворов и мельниц.

Жизнь этих мелких суверенов была чрезвычайно патриархальной. Они лично знали большую часть своих подданных, и семейные события, которые случались в мирной среде этих подданных, считались важными новостями при дворе. Они скучали в своих маленьких столицах и нередко проводили время, подобно старому князю Шпильбергскому, который целыми днями сидел у окна своего замка, рассматривал проезжих, и, если замечал какое-нибудь незнакомое лицо, спрашивал его, кто он такой. Несмотря, однако, на эту простоту быта, у них были свои канцелярии с советниками

и секретарями, которым нечего было делать и которые поэтому становились чрезвычайно изобретательны в искусстве издавать указы и придумывать административные распоряжения для пользы государства. Правительство княжества Эттингенского (Oetting-Oettingen), например, решилось подвергнуть строгому контролю всех собак страны, и по его распоряжению волостные правления (Aemter) выслали списки, на которых значились следующие *статьи*: кличка, наружный вид, лета, содержание, назначение и *всепокорнейшие, всеподданнейшие замечания* (ohnmassgebliches, unterthänigstes Gutachten). Так как правительства нуждались в деньгах, а средства страны были невелики, то они довели до совершенства искусство облагать подданных налогами, оброками, барщинами, акцизами и пошлинами. В княжестве Витгенштейнском, например, всякий из подданных обязан был ежегодно представить 20 воробьиных голов или в противном случае внести штрафные деньги. Так как вследствие этого в пределах княжества Витгенштейнского в скором времени исчезли все воробьи, то из этого штрафа образовался постоянный, правильный налог. Всякий подданный в княжестве Фюрстенберг был обязан под штрафом 10 талеров покупать календарь, издаваемый его правительством; и таможенным объездчикам было приказано тщательно разыскивать, в каждом ли доме находится такой календарь. Эти правительства старались быть всем для своих подданных: государями, помещиками, откупщиками, поставщиками и др. Подданные, например, не только платили государственные подати и несли барщину и оброк, они должны были по низкой цене продавать правительству свои произведения и покупать у него по высокой цене необходимые жизненные припасы, соль, пиво, дрова и др. Притеснения в этом отношении доходили до невероятной мелочности, и из этого возникали иногда самые курьезные процессы. Так, жители городка Ласфе были наконец избавлены по приговору верховного имперского суда (Reichs kammergericht) от обязанности покупать *сало для смазки колес* только у своего владельца.

Несмотря, однако, на свою жалкую обстановку, эти микроскопические суверены тянулись во всем за могущественными государями своего века. Они не могли жить без гофмаршала, гофкавалеров, фрейлин и французских искателей приключений, которые жили на их счет и развлекали их скуку своим остроумием. В 1700 г. все эти правительства заключили между собой сделку, по которой они обязывались давать высшим своим чиновникам титул превосходительства и держать при своем дворе камергеров. В герцогстве Гильдбурггаузенском, которое, впрочем, может еще счи-

таться крупным государством сравнительно с мелкими княжествами, так как оно заключало в себе почти 12 квадратных миль (т. е. около 60 тысяч десятин), в 1781 г. была издана *табель о рангах*, далеко превосходящая многочисленностью и изобретательностью титулов все подобное в других странах¹.

Неудавшиеся попытки XV в. преобразовать империю на новых началах и заменить прежнее обветшалое устройство ее, основанное на ленной системе, более современной формой федерации также оставили свои следы в империи. К исходу XV в. обособление отдельных территорий и областей, начавшееся под влиянием феодализма, довело их до полной независимости и грозило полным распадом империи. Но чувство национального единства, которое еще было живо в народе, заставило его искать спасения в федеративном начале и породило попытку составить из многочисленных мелких государств, на которые распалась империя, союз под руководством императора. Единство этого союзного государства должно было выражаться в том, чтобы все отдельные территории его имели общий верховный суд, общее войско, общую имперскую казну и общее центральное правительство. Но естественное влечение к независимости в отдельных правительствах, а потом смуты, вызванные Реформацией, не позволили довершить преобразования, и от них остались только развалины.

Рейхскамергерихт представлял только пародию на общий имперский суд. Ибо могущественные члены империи не повиновались его приговорам, а мелкие и слабые не могли добиться правосудия. Немецкие князья не выплачивали жалованья членам суда — в 1769 г. за ними считалось более полумиллиона талеров недоимок. Вследствие этого число членов суда с 50 уменьшилось до 18, до 12 и одно время даже до 8; но и этим немногим жалованье выплачивалось не в полном объеме. Такое небольшое число судей не могло управиться с громадным количеством поступающих к ним дел, так что процессы затягивались до тех пор, пока смерть тяжущихся делала ненужным приговор. Вследствие этого было при-

¹ Она заключает в себе: одного обермаршала, тайных советников с титулом и без титула превосходительства, обер-егермейстера, обер-шталмейстера, председателей высоких коллегий, титулярных тайных советников, тайных надворных советников, тайных регирунгс-, камер- и легационератов, действительных надворных советников, оберст-лейтенантов, обер-форстмейстера, рейзе-обер-шталмейстера, камер-юнкеров, действительных, регирунгс-, камер-, консисторияль- и легационератов, гоф-юнкеров и яхт-юнкеров, майоров, рейзшталмейстера, титулярных регирунгс-, камер-, консисторияль-, легатионс- и канцлейратов и др.

нято за правило разбирать только такие дела, о которых через несколько лет тяжущиеся напоминали суду. Эта необходимость *напоминать* и ускорять очередь развила самое бесстыдное взяточничество, так что ревизия 1767 г. признала нужным совершенно изменить состав суда, так как никакие меры и законы не могли помочь. По ревизии 1772 г. оказалось, что число неоконченных тяжб простиралось до 61 233, и многие из них тянулись более века.

Имперское войско (Reichsarmee) служило только помехой в войнах империи и причиной постыдных поражений. Могущественных членов империи, которые должны были высылать отряды в несколько тысяч, никто не мог принудить посылать свой контингент вовремя и туда, где он был нужен. Мелкие же суверены посылали в сборное место своих кучеров, лакеев и сторожей, а иногда очищали остроги для спасения отечества. Полки, которые составлялись из этого сброда, по своему наружному виду напоминали труппу странствующих паяцев. Тут не могло быть речи о единстве и полковой чести. Хорошо выдрессированные и обмундированные солдаты какого-нибудь герцога Ганноверского или курфюрста Бранденбургского презирали этих товарищей и не хотели вместе с ними сражаться, а те в свою очередь ненавидели их хуже французов и вступали с ними в драку при всяком случае. Офицерство этой имперской армии было также в самом жалком положении. Один суверен, например, имел право от себя назначать прапорщика, другой — капитана и т. д. Офицерам поэтому не предстояло никакого повышения по службе, так как назначение на следующее место зависело от другого государя. Офицеры знакомились между собой и со своими солдатами в сборном месте в виду неприятеля. Полки при этом формировались из отдельных отрядов в том порядке, в котором сидели на сейме государя, выславшие эти отряды. Но хуже всего в этой армии была устроена интендантская часть. Каждый суверен должен был содержать свой отряд на свой счет и снабжать его провиантом. Вследствие этого отдельные части одного и того же полка никогда не были снабжены одинаково; припасы выдавались в разные дни и в различном количестве, так что нельзя было сделать с полком ни одного быстрого перехода. Дисциплины в войске не было никакой, ибо если солдаты или офицеры не повиновались своему начальству или даже дезертировали домой, то они могли рассчитывать на поддержку своего суверена.

Военному устройству совершенно соответствовала финансовая часть империи. Имперская казна должна была пополняться из взносов, которые назывались *Römermonate*, — это была сумма, необходимая на месячное содержание контингента, поставляемого

каждым членом империи. Количество таких взносов определялось на сейме, смотря по необходимости. Первоначально каждый взнос, или R \ddot{o} mermonat, составлял 128 тысяч гульденов. Но мало-помалу эта сумма уменьшилась и в XVIII столетии составляла только 58 тысяч гульденов. При этом еще нужно принять в соображение падение ценности серебра. Но и такие маленькие суммы трудно было собрать с империи. В 1731 г. сейм, например, назначил один ремермонат на постройку здания для имперского суда, но по прошествии 34 лет из всех курфюрстов только Трир и Ганновер внесли свою часть. Могущественных князей нельзя было заставить платить, а мелкие указывали на пример сильных. Поэтому в XVIII столетии было решено платить по порядку, secundum ordinem collegiarum et votantium*, т. е. чтобы мелкие князья были обязаны платить только тогда, когда крупные уже внесли свою часть. С тех пор сбор имперской подати пошел еще хуже.

Правительственным органом этой неуклюжей империи был сейм, который соединял в себе недостатки старинного феодального парламента и федерального конгресса. Как во времена феодализма, курфюрсты, князья и города составляли отдельную палату и в каждой палате члены были равноправны, хотя бы действительное могущество их было совершенно несоразмерно. Но члены империи подавали голоса не лично, как в прежнее время, а через послов, которых они отправляли на сейм с инструкциями. Это отнимало у сейма всякую возможность действовать; ибо как скоро приходилось постановить какое-нибудь решение, то оказывалось, что у того или другого посла нет инструкций и полномочий, и дело откладывалось на неопределенное время.

Сейм поэтому потерял всякое значение. Собранные послы занимались только спорами об этикете: каким сукном должны быть обиты стулья княжеских послов — красным, как кресла курфюрстских послов, или только зеленым; какие титулы давать послам; кто кому должен сделать первый визит и др.; или составляли поздравительные адреса императору к новому году и ко всякому торжественному случаю в императорской семье от имени империи, так называемые Reichsgratulationsgutachten. Постановления сейма оставались на бумаге, ибо некому было заставить непокорных повиноваться им. В серьезных вопросах император сносился с самыми могущественными князьями помимо сейма, посредством особых посольств, а последние поступали точно так же между собой. Сейм был почти бесполезен, так что многие члены империи

* Сообразно порядку коллегий и выборщиков (лат.). — Прим. пер.

жалели об издержках на их посольства в Регенсбурге и по несколько лет не замещали посольских мест. Поэтому, несмотря на увещевания императора, в Регенсбурге редко бывало налицо более каких-нибудь 20 послов.

Но под этими мертвельными формами и отжившими учреждениями, развалинами давно прошедших времен, билась свежая и молодая жизнь¹. Если бы не было этих свежих жизненных сил, дряхлая немецкая империя давно бы распалась и сделалась жертвой соседей, подобно древней Римской империи и королевской Польше. Эти силы были те молодые государства — Ганновер, Бранденбург, Саксония, Бавария и несколько других, — которые возникли на развалинах феодальной империи, сплотились из тысячи мелких клочков — графств, княжеств, аббатств, — но мало-помалу дошли до государственного единства, утвердили у себя самодержавие и смело шли вперед на пути преобразований и улучшений. Они приобрели европейское значение и вследствие своих связей втягивали европейские державы в круг своих интересов. Правители их часто действовали под влиянием эгоизма, вопреки интересам империи, но нередко увлекались чувством патриотизма, подобно Эрнсту-Августу, герцогу Ганноверскому, который приказал своему послу заявить на Франкфуртском съезде, когда французы в мирное время заняли Страсбург, что «он считает постыдным перед целым светом и непростительным перед потомством отказать в помощи стольким членам империи и предоставить их власти чужестранцев»; или подобно Фридриху-Вильгельму Прусскому, который говорил: «Ни англичанин, ни француз не посмеет властвовать над нами, немцами; в колыбели я дам детям моим пистолет и саблю, чтобы они помогали защищать Германию от чужестранцев».

Эти-то государства составляли оплот Германии и залог ее будущего политического развития. За ними стояла Австрия, которая сделалась европейской державой с тех пор, как собрала силы придунайских славян и венгров в великой борьбе против турок. Но корни австрийского могущества лежали в Германии, и пока большая половина Венгрии находилась во власти турок, Австрия не могла отделять свои интересы от Германии. Предания, блеск и политические выгоды императорского титула, наконец материальные интересы — так как Габсбургские владения в то время простирались до Рейна — соединяли ее с Германией и заставляли не щадить никаких средств для защиты ее границ.

¹ См.: *Perthes*. Das deutsche Staatsleben vor der Revolution. 1845.

Но не Австрии, космополитической державе, которая вследствие своего союза с папством и иезуитами обрекла себя на умственный застой и вследствие своей политической рутины противилась всяким преобразованиям в империи, было суждено совершить политическое обновление Германии. С конца XVII в. все более и более растет значение Пруссии. Судьба поставила ее между двумя дряхлеющими государствами, Польшей и Швецией, за счет которых она увеличила свои материальные средства. Но еще более содействовало ее возвышению то, что она стала во главе духовного и политического движения в Германии. С тех пор как Саксонский курфюрст, увлеченный польской короной, принял католичество, а Ганноверская династия взошла на английский престол, Пруссия сделалась в Германии оплотом протестантизма и вместе с тем свободного умственного развития, а со времени Великого курфюрста она мало-помалу становилась центром национальной оппозиции против Франции.

Лейбниц, как мы сказали, пришел в близкое соприкосновение со всеми этими разнообразными интересами, и по его жизни можно изучить политическую историю Германии более чем за полвека. Первую молодость он провел в Майнце, в одной из тех духовных территорий, в которых самые блестящие способности и самая энергичная деятельность ничего не могли сделать против вековой рутины и корпоративного эгоизма рыцарства и каноников. Это было в то время, когда французская политика не приняла еще того притязательного характера, которым она вооружила против себя всю Европу. К тому же интересы духовных территорий по обоим берегам Рейна постоянно заключались в том, чтобы не раздражать Францию и мнимой покорностью удерживать ее от наступательных действий.

Лейбниц вошел в виды этой политики и провозгласил тогда политическую максиму, что лучшее средство, для того чтобы оградить себя от честолюбия Франции, это — быть с ней в союзе. Но он уже тогда думал о политическом преобразовании Германии и избрал для этого единственно возможный и верный путь. Он считал нужным заменить хаотическое устройство империи, основанное на ленной системе, конфедерацией с сильным центральным правительством. В ней должны были участвовать только могущественные князья, те, кто был в состоянии выставить не менее 600 человек пехоты и 400 кавалерии. Император должен был участвовать в ней не как император, а как король Богемии и Венгрии. Иными словами, он хотел *медиатизировать* отжившие территории и поставить деятельную конфедерацию на место призрачной империи.

Затем судьба перенесла Лейбница в Ганновер, в одно из тех маленьких, но полных жизни и будущности государств, которые стали выделяться из империи со времени Тридцатилетней войны. 40 лет он жил в Ганновере, был свидетелем двух перемен на престоле и принимал деятельное участие в политических судьбах этой страны. Его трактат «О праве посольства» исходил из того же политического начала, что и его «*Bedenken wie Securitas Publica etc.*». Лейбниц не был расположен к революционным мерам, как Ипполит а Лапиде и отчасти Пуффендорф; но он считал нужным признать совершившийся факт и на этом основании требовал для князей империи тех же преимуществ, которыми пользовались самостоятельные государи. Но он разумел только тех князей, которые вследствие своего действительного могущества имели европейское значение; следовательно, он резко отделял от них массу мелких территорий (*Reichsstände*), не способных к политической жизни.

Мы увидим далее, какое участие принимал Лейбниц в стремлениях ганноверских герцогов увеличить значение своего дома посредством установления нераздельности владений и посредством приобретения курфюрстского достоинства. На старости лет Лейбницу еще удалось быть свидетелем восшествия Ганноверской династии на английский престол.

Но Лейбниц не удовольствовался скромной ролью ганноверского политика. Мы увидим его три раза в Вене, где ему удается приобрести расположение императора и где он старается приложить свою громадную ученость и свои замечательные способности к пользе всей империи. Это была самая тяжелая эпоха для Германии. Людовик XIV отказался от своей прежней сдержанности в политике и под влиянием самого грубого эгоизма пренебрегал всяким международным и человеческим правом. Он старался во что бы то ни стало уничтожить свободу и благосостояние Голландии, заключил союз с Турцией и во время полного мира захватил Страсбург и другие пограничные владения со стороны Германии.

Ввиду этого своеволия, которое грозило порабощением Германии, Лейбниц старается возбудить национальное чувство в своих соотечественниках и оппозицию в Европе. Его знаменитый сатирический памфлет «*Mars Christianissimus*»* открывает собой ряд сочинений, в которых виден столько же юрист и защитник международного права, сколько политик и патриот.

В то же время от Лейбница не могло укрыться возрастающее значение Пруссии. Через свою ученицу и друга, Ганноверскую

* «Марс Христианнейший» (лат.). — Прим. пер.

принцессу Софью-Шарлотту, которая выходит замуж за сына Великого курфюрста, Лейбниц приобретает связи и почетное положение при Берлинском дворе. На его глазах развиваются блеск и значение этого двора, после того как курфюрст Фридрих, муж Софьи-Шарлотты, возлагает на себя корону прусского короля. Политика Лейбница с этих пор состоит в том, чтобы установить тесную связь между Ганновером и Пруссией для поддержки взаимных интересов и для защиты протестантизма и европейской свободы от притязаний Людовика XIV, к деспотизму которого все более и более примешивается католический фанатизм со времени уничтожения Нантского эдикта и восшествия Вильгельма Оранского на английский престол.

С этой целью Лейбниц хлопочет о слиянии лютеранской церкви с реформатской. Ганноверские герцоги были самые могущественные из лютеранских князей, а Гогенцоллерны принадлежали к реформатскому исповеданию. Соединение этих двух исповеданий сплотило бы теснее протестантский север Германии и скрепило связь между обеими династиями. Подобно тому Лейбниц прежде старался о примирении протестантской церкви с католической, надеясь через это умиротворить Европу, поднять общехристианские интересы, обеспечить торжество христианской Европы над магометанским Востоком и на этом основании создать более прочное международное право и установить союз всех народов в интересах цивилизации.

Лейбниц употреблял свое влияние при Берлинском дворе не только в пользу политики, но и в пользу науки. То, чего он не мог достигнуть в Ганновере вследствие незначительности средств и более грубых наклонностей тамошних герцогов, ему удалось в Берлине — учреждение Академии наук, которая должна была служить рассадником науки в Германии, центром и складочным местом всех научных изобретений и главным органом применения теоретической науки к практической жизни. Хотя ему не удалось вполне осуществить свой план, но первый успех так его ободрил, что он стал хлопотать об учреждении таких же академий в Дрездене и в Вене. В это время он встретился с Петром Великим, который тотчас отличил Лейбница в толпе царедворцев, приветствовавших его в Европе, и приблизил его к себе. Перед глазами Лейбница открылся новый мир, необозримое поле для человеческой науки и цивилизации. Восток Европы, который он вместе со всеми современниками считал недоступным и о котором он забыл, вдруг заявил свое право на участие в общем наследии европейской семьи. 65-летний философ с жаром принялся писать проекты о том, как

водворить правильную администрацию в обширной империи, как улучшить ее финансы, как перенести в нее европейскую науку. Таким образом, жизнь Лейбница представляет верный оттиск того периода европейской истории, который простирается от Тридцатилетней войны до Утрехтского мира, включает в себе возвышение и унижение Франции посредством европейской коалиции и оканчивается вступлением России в круг европейских держав.

Рассказ об этой деятельности и об этих отношениях Лейбница будет составлять содержание следующих глав.

Герцог Ганноверский, который наследовал своему брату Иоганну-Фридриху, назывался, как мы видели, Эрнстом-Августом. При вступлении на престол ему было уже более 50 лет, и если молодость, проведенная в лишениях всякого рода, может служить хорошим приготовлением к царственной деятельности, то ганноверцы должны были считать себя счастливыми при вступлении нового герцога. Он был четвертым сыном того герцога Георга, которого прозвали Одиссеем, и с малолетства ему предстояла будущность весьма не блистательная. Молодость свою он провел в обычных путешествиях (так называемый *cavalier-tour*), которые считались тогда необходимым педагогическим средством для образования молодых дворян и принцев. Когда ему минуло 17 лет, ему доставили место викария архиепископа Магдебургского. Это архиепископство было тогда уже секуляризовано, но сохранило свое прежнее устройство, с той разницей, что место архиепископа отдавалось протестантским принцам. Но по Вестфальскому миру архиепископство досталось Бранденбургу, и Эрнста-Августа вознаградили правом на занятие (*Exspectanz*) Оснабрюкского епископства после смерти тогдашнего епископа. 13 лет пришлось ему ждать этой смерти, и только в 1661 г. он поселился в своей столице Ибург, в которой прожил до 1680 г. Во все это время он был в очень дружеских отношениях со своим старшим братом, Георгом-Вильгельмом, герцогом Люнебургским, и вместе с ним сражался против французов. Своей храбростью и решительностью он много содействовал победе над французами — в 1675 г., при Конце, — вследствие которой маршал Креки должен был сдать в Трире со всем своим войском. В записках одного из его придворных¹ он охарактеризован следующим образом: «Его внешность была привлекательна и внушала уважение. Щедрый и любезный

¹ Эти записки («*Leben des Staatsministers Iobst von Ilten*») написаны его сыном. Они часто приводятся Федером: *Feder. Sophie Churfürstin von Hannover*. 1810.

(*galant*), он умел легко приобретать благосклонность прекрасного пола. Он был мужествен на войне, деятелен в государственных занятиях и счастлив в правлении, потому что умел выбирать способных людей и не жалел денег, если можно было этим средством помочь делу. Щедрость свою он часто выказывал тайно тем, кто ему служил; был привязан к ним, хотя держал их на известном расстоянии. В семье он умел внушить к себе уважение и послушание. Несмотря на большие издержки, которые он тратил на свой двор и на путешествия, он оставил свои финансы и свою страну в лучшем состоянии, чем они были в начале его царствования».

В этой характеристике кое-что не досказано. Эрнст-Август был не очень религиозен и мало интересовался наукой. В этом отношении он не походил на своего старшего брата, Иоганна-Фридриха, хотя также не пренебрегал алхимией, астрологией и другими таинственными науками. Он страстно любил увеселения и для удовлетворения этой потребности несколько раз ездил в Венецию. После того как он сделался Ганноверским герцогом, он трижды был в Италии. В 1683 г. он отправился туда с большой свитой, состоявшей из 30 человек. В этой свите была графиня Платен, которая, вследствие своих отношений к герцогу, занимала важное место при Ганноверском дворе, и ее муж, обер-гофмаршал, игравший роль первого министра. Супруга герцога в это время ездила со своей дочерью в Париж. Эрнст-Август пробыл в Италии более года. В 1685 г. он снова отправился туда со своим старшим сыном. Герцогиня осталась в Ганновере «против своего желания». На этот раз пребывание его в Венеции ознаменовалось еще более роскошными празднествами, стоившими по 7 и 8 тысяч талеров. Герцог получал от Венецианской республики громадные суммы в вознаграждение за ганноверские войска, сражавшиеся под венецианскими знаменами против турок в Морее. Герцог отправил туда 6700 человек под командой своего второго сына Макса. Для венецианцев эта торговля людьми была выгоднее, чем для Ганновера; деньги, которые они платили за войско, оставались в стране, но из 6700 ганноверцев только 1400 возвратились на родину.

Этот герцог был женат на одной из самых замечательных женщин XVII в. Герцогиня Софья была дочерью того известного курфюрста Пфальцского, который, увлеченный честолюбием своей супруги, принял богемскую корону, но после битвы при Белой Горе скитался изгнанником со своей семьей по Голландии. По своей матери Софья происходила от английского королевского дома Стюартов. Прабабкой была Мария Стюарт, дедом ее был ученый и педантичный Иаков I. Мать ее Елизавета была женщина

страстная и честолюбивая; когда чехи предложили ее мужу богемскую корону, она сказала ему известные гордые слова: «Если он не решается принять корону, ему не следовало жениться на королевской дочери». Но при этом она была женщина умная и развитая. После несчастья, постигшего ее семью, она посвятила себя воспитанию своих дочерей. Она старалась окружить себя умными и учеными людьми, и пример ее не остался без влияния на ее дочерей.

Муж ее умер рано; многочисленная семья ее скоро рассеялась, и члены ее подверглись самым разнообразным превратностям судьбы. Семья эта состояла из 8 сыновей и 5 дочерей.

Старший из сыновей, Карл-Людвиг, после долгих напрасных стараний получил наконец по Вестфальскому миру курфюршество своего отца, хотя значительно уменьшенное. Мы несколько раз имели случай упоминать о нем по поводу его веротерпимости и его стараний привлечь к себе самых замечательных людей своего времени. Дочерью его была известная герцогиня Орлеанская, прославившаяся своей оригинальной перепиской с родственниками, в которой она так откровенно и незастенчиво описывает нравы Французского двора.

Третий сын Елизаветы был принц Рупрехт, который отличился в войнах Карла I против пуритан и Кромвеля. В досужее время он занимался химией и составил себе имя в этой науке некоторыми важными открытиями.

Старшая из дочерей была Елизавета, знаменитая ученица и друг Декарта. На ней всего более отразилось влияние и воспитание матери. Еще ребенком она выучилась под руководством матери шести языкам; но литература, история, риторика и поэтика того времени ее не удовлетворяли — она с рвением предалась изучению математики и философии. В это время стала распространяться философия Декарта. Елизавета совершенно увлеклась ее изучением и понимала ее лучше и глубже всех своих современниц. Чтобы свободно предаваться своим любимым занятиям, она отказалась от руки польского короля. Она чрезвычайно интересовалась знакомством с Декартом, который жил в Голландии, но скрывал свое местопребывание. Декарт был поражен ее умом и способностями. Он искренне привязался к ней и сам посвящал ее в самые трудные вопросы своей философии. Она ему делала возражения¹, которые затрудняли его больше, чем нападки его многочисленных противников. Декарт посвятил ей свое сочинение «На-

¹ См.: Descartes et la Princesse Palatine ou l'Influence du Cartésianisme sur les femmes du XVII S. par Foucher de Careil.

чала философии». В посвящении он расточает похвалы ее личным достоинствам и способностям и говорит, что не встречал никого, кто понимал бы его сочинения так верно, как принцесса Елизавета. Декарт прибавляет, что ему было бы неприлично льстить в таком сочинении, в котором он желает положить основания всем истинам, достижимым для человека. Другое свое сочинение — «О страстях» — Декарт написал для Елизаветы. Он был в переписке с ней и старался ее утешить в неприятностях жизни. Она недолго пользовалась дружбой Декарта — другая поклонница его философии, Христина Шведская, убедила его приехать в Стокгольм, где он в том же году умер.

Елизавете было тогда только 30 лет. Дальнейшая ее судьба была печальна. В свите ее матери находился французский дворянин де Л'Эпине, который, как говорила молва, пользовался полным ее расположением. Дети его ненавидели, особенно младший сын Филипп. Он считал себя оскорбленным и убил любимца матери. Мать была очень огорчена, она стала обвинять дочь Елизавету в том, что та знала обо всем и подстрекала своего молодого брата к убийству, и более не хотела пускать ее к себе на глаза. Елизавета должна была несколько лет скитаться по Германии и наконец нашла убежище в Герфордском монастыре в Вестфалии. Она была сделана игуменьей этого секуляризованного монастыря. Там она снова стала окружать себе людьми, преданными науке, и распространять между ними картезианизм. Она умерла в 1680 г.

Вторая сестра ее, Луиза-Голландина, представляет полную противоположность. Она поселилась во Франции, приняла католичество и была сделана игуменьей монастыря Мобюиссон, близ Парижа. Она не стеснялась предписаниями своего звания и вела веселую, роскошную жизнь. Говорят, что у нее было 14 детей и что она хвасталась этим с шутливой откровенностью. Любимым занятием ее была живопись, и она украшала свой монастырь и соседние церкви произведениями своей кисти. Так она прожила до глубокой старости (86 лет) и умерла в 1709 г. Ее племянница, герцогиня Орлеанская, которая ее часто навещала, рассказывает о ней в своих письмах много любопытного. Например: «Она говорила мне про свою комедию; я спросила ее, как она могла привыкнуть к этой глупой монастырской жизни. Она рассмеялась и ответила: „Я говорю с монашенками только тогда, когда раздаю приказания“. Она держала при себе глухую монашенку, чтобы с ней не говорить. Она всегда любила деревенскую жизнь и воображает себе, что живет помещицей. Но, спросила я, каково же вставать ночью и ходить в церковь? Она рассмеялась и сказала, что я не знаю вкуса

художников. Они любят бывать в темных местах; тени, которые ложатся от церковных свечей, каждый раз дают ей новые мотивы для живописи. Всему она умела дать такой оборот, что оно не казалось глупым».

Эта принцесса получила, как все ее сестры, хорошее образование и не была лишена ума. Она поддерживала знакомство со многими учеными и литераторами своего времени, между которыми можно встретить Пелиссона, историографа Людовика XIV, и даже Боссюэ. Секретарем ее была г-жа Бринон, ученая и властолюбивая дама, которая прежде заведовала Сен-Сирским институтом и ввела там духовную трагедию, но не ужилась с М. де Ментенон и переселилась в Мобюиссон. Принцесса была в переписке со своей сестрой, герцогиней Ганноверской, которая часто присылала ей письма Лейбница. Веселой игуменье пришла мысль обратиться к своей сестре и Лейбницу в католичество. Ее секретарь, г-жа Бринон, с жаром взялась за это дело; вследствие этого возникла переписка, которая дала повод к сношениям между Лейбницем и Пелиссоном, о чем нам еще придется говорить впоследствии.

Софья, герцогиня Ганноверская, была младшая в семье. Она родилась в 1630 г., за два года до смерти своего отца, и провела молодость в самой печальной обстановке. Как все ее сестры, Софья получила превосходное воспитание, но, кроме того, отличалась красивой наружностью и привлекательными манерами. Предание говорит, что она очень понравилась старшему сыну императора Фердинанда III, который был уже избран в римские короли, и что он хотел свататься к ней. Но он умер от чрезвычайно распространенной в то время опасной болезни — оспы. Софье было уже 28 лет, она жила в Гейдельберге при дворе своего брата курфюрста Пфальцского. В это время туда приехали ганноверские принцы Георг-Вильгельм и Эрнст-Август на пути в Италию. Говорят, что она произвела сильное впечатление на старшего брата, что он этого не скрывал от нее и что все его считали ее женихом. Но удовольствия и наслаждения итальянской жизни заставили его раскаяться в своем намерении и предпочесть холостую жизнь. Тогда младший его брат, 29-летний Эрнст-Август, поспешил воспользоваться оплошностью своего брата. Брак с обеих сторон нельзя было назвать блестящим. Эрнст-Август, как младший сын небогатого княжеского дома, имел очень небольшие средства, и ему пришлось еще несколько лет ждать упразднения Оснабрюкского епископства; но тогда никто еще не мог предвидеть, что Софья доставит Ганноверской династии английский престол.

У Софьи не было такого глубокого и серьезного ума, как у ее сестры Елизаветы, зато ее ум был более практичен и блестящ, и он выдавался еще больше от ее необыкновенной живости и остроумия. Наука не была для нее, как для Елизаветы, главным интересом в жизни, но служила для нее средством, чтобы украсить ее. Современный ей французский писатель Шевро (Chevreau) очень верно определил это различие между двумя сестрами, сказав, что он в целой Франции не знает женщины, столь основательно ученой (*solidement savante*), как Елизавета, и столь умной (*bel esprit*), как герцогиня Ганноверская.

Софья отлично знала языки; по свидетельству Толанда, известного английского деиста, посетившего ее в Ганновере, она говорила так хорошо по-голландски, по-немецки, по-французски, по-итальянски и по-английски, что трудно было определить, который из них ее природный язык. Она обладала большими сведениями в богословии, истории и философии, была очень начитана, любила самое разнообразное чтение и особенно беседы и споры со знающими людьми. Разговор ее был чрезвычайно занимателен; она интересовалась не только наукой, но также политикой и самыми практическими вопросами, в которые женщины редко любят входить. Когда Софья сделалась наследницей английского престола и толпы англичан стали отправляться в Ганновер, чтобы представиться своей будущей королеве, она удивляла их своим совершенным пониманием английского государственного устройства, столь непостижимого для абсолютных государей материка. Она была большой поклонницей этого устройства и восхищала своих английских гостей тем, что постоянно расспрашивала об обычаях, законах, об аристократических семействах Англии, и во всем этом обнаруживала большой политический смысл. Ей было тогда уже более 70 лет; но Бёрнет, игравший политическую роль при Вильгельме Оранском, не нахвалится ее живостью и называет ее самой сведущей и интересной женщиной своего века.

Лейбниц говорит, что Софья с одинаковым искусством умела занимать как самых великих государей и самых великих государственных людей, так и деревенских дам, с которыми она могла говорить только про их хозяйство. Ей это было легко, ибо она была чрезвычайно обходительна и ласкова с людьми, принимала в них искреннее участие и отличалась большой добротой.

Софья была чрезвычайно жива и весела, редко бывала не в духе и любила шутить. Но ее шутливость принимала иногда едкий оборот, и многие боялись ее остроумия, особенно министры ее

мужа. Один из них обвиняет ее даже в том, что она любила иметь около себя «чудаков», на счет которых она могла потешаться¹.

Время ее проходило не только в одном чтении и разговорах о политических и научных вопросах. Она много занималась рукоделием. Комнаты ее замка и алтари нескольких церквей были украшены работами ее рук. Она любила птиц и сама кормила их. «Я провожу свой досуг, — пишет она однажды Лейбницу, — в том, что кормлю своих уток и лебедей, которым я велела устроить домики в саду. Вы видите, что я становлюсь хорошей хозяйкой с тех пор, как у меня отдельное хозяйство». В другом письме она опять говорит о своих лебедях и о том, как она любит заботливостью, с которой старые лебеди носят на спине и на крыльях молодых, когда последние устанут плавать. Это было на даче в Герренгаузене, в летнем местопребывании Ганноверского двора, украшенном, в подражание Версалию, всей роскошью того времени. «В моем уединении в Герренгаузене, — пишет она, — главное мое удовольствие состоит в прогулках и в переписке».

Зимой же в городе она с одинаковым удовольствием играла в карты и на праздниках принимала участие в различных маскарадах и играх, которые не всегда бывали веселы².

Несмотря на свои способности играть видную политическую роль, Софья мало вмешивалась в управление герцогством и даже, как кажется, имела мало влияния при дворе, хотя ганноверские историки, благоговейшие из династической преданности перед всеми предками своих государей, говорят в самых сильных выражениях о согласии между Эрнстом-Августом и Софьей и о влиянии, которое она имела на своего мужа и на все дела³. Но из современ-

¹ В вышеприведенной рукописной биографии ганноверского министра Ильтена: *Au reste caustique avec beaucoup de sel et ayant toujours à sa suite des originaux, dont elle se divertissait.*

² *Pour moi je n'ai autre compagnie, — пишет она Ильтену, который был с ее мужем в Италии, — qu'un petit Turc, que mon fils aîné m'a donné, que j'ai fait bâtir le jour de trois rois. Je croyais que cette fête se passerait gaiement, mais par malheur Mad. Corenburg, qui a perdu son fils, était reine de la fête et un Huguenot exilé, qui a perdu tout son bien, roi, si bien que tout le repas se passa fort mélancoliquement* (Что касается меня, то у меня нет другой компании, кроме маленького турка, которого подарил мне старший сын и которого я велела крестить на день Трех королей. Я думала, что этот праздник пройдет весело, но, к несчастью, королевой вечера была м-м Коренбур, потерявшая своего сына, а королем — беглый гугенот, лишившийся всего состояния, так что ужин получился несколько melancholicным (фр.). — Прим. пер.).

³ Шпитлер. *Вентурины*. Handb. d. Vaterl. Geschichte; у Федера — p. 39. Последний говорит: *Was Ernst-August Gemahlin unternahm und durchsetzte, wäre in*

ных и достоверных свидетельств видно совершенно другое. И при муже и при сыне, сказано в биографии ганноверского министра Ильтена, она оставалась в удалении от дел и не имела на них никакого влияния, взамен чего предоставлялись ей все удовольствия двора¹. То же самое она не раз высказывает в своих письмах к Лейбницу. «Если бы Богу было угодно, — пишет она ему, — взять на себя труд создать за один раз всех порядочных людей и сделать ненужным народение их (*la peine de la génération*), мне кажется, его творение было бы гораздо совершеннее, и нам было бы легче верить, что мы созданы по Его образу и подобию. Но теперь как будто все вращается (*tout roule*), и только Он один остается неизменен. Что касается перемен, которые должны совершаться здесь, то так как они не касаются ни меня и ни вас, то я не знаю, что о них говорить, и я наслаждаюсь тем, что слушаю соловьев в моем саду в Герренгаузене, чтобы забыть все (*pour m'ôter de l'esprit*), что меня может огорчить». В этом отношении ее положение представляет много общего с положением Лейбница. Герцог, как все люди, одаренные сильной волей, но несколько ограниченные и упрямые, боялся влияния людей, которые были умнее его, и поэтому ревниво старался как можно более удалять от дел свою супругу и своего гениального советника. Софья, как мы видели, с большим тактом примирялась со своим положением и в философском стоицизме искала себе вознаграждения. С таким же тактом она переносила другие неприятности своей семейной жизни, которые проистекали из непостоянства ее мужа и из его излишнего поклонения женской красоте; только изредка она вознаграждала себя несколькими тонкими остротами на счет своей главной соперницы, дородной и злой графини Платен.

Но хотя Софья, таким образом, почти не вмешивалась в управление герцогством, она играла очень важную роль. Ее деятельность преимущественно проявлялась в той сфере, которая особен-

früheren Zeiten keiner fürstlichen Hausfrau nachgesehen worden (То, чего добивалась и что претворяла в жизнь супруга Эрнста-Августа, в прежние времена не сошло бы с рук никакой венеценосной хозяйке (*нем.*). — *Прим. пер.*).

¹ *Elle fut toujours tenue éloignée et sans crédit dans les affaires et par son mari et par son fils, qui laissaient à sa disposition tous les agréments de leurs cours dont elle faisait l'agrément et les honneurs avec cette dignité et cette noblesse, accompagnée d'aisance, qui en fait l'agrément et qui est si difficile aux princesses d'attraper* (Она всегда оставалась вдали от дел, не оказывала на них влияния ни через мужа, ни через сына, предоставивших в ее распоряжение все удовольствия своего двора, на что она согласилась и что почла за честь с достоинством и благородством, сопровождавшимися той непринужденностью, которая редко бывает замечена в принцессах (*фр.*). — *Прим. пер.*).

но доступна женскому влиянию. Своими личными отношениями и своим умением обращаться с людьми она достигала больших результатов, чем герцог посредством своей дипломатии. Главной целью Эрнста-Августа было, как мы говорили, установить нераздельность своего герцогства и доставить себе курфюршество. Для этого было прежде всего необходимо склонить к этому старшего брата Георга-Вильгельма, герцога Люнебургского, и успокоить оскорбленное самолюбие старшей линии Ганноверского дома, герцогов Вольфенбюттельских. Эта задача выпала на долю Софьи. Она сумела приобрести такое влияние на Георга-Вильгельма, что успела расстроить предполагаемый брак его единственной дочери и наследницы с герцогом Вольфенбюттельским, женить на ней своего старшего сына и таким образом упрочить присоединение Люнебурга к Ганноверу¹. Несмотря на это, она сумела также сохранить до известной степени хорошие отношения с Антоном-Ульриком, герцогом Вольфенбюттельским, отвратить явный разрыв между обеими линиями и после долгих стараний заставить Антона-Ульрика даже примириться с возвышением младшей линии.

Эти политические успехи стоили ей больших жертв. Вследствие установления нераздельности Ганноверского герцогства ее младшие сыновья лишались наследства. Они не хотели безропотно повиноваться своей судьбе, особенно второй — Максимилиан, который принял даже участие в заговоре против брата, вследствие чего должен был искать убежища на императорской службе. Лейбниц справедливо говорит, что у Софьи было столько же твердости духа, сколько чувства (*sensibilité*). Она это вполне доказала своими отношениями к сыновьям. Она всеми силами поддерживала право своего старшего сына, которое она считала необходимым для блага династии, но в то же время страдала за младших. В ее письмах к Лейбницу в Вену выражается самая нежная заботливость об этих сыновьях, которые находились на императорской службе. Она не верит дурным слухам о них, которые доходят до нее, и просит Лейбница выхлопотать для них какое-нибудь повышение на службе.

Точно так же Софья принимала деятельное участие в переговорах с Вильгельмом III о том, чтобы упрочить за собой и за своим

¹ Ее секретарь пишет об этом Лейбницу: «*Les complaisances, que Msr le Duc a pour Madame sont extraordinaires, et l'on ne saurait voir converser ensemble les deux illustres personnes, plus unies d'amitié que par le sang, sans en être attendri*» (Г-н герцог чрезвычайно благосклонен к мадам, и невозможно без умиления смотреть, как беседуют друг с другом эти две блистательные особы, соединенные больше дружбой, чем кровными узами (*фр.*). — *Прим. пер.*)

потомством престолонаследие в Англии. В 1700 г. она воспользовалась приездом короля в Голландию и отправилась на свидание с ним, чтобы лично склонить его в пользу ганноверских наследников. По всему этому можно справедливо сказать, что Софья много содействовала быстрому возвышению Ганноверской династии.

После смерти мужа влияние ее в Ганновере сделалось еще слабее при ее старшем сыне, самолюбивом и ограниченном Георге I.

Но вскоре после того умер Вильгельм III, на английский престол взошла Анна, а Софья сделалась наследницей этого престола. Ее двор в Ганновере стал центром приверженцев Ганноверской династии и вигской партии, которые составляли оппозицию против якобитов и торийского министерства королевы Анны. Но и в новом своем положении она сохранила прежнее спокойствие духа и прежний стоицизм. «Если бы я была моложе, — пишет она Лейбницу, — я могла бы льстить себя надеждой на корону. Но теперь, если бы мне пришлось выбирать, я пожелала бы скорее несколько лишних лет жизни, чем увеличение блеска».

Может быть, это было не совсем искренне. Во всяком случае можно пожалеть, что Анна не умерла несколькими годами раньше. Умная и опытная Софья на английском престоле и Лейбниц, близкий друг и советник правительницы такого обширного и могущественного государства, представляли бы зрелище, достойное истории и чрезвычайно интересное для потомства. Тогда не было бы Утрехтского мира, честолюбие Людовика XIV было бы наказано гораздо больше и политика Европы получила бы, может быть, на несколько лет совершенно иной ход. Но судьба исполнила желание Софьи. Она умерла 8 июня 1714 г., за несколько месяцев до смерти Анны, на 85 году своей жизни.

Софья до последней минуты жизни пользовалась совершенным здоровьем и была необыкновенно свежа, бодра и весела для своих лет. Она почти не знала старости и болезни, или — как это называла ее сестра, Мобюиссонская игуменья, — *le déperissement de la nature**. Толанд, который видел ее, когда ей было более 70 лет, говорит: «Трудно поверить, что она так стара. У нее нет ни одной морщины на лице, и она сохранила все зубы; она читает без очков, даже мелкую печать вечером в сумерках, и ходит так прямо и твердо, как самая молодая женщина. Каждый день в хорошую погоду она прогуливается в своем саду в Герренгаузене час или два, а иногда еще больше, часто до утомления своих провожатых».

* Угасание природы (фр.). — Прим. пер.

Вследствие своего здоровья она была очень неосторожна. Она не знала другого диетического правила, кроме ее аппетита, особенно относительно плодов. Однажды она заболела весьма опасно и несколько дней боялись за ее жизнь, но потом оказалось, что это была рожа, которой она часто подвергалась. Сын стал упрекать ее за неосторожность. «Чему ж тут удивляться, мой милый сын, — ответила ему Софья, — что 84-летняя старуха заболела; скорее нужно бы удивляться, что она столько лет пользовалась отличным здоровьем».

Она не любила медиков и была очень невысокого мнения об их искусстве. Лейбницу часто приходилось отстаивать медицину и медиков от ее насмешек¹. В одном из своих писем Лейбниц доказывает, что медицина основана на наблюдении и что государи должны содействовать ее развитию посредством таких публичных учреждений, в которых могут производиться тщательные наблюдения в обширных размерах. Он заключает это письмо словами: «В ожидании такого усовершенствования медицины можно считать большим счастьем, если Бог дал кому такое здоровье, как вашей курфюрстинской светлости и вашей сестре Мобюиссонской игуменье. Если умираешь, когда в лампе недостает масла, как ваше курфюрстинская светлость выражается об этом неприятном предмете, тогда смерть должна быть легка и без боли; а если поверить Кардану, даже приятна. По крайней мере не дурно утешать себя таким представлением. Подтверждением этому может служить то, что нам однажды говорил его светлость курфюрст, который несколько раз испытал очень приятное ощущение во время обморока. Но я желаю, чтобы Господь сохранил вашу светлость от этого, как и от всяких других неприятных случаев».

Смерть Софьи совершенно соответствовала ее сравнению с лампой, потухающей от недостатка масла. Гуляя по саду со своей любимой внучкой Каролиной, женой Георга II, она упала в объятия своей спутницы и тут же скончалась от удара. «Она умерла, как всегда желала, — сказано в биографии Ильтена, — *sans médecin, ni prêtre* (без врача и священника)».

Софья была религиозна, но на ее религиозности отражались свойства ее ума и ее природы. В ее уме преобладал здравый смысл,

¹ По поводу мнимой беременности курфюрстины Саксонской Софья писала: *D'abord, qu'on m'a dit, que les médecins ont jugé, qu'elle était grosse, j'en ai eu méchante opinion; car on n'a guères à faire du jugement de ces gens, quand on l'est en effet* (Когда мне сказали, что врачи обнаружили у нее беременность, я сразу подумала о ней дурно; ведь когда женщина на самом деле беременна, она не очень-то интересуется суждением этих людей. — *Прим. пер.*)

и потому она не постигала мистицизма в религии; в то же время ее образованный вкус не выносил длинных, педантических проповедей, исполненных схоластических объяснений, на неуклюжем немецком языке того времени. Она ненавидела ханжество и суеверие, но твердо стояла за сущность религии. Она была воспитана в реформатском исповедании и, несмотря на все увещевания лютеранских пасторов ее мужа причаститься у них, всегда ходила в свою церковь. В то время религиозной нетерпимости и борьбы вероисповеданий даже мелочная привязанность к своей религии была добродетелью и признаком благородства. Она любила рассуждать о религиозных вопросах и особенно о таких, которые представляют философскую сторону, например о Боге и бессмертии. Лейбниц рассказывает, что она восставала против пантеизма, отстаивала личность Божию и в этих спорах любила приводить доказательство: «Кто сотворил глаз, неужели тот не видит, и кто сотворил ухо, неужели тот не слышит». Однажды у нее за столом зашла речь о бессмертии души и о философских доказательствах бессмертия. Она и ее муж нашли неудовлетворительными доказательства, которые приводил Моланус, аббат Локкумский, председатель Ганноверской консистории. Все условились предоставить Лейбницу решение о том, кто прав в споре. Моланус извещает об этом Лейбница и говорит, что он рассчитывает на его дружбу и надеется на его помощь. Лейбниц отвечает ему, что в сущности Моланус прав; но он не может защитить его доказательства, заимствованных из картезианской философии. В то же время он пишет Софье длинное и живое письмо, в котором объясняет ей доказательства своей философии в пользу нераздельности и бессмертия души.

Софья была чрезвычайно веротерпима в религиозных вопросах. Однажды к ней обратился Гейнсон, Остфрисляндский суперинтендент, с просьбой оказать ему помощь в преследовании пиелистов, которых поддерживал начальник тамошнего управления. Софья была очень недовольна такой просьбой и просила Лейбница «вразумить» его¹. «Скажите ему, — писала она Лейбницу, — что лютеранские государи — папы в своей церкви, и что им следует повиноваться. Если его государь доволен своими подданными, то и он должен быть доволен».

Софья принимала деятельное участие в попытках соединить лютеранскую церковь с католической, но это не мешало ей выра-

¹ Je me promets de votre piété, que vous le manderez dans les termes de l'art (Я надеюсь на ваше благочестие, на то, что вы образумите его с помощью своего искусства (фр.). — Прим. пер.).

жаться в очень шутовском тоне о своем участии в переговорах. «Il faut espérer, — пишет она Лейбницу, — sur ce sujet une révélation extraordinaire; et comme le christianisme est venu dans le monde par une femme, il me serait glorieux, que l'union se fit par moi; mais il faut des influences particulières pour réussir»*.

Всего ближе можно познакомиться с Софьей из ее переписки с Лейбницем¹. Он был ее советником в серьезных и затруднительных вопросах. Ему она доверяла свои опасения относительно младших сыновей, он же был ее поверенным в переговорах с герцогом Вольфенбюттельским и в ее отношениях к любимой дочери Софье-Шарлотте, которая жила в Берлине, окруженная равнодушными и недоброжелательными людьми. К нему же Софья обращалась за советом в различных мелочах ежедневной жизни, когда, например, нужно было выписать зеркало из Венеции или украсить стены замка картинами. Она пишет ему, что герцог желает заказать несколько картин (tapisseries), которые бы представляли сцены из его жизни и из жизни его отца, и просит Лейбница придумать сюжеты для картин, так как воображение ее придворного живописца не слишком плодотворно².

Отношения между герцогиней и Лейбницем были самые дружественные. Она пишет ему однажды в ответ на его поздравления к Новому году: «Вы дали такой приятный и обязательный оборот поздравлениям, которые вы мне прислали к Новому году, что я их предпочитаю поздравлениям, полученным от королей и принцев. От судьбы зависит исполнение ваших желаний, и в этом отношении ваши желания и желания самых великих государей равны для меня. Я хотела бы чем-нибудь действительным выразить вам мою благодарность и доказать вам, как я ценю вашу дружбу». Она забо-

¹ Часть этой переписки напечатана в сочинении: *Feder. Sophie Churfürstin von Hannover. 1810.*

² Je ne trouve pas notre peintre fertile en invention; c'est pour cela qu'il me semble, que vous y pourriez bieu suppléer; à fin qu'on ne le fit pas à tricoter et à boire du Bruhan, comme ils firent jadis, mais plutôt le feu duc George à la bataille de Hamelen et ses enfants selon l'âge, qu'ils avaient alors (Наша живопись не кажется мне избыточной находками; именно поэтому я думаю, что вы вполне могли бы возместить этот пробел; не для того, чтобы научить ее излишествам да страстать к турецкому вину, а скорее для того, чтобы изобразить, к примеру, смерть герцога Георга в битве при Гамельне или написать портреты его сыновей в том возрасте, когда это произошло (фр.). — *Прим. пер.*)

* От этого дела... нужно ожидать небывалых откровений; и как христианство пришло в мир благодаря женщине, так и я гордилась бы тем, что подготавливала этот союз; но для достижения успеха необходимо личное влияние (фр.). — *Прим. пер.*

тится о его здоровье. «Я боюсь за ваше здоровье, — пишет она ему, — мне кажется, что вы в Берлине не находите той пищи, которая вам полезна».

Она присылает ему новые книги и журналы, высказывает свой взгляд на них и спрашивает его мнение. В своих письмах к нему она говорит обо всем: сообщает ему придворные новости или известия о том, что случилось при иностранных дворах, шутит и острит над общими знакомыми, говорит о политике; иногда же письма становятся серьезны и касаются религиозных и философских вопросов. Софья, как большинство образованных женщин XVII в., знала философию и интересовалась ею. Впрочем, для оправдания женщин XIX в. нужно прибавить, что философия в то время имела совершенно иное значение. Религия в XVII в. гораздо более занимала общественное внимание, чем в XIX в. Она не только своим нравственным элементом входила в воспитание человека, но интересовала общество именно своей догматической стороной. В эпоху борьбы исповеданий и религиозных войн догматические споры были самыми современными вопросами, и ни один образованный человек не мог оставить их без внимания. Но чтобы понять их, необходимо было знакомство с тогдашней философией, которая именно ставила своей задачей разумное объяснение догматов веры. Догматы о таинстве евхаристии и о Св. Троице прямо вводили в сферу философских терминов и понятий. И Софья, подобно всем своим современницам, подходила к философии со стороны религиозной догматики. Лейбниц должен был сделаться ей особенно симпатичен, потому что с помощью своей философии объяснял ей то, что для нее было заученным с детства догматом. Как видно из обнаруженных писем, главным и любимым предметом их разговоров было бессмертие души. Его философия, основанная на принципе индивидуализма, объяснявшая весь мир монадами — бесконечно малыми, вечными существами, духовными по своей природе и материальными по своим действиям, — была особенно способна дать новую пищу врожденной человеку вере в бессмертие. Лейбницу не всегда было легко переводить на простой обыкновенной язык положения своей философии, особенно «гофкавалерам», в присутствии которых иногда происходили эти разговоры. Для их объяснения он часто должен был прибегать к неточным сравнениям, взятым из окружающего мира. Лейбниц сам рассказывает, как однажды, гуляя с герцогиней по стриженным аллеям Герренгаузена, он объяснял ей свое положение, что в мире нет ни одного предмета вполне тождественного с другим, что между самыми мелкими, совершенно похожими друг на друга предметами

существует на самом деле бесконечное различие. Это положение было ему необходимо для его принципа индивидуализации, и оно относилось собственно только к монадам, т. е. значило, что между этими единичными существами есть бесконечное различие, которое и составляет основание их индивидуальности. Но Лейбниц, желая выразаться более осязательно, обратился к видимому миру и приводил в доказательство, что нельзя найти даже двух листьев, совершенно тождественных. Герцогиня стала в этом сомневаться, и один из присутствующих вызвался найти такие два листа. После долгого времени он возвратился со своих поисков с пустыми руками.

Эти монады чрезвычайно затрудняли Софию. Вследствие не привычки к отвлеченным представлениям или вследствие женской добросовестности она непременно хотела представить себе их осязательно и жаловалась Лейбницу, что не может понять *его единиц* (*ses unités*). Лейбниц ее утешает, и уверяет, что она их понимает, насколько они понятны, ей нужно только вдуматься в них, и затем он снова начинает их объяснять¹.

¹ Pour ce qui est des *unités*, dont nous avons parlé ensemble, V. A. E. les entend autant, qu'elles sont intelligibles, si Elle en prend la peine. Car Elle juge bien, que tout ce qui est corporel et composé est multitude et non pas une unité véritable; que toute multitude cependant doit être formée et composée par l'assemblage des unités véritables, lesquelles par conséquent n'étant point composées ni sujettes à la dissolution sont des substances perpétuelles, quoiqu'elles changent toujours. Or ce qui n'a point de parties ni d'étendue, n'a point de figure aussi; mais il peut avoir de la pensée et de la force ou de l'effort, dont on sait aussi que la source ne saurait venir de l'étendue ni des figures, et par conséquent il faut chercher cette source dans les unités, puisqu'il n'y a qu'unités et multitude dans la nature (Что касается *единиц*, о которых мы с вами говорили, то ваша светлость поймет их настолько, насколько их можно понять, если только дать себе труд вдуматься. Ведь вы справедливо полагаете, что все телесное и составное представляет собой нечто множественное, а вовсе не подлинную единицу; что всякое множество, между тем, должно принять некую форму и быть составлено из множества подлинных единиц, которые, следовательно, не будучи уже ни составными, ни далее разложимыми, являются вечными субстанциями, как бы они ни менялись. Ведь то, что не имеет ни частей, ни протяженности, не имеет также и фигуры; но оно может обладать мыслью, а также силой, или усилием, о которых известно также, что их источник не может быть протяженным и обладать фигурой; и, следовательно, источник этот нужно искать в самих единицах, коль скоро в природе существуют только единицы и множества (*фр.*) — *Прим. пер.*)

В другой раз он указывает ей на природу и свойства Божества, чтобы объяснить ей единичность, нераздельность и, следовательно, бессмертие монад и человеческой души: Puisque vous concevez, que l'esprit général est une unité, pourquoi ne pourriez vous pas concevoir des unités particulières: car être universel et particulier ne fait rien à l'unité, ou plutôt il paraît plus aisé que l'unité soit dans le

Письма Софьи к Лейбницу и к другим отличаются неподдельной веселостью и игривостью и пересыпаны остроумными шутками. «Так как ваше пророчество, — пишет она однажды Лейбницу, — было яснее пророчества Аполлона, то я должна его выше ценить, и мне кажется, что вас можно принять за мага (mage), который приносит свой фимиам (encens) в виде прекрасных писем, написанных вами мне и моей дочери по поводу рождения маленького принца». В другой раз она пишет ему с Ребургских вод: «Я испытывала гораздо большее удовольствие, читая ваше письмо, чем теперь, отвечая на него, ибо упражнение ног здесь более здорово, чем упражнение головы, которое необходимо, чтобы хорошо выяснить наше мнение насчет евхаристии»¹.

Сообщая министру Ильтену, который находился при ее муже в Италии, о смерти датской королевы, Софья продолжает: «Впрочем, мир не опустеет, пока г-жа Ильтен и вы еще будете находиться в нем. Она только что родила хорошенького мальчика, почти не быв больной. С тем, который у вас уже есть, он может заменить тех, которые теперь умрут в Венгрии. Мой сын собирается выступить туда (на войну против турок) с пехотой...»

Иногда эти шутки идут дальше, чем дозволяется языком XIX в., и свидетельствуют о наивности нравов, которой отличалось самое образованное общество XVII в. Эта черта, которую мы встречаем у самых порядочных женщин того времени, может нас заставить не удивляться наивной откровенности, доходящей до цинизма в письмах герцогини Орлеанской и в мемуарах маркграфини Байрейтской, сестры Фридриха Великого.

Кроме Лейбница, к любимцам герцогини принадлежал Гортензио Мауро, один из тех умных и ловких итальянских аббатов, которых мы в то время так часто встречаем при немецких дворах, где они занимаются сочинением поздравительных стихов и текстов для итальянских опер и пасторалей. Гортензио Мауро был секретарем Софьи и писал для нее ее итальянские письма. Он был человек честный, не занимался интригами, подобно своим соотечественникам, и был в дружеских отношениях с Лейбницем. Он нравился Софье своим остроумием; но многие из придворных

particulier (Если вы понимаете, что всеобщий дух — это единица, отчего бы не смогли понять и единицы частные: ведь универсальность или частность ничего не меняют в единице; кажется даже, что единица есть скорее нечто частное (фр.). — Прим. пер.).

¹ Это было написано во время переписки с Пелиссоном и г-жой Бринон о примирении церквей.

смотрели враждебно на отношения герцогини к людям, подобным Лейбницу и Мауро, и боялись их влияния¹.

У Софьи было 7 детей, из которых 4 умерли при ее жизни. Старший, который родился в 1660 г., был Георг-Людвиг, сделавшийся английским королем под именем Георга I. Второй, Фридрих-Август, вступил в императорскую службу и был убит в Трансильвании в битве против турок в 1690 г. Максимилиан был также на австрийской службе и умер в 1726 г. фельдмаршалом. О Софье-Шарлотте, которая вышла замуж за Прусского короля Фридриха I, нам придется еще много говорить. Карл-Филипп был убит в Албании, где он предводительствовал венецианским отрядом в войне против турок, в том же 1690 г., когда был убит его брат Фридрих. Христиан также погиб во время войны за испанское наследство при переправе через Дунай. Младший, Эрнст-Август, был, подобно отцу, епископом Оснабрюкским.

Жизнь Софьи не прошла без печальных катастроф. Самая трагическая из них — семейный разлад между наследным принцем и его женой, который окончился убийством графа Кёнигсмарка и заключением этой принцессы. Софья-Доротея была двоюродной сестрой своего мужа, дочерью Люнебургского герцога Георга-Вильгельма, который, как мы видели, из своих путешествий в Венецию вынес распушенность нравов и любовь к холостой жизни. Но в сорок лет он познакомился в Голландии с 27-летней Элеонорой д'Ольбрёз, дочерью одного маркиза-гугенота, которая произвела такое впечатление на старого холостяка, что он женился на

¹ Selon vous M-r, — пишет Грот Ильтену из Стокгольма, — notre Électrice devient bien ambulante et je commence à craindre, que nos beaux esprits, que vous spécifiez, ne lui fassent voir a la fin plus de pays, quelle ne pense. L'exemple de la reine Christine me fait peur, et je sais aussi ce que c'est que la contagion du bel esprit. Celui de M-r Hortense dechêeroit bientôt de son prix sous sa satire, de sorte que je ne suis bien surpris, s'il tache a faire sa cour aux dépens d'autrui. Quoi qu'il soit du siècle passé (письмо написано в 1702 г.) il n'a pas laissé de connaître le génie de celui où nous sommes, et en s'y accomodant il témoigne, qu'il n'a pas pous rien blanchi dans les antichambres (Как вы пишете, сударь, наша курфюрстина стала много разъезжать, и я начинаю опасаться, что наши умники, коих вы перечислили, в конце концов не дадут ей увидеть столько стран, сколько бы ей хотелось. Меня пугает пример королевы Христины; к тому же мне известно, что значит заразиться литературой. Остроумие г-на Гортензио скоро упало в цене под ее насмешками, так что меня не удивит, если он ездит ко двору за чужой счет. Как бы ни обстояло дело с прошлым веком..., он всегда признавал гений века нынешнего, и, приспособливаясь к нему, он доказывает, что не напрасно старел в передних (фр.). — Прим. пер.).

ней. Этот неравный брак возбудил негодование герцогских родственников. Еще по прошествии 40 лет герцогиня Орлеанская писала жене герцога: «Эта герцогиня слишком низкого происхождения, и для нее было бы большой честью выйти замуж за *Monsieur's premier valet de chambre**. Подумайте же, как она может годиться для Брауншвейгского герцога»¹. Братья герцога называли ее графиней Вильгельмсбургской и только впоследствии признали ее герцогиней, с тем, однако, чтобы ее сыновья не имели права на наследство. Герцогиня Орлеанская описывает ее не очень лестным образом. «Характер ее, — говорит она, — был не из лучших; она была как почти все француженки, которые всегда капризны и честолюбивы, всем хотят заправлять и все себе подчинить. Было бы лучше, если бы она оставалась среди своего плохого дворянства в Поату».

От этого брака родилась в 1666 г. только одна дочь, Софья-Доротея, которую баловали и отец и мать. Герцогиня Орлеанская прямо говорит о ней, что мать воспитала ее с малолетства «zur Coquetterie und Galanterie»**. Ее хотели выдать замуж за одного из герцогов Вольфенбюттельских, но влиянию Софьи и Люнебургского министра Бернсторфа удалось устроить ее брак с Георгом-Людвигом. По характеру обоих можно было видеть, что брак будет не из счастливых. У Георга была грубая и чувственная натура, он любил только охоту и солдат, притом был всегда холоден, сдержан и молчалив. Толанд говорит, что, даже сделавшись курфюрстом, он всегда ждал, чтобы другие начали с ним говорить².

Жена его представляла совершенно противоположную натуру. В одной современной характеристике восхваляется ее красота, ее стан, цвет ее лица, ее волосы. Она отлично танцевала, играла на фортепьяно и пела. Далее о ней говорится, что она очень умна, чрезвычайно жива, и что у нее богатое воображение, разви-

¹ Далее она говорит: *Insonderheit ist es war, dass ein verständiger Herr, wie Herzog Georg Wilhelm ist ein Mensch heirathet, mit welcher er so viele Jahre ohne Heirath gehaust hat* (Правда, впрочем, что такой рассудительный человек, как герцог Георг-Вильгельм, женится на своей прислуге, с которой до этого столько лет жил вне брака (нем.). — Прим. пер.).

² Герцогиня Орлеанская пишет о нем: *Der Kurfürst von Braunschweig hat das, dass er unleidlich trocken und kalt ist in seiner Rede und redt gar nicht* (Курфюрст Брауншвейгский отличается тем, что говорит с несносной сухостью и холодностью и никогда ничего толком не скажет (нем.). — Прим. пер.).

* Какого-нибудь первого камердинера (фр.). — Прим. пер.

** В кокетстве и галантности (нем.). — Прим. пер.

тое большой начитанностью. Она одарена от природы хорошим вкусом, который еще более развит тщательным воспитанием. Мужчина, который знал бы столько, сколько она, мог бы быть счастлив и доволен собой. Она верно судит обо всем, входит во все, что ей говоришь, и отвечает умно. При таких качествах, прибавлено в характеристике, трудно уберечься от самолюбия.

Хотя у них было двое детей, отношения между обоими супругами были самые неприятные. Георг часто отсутствовал по несколько месяцев на войне, а когда он возвращался в Ганновер, проводил время на охоте или со своими любовницами, молодой графиней Платен, ее невесткой графиней Кильмансегге-Дарлингтон, дочерью старой графини Платен и Мелузиной Шуленбург, возведенной в Англии в сан герцогини Кендаль. Когда Софья-Доротея высказывала свое неудовольствие против неверности мужа, ее ожидали новые оскорбления. Однажды он ее ударил в присутствии своей сестры и короля Прусского. Подобные сцены были нередки в царственных семьях XVII в. У Фрейтага в его «Очерках прошедшего» можно прочесть описание того, что происходило между курфюрстом Пфальцским и его супругой, которая жалуется на мужа императору и в своей жалобе говорит с удивительной откровенностью про свою семейную жизнь. Софья-Доротея скучала и начала интересоваться молодыми людьми, которые восхищались ее красотой: сначала одним из своих родственников, потом другом своего детства, молодым графом Филиппом фон Кёнигсмарк. Этот Филипп был внуком того известного генерала Кёнигсмарка, который был одним из типичных героев Тридцатилетней войны. Во время войны он составил себе такое состояние, что его семья сделалась одной из самых богатых в Европе. Почти все члены этой семьи приобрели известность своей замечательной судьбой и приключениями, в которые их вовлекали красота, природная необузданность и безумная отважность. Старший брат Филиппа был настоящим представителем «странствующих львов» XVII в. Современники называли его «*le parfait chevalier errant*»*. Еще юношей он покрыл себя славой в войне против африканских Барбаресков. Он переезжал от одного двора к другому, поступал с одной службы на другую. Во время его путешествия по Италии одна графиня, Сутгемптон, до такой степени влюбилась в него, что, одетая пажом, следовала за ним повсюду. Но он ее бросил, когда ей сделалось невозможным продолжать путешествия. В Англии он сам влюбился в одну молодую вдову, дочь графа Нортум-

* Истинный странствующий рыцарь (фр.). — Прим. пер.

берландского; но она вышла замуж за другого. Он потребовал, чтобы муж отказался от нее, а потом подослал убийц, от рук которых тот погиб. Убийцы, несколько шведских офицеров, были казнены. Кёнигсмарк со своим братом Филиппом должен был оставить Англию. Вскоре после того он был убит в войне с турками. Сестра их была знаменитая Аврора, любовница Августа I и мать Морица Саксонского. Филипп почти воспитывался вместе с Софьей-Доротеей и, как он уверял ее, с малолетства ее любил. Он вступил в ганноверскую службу и большую часть времени проводил при дворе. Между ним и принцессой восстановились самые нежные отношения. Когда он отлучался на войну, они пересылались самыми страстными письмами. Впрочем, в этих отношениях было много романтического; они мечтали о том, чтобы бежать куда-нибудь и обвенчаться. Кёнигсмарк иногда тяготился этими отношениями. Его состояние несколько расстроилось вследствие конфискации дворянских имений, предпринятой Карлом XI. Он хотел на войне доставить себе славу и богатство и собирался вступить в венецианскую службу. Но принцесса его не пускала. Нравы при Ганноверском дворе были очень свободны. Принцесса, особенно в отсутствие мужа, принимала кого хотела. Иногда Кёнигсмарк проводил с ней наедине целый вечер и оставался у нее ужинать. Наконец после 7-летних ожиданий, казалось, для них настало удобное время, чтобы осуществить свое намерение. Во время походов против Франции Кёнигсмарк приобрел расположение курфюрста Саксонского, который предложил ему перейти в его службу. Муж принцессы в это время отправился в Берлин к сестре; она поехала к своему отцу и умоляла его принять ее снова под свое покровительство и позволить ей оставить мужа. Но отец заставил ее возвратиться в Ганновер. Тогда они решились бежать. Кёнигсмарк выслал вперед свои экипажи на 52 лошадях с большим числом слуг и 1 июля 1694 г. вечером отправился к принцессе, чтобы уговориться с ней о времени бегства. Но переговоры эти продолжались очень долго; напрасно фрейлина принцессы, которая знала обо всем, торопила их. Наконец в 2 часа Кёнигсмарк вышел, и принцесса провела остальную часть ночи в укладывании своих вещей.

Но у них был враг, который разрушил все их планы. Старая графиня Платен, со своей стороны, влюбилась в красивого графа; как рассказывает его сестра, он некоторое время уступал прихотям всемогущей старухи, но наконец своим пренебрежением навлек на себя ее крайнюю ненависть и месть. Она знала обо всем, что происходило между ним и принцессой, и убедила

герцога арестовать Кёнигсмарка. Когда он выходил от принцессы, в одном из коридоров замка его остановили 4 драбанта. Он стал защищаться, но наконец его шпага сломалась, и его осилили. Как говорят, к раненому подбежала графиня Платен и ногой зажала ему рот, когда он стал обвинять ее в убийстве. По другому известию, его после этого утопили, а тело сожгли в печке. Долго никто не знал, куда он делся, и все запросы Саксонского двора оставались без ответа. Многие думали, что он жив и находится в заключении.

Принцесса была вне себя от отчаяния. Она громко кричала, что не хочет жить между варварами и убийцами, и, как говорят, хотела лишиться себя жизни. Ее муж теперь сам настаивал на разводе. Ее родные, сам отец, от нее отказались, и 28-летнюю несчастную женщину отвезли в замок Альден, где она находилась 32 года до самой своей смерти. Все ее общество состояло из двух фрейлин, камергера и дежурного офицера. Кататься она могла только с разрешения амтманна* и в сопровождении конной стражи. В средствах ее, впрочем, не стесняли. Она свободно занималась управлением своего богатого наследства, которое ей досталось после смерти отца и матери. Иногда ее тайком навещали дети и мать. С мужем она никогда более не виделась и умерла за 4 года до его смерти.

Другой причиной семейного разлада в герцогском доме был, как мы видели, новый закон о престолонаследии. Младшие сыновья находили поддержку у матери¹, особенно у дяди, герцога Вольфенбюттельского, и искали помощи у императора. Особенно недоволен был Максимилиан, который после смерти своего брата Фридриха-Августа был вторым сыном и по обычаю, господствовавшему до того времени в Брауншвейгском доме, имел

¹ Arm Gustchen (т. е. второй сын Фридрих-Август), — писала она Антону-Ульриху, — wird ganz verstossen, sein Herr Vater will ihm gar kein Unterhalt mehr geben. Ich lache den Tag und schreie die ganze Nacht hie über; denn ein Kind ist mir eben so lieb als das ander, ich habe sie alle unter mein Herz getragen und die unglücklich sein jammern en am meisten. Was Gott will muss man mit zufrieden sein. Aber dieses ist ein harter Punct, denn ich bin ein Narr mit meine Kinder (Бедный Густхен... совсем отвергнут, отец больше не желает давать ему содержание. Весь день я улыбаюсь, а ночи плачу напролет, ведь обоих детей я люблю одинаково, всех их носила под своим сердцем, и вид их несчастий печалит меня более всего. Надо соглашаться с тем, чего хочет Бог. Но это трудно сделать, потому что я с ума схожу, когда дело заходит о моих детях (нем.). — Прим. пер.).

* Амтманн (нем.). — чиновник среднего ранга. — Прим. ред.

право на Ганновер, тогда как герцогство Люнебургское, по смерти Георга-Вильгельма, должно было перейти к старшему брату. В пользу этого Максимилиана в 1691 г. составилась даже заговор, во главе которого стоял обер-егермейстер фон Мольтке. Но о заговоре узнала в Берлине Софья-Шарлотта и известила обо всем своего отца. Заговорщики были арестованы, Мольтке — в ту минуту, когда он выходил из дворца, где он играл в карты с герцогом. Он был приговорен к колесованию, к истязанию раскаленными щипцами и к четвертованию. В составлении этого приговора участвовал университет. Герцог заменил эту варварскую казнь смертью посредством отсечения головы. Друзья и верные слуги Мольтке дали ему средства бежать из заключения, но веревка, на которой он спускался, оборвалась, и он был снова схвачен. На его столе нашли резкое и насмешливое письмо к курфюрсту, с надписью: «Christ ist erstanden, Moltk' ist entgangen»* etc.

Казнь была совершена, несмотря на неудовольствие всего дворянства, со всей обстановкой древненемецкого суда, превратившегося в устаревшую формальность. На место казни, между прочим, были приглашены 12 присяжных из той части города, на земле которой совершалась казнь. Председатель (Gerichtshulze) предложил им старинную формулу: *Ist es so viel am Tage, dass man allhier peinlich Gericht halten kann?*** Присяжные ответили «да», тогда он сломал свою палку над головой приговоренного.

Максимилиан был отвезен в крепость Гамельн, где он содержался несколько лет. Он должен был письменно отказаться от всех своих притязаний, удалился в Рим, а потом в Вену. До самой смерти своей он был в разладе со своей семьей¹.

К сожалению, мы не знаем, какую роль играл Лейбниц в описанных нами событиях и в каких отношениях находился он к замешанным в них лицам. Как кажется, Лейбниц не был особенно

¹ *Seit ich weiss, dass Herzog Max, — писала герцогиня Орлеанская в 1719 г., — sich über seine Frau Mutter, unsrer lieben Churfürstin seligen Tod erfreuet und sie bei dem Kaiser ans purem Interesse verklagt hat, kann ich ihn nicht mehr leiden, noch von ihm hören* (С тех пор как я узнала, что герцог Макс... радовался блаженной кончине своей матери, нашей любимой курфюрстины, и из одной только выгоды клеветал на нее императору, я больше на дух его не переношу и ничего не хочу о нем слышать (нем.). — Прим. пер.).

* Христос воскрес, Мольтке удрал (нем.). — Прим. пер.

** Достаточно ли еще светло, чтобы здесь свершился уголовный суд? (нем.). — Прим. пер.

близок к Софье-Доротее. В изданных сочинениях мы находим только одну эпиталаму на свадьбу Георга и Софьи-Доротеи¹.

Зато Лейбниц принимал как юрист деятельное участие в важных событиях, касавшихся герцогского дома, установления престолонаследия и приобретения курфюрстского сана.

Обычай разделять владения между всеми сыновьями был одной из главных причин раздробления Германии. Золотая булла Карла IV установила нераздельность и престолонаследие старшего сына в курфюршествах, для того чтобы право избрания императора не досталось слишком мелким князьям. В остальных же территориях сохранился обычай дробления. Но с начала XVII в. во многих княжеских домах Германии, например в Гессенском и Брауншвейгском, замечается стремление отменить этот обычай. Эти стремления были связаны с более зрелыми политическими идеями, проникавшими в государственную жизнь. Феодалное право

¹ Восхвалив принца за храбрость, оказанную на войне, Лейбниц продолжает:

Si Mars domte des cœurs, Vénus leur fait des chaînes,
Poir lier doucement les puissances humaines.
Vous sentez son pouvoir, vous savez les vertus,
Des épines des Mars, des roses de Vénus.
Mars donne fort souvent des couronnes stériles
Vénus fait obtenir des conquêtes fertiles...
La divine Beauté, qui soumet votre cœur
Accorde votre amour et le commun bonheur,
Et le peuple enchanté par celle, qui Vous blesse
Adore jusqu'aux pas d'une belle Déesse
Comme un gage du ciel, dont la perfection
Fait le ferme ciment d'une grande union.

(Так Марс покоряет сердца, а Венера налагает на них оковы, чтобы сковать нежными узами человеческие действия. Вы знаете свои силы, вам ведомы добродетели, Марсовы шипы и Венерины розы. Марс часто дает корону понапрасну, Венера же заставляет добиваться плодоносных завоеваний... Божественная красота покорила ваше сердце в согласии с вашей любовью и общим благополучием, и народ, очарованный той, что ранила вас, поклоняется прекрасной богине как залогоу небес, навеки скрепляющему великий союз... (фр.). — Прим. пер.).

Лейбниц говорит здесь о соединении герцогств Ганноверского и Люнебургского, которое было скреплено этим браком. Последние два стиха звучат как ирония, если вспомнить печальный исход этого брака.

Prince, chéri des cieux, que Vostre sort est doux;
Que vous ferés des Rois, même les Dieux, jaloux!

(О государь, пусть небо позаботится о вашей участи; чтоб вам позавидовали короли и сами боги! (фр.). — Прим. пер.).

не знало государства; государь относился иначе ко всякому клочку своей территории: здесь он был помещиком, там — феодальным сюзереном; в такой-то области он был графом, в другой — герцогом. Все эти клочки имели местные интересы и противились введению общих мер, слиянию в одно государство. Представителями таких стремлений к обособлению были земства, которые носили чисто средневековый характер и были главным тормозом на пути к политическому развитию страны. Еще отец Эрнста-Августа должен был дать письменное обещание (*Revers*) земствам герцогств Ганноверского и Люнебургского воспрепятствовать, посредством особенного закона, соединению этих двух герцогств. Но по мере того как земства теряли значение и необходимость подчинять государственное управление общим началам становилась яснее, престолонаследие старшего сына, так называемое *jus primogeniturae**, было повсюду установлено. Эрнст-Август ввел этот закон в своих владениях в 1682 г., при бракосочетании своего сына с принцессой Люнебургской. В следующем году этот закон был утвержден императором. В этих стремлениях герцог находил деятельного союзника в своем старшем брате Георге-Вильгельме; главными же противниками были его троюродные братья, герцоги Вольфенбюттельские Рудольф-Август и Антон-Ульрих, составлявшие старшую линию Брауншвейгского дома. Все они были внуками двух братьев, Генриха и Вильгельма, которым принадлежало герцогство Люнебургское; старший из них, Генрих, отказался в пользу своего брата от герцогства и оставил себе только графство Даннеберг; его внуки были Рудольф-Август и Антон-Ульрих. Когда вымерла в 1634 г. старшая линия Вольфенбюттельская, им досталось герцогство Вольфенбюттельское, а герцогство Ганноверское досталось потомкам Вильгельма. Вследствие этого Вольфенбюттельские герцоги были слабее средствами своей младшей линии, владевшей двумя герцогствами, Ганновером и Люнебургом, и поэтому они не желали соединения их в одно могущественное целое.

В бумагах Лейбница найдена записка об интересном разговоре, который он имел в 1685 г. с Антоном-Ульрихом по этому поводу. Герцог доказывал, что намерение Эрнста-Августа соединить оба герцогства в руках старшего сына не только противно обычаю и установленным законам, не только заключает в себе большую несправедливость относительно второго сына, но и повлечет за собой дурные последствия, ибо вызовет оппозицию Вольфенбют-

* Право первородства (*лат.*). — *Прим. пер.*

тельской линии. Возвышение Брауншвейгского дома преимущественно обуславливалось тесным союзом всех линий его; теперь же старшая линия будет искать себе другую поддержку и будет находиться к Ганноверу в таких же враждебных отношениях, как линия Зондербургская (Шлезвиг-Голштинская) к Дании.

По обычаю того времени, обе стороны вели между собой литературную полемику. Главное сочинение в пользу права первородства было написано ганноверским вице-канцлером Лудольфом Гуго, но и Лейбницу пришлось поддерживать права старшего сына. Сюда относится его записка на французском языке: «*Le droit de primogéniture dans la maison de Bronsvic-Lunebourg*»¹. Эта записка написана уже после смерти Эрнста-Августа и, вероятно, предназначалась для императора, которого принц Максимилиан убеждает отменить завещание отца. В историческом обзоре Лейбниц старается доказать, что в Брауншвейгском доме давно уже следовали праву первородства, за некоторыми исключениями. Особенное затруднение представляло завещание герцога Георга, который отдал Ганновер и Люнебург двум старшим своим сыновьям, с тем чтобы по прекращении одной из этих линий линия третьего или четвертого сына заступила ее место. При этом было сказано, что каждое из этих герцогств должно быть сохранено в своей целостности (*dans sa consistance*). Противники первородства выводили из этого, что оба герцогства должны всегда существовать отдельно. Лейбниц же доказывал, что герцог Георг хотел этим только запретить дальнейшее раздробление их, но вовсе не воспрепятствовать соединению их под управлением одной линии в случае прекращения остальных, что теперь действительно и случилось.

Увеличивая таким образом материальное могущество своего дома, Эрнст-Август в то же время стремился к возвышению его посредством приобретения курфюрстского сана. Тридцатилетняя война, имевшая своим последствием учреждение восьмого — Баварского — курфюршества, нарушила священное число 7 и открыла путь честолюбию других князей. Стремления Эрнста-Августа, впрочем, находили основание в географическом положении его страны. В древнее время избрание императора было главным образом в руках герцогов 4 племен, из которых состояла немецкая нация, — Саксонского, Баварского, Франконского и Швабского. Но эти племенные герцогства рано раздробились, и распределение курфюрстских голосов не соответствовало племенам Германии.

¹ Die Werke v. Leibnitz / Ed. O. Klopp. V: Право первородства в Брауншвейгском и Люнебургском доме (фр.). — Прим. пер.

Три голоса достались духовным князьям; два курфюршества возникли на восточных окраинах государства, в землях, отвоеванных у славян, где поэтому, вследствие завоевания, образовалась более крепкая государственная жизнь; шестой голос достался пфальцграфу Рейнскому; а седьмой был присвоен Богемии, потому что эта страна в то время принадлежала императору Карлу IV Люксембургскому, который издал постановление о курфюршествах. При этом распределении были обойдены племена Баварское и Саксонское: первое — потому что оно находилось во владении Виттельсбахской линии, из которой были также Рейнские пфальцграфы, и в то время одному и тому же княжескому дому не хотели предоставить два курфюрстских голоса; второе — потому что оно, по низложению Генриха-Льва, раздробилось на слишком мелкие части. Вследствие этого северо-западная Германия не имела ни одного представителя в курфюрстской коллегии, и герцог Ганноверский, как самый могущественный князь в этой части Германии и преемник Генриха-Льва, имел поэтому полное право требовать, чтобы его приняли в число курфюрстов. Но в то время императором и князьями руководили не столько историческое право и интересы Германии, сколько личная политика.

Стремления Ганноверского герцога встретили сильную оппозицию в большинстве князей; не только католические князья, во главе которых стоял курфюрст Майнцкий, были ему враждебны, потому что не хотели допустить в коллегию курфюрстов нового протестантского члена, но и многие из протестантских князей, как например герцоги Брауншвейгские и Саксонские, смотревшие с завистью на быстрое возвышение Ганновера.

Более всего принятие решения зависело от императора, и Эрнст-Август старался приобрести его расположение, обещая ему союз и деятельную помощь против турок и Франции. Переговоры продолжались несколько лет, но война с Францией, возгоревшаяся в 1688 г. и требовавшая больших жертв¹ от империи, ре-

¹ Герцог Ганноверский должен был вступить в вечный союз с Австрией, обещать всегда подавать свой голос на сейме в пользу императора, всегда избирать в императоры старшего принца Австрийского дома, заплатить 500 тысяч галеров и выслать на время войны 6 тысяч человек в Венгрию, 3 тысячи на Рейн, построить католическую церковь в Ганновере и Целле. Но даже все эти жертвы не привели бы герцога к желанной цели, если бы его министр Грот не прибегнул к хитрости. Он уговорил любимца курфюрста Саксонского, Шёнинга, заключить с Ганновером договор о нейтралитете во время войны между Францией и Германией; с этим договором поехал в Вену и так напугал австрийских министров, что они тотчас согласились на требования Эрнста-Августа.

шила дело в пользу Ганновера. В 1692 г. Эрнст-Август постановлением курфюрстской коллегии был признан девятым курфюрстом империи. Но многие князья долго еще не хотели признать нового сана, и только через несколько лет он был принят в коллегию курфюрстов.

Лейбниц оказывал своему герцогу деятельную помощь. К сожалению, не все письма и записки его, относящиеся к этому делу, изданы. Есть основание полагать, что его поездка в Вену по возвращении из Италии, о которой мы еще будем говорить, имела целью привести к успешному окончанию переговоры с императором.

Лейбниц был теперь уже влиятельным лицом в Германии вследствие своих связей. Через своего бывшего ученика, молодого Бойнебурга, который был камергером у императора, он старается действовать на курфюрста Майнцского, его родственника, и склонить его в пользу Эрнста-Августа. Это посредничество действительно удалось.

В то же самое время он пишет своему другу, ориенталисту Лудольфу, который был резидентом саксонских герцогов во Франкфурте, и объясняет, как необходимо для Германии признание нового курфюрста. Он указывает на то, что большая часть старых курфюршеств лежит на Рейне, на границе, и легко может впасть в зависимость от Франции. Тогда Франция будет иметь перевес в коллегии курфюрстов. «Нужда нас заставит, — говорит он, — учредить еще больше курфюршеств, если французы завоюют Рейн и, таким образом, расшатают все здание империи. Об этом мы должны более заботиться, чем спорить о почестях и церемониях. Ты справедливо повторяешь слова Аристотеля, что обязанность хорошего гражданина состоит в том, чтобы поддерживать существующий порядок в государстве; но этого можно достигнуть только посредством решительных действий. Хороший медик будет поддерживать состояние тела, если оно здорово, и лечить его, если оно болеет». Он указывает на пользу, которую новый курфюрст может принести протестантскому делу. «Какой протестант, — пишет он, — не возрадовался бы 20 лет тому назад, если бы мог надеяться увеличить число протестантских курфюрстов?»

По древнему обычаю, сан курфюрста был связан с одним из придворных званий феодального периода. Эти звания потеряли тогда уже всякое значение; только при коронации императора курфюрсты через своих послов исполняли обязанности, связанные со званием, — маршала, стольника (Truchsess), виночерпия и др. Император, возводя герцога Ганноверского в сан курфюрста, дал

ему звание «знаменосца» (Reichbannerträger). Вдруг герцог Виртембергский подал протест на сейме против этого назначения, доказывая, что еще в 1336 г. его предки были пожалованы в знаменосцы. Лейбниц должен был опровергнуть эти притязания и в чрезвычайно ученом и основательном сочинении доказал, что герцогам Виртембергским пожаловано не имперское знамя (Reichsbanner), а боевое знамя (Sturmflagge), которое в битве несли перед императором. Право же нести имперское знамя никому не принадлежало наследственно, и в торжественных или важных случаях это знамя поручалось особенному лицу, по назначению императора; впрочем, в течение 200 лет, со времени похода императора Фридриха против Карла Бургундского, это знамя не употреблялось.

Это мелочное и скучное рассуждение нужно было подкреплять летописными свидетельствами и грамотами, рассеянными по различным книгам и рукописям. Полемика продолжалась несколько лет, и дело было решено в пользу Виртемберга, т. е. герцог Ганноверский получил сан курфюрста без особенного придворного звания (Erzamt).

Новый курфюрст возвел Лейбница за его заслуги в звание тайного юстиц-советника. Но гораздо большее значение, чем эти труды в пользу Ганноверского дома, имели для современников Лейбница и имеют теперь для нас его сочинения, касавшиеся общих интересов Германии и европейской политики.

Германия переживала тогда тяжелое время. С востока ей грозила Турецкая война; с запада Людовик XIV, пользуясь неуклюжим устройством империи, присваивал себе одну пограничную область за другой. Людовик теперь совершенно оставил прежнюю свою политику, указанную ему Кольбером и министрами, вышедшими из школы Мазарини, которые не столько заботились о материальных приобретениях, сколько о том, чтобы посредством искусной дипломатии играть первую роль в Европе. Он теперь совершенно поддался влиянию Лувра, который надеялся посредством грубого насилия достигнуть более существенных результатов и вооружил против Франции всю Европу. Царствование Людовика XIV представляет в этом отношении много общего со временем революции, где также необузданное честолюбие первого императора лишило Францию нравственного авторитета и материальных выгод, приобретенных победами республики.

Тотчас после Нимвегенского мира Людовик учредил те известные комиссии в Меце и Брейзахе, по указанию которых он аннексировал (если можно употребить термин современной политики) все города и области, находившиеся когда бы то ни было в ленной

зависимости от уступленных Франции по Вестфальскому миру областей. Весь Эльзас и многие другие области и города со стороны Германии и Бельгии были, таким образом, заняты во время мира французскими войсками. В ответ на жалобы императора Людовик выразил готовность выслать своих уполномоченных на конгресс во Франкфурт. Но пока продолжались заседания этого конгресса и депутаты империи спорили между собой об этикете, французское войско неожиданно осадило Страсбург и потребовало сдачи этого старинного имперского города, который вследствие его положения можно было назвать ключом к южной Германии.

Французское золото действовало так же успешно на магистрат этой ветхой республики, как и угроза французского генерала бомбардировать город, и 2 октября 1681 г. Страсбург принял навсегда в свои стены французский гарнизон.

Еще слабое в то время общественное мнение в Германии было глубоко оскорблено этим наглым вероломством, в котором высказывалось такое презрение к беспомощной империи. К этому чувству оскорбленного патриотизма присоединялось еще тяжелое осознание своего бессилия и немощи. Несмотря на обширность своего гения и свои стремления к общечеловеческим интересам, Лейбниц был горячим патриотом, и в этом случае он живее других чувствовал унижение своего отечества. О силе этого чувства свидетельствуют многочисленные стихотворения и эпиграммы, написанные им по поводу падения Страсбурга и найденные в его бумагах. Нельзя сильнее выразить грусть и негодование, вызванные в нем равнодушием, с которым император и князья смотрели на потерю одного из лучших городов империи, как в следующих двух стихах, которыми заканчивается одно из этих стихотворений:

O labem Rhenus, quam non satis abluat omnis
Quod torpore jacent Caesar et Imperium¹.

Другое стихотворение представляет едкую сатиру на подкупных жителей Страсбурга. Мы жалеем, что не можем его привести, так как оно слишком длинно. Оно написано в форме эпитафии над могилой молодой женщины, которая позволила себя обольстить и умерла от объятий злого тирана в 1681 г., anno salutis christianae* Germaniae forte ultimo (т. е. в последний, может быть, год Герма-

¹ Не смеет позора весь Рейн, что император и империя коснеют в безжизненном равнодушии.

* В год спасения христиан (лат.). — Прим. пер.

нии). Лейбниц называет в этом стихотворении Людовика иронически: могущественнейший король Галлии, счастливейший победитель, триумфатор, иными словами, Геркулес (Alcides) нашего времени, укротитель чудовищ, но не самого себя (*monstrorum domitor, non tamen ipse sui*), и т. д.

Взяв Страсбург, Людовик предложил империи заключить с ним 20-летнее перемирие, т. е., другими словами, требовал, чтобы империя уступила ему захваченные им области. Мнения немецких князей, высказывавшиеся на Франкфуртском конгрессе, были чрезвычайно различны. Император, который лишился некоторых владений в Эльзасе, решительно требовал войны с Францией. Эрнст-Август был также в самом патриотическом настроении. Он писал своему послу на конгрессе, Гроту, чтобы конгресс прежде всего настаивал на возвращении Страсбурга. В следующем году он пишет ему, чтобы он, если ему ничего не удастся сделать в пользу империи, не принимал участия в переговорах о мире и не брал на себя такого позора.

Но главным препятствием к энергичным действиям со стороны Германии было оскорбленное самолюбие курфюрста Бранденбургского. В предшествовавшую войну он был самым деятельным противником Людовика XIV и более всех содействовал к спасению Голландии. Ему удалось во время войны отнять у шведов, союзников Людовика, Померанию; но он должен был возвратить все свои завоевания, так как император и Голландия не хотели продолжать войну для поддержания его притязаний. Он должен был заключить с Людовиком отдельный мир (в Сен-Жермене) и, считая себя оскорбленным своими прежними союзниками, сблизился с Францией, стал держать ее сторону. Эта антипатриотическая политика Великого курфюрста в опасную минуту для Германии, хотя и вызванная справедливым раздражением, до сих пор затрудняет прусских историков, а их противникам доставляет желанный повод к укорам против Пруссии.

Лейбниц должен был сопровождать Грота на Франкфуртский конгресс, так как французские уполномоченные основывали свои притязания на давно забытых положениях ленного права, и Лейбниц, как хороший историк и юрист, мог быть там очень полезен. Нам неизвестно, почему эта поездка не состоялась. Но из Ганновера Лейбниц следил с самым живым интересом за Франкфуртскими переговорами. Он переписывается с Горником в Берлине, который сообщает ему о намерениях и настроении своего двора. Он пишет Гроту во Франкфурт и излагает ему свой взгляд относительно переговоров. При этом он боится оскорбить своим вмеша-

тельством самолюбивого министра, так как Грот по своему положению был начальником Лейбница. Грустно читать, к каким смиренным выражениям должен прибегать философ, чтобы иметь возможность высказать свое мнение. Одно письмо, например, он заканчивает следующими словами: «*Tout se que je dis icy, n'est que pour vous égayer, et pour vous faire rire en me voyant raisonner sur les affaires, comme nous mettons à rire, quand un enfant bégaye au lieu de parler*»*.

Лейбниц набрасывает у себя на бумаге свое мнение о текущих событиях. Один отрывок озаглавлен: «Мнения, произнесенные на международном совете». Здесь он излагает в диалогической форме политику отдельных народов, заинтересованных во Франкфуртском конгрессе, в том направлении, которое он желал бы ей придать. В другом отрывке он обсуждает жалобы курфюрста Бранденбургского, «до *тошноты* (*ad nauseam*) повторяемые о том, что он был оставлен союзниками в предшествовавшую войну», опровергает справедливость их и оправдывает поведение императора.

Положение Германии становилось все опаснее. Жестокость австрийского правительства в Венгрии против участников заговора 1670 г. и преследование протестантов в этой стране имели своим последствием союз национальной партии с протестантской, который привел к открытому восстанию. Вождь мятежников, граф Текели, передался на сторону Турции и призвал ее на помощь; французский посол в Константинополе делал все возможное, чтобы побудить Турцию к войне с императором. Действительно, осенью 1682 г., за два года до истечения 20-летнего перемирия, Великий визирь выступил с войском из Константинополя. Турецкая граница проходила тогда между Веной и Пештом, и туркам было легко подступить к столице Германии. Они оставили в стороне крепости, преграждавшие им дорогу, и пошли прямым путем на Вену. Императорское войско отступило со всевозможной поспешностью, чтобы достигнуть Вены раньше турок. 14 июля 1683 г. громадное турецкое войско осадило Вену. Германия была в самом большом волнении; отовсюду спешили небольшие отряды к Вене. Все зависело от мужества осажденных и от энергии тех, кто спешил на выручку Вены.

Лейбниц в это время жил в Гарце и был занят устройством своих гидравлических машин. С крайним нетерпением ожидал он в

* Все это я написал лишь для того, чтобы позабавить вас, чтобы развеять видом того, как я размышляю о вещах, подобно тому как мы всегда улыбаемся при виде пытающегося что-то сказать, но только лепечущего ребенка (*фр.*). — *Прим. пер.*

своим единением известий о событиях, от которых зависела судьба его отечества. Как близко принимал он к сердцу эти события, свидетельствуют отрывки, набросанные им во время осады Вены. Один из них — «Мнение о несчастном отступлении императорской армии» — особенно живо обнаруживает волнение, в котором находился Лейбниц, когда приходили «письма за письмами», извещавшие, что «наши покинули горный проход, неприятель прошел через него, пехота удалилась на остров Шют, кавалерия отступила к Вене, но достигнута и рассеяна турками, несколько полков уничтожено, весь багаж потерян». Лейбниц задумывается о причинах такой неудачи и обвиняет австрийское военное устройство; солдаты хороши, но вся вина, по его мнению, падает на офицеров, которые получают места по протекции, по родству или по богатству, что вызывает неудовольствие старых солдат и отнимает у них желание отличиться.

Другой отрывок представляет извлечение из донесения Фалькенгана, ганноверского посла при императорском дворе. Главное заключение, которое выводит Лейбниц из этих донесений, — то, что слухи, приписывавшие полякам главную славу в победе, несправедливы, ибо императорский отряд первый прорвал ряды неприятеля. В одном отрывке Лейбниц осуждает австрийскую политику в Венгрии и нетерпимость в отношении венгерских протестантов. Главную причину в несчастьях Австрии он видит во вмешательстве в управление духовенства, а особенно иезуитов, которые всегда жертвуют государством для своих интересов, в настоящее время расположены к Франции и способны принести ей в жертву императорский престол, если в Вене долго будут следовать их внушениям.

Но Лейбниц, несмотря на свою способность к горячим симпатиям, был человек *меры*; его возмущала всякая несправедливость даже со стороны его единомышленников. В другом отрывке он восстает против близоруких людей, которые кричат из религиозного рвения, что император хуже султана, что он тайно вступил в орден иезуитов, которые распространяют о нем невыгодные слухи, например то, что он заключил мир с Францией из зависти к Бранденбургу, что он заключил перемирие с турками для того только, чтобы притеснить протестантов в Венгрии, — и этим подрывают желание помочь ему в настоящей опасности. Лейбниц объясняет причины, побудившие императора в 1664 г. заключить перемирие с Турцией, оправдывает его характер и представляет в настоящем свете положение Венгрии и ошибки австрийского правительства.

Но самый важный плод уединенного пребывания Лейбница в горах Гарца был его «Mars Christianissimus», самая едкая современная сатира на политику Людовика XIV.

Лейбниц прежде благоговел перед Людовиком XIV. Он был глубоко убежден, что никто не может так много содействовать развитию наук и общечеловеческих интересов, как могущественный государь, в руках которого сосредоточены все средства страны. Это искреннее убеждение было одной из главных причин, почему Лейбниц предпочитал придворную жизнь самостоятельной жизни ученого и почему он до самой смерти искал сближения с различными государями. Но ни от кого из современных государей нельзя было ожидать столько пользы, как от Людовика XIV, который неограниченно властвовал над самой могущественной и образованной нацией в мире, тем более что Людовик действительно покровительствовал литературе и ученым, как своим, так и иностранным, в первую половину своего царствования; Людовик всего ближе подходил к идеалу государя, составленному Лейбницем. В скором времени после заключения Нимвегенского мира Лейбниц посвятил ему две статьи, которыми он надеялся одушевить его в пользу плодотворного преобразования науки: «Préceptes pour avancer les sciences» и «Discours touchant la méthode de la certitude et l'art d'inventer»*. Он излагает в них свой план, о котором мы прежде говорили, доставить наукам обширный и верный материал, посредством составления громадного репертория, в который вошли бы извлечения сущности всех написанных до сего времени дельных книг и описание всех изобретений и наблюдений по всем отраслям наук и практической жизни, чтобы потом оплодотворить и увеличить этот материал с помощью безошибочного (математического) метода и искусства изобретать и извлекать новые истины. Он считал необходимым тотчас приступить к такому делу, пока в науках еще не водворился полный хаос. «И какое время, — восклицает Лейбниц, — удобнее для этого, чем наш век, который в будущем, может быть, станут называть „веком изобретений и чудес“ (le siècle d'invention et de merveilles). А самым великим чудом этого времени будут считать того величавого монарха, которым гордится наше время, и какого грядущие века напрасно будут себе желать. Я не стану восхвалять его искусство управлять государством и вести войны; того, что он сделал для науки, достаточно, чтобы обессмертить его имя. Его не нужно описывать точ-

* «Некоторые соображения о развитии наук» и «Рассуждение о методе определения достоверности и искусстве открытия» (фр.). — Прим. пер.

нее. Он единственный в своем роде и его легко узнать... Все, чего мы должны желать, это то, чтобы ничто не помешало исполнению его планов, чтобы небо продолжало благоприятствовать ему и чтобы, спокойный от внешних врагов, он мог даровать Европе тот счастливый мир, которым он увенчал свои блистательные подвиги».

Но вероломство, с которым Людовик воспользовался этим миром, могло служить ироническим ответом на этот одушевленный панегирик и глубоко разочаровало патриота. От космополитизма своей юности, который манил его повсюду, где только можно было наиболее успешно действовать в пользу науки, Лейбниц все более и более переходил к патриотизму. Но не один патриотизм был оскорблен в Лейбнице. Людовик стал для него теперь не только врагом отечества, но злым гением Европы, который разрушал все любимые его идеи — изгнание турок из Европы и подчинение Востока европейской цивилизации, умиротворение религиозных страстей и водворение новой международной жизни в Европе на началах права и справедливости.

Все эти чувства нашли себе полное выражение в его памфлете «*Mars Christianissimus*», самом горячем протесте против насилий Людовика XIV и замечательнейшем памятнике политического красноречия в XVII в. Перед другими подобными сочинениями Лейбница, о которых мы говорили прежде, он имеет еще то преимущество, что был напечатан при жизни его, хотя анонимно, и что он доступнее их вследствие своей краткости и легкости языка, так как Лейбниц кроме латинского издал его еще на французском языке.

Заглавие, которое Лейбниц дал своей сатире, *Христианский Марс*, было выбрано им потому, что подходило к заглавию известного в его время сочинения *Галльский Марс*, которое заключало в себе резкую критику французской политики во времена кардинала Ришелье за его союз с турками, голландцами, шведами и вообще протестантами. Это сочинение имеет большое значение для истории XVII в. Мы узнаем от Лейбница, что автором его был известный Янсений, епископ Ипернский¹. Сочинение Лейбница написано не с католической точки зрения, а вообще с христианской, отсюда и заглавие «Христианский (или *Христианнейший*) Марс». Как известно, прозвище *Христианнейший* было титулом французских королей и употребляется здесь в ироническом смысле.

Лейбниц придает своему сочинению такой оборот, как будто автор его — один из приверженцев Людовика XIV в Германии, ко-

¹ Полное заглавие книги Янсения: *Alexandri Patricii Armacani Theologi Mars Gallicus seu de justitia armorum et foederum regis Galliae libri duo*. a. 1836.

торых в насмешку называли галло-греками, и как будто оно написано в защиту христианнейшего короля от упреков христиан. Оттого полное заглавие его: «Mars Christianissimus, autore Germano-Gallo-Greco, ou Apologie des armes du roy Très-Chrestien contre les Chrestiens»*.

Лейбниц начинает с того, что восстает против близоруких людей, которые более преданы интересам своего государя или народа, чем общехристианским интересам, т. е. интересам Франции, не понимая, что спасение христианской церкви от турецкого рабства зависит исключительно от Франции.

Вследствие того что интересы Франции совершенно совпадают с интересами христианского мира, политика ее не нуждается в защите, и потому уже с 1672 г. французский король решил впредь не давать миру отчета в своих действиях, подобно своим предкам и другим государям. Поэтому, когда он вздумал начать войну с Голландией, объявление войны заменило ему всякий манифест, и желание короля (*la volonté et le bon plaisir du roi*) было приведено как единственный повод к войне. Точно так же французы поступали и во всех других случаях.

Но так как этот метод избегать лишних объяснений не нравится нашим немцам, привыкшим к войнам посредством пера, то я и взял на себя труд выступить против наглых врагов короля, которые не хотят допустить, чтобы все христианские народы соединились под одно знамя против неверных, чтобы еретики были истреблены и чтобы на свете был только один король, одна вера и один закон (*un roi, une foi, une loi*). В настоящее время французы не считают более нужным скрывать свои планы и обращать внимание на мнение *толпы* (*le vulgaire*); под толпой же они разумеют всех, кто не принадлежит к их партии, ибо теперь нельзя быть развитым и порядочным человеком, не сделавшись французом¹. Французы начинают теперь отделяться от этой неловкой суетливости (*honte malséante*) и деревенской стыдливости (*pudeur rustique*) и действуют со свободой, достойной благовоспитанных людей.

После смерти Мазарини король долго еще следовал его советам. Но Лувуа и новые министры короля скоро вывели его из заблуждения. Они доказали, что ему не нужно держаться Вестфальского и Нимвегенского мира, ибо немцы сами нарушили первый, а второй был следствием милости короля (*une rige gracie de roi*). Поэтому мне кажется, что я окажу ему немалую услугу, если освобожу его советников от остатков совести, которые могли сохраниться у некоторых относительно между-

¹ Die Werke v. Leibniz / Ed. O. Klopp. V. P. 208: A moins que d'avoir l'âme française, on ne sçaurait avoir l'esprit poli, ny élevé au dessus du commun (Не обладая французской душой, нельзя быть человеком учтивым и подняться выше заурядности (фр.). — Прим. пер.).

* «Христианнейший Марс, написанный германо-галло-греческим автором, или Апология весьма христианского короля в его борьбе с христианами» (фр.). — Прим. пер.

народного права и религиозных правил. Я докажу, что все это обязательно для простых людей, но что существует высший закон, освобождающий короля от этих правил. Ибо св. Павел заметил, что для праведного закон не писан, и тот, кому Господь поручил необычную власть, вследствие этого избавлен от обыкновенных людских обязательств.

Мне необходимо поэтому положить начало новой юридической науке, чтобы сразу устранить возражения немецких юристов и итальянских канонистов. Я полагаю в основание, что все принадлежит Богу и все подчинено верховному праву Его над Его творениями. Французский же король есть единственный и настоящий наместник Божий на земле. К этому основанию еще присоединяется определение того, что справедливо. Платон отлично объяснил это, говоря: «*Справедливо то, что полезно более сильному*»¹. Это совершенно согласно с тем, что мы сказали о Боге, ибо Бог сильнее всех. После же Бога, без сомнения, самый могущественный французский король (не считая, конечно, дьявола). Император Максимилиан говорил: если бы я был Богом и сделал бы завещание, я отдал бы старшему сыну Царство Небесное, второму же — французское королевство.

Доказать наместничество французского короля очень легко. Все, что предсказано в Священном Писании о царстве Христа, относится к французскому королю. Недаром с неба ниспослано св. миро², и недаром королю дана сила делать чудеса и лечить болезни³. Правда, есть медики, которые отрицают эту чудесную силу короля. Но не следует придавать значения безверию этих людей, которое так велико, что религиозность медиков вошла в пословицу.

Есть много пророчеств и предсказаний, которые говорят о будущем величии Франции. Между турками, например, распространено поверие, что их империя погибнет от французов. Правда, знаменитый Гуго Гроций не позволяет основывать какое-нибудь право на пророчествах, но ведь юриспруденция Гроция совершенно отлична от той, которую мы здесь излагаем⁴.

¹ Как известно, это определение софистов, которых Платон выводит в своих диалогах.

² La Sainte ampoule — которое сошло с неба при помазании Хлодвига и которым помазывали всех последующих королей.

³ Как известно, во Франции полагали, что прикосновение короля вылечивает от золотухи — les escrouelles.

⁴ Как пример шуточного объяснения различных пророчеств у Лейбница, причем он пародирует приемы некоторых современных писателей; мы приведем следующий: Sans parler d'autres passages en est-il de plus clair, que celui de Jésus Christ, lorsqu'il dit: Lilia agri non nent. Ce qui signifie sans doute, que le royaume de France ne doit pas tomber en quenouille, afin que le sceptre ne soit pas ôté à cette nation belliqueuse, et qu'elle ne soit jamais soumise ny aux étrangers ny aux femmes, puisque le Schilo temporal ou Héros, que les peuples suivront, en doit sortir (Не говоря уже о других местах, возьмем самое ясное, где Иисус Христос говорит: «Полевые лилии не вянут»). Без сомнения, это означает, что французское королевство не должно переходить в руки, когда-либо державшие веретено, чтобы эта воинственная нация не была лишена скипетра и чтобы она никогда не

Призвание короля французского доказывается еще тем, что Господь очевидно помогает ему во всех его предприятиях. Сколько раз король своим безрассудством вызывал против себя всю Европу, в одно время папу и протестантов, императора и султана, и всякий раз он успешно выходил из борьбы. То, что называют счастьем, — не что иное, как воля Божественного провидения. Все правила политики несостоятельны в отношении к нему, ибо мудрость мира сего есть безумие пред Господом.

Поэтому все государи земли обязаны преклониться пред ним, признать его судьей в своих несогласиях и предоставить ему распоряжение делами христианского мира, ибо все, кто противится ему, восстают против воли Божией. Правда, некоторых может пугать судьба мессинцев, которые предалась Франции, но потом были покинуты с такой поспешностью, что сделались жертвой самого жестокого мщения испанцев; но ведь всякая великая партия должна иметь своих мучеников.

Особенно же католики Германии должны признать Людовика своим *избавителем*, ибо известно, что войны Франции всегда имели в виду интересы религии, а не приращение страны. Всем известно, что Людовик начал войну с Голландией только для того, чтобы отстоять права епископов Кёльнского и Лютихского; хотя эти епископы более всех пострадали от этой войны, но ведь то было против желания короля, для общего блага. Мне возразят, что Людовик оказывал помощь венгерским мятежникам-протестантам, хотя он знал, что это принесет пользу только Турции, и что Франция постоянно поддерживала германских протестантов. Но этот временный ущерб церкви необходим для будущего ее торжества. Французский король для того только желает уничтожить Австрию и принести ее в жертву туркам, чтобы сделаться господином Европы и упрочить тогда торжество христианской церкви.

Он скоро достигнет своей цели, ибо во всех странах у него есть многушественные союзники. В Германии все низшее католическое духовенство предано Франции, в Италии французы имеют на своей стороне всех женщин, которые ожидают от них избавления от тирании своих мужей. Недаром же французский уполномоченный, между прочими тяжелыми условиями мира, потребовал от генуэзцев, чтобы впредь женщины этой страны пользовались французской свободой и чтобы им было позволено свободно принимать у себя французов¹.

была поработана ни чужеземцами, ни женщинами, коль скоро из нее должен произойти новый герой, светский мессия (*фр., лат.*). — *Прим. пер.*)

¹ Die Werke von Leibniz / Ed. O. Klopp. V. P. 294: Je crois bien, que les Italiens pourront faire quelque petit effort, avant de se rendre, et qu'ils combattront un peu, non *pro aris et focis*, *sed pro lectulis*, crainte des cornes, que les Français leur préparent, avec lesquels ils savent bien, que leur femmes conspirent déjà secrètement... (Думаю, что итальянцы могут оказать некоторое сопротивление, прежде чем подчиниться, и какое-то время будут драться — *не за очаги и жертвенники, а за постели*, опасаясь рогов, которые им могут наставить французы, — поскольку хорошо знают, что жены их уже тайно с теми сговариваются (*лат., фр.*). — *Прим. пер.*).

Затем автор обращается к французской партии в Германии и так называемым галло-грекам и иронически оправдывает их образ мыслей.

Самые лучшие политики согласны в том, что Германская империя — такое чудовищное и расстроенное государство, что ей необходим неограниченный властитель, который мог бы восстановить в ней порядок. И что такое германская свобода, как не свобода лягушек, которые кричат и прыгают туда и сюда и которым необходим журавль, ибо этот чурбан (император), который, падая, наделал столько шума, перестал быть для них страшным.

Представив мрачную картину положения, в котором будет находиться Германия под властью французов, Лейбниц продолжает:

Но такие мысли суть искушения демона, который мучит меня иногда. В этих случаях я возношусь душой к небу. Ведь известно, что праведные подвержены искушениям, и то, что мы принимаем за бедствие, есть настоящее счастье. Итак, вы будете блаженны пред Господом, о мои немцы, если французы сделают вас несчастными пред миром; ибо вы охотнее пойдете на небо, оставляя без сожаления эту юдоль печали. Идите же под иго Франции и спешите заслужить рай вашим смирением. Если вы утратите вашу свободу, вы утешитесь при мысли, что вы принесли ее в жертву царству Христову, ибо вы ускорите этим победу французского короля над еретиками и магометанами.

Затем автор представляет обзор эгоистической и коварной французской политики со времени Ришелье, которая старается повсюду возбудить раздор — в Германии между князьями и императором, в Англии между королем и народом — и которая дошла до последних пределов наглости в насильственных и произвольных действиях своих аннексационных комиссий. Все эти действия невозможно оправдать положениями обыкновенного права; они основываются на том, что право французского короля стоит выше всякого закона и всяких обязательств.

Но так как толпа не знает этого прекрасного изобретения, то она по своему неразумию негодует на французского короля; она указывает на поля, обогранные христианской кровью, для того чтобы удовлетворить честолюбию одной нации, вечной нарушительницы общего спокойствия; она вспоминает о том, сколько тысяч людей погибло от меча, от голода и разорения, для того только, чтобы можно было на воротах Парижа начертать золотыми буквами имя Людовика Великого. От Франции зависит, говорит толпа, дать Европе мир и благоденствие. Какое преступление может быть выше того, как быть виновником всех бедствий христианского мира, столько крови, невинно пролитой, столько злодеяний и проклятий, столько стонов в минуту смерти и столько слез, пролитых вдовами и сиротами. Особенно громко начинают кричать эти

безрассудные теперь, когда 200 тысяч христиан погибло от турецкого меча или уведено в рабство, которое хуже чем смерть, ибо это не только рабство плоти, но и порабощение души; когда с минуты на минуту ожидается сдача Вены и когда советники короля настаивают, чтобы он воспользовался отчаянным положением Австрии и довершил гибель Германии. Вот что говорят эти безумцы, которые осмеливаются осуждать действия самого лучшего и великого из королей, не зная его святых намерений. Если бы они могли взглянуть внутрь его души, они бы прекратили свое злословие. Этот великий государь все предвидел; ему известны бедствия, которые он допускает; он сам стонет, когда думает о гибели стольких тысяч душ. Но что же делать? Как может он противиться своему высокому призванию? Он знает, что только огнем и мечом, как он это делает, можно уврачевать недуги христианского мира; всякий другой способ доставит только временное облегчение; зараза в теле может быть уничтожена только жестокими средствами. Нужно истребить самый корень наших бедствий. Поэтому ему необходимо следовать указаниям Господа, который призвал его для коренного исправления порочного христианского мира; ему необходимо разорить Австрию, которая противится этому, ибо пока существует это государство, соединение христиан под одним вождем и обращение еретиков будет невозможным.

Печальное состояние, в котором находилось политическое развитие немецкого народа во время Лейбница, характеризуется тем, что он издал свою филиппику против Людовика XIV на двух языках, на латинском и на французском, но не издал ее на родном языке, на котором она могла сделаться доступной большинству его соотечественников. Через некоторое время, правда, вышел немецкий перевод ее с патриотическим эпиграфом.

Auf, Teutscher, auf, dein Heil ruht fast auf schlechtem Fuss
Auf, Teutscher, lies, bedenck, und mach' den rechten Schluss*.

Но перевод этот был сделан не Лейбницем и полон ошибок. Лейбниц хотел подействовать на общественное мнение Европы; он имел в виду двор и образованных людей всех стран, с этой целью он выбрал французский и латинский языки; немецкое же издание казалось ему ненужным.

Людовик XIV не решился, однако, воспользоваться опасным положением Германии. Открытым союзом с турками он боялся вооружить против себя папу и католическую партию; притом он надеялся, что турки одни справятся с Австрией и что немцы в отчаянии сами прибегут под его защиту. Неожиданное спасение Вены разрушило все его расчеты. Известие о победе немцев было таким

* Немец, воспрянь, благополучие твое под угрозой; думай, читай и прими правильное решение (нем.). — Прим. пер.

ударом для Франции, что тамошние газеты долго молчали о ней и наконец объявили, что Вена спаслась не вследствие побед, а вследствие панического страха, напавшего на турок при известии о приближении Яна Собесского; министры же Людовика не решились прямо сообщить ему это известие, и наконец узнав его, он, как рассказывает Пуфендорф, заперся в своей комнате под предлогом болезни и три дня не выходил из нее.

В то самое время, когда турки стояли около Вены, послы Людовика предложили Регенсбургскому сейму заключить с Францией 30-летнее перемирие на основании *status quo*, т. е. оставив в ее руках Страсбург и все остальные захваченные ею области. Общественное мнение в Германии было сильно взволновано вопросом, следует ли принять это предложение и, другими словами, уступить Франции без сопротивления все, что она произвольно взяла себе, или объявить ей войну. Обстоятельства, для того чтобы начать войну, были чрезвычайно неблагоприятны. Правда, Испания, оскорбленная тем, что французские войска вступили в Бельгию, заняли города Куртрэ и Диксмуйден и осадили Люксембург, была готова начать войну. Неутомимый соперник Людовика Вильгельм Оранский, опасаясь за Голландию, заключил оборонительный союз, для поддержания Нимвегенского мира, с шведским королем Карлом XI, которого Франция оскорбила тем, что заняла его родовое княжество Цвейбрюкенское. Но у Людовика были могущественные союзники в самой Германии: Пруссия и епископы Кёльнский и Мюнстерский, и в то же самое время турки связывали руки императору.

Несмотря на свое патриотическое одушевление, Лейбниц считал неблагоприятным начать войну. Он изложил свое мнение в обстоятельной записке «*Consultation touchant la guerre ou l'accommodement avec la France*»¹. Это сочинение заслуживает внимание всех, кто изучает историю XVII в., вследствие необыкновенной ясности, с которой изложено в нем политическое состояние Европы в 1680-х годах. Мы не станем долго останавливаться на нем, потому что не знаем, было оно запиской, поданной герцогу и его министрам (так называемая *Staatschrift*), или же Лейбниц набросал его сам для себя. Он говорит, что все заставляет Германию взяться за оружие: чувство права, честь и собственный интерес. «Если немецкие князья равнодушно снесут оскорбление, нанесенное их отечеству Францией, они совершенно погубят свою репутацию:

¹ Die Werke von Leibniz / Ed. O. Klopp. V. P. 260; *Foucher de Careil. Leibniz...* III. P. 239.

в свете будут говорить о них с презрением, история покроет их имя позором, а потомство будет вспоминать о них с проклятиями; они заклеят вечным пятном имя немца, если рабство их отечества будет приписано недостатку мужества у них».

При этом Лейбниц говорит с высшей похвалой о Вильгельме Оранском. «Если бы этот государь захотел подчиниться видам Франции, он мог бы пользоваться покоем и обеспеченным величием. Он приобрел бы любовь своего народа, если бы потворствовал его наклонностям к миру и к торговле. Но он пренебрегает всеми выгодами, для того чтобы пристать к правой, но слабой стороне, хотя вследствие этого его положение становится нетвердо и опасно, а политика его так противна симпатиям народа, что нужно много труда и умения, чтобы вести его в этом направлении; и все это он делает только ради славы, что он исполнял свою обязанность, сопротивляясь всеобщей испорченности (*corruption*)».

Но выше всех этих соображений стоит необходимость сохранять мир. Для подтверждения этого Лейбниц представляет картину политического состояния Европы, вычисляет силы обеих партий и приходит к выводу, что война против Франции будет пагубна для Германии. «Положительно ясно, — говорит он, — что без чуда, на которое трудно рассчитывать (*un coup du ciel, dont on n'a point de promesse*), невозможно побороть Францию, так хорошо приготовленную, иначе как нападая на нее с превосходными силами».

Лейбниц предсказывает положение Германии в случае войны, и оно совершенно соответствует положению ее во времена Наполеона и Рейнского союза. Франция, если будет умеренна, сделает Рейн своей границей, а остальную Германию разделит между несколькими преданными ей царьками (*roitelets*). Властвуя над Германией, Франция начнет утверждать свое владычество над Италией и Испанией. «Взяв Рейн, она скажет, насмехаясь над нами, что он ей нужен для того, чтобы обеспечить себя от наших нападений». Характерно для политического состояния тогдашней Германии то, что Лейбниц говорит по поводу Рейна. «На уступку левого берега Рейна в Германии согласятся тем легче, что там находятся области только трех епископов, о которых никто не станет жалеть, и одного светского курфюрста, у которого нет детей». Мы видим из этого, что даже там, где был затронут патриотизм, на первом плане всегда стояли интересы князей и династий, об интересах же нации не было речи. Вследствие этого Лейбниц советует принять перемирие, во что бы то ни стало умерить горячность Вильгельма Оранского и выждать более удобного времени для войны. Как хо-

рошо Лейбниц понимал положение дел, видно из его советов и предсказаний. «Не следует, — говорит он, — спорить теперь с Францией о границах; несколько клочков земли не изменят дела; пусть она даже продолжает свои присоединения, тем скорее восстановит она всех против себя. Нужно только ждать, пока окончится Турецкая война и пока совершится поворот в политике Пруссии. Курфюрст Бранденбургский теперь еще раздражен за то, что его так неблагоразумно оставили во время Нимвегенского мира; но в сущности он чувствителен к бедствиям отечества, и у него патриотическое сердце (*il a le coeur teutonique*). Если мы с помощью этого перемирия доставим себе спокойствие в течение нескольких лет, я считаю Европу спасенной. Следует только пользоваться этим временем, чтобы приготовить себя к войне, и необходимо, чтобы конференция в Гааге привела к твердому союзу, способному дать торжество правому делу».

Лейбниц следил постоянно с самым живым интересом не только за политическими событиями своего времени, но и за политической литературой. От его внимания не ускользало ни одно сколько-нибудь важное сочинение, касавшееся современных вопросов, а таких сочинений в то время было гораздо больше, чем кажется. Он часто в своих письмах высказывает свое мнение о прочтенных им книгах или посвящает им отдельные критические разборы. Один из таких разборов был написан им по поводу вышедшей в Германии книги «*Nouveaux intérêts des princes de l'Europe, où l'on traite des maximes, qu'ils doivent observer pour se maintenir dans leurs états et pour empêcher, qu'il ne se forme une monarchie universelle*»*.

Лейбниц опровергает ошибки ее автора, который критикует в своей книге политику и государственных людей всех современных европейских государств и дает им советы. При этом Лейбниц делает много интересных замечаний по поводу различных современных событий и лиц. Мы приведем в пример такую характеристику Карла II Английского, которая может целиком войти в историю. «Когда автор говорит, что покойный английский король был государь не слишком умный (*d'un esprit de médiocre étendue*), он доказывает, что он мало знаком с истиной; это был один из самых пронизательных и обширных умов (*des plus universels*) на свете. Можно даже сказать, что он знал слишком много и что он слишком увлекался во всем блестящей стороной и пренебрегал основным

* «Трактат о новых интересах европейских государей, где излагаются принципы, которые они должны соблюдать, чтобы удержаться в своих государствах и не допустить образования универсальной монархии» (*фр.*). — *Прим. пер.*

(son génie le faisait donner plustost dans le brillant et se déguster du solide). Он смотрел на дела, как на тяжкое рабство, и слишком рассуждая (moralisant) над тщетой всего мирского, предавался своим удовольствиям».

Но эти занятия политикой имели для Лейбница совершенно иной смысл, чем для обыкновенных людей. Он был в политике всегда юристом и философом. Он смотрел с пренебрежением на дюжинных политиков, которые придают такое значение своей пустой деятельности и которые пользуются часто таким незаслуженным успехом.

Наш автор, — говорит Лейбниц, — рассуждая на свой лад о ловкой политике Франции и об ошибках всех остальных, восклицает, что нет ничего лучше политики и что о преимуществах политики (sa beauté) можно судить лишь по великим успехам, к которым она приводит. Что касается меня, то я иного мнения, и я, скорее, разделяю мнение одного опытного человека, который сказал, что политика, т. е. обыкновенная (la vulgaire), есть самая пустая (vaine) из всех наук, по крайней мере, она самая легкая в том виде, в каком она обыкновенно проявляется. Как часто люди с посредственными способностями вдруг становятся дипломатами (s'érigent bientôt en négociateurs), когда им дают какое-нибудь поручение, и если случай или могущество их государя доставят им успех, они тотчас слынут великими министрами. Я готов признать, что бывают министры с великими заслугами и что если бы наука руководить людьми была более известна и лучше исследована, то давала бы важные результаты; но я вижу мало людей, которые знали бы ее или применяли ее к делу. Те, кто имеет успех, достигают его с помощью своих природных способностей или посредством рутины, и часто самое сцепление дел показывает, как нужно действовать; так что заслуга тех невелика, кто сделал то, чего не мог не сделать, не подвергаясь осуждению.

Впрочем, не всегда можно по успеху судить о достоинстве политики. Посредственное благоразумие в связи с большим могуществом всегда восторгается над лучшими расчетами самого великого политика, но бессильного. А между тем наши мудрецы (nos raisonneurs) и наши историки подобны астрологам, которые исследуют гороскопом жизнь известного им человека и которые, конечно, всегда прочтут эту жизнь в звездах. Эти мудрецы всегда находят, что тот, кто был самым счастливым, был самым мудрым, все предвидел и все устроил, ибо они приводят намерения в согласие с событиями.

Лейбниц был совершенно прав в своем пренебрежении к заурядным политикам, как к действующим, или дипломатам, так и к пишущим, или журналистам. Только та политика имеет смысл и значение, которая основана на какой-нибудь нравственной идее. Политика Лейбница построена на идее *права*; этой идеей проникнуты все его политические сочинения, ее он постоянно выставляет

как щит против притязаний и насилий Людовика XIV. Против этих насилий он взывает к суду общественного мнения в Европе, к совести христианского мира, ибо, по его мнению, все христианские государства составляют одно нравственное целое и в своих отношениях должны руководствоваться положениями международного права.

В XIX в. вошло как-то в моду иронически отзываться о международном праве, сомневаться в его существовании, утверждать, что положения этого права придуманы для того только, чтобы их вечно нарушали. Эти насмешки не лишены известного смысла; они имеют свое основание в том, что международное право находится в переходном состоянии и вследствие этого кажется, что положения его постоянно нарушаются. Нравственные и юридические законы не теряют своего значения, как бы часто их ни нарушали; но иногда уменьшается вера в них, когда затемняется их смысл, вследствие этого самое нарушение их вызывает к себе сочувствие. Вот это и случилось с международным правом. До последнего времени это право, хотя и называлось международным, но относилось исключительно к государствам. В XIX в. вследствие развития политической жизни интересы государств часто становились в противоречие с интересами народными, и тогда даже явные нарушения международного права были встречаемы с искренним сочувствием. Это сочувствие не должно повлечь за собой презрение к международному праву. Оно значит только, что политические убеждения во многом изменились и что согласно с этим должны измениться положения международного права. Оно должно принимать в расчет не только интересы государств, но и интересы народов, т. е. сделаться поистине международным.

В эпоху Лейбница речь шла не только о правах народов, но и о правах государств, о том, чтобы обеспечить за всеми государствами свободное самостоятельное развитие и помешать преобладанию одного над остальными — это была эпоха так называемого политического равновесия.

Самым опасным врагом этой свободы государств был Людовик XIV, честолюбие которого не знало пределов. Но Людовик встретил себе непреодолимую преграду в одном герое, который всю жизнь посвятил этой борьбе. Этот герой был Вильгельм Оранский, который в XVII в. отстаивал свободу Европы. Рядом с дипломатом и полководцем — с принцем Оранским — мы должны поставить философа Лейбница, чтобы пополнить картину XVII в. Неумолимо защищал он в области идей право, справедливость и интересы цивилизации против Людовика XIV и обвинял пред

целым миром его пренебрежение к трактатам и договорам, его надменность со слабыми, его бесчеловечную мстительность, его эгоистическую, грубую политику. Оттого политические сочинения Лейбница и имеют значение для нас, как отголосок общественной совести в XVII в., как протест против торжества грубой силы и политического безверия.

Но мы на время оставим политику и обратимся к другим сторонам деятельности Лейбница, прямо относящимся к его положению при Ганноверском дворе. Он старался быть так же полезен Эрнсту-Августу, как прежде его брату Иоганну-Фридриху, и не переставал представлять ему записки и проекты о различных улучшениях и нововведениях. Со многими из них мы уже знакомы из рассказа об отношениях Лейбница к герцогу Иоганну-Фридриху. Лейбниц советует Эрнсту-Августу позаботиться о расширении и наполнении библиотеки, купить кабинет эстампов и рисунков, продающихся в Париже, устроить кунсткамеру, или музей, который может принести большую пользу и в практическом отношении, так как послужит к лучшему изучению минералов и руд Гарца, устроить лабораторию и пригласить туда не мнимых химиков и знаменитых фокусников (*grosse vermeinte Chymicos und Arcanisten*), а несколько простых и опытных лаборантов, деятельность которых гораздо плодотворнее. Он советует устроить герцогскую типографию, в которой могли бы печататься сборники законов и постановлений, формуляры для облегчения канцелярской работы, исторические памятники и описания достопримечательностей страны и различные другие полезные книги, от продажи которых можно было бы получать барыши и пополнять герцогскую библиотеку.

Мы снова встречаемся с планом Лейбница составить статистический альманах, т. е. подробное описание страны с точными сведениями о всех промыслах, доходах¹ и др. Он считает такой

¹ Die Werke von Leibniz. V. P. 18: Darin die Anzahl und Condition aller liegenden Güther und Gebäu, aller inwohner und deren Vermögens. Aller rohen waaren oder materialien, so im lande beruhen, deren orth, quantität und güthe; alle manufacturen oder sachen, so durch Kunst im Lande zu wege gebracht warden. Was man im lande an einem jeden orth ohngetähr consumiret, was führ wahren ins land gebracht, oder daraus verführet warden. Der Preis der wahren, womit sich ein jeder nehre, wie viel ein jeder durch seine arbeit verdiene und wie viel er arbeite. Roole oder liste derjenigen, so an fleiss und invention andere übertreffen und zu etwas sonderlich zu gebrauchen. Vergleichung der nahrung, mittel und macht des landes so gegenwärtig mit dem so an. 1618 und an. 1648 gewesen (С приведением числа и состояния всего недвижимого имущества и строений, всех жителей и их имения. Всего сырья и материалов, имеющихя в стране, их расположения, количества и добротности; всех мануфактур или приспособлений, запущенных в стране с помощью ис-

сборник необходимым для всякого государя и называет его государственным телескопом (*Staats-perspectiv*). Он по-прежнему советует учредить центральный архив или центральный статистический комитет, куда должны были бы поступать сведения из всех присутственных мест и от всех чиновников страны.

Лейбниц предлагает ввести в государстве обязательное страхование, устроить эмеритальную кассу, в пользу которой вычитается один процент из жалованья всех служащих, получают они его из казенных или общественных сумм. Если же кто оставляет службу, ему возвращают взнос; а если он умрет, то деньги с процентами выдаются вдове и детям. В эту кассу следует принимать взносы не только от служащих, но и от всякого гражданина. Он считает нужным устроить закладное место (*mont de piété*), где бедные люди могли бы получать деньги под залог своих вещей за умеренные проценты, никогда не теряя права на залог. При этом он советует устроить адресную контору, через которую можно бы было узнать все, что покупается, продается, отдается внаймы и т. п., в целой стране, а также большие амбары, куда все фабриканты и ремесленники могли бы привозить свои произведения, — нечто вроде постоянной ремесленной выставки.

Проекты Лейбница имеют иногда несколько фантастический характер; так, он советует устроить большой рабочий дом (*General Werkhaus*), где всякий желающий тотчас может найти работу.

Лейбниц по-прежнему желает также сосредоточить в своих руках попечение о народном образовании, т. е. надзор за университетом, гимназиями и школами, управление архивами и библиотекой, наконец, цензуру всех новых книг¹.

куства. Того, что примерно потребляется в каждом населенном пункте, какие товары ввозятся в страну и вывозятся оттуда. Цены товаров, которыми пользуются люди, сколько каждый зарабатывает своим трудом и как много он трудится. Списка или перечня тех, кои прилежанием и изобретательностью превосходят других и тем заслуживают особого обращения. Сопоставления количеств пропитания, средств и могущества страны на сей день с 1618 и 1648 гг. (нем.). — *Прим. пер.*

¹ Ibid. P. 64: Dazu dann censura librorum billig gezogen werden könnte, damit nichts in E. D. Landen gedruckt werde, so nicht erstlich censiret werde, inmassen offtmahls allerhand ungereimte dinge herauskommen (Сюда же потом можно было бы присовокупить цензуру книг, чтобы в землях вашего высочества не печаталось ничего, что прежде не прошло бы цензуру, поскольку иначе в свет выходит много разного вздора (нем.). — *Прим. пер.*). Как видно, Лейбниц заботится здесь не столько о сочинениях против правительства и церкви, сколько о том, чтобы не печатались нелепости.

Лейбниц находит необходимым для правительства заботиться не только о народном образовании, но и о народном здравии.

«Я того мнения, — пишет он, — что юристов вообще слишком много, медиков же слишком мало, особенно если я вспомню, сколько людей хлопочет об одном процессе — судьи и помощники их, докладчики, заседатели, секретари, канцеляристы, адвокаты, поверенные, хотя иногда весь процесс из-за нескольких талеров. О здоровье же человека заботится всего один медик, да и тот часто только кое-как и мимоходом, так как он живет практикой и в один день осматривает столько больных, из которых каждый, может быть, требует несколько часов размышления. Притом же о процессе легче судить, чем о болезни, ибо можно справиться в актах и разобрать их, тело же человека недоступно. Кроме того, законы юридические точно описаны, законы же природы еще подлежат исследованию. Поэтому я часто удивляюсь ослеплению людей, которые так мало заботятся о своем благоденствии.

Поэтому он требует, чтобы правительство определило по всей стране достаточное число медиков с постоянным жалованием. Эти медики должны получать также плату от больных и, кроме того, особенные вознаграждения в случае удачного излечения.

Лейбниц говорил, что знаменитые медики губят больше людей, чем великие полководцы; но тем не менее он считал нужным как можно более содействовать развитию медицины посредством устройства больниц и посредством учреждения санитарного комитета, который служил бы центром частных наблюдений, следил за влиянием климатических условий, за эпидемиями, вел бы списки болезней, смертности и др.

Лейбниц придавал особенное значение диете; он считал возможной особенную диетическую медицину, т. е. излечение болезней посредством соответствующей пищи, ибо, говорил он, кухня и погреб имеют большую важность для здоровья, чем аптека и лаборатория.

Лейбниц в XVII в. одним из первых стал применять математику и теорию вероятностей к статистике, особенно к вычислению средней жизни и смертности между людьми. Мы отсылаем читателя к его «*Essay de quelques raisonnements nouveaux sur la vie humaine*»* и др. Там же он выставляет около 50 пунктов, относительно которых следует собирать статистические сведения, и дает несколько советов, полезных для сельского хозяйства и для государства, например о посеве клевера, о том, чтобы по деревьям сажать

* Некоторые новые размышления о человеческой жизни (фр.). — Прим. пер.

деревья, чтобы выставлять ящики, в которые всякий мог бы опускать советы и замечания, и др.

В век Лейбница многочисленные изобретения и открытия в естественных науках вызвали особенное оживление общества. В этом оживлении приняло участие высшее общество и даже дворы, и все стали следить с самым живым интересом за новыми открытиями. К ожиданиям этим примешивалось большое суеверие, и поэтому в них было много фантастического. Постоянно ходили слухи о новых необыкновенных открытиях, чаще всего алхимического свойства. Всякий старался наперебой перед другими овладеть новым открытием, надеясь с его помощью внезапно обогатиться. Этим настроением пользовались различные искатели приключений, искренние и обманщики, которые ездили из города в город, от одного двора к другому и старались выгодно продать свои тайны. Такие искусники появлялись нередко и в Ганновере. От Лейбница мы узнаем, что какой-то англичанин Бретридж предложил ганноверскому правительству продать секрет, с помощью которого можно было придать свинцу Гарца мягкость английского свинца и, кроме того, извлекать киноварь (cinabre) из шлаков свинца. Его пригласили в Ганновер, но опыты его оказались весьма неудачными; наконец он объявил, что может произвести второй опыт только в Амстердаме, а для первого потребовал 10 тысяч фунтов свинца. Тогда герцог велел его отпустить и дать ему на дорогу 100 талеров, но англичанин подал в Амстердаме жалобу на тамошнего ганноверского посланника, как будто тот обманул его ложными обещаниями. Какие-то два итальянца предлагали герцогу за 100 талеров «дымящуюся воду» (eau fumante), употребление которой нам неизвестно, но от которой Лейбниц ожидал больших результатов и поэтому советовал герцогу не скупиться и приобрести секрет.

В то же время кавалерийский капитан Фирорт предлагал какой-то коричневый порошок, с помощью которого можно было свинцу придавать цвет золота.

Признаюсь, — пишет Лейбниц герцогу, — что я в этом отношении принадлежу к числу самых неверующих. Но курфюрст Майнцский Иоганн-Филипп мне сам рассказывал, что подобный опыт был сделан в его присутствии. Опыт был произведен над ртутью, которая превратилась в золото, вместе с несколькими серебряными медалями, которые сам курфюрст бросил в огонь во время опыта.

Я знаю, — заключает Лейбниц свое письмо, — что до известной степени позорно говорить об алхимии. Поэтому я решаюсь сообщить об этом только вам одному.

Последние слова не совсем ясны. Хотел Лейбниц этими алхимическими опытами только поддерживать вообще интерес герцога к химии или ожидал от них какой-нибудь пользы для науки, хотя и не в том смысле, как большинство?

Из подобных изобретений герцогу, как кажется, особенно понравилась машина одного англичанина, в которой можно было варить говядину так, что кости становились мягкими и годными для еды. Герцог любил великолепии и пиршества, но в то же время был очень экономен в хозяйстве и старался сократить расходы своего двора. Лейбниц по этому поводу написал шутливую *петицию* собакам, которые жалуются, что их хотят лишить векового права на кости, остающиеся от обеда¹.

¹ Nous sousignés dogues, chiens de St. Hubert, lévriers, limiers, mâtins, chiens de Boulogne et autres chiens grands et petits, prions humblement Vostre Grandeur de vouloir entendre et faire entendre nos raisons sur un grief d'importance. V. Gr. se souviendra sans doute, ayant tant de lecture et de belles connaissances, que le grand Diogène surnommé le cynique ou canin à cause de l'affection, qu'il nous portait, avoit coutume de dire hautement, qu'il y avoit plus de différence quelques fois de chien à chien, qu'il y en a entre certains hommes et quelques bestes (Подписались мы, бульдоги, овчарки, борзые, ищейки, сторожевые псы, болонки и другие собаки, большие и малые, что смиренно просим ваше величество пожелать выслушать нас, а потом и выслушать наши доводы о великом ущербе. Будучи таким начитанным и имея замечательные познания, ваше величество несомненно припомнит, что великий Диоген, прозванный киническим, сиречь собачьим, в силу особой любви, которую к нам питал, часто во всеуслышание заявлял, что между отдельными собаками иногда бывает больше различий, чем между иными людьми и зверями... (фр.). — Прим. пер.). Несмотря, однако, на это различие, весь род собачий единодушно собрался, чтобы принести свою жалобу. Ибо хотя они этому не верят и считают это пустыми мечтами, но полагают, что какой-нибудь злой гений, враг собачьего рода столько же, сколь и рода человеческого, открыл это изобретение для того, чтобы нарушить доброе согласие, искони господствовавшее между людьми и собаками, подобно тому как другой демон внушил монаху тайну приготовления пороха.

Гомер и самые древние писатели говорили в ясных выражениях о праве собак на кости, и Священное Писание, говоря о том, что не следует отнимать хлеб у детей и давать его собакам, не упоминает о костях, ибо известно, что эти кости принадлежат собакам со времен потопа, т. е. с тех пор, как люди начали питаться мясом животных. Собаки грозят мезтью Великого Сириуса, или Небесного Пса, который заслужил место между звездами и который «удвоит июльские жары». Кроме того, эта новая пища будет иметь дурное влияние на людей и сделает их всех циничными, так как они уже и без того склонны к бесстыдству.

Собаки грозят, что перестанут служить человеку; борзые и гончие перестанут охотиться, сторожевые собаки и овчарки — беречь дома и стада. Et nous petits chiens de Boulogne nous abandonnerons nos maistresses aux amans, qui les poursuivent, et nous n'aboyerons plus, quelque chose qu'ils puissent entreprendre (Мы же, маленькие болонки, оставим наших хозяек домогающимся их любов-

Из всех трудов и задач, за исполнение которых хотел взяться Лейбниц, герцог остановился на его намерении написать историю Вельфского дома. По желанию герцога Лейбниц все более и более сосредоточивался на этом труде, особенно с тех пор, как он оставил свои попытки улучшить рудокопство в Гарце.

Но писать историю в то время было не так легко. Историк должен был прежде, подобно естествоиспытателю, пуститься в путь для отыскания необходимого материала. Среди лишений всякого рода, сопряженных с путешествиями того времени, ему приходилось по монастырям и библиотекам бороться с недоверием и грубым невежеством, чтобы иметь возможность в старинных, неразборчивых рукописях, иногда тщетно, искать материал.

Осенью 1687 г. Лейбниц выехал из Ганновера. Ближайшей целью его путешествия была Бавария, родовое владение вельфских герцогов, где лежали монастыри, ими основанные, в которых можно было получить верные сведения о их древнейшей истории. Но по мере того как увеличивался материал Лейбница, он убеждался в необходимости продолжать свое путешествие все дальше и дальше. Много труда стоило ему испросить у своего герцога и его министров согласие на постепенное продолжение путешествия. Но он преодолел эти трудности — ему удалось побывать в Вене, перебраться в Италию и даже доехать до Рима; только в начале 1690 г. он возвратился в Ганновер.

Во время этого путешествия особенно обнаруживается многосторонность Лейбница. Хотя ближайшую цель его составляют исторические исследования, он не пропускает ничего без внимания: навещает на пути всех замечательных людей и старается узнать от них что-нибудь новое, посещает фабрики и рудники, изучает промыслы до мельчайших подробностей, делает при этом важные наблюдения и записывает все замечательное.

В Марбурге он посещает картезианца Вальдшмидта, медика и естествоиспытателя, который сообщает ему свои медицинские и физиологические открытия. В Рейнфельсе он навещает тамошнего ландграфа, с которым он уже давно в переписке. Ландграф дает ему теплое рекомендательное письмо к новому курфюрсту Пфальцскому из Нейбургской линии, для которого Лейбниц в молодости написал свой «Образчик политического рассуждения», когда тот искал польской короны. Ландграф просит курфюрста дать Лейбницу письмо к императору и доставить место в Вене.

никам и больше не станем лаять, что бы те ни захотели с ними предпринять (фр.). — *Прим. пер.*)

В своем письме он называет Лейбница «княжеским советником из Верхней Саксонии, который сделался известен миру своими сочинениями и который сам сообщит дальнейшие подробности»¹.

Во Франкфурте Лейбниц лично познакомился с ориенталистом Лудольфом, который, как и он, всю жизнь мечтал об изгнании турок из Египта посредством союза христианских государей с абиссинским Негушем. Тут же он взял себе в секретари одного молодого ученого — Гейна, — который делал ему извлечения из рукописей.

В Зульцбахе Лейбниц посетил известного в то время каббалиста барона Кнорра фон Розенрота, который беседовал с ним о свидетельствах каббалистических писателей в пользу христианства. В своих письмах Лейбниц с большим уважением говорит о Кнорре. Одному из знакомых, которого это удивило, он замечает: «Таков я, что всегда отыскиваю и замечаю то, что могу похвалить, вместо того, что заслуживает порицания».

О затруднениях, которые встречал Лейбниц в своем труде вследствие неразработанности исторического материала, можно судить по следующему. Одним из самых существенных вопросов для Лейбница было происхождение Вельфского дома. Известно было, что Вельфы происходят от итальянских эстов. Но один из самых ученых компиляторов-историков XVI в., Авентин, называл их предков не Эстенскими, а Астенскими (Astenses) маркграфами. Его примеру последовали некоторые другие историки. Если это было верно, то герцоги Брауншвейгские должны были производить свой род не от Тосканских Эсте, а от Пьемонтских маркграфов Асти. Лейбницу необходимо было узнать, на чем было основано мнение Авентина. Рукописи этого ученого находились в Мюнхенской библиотеке. Лейбницу удалось через тамошнего капельмейстера, итальянца Стефани, который был прежде в Ганновере, выхлопотать себе у курфюрста позволение заниматься в библиотеке и брать оттуда рукописи к себе на дом. Но баварские министры нашли, что не следует перед иностранцем таким образом разоблачать государственные тайны, и Лейбницу был воспрещен вход в библиотеку. Однако ему удалось уже просмотреть рукописи Авентина. Они были на немецком языке; рассказ автора

¹ Der bei habenden Meritis ohne Pretension oder Importunität, und ein ehrlicher Mann sei, so viam regiam juris et aequitatis denen Neben-Respecten vorziehe (Который при имеющихся заслугах остается человеком неприятельным, любезным и к тому же весьма порядочным, предпочитая, таким образом, царскую дорогу закона и справедливости всему побочному и второстепенному (нем., лат.). — Прим. пер.).

был проще, чем в латинском издании его истории, и он часто приводил источники. Лейбниц заметил, что он больше всего ссылается на старинную рукопись одного Аугсбургского монастыря. Пока министры рассуждали, следует ли его допускать в архивы, он съездил в Аугсбург, отыскал рукопись и нашел, что в ней ясно сказано «Эстенские». Тогда он убедился, что Авентин писал «Астенские» из ложной аффектации латинизма (*par une fausse affectation du latinisme*), как он это часто делал.

Лейбниц удивлялся невежеству, которое он встречал в Баварии в сравнении с прежним временем. «Прежде (т. е. в XVI в.), — говорит он, — в Баварии были лучшие немецкие историки¹; теперь же я не нашел ни одного, который имел бы особенные сведения». Различие между умственным развитием северной, протестантской, и южной, католической, Германии уже успело обнаружиться. Отсюда происходила и недоверчивость баварцев, на которую жалуется Лейбниц².

Дневник Лейбница и письма, которые он отправлял из Мюнхена к ганноверским министрам, по своему содержанию чрезвычайно интересны и разнообразны. Он сообщает им придворные и политические новости, описывает различные технические приемы и нововведения, которые он считает полезным ввести в Ганновере, сообщает результаты своих многосторонних наблюдений. Так, он пишет, что на баварских горных заводах не бросают, как в Ганновере, шлаки свинцовой руды, оставшиеся в воде после осадка свинца, но продают горшечникам, которые используют их для глазирования посуды. Лейбниц сообщает различные, более выгодные, способы для добывания серебра из свинцовой руды и золота из серебряной руды. Он пишет, что вследствие новой монетной конвенции в южной Германии ганноверскому правительству необходимо понизить на $\frac{1}{65}$ долю чеканов своей серебряной монеты, иначе оно будет терпеть ежегодно убыток в 6 тысяч талеров.

¹ Vor Alters hat Bayern die trefflichsten Historicos gehabt, so Teutschland gesehen.

² J'ai trouvé les gens de ce pays cy scrupuleux au dernier point sur la moindre chose. Ce qui n'arrive à mon avis, que de ce qu'ils ne sont pas assez versés en ces matières pour distinguer, ce qui est indifférent et communicable, de ce qui peut faire naître du préjudice (Населяющие эту страну люди кажутся мне чересчур скрупулезными, доходящими до последней подробности в самых незначительных вопросах. На мой взгляд, им просто не хватает умения разбираться в этих вещах и отличать то малозначительное, о чем можно договориться, от того, что может повлечь за собой немалый вред (*фр.*). — *Прим. пер.*).

Одно из новых изобретений, о которых пишет Лейбниц, имеет современный интерес. Он сообщает, что баварское правительство ведет переговоры с одним аугсбургским оружейником, который изобрел ружье, заряжающееся с казенной части 7 или 8 пулями; но Лейбниц полагает, что оно может разрядиться сзади, тогда как такое же ружье, которое он видел в Париже, было совершенно безопасно.

Летом 1688 г. Лейбниц прибыл в Вену. Хотя он не имел дипломатического поручения, ему удалось в Вене оказать своему правительству несколько услуг. Вследствие брака, заключенного в 1685 г. между Софьей-Шарлоттой и наследным принцем Прусским, произошло сближение между дворами Прусским и Ганноверским. Так как Пруссия была в то время в союзе с Францией и в оппозиции к императору, то этот союз имел последствием сближение Ганновера с Францией и охлаждение к Австрии.

С помощью своих обширных связей Лейбниц скоро познакомился с министрами императора: со Стратманом, который в то время занимал должность канцлера, с вице-канцлером графом Кёнигсеком и с графом Виндишгрецом, который впоследствии стал президентом рейхсгофрата. В разговорах с ними он оправдывал политику Ганновера, доказывал пользу, которую она принесла Германии тем, что вследствие сближения с Францией обуздала честолюбие Дании, союзницы Франции, и спасла Гамбург.

В это самое время Ганновер изъявлял свои притязания на Остфрисляндию, которая, по прекращении тамошней династической линии, должна была отойти к Пруссии. Эти притязания основывались на том, что в Фрисландии некогда управляли предки Ганноверских герцогов по женской линии. Так как фрисландские историки, Уббо, Эмми и другие, об этом ничего не упоминали, то министры императора сомневались в справедливости этих притязаний, и ганноверский агент Веселов напрасно писал домой и требовал, чтобы ему сообщили исторические доказательства. Приезд Лейбница решил все сомнения. Он указал Веселову исторические грамоты и летописные места, доказывавшие права Ганноверских герцогов.

Но в Вене, тогдашней столице Германской империи, Лейбниц не мог исключительно заниматься местными интересами Ганновера; его внимание скоро было привлечено общими интересами его отечества.

В первый раз австрийское оружие одерживало блестящие победы над турками. Битва при Могаче истребила турецкие силы; Белград был взят, и первое турецкое посольство явилось в Вену

просить мира. В Вене уже рассуждали о том, заключить выгодный мир или продолжить войну до изгнания турок из Европы. От Лейбница мы узнаем, что тогда в Вене носились с проектом предложить Франции раздел Оттоманской империи¹. Но Франция решила поддержать Турецкую империю. Людовик боялся, что победы императора слишком ослабят Турцию, дадут ему слишком большой перевес на востоке Европы и возможность отнять у Франции несправедливо захваченные ею области. Он поспешил прийти на помощь Турции и в сентябре 1688 г. объявил войну Империи, хотя прошло только 4 года с тех пор, как, по его настоянию, было заключено 20-летнее перемирие.

Манифест, которым он хотел оправдать себя, был исполнен ложными обвинениями. Он доказывал, что император спешил заключить вредный для христианства мир с турками, для того чтобы иметь возможность нарушить перемирие и напасть на Францию; что по настоянию императора папа не утвердил законного избрания Фюрстенберга (приверженца Франции) в архиепископы Кёльнские; что герцогиня Орлеанская несправедливо была лишена наследства, которое должно было ей достаться после смерти ее брата, бездетного курфюрста Пфальцского. Императорский манифест, изданный в ответ Людовику, был красноречивым опровержением этих обвинений. Гурауер первый приписал его Лейбницу, основываясь на сходстве мыслей между этим манифестом и письмами, которые в это время Лейбниц писал к своим друзьям; с тех пор это мнение вошло во все немецкие истории.

Но авторство Лейбница сделалось более чем сомнительным вследствие издания некоторых до того времени неизвестных его сочинений². Из писем его к австрийским министрам видно, что он тогда еще не пользовался такой известностью в Вене, чтобы к нему, иностранцу, проездом находящемуся в Вене, обратились за составлением такого важного государственного акта, как 20 лет спустя, когда ему действительно поручили написать манифест в пользу притязаний Карла на испанское наследство.

Сомнения усиливаются тем, что в декабре (два месяца после обнародования императорского манифеста) Лейбниц действительно представил министрам обширную критику французского манифеста и предложил напечатать ее в Голландии отдельной брошюрой. В письмах, с которыми он пересылает им свои «*Réflexions*

¹ Франция должна была, как говорит Лейбниц, получить Грецию, Фракию и часть Азии. Но из слов его не видно, действительно было сделано Франции такое предложение или это был только проект политических мечтателей.

² См.: Die Werke von Leibniz / Ed. O. Klopp. V. Введение.

sur la déclaration de la guerre, que la France a faite à l'Empire*, он ничего не упоминает о манифесте; напротив, из всего видно, что он представляет им свое сочинение как первый опыт его политического красноречия¹.

Лейбниц опровергает притязания французского короля и выставляет на вид безнравственность его политики со свойственной ему ясностью и силой. Но мы не станем останавливаться на этом сочинении, так как иначе нам пришлось бы слишком вдаваться в исторические подробности. Германия снова находилась в большой опасности. Императорские министры отклонили мирные предложения турок, и Германии приходилось в одно время вести две тяжелые войны. Французы, пользуясь неожиданностью нападения и тем, что все войска находились на восточной границе, быстро заняли весь левый берег Рейна и взяли крепости Трир, Бонн и Майнц. На Рейне с нетерпением ожидали прибытия императорских войск. «Что же делают господа австрийцы?» — писал барон Ботмар Лейбницу в Вену. Фёкьер² справедливо сказал о них: «Les Impériaux marchent toujours et n'arrivent jamais»**. Лейбниц сгорал от нетерпения при виде этой медленности и рутинности, с которой тратились попусту лучшие силы. «Гораздо выгоднее, — писал он, — стрелять из крупного оружия, которое скоро пробивает стену, чем даром истратить многие тысячи пудов пороха на мелкие выстрелы».

Лейбниц не упускал из внимания и тактику. В своих письмах, например, к ландграфу Эрнсту он высказывает свое мнение о недостатках современной тактики. Он полагает, что храбрость и мужество европейцев сильно упали со времен Крестовых походов, и приписывает это влиянию пороха. Особенно недоволен он немцами и падение воинского дела у них объясняет тем, что они слишком много учатся. Книгопечатание сделало учение легким; все хотят теперь учиться, но часто учение служит только уважительным

¹ Die Werke von Leibniz. V. P. 516: Volui vero experiri an de novissimis reipublicae negotiis homo in interiora non admissus posset aliquid non ineptum dicere (На самом деле мне хотелось испытать, может ли человек, не посвященный во внутренние интриги, сказать о новейших государственных делах что-либо не совсем вздорное (лат.). — Прим. пер.). Лейбниц оправдывается тем, что он, как историк, не может оставаться чуждым современной политике. Nam mihi historias cogitanti, et harum rerum cura aliqua esse debet (Ведь я изучаю историю, и потому не могу не интересоваться этими делами (лат.). — Прим. пер.).

² Фёкьер (Feuquières) — посол Людовика XIV при германском сейме.

* Размышления об объявлении войны, которую Франция вела с Империей (фр.). — Прим. пер.

** Императорские войска всегда на марше — и никогда не на подходе (фр.). — Прим. пер.

предлогом для лености. При том способе, каким обыкновенно учатся, нет ничего легче учения, ибо все дело в том, чтобы выучиться болтать методически (*à jaser avec méthode*). Во Франции считается позорным для молодого человека, если он не знаком с оружием и не принимал участия хотя бы в одном походе. В Германии же молодежь думает, что она сделала свое дело, если провела несколько лет в университете и истратила там довольно денег¹. Затем Лейбниц высказывает свое мнение, каким образом улучшить военное устройство; он считает нужным дать особенное развитие артиллерии и обратить большее внимание на штаб-офицеров, от которых всего более зависит годность войска. Теперь, в Вене, Лейбниц выступает с проектом всеобщего ополчения, которое он представляет императору. Он берет за основание устав всеобщего ополчения, составленный кардиналом Ришелье в 1636 г., когда испанский кардинал-инфант, управлявший Бельгией, со своим войском быстро двинулся на Париж. Занимаясь во время своего пребывания в Париже в тамошних архивах, Лейбниц нашел этот устав, заметил его важность и списал его, в надежде, что он ему пригодится в отечестве. Этим он, может быть, спас его от забвения; ибо о нем не упоминает ни один французский историк, и энергичные меры гениального кардинала оставались неизвестными до выхода в свет последнего тома сочинений Лейбница.

По этому уставу все дворяне и свободные от податей, не имеющие определенных занятий, должны были немедленно вооружиться и отправиться в Сен-Дени. Все мастера были обязаны отпустить своих рабочих, за исключением одного. Господа должны были представить в военную службу своих лакеев, под страхом денежного наказания для них и галер для слуг. Все, у кого есть карета, должны снарядить одного конного воина. Все цехи обязаны снарядить на войну известное число воинов. Третья часть окрестных жителей Парижа должна работать на укреплениях и т. д.

Как зорко Лейбниц следил за интересами империи и как он старался, где только можно, охранять эти интересы, доказывает одна историческая записка, составленная им в Вене о правах императора на франкфуртских евреев. Мы приводим ее потому, что она характеризует тогдaшнее время. В Средние века в Германии евреи составляли, как известно, собственность императоров, считались

¹ Leibniz und L. Ernst v. Hessen Rheinfels. Ein ungedr. Briefwechsel / Ed. Rommel. I. P. 353: Surtout en Allemagne cette folie de vouloir toujours faire estudier les enfans règne encore au grand préjudice du public... (И повсюду в Германии, к большому вреду для общества, все еще правит эта безумная страсть — заставлять детей учиться (*фр.*). — Прим. пер.).

«казенными крепостными» (Sammer-Knechte). В 1348 г. Карл IV заложил городу Франкфурту за 15 тысяч фунтов геллеров всех живущих там евреев, а в 1372 г. продал их, сохраняя за собой право выкупа. Когда Максимилиан при своем воцарении хотел наложить на франкфуртских евреев обычную подать (Krönungspfennig), магистр города воспротивился этому, ссылаясь на то, что евреи принадлежат исключительно городу. Между тем франкфуртские евреи все более и более богатели. Уже император Фердинанд грозил магистру, что он воспользуется своим правом выкупа. Когда взошел на престол Леопольд, Франкфуртский магистрат согласился собрать со своих евреев в пользу императора известную сумму, а во время Турецкой войны 1663 г. он снова заставил их заплатить 15 тысяч талеров. Когда возгорелась новая Турецкая война и императорские министры не знали, откуда достать денег, они вспомнили о евреях Франкфурта; городу было объявлено, что император требует с евреев «турецкую дань» (Türkensteuer) и в скором времени выкупит их. Но магистрату удалось, посредством разных происков и искажения исторических фактов, выхлопотать себе в 1685 г. указ, по которому император за 20 тысяч гульденов отказывался навсегда в пользу города от права выкупа.

Это пренебрежение к правам Империи заставило Лейбница подать записку, в которой он, на основании исторических документов и грамот, доказывает право императора и требует, чтобы тот указ, вынужденный несправедливым вымогательством, был отменен.

Лейбниц давно уже размышлял о торговых интересах Германии. Он советовал завести более тесные торговые сношения между Германией и Испанией¹ и привлечь в Германию испанскую торговлю льняными произведениями, которой завладела Франция. В прядильной промышленности, говорил он, заключается философский камень («*lapis philosophicus in re textoria*»). Он советовал также привлечь в Германию торговлю с Востоком с помощью герцога Тосканского и Генуи, которые более склонны к Австрии, чем к Франции. Лейбниц советовал уничтожить пошлины с отпускной торговли и взимать пошлины с привозных товаров за исключением сырых.

В торговле Лейбниц видел средство к улучшению политического состояния Германии. Он советовал устроить в Испанской

¹ О торговом союзе с Испанией и об учреждении Остиндской компании в Германии хлопотал также известный уже нам епископ Спинола, и его предположения послужили основанием для проектов Лейбница.

Америке немецкие колонии, предоставить императору пошлины с иностранных товаров во всей Империи и таким образом пополнить пустую императорскую казну. Он предлагал устроить немецкую компанию, наподобие Остиндской компании в Голландии, капитал ее должен был состояться из вкладов императора и самых могущественных князей. Многие богатые люди, говорит Лейбниц, не знают, куда девать свои деньги. Эта компания, по плану Лейбница, служила бы национальным банком в Германии, давала бы взаймы Империи и князьям и таким образом теснее связала бы интересы князей и Империи. Но, несмотря на свои занятия политикой, Лейбниц никогда не упускал из виду интересов науки.

Перед началом его путешествия Лудольф прислал ему проект первого Исторического общества в Германии, составленный Паулини, и пригласил его принять участие в нем. Лейбниц с жаром взялся за дело. Он писал, что при составлении такого Общества нужно брать пример с обществ испытателей природы. Каждый член должен взять на себя разработку какого-нибудь специального вопроса, а между тем Общество должно издавать сборники материалов. Ибо всякому попадаются под руку летописи, грамоты и отрывки, которые не имеют значения для его специальной работы, но важны для других. В Вене он старался заинтересовать ученых, министров и императора в пользу общества. Ему это удалось; но старания его остались бесплодными, ибо в Австрии не было денег, и ему сказали, что члены Общества не должны рассчитывать на жалованье. Лейбниц жаловался на это; он говорил, что, по его мнению, все, кто стремится к чему-нибудь полезному, в высшей степени достойны наград и почестей. Лейбниц был совершенно прав. Большой частью Общества от того остаются бесплодными, что члены их не связаны с обществом никакими интересами. Общество, от которого Лейбниц ожидал такой пользы для своего отечества, не только в научном, но и в политическом отношении, не состоялось. Из Вены Лейбниц собирался в Венгрию, чтобы осмотреть тамошние рудники. Но усиленные занятия над рукописями библиотеки, за которыми Лейбниц проводил дни и ночи, расстроили его здоровье, и он должен был просидеть несколько недель дома. «Что делать, — писал он в это время Гроту, — Il n'est pas nécessaire, qu'on vive, mais il est nécessaire, qu'on travaille et qu'on fasse son devoir»*.

* Жить вовсе не необходимо, но необходимо трудиться и выполнять свои обязанности (фр.). — Прим. пер.

Лейбниц убеждался все более и более, что для своих исторических исследований ему необходимо посетить Италию, особенно Модену. Только с помощью тамошних архивов он мог надеяться разъяснить древнейшую историю дома Эсте. Еще в Германии Лейбниц, желая получить сведения из Моденского архива, обратился за этим к ученому иезуиту Комаберти, который бывал в Германии и занимался составлением исторических статей или, скорее, панегириков, как говорит Лейбниц, и который славился тем, что был знаком с историей дома Эсте. Как в то время смотрели на такого рода разыскания даже ученые, видно из ответа этого иезуита. Лейбниц обратился к нему через посредство известного бельгийского иезуита Папebroxa, главного составителя знаменитого сборника житий святых и одного из первых ученых, занимавшихся критикой исторического материала. Несмотря на эту протекцию, Комаберти не исполнил желаний Лейбница. «Видно было, — говорит Лейбниц, — что он предпочитает следовать принятым мнениям, как бы ни были они неосновательны, и украшать их блестящим слогом, чем восстанавливать истину. Казалось даже, что он сердился за это любопытство, как будто оно было не дозволено, и он дал косвенно понять, что такого рода разыскания не понравились бы герцогу Моденскому». Несмотря на это, Лейбницу удалось через ганноверского агента в Венеции Флорамонти выхлопотать себе у герцога позволение лично заниматься в его архиве, и зимой 1689 г. он выехал из Вены.

Лейбниц отправился сначала в Венецию, а оттуда посетил императорские рудники в Истрии, где добывалась ртуть. В Венеции он отправился однажды в море на небольшой лодке. На дороге его настигла сильная буря. Лодочники, полагая, что он не знает их языка, стали сговариваться о том, чтобы выбросить его в море и взять его вещи. Как будто не понимая их разговора, он вынул четки, которые имел при себе, и сделал вид, что молится по ним. Тогда один из лодочников объявил, что, так как этот человек не еретик, он не может решиться на его убийство. Все лето Лейбниц провел в Модене, усердно занимаясь в архиве.

В октябре он прибыл в Рим. Рим, который в XIX в. поражает иностранцев полным затишьем умственной жизни, в котором только одно ученое общество — *Прусское* антикварное общество на Капитолии, состоящее из немцев, — в XVII в. представлял картину самого живого умственного движения и был богат учеными и обществами всякого рода, не только богословскими и антикварными, но математическими и физическими. Аббат Франческо Назари, известный математик и издатель «*Giornale di Litte-*

gati)*, ввел Лейбница в общество римских ученых, познакомил его с Аузулом, одним из основателей Парижской академии наук, с Чампини (Ciampini), основавшим в своем доме физико-математическую академию, к которой принадлежали некогда Борелли, Кассини, Бианкини и многие другие ученые, оставившие свое имя в науке. Известный антикварий Фабретти, секретарь папы Александра VIII, показывал Лейбницу свои коллекции и водил его по Римским катакомбам. Он доказывал Лейбницу, что красноватая пыль, которая заключается в пузырьках и чашечках, часто встречаемых в катакомбах, есть кровь мучеников, и, чтобы убедить его, разводил ее в воде, «вследствие чего, — говорит итальянский рассказчик, — Лейбниц почти убедился и оставил могилы мучеников с большим почтением и благоговением». Впоследствии Фабретти ссылался в своем знаменитом сборнике христианских надписей на авторитет протестантского философа Лейбница и приводил извлечение из его письма, в котором Лейбниц говорил ему, что после химического исследования этой пыли он признает ее скорее за кровь, чем за какое-нибудь минеральное вещество.

Лейбниц очаровал римских ученых своей любезностью, живостью и многосторонней ученостью; он должен был сделаться членом их обществ и посещать их собрания. Кроме общества Чампини Лейбниц упоминает еще о нескольких других и, между прочим, об одном, которое собиралось в кофейне близ Пьяццы Навона («ad aedes caffeepotarum»). Когда он выехал из Рима, некоторые из римских ученых остались с ним в переписке и все ему кланялись. Они просили, чтобы он вспомнил о них, если кто-нибудь из его соотечественников отправится к ним («qui graeclaram indolis Germaniae nobilitatem, gratiam, excellentiam, studium, imaqinem denique tuam nobis restituat**»). Ему даже предлагали, если он примет католичество, место кustos*** Ватиканской библиотеки — место, которое, как известно, в большом почете в католическом мире и откуда открыт доступ в коллегии кардиналов. Со свойственной ему живостью и впечатлительностью, которая заставляла его входить во все и везде думать об исправлении и улучшении, Лейбниц в центре католичества стал заботиться об интересах науки. Он убеждал своих римских друзей хлопотать у нового папы, чтобы он заставил смолкнуть чрезмерных ревнителей религии, ратовавших против

* «Литературный журнал» (итал.). — Прим. пер.

** Кто вновь напомнит нам о благородстве, изяществе, величии и трудолюбии славных дарований Германии, т. е. вернет нам твой образ (лат.). — Прим. пер.

*** Кустод (лат.) — смотритель. — Прим. ред.

результатов новейшей астрономии, и дал большой простор научным исследованиям. Но Лейбниц пошел еще дальше. Трогательно видеть, как этот человек, одаренный таким положительным умом, столь воодушевлялся, когда дело шло об интересах науки. Ему пришла мысль обратить в пользу цивилизации громадные средства, которые католичество тратило попусту. Он с жаром стал отстаивать свой план «ввести изучение естественных наук в монастыри», и ему удалось убедить в возможности этого некоторых из своих итальянских друзей. «Только тогда, — писал Лейбниц, — род человеческий сделает большие успехи в изучении природы, когда любознательность проникнет в монастыри и когда будет вменяться в благочестие обитателям их восхваление Божьей мудрости изучением ее чудесных творений. Сколько тысяч людей содержатся теперь на общественный счет, для того чтобы хвалить Господа, и каков должен быть результат, если такое число способных людей, которые теперь тратят свои силы на пустые слова, соединятся и обратят общее свое рвение и прилежание на изучение неисчерпаемой сокровищницы Божественной славы, которую представляет сотворенная для этого природа!» «Что более сообразно с благочестием, — пишет он в другом письме, — как созерцание удивительных творений Бога и Провидения, которое отражается в природе не менее чем в области истории, в судьбах церкви и всего человеческого рода. Отрицать благочестие этих занятий значило бы лишить людей здоровой пищи и оставить им только сухие рассуждения, от которых неудовлетворенная душа легко переходит к игре пустыми отвлеченностями, способными ввести в заблуждение».

Особенный интерес имело для Лейбница в Риме его знакомство с тамошними иезуитами. Иезуитам удалось приобрести в XVII в. сильное влияние в Китае благодаря ловкости, с которой они принаравливали там христианство к обычаям и повериям страны, умению выставить на вид свои математические познания и особенно благодаря покровительству просвещенного императора Канг Хи. Этот император так любил математику, что занимался ею ежедневно по целым часам с иезуитом Вербистом, знал Евклида и даже умел посредством тригонометрии вычислять движения небесных тел. Лейбниц познакомился в Риме с иезуитом Гримальди, которого император пригласил на место умершего Вербиста в президенты математического трибунала и мандарины и который намеревался отправиться в Китай.

Лейбниц слушал с удивлением рассказы Гримальди о Китае и о добродетелях императора. В XVII в. европейцы имели преувели-

ченное мнение о цивилизации Китая, о мудрости китайской философии, о высокой чистоте этики китайцев. В этом отчасти были виноваты иезуиты, которые намеренно поддерживали такое мнение, для того чтобы придать больше значения собственной деятельности в Китае. Лейбниц отчасти разделял взгляд своего века. Он утверждал, что китайцы далеко отстали от европейцев в теоретических науках, особенно в логике и метафизике, а также в астрономии, геометрии и тактике; но он полагал, что у них существовала некогда более глубокая философия, следы которой сохранились в символах, сделавшихся теперь непонятными для самих китайцев. Ему казалось, что в одной из своих математических теорем в бинарной арифметике он нашел утраченный ключ к пониманию 64 таинственных значков Фу Си, основателя Китайской империи. Эти значки состоят из прямых и ломаных линий, в разных направлениях, которые сводятся на несколько основных линий. Они доставили европейским ученым много головоломной работы и подали повод к самым вычурным и странным гипотезам и соображениям, например еще не так давно Фридриху Шлегелю в его философии истории.

Лейбниц возлагал большие надежды на деятельность иезуитов в Китае и ожидал больших выгод для цивилизации от сближения Китая с Европой. Поэтому он защищал религию китайцев от упреков в материализме и суеверии и защищал иезуитов от нападок противников, упрекавших их за уступчивость в приравнивании христианских догматов к повериям китайцев.

Когда он в 1697 г. открыл свою диадиду, или арифметическую теорему, основанную на числах 0 и 1, ему казалось, что она представляет символ таинственного сотворения мира Господом из ничего и послужит средством для того, чтобы убедить китайского императора в справедливости одного из главных догматов христианской религии. Иногда у Лейбница встречается уже оттенок тех идей, которые приобрели такой авторитет в XVIII в. и такого блестящего проповедника, как Руссо. «Мне кажется почти необходимым, — говорит он в предисловии к своей „*Novissima Sinica*“*, — если я смотрю на возрастающую до беспредельности порчу нравов в Европе, чтобы китайцы прислали к нам миссионеров, которые распространили бы между нами понимание естественной религии, как мы отправляем к ним миссионеров, чтобы познакомить их с религией Откровения».

Лейбниц посвятил вопросу о китайцах множество статей и писем. Он остался в переписке с Гримальди и получал от него письма

* «Новейшие китайцы» (лат.). — Прим. пер.

из Индии и Китая. Он надеялся через него и других иезуитов получить верные сведения о народах и языках Азии, о которых тогда очень мало знали в Европе.

Лейбниц предлагал всем ориенталистам Германии вступить через него в сношения с иезуитами в Китае. И долго, хотя напрасно, убеждал берлинского синолога Мюллера переслать Гримальди свой ключ к китайскому письму. Иезуиты не всегда понимали, из какого источника выходят его попечения о них. Иезуит Маркетти стал его однажды заклинать «пламенем ада, которое его непременно ожидает», принять католическую веру. Таким назойливым советникам Лейбниц умел отвечать, как они заслуживали. «Я знаю, — писал он Маркетти, — какая бездна разделяет католическое исповедание от протестантского, но тем не менее я стараюсь содействовать успехам иезуитов в Китае, потому что лучше ввести туда *нечистое* христианство (*inquinatam de Christo doctrinam*), чем никакое». Когда Лейбниц стал терять надежду на примирение католической и протестантской церковей, он старался убеждать английское и прусское правительства к отправлению в Китай протестантских миссионеров. Он советовал курфюрсту Бранденбургскому в 1695 г. воспользоваться проездом Петра Великого через Берлин, чтобы выхлопотать у него свободный пропуск протестантским миссионерам в Китай.

Впоследствии, когда он сделался лично известен Петру, его надежды завести сношения между Европой и Китаем и получить сведения о народах и языках Азии еще более усилились. Он думал о том, чтобы послать китайскому императору свою счетную машину, и просил русское правительство приказать перевести для него «Отче наш» на язык всех подвластных России и пограничных с ней народов, чтобы иметь материал для сравнительного языкоизучения.

После Рима Лейбниц посетил на короткое время Неаполь, а потом отправился во Флоренцию. Он нашел самый радушный прием не только у тамошних ученых, но и при дворе. Принц Тосканский Гастон, который любил математику, доставил ему еще впоследствии через флорентинского посла в Вене одну математическую проблему, поставленную геометром Вивияни, учеником Галилея. Лейбниц разрешил ее в тот же день с помощью дифференциального исчисления. Особенно сошелся он со знаменитым библиотекарем Мальябеки, имя которого теперь еще носит Флорентинская публичная библиотека. Мальябеки отличался необыкновенной ученостью, но он мало писал, и только его друзья пользовались его познаниями. Лейбниц дружески упрекает его в этом в одной эле-

гии, написанной для него¹. Во всех городах, через которые проезжал Лейбниц, он заводил знакомство с учеными, со многими из них он остался в переписке и в самых дружественных отношениях. В Болонье он познакомился с математиком Гвильельмини, который впоследствии избрал его судьей в своем споре с марбургским профессором Папином об измерении текущей воды. Там же он проводил со знаменитым анатомом Мальпиги «много часов в самых приятных и полезных беседах». В Падуе он советовал одному молодому профессору медицины и астрономии применить по примеру Борелли математику к медицине («*mathematicum inter midica agege*»). В Венеции он познакомился с Фоскарини, которому Венецианская республика поручила продолжение ее истории, начатой Нани; с сенатором Корраро, знатоком монет; с Дандоло, автором сочинения о турецкой литературе. В конце 1689 г. Лейбниц возвратился в Модену и заключил свои работы в тамошнем архиве. Ему удалось совершенно разъяснить происхождение Вельфов от маркграфов Эсте на основании «грамот и памятников». Он открыл в одном кармелитском монастыре на реке Эчи надгробные надписи древних маркграфов и их родоначальника Ацона.

Мы уже упоминали о том, что он имел в Модене, кроме научного, еще дипломатическое поручение. Нам ничего не известно о ходе этих переговоров, но, действительно, через несколько лет Лейбниц был в Герренгаузене свидетелем свадьбы герцога Моденского и дочери Иоганна-Фридриха Шарлотты. В честь их он издал плод своих разысканий в Моденском архиве: «*Lettre sur la connexion ancienne des maisons de Brunsvic et d'Este*»*.

Интересно, что Лейбницу пришлось принимать участие в сватовстве и другой дочери своего покойного покровителя и друга, герцога Иоганна-Фридриха. Ему было через некоторое время поручено завести переговоры через своего бывшего ученика Бойнебурга с императорским двором о браке между римским королем

¹ Omnia quid legisse juvat, tibi si legis uni?
Et paucis viva est bibliotheca domi.
Incipe jam tandem diffundere flumina mentis
Incipe docteinæ spargere grandis opes.

(Все, что читать полезно, разве для себя одного читаешь? Немногим и домашняя библиотека доступна. Начни же наконец смешивать ума потоки, начни знания расточать изобильно и щедро (*лат.*). — *Прим. пер.*)

* «Письмо о давнем родстве домов Брауншвейга и Эсте» (*фр.*). — *Прим. пер.*

Иосифом и принцессой Амалией, которые и привели к желанному результату.

В начале 1690 г. Лейбниц возвратился через Венецию и Вену в Ганновер с богатым результатом своих исторических исследований.

Заслуги Лейбница в истории так же велики и оригинальны, как и во всех остальных науках. Обнимая в своем обширном уме все отрасли человеческих знаний, он ясно сознавал отличительный принцип каждой науки. «Я убедился, что в математике нужно опираться на ум, в естественных науках — на опыты, в человеческом и божественном праве — на авторитет, в исторических науках — на свидетельства»¹, — говорит он с неподражаемой ясностью и определенностью афоризма. Итак, материал исторической науки заключается в *свидетельствах*, и единственно верный метод в ней состоит в том, чтобы собирать этот материал как можно полнее и отличить свидетельства, которые заслуживают наибольшего доверия, т. е. — в «исторической критике». Следует доходить до источников, требовал Лейбниц в такое время, когда исторические сочинения представляли складочное место всевозможных фактов, которые переходили на веру от одного писателя к другому, когда они были переполнены баснословными рассказами и произвольными выводами. «Но теперь, — говорил Лейбниц, — смеются над историком, который представляет только писца (*qui n'est que copiste*), который не приводит ничего оригинального и не черпает в самом источнике; в вопросах древности не придают значения позднейшим историкам, которые толкуют, не приводя доказательств». В этих словах выражается не столько общий взгляд того времени, сколько требование лучших представителей исторической науки, и Лейбниц, таким образом, становится для Германии тем, чем были для Франции Дюканж, автор знаменитого словаря средневековой латыни, Балюзий, библиотекарь Кольбера и издатель капитулярий Карла Великого, и Мабильон, отец дипломатики, т. е. науки определять подлинность и время исторических грамот и документов: все это были его современники, которых он лично уважал и с которыми был в переписке².

¹ В письме к Блуму (10): *Die Werke v. Leibniz* / Ed. O. Klopp. V. P. 368.

² С Дюканжем он переписывался о своем сочинении; для Балюзия он взял, между прочим, списать в Вене одну старинную греческую рукопись с многими сокращениями, так как в Вене он не находил никого, кому можно бы было поручить такой труд. «Ибо, — говорит Лейбниц, — в Вене мало обращают внимания на серьезные занятия (*studia interiora*); молодежь занимается только схоластической философией и практическим правом».

По мнению Лейбница, всякая история недостоверна, если не основывается на свидетельстве замечательных людей и документах. Последние составляют самый достоверный материал истории; они, так сказать, сваи, на которых возводится ее здание. Лейбниц считал поэтому главным условием для успешного хода исторической науки тщательное собирание и издание памятников, и он открыл собой блестящий ряд тех ученых-историков, которыми Германия может теперь гордиться перед всеми другими странами.

Но историческая деятельность Лейбница находилась в очень неблагоприятных условиях. Виной этому было отчасти время, отчасти его личное положение. В XVII в. жизнь государств и народов отождествлялась с судьбой царствующих домов, и оттого, естественно, история народов становилась собственно историей государей. Обвинять за это историков того времени было бы несправедливо, ибо они отвечали этим действительной потребности своего времени. Государственное и международное право приняли характер частного права между государями. Брачные связи между ними, права, основанные на родстве и на договорах о взаимном наследии (*Erbverträge*), частные сделки между ними составляли главные основы для государственного и международного права. Мы, например, указывали на то, что в потере левого берега Рейна видели ущерб не для немецкого народа или для Германской империи, но только для династий, которые через это лишались своих владений. Оттого родословие составляло один из главных интересов при изучении истории. Родословные отношения имели практическое значение. Многие государи покровительствовали историческим занятиям только для того, чтобы разъяснить свои родословные отношения. При незрелости исторической науки и при отсутствии критического вкуса и смысла такое покровительство должно было породить самые чудовищные попытки. В XVII в. сделалось модой приписывать всем династиям как можно более древнее происхождение, просто сочинять для них родословное древо. Этим занимались даже добросовестные и серьезные ученые. Так, Ламбекций производил Габсбургов от римских Аникиев, другие производили их от Сципионов и Фабиев¹; Рейнекций производил Гогенцоллернов от Петра Колумбы, одного средневекового римского патриция; Вейнгартенский монах Буцелин производил Вельфов через императора Лотаря II от Карла Великого; другие считали Вельфов через маркграфа Ацона потомками римских Акциев, а голландский дворянин Дамайден, аббат

¹ См.: *Гурауер. Жизнь Лейбница*. Т. II. С. 68.

С. Мария де Кастро в Венеции, даже сочинил для Эрнста-Августа родословную таблицу, в которой он прямо производил его от императора Октавиана и восстановил непрерывную родословную и хронологическую нить от построения Рима до 1645 г. Рукопись его была украшена изображениями гербов, монет, портретов и статуй.

И для Лейбница, как мы видели, исходной точкой исторических занятий был генеалогический труд; только потому герцог согласился дать ему почти трехлетний отпуск и содержание во время такого продолжительного путешествия, чтобы дать ему средства написать полезную и основательную историю своего дома. В то время нужна была известная доля гражданского мужества, чтобы опровергнуть такие баснословные, но льстивые родословия и раскрыть ошибки таких историков, как Пигна и Фалети, которые писали о династии Эсте.

Но Лейбниц не мог удовлетвориться узкими рамками такой задачи; под его рукой родословная Вельфского дома разрослась в историю Германской империи. Он хотел довести эту историю до современных событий. Его особенно интересовала новейшая история¹. Он просил Пелиссона, историографа Людовика XIV, сообщить ему документы и источники для современной истории, которые у него были под рукой, и Пелиссон обещал ему свое содействие. С этой же целью он старался выхлопотать себе доступ в Венский архив.

Если бы намерение Лейбница написать историю своего времени осуществилось, историография обогатилась бы одним из лучших и интереснейших сочинений. Но чем более времени Лейбниц посвящал своему труду, тем более он должен был сокращать объем его; 24 года он неутомимо работал над ним, и смерть все-таки не дала ему окончить этого труда. Почва исторической науки была слишком мало подготовлена для такого труда. Ему одному приходилось делать то, что теперь распределяется между многими. Он исследовал все архивы северной Германии, Саксонские, Бранденбургский, особенно Вольфенбюттельский, архивы монастырей

¹ Die Werke von Leibniz. V. P. 368: Historiam antiquam rerum Brunsvicensium melior, — писал он Блуму. — Verum si ad nostra tempora veniendum esset, optarem universalius aliquid dari posse. Sed tunc majori apparatu opus erit, quam domi nostrae invenire possim (Я замышляю написать изначальную историю Брауншвейгских дел... Конечно, если бы удалось приблизиться к нашим нынешним временам, мне бы хотелось создать нечто более универсальное. Но тут потребовались бы более обширные материалы, чем возможно найти в нашем доме (лат.). — Прим. пер.).

и городов, издавал памятники, должен был исправлять хронологию и много времени посвятил специальным исследованиям, без которых не мог подвинуться вперед его главный труд. Правда, ему дали помощника в Экгарте, профессора истории в Гельмштедтском университете, в сопровождении которого он посещал архивы; но этой помощи было недостаточно.

Лейбниц иногда тяготился своей бесконечной задачей, которая отвлекала его от любимых занятий математикой, философией и правом, которая не давала ему времени поддерживать его обширную переписку¹, особенно с тех пор, как умер Эрнст-Август и преемник его Георг подсмеивался над «невидимым» сочинением Лейбница и постоянно торопил его, недовольный тем, что не видит плода, так долго ожидаемого и так дорого стоившего его казне. Отчасти, чтобы успокоить курфюрста, отчасти же, чтобы привести в ясность громадный материал, Лейбниц предпринял несколько предварительных изданий. В 1693 г. он издал свой «Codex juris gentium diplomaticus»*, который содержал в себе редкие, большей частью еще не изданные грамоты и договоры от XII до XV столетия. Он дал своему сборнику название кодекса, потому что хотел выразить, что договоры должны иметь в международных отношениях такое значение, какое имеют законы в отношениях частных людей, хотя бы государи и нарушали эти договоры. В предисловии к «Кодексу» он излагает свой взгляд на естественное и международное право. Первоначально Лейбниц хотел издать три тома своего сборника, но через 7 лет он издал только прибавление к первому тому — «Mantissa Codicis»**.

Роль простого издателя ему не нравилась.

Банажу, полагавшему, что Лейбниц имеет в виду полное издание всех дипломатических актов, Лейбниц ответил: «Боже избави меня от этого. Я никогда не имел желаний разыгрывать писца. В этом случае вы не найдете во мне той страсти, которую приписывают немцам. И не думаете ли вы, что ваш совет похож на совет человека, который хочет женить своего друга на злой жене. Ибо

¹ Omnes meditationes mathematicas, philosophicas, juridicas, quas affectas habeo, seponere cogor. Itaque pendent etiam commercia litteraria — donec mihi reddat (Я собираюсь отложить все математические, философские и юридические рассуждения, которыми был увлечен. Не обойтись, стало быть, и без задержек в переписке, пока все не закончу (лат.). — Прим. пер.), — писал он Миселото.

* «Дипломатический кодекс международного права» (лат.). — Прим. пер.

** «Добавление к кодексу» (лат.). — Прим. пер.

поручить труд, который бы занимал человека целую жизнь, это все равно что женить его».

Интересен взгляд Лейбница на историографию, который он высказывает по поводу своего издания. В этом случае нельзя не признать некоторого влияния его жизни при дворе. Он признает два рода историографии, публичную и тайную (*historia anecdota*), подобно Византийскому историку Прокопию, и сообразно с этим двойкий закон для историка: в публичной истории он должен руководствоваться правилом «не говорить ничего ложного», а в тайной истории — правилом «не скрывать ничего истинного».

В предисловии к «Мантиссе» Лейбниц гордится тем, что убедил правительства в пользу обнародования документов, которые до тех пор хранились во мраке архивов. Из Англии, Скандинавии, Франции, Италии и Германии, говорит он, наперебой присылают ему грамоты для его сборника.

Только Вену Лейбниц не называет и в своих письмах жалуется на австрийское правительство. «Хотя он трудится для блага Империи и хотя давно не выходило книги, которая содержала бы в себе столько доказательств в пользу прав и притязаний Империи, он не получил никакой поддержки от императорского двора». В 1696 г. Лейбниц издал свою статью «О происхождении германцев» и со следующего года начал издание отдельных летописных источников Германии, которые потом были собраны в двух томах под общим заглавием «*Accessiones historicae*»*.

Когда, вследствие исследований Лейбница в архивах, разросся его летописный материал, он предпринял свое большое издание летописей, которые вышли в 3 томах под заглавием «*Scriptores regum Brunsvicensium*»** в 1707, 1710 и 1711 гг. 157 средневековых летописей вошли в этот сборник, который до знаменитого издания Перца в XIX в. был одним из главных пособий для изучения истории не только Германии, но и всей Западной Европы в Средние века. К каждому писателю прибавлены очень подробные биографические и критические замечания. Позднейшие исследования в архивах и более тщательная критика изменили взгляд на многие частности, но в целом можно удивляться проницательности и критическому такту Лейбница.

Среди этих изданий и других занятий Лейбница его большой труд подвигался медленно вперед. Он отказался от первоначального плана — довести свою историю до новейших времен — и

* «Приложения к истории» (лат.). — Прим. пер.

** «Летописцы Брауншвейгского дома» (лат.). — Прим. пер.

хотел заключить ее императором Оттоном IV, который был из Вельфского дома. Но он убедился, что и этот объем ему не по силам. Он решился закончить свою историю 1024 г., смертью Генриха II, последнего императора из Саксонского дома, от которого по женской линии происходили Вельфы. Таким образом, ему пришлось бы изложить родословную Брауншвейгского дома, так как маркграф Ацон, родоначальник его, родился при этом императоре. Дальнейшую же историю Вельфского дома он хотел поручить своему помощнику Экгарту. В конце 1715 г. Лейбниц известил министров, что первая часть его труда готова и что можно было бы приступить к печатанию, но что ему хотелось бы окончить прежде вторую часть. Он выражал надежду, что это ему удастся в течение следующего года, если Бог даст ему здоровье. Печатание первого тома отняло бы у него много времени, да притом дальнейшие занятия часто дают возможность пополнять и улучшать прежнее. Лейбниц хотел украсить издание своего сочинения всей роскошью типографского искусства. «Изображения на меди, — писал он министрам Бернсторфу и Гёрцу, — должны быть двоякие: одни требуют изящества, другие только точности. Первые должны быть поручены великим художникам, и сюжеты следует для них обозначить только в общих чертах. Ко вторым относятся исторические карты, старинные медали и надписи, оттиски старинного письма и некоторых древних грамот, старинных печатей и т. д.; эта работа должна бы производиться на моих глазах, ибо она требует большой точности. Поэтому было бы хорошо пригласить сюда особенного гравера».

В начале 1716 г. Лейбниц писал Муратори и известному французскому библиографу Лелону, что надеется в течение года окончить свой труд и что ему осталось только изложить историю 25 лет. Но работа подвигалась медленно — в течение лета он дописал только историю 3 лет. Смерть прервала его занятия. Последние слова его истории, написанные за несколько дней до смерти, были: «quos ex tenebris eruendos aliorum diligentiae relinquo» (высвободить их из мрака я предоставляю прилежанию других).

Но и после смерти Лейбница судьба его исторических трудов была особенно неблагоприятна. Ганноверские министры подвергли его сочинение просмотру, выпустили и изменили несколько мест, например то, где говорится о королеве Прусской Софье-Шарлотте по поводу Гильдегарды, жены Карла Великого, прославленной поэтами своего времени, и поручили его издание Экгарту, который сделался преемником Лейбница в звании библиокара. Экгарт счел нужным прибавить примечания на полях

и подвести точные цитаты. Этот труд и затем другие многочисленные издания, им предпринятые, отсрочили издание сочинения Лейбница. Наконец, когда предисловие и первые 15 параграфов его сочинения были уже напечатаны, неожиданное удаление Экгарта из Ганновера прервало начатое дело. Преемник Экгарта счел нужным не только подвести цитаты, но и напечатать их полностью. Это опять отсрочило издание; преемник его Грубер нашел, что в таком виде сочинение Лейбница заняло бы 40 томов *in folio*, и убедил ганноверское правительство придерживаться плана Экгарта. В это время в Ганновер прибыл из Англии Георг II. Он осведомился, в каком состоянии находится сочинение Лейбница, и приказал прежде всего напечатать исследование о происхождении Вельфов, которое было написано Экгартом по плану Лейбница и входило в его большой труд.

Это исследование было напечатано в 1750—1753 гг. в 4 томах *in folio* под заглавием «*Origines Guelficae*»*. Издание сочинения Лейбница вследствие этого было опять отложено. Только через 100 лет, в 1843 г., оно наконец вышло благодаря стараниям Перца, знаменитого издателя «Памятников Германской истории», который в то время был ганноверским библиотекарем. Сочинение вышло в 3 томах *in 8°* мелкой сжатой печати с немногими литографическими украшениями, под заглавием «*Annales Imperii Occidentis Brunsvicensis*»** — для своего сочинения, по примеру знаменитого Барония, Лейбниц избрал форму аннал.

Известное выражение, что «книги имеют свое время», особенно относится к историческим сочинениям. Если бы труд Лейбница вышел вовремя, он имел бы благотворное влияние на развитие исторической науки, и несколько поколений черпали бы из него свое историческое образование. В XIX в. он представляет только памятник многосторонней способности автора и патриотической деятельности его на поле истории и имеет особенный интерес для немногих специалистов.

Замечательно, что уже Лейбниц обратил внимание на связь, которая существует между историей страны и ее геологическими и физическими свойствами. Он хотел предпослать своей истории Брауншвейгского дома геологическое описание Ганновера, которое служило бы введением в историю страны. Его долготлетние занятия в Гарце принесли свои плоды, он сделался одним из лучших знатоков минералогии и геологии своего времени. Но как всегда

* «Происхождение Вельфов» (лат.). — Прим. пер.

** «Анналы западной империи Брауншвейгской» (лат.). — Прим. пер.

он восходил от частного к общему и от изучения отдельного факта к исследованию закона, так и в этом случае геологическое описание Ганновера обратилось в историю образования земного шара. Правда, Лейбниц скромно называет свое сочинение только опытом, заключающим в себе семена новой науки, которую он предлагает называть *géographie naturelle**; но это небольшое сочинение занимает видное место в истории геологии и палеонтологии. Полное заглавие его: «*Protogaea, seu de prima facie telluris et antiquissimae historiae vestigiis in ipsis naturae momentis*», т. е. «О первообразе земли и о следах древнейшей ее истории в деятельности самой природы». Он напечатал в 1693 г. извлечение из него в Лейпцигском ученом журнале, самое же сочинение постигла участь большей части произведений Лейбница — оно было издано долго спустя после его смерти, в 1749 г.¹

Лейбниц написал свое сочинение по возвращении из путешествия и изложил в нем результат своих минералогических и геологических исследований в Далмации и Италии. Эти наблюдения расширили его взгляд и дали ему возможность делать сравнения. Наблюдения, которые он делал в окрестностях Мантуи, напоминают ему геологические особенности почвы в Росторфе близ Гёттингена. Но основание его труда составляют, как мы видели, наблюдения в своем отечестве. «Дома, — говорит он, — у нас зарождаются интересные соображения, подобно лучам общего света, и оттуда мы переходим к исследованиям других стран»².

Как во всех остальных исследованиях Лейбница, так и в его трудах, касающихся естественной истории и геологии, главная заслуга его заключается в методе. Он умеет воспользоваться самыми скудными фактами и с помощью своего строго логического и проницательного ума, своей привычки анализировать и приводить в систему, так сгруппировать их, чтобы извлечь из них самый важный результат. Оттого даже там, где по недостатку материала или времени он не может представить ничего цельного и окончен-

¹ Оно имеет теперь еще интерес, не только для биографии Лейбница, но и для истории геологической науки, как видно из того, что один французский геолог издал его во французском переводе, с введением, в котором он обсуждает заслуги Лейбница в геологии и палеонтологии: *Protogée, ou de la formation et des révolutions du globe par Leibnitz / Trad. par Bertrand de Saint-Germain*. Paris, 1859. Об этих заслугах см. также: *Ehrenberg Rede über Leibnizens Methode, Verhältniss zur Naturforschung* u. s. w. Berlin, 1845.

² *Domi nobis insignes conjecturae, et velut radii nascuntur publicae lucis, unde ad caeteras regiones aestimatio procedat.*

* Естественная география (фр.). — Прим. пер.

ного, Лейбниц всегда указывает на сущность предмета и выставляет на вид, как бы мимоходом, те плодотворные идеи, на дальнейшем развитии которых основана будущность науки.

В его геологическом опыте мы встречаем две такие плодотворные идеи: во-первых, мысль, что причиной всех геологических переворотов земного шара являются два деятеля — огонь и вода; во-вторых, что ископаемые остатки растительного и животного царств, которые находятся в различных слоях земли, должны служить основанием при изучении истории земного шара.

Чтобы лучше понять значение этих двух идей, мы должны вспомнить, в каком состоянии находилась геологическая наука во время Лейбница. Вся история этой науки до XIX в. заключается в борьбе двух систем, из которых одна объясняет все геологические перевороты действием огня, во всем видит *плутонические* явления, а другая объясняет их действием воды, видя во всем *нептунические* явления. Начало этого спора относится ко времени, предшествовавшему Лейбницу. Еще в 1575 г. знаменитый Палисси, по ремеслу простой горшечник, умевший силой таланта возвести это ремесло на степень художества и, как нередко бывало в то время, соединявший искусство с наукой, высказал в своей космогонии на сильном, рельефном языке того времени мнение, что горы и слои земной почвы произошли из осадков воды¹.

Через некоторое время соотечественник Палисси, Декарт, высказал противоположный взгляд. По мнению этого философа, вещество материи везде и всегда одно и то же. Различия ее происходят только от движения, которое заставляет отдельные частички ее принимать различные формы и свойства. Материя в самой тонкой своей форме представляла *огненную* стихию, которая, будучи приведена в движение, образовала те огненные шары, которые наполняют мироздание. Огненная стихия от силы движения выбрасывала на поверхность более грубые частички, находившиеся в ней, и они образовали пятна, подобные тем, которые мы видим на Солнце. Если огонь довольно силен, он уничтожает эти пятна; если же он слишком слаб, то эти пятна увеличиваются и образуют наконец *твердую кору* вокруг своего огненного зерна. Таким образом, Земля, по мнению Декарта, есть солнце², вокруг которого выросла

¹ «Quand tu auras bien examiné toutes choses par les effets du feu, tu trouveras mon dire véritable, et me confesseras, que le commencement et origines de toutes choses est *eau*» (Если ты хорошо испытаешь все вещи действием огня, ты найдешь верными мои слова и признаешь, что начало и источник всего есть *вода* (фр.). — Прим. пер.).

² *Bertrand de Saint-Germain*. P. XXIV.

кора; внутренний огонь иногда разрушал эту кору, и от его влияния образовались на поверхности Земли те шероховатости и неровности, которые представляются нам горами.

Все позднейшие геологи примкнули к одной из этих систем. Между ними одно из самых почетных мест занимает голштинец Стено, с которым мы познакомимся в предшествующей главе при дворе Иоганна-Фридриха. Стено обратил особенное внимание на ископаемых и в своем сочинении «*De solido intra solidum naturaliter contento*»* выставил следующие положения: ископаемые должны были существовать раньше тех скал и слоев, в которых они заключаются; слоеобразные формации, представляющие совершенную аналогию с осадками воды, должны были образоваться путем осаждения. Он считает слои, в которых не находится ископаемых, более древними, чем те, где они встречаются. Доказывая, что все слои, которые образовались путем осаждения, должны были бы находиться в горизонтальном положении, но что, напротив, они встречаются по бокам гор, Стено выводит из этого, что они были приподняты силой воспламенившихся подземных паров (*halituum*), которые искали себе выхода на поверхность Земли.

За десять лет перед тем, как Лейбниц написал свою «Протогею», вышло сочинение Фомы Бёрнета «*Theoria sacra Telluris*»**, в котором ученый епископ старался примирить новейшие геологические теории с буквальным смыслом Моисеева повествования. По его мнению, вся Земля представляла сначала жидкую массу. Твердые частички собрались мало-помалу около центра и образовали зерно, которое было окружено водой. На поверхности воды плавало жирное вещество, которое, смешиваясь с нечистотами атмосферы, образовало слой емли, довольно плотный, чтобы поддержать первых обитателей Земли. Так как этот слой не имел такой твердости, как настоящая поверхность Земли, то он легче проникался солнечными лучами и потому заключал в себе удивительную плодородность. Это был сад наслаждений — Эдем. Но постепенно высыхая и твердея под палящим зноем Солнца, он стал трескаться; громадные обломки его, низвергаясь в окружающую бездну, подняли уровень воды и вызвали потоп. Впоследствии часть воды высохла, остальная собралась в низменных частях земного шара, и с тех пор поверхность Земли представляет горы и до-

* «О твердых телах, естественным образом содержащихся в твердых слоях почвы» (лат.). — Прим. пер.

** «Священная теория Земли» (лат.). — Прим. пер.

лины, моря и материки. Объясняя происхождение Земли водой, Бёрнет приписывал конец ее огню, или внутреннему солнцу, которое притянет земной шар в свой огненный вихрь.

Лейбниц не разделяет фантастических представлений Бёрнета и односторонности своих предшественников. Он заимствовал у них то, что одобрял, и первый ясно высказал положение, что для объяснения геологических переворотов земного шара одинаково необходимы огонь и вода.

Лейбниц придерживается теории Декарта, что Земля, подобно другим небесным телам, представляла огненный шар, который постоянно остывал, так что на поверхности его образовалась твердая кора. Но он подтверждает это мнение фактическими доказательствами. Он рассматривает некоторые горные породы и видит в них произведение огня. Он сравнивает происхождение их с процессом, посредством которого выплавляется стекло. Скалы представляют шлак, который остается, когда плавят стекло; песок есть самое стекло, но только силой движения растертое в мелкий порошок. В доказательство этого Лейбниц приводит то, что во внутренности скал и гор встречаются металлические руды, которые по своему расположению и по своим химическим свойствам ясно указывают на действия огня и напоминают произведения наших плавилен. Лейбниц, таким образом, отрицал мнение тех, кто полагал, будто минералы и металлы возникают внутри Земли из семян и растут подобно произведениям растительного царства. Вообще одно из преимуществ Лейбницава труда состоит в том, что он прибегает к химии для объяснения геологии; он уподобляет действия природы искусственным химическим процессам и называет природу большой лабораторией. Это был важный шаг вперед. При неразвитости тогдашней химии Лейбниц не мог избежать ошибок, но он указал тот путь, на котором в XIX в. достигаются самые важные результаты геологии.

В то время, когда земной шар находился в раскаленном состоянии, влага окружала его в виде паров; но по мере того как он остывал, вода осаждалась; она всасывала в себя соленые вещества, легко растворимые, собиралась в низменностях земного шара и образовала моря. Когда земной шар остывал, под его корой образовывались громадные выпуклости, в которые набиралась вода и воздух. Остывая, земная кора стягивалась неравномерно и вследствие этого происходили большие трещины. Стены этих выпуклостей в иных местах опускались, и там происходили долины; в других же местах они оставались неподвижны, и там возникали горы. Вода убегала в отверстия земного шара, но от действия воздуха и

газов часто поднималась вверх, разбивала земную кору и производила громадные потоки, которые оставляли после себя осадки. Таким образом, поверхность земного шара подвергалась частым изменениям, один слой покрывался другим, пока наконец не установилось равновесие действующих сил и спокойствие на Земле.

Итак, Лейбниц ясно различает слои двоякого рода: вулканические и нептунические. Главное отличительное свойство последних составляют ископаемые. Лейбниц посвящает большую половину своего труда описанию немногих известных ему ископаемых с точными изображениями их и доказывает, что они действительно принадлежат к остаткам растительного и животного царств. Тогда еще не совсем прошло то время, когда ископаемые подавали повод к самым странным предположениям. Одни видели в них «игру природы», ошибки пластических сил природы; другие даже приписывали их различным гениям и подземным существам. Знаменитый живописец Леонардо да Винчи был одним из первых, кто не хотел приписать происхождение их влиянию звезд, и объяснял тем, что это следы наводнения. В том же XVI столетии монах и медик Фракастор поддерживал то же самое мнение против приверженцев пластической силы природы. В 1670 г. сицилийский живописец Сцилла издал первое описание ископаемых с точными изображениями, на котором он сопоставлял ископаемые с их оригиналами. Но в обществе господствовали еще прежние убеждения. Даже известный Конринг, который удивлял современников своей многосторонней ученостью, объяснял ископаемые «действием гениев, которые забавлялись вычурными формами минералов»¹.

Лейбниц восстает против «детских сказок, серьезно рассказанных в сочинениях Кирхера, Бекера и других писателей, столь же пустых, сколько легковых». Он объясняет различие, которое существует между настоящими ископаемыми растениями и животными и теми явлениями, которые действительно можно приписать случайной игре природы «или же, вернее, игре людского воображения». Он приводит в пример, что некоторые находят изображение Христа и Моисея на стенах пещеры Баумана в Гарце, Аполлона и муз — в венах агата, папы и Лютера — на Эйсlebenском камне, портреты различных исторических лиц — в одном драгоценном камне, который показывал какой-то Эйлер из Гамбурга. Все подобные исторические и мифологические сцены остаются незамеченными без помощи сильного воображения или если другие не обратят на них нашего внимания. Затем он переходит к опи-

¹ Лейбниц. Протогея. Глава 29.

санию настоящих ископаемых и с помощью точных изображений сравнивает их с оригиналами. Иногда, говорит он, мы не находим для них типов между существующими теперь животными; «но кто исследовал бездну океана — сколько неизвестных нам пород найдено в новом свете? И наконец не следует ли признать, что во время великих переворотов земного шара большое число животных форм подверглось изменениям»¹.

Мы обращаем внимание читателей на эту гипотезу Лейбница о естественном изменении животных пород во время геологических переворотов. Скудость научного материала не давала ему возможности достигнуть более положительных результатов. Его труд остался эскизом. Но это-то и дает Лейбницу, по выражению ученого Эренберга², право занимать почетное место между естествоиспытателями, что он осознал необходимость сначала увеличить материал специальным изучением частных случаев. «Последующие поколения, — говорит он, — все это лучше определяют, когда любознательность людей достигнет того, что они начнут описывать по странам различные свойства и слои, там преобладающие». Или: «Не в нашей власти узнать истину, когда у нас недостаточно фактов; но мы можем, если имеем время обо всем хорошенько размыслить, предостеречь себя от ошибок с помощью логики, и если мы усовершенствуем логику — найти все, что можно извлечь из фактов. А где недостает фактов, можно по крайней мере заметить, каких нам недостает». Лейбниц недаром хотел предпослать «Протогею» своему великому историческому труду. Он понял, какая тесная связь существует между историей земного шара и древнейшей историей человеческого рода. Вот заключительные слова его «Протогеи»: «Таким образом, природа восполняет для нас пробелы нашей истории, в свою очередь наша история оказывает природе ту услугу, что увековечивает в потомстве знакомство со знаменитыми творениями ее».

До сих пор мы говорили только о серьезной стороне деятельности Лейбница при Ганноверском дворе; в заключение этой главы мы скажем несколько слов об участии, которое он принимал в увеселениях этого двора. Жизнь при Ганноверском дворе в конце XVII в. представляла смесь французского влияния с обычаями немецкой старины. Этикет, придворный штат и увеселения были

¹ Там же. Глава 26.

² *Ehrenberg. Rede. P. 8: Diese den Philosophen zum Naturforschere stempelnde Stelle heisst и т. д. (Это место, выдающее в философе испытателя природы, гласит... (нем.). — Прим. пер.).*

устроены по французскому образцу; но многочисленность блюд, которые подавались за герцогский стол, известная «буржуазность», отчасти объясняющаяся недостатком средств, и патриархальная грубость, прорывавшаяся иногда среди французской утонченности, напоминали прежнее время.

Иностранцы, которые приезжали в Ганновер, очень хвалят тамошний двор. «Ганноверский двор, — говорит Толанд, — находится в самом лучшем состоянии; комнаты во дворце очень чисто и богато меблированы. Там есть хорошенький театр с красивыми ложами. Никто из придворных и из жителей города не платит за места — курфюрст содержит весь театр на свой счет, как это делается и при других дворах Германии. Опера же во дворце посещается всеми приезжими как редкость, ибо по украшениям и по устройству она лучшая в Европе. Капелла курфюрста также украшена хорошей живописью. Двор вообще отличается хорошим тоном и считается одним из лучших в Германии относительно тона и великолепия. Иностранцы, имеющие проезд ко двору, удивляются вежливости и непринужденности в обращении и господствующей здесь свободе, которой, однако, никто не злоупотребляет. В обыкновенное время всякий порядочный человек (of fashion) имеет право прийти во дворец, и если он знает, как следует вести себя при дворе, он может обо всем говорить с самой курфюрстиной. Придворные дамы отлично воспитаны, вежливы и большей частью красивы. Статс-дамы курфюрстины отлично исполняют свою роль».

Двор Эрнста-Августа был весьма многочислен; в 1694 г. число придворных и слуг составляло 307. Эти триста лиц получали, однако, только 37 тысяч талеров жалованья. Лошадей при дворе держали 600. Роскошь при Ганноверском дворе быстро увеличивалась. Свита, которая сопровождала наследного принца Георга во время похода 1690 г., состояла из 90 лиц, камердинеров, поваров, кучеров и др., между ними мы встречаем 2 кондитеров, 1 мясника, 1 пастуха, наконец особенного повара для фарширования каплунов (Karaunenstopfer). Для перевозки этой свиты нужно было всякий раз 150 лошадей.

Эрнст-Август издал для своего двора табель о рангах, по которой все служащие, военные и статские, разделялись на 10 классов. Он издал также подробные инструкции для каждой придворной должности¹.

¹ *Malortie*. Der Hannoversche Hof unter dem Kurfürsten Ernst-August etc. Hannover, 1847.

Каммерфурьерам, например, было приказано смотреть за тем, чтобы за герцогским столом не было не приглашенных лиц. Если это случалось в первый раз, фурьеры длжны были им вежливо заметить, чтобы они в другой раз не являлись; если же это повторялось, то должны были выпроводить их и, смотря по обстоятельствам, «mit einem härteren Tractament ansehen»*. Если это были чиновники, то с них следовало вычесть за неделю столовые деньги и раздать их бедным. Если же это были ремесленники или простолюдины, то их следовало палкой прогнать и посадить под арест до дальнейшей расправы.

В инструкции виночерпию было сказано, чтобы хорошие и дорогие вина, шампанское и бургонское, он ставил только на стол курфюрста и наследного принца, на прочие же столы (bei denen adeligen Nebentafeln) ставил простые немецкие вина; впрочем, смотрел бы за тем, чтобы они были хороши, — «damit Niemand Ursach habe, bei den Tafeln spitzige und verdriessliche Reden zu führen»**, что не будет оставлено безнаказанным.

Главному кухмистеру было вменено в обязанность смотреть за тем, чтобы не тратилось ничего лишнего и чтобы блюда из герцогской кухни не разносились куда не следовало. «Если кто-нибудь из благородных дам при дворе явно заболает и будет нуждаться в особенной пище, то доставлять ей таковую, но не больше как для нее нужно и как принято при дворе». Если же заболает кто-нибудь из мужчин, которые обедают за герцогским столом, то не посылать ему кушаний, но выдавать столовые деньги, «danebenst soll aber auch zu seiner Labung aus der Küche die Bouillons, und aus dem Keller ein extraordinairer Trunk Wein und Bier nich versaget werden»***.

В одном письме к герцогу Лейбниц жалуется, что обеды при дворе вредны для его здоровья, и просит отпускать ему столовые деньги¹.

¹ Die Werke von Leibniz. V. P. 78: Pour ce qui est du Kostgeld, il n'y a principalement que la considération de ma santé, qui m'y oblige, laquelle reçoit de grandes atteintes de cette manière de vivre en cour, à laquelle je ne suis pas accoutumé (Что касается столовых денег, то в принципе просить о них меня понуждает лишь забота о здоровье, терпящем большой ущерб от этой манеры пить при дворе, к которой я не могу привыкнуть (фр.). — Прим. пер.)

* Обращаться с ними более строго (нем.). — Прим. пер.

** Чтобы ни у кого не возникало повода вести за столом язвительные речи и выражать недовольство (нем.). — Прим. пер.

*** Помимо чего не нужно, однако, отказывать ему в том, чтобы для поддержания сил он получал из кухни бульоны, а из подвала — превосходные напитки, вино и пиво (нем.). — Прим. пер.

Содержание двора стоило при Эрнсте-Августе 263 500 талеров ежегодно, причем 84 тысячи талеров тратилось на одну кухню, и, несмотря на это, в 1692 г. в счетах кухни оказалась передержка в 24 тысячи талеров. Этикет, который соблюдался при приеме иностранных послов и государей, был в высшей степени утонченный и педантичный. Всякого государя, который приближался к границам, спрашивали, какого он желает приема, торжественного или полуторжественного. В точности было определено, как его встречать на границе, на сколько станций выслать лошадей, где его должны встретить курфюрст или наследный принц. Как строго соблюдался в то время этикет, можно видеть из описания встречи курфюрста Ганноверского и Карла, сына императора Леопольда¹. Карл был провозглашен испанским королем и спешил в Голландию, чтобы оттуда переправиться в Испанию. Курфюрстом тогда был уже Георг I. Он послал вперед к Карлу в Саксонию графа Платена, чтобы пригласить его остановиться в Ганновере. В инструкции графу было поручено *поторговаться* с обер-гофмейстером Карла насчет церемониала. Между прочим, он должен был предложить, что при свидании государи будут обедать за *овальным* столом, так что Карл займет верхнее место, курфюрст же и его старший сын сядут в «соразмерном расстоянии от его величества». Если же это предложение не будет принято и обер-гофмейстер потребует угольного стола, то согласиться и предложить, чтобы Карл сидел один за широкой стороной стола, курфюрст же с сыном на двух узких сторонах. Если обер-гофмейстер изъясит притязание, чтобы Карл разыгрывал роль хозяина, так чтобы, например, за столом служила его свита, то от имени курфюрста выразить надежду, что Карл сделает ему честь и позволит быть хозяином в его собственной стране (*die honneurs allda vöellig zu machen*), и привести в пример, что сам император, его отец, так поступил при свидании со своим тестем герцогом Пфальц-Нейбургским. Если король потребует, чтобы курфюрст или наследный принц подали ему салфетку, то отметить, что никто из королев, приезжавших в Ганновер, и даже английский король Вильгельм, этого никогда не требовали.

Но Габсбурги, как известно, были очень неуступчивы в церемониале. Обер-гофмейстер Карла настоял на том, что, хотя бы они и находились во владениях курфюрста, за столом должна служить австрийская прислуга. Кушанья были приготовлены ганноверскими поварами, повар же Карла приготовил несколько блюд для него

¹ Официальное описание этой встречи издано у Малорги.

одного. При свидании государей большое внимание было обращено на то, как расставить кресла. Кресла для курфюрста и для его сына были поставлены не лицом к креслу Карла, но боком и друг против друга. Положение их было срисовано, чтобы служить примером в будущем, и весь прием был тщательно описан.

Испания тогда была занята французами. Карл должен был отвоевать у них свое королевство. Он спешил в поход, но, несмотря на это, свита и прислуга его состояли из 183 человек, и для перевозки их было необходимо 56 экипажей, 326 почтовых и 28 верховых лошадей.

Когда в Ганновер приезжали иностранные послы и государи, там не жалели издержек, чтобы сделать прием как можно более роскошным и великолепным. Особенно хорошо были приняты английские послы: лорд Меклесфильд, который привез Софье акт парламента, признавший ее наследницей английского престола, и лорд Галифакс. Не только все посольство, состоявшее из 30—40 человек, но и все приехавшие в Ганновер англичане за все время их пребывания получали от двора даровое содержание и угощение. Всем жителям Ганновера было приказано не брать денег ни с одного англичанина за пищу или питье. При отъезде все члены посольства получили великолепные подарки; посланник, между прочим, — портрет Софьи, осыпанный бриллиантами, которые стоили несколько тысяч фунтов стерлингов.

С родственниками, впрочем, в Ганновере обращались проще. Когда герцоги Вольфенбюттельские и Лüneбургские приезжали туда на масляницу повеселиться, они должны были на свой счет содержать своих лошадей и высылать туда сено, солому и овес.

В своих увеселениях Ганноверский двор подражал Франции¹. Еще будучи епископом Оснабрюкским Эрнст-Август содержал вместе со своими братьями французскую труппу, которая попеременно играла в их столицах. Когда он сделался герцогом Ганноверским, он устроил там постоянный французский театр. В Италии он пристрастился к опере. Он устроил у себя итальянскую оперу и пригласил для нее из Мюнхена итальянского капельмейстера Стефани, который потом приобрел некоторое влияние в политических делах, а из Италии — примадонну Маргериту, называвшуюся *Margherita bella*. Напрасно лютеранские пасторы восстали против этих увеселений и ратовали против них в своих про-

¹ *Mercuré Galant*. Paris, 1684: La cour de Hannover qui suit toutes les manières de France, l'imité aussi dans ses divertissements (Ганноверский двор, во всем следующий французским манерам, подражает им и в дивертисментах (фр.). — Прим. пер.).

поведях. Для оперы и балетов были устроены дорогие театральные машины, с помощью которых в одной опере представляли хаос, стихию, облака, молнию и др. Постановка одной этой оперы стоила 5 тысяч талеров. Но главным весельем в Ганновере было празднование карнавала, которое продолжалось иногда целый месяц. Эти празднества приобрели такую славу в Германии, что многие государи приезжали на них смотреть, и ландграф Гессенский Эрнст однажды отправил нарочного в Ганновер, чтобы составить для него точное описание тамошних празднеств. Во время карнавала торжественные обеды, балы, маскарады и балеты, в которых принимал участие двор, быстро сменялись один другим. Маскарады, или так называемые *Wirthschaft**, были, впрочем, любимым увеселением Ганноверского двора и во всякое другое время. В «*Mercure Galant*»¹ описан один из таких маскарадов, который был устроен в честь принцессы Софьи-Шарлотты.

Несколько молодых людей, *des plus qualifiés*, переоделись в индийских принцев, которых Амур представил принцессе. Шествие открывалось двумя зефирами, которые пели диалог в стихах, начинавшийся словами:

Animons nos voix
Et disons cent fois:
Il n'est rien dans la vie
De plus beau que Sophie**.

Затем появились один за другим индийские принцы: барон Грот, граф и графиня Платен и др., пели речитатив и арии, а графиня Платен протанцевала жигу (*une gigue*) и т. д. После того зефиры опять начали петь:

Chantons, dançons, tout est tranquille
Dans cet agréable séjour.
Ah, le charmant azile!
N'y parlons que de jeux, de plaisirs et d'amours***.

Все присутствующие взяли в руки тамбурины, «чтобы лучше выразить свое удовольствие» и т. д. Во время приезда ландграфа Гессенского был устроен маскарад, для которого участники долж-

¹ *Vehse. Geschichte des Höfe des Haus. Braunschweig. T. I. P. 137.*

* Хозяйские балы (*нем.*). — *Прим. пер.*

** С воодушевлением повторим сто раз: в жизни нет никого прекраснее Софьи (*фр.*). — *Прим. пер.*

*** Поем и танцуем, всюду мир и покой в этом милом жилище. Ах, чудесный приют! Все разговоры только об играх, наслаждениях и любви (*фр.*). — *Прим. пер.*

ны были костюмироваться по жребию. Ландграф оделся Марсом, супруга его — богиней, принцесса Курляндская — индийской принцессой, герцог Ганноверский — арлекином, герцогиня Софья надела женский костюм, который носили 300 лет тому назад. Все маски отправились в Герренгаузен, где был устроен турнир. Кавалеры, одетые в холщевое платье с отделкой из сена, сидели на лошадях без седла и длинными копьями, на конце которых был кружок, старались опрокинуть друг друга с лошади. Когда маски возвращались, принц Август ехал верхом на осле, а спиной к нему сидел один из мужчин, одетый девушкой.

Во время этих праздников иногда устраивали всякий этикет между членами царствующих домов. Иногда также маскарады устраивались в городской ратуше, и тогда вход был открыт для всех маскированных. Посланный ландграфа Эрнста, который описывает один из таких маскарадов, говорит в своем донесении, что в одном месте танцевали члены герцогской фамилии и придворные, а в двух других: «*allerhard Canailles mit seltzsamen Springen und abschewlichen gesichtern und Vermummungen*»¹.

Лейбниц принимал иногда участие в этих празднествах; он придумывал сюжеты для маскарадов и сочинял стихи для сцен, которые представляли при дворе. Одно из таких представлений приобрело особенную известность и было описано самим Лейбницем. Это «пир Трималциона», который был разыгран в Ганновере во время карнавала 1702 г. Этот сюжет был выбран, как говорит Лейбниц, «чтобы разнообразить удовольствия чем-нибудь остроумным, напоминающим вкус древних». Вероятно, сам Лейбниц выбрал этот сюжет, по крайней мере вся обстановка, требовавшая больших исторических познаний, была придумана им, и им же сочинена часть стихов. Трималцион, забавный герой, — римский Фальстаф. Этот тип заимствован у Петрония, писателя того времени, когда роскошь и утонченность довели римлян до цинизма. Мы даем краткое описание этого представления не столько потому, что оно забавно, сколько потому, что оно характерно для своего времени и для того общества замечательных людей, которые находили в нем удовольствие. При этом описании нам приходится многое смягчить и опустить, что тогда не казалось неприличным.

Роль Трималциона взял на себя раугграф Карл-Мориц, племянник Софьи. Прочие участники были: Гортензио Мауро, который играл роль поэта Евмолпа, Лейбниц, известная уже нам Мелузина

¹ *Malortie. Der Hannoversch Hof...* P. 157 (Дико скакали всякие проходимцы с отвратительными рожами и масками (нем.). — Прим. пер.).

фон Шуленбург, другая любовница курфюрста графиня Кильмансек, маркиз Квирины, камер-юнкер курфюрста, наконец фрейлина королевы Прусской — Пёльниц, о которой нам придется еще много говорить. Она играла роль Фортунаты, жены Трималциона. Между гостями Трималциона были еще сам курфюрст Георг (это было уже после смерти Эрнста-Августа), сестра его Софья-Шарлотта и брат Эрнст-Август. Прочие члены Ганноверского дома были только зрителями.

Зала была украшена буфетом, на котором стояло много серебряной и хрустальной посуды, наполненной вином и другими напитками. Стол был накрыт по римскому обычаю; вместо стульев для гостей были приготовлены лежа. В середине стола были поставлены девять «парадных блюд». Одно из них состояло из живых рыб, плававших в сосуде, в который два сатира постоянно вливали воду. По бокам его две покрытые соломой корзины, в которых курицы сидели на яйцах. Затем осел, ноша которого состояла из двух мешков салата и оливок. Зажаренный заяц с крыльями в виде Пегаса. Паштет с живыми птицами, которые были выпущены, когда Трималцион освободил своих рабов. Голова кабана и еж, сделанный из айвы, с воткнутыми в нее палочками корицы. По бокам стола стояло множество настоящих кушаний. В зале помещался оркестр, а стены были украшены воинственными трофеями и девизами с надписями на разных языках. Под оружием Трималциона была надпись:

Harnais victorieux, que le vin a salis,
Plus que le sang des ennemis*.

Один из девизов представлял паука в паутине с надписью:

Je m'embrouille souvent dans mes subtilités**.

Другой девиз представлял попугая с надписью:

On l'aime, il plaist, et ne sait ce qu'il dit*** и т. д.

Все гости были в римском костюме, мужчины с лавровыми венками и гирляндами из цветов на голове. Когда королева вошла с братьями, один из рабов закричал: «Правую ногу вперед!» — ибо

* Победный доспех, на котором больше пятен от вина, чем от крови врагов (фр.). — Прим. пер.

** Я часто путаюсь в собственных тонкостях (фр.). — Прим. пер.

*** Его любят, он всем нравится, и никогда не понимает, что говорит... (фр.). — Прим. пер.

у римлян считалось дурным предзнаменованием входить левой ногой. Когда гости вошли, рабы рассадили их в ожидании Трималциона, и поэт Евмолп начал воспевать его славу:

Je chante les exploits d'un brave capitaine
 Qui dans un petit corps renfermait un grand cœur.
 Il combattit sans peur, il triompha sans peine:
 Partout il fit du bruit, partout il fut vainqueur.
 Si Bacchus l'endormait, Mars le tint en haleine.
 On admira sa soif, on craignit sa valeur,
 Et Rome lui dressa parmi d'autres trophées
 Un pompeux monument de bouteilles cassées*, и т. д.

Лейбниц прерывал поэта во время его речитатива; потом поэт начал петь хвалу Фортунате и заключил словами:

Courage mes amis, quittons l'air sérieux
 Le grand Trimalcion vient réjouir la terre**.

Под звуки труб и барабанов внесли в залу Трималциона. Впереди шли 8 рабов с факелами, за ними 8 рабов играли на трубах. Трималциона несли и поддерживали рабы в охотничьем костюме.

Три раба пели в это время:

A la cour, comme à l'armée
 On connaît sa renommée.
 Il ne craint point les hasards
 Ni de Bacchus, ni de Mars***, и т. д.

Трималцион был одет в костюм, в котором изображается Нерон; он имел вид полководца во время триумфального шествия. Голова его была поднята, руки он держал по бокам. Его опустили на ложе, и он пригласил своих гостей приступить к пиру; объяснил им, что празднует день, когда его *Миньон* брился в первый раз. Этот день считался очень торжественным у римлян. Миньон Трималциона был некрасивый карлик, совершенно соответствующий

* Хочу воспеть подвиги храброго капитана, у которого в тщедушном теле скрыто великое сердце. Он дрался без страха и торжествовал без труда: повсюду о нем идет добрая слава, всюду он побеждает. Усыпит его Бахус — Марс разбудит вновь. Все дивятся его жажде, всех страшит его сила, и Рим среди прочих трофеев воздвиг ему величественный монумент из битых бутылок (фр.). — Прим. пер.

** Воспрянем, друзья мои, оставим серьезность — великий Трималцион идет потешить Землю (фр.). — Прим. пер.

*** При дворе, как и при войске, слава его известна. Он не страшится опасностей — ни от Бахуса, ни от Марса (фр.). — Прим. пер.

тому, которого описал Петроний: «puer vetulus, lippus Trimalcione deformior».*

Около Трималциона стоял раб, который должен был нарезать ему кушанья. Он назывался Купе (Coupé), для того чтобы Трималцион, не любивший много говорить, мог, подзывая его, в то же самое время приказать, чтобы он начал резать кушанья¹. Трималцион велел подать себе рыбы и пригласил гостей пить вместе с ним, для того чтобы рыбы, которых они ели, могли бы плавать так же свободно, как те, которые находились в бассейне. Гости ели что им хотелось, но никто не пил прежде Трималциона. В то время как он пил, хор пел:

Jules César aimait la gloire,
Luculle aimait les grands repas,
Trimalcion n'aime qu'à boire,
Mais l'eau ne l'acommode pas**, и т. д.

Затем Трималцион предложил гостям яйца, на которых сидела наседка. Все были удивлены, что курица в это время была крыльями, и испугались, когда открыли яйца, — они думали, что в них сидят уже выведенные цыплята, но это были поджаренные перепела, которых повар искусно вложил в яйца. В то же самое время корзины, на которых сидели куры, открылись и из них вышли двое детей, которые начали танцевать. Этими детьми заменили скелет римского Трималциона, для того чтобы современный Трималцион рассуждал не о смерти, а о рождении человека. Высказав несколько нравственных изречений, он потребовал, чтобы гостям дали пить. Все пили за его здоровье под гром пушечной пальбы и пели:

Favori de la Fortune
Généreux Trimalcion.
Dans ton cœur la blonde et brune
Fait un peu d'impression.
Mais la soif, qui t'importune
Fait ta grande passion***, и т. д.

¹ Подобно рабу римского Трималциона, который назывался Carpus (в звательном *carpe*), что значит — *режь*.

* Мальчик-старик, сумасбродством превосходивший Трималциона (лат.). — *Прим. пер.*

** Юлий Цезарь любил славу, Лукулл любил пышные пиры, Трималцион же любит только пить, но вода ему не подходит (*фр.*). — *Прим. пер.*

*** Любимец Фортуны, великодушный Трималцион. Блондинки и брюнетки при твоём дворе производят мало впечатления. Но вот жажда, что тебя мучит, — она твоя великая страсть (*фр.*). — *Прим. пер.*

Затем гости потребовали, чтобы Трималцион послал за своей женой Фортунатой. Она явилась, разодетая в римский костюм и разукрашенная древними золотыми монетами и цепями. Гости наговорили ей много похвал за то, что она так хорошо сумела устроить пир. Между тем продолжали воспевать в стихах¹ подвиги Трималциона.

Во время этого пения на столе поставили зодиак; его 12 знаков состояли из 12 блюд, которые имели какое-нибудь отношение к влиянию соответствующего небесного знака. Трималцион начал излагать забавную астрологию, довольно сходную с той, которую находим у древнего автора. Все стали возносить его ученость. Чтобы показать, откуда он ее почерпнул, он велел Фортунате прочесть каталог его библиотеки, состоявшей из забавных книг. Он прерывал чтение и приводил самые пикантные места из этих книг. Затем один раб запел соловьем, но Трималцион приказал ему воспевать его подвиги. Раб воспел подвиг Трималциона, в котором этот герой выказал еще более храбрости, чем учености, обратив своим бегством в бегство неприятелей. Рассказ начинался стихами:

Lorsqu'il tomba du pont dans la rivière
D'étonnement le fleuve s'arresta*.

и кончался

Lui se savoit, mais cette âme indomtable
Même en fuyant donnait de la terreur**.

Эта опасность попасться в плен, в котором он некогда находился, напомнила Трималциону, как дорогá свобода, и он тотчас освободил своего раба с обычной у римлян церемонией. Затем он начал рассуждать о философских и нравственных предметах, свободной воле и о скоротечности счастья. После чего он вздумал написать свое завещание.

Завещание Трималциона было очень забавно. Он приказал, между прочим, изобразить на надгробном памятнике все подвиги его, как он упал в воду, историю в Венском театре и др., далее насадить виноград на могилу, чтобы доставить удовольствие его душе. Статую свою он приказал сделать в халате и ночном колпа-

¹ Эти стихи были вставлены самим Лейбницем; то, что в них было рассказано, действительно случилось с рауграфом Карлом-Морицем в Вене.

* Когда упал он с моста в реку, от удивления она перестала течь (фр.). — Прим. пер.

** Так он прославился, но этот неукротимый человек, даже обратившись в бегство, навел на всех ужас (фр.). — Прим. пер.

ке, так как он вел праздную жизнь. Рядом с ним должна была быть изображена Фортуната с чайником в одной и чашкой в другой руке; у ног ее разбитая бутылка и ребенок, оплакивающий разлившееся вино. Наконец он завещал своим друзьям, чтобы они часто приходили на его могилу, пили, пели и веселились.

На могиле он велел сделать следующую эпитафию:

Sy gist tout blême de visage,
Un qui mangeoit fort peu, mais buvoit d'avantage,
Cneus Pompé Trimalcion,
A table tenant tousjours bon:
Le dos au feu, le ventre á table
Qui quittant ce séjour, fit enrager le diable*.

Во время чтения завещания все рабы и слуги Трималциона плакали изо всех сил, показывая, как горька им мысль потерять такого доброго господина. Чтобы развлечь общество, опечаленное чтением завещания, Трималцион принуждал всех пить и велел воспеть еще один из его подвигов. После этого пришел миньон Трималциона и он начал его ласкать. Фортуната обиделась и начала упрекать его; они поссорились. Но друзья вступились за Фортунату и примирили супругов. Трималцион в честь этого примирения выпил большой бокал. В это время пели:

Duran l'ire degli amanti
Come dura nebbia al sol¹.

Празднество кончилось с теми же церемониями, с какими оно началось. Через три месяца новый Трималцион, т. е. рауграф, действительно умер от сильного пьянства.

¹ «Ссора любящих проходит, как туман на солнце». — И эти стихи вставил Лейбниц вместо других, менее выразительных.

* Здесь, бледнолицый, погребен тот, кто слишком много ел и еще больше пил, — Гней Помпей Трималцион, всегда браво державшийся за столом: спиной к огню, а брюхом на столе. Покинув сей приют, он отправился гневить самого дьявола (фр.). — *Прим. пер.*

ГЛАВА VI

СТАРАНИЯ ЛЕЙБНИЦА О СОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ

Отношения Лейбница к религии. — Религиозные партии в XVII в. — Попытки примирения. — Джон Дори. — Каликст и его школа. — *Методисты*. — Боссюз. — Спинола. — Моланус. — Мнение Лейбница о возможности соединения католической и протестантской церквей. — Взгляд его на отношения разума к вере. — Отношения Лейбница к католицизму. — *Systema Theologicum*. — Ландграф Эрнст Гессен-Рейнфельзский. — Его политические и религиозные убеждения. — Католическая пропаганда. — Обращение Эрнста в католицизм. — Переписка с Лейбницем. — Пропаганда в Мобьюиссоне. — Пелиссон. — М-ль де Скюдери. — Переписка Пелиссона с Лейбницем. — Poleмика Боссюз с Лейбницем о Тридентском соборе и об отношении протестантизма к католицизму. — М. де Бринон. — Антон-Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский. — Переписка между Лейбницем и Боссюз возобновляется. — Их полемика о канонических книгах. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невеста Карла VI. — Мнение ганноверских богословов и Лейбница о том, может ли лютеранская принцесса, выходящая за католического государя, со спокойной совестью принять католицизм. — Протесты других богословов. — Антон-Ульрих принимает католицизм. — Попытки соединения лютеранского и реформаторского исповеданий. — Участие Лейбница в переговорах и переписка с Яблонским. — Желание Лейбница ввести в Пруссии епископальное устройство и соединить англиканскую церковь с протестантской. — Значение попыток к объединению христианских церквей.

Для такой многосторонней и цельной личности, как Лейбниц, религия не могла не представлять большого интереса. Но религиозность Лейбница не имела субъективного характера. Она не выражалась в сомнениях, в тяжелой внутренней борьбе, в неотступных размышлениях над тем или другим религиозным вопросом. Со свойственной ему точностью мысли, Лейбниц рано выяснил себе свое отношение к религии; у него нет потребности проверить это отношение, и он никогда не касается, в интимной беседе или в переписке с друзьями, своих личных взглядов на религию.

Лейбниц с малолетства занимался богословием; еще в школе он с увлечением читал сочинения о самых трудных и неисчерпаемых вопросах христианской догматики; своим знакомством с этой догматикой и с историей христианской церкви он не уступал са-

мым ученым богословам своего времени, и при всем этом в его натуре было очень мало богословского. Лейбниц был и в религии прежде всего философом и политиком. В нем не было той неуступчивости и исключительности, с которыми богословы отстаивают свои догматы и считают ложным всякое другое толкование; его снисходительность к чужим мнениям вполне обнаруживалась и в религиозных вопросах. Его всего более интересовала практическая сторона в религии: ее влияние на общество, устройство церкви и отношение церкви к политической жизни народов.

По философии Лейбница, мир — не что иное, как гармоническое взаимодействие бесчисленных индивидуальных сил, предустановленное Высшей Мудростью и поэтому согласное с законами разума. Но это представление не было для него только теоретической гипотезой, оно было живым убеждением, которое руководило его практической деятельностью и проникало во все его научные теории. Вследствие этого он не мог принимать историю человечества за хаос случайных фактов; он видел в судьбах народов деятельность Провидения, которое вело человечество к известной разумной цели. Но признавая такую разумность в ходе всей человеческой истории, он особенно должен был искать ее в области религии, в которой человек живет всего сознает свою связь с Разумом, управляющим миром, и в которой яснее всего должна отразиться деятельность Провидения. Разумность и гармония, которые разлиты по всему миру, нигде не могли так явно обнаруживаться, как в судьбах христианской церкви, основанной на откровении самого Божества. Единство вселенской христианской церкви, непогрешимость ее в вопросах веры, убеждение, что она управляется самим Провидением, не были для Лейбница богословскими догматами, а прямо вытекали из его общих философских убеждений. Но это единство и эта гармония, казалось, находили себе резкое опровержение в том, что христианская церковь раздробилась на четыре исповедания — не считая многих сект и ересей, — которые взаимно исключали и даже проклинали друг друга. Этот факт не мог не остановить на себе внимания Лейбница; его необходимо было устранить или по крайней мере разъяснить. Лейбниц подходит к нему с двух сторон. Как теоретик, он старается доказать, что, несмотря на это различие и эту вражду исповеданий, внутреннее единство и гармония христианской церкви существуют ненарушимо, и в то же время он старается на практике действовать по возможности устранению раскола в христианстве и подготовить примирение и слияние церквей. Эти стремления и заботы не покидают его в течение целой жизни, несмотря на все

затруднения и разочарования и несмотря на то, что он сам ясно сознает невозможность скорого успеха. Но он не падает духом и преследует свою цель, сообразуясь с обстоятельствами; он начинает свои попытки примирения еще юношей в Майнце под покровительством католического архиепископа и пишет о том же к принцессе Вельской за несколько месяцев до своей смерти.

Эти старания не были мечтами отдельного человека, но находили себе действительную почву в стремлениях самого времени. Попытки примирения и слияния христианских исповеданий составляют отличительный признак XVII в. Тогда как прежде религиозный интерес проявлялся преимущественно только в развитии и точном определении догматов и давал повод к богословским спорам и расколу, в XVII в. во всех исповеданиях встречаются люди, которые указывают на сущность христианской религии, общую всем исповеданиям, признают некоторое основание за убеждениями своих противников и стараются дать догматам своей партии примирительное истолкование, способное привести к соглашению враждебных сторон.

И до XVII в., даже во время Реформации, при самом разгаре религиозных страстей, нередко устраивались съезды и диспуты богословов, которые имели целью положить конец религиозной распри. Но эти съезды устраивались большей частью правительствами, которые действовали из политических побуждений; богословы же, избравшиеся представителями с обеих сторон, вовсе и не думали о примирении; они имели только в виду доказать своим противникам ложность и нечестивость из убеждений, старались переманить их с помощью диалектики на свою сторону, а если это не удавалось, то предавали их анафеме. Особенной нетерпимостью отличались католики. В спорах с «еретиками» они считали преступлением малейшее снисхождение и имели только одну цель — обличить своих противников в ереси или возвратить их в лоно католической церкви. Между протестантами реформаты отличались обыкновенно большей умеренностью, но зато лютеранская ортодоксия не уступала католикам в фанатизме и не скупилась на оскорбительные выражения, заимствованные из Апокалипсиса, называя папу антихристом, а католическую церковь вавилонской блудницей. В XVII в., хотя и медленно, начинает пробуждаться сознание, что приверженцы всех христианских исповеданий составляют одну семью, что схоластические споры враждебны духу христианской религии и затемняют ее сущность. Не одни только правительства, а сами богословы устраивают съезды под условием, чтобы каждая партия воздерживалась от оскорбле-

ний своих противников, с искренностью и ясностью выражала свое мнение и выискивала средства к соглашению. Возникает целая богословская школа, которая ставит себе целью устранить религиозную распрю и восстановить единство христианской церкви. Появляются люди, проникнутые истинным духом христианства, которые посвящают всю жизнь делу примирения и которых можно назвать мучениками этого дела¹.

Самым замечательным из этих «апостолов мира» был шотландский богослов Джон Дори (Dorie), или Дуреус. Он был сыном одного пресвитерианского священника в Эдинбурге, изгнанного за фанатизм, и родился в конце XVI в. Свою деятельность он начал в польском городе Эльбингене, где был пастором в небольшом приходе тамошних пуритан. Город Эльбинген был занят Густавом-Адольфом, и Дуреус имел случай познакомиться с Оксенштиерной и с английским послом Ро, которые отнеслись с искренним участием к его плану устроить соединение всех протестантских церквей. Ободренный ими Дуреус оставил свое место и отправился в Англию, где ему удалось приобрести сочувствие архиепископа Кентерберийского и нескольких умеренных епископов. Оттуда он поехал в Германию, отыскал Густава-Адольфа и получил обещание в покровительстве с его стороны. Смерть Густава-Адольфа не остановила его. С неутомимым рвением он обращался к богословам и университетам Германии, чтобы расположить их к делу примирения. Пражский мир 1635 г., вследствие которого Саксония, стоявшая во главе немецких протестантов, сблизилась с Австрией и отстала от Шведского союза, заставил Дуреуса покинуть Германию. Он отправился в Швецию, желая по крайней мере достигнуть слияния английской епископальной церкви с шведской, которая также сохранила у себя епископальную иерархию. Несколько лет провел Дуреус в Швеции в тщетных стараниях переломить упрямство тамошних епископов и Упсальского университета, пока наконец не был удален отсюда по распоряжению шведского правительства. Такие неудачи не разочаровывали Дуреуса. По совету Гуго Гроция, он отправился в Данию, где был хорошо принят королем и духовенством. Но условия, выставленные ими для соединения с реформатами, были неисполнимы для последних. Между тем денежные средства его истощились, и он должен был принять в Голландии место священника. Через некоторое время английский парламент пригласил его в члены Вестминстерского синода. Политические смуты в Англии заставили Дуреуса на

¹ См.: *Hering. Geschichte der kirchlichen Unionsversuche. Leipzig, 1836. 2 vol.*

время оставить свои планы, но он возобновил их при первой возможности. Во время своих попыток к примирению Дуреусу часто приходилось слышать от лютеранских богословов, что дело соглашения между ними пошло бы успешнее, если бы у него было действительное полномочие со стороны реформатской церкви. Дуреус убедился, что поэтому прежде всего для него необходимо достигнуть соглашения между реформатскими церквями, и так как все реформаты в Англии, Голландии и Германии признавали авторитет швейцарской церкви, то он счел нужным приобрести содействие швейцарских богословов. Во главе Англии стояло в то время пресвитерианское правительство, которое поэтому смотрело благосклонно на попытку Дуреуса. Кромвель снабдил его деньгами, а Лондонский синод и доктора Оксфордского и Кембриджского университетов полномочиями к швейцарским богословам. В 1654 г. Дуреус отправился в Швейцарию и объяснил тамошнему сейму свои намерения. Он был принят с сочувствием, как сеймом, так и духовенством, и получил от Большого совета значительную сумму денег, а Цюрихские богословы уполномочили его действовать от имени швейцарской церкви. Снабженный кроме того многими рекомендательными письмами к реформатским князьям Германии, Дуреус отправился туда. Много еще лет провел он в Германии в неутомимых стараниях и до конца своей жизни не оставлял начатого дела. «Дуреус не уставал, но наши читатели устали бы, — говорит его биограф¹, — если бы мы описали здесь все путешествия, им предпринятые, все переговоры, начатые им, все пустые обещания, которые ему давали, и все надежды на благоприятный исход, которые то открывались, то снова исчезали. Самые лучшие друзья, вполне сочувствовавшие его деятельности, сомневались в успехе и считали полное соединение невозможным. На соединение церквей, говорил один из его друзей, можно надеяться только как на воскресение из мертвых, которое во власти Всемогущего Господа».

Во главе лютеранских богословов, проповедовавших терпимость и склонность к уступкам во имя примирения церквей, стоял Гельмштедтский богослов Георг Каликст. Основательные исторические занятия и путешествия за границей освободили его от предрассудков, господствовавших относительно иноверцев, и внушили ему дух терпимости и умеренности. Он один из первых решился высказывать не всеми признанную истину, что ни реформаты, ни католики не ошибаются настолько в делах веры, чтобы нельзя

¹ *Hering*. II, 124.

было считать их братьями и соучастниками в Царствии Небесном. Каликст старался выставить то, что разделяло исповедания, неважным, а то, что они одинаково признавали, — существенным в христианстве. Каликст образовал целую школу умеренных богословов, рассадником которых был Гельмшtedтский университет. Он сам пользовался большим уважением не только у своих, но также у реформатов даже вне пределов Германии. Когда польский король Владислав созвал в 1644 г. известный религиозный съезд в Торне, реформатский курфюрст Бранденбургский, вассал польского короля, пригласил Каликста отправиться в Торн вместе с прусскими богословами, чтобы своим личным влиянием поддерживать согласие между лютеранами и реформатами.

Но число противников Каликста было гораздо больше, чем число его приверженцев. В Торне лютеранские богословы не хотели позволить ему, как отступнику, присоединиться к ним. Против него была направлена целая литература полемических сочинений, исполненных самыми резкими упреками и обвинениями за то, что он будто бы распространяет равнодушие и содействует торжеству папства. Во главе этого неуступчивого направления стоял Виттенбергский университет, а между его богословами особенно отличался своей нетерпимостью ученый педант Калов, о котором мы уже упоминали в первой главе. Ярость и бранчивость саксонских богословов дошли до того, что в 1654 г. большинство протестантских государей Германии обратилось к курфюрсту Иоганну-Георгу I с просьбой унять его богословов, но этот достойный покровитель педантических книжников ответил, «*dass er dem heiligen Geiste nicht das Maul stopfen könne*»*.

Виттенбергские богословы обвинили Каликста и его приверженцев в «синкретизме». Это слово первоначально не имело дурного значения. Плутарх указывает на обычай древних критян, которые прекращают свои постоянные усобицы, когда приближается общий враг, и соединяются против него, и этот обычай он называет синкретизмом. Еще первые реформаторы — Цвингли и Меланхтон — употребляют это слово в смысле честного соединения для отражения вражеского нападения. Но в устах саксонских ревнителей веры слово «синкретизм» получило дурной оттенок неискреннего, лицемерного примирения, не устранивающего причин будущего раздора.

Не все протестантские государи выказывали такую привязанность к старым предрассудкам, как саксонские курфюрсты. Осо-

* ...что он не в силах заткнуть рот Святому Духу (нем.). — *Прим. пер.*

затруднения и разочарования и несмотря на то, что он сам ясно сознает невозможность скорого успеха. Но он не падает духом и преследует свою цель, сообразуясь с обстоятельствами; он начинает свои попытки примирения еще юношей в Майнце под покровительством католического архиепископа и пишет о том же к принцессе Вельской за несколько месяцев до своей смерти.

Эти старания не были мечтами отдельного человека, но находили себе действительную почву в стремлениях самого времени. Попытки примирения и слияния христианских исповеданий составляют отличительный признак XVII в. Тогда как прежде религиозный интерес проявлялся преимущественно только в развитии и точном определении догматов и давал повод к богословским спорам и расколу, в XVII в. во всех исповеданиях встречаются люди, которые указывают на сущность христианской религии, общую всем исповеданиям, признают некоторое основание за убеждениями своих противников и стараются дать догматам своей партии примирительное истолкование, способное привести к соглашению враждебных сторон.

И до XVII в., даже во время Реформации, при самом разгаре религиозных страстей, нередко устраивались съезды и диспуты богословов, которые имели целью положить конец религиозной распре. Но эти съезды устраивались большей частью правительствами, которые действовали из политических побуждений; богословы же, избравшиеся представителями с обеих сторон, вовсе и не думали о примирении; они имели только в виду доказать своим противникам ложность и нечестивость из убеждений, старались переманить их с помощью диалектики на свою сторону, а если это не удавалось, то предавали их анафеме. Особенной нетерпимостью отличались католики. В спорах с «еретиками» они считали преступлением малейшее снисхождение и имели только одну цель — обличить своих противников в ереси или возвратить их в лоно католической церкви. Между протестантами реформаты отличались обыкновенно большей умеренностью, но зато лютеранская ортодоксия не уступала католикам в фанатизме и не скупилась на оскорбительные выражения, заимствованные из Апокалипсиса, называя папу антихристом, а католическую церковь вавилонской блудницей. В XVII в., хотя и медленно, начинает пробуждаться сознание, что приверженцы всех христианских исповеданий составляют одну семью, что схоластические споры враждебны духу христианской религии и затемняют ее сущность. Не одни только правительства, а сами богословы устраивают съезды под условием, чтобы каждая партия воздерживалась от оскорбле-

ний своих противников, с искренностью и ясностью выражала свое мнение и выискивала средства к соглашению. Возникает целая богословская школа, которая ставит себе целью устранить религиозную распрю и восстановить единство христианской церкви. Появляются люди, проникнутые истинным духом христианства, которые посвящают всю жизнь делу примирения и которых можно назвать мучениками этого дела¹.

Самым замечательным из этих «апостолов мира» был шотландский богослов Джон Дори (Dogie), или Дуреус. Он был сыном одного пресвитерианского священника в Эдинбурге, изгнанного за фанатизм, и родился в конце XVI в. Свою деятельность он начал в польском городе Эльбингене, где был пастором в небольшом приходе тамошних пуритан. Город Эльбинген был занят Густавом-Адольфом, и Дуреус имел случай познакомиться с Оксенштиерной и с английским послом Ро, которые отнеслись с искренним участием к его плану устроить соединение всех протестантских церквей. Ободренный ими Дуреус оставил свое место и отправился в Англию, где ему удалось приобрести сочувствие архиепископа Кентерберийского и нескольких умеренных епископов. Оттуда он поехал в Германию, отыскал Густава-Адольфа и получил обещание в покровительстве с его стороны. Смерть Густава-Адольфа не остановила его. С неутомимым рвением он обращался к богословам и университетам Германии, чтобы расположить их к делу примирения. Пражский мир 1635 г., вследствие которого Саксония, стоявшая во главе немецких протестантов, сблизилась с Австрией и отстала от Шведского союза, заставил Дуреуса покинуть Германию. Он отправился в Швецию, желая по крайней мере достигнуть слияния английской епископальной церкви с шведской, которая также сохранила у себя епископальную иерархию. Несколько лет провел Дуреус в Швеции в тщетных стараниях переломить упрямство тамошних епископов и Упсальского университета, пока наконец не был удален оттуда по распоряжению шведского правительства. Такие неудачи не разочаровывали Дуреуса. По совету Гуго Гроция, он отправился в Данию, где был хорошо принят королем и духовенством. Но условия, выставленные ими для соединения с реформатами, были неисполнимы для последних. Между тем денежные средства его истощились, и он должен был принять в Голландии место священника. Через некоторое время английский парламент пригласил его в члены Вестминстерского синода. Политические смуты в Англии заставили Дуреуса на

¹ См.: *Hering. Geschichte der kirchlichen Unionsversuche.* Leipzig, 1836. 2 vol.

время оставить свои планы, но он возобновил их при первой возможности. Во время своих попыток к примирению Дуреусу часто приходилось слышать от лютеранских богословов, что дело соглашения между ними пошло бы успешнее, если бы у него было действительное полномочие со стороны реформатской церкви. Дуреус убедился, что поэтому прежде всего для него необходимо достигнуть соглашения между реформатскими церквями, и так как все реформаты в Англии, Голландии и Германии признавали авторитет швейцарской церкви, то он счел нужным приобрести содействие швейцарских богословов. Во главе Англии стояло в то время пресвитерианское правительство, которое поэтому смотрело благосклонно на попытку Дуреуса. Кромвель снабдил его деньгами, а Лондонский синод и доктор Оксфордского и Кембриджского университетов полномочиями к швейцарским богословам. В 1654 г. Дуреус отправился в Швейцарию и объяснил тамошнему сейму свои намерения. Он был принят с сочувствием, как сеймом, так и духовенством, и получил от Большого совета значительную сумму денег, а Цюрихские богословы уполномочили его действовать от имени швейцарской церкви. Снабженный кроме того многими рекомендательными письмами к реформатским князьям Германии, Дуреус отправился туда. Много еще лет провел он в Германии в неутомимых стараниях и до конца своей жизни не оставлял начатого дела. «Дуреус не уставал, но наши читатели устали бы, — говорит его биограф¹, — если бы мы описали здесь все путешествия, им предпринятые, все переговоры, начатые им, все пустые обещания, которые ему давали, и все надежды на благоприятный исход, которые то открывались, то снова исчезали. Самые лучшие друзья, вполне сочувствовавшие его деятельности, сомневались в успехе и считали полное соединение невозможным. На соединение церквей, говорил один из его друзей, можно надеяться только как на воскресение из мертвых, которое во власти Всемогущего Господа».

Во главе лютеранских богословов, проповедовавших терпимость и склонность к уступкам во имя примирения церквей, стоял Гельмштедтский богослов Георг Каликст. Основательные исторические занятия и путешествия за границей освободили его от предубеждений, господствовавших относительно иноверцев, и внушили ему дух терпимости и умеренности. Он один из первых решился высказывать не всеми признанную истину, что ни реформаты, ни католики не ошибаются настолько в делах веры, чтобы нельзя

¹ *Hering*, II, 124.

было считать их братьями и соучастниками в Царствии Небесном. Каликст старался выставить то, что разделяло исповедания, неважным, а то, что они одинаково признавали, — существенным в христианстве. Каликст образовал целую школу умеренных богословов, рассадником которых был Гельмштедтский университет. Он сам пользовался большим уважением не только у своих, но также у реформатов даже вне пределов Германии. Когда польский король Владислав созвал в 1644 г. известный религиозный съезд в Торне, реформатский курфюрст Бранденбургский, вассал польского короля, пригласил Каликста отправиться в Торн вместе с прусскими богословами, чтобы своим личным влиянием поддерживать согласие между лютеранами и реформатами.

Но число противников Каликста было гораздо больше, чем число его приверженцев. В Торне лютеранские богословы не хотели позволить ему, как отступнику, присоединиться к ним. Против него была направлена целая литература полемических сочинений, исполненных самыми резкими упреками и обвинениями за то, что он будто бы распространяет равнодушие и содействует торжеству папства. Во главе этого неуступчивого направления стоял Виттенбергский университет, а между его богословами особенно отличался своей нетерпимостью ученый педант Калов, о котором мы уже упоминали в первой главе. Ярость и бранчивость саксонских богословов дошли до того, что в 1654 г. большинство протестантских государей Германии обратилось к курфюрсту Иоганну-Георгу I с просьбой унять его богословов, но этот достойный покровитель педантических книжников ответил, «*dass er dem heiligen Geiste nicht das Maul stopfen könne*»*.

Виттенбергские богословы обвинили Каликста и его приверженцев в «синкретизме». Это слово первоначально не имело дурного значения. Плутарх указывает на обычай древних критян, которые прекращают свои постоянные усобицы, когда приближается общий враг, и соединяются против него, и этот обычай он называет синкретизмом. Еще первые реформаторы — Цвингли и Меланхтон — употребляют это слово в смысле честного соединения для отражения вражеского нападения. Но в устах саксонских ревнителей веры слово «синкретизм» получило дурной оттенок неискреннего, лицемерного примирения, не устраняющего причин будущего раздора.

Не все протестантские государи выказывали такую привязанность к старым предрассудкам, как саксонские курфюрсты. Осо-

* ...что он не в силах заткнуть рот Святому Духу (нем.). — Прим. пер.

бенно интересовались примирением между протестантами и реформатами государи Гессена и Бранденбурга, население которых принадлежало к обоим этим исповеданиям. Для них было политической необходимостью достигнуть если не слияния, то по крайней мере их взаимной терпимости. С этой целью ландграф Вильгельм VI устроил в 1661 г. богословский съезд в Касселе, куда он пригласил реформатских богословов из Марбурга и лютеранских из Ринтельна. Переговоры происходили под председательством трех графских советников и окончились к обоюдному удовольствию. Самыми спорными вопросами между реформатами и лютеранами были догматы об евхаристии и о предопределении. В них достигли почти полного соглашения, а относительно остальных спорных вопросов было постановлено, чтобы каждая сторона оставалась при своем убеждении, но воздерживалась от нападок на убеждения другой стороны. В то же время члены съезда выразили желание, чтобы соседние церкви и университеты присоединились к ним в деле примирения.

Миролюбивое настроение кассельских богословов вызвало сочувствие реформатов в Голландии и Франции, а бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм в следующем году устроил такой же богословский съезд в Берлине. В то же время он издал указ, в котором запрещалось лютеранским пасторам нападать в своих проповедях на Кальвина и его последователей и приписывать им, на основании ложных толкований, нелепые и нечестивые мнения. Указ обвинял их за то, что они в своих проповедях чаще называют имена Кальвина и Беза, чтобы осыпать их бранью, чем Петра и Павла, чтобы извлекать из их посланий христианское учение. Другим указом курфюрст запретил всем прусским студентам посещать Виттенбергский университет. Эти указы вызвали такое раздражение, что переговоры между богословами обоих исповеданий не привели к желанному результату. Лютеране отвечали уклончиво на вопрос, содержится ли в символических книгах реформатской церкви, принятых в Пруссии, какое-нибудь учение, за которое верующий должен лишиться Царства Небесного, и опущено ли в них что-нибудь такое, без чего нельзя быть спасенным. Один из самых уважаемых берлинских пасторов, духовный поэт Павел Гергардт ответил: «Я согласен, что между реформатами есть христиане; но чтобы реформаты по своему учению могли считаться христианами и, следовательно, братьями, с этим я не могу согласиться».

Тогда курфюрст потребовал, чтобы пасторы обоих исповеданий письменно обязались не оскорблять в проповедях своих про-

тивников, не искажать их учения и вообще воздерживаться от богословской полемики. Этот указ вызвал большое волнение. Самые уважаемые из пасторов отказались дать подписку, были лишены за это своих мест и изгнаны. В соседних государствах их приняли тогда как мучеников; в наше же время можно видеть в их действиях упрямство и узкий взгляд на свое призвание. Но дело их представляет, кроме богословской, еще политическую сторону. Указ курфюрста был вмешательством в область совести и ограничением свободы слова, а в подобных случаях не всегда бывает легко отличить упрямство от гражданского мужества.

Как к реформатам относились лютеране, так католики относились к протестантам вообще. Когда дело шло о соглашении, они со своей стороны думали только о том, чтобы привлечь противников на свою сторону. В католической церкви всегда был силен дух пропаганды, и в истории этой церкви известен целый ряд ученых богословов, получивших название *методистов* за то, что они придумывали разные методы для обличения протестантов. Самая любимая из этих методов заключалась в том, что, не приводя доказательств в пользу своих догматов, они возлагали на протестантов обязанность доказывать ошибочность этих догматов текстами из Священного Писания. Католики требовали, например, чтобы протестанты привели место из Священного Писания, где было бы ясно сказано, что нет чистилища. Некоторые методисты придавали этому приему форму процесса, заимствованного из права. Они приписывали католической церкви право давности и придавали полемике вид процесса, в котором католики играют роль ответчиков, а протестанты — роль истцов, обязанных доказать несправедливость своих противников ясными свидетельствами Священного Писания. Иезуит Вероний так прославился своим искусством пользоваться этой методой, что последняя стала известна под названием *Веронианской*. Ученые-перекрещенцы, братья Валенбурги, получившие за свою деятельность сан епископов, усовершенствовали эту методику и утверждали, что с ее помощью всякий грамотный крестьянин, способный прочесть Библию, в состоянии победить самого ученого пастора. Протестанты, конечно, считали эту методику нелепой, и Конринг называл ее методическим сумасшествием (*cum ratione insanire*)¹.

В таком положении находилась богословская полемика, когда вдруг один из самых уважаемых католических сановников высту-

¹ См.: *Soldan. Dreissig Jahre des Proselytismus. Leipzig, 1845.* — Очень интересное и дельное сочинение, как все, что вышло из-под пера этого автора.

пил с новой методой: то был Боссюз со своим «Изложением учения католической церкви в спорных вопросах» (*Exposition de la Doctrine de l'Église Catholique sur les matières de controverse*). В этом сочинении Боссюз избирает тот путь, который всего вернее мог привести к примирению. Нисколько не отступая от учения своей церкви, он старается дать всем католическим догматам, отвергнутым протестантами, такое толкование, которое всего ближе подходило бы к убеждениям протестантов. «Узнайте католицизм, — говорил он протестантам, — и вы увидите, как он близок к вашему учению; вы спросите себя с изумлением, как можно было отделиться от него, и ваше возвращение к нему устроится само собой». Так как большинство католических догматов, например, поклонение святым, употребление икон, первенство римского епископа и др., есть только известное развитие христианских начал, признанных протестантами, и при осмысленном толковании и искусном ограничении не может быть вполне отвергнуто ими, то такая метода должна была привести к цели. Там, где соглашение было невозможно, блестящее красноречие Боссюз и искусная диалектика его скрывали противоречия, смягчали враждебность, иными словами, оправдывали и идеализировали католицизм. Сочинение Боссюз произвело самое сильное впечатление не только между католиками, но и между протестантами. Во Франции число гугенотов, принявших католичество под его влиянием, было очень значительно. Между ними был маршал Тюрен, многие пасторы и адвокат де Брюе, который полемизировал против Боссюз. Правда, это отступничество нельзя было приписать одному только красноречию французского епископа — в это время притеснения гугенотов превратились в открытое преследование, и драгуны Лувуа помогали там, где не действовало красноречие.

Но многие католики, однако, были недовольны методой Боссюз. Они находили, что он искажает чистое католическое учение и делает слишком много уступок еретикам. Один из римских инквизиторов осудил его сочинение, не дожидаясь приговора папы. Особенно восставали против Боссюз иезуиты. Они упрекали его в том же, что Виттенбергские богословы ставили в вину Каликсту. Знаменитый иезуит Мэмбур (*Maimbourg*) говорит, намекая на Боссюз: «Известно, что все попытки к соглашению и уступки в религии, к которым прибегали в так называемых изложениях веры (*ses prétendues expositions de foi*), опуская или скрывая часть догматов, или же излагая их в двусмысленных и слишком уступчивых выражениях, не удовлетворяют ни еретиков, ни католиков. Обе стороны жалуются, что дело ведется не прямыми путями в таком вопро-

се, как вера, где надобно быть осторожным и где нельзя ошибаться в частностях, не искажая целого».

Но другой католический епископ этого времени пошел еще дальше Боссюэ. Способ последнего, несмотря на свой уступчивый характер, заключался в том, чтобы сделать протестантов католиками. Приноравливаясь как можно более к понятиям протестантов, он сохранял все католические догматы и требовал, чтобы протестанты приняли целиком учение римской церкви. Таким путем можно было достигнуть только присоединения отдельных лиц, которые почерпнули бы из сочинений католического епископа более верное понятие о его церкви, но никак нельзя было ожидать, чтобы целые народы покинули свои обряды и верования, которые они привыкли считать истинными. Между католиками нашелся человек, который счел возможным предоставить протестантам, по крайней мере на время, их обряды и верования, с тем чтобы они внешним образом присоединились к римской церкви. Этот человек был Христофор Спинола, епископ Тины, а потом Нейштадта, о котором мы уже говорили в главе IV. То, что он имел в виду, было не что иное, как *уния* протестантов, вроде той, которая незадолго пред этим возникла в западной России между католиками и православными. Спинола действовал из чистых побуждений и был искренне предан своему делу. Подобно Дуреусу он посвятил ему целую жизнь и с большим самопожертвованием и неутомимым рвением преследовал свою цель, несмотря на постоянные неудачи. Он считал примирение действительно возможным и не ставил ловушки протестантам. При этом он вносил в переговоры дух христианской кротости и терпимости, которые особенно удивительны в испанце. Удрученный мучительной подагрой, которая позволяла ему лежать только на одном боку, он заставлял переносить себя на носилках из одного города в другой. Почти всю жизнь провел он в путешествиях, переезжая от одного двора к другому и беспрестанно отправляясь в Рим, чтобы успокаивать подозрительность римской курии. Мы уже говорили о том, как он приезжал в Ганновер в царствование Иоганна-Фридриха. В 1683 г. он снова явился туда и был так же хорошо принят его преемником Эрнстом-Августом. В переговорах с протестантами он принимал в основание учение католической церкви, как оно было изложено у Боссюэ. Он предлагал протестантам присоединиться к римской церкви и обещал, что им позволят сохранить все обряды и догматы, а князьям их все права над церковью, которые они себе присвоили. Он говорил, что их священникам будет разрешено вступать в брак, даже во второй раз, а мирянам принимать причастие под

обоими видами. Одни могут называть себя старокатоликами, другие — новокатоликами, и в знак своего соединения приверженцы одного исповедания могут быть допускаемы к причастию в церквях другого исповедания. Главная уступка заключалась в том, что постановления Тридентского собора, который довершил разрыв между католиками и протестантами, могут быть необязательными для последних, а анафемы, произнесенные на этом соборе против отступников от учения римской церкви, считаются отмененными впредь до нового вселенского собора. На этот собор протестанты будут призваны не как обвиненные, а как равноправные члены. Для этого папа снимет с них особенной буллой обвинение в ереси, а они за все эти уступки обяжутся считать его не за антихриста, а за старейшего патриарха в христианстве, которому принадлежит первенство по званию, а не по управлению церковью, и то на основании не Божественного, а только человеческого и церковного права. Все это должно было быть определено и обеспечено еще до собора особыми конкордатами.

Эти предложения не были только частным мнением Спинолы. Он имел полномочие вести переговоры от императора Леопольда, хотя совершал свое путешествие под предлогом устройства Ост-индогерманского торгового общества. Он имел сильных покровителей в Риме, которые знали обо всем. К числу их принадлежали кардиналы Чибо, Пио, Спинола (однофамилец) и особенно Албрици, папский нунций в Вене, несколько ученых богословов в Риме, Перец, исповедник папы, генерал иезуитов патер де Нойель (Noyelles) и генерал францисканцев. Сам папа Иннокентий XI покровительствовал ему и поддерживал его собственноручными письмами и апостольским бреве. В Риме не решились дать Спиноле явное полномочие потому только, что боялись оппозиции французской партии между кардиналами, во главе которой стоял кардинал д'Эстре (d'Estrées). Ибо в это время происходили споры между папой и Людовиком XIV за так называемые привилегии галликанской церкви, и приверженцы последней находились в открытой вражде с папой.

Эрнст-Август назначил со своей стороны Молануса, аббата Локкумского и председателя Ганноверской консистории, и придворного проповедника Баркгаузена, для того чтобы вести переговоры со Спинолой. К ним были присоединены двое из либеральных богословов Гельмштедтского университета, Ф. У. Каликст, сын знаменитого Каликста, и профессор Мейер. Душой переговоров был Моланус, который составляет замечательное исключение между лютеранскими богословами XVII в. Он был учеником Ка-

ликста старшего и не уступал своему учителю в умеренности и кротости. Но жизнь при таком веселом и либеральном дворе, как Ганноверский, придала Моланусу характер своеобразного царедворца, и его либерализм в богословских вопросах принимал иногда даже шуточный оборот¹.

¹ Насколько глубже, чем Моланус, Лейбниц понимал религиозные явления, доказывает следующий случай, интересный для нас тем, что в нем высказывается взгляд Лейбница на энтузиастов и людей, одержимых видениями.

В Люнебурге жила некая г-жа фон Ассенбург, религиозная энтузиастка, которая посвятила Спасителю одну из своих дочерей, Розамунду, когда та еще не родилась на свет. Эта Розамунда, воспитанная в убеждении, что она посвящена Христу, еще в детстве имела видения, будто бы Христос является ей во всем блеске Царства Небесного и делает ей различные откровения. В 1691 г. Розамунда, став уже девицей, начала обращать на себя общее внимание. Она давала ответы на вопросы, предлагаемые ей на всех языках и в запечатанных конвертах. Она была убеждена, что ответы были ей внушаемы Христом. Иногда она бывала не в состоянии давать ответы; тогда она говорила, что Христос не всегда ей отвечает, а только когда захочет. Однажды она была очень печальна и горько плакала, потому что предложенные ей вопросы были неприличного содержания, и она говорила, что Христос явился ей очень гневным. Многие ей верили. Люнебургский суперинтендент Петерсен, веривший в тысячелетнее царство Господне, видел в пророчествах Розамунды доказательство в пользу своих убеждений и начал проповедовать, что приближается пришествие Христа. Он был за это лишен своего места. Строгие и ортодоксальные богословы считали уверения и показания Розамунды еретическими и нечестивыми. Моланус находил их смешными и подшучивал над Розамундой. Он говорил, что выражения, с которыми Спаситель будто бы обращается к Розамунде, — моя царица, моя голубка, — сколько известно, не употребительны «на канцелярском языке Неба». В другой раз, когда герцогиня просила его сказать свое мнение о Розамунде, он писал Лейбницу (*Oeuvres de Leibniz / Ed. Fouche de Careil. I. P. 187*): Elle demande nostre sentiment sur l'histoire d'Ebsdorf; ce que j'ai donné sur le champ tout à cette heure en conseillant, qu'on mène, si tost qu'il sera possible, ces jeunes prophétesses aux eaux de Pyrmont pour leur nettoyer leurs entrailles, où se trouveront sans doute des obstructions terribles (Она спросила, что мы думаем об истории Эбсдорфа; на что я тут же посоветовал как можно скорее вывезти всех этих юных пророчиц на воды в Пирмонт, чтобы они там прочистили свои внутренности, которые, без сомнения, ужасно засорены (*фр.*). — *Прим. пер.*).

Лейбниц смотрел совершенно иначе на подобные явления. «Есть люди, — пишет он Софье, — которые судят об этом слегка (*cavalièrement*) и полагают, что молодую пророчицу нужно отправить в Пирмонт. Что касается меня, то я убежден, что все происходит очень естественно, и рассказ о запечатанном письме доктора Шота, на которое она ответила по внушению Христа, должно быть, разукрашен. Впрочем, я удивляюсь свойствам человеческого духа, силы и способности которого нам не все известны. Если мы встречаем таких людей, мы не должны их бранить или стараться изменять их, но желать, чтобы в них сохранилось это прекрасное настроение духа, подобно тому как мы сохраняем какую-нибудь редкость или драгоценность». Затем Лейбниц объясняет признаки, по которым можно отличить видения от настоящих пророчеств, и говорит,

Ганноверские богословы сошлись довольно скоро со Спинолой и подписались вместе с ним под трактатом, в котором он изложил основания для примирения протестантов с католиками. Они выказали даже большую уступчивость, чем от них ожидал католический епископ, и согласились не только признать первенство папы в звании пред остальными епископами, но и предоставить

что люди с сильным воображением могут иметь такие живые и ясные видения, что они принимают их за действительные явления. Это часто встречается у молодых женщин, воспитанных в монастырях. Замечают также, говорит Лейбниц, что видения находятся в известном отношении с природными свойствами людей; последнее бывает даже у настоящих пророков. Господь применяется к ним, чтобы не делать лишних чудес. «Мне часто кажется, что Иезекииль был знаком с архитектурой или был придворным инженером, потому что у него великолепные видения и ему представляются красивые здания. Но пророк из сельчан, как Осия или Амос, видит только ландшафты и сельские предметы, тогда как Даниил, который был государственным человеком, распоряжается всемирными монархиями. Девушку, которую видели В. Св., конечно, нельзя сопоставить с этими пророками; впрочем, ей кажется, что она видит Христа, потому что у протестантов нет святых. Своей пламенной любовью к Спасителю, возбужденной проповедями и чтением, она заслужила благодать видеть образ или явление Христа. Ибо почему не назвать этого благодатью? Она от этого счастлива, радуется своему счастью и полна самыми лучшими чувствами. Не нужно думать, чтобы благодать Господня всегда проявлялась чудесным образом. Если Он пользуется естественными способностями нашего духа и свойствами окружающих нас предметов, чтобы осветить наш ум или исполнить сердце теплотой, то я считаю это благодатью. То множество пророков, которых мы встречаем у Израильян, очевидно, не представляет нам другого явления... Пророчества этой доброй девушки будут неудачны, если она будет слишком точно определять события и входить в подробности, и это повредит ей в глазах большого света. Впрочем, я признаюсь, что великие пророки, т. е. те, которые могут предсказывать точные подробности событий, наделены сверхъестественной способностью. Ибо невозможно, чтобы человеку с его ограниченностью, как бы он ни был проникателен, удалось разрешить эти вопросы». Лейбниц объясняет свою мысль о сверхъестественной благодати теорией предустановленной гармонии и продолжает: «Я не люблю трагических событий и желал бы, чтобы всем на свете было хорошо. Я не одобряю также преследований хилиастов, за мнение, которое находит себе поддержку в Апокалипсисе, и жалею, что Петерсена хотят лишить места. Аугсбургское исповедание, как мне кажется, осуждает только тех хилиастов, которые нарушают общественное спокойствие. Заблуждение же тех, кто спокойно ожидает пришествия Христа, кажется мне очень невинным».

Герцогиня была в восхищении от письма Лейбница; она находила в нем свои собственные взгляды, только последовательно и философски развитые. «Я с гордостью всем показывала ваше письмо, — отвечает она ему, — *j'ai fait trophée de votre letter* (Я сделала из вашего письма свой трофей (*фр.*)). — *Прим. пер.*); все высказанные вами мнения так здравы, так свободны от предрассудков».

ему судебную власть над ними. Обе стороны согласились, что слияние протестантской церкви с католической возможно, с тем чтобы оба исповедания сохранили до нового собора свои особые обряды и догматы. Было решено, что все пункты, в которых эти исповедания расходятся, должны находиться на одном положении со спорными вопросами католической догматики, еще не определенными церковью. Моланус издал со своей стороны вместе с Биркгаузеном сочинение, в котором изложил свой взгляд на примирение церквей, — «*Methodus reducendae Unionis Ecclesiasticae inter Romanenses et Protestantess*»*. Главным препятствием для дальнейшего успеха переговоров было то, что Спинола не имел открытого полномочия от папы и католического духовенства. Поэтому он снова отправился в Рим, чтобы выхлопотать себе это полномочие.

Хотя Лейбниц не принимал официального участия в описанных переговорах, но вследствие своей близости с Моланусом знал обо всем, и последний, вероятно, даже пользовался его советами. К Лейбницу обращались с запросами некоторые иностранные богословы (например, Алберти), до которых дошли слухи о том, что происходит в Ганновере, и которые боялись, чтобы протестанты не были обмануты. Лейбниц должен был успокаивать их, отчасти скрывая и отчасти защищая действия ганноверских богословов. Переговорами в Ганновере были одинаково недовольны как ревностные протестанты, так и католики; многие сомневались в их успехе. Между последними был и католический ландграф Гессен-Рейнфельзский, который писал Лейбницу¹: «Я ничего более не слышу о деле епископа Тинского. Я чрезвычайно удивлен тем, что ему в Риме позволяют так действовать. В прошлом столетии там не хотели одобрить интерима², хотя последний состоял только в двух уступках, на которые легко можно было согласиться, а именно в причастии под обоими видами и в браке священников. Поэтому я прихожу к убеждению, что те лютеране, которые думают, что этот епископ своими предложениями только ставит ловушку протестантам, чтобы вселить в них раздор и потом привлечь хоть некоторых менее дорогой ценой, не так просты. Ибо можно сказать наверное, что с нашей стороны не уступят ничего

¹ Письмо от 11 ноября 1684 г. (см.: *Rommel. Leibniz und Landgraf Ernst*. II. P. 50).

² Так называется, как известно, предложение, сделанное Карлом V протестантам, чтобы возвратить их в католичество.

* «О способе восстановления церковной унии между католиками и протестантами» (лат.). — *Прим. пер.*

существенного»¹. В том же смысле выражался пражский юрист Блум в своем письме к ландграфу.

В этих откровенных признаниях многие протестантские историки, например Солдан, находят повод сомневаться в искренности Спинолы или по крайней мере римской курии, с ведома которой действовал последний. Но хотя не подлежит сомнению, что римская церковь в XVII в. никогда бы не согласилась на малейшие уступки, нельзя не допустить, чтобы небольшое число гуманных католиков не было готово ценой религиозной терпимости и своевременных уступок купить подчинение протестантских церквей католической иерархии. Что касается Лейбница, то он считал унию возможной, но сомневался, чтобы можно было скоро достигнуть успешного окончания дела. Одним из главных препятствий он считал неуступчивость и педантизм богословов.

Хотя я считаю дело возможным — писал он ландграфу Эрнсту², — сообразно с принципами обеих сторон, я признаюсь, что при теперешнем состоянии мира успешное окончание его мне кажется невероятным. Для этого нужно было бы предположить в массе людей и особенно в богословах больше справедливости и рассудительности, чем от них можно ожидать. Сам епископ Тинский не надеется на скорый успех. Во всяком случае эта попытка принесет ту пользу, что почва будет подготовлена, и потомство будет в состоянии пожать плоды.

Это убеждение, что всякий должен по возможности содействовать примирению для успокоения своей совести и что потомство воспользуется плодами, постоянно высказывается Лейбницем. Иногда он выражается с большей уверенностью о возможности примирения. В одном письме к ландграфу Лейбниц говорит, что главное различие (*la plus grande contestation*) между католиками и протестантами касается внешних форм (*est sur des points de pratique*).

Несмотря на это, достоверно, что, как бы ни было велико различие, примирение могло бы состояться по проекту епископа Нейштадтского без нарушения принципов обеих сторон (*sauf les principes des deux parties*). Мне это кажется неоспоримым, и это было признано сведущими

¹ В другом письме (р. 16) он пишет: *Trepidarunt ubi non est timor, tant Jésuites, comme Théologiens Protestants de cette Réunion. Car il n'y a aucune, ny la moindre apparence du monde, que cela puisse réussir* (Они будут трястись и там, где нечего бояться: в отношении этого воссоединения таковы и иезуиты, и протестантские теологи. Ибо ни у кого нет ни малейшей вероятности в этом деле преуспеть (*лат., фр.*). — *Прим. пер.*).

² *Rommel*. I. P. 324. № XIII, 1683. 27 Apr.

богословами с той и с другой стороны; я, впрочем, не думаю, чтобы нам пришлось видеть исполнение, так как с обеих сторон преобладают страсти.

Всего яснее высказывается взгляд Лейбница на унию в одном письме, написанном в 1691 г., когда он сам начал разочаровываться в возможности успеха. На постоянные уверения ландграфа, что уния не может состояться, Лейбниц возражает:

Вопрос не в том, возможно ли это дело в настоящее время, и даже не в том, устроится ли оно когда-либо, — все это зависит от обстоятельств, — но в том, возможно ли и желательно ли (*licite*) оно само по себе, т. е. возможно ли восстановить единство церкви несмотря на разногласие в некоторых догматах, которые одна сторона считает истинными и определенными церковью, другая же отвергает. Говоря о возможности, я разумею возможность в теории (*possibilité de droit*), не разбирая того, можно ли надеяться на успех в настоящее время и при настоящих обстоятельствах. Итак, дело в том, чтобы рассмотреть, может ли раскол быть устранен с помощью следующих трех средств, взятых вместе: 1) дозволения протестантам нескольких отступлений в обрядной части (*points de discipline*), например, причащения под обоими видами, брака священнослужителей, богослужения на родном языке; 2) объяснения по поводу некоторых разногласий, вроде тех, которые предложил Боссюэ (эти объяснения показали, по крайней мере по сознанию многих сведущих и умеренных протестантов, что католические догматы, взятые в этом смысле, кажутся им хотя не вполне истинными, но и не предосудительными); 3) устранения некоторых возмутительных обычаев и практических злоупотреблений (*quelques scandales et abus de pratique*), против которых восстают протестанты и которых сама церковь не одобряет. После этого одни могли бы причащаться у других, по обрядам той церкви, в которую они ходят, с условием, чтобы церковная иерархия, а следовательно, и зависимость от папы были восстановлены. Разногласия в вопросах, которые остались бы неразрешенными, также мало служили бы препятствием, как споры схоластических философов о благодати или разногласие между Римом и Францией по поводу четырех пунктов, выставленных галликанской церковью: все это, конечно, под условием подчинения тому, что церковь когда-нибудь постановит на новом вселенском соборе, правильно составленном, на котором протестантские народы, вполне примиренные, были бы представлены, наравне с католическими, своими священниками и суперинтендентами, признанными в качестве епископов и утвержденными папой... Я поэтому совершенно согласен с вашей светлостью и даже повторю ваши собственные слова: *no, no, non me lo pôsso mai persuadere**, т. е. я не думаю, чтобы можно было надеяться на унию и считать ее возможной при настоящих обстоятельствах. Но я покорнейше прошу вашу светлость рассмотреть дело в теории с обыкновенной вашей проницательностью и сказать, не была ли бы уния возможна, и даже необходи-

* Ну нет, вряд ли мне это когда-либо понравится (*итал.*). — Прим. пер.

ма, если бы в людях было известное расположение к ней. Уже и этот факт довольно важен, чтобы его вполне выяснить.

Большинство католических богословов, и во главе их Боссюэ, допускали только один способ примирения — так называемое изложение или снисходительное толкование католических догматов. Более умеренные считали возможным первый способ, т. е. дозволение протестантам некоторых отступлений, а немногие из самых либеральных католиков соглашались на реформы в своей церкви. Лейбниц, как мы видели, советует применить все три способа¹. Хотя он считал реформы в католичестве самым лучшим средством для восстановления церковного единства², он придавал, однако, большое значение также и объяснению догматов. Успех Боссюэ его воодушевлял, и ему казалось чрезвычайно желательным убедить протестантов в том, что если католические догматы несправедливы, то по крайней мере терпимы. Вместе с тем он хотел доказать богословам обеих сторон, что достигнуть соглашения будет нетрудно, если они оставят полемику и, напротив, постараются вникнуть в учение своих противников. Он поэтому возвратился к своему давнишнему намерению, которое он имел еще в Майнце и о котором он так много говорил покойному герцогу Иоганну-Фридриху, — написать изложение католических догматов. Он имел в виду написать его так, чтобы нельзя было догадаться, к какому исповеданию принадлежит автор, а потом, в случае одобрения папой, чтобы оно могло послужить точкой отправления для соглашения протестантов с католиками. Лейбниц тщательно скрывал это намерение и говорил о нем только самым близким друзьям. В 1684 г. он пишет об этом ландграфу:

Я собираюсь написать сочинение о некоторых спорных догматах между католиками и протестантами, и если оно будет одобрено сведущими и умеренными людьми, я буду счастлив. Но необходимо, чтобы отнюдь не знали, что автор не принадлежит к римской церкви. Одно это предубеждение (*cette seule prévention*) делает подозрительными самые лучшие намерения.

¹ Он подробно изложил свой взгляд в особенном трактате: *Sur les Méthodes de la Réunion*, напечатанном у Фуше де Кареля, в томе II.

² *Rommel*. II. P. 59: Il est constant que l'Esprit du Christianisme doit porter à la douceur, et que les vraies voyes pour gagner les Protestants auraient été et le seront encore la réforme des abus domestiques (Нет сомнения в том, что дух христианства должен воспитывать любовь к добру и что единственно эффективным способом привлечь на свою сторону протестантов всегда было и будет искоренение зла в своем собственном доме (*фр.*) — *Прим. пер.*).

В другом письме к ландграфу Лейбниц говорит, что, будь он католиком, он не оставил бы римской церкви, если бы только ему позволяли высказывать с умеренностью его мнение о том, что он желал бы подвергнуть изменению. Но из этого не следует, чтобы он и другие, которые держатся такого же взгляда, были обязаны вступить в католичество. Ибо от них потребовали бы тогда прямого одобрения всего, что им не нравится, или по крайней мере отвергли бы их толкование спорных вопросов. Даже если бы им позволили вступить в католическую церковь, их всегда подозревали бы и гораздо скорее стали бы преследовать за их жалобы, чем тех, кто родился католиками. Поэтому для них было бы всего вернее ясно высказать свой взгляд на спорные вопросы. Но для того чтобы их толкование спорных догматов было скорее принято католиками, можно бы прибегнуть к *невинной уловке* (*une adresse innocente*), т. е. написать какое-нибудь сочинение об этом, не обнаруживая, что автор его принадлежит к другому исповеданию¹.

На этот раз Лейбниц действительно исполнил свое намерение и написал предполагаемое сочинение. Оно содержит полное изложение христианской веры с католической точки зрения и доказывает, что, с одной стороны, самые непонятные христианские догматы, такие как учение о Троице, Евхаристии и др., заключают в себе таинства, но не противоречат разуму, и что, с другой стороны, обряды и верования католической церкви полезны как средства, возбуждающие благоговение. Но Лейбниц не издал своего сочинения и даже не подвергнул его окончательной обработке, потому что оно не было одобрено герцогом Ганноверским. Эрнст-Август очень сочувствовал унии из политических видов. Он хотел обязать императора Леопольда и надеялся при восстановлении церковного единства скорее достигнуть своей цели, курфюршеского сана, так как в этом случае он не встретил бы оппозиции в католических князьях. Как политик он смотрел равнодушно на различие догматов и не любил богословских споров. Он говорил, например, что Сам Господь не хотел, чтобы составилось определенное и исключительное мнение о мистическом смысле Евхаристии; иначе Он Сам выразился бы об этом точнее и определеннее. При таком настроении герцог желал как можно скорее восстановить хоть внешнее единство церкви и мало заботился о том, будет ли достигнуто соглашение относительно догматов. Ему казалось, что все совещания и споры богословов о догматах только отсрочат соединение церквей.

¹ *Rommel*. II. P. 36.

Лейбниц не мог рассчитывать на успех своего плана без покровительства герцога. В 1686 г. он пишет ему:

Это не моя вина, если я не принадлежу к той стороне, которая права. Больше всего меня отталкивали от мнений римской церкви затруднения, которые представляет догмат о Евхаристии (я теперь не говорю об обрядовой части), и философские убеждения мои, связанные с учением о благодати. Я всегда старался прийти в этом отношении к результату, который бы меня удовлетворял, и я почти достиг этого. Но так как эти вопросы требуют тщательных размышлений о самых трудных отделах метафизики, то легко впасть в заблуждение, если не сумеешь придать своим умозаключениям такую строгую последовательность, как в арифметической задаче, а вот это-то мне и мешало остановиться на определенном решении. Арноб, который вполне сведущ в новейшей философии и, как кажется, картезианец, никогда не решался коснуться этого вопроса или объяснить почти непобедимые затруднения, представляемые пресуществлением; может быть, он боялся, что его объяснение будет осуждено, как только появится в свет. Поэтому я считаю следующий способ самым верным, чтобы в этих вопросах не впасть в заблуждение. Пусть какой-нибудь философски образованный человек, расположенный к соединению церковей, напишет «изложение веры», которое было бы несколько подробнее, чем книга епископа Кондомского (Боссюэ). В этом сочинении он должен стараться высказываться как можно точнее и искреннее о спорных вопросах, избегать двусмысленных выражений и схоластических уловок и говорить самым простым языком. Это изложение он мог бы подвергнуть на суд некоторых ученых епископов из умеренных, скрывая как свое имя, так и свое вероисповедание. Для того чтобы расположить их к более благосклонному приговору, он мог бы подкрепить свое изложение авторитетом некоторых ученых людей католической церкви. Но при этом он бы не спрашивал своих судей, разделяют ли они его убеждения, а только, думают ли они, что такие мнения терпимы в католической церкви. Никто не мог бы так легко выхлопотать подобное одобрение, как Ваша Светлость. Для того чтобы составить изложение вполне целесообразное, следовало бы прийти к соглашению с Вашей Светлостью. Во всяком случае, состоится это или нет, но тот, кто сделал все зависящее от него, чтобы не быть в расколе, тот действительно член вселенской церкви, по крайней мере *in fide interno* (внутренно), по удачному выражению Вашей Светлости. Я думаю, что было бы достаточно одобрения епископов и что одобрение самого Рима не очень нужно. Но может быть, и оно достижимо, если сумеешь его выхлопотать, и я знаю, что в Риме есть люди, которые были бы готовы содействовать этому. Но без особенных стараний, конечно, нельзя ожидать ничего подобного.

Герцогу предложение Лейбница не понравилось. Ему хотелось избежать пространных догматических рассуждений. В другом письме Лейбниц пишет ему:

Из письма Вашей Светлости, в котором вы возражаете против того, что я сказал о пресуществлении, я убедился, как трудно удовлетворить

самых справедливых и просвещенных людей, если не разделяешь в точности их мнений. Очень часто благие намерения не осуществлялись оттого, что благомыслящие люди, имевшие одну и ту же цель, впадали в противоречие и не соглашались на счет средств, которые нужно было употребить, хотя бы эти средства были действительно хороши и последовательны. Вот это именно и случилось в деле о церковном примирении. Ваша светлость старается достигнуть его на основании древности и авторитета видимой церкви; при этом вы не одобряете подробного разбирательства спорных вопросов и упрекаете меня в том, что я удаляюсь от настоящего пути. Что касается меня, то я могу сказать, что занимался древностью и что бесконечно уважаю предание в католической церкви. Несмотря на это, я считал важным — конечно, не для всякого, а для тех, кто к этому способен, — тщательное обсуждение спорных вопросов, чтобы не делать себе потом упреков и быть в состоянии действовать со всевозможной искренностью и точностью, без лицемерия и обмана.

Сочинение Лейбница, которому он даже не дал заглавия, имело оригинальную судьбу. Рукопись его оставалась около 100 лет не замеченной в его бумагах. В конце XVIII столетия на нее обратил внимание библиотекарь Мур, и она сделалась известна французскому ученому, аббату Эмери. По его настоянию она была вытребована в 1810 г., во время занятия Ганновера французами, дядей Наполеона, кардиналом Фешем. Оригинал остался у кардинала, был отвезен в Рим и возвращен Ганноверской библиотеке только по смерти кардинала в 1843 г., после долгих переговоров, благодаря стараниям библиотекаря Перца. Между тем в 1819 г. сочинение Лейбница было издано в Париже под заглавием «Systema Theologicum»*, и вслед за тем появилось еще несколько изданий его во Франции и Германии¹. Оно было встречено католиками с большим энтузиазмом: они видели в нем религиозную исповедь Лейбница и на основании его утверждали, что он был тайным католиком. Протестанты были в большом затруднении, а вопрос, какого исповедания собственно придерживался Лейбниц, вызвал целую полемическую литературу. Только тщательные исследования бумаг Лейбница в 1840-х годах, по поводу его юбилея, восстановили все дело в настоящем свете. Гротенд, сличая издание Лакруа с рукописью, нашел в этом издании несколько важных намеренных или невольных ошибок. Оказалось, например, что одно место, в котором видели осуждение протестантизма, неправильно прочи-

¹ Первое издание полно ошибок. Более правильно издание Lacroix (1845), который сверил его с рукописью. В Германии «Systema» была издана несколько раз, с переводом: Leibnitzens System der Theologie übers. v. Räss u. Weis mit einer Vorrede v. Doller. 3 Aufl. 1825. Mainz.

* «Теологическая система» (лат.). — Прим. пер.

тано; в другом месте было пропущено одно слово, которое показывает точку зрения автора. Лейбниц говорит: «Не напрасны были протесты *наших*» (*nes vero irritae sunt protestationes nostrorum*); потом он вычеркнул слово *наших*, так как иначе можно было бы догадаться, что автор был протестант. Хотя Лакруа привел в тексте все поправки, сделанные Лейбницем, он не упомянул об этой. Совершенно ясным стало дело, когда в 1847 г. была издана переписка между ландграфом и Лейбницем, в которой последний говорит совершенно откровенно о своем намерении, и называет его, между прочим, как мы видели, невинной уловкой — *une adresse innocente*.

Эти споры о значении так называемой «Богословской системы» Лейбница наводят нас на вопрос о его религиозных убеждениях — вопрос, который был столько раз обсуждаем в литературе и который вызвал такие различные суждения. Здесь нам представляются собственно два вопроса: во-первых, как относился Лейбниц к религии вообще, во-вторых, какому вероисповеданию он более всего сочувствовал.

Ганноверские пасторы еще при жизни Лейбница обвиняли его в безверии, так как он не ходил в церковь. После его смерти это мнение еще более распространилось, когда виртембергский богослов Пфаф напечатал письмо Лейбница к нему, из которого можно было заключить, что он «только ради шутки и своего удовольствия защищал религию от возражений скептика Бейля и что он собственно разделял его убеждения». Нам еще придется говорить об отзыве этого богослова и о письме Лейбница по поводу его «Теодицеи». С тех пор многие сомневались в религиозности и искренности Лейбница. Одной из основных идей Лейбница было убеждение в гармоническом отношении (*conformité*) веры и разума, религии и философии. Большая часть его сочинений и его переписки посвящена доказательству этого положения, которое дает нам ключ к выяснению его философской системы и его практической жизни. Лейбниц признает Откровение, но разум не противоречит ему, ибо кроме прямого Откровения в Священном Писании Бог открывает человечеству религиозные истины посредством разума.

Признавая Откровение, Лейбниц допускал все догматы христианской религии, основанные на нем. «Я могу вас уверить, — пишет он ландграфу Эрнсту, — что философские сомнения, о которых я говорил в моем прошлом письме, не содержат ничего, что бы противоречило мистериям христианства, т. е. Троице, воплощению Евхаристии и воскресению из мертвых. Я считаю их возможными, и так как Господь их открыл, то я признаю их действительными».

Эти слова могут служить исповедью Лейбница; то, что здесь сказано, он приводит во всех богословских и философских сочинениях. Он считал возможными таинственные догматы христианства, потому что они не противоречили разуму. По определению Лейбница, разум есть логическое сплетение истин; истины же бывают двоякого рода — *вечные*, или метафизические, и фактические.

Истины первого рода положительно необходимы, так что противоположное им совершенно невозможно; сюда принадлежат истины логические и математические, например, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым. Утверждать противное было бы нелепостью, так как сумма углов в треугольнике никогда не может сделаться больше или меньше двух прямых. Истины второго рода — это или законы, которые Бог дал природе, или же положения, зависящие от этих законов, например положение, что все люди смертны. Эти истины мы узнаем или по опыту (*a posteriori*), или же с помощью разума (*a priori*), усматривая целесообразность, которая побудила Творца постановить эти законы. Целесообразность их имеет также свои правила и законы, но они существуют не по математической необходимости, а вследствие свободного выбора Господа, который предпочитает лучшее и более целесообразное тому, что менее целесообразно.

Все, что противоречит истинам и законам первого рода, должно быть отвергнуто; но то, что противоречит только законам второго рода, может быть предметом религиозной веры, если эта вера имеет за себя достаточно поводов (*motifs de crédibilité*). Такие факты, которые противоречат законам, извлеченным нами из опыта, но которые составляют предмет нашей веры, называются чудесами. Откровение есть чудо и повествует нам о других чудесах.

В этих чудесах, для того чтобы мы могли принять их на веру, не должно быть логического противоречия и точно так же в них не должно заключаться противоречие несомненным математическим законам. Но они могут не согласоваться с законами, извлеченными из опыта. Ибо Господь может освободить свои творения от законов, которые он вложил в них, и произвести в них то, что не следует из их природы. Ибо обыкновенные поводы целесообразности, ради которых Бог установил эти законы, могут уступать еще более сильным поводам высшей целесообразности¹. Есть много чудес,

¹ Les raisons générales du bien et de l'ordre, qui l'y ont porté, peuvent être vaincu dans quelques cas par des raisons plus grandes d'un ordre supérieur (Discours de la Conform // Leibnitii Opera Philosophica Omnia / Ed. Erdmann. 1840. P. 480).

которые нам только кажутся сверхъестественными, потому что мы их не умеем объяснить, но которые могут совершиться самым естественным путем. Да и те чудеса, для которых было необходимо отступление от обыкновенных законов природы, может быть, только для нас, т. е. относительно, составляют чудеса. Ибо они могли входить в первоначальный план мироздания и таким образом не нарушать его естественного хода. В этом отношении Лейбниц прибегает к средству, которым пользовались средневековые богословы, для того чтобы примирить веру с разумом. Он вместе с ними различает то, что противно разуму (*wider die Vernunft*), и то, что выше разума (*über die Vernunft*). Догматы веры могут быть выше разума, т. е. необъяснимы для нас, но не должны противоречить нашему разуму, т. е. логическим и математическим законам, которые мы познаем разумом.

Лейбниц не только допускает, но и требует применения разума к объяснению предметов веры. Знаменитое изречение Тертуллиана «Умер Сын Божий — это достойно веры, ибо несообразно (*credibile est, quia ineptum est*); и погребенный Он воскрес: это верно, ибо невозможно (*certum est, quia impossibile est*)» — Лейбниц считает только «остроумным оборотом мысли». Он же, напротив, того мнения, что «отказываться от разума в делах веры почти верный признак или упрямства, приближающегося к фанатизму, или же, что хуже, ханжества»¹. Но в то же время он далек от поверхностного *рационализма*, который стал господствовать в XVIII в. и начала которого многие, например Куно Фишер, отыскивают в философии Лейбница. Этот рационализм дошел до нелепости своим желанием устранить из религии все сверхъестественное и прибегал постоянно к самым смешным натяжкам, чтобы объяснить чудеса естественным путем. Лейбниц восстает против тех, кто смешивает богословие с философией, и говорит, что нужно строго различать между словами: понимать и объяснять, доказывать и утверждать².

Есть чудеса, которые Бог совершил посредством людей или ангелов, без нарушения законов природы; но другие чудеса, например, сотворение мира, воплощение и прочие действия Бога, превосходят все силы творений (*des créatures*) и составляют насто-

¹ Vouloir renoncer à la raison en matière de Religion est auprès de moi une marque presque certaine ou d'un entêtement approchant de l'enthousiasme, ou, qui pis est, d'une hypocrisie (Переписка с ландграфом Эрнстом. № 29. 1684. S. dato. / *Rommel*. II. P. 54).

² Ils confondent: expliquer, comprendre, prouver, soutenir // Disc. de la conf. etc. / Ed. Erdmann. P. 481.

ящие чудеса или таинства. Эти таинства или мистерии могут быть объясняемы, насколько это нужно для веры, но их нельзя понять или сделать понятными. Подобно тому и в физике можно объяснить до известной степени некоторые свойства тел (например, законы притяжения), но причины их остаются для нас непонятными. Точно так же нельзя доказать таинства с помощью разума, ибо все, что может быть доказано а priori, доступно пониманию. Цельз, говорит Лейбниц, возразил христианам, что если они прячутся за свое обыкновенное выражение «не исследуйте, а верьте», то они по крайней мере должны объяснить, что же это такое, во что я должен веровать. В этом отношении он прав. Но не следует требовать для объяснения совершенно ясных определений (*adaequate Begriffe*). Достаточно аналогического понимания таких мистерий, как Троица и воплощение, для того чтобы мы, говоря о них, не произносили бессмысленных для нас слов; но не нужно, чтобы наше объяснение равнялось полному пониманию. Достаточно, если мы ответим на вопрос *что такое?* (*τί ἐστι*); ответить же на вопрос *как?* (*πῶς*) мы не в состоянии. Лейбниц говорит очень хорошо, что к обыкновенным объяснениям этих мистерий можно применить слова, которые королева Христина приказала вычеканить на медали в память отречения от престола: *Non mi bisogna, e non mi basta* (Мне это не нужно, и мне этого не достаточно). Точно так же не нужно доказывать эти таинства а priori; достаточно знать, что это так, и не нужно знать, *почему*; ибо Господь предоставил это знание себе одному, и потому, как говорит Иосиф Скалигер:

Nescire velle, quae Magister optimus
Docere non vult, erudita inscitia est¹.

Поэтому нам остается только принять таинства, основываясь на доказательствах в пользу религии (*motifs de crédibilité*), и защищать их от возражений. Лейбниц в этом случае не допускает неопровержимых возражений (*des objections invincibles*). По его мнению, посредственный ум, способный к вниманию, в состоянии, с помощью правил обыкновенной логики, опровергнуть самое затруднительное возражение против истины, если это возражение заимствовано из разума². Если же мы не в состоянии опровергнуть возражений против известного догмата, то мы не имеем права при-

¹ Не желать узнать того, что лучший учитель не хочет открыть, есть ученое неведение. См.: *Boekh*. P. 497.

² Un génie médiocre capable d'assez d'attention et se servant exactement des règles de la logique vulgaire est en état de répondre à l'objection la plus embarrassante contre la vérité, lorsque l'objection n'est prise que de la raison (*Disc.* P. 487).

нимать его; ибо то, что может быть вполне опровергнуто, непременно ложно, и потому абсолютные возражения должны считаться не только равносильными, но и более убедительными, чем доказательства в пользу истины религии, так как достоверность последних не абсолютная, а нравственная¹. Конечно, эти возражения не должны основываться на вероятности. Всякий знает, что таинства религии имеют против себя вероятность, если рассматривать их с точки зрения рассудка. Но достаточно, чтобы в них не было ничего несообразного, а для того, чтобы опровергнуть их, были бы необходимы математически ясные доказательства (*démonstrations*).

Лейбниц допускал разум не только при проверке предмета веры (*l'objet de la foi*), т. е. религиозных догматов, для того чтобы в них не заключалось ничего бессмысленного или никакого противоречия; но он требовал такой же разумной проверки поводов к вере (*les motifs de la crédibilité*). Я совершенно согласен, говорит Лейбниц в своем «Новом опыте», в том, что вера должна быть основана на разуме, иначе не было бы причины предпочитать Библию Корану или древним книгам браминов. Поэтому здравомыслящие люди всегда смотрели с подозрением на тех, кто уверял, что не следует заботиться о доказательствах, когда дело идет о вере; но отвергать доказательство невозможно, если *верить* не должно значить *повторять* (*réciter*)². В этом случае у нас не было бы стольких прекрасных сочинений в пользу истины христианской религии и стольких убедительных доказательств, выставленных против язычников и против древних и современных атеистов (*mécreants*).

Но здесь мы встречаем у Лейбница интересную непоследовательность, ту же самую, которую мы замечаем у реформаторов, особенно у Лютера. Это одно из тех явлений, которые постоянно встречаются в истории человечества; с точки зрения обыкновенной логики их можно назвать непоследовательностью, но такая непоследовательность бывает часто великой исторической необходимостью.

Требую разумной проверки доказательств в пользу религиозных догматов, Лейбниц не допускал такой же проверки для глав-

¹ Согласно с тем, что Лейбниц признает два рода истин: во-первых, абсолютные, т. е. логические и математические, во-вторых, фактические, он различает также двоякую достоверность (*Gewissheit*): абсолютную, или метафизическую, которая вызывается истинами первого рода, и нравственную — *certitude morale*.

² *Nouveaux Essais* / Ed. Erdmann. P. 402.

ного источника веры — для Священного Писания; другими словами, он не допускал критики Священного Писания. Для него, как и для Лютера, Библия есть святыня, до которой нужно касаться осторожно. Несмотря на свою многостороннюю ученость, Лейбниц не интересуется экзегетикой, т. е. объяснением Библии, и говорит только о буквальном и метафизическом понимании текстов. Он допускает последнее в некоторых случаях, например, там, где Священное Писание приписывает Богу гнев и другие человеческие страсти, где встречаются антропоморфические представления, где упоминается, например, о руках Божьих. Не допускать в этих случаях метафорического объяснения, говорит Лейбниц, значило бы впасть в крайности некоторых английских фанатиков, которые полагают, что Ирод был действительно превращен в лисицу в ту минуту, когда Христос, говоря про него, назвал его лисицей. Но зато, по мнению Лейбница, во всех случаях, где дело касается основных догматов христианства, нужно придерживаться буквального толкования. Об исторической же критике у Лейбница нет помина. Он относится даже враждебно к попыткам этого рода. Говоря о книге епископа Бёрнета, в которой тот старался объяснить потоп естественным путем, Лейбниц хвалит его намерение, «потому что в это время нужно особенно стараться зажимать рот тем, кто позволяет себе подвергать критике Священное Писание»¹. Правда, во время Лейбница эта критика была довольно бессмысленна и исходила от людей пристрастных и враждебно расположенных к исследуемому предмету. Во всем этом Лейбниц стоит совершенного на точке зрения реформаторов. Он поставил себе, как говорит Бёк, определенную грань: «до сих пор и не дальше»².

Итак, определяя отношения Лейбница к религии и к богословию, мы должны прийти к следующему заключению. Он не смешивает богословие с философией, как в Средние века. Источником первого он считает Откровение, источником философии — разум. Материал богословия уже дан, и Лейбниц берет его готовым из рук богословов. Он не анализирует, не критикует его, он не старается доказать его истину, его тождество с результатами философии; он хочет только доказать, что в нем нет противоречия ра-

¹ *Rommel*. II. P. 41: Il y a beaucoup d'esprit et son dessein est très bon et très louable, parce qu'en ce temps cy il faut surtout tacher de fermer la bouche à ceux, qui se donnent la liberté de critiquer sur la Sainte Ecriture.

² *A. Boekh*. Leibnitz in seinem Verhältniss zur positiven Theologie // Raumer's Historisches Taschenbuch. 1844.

зуму. В богословии (*in theologia revelata*), пишет Лейбниц герцогу Иоганну-Фридриху, я берусь доказать, правда, не истину (*veritatem*), ибо та проистекает из Откровения, но возможность мистериий, против нареканий неверных и атеистов. Вследствие этого он защищает без различия римско-католические и протестантские догматы. Он предпочитает Аугсбургское толкование таинства причащения¹, но в то же время всей силой своей логики и силлогистики старается доказать возможность и разумность католического догмата причащения. Он торжествует, когда ему кажется, что его философия дает лучшее средство для того, чтобы объяснить этот догмат, чем картезианизм, с точки зрения которого католическое толкование заключает в себе логическое противоречие, следовательно, бессмыслицу. Он гордится этим и постоянно выставляет на вид преимущество своей философии. В этом не нужно видеть тщеславие диалектика, который хочет выказать свое искусство, не заботясь о сущности дела, или хитрость политика, который желает вызвать сочувствие обеих сторон. Напротив, это — взгляд мудреца, который уважает чужие убеждения, особенно в религиозных вопросах, и более старается найти в них разумную сторону, чем подвергать их насмешкам. Наконец этот взгляд находится в связи со стремлением Лейбница примирить христианские вероисповедания и рассматривать их как лучи одного света, который различно преломляется, смотря по среде, через которую проходит.

Вот с какой точки зрения нужно рассматривать обвинения, подобные тому, которое выставил против Лейбница виртембергский богослов Пфаф: «Я совершенно уверен и убежден в том, что Лейбниц защищал в своей „Теодицее“ различные догматы нашей религии, над которыми он в других случаях смеялся и которые отвергал свысока. Все, кому удалось близко познакомиться с ним, знают убеждения этого царедворца и философа и его взгляд на ре-

¹ Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. I. P. 156: Quant à moi (puisque vous en demandez mon sentiment, Monsieur), — пишет он Пелиссону, — je me tiens à la confession d'Augsbourg, qui met une présence réelle du corps de Jésus Christ et reconnoit quelque chose de mystérieux dans ce sacrement. Cela paroît plus conforme au texte et aux sentimens de l'antiquité, et on doit sauver le sens naturel des paroles, s'il est possible (Что до меня (поскольку вы, сударь, интересовались моим мнением), то я придерживаюсь Аугсбургского исповедания, полагающего реальное присутствие тела Иисуса Христа и признающего, что в этом таинстве есть нечто мистическое. Это больше сообразуется с текстами и высказываниями древних, а нам, по возможности, нужно сохранять естественный смысл слов (фр.). — Прим. пер.).

лигию»¹. Пфаф был оскорблен письмом Лейбница и объяснением его друзей, что последний в этом письме подшутил над ним. Под влиянием этого настроения строгий богослов мог преувеличить дело. Но и помимо этого отзыва Пфафа можно предположить, что Лейбниц считал ненужными и необязательными для себя многие догматы, возможность которых в данном случае он был готов защищать. Так, не мог же он в одно и то же время допускать и лютеранское и католическое толкование таинства Евхаристии, хотя он защищал и то и другое. Вообще, как мы говорили, Лейбниц был не богослов и принимал богословский материал, как его находил. Принимая в целом христианскую религию, он не считает нужным в частности излагать свой субъективный взгляд на тот или другой догмат. Он часто приводит из истории догматов, что сама церковь допускала различные толкования. В этих случаях он предпочитает более снисходительное и гуманное толкование. Часто он прибегает к неведению. Например, в своем споре с Бейлем Лейбниц принимает учение о сотворении Адама и Евы и о грехопадении так, как оно рассказано в Библии, защищает его со своей философской точки зрения и заключает словами: «Впрочем, мы не знаем достаточно ни свойства заповедного плода, ни самого действия, ни последствий его, чтобы судить о частностях этого дела; необходимо только отдать Богу справедливость и не думать, чтобы это было то, что нам изображают живописцы».

Во всяком случае, каковы бы ни были личные убеждения Лейбница относительно того или другого догмата, за ним нужно признать настоящую религиозность. Когда умер Бейль, Лейбниц выразил надежду, что он теперь «окружен истинным светом, которого мы здесь лишены, так как можно предположить, что у него не было недостатка в доброй воле». Эти слова, за которые люди ограниченные готовы были назвать его атеистом, напротив, проникнуты глубокой религиозностью и бросают полный свет на его убеждения. Они доказывают, что, по его мнению, в религии всего важнее доброе и неотступное желание достигнуть истины. Относительно же других Лейбниц не только выказывал пассивную терпимость, но, как выразился о нем Бёк, старался привести каждого к истине по тому пути, на котором его находил.

Это последнее свойство Лейбница объясняет нам его отношения к вероисповеданиям. Признавая Откровение, Лейбниц совер-

¹ *Placita, quae risit alias et naso adunco suspendit, e. g., dogma de praesentia reali. Norunt mentem viri aulici et philosophi ipsiusque circa religionem sententias, quibus virum penitus nosse contigit (Boekh. P. 492).*

шенно последовательно признает существование вселенской церкви, в которой сохраняется и продолжает жить это Откровение. Он в этом отношении совершенно разделяет взгляд реформаторов. Последние вовсе не желали произвести раскол в церкви, они хотели только очистить ее от злоупотреблений и заблуждений с помощью вселенского собора, и даже когда их требования были отвергнуты Римом, они продолжали считать себя вместе с католиками членами одной вселенской церкви. Только когда Тридентский собор выяснил злоупотребления, против которых восставали протестанты, у них стало преобладать чувство ненависти к Риму и убеждение, что никакая сделка с ним невозможна.

Лейбниц, принимая вместе с реформаторами учение христианской церкви первых веков, не мог допустить, чтобы она вдруг лишилась Откровения и уклонилась от истинного пути, и вследствие этого он должен был совершенно последовательно прийти к признанию папства. Не следует забывать, что в его время для европейского запада восточная церковь как бы не существовала. В Азии она казалась совершенно погибшей под владычеством турок, а о России на западе почти не думали. Восточная церковь поэтому не входила в расчеты Лейбница, и он не мог смотреть на папство как на отпадение от вселенской церкви. Но кроме того папство само по себе имело для него много симпатичного. К религиозным убеждениям тут примешивались политические. Ему нравилось средневековое представление о папе и императоре, стоящих во главе христианских народов. Такое устройство, казалось, устраняло всякую вражду между народами, водворяло гармонию между церковью и государством и было земным отражением Царства Небесного, управляемого Господом.

Лейбниц благоговел перед римской церковью, когда он представлял себе величавый строй и вековую преемственность ее иерархии. «Я признаю, — пишет он однажды ландграфу Эрнсту¹, — что иерархия католической церкви и отличие римского первосвященника (*la distinction du pontife suprême*) существуют по Божественному праву, ибо необходимо иметь правителя над епископами и священниками». В другом месте Лейбниц выражается еще решительнее о том, что папство существует по Божественному праву. «Так как Бог, — говорит он, — Бог порядка, и управление единой католической и апостольской церкви посредством одного закона и одной вселенской иерархии основано на Божественном праве, то из этого следует, что тем же правом пользуется

¹ V. XX 1684. Jan. (*Rommel*. II. P. 19).

духовный глава церкви, если он сдерживается в пределах справедливого».

Но признавая за монархическим устройством христианской церкви Божественное происхождение, Лейбниц не думает отождествлять его с папством, т. е. с властью *римского епископа*. Идея, что церковь должна управляться монархически, вытекает, по его мнению, из Божественного начала, но применение ее, т. е. самое устройство, — в руках человека, и поэтому подвержено изменениям сообразно с потребностями времени. Оттого он прибавляет: «Глава церкви должен быть облечен правительственной властью и снабжен всем необходимым, чтобы иметь возможность исполнять свое назначение и действовать в пользу церкви; но что местом и средоточием этой правительственной власти избран Рим, столица христианского мира, это зависело от человеческих соображений»¹.

С такой же точки зрения Лейбниц рассматривает вопрос о светской власти папы. Светская власть, по его мнению, была бы не нужна, если бы духовенство было тесно связано с папой и если бы оно своим образом жизни внушало уважение народу. Ибо тогда не было бы ни одного христианского государя, который бы дерзнул навлечь на себя неудовольствие такой корпорации... «Но при теперешних обстоятельствах, — говорит Лейбниц, — мне казалось бы полезнее присоединить всю Италию к вотчине св. Петра, чем уменьшать Церковную область. Ибо было бы желательно, чтобы папа был довольно силен и мог быть посредником в распрях христианских государей; но так как сила религии кажется мнимой в глазах мирских людей (*les mondains*) в наш испорченный век, то было бы хорошо соединить с ней светскую власть» (*le bras seculier*)². Странное заблуждение в таком опытным политическом дея-

¹ Письмо к Фабриц. / Ed. Kortholt: *Gum Deus sit Deus ordinis et corpus unius Ecclesiae Catholicae, et apostolicae uno regimine hierachiaque universalis continendum juris divini sit, consequens est, ut ejusdem sit juris supremus in eo spiritualis magistratus terminis se justis continens, directoria potestate, omniaque, necessaria ad explendum munus pro salute Ecclesiae agendi facultate instructus, tametsi locus et sedes hujus potestatis in metropolis christiani orbis Roma en humanis considerationibus placuerit* (Поскольку Бог установил свой божественный порядок, сообразно которому тело единой апостольской и католической церкви должно подчиняться единому иерархическому управлению по универсальным божественным законам, то отсюда следует, что глава этой церкви должен быть облечен правительственной властью и снабжен всем необходимым, чтобы исполнять свое назначение и действовать на пользу церкви; однако то, что местом и средоточием этой его власти избран Рим, столица христианского мира, зависело от человеческих соображений (*лат.*). — *Прим. пер.*)

² *Rommel*. I. P. 285.

теле! Лейбниц мог думать, что папство в XVII в. станет менее злоупотреблять своей светской властью, чем в Средние века, а воспользуется ею для водворения в Европе мира и справедливости!

Это объясняется тем, что в то время, т. е. в начале 80-х годов, расположение Лейбница к католицизму достигло своего высшего предела. Более 10 лет провел он в католических странах и везде видел католицизм только с хорошей стороны: сначала в Майнце при дворе просвещенного курфюрста Шенборна, затем в Париже и наконец в Ганновере при дворе ревностного католика, гуманного Иоганна-Фридриха. Он освободился от предрассудка, всосанного с детства, что в католицизме нельзя найти спасения. Я согласен даже, пишет он ландграфу, что католическая церковь непогрешима во всех догматах веры, необходимых для спасения, вследствие особенного покровительства Св. Духа, которое было ей обещано¹.

В такие минуты им овладевает какое-то влечение к той церкви, которая носит и заслуживает, по его мнению, название вселенской. «Я охотно признаюсь, — пишет он, — что во что бы то ни стало желал приобщиться к римской церкви, если бы я только мог это сделать с настоящим спокойствием духа и с той удовлетворенной совестью, которой я наслаждаюсь теперь в полной уверенности, что я ничего не упускаю, для того чтобы достигнуть такой желательной цели»².

Он прямо говорит своим единоверцам, что если бы подчинение папе могло повлечь за собой устранение зла и заблуждений в католицизме, то им следовало бы признать его главой церкви.

Но на вопрос, почему же он сам не присоединяется к той церкви, которую считает непогрешимой, он всегда выставляет на вид, во-первых, что у него есть несколько философских убеждений, которые не будут терпимы в католичестве, а в этом случае лучше не присоединяться, чем потом быть отвергнутым:

Turpius ejicitur, quam non admittitur hospes;

во-вторых, он указывал на множество заблуждений и злоупотреблений, которые вкрались в римскую церковь, особенно вследствие честолюбия духовенства, и которые не позволяют ему присоединяться к ней, прежде чем эти злоупотребления будут устранены.

¹ Par une assistance spéciale du S. Esprit, qui lui a été promise.

² Car j'avoue très volontiers, que je voudrois estre dans la communion de l'Église de Rome à quelque prix, que je pourrois, pourvu que je le puisse faire avec un vray repos d'esprit, et cette paix de conscience, don't je jouis à présent, sachant bien, que je n'omets rien de mon costé pour jouir d'une union si souhaitable (*Rommel. II. P. 21*).

На это его католические друзья¹ возражали ему, что невозможно признавать римскую церковь вселенской и непогрешимой и в то же время не подчиняться ее авторитету, что некоторые из злоупотреблений, на которые он указывает, порицаются многими католиками, но что это не заставляет их присоединиться к еретикам.

Чтобы выйти из затруднения, Лейбниц прибегает к различию видимой и невидимой церкви. Он допускает двоякий способ соединения со вселенской церковью — по духу и по обрядам (*virtualis et formalis*). Духовно принадлежат ко вселенской церкви все народы, которые отделились от католичества вследствие его уклонения от учения первоначальной церкви или вследствие злоупотреблений римской иерархии. Лейбниц заимствует у иезуитов различие между материальными и формальными еретиками. По мнению иезуитов и некоторых умеренных католических писателей, например Беллармина, настоящими еретиками можно считать только тех, кто сознательно придерживался какого-нибудь вредного учения и восставал против католической церкви (*haeretici formales et coutumaces*); те, напротив, кто чистосердечно заблуждался относительно какого-нибудь догмата и грешил не по духу, а в самом учении (*materia fidei*), заслуживали снисхождения. Лейбниц говорит в одном письме к Пелиссону: «Католики согласны в том, что могут быть еретики по заблуждению (*des hérétiques matériels*), которых они не решаются осуждать, так как, по их мнению, только неповиновение дает повод к осуждению. Но тот, кто не слышит повеления, или не понимает его, или же не в состоянии исполнить его, хотя бы старался об этом, не может быть обвинен в непослушании». Лейбниц сравнивает положение протестантов с положением какого-нибудь астронома, например Галилея, который убежден в справедливости Коперниковой системы и за то подвергается отлучению от церкви. Лейбниц допускает два случая, в которых отлучение от видимой церкви не влечет за собой действительного раскола: чистосердечное заблуждение с полной уверенностью своей правоты (*une erreur invincible*) и несправедливое отлучение от церкви вследствие ошибки или недоразумения духовной власти. В этих случаях можно быть спасенным и вне церкви. Лейбниц подтверждает это учением о двойном покаянии, которое было

¹ *Rommel*. II. P. 16: O mon bon Monsieur Leibniz, — писал ему ландграф Эрнст. — On ne peut pas estre en partie Catholique et en partie non. La véritable mère fust reconnue, qu'elle ne voulut point son enfant partagé en deux pièces (Но, мой милый Лейбниц, нельзя отчасти быть католиком, а отчасти не быть. Как известно, истинная мать не захотела, чтобы ее дитя разорвали надвое (*фр.*). — Прим. пер.).

принято на Тридентском соборе. Первое — *attritio* — есть покаяние внешнее, вызванное страхом наказания или надеждой на возмездие; такое покаяние может повести к спасению, если к нему присоединяется действие церкви, отпущение грехов и причастие. Второй род покаяния — *contritio* — есть настоящее покаяние; оно состоит в искреннем раскаянии и намерении исполнять повеления Божьи. Такое покаяние может привести к спасению даже без помощи вышеприведенных действий церкви. Лейбниц выводит из этого, что всякий стоящий вне церкви не по своей вине, а следовательно, и протестанты, и приносящий истинное покаяние может быть спасен без содействия церкви. Так как Лейбниц признавал преемственность иерархии, то ландграф Эрнст замечал ему, что протестантские священники, которые не посвящены в свое звание епископом настоящей церкви, стоят вне этой преемственной иерархии, управляемой Св. Духом, и потому не имеют права исполнять требы. На это Лейбниц возражал, что с католической точки зрения можно смотреть на протестантских священников как на исполняющих временно свою должность, и тем не менее признавать законную силу совершаемых ими треб. По канонам древней церкви допускались даже миряне к исполнению священнодействий за отсутствием духовенства. В подтверждение своего мнения Лейбниц приводит слова Тертуллиана. Далее он предполагает, что если бы несколько христиан были занесены кораблекрушением на какой-нибудь неизвестный остров Нового Света к дикарям, то они имели бы полное право избрать между собой несколько человек и поручить им совершение священнодействий¹.

Мы можем думать, что Лейбниц прибежал ко всем этим диалектическим оборотам и богословским тонкостям не для своего собственного успокоения, а для защиты от упреков таких ревностных католиков, как ландграф Эрнст и Арно, которые обвиняли его в ереси. Он был вполне убежден в правоте протестантизма и не одобрял тех изменений в догматах и в церковном устройстве, ко-

¹ *Rommel*. II. P. 45: Quant aux Ministres des Protestants, si nous supposons avec eux, que le schisme doit être imputé plutost à l'Église Romaine, qu' à eux, ils auront une vocation et mission extraordinaire, telle qu'auroit un laïque, qui se trouveroit dans une isle du Nouveau Monde parmy des barbares, qu'il auroit le bonheur de découvrir et de convertir (Касательно протестантских пасторов: если предположить, что схизму следует вменить в вину не им, а, скорее, римской церкви, это означает, что они наделены особым призванием и чрезвычайной миссией, какими обладал бы мирянин, оказавшийся среди дикарей на каком-нибудь острове Нового Света, поскольку он имел бы там счастье сообщать откровение и обращать в свою веру (фр.). — *Прим. пер.*).

торые были введены в Средние века, в эпоху глубокого варварства, и вследствие которых римская церковь так далеко уклонилась от христианской церкви первых веков. Лейбниц желал возвратить в католическую церковь, но под условием реформы ее и устранения всех этих средневековых варварских наростов. Иными словами, он был католиком в том же самом смысле, в каком и Меланхтон, и другие реформаторы считали себя католиками¹.

Вот что писал Лейбниц за несколько месяцев до смерти в своей «Истории Западной Империи». Он говорит по поводу смерти императора Оттона III, которая заключает собой X в., о значении этого века:

Большинство писателей осыпают этот век упреками. Они обвиняют его в невежестве, в варварстве, в суеверии. У него мало защитников, между которыми отличается Антоний Арно, замечательный человек, который был моим другом. Я не одобряю повода, по которому он защищал этот век, не признаю постоянства учения в церкви, которое он восхваляет, и не отрицаю помрачения, которое постепенно овладело церковью. В X столетии это помрачение еще далеко не достигло своего предела, хотя в это время укоренилось учение Пасхазия о Евхаристии (правда, оно тогда оспаривалось Геригером из Лоббеса) и поклонение иконам, против которого устояли франки во времена Каролингов. Но тогда папа еще считался наместником Петра, а не Бога на земле, не слыханы были еще бредни о его непогрешимости, авторитет церкви не освящался кровью или, еще хуже, огнем, еще не выставляли на обожание Гостью и не искажали таинства Евхаристии (*mutilabatur*) тем, что лишали народ вина. Еще сохранилась древняя форма крещения, а епископы Германии по старинному обычаю проповедовали в церквях, каноники следовали уставу общежития, а при соборных церквях и знаменитых монастырях процветали школы, которыми руководили замечательные люди. Все это рушилось тогда, когда римские епископы захватили господство над церковью (*dominatum ecclesiae invasere*) и их посланцы, нищенствующие монахи, овладели школами. Тогда-то смешные ухищрения (*argutiae*) заступили место светлого учения, и тупейшая жестокость истребляла огнем и мечом всех, кто мыслил иначе. Германия лишилась государя, благодаря козням духовенства, и разрывалась постоянными усобицами; вместе с государством упала наука, общественное спокойствие нарушено, место закона заступил обычай разрешать споры оружием и, что хуже оружия, варварской властью тайных судищ; все эти бедствия достигли у нас в XIV в. своего высшего развития.

Но то, что было искажено суеверием и грубым фанатизмом варварской эпохи, могло быть исправлено лучшими временами. Лейбниц был живо убежден в возможности реформы католиче-

¹ См.: *Pertz. Ueber Leibnizens kirchliches Glaubensbekenntniss // Schmidt. Allgemeine Zeitschrift f. Geschichte. Bd VI. 1846.*

ской церкви. Под 963 годом он рассказывает в своей истории низложение порочного Иоанна XII императором Оттоном Великим и назначение ему преемником Льва VIII. В свое время это назначение считалось вполне законным. На императора смотрели как на покровителя церкви, которому поручен в известном смысле надзор за ее интересами; в выборе нового папы, кроме того, принимало участие высшее духовенство Италии и Германии. Несмотря на это, позднейшие канонисты, особенно Беллармин и Бароний, исходя от понятий своего времени, считали назначение Льва VIII незаконным. Лейбниц рассказывает, как все происходило, и опровергает доводы своих противников с помощью постановлений древнего канонического права. Он доказывает несостоятельность главного довода, приведенного Баронием, будто бы тот, кто поставлен выше, не подсуден низшим. Лейбниц возражает против этого, что тот, кто выше других, взятых отдельно, может, однако, быть ниже их, если их взять вместе.

Такие доводы, — говорит он, — извинительны в обыкновенных вопросах; если же они получают слишком обширное применение и распространяются на все, то они становятся мнением льстецов и невежд; притом они давно опровергнуты самими католиками, ставившими собор выше папы. Епископы, — говорит Лейбниц, — не подчинены папе по Божественному праву, но должны считаться его товарищами. Сам папа называет их братьями. По разумному желанию государей и народов Запада, римскому епископу, в известном смысле, подсудны остальные епископы. Но если он не достоин своего призвания, если пастырь превращается в волка, если благосостоянию церкви грозит опасность, то восстанавливаются прежние отношения и римский епископ подлежит суду императора и своих братьев. Разве можно терпеть из-за каких-то новых принципов права, чтобы преступник стоял во главе церкви, своим примером вводил в искушение людей, и никто бы не смел ему сказать: папа, что ты делаешь? В государстве высший закон есть благосостояние народа, а в церкви спасение душ: *salus populi in republica, salus animorum in ecclesia suprema lex est.*

Затем Лейбниц продолжает свою полемику против Барония и указывает на то, что последний в этом случае не прибегает к своему обыкновенному способу судить о событиях по их исходу, как бы по Божьему суду. Он заключает свою полемику следующими замечательными словами, в которых вполне высказывается его взгляд на религиозные дела:

Я не могу одобрить, что по вине или по допущению Рима искажена чистота религии, что христианство по отделении восточных и южных народов осквернено и сделано смешным, что варварскими веками порождено нелепое и неизвестное апостолам Христа богословие; несмот-

ря на это, я всегда желал, чтобы был восстановлен авторитет первого епископского престола и древняя форма церковной иерархии с тем условием, с которым Меланхтон подписал Смалкальденские постановления: если папы уступят Христову евангелию¹. Я не отчаиваюсь в возможности этого счастливого для человечества события, которое зависит от согласия трех или четырех людей. Разве не может в Германии, предназначенной для просвещения народов, появиться после Карла и Оттона третий великий император, который возвратит Риму апостольское и католическое призвание? Если его намерениям будут содействовать три или четыре могущественных короля, дело можно считать поконченным. Мрак, покрывший земной шар, уже рассеян светом, внесенным наукой и историей, и большинство ученых и опытных католиков убеждены в необходимости реформы, хотя умалчивают об этом. Но придет, придет время, когда везде можно будет высказывать эту спасительную истину.

Эти слова Лейбница, написанные года за два до его смерти, доказывают, что он принимал самое искреннее участие в деле примирения церквей и в реформе католичества, ибо он глубоко верил в возможность реформы и ожидал от нее самых благодетельных результатов для человечества. Он надеялся на эту возможность, потому что верил в прогресс человечества и в Провидение, которое управляет его историческими судьбами.

Для выяснения религиозных убеждений Лейбница мы так часто прибегали к его переписке с ландграфом Эрнстом, что должны остановиться несколько времени на личности последнего. Он заслуживает нашего внимания не только по своим близким отношениям к Лейбницу, но как одна из типических личностей XVII в. Эрнст, родившийся в 1623 г., был сыном рыцарственного ландграфа Гессен-Кассельского, Морица, известного своей дружбой с Генрихом IV. Как все принцы своего времени, он получил чрезвычайно религиозное воспитание. Три раза в день он должен был предаваться молитве и пению религиозных гимнов и чтению Библии; по воскресеньям он должен был выслушивать две проповеди, по средам и пятницам по одной. Он знал наизусть Гейдельбергский катехизис, принятый реформатами Германии, и 200 текстов из Библии. Вследствие этого он сам так пристрастился к богословским занятиям, что в течение своей жизни прочел всю Библию бо-

¹ Ego qui probare non possum, Roma vel curante vel connivente puritatem divini cultus oppressam, christianismum dissentientibus orientis et meridiei populis abominabilem aut ridiculum factum, theologiamque ineptam et ignotam Christi apostolis per barbariem temporum in Orbem inductam; semper tamen primae Sedis auctoritatem et hierarchiae ecclesiasticae veterem formam restitui ea, qua Melanchthon Smalcaldensibus articulis subscribens, lege optavi: si pontifices dent evangelio Christi locum.

лее 30 раз, любил парафразировать ее и сочинять богословские и нравственные рассуждения.

Четырнадцать лет он предпринял со своим учителем, строгим богословом Фабрицием, четырехлетнее путешествие по Швейцарии и Франции, чтобы посетить самые замечательные реформатские университеты. По обычаю времени ему внушили такое отвращение к католицизму, что первая встреча с иезуитом навела на него ужас. Но уже во время своего путешествия он начал отделяться от этого чувства под влиянием любознательности и интереса к богословским вопросам. В Авиньоне он посещал папского легата и охотно присутствовал при богослужении в католических церквах, избегая только утренней обедни, чтобы не преклонять колен пред идолом, как он тогда называл Гостью.

По возвращении из своего путешествия он вступил в военную службу. Это было время Тридцатилетней войны; гессенцы были в союзе с Францией и Швецией. Эрнст поэтому сражался то во французском, то в гессенском войске и выказал такую храбрость, что французский король прислал 22-летнему герою поздравительное письмо и подарок в 6 тысяч ливров. Под конец войны он был послан с кавалерийским отрядом на выручку гессенского генерала Гейзо, который был осажден австрийскими войсками. Эрнст, благодаря своей отважности, успешно исполнил свое поручение, но при этом сам был отрезан и взят в плен. Это случайное событие не осталось без влияния на его жизнь. Его поместили в одной комнате с иезуитским патером Шоттом, которому было поручено обращать его в католицизм. Этот патер, как все его товарищи, выказал удивительную способность к своей роли. Он преимущественно старался действовать снисходительностью и уступчивостью на молодого пылкого воина, охотно увлекавшегося богословскими спорами. Однажды, когда Эрнст упрекал католиков за то, что они оказывают слишком большое и суеверное почитание иконам и распятиям, иезуит для опровержения бросил в огонь камина свое распятие и держал там, пока сам Эрнст не вынул его из огня.

После Вестфальского мира Эрнст занялся устройством своих дел. Его отец был два раза женат и имел 18 детей; чтобы не обидеть детей от второго брака, он выделил им четвертую часть своих владений, с тем чтобы они владели ею сообща, но под верховной властью ландграфов Гессен-Кассельских (так называемая *Universalquart*). Такие отношения подавали поводы к нескончаемым спорам. Эрнст вскоре остался один из шести братьев, которые почти все погибли на войне. В нем разыгралось честолюбие. Ему хотелось освободиться из-под власти старшей линии и сделать из свое-

го участка совершенно самостоятельное государство. Это намерение стало целью его жизни и имело самое решительное влияние на его образ мыслей.

В своей тяжбе с ландграфами Гессен-Кассельскими он сначала искал опоры у императора, в интересах которого было поддерживать младших князей и мелких владетелей Германии против старших и могущественных. Когда он не достиг своей цели и когда вследствие войн с Францией произошел союз между Гессен-Касселем и Австрией, Эрнст начал искать сближения с Францией. Он вел себя так двусмысленно в войнах между Францией и Германией, что навлек на себя подозрение в измене. В его владениях находилась крепость Рейнфельз, которая славилась своей неприступностью и имела на Рейне такое же стратегическое значение, как в наше время Эрэнбрейтштейн. Эрнст был обязан во время войны принимать в свои крепости кассельский гарнизон, что для него было весьма неприятно, ибо это было доказательством его зависимости и давало ландграфу Кассельскому возможность занять его владения. Вследствие упрямства Эрнста, крепость Рейнфельз несколько раз подвергалась опасности быть захваченной французами. В 1663 г. Эрнст вступил даже в переговоры с Людовиком XIV, в которых обещал уступить ему Рейнфельз за ежегодную пенсию и значительную сумму денег. Однако письма, касающиеся этих переговоров, были перехвачены. Эрнст оправдывался тем, что с его стороны это было только хитрой уловкой, для того чтобы вынудить у французского правительства уплату значительной суммы денег, которую один из его предков дал взаймы Генриху IV. Оправдание это заслуживает некоторого вероятия, так как Эрнст был в душе патриот и предан Австрийскому дому, хотя личные интересы у него, как и у многих других современников, нередко умеряли его патриотическое чувство.

Мы упомянули о политических отношениях ландграфа Эрнста, потому что ими отчасти объясняется самый важный поступок в его жизни — принятие католичества. Переходы в католицизм были очень нередким явлением во второй половине XVII в., особенно между лицами царского происхождения. Католические писатели с торжеством указывали на это явление¹ и составляли длинные списки таких переходов, хотя они не имеют причины гордиться ими, ибо большая часть этих переходов обуславливалось политическими соображениями и личными интересами. Но кроме

¹ Например: *Theiner. Geschichte der Zurückkehr der regierenden Häuser von Braunschweig und Sachsen in den Schoß der katholischen Kirche etc.* 1843.

того в самом настроении XVII в. было нечто предрасполагавшее к католицизму. В начале XIX в. романтизм, т. е. фантастические представления о Средних веках, идеализировал католицизм и поэтому во многих вызвал склонность к нему. Такое же влияние имели в XVII в. мечты и попытки о соединении церквей, о которых мы говорили. После ужасов, порожденных религиозной враждой в пору Тридцатилетней войны, многими овладело какое-то нравственное утомление, какая-то потребность примирения. Протестанты находились при этом в невыгодном положении; ибо так как они отделились от католичества, то все стремления к соединению церквей с их стороны естественно принимали характер возвращения в католицизм, старания же католиков принимали вид прозелитизма. Многие протестанты, исходя от синкретизма, т. е. от снисходительного толкования католических догматов, теряли почву под собой и мало-помалу увлекались стройностью и последовательностью католического учения. Для других была пагубна любознательность и интерес к богословским спорам. Протестантизм по своему историческому происхождению неспособен к пропаганде. Так как реформаторы поставили себе целью *реставрировать* христианскую церковь в той же форме, которую она имела в первые века, и при этом могли руководствоваться только индивидуальными убеждениями и личной совестью, то они не имели такого непогрешимого критерия, как католики в авторитете своей церкви, и должны были сделаться более снисходительными к требованиям чужой совести. Католичество же, вследствие централизации своего духовенства и глубокого убеждения в своей непогрешимости, чрезвычайно склонно и способно к прозелитизму. Игнатий Лойола устроил в Риме семинарий (*Collegium Germanicum*), где воспитывались на счет иезуитов бедные дети из всех стран севера, особенно из Германии, которые потом возвращались в свое отечество как миссионеры. В 1622 г. в Риме было учреждено миссионерское общество (*Congregatio de propaganda fide*), которое направляло свою деятельность больше против протестантов, чем против язычников. Папские нунции в Париже, Берне, Вене и Варшаве занимались столько же пропагандой, сколько дипломатией. Но всех деятельнее были иезуиты. Они вкрадывались повсюду в качестве врачей, секретарей, купцов и других, особенно при дворах, и выискивали жертв для своего искусства. Особенно легкую добычу их составляли: младшие принцы (*cadets*), которые были в ссоре с царствующим членом своего дома и хотели доставить себе более независимое и видное положение; претенденты на католические епископства; веселые и впечатлительные аристократы, которые любили

пожить и в своих путешествиях по Италии приходили в восторг от венецианских куртизанок и от великолепия римского богослужения; задолжавшие и честолюбивые отставные воины или чиновники, которые искали милости императора и духовных курфюрстов; публицисты, которые со школьной скамьи затвердили догмат о Священной Римской империи с папой и императором; скептики, которым надоели богословские споры и которые искали спасения в авторитете непогрешимой церкви¹. При этих обстоятельствах положение таких молодых людей, как ландграф Эрнст, которые хвастались своей богословской ученостью и любили религиозные споры, было довольно опасно. В 1650 г. он находился в Вене, чтобы хлопотать при рейхсгофрате и при императорском дворе о своей тяжбе со старшей Гессенской линией. И он, подобно многим из своих современников, мечтал о соединении церквей и стал все более и более снисходительно смотреть на католическую церковь. Незадолго до своего приезда в Вену Эрнст писал гессенскому богослову Кроциусу, что «отдал бы жизнь за соединение христианских исповеданий в одну святую, вселенскую церковь, но что такой блаженный день настанет только в конце мира». Эрнст сознается, что католическая церковь нуждается в реформации, ибо она присвоила себе чрезмерную светскую власть, отстала в богослужении от истинно христианской простоты и, подобно еврейской религии, впала в идолопоклонство, но что он не может осуждать ее и что многие праведные католики скорее достигнут блаженства, чем те реформаторы, жизнь которых не согласна с чистотой их учения.

В Вене Эрнст, по совету своих товарищей, стал посещать полемические проповеди августинца Стаймаса, который славился красноречием и искусством опровергать своих противников. Молодой граф отправился туда, как он говорит, ради шутки и для того чтобы слышать «смешные вещи (*lächerliche Choses*) и никуда негодные доводы против реформатской религии». Но в своих проповедях Стаймас выставил такие убедительные доводы, что ландграф вдруг «очнулся от своих предрассудков, с детства усвоенных». Он с жадностью бросился на полемические сочинения, направленные против протестантизма, которые доставляли ему его товарищи с помощью папского нунция, известных братьев Валенбург и капуцинского генерала Валериана Магнуса, одного из самых деятельных пропагандистов. В скором времени ландграф убедился «в опасной иллюзии деформации и ереси так называемой рефор-

¹ См.: *Rommel*. I. P. 42.

матской церкви». Он сначала тайно перешел в католичество, а потом, устроив для вида диспут между несколькими протестантскими и католическими богословами, вместе с женой явно присоединился к католической церкви. Впоследствии он составил список протестантских князей, принявших католичество, и при этом откровенно признался, что большинство из них руководилось материальными выгодами. Себя самого он, конечно, исключил из этого числа. Он был так убежден в искренности своего обращения, что ему в этом нельзя не поверить. Но несомненно также, что честолюбие и политические замыслы сделали его более доступным влиянию католических пропагандистов.

И в католичестве ландграф сохранил склонность к богословским рассуждениям и известную самостоятельность в религиозных вопросах. Это явление мы часто встречаем у протестантов, обратившихся в католицизм. Ему хотелось оправдать свой поступок в глазах протестантов, и он вступил в переписку с лучшими из их богословов — Каликстом, Шпенером, родоначальником пиетистов, лейденским профессором Кокцейем и др. Некоторые из этих писем приняли размер полемических сочинений и появились в печати, например полемика с Дрёленкуром, одним из реформатских священников в Шарантоне близ Парижа. Но Эрнст не только желал опровергнуть мнения своих прежних единоверцев, он хотел также произвести реформу в том исповедании, к которому он пристал. С этой целью он написал свое сочинение «*Der so wahrhafte, als ganz aufrichtige und discretgesinnte Katholische*» («Истинный и совершенно искренний католик»), которое он издал анонимно и только в числе 48 экземпляров. Впоследствии он издал на латинском языке извлечение из своего сочинения, в котором многое смягчил, для того чтобы не навлечь на него папской цензуры. Это сочинение, о котором Лейбниц говорил, что в нем изобличены недостатки обоих исповеданий с одинаковой и для римской курии ненавистной искренностью, обратило на себя всеобщее внимание. Один из родственников ландграфа писал ему, что если бы католическая церковь была так организована, как предположено в его сочинении, то он со своей стороны давно бы признал ее авторитет. Ландграф упрекает протестантов за то, что они отделились от католической церкви, вместо того чтобы призвать католицизм на суд вселенской церкви. Он уподобляет их мнимой матери, которая требовала от Соломона, чтобы ребенок был разрублен. Он отрицает Божественное начало в реформации, отвергает ее принципы, подрывающие основание церкви, бесконечное разногласие и секты между протестантами. Вместе с тем он признает за ними неко-

торые преимущества: ясное и понятное богослужение, чтение Священного Писания, народное обучение и деятельность проповедников. В католической церкви ландграф порицает излишнее богатство и злоупотребление им, светскую власть духовенства и абсолютизм папы. В последнем отношении Эрнст совершенно сходиллся с современными ему попытками галликанской церкви не только ограничить власть папы в светских делах, но и подчинить его в духовных делах соборам и церковному преданию. Ландграф Эрнст перенес в католицизм из своего прежнего исповедания дух анализа и критики. Он упрекает католическое духовенство в том, что оно слишком мало поучает простой народ, который, не понимая латинского языка, остается без всякого религиозного воспитания и впадает в самое грубое суеверие; он указывает на злоупотребления, к которым привело это суеверие относительно многих почтенных и древних христианских обрядов, например, почитания икон и мощей, индульгенций, молитв за упокой души, поста, чрезмерного количества праздников и др. В конце своего сочинения ландграф обсуждает мнение протестантов, что католическая церковь, пока она терпит эти злоупотребления, ею самой признанные, не может считаться истинно вселенской церковью. Он соглашается, что если бы была на земле христианская церковь, свободная от недостатков католицизма и протестантизма, то он присоединился бы к ней, но что в настоящее время он отдает предпочтение католической церкви, так как ее злоупотребления ни для кого не обязательны и не касаются сущности религии.

Не только по своим религиозным убеждениям, но и во всех других отношениях ландграф Эрнст представляет чрезвычайно оригинальную личность. Он отличался необыкновенной добротой, гуманностью и прямодушием. В нем не было тени важности, он не терпел лести и чрезвычайно уважал заслуги всякого рода. Несмотря на свою религиозность и на свою страсть обращать в католицизм, он отличался большой веротерпимостью. Он выказывал много заботливости о своих подданных и был совершенно непохож на современных ему государей, которые думали только о том, чтобы извлечь как можно больше выгоды из управляемой ими страны. Ландграф Эрнст был даже отчаянным демократом — свойство довольно удивительное для принца времен Людовика XIV. В одном письме к Лейбницу он говорит, что хотя не отвергает монархии, однако желал бы ограничить ее таким образом, чтобы она не могла обратиться в деспотизм; он сомневается, чтобы наследственная монархия была согласна с духом христианства, и приписывает ей даже порчу нравов у христианских народов. Мо-

нархия, по его мнению, причинила христианству и империи несказанные и бесчисленные бедствия и неудобства, между прочим, и бедствие войны.

Венецианская республика или Нидерландские штаты, — говорит Эрнст, — наверное, не решатся так скоро и так охотно на войну, как например короли Франции и Дании. Какая польза, — продолжает он, — жителям Брауншвейга и Гессен-Касселя от всех этих громадных вооружений и великолепных дворов, которыми тешатся правители Ганновера и Касселя в ущерб тем, ради которых они существуют? Благоденствие народа есть высший закон в государстве, и подданные не сотворены для того, чтобы удовлетворять честолюбию и тщеславию своих государей.

В другой раз Эрнст высказался, что «если бы он был могущественным государем, то скорее согласился бы есть из глиняной и деревянной посуды, чем допустить, чтобы его солдаты были плохо содержаны и принуждены сделаться варварским орудием для ограбления бедного невинного крестьянина». Вследствие этого он отличался большой бережливостью — на 35 тысяч талеров содержал свой двор, 2 канцелярии, 2 казначейства и при этом выстроил много общепользных зданий в своих владениях. Он жил чрезвычайно просто и терпеть не мог обычного в его время пьянства, пиршеств, охоты, роскоши в одеждах и даже дорогих париков, которые тогда начинали входить в моду. Главным его удовольствием были путешествия, особенно в Италию, где он был 13 раз. Здесь находил он приятный отдых от своих домашних неприятностей, избавлялся от ненавистного ему этикета немецких дворов, от скучных посещений немецких юнкеров, любивших только вино, охоту и лошадей. Ландграф особенно хвалит Венецию за «дешевую жизнь в удобных домах или виллах, за прогулки в гондолах при всегда ясном небе, за ее свежие плоды и морских рыб, за отличную музыку в церквах, госпиталях и театрах, за народные празднества и маскарады во время карнавала, за площадь Св. Марка, за съезд путешественников из всех наций и возможность познакомиться с опытными дипломатами, духовными лицами и учеными, наконец за возможность слушать почти каждый день самые великолепные проповеди». Но было еще одно обстоятельство, которое влекло Эрнста и других немецких принцев в Венецию, — тамошние женщины. Ландграф с удивительной наивностью признается в своих увлечениях и в печальных последствиях, которые они имели для него. Он был женат на болезненной, меланхоличной графине, которую он сам обратил в католицизм и которая потом постоянно окружала себя урсулинками, кармелитками и другими монахинями. У него было от нее два сына, которыми он был очень недово-

лен, несмотря на то, что дал им самое тщательное воспитание. Он говорил о них, что они годны только на то, чтобы увеличивать и без того громадное количество немецких принцев. Действительно, от одного сына он имел 7, а от другого 15 внуков.

Чтобы вознаградить себя за эти неприятности семейной жизни, ландграф придумал под старость довольно странное развлечение. Он брал к себе бедных молодых девушек, которых воспитывал, обращал в католицизм и потом выдавал замуж. Он набирал их отовсюду: из Парижа, Венеции и Германии. Он сам составил список своих воспитанниц и со старческой болтливостью подробно описывает их душевные свойства и внешний вид, причем обращает большое внимание на красивые руки. Нельзя сказать, чтобы ему посчастливилось в выборе. Судя по его описанию, не все его воспитанницы отличались красотой или приятным характером¹. Старый ландграф обращался с ними, как отец, и вменяет это себе

¹ Например, третья: Anne Marie Cochenhain, fille du capitain d'ici estoit brunette et une fille d'une extrême belle taille et assez blanche et avoit des belles mains comme tournées d'yvoire; tout à fait chaste et sage, mais d'une humeur mélancholique ou difficile, se croyant calomniée et méprisée, trop retenue et respectueuse envers moy, n'aimant pas beaucoup la conversation, ne voulant jamais aller avec moi à Venise, à moins d'estre mariée. Maintenant mariée. Пятая: Antonia Jacomina Gionia Vénitienne, qu'à l'age de 12 années seulement j'ai pris auprès de moy, d'une taille extrêmement longue, avec des très beaux cheveux noirs et des mains assaz passables, au reste pas trop belles. Louche d'un oeil et faute d'éducation ne témoignant pas d'avoir trop d'esprit: un peu hautaine et opiniatre. Je lui avois fait apprendre à Metz un peu de françois, comme aussi la musique et à chanter, mais en quoy il ne me sembloit pas, qu'elle eust bien réussie, et bien qu'elle avoit appris passablement l'allemand estoit non plus d'aucune conversation. Renvoyée, après lui avoir payé sa dote avec sa mère, selon leur désir, à Venise (Анна Мария Кохенгайн, дочь местного управляющего, была брюнеткой с чрезвычайно прелестной талией, с несколько бледным цветом лица и прекрасными руками, словно выточенными из слоновой кости; девушка весьма невинная и послушная, но меланхолического, даже капризного нрава, считающая себя оклеветанной и всеми презираемой, чересчур сдержанная и почтительная по отношению ко мне, не очень любящая разговоры, все никак не хотевшая съездить со мной в Венецию, разве только в качестве жены. Выдана замуж... Антония Джакомины Джония, венецианка, которой было всего лишь 12 лет, когда я взял ее к себе; с необычайно длинной талией, прекрасными черными волосами и довольно-таки сносными руками, впрочем, не очень красивыми. Косила на один глаз и из-за отсутствия воспитания казалась не слишком умной: несколько упрямой и заносчивой. В Меце я заставил ее немного выучиться французскому, а также музицировать и петь, но, как мне показалось, без особого успеха, и хотя она неплохо знала немецкий, мы с ней больше почти не общались. Ей было выплачено приданое, после чего она с матерью, по их желанию, была отправлена обратно в Венецию (фр.). — Прим. пер.).

в большое достоинство¹. После того, что он рассказывает о Венеции, ему можно в этом вполне поверить.

Другое развлечение ландграфа составляла его обширная переписка с самыми разнообразными учеными. С этой стороны личность ландграфа Эрнста представляет много почтенного. Выросши среди варварства и ужасов Тридцатилетней войны и получив исключительно богословское воспитание, он умел развить в себе интерес к науке и к литературным занятиям. Он составил себе отличную библиотеку и постоянно искал знакомства с замечательными людьми. До глубокой старости он сохранил живость и бодрость ума и интерес ко всему, что происходило в мире. Хотя он не приобрел особенной учености и вследствие своей крайней приверженности к католицизму обнаруживает известную односторонность, в нем высказывается самый здравый и гуманный взгляд на современные события. Некоторые идеалистические мечтания о политическом преобразовании Германии и об устройстве вечного мира, которые примешивались к этому, очень шли к сединам старого воина.

Все это составляет главное содержание его переписки с Лейбницем, поводом к которой послужила его книга: «Искренний католик». Переписка продолжалась 13 лет, до самой смерти Эрнста, и происходила на французском языке. Нельзя без улыбки читать письма ландграфа, для которого не существует ни орфографии, ни грамматики и который буквально переводит на французский язык бесконечные, неуклюжие немецкие периоды того времени. Ландграф с первых же писем в восторге от ума и учености Лейбница. «Боже мой, — пишет он однажды Лейбницу, находившемуся в Гарце, — не жалко ли, что вы, которому следовало бы заседать в совете императоров и королей, зарыты в рудниках, чтобы увеличивать доходы какого-нибудь ганноверского герцога?» Другой раз он пишет Лейбницу: «Мне казалось бы, что я приобрел рай (*un demi Paradis*) на земле, если бы мог хоть раз в неделю наслаждаться драгоценной беседой с вами». Лейбниц относится к нему со свойственной ему вежливостью и снисходительностью, которая в XIX в. может казаться лезть, но которая в тот век была обыкновенной.

Кроме развлечения, эта переписка представляла для ландграфа еще другую цель — он надеялся обратить Лейбница в католицизм.

¹ Ландграф клянется, *que toutes ces filles sont demeurées, comme elles étoient venues* (остались такими же, какими прибыли (*фр.*). — *Прим. пер.*)... и кончает восклицанием: *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* (Суэта сует и всяческая суэта (*лат.*). — *Прим. пер.*).

Для этого он прибегнул, как мы видели, к помощи Арно, и отсюда возникла интересная переписка между Лейбницем и Арно, в которой Лейбниц изложил свою философскую систему. Он высказывался сначала с большим сочувствием о католической церкви, но чем настойчивее становился ландграф и чем более Лейбниц убеждался в неуступчивости католиков и в невозможности реформы, тем осторожнее становился он и тем более стал выставлять на вид злоупотребления в католицизме. Отчаяние ландграфа дошло наконец до того, что в памфлете «*Trifolium Lutheranium*» он весьма резко напал на Лейбница вместе с Лудольфом и Секендорфом¹ как на троих представителей упрямого лютеранизма и объявил, что Лейбниц умрет, подобно Гуго Гроцию, *sine luce et cruce* (без света и креста). Эта горячность ландграфа не испортила его отношений к Лейбницу, который уважал его прямоту и искренность, и их сношения до конца остались самыми дружественными.

Совершенно иной характер, чем переписка Лейбница с ландграфом Эрнстом, носит его переписка о религиозных вопросах с Пелиссоном и Боссюэ. В споре с ландграфом Лейбниц имел дело с частным человеком, который не мог считать себя представителем католической церкви и даже должен был опасаться осуждения своих мнений за их излишний либерализм. Теперь Лейбниц становится лицом к лицу с одним из знаменитейших авторитетов в католической церкви — Боссюэ, славным как ученостью, так и влиянием, руководителем галликанской церкви в ее борьбе с папой и грозным защитником католичества от ересей. Нельзя без самого живого интереса следить за состязанием этих двух гениальных современников, католического епископа Боссюэ, представителя церковной власти и исторического предания, и протестантского философа Лейбница, отстаивавшего идею о примирении церквей во имя человеческого разума и прогресса².

Посредницами между Боссюэ и Лейбницем были женщины, которые вообще принимали деятельное участие в умственной

¹ Барон Секендорф — автор очень дельной истории протестантизма, написанной на основании продолжительных архивных исследований в ответ на историю Боссюэ и иезуита Менбура, которые объясняли возникновение протестантизма личными и недостойными побуждениями.

² Значительная часть переписки между Лейбницем, Пелиссоном и Боссюэ была уже прежде известна, но с большими пробелами и намеренными пропусками со стороны прежних издателей. Одна из главных заслуг неутомимого исследователя Лейбницева бумага, Фуше де Кареля, состоит в том, что он восстановил эту переписку, которую он нашел в Ганноверском архиве, и издал в первых двух томах своего собрания сочинений Лейбница.

жизни XVII в. Один из братьев герцогини Софьи, Эдуард, в юности переселился во Францию, женился на Анне Гонзага, происходившей от Мантуанских герцогов, и принял под ее влиянием католичество. Эта принцесса, о которой Боссюэ отзывается в своей известной надгробной речи (1684) с большими похвалами, деятельно принялась за обращение своих родственников. Ей удалось склонить к этому свою невестку Луизу-Голландину после ее романтического бегства из Гааги, и потом обе взялись за обращение герцогини Софьи. В 1679 г. они уговорили ее приехать в Мобюиссон, где Софья пробыла целое лето. Настоятельные увещания принцесс и монахинь остались без успеха, хотя, как кажется, в них принимал участие и сам Боссюэ¹. Но в Мобюиссоне не потеряли надежды; тамошние монахини молились за обращение Софьи, а игуменья и ее секретарь М. де Бринос продолжали уговаривать ее в письмах перейти в католичество. С этой целью они прислали ей, между прочим, в 1690 г. сочинение Пелиссона «*Réflexions sur les Différends de la Religion*» («Размышления о различиях в религии»).

Пелиссон был родом из южной Франции и происходил от протестантской семьи. Он получил хорошее образование и в молодости перевел несколько песен Одиссеи. История учреждения Французской академии и первых ее трудов, написанная Пелиссоном, доставила ему большую славу и ввела в общество лучших современных литераторов. В то же время Пелиссон выказывал большую способность к служебной деятельности и скоро сделался одним из главных помощников известного Фуке. Он пал вместе с ним, был посажен в Бастилию и просидел там более 4 лет. Неустрашимость и ловкость, с которой он защищал своего прежнего покровителя, не выдавая ничего, что могло бы ему повредить, приобрели Пелиссону всеобщее уважение и расположили к нему Людовика XIV. Речи, написанные Пелиссоном в пользу Фуке, составляют лучшее его произведение и не лишены интереса в наше время. Король назначил Пелиссона своим историографом, и он должен был сопровождать его во всех походах. Во время своего заключения Пелиссон, по недостатку других книг, много занимался богословием, читал отцов церкви и после этого принял католицизм. Его обращение было вполне искренним; он сделался ревностным католиком, и король поручил ему заведование особенной суммой, назначенной для обращения гугенотов. Чтобы содействовать этой цели, Пелиссон написал свои «Размышления о различиях в ре-

¹ См.: *Oeuvres de Leibniz* / Ed. Foucher de Careil. T. I. Introd. P. 64.

лигии», которые послужили поводом к его переписке с Лейбницем¹.

Герцогиня Ганноверская часто показывала Лейбницу письма и книги, которые ей присылали, и пользовалась его указаниями и советами для своих ответов. Она попросила его сделать свои замечания к четвертой главе сочинения Пелиссона, в которой тот излагает причины, почему протестанты должны во что бы то ни стало возвратиться к католицизму. Лейбниц соглашается с Пелиссоном, что необходимо иметь достаточные доводы для того, чтобы поддерживать известной религии, и особенно для того, чтобы изменить ее. Если не допускать никакого разбирательства поводов к вере, тогда религия была бы совершенно произвольна, и мы, говорит Лейбниц, не имели бы никакого преимущества перед язычниками и раскольниками. Он останавливается на главном доводе, который Пелиссон привел в пользу католической церкви. В делах

¹ Пелиссон в молодости был обезображен оспой и был так некрасив, что М. Севинье говорила о нем, qu'il abusait de la permission, qu'ont les homes d'être laids (что он превосходит всякое человеческое представление о допустимом безобразии (фр.). — Прим. пер.), а Буало выставлял его в своих сатирах как тип безобразия. Несмотря на это, Пелиссон успел приобрести расположение М. де Сюдери, известной писательницы романов, которая, впрочем, также отличалась очень некрасивой наружностью. Он был известен под именем Аканта в ее литературном кружке и выставлен в нескольких ее романах. М. де Брином кроме Пелиссона завлекла и его друга, М. де Сюдери, в переписку с Лейбницем. Эта переписка, конечно, не имела такого серьезного характера, как переписка с Пелиссоном. М. де Сюдери сообщает Лейбницу свои стихи, и он отвечает ей также стихами. Она пишет ему о смерти своего попугая, который был так умен, «что достаточно было его одного, чтобы разрушить теорию Декарта, считавшего животных бездушными автоматами». Ей было в это время 92 года, но она писала с прежней живостью и легкостью сладенькие стишки, которые доставили ей в свое время имя французской Сафо. Лейбниц отвечает ей латинской эпиграммой, в которой он выражает свое участие и кончает стихом:

Nam Sappho quidquid Musa et Apollo potest

(Ведь Сафо может все, что могут Муза и Аполлон (лат.). — Прим. пер.).

М. де Сюдери благодарит его новым посланием, которое оканчивается следующим образом (Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. II. P. 248):

Car, depuis le climat où naissent les phénix,
Il n'est point de savant, que n'efface Leibniz:
Tous ses vers sont divins et leur puissance est telle
Que, sans le mériter, ils me font immortelle

(Ибо с тех пор, как родился феникс, не было мудреца, коего не затмил бы Лейбниц: все его строки божественны, а их мощь такова, что они обессмертили меня, хотя я того и недостойна (фр.). — Прим. пер.).

веры нужен непогрешимый авторитет (*une infallibilité*), иначе религия будет совершенно произвольна, ибо большинство людей не в состоянии безошибочно рассуждать о религии. Если же есть непогрешимый авторитет, то он может быть только в католической церкви, которая стоит в непрерывной связи с началом христианства. Лейбниц возражает ему, что достаточно для спасения верить в истину нескольких существенных догматов. По мнению многих благочестивых людей, как между протестантами, так и между католиками, говорит Лейбниц, было бы несогласно со справедливостью Божьей, если бы спасение людей зависело от исхода богословских споров и от случайности хорошего наставления, которого может не доставать самым благонамеренным. Они полагают, что нет ни одного догмата, который был бы абсолютно необходим, и что поэтому можно быть спасенным во всех религиях, если только любить Бога выше всего истинной любовью, основанной на Его беспредельном совершенстве.

Уже в этих словах слышится отголосок философии Лейбница, но последний вносит в свою полемику с Пелиссоном еще другое, более важное, понятие своей философии — понятие о темных, безотчетных представлениях, от которых зависит степень убедительности того или другого религиозного догмата, а следовательно, и вера человека.

Поводы к тому, чтобы убедиться в чем-нибудь, — говорит Лейбниц (*les raisons de notre persuasion*), — могут быть двоякие: одни объяснимы, другие необъяснимы. Те, которые я называю объяснимыми, могут быть изложены с помощью отчетливого рассуждения; но необъяснимые доводы заключаются только в нашем сознании, во внутреннем чувстве, которое нельзя передать другим иначе, как заставив их ощущать то же самое и тем же самым способом. Так, не всегда можно объяснить другим, почему приятно или неприятно известное лицо, картина, стихотворение или известное блюдо. Оттого и говорят, что о вкусах не спорят; по этой же причине невозможно объяснить слепому от рождения, что такое цвет. Те, кто утверждает, что чувствует в себе внутренний божественный свет, или луч, освещающий им известную истину, основываются на необъяснимых доводах. И католик, и протестанты прибегают к этому внутреннему свету; те, кто это делает, не могут требовать от своих противников другого довода, как сознания собственной совести каждого, т. е. они могут спросить его, говорит ли он правду и действительно ли ощущает тот внутренний свет, на который ссылается. Но так как довольно трудно проверить чужую совесть, то я желал бы, чтобы г. Пелиссон основательно коснулся этого важного вопроса, объяснив нам внутренние признаки божественного света, которые бы отличали его от фантазии (*Illusion*), подобно тому, как золото узнается по весу, по цвету и другим очевидным признакам.

Герцогиня Софья послала замечания Лейбница своей сестре, которая передала их Пелиссону. Тот ответил на них, не зная с кем имеет дело. Таким образом, между ними завязалась переписка. Когда в Мобюиссоне узнали, кто автор возражений, все обрадовались, в надежде, что удастся обратить в католичество такого замечательного ученого, как Лейбниц. Лейбниц также охотно продолжал переписку: ему было лестно находиться в близких сношениях с таким влиятельным и известным лицом, как Пелиссон, который в то время был в милости у Людовика XIV.

В своих ответах Пелиссон соединяет уверенность и доктринерство католического богослова, опирающегося на авторитет древней непогрешимой церкви, с мягкостью гуманного, благородного человека и с вежливостью царедворца Людовика XIV. Он отвергает необъяснимые доводы, о которых говорит Лейбниц. По его мнению, это может быть не что иное, как действие благодати или мнимое воображение благодати. Но как отличить истинную благодать от мнимой? Пелиссон говорит, что есть благодать доказанная и благодать, которая не может быть доказана. Первая есть благодать, обещанная церкви, вторая — благодать частного человека, который никогда не может быть в ней уверен. Если мое личное чувство согласно с учением церкви, я могу ему следовать; если же я опираюсь на личную благодать, которая не может быть доказана, и если она не согласна с учением церкви, то это, неверное, не благодать, а иллюзия, ибо Господь или Его благодать не могут впадать в противоречие. Есть только один внутренний признак благодати. Мнимая благодать какого-нибудь анабаптиста, квакера или другого фанатика может иметь все свойства христианской добродетели; она может быть чиста, целомудренна, справедлива, самоотверженна, но она никогда не будет смиренна. Напротив, она будет всегда смела, горда, надменна, ибо может ли быть смирение в человеке, который восстает против общей благодати, дарованной христианской церкви, основываясь на хорошем мнении, которое он имеет о себе? Что может быть надменнее, как сказать всему свету: «Во мне живет дух Божий, а в вас его нет»?

Пелиссон отвергает различие между существенными и несущественными догматами веры. «Правда, — говорит он, — одни заблуждения могут быть хуже других; но самое незначительное заблуждение в вере, сопровождаемое неповиновением церкви, может лишить спасения. Если признать это различие между существенными и несущественными догматами, религия становится произвольной, ибо всякий может считать существенным то, что ему нравится. Отсюда недалеко до того положения, что для спасения

достаточно одной любви к Богу. Любовь к Богу не может быть отделена от сознания; невозможна истинная любовь Божья без истинного познания Его.

Во всех этих предположениях видно только беспокойство, непоследовательность и колебание тех, кто, сбившись однажды с настоящего пути, не знает, куда идти. Если когда-нибудь врата ада восторжествуют над церковью, если когда-нибудь христианская религия погибнет, то вот место, где ей можно нанести смертельную рану. Ибо как скоро мы всякому свободно предоставим верить во что он хочет и ссылаться на мнимую связь с Богом, о которой другие не в состоянии судить, то не будет больше ни религии, ни церкви. Если можно быть спасенным, несмотря на то, в какие догматы веришь, тогда всякий будет верить как можно меньше, тогда все религии будут хороши, не исключая и языческой».

Замечательно то, что Пелиссон говорит о веротерпимости. В этих словах нельзя не узнать историографа Людовика XIV. Вопрос, говорит он, должен ли государь допускать в своей стране различные религии, зависит от сотни тысяч обстоятельств. Допущение такого различия хорошо, если иначе государство должно погибнуть. Недопущение его также хорошо, если это можно сделать, не губя государства.

Лейбниц ставил Пелиссона в большое затруднение тем, что ссылался на католических богословов, которые допускали различие между существенными и несущественными догматами и между еретиками формальными и материальными. Лейбниц обнаружил по этому поводу поразительную ученость; он приводил таких католических богословов, которые не только были неизвестны Пелиссону, но сочинения которых последний с трудом мог найти в Париже¹.

¹ Так, Лейбниц приводит в свою пользу португальского богослова Пайву Андрадия, одного из главных деятелей на Тридентском соборе. Пелиссон был в отчаянии. «Ce n'est pas une petite affaire que de le trouver», — пишет он М. де Брионн. — La rue St. Jacques ne le connoist pas, les bibliothèques les plus nombreuses ne l'ont point, non pas mesme celle des jésuites, ce que est remarquable parce qu'il a écrit en leur faveur. Á la fin on me l'a détérré dans la bibliothèque de Sorbonne. M. l'abbé Pirot, personne de mérite, s'il y en a aujourd'hui en France ni ailleurs et l'un des plus capables et des plus illustres sujets de cette maison, qui ne connoissoit cet auteur non plus que moi, s'est donné la peine de le lire à ma prière ets. (Не так-то просто было его разыскать... На улице Сен-Жак о нем и не слышали, ни в одной из множества библиотек его не было, даже в книгохранилище иезуитов, что странно, поскольку написанное им служит их выгоде. Наконец мне откопали его в библиотеке Сорбонны. Аббат Пиро, человек, обладающий всеми достоинствами, какие только есть сегодня во Франции и в других краях, один из наи-

Пелиссон не признает авторитета католических богословов, которых Лейбниц приводит в свою пользу. Схоластики, говорит он, часто употребляют известные термины не в собственном, а в условленном смысле; в видах диалектики они часто рассматривают вопрос с двух сторон, приводят доводы одинаковой силы в пользу системы и против нее, наконец рассматривают многие вопросы отвлеченно и делают предположения, которые на деле неосуществимы. Таково, например, предположение, что человек, который любит Бога выше всего, может быть спасен без благодати. Но такой случай невозможен. Не все схоластики заслуживают одинакового авторитета. Есть ученые и богословы, которые по своему уму, по своей святой жизни, по услугам, которые они оказали церкви, в высшей степени достойны уважения, хотя нет ни одного, личное мнение которого могло бы служить нам законом. А что касается бесчисленной толпы всех племен и всех языков, идущей вслед за этими великими людьми, то напрасно протестанты воображают, что мы слушаем их как оракулов; нам даже едва известны их сочинения и их имена, которые стареют, теряются и исчезают каждый день.

В своем ответе Лейбниц долго останавливается на вопросе, может ли истинная любовь к Богу привести к спасению. «Я не берусь решить этого, — говорит он, — но я, конечно, не стану утверждать, что тот, кто любит Бога, может быть спасен, не заботясь о догматах и религиозных спорах. Я, скорее, готов утверждать противное и признаю, что вернее всего ничем не пренебрегать. Нужно искать истинной церкви и повиноваться ей, когда ее найдешь, слушаться тех, которым дана власть в церкви, насколько это позволяет совесть, и употреблять все средства, чтобы узнать волю и Откровение Божье. Но если после всего этого не можешь узнать истины относительно некоторых важных вопросов, то спрашивается, можно ли тогда быть спасенным. Нет сомнения, что многие католические богословы отвечают на это утвердительно. Итак, не будем слишком смело произносить приговор над нашими братьями; довольно, если мы скажем, что опасно лишать себя обыкновенного пути к спасению. Отсюда достаточно явствуют важность церкви и наша обязанность делать всевозможные усилия, для того чтобы восстановить единство в ней. Но нужно много усердия с обеих сторон, чтобы удалить все препятствия. Поэтому горе тем,

более толковых и знаменитых служителей этого учреждения, которому об этом авторе было известно не больше, чем мне, взялся прочитывать его по моей просьбе (фр.). — *Прим. пер.*)

кто поддерживает раскол своим упрямством, кто не хочет слушать, а всегда хочет быть правым»¹.

С точки зрения Пелиссона возражения Лейбница не имеют смысла. «Вы требуете реформации, — пишет он ему. Истинная церковь не может согласиться ни на какую реформацию относительно догматов; она не была бы истинной церковью, если бы такая реформация была возможна. Что же касается до исправления некоторых частных злоупотреблений, то церковь никогда не отрицала, что она в нем нуждается; для этого она часто собиралась на вселенские соборы, созывала синоды и местные соборы, которые должны были устранить злоупотребления. Вы хотите ее реформировать? Так оставайтесь в ней, если вы к ней принадлежите, или присоединитесь к ней, если вы стоите вне ее».

Догмат о единстве и непогрешимости католической церкви делал ее неприступной. Лейбниц старается разрушить это неприступное положение. Он доказывает, что единство католицизма на самом деле вовсе не так полно. Авторитет последних соборов не везде одинаково признан: так, Констанцкий и Базельский соборы не признаны в Италии, последний, Латеранский, не признан во Франции. Точно так же и Тридентский собор никогда не был официально признан во Франции. Отчего же, спрашивает Лейбниц, не позволить северным народам апеллировать от собора Тридентского к будущему, действительно, вселенскому собору? Не против католической вселенской церкви восстают они, а против некоторых местных или национальных церквей, присваивающих себе это название. К вопросу церковному примешиваются народные интересы: так, итальянцы и испанцы слишком придерживаются внешностей, а особенно итальянцы часто поддерживают папу из политики. Им хочется, чтобы все остальные народы, особенно северные, сделались их игрушкой (*fussent leurs dupes*), и это вполне естественно. Но французский народ должен был бы соединиться с немецким, чтобы возратить церкви ее прежнюю чистоту, как это было некогда на Франкфуртском соборе, и для этого следовало бы воспользоваться расположением какого-нибудь благонамеренного папы, который сознавал бы, что он всеобщий отец, а не римлянин или тосканец.

Лейбниц возлагал большие надежды на Людовика XIV. При той энергии, с которой Людовик отстаивал права светской власти

¹ Malheur à ceux, qui entretiennent le schisme par leur obstination à ne vouloir écouter raison, et à vouloir en avoir toujours (Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. I. P. 110).

и привилегии французской церкви, несмотря на всю свою преданность католической религии, он мог бы много сделать для исправления католицизма и объединения церквей. «Легко сделаться великим человеком, когда родишься королем Франции», — писал Лейбниц однажды. «Во Франции дух живет массу (*mens agitat molem*)», — воскликнул он в другой раз. Как в своей юности он ожидал от Людовика, что тот откроет Восток христианскому оружию и христианской цивилизации, так теперь он только его считал способным для великого дела примирения церквей.

Я не совсем отчаиваюсь, — пишет он Пелиссону, — в возможности облегчить бедствия Европы, если Богу будет угодно направить надлежащим образом сердце одного человека, в руках которого, как кажется, находится счастье или несчастье людей. Можно сказать, что этот государь (ибо легко догадаться о ком я говорю) один составляет судьбу своего века и что благоденствие общества зависит от нескольких счастливых минут размышления, которые Бог может послать ему. Я полагаю, что для того чтобы исполниться благих намерений, ему достаточно сознать свое могущество. Ибо, если он будет считать возможным для себя какое-нибудь великое дело, в нем не будет недостатка в доброй воле. Если бы это сдержанное и добросовестное благоразумие, которое он выказывает среди самых великих успехов, ему позволило думать, что от него одного зависит сделать человечество счастливым и что никто не в состоянии воспрепятствовать ему и остановить его, я уверен, он не колебался бы ни одной минуты. И если бы он рассудил, что вершина человеческого величия заключается в возможности содействовать благоденствию человечества, он пришел бы к заключению, что точно так же верх человеческого счастья состоит в том, чтобы осуществить это благоденствие. Похвалы портят слабых государей, но этому великому государю необходимо сознать свое величие, чтобы сделать все, что он может, и чтобы знать все, что он может сделать. Вот случай, где неподражаемое красноречие Пелиссона могло бы обнаружиться в полном блеске. Пусть оно убедит короля в том, что он могущественнее, чем полагает, и что он может стать выше известных опасений относительно своего государства, которые отвлекают его от более высоких и славных целей, полезных всему человечеству. Можно ли себе представить панегирик великопнее и славнее того, который бы имел своим последствием успокоение Европы и даже умиротворение церкви?

В этих строках нельзя не признать изящного и несколько высокопарного языка придворных писателей Людовика XIV, которым Лейбниц здесь подражает. Но то, что он говорит, было совершенно искренно с его стороны. Он мог рассчитывать, что его письма сделаются известными если не самому королю, то близким к нему лицам, и он не хотел упустить случая указать Людовику истинную цель, на которую ему следовало направить свое могущество. Дей-

ствительно, Людовику прочли эти строки, и он соблаговолил их милостиво принять. Но он, вероятно, был не в состоянии отличить голос мудреца от языка своих льстецов и предпочел содействовать благоденствию церкви не умиротворением религиозных страстей, а кровавыми преследованиями и изгнанием полумиллиона своих подданных.

Пелиссон придавал такое значение своей переписке с Лейбницем, что напечатал ее под заглавием «*De la Tolérance des Religions*»*. Лейбниц был весьма польщен этим знаком уважения со стороны знаменитого французского литератора. «К удовольствию перечитать ваши письма, — пишет он по этому поводу Пелиссону, — примешивается горькое чувство, когда я вижу мои собственные письма, и это сопоставление черного с белым еще более обнаруживает бедность и несовершенство моего писания сравнительно с сочинениями одного из лучших мастеров красноречия (*maître d'éloquence*). Таким образом, я наказан за свою смелость». Но и после этого издания переписка между ними продолжалась в том же духе и смысле. Она была прервана в начале 1693 г. смертью Пелиссона. Вместо Пелиссона в религиозных переговорах между Ганновером и Мобюиссоном выдвигается с тех пор на первый план Боссюэ.

Боссюэ давно знал Лейбница. Еще в 1678 г. он обращался к нему как библиотекарю герцога Иоганна-Фридриха с просьбой выслать ему латинский перевод Талмуда. Лейбниц при этом исправил некоторые ошибки Боссюэ в еврейской литературе и сделал ему несколько указаний. Он не упустил также случая сообщить Боссюэ о религиозных переговорах, которые велись в это время в Ганновере епископом Нейштадтским. Когда в 1683 г. эти переговоры были возобновлены, Лейбниц, по поручению герцогини Софьи, известил о них Боссюэ и послал ему записку Молануса. Боссюэ ответил, что Людовик XIV относится благосклонно к попыткам примирения церковей и готов оказать им покровительство. Он сам, впрочем, не придавал им большого значения, затерял записку Молануса и скоро забыл об этом деле. Через 8 лет, когда началась переписка между Пилиссоном и Лейбницем, М. де Бринон сообщила Боссюэ письмо герцогини Софьи и заинтересовала его в пользу религиозных переговоров. Боссюэ просил прислать ему новый экземпляр «Соглашения» между епископом Нейштадтским и ганноверскими богословами. М. де Бринон была вне себя от радости. «Ради Бога, — пишет она Лейбницу, — пришлите нам

* «О религиозной терпимости» (фр.). — Прим. пер.

требуемую записку». Лейбниц вместе с запиской Молануса «*Cogitationes Privatae*»* прислал письмо к Боссюэ, и между ними началась переписка, которая с разными перерывами продолжалась 10 лет.

Под влиянием Боссюэ религиозные переговоры приняли тотчас иное направление. Хотя Пелиссон и был посвящен в духовное звание и писал различные богословские сочинения, его мнения, однако, имели несколько дилетантский характер. Боссюэ же был епископом, знаменитым учителем католицизма. Каждое слово его имело значение, и его мнения действительно могли считаться голосом католической церкви. Спинола также был епископом, но он был дипломат и поставил себе целью достигнуть какого-нибудь соглашения. Боссюэ же выступает решительно и самоуверенно, с той отталкивающей строгостью и неумолимостью, которой всегда отличалась сама католическая церковь, но и с ее последовательностью и верностью принципу. Участие Боссюэ в переговорах более повредило, чем содействовало успешному их окончанию. В переписке Боссюэ и Лейбница с первого раза выступает со всей резкостью противоположность принципов, которым следуют католицизм и протестантизм и которые делают невозможным всякое соглашение. Боссюэ первый замечает, что переговоры ни к чему не приведут; он относится с жесткостью к своим противникам, называет их упрямыми и еретиками и неохотно продолжает начатые переговоры. Разочарованный Лейбниц несколько раз теряет надежду, упрекает Боссюэ в надменности и недостатке христианской любви, бросает переписку, но снова возвращается к ней, ибо вопрос о соглашении христианских церквей и о реформе католицизма слишком близок его сердцу, а величавое спокойствие его противника невольно привлекает его к себе. Положение Боссюэ было несравненно выгоднее, чем положение Лейбница. Боссюэ не делал никаких уступок, он мог быть последователен, потому что неуступчивость и последовательность составляли жизненный принцип той церкви, к которой он принадлежал; Лейбниц же по самому свойству защищаемого им дела должен был впасть в некоторое противоречие. Он требовал реформы католической церкви; он считал невозможным соглашение с ней, если она сохранит все злоупотребления, внесенные властолюбием духовенства и суеверием простого народа. Но всякое исправление нарушало принцип непогрешимости, которым гордилась эта церковь. А если применить к церковным догматам критику и на-

* «Личные соображения» (лат.). — Прим. пер.

чало свободы, то где же остановиться в деле исправления? Лейбниц вовсе не отстаивал полной свободы и индивидуального начала в религии; он признавал, что христианская церковь управляется Св. Духом, и поэтому допускал преемственность догматов и церковное предание. Но если Св. Дух управляет церковью, т. е. если она непогрешима, то к чему исправление? — спрашивал его Боссюэ.

Лейбниц впадал в противоречие, но как мы сказали, не по своей вине. За Боссюэ и Лейбницем стоят две церкви, которые они защищают: католичество со своим преданием и безграничным авторитетом духовенства и протестантизм, требующий, чтобы церковь, как и государство, развивалась вместе с историей и сообразовалась с потребностями эпохи и среды. Противоречие, в которое впадал Лейбниц, лежит в основании протестантизма, искавшего разрешения великой проблемы, как примирить в вопросах веры авторитет и свободу, как создать церковь, не лишая простора индивидуальную совесть.

Противоречие это, конечно, только мнимое; оно существует только для тех, кто, как Боссюэ, отрицает в церкви всякое историческое развитие, кто полагает, что непогрешимость ее заключается в том, что всякий обычай, незаметно укоренившийся, всякое поверие, освященное временем или церковными постановлениями, становятся коренными догматами религии.

Для Боссюэ такие требования были непонятны. В своем разборе сочинения Молануса он находит, что соглашение с протестантами в догматах возможно и что если даже взять их символические книги, например Аугсбургское исповедание, то и в них нельзя найти никаких серьезных препятствий к примирению. Он полагает, что папа может разрешить им некоторые отступления в обрядовой части, но удивляется, зачем протестанты на этом настаивают. Протестантизм, по мнению Боссюэ, не имел цели и смысла. Но мало-помалу выступают трудности соглашения. Лейбниц от имени протестантов настаивает на отменении Тридентского собора или по крайней мере на том, чтобы протестантов не принуждали считать его вселенским и обязательным. Для протестантов это был чрезвычайно важный вопрос. Многие догматы и католические обряды, против которых они восставали, основывались до XVI в. только на обычае и предании и были освящены уже на Тридентском соборе; притом в Триденте все догматы и обряды протестантов были преданы анафеме. Но Боссюэ считает немислимым любое отступление от Тридентского собора или даже ослабление принятых на нем постановлений. Мало-помалу вся полемика меж-

ду ним и Лейбницем группируется около вопроса о значении этого собора.

По мнению Боссюэ, Тридентский собор не ввел ничего нового, а утвердил только то, что давно было признано церковью. По его мнению, в церкви вообще не было никаких изменений; она всегда руководствовалась положением: вчера верили так, потому и сегодня нужно верить так же. С помощью этого положения церковь никогда не находилась в затруднении даже относительно самых темных вопросов; когда эти вопросы возбуждались, церковь находила их уже решенными в молитвах, в обрядах, в общественном мнении, повсюду утвердившемся (*dans la pratique unanime de toute l'Église*). Конечно, иногда церковь допускала прения о них для лучшего выяснения истины и для более полного обличения заблуждавшихся; но в сущности она всегда давала одно только решение: так верили до вас и так вы должны верить или же отделиться от Христовой церкви. Лейбниц опровергает это доказательство. А что же мы скажем, спрашивает он, если окажется, что ни вчера, но позавчера (*avant-hier*) верили иначе? Разве нужно всегда канонизировать те мнения, которые оказываются последними? Спаситель очень хорошо опроверг поговорку фарисеев: «*Olim non erat sic. — Прежде не было так*». Такой аксиомой можно освятить всевозможные злоупотребления. Не следует останавливаться только на нашем времени и на нашей стране, нужно брать во внимание всю историю церкви, особенно древнейшую ее эпоху. Лейбниц приводит в пример, что вопрос о воле Христовой вовсе не был определен, прежде чем возникла секта монофелитов, которая заставила церковь точнее определить этот догмат; точно так же иконопочитание вовсе не было принято повсеместно до второго Никейского собора. Иконоборцы и почитатели икон чередовались во власти несколько раз, и Франкфуртский собор, который держался середины, прямо объявил себя против Никейского собора от имени Франции, Германии и Британии.

Боссюэ старается ослабить доказательства Лейбница. Он говорит, что западные епископы, собравшиеся во Франкфурте, отвергли Никейский собор только по недоразумению. Притом этот собор тогда еще не был повсеместно признан, ибо из всех западных епископов один только папа был приглашен к участию в нем.

Боссюэ, отрицая развитие догматов в католической церкви, очевидно, искажает историческую истину, чтобы спасти принцип неизменности догматов. Достаточно для доказательства вспомнить о последнем по времени католическом догмате о беспороч-

ном зачатия Девы, который был несколько раз отвергаем папами и только в XIX в. освящен папской буллой. Но с Боссюэ было трудно сладить. Он всегда укрывался за положение, что, если какой-нибудь догмат и не был официально признан церковью, он всегда существовал в убеждении большинства, в обычаях и предании. В этом доказательстве, очевидно, заключается *retitio principii*^{*}, т. е. то, что следует доказать, предполагается доказанным. Боссюэ основывает непогрешимость католической церкви на том, что она никогда не изменялась, и всякое нововведение объясняет тем, что это было только официальное признание догматов, уже прежде принятых церковью.

Спинола обнадежил протестантов, что от них не потребуют признания Тридентского собора и что его постановления будут пересмотрены на новом вселенском соборе, в котором примут участие протестантские епископы не как подсудимые, а как равноправные судьи. Боссюэ в самом начале переписки объявляет, что Рим не сделает ни малейшей уступки в догматах, определенных церковью, и что в этом отношении невозможна никакая сделка¹. Лейбниц исчерпывает всю свою ученость, чтобы доказать Боссюэ возможность отступления от Тридентского собора. Он доказывает, что многие соборы католической церкви не признаются в некоторых католических странах. Итальянцы отвергают Констанцкий и Базельский соборы, а французы — последний Латеранский. Каликстинцы (гусситы) не признавали Констанцкого собора и его постановления, что причащение под обоими видами не обязательно для верующих. Несмотря на это, Базельский собор и папа Евгений вступили в соглашение с каликстинцами, не потребовали от них признания Констанцкого собора и предоставили все это дело будущему решению церкви. Неужели, спрашивает Лейбниц, целое германское племя, которое не хочет подчиниться Тридентскому собору, не заслуживает такого же снисхождения, как горсть чехов? Не лучше ли было бы для Рима и для общего блага удовлетворить столько народов, допустив на некоторое время различие в известных вопросах, тем более что это разногласие гораздо менее того, которое существует между Римом и Францией относительно привилегий галликанской церкви.

¹ Rome ne se relâchera jamais d'aucun point de la doctrine définie par l'Église et qu'on ne scauroit faire aucune capitulation là-dessus (Oeuvres de Leibniz. I. P. 178).

* Предвосхищение основания (лат.). — *Прим. пер.*

Ученость Лейбница удивляет Боссюэ. Сделка между чехами и депутатами Базельского собора, которую Лейбниц приводит в свою пользу, неизвестна Боссюэ в подлиннике, и он просит указать ему, в каком сборнике она напечатана. В известных ему изданиях она не находится.

Но Лейбниц идет еще далее. Он доказывает, что требование протестантов, чтобы им позволили не подчиняться Тридентскому собору, не представляет никаких затруднений. Тридентский собор не был признан во многих католических странах, например во Франции. В числе 255 прелатов, подписавших постановления Тридентского собора, было около 160 итальянцев и только несколько немецких епископов. Не только протестанты, но и многие католики Германии отвергли его, и в Майнцской епархии он не признан. Франция, хотя имела в Триденте 36 представителей, также протестовала против собора и официально упорно его не признавала. Правда, интригам итальянцев удалось мало-помалу склонить французское духовенство на свою сторону, но еще на сейме 1614 г. депутаты дворянства и третьего сословия протестовали против признания Тридентского собора. И хотя постановления его, касающиеся догматов, в XIX в. молча приняты во Франции, но зато из статей, относящихся к каноническому праву (*discipline*), многие там все же не признаются, как например статья, определяющая условия законности брака. Эти объяснения Лейбница вызвали целый ученый трактат в защиту Тридентского собора со стороны аббата Пирота, которому Боссюэ поручил это дело. На этот трактат Лейбниц ответил другим, еще более обширным и ученым, в котором он доказывает, что Тридентский собор никогда не был официально признан Францией, что он потому не может считаться вселенским и Рим не может требовать от протестантов подчинения его постановлениям.

Таким образом, спор перешел с богословской почвы на историческую: пришлось определить, признан ли Тридентский собор всеми католиками, т. е. должен ли он считаться вселенским (для католиков). Боссюэ справедливо заметил, что спор при этом направлении утрачивает свой смысл. К чему же это поведет, если мы будем признавать значение вселенских соборов вообще, но в каждом данном случае подвергать сомнению, следует ли считать такой-то собор вселенским? Таким образом можно пошатнуть авторитет всех соборов. И если необходимо особенное собрание, для того чтобы признать собор, тогда можно потребовать другого собрания, для того чтобы определить законность первого собрания, и так от собора к собору можно идти до бесконечности. Тут только

один предел — считать непогрешимым то, что церковь признает единодушно без всеобщего протеста¹.

Притом, говорит Боссюэ, Тридентский собор не сделал ничего иного, как только предписал всем верующим верить в то, что уже было предметом веры, когда Лютер начал отделяться от церкви; например, достоверно, что и до Тридентского собора вся католическая церковь признавала пресуществление, мессу, свободную волю, почитание святых, мощей и икон, молитвы и панихиды за умерших — иными словами, все, из-за чего Лютер и Кальвин отделились от церкви.

Лейбниц на это возражал, что существует большая разница между первыми вселенскими соборами и каким-нибудь Тридентским и что существует также разница между догматами, которые постановлялись на соборах. Одни могут быть существенны для спасения, другие менее важны. Сомневаться в обязательности одного какого-нибудь собора не значит отрицать авторитет всех соборов. Это значит только, что все человеческие дела несовершенны и что самые лучшие постановления допускают злоупотребления (*in fraudem legis*). Нельзя исключить из законодательства вопроса о некомпетентном судье, хотя кляузники этим часто злоупотребляют.

В сущности спор между Лейбницем и Боссюэ о Тридентском соборе сводился к тому, что в вопросах религии и совести нельзя все решать большинством голосов и что единство христианской церкви может быть восстановлено только тогда, когда церковь будет снисходительна к особенностям отдельных стран и народностей.

Лейбниц сохранял в споре свою всегдашнюю вежливость и любезность. Боссюэ часто становился сух и жёсток и употреблял иногда очень резкие выражения. Для него, как для всех католических историков церкви, личность реформаторов и сама реформа были непонятны. Он видит в последней только плод человеческих интриг и страстей — она произошла, по его мнению, только вследствие враждебного и ложного толкования католического учения.

«Я не знаю, — пишет он Лейбницу, — как можно читать без некоторого стыда *вранье* (*les mengeries*) Лютера и его учеников и даже Аугсбургского исповедания». Боссюэ не понимает, как Лейбниц, несмотря на изъязвляемое им миролюбие, может «пребы-

¹ Et le terme où il faut s'arrêter, c'est de tenir pour infaillible ce que l'Église, qui est infaillible, reçoit unanimement, sans qu'il y ait sur cela aucune contestation dans tout le corps (Oeuvres de Leibniz. I. P. 421).

вать в расколе». «Каково бы ни было у вас расположение к миру, — пишет он Лейбницу, — ни о ком нельзя сказать, что он действительно миролюбив и находится на пути к спасению (*en état de salut*), пока он не присоединится к нам на самом деле».

Лейбниц несколько раз дает гордому прелату урок вежливости и терпимости. Говоря о том, что в Ганновере сделали все возможное, чтобы облегчить соглашение, он продолжает: «Здесь нарочно оставили все эти приемы, которые отзываются страстью к спору, этот вид превосходства, который всякий старается принять, эту оскорбительную гордость и эту уверенность, которая, конечно, есть у каждого, но которую бесполезно и даже неприятно выказывать, так как противник обладает не меньшей самоуверенностью. Все эти приемы возбуждают сочувствие ограниченных читателей и обыкновенно портят переговоры, ибо тщеславие понравиться слушателям и казаться победителем берет преимущество над любовью к миру. Но ничего не может быть более чуждым истинной цели миролюбивых переговоров. Необходимо, чтобы было различие между адвокатами, которые превозносят свое дело, и между посредниками (*des entremetteurs*), которые ведут переговоры»¹.

Лейбниц несколько раз взывает к миролюбию и к умеренности. «Здесь дело не в том, — пишет он, — чтобы спорить и сочинять книги, но чтобы узнать, что каждый в состоянии сделать со своей стороны». Далее он говорит: «Я часто нахожу, что все стороны правы, когда они друг друга понимают, и я люблю не столько опровергать и разрушать, сколько находить нечто новое и строить на старом основании»².

Лейбниц жалуется Пелиссону на жесткость и неуступчивость Боссюэ: «Я был удивлен, что он только относительно меня употребляет такие резкие выражения, как будто то, что он говорит, касается меня более, чем других; я, напротив, ожидал признательности за то, что я пошел в уступках дальше обыкновенного. Но такова судьба умеренных. Сначала пользуются их уступчивостью без всякой благодарности, а потом, когда они не в состоянии идти так далеко, как от них требуют, им предлагают худшие условия, чем тем, которые держались совершенно в стороне».

¹ Ibid. T. I. P. 233: On a quitté exprès toutes ces manières qui sentent la dispute, et tous ces airs de supériorité que chacun a coutume de donner à son parti, et quidquid ab utraque parte dici potest, etsi ab utraque parte vere dici non possit; cette fierté choquante, ces expressions de l'assurance, où chacun est en effet, mais dont il est inutile et même déplaisant de faire parade auprès de ceux, que n'en ont pas moins de leur part.

² Ibid. P. 301: Bien souvent je trouve, qu'on a raison de tous côtés quand on s'entend.

При всей жесткости, в натуре Боссюэ было много благородного. Известие, что Лейбниц считает себя оскорбленным, огорчает его. Он не решается извиниться, но просит Пелиссона оправдать его перед Лейбницем¹. «Вы ему уже все сказали, — пишет он Пелиссону, — уверив его, что я исполнен уважения к нему и что любовь к истине и забота о его спасении вынуждали меня говорить таким образом».

Но эти мелкие столкновения между Боссюэ и Лейбницем были не случайны. В их натурах было слишком много антипатичного. По поводу латинской эпиграммы Лейбница на вновь изобретенные бомбы Боссюэ высказывается несколько иронически о его многосторонности. Иногда он как будто сомневается в праве Лейбница вмешиваться в богословие². Вместе с тем Лейбница отталкивает важность и строгость могущественного прелата; он пишет о нем Банажу: «*Son humeur était un peu chagrine*»*. Когда во Франции возгорелся спор о том, следует ли допускать актеров к причастию, и Боссюэ написал свое знаменитое сочинение против театра, Лейбниц осмелял эту нетерпимость в едкой эпиграмме³.

¹ Ibid. P. 345: Je suis moy-même obligé de le déposer en votre sein; tirez, Monsieur, de ce fond si plein de douceur tout ce que vous y trouverez de plus capable de le satisfaire (Сам я чувствую, что вынужден переложить это на ваши плечи; извлеките, сударь, из этих полных смирения глубин все, что только сочтете способным его удовлетворить (фр.). — Прим. пер.).

² Ibid. P. 344: J'admire, qu'un homme de ce génie ait encore le talent de la poésie et des belles lettres avec celui de l'histoire. C'est en vérité être trop ambitieux en matière de littérature et de science; c'est donner à tout. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir louer aussi sa théologie en tous ses points (Меня восхищает, что человек такого ума столь же талантлив в поэзии и изящной словесности, а равно и в исторической науке. Воистину это означает, что он слишком честолюбив во всем, что касается литературы и науки; что он везде стремится приложить свои силы. Я от всего сердца желаю, чтобы и его теология заслуживала похвалы во всех своих пунктах (фр.). — Прим. пер.).

³ Aux Docteurs Anticomédiens:

Sévères directeurs des hommes,
 Savez vous, qu'au siècle où nous sommes
 Un Molière édifie autant, que vos leçons?
 Le vice bien raillé n'est pas sans pénitence,
 Il faut pour réformer la France
 La Comédie ou les Dragons

(Докторам-антиактерам: Строгие судьи людей, известно ли вам, что в век, когда мы живем, Мольер не менее поучителен, чем ваши наставления? Преданный осмеянию порок непременно будет искоренен, и чтобы сделать Францию лучше, комедии нужны не меньше, чем драконы (фр.). — Прим. пер.).

* Ему была свойственна некоторая раздражительность (фр.). — Прим. пер.

Резкий контраст с важностью и жесткостью Боссюэ представляет наивность и неотвязчивость М. де Бринон, которая также принимает деятельное участие в переписке. Ученые рассуждения ей не удаются; у нее только одна цель — скорее обратить Лейбница в католицизм. Она чистосердечно восхваляет католическую церковь и пренаивно высказывает свой страх за спасение Лейбница. Она недовольна, когда он в своих письмах говорит о философии, и упрекает его, что он больше занимается своей динамикой, чем своим спасением. В письмах к Пелиссону и Боссюэ Лейбниц действительно часто говорит о философии, объясняет им свой взгляд на картезианизм и излагает свою систему. Некоторые из относящихся сюда писем превосходно очерчивают известные идеи философии Лейбница. Он надеялся через покровительство Боссюэ открыть своей философии доступ в ученый мир Франции; ибо французские журналисты и академики, преданные картезианизму, неохотно печатали в своих изданиях его опровержения. Узнав, что Лейбниц занимается историей Брауншвейгского дома, М. де Бринон пишет ему: «Я не могу не сожалеть о равнодушии к истинному величию, когда вижу, как люди стараются собирать остатки человеческой славы и как они ищут ее в прахе своих предков — там, где следовало бы скорее изучать суетность мирских почестей, чем воскрешать на бумаге жалкие остатки минувшего тщеславия».

После смерти Пелиссона, М. де Бринон играет роль посредницы между Боссюэ и Лейбницем; она ободряет их продолжать начатое дело и не терять надежды на успех. Она умоляет Боссюэ согласиться на уступки, если они возможны, и настаивает, чтобы он не прекращал переписки с Лейбницем. Она называет последнего: *le plus doux du monde et le plus raisonnable**. Лейбниц благодарит ее за содействие. «Я столько же убедился, — пишет он ей, — в вашей доброте, сколько в вашем благоразумии, которые побуждают вас давать всему лучший оборот и принимать с хорошей стороны то, что я высказал, может быть, с излишней свободой: вы подражаете Богу, который извлекает добро из зла». Несмотря, однако, на все старания М. де Бринон, переписка между Лейбницем и Боссюэ прервалась в 1693 г. почти на пять лет.

Вину этого перерыва Лейбниц приписывает Боссюэ. Он жалуется, что последний не сдержал своего обещания никому не показывать писем ганноверских богословов и что Боссюэ был не вполне искренен и откровенен относительно вопроса, считает ли он

* Самым приятным и самым рассудительным человеком в мире (фр.). — Прим. пер.

возможным присоединение протестантов без признания с их стороны Тридентского собора. Это происходило от того, что Боссюэ не сочувствовал плану «предварительного соединения протестантов с католиками», которого желали Спинола и Лейбниц, причем вопрос о Тридентском соборе был бы обойден, протестанты сохранили бы все свои особенности и разрешение всех недоразумений было бы предоставлено какому-нибудь собору в отдаленном будущем¹. Боссюэ, как мы видели, допускал только одну методу — методу объяснительную (*d'exposition*), которой он сам держался в своих сочинениях. Он считал достаточным для протестантов удовлетворительное объяснение оспариваемых ими католических догматов, например поклонения святым, и затем требовал от них безусловного присоединения к католицизму.

После того, как Боссюэ устранился от переговоров, на сцене остался один Спинола. Лейбниц предлагает ему, что напишет отчет о религиозных переговорах в Ганновере как будто с католической точки зрения, а ему советует составить такой же отчет, как будто написанный протестантом. Лейбниц хотел этим показать, что обе точки зрения вовсе не так различны. Спинола с удовольствием согласился на этот план, и Лейбниц вскоре прислал ему свой *Judicium Doctoris Catholici de Tractatu Reunionis etc**. Но в следующем, 1695, году умер Спинола. Император Леопольд, правда, дал его преемнику в Нейштадтской епархии, графу Бухгайму, такое же полномочие продолжать переговоры с протестантами, но новый епископ не обладал самоотвержением, неутомимостью и дипломатическими способностями своего предшественника.

В это время сношения между Парижем и Ганновером поддерживались только перепиской М. де Бринон с Лейбницем и герцогиней Софьей. Ревностная монахиня начала надоедать им неотвязчивостью, с которой она восхваляла католицизм, и бесцеремонностью, с которой упрекала их в ереси и в равнодушии. Герцогиня

¹ Боссюэ опасается: «Des moyens qui ne nous fissent point tomber dans un schisme plus dangereux et plus irrémédiable, que celui, qui nous tacherions de guérir. La voye déclaratoire que je vous propose évite cet inconvénient, et au contraire la suspension, que vous proposez, nous y jette jusqu'au fond, sans qu'on s'en puisse tirer» (Как бы такие способы не столкнули нас в схизму более опасную и неизлечимую, чем та, от которой мы теперь пытаемся исцелиться. Декларативный путь, который я вам предлагаю, обходит эту помеху, и напротив, отсрочка, которую предлагаете вы, бросает нас на самое дно, с которого нелегко будет подняться) (фр.). — *Прим. пер.*

* Мнение ученого католика о воссоединительных переговорах и т. д. (лат.). — *Прим. пер.*

очень мило отделялась от нее своим обыкновенным юмором. Мы приводим отрывок одного из ее писем М. де Бринон на французском языке, чтобы не лишить его оригинальности:

«Ce m'est une très grande joye, madame, d'avoir pu contribuer en quelque chose à votre satisfaction; la récompense ne seroit pas proportionnée, si elle me monstroit un meilleur chemin pour aller en paradis, que celui, qui m'a été montré par la Providence divine, où il me semble qu'on se doit arrester, quand on n'a pas assez d'esprit pour mieux choisir, ny de temps pour lire tout ce qui a esté dict pour et contre... David ne souhaite que d'estere portier de la maison de Dieu; je ne prétends point de plus grande charge. Ceux qui sont plus éclairés que moy posséderont peut-ester des lieux plus éminens; car Jésus Christ dit, que dans la maison de son Père il y a plusieurs demeures. Quand vous serez dans le vostre et moy dans le mien, je ne manqueray pas de vous y faire la première visite, et nous y serons apparemment bien d'accord, car il ne s'agira plus de disputes de religion, etc.»*

Иногда, впрочем, герцогиня возвышает тон и становится серьезнее и беспощаднее. Она указывает на все ужасы, которые совершены во Франции во имя католической религии, начиная от Варфоломеевской ночи и до последних преследований гугенотов, и спрашивает, где же тут христианство. «Вся Англия, Голландия и Германия — свидетельницы этой прекрасной религии, ибо переполнены беглецами, из которых одни сидели в тюрьме, другие потеряли детей, третьи — все достояние. Вот это по-христиански. А скольких лишили жизни за то, что они по-своему молились Богу или пели псалмы! Вы, конечно, скажете, что в этом не виноваты, и я с вами совершенно согласна. Но это значит только, что нас не спасет название ни католика, ни протестанта, а только проявление нашей веры добрыми делами».

К Лейбницу М. де Бринон приступала еще более бесцеремонно. Говоря о заслугах умершего Пелиссона, она продолжает: «Но

* Для меня очень большая радость, сударыня, что я смогла хоть в чем-то поспособствовать вашему удовлетворению; награда не была бы соразмерной, если бы показала мне лучшую дорогу к раю, нежели та, которая указана мне божественным Провидением и на которой, как мне кажется, следует остановиться, если у тебя нет ни достаточно ума, чтобы сделать лучший выбор, ни времени, чтобы прочитать все сказанное об этом за и против... Давид желал быть всего лишь привратником в доме Божием; я тоже не претендую на слишком уж высокую должность. Люди более меня образованные, быть может, займут более возвышенные места; ведь Иисус Христос говорит, что в доме Отца его много комнат. Когда вы окажетесь в вашей, а я в своей, я не премину нанести вам свой первый визит, и мы, надо надеяться, быстро придем к согласию, поскольку речь пойдет уже не о религиозных разногласиях, и т. д. (фр.). — Прим. пер.

все это послужит только к более строгому осуждению (condamnation) тех, кому самые ясные истины религии служили только забавой для ума (un jeu d'esprit). Я всегда удивляюсь, когда вы мне говорите, что потомство воспользуется вашей деятельностью, но что вы не в состоянии извлечь пользу из нее. Ваш прекрасный ум (bel esprit), который мы умеем ценить, послужит вам очень мало для вечности, если вы будете трудиться только для других, а сами по-прежнему станете обнаруживать много света без рвения и теплоты, т. е. равнодушие к вашему спасению... Если бы вы были католиком, вы обратили бы всю Германию в католицизм, с помощью вашего ума и под руководством Господа... То, что вы мне говорите в вашем последнем письме, чрезвычайно тонко, но несколько не успокаивает меня относительно вашего спасения... Я всегда удивлялась тому и не раз повторяла, что еретики ни во что не ставят религию и что они большей частью готовы променять ее на какое-нибудь мимолетное счастье; вот до чего доводит дурное правило, будто бы можно спастись во всех религиях».

Выведенный из терпения такими неделикатными намеками Лейбниц принимает более решительный и энергичный тон.

Вы советуете мне в течение месяца не заниматься ничем другим, кроме моей религии. Но что один месяц, в сравнении со столькими годами, которые я посвятил этому вопросу, начиная с 22 лет?.. Если бы интерес или честолюбие были моими идолами, судите сами, мог ли бы я, будучи тогда еще молодым человеком, устоять против таких важных выгод, которые уравнивались одной моей совестью? Я никогда не пропускал случая узнать истину; напротив, мое изучение богословской науки заходило гораздо дальше того, чего можно было требовать в моем звании. Я рано усмотрел все преимущества вашей партии, но я заметил также, что они уничтожаются гораздо более сильными доводами... Если между католиками встречается меньше примеров обращений из-за интереса, то это не потому, чтобы они были более образованы, но, напротив, потому что они менее развиты, не хотят ничего знать и менее подвержены искушениям, чем наши... Я далек от того равнодушия в религии, в котором вы меня обвиняете. Если бы оно у меня было, я присоединился бы к вашей церкви в то время, когда мог это сделать с большой выгодой. Но я считал опасным для спасения принадлежать к вашей церкви, пока она не исправится, и еще более опасным присоединиться к ней вновь. А что касается до философского духа, от которого, по совету вашего друга, следует отделаться, то это то же самое, как если бы кто-нибудь сказал, что нужно отделаться от любви к истине; ибо философия есть нечто иное. Наконец позвольте мне в свою очередь просить вас из любви к Богу подумать о себе и о ваших друзьях, не находитесь ли вы в опасном положении. Если вы сами не придерживаетесь суеверий, то этого еще недостаточно; следует и других выводить из них. По-

думайте сами, разве те, кто обращает свои молитвы прямо к Богу, не ближе к Нему, чем те, кто придерживается суеверных обрядов и отдает творениям то, что принадлежит одному Господу?

И затем Лейбниц приступает к подробному вычислению того, что он считает суеверным в католической церкви.

Лейбниц с прискорбием видел, что ему приходится ограничиться перепиской с одной М. де Бринон, от чего нельзя было ожидать серьезных последствий. Он все еще надеялся, что религиозные переговоры с Францией приведут к какому-нибудь результату. «*Humanum paucis vivit genus*», — говорил он в письме к Боссюэ. Если бы только Людовик XIV, папа и император серьезно захотели, им было бы легко водворить религиозный мир в Европе.

Между тем положение Лейбница в Ганновере изменилось. Курфюрст Эрнст, который с самого начала интересовался переговорами с католиками, умер. Сын его Георг мог рассчитывать со временем вступить на английский престол. При вражде англичан к *папизму* он должен был вести себя осторожно относительно католиков, и он был не доволен, что такое близкое к нему лицо, как Лейбниц, постоянно находится в сношениях с Францией и с католиками. Лейбниц должен был искать для своей цели других посредников и покровителей. Наконец ему удалось заинтересовать в этом престарелого герцога Вольфенбюттельского Антона-Ульриха, союзника Франции.

Мы должны остановиться на этой личности, тем более что он был дед принцессы Шарлотты, жены царевича Алексея, и что один из правнуков Антона-Ульриха носил титул русского императора под именем Иоанна VI.

Антон-Ульрих был внуком того герцога Люнебургского Генриха, который отказался от престола в пользу своего младшего брата и оставил себе одно только графство Даннеберг. Отец Антона Август сделался известен своей любовью к науке и своей заботливостью о народном образовании. Он собрал у себя в Вольфенбюттеле громадную библиотеку и сам составил ее каталог в трех фолиантах. По прекращении старшей Вольфенбюттельской линии ему удалось приобрести из ее наследства Вольфенбюттельское герцогство, тогда как остальные ее владения перешли к младшей, Ганноверской, линии.

Вся семья этого Августа отличалась ученостью и литературными занятиями. Третья жена его, Елизавета, писала много религиозных сочинений в стихах и прозе и переводила французские ро-

* Род человеческий жив немногими людьми (*лат.*). — Прим. пер.

маны «для нравственного назидания». Все дети Августа получили весьма серьезное образование. Одна из дочерей его даже переписывалась на латинском языке с учеными богословами своего времени и писала духовные стихи и религиозные размышления. Из сыновей старший, Рудольф-Август, был кроткого и тихого нрава; как вся семья, он был очень религиозен и выражал свое религиозное настроение в различных произведениях. Младший брат, Фердинанд-Альбрехт Бевернский, был совершенно иного характера. Он провел полжизни в путешествиях и описал эти путешествия в двух квартантах под заглавием «*Ferdinand-Albrechts des wunderlichen, wunderliche Begebnisse und wunderlicher Zustand in dieser wunderlichen verkehrten Welt*»*. В последнее время жизни он был постоянно одержим страхом смерти; он боялся своих собственных детей и получил прозвище *der Herzog von Zittern und Bevern*** . Его внуком был Антон-Ульрих Брауншвейг-Бевернский, который женился в России на Анне Леопольдовне.

Второй сын Августа, Антон-Ульрих, представляет собой переход от древней патриархальности и религиозности к веку Людовика XIV. В нем был сильно развит интерес к науке и литературе, но в то же время он любил роскошь и великолепие и был чрезвычайно тщеславен. Он написал два длинных романа во вкусе того времени, которое любило в героях соединение необыкновенной доблести со сладостью аркадских пастухов. Первый из этих романов — «Римская Октавия» — напечатан на 434 печатных листах, и один из бесчисленных эпизодов его заключает в себе историю несчастной принцессы Альденской. Второй роман назывался «Месопотамское пастушество, или Светлейшая сирянка Арамена» и заключал в себе романтическое изображение нравов и обычаев ветхозаветных народов. Романы Антона-Ульриха были интересны, потому что он описывал в них различные придворные происшествия своего времени. Кроме романов Антон-Ульрих сочинял еще итальянские оперы, которые давал на своем театре. Но Антон-Ульрих не довольствовался литературной деятельностью. Как все князьки Германии, он подражал великолепию Людовика XIV и устроил свой «Версаль» в Зальцдалуме, одном загородном замке, который он украсил по моде того времени со всевозможной роскошью. При этом он страдал неумеренным политическим честолюбием. Его брат принял его в соправители и предоставил ему

* «Чудесного Фердинанда-Альбрехта изумительные приключения и чудесная стойкость в этом изумительно превратном мире» (нем.). — Прим. пер.

** Герцог Дрожайший и Трепещущий (нем.). — Прим. пер.

почти все заботы об управлении. С тех пор все стремления Антона-Ульриха были направлены на то, чтобы поравняться со своими более счастливыми и могущественными родственниками младшей линии, которые владели Ганновером и Люнебургом. Он негодовал на своего деда, который подобно Исаву даром уступил свои права младшему брату. Он считал несправедливым разделение Вольфенбюттельского наследства и утверждал, что все наследство должно было перейти к старшей линии. Он протестовал против учреждения в Ганноверской линии права первородства и против соединения Ганновера и Люнебурга в одних руках. Но особенно оскорбило его, когда герцог Ганноверский достиг курфюршеского сана. Антон-Ульрих долго интриговал против этого при императорском дворе и наконец стал во главе недовольных князей. Когда все эти попытки остались тщетными, он заключил союз с Францией. Приближалось время войны за испанское наследство. Франция дорожила союзниками внутри Германии. Она заключила с Вольфенбюттелем оборонительный союз, для поддержания Вестфальского и Рисвикского мира. И Антон-Ульрих стал содержать на французские субсидии значительное войско.

Лейбниц сделался известен Антону-Ульриху скоро после 1680 г. и до такой степени приобрел его расположение, что тот назначил его библиотекарем своей знаменитой библиотеки в Вольфенбюттеле. Это было почетное назначение, которое должно было давать Лейбницу возможность время от времени приезжать в Вольфенбюттель и видеться с Антоном-Ульрихом. Положение Лейбница между враждующими герцогами было не всегда приятно, например, Георг не раз высказывал ему свое неудовольствие за частые отлучки в Вольфенбюттель. При дворе Антона-Ульриха находился французский поверенный Дю Герон (Du Héron); Лейбниц воспользовался этим, чтобы возобновить переговоры с Францией. Он убедил Антона-Ульриха помочь ему своим влиянием и расположить Людовика XIV в пользу соединения церквей.

Лейбницу хотелось, чтобы со стороны Франции эти переговоры не велись каким-нибудь духовным лицом, от которого можно было ожидать такой же неуступчивости, как от Боссюэ, но чтобы они были поручены светскому лицу. Лейбниц имел при этом в виду одного из членов высшей французской магистратуры, которые были известны своей привязанностью к привилегиям галликанской церкви и постоянной оппозицией против притязаний римской курии.

Маркиз де Торси, министр иностранных дел, через руки которого шли переговоры, показал письмо Лейбница Боссюэ, и это по-

служило поводом к возобновлению переписки между ними. Боссюэ держал себя очень благородно; он не был настолько мелочен, чтобы обидеться желанием Лейбница привлечь к делу юриста, а, напротив, оправдывался в том, что он несколько лет тому назад прервал с ним переписку. Боссюэ приписывал всю вину войне, которая происходила тогда между Францией и Германией и которая недавно окончилась Рисвикским миром, и высказал готовность ответить на все запросы Лейбница. На этот раз переписка между ними приняла более специально-ученый характер. Вычисляя все нововведения, которые он приписывал Тридентскому собору, Лейбниц указал, между прочим, на то, что этот собор принял апокрифические книги Ветхого Завета в число канонических. Боссюэ же доказывал, что хотя эти книги и не были приняты в еврейский канон, они, однако, пользовались таким же значением у христиан, как и канонические, и потому Тридентский собор, уравнивая их с последними, не сделал никакого нововведения. Этот спор вызвал с обеих сторон по два ученых трактата, в которых каждый старался исторически проследить вопрос об апокрифических книгах, и при этом особенно Лейбниц обнаружил поразительную начитанность в творениях отцов церкви и глубокое знакомство с церковной историей.

Боссюэ предостерегал Лейбница, что критика священных книг — обоюдоострый меч. Но Лейбниц, как мы видели, был осторожен относительно этого вопроса. «К чему мне, — пишет он Боссюэ, — изменять вопрос и спорить о книгах Нового Завета? Достаточно того, что я доказал, как Тридентский собор ошибся относительно Ветхого Завета». Лейбниц считает необходимым при определении канонических книг не ограничиваться правилами обыкновенной критики, но принять также во внимание образ действия Провидения, которое хотело особенно отличить эти книги перед другими. Это замечание, сказанное вскользь и поэтому не объясненное Лейбницем, очень важно и устанавливает особенную точку зрения для критики религиозных книг. Современные критики, исследуя подлинность священных книг и достоверность сообщенных в них известий, применяют к ним приемы обыкновенной исторической критики. Лейбниц, не отвергая критики, считает ее недостаточной. По его мнению, нужен не только анализ, но и синтез. Если признать, что историей человечества руководит Провидение, то действие Провидения должно особенно отражаться в религиозной судьбе человечества, и поэтому при объяснении явлений религиозной жизни нельзя останавливаться на выводах мелкой критики, а нужно иметь

в виду весь ход человеческой истории и ею освещать отдельные факты.

Кроме апокрифов, принятых Тридентским собором в число канонических книг, Лейбниц указывал еще на другие перемены в католической церкви.

Если вы будете утверждать, — пишет он Боссюэ, — что церковь всегда высказывала себя в пользу того мнения, которое было самым распространенным и самым популярным, вам будет трудно доказать это примерами. Дело в том, что самые распространенные и популярные мнения утрачивают со временем это свойство и заменяются другими, и часто то, что в настоящее время признается правоверным (*eudoxe*), прежде считалось неверным (*pagadoxe*), и наоборот. Так, мнение о тысячелетнем рабстве Божиим было очень популярно в древней церкви, а теперь отвергается. В наше время полагают, что у ангелов нет плоти, а древние отцы церкви приписывали им тело, хотя более совершенное, чем наше, и т. д.

Лейбниц хотел этим доказать, что церковь не всегда была так последовательна, как его хотел уверить Боссюэ. Но Боссюэ оставался равнодушен к историческим урокам, которые ему давал Лейбниц. Для него было несомненно, что в католической церкви никогда не было ни малейшего изменения или нововведения, и с этой точки зрения он отвергал или толковал все факты, приводимые Лейбницем. Позволить протестантам отступить от догматов, установленных церковью, значило бы подвергнуть сомнению ее непогрешимость. Вследствие этого Боссюэ считал невозможной такую сделку с протестантами, при которой пришлось бы сделать им какую-нибудь уступку. «Ибо, если бы, — говорил он, — наши преемники присвоили себе то же самое право изменять наши постановления, какое мы себе присваиваем относительно наших предков, тогда бы оказалось, что, думая излечить одну рану, мы только открыли другую, еще бóльшую. В религии не было бы ничего прочного, и поэтому все, кто, подобно нам, любит постоянство (*la stabilité*), должны принять за основание, что все постановления церкви неизменны и непогрешимы... Первое, что сделает вселенский собор, который вы предлагаете, хотя не определяете, каким образом он должен быть составлен, это то, что он подвергнет новому исследованию все догматы веры и как бы пересоздаст их. Поэтому оставьте нас так, как вы нас нашли, и не принуждайте всех изменять и подвергать все сомнению; оставьте на земле нескольких христиан, которые не делают невозможным всякое нерушимое постановление в вопросах веры, которые осмеливаются быть уверенными в религии и ожидать от Иисуса Христа, согласно

с Его обещанием, неизменной помощи в судьбах церкви. Ведь это единственная надежда христианства».

Лейбниц пришел в негодование от такого тона.

К чему эти трагические выражения? Как будто мы не хотим оставить на земле нескольких христиан и т. д. Это, говорите вы, единственная надежда христианства. Но нужно вас просить в свою очередь оставить на земле людей, которые противятся потоку злоупотреблений, которые не хотят допустить, чтобы авторитет церкви был унижен недостойными кознями, и которые не позволяют злоупотреблять обещаниями Иисуса Христа, для того чтобы воздвигнуть идол заблуждений. в этом случае помощь Иисуса Христа, единственная надежда христиан, сделалась бы очень неясной и неверной. Присоединитесь лучше к ним, если это возможно, и возвратите христианству его чистоту. Утверждать, что вы не можете допустить пересмотра догматов, значит только повторять прежние уловки. Пересмотр нужен по крайней мере для тех, кто имеет основание сомневаться в мнимой непогрешимости постановлений. Как будто шайка мелких итальянских епископов, питомцев и приверженцев Рима, необразованных и равнодушных к истинному христианству, имела право, собравшись в уголке Альп, вопреки мнению лучших людей того времени, сочинить постановления, которые должны быть обязательными для всей церкви. Нет, такой собор никогда не может быть признан вселенским, без того чтобы не нанести христианской церкви неизлечимую рану.

Лейбниц был возмущен сдержанностью и неуступчивостью Боссюэ; он приписывал ему главную вину того, что соединение церквей не удавалось, и несколько раз слагал на него ответственность за эту неудачу.

Я думаю, что нет ни одного человека, совесть которого была бы столько заинтересована в этом, как ваша. Может быть, со временем вас будут считать виновником того, что одно из самых великих благ для человечества не было достигнуто. Ибо вы имеете большое влияние на короля в этом деле, а все знают, как велика сила короля в мире.

Переписка была прервана окончательно в 1701 г., за три года до смерти Боссюэ. Лейбниц уже прежде убедился в том, что полное соединение церквей в религиозном отношении невозможно, но он думал достигнуть этими переговорами по крайней мере гражданского примирения или полной веротерпимости.

И я тоже, — писал он в 1697 г. своему другу Фабрицию, профессору богословия в Гельмштеттском университете, — и я тоже много трудился над умиротворением религиозных споров; но я скоро убедился, что соглашение между догматами — дело тщетное и что те, кто старается найти объяснения, удовлетворяющие обе стороны, трудятся только

напрасно и подвергаются всеобщим насмешкам. Тогда я придумал нечто вроде Божьего мира (*inducias tantum sacras excogitare volui*) и решился развить и распространить идею терпимости, которая лежит в основании Вестфальского мира¹.

В другом письме к Фабрицию Лейбниц говорит:

Я трудился не столько над духовной, сколько над гражданской терпимостью; ибо никогда нельзя будет достигнуть, чтобы обе стороны не осуждали взаимно друг друга. Если запретить *богословам* (*doctoribus ecclesiasticis*) такое осуждение, они все будут кричать, что это значит одобрять учение противников. Пусть же они друг друга осуждают, но без оскорблений, без несправедливых нареканий. Если бы англичане приняли этот *Божий мир*, они бы не сжигали ежегодно с большой торжественностью и с большими издержками образ папы. Пусть они откажутся от преследований, от инквизиции, от насилия, пусть они каждому предоставят хоть в частной жизни свободу богослужения (*privatum exercitium concedant*); пусть они обуздают резкость некоторых сочинений и др. О догматах же и о спорных вопросах я совсем не забочусь; я всегда думал, что водворить мир между различными исповеданиями — дело не *богословов*, а *политиков*. Богословам же можно оставить их привычки²; но на каком основании достигнуть мира и равенства между различными вероисповеданиями и каким способом устранить вражду и нарекания — это следует предоставить усмотрению светских государей.

Эти слова важны для объяснения деятельности Лейбница. Они показывают, что религиозные переговоры были для него не забавой ума (как говорила М. де Бринон) и не средством, чтобы выказать свою диалектическую ловкость и ученость в богословии. Он смотрел на них как политик и философ, который желал избавить человечество от бедствий, причиненных ему религиозной враждой, и который считал необходимым, если нельзя достигнуть религиозного объединения всех христианских церквей, по крайней мере установить полную веротерпимость, без которой не может развиваться гражданское общество. Не один Лейбниц в XVII в. отстаивал свободу совести; но стремление к веротерпимости у многих его современников вытекало из равнодушия к религии, его же заслуга заключалась в том, что, глубоко сознавая важность религиозных верований для человека, он требовал не только веротерпимости, но и взаимного уважения к религиозным убеждениям друг друга.

Как легко, однако, люди поверхностные могут злоупотреблять идеями веротерпимости, доказывает один факт, случившийся

¹ Opera Omnia Leibnitii / Ed. Dutens. T. VI. P. 141.

² Illis enim sui mores essent relinquenti!! (Ibid. P. 146).

в кругу лиц, соприкосновенных с Лейбницем. Герцог Антон-Ульрих продолжал сноситься с Францией и искать у нее опоры против Ганновера, даже когда началась война за испанское наследство. Этот союз мог быть опасен для Германии и особенно для ганноверских герцогов, и они решились быстрым ударом положить конец интригам своего родственника. Зимой 1702 г. их войска неожиданно вступили со всех сторон в герцогство Вольфенбюттельское и обезоружили тамошние войска. Антон-Ульрих бежал, и брат его должен был отказаться от союза с Францией и от оппозиции против Ганновера. Через два года после того он умер, и место его занял Антон-Ульрих, которому теперь более чем когда-либо нужна была внешняя поддержка. Он решился сблизиться с императором, а средством для этого сближения избрал брачный союз с Австрийским домом. Молодой брат императора Иосифа, Карл, был провозглашен испанским королем, и для него искали невесту. Антон-Ульрих сначала избрал для этого свою внучку, Саксен-Мейнингенскую принцессу, но родители ее не соглашались, чтобы их дочь переменила религию. Тогда он стал интриговать в пользу другой внучки, Елизаветы-Христины, сестра которой Шарлотта-Христина впоследствии вышла за царевича Алексея. Переговоры велись в Вене через посредство Имгофа и барона Урбиха, который скоро после того был назначен русским послом при Венском дворе. Елизавете-Христине покровительствовал курфюрст Пфальцкий, родственник императора, и благодаря его участию она восторжествовала над своими соперницами. 13-летнюю девочку начали учить католическому закону, чтобы подготовить ее к перемене веры. Такие перемены веры по случаю бракосочетания были тогда новостью, и родственники Елизаветы вознегодовали против Антона-Ульриха. Нужно было успокоить их встревоженную совесть, тем более что и придворные проповедники в Вольфенбюттеле в своих проповедях открыто осуждали поступок своего герцога. Антон-Ульрих обратился к Фабрицию, профессору богословия в Гельмшtedтском университете, который был приглашен туда вместе с профессором Шмидтом, по рекомендации Лейбница, за их умеренность и либеральный образ мыслей. Но с просвещенным и гуманным взглядом на религиозные вопросы Фабриций соединял излишнюю угодливость властям и недостаток мужества, когда нужно было признаться в своих убеждениях. По просьбе герцога Фабриций составил записку, в которой отвечал утвердительно на вопрос, может ли лютеранская принцесса с чистой совестью принять по случаю бракосочетания католическую веру. Фабриций основывал это на том, что католичество не заключает в себе заблуждений, которые могли бы

воспрепятствовать спасению, и что те пункты, в которых оно расходится с протестантизмом, касаются только богословов и слишком отвлечены для принцессы. По совету Фабриция Антон-Ульрих предложил всем профессорам богословского факультета и другим ученым знаменитостям своего герцогства два вопроса: «Можно ли найти спасение в католичестве и может ли лютеранская принцесса, которой предлагают брак с католическим королем, принять католицизм, не опасаясь за свое спасение, особенно если в этом видна воля Провидения и если она своим браком может содействовать общественному благу и принести пользу своему дому?» Ответы были различны. Из них мы остановимся только на ответах Молануса и Лейбница. Моланус отвечает отрицательно, но как придворный богослов он облекает свой ответ в мягкие формы. По его мнению, католичество заблуждается более в обрядах, чем в учении, и человек, родившийся католиком, не знающий своих заблуждений и ведущий христианскую жизнь, может надеяться на Царство Небесное. Но кто осуждает католичество и принимает его ради материальных выгод, тот грешит против своей совести. В настоящем случае такого греха нет, и можно думать, что здесь все проистекает только из сомнения и колебания. Но на основании Послания к римлянам (14) все, что вытекает из сомнения, а не из веры, грешно. Ответ Лейбница, хотя тождественный по смыслу, был выражен в уклончивой форме. Лейбниц также соглашается, что католическая вера может спасти человека. Протестантская церковь не осуждает тех, кто придерживается католического закона без лицемерия и материальных целей. Затем Лейбниц делает различие между *поводами* и *побуждениями* к перемене веры. Поводы к этому могут быть материальные и случайные, но вследствие таких поводов могут явиться нравственные и искренние побуждения. Болезнь, например, может привести злодея к раскаянию, плен может иметь своим последствием то, что магометанин познакомится с христианской верой и примет ее; брак, повышение по службе или надежда на наследство могут сделаться поводом к тому, что католик в Англии или протестант в Силезии займется изучением враждебной религии и вследствие этого искренно изменит свои убеждения. Такого человека не следует считать лицемером или отступником.

Смысл ответа был тот, что если принцесса, обучившись католическому закону, убедится в его истине, то она может с чистой совестью принять католицизм. Но Лейбниц обошел вопрос, так же ли чиста будет совесть ее деда, который ради материальных выгод отдал 13-летнюю девочку в руки иезуитов, предвидя очень хорошо результат.

Фабриций во второй своей записке ответил гораздо решительнее. По его мнению, принцесса с чистой совестью могла обратиться в католичество, если ей было доказано, что различие между обоими вероисповеданиями касается не сущности веры, а второстепенных вопросов; кроме того, он считал нужным, чтобы она не вдавалась в споры и не осуждала тех, кто держится другого мнения, и наконец чтобы она была убеждена, что не отрекается от Христа, но из одной частной христианской церкви вступает в другую, в которой также может служить Христу. При этом он сделал, однако, оговорку, что свобода, предоставленная принцессе вследствие различных важных причин, не может быть применена ко всем остальным протестантам.

Это мнение Фабриция попало в руки парижских иезуитов и было обнародовано ими как мнение богословского факультета в Гельмштедтском университете. Появление этой брошюры встревожило протестантских богословов в Германии и Англии. Со всех сторон посыпались запросы, протесты, обвинения и опровержения. Фабриций должен был оправдываться. Он не решился прямо отстаивать свой взгляд и объявил, что его мнение искажено в печати, но не напечатал подлинного текста, потому что за исключением нескольких грамматических ошибок оттиск был верен. Неудовольствие против Фабриция было особенно велико в Англии. Там оттеснили Стюартов от престолонаследия только за их привязанность к католицизму, и приверженцы Ганноверского дома были крайне удивлены и оскорблены тем, что в Ганноверском университете проповедуют такие опасные мнения. Курфюрст Георг встревожился и вытребовал от университета все акты по делу Фабриция. Последний был уволен, потому что его либерализм слишком противоречил господствовавшим тогда понятиям. К сожалению, мы не можем судить, насколько этот либерализм был искренен или обуславливался угодливостью герцогу.

Лейбниц был в затруднительном положении. Вследствие своего совета Антону-Ульриху он также мог испортить свое положение при Ганноверском дворе. В 1708 г., когда разгласилось дело Фабриция, он советует ему быть осторожным. «Все наше право на Великую Британию, — пишет он ему, — основано на ненависти против католической религии. Поэтому мы должны избегать всего, что могло бы бросить на нас тень, будто бы мы относимся равнодушно к этой церкви».

Между тем Елизавета-Христина была окружена иезуитами и под их руководством скоро сделала большие успехи в католическом катехизисе. В 1707 г. она отрекалась от протестантизма и была

обвенчана в Вене с императором Иосифом, который заступал место своего брата. Через два года после этого ее дед Антон-Ульрих на 77-м году жизни принял также неожиданно для всех католичество. Причины его обращения не совсем известны, но можно сказать утвердительно, что главным побуждением был политический интерес. Честолюбивый старик видел в обращении своей внучки орудие для своего возвышения. «Успокойтесь, — писал он ее матери, когда зашла речь об обращении Елизаветы, — и предоставьте все Богу. Бог даст, Лизочка сделается вторым Иосифом, чтобы поднять и обеспечить наш дом»¹.

Когда это средство не привело к желанной цели, он решился сам принять католицизм. Настояния учителей его внучки и софизмы снисходительных Гельмштедтских богословов смущали старика, который всегда был фантастичен и склонен к увлечению. Он все более и более убеждал себя, что между протестантизмом и католицизмом нет существенного различия, а что католицизм имеет преимущество большей твердости. Католицизм казался ему надежнее; у протестантов, говорил он, нет священников, которые могли бы ему отпустить все грехи. А ко всему этому его манила надежда вознаградить себя с помощью своего родственника императора за неудачи и разочарования жизни. Вследствие побед Мальбрука и Евгения Савойского, курфюрсты Баварский и Кёльнский, союзники Франции, были лишены своих владений. Антон-Ульрих надеялся получить часть добычи. Как кажется, ему обещали епископство Гильдесгеймское или архиепископство Кёльнское. Но все эти надежды были разрушены Утрехтским миром. Последние годы беспокойного герцога были не совсем отрадны. Перемена религии вовлекла его в споры с родственниками и земством герцогства. Ему часто доносили, какими упреками его осыпали протестантские пасторы в своих проповедях. К тому же его мучили религиозные сомнения. Принимая католичество, он надеялся, что ему позволят причащаться под обоими видами. Он считал существенным сохранить в этом случае лютеранский обряд. Но папа Климент ни за что не хотел ему этого разрешить, даже втайне. Старик был в отчаянии. На смертном одре он пригласил для своего успокоения и католического, и протестантского пастора и молился с ними поочередно.

¹ E. L. stellen ihr Gemüth nur in Ruhe und befehlen die Sache Gott, der wird es schon schicken, dass Lisabethchen der andere Joseph werden wird unser Haus aufzuhelfen und zu versorgen. — См. обо всем этом основательное сочинение: *Hoek. Anton-Ulrich und Elisabeth-Christine. Wolf., 1845. P. 79.*

Еще прежде чем прервались переговоры, которые имели целью примирение протестантов с католиками, в Ганновере, при участии Лейбница, начались другие, для соединения лютеранской церкви с реформатской и англиканской. Две причины делали в то время такое соединение особенно желательным для ганноверского правительства и для Лейбница. Церковное соединение имело бы своим последствием более тесное сближение между Ганновером и Пруссией, самыми сильными государствами северной Германии, из которых первое стояло во главе лютеран, а второе — во главе реформатского исповедания. Соединение протестантов Германии в одну церковь казалось тогда особенно необходимым вследствие невыгодного для них Рисвикского мира. По этому миру Франция должна была возвратить все области, захваченные ею во время насильственных присоединений 80-х годов, Франция успела водворить в них католичество и во время Рисвикского мира настояла на том, чтобы в этих областях нигде не был восстановлен протестантизм. Это требование Франции едва не привело к междоусобию в Германии: протестанты опасались соединения немецких католиков с Францией и убедились в необходимости нового протестантского союза.

Переговоры по поводу соединения протестантских исповеданий не представляют нам такого интереса, как величественная попытка примирить противоположные принципы католицизма и протестантизма. Здесь нет различия в принципе; обе стороны расходятся только в подробностях, в степени последовательности, с которой они применяют общий принцип. Поэтому предметы переговоров мельче и незначительнее. К тому же лица, с которыми приходится Лейбницу переписываться и сноситься, стоят гораздо ниже его прежних корреспондентов. Это — обыкновенные протестантские богословы, из которых ни один по таланту и европейской известности не мог сравниться с Пелиссоном и Боссюэ. Но зато эти переговоры имеют другое преимущество перед прежними. Сам Лейбниц сомневался в возможности полного объединения католической и протестантской церкви, по крайней мере в его веке. В XIX в. такое объединение было бы еще менее возможно. Поэтому попытки такого рода всегда имели несколько фантастический характер. Что же касается до слияния протестантских церквей, то мы находимся на практической почве. Переговоры об этом не удались во время Лейбница главным образом по нерадению государей, от которых зависел их успех; но в XIX в. идея Лейбница вполне осуществилась. Лютеранская и реформатская церкви в Германии, которые еще в XVII в. находились в ожесточенной

вражде, слились в одну не только по имени, но и на самом деле и доказали возможность религиозного объединения церквей с сохранением различий и особенностей каждой из них.

В 1697 г. Лейбниц в своей переписке с бранденбургским тайным кабинет-секретарем Кюно (Cuneau), человеком способным и ученым, особенно в математике, завел речь о соединении протестантских церквей. В Берлине тогда был всемогущ Данкельман, первый министр и любимец курфюрста Фридриха. Для него собственно предназначались письма Лейбница.

Необходимо, — писал он Кюно, — все более и более разрушать пустой призрак разделения между обеими протестантскими партиями. Это дело теперь необходимее и легче осуществить, чем когда-либо. Соглашение между обоими исповеданиями имеет свои степени. Первая степень — чисто гражданская: она заключается в гармонии и искренней взаимной помощи против возрастающего могущества римской партии. После удара, который нам нанес Саксонский дом¹, ваш государь первый из протестантов империи, а следовательно, руководитель их интересов, если не отделять лютеран от реформатов.

Вторая степень состоит в церковном соглашении и заключается в том, чтобы приверженцы обоих исповеданий не осуждали друг друга. Богословский факультет Гельмштедтского университета совершенно склонен к такому соглашению. Я всегда старался препятствовать, чтобы туда не были приглашены профессора Виттенбергской партии, и советовал герцогам и министрам поддерживать школу несравненного Калликста, который делает такую честь Германии, протестантам и нашей стране. И теперь я устроил так, что мне поручили пригласить туда профессоров Шмидта из Йены и Фабриция из Альторфа: один — ученик Музеуса, другой — ученик Гельмштедтской школы.

Третья степень заключается в единстве веры. Ваше превосходительство считает невозможным достигнуть его, так как для этого пришлось бы убеждать людей в трудных вопросах. Но этого и не нужно. Достоверно то, что в вопросе о причащении не легко будет достигнуть соглашения, потому что тут существует действительное различие. И хотя, по моему мнению, спор о предназначении основан на недоразумении, я готов признаться, что очень многих нельзя будет в этом убедить. Но я и не вижу, к чему это полное единство веры или учения. Нужно стараться достигнуть как можно большего, но не следует останавливаться из-за этого, потому что различие не мешает желаемому соглашению.

Поэтому желательно, по крайней мере, дать понять просвещенным людям, что различие не так существенно, как оно кажется. Хорошо, если первый шаг будет сделан политиками, но богословы необходимы, чтобы повлиять на народ, а также на крайних и исполненных предрасудками людей, часто встречающихся между теми, которые стоят над народом.

¹ В 1697 г. курфюрст Саксонский Август, избранный польским королем, принял католичество.

Чтобы содействовать примирению, Лейбниц убедил Каликста Младшего издать со своим предисловием сочинение отца «*De tolerantia Reformatorum ecclesiastica*»*, вместе с другими примирительными (иреническими) сочинениями его. Остальные профессора присоединили к его предисловию и свое одобрение, и, таким образом, все сочинение могло казаться голосом Гельмшtedтского университета.

В то же время Лейбниц обратился к известному ученому антивару и нумизмату Спангейму, который был в это время прусским посланником в Париже и пользовался особенным расположением курфюрста. Лейбниц был давно с ним знаком и через его посредство получил важные акты из Берлинского архива, напечатанные им в его «*Codex juris diplomaticus*». Спангейм изложил курфюрсту Фридриху план Лейбница, и тот вполне одобрил его. Он тотчас поручил своему придворному проповеднику Яблонскому, человеку ученому и либеральному, начертать основания для соглашения между протестантами и реформатами. Яблонский сделал это в сочинении «Краткое представление единства и различия в вере между протестантами и реформатами», в котором доказывал, что между обоими исповеданиями нет различия в самых важных и существенных догматах и потому нет причины к разделению. Отправляясь в Париж, Спангейм привез это сочинение в Ганновер, представил его курфюрсту и сослался во всем на переписку с Лейбницем.

Таким образом переговоры получили официальный характер, хотя их тщательно скрывали от публики. Лейбницу было поручено снестись с ганноверскими богословами. Вскоре после того последовало со стороны Гельмшtedтского факультета одобрение берлинского сочинения, которое было названо «благочестивым, правоверным, точным, умеренным, основательным и годным для примирения церквей». В то же время Лейбниц издал вместе с Моланусом сочинение «*Via ad pacem*»** , в котором отвергается простая веротерпимость и требуется объединение.

В 1698 г. курфюрст отправил Яблонского в Ганновер для личных переговоров с Моланусом и Лейбницем. Во время этого свидания было решено, что различия в догматах не существенны и поэтому терпимы, что обе церкви сохранят свои обряды и соединятся под общим названием евангелической. Яблонский возвратился в Берлин, и переговоры между ним и Лейбницем продолжались письменно до 1704 г.

* «О веротерпимости реформатской церкви» (лат.). — Прим. пер.

** «Путь к миру» (лат.). — Прим. пер.

После падения Данкельмана переговоры были поручены министру Фуксу и велись менее деятельно. Лейбниц не раз высказывал Фуксу через Яблонского свое неудовольствие; но тот слагал вину на упрямство лютеранского духовенства. «В свете двойкие интересы, — писал Лейбниц в это время, — такие, которые бы следовало иметь, и такие, которые всякий себе создает, и это можно сказать о многих дворах».

Кроме нерадения правительственных лиц, дурное влияние на религиозные переговоры имели война за испанское наследство и особые интересы, которые в это время отвлекали внимание Пруссии и Ганновера. Первая старалась добыть себе королевскую корону, Ганноверский же дом — обеспечить за собой наследство английского престола.

Наконец в 1703 г. курфюрст Фридрих, который между тем принял титул короля Прусского, учредил комиссию из богословов для ускорения переговоров (*Collegium Irenicum* или *Charitativum*). Председателем ее был назначен Урсинус (фон Бер), которого король, по поводу своей коронации, возвел в сан реформатского епископа; члены же ее состояли из реформатских и лютеранских богословов Берлина. Лейбниц не был назначен в члены комиссии, но сохранил на них свое влияние. К сожалению, лютеранские члены комиссии были не способны вести дело примирения. Один из них, Винклер, представил королю проект, в котором он ему советовал решить дело в силу своей власти как глава церкви. Все обряды, которыми реформаты отличаются от лютеран, должны быть запрещены. Духовным инспекторам должно быть предоставлено больше власти над пасторами, для того чтобы запугать или удалить упрямых, и т. д. Проект Винклера был неизвестно кем напечатан во Франкфурте под названием «*Arcanum Regium*»* и произвел большое смущение между лютеранами. Магдебургское земство даже обратилось за советом к Гельмштедтскому университету, как ему поступить, если бы вздумали осуществлять меры, предложенные Винклером. Факультет, по обыкновению, обратился к Лейбницу, и тот прислал ему критику берлинского проекта, в которой он проводил мысль, что протестантские государи не должны злоупотреблять своей властью над церковью, и дал факультету совет, каким образом осуществить план Винклера, не оскорбляя прусского короля.

Еще перед этим прусский король просил Антона-Ульриха принять участие в переговорах, так как глава Ганноверского до-

* «Царский аркан» (лат.). — Прим. пер.

ма, курфюрст Георг, относился к ним довольно равнодушно. Антон-Ульрих начал сноситься с другими государями, с герцогом Саксен-Готским и ландграфом Гессенским. Король раздавал золотые медали тем богословам, которые выказывали расположение к переговорам. Моланус получил медаль ценой в 50 дукатов, другие были присланы Лейбницу для раздачи по его усмотрению.

Вскоре, однако, все планы о соединении протестантских церквей были окончательно забыты. Они имели практический интерес для курфюрста Георга, пока шли переговоры о браке его дочери с прусским кронпринцем, причем различие вероисповедания представляло некоторые затруднения. Но когда прусский король предоставил своей будущей невестке полную свободу совести, Георг нашел дальнейшие религиозные переговоры излишними. В конце 1706 г. он известил Лейбница в Берлине о своем приказании, чтобы он устранил себя от всякого участия в переговорах. Лейбниц не сообщил об этом богословам, но должен был отказаться от прежнего деятельного участия в переговорах, которые без него пришли мало-помалу в застой. В 1708 г. Лейбниц писал Фабрицию пророческие слова: «По тому, как теперь сложились обстоятельства, я ничего не ожидаю от дела соединения. Оно когда-нибудь само собой осуществится (*Ipsa se res aliquando conficiet*)». И действительно, через 100 лет после этого слияние обоих протестантских исповеданий в Германии совершилось почти незаметно после указа короля Фридриха-Вильгельма в 1817 г., третью столетнюю годовщину Реформации.

Все эти неудачи не могли лишить Лейбница бодрости. До последних дней своей жизни он был занят делом объединения церквей. Мы видели, что он очень дорожил идеей преемственности церкви, которая выражалась в непрерывности церковной иерархии посредством рукоположенных епископов. Поэтому ему особенно должна была нравиться англиканская церковь — она сохранила епископальное устройство. Введение этого устройства в Германии ему казалось желательным еще потому, что оно привело бы к соединению английских и немецких протестантов в одну церковь и могло бы облегчить соединение их с католиками. В 1700 г. он подал прусскому королю Фридриху записку, в которой объяснял значение епископальной иерархии для королевской власти даже в протестантском государстве и советовал ввести в Пруссии епископальное устройство. Королю Фридриху, который любил церемонии и торжественности и готов был ввести все, что могло придать его власти больший блеск, такой совет должен

был очень понравиться. Вопреки духу реформатской церкви, он возвел для своей коронации двух пасторов в сан епископов, а потом предоставил им этот титул пожизненно вместе с большими доходами. В это же время он велел перевести английскую литургию на немецкий язык поручил своему епископу Урсинусу обратиться к архиепископу Кентерберийскому и посоветоваться с ним насчет введения епископального устройства. По этому же поводу завязалась деятельная переписка между Яблонским и архиепископом Йоркским, в которой принимали участие несколько английских и прусских дипломатов. Когда в 1711 г. Лейбниц находился в Берлине, его пригласили также принять участие в переговорах с архиепископом Йоркским. Смерть Фридриха в 1713 г. прервала эти переговоры, так как преемник его был мало расположен к Англии. Но Лейбниц, как всегда, не покидал начатого плана. Восшествие Ганноверской династии на английский престол оживило его надежды. Он обратился к своей ученице, принцессе Вельской, покровительству которой он искал в своем споре с Ньютоном, как мы видели в главе III. Лейбниц просил ее употребить свое влияние на архиепископа Кентерберийского и через него склонить короля, ее тестя, к соединению протестантских церквей. При этом он советовал ей не упоминать о нем (Лейбнице), так как король не любил его вмешательства в правительственные дела.

Никакое дело не может быть так достойно вашего королевского высочества, как это, — пишет Лейбниц к принцессе¹; — ваше благочестие равняется вашему благоразумию, а ваше высокое положение придает им значение; можно надеяться, что благословение Божие не оставит этого дела. Что касается меня, то я был бы счастлив, если бы мне пришлось еще видеть какой-нибудь плод от моих прошлых трудов.

Эти строки были написаны Лейбницем за несколько месяцев до его смерти; ими он закончил свои 50-летние труды над объединением христианских церквей, умиротворением религиозной вражды и водворением веротерпимости. В жизни Лейбница мы встречаем много неоконченных предприятий, много безуспешных трудов и неосуществившихся надежд. Многое ему не удалось, потому что у него не доставало времени и сил, многое — потому что он не находил достаточной поддержки в современном обществе и в людях, в чьих руках была власть. К предприятиям этого рода нужно отнести проекты Лейбница о соединении церквей. Мы видели, что эти проекты нельзя назвать фантастической мечтой философа — над осуществлением их трудилось много замечатель-

¹ Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. II. P. 495.

ных людей, и религиозное объединение всех христиан есть одна из любимых мыслей XVII в.

Правда, в XIX в. такое объединение кажется еще более трудным, чем в XVII в., но это не дает нам права осуждать людей, которые стремились к этой цели. Лейбниц заметил где-то¹, что «чем менее разрешима какая-нибудь проблема, чем выше она, тем плодотворнее приемы и попытки к ее разрешению. Ничто, может быть, не содействовало так много к развитию науки, как изыскания *трех великих химер* (*tria magna inania*): философского камня, вечного движения и квадратуры круга».

Даже если бы нам пришлось причислить вопрос о соединении церквей к разряду неразрешимых проблем, мы должны были бы признать за попытками к объединению существенные заслуги. Они смягчают старинные понятия о вражде и розни и располагают к веротерпимости, не к гражданской только терпимости, поддерживаемой законом, но к той истинной веротерпимости, которая основана на сознании единства начала и целей. Благодаря этим попыткам, второстепенные особенности каждой церкви, которые обуславливаются историческим развитием ее и различием рас, будут терять свое прежнее значение, а эти особенности всегда бывали главным поводом к отделению и вражде. И как скоро перестанут рассматривать христианские исповедания с той стороны, которой они отличаются друг от друга, то над старинной распрей одержит верх сознание, что в существенном они не расходятся и что общее достояние их значительнее, чем их особенности.

А в этом случае проблема будет разрешена. Тогда будет достигнуто то, к чему стремился Лейбниц и чего не хотел понять Боссюэ. Когда духовное единство христианской церкви будет осознано во всех ее исповеданиях, тогда распря об единстве формы станет излишней и невозможной.

¹ Ibid. II. Introduction. P. CIV.

ГЛАВА VII

ОТНОШЕНИЯ ЛЕЙБНИЦА К СОФЬЕ-ШАРЛОТТЕ И ВЕНСКОМУ ДВОРУ

Характер эпохи. — Софья-Шарлотта Прусская. — Ее образованность. — Ее муж Фридрих I. — Его любимцы. — Двор Софьи-Шарлотты в Люценбурге. — Ее дружба с Пёльниц. — Ее отношения к сыну. — Ее отношения к Лейбницу. — План Лейбница сделаться посредником между Ганновером и Пруссией. — Старания его об учреждении ученых обществ. — Желание Софьи-Шарлотты устроить в Берлине обсерваторию. — Старания Лейбница об исправлении календаря. — Учреждение Академии наук в Берлине. — Ее тройкое назначение. — Мысли Лейбница о соединении в академиях теоретического и практического изучения науки. — Занятия Софьи-Шарлотты. — Ее пристрастие к Бейлю и свидание с ним. — Бейль и Лейбниц. — «Теодицея», написанная для Софьи-Шарлотты. — Философское и историческое значение «Теодицеи». — Толанд. — Любовь Софьи-Шарлотты к ученым прениям. — Иезуит Вота. — Его переписка с Софьей-Шарлоттой. — Поездка Софьи-Шарлотты в Голландию. — Приобретение королевского титула. — Торжество коронации. — Сочинение Лейбница о значении и правах прусского короля. — Маскарад в Люценбурге. — Болезнь и последние минуты Софьи-Шарлотты. — Огорчение Лейбница. — Печальное положение академии. — План учреждения академии в Дрездене. — Встреча Лейбница с Карлом XII. — Значение Лейбница в европейской политике. — Записка его о положении дел в 1691 г. — Проект высадки в Бискаю. — Вторая поездка Лейбница в Вену. — Смерть испанского короля и влияние ее на европейское равновесие. — Политические сочинения Лейбница против Франции. — Манифест в защиту прав Карла III. — Критика царствования Людовика XIV. — Война за испанское наследство и счастливый для Франции переворот в Англии. — Утрехтский мир. — План Лейбница вовлечь северных союзников в войну против Франции. — Свидание Лейбница с Петром Великим в Карлсбаде. — Последняя поездка Лейбница в Вену. — Хороший прием при Венском дворе. — Советы, которые он дает императору. — Его трактат «La Paix d'Utrecht est inéxcusable». — Тесная связь между торжеством либеральной партии в Англии и интересами Австрийского двора. — Джон Кер. — Его план для устройства каперства. — Лейбниц ратует против Раштадтского мира. — Воцарение Ганноверской династии в Англии. — Новые планы Лейбница. — Евгений Савойский. — Граф Боннвальд. — Проект учреждения академии в Вене. — Немилость курфюрста. — Смерть Софьи. — Недобросовестность немецких министров Георга. — Возвращение Лейбница в Ганновер. — Недостойное обращение с ним. — Желание его переселиться в Париж. — Его возражение якобитам. — Лейбниц о Вечном мире Сен-Пьера. — Дневник Лейбница. — Его последние дни. — Его смерть и погребение. — Характеристика Лейбница, написанная им самим.

Мы видели в предшествовавшей главе, как Лейбниц по поводу переговоров о соединении протестантских церквей вступил в сношения с Берлинским двором. Эти сношения приобретают все большее и большее значение и играют важную роль в последние годы жизни Лейбница. Сближение его с Берлинским двором было не случайное. В прежние годы своей политической деятельности Лейбниц относился несколько враждебно к стремлениям Бранденбургских курфюрстов. Он был приверженцем старинной имперской конституции, которая требовала от князей известного подчинения императору. Ему не нравилась честолюбивая, независимая политика Фридриха-Вильгельма, который хотя и был патриотом, но в своих интересах часто сталкивался с сеймом и императором. В последнее время, однако, многое изменилось. Перевес Франции ее насильственные действия относительно Германии примирили многих немецких патриотов с возрастающим могуществом Пруссии, а фанатизм Людовика XIV, высказавшийся в изгнании гугенотов и в невыгодном для протестантов Рисвикском мире, возбудил опасение всех друзей протестантизма и свободы и заставил их искать опоры у Пруссии. К этому присоединялись для Лейбница личные связи и сношения. Связующим звеном между ним и Берлинским двором была прусская королева — знаменитая Софья-Шарлотта, наследовавшая от своей матери, Ганноверской курфюрстины, дружбу и уважение к философу. Софья-Шарлотта — самая интересная личность, которую мы встречаем в жизни Лейбница. Как она при жизни составляла отраду и утешение философа, так она теперь своим поэтическим образом украшает его биографию и вносит в нее тот элемент сердечной привязанности, без которой жизнь человека бледна и безынтересна.

Но Софья-Шарлотта сама по себе привлекает наше внимание. Каждая эпоха имеет любимые лица, в которых соединяет свои лучшие черты. Она идеализируется в них как в художественном произведении и отражается со своими вкусами, потребностями и целями. Подобным образом Софья-Шарлотта идеализирует перед нами век Лейбница. Она является лучшей представительницей той эпохи, когда французское образование стало сильно проникать в Германию, смягчать, по крайней мере при дворах и в аристократии, грубые нравы прежнего времени и вытеснять богословско-схоластический дух, которым отличалась эпоха Реформации и религиозных войн. Под французским влиянием пробуждается сильный философский интерес, но он мирится с глубокой религиозностью, и последняя еще не уступает легкомысленному и дешевому скептицизму, которым отличается эпоха Вольтера. Наука до-

пускается ко двору; коронованные особы стараются прославить себя учреждением академий и гордятся званием почетных членов ученых обществ. Искусства ценятся высоко, хотя вкус падает и ухудшается. Классические предания, которыми воодушевлялись во время возрождения наук, все более и более забываются и переходят в самое вычурное рококо. Зато музыка процветает и все более приближается к эпохе своего блестящего развития. Грубый разгул старинных празднеств, на которых все старались отличиться многочисленностью прислуги и экипажей, ценностью костюмов, количеством блюд и напитков, национальные пляски, продолжавшиеся несколько часов, карусели, напоминавшие средневековые турниры, уступают место увеселениям, на которых главную роль играет музыка. Оперные представления и концерты становятся любимым развлечением, и в них нередко принимают участие коронованные и придворные особы.

Все приведенные нами черты XVII в. находили себе полное выражение в том тесном кругу, в котором царствовала Софья-Шарлотта. Этот круг составлял, правда, резкий контраст с окружающей его придворной сферой и был скоро сменен суровой солдатчиной времени Фридриха-Вильгельма I. Но «философская королева», как ее называли современники, ожила в своем знаменитом внуке—короле-философе. Влияние ее не прошло бесследно. Во всяком случае, описание ее личности и ее кружка составляет лучшую страницу в безотрадной истории Прусского двора.

Софья-Шарлотта была единственной дочерью Эрнста-Августа и Софьи Ганноверской, и поэтому предметом особенных забот со стороны матери. Между матерью и дочерью рано установилась самая тесная и искренняя связь, сохранившаяся до смерти последней. В истории придворной жизни редко можно встретить подобный пример дружбы между матерью и замужней дочерью. Никакие интриги двора, никакие политические столкновения, которые случались нередко между обоими дворами, не могли ослабить этой дружбы.

Воспитание, которое получила Софья-Шарлотта, совершенно соответствовало изменившемуся духу времени. Латинский язык и катехизис не играли в этом воспитании такой роли, какую они играли в образовании немецких принцесс старого поколения; их место заступили новейшие языки и музыка.

Софья-Шарлотта получила хорошее религиозное воспитание; но для герцогской семьи, которая сделалась известна своей дружбой с Лейбницем, характерно то, что молодую принцессу обучали как реформатскому, так и лютеранскому закону, а конфирмацию

ее, или причащение, отложили до самого замужества. Мать Софьи-Шарлотты принадлежала к реформатскому исповеданию, а отец ее — к лютеранскому. Родители не хотели определять вероисповедания дочери, пока она не достигнет совершеннолетия и пока не сделается известным, в какую среду она будет поставлена замужеством. Некоторые утверждают даже, что принцессу обучали также католическому закону. На образование и развитие Софьи-Шарлотты имели особенно хорошее влияние частые путешествия. С отцом и матерью она провела около года в Италии, где у нее развилась любовь к искусству и музыке. После того она ездила с матерью в Берлин и во Францию, чтобы навестить свою тетку, Мобюиссонскую игуменью.

Софья-Шарлотта пробыла во Франции почти год, и хотя ей было тогда 15 лет, она привела в восторг Людовика XIV и его двор своей красотой, зрелостью ума и образованием. Уже в это время начались переговоры о ее замужестве, и когда ей только что минуло 16 лет, ее выдали замуж за наследного принца Прусского Фридриха. Этот брак мог казаться блестящим для Ганноверской принцессы, но его нельзя было назвать счастливым. Кронпринц и в физическом, и в нравственном отношении представлял жалкую противоположность своей невесты. Французская газета «*Mercure Galant*» описывает в это время Софью-Шарлотту следующим образом: «Роста она среднего, у нее замечательно красивая шея и самая тонкая кожа, большие голубые глаза с кротким выражением и чрезвычайно густые черные волосы. Брови принцессы как будто проведены циркулем, нос очень пропорциональный, зубы чрезвычайно красивые и очень живой цвет лица. Лицо ее не слишком овальное и не слишком круглое. У нее много ума и привлекательная кротость характера. Она хорошо поет, играет на фортепиано, грациозно танцует и имеет такие познания, как немногие в ее возрасте. Английский философ Толанд, который познакомился с Софьей-Шарлоттой гораздо позднее, когда она очень пополнила, также восторгается ее голубыми глазами, черными, как смоль, волосами и цветом лица. Он называет ее самой красивой принцессой своего времени.

Принцесса, — говорит он, — никому не уступает в здравом уме; речь ее изящна и складна; ее беседа и общество чрезвычайно привлекательны. Она много читала и в состоянии говорить со всякими людьми о самых разнообразных предметах. Можно столько же удивляться ее ясному и сметливому уму, сколько основательным познаниям, которые она приобрела относительно самых трудных вопросов философии. Я должен признаться откровенно и без малейшей лести, что никогда не

встречал человека, который умел бы делать более ловкие возражения, легче бы отрывал несостоятельность и софизм приведенных доводов и скорее понимал слабость или силу какого-нибудь мнения, чем эта принцесса. Все, что отличается образованностью и живостью, собирается к ее двору, и там можно встретить в полном согласии две вещи, которые в свете считаются совершенно несовместимыми, — занятия наукой и увеселения. Никто не умеет лучше ее соединять удовольствия с пользой. Самое любимое развлечение ее составляет музыка, и тот, кто любит ее до такой степени, должен ее также хорошо понимать, как принцесса, что не очень легко. Она в совершенстве играет на цимбалах и занимается этим каждый день; она поет также хорошо; а знаменитый Бонончини, один из величайших современных музыкантов, говорил мне, что музыкальные пьесы ее сочинения написаны чрезвычайно правильно. Она очень любит, когда иностранцы ее посещают и рассказывают обо всем, что интересно в их стране. Она имеет самые точные и верные сведения о государственных учреждениях, а в Германии ее не называют иначе, как республиканской королевой, так как она не сочувствует абсолютной, неограниченной монархии.

Софья-Шарлотта действительно была так начитана и имела такую хорошую память, что однажды поставила в тупик известного лейпцигского ученого Карпцова. В разговоре с ним она привела больше новых книг, которые были известны ей по содержанию или по заглавию, чем он сам знал. Какого высокого мнения был Лейбниц о Софье-Шарлотте, мы сейчас увидим.

Жениху ее было 26 лет, но он был уже вдовцом. Кронпринц Фридрих был слабого и некрасивого телосложения. Вследствие небрежности кормилицы, уронившей его, у него была согнутая спина, и он всегда носил очень длинный парик, чтобы скрыть этот недостаток. Он получил тщательное воспитание под руководством умного и энергичного Данкельмана; но науки его не очень занимали. Главной страстью его были придворные церемонии, и еще десяти лет он выпросил у отца позволение учредить особенный орден — *de la générosité**. Он сам составил орденский устав и при освящении ордена соблюдал в точности всевозможные старинные обряды, посвящал мечом в рыцари и др. Характера он был уступчивого и не энергичного, легко поддавался чужому влиянию, но не всегда самому лучшему. Когда он вступил на престол, то первые 10 лет слепо подчинялся своему бывшему учителю Данкельману, которого он сделал первым министром. Данкельман был одним из лучших министров Пруссии, но он был суров и горд — его не любили при дворе и внушили курфюрсту, что его министр не призна-

* Орден Великодушия (*фр.*). — *Прим. пер.*

ет его собственного авторитета. Фридрих сначала уволил его милостиво; но враги Данкельмана напугали курфюрста, что человек, который столько лет управлял Прусским государством и знает все его тайны, может сделаться опасным. Тогда Фридрих допустил конфискацию всех имений старика и заключил его в крепость, где он просидел 10 лет.

Место Данкельмана занял его недостойный соперник Кольб фон Вартенберг, возведенный в достоинство имперского графа. Он умел пользоваться слабой стороной курфюрста, его страстью к великолепию и к церемониям, с особенным рвением хлопотал о королевском титуле для Фридриха, а потому безнаказанно грабил и разорял страну со своими любимцами. Еще больше влияния, чем Вартенберг, имела на Фридриха жена графа, женщина простого происхождения, чрезвычайно грубая и нахальная. Она была прежде женой курфюрстского камердинера, потом вышла за Вартенберга и считалась любовницей курфюрста. Он составил для нее новый придворный этикет, по которому она имела преимущество перед всеми женами и дочерьми нецарствующих принцев. Притязания графини подавали повод к самым скандальным сценам при дворе. Однажды, когда жена голландского посланника хотела пройти в церемониальном шествии прежде нее, обе дамы схватили друг друга за волосы, и их с трудом можно было разнять среди целого облака пудры. Фридрих был так раздражен оскорблением, нанесенным графине, что грозил отозвать свои войска, сражавшиеся в Голландии против французов, если жена посланника не попросит прощения у фаворитки. С женой русского посланника Матвеева графине не так посчастливилось. Курфюрст не хотел испортить своих отношений с победителем при Полтаве, и гордая графиня должна была извиняться перед Матвеевой в присутствии всего дипломатического корпуса. Среди такого двора жизнь Софьи-Шарлотты не могла сложиться приятно. Она не походила на свою мать и не любила вмешиваться в политику. Она не старалась приобрести влияние на своего мужа и не принимала участия в интригах его любимцев. Графиня Вартенберг была ей, конечно, ненавистна не только по роли, которую она играла, но еще больше вследствие ее грубости и пошлости. Но по совету матери Софья-Шарлотта соглашалась даже принимать ее иногда у себя, чтобы сделать удовольствие мужу. При этом она позволяла себе невинную месть и всегда заговаривала с графиней на французском языке, которого та не знала.

Софья-Шарлотта составила себе отдельный двор, который она устроила по своему вкусу. В деревне Люцен, в близком расстоянии

от Берлина, она построила себе дворец и проводила там все время, свободное от придворных празднеств. Дворец был построен знаменитым Шлютером, в итальянском стиле, сад был разбит по плану Ленотра, прославившегося Версальским садом, украшение же дворца было поручено Еозандру фон Гёте, которого Софья-Шарлотта предпочитала Шлютеру, хотя он далеко уступал своему гениальному сопернику и впадал в самое вычурное рококо. Курфюрст не жалел денег, чтобы украсить любимое местопребывание своей супруги самыми редкими растениями, самыми дорогими картинами, вазами и другими произведениями искусства. Впрочем, все было устроено по желанию курфюрстины, и дворец Люценбург во всем отражал вкус Софьи-Шарлотты, так что впоследствии он был совершенно справедливо назван в ее память Шарлоттенбургом. Небольшой двор Софьи-Шарлотты представлял резкий контраст с двором ее супруга. «Двор Фридриха, — говорит Нибур, — был, как все тогдашние немецкие дворы, невыразимо гадок (*widerlich*). Он соединял в себе *грубость* и *распушенность* нравов. Нельзя указать более отвратительной распушенности, как у наших предков во второй половине XVII столетия. Этот упрек вполне относится ко двору Фридриха».

Мы не станем доказывать справедливость этих слов, потому что это слишком отвлекло бы нас от нашей задачи. Тогдашние дворы Германии представляют нам зрелище, которое мы часто встречаем в истории, когда старинные патриархальные нравы, поддерживаемые преданием, уступают наплыву новых, более цивилизующих идей, но когда действие этих новых идей высказывается только в ослаблении прежних убеждений и в распушенности нравов. Двор Фридриха сохранил отчасти еще прежнюю прусскую суровость и заимствовал у Версальского двора только страсть к роскоши и этикету. Фридрих вставал, по примеру отца, с восходом солнца, так что часто придворные с вечерних собраний Софьи-Шарлотты прямо отправлялись к утреннему приему у курфюрста. Вечера он проводил со своими любимцами в *табачном клубе* (*tabagie*), члены которого несколько не отличались изысканностью нравов. В костюмах и увеселениях Прусский двор подражал последней моде Версаля, но с этим плохо вязались старинные предрассудки: пасторы протестуют против театральных представлений, и искатели приключений, обещающие открыть тайну, как готовить золото, принимаются с суеверным почетом, подобно тому графу Руджиеро, которого сначала чествовали как иностранного принца, а потом, когда он не сдержал своего обещания, повесили как преступника.

Софья-Шарлотта заимствовала у Версальского двора только его хорошие стороны: изысканную вежливость в обращении, изящество форм и речи, отсутствие пошлости. В ее кругу французский язык был господствующим. Когда знаменитый маршал Шомберг прибыл в Берлин в сопровождении большой свиты французских дворян, им казалось при дворе Софьи-Шарлотты, что они еще находятся в своем отечестве. Один из французских эмигрантов, выходя из аудиенции, спросил даже, знает ли курфюрстина по-немецки. Почти все европейские государства прошли через эпоху французского влияния, когда французский язык вытеснял родной, а все образованные люди более походили на французов, чем на туземцев. Когда эта эпоха проходила, она вызывала против себя большое неудовольствие и много упреков. Но такая эпоха была необходимостью. Идеи не переносятся отвлеченно от одного народа к другому. Цивилизация, выработанная французским обществом, находила себе выражение пока только во французском языке и только с помощью этого языка могла быть пересажена на другую почву. Если бы кто захотел указать, какое влияние может иметь язык на развитие людей и на смягчение нравов, то он не мог бы выбрать более удачного примера, как влияние французского языка в XVIII столетии.

Пруссия в это время особенно много была обязана французским эмигрантам, которых изгнала из отечества отмена Нантского эдикта. Французские ремесленники и фабриканты развили в Пруссии мануфактурное производство, а дворяне перенесли с собой духовные плоды своей цивилизации и имели самое благодетельное влияние на улучшение нравов в прусском обществе. Особенно хорошо были приняты эмигранты и их жены при дворе Софьи-Шарлотты. Так как они утратили при переселении почти все свое имущество, то были не в состоянии соперничать с прусской аристократией в роскоши костюмов и экипажей. Поэтому Софья-Шарлотта постановила, чтобы в известные дни дамы собирались у нее в простых черных платьях. На этих вечерах был устранен тягостный придворный этикет; дамы, которые не играли в карты, занимались рукоделием; в эти же дни Софья-Шарлотта приглашала к себе ученых и всех тех, кто не имел приезда ко двору.

Хотя Софья-Шарлотта была любезна и приветлива со всеми, она хорошо понимала недостатки и смешные стороны своих приближенных. Немногих она устаивала своей дружбы, и из последних самым близким к ней лицом была ее фрейлина фон Пёльниц. Эта девушка была так же умна и красива, как Софья-Шарлотта, и, кроме того, походила на нее характером — она была так же весе-

ла и шутлива, а ее остроумие нередко доходило до сарказма. Она была безгранично предана курфюрстине, а последняя относилась к ней с самым полным доверием. Пёльниц сделалась душой люценбургского общества своим умением устраивать удовольствия и придавать им интерес и привлекательность. Софья-Шарлотта так привыкла к ее обществу, что находилась с ней в постоянной переписке, даже тогда, когда они разлучались на самое короткое время. Она доверяла ей все свои тайны, и поэтому письма Софьи-Шарлотты к ней так интересны. К сожалению, нам известны только несколько писем, которые король Фридрих-Вильгельм II велел выдать из тайного архива пастору Эрману, составившему биографию Софьи-Шарлотты. Письма эти рисуют нам вполне «философскую королеву» с ее антипатией ко всему пошлому и посредственному, с ее благородным образом мыслей, с ее искренностью, грацией и с ее юмором, который она наследовала от матери¹.

Мы приведем одно из этих писем в подлиннике, чтобы не ослабить приятного впечатления, которое оно производит на каждого.

Ma chère Poellnitz, vous m'avez pris sans vert, car je ne puis répondre à tant de gentilleses, et j'aime mieux, que vous doutiez de mon intelligence, que de mon amitié. Votre mère dit, que dans huit jours vous sortirez. Que mon coeur ressentira de joie — j'en sens déjà un plaisir anticipé. Je n'ai pas même le plaisir de pouvoir rire des sottises, qui se font autour de moi; avec qui? La Büllow a de ce gros bon sens, qui ne marche qu'en bottes fortes. Certaines finesses de ces riens, que vous saisissez si bien, échappent à sa pénétration, et les autres sont des enfants. Comme ma chère Poellnitz est l'âme de mes occupations, elles sont fort languissantes. L'abbe² dit, qu'il a beau épéronner Pégase, ce n'est qu'une rosse. A propos de rosse celle, qui à ce qu'on suppose³, a l'honneur de servir B. vint hier parée comme un autel, mais de ces autels infernaux, cousacrés au diable.

¹ Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte par *Ermann*. 1801. — Книга, несмотря на свой объем, почти бесполезна для биографии Софьи-Шарлотты, за исключением приведенных в ней писем. Остальное состоит из пустых фраз. Отличная биография и характеристика Софьи-Шарлотты составлена Варнгагеном фон Энзе: *Leben der Königin von Preussen Sophie-Charlotte 1837*, хотя с помощью очень скудного материала. Некоторые подробности о ней и вообще о Прусском дворе этого времени см.: *Vehse. Geschichte des Preussischen Hofes und Adels*. 2 Th. 1851; *Droysen. Geschichte der Preussischen Politik*. III B. 3 Abt. и IV B. 1 Abt. 1867; и популярное сочинение: *Ebesty. Geschichte des Preussischen Staates*. II B. 1867.

² Это был тот же итальянский аббат Гортензио Маури, которого мы видели при дворе Ганноверском. Он был учителем Софьи-Шарлотты в итальянском языке, долго жил у нее в Берлине и занимал ее своими литературными произведениями и стихами.

Certain philosophe abhorre le vide, et moi, chère Poellnitz, le plein. J'avois hier à ma cour deux dames la B. et la Y. grosses jusqu'aux dents, maussades jusqu'au sommet, et sottes jusqu'aux talons. Mais, ma chère, soupçonnez-vous, que Dieu en créant de pareilles espèces les forma à son image? — non, il fit un moule tout exprès et très différent, pour nous apprendre le prix des grâces et de la beauté par comparaison. Si vous trouvez ceci méchant, je sais à qui je m'adresse: à bon chat, bon rat... Comme mon esprit est monté méchamment il faut poursuivre. J'ai vu deux benêts d'étrangers: si l'or, le galoh et les franges dénotoient le mérite, rien n'égalerait le leur. Mais comme je respecte peu l'opulence, j'ai apprécié leur juste valeur. Je comprends que l'aspect des grands peut intimider, et ôter à l'esprit la facilité de briller et de parloter et alors j'encourage. Mais lorsque la fatuité s'en mêle et que la présomption et la sottise veulent usurper l'approbation due au vrai mérite, je suis impitoyable et je ne fais grâce sur, rien. — Que la défiance sur, ce que nous valons est estimable, mais que cette vertu est rare! Ne croyons nous pas toujours valoir quelques carats de plus que d'autres? La vilaine chose que l'orgueil, et pourrait ce sentiment est notre plus fidèle compagnon. Grand Leibnitz! que tu dis sur ce sujet de belles choses! Tu plais, tu persuades, mais tu ne corriges pas — je suis, en train de moraliser et le concert commence. Le nouveau chanteur doit chanter. Sa réputation l'a, précédé: s'il la soutient, que je vais passer agréablement mon temps! Adieu, adieu, quoi vous m'arrêtez, quand la musique m'attend? Je sacrifie l'amie aux talens. Adieu, vous dis-je et cela sans appel.

P. S. Deux mots ma chère Poellnitz, envoyez ces diamans pour mon brasselet à la Liebmann. Je lui ai déjà donné mes ordres pour la façon; ja n'ai guère de temps. Madame l'électrice est arrivée; que d'étiquettes à observer; ce n'est pas que je haisse le faste, mais je le voudrais indépendant de la gêne... mais que ne voudrois-je pas et surtout vous, qui me manquez essentiellement. On nous promet certain prince, tant pis ou tant mieux; je me jette dans mon lit. Adieu, bon soir, qu'on tire le rideau. Votre reine, votre amie s'endort*.

* Моя дорогая Пёльниц, вы застigli меня враспloch, ибо я не могу ответить вам с той же приветливостью, но предпочитаю, чтобы вы усомнились скорее в моем уме, чем в моей дружбе. Ваша мать говорит, что через восемь дней вы выйдете. Какой отрадой это будет для моего сердца — я уже предвкушаю это наслаждение! Ныне я лишена даже удовольствия смеяться над теми глупостями, что меня окружают, — с кем? Бюлов только и может что маршировать в ботфортах. Все эти мелкие тонкости, которые вы улавливаете с такой проницательностью, ускользают от ее понимания; остаются только дети. Поскольку моя дорога Пёльниц является душой всех моих занятий, они теперь движутся довольно вяло. Аббат говорит, что тщетно старается пришпорить Пегаса: это не конь, а какая-то кляча. Кстати, эта кляча, которая, как предполагают, имеет честь служить Б., явилась вчера разукрашенной, как алтарь — из тех адских алтарей, что посвящают дьяволу. Некоторые философы ненавидят пустоту; я же, дорогая Пёльниц, ненавижу полноту. Вчера у меня были две дамы, Б. и И., толстые до невозможности, унылые до предела и глупые до пят. Но, дорогая моя, неужели вы предполагаете, что, создавая подобных особ, Бог творил их по собственному образу? Нет, он предложил вполне определенный и весьма отличаю-

Глубоко раскрывает перед нами внутреннюю жизнь королевы, не совсем счастливой в своих семейных отношениях, другое письмо к Пёльниц. Курфюрст Фридрих имел обычай, когда он навещал Софью-Шарлотту, присылать вперед свои подушки. Однажды Софья-Шарлотта, писавшая своему другу, была прервана появлением этих подушек. Она спешит окончить свое письмо и заключает: *Il faut finir, ma chère amie; les coussins formidables arrivent. Je vais à l'autel. Qu'en pensez vous? La victime sera-t-elle immolée? Votre maladie m'ennuie. Rétablissez vous, ma chère**.

Мало радости Софья-Шарлотта видела также от своего единственного сына, Фридриха-Вильгельма. Этот мальчик так же мало походил на свою мать, как на своего отца. Он был крепкого телосложения, чрезвычайно резв, вспыльчив и упрям. Однажды, когда

щийся образец, чтобы мы, сопоставляя, научились понимать цену красоты и изящества. Быть может, вам такие слова покажутся злобными, я ведь знаю, к кому адресуются: нашла коса на камень... Но поскольку мой ум уже озлобился, продолжу: передо мной были две глупые иностранки: если бы достоинство человека определяли золото, галуны и побрякушки, им в этом не было бы равных. Но поскольку я придаю мало значения роскоши, мне легко было узнать их подлинную цену. Я понимаю, что вельможный вид может смутить собеседника, лишить его ум способности проявиться с блеском, и потому всегда его подбадриваю. Но когда в дело вмешивается чванство, когда самодовольная глупость старается получить одобрение, полагающееся истинной заслуге, я становлюсь безжалостной и никому этого не прощаю. Сколько достоинства в том, чтобы не очено-то доверять собственной значимости, но как же редко встречается эта добродетель! Не всегда ли мы думаем, что весим на несколько карат больше, чем остальные? Какая мерзкая вещь гордыня, и тем не менее чувство это — самый преданный наш компаньон. О великий Лейбниц! Как замечательно высказался бы ты по этому поводу! Ты веселишь, ты убеждаешь, но никогда не поправляешь — я же склонна читать нравоучения; и начинается концерт. Новый певец собирается петь. Слава идет впереди него: если он ее оправдает, с каким наслаждением я проведу это время! Прочь, прочь! Что вы держите меня, когда меня зовет музыка? Я жертвую дружбой ради таланта. Прощайте, говорю вам, и не приемлю укоров. P. S. Еще два слова, моя дорогая Пёльниц: бриллианты для моего браслета пошлите Либман (Еврейка Либман — вдова придворного ювелира, который вел домашние дела Фридриха и заключал для него займы. — *Прим. В. Герье*). Я уже дала ей распоряжения насчет фасона; у меня совсем нет времени. Приехала курфюрстина; придется блости этикет. Не то чтобы я ненавидела пышные церемонии, но хотелось бы, чтобы они были не слишком обременительны... однако мало ли чего мне хочется, и самое главное — вас, кого мне так сильно не хватает. Нам обещают какого-то принца, ни больше ни меньше; ложусь в кровать. Прощайте, доброй ночи, ни слова больше. Ваша королева, ваша подруга засыпает (*фр.*). — *Прим. пер.*

* Пора заканчивать, друг мой; прибыли эти чудовищные подушки. Восхожу на алтарь. Что вы об этом думаете? Будет ли принесена жертва? Ваша болезнь меня огорчает. Поправляйтесь, моя дорогая (*фр.*). — *Прим. пер.*

гouvernantка хотела его наказать, он вскочил на самый край окошка и грозил, что спрыгнет, если его не простят. Еще в детстве в нем начали развиваться солдатские наклонности: он бросил в огонь свой халат, богато вышитый золотом, и любил мазать лицо салом и лежать на солнце, чтобы почернеть и походить цветом лица на старого солдата. Фридрих-Вильгельм любил свою мать, потому что она его баловала и была с ним нежна, но он не подчинялся ее влиянию; к блеску и придворным церемониям, которыми забавлялся его отец, он рано выказывал самое сильное пренебрежение.

По настоянию Софьи-Шарлотты воспитателем кронпринца был назначен граф Дона, человек умный, благородный и в высшей степени светский и преданный королеве. Он был учеником Бейля, и влияние этого скептика, которого Софья-Шарлотта очень уважала, может быть, и было причиной, почему граф ей нравился. Но выбор учителей для кронпринца был неудачен, и его ничем нельзя было приохотить к учению. Все меры, к которым прибегала Софья-Шарлотта, были напрасны и вселяли ему только большее отвращение от занятий. Его подвергали экзамену в присутствии всего двора; его заставляли письменно вычислять свои недостатки и проступки, брали с него обещание слушаться своих родителей, быть вежливее, внимательнее и избегать общества низших придворных слуг. Софья-Шарлотта старалась сама занимать его чтением и беседой, заставляла его принимать участие в драматических представлениях и маскарадах, которые она устраивала с помощью своих придворных. Но в мальчике все более и более развивалась страсть к военным упражнениям. Он составил себе *потешную* гвардию из молодых придворных, проводил с ней все свое время и тратил на ее обмундирование все деньги, которые получал.

Поведение сына часто огорчало Софью-Шарлотту. Однажды она была свидетельницей, как 14-летний принц таскал за волосы своего родственника, молодого герцога Курляндского; в другой раз — как он сбросил с лестницы своего камер-юнкера. С придворными дамами принц был груб и невежлив, что происходило более от того, что он не умел себя держать и скрывал свою неловкость под грубыми формами. Софья-Шарлотта не решалась прибегать к строгим мерам. Она только холодно и строго выговаривала принцу, что он поступает дурно. Но в письмах к своему другу она высказывала свое глубокое горе.

У меня горе, моя милая Пёльниц, хочу облегчить себя, сообщив его вам. Кроме поводов, вам неизвестных, у меня еще один, который вы по

дружбе ко мне предчувствовали. Мой сын, которого я считала только живым и пылким, выказал такую жестокость, что она верно происходит от дурного сердца. Нет, говорит Бюлов, это было только из скупости. Боже, тем хуже! Скупость в таком нежном возрасте! От других пороков исправляются, а этот увеличивается: и притом, как важен этот порок по следствиям, которые он влечет за собой! Может ли сострадание найти доступ к сердцу, в котором господствует корысть? Дона — честный человек; в его чувствах есть благородство, но и его недостаток — дух расчетливости, а трудно исправить от порока, который внутренне одобряешь. Я ему сделала сильный выговор, и так как это редко случается, я особенно настаивала и припомнила ему все его дурные поступки во многих случаях. К этому присоединились жалобы на него от дам, которым он говорил пошлости. Я сильно вспылила. Такой ли должен быть тон благородных душ? И великодушно ли оскорблять других? Что за грубость ума обращаться с непристойными словами к полу, созданному для того, чтобы быть предметом по крайней мере вежливости со стороны мужчин! Аббат вошел в то время, когда я читала наставления. Как это величественно, сказал он, — мне кажется, будто передо мной Агриппина, говорящая с Нероном. В негодовании от сравнения и в ужасе от предзнаменования, я его приняла дурно; он вышел, дрожа от страха, — и я получила его стихи или лучше прилагаемую элегию, за которую он получил прощение. У меня все признаки лихорадочного флюса; при этом и желчь поднята; но все, что близко к сердцу, не может не быть чувствительным. Приходите скорей разделить мои огорчения и радости. Большое удовольствие для меня слышать, что вы поправляетесь. Прощайте, прощайте, моя милая.

Софья-Шарлотта полагала, что на характер и развитие принца могут иметь благотворное влияние путешествия и пребывание при чужих дворах. Она долго хлопотала, чтобы король послал сына в Голландию, надеясь, что его пребывание в богатой и цивилизованной республике принесет ему пользу. Этот план осуществился слишком поздно. Софью-Шарлотту нельзя упрекать в излишней слабости относительно сына. Но она полагала, что нельзя переломить такой упрямый характер и что нужно только стараться дать ему более благородное направление. Этим взглядом следует объяснить то, что она однажды писала своему другу. Записка написана карандашом на карте и свидетельствует, в каком волнении находилась королева.

Скажите графу Дона, чтобы он не делал препятствий страстям королевского принца (*aux galanteries du prince royal*). Любовь развивает ум (*polit l'esprit*) и смягчает нравы. Но пусть он направляет его вкус, чтобы его выбор не пал на недостойное лицо (*qu'il ne porte sur rien de bas*). Ни один лоскуток бумаги не попался мне под руки.

Софья-Шарлотта находила себе утешение от семейных неприятностей в музыке и в научных занятиях. Не проходило ни одного дня, чтобы она сама не играла или не присутствовала на каком-нибудь музыкальном представлении. Опера, устроенная ее мужем в Берлине, привлекала туда самых лучших иностранных виртуозов. Молодой Гендель также приезжал в Берлин, но его отец не принял предложения остаться с ним там навсегда. У Софьи-Шарлотты была особенная капелла, которой руководил известный в то время композитор Аттилио Ариости. Софья-Шарлотта до такой степени распространила вкус к музыке, что не только все придворные стали учиться ей, но даже жители Берлина следовали примеру своей королевы. Интерес к науке развился в Софье-Шарлотте особенно с тех пор, когда она сблизилась с Лейбницем. Когда она была принцессой, Лейбниц еще не приобрел такого значения при Ганноверском дворе, как впоследствии, да и она сама была слишком молода, чтобы оценить его. Сближение между ними началось гораздо позднее, во время частых приездов ее в Ганновер. Еще в 1690-х годах Лейбниц был довольно чужд Софье-Шарлотте, как видно из тона ее письма¹, в котором она его благодарит за сообщенные ей известия:

Вы можете судить из этого, как я благодарна за то, что вы были так любезны, сообщили мне содержание вашей ученой переписки. Предмет ее так труден, что необходима была вся точность вашего ума, чтобы сколько-нибудь мне его объяснить. Если вы еще не оставили намерения нас навестить, я воспользуюсь этим и буду иметь удовольствие уверить вас, что я бесконечно ценю ваши заслуги и всегда буду рада вам услужить.

В другом сохранившемся письме Лейбница к курфюрстине он излагает ей некоторые сведения из палеонтологии, по поводу мамонтова зуба, который он присылает ей в подарок.

Вскоре после того Софья-Шарлотта провела несколько месяцев в Ганновере, и, вероятно, в это время Лейбниц приобрел ее полное доверие.

Когда в 1697 г. пал Данкельман, Лейбниц решил воспользоваться этим, чтобы с помощью Софьи-Шарлотты приобрести влияние при Прусском дворе. Он считал необходимым более тесное

¹ Переписка между Софьей-Шарлоттой и Лейбницем была бы одним из самых интересных памятников XVII в., если бы сохранилась вполне. Но, к сожалению, большая часть ее уничтожена после смерти Софьи-Шарлотты по распоряжению прусского правительства, вследствие господствовавшего тогда опасения относительно разглашения государственных тайн и вследствие неуважения к историческим памятникам.

сближение между Пруссией и Ганновером и хотел сделаться орудием этого сближения. Он подал обоим курфюрстинам записку, в которой изложил свой план действия.

Следует воспользоваться тем, — пишет Лейбниц, — что курфюрстина приобрела доверие своего супруга, чтобы укрепить это доверие и извлечь из него всю возможную пользу. Так как курфюрстина Ганноверская во всем имеет те же интересы, что ее дочь, так как они очень любят друг друга и естественно, чтобы мать содействовала дочери своими советами, то можно надеяться, что они взаимной помощью устранят неприятности, которые они претерпевали, и приобретут при обоих дворах достойное их могущество. Только тогда они будут в состоянии применить свой ум и свои необыкновенные способности к пользе обоих царствующих домов и восстановить полное единодушие между своими супругами.

Далее Лейбниц доказывает, что нужно действовать осторожно, и объясняет падение Данкельмана тем, что курфюрст начал завидовать могуществу, которое приобрел его министр. Так как переписка небезопасна, то он советует избрать лицо, которое могло бы пребывать время от времени при обоих дворах и служить посредником. «Для этого назначения, — говорит Лейбниц, — я не могу указать никого другого, кроме себя». Затем он описывает свое положение как ученого и государственного человека и подает мысль, чтобы Софья-Шарлотта убедила своего мужа поручить ему надзор (*intendance*) за науками и художествами, которым хотят в Берлине дать «столь похвальное развитие». Такое поручение давало бы ему возможность часто приезжать в Берлин, не возбуждая подозрения, подобно тому как надзор за Вольфенбюттельской библиотекой дает ему повод отправляться туда время от времени.

«Таким образом, — продолжает он, — я получил бы возможность быть полезным курфюрстинам моими советами, а через их посредство также курфюрсту и кронпринцу. Я мог бы содействовать общему благу, а также интересам и славе всех этих высоких особ, преимущественно же курфюрстины Ганноверской, благородные и высокие намерения которой мне известны». Он обещает в другой раз подробнее поговорить о своем плане содействовать пользе и славе обоих домов и высказывает, что это «особенно важно при настоящих обстоятельствах, когда могущество Франции и успех и ожесточение папистов грозят опасным переворотом», если им не будут противодействовать с большой ловкостью и энергией.

План Лейбница не вполне осуществился, потому что Софья-Шарлотта не хотела или не могла подчинить мужа своему влия-

нию. Но Лейбниц действительно сделался поверенным обеих принцесс и много содействовал к поддержанию доброго согласия между Берлинским и Ганноверским дворами¹; а через некоторое время ему удалось занять в Берлине такое положение, которое ему дало возможность осуществить одну из своих любимых идей и положить в Пруссии начало серьезному развитию науки.

Мы видели, какое значение Лейбниц всегда придавал устройству ученого общества, которое могло бы сосредоточить в себе лучшие силы нации, дать настоящее направление разработке всех наук вообще и применить результаты теоретических исследований к практической жизни и к благосостоянию народа. В учреждении такого общества Лейбниц видел главный залог быстрого развития общественного прогресса.

Истинная политика (*vera politica*), — говорил он, — заключается в создании собственной высшей пользы. Высшая же польза всего заключается в том, чтобы быть угодным Богу. Угодно же Богу все, что имеет целью усовершенствование человеческого рода. Это усовершенствование заключается в том, чтобы человечество достигло выс-

¹ Мы приведем в доказательство отрывок из его письма к Софье из Берлина от 19 ноября 1701 г.: « J'espère que notre cour aura sujet d'être contente de celle-ci. Non seulement les expressions sont les plus obligeantes du monde, mais encore, si on sait ménager les bonnes dispositions, je crois, que c'est justement le temps d'en profiter en bien des choses. Le ministère tâche de plaire à la reine et il a raison; et la reine aussi de son côté en use le mieux du monde. Et comme l'on sait, que rien ne sauroit faire plus de plaisir à la reine, que la bonne intelligence des deux cours, on est fort disposé à la cultiver. Outre que c'est le grand et véritable intérêt des uns et des autres et que l'on reconnoit, que c'est l'unique moyen de nous sauver tous et la liberté publique: ce qui est aussi le texte ordinaire de mes sermons. Je crois aussi que le temps est plus propre que jamais à pousser l'introduction et à finir cette grande affaire, si on s'y prend comme il faut. Je souhaiterois aussi, que l'affaire de la succession d'Angleterre entroit dans la grande alliance; c'est à quoi on seroit assez disposé à travailler ici», etc. (Надеюсь, двор наш будет иметь основание радоваться этому. Не только выражения самые предупредительные в мире, но если умело отдавать дельные распоряжения, то думаю, что именно в наши дни можно достигь всевозможных выгод. Правительство старается угодить королеве, и правильно делает; королева со своей стороны тоже действует превосходно. А поскольку все знают, что для королевы нет большего удовольствия, чем видеть согласие обоих дворов, все и расположены его поддерживать. Кроме того, в этом заключается подлинный интерес и той и другой стороны, и все признают, что это — наше единственное средство сохранить для себя ту и другую, а равно и общественную свободу: об этом-то и говорится в тексте моих наставлений. Полагаю также, что настало наиболее подходящее время продолжить начатое и завершить это великое дело, если взяться за него как следует. Хотелось бы еще, чтобы вопрос об английском наследстве решался в широком альянсе; и здесь всем следовало бы настроиться потрудиться над этим... (фр.). — *Прим. пер.*)

шей степени могущества и мудрости. Могущество и мудрость человека умножаются двояким образом: во-первых, если люди развивают науки и искусства и делают в них новые изобретения, во-вторых, если они лучше знакомятся с теми, кто уже известен. Они знакомятся и сживаются с ними, если с малолетства воспитываются в благочестии, умеренности, в заботах о здравии, в скромности, в труде, вообще во всех добродетелях, если у них отнимается случай к преступлению, ни добро, ни зло не остаются скрытыми, но первое награждается, а последнее встречает неизбежную кару, наконец если людей по возможности лишают повода к вражде, а, напротив, приводят им в сознание необходимость взаимного терпения и любви.

Умножаются науки и искусства столько же обширным обменом мыслей, сколько основательным и глубоким исследованием.

И то и другое, изобретение нового и распространение старого, может совершаться отдельными и соединенными силами ученого общества. При этом очевидно, что соединенные силы многих могут быть несравненно плодотворнее рассеянных трудов отдельных лиц, подобных песку без цемента¹.

Но Лейбницу долго не удавалось осуществить свое желание. Несколько раз он пытался привести в исполнение хоть часть своего первоначального плана и хлопотал об устройстве общества с более ограниченной задачей; так, он составил план «немецкого общества для применения естественных наук к житейским потребностям». Когда он опровергал теорию Декарта об отклонениях магнитной стрелки, он приглашал своих друзей по всей Германии составить общество для наблюдения за этими отклонениями, чтобы на основании их открыть общий закон отклонения магнита.

Мы упоминали уже о том, как в 1688 г. он хлопотал в Вене с патристической целью об устройстве немецко-исторического общества под покровительством императора для исследования архивов и выяснения прав императора и империи. Все эти попытки оставались тщетными; но наконец Лейбниц нашел в Берлине благоприятные условия для своего плана и встретил лицо, способное оценить его намерения.

Фридрих Бранденбургский был не прочь завести у себя различные ученые учреждения; они способствовали, по его мнению, славе и блеску его царствования; при нем были учреждены университет в Галле, несколько лет спустя Академия художеств в Берлине. Правда, можно было думать, что все подобные учреждения служили для Фридриха только поводом к торжествам и празднествам; так, основной капитал университета в Галле состоял из 3 тысяч та-

¹ *Klopp. Leibniz als Gründer gelehrter Gesellschafter. 1863.*

леров; на празднества же, которыми Фридрих ознаменовал основание нового университета, он истратил 20 тысяч талеров.

Зато интерес его жены к развитию наук был гораздо искреннее и серьезнее. Еще в 1697 г. она заявила свое сожаление, что в Берлине, где так много ученых людей, нет обсерватории и не издают календаря. Об этом узнал Данкельман, который тотчас, в угоду ей, составил план учреждения обсерватории. Известие об этом оживило надежды Лейбница. В письме к Кюно он высказывает свою радость и надежду, что устройство обсерватории поведет за собой заботы о других науках. «Франция, — продолжает он, — в наше время представляет в науке большей частью только посредственности. Если бы нам удалось направить немцев на этот путь, они, может быть, скоро могли бы состязаться в науке с целой Европой».

Вскоре после того в Берлине возник план предложить Лейбницу место прусского историографа, которое освободилось после смерти Пуфендорфа. Из письма Яблонского к Лейбницу известно, что об этом велись переговоры между министрами Спангеймом и Фуксом; отчего дело не состоялось, нам не вполне известно. Как кажется, главной причиной было финансовое затруднение Берлинского двора, тратившего свои средства на увеселения и празднества. Может быть, в Берлине не понравилось также, что Лейбниц соглашался принять место с тем только, чтобы ему позволили окончить его историю Брауншвейгского дома.

В связи с устройством обсерватории находилось исправление календаря. Как известно, протестанты в Германии в то время придерживались еще старого Юлианского календаря.

Профессор математики в Йене Вейгель, учитель Лейбница, один из первых обратил внимание протестантов на необходимость принять Григорианский календарь. Лейбниц тотчас же принял участие в этом движении. Он обратил внимание, что при этом следовало бы избегать ошибок Григорианского календаря, особенно относительно вычисления Пасхи, — ошибок, которые были указаны не только протестантскими, но и католическими астрономами. Лейбниц вступил по этому поводу в переписку с лучшими тогдашними астрономами: Рёмером¹, Бианкини и другими, а также с Парижской академией наук, чтобы прийти с ними к соглашению. Согласно с его указаниями были даны инструкции ганноверскому послу в Регенсбурге, которые большей частью были написаны самим Лейбницем. И в Берлине также заинтересовались делом исправления календаря. Лейбниц воспользовался этим и подал

¹ Opera Omnia Leibnitii / Ed. Dutens. T. IV. Pars II.

мысль употребить барыш от издания привилегированного календаря в пользу ученого общества. Его мысль понравилась курфюрсту, и весной 1700 г. Фридрих одобрил проект, составленный Яблонским, основать в Берлине Академию наук и обсерваторию. Софья-Шарлотта в это время находилась в Ганновере, и от нее Лейбниц узнал, что их давнишнее желание приходит в исполнение. Лейбниц тотчас отправил в Берлин две записки об основании академии, которые очень понравились курфюрсту. Он велел поспешить с исполнением проекта и пригласить самого Лейбница в Берлин.

Таким образом, желание Лейбница получить официальное назначение в Берлине, выраженное им в упомянутой нами записке, осуществилось, и в мае Лейбниц прибыл туда в свите Софьи-Шарлотты. Он был принят с большим почетом, и его присутствие ускорило основание предполагавшейся Академии наук. 11 июля 1700 г. был издан устав академии, в котором нельзя не признать влияния Лейбница. На другой день он был назначен президентом академии, которая, впрочем, еще не имела ни одного члена. В то же время ему дали чин Бранденбургского тайного юстиц-советника, и он обязался жить время от времени в Берлине, насколько это ему позволяли его занятия в Ганновере.

Академия в Берлине должна была отличаться от существующих уже академий в Париже и Лондоне тремя особенностями. Она должна была иметь *национальный* характер и поэтому заботиться о сохранении чистоты немецкого языка, об исследовании немецкой политической и церковной истории и обо всем, что «касалось славы и чести немецкого народа».

Потом новая академия должна была иметь практическое направление. Лейбниц не хотел, чтобы академики руководствовались одной отвлеченной любознательностью и занимались только теоретической наукой; он требовал, чтобы они изучали быт народа; состояние торговли и промышленности, земледелия, народного продовольствия и вообще все отрасли народной деятельности и старались бы об их улучшении посредством применения теоретической науки. Поэтому устав вменял академикам в обязанность вступать в сношения со всеми административными ведомствами, собирать с их помощью все необходимые сведения и в свою очередь давать им всевозможные полезные советы.

Гениальная мысль Лейбница не осуществилась до XIX в. Теперь учреждают статистические комитеты, географические и этнографические общества, торговые комиссии, санитарные и педагогические комитеты и др., но все это разрозненно, случайно,

не представляет никакого единства, редко одушевлено истинными научными стремлениями и поэтому не приносит настоящей пользы. В уме Лейбница все эти изыскания, направленные к улучшению народного благосостояния, представляли одно стройное целое. По его идее, эти изыскания должны были производиться по одному плану, под руководством академии, т. е. собрания лучших ученых в стране. Тогда теоретическая наука и практическое ее применение шли бы рука об руку, взаимно направляли и оживляли друг друга. Академия со своими подразделениями сделалась бы советницей правительства и администрации, сокровищницей всех сведений, собранных в данную эпоху, и лучшей школой не только для науки, но и для государственной службы. В XIX в. академии представляют только приют для заслуженных ученых, одиноко трудящихся над своими специальными задачами и мало известных народу, ибо имена их знакомы только специалистам. Влияние их ограничено тесной сферой, и деятельность их не находится ни в какой связи с многочисленными официальными комитетами и частными обществами различных наименований, которые часто накопляют сырой материал свой без знания, без интереса и без пользы.

Третья особенность Берлинской академии, внесенная в устав по желанию Лейбница, заключалась в обязанности *распространять христианство* посредством миссионеров. При этом Лейбниц, как справедливо замечает Гурауер¹, имел в виду столько же политическую, сколько и религиозную цель; он разумел под этим распространение цивилизации, а европейская цивилизация, по его убеждениям, была в тесной связи с христианством. Академия должна была посылать миссионеров в Китай и Японию, чтобы вместе с европейской наукой перенести туда проповедь Евангелия. «Пусть земная наука, — писал Лейбниц, — будет для этих народов, обретающихся во мраке, подобна звезде, сиявшей восточным волхвам, и пусть она приведет их к истинному, божественному свету». Но в то же время христианские миссионеры должны были заимствовать в Китае и Японии тамошнюю цивилизацию, которой в то время придавали преувеличенное значение, «для того чтобы между обеими половинками земного шара производился не только обмен товаров, но и обмен света и мудрости».

Со времени основания академии и назначения Лейбница ее президентом он стал часто приезжать в Берлин и сделался близким человеком Софьи-Шарлотты. Он стал не только ее советником в

¹ *Guhrauer. Leibniz's Biographie.* II. P. 194.

политических делах, но и руководителем ее занятий. Софья-Шарлотта поверяла ему свои сомнения, требовала от него объяснения всего, что ей казалось загадочным в жизни, и вскоре сделалась внимательной ученицей великого философа.

До сближения с Лейбницем ее любимым писателем был Бейль. Он был тогда модным философом для большого света, но Софье-Шарлотте, кроме того, нравились в нем его скептический ум, его благородное ожесточение против лжи и насилия, его ясность и решительность в самых темных вопросах науки. Софья-Шарлотта всегда возила с собой его сочинения и чрезвычайно желала видеть его самого. Во время ее поездки в Голландию ей пришлось проезжать через местечко, в котором жил Бейль. Был уже поздний вечер, но она тотчас послала за ним. Бейль был нездоров и должен был отказаться от приглашения. Но Софья-Шарлотта настаивала, и тогда Бейль приехал к ней в Гаагу вместе с Банажем, другим французским литератором и ученым, который также из-за религии должен был эмигрировать из Франции. Софья-Шарлотта была со своей матерью, и принцессы долго беседовали с обоими учеными о самых интересных вопросах. Они предлагали им даже принять их в число своих спутников, но этот план не состоялся.

Контраст, который существует между Бейлем и Лейбницем, будет вечно существовать в человечестве между отдельными людьми и между целыми эпохами. Бейль — представитель пытливого, честного сомнения, которое видит только одну сторону дела и опрометчиво отвергает то, что не подходит под его ограниченную мерку. Лейбниц — представитель глубокого синтеза, который не останавливается на противоречиях, но мирит их в высшем, гармоническом единстве. Бейль и Лейбниц всего более расходились в вопросе об отношениях веры и разума. Бейль не отвергал религии, как материалисты XVIII в., которые отчасти вышли из его школы, но он находил, что между верой и разумом заключается неразрешимое противоречие, что человек должен примириться с этим противоречием, верить, если может, но не льстить себя тщетной надеждой, что он в состоянии постигнуть тайны Откровения. Для Лейбница этого противоречия не было — для него, как мы видели, разум был также откровением и не могло быть разногласия между двумя откровениями того же Божества.

Лейбниц старался противодействовать влиянию Бейля, которым увлекалась Софья-Шарлотта. Он отвечал на сомнения и возражения Бейля, оправдывал всемирный разум от упреков, которые делал ему человек за противоречия между нравственными законами и действительностью, за отсутствие справедливости в мире, где

человек несет тяжкую ответственность за свои действия и в то же время физическими законами и божественным предназначением лишен свободы воли и действия, за бесконечное физическое и нравственное зло в мире, от которого страдает человечество. Из этих бесед с Софьей-Шарлоттой вышла «Теодицея» Лейбница, в которой он старался раскрыть перед королевой гармонию, господствующую в мире и ясную для всякого, кто не останавливается на частностях и старается обнять мироздание в его целостности и в его вечном развитии. Для этого Лейбниц придумал гипотезу, которая составляет венец его философской системы.

Гипотеза Лейбница о *лучшем мире*, который Божество избрало из бесконечного множества возможных миров, носит на себе отпечаток личности философа и той эпохи, в которой он жил, и поэтому, как всякое индивидуальное решение, имеет только относительную цену. Но основная мысль ее выбрана верно: это — попытка примирить права индивидуального существования с беспредельной жизнью мироздания, перед которым, по-видимому, бесследно исчезает всякое отдельное бытие. Человек всегда будет искать этого примирения и всегда будет находить его, в поэтическом ли пантеизме Спинозы и Шеллинга, или на почве христианства, как философия Лейбница.

«Теодицея» кажется чуждой XIX в., потому что она столько же богословское, сколько и философское сочинение, а наш XIX в. отвык от богословских споров. Но в свое время она соответствовала настоятельной потребности и поэтому была с интересом встречена всеми классами общества и произвела сильное впечатление на читателей. В XVII в. вопросы, обсуждаемые Лейбницем в «Теодицее», преимущественно же вопросы об отношении человека к Богу, о свободной воле и предназначении, серьезно тревожили общество, порождали религиозные партии, которые принимали политический характер и своей борьбой имели глубокое влияние на судьбы государств. Из-за этих вопросов враждовали между собой янсенисты и молинисты в католицизме, арминиане и гомаристы, реформаторы и лютеране. Бейль считал эти вопросы безвыходными лабиринтами и вообще признавал все богословские споры бесполезными; он старался уменьшить интерес к ним, для того чтобы на них не тратили напрасно времени и труда. Лейбниц со своей стороны также полагал необходимым покончить с этими вопросами, но потому, что он считал их разрешенными. Он предлагал объяснение, которое, по его мнению, должно было удовлетворить все враждующие партии — приверженцев предназначения и защитников свободной воли, как между протестантами, так и между католиками.

«Теодицея», кроме философского, имеет еще особенное историческое значение. Ею заканчивается богословский период в развитии западноевропейских народов — вопросы, которыми она занимается, относятся еще к этому богословскому периоду, но способ их разрешения и самое разрешение их заимствованы уже из другого периода. Таким путем идет вообще развитие человеческого духа; человек долго колеблется между противоположными крайностями; наконец он становится выше их — тогда он находит разрешение, которое примиряет противоположности и вместе с тем вводит его в новый круг понятий и в новые интересы. Этим объясняется судьба «Теодицеи»; она, как мы сказали, произвела сильное впечатление и многим понравилась, но почти не вызвала возражений и критики. Общество было пресыщено богословскими спорами; оно было радо найти примирение и выйти из заколдованного круга старых спорных понятий.

Внешняя форма «Теодицеи» объясняется ее происхождением. Софья-Шарлотта читала с Лейбницем сочинения Бейля, преимущественно его философский лексикон, и просила его объяснять их и делать к ним свои замечания. Эти замечания Лейбниц иногда представлял ей письменно, и так как они несколько раз повторялись за чтение Бейля, то Лейбницу пришлось нередко повторять свои идеи в новом изложении. После смерти Софьи-Шарлотты друзья Лейбница уговорили его напечатать записки, составленные для королевы. Потому-то «Теодицея» состоит из нескольких частей, однородных по содержанию. В «Теодицеи» нет строгой системы, она написана очень популярно, и для большего интереса богословские и философские рассуждения часто прерываются эпизодами из истории философии, из политической истории и из других наук характеристиками современников, которых Лейбниц знал лично или по их сочинениям, и наконец даже анекдотическими рассказами. Оттого книга в XIX в. читается очень легко и не лишена исторического интереса.

Софья-Шарлотта не всегда была удовлетворена объяснениями и уроками Лейбница. Ей казалось, что он излагает свое учение слишком поверхностно, и она требовала от него более определенных объяснений. «*Ma chère Poellnitz, — пишет она однажды своему другу, — voici une lettre de Leibnitz, que je vous envoie. J'aime cet homme, mais j'ai envie de me fâcher de ce qu'il traite tout si superficiellement avec moi. Il se défie de mon génie, car rarement il me répond avec précision sur les matières que j'agi-*

те)*. Лейбниц, со своей стороны, жаловался, что она задает ему слишком затруднительные вопросы. Она хочет знать причину причин (*das Warum des Warum*), говорил он, как рассказывает внук Софьи-Шарлотты, Фридрих Великий.

Она жила в идеях Лейбница и примеряла их иногда очень мило к окружавшей ее обстановке. «На днях, — пишет она однажды, — Лейбниц прочел мне лекцию о бесконечно малых (величинах); кто, мой друг, знаком лучше меня с этими существами?»¹

Кроме Лейбница и другие из современных ученых или мыслителей старались расположить королеву в пользу своих идей, и она с интересом слушала или опровергала их. Между последними особенно замечателен Толанд, глава секты английских рационалистов. Он был сыном католического священника в Ирландии, который отрекся от него и изгнал из своего дома. Возмущенный этим поступком, он рано исполнился ненависти к католической церкви и принял протестантизм. Еще юношей он мечтал об основании особой секты, которая была бы свободна от предрассудков и отличалась веротерпимостью. Неприязнь, с которой английские богословы приняли его первые сочинения, внушила ему еще большее отвращение от господствовавшей богословской системы, и он впал в рационализм. Вскоре появилось важнейшее его сочинение, в заглавии которого он уже вполне выразил основание своих убеждений. «„Христианство не мистерия“ — сочинение, доказывающее, что Евангелие не заключает в себе ничего такого, что противоречило бы разуму или превосходило его и что христианское учение не может собственно быть названо таинственным» (*a mystery*). Это сочинение вызвало в Англии сильное негодование и было публично осуждено присяжными Мидльсекса. Но Толанд приобрел себе много друзей другим своим сочинением политического характера, «*Anglia liberata*»**, в котором он энергично высказывался в пользу приглашения Ганноверского дома на английский престол. Лорд Меклесфильд, отправленный в Ганновер, для того чтобы поднести Софье акт признания ее прав на английский престол, охотно принял Толанда в свою свиту. В Ганновере Толанда приветствовали очень радушно, не только как приверженца династии,

¹ *Dernièrement Leibnitz m'a fait une dissertation sur les infiniment petits; qui mieux, que moi, ma chère est au fait de ces êtres?*

* Дорогая Пёльниц... вот одно письмо Лейбница, я его вам посылаю. Я люблю этого человека, но готова рассердиться из-за того, что обо всем этом он толкует со мной слишком поверхностно. Он не доверяет моему уму, редко дает точные ответы на вопросы, которые я ему задаю (*фр.*). — *Прим. пер.*

** «Освобожденная Англия» (*лат.*). — *Прим. пер.*

но и как человека интересного по своим убеждениям. Сама Софья много говорила и спорила с ним о религиозных предметах. Лейбниц отдавал полную справедливость его способностям и такту, с которым он держал себя при дворе; но когда до него дошли сведения, что в Англии смотрят не совсем благоприятно на то, что будущая королева выказывает такое участие к ненавистному *атеисту*, он предостерегал Софью, чтобы она держала себя осторожнее.

Между тем Софья-Шарлотта так заинтересовалась Толандом, что пожелала его видеть, и он с удовольствием отправился в Берлин. Там его прием был еще почетнее. Даже король и его любимец Вартенберг оказывали ему самое лестное внимание. Толанд надеялся, что приобрел в Берлине много приверженцев и особенно старался склонить королеву к своим убеждениям. Это было, однако, нелегко: Софья-Шарлотта слишком привыкла к философским рассуждениям и религиозным спорам, чтоб увлечься первыми новыми для нее доводами. Когда она сама не могла справиться со своим противником, то привлекала к спору других, которые были сильнее ее, и с интересом следила за ходом прений. До нас дошло подробное описание такого спора, устроенного Софьей-Шарлоттой между Толандом и придворным проповедником из французских эмигрантов Бособром, человеком очень умным и чрезвычайно ученым и красноречивым, которого еще долго после его смерти называли великим Бособром. Он сам записал весь свой спор с Толандом. Однажды, рассказывает Бособр, он приехал вечером в Люценбург; Софья-Шарлотта была занята игрой в карты, но, заметив его, просила подождать ее. Кончив игру, она подошла к нему и сказала, подводя его к Толанду: «Вот иностранец, который не согласен с нами относительно религии. Он подрывает основание нашей веры и хочет внушить нам недоверие к Священному Писанию: вы пришли кстати нас защитить». Между Толандом и Бособром начался длинный разговор о достоверности книги Нового Завета и о справедливости некоторых сообщенных в них известий. Доводы, которые приводил Толанд, были довольно слабы, согласно с тогдашним состоянием экзегетики. Они главным образом вращались около положения, что в книгах Нового Завета заключается много невероятного, и потому необходимо доказать, что они заслуживают больше доверия, чем другие книги исторического содержания, где встречаются подобные затруднения. Бособр со своей стороны требовал положительных доказательств, что новозаветные книги — позднейшего происхождения, чем обыкновенно полагают, или что в них находятся позднейшие вставки; затем он приводил различные нравственные доводы в пользу своих убеждений. Вообще каждый из них с большим ис-

кусством отыскивал слабые стороны противника, чем защищал себя от его нападений. Прения под конец приняли неприятный оборот, и королева поспешила прервать их.

Толанд был чрезвычайно доволен приемом в Берлине и особенно свободой, с которой ему позволяли высказывать свои убеждения. Он говорил, что никогда не встречал такой терпимости и свободы, как при дворе Софьи-Шарлотты. Вскоре после его отъезда, Лейбниц писал королеве: «Толанд грозил нам изданием своего путешествия, в котором будут также помещены ваши беседы с ним. Что́ делать, нельзя запретить людям говорить, особенно англичанам». Впрочем, Толанд не торопился. В 1704 г. он издал «Письма к Серене», о которых говорили, что они будто бы писаны им к Софье-Шарлотте. Затем он действительно издал описание своего путешествия, в котором говорил с величайшей похвалой о Софье-Шарлотте. Случилось так, что ему принесли корректурный лист, на страницах которого заключалась характеристика прусской королевы, в тот самый день, когда он узнал о ее смерти. Он почти ничего не изменил и прибавил только, что его описание, которое при жизни королевы могло казаться лестью, теперь, после ее смерти, будет заслуживать большего доверия.

Софья-Шарлотта чрезвычайно любила ученые прения и при этом удивляла всех ясностью своего суждения, особенно же своим тактом и гуманностью, с которой она относилась к своему противнику. Вскоре после Толанда в Берлин приехал иезуит Вота, исповедник польского короля. Это был чрезвычайно умный и ученый старик и, как все иезуиты, ловкий дипломат. Софья-Шарлотта вступила с ним несколько раз в разговор о католицизме, и когда ей казалось, что он возражает ей не вполне серьезно, она приглашала на помощь своих придворных проповедников Босорба и Ланфана. Прения между богословами принимали иногда ожесточенный характер, так что королева несколько раз не могла воздержаться от улыбки и останавливала споривших. Вота был чрезвычайно недоволен тем, что увлекался и забывал свое обыкновенное хладнокровие и вежливость. После отъезда из Берлина он написал королеве письмо с большими комплиментами, обвинял себя в неумеренности, и еще больше своих противников.

Софья-Шарлотта так заинтересовалась предметом прений, что хотела продолжать их и с отсутствующим противником. Она поручила Ланфану составить ей нужный материал и на основании его написала Воте письмо, в котором излагала взгляд протестантов на некоторых отцов церкви и на первые вселенские соборы. Письмо написано чрезвычайно живо и увлекательно, несмотря на то что

оно довольно длинно. Софья-Шарлотта благодарит Воту очень любезно за его комплименты и успокаивает его насчет упреков, которые он себе делает. Увлечение реформатских богословов она объясняет, между прочим, тем, что «Вота говорил с таким пренебрежением о разуме, который должен бы быть единственным авторитетом в мире и которому, прибавляет она любезно, вы сами столь многим обязаны. Впрочем, продолжает она, я не удивляюсь, что вы в стране свободы в столь короткое время услышали такие вещи, какие и в 40 лет вам не пришлось слышать в стране авторитета, ибо в этих двух странах говорят на совершенно различных языках».

Свое рассуждение, в котором она с большой скромностью скрывается за ученостью своих руководителей, Софья-Шарлотта заключает следующим образом: «Но что вы скажете о том, что я пустилась в богословский океан? Я решилась на это, доверяясь моим кормчим. Если я по их вине заблужусь, то вы, надеюсь, настолько окажетесь моим другом, чтобы вывести меня на настоящий путь»¹.

Хотя Софья-Шарлотта вообще не входила в политику своего супруга, она приняла однако деятельное участие в том деле, которое было ему дороже всего, — в приобретении для него королевского титула. Летом 1700 г. Софья-Шарлотта отправилась со своей матерью в Бельгию и Голландию, чтобы видиться с Вильгельмом III и курфюрстом Баварским Максимилианом-Эммануилом, испанским наместником в Брюсселе, и расположить их в пользу Прусского двора. Принцессы исполняли свое поручение с большим успехом, и можно думать, что этому успеху немало способствовали красота и любезность Софьи-Шарлотты. Она не пренебрегала даже кокетством, если верить рассказу, сохранившемуся о ее поездке в Брюссель. Курфюрст Баварский был неравнодушен к обаянию женской красоты и выказывал большое внимание к Софье-Шарлотте. Но жена его, дочь Яна Собесского, была крайне ревнива и завистлива к красоте других женщин, хотя сама была очень красива. Чтобы не встречаться с Софьей-Шарлоттой, она

¹ Mais que direz-vous de moi, monsieur, de m'être ainsi embarquée sur l'océan ecclésiastique? C'est sur la bonne foi de mes pilotes; s'ils m'ont fait égarer, je vous crois assez de mes amis pour me remettre dans le bon chemin. Je souhaite au reste, que Dieu vous conserve la vie et la santé, pour reprendre quelque jour celui de Berlin, où vous trouverez toujours des esprits disposés à la recherche de la vérité de la manière que vous le proposez si bien à la fin de votre letter (Надеюсь также, что Бог бережет вашу жизнь и здоровье, чтобы вы смогли вновь провести несколько дней в Берлине, где всегда найдете умы, расположенные искать истину с помощью метода, который вы нам столь любезно предложили в конце своего письма (фр.). — Прим. пер.).

сказалась больной и не выходила из комнаты все время, пока та находилась в Брюсселе. Говорят, что по этому поводу Софья-Шарлотта сказала курфюрсту: «Не желая себе льстить, я полагаю, что была бы для вас более подходящей женой, чем ваша теперешняя. Вы охотник до удовольствий, я ничего не имею против них; вы любите ухаживать, я не ревнива; вам бы никогда не пришлось видеть меня сердитой, и я думаю, что мы были бы с вами очень счастливы».

Вильгельм Оранский обещал Софье-Шарлотте признать ее мужа королем от имени Англии и Голландии, а Максимилиан обещал последовать примеру морских держав, не дожидаясь признания со стороны императора. Вскоре, впрочем, было получено и последнее. Прусские дипломаты долго хлопотали об этом в Вене без всякого успеха; даже значительные подарки, которые они обещали императорским министрам, не привели к цели; наконец прусский поверенный, введенный в ошибку зашифрованной депешей, которой он не разобрал, обратился к ходатайству иезуитского патера Вольфа, пользовавшегося большим расположением императора. Иезуиты, польщенные тем, что могущественный протестантский государь заискивает их покровительства, помогли ему своим влиянием, и прусский король был возведен в королевский сан — правда, ценою тяжких обязательств относительно Австрии, готовившейся вступить в борьбу с Францией за испанское наследство.

Фридрих едва дождался своего признания со стороны императора, как уже начал делать самые громадные приготовления для своей коронации в Кёнигсберге. Софья-Шарлотта, только что возвратившаяся из своего путешествия, должна была собираться в новый путь. Фридрих Великий рассказывает, будто бы она сказала одной из своих дам, что она с отчаянием думает о церемониях и празднествах, которые ей предстоят. А Лейбницу будто бы она написала в это время: «Не думайте, чтобы я предпочитала это величие и эти короны, которым здесь придают такое значение, прелести наших философских бесед в Люценбурге». Торжество коронаций превосходило все, что когда-нибудь было видано при этом помешанном на церемониях дворе. Фридрих отправился в Кёнигсберг с такой громадной свитой, что она походила на целую армию и что для перевозки ее на каждой станции требовалось до 30 тысяч лошадей. Он продолжал путь только утром, и в каждом местечке, где был назначен ночлег, его ждал самый великолепный прием. Каретой, в которой сидела Софья-Шарлотта, правил один из братьев ее мужа в парике и придворном костюме. Путешествие из Берлина до Кёнигсберга продолжалось 12 дней. В день коронации костюмы короля и королевы обратили всеобщее внимание безумной роскошью своей

и ценностью камней и украшений. Коронация происходила по церемониалу, определенному в мельчайших подробностях самим королем. Только один неожиданный эпизод нарушил его торжественность. Софья-Шарлотта, сидевшая на престоле против своего супруга и утомленная продолжительностью церемонии, вынула свою табакерку, подаренную ей Петром Великим, и понюхала табак, полагая, что король этого не заметит. Но Фридрих все заметил и был глубоко возмущен этим неуважением к торжеству; он бросал на королеву недовольные взгляды и даже послал к ней камергера, чтобы напомнить ей о месте, где она находится, и о ее высоком сане.

Празднества и увеселения, следовавшие за коронацией, продолжались более двух месяцев и потом возобновились в Берлине. Пока там приготавливали все для торжественного въезда, Софья-Шарлотта отдыхала несколько дней в Люценбурге и тотчас вспомнила о Лейбнице. Она поручила Яблонскому пригласить его в Берлин от ее имени. А Пёльниц, приглашая его от имени королевы, писала ему, что их уединение не слишком скучно, и приводила по этому поводу немецкую поговорку: когда коты нет дома, мыши прыгают по столам и скамьям.

Хотя Лейбниц не присутствовал на коронации, он, однако, также принес свою лепту к торжеству. Принятие Бранденбургским курфюрстом королевского титула вызвало в Германии множество сочинений, в которых оно обсуждалось с политической и юридической точки зрения. В Ганновере в это время издавался ежемесячный критический журнал, в котором помещались извлечения и рецензии всех вновь выходящих сочинений. Журнал издавался под редакцией Эккарда, помощника Лейбница, но, как доказал Гурауер, не только план издания, но и большая часть рецензий принадлежали Лейбницу. В этом *Ежемесячном издании* были помещены также отзывы о сочинениях, вышедших по поводу коронации прусского короля. Лейбниц собрал все эти отзывы и извлечения и издал их особо под заглавием: «Извлечение из разных относящихся к Прусской короне сочинений». Он предпослал своему изданию предисловие, в котором приветствует новое королевство и провозглашает ему великую славу.

«Создание нового Прусского королевства, — пишет он, — есть одно из величайших событий нашего времени; влияние его не будет ограничиваться немногими годами, но будет столько же продолжительно, сколько благодетельно. Это событие составляет украшение нового века, который начался с возвышения Бранденбургского дома и посредством этого блестящего начала дал ему, так сказать, залог прочного счастья». В числе статей, составляю-

ших сборник, мы встречаем небольшую оригинальную статейку Лейбница «О том, что необходимо для короля по теперешнему международному праву». Приемы автора напоминают его большое сочинение о международном праве¹, о котором мы говорили в главе IV. Лейбниц доказывает, что для королевского титула необходимы два условия: независимость и могущество. И то и другое нужно признать за Пруссией; последнее положение Лейбниц доказывает цифрами и статистическими указаниями. Наконец он напоминает о важном значении, которое новое королевство будет иметь для европейского равновесия. «Протестанты, — говорит он, — должны сознавать, что для них немаловажно возникновение четвертого протестантского королевства, которое может теперь оказать им более значительную поддержку. А католики, которые принимают к сердцу благосостояние Европы, увидят с удовольствием, что вследствие этого новый король соединяется с императором более крепкой связью».

В конце сборника помещено ученое исследование Лейбница в честь нового короля — «De Nummis Gratiani Augusti cum gloria novi seculi»*. Через некоторое время Лейбниц написал еще два сочинения в защиту прав прусского короля по поводу спора об Оранском наследстве. По смерти Вильгельма III Фридрих Прусский, как сын принцессы Луизы-Генриетты Оранской, сестры Вильгельма II, был ближайшим наследником его владений, лежавших во Франции, Швейцарии и Германии, так как эти владения по завещанию могли перейти к женской линии. Но кроме Фридриха явились и другие претенденты, особенно на княжество Оранж в южной Франции. Этих-то споров и касается сочинение «Information sommaire touchant le droit incontestable de Sa M. le Roi de Prusse etc.»**, которое, впрочем, не совсем достоверно принадлежит Лейбницу. В числе Оранских владений были также княжества Невшатель и Валянжен в Швейцарии. Земство этих княжеств высказалось в пользу прав прусского короля, который и занял их в 1707 г., несмотря на протест дома Конти, притязания которого отстаивал Людовик XIV. В обширном сочинении «Traité sommaire du droit de Frédéric, Roi de Prusse, à la Souveraineté de N. et de V.»*** Лейбниц

¹ Leibniz's Deutsche Schriften v. Guhrauer. Bd II. P. 303.

* «О монетах Грациана Августа в прославление нового царствования» (лат.). — Прим. пер.

** «Краткие сведения касательно неоспоримого права Его Величества короля Пруссии и т. д.» (фр.). — Прим. пер.

*** «Краткое изложение прав прусского короля Фридриха на суверенное владение Н. и В.» (фр.). — Прим. пер.

доказывал с большой основательностью и в изящном изложении права прусского короля. Оно издано, как и другие политические сочинения Лейбница, анонимно и при появлении своем обратило на себя всеобщее внимание.

Хотя Лейбницу на этот раз не удалось быть свидетелем торжества коронации, но он имел нередко случай испытать на себе тягости берлинской придворной жизни с ее бесконечными празднествами и увеселениями. В одном письме к ганноверской курфюрстине Софье он сообщает, что накануне он только в 3 часа возвратился из Люценбурга и прибавляет: «Я веду здесь жизнь, которую курфюрстина (Софья-Шарлотта) называет по моему выражению bestолковой жизнью (ein liederlich Leben). Я совсем выбился из колеи и нахожусь совершенно вне моей стихии (me voilà donc bien dérangé et bienhors de mon élément)».

Иногда он подробно описывал берлинские празднества и маскарады для ганноверской курфюрстины, которая интересовалась всем, что касалось ее дочери. До нас дошло его описание знаменитого маскарада, который Софья-Шарлотта устроила у себя в Люценбурге и в котором сам Лейбниц должен был играть роль. Это описание так понравилось Софье, что она послала его в Париж к своей племяннице, принцессе Орлеанской¹. Мы приведем его в примечании², потому что оно дает хорошее понятие о придвор-

¹ Лейбниц и сам был в переписке с герцогиней Орлеанской, но эти письма не изданы. Герцогиня намекает о них в письме к своей сестре Луизе, так называемой рауграфине: Herr Leibniz, dem ich etlich Mahl schreibe, giebt mir die vanitet, dass ich nicht uebel teutsch schreibe, das tröst mich recht, den ich würde recht betrübt sein, wen ich es vergessen sollte (Г-н Лейбниц, которому я несколько раз писала, уверяет, что я неплохо пишу по-немецки; это меня утешает, я была бы весьма расстроена, если бы поняла, что забыла этот язык (нем.). — Прим. пер.). Может быть, письма герцогини к нему находятся в новом издании ее писем, которое вышло в Германии.

² «Хотя я думаю, что курфюрстина сама опишет для вашей светлости комический маскарад, или деревенскую ярмарку, которую представляли вчера в Люценбургском театре, но я также хочу сказать о нем что-нибудь. Распорядителем всего был Остен, который пользовался расположением покойного датского короля. Все было устроено наскоро, чтобы праздновать 12-го сего числа рождение курфюрста, хотя 11-е, т. е. прошлое воскресенье, — настоящий день рождения. На сцене была представлена ярмарка в деревне или в маленьком городке, где находились лавки с вывесками, и в них продавали за бесценок ветчину, сосиски, бычачьи языки, вина и лимонад, чай, кофе, шоколад и подобные припасы. Сидельцами в лавках были маркграф Людвиг-Христиан, Обдам, Дюгамель и др. Остен, представлявший доктора-шарлатана, был окружен арлекинами и паяцами, между которыми приятно выдавался маркграф Альберт. У доктора были также свои гимнасты; если не ошибаюсь, то были граф Сольмс

ных нравах того времени и может служить дополнением к подобному празднеству в Ганновере — пиру Трималциона, который мы описывали в главе V.

Эта веселая жизнь в Берлине была скоро прервана самым печальным событием. Зимой 1705 г. Софья-Шарлотта была приглашена матерью в Ганновер на карнавал. Еще в день отъезда короле-

и де Вассенар. Но милее всех был его фокусник, светлейший кронпринц, который действительно научился фокусам. Курфюрстина была докторшей, которая держала лавочку с орвиетаном. (*Орвиетан* — целебное средство, считавшееся действительным против всех болезней. Оно было известно у римлян под названием *терьяка*, а позднейшее название *орвиетан* происходит от города Орвието, где оно приготавливалось. Император Марк Аврелий всегда носил при себе это средство как противоядие.) Дезалёр очень хорошо исполнял роль зубного врача. Представление началось торжественным шествием доктора, сидевшего на чем-то вроде слона, а докторшу несли на носилках турки. Фокусник, шуты, гимнасты и зубной врач следовали за ними, а когда вся свита доктора прошла, начался маленький балет цыганок из придворных дам, предводительницей которых была принцесса Гогенцоллернская, к танцующим присоединилось еще несколько лиц. Потом явился астролог с трубкой или телескопом в руке. Эта роль была назначена мне, но граф Витгенштейн милостиво заменил меня. Он делал благоприятные предсказания его светлости курфюрсту, который смотрел из ближайшей ложи. Принцесса Гогенцоллернская, старшая цыганка, стала гадать курфюрстине самым приятным образом в очень милых немецких стихах, написанных Бессером. Квирины был лакеем докторши, а я поместился удобно, чтобы видеть все вблизи с помощью маленькой трубки и потом сообщить обо всем вашей светлости.

У фрейлины принцессы Гогенцоллернской болели зубы, и зубодерг, исполняя свое дело с помощью кузнечных клещей, выдернул и показал зуб в руку толщиной: это был зуб моржа. Доктор, восхваляя подвиги своего зубодерга, представил на суд общества, какая нужна была ловкость, чтобы выдернуть такой зуб без боли. Между больными, которые просили лекарств, были Альфельд и Флемминг, датский и польский посланники, и наш Ильтен, одетые крестьянами своей страны и каждый со своей дамой (*chacun ayant sa chascune*). Супруга великого маршала играла роль жены зубодерга и помогала ему раскладывать лекарства и инструменты; так делали и другие. Многие с большим искусством придумывали разные приветствия в честь курфюрста и курфюрстины, Обдам по-фламандски, Флеминг, как истый поморянин, потому что он кончил так:

Vivat Friedrich und Charlott!
Wer's nicht recht meint, ist ein Hundsfoft

(Слава Фридриху и Шарлотте! Кто не согласен, тот просто подлец (*нем.*). — *Прим. пер.*)

Впрочем, все это походило на Вавилонское столпотворение, потому что всякий говорил на своем языке; и Обдам, чтобы сделать удовольствие докторше, пропел песню из «Любовь — лучший доктор», которая оканчивается восхвалением орвиетана и его силы, и, конечно, тот орвиетан, который продавала

ва чувствовала себя нездоровой, но не хотела об этом говорить, чтобы не дать королю повода запретить поездку. От дороги болезнь в горле усилилась. Но и по приезде в Ганновер Софья-Шарлотта не хотела лечиться и появлялась на празднествах, которые были устроены в ее честь.

Через несколько дней к боли в горле присоединилось воспаление, и королева опасно занемогла. Медицинские средства, к которым прибегли, оказались теперь недостаточными, и больная поняла, что нет надежды на спасение. Последние минуты жизни Софьи-Шарлотты, спокойствие, с которым эта ученица Лейбница встретила смерть, представляют самый высокий интерес и бросают более яркий свет на ее характер и на ее убеждения, чем многие подробности о ее жизни. Она употребила последние силы, для того чтобы написать супругу письмо, в котором благодарила его за оказанную ей любовь, и чтобы проститься с приближенными. Мать ее Софья в это время сама лежала больная. Вошедшего к ней пастора она приветствовала словами: «Друзей своих узнаешь в нужде». Когда он слишком стал распространяться о тщеславии мирском, о суете всякого величия, короны и власти, Софья-Шарлотта с улыбкой взглянула на любимую статс-даму фон Бюлов, которая находилась при ней, и та заметила пастору, что королева в этом грешна. Она отвечала утвердительно на его вопрос: верит ли она во Христа и надеется ли на Бога? Когда он продолжал ее утешать, она прервала его словами: «Я двадцать лет серьезно изучала религию и внимательно читала относящиеся к ней книги; у меня не остается сомнения. Вы не можете мне ничего сказать, что мне было бы неизвестно, и я могу вас уверить, что я умираю спокойно». Врач напомнил ей, что разговором она усиливает болезнь; тогда

докторша, не мог не быть действительным. Под конец явилась помеха веселию (*trouble fête*) в лице Рейзевица, саксонского посла в Польше, который играл роль настоящего местного доктора или штатд-физикуса, нападавшего на шарлатана. Между ними поднялся довольно забавный спор. Шарлатан вынимал свои дипломы, пергаменты, привилегии и аттестаты императоров, королей и принцев, штатд-физикус поднимал их на смех и показывал великолепные золотые медали на шее у себя и у своей жены, прибавляя, что он приобрел их своей ловкостью и что они гораздо действительнее доказывали его искусство, чем Бог знает откуда набранные дипломы.

Наконец его светлость курфюрст сам сошел вниз из ложи, одетый голландским матросом, и покупал кое-что в разных лавках ярмарки. Во все время играл оркестр музыки, и все присутствовавшие — а допускались туда только придворные и знатные особы — сознались, что большая опера, которая стоила бы тысячу талеров, доставила бы гораздо меньше удовольствия как актерам, так и зрителям».

Софья-Шарлотта сказала пастору: «Прощайте же; Лесток меня бранит, он не хочет, чтобы я говорила. Я умираю вашим другом». Она несколько раз выражала надежду, что ее душа в мире с Господом. Несколько часов она молчала, потом обратилась к Пельниц со словами: «Сколько ненужных церемоний придумают для этого тела»; а когда одна из фрейлин расплакалась, она спросила ее: «О чем вы плачете? Разве вы думали, что я бессмертна?» Она утешала также своего младшего брата, который был в отчаянии. «Смерть меня не пугает, — говорила она ему, — уже слишком давно я привыкла считать ее неизбежной». По другим рассказам, она сказала: «Нет ничего естественнее смерти, и хотя по моим летам я могла бы надеяться прожить еще несколько времени, я однако не огорчена тем, что должна умереть». Она много говорила шопотом со своими братьями и сказала также старшему своему брату, курфюрсту: «Я умираю счастливо и спокойно». Перед самой смертью она благословила всех окружавших ее и потом протянула руку своему брату: «Прощай, милый брат, я задыхаюсь». Через несколько секунд ее не стало.

О смерти Софьи-Шарлотты сохранилось несколько рассказов, сходных в сущности, но различных в подробностях. Каждый из рассказчиков, смотря по своим убеждениям, обращал внимание на то, чему он больше сочувствовал. Одни более выставляют на вид религиозный характер кончины Софьи-Шарлотты, другие — ее философский характер. К последним принадлежит знаменитый ввук ее, Фридрих Великий.

У нее, — говорит он, — была сильная душа. Религия ее была чиста, нрав ее кроток, ум ее развит чтением всех хороших французских и итальянских книг. Она умерла в Ганновере среди своей семьи. К ней хотели ввести реформатского пастора. Она сказала ему: «Дайте мне умереть без всякого спора». Одна из ее фрейлин, которую она очень любила, заливалась слезами. «Не жалейте обо мне, — сказала она ей, — я теперь скоро удовлетворю мою любознательность о причинах вещей, которые Лейбниц мне никогда не мог объяснить, о пространстве, о бесконечности, о бытии и небытии, а королю, моему супругу, я доставлю зрелище похорон, которые дадут ему новую возможность выказать свое великолепие». Умирая, он поручила курфюрсту, своему брату, ученых, которым она покровительствовала.

Неожиданное известие о смерти королевы, умершей на 37-м году жизни, поразило и глубоко огорчило всех. Король упал в обморок и долго горевал; ее прощальное письмо глубоко растрогало его. Но предсказания Софьи-Шарлотты сбылись: он тотчас деятельно принялся устраивать самые великолепные похороны. Тело королевы было перевезено в Берлин со всевозможной торжествен-

ностью; в каждом городе и местечке его встречали с подобающим церемониалом. В Берлине оно стояло в часовне 5 месяцев, потому что приготовления к похоронам потребовали такого продолжительного срока. Самые похороны удивили всех роскошью и громадностью издержек. Один катафалк в церкви стоил 80 тысяч талеров. Все это по обычаю времени было изображено и описано в великолепном издании.

Из лиц, окружавших Софью-Шарлотту, всех более утратил Лейбниц. Он потерял в ней не только друга, но и покровительницу самых задушевных планов. Он в это время оставался в Берлине и за несколько дней до ее смерти благодарил ее за то, что она выхлопотала ему у короля подарок в 1000 талеров за его попечения об академии. Он уже знал, что она больна, но надеялся, что «мольбы народа будут сильнее, чем ее болезнь». Как близок он был ей, видно из того, что курфюрстина Софья тотчас ему дала знать, чтобы он никому не показывал ее писем к покойной дочери, которые последняя перед отъездом, вероятно, отдала ему на сохранение. Его близость к покойной королеве была до того всем известна, что даже иностранные послы в Берлине приезжали к нему, чтобы выразить свое соболезнование по поводу ее смерти.

Сам Лейбниц до такой степени был поражен смертью Софьи-Шарлотты, что едва не заболел опасно. Из всех его писем видно, как глубоко он был расстроен. В день известия о смерти Софьи-Шарлотты он писал к Горицу:

В. Пр. можете судить, как меня поразила грустная и роковая весть о смерти королевы. Все признают, что из частных лиц я больше всех теряю с ее смертью, и все мне это выказывают, даже иностранные министры. Впрочем, меня огорчает не столько влияние, которое это несчастье может иметь на мои интересы, сколько потеря принцессы до того совершенной, что ни с чем нельзя было сравнить удовольствие ее видеть. Король прислал мне вчера подарок в тысячу талеров. Но если бы подарок был вдесятеро больше, он не уменьшил бы чувства великого несчастья, о котором мы узнали сегодня утром. Я колеблюсь, хорошо ли, что меня не было в Ганновере во время этого печального происшествия. Если бы я там был, я, может быть, посоветовал бы что-нибудь; но своим отсутствием я избежал того, что могло сильнейшим образом взволновать меня и оставить во мне живейшие и неизгладимые впечатления. Несравненные качества королевы оставляют по себе слишком глубокие следы; солнце в полуденном блеске могло производить только самое приятное впечатление, тогда как его захождение наполнило бы мою душу мрачной и продолжительной тоской. Но следует думать, если возможно, только о том, как прославлять ее память и отдать справедливость одному из самых совершенных лиц на земле. Я не осмеливаюсь писать к курфюрстине, не зная расположения ее духа. Я не сомнева-

юсь, что вы в числе тех, кто с наибольшим участием принимает все меры, чтобы уменьшить чувство ее великого горя, и я предоставляю вам, если вы найдете это уместным, заявить курфюрстине о моем усердии.

О том же писал Лейбниц к общему другу Пёльниц:

Я сужу о ваших чувствах по своим; я не плачу, не жалуясь, но я не знаю, что со мной. Потеря королевы кажется мне сном, но, выходя из моего усыпления, я слишком хорошо чувствую ее действительность. Ваше несчастье не превосходит моего, исключая разве, что вы чувствуете живее и что вы были вблизи, когда нас поразило общее несчастье. Это ободряет меня писать вам и просить вас, если возможно, умерить ваше горе, чтобы оно вам не повредило. Не мрачной грустью следует чтить память одной из лучших принцесс на земле, но прославлением ее, и благоразумные люди будут согласны с нами. Мое письмо относится более философски к горю, чем мое сердце, и я не в состоянии следовать точно собственным советам — но они от этого не менее благоразумны.

Ваш Лейбниц.

P. S. Король безутешен, весь город в каком-то ужасе.

Через несколько месяцев после смерти королевы Лейбниц пишет о ней Уоттону, доктору богословия в Кембриджском университете:

Ужасное горе (*perturbatio ingens*), вызванное смертью королевы Прусской, было причиной, почему я в нынешнем году прервал обычную переписку с вами и другими друзьями. Эта королева была ко мне расположена больше, чем я мог желать и надеяться (*ultra spem vota que*), и требовала, чтобы я часто бывал с ней. Я не знаю никого умнее и образованнее ее (*humanior*). Привыкнув к этому счастью, я по личной причине глубже почувствовал общее горе. Когда она умерла в Ганновере, я находился в Берлине, потому что мне нельзя было тотчас за ней последовать; никто не ожидал такой печальной вести, а тем больше мы были поражены. Я был близок к опасной болезни и с трудом поправился. Королева имела удивительные сведения в предметах необыденных и жажду познания; она часто беседовала со мной, чтоб удовлетворить своей любознательности, и эта любознательность ее принесла бы когда-нибудь обществу важную пользу, если бы не вмешалась смерть¹.

Кончина Софьи-Шарлотты подала повод к различным толкам о ее религиозности. Говорят, будто бы ее сын сказал однажды о ней: «Моя мать была, без сомнения, умная женщина, но плохая христианка» (*böse Christin*). Но король Фридрих-Вильгельм был менее всех способен оценить свою мать. Гораздо лучше понимал ее епископ Урсинус, который в своей надгробной речи сказал, что, по мнению королевы, «религию лучше всего не разоблачать, по-

¹ Leibniz Epistolae ad diversos / Ed. Kortholt. 1734.

добно древним язычникам, которые изображали ее на своих монетах покрытой покрывалом».

Королева никогда не выказывала пренебрежения ко внешнему богослужению; она не пропускала проповеди и очень любила хороших проповедников; а каковы были ее внутренние убеждения, можно видеть из приведенного выше рассказа. Лучше всех мог о ней судить Лейбниц. В одном письме к своей ученице, принцессе Каролине, вышедшей впоследствии за Георга II, которая до некоторой степени могла заменить ему умершего друга, Лейбниц говорит об истинном благочестии и прибавляет, что Софья-Шарлотта умерла спокойно, в сознании этого благочестия.

Между тем смерть прусской королевы значительно изменила положение Лейбница в Берлине и остановила развитие новой академии. Фридрих с большим торжеством отпраздновал основание академии, но он не думал сокращать расходов своего двора в пользу нового учреждения. Кроме того, война за испанское наследство совершенно истощила королевскую казну. Постройка обсерватории подвигалась медленно, и хотя 80 членских дипломов было разослано лучшим немецким и иностранным ученым во Франции, Англии и Италии, но в Берлине до 1710 г. не было отведено особого здания для собраний академиков. Можно сказать, что академия в первое время состояла только из 3 членов: президента Лейбница, секретаря Яблонского и астронома Кирха, который был приглашен в Берлин по настоянию Лейбница для астрономических наблюдений и заведования академическим календарем. Лейбниц исчерпывал всю свою изобретательность, чтобы достать денег и обеспечить существование академии. Он предлагал лотереи, составил план популярного календаря в пользу академии, предлагал различные монополии относительно книжной торговли и педагогического дела. Академия должна была сделаться высшим цензурным комитетом в стране и взимать налог со всех плохих книг, «для того чтобы препятствовать распространению дурных сочинений и содействовать хорошим и полезным, чтобы дать направление книжной торговле и оказать помощь ученым и опытным людям, желающим предпринять что-нибудь полезное». Он вздумал, между прочим, ввести в Пруссии в пользу академии шелковый промысел и привилегию на разведение шелковичных червей и тутовых деревьев. Он сам на свой счет производил опыты разведения их в Ганновере и много истратил на это денег. «Но так как, — рассказывает его секретарь Эккард, — Лейбниц не имел времени сам следить за всем и доверился неспособным людям, то он получил больше убытку, чем прибыли. Несмотря на это, он со свойствен-

ным ему постоянством в трудных делах не покидал начатого дела».

Лейбниц думал распространить по всей Германии производство шелка и выхлопотал себе также привилегию в Саксонии. Но его попытки остались неудачны. Его планы были возобновлены Фридрихом Великим, который издал указ о разведении шелковичных червей в казенных имениях.

В 1710 г. вышел первый том Записок Берлинской академии под заглавием «Miscellanea Berolinensia ad incrementum scientiarum»*. Он заключал в себе статьи Лейбница по всем отраслям науки, по истории, древностям, этимологии, физике и математике. Статьи по богословию и праву исключались уставом академии. В том же году последовало ее подразделение на 4 отделения, и отстроилась обсерватория. В это время академия была подчинена надзору министра фон Принцена. Последние перемены были сделаны без ведома президента Лейбница, которого такое пренебрежение очень оскорбило. Еще прежде Лейбницу не раз приходилось высказывать свое неудовольствие на равнодушие Берлинского двора к науке. В 1709 г. он писал, члену академии Ансильйону: «Упрек, что король вам платит не для того (*le roi ne vous paie point*), чтобы сочинять книги, меня не удивляет. На науку обыкновенно смотрят как на дело, которое исполняется только из-за вознаграждения, как на лестницу, которую отставляют, когда не нужно более по ней подниматься».

В 1711 г. Лейбниц приехал в Берлин в последний раз; его приняли холодно и недоверчиво. Причина заключалась, между прочим, в том, что в это время между Ганновером и Пруссией произошло столкновение по поводу Гильдесгеймского епископства. На беду случилось, что Лейбниц повредил себе ногу и должен был долго лечиться. В Берлине полагали, что его болезнь — притворство и предлог, чтобы там оставаться. Лейбниц писал Софье, что его навещил лейб-медик короля и просил позволения осмотреть ногу, «очевидно, для того чтобы доложить об этом двору». Курфюрст Ганноверский был также недоволен его продолжительной отлучкой. «Он только смеялся над вашим оправданием, — писала Софья Лейбницу, — и сказал, что не ноги ваши нужны, а голова».

Вступление на прусский престол Фридриха Вильгельма в 1713 г. имело еще худшее влияние на судьбу академии и на положение Лейбница в Берлине. Как известно, сын «философской королевы» хотел совершенно уничтожить академию, и ее спасло толь-

* Берлинский сборник для приращения наук (*лат.*). — *Прим. пер.*

ко замечание, что без нее нельзя будет достать хирургов для армии. В последнее время Лейбниц потерял всякое влияние на академию; ему даже перестали выплачивать жалованье, которое было ему назначено как президенту.

Еще до своего разочарования в Берлинской академии Лейбниц стал хлопотать об учреждении подобных академий в других городах: Дрездене, Вене, Петербурге. Любимый план его собственно заключался в том, чтобы составить общество, в котором могли бы принять участие все ученые Германии, а если можно, то и всего образованного мира. Берлинская академия была только частным осуществлением его плана. Чтобы восполнить этот недостаток, он считал необходимым основать как можно более других академий в разных местностях.

Лейбниц обратил свое внимание на Восток. Там в это время происходила ожесточенная борьба за преобладание между тремя государствами. Одно из них, вследствие внутренней, неизлечимой порчи своих политических учреждений, хотя незаметно, но быстро клонилось к разрушению; другое, достигнувшее — благодаря гению и благородному энтузиазму одного из своих королей и воинственности нации — высокого значения в Европе, должно было уступить силе и стояло теперь на краю своего могущества; третье государство, выросшее и окрепшее в борьбе с материальными условиями и варварскими народами, достигло теперь зрелости и требовало своей доли в общей цивилизации. Еще больший контраст, чем эти три государства, представляют личности трех государей, в руках которых в то время была их судьба: то были Август Польский, Карл XII и Петр Великий.

Лейбниц искал доступа ко всем трем; он желал знакомства с ними, для того чтобы с их помощью содействовать успехам науки и цивилизации. Прием, который он нашел у них, был чрезвычайно различен и хорошо характеризует личности и стремления трех соперников.

Август¹ давно знал Лейбница и благоволил к нему; последний по своему происхождению был его подданным. Вскоре после основания Берлинской академии Лейбниц стал хлопотать об учреждении таковой же в Дрездене. Для этого он особенно пользовался посредничеством иезуита Воты, о котором мы уже говорили. Вота приезжал в Берлин и Ганновер, где был отлично принят и сделался горячим поклонником Софьи и ее дочери. Он имел большое

¹ Мы подробно говорили об Августе I Польском в нашем сочинении: «Борьба за польский престол в 1733 году».

влияние на Августа, и поэтому Ганноверский двор пользовался его знакомством с Лейбницем для различных дипломатических сношений. Через Воту Лейбниц представил Августу свой проект академии. Он мало отличался от Берлинского; но для того чтобы больше заинтересовать Августа, Лейбниц обратил особенное внимание на пользу, которую могла бы ожидать от разработки математики и физики военная наука. С этой же целью он подробно касается в своем проекте реформы воспитания, как нравственного, так и физического. Лейбниц придавал воспитанию большое значение; реформой воспитания, по его мнению, обуславливалось усовершенствование человечества¹.

В своем проекте академии он касается педагогики преимущественно по отношению к воспитанию молодого Саксонского принца, сына Августова. Взгляд Лейбница представляет интересный контраст с планом, составленным незадолго перед тем во Франции для воспитания дофина. Французский план, по замечанию Гурауера, был построен на строго классическом основании; Лейбниц считал необходимым внести в воспитание реалистический элемент: он советует употреблять изображения, различные модели и планы, устроить музеи по естественным наукам и искусствам, для того чтобы обогатить воображение определенными представлениями.

Август, настоящая эпикурейская натура, уважал науку и особенно любил искусства. Он благосклонно принял предложение Лейбница и стал думать об осуществлении его планов. В 1703 г. Лейбниц отправил в Польшу своего секретаря Эккарда, чтобы воодушевить, как рассказывает сам Эккард, короля к учреждению академии наук в Дрездене и переговорить об этом с Вотой. Академия должна была вступить в тесную связь с Берлинской. Король изъявил свое согласие, но вследствие Польской войны план не состоялся.

С Карлом XII Лейбниц встретился, когда тот был на вершине славы и могущества. Победив Данию и отразив нападение России, Карл сломил могущество третьего своего врага, Августа. Он из-

¹ «Emendatum iri humanum genus educatione juventutis in melius reformata» (Реформировав воспитание молодежи, можно улучшить род человеческий (лат.). — Прим. пер.). Лейбниц относился с большим интересом к педагогическим планам Вейгеля и особенно Франке, который в это время начал свою полезную деятельность учреждением сиротского училища в Галле. Еще прежде Лейбниц написал, по просьбе Лабодиньера, наставника у какого-то принца, свой «Projet de l'éducation d'un Prince» («Проект воспитания молодого государя» (лат.). — Прим. пер.), в котором он подробно изложил свой взгляд на воспитание молодых государей. Этот проект он послал через Воту королю Августу.

гнал его из Польши, последовал за ним в Саксонию и заставил отказаться от польской короны и согласиться на мир. В это время Карл XII был властелином восточной Европы. В его руках, казалось, находилась также судьба западной половины ее. Там происходила борьба между Францией и коалицией держав, оспаривавших у нее испанское наследство. Карл думал вмешаться в эту борьбу, и его помощь могла бы склонить победу на ту или другую сторону. Оттого в лагерь Карла при Альтранштедте спешили послы от всех держав, чтобы поздравить победителя и заискать его расположения. Сам Мальборо оставил свое войско и отправился к Карлу; он сумел ему понравиться и удержать его от вмешательства в пользу Франции. Из Ганновера, политика которого была уже тесно связана с политикой Англии, также было отправлено посольство в Альтранштедт. К нему примкнул Лейбниц, которому, как полагает Гурауер, было дано поручение содействовать сближению Карла с Ганновером и Пруссией. Лейбниц не застал Карла в Альтранштедте: шведский король выехал оттуда, чтобы произвести смотр своим войскам. Лейбниц ждал его целую неделю; наконец он приехал, и Лейбницу была обещана аудиенция у Карла. Встреча между героем и философом была бы чрезвычайно интересна. Но Лейбниц, взглянув на Карла, нашел, что ему не о чем с ним говорить. Карл, воспитанный среди борьбы монархической власти с надменной олигархией, ценил только одно — власть, основанную на военной дисциплине; он имел только одну цель — употребить все средства, которые ему давала его неограниченная власть, для достижения военной славы. Он был сдержан и суров, не любил придворных фраз и не имел никакого интереса к планам, которыми воодушевлялся Лейбниц. Последний следующим образом описывает свою встречу с Карлом.

Я видел его за обедом; это продолжалось полчаса, но Е. В. не сказал ни слова за столом, и только один раз поднял глаза, когда молодой Виртембергский принц начал играть с собакой; тот при взгляде короля тотчас прекратил свою забаву. Можно сказать, что выражение лица у короля очень хорошо; но он одевается и держится как «кавалерист» старого времени. Так как я ждал его больше недели, то я не мог дольше оставаться, хотя меня обнадеживали, что король даст мне аудиенцию; действительно, молодой граф Платен и Фабриций имели потом аудиенцию, когда я уже собрался в дорогу. Но что бы я ему сказал? Он не любит похвал, даже заслуженных; о делах он не говорит. Но он очень хорошо говорит обо всем, что касается войны, как меня уверял фон Шуленбург, беседовавший с королем часа два. Граф Флемминг также имел аудиенцию у него перед приездом в Лейпциг и остался

у него обедать. Король продолжал разговор даже после обеда и выразил свое хорошее расположение духа тем, что сказал несколько шутливых слов.

Совсем иной прием нашел Лейбниц у Петра Великого. Но мы принуждены не касаться здесь его личных отношений к русскому царю и проектов Лейбница для улучшения финансов и развития просвещения в России¹. Мы коснемся здесь этих отношений, насколько это нужно для объяснения политической деятельности Лейбница в последние годы его жизни. Россия в то время выступила из своего уединенного положения и приняла участие в европейских делах. С этого момента вопрос о европейском равновесии должен был совершенно измениться. В Европу пришла новая сила, и мало-помалу в ней должна была произойти новая группировка интересов, должны были образоваться новые основания для политического равновесия. Лейбниц, может быть, первый из политиков Запада понял значение новой силы, внес ее в свои политические соображения и начал возлагать на Россию свои надежды для восстановления равновесия и успокоения Европы.

Хотя Лейбниц не играл официальной роли в европейской дипломатии, никто, однако же, не принимал такого искреннего и деятельного участия в политических вопросах, как он. Так как он имел обширные связи во многих странах и был близок к многим государям и членам царствующих домов, то его планы и советы не были лишены значения, и никогда, может быть, частный человек не имел такого политического влияния в Европе, как Лейбниц. Он постоянно рвался из своей тесной сферы в Ганновере, где должен был сталкиваться с интересами мелкого государства, на более широкое поприще. Не только космополитизм Лейбница, т. е. его желание упрочить в Европе в интересах цивилизации равновесие и мир, но и его патриотизм тянули его в Вену, ко двору императора.

Хотя немецкие национальные историки не без основания обвиняют Габсбургских императоров в том, что они предпочитали свои династические интересы выгодам Германии, но нужно согласиться, что в общем итоге никто из немецких князей не оказал Германии таких важных услуг, как Габсбурги, в эпоху преобладания Франции. Хотя политика императоров и в то время, конечно, была династическая, а не германская, но политическое предание всегда имело такую силу в Австрии, а охранение Германии от притязаний Франции до такой степени входило в габсбургские интересы, что

¹ Вопрос об отношениях Лейбница к России и Петру Великому составит предмет главы VIII данного издания. — *Прим. ред.*

Австрия напрягала все свои силы для защиты западной границы империи. Если Рейн в то время не сделался французской границей, или, как говорили тогда французы, их *барьером*, то Германия, после мудрой политики Вильгельма Оранского, обязана этим упорству Габсбургов. На берегах Рейна венгерские и славянские подданные Габсбургов постоянно проливали свою кровь для охранения Германии наравне с жителями Гессена и Пфальца. Поэтому взоры всех немецких патриотов были главным образом обращены на действия Венского правительства. Но Лейбница, как мы говорили, в Вену манил не один патриотизм. Там сходились нити европейской дипломатии, там могли возникнуть планы, обнимавшие всю Европу. Вена и Париж составляли два полюса европейского равновесия.

Оттого самое деятельное участие Лейбница в политике совпадает с его пребыванием в Вене. Самые важные из его сочинений по публицистике и самые интересные его проекты и советы группируются около политики Габсбургского дома.

Мы уже говорили о первом пребывании Лейбница в Вене в 1688 г. и о его записках и советах, представленных австрийским министрам. Ряд этих сочинений оканчивается обширным мемуаром «*Consultations sur les affaires générales en 1691*»*, написанным уже по возвращении в Ганновер¹. Лейбниц предлагает в нем различные меры, для того чтобы обеспечить успех на войне за державами, соединившимися против Франции. Мы укажем на самые интересные или оригинальные из этих мер. Он считает необходимым составить из Италии конфедеративное государство наподобие Германии, чтобы усилить ее значение и дать отпор Франции. Неаполь и Милан принадлежали в то время Испании; но папа, Венецианская республика, Тоскана и герцоги Моденский, Мантуанский и Пармский могли составить между собой союз и нейтрализовать Италию. Император и Испания, для которых нейтрализация Италии была бы выгодна, должны были, по мнению Лейбница, выказать притворное неудовольствие, чтобы вовлечь Францию в заблуждение, между тем Итальянский союз окрепнул бы и мог бы содействовать установлению равновесия в Европе. Лейбниц удивляется, что Италия, родина дипломатии и интриг, теперь так неизобретательна в политике, тогда как на севере Европы то и дело заключаются союзы и договоры.

¹ Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. T. III. P. 258.

* Советы по различным делам 1691 г. (фр.). — Прим. пер.

Затем Лейбниц советует лишить Францию поддержки со стороны Швейцарии. Франция наполняла свои войска швейцарскими наемниками, и вследствие выгод, которые доставляла французская служба, швейцарская аристократия, управлявшая республикой, была совершенно предана Франции. Поэтому Лейбниц считает необходимым, чтобы союзные державы производили также вербовки в Швейцарии, хотя наемники там дороже, чем в Германии. Но лишние издержки принесут ту выгоду, что ослабят связь между Швейцарией и Францией и уменьшат число швейцарцев во французской службе; если же это средство не удастся, то Лейбниц советует прибегнуть к демагогии, лишить аристократию первенствующего положения в республике и таким образом изменить ее политику.

Обращаясь к Германии, Лейбниц указывает, что многие из ее князей держатся почти нейтрально и этим очень вредят общему делу. Самый значительный из них — герцог Ганноверский, который в начале войны принимал в ней самое патриотическое участие; но когда ему, несмотря на все его заслуги, отказали в Вене самым оскорбительным образом в курфюршеском сане, он охладил к общему делу. Лейбниц советует непременно удовлетворить его или курфюршеским званием, или присоединением епископства Оснабрюкского к его владениям. Из этого можно было бы заключить, что вся записка составлена Лейбницем только с целью содействовать своему герцогу в достижении курфюршества, но Лейбниц и тут имеет в виду общие интересы. Он искусно пользуется этим поводом, чтобы указать герцогу на опасные последствия его нейтралитета. Вследствие успехов французского оружия Германия при заключении мира легко может лишиться Кёльна — тогда Вестфалия делается пограничной областью и жертвой французских опустошений, подобно Пфальцу и Бадену.

От нейтральных держав Лейбниц переходит к враждебным. Австрия находилась в одно время в войне с Францией и с Турцией. Последняя, несмотря на свои неудачи, не соглашалась на мир, потому что надеялась на союз с Францией. Лейбниц советует заключить поскорее мир с Турцией, даже с некоторыми уступками, чтобы обратить все силы против Франции. «Простой здравый смысл, — говорит он, — убеждает в том, что важнее думать о своем спасении, чем о выгодах». Лейбниц доказывал ложность австрийской политики, которая готова смотреть равнодушно на успехи Франции со стороны Германии, лишь бы в это время удалось приобрести на Востоке лишнюю провинцию. Успех Франции на Рейне, замечает он, повлечет за собой потерю Бельгии и Милана.

«Поэтому необходимо, — восклицает он, — проповедовать Венскому двору мир с Портой и уступчивость относительно протестантов в австрийских землях, немцам — порядок и дисциплину, испанцам — реформу финансов, англичанам и голландцам представлять опасность, которая грозит религии»¹.

Одну из главных причин поражений и бедствий Германии Лейбниц видит в отсутствии дисциплины в немецких войсках: вторая половина его мемуара посвящена этому вопросу. Во время войн с Людовиком XIV в Германии установился обычай, что только крупные государства высылали свои контингенты. Многие же княжества, особенно те, которые находились близко от театра войны, должны были взамен этого держать у себя на постое войска своих сильных соседей. Так как жалование солдатам редко выдавалось в полном объеме, а дисциплина была очень плоха, то области, присужденные «к постоя», совершенно разорялись. Крупным же государствам, например Ганноверу и Бранденбургу, которые держали постоянные войска, превышающие средства страны, было чрезвычайно выгодно отсылать свои войска «на постой»; ибо в этих случаях они содержали часть своих войск совершенно на чужой счет. Оттого вопрос о распределении постоя возбуждал на сейме бесконечные переговоры и жалобы. Те из князей, у которых были войска всегда наготове, ставили условием своего участия в войне, чтобы им были отведены области, выгодные для постоя; мелкие князья протестовали и были готовы скорее отдаться неприятелю, чем принять на постой союзников.

Лейбниц указывает на пример Франции, которая обязана своими успехами на войне финансовой реформе. В Германии только одни ганноверские герцоги последовали ее примеру. Правда, в их руках находится источник богатых доходов — рудники Гарца. Он советует могущественнейшим из князей съехаться на конференцию без отлагательства и без соблюдения обычного этикета. На этой конференции должны быть составлены общие правила относительно дисциплины, провианта, военной кассы, команды и др. Мелкие княжества должны быть обеспечены относительно постоя и прохода войск через их области. Необходимо учредить военный совет, устроить магазины, договориться с поставщиками. Мало-помалу и другие государства примкнут к этой конвенции, и в военные действия германских князей будут внесены единство

¹ Oeuvres de Leibniz. T. III. P. 275. — Франция, как известно, в это время старалась свергнуть Вильгельма Оранского и снова возвести на престол католического Якова Стюарта.

и дисциплина, самые важные залогов успеха. В Германии в это время было много воинственных князей и много искусных генералов; но странно, что о правильной организации войны, о военной конвенции, необходимой там, где война ведется многими разнородными союзниками, думал только философ, постоянно хлопотавший об одном — о водворении в Европе общего мира.

Записка оканчивается интересным стратегическим проектом Лейбница. Франция имела большое преимущество перед своими неприятелями в том, что постоянно вела наступательную войну. Лейбниц советует перенести войну во Францию или по крайней мере произвести диверсию в пользу войск, сражавшихся на Рейне. Соединенные флоты Англии и Голландии были сильнее французского флота и легко могли высадить значительное войско на любое место французской территории. Но высадиться во Франции было бы опасно: самое сильное войско могло бы с трудом держаться на берегу неприятельской страны. Поэтому Лейбниц советует высадить тысяч 12 или 15 хорошего войска в Бискайю, на испанскую территорию, недалеко от границ Франции. К ним присоединилась бы испанская армия, которая теперь без всякой деятельности стоит на границе. Союзная армия имела бы превосходный операционный базис, могла бы легко вторгнуться во Францию, взять Байонну, возмутить недовольных гугенотов в Беарне, жить на счет Франции и оказать самую сильную помощь армиям, сражающимся на Рейне, а в случае удачи даже соединиться в южной Франции с войсками герцога Савойского, напирającego с другой стороны. В случае неудачи вторгнувшееся войско всегда имело бы возможность отступить в Испанию под защиту Пиринеев и союзного флота.

К сожалению, издатель этого интересного мемуара не указал, для кого он был написан и к кому послан. Это, вероятно, объяснится, когда будет издана обширная переписка Лейбница.

Через 12 лет после его первого пребывания в Вене, Лейбницу пришлось снова отправиться туда, на этот раз уже по приглашению императора Леопольда. Поводом к тому послужили, как мы видели, переговоры об унии между протестантами и католиками. Для Австрии, столь же разнородной в религиозном отношении, как и в национальном, вопрос об унии был особенно важен. С помощью унии венскому правительству удалось бы успокоить и привлечь на свою сторону протестантов в Венгрии и Трансильвании, которые постоянно были готовы возмутиться и призвать на помощь турок. Поэтому преемник Спинолы, граф Бухгайм, в 1698 г. снова отправился в Ганновер для религиозных переговоров. Лейб-

ниц, как мы видели, был душой этих переговоров, хотя он часто скрывал свою деятельность за именем Молануса. Бухгайм, по возвращении в Вену, указал Леопольду на Лейбница как на необходимого сотрудника для унии с протестантами, и император лично обратился с письмом к курфюрсту Ганноверскому и просил прислать ему Лейбница. Время казалось благоприятным для переговоров об унии. Новый папа, Климент XI, интересовался ими и просил Боссюэ прислать ему все, что он писал ганноверским протестантам¹. Летом 1700 г. Лейбниц отправился в Вену; он заехал в Теплиц, чтобы полечиться, и в конце сентября выехал оттуда, еще не совершенно оправившись от своего недуга. В Вене Лейбниц пробыл до конца 1700 г., имел частые свидания с епископом Нейштадтским, с другими венскими богословами и даже с папским нунцием, кардиналом Дориа. Подробности и результаты этих переговоров пока неизвестны.

Но Лейбниц занимался в Вене не одними религиозными делами. В начале ноября туда пришло важное известие о смерти Карла II, последнего испанского короля из дома Габсбургов. Это давно предвиденное событие должно было произвести переворот в отношениях западных государств и могло иметь решительное влияние на положение Австрии. Двухвековая борьба между Бурбонами и Габсбургами вступала в новый период; вопрос шел о том, кому достанется громадная испанская монархия со своими обширными, богатыми колониями, со своими 22 королевствами. Если бы снова удалось Габсбургам соединить в одних руках испанские земли с австрийскими, тогда не Людовик XIV, а могущество Габсбургов угрожало бы равновесию Европы. Но если бы эти земли попали в вассальную зависимость от Людовика XIV, тогда были бы напрасны все войны европейской коалиции против французского деспота, и он поработил бы Европу.

Великий блюститель европейского равновесия, Вильгельм Оранский давно предвидел этот вопрос и разрешил его в интересах

¹ Боссюэ написал по этому поводу новое сочинение о примирении протестантов с католиками, в котором рассмотрел все спорные вопросы — *par manière d'exposition et de conciliation sur tous les articles controversés* (методом пояснения и согласования по всем спорным статьям (*фр.*). — *Прим. пер.*). Он воспользовался случаем, чтобы внушить новому папе свои взгляды насчет церковной власти и непогрешимости папства, относительно чего галликанская церковь далеко расходилась с римской курией. «Il jugea l'occasion très importante d'insinuer au pape ce qu'il faut croire sur l'infailibilité et la déposition des Rois» (Воспользовался благоприятным случаем, чтобы внушить папе свои представления о непогрешимости и о смещении королей... (*фр.*). — *Прим. пер.*), — говорит секретарь Боссюэ, аббат Ледьё (*Le Dieu*).

Европы. По его настоянию наследником Испанской монархии был назначен молодой сын курфюрста Баварского, по своей матери внук императора Леопольда и правнук Филиппа IV¹. Таким образом Испания была бы нейтрализована между Габсбургами и Бурбонами. Но молодой принц умер в 1699 г. Тогда Вильгельм Оранский предложил разделить Испанскую монархию между Габсбургами и Бурбонами. Франция должна была получить Неаполь, Сицилию и Лотарингию (герцог Лотарингии вознаграждался Миланом), а эрцгерцог Карл, второй сын императора, — Испанию, Бельгию и колонии. Император не признал этого раздела, который усилил бы только Францию, ибо Испания и Бельгия не присоединялись к Австрии, а переходили к младшей линии. Проект раздела не понравился также в Испании. Эта страна была приведена в упадок своими заморскими владениями, из-за которых она постоянно подвергалась разорительным войнам. Но гордая кастильская аристократия не хотела допустить мысли о распаде Испанской монархии, который принес бы ей и материальный ущерб, так как кастильские гранды немало наживались в должностях вице-королей и губернаторов заморских провинций. Сам Карл II, который не имел воли, но зато наследовал антипатии Габсбургов против всего французского, не хотел слышать о разделе.

При Мадридском дворе начались интриги. Франция имела чрезвычайно ловкого представителя, графа Гаркура, который своими интригами, своей любезностью и щедростью скоро составил себе большую партию; австрийский же представитель граф Гаррах и особенно его сын с каждым днем уменьшали популярность Австрийского дома. Несмотря, однако, на это, Карл II составил завещание, в котором назначил эрцгерцога Карла наследником всей монархии и просил прислать его в Мадрид. Но Венский двор, по обыкновению, медлил; у него не было денег, и он боялся отпустить молодого принца. Напрасно приверженцы Австрии настаивали на приезде принца и советовали прислать вместе с ним несколько надежных полков. В Испании между тем продолжались интриги. За несколько недель до смерти Карла кардинал Портокарреро, с помощью иезуитов, до такой степени напугал его ложными рассказами о восстании мадридской черни, что овладел совершенно умирающим королем. Сообщники Портокарреро написали новое завещание в пользу второго внука Людовика XIV, тайно заставили

¹ Старшая дочь Филиппа IV, Мария-Терезия, была за Людовиком XIV, вторая — за Леопольдом; у нее была только одна дочь, вышедшая замуж за курфюрста Баварского.

Карла его подписать и в его кабинете сожгли прежнее завещание. В день смерти Карла, 1 ноября 1700 г., королева, двор и страна неожиданно узнали, что испанским королем назначен не эрцгерцог Карл, а принц Филипп Анжуйский.

Венский двор был глубоко потрясен этим известием; он только что распустил после продолжительной Турецкой войны свои войска, казна была пуста, а предстояла грозная война, ибо Франция располагала теперь всеми средствами Испанской монархии. В Вене возлагали все надежды на дипломатию; нужно было вовлечь остальные европейские державы в войну против Франции; нужно было подействовать на общественное мнение и расположить его в пользу Габсбургов. Оттого борьба за испанское наследство вызвала целую литературу полемических сочинений, особенно в Голландии, которая тогда была главным рынком для книжной торговли.

Эта литература представляет большой интерес, потому что затрагивает самые разнообразные вопросы международного права и показывает, насколько изменились политические идеи в Европе. Принцип легитимизма, по которому прежде определяли судьбу народов и государств, сталкивается с новым принципом политического равновесия в Европе. Сама Австрия, представительница легитимизма, делает уступки; она требует Испанской монархии не для себя, а только для одного из своих эрцгерцогов. Старинные права, основанные на феодальных отношениях, по которым папа должен был располагать судьбой Неаполя как верховный ленный господин, а германский император — судьбой Милана и Бельгии, встречают отпор в идеях нового государственного права, на котором испанцы основывают свое требование нераздельности своей монархии. Наконец возникает новый вопрос, которому суждено приобретать все больше и больше значения, — вопрос о вмешательстве Европы во внутренние дела известного государства, вопрос о праве народов избрать себе то или другое правительство.

Мы не знаем, какие переговоры происходили между австрийскими министрами и Лейбницем, но по возвращении в Ганновер он принял самое деятельное участие в защите прав эрцгерцога Карла¹.

Он возражает против памфлета французской партии «Lettre écrite d'Anvers»*, автор которого, под личиной фламандца, защи-

¹ В 1702 г. Лейбниц снова отправился в Вену по поручению своего двора, для того чтобы убедить принца Максимилиана (второго сына Эрнста-Августа) принять завещание отца, по которому все владения Ганноверского дома переходили к старшему сыну.

* «Письмо из Антверпена» (фр.). — *Прим. пер.*

щает права Филиппа Анжуйского и советует голландцам не вступать в несправедливую войну против него. Лейбниц в своем ответе принимает на себя роль голландского патриота, который опровергает доводы Бурбонской партии и указывает своим соотечественникам на вредные для них последствия от соединения Франции и Испании. Лейбниц издает эти письма на немецком и французском языках, через посредство своих друзей в Голландии, под заглавием «La Justice encouragée contre les chicanes et menaces d'un partisan des Bourbons»*. Затем он принимает на себя роль венецианского патриота, и в своем послании к синьории старается отклонить ее от нейтралитета и убедить в необходимости австрийского союза. Мы не знаем, было ли напечатано это послание к венецианцам. Лейбниц, вероятно, воспользовался своими связями в Венеции, чтобы посредством своего послания подействовать на общественное мнение в республике. Союз Венеции был особенно важен для Австрии. Французы в самом начале войны заняли Милан, и Евгений; Савойский, при недостатке войска, с трудом мог защищать южный Тироль и удерживать французскую армию от соединения с баварско-французской, которая старалась проникнуть в северный Тироль. Союз венецианцев с Францией погубил бы армию Евгения; напротив, союз их с Австрией заставил бы французов отступить¹.

Между другими сочинениями Лейбница, относящимися сюда, мы укажем еще на его диалог между кардиналом Портокарреро и кастильским адмиралом графом Мелгар. Адмирал принадлежал к небольшой партии приверженцев Австрии и поэтому был изгнан из Испании при воцарении Филиппа. У Лейбница кардинал и адмирал сходятся для переговоров на границах Кастилии. Они вступают в спор о правах обоих претендентов, и этот спор кончается тем, что кардинал сознается в своем заблуждении и переходит на сторону Карла.

Все, что высказано в этих различных сочинениях, собрано и изложено с особенным мастерством в знаменитом «Манифесте в защиту прав Карла III».

В 1703 г. Карл, достигнув 18-летнего возраста, отправился наконец на английском флоте в Испанию, чтобы отнять ее у своего соперника. Манифест, написанный Лейбницем, должен был

¹ Издатель этого послания, Фуше де Карель (Т. IV. Р. 175), относит его к 1713 г., но это очевидная ошибка — оно относится к первому году войны, как видно из его содержания и из того, что в нем упоминается несколько раз о Вильгельме Оранском, умершем в 1702 г.

* «Справедливость, восставшая против кляуз и угроз одного сторонника Бурбонов» (фр.). — *Прим. пер.*

расположить в пользу Карла общественное мнение в Испании, и Лейбниц поэтому принимает на себя роль испанца. Он совершенно справедливо рассчитывал более на симпатии испанского народа, чем на войско, с которым Карл отправился в Испанию. Из писем Лейбница, изданных Фуше де Карелем¹, видно, что он послал свой манифест голландскому генералу Обдаму с просьбой перевести его на испанский язык и издать одновременно в Испании и Голландии. *Манифест* был издан в начале 1704 г. в Голландии, а через некоторое время появился в Португалии в испанском переводе. Он тотчас обратил на себя внимание публики, и многие узнали перо Лейбница. Барон Ботмар, ганноверский посол в Гааге, поздравляет Лейбница и говорит, что он оказал поддержку Карлу III. Лейбниц отказывается от авторства и замечает, что поддержка, в которой нуждается испанский король, — это большее число войска, чем то, которое ему прислали Англия и Голландия².

Манифест распадается на две части — юридическую и риторическую. Лейбниц выказал себя здесь таким же искусным политиком, как и красноречивым публицистом. Он начинает с опровержения доводов, выставленных французскими писателями в пользу Филиппа Анжуйского. Как известно, Мария-Терезия, старшая дочь Филиппа IV, выходя в 1659 г. замуж за Людовика, должна была отказаться за себя и за всех своих потомков от всяких прав на испанское наследство. Французские публицисты выставляли на вид несправедливость отречений от отцовского наследства со стороны дочерей. Лейбниц указывает, что все эти замечания заимствованы из гражданского права, но что гражданские постановления не могут иметь силы в международном и государственном праве, которыми определяются престолонаследие и отношения между государствами. Французские публицисты приводили в свою пользу, что по Пиренейскому договору Мария-Терезия должна была получить 500 тысяч скудо; а так как это обязательство не было исполнено со стороны Испании, то отречение Марии-Терезии утратило свою силу. Лейбниц возражает, что те 500 тысяч вовсе не были вознаграждением инфанты за отречение от прав ее на наследство, но назначались взамен драгоценных камней и вообще движимого имущества, которое давалось ей в приданое. Сами

¹ Oeuvres de Leibniz. T. III. P. 360.

² Барон Обдам пишет ему в то же время: «Votre ouvrage fera son effet sans le nom de l'auteur, qui lui donneroit un nouveau relief, s'il éloit connu» (Ваше сочинение окажет свое действие и без указания имени автора, которое, конечно, придало бы ему новую выразительность, если бы было оглашено (фр.). — Прим. пер.).

французы виноваты, что установленная сумма не была выплачена, ибо Испания требовала, чтобы Пиренейский договор и брачный контракт были зарегистрированы в парламенте, как было условлено, а Франция этого не исполнила.

Приверженцы Бурбонов утверждали далее, что родители не могут отрекаться за своих детей. Лейбниц возражает, что это справедливо только относительно детей, родившихся до отречения; но если бы все дети и потомки имели право отказываться от обязательств, принятых на себя родителями или их предками, то никакие законы, никакие сделки не имели бы силы, и договоры между государствами имели бы только значение личной сделки между государями.

Французский двор, убедившись в несостоятельности своих доводов, прибегнул к новой уловке.

Приверженцы Бурбонов в Испании убедили короля составить новое завещание в пользу Филиппа, на том будто бы основании, что отречение Марии-Терезии имело целью только воспрепятствовать соединению Испании и Франции под одним королем; но так как наследником Испании назначается второй внук Людовика XIV, то обязательство по смыслу вполне соблюдено¹.

Лейбниц возражает, что, во-первых, завещание незаконно. Завещания, особенно те, которые определяют судьбу государств, должны делаться публично. Завещание в пользу Анжуйского принца было вынуждено угрозами у слабого и умирающего государя, которого постоянно запугивали муками ада и ожесточением черни. Наконец, король не имеет права самовольно располагать своим государством вопреки законности и принятым обязательствам. Поэтому необходимо разобрать то истолкование Пиренейского договора, которым оправдываются французы. Ни один порядочный юрист не будет смешивать *условие с причиной* какого-нибудь

¹ Oeuvres de Leibniz. Т. III. P. 382: C'est pourquoi la cour de France, voyant que toute la terre avoit en horreur ces maximes, qui tendoient à violer les sermens les plus exprès et à renverser tout ce qu'il y a de plus sacré parmi les hommes, s'avisait enfin d'un autre expédient et prit le parti de reconnoître la renonciation pour bonne et valable, afin de sauver (si cela se pouvoit) les apparences de la bonne foi. Mais ce fut après avoir forgé une chicane, qui paroissoit propre à en éluder l'effet, et à éblouir ceux, qui se payent de paroles (Вот почему Французский двор, видя, что всему миру ненавистны эти предложения, идущие вразрез с твердыми клятвенными обещаниями и грозящие разрушить все, что только есть между людьми святого, догадался наконец, что есть и иные средства, и решился признать отречение приемлемым и вполне годным для того, чтобы сохранить видимость чистосердечия. Но прежде надо было придумать хитрость, способную свести результат к нулю и очаровать тех, кто довольствуется словами (фр.). — Прим. пер.).

распоряжения. Римское право давно ясно определило это различие. В дигестах* сказано, что если завещатель говорит: «Я оставляю свою землю Тицию, потому что он занимался моими делами», — то постановление остается в силе, даже если бы оказалось, что Тиций не занимался делами завещателя. Но если в завещании сказано: «Я оставляю свою землю Тицию, если окажется, что он сделал то-то и то-то», — то требуется проверка относительно соблюдения указанного условия. В Пиренейском договоре не указана никакой причины, почему Испания требовала отречения инфанта. Причин могло быть очень много, но их не считали нужным обозначать. Поэтому французская партия не имеет никакого права посредством своего толкования навязывать Испании известную причину, почему она требовала отречения, и объявлять, что эта причина теперь не существует¹. Посредством такой уловки можно обойти все частные и общественные договоры. Достаточно придумать какую-нибудь произвольную причину, по которой будто бы состоялся известный договор, и объявить, что эта причина перестала существовать, а вместе с ней и самый договор. Если бы причиной, почему испанское правительство требовало отречения инфанта, было только желание воспрепятствовать соединению обоих государств, в договоре было бы ясно сказано, что инфанта отрывается только за старшего сына; если же у нее будет несколько сыновей, то второй может наследовать Испанию. Неужели можно предположить, что такой ловкий дипломат, как Мазарини, преминул бы ясно обозначить это различие, столь выгодное для Франции?

Но причина, по которой будто бы в Испании потребовали отречения инфанты, вовсе не переставала существовать. Кто же поручится, что в случае смерти старшего внука Людовика XIV второй внук, теперь король Испании, или кто-нибудь из его потомков не взойдет на французский престол и не соединит обе монархии? Единственная гарантия в этом случае — честность Бурбонов, которые постоянно доказывают и словом и делом, что они господа своего слова (*de n'être point esclave de sa parole*). Уже теперь можно

¹ Il faut avoir, que ce qu'on appelle une jurisprudence cérébrine, c'est à dire, que les personnes peu instruites se forment de leur tête sur de légères apparences, pour confondre la *condition* avec la *cause* (Не нужно ничего, кроме так называемой *головой* юриспруденции, когда люди малообразованные по памяти воспроизводят лишь поверхностные смыслы и путают условие с причиной (*фр.*). — *Прим. пер.*).

* Дигесты (*лат.*) — правовые сборники систематически расположенных кратких извлечений из законов и сочинений юристов. — *Прим. ред.*

видеть, как Франция намерена действовать в будущем. Филипп, отправляясь в Испанию, торжественным актом сохранил за собой право на французский престол, а в этот акт не было внесено условие, что он, в случае воцарения во Франции, должен отказаться от Испании.

Наконец, даже если принять французское толкование, нужно сознаться, что Пиренейский договор нарушен. Соединение Французской и Испанской монархий на самом деле совершилось. Эти два соседних государства, управляемых одним и тем же домом, будут находиться в тесном союзе и угрожать свободе Европы. Эта свобода никогда не подвергалась такой опасности, как теперь, когда Людовик XIV от имени своего внука управляет так же абсолютно Испанией, как и Францией.

Пиренейский договор ясно говорит, что он имеет целью устранить весь род Бурбонов от испанского наследия. Инфанта должна была отказаться не только за мужских, но и за женских потомков, которые по французским законам лишены престолонаследия и посредством которых поэтому никогда не могло бы совершиться соединение обеих монархий.

В Пиренейском договоре не указаны причины, почему Бурбоны устранялись от испанского престола. Но этих причин много; например, сохранение равноправности между Испанией и Францией, так как последняя лишает права на престол иностранных принцев, рожденных от французских принцесс; антипатия испанцев к Франции, которая причинила им такое зло; желание сохранить Испанию для Габсбургского дома, правление которого так соответствует нравам испанского народа. Вследствие всего этого в Пиренейский договор было внесено условие, явно уничтожающее всякие уловки и козни. Инфанта должна была отречься от наследства за себя и за своих потомков мужского и женского пола, «что бы они ни говорили в свою пользу и как бы ни доказывали, что причины исключения их не касаются и к ним не относятся — *encore, qu'ils voulussent ou pussent dire et prétendre, qu'en leurs personnes ne se découvrent ni ne se peuvent et doivent considérer les dites raisons de la chose publique ni autres, auxquelles la dite exclusion se pourroit fonder*»*.

Приверженцы Бурбонов утверждают, будто бы народы Испанской монархии охотно признали Филиппа Анжуйского своим ко-

* И далее, пусть ни на что не претендуют, но считаются с приведенными соображениями общественного интереса, а равно со всякими другими, на которых могло бы быть основано данное исключение (фр.). — *Прим. пер.*

ролем. Но желание народов высказывается не посредством чиновников, а посредством народных или провинциальных собраний. Поэтому те, кто захватил по смерти короля в свои руки власть, должны были созвать так называемые *кортесы* в Кастилии и Арагонии, прежде чем решиться на какую-либо меру. Пусть Бурбоны возвратят свободу испанским землям и предоставят им свободно избрать, кого они хотят; пусть они перестанут страшать народ оружием и выйдут из Испании: тогда видно будет, кого желает народ¹.

Предположение, что испанцы будто бы были вынуждены избрать бурбонского принца, чтобы избегнуть раздробления своей монархии, совершенно нелепо. Именно через это избрание испанцы подвергли свою монархию раздроблению, так как Неаполь — лен папы, а Милан и Бельгия — лен императора.

Испанцы будто бы опасались силы Франции; но почти вся Европа была против того, чтобы Бурбоны завладели Испанией; и последняя в союзе с Австрией легко бы устояла против нападений Франции.

В первой половине своего сочинения Лейбниц доказывал несправедливость бурбонских притязаний; во второй он становится ритором, старается действовать на особенности и слабые стороны испанцев, чтобы внушить им опасения и ненависть против французов. Лейбниц выставляет недостатки французского народа и

¹ В черновом тексте своего сочинения о правах Карла Лейбниц резко порицает способ действия французов, которые ссылаются на волю народа там, где это им выгодно. Как видно, Франция рано начала прибегать к *воле* народной (*souveraineté du peuple*), когда этого требовали ее интересы. «Car jé ne sçay si vous oserez soutenir, — восклицает Лейбниц, — que les peuples ont le ponvoir d'oster à un prince la couronne, qui lui appartient, suivant leur bon plaisir. Ce principe des ennemis des monarchies, que mettent tout le suprême pouvoir dans le peuple, estant hautement désapprouvé et passant pour sédition en France comme l'auteur des avis aux réfugiés a fort bien montré, cependant, comme vous pourriez avoir double poids et double mesure, approuvant et désapprouvant des dogmes suivant vos intérêts, il faut encore vous forcer dans le dernier retranchement» (Ибо не знаю, отважитесь ли вы утверждать, что народы обладают властью лишать государя короны, принадлежавшей ему с их одобрения. Этот принцип, коего придерживаются враги монархии, считающие, что вся высшая власть принадлежит народу, в высшей степени предосудителен и считается во Франции мятежным, что хорошо показал автор «Советов беглецам» (известная в то время политическая брошюра. — Прим. В. Герье), однако коль скоро у вас есть два разных мерила, чтобы одобрять или не одобрять ту или иную догму в зависимости от вашей выгоды, то ваши доводы нужно сначала опровергнуть (фр.). — Прим. пер.). Затем Лейбниц начинает объяснять, как выше, что не камарилья, призвавшая Бурбонского принца в собрание кортесов, должна была считаться представительницей испанского народа (*Oeuvres de Leibniz*. Т. III. Р. 308).

правительства и описывает бедствия, которым подвергнется Испания при господстве французов. Он указывает на контраст между испанским и французским национальным характером¹ и описывает в резких чертах упадок нравственности во Франции, особенно в отношениях обоих полов.

Затем Лейбниц обращает внимание испанцев на неповиновение французов папе, на союз их с магометанами и происшедшие из этого бедствия для христиан, наконец на атеизм, все более и более распространяющийся во Франции². «Даже теперь, под управлением набожного, строгого и абсолютного короля, распущенность и неверие достигли крайнего предела».

В заключение Лейбниц рисует страшную картину бедствий, в которые повергнул Францию деспотизм Людовика XIV и которые неминуемо обрушатся на Испанию. В тесных пределах одной страницы Лейбниц сводит итог царствования Людовика XIV, и эта страница представляет самую верную и красноречивую критику правления *великого короля*.

В интересах, как и в наклонностях бурбонского короля, — говорит Лейбниц, — сделаться самодержавным, чтобы пользоваться деспотической властью. Известно, что такая форма правления установилась во Франции, что она там восхваляется льстецами и что внук французского короля не может не быть пропитан этими убеждениями. Свободу вельмож и народов там обратили в ничто; произвол короля там все заменяет, даже принцы крови не имеют никакого авторитета; вельможи не

¹ Mais du coté des François, c'est tout le contraire. On ne se donne point de repos, et on n'en laisse point aux autres; le grave et le sérieux passe pour ridicule, et la règle ou la raison pour pedantesque; le caprice, pour quelque chose de galant, et l'inégalité dans la façon d'agir avec les gens, pour une adresse; on se fourre dans les maisons; on poursuit les gens jusques chez eux, on fait des querelles mal-à-propos, etc. (С французами же все как раз наоборот. Они сами не отдыхают и не дают перевести дух другим; все строгое и серьезное сходит у них за смешное, установление правил и резонов считается проявлением педантизма; каприз рассматривается как признак галантности, а непостоянство в обхождении с людьми — как жизненная ссорка; у них люди подвергаются преследованиям, затеваются ничтожные ссоры и т. п. (фр.). — Прим. пер.).

² Mais le pis de tout est que l'athéisme marche déjà en France tête levée, que les prétendus esprits forts y sont à la mode et que la piété y est tournée en ridicule. Ce venin se répand avec l'esprit françois, et partout où ce génie met le pied et se rend supérieur, il le porte avec lui. Se soumettre à la domination françoise, c'est ouvrir la porte à la dissolution et au libertinage... (Но хуже всего то, что атеизм уже разгуливает по Франции с поднятой головой, что там вошли в моду так называемые «вольномудцы» и благочестие стало вызывать насмешку. Этот яд разливается вместе с французским духом, и всюду, где последний утверждается и начинает преобладать, он приносит с собой и его. Подчиниться владычеству французов — значит отворить двери разложению и распущенности (фр.). — Прим. пер.).

более как титулованные особы и разоряются все больше и больше, между тем как возвышают незначительных лиц, служащих орудием для притеснения других. В областях, где сохранились провинциальные собрания, их созывают только для вида, и они служат для исполнения королевской воли; их же собственные неудовольствия и жалобы остаются без внимания. Дворянство обеднело до крайности; постоянно притесняемое придирками и взысканиями, оно принуждено истощать себя в королевской службе и жертвовать своим имуществом и кровью для тщеславия завоевателя, между тем как оно питается одними несбыточными надеждами на обогащение и повышение, которые достаются на долю очень немногим. Чиновников, обогатившихся в гражданских и особенно в выгодных должностях на счет общественного достояния (так как правительство их разнуздало), потом выжимают, как губку, ревизиями их счетов и служебных дел, продажей должностей, учреждением новых мест и требованием без всякого основания больших сумм, которые они принуждены выплатить, чтобы избавиться от преследований. Народ безжалостно подавлен и доведен до хлеба и воды подушными пошлинами, налогами, зимним постоем и проходом войска, монополиями, изменениями монеты, которые вдруг лишают всех значительной части достояния, и тысячами других изобретений. И все это идет только на ненасытный двор, который не заботится о своих настоящих подданных, но старается еще увеличить число несчастных, расширяя свои владения. Теперь, когда все народы Испанской монархии подвергаются опасности подпасть той же участи, неужели настоящие испанцы, любящие свое отечество и дорожащие честью народа, останутся равнодушны?

Между тем разразилась великая война за испанское наследство. Людовик XIV со свойственным ему высокомерием успел увеличить число своих врагов. Его войска заняли от имени нового испанского короля Бельгию и возбудили этим в Голландии прежний страх французского соседства. По смерти изгнанного английского короля Иакова Людовик провозгласил его сына королем, и этим глубоко оскорбил религиозное и национальное чувство англичан. Королева Анна против своего желания была вовлечена в войну с Францией. Парламент назначил громадные суммы для военных издержек, и в начале 1702 г. морские державы Англия и Голландия заключили с Леопольдом союз против Франции, в котором приняли участие Империя, Савойя и Португалия. Франция привыкла к европейским коалициям. В Рисвике она предписала мир еще более страшной коалиции. Тогда на стороне врагов была Испания со своими многочисленными провинциями, теперь же Испания была во власти французов и своими средствами увеличивала их могущество. Бавария и архиепископ Кёльнский также приняли ее сторону, и французские войска в соединении с баварскими проникли вглубь Германии и угрожали самой Вене.

Но эта последняя война Людовика XIV была наказанием за все прежние политические его ошибки, за его насилия и пренебрежение к праву других. Старый деспот, который в наивном ослеплении видел в своем эгоизме божественное призвание и в минуты успеха говаривал, что победы — признак одобрения и избрания со стороны самого Неба, определившего подчинить все державы одной, теперь испытал на себе горькую иронию судьбы¹.

Никогда еще французские войска не подвергались таким поражениям, никогда Франция не была так истощена и разорена. Европе представилось невиданное зрелище. Два полководца, различные по национальности и по характеру, но равные по гениальности, действовали заодно без малейшей зависти и с полнейшим единодушием. Их войска были набраны из самых разнообразных народностей и принадлежали многочисленным правительствам, нередко соперничавшим друг с другом; военные издержки поступали из нескольких казначейств; снабжение войск провиантом было крайне затруднительно и запутано, и, несмотря на это, военные действия от Швейцарии до устьев Рейна предпринимались как бы по одному плану и исполнялись с необыкновенной точностью и быстротой.

Два раза Франция просила мира, и два раза ее предложения были отвергнуты. Казалось, пришло время отнять у Франции все завоевания XVII в., все насильственные захваты ее, ослабить ее восточную границу и надолго лишить ее возможности беспокоить Европу своим честолюбием.

Но в самую решительную минуту измена нескольких интриганов в Англии неожиданно спасла Францию. Вследствие блестящих успехов войны, в английском народе и парламенте получила перевес партия вигов. Тори и тайные приверженцы претендента, поддерживаемого Францией, должны были выйти из министерства. Но преследования, которым господствующая партия подвергла крайних приверженцев англиканской церкви и торийских легитимистов, явно проповедовавших против устранения от престола законного наследника — Стюарта, и перемена в личных отношениях королевы к жене герцога Мальборо произвели мало-помалу реакцию при дворе и в народе. В конце 1710 г. был распущен парламент, а новый был более расположен к ториям, чем к вигам. Гарлей и Сент-Джон (лорд Болингброк), главные приверженцы пре-

¹ Les victoires sont l'élection et les suffrages du ciel même, quand il a résolu de soumettre les autres puissances à une seule (Oeuvres de Louis XIV. I. P. 71). См.: *Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité. T. XI.*

тендента, снова вступили в министерство. В начале 1711 г. они вступили в тайные сношения с Французским двором. К счастью для Франции и для ториев, в это самое время умер император Иосиф, и брат его Карл сделался наследником всех австрийских и испанских земель, т. е. всей монархии Карла V.

Естественно было ожидать, что Англия и Голландия теперь станут смотреть равнодушнее на водворение Бурбонов в Испании и не захотят изнурять себя войной, для того чтобы создать новую громадную монархию, опасную для европейского равновесия. Вопрос мог встать только о том, что именно отделить от королевства Анжуйского принца и чем вознаградить притязания Габсбургов. Если бы жив был Вильгельм Оранский, Европа увидела бы, вероятно, новую политическую комбинацию, выгодную для нейтральных держав и для успокоения Европы. Испанию, вероятно, получил бы герцог Савойский, по женской линии происходивший от Филиппа II. Принц Анжуйский получил бы Неаполь и, может быть, Савойю, а Франция была бы удовлетворена тем, что в случае пресечения Анжуйской линии эти земли достались бы ей. Австрия была бы вознаграждена Миланом и Бельгией, а может быть, даже Бельгия досталась бы курфюрсту Баварскому, союзнику Франции, и была бы нейтрализована общей гарантией. Австрия же получила бы в этом случае Баварию. Последнее было бы чрезвычайно выгодно для нее — она стала бы твердой ногой в Германии и не была бы поставлена в необходимость постоянно защищать отдаленные Нидерланды от нападения Франции.

Из сочинений Лейбница видно, что подобный проект действительно существовал и был даже предложен Людовику XIV. Но в Европе не было тогда твердой руки, которая могла бы привести его в исполнение; всего более противилась ему Австрия, которая никогда не умела вовремя отказаться от своих притязаний и своим упорством часто лишала себя самых больших выгод.

1 января 1712 г. Мальборо лишился звания главнокомандующего английскими войсками. Напрасна была поездка Евгения Савойского в Лондон, где он своей популярностью в народе думал подействовать на королеву и министерство. Должность Мальборо была поручена Ормонду, ревностному якобиту, который не слушался Евгения и был причиной поражения союзников при Денене (Denain). В конце января начались переговоры в Утрехте; но не здесь решилась судьба испанского наследства, а в тайных сношениях английских министров с французским правительством. Торийские министры заботились только о том, чтобы выговорить для Англии различные торговые выгоды в испанских колониях, и пре-

дали своих союзников, Голландию и Германию, на производ Франции; Голландия боялась отстать от Англии — императору был предложен ультиматум, и осенью 1712 г. заключено перемирие для приостановки военных действий, за исключением Каталонии и Рейна.

По Утрехтским прелиминариям*, Испания и ее колонии должны были остаться за Филиппом, Австрия должна была получить Неаполь, Милан и Бельгию, Савойя получала Сицилию, курфюрстам Баварскому и Кёльнскому возвращались все их владения, а первый, кроме того, получал еще и Сардинию. Границы же между Францией и Германией определялись по Рисвикскому миру, чрезвычайно невыгодному для последней.

Лейбниц был глубоко огорчен известием об этих условиях. Соединение Испании и Франции под одной династией заставляло его опасаться за спокойствие Европы; но всего более был оскорблен его патриотизм. Германия должна была упустить навсегда удобный случай вернуть области, насильственно у нее отнятые, Эльзас и Страсбург. Голландия выговорила себе со стороны Франции *барьер*: т. е. пограничные крепости между Францией и Бельгией должны были принять голландские гарнизоны. Германия же оставалась беззащитной со стороны Франции — все крепости на верхнем Рейне были в руках последней, и она во всякое время могла свободно вторгнуться в южную Германию.

Лейбниц жалел, что он не в Вене. Он надеялся там своими советами и настояниями приобрести влияние на дела и послужить интересам своего отечества. Его изобретательному уму представилась новая политическая комбинация, с помощью которой можно было вернуть потерянное и заменить союз с Англией. В восточной половине Европы шла в это время Северная война; по окончании турецких дел Петр Великий поспешил в Германию и старался побудить своих союзников: Саксонию, Пруссию, Данию и Ганновер, к более решительным действиям против Швеции. Он предлагал Австрии свой союз, но та медлила со свойственной ей нерешительностью и недоверчивостью.

Что, если бы Австрия примкнула к северному союзу, если бы Карл VI, в качестве императора, конфисковал шведские провинции в Германии и уступил бы их союзникам? Этой ценой он мог бы привлечь на свою сторону весь северный союз и с его помощью обойтись без субсидий Англии и Голландии. Русские войска

* Прелиминарии (*лат.*) — предварительные переговоры, соглашения. — *Прим. ред.*

явились бы на Рейне, и тогда было бы легко завоевать Эльзас и Страсбург и добыть себе крепкий оплот против нападения Франции.

Судьба, казалось, благоприятствовала планам Лейбница. В 1711 г. он был представлен Петру Великому в Торгау, где праздновался брак между царевичем Алексеем и Софьей Вольфенбюттельской, внучкой Антона-Ульриха. В следующем году Карл VI сам обратился к Антону-Ульриху, своему родственнику, с просьбой принять на себя посредничество в отношениях между Австрией и Россией.

Петр в это время находился в Карлсбаде. Антон-Ульрих¹ отправил туда Лейбница с тайным поручением к русскому царю. Поручение было устное. Лейбниц должен был приложить все старания, чтобы содействовать к сближению обоих императоров, недавно породнившихся. Никакое поручение не могло быть так приятно Лейбницу; с его помощью он надеялся осуществить свой план и привлечь северный союз в войну с Францией.

В Карлсбаде Лейбниц был принят очень хорошо. Еще за год перед тем в Торгау ему обещали дать чин тайного советника и значительную пенсию, с тем чтобы он представлял русскому правительству свои соображения насчет судебных и финансовых реформ и развития просвещения в России. Теперь в Карлсбаде был издан об этом указ, и Лейбниц официально вступил в русскую службу. Из Карлсбада, где он старался узнать желания русского правительства и его расположение относительно австрийского союза, Лейбниц отправился в Вену.

На этот раз Лейбниц имел большой успех при Венском дворе, несмотря на господствовавший там строгий этикет. Он был лично известен обеим императрицам — вдовствующей супруге Иосифа I и Елизавете-Христине, супруге Карла. Обе они были из Брауншвейгского дома и выросли на его глазах. Первая была дочерью герцога Иоганна-Фридриха, и мы видели, какое участие принимал Лейбниц в ее сватовстве². Вторая была внучкой Антона-Ульриха. Сам император давно знал о Лейбнице, так красноречиво защищавшем его права в своем манифесте. Он не только принимал Лейбница на аудиенциях, но приглашал его бывать во дворце и часто беседовал с ним, устраняя всякий этикет.

¹ Письмо Антона-Ульриха к Петру, из архива Министерства иностранных дел, см. ниже, в главе VIII, посвященной отношениям Лейбница к Петру.

² У Фуше де Кареля (Т. II. Р. 148) напечатано очень интересное письмо Лейбница на английском языке к матери принцессы Амалии, в котором он сообщает ей об интригах при Венском дворе против брака ее дочери.

Лейбниц пробыл в Вене два года, и это время было самым плодотворным в его политической деятельности. Теперь он уже не был частным человеком в Вене; часто виделся с министрами и получал прямо от них сведения, необходимые для его сочинений¹. Из различных черновых бумаг Лейбница мы видим, какие советы он давал императору и австрийским министрам². Лейбниц настаивал на необходимости вступить в сношение с северными союзниками и старался указывать, каким образом достать средства для продолжения войны.

Между тем в апреле 1713 г. в Утрехте был подписан мир между Францией и Англией с Голландией. Император Карл отказался за себя и за империю от участия в нем. Шлоссер осуждает за это своих соотечественников со свойственной ему резкостью³. Его упреки справедливы, если иметь в виду оплошность, с которой действовали немецкие князья, и безуспешность войны. Но намерение князей продолжать войну заслуживает, напротив, одобрения с патриотической точки зрения. Нужно перенестись в то время. Империя вела 10 лет тяжелую войну с Францией, и в первый раз с блестящим успехом; вдруг ее оставляют союзники, и ей предлагают невыгодные и даже постыдные условия. Естественно, что патриотическое негодование овладело лучшими людьми в Германии и что они требовали напряжения последних сил, чтобы принудить Францию к выгодному миру. Даже на сейме, против обыкновения, было заметно некоторое воодушевление. Там зашла даже речь о народном ополчении против Франции. Национальное чувство было сильно возбуждено. Евгений Савойский в собрании князей в Майнце поручился своей головой, что с 80-тысячной армией и 300-тысячным плохо вооруженным ополчением он доставит им-

¹ Фуше де Карель (Т. IV) напечатал записку Лейбница, в которой обозначены дипломатические документы, полученные им из придворной канцелярии.

² Сюда относятся статьи: «Consultation abrégée sur l'état des affaires» и «Moyens» («Краткие заметки о состоянии дел» и «Средства» (фр.). — Прим. пер.) в издании Фуше де Кареля (Т. IV).

³ Schlosser. Gesch. d. 18 t. Jahrh. I. P. 104: Die Deutschen waren stolz und thöricht genug, ohne im Stande zu sein den Krieg fortzusetzen, die Bedingungen zu verschmähen, unter denen man ihnen in Utrecht den Frieden aubot (Немцы оказались настолько кичливы и глупы, что не смогли продолжать войну и с презрением отвергнуть условия мира, предложенные им в Утрехте (нем.). — Прим. пер.). Ibid. P. 108: Niemand bedauerte Kaiser und Reich, als sie im längeren Kampfe nur neuen Schimpf auf sich luden (Никому не жаль было императора и империю, в ходе долгой борьбы лишь навлекавших на себя новые упреки (нем.). — Прим. пер.). Совершенно иначе смотрит на дело беспристрастный француз, издатель Лейбницева сочинения (Т. VI. Introduction. P. 50 sq.).

перии в 4 недели такой мир, который избавит ее надолго от всяких нападений.

Лейбниц может служить нам самым лучшим представителем господствовавшего тогда общественного мнения. Он находился в самых близких отношениях к принцу Евгению и хорошо знал положение дел. Лейбниц настаивал на войне. Совершенно несправедливо обвинение, будто бы в этом случае он поддельвался под политику Австрии. Напротив, он был в Вене представителем немецких интересов и старался своим влиянием поддерживать патриотическую партию при дворе¹.

В своих записках, предназначенных для императора, Лейбниц старается прежде всего внушить ему бодрость и твердость. Он указывает на пример Людовика XIV, который в счастье и несчастье всегда сохранял ровность духа и никогда не увлекался, во вред своим интересам, страстями, раздражением или мстостью. Лейбниц убеждает императора, что ему нечего отчаиваться. Он сравнивает дряхлость французского короля с молодостью и предприимчивостью императора, которого он называет восходящим солнцем, доказывает, что Франция больше изнурена войной, чем Германия, и что немецкие князья в состоянии выставить более значительные контингенты. Можно быть уверенным, говорит он, что в Европе скоро последует политический переворот, выгодный для императора.

Multa dies variusque labor mutabilis aevi
Retulit in melius; multos alterna revisens
Lusit et in solido rursus fortuna locavit*.

Интриги торийских министров и козни Франции, чтобы возвести претендента на английский престол, неминуемо произведут переворот в общественном мнении Англии, благоприятный для союза с императором. Англия, вследствие своей ненависти к постоянной армии, теперь обезоружена, и Франция, наверное, воспользуется этим, чтобы сделать высадку в пользу претендента. Малейшая попытка в этом роде вызовет новую коалицию Англии и Голландии против Франции. Кроме того, всякий успех Франции на Рейне заставит голландцев опасаться за себя и принять сторону Германии.

¹ См. об этом введение к т. IV сочинений Лейбница, в котором издатель старается оправдать его против обвинений, выставленных в диссертации Лезера.

* Свет дня и многообразный труд меняющихся поколений многое изменил к лучшему; переменчивая судьба играет многими, а потом вновь опускает их на твердую почву (лат.). — Прим. пер.

Но Лейбниц не останавливается на надеждах и предположениях. Он настаивает на том, чтобы император вступил в соглашение с державами, соединившимися против Швеции. В Пруссии вззошел на престол молодой король, жаждущий славы; его легко вовлечь в более деятельную войну с Францией, если ему предоставить часть шведской Померании, которую Пруссия давно желает приобрести. Еще отец короля делал в Барселоне известные предложения насчет Померании, которые тогда были отвергнуты. Курфюрст Ганноверский чрезвычайно опасается за наследство английского престола и потому охотно примет участие в войне с Францией, особенно если ему обещать шведскую провинцию Бремен или Верден. Пример Ганновера и Пруссии увлечет за собой остальную Германию. Саксонию и Данию также можно привлечь, уступив им что-нибудь из шведских провинций в Германии.

Но самый важный из северных союзников — царь. Он, кажется, расположен вступить в соглашение с императором. Конечно, здесь надо быть осторожным, чтобы не дать туркам повода объявить войну Австрии, ибо это был бы верх несчастья. Поэтому лучше всего отложить заключение союза с царем до тех пор, пока не последует мир или по крайней мере перемирие между Турцией и Россией. Можно теперь же заключить с ним договор, с тем чтобы он вошел в силу по заключении прочного мира с турками. Впрочем, лучше всего отсрочить этот договор, а между тем вступить с царем в соглашение и удовлетворить его, предоставив ему те же привилегии в церемониях, которыми пользуются другие могущественные государи.

Соглашение с царем относительно Франции можно устроить посредством его союзников — Саксонии и Пруссии. Царь мог бы, на известных условиях, уступить им часть своего войска и отправить его на Рейн. «Московские войска, — говорит Лейбниц, — как доказано опытом, послушны и соблюдают строгую дисциплину, если этого хотят их начальники; они стоят гораздо меньше, чем наши, и отлично переносят всякие труды». Царь согласился бы тем скорее прислать их на помощь, что это было бы для них хорошей военной школой.

Союз с царем мог бы принести и другие важные выгоды. С его помощью было бы нетрудно привлечь Голландию в коалицию. В настоящее время, как и в 1670 г., когда не было штатгальтера*, город Амстердам занимает первенствующее положение в респуб-

* Штатгальтер (нем.) — глава исполнительной власти в Голландии в конце XVIII в. — *Прим. ред.*

лике и дает направление политике Генеральных Штатов сообразно со своими интересами. Если бы царь согласился уменьшить слишком обширные торговые выгоды, предоставленные англичанам в России, и перенести их на Амстердам, то можно было бы этой ценой купить союз Голландии.

Подобные предложения и советы составляют содержание многочисленных записок и заметок, написанных Лейбницем для императора и министров¹. Так как они изданы по черновым бумагам Лейбница, сохранившимся в Ганновере, то трудно решить, которые из них дошли до своего назначения. Но из них видно, что Лейбниц прямо обращался к Карлу VI. В одном письме к нему он говорит: «Героическое решение Вашего Величества продолжать войну против Франции, чтобы поднять честь немецкого народа и благосостояние отечества, достойно самых великих похвал. Оно требует в высшей степени бодрости и благоразумия. Господь наделил Ваше Величество этими двумя качествами», и т. д.²

Из советов Лейбница видно, что он действовал по согласию с Евгением Савойским. Лейбниц, например, убеждает императора, что для сближения с северными союзниками лучше всего было бы послать в Берлин принца Евгения, а в Польшу и к Петру другое доверенное лицо — вероятно, он разумет себя. Евгений советовал императору променять Бельгию на соседнюю Баварию, и Лейбниц также настаивал на этом. Как известно, австрийская политика схватилась за эту мысль 60 лет спустя, когда было уже поздно.

Лейбниц старался действовать не только на Венский двор, но и на общественное мнение в Европе. Для этой цели он написал свой обширный трактат против Утрехтского мира: «la Paix d'Utrecht est inexcusable»*. Все необходимые для этого документы Лейбниц получал из Министерства иностранных дел, и один из министерских чиновников должен был помогать Лейбницу при составлении трактата. Он предназначался к изданию в Голландии вместе с другим официальным трактатом, уже прежде изданным, в котором австрийское правительство объясняло, почему оно не могло принять участие в Утрехтском мире.

¹ Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. T. VI. — Самые интересные из них: «Considérations relatives à la paix ou à la guerre», «Kurzes Bedenken über den Lauf des gemeinen Wesens» etc. («Краткие замечания о мире или войне» (фр.), «Краткие размышления о течении общественной жизни» (нем.). — Прим. пер.).

² Отрывок из неизданного письма Лейбница у Фуше де Кареля (Ibid. T. IV. Introd. P. 12).

* «Утрехтский мир непростителен» (фр.). — Прим. пер.

Лейбниц преимущественно имел в виду общественное мнение в Англии, где господствовали тори, и потому дал своему трактату форму послания к торийскому лорду. Эпиграфом Лейбниц выбрал стих Лафонтена, в котором поэт хвалит мир, но только безопасный:

Jusqu'à la sureté (c'est la loy)
 Il faut faire aux méchans une guerre immortelle.
 La paix est fort bonne de soy,
 J'en conviens, mais à quoy sert-elle
 Avec des ennemis sans foy?*

Лейбниц вначале опровергает оправдание английского министерства, что оно было принуждено к миру недостатком денег. Лейбниц доказывает, что деньги на следующую кампанию уже были назначены парламентом. Во всяком случае нужно было действовать искренно с союзниками и не вести переговоров без их ведома. Франция была доведена до крайности, и союзники готовились вторгнуться в нее, когда вдруг английское правительство остановило их.

Вашему народу, — говорит Лейбниц, — принадлежит честь того, что Франция не только спасена, но что ей возвращены высокомерие и все ее надежды, из которых главная заключается в том, чтобы разрушить английскую свободу. Преждевременный мир лишил Англию громадных выгод; ибо она могла бы легко потребовать для себя Вест-Индию или по крайней мере устье Миссисипи, где Франция основывает теперь новые государства. Те из советников, которые хлопотали о мире, действовали во вред интересам, безопасности и свободе Англии и только благоприятствовали Франции — несправедливости, деспотическому произволу и всему, что может послужить к возвращению претендента на престол Англии. Пусть приверженцы свободы и протестантского наследия не слишком рассчитывают на него, хотя оно и упрощено законами и клятвами. Ведь в войне с Францией не помогли ни договоры, ни обещания. Недавно еще, в декабре 1711 г., королева в своей тронной речи сказала, что «ей было бы неприятно, если бы кто-либо мог думать, что она не употребит последних усилий, чтобы отнять у Бурбонов Испанию и Америку». А через несколько месяцев после того был заключен Утрехтский мир.

Затем Лейбниц обращается к голландцам и доказывает, как безрассудно они поступили, заключив преждевременный мир с Францией. Теперь Голландия отдала себя на произвол державы,

* Пока не будет достигнута безопасность (пока не утвердится закон), придется вести нескончаемую войну с людьми злонамеренными. Я согласен, что мир хорош сам по себе, но к чему он, когда ты окружен вероломными врагами? (фр.). — Прим. пер.

которой она только что нанесла смертельное оскорбление. Французы никогда не простят ей унижения, которому они подверглись во время переговоров в Гааге и Гертруйденбурге. Лейбниц напоминает голландцам о самнитянах, которые отпустили на свободу римлян при Каудинских ущельях, нанеся им самое жестокое оскорбление, и потом дорого за это заплатились. Он сравнивает голландцев со страусом, который, спрятав голову, считает себя защищенным. Голландцы полагают, что они обеспечили себя, выговорив барьер в Бельгии. Этот барьер прикрывает их только с фронта; если же французы займут левый берег Рейна, то повторится для них страшная опасность 1672 г., когда французы со своими немецкими подручниками зашли к ним с тыла. Но может случиться еще хуже. Если Франции удастся возвести претендента на английский престол, тогда в Мадриде и Лондоне будут сидеть наместники французского короля, тогда Америка и Индия будут принадлежать Франции, и в ее руках будет вся европейская торговля. Тогда Людовик назначит также штатгальтера в Голландию, и последняя сделается французской провинцией.

По этому поводу Лейбниц касается одной французской брошюры, написанной в ответ на книгу «*Les sourirs de l'Europe*»*. Автор брошюры доказывает, что враги Франции впадают в противоречие. Они жалуются, что Франция слишком могущественна, и в то же время утверждают, что они легко с ней справятся. Лейбниц говорит, что все это гораздо вернее применить к императору. Англия и Голландия покинули его под предлогом, что если он овладеет Испанией, то будет слишком могуществен, а в то же время они извиняют свое вероломство тем, что война лежит на их плечах, и император слишком слаб, чтобы принять в ней деятельное участие. Лейбниц опровергает оправдание Англии и Голландии, что они не обязались будто бы завоевать для Карла Испанию и Америку. Он приводит текст трактата 1701 г., в котором сказано, что Франция и Испания до такой степени тесно соединены, что составляют как будто одно государство. От этого соединения они приобрели такое могущество, что легко могут подчинить себе всю Европу. Вследствие этого между морскими державами и императором заключается союз, по которому первые обязуются доставить императору справедливое и надлежащее удовлетворение (*satisfaction juste et raisonnable*) относительно испанского наследства.

Чтобы отнять всякое сомнение, что под этим удовлетворением разумели Испанию и Америку, Лейбниц приводит текст второго

* «Стены Европы» (фр.). — Прим. пер.

трактата, заключенного в 1703 г. между теми же державами. Там прямо сказано, что союзники обязываются доставить Карлу Испанскую монархию в том объеме, в каком она находилась при Карле II, и не заключать ни перемирия, ни мира без взаимного согласия до тех пор, пока внук Людовика XIV не оставит Испанию.

То же самое обязательство было повторено несколько раз в парламентских постановлениях и в речах королевы. Неожиданная смерть императора Иосифа не могла снять с морских держав этого обязательства. Соединение Испании и Австрии под одним государем не страшно для Европы — обе эти страны отдалены друг от друга, и сообщение между ними легко прервать. Совершенно иное дело — слияние Франции и Испании: соединение их под двумя королями одного дома гораздо опаснее, чем соединение Испании и Австрии в одной руке, ибо государи Испании и Франции связаны узами крови, общими интересами, а главное — географическим положением. Франция и Испания на самом деле представляют одно государство, страшное для Европы: *une union réelle et formidable**.

Слова Лейбница оправдались: Англии пришлось дорого заплатить за то, что она допустила Бурбонов овладеть испанским престолом. В продолжение всего XVIII в., пока Бурбонская династия сидела на престоле Франции, Испания следовала ее политике и была для нее верным вассалом в борьбе с Англией.

Морские державы, продолжает Лейбниц, не только нарушили свои обязательства относительно императора, но поступили также вероломно относительно империи. В 1702 г. Англия, Голландия и император заключили договор с четырьмя округами Германии — Верхне-Рейнским, Франконским, Швабским и Кур-Рейнским, по которому последние обязаны приступить к коалиции. За это им обещали, что союзные державы никогда их не покинут, а употребят все старания, чтобы вознаградить их и возвратить им города и земли, отнятые Францией¹.

¹ Как известно, Германия разделялась на 10 округов, которые имели свои особенные директории. 8-я статья договора, на который ссылается Лейбниц, гласит: *Stipulantur sibi ut inter alia, praecipuis etiam redintegrationis superiorum imperii circulatorum, mediante restitutione tot ab iis avulsorum commembrorum, civitatum, terrarumque in pristinum statum et jura, quibus ante avulsionem ab imperio gavisii sunt, cura ratioque habeatur, nullumque mediorum ad eam conducentium omittatur* (Признавая приоритет восстановленного единства упомянутых округов, после возвращения всех отторгнутых от них членов, городов и земель, выговаривают себе среди прочего прежний статус и права, коими те пользовались до отторжения от империи, чтобы заботиться о них, управлять ими, не пренебрегая никакими средствами для их удержания (*лат.*). — *Прим. пер.*).

* Союз реальный и ужасный (*фр.*). — *Прим. пер.*

Несмотря на громадные жертвы, которые эти округа принесли общему делу, английские уполномоченные относились к ним в Утрехте с крайним пренебрежением, и вместо вознаграждения их ожидала потеря всего, что им принадлежало на левом берегу Рейна.

В Утрехтском договоре сказано: «Рисвикский мир будет восстановлен; Рейн будет служить барьером между Францией и Империей». Что же это значит, неужели весь левый берег Рейна с владениями четырех курфюрстов должен отойти к Франции? Но положим, что здесь неточность в выражении и что под барьером Рейна разумеют только Эльзас. Следовательно, то, что захвачено у Германии во время мира, теперь отчуждается от нее навсегда, и это называется ее барьером? В этом случае не Франция дает Империи обеспеченную границу, а Империя Франции, которая в этом не нуждается. В 5-й статье прелиминарий, предложенных самой Францией, сказано, что король даст свое согласие на устройство безопасного и надлежащего барьера для охранения Германии; очевидно, что этого нельзя сделать, если не удалить французов от Рейна и не вернуть Германии Эльзаса и Страсбурга. Рейн — безопасный и надлежащий барьер (*une barrière sure et convenable*) для Франции, но не для Германии, ибо Франция может в каждую данную минуту перейти его с войском и вторгнуться в Германию.

Рассказав подробно весь ход переговоров, предшествовавших Утрехтскому миру, и раскрыв недобросовестность и вероломство английских министров, Лейбниц начинает разбирать одну за другой все статьи мирного договора. Он доказывает, как несправедлива статья, определяющая вернуть курфюрстам Баварскому и Кёльнскому, несмотря на их измену, все их владения и первого, кроме того, вознаградить королевством Сардинией; как несправедливо требовать от императора, чтобы он возвратил владельцам графство Комакио, герцогства Мирандолу и Мантую, конфискованные за измену, а герцогиню Орсини (*Des Ursins*) обеспечил бы имениями в Бельгии, обещанными ей Филиппом V. Лейбниц указывал, наконец, на бесчеловечность и вероломство, с которыми храбрые каталонцы, восставшие против Филиппа в надежде на союзников, были преданы в жертву французам, и т. д.

В заключение Лейбниц снова возвращается к опасным последствиям, которые этот мир будет иметь для Англию, и рисует страшную картину бедствий, ожидающих Англию, когда претенденту удастся с помощью Франции овладеть отцовским престолом¹.

¹ Si le loup vient sous la peau de l'agneau, s'il fait semblant de s'accomoder à vos loix, si les mauvais citoyens, traîtres à leur patrie, portent les peuples à le recevoir, il

Никто не сознавал лучше Лейбница связь между двумя великими политическими моментами этого времени — умиротворением Европы посредством победы над Францией и упрочением свободы в Англии посредством водворения протестантского наследника из Ганноверской линии. Последние годы его жизни были посвящены исключительно этим двум вопросам. Он сделался при Венском дворе главным ходатаем за интересы либеральной партии в Англии и старался извлечь из своих связей с этой партией всевозможную пользу для Габсбургов и Германии.

В 1713 г. явился в Вену шотландец Кер-оф-Керсленд, один из самых деятельных приверженцев Ганноверской династии, с тайным поручением от своих друзей. Кер играл важную роль в политических смутах Англии, как главный руководитель энергетической секты камеронианцев¹.

В это время в Шотландии были три политические партии: приверженцы епископальной церкви, пресвитериане и камеронианцы. Первые стояли за Стюартов; к ним принадлежали все шотландские горцы, которые потом так храбро проливали свою кровь за претендентов. Камеронианцы и пресвитериане были за наследие протестантской династии. Когда в 1660 г. Стюарты возвратились в Англию, Карл II стал притеснять пресвитерианскую церковь в Шотландии и искусно вселил в нее раздор. Он предложил пресвитерианам такие условия, что только умеренные между ними согласились их принять, крайние же составили особенную секту — ка-

ruinera vos libertés par degrés: point de parlement triennal, point d'anciennes chartes des villes, point d'habeas corpus, point de juges intègers; tout plein de faux témoins, de jurés corrompus, d'évêques clochans, de juriscultes courtisans, de satellites du pouvoir arbitraire, de ministres, généraux, amiraux vendus aux Bourbons et à leur créature, d'assassinats et d'expéditions occultes, semblables à celle du comte d'Essex. De nos jours enfin, un état de choses incomparablement plus désespéré, que sous Charles II et sous Jacques II (Если волк обрягается в шкуру ягненка, если он притворяется, что согласен жить по вашим законам, и если злонамеренные граждане, изменники родины, уговаривают народ принять его к себе, то он мало-помалу уничтожит все ваши свободы: не будет ни избираемого на три года парламента, ни старых городских хартий, ни права habeas corpus, ни неподкупных судей; всюду расплодятся лжесвидетели, продажные суды, нечестивые пастыри, угодливые юрисконсульты, поборники беззакония, продавшиеся Бурбонам и их ставленнику министры, генералы и адмиралы, убийства и тайные заговоры, подобные тем, что замыслил граф Эссекс. И это при том, что в наши дни положение вещей несравнимо более отчаянное, чем при Карле II и Якове II (фр.). — Прим. пер.).

¹ См. интересную записку Кера «Political Memoir» о политических партиях в Шотландии и интригах якобитских министров, напечатанную в т. IV сочинений Лейбница (р. 292).

меронианцев, священники которых подвергались преследованиям и проповедовали в полях и лесах. Камеронианцы несколько раз восставали против Карла II, и в этих восстаниях ими предводительствовали отец и старший брат Кера. Этот же брат Кера более всех содействовал успеху Вильгельма Оранского во время революции 1688 г. Он напал со своей партией на гарнизон Якова II и осаждал Эдинбургский замок до тех пор, пока шотландский конвент не отрешил Якова II и не подоспели английские войска. После смерти своего брата в битве при Стенкиркене Джон Кер стал во главе камеронианцев, хотя не разделял их узких убеждений. Камеронианцы играли важную роль в Англии вследствие своей энергии и крепкой организации своей секты. Каждые три месяца собирались депутаты из всех общин, и постановления этих собраний строго соблюдались. Камеронианцы имели особое ополчение, в котором они сами по выбору назначали офицеров и начальника, наподобие полков Кромвеля.

Ганноверская династия была много обязана Джону Керу тем, что в Шотландии признали ее права на престол. Англичане обращались с шотландцами так эгоистично и жестоко, например в Дариенском деле, что возбудили против себя сильную антипатию. Этим воспользовались друзья претендента в Англии, чтобы побудить шотландцев не признать прав Софьи Ганноверской на шотландский престол, когда в лондонском парламенте состоялся акт, признавший ее наследницей Англии. Интрига удалась; камеронианцы уже собирались идти на Эдинбург, чтобы принудить шотландский парламент силой оружия. Только влияние Джона Кера остановило их. И впоследствии, когда якобитские министры в Англии нарочно раздражали шотландцев, чтобы побудить их расторгнуть унию между Шотландией и Англией, Кер своим влиянием успешно противодействовал этому плану.

Между тем либеральная партия в Англии и Шотландии была сильно встревожена Утрехтским миром, который увеличивал надежды Стюартов. Особенно недовольно было купечество, потому что этот мир предоставил французам большие привилегии в Испанской Америке и благоприятно подействовал на французскую торговлю. Некоторые из капиталистов составили план воспользоваться продолжением войны между Бурбонским и Габсбургским домами, чтобы нанести посредством каперства* ущерб испанской

* Каперство (гол.) — нападение вооруженных частных торговых судов воюющего государства с его разрешения на неприятельские торговые суда или суда нейтральных государств, перевозящие грузы для неприятельского государства. — *Прим. ред.*

и французской торговле и, если можно, завоевать в Америке какой-нибудь выгодный для торговли пункт. Для того чтобы получить право на каперство, им нужно было покровительство императора, от имени которого они были намерены действовать. Джон Кер взялся отправиться в Вену, чтобы сделать императорскому двору это выгодное для него предложение. По дороге он заехал к принцу Евгению, стоявшему лагерем у Ландау, и он вполне одобрил план Кера и обещал поддерживать его в Вене.

Кер уже прежде знал Лейбница как ревностного приверженца ганноверских интересов и по приезде в Вену тотчас явился к нему и просил его принять на себя посредничество в его деле.

Лейбниц обещал переговорить с секретарем императора Иммесеном, чтобы дело прямо было доложено Карлу, помимо министров. Вечером того же дня он возвратился к Керу и объявил ему, что император получил письмо от Евгения Савойского о его деле, и велел своему секретарю тотчас вступить с ним в тайные переговоры.

Какое участие сам Лейбниц принимал в этих переговорах, свидетельствуют две записки, представленные им императору¹. Лейбниц доказывает, как выгодно для императора предложение англичан. Последние обязуются на свой счет выслать каперов в Атлантический и Тихий океаны. Они желают, чтобы император выдал офицерам их кораблей надлежащие паспорта и принял их в свое подданство. Десятая часть призов будет принадлежать императору; если же каперы овладеют каким-нибудь островом или городом, то он будет принадлежать им под верховной властью императора. Последний учредит в какой-нибудь из своих гаваней призывный суд, куда будут отведены все захваченные корабли. Сборным местом будет остров Св. Фомы и главной целью экспедиции — завоевание Гаваны.

Император не только согласился на эти условия, но и сам хотел принять деятельное участие в экспедиции. Поэтому Лейбниц советует ему нанять корабли и перевести в Америку несколько тысяч солдат, которые в союзе с каперами легко могли бы завоевать одну из испанских колоний в Америке. Лейбниц указывает на примере Кромвеля, который таким образом занял Ямайку. Все недовольные владычеством Бурбонов перешли бы на сторону императора. Относительно полномочия каперам, Лейбниц советует быть осто-

¹ Mémoire pour des armemens de mer sous commission de sa Majesté Impériale; Lettre de L. à l'Empereur au sujet de projet de Kersland // Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. T. IV. P. 273.

рожным, чтобы не возбудить неудовольствия нейтральных держав. Он говорит о себе, что основательно изучал международное и особенно морское право, мало известные в Германии, а потому счел себя вправе изменить кое-что в проекте, предложенном английскими купцами, особенно в статье, относящейся к контрабанде. Так как император не предупредил нейтральные державы о своем намерении, то он не вправе задерживать их корабли за перевозку контрабанды или оружия.

Император хотел воспользоваться приездом Кера, чтобы через него заключить заем у английских капиталистов, и поручил Лейбницу переговорить с ним об этом. Лейбниц советовал Керу согласиться на желание императора в интересах протестантского наследия в Англии, но не брать на себя неисполнимых обязательств. На другой день Кер должен был переговорить о займе с секретарем императора. Но вечером он получил письмо от одного значительного капиталиста в Лондоне, который ему сообщал, что противники Стюартов с каждым днем все более теряют надежду и что им, может быть, придется оставить отечество. Поэтому он просил Кера выхлопотать у императора позволение устроить общество для торговли с Ост-Индией, которое могло бы доставить императору большие выгоды.

Кер воспользовался своим свиданием с Иммесеном и через него передал императору проект общества. Это послужило первым поводом к учреждению Ост-Индской компании в Остенде, которая некоторое время так успешно соперничала с английской, что Кер из патриотизма стал раскаиваться в своем предложении.

Между тем война империи против Франции шла вяло и безуспешно. Обещанные на сейме резервы не приходили; 4 миллиона талеров, которые было определено собрать в империи, не поступали. Евгений Савойский выходил из себя от негодования на это отсутствие единодушия и энергии, которое он называл «*le mal des Allemands*»*. Но он не мог ничего сделать. Французы даже перешли на правый берег Рейна и взяли важную крепость Фрейбург. Император начал склоняться к миру; Евгений Савойский и маршал Виллар съехались в Раштаде для переговоров.

Лейбниц по-прежнему настаивал на необходимости продолжать войну¹. Условия, предложенные французами, были еще хуже, чем в Утрехте. «Непостижимо, — писал Лейбниц, — как можно с

¹ *Considérations sur la paix, qui se traite à Rastadt // Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. T. IV. P. 218.*

* Проклятие немцев (*фр.*). — *Прим. пер.*

честью согласиться на мир, который окончательно разрушит добрую славу империи и немецкого народа. Только крайняя необходимость могла бы оправдать принятие этого мира через несколько месяцев после того, как империя отказалась от более выгодного. Но этой необходимости нет; в Германии ничто не изменилось. Ей предстоит возможность заключить выгодный союз с северными державами. Франция гораздо более изнурена. Король ее очень стар и желает мира; ей грозит голод, который может привести к революции; банкротство французского правительства, уменьшившего процент по государственным обязательствам с 6 на 4, доказывает, в какой крайности оно находится. Нашего же императора можно сравнить с восходящим солнцем. Если он не запятнает начало своего царствования недостойным миром, он может пойти далеко, принудить старого короля принять умеренные условия и через это увеличить свой авторитет в Германии и Италии. Германия еще обильна людьми и средствами». Лейбниц доказывает, как легко содержать войска на Рейне посредством припасов, которые можно доставлять из Венгрии вверх по Дунаю и потом вниз по Неккару. Венгрия и Богемия завалены хлебом и не имеют сбыта. Французы же должны подвозить все припасы сухим путем.

Он кончает требованием, чтобы император ни за что не позволял французам возвышать условия, предложенные в 5-й статье Утрехтских прелиминарий. Последним словом Германии должно быть освобождение Рейна (*l'affranchissement du Rhin*), т. е. возвращение Эльзаса.

Лейбниц послал свои соображения императору со следующим письмом: «Во всеподданнейшем рвении о славе Вашего Величества и о благосостоянии отечества я посылаю эту записку, пользуясь все милостивейшим дозволением. Если же светлейшие мысли Вашего Величества иные, пусть слово считается несказанным, послание уничтоженным (*dictum habeatur pro indicto, scriptum pro deleto*); оно написано только для Вашего Величества».

Но Карл VI не был похож на восходящее солнце. Он отдал своих верных каталонцев на произвол мстительных Бурбонов и уступил Франции навсегда Эльзас и Страсбург.

Лейбниц был прав. Если бы империя продолжала войну еще несколько месяцев, она выиграла бы свое дело. В марте 1714 г. в Раштадте был подписан мир между императором и Францией. Но чтобы включить в этот мир империю, потребовались еще дальнейшие формальности, и только в сентябре был подписан Баденский мир.

Между тем 1 августа умерла королева Анна. Интрига якобитских министров не удалась. Приверженцы Ганноверской династии в королевском совете одержали верх, и еще до смерти Анны в Ганновер был отправлен курьер, чтобы пригласить поскорее курфюрста Георга. Виги, враждебные к Франции, стали во главе правления, и обстоятельства сложились благоприятно для Карла VI, но слишком поздно для него. Лейбниц же со своей удивительной энергией считал время еще не потерянным. Он тотчас вошел к императору с представлением и советовал ему приостановить заключение Баденского мира и, не дожидаясь официального известия о смерти королевы, направить к новому королю доверенное лицо, чтобы, не теряя времени, склонить его к необходимым мерам: во-первых, отправить приказ к адмиралу Вишарту, в Средиземное море, чтобы спасти Барселону, если это только возможно, — Лейбниц доказывал, что король может сделать это распоряжение без согласия своих английских министров, и доставит себе этим большую популярность в Англии, — во-вторых, предупредить короля Португальского, чтобы он не спешил с заключением мира с Филиппом Анжуйским.

Лейбниц высчитывал причины, которые поведут к раздорам между Францией и новым английским правительством: неисполнение статьи о Дюнкирхене; попытки французов захватить в свои руки американскую торговлю; недостаточность гарантии против соединения Франции и Испании в одних руках; непризнание Георга I со стороны Франции и Испании и др. Эти раздоры могли бы привести к открытой войне, и во всяком случае ими можно было бы воспользоваться, чтобы улучшить условия Баденского мира.

Эти постоянные заботы об интересах императора и отечества заставили Лейбница зажить в Вене почти два года, несмотря на неудовольствие Ганноверского курфюрста и сильную чуму, свирепствовавшую в Вене. Лейбниц рассказывал потом, что его кучер настаивал, чтобы он отправился к причастию, ибо он не знает, как в Вене поступают с людьми, умершими без причастия. Сам Лейбниц не боялся чумы и шутил над страхом своих венских друзей. «Если мне придется, — писал он Бернсторфу, — уехать из Вены, то я заявлю перед нотариусом, что не страх чумы меня выгоняет отсюда. Ибо до сих пор я не верю, чтобы здесь была чума».

Между тем в награду за услуги, оказанные императорскому дому, Карл возвел Лейбница в сан рейхсгофрата, самый высокий сан в империи, доступный протестанту. Еще прежде, но неизвестно, когда именно, Лейбницу было пожаловано дворянство и баронский титул, но Лейбниц редко пользовался им.

Новый сан не обязывал Лейбница оставаться в Вене, потому что он не был действительным членом имперского надворного совета; но Венское правительство охотно пользовалось его обширными познаниями и его неутомимой деятельностью. Например, император поручил ему сделать исследование о правах наследства в Тосканском герцогстве, так как предвиделось пресечение линии Медичи, и Карл VI желал выяснить свои права на великое герцогство.

Среди спесивых вельмож и ограниченных генералов, среди ханжей и иезуитов, которые наполняли Венский двор, Лейбниц встретил одну гениальную личность, способную вполне понять и оценить его, — Евгения Савойского¹. Принц Евгений в редкой степени соединял в себе способности замечательного полководца и государственного правителя со вкусами образованного человека и с необыкновенно благородным и симпатичным характером. Он был чрезвычайно бескорыстен и великодушен, терпеть не мог лести и неправды; при этом он отличался удивительной скромностью и вовсе не знал злобы и зависти. Он был жив и восприимчив, всегда готов был содействовать полезным предприятиям, так что враги называли его фантастом. Нрава он был очень веселого. Он говорил, что главные условия для счастья — здоровье и хорошее расположение духа; второе же часто может заменить первое. В отношениях к людям он был добр и снисходителен, щедр и ласков с бедными, нежен и горяч с друзьями. Он на целый век опередил своих товарищей министров, и если бы ему не помешала рутина Венского двора, с него бы началась новая эра для Австрии. Он понял две главные причины слабости Австрии: преобладание могущественной и необразованной аристократии, захватившей в свои руки все высшие должности в армии и администрации как средство для своего обогащения, и чрезмерное влияние римского духовенства, которое поработало государство и подавляло в нем все, что могло вдохнуть в него новую жизнь². Евгений первый обратил внимание на причину бедности Австрии и всеми силами старался развить в ней промышленность и торговлю. Ему Австрия была обязана тем немногим, что было сделано правительством Карла VI для этой цели. Хотя Евгений половину жизни провел в лагере, он чрезвычайно уважал науки и искусства и понимал,

¹ Мы говорили о личности Евгения Савойского в сочинении «Борьба за Польский престол в 1733 году» (гл. II).

² Письма и записки принца наполнены ожесточенными упреками против «черных», которые своими кознями опутывали двор и страну, а эти черные платили ему еще большей ненавистью за то, что он их разгадал.

что главное условие успеха в государстве есть народное образование.

Между Евгением и Лейбницем скоро установились самые близкие отношения, и Лейбниц мог гордиться, что самые симпатичные из замечательных личностей его века, Софья-Шарлотта и Евгений Савойский, были его друзьями и учениками. Великий полководец, который в юности ревностно занимался математикой, теперь слушал с интересом уроки философа-математика, и Лейбниц написал для него замечательное изложение своей философской системы, известное под названием «Монадология». После отъезда Лейбница из Вены граф Боннваль, который в это время пользовался расположением Евгения, писал философу в Ганновер, что принц хранит его сочинение, «как неаполитанские священники — кровь св. Януария. Он дает мне его целовать, а потом опять запирает в ящик»¹.

Лейбниц воспользовался дружбой Евгения и расположением императорской семьи, чтобы осуществить заветный план учреждения академии наук в Вене. Евгений с горячностью обещал свое содействие, император одобрительно отнесся к этому плану.

¹ Этот граф Боннваль — один из самых замечательных авантюристов XVIII в. Он был храбрый солдат, но вследствие распутства и страсти к злословию нигде не мог долго ужиться. По происхождению француз, он рано отличился в разных войнах своего отечества, но навлек на себя резкими отзывами вражду маркизы Ментенон и должен был бежать из Франции. По рекомендации Евгения он был принят на австрийскую службу и также храбро сражался против своего отечества. Он достиг генеральского чина, но своим высокомерием и насмешками восстановил против себя Евгения. Из желания мести он начал различные интриги, вследствие которых был отдан под суд и выслан за границу. Боннваль отправился в Турцию, принял магометанство, получил звание Ахмет-паши и занимался довольно безуспешно обучением турецкой артиллерии.

Боннваль, по примеру Евгения, заразился страстью к философии и просил Лейбница написать и для него изложение его системы. Он сравнивал философа с женщиной, которой легко удовлетворить всех своих друзей. Принц Евгений назвал это сравнение нелепым. Но Лейбниц, всегда снисходительный, ответил, что сравнение философа «mit einer galanten und gefälligen Dame» (с любезной и услужливой дамой (нем.). — Прим. пер.) не так странно, как может казаться. Нет ни одного сравнения, которое было бы совершенно «неудачно». «Легкомысленная женщина ищет удовлетворения плоти, философ ищет удовлетворения души. Знаменитый Гоббс заставил меня улыбнуться, заметив, что люди пренебрегают философией, потому что не знают, какое удовольствие она доставляет — *quantam voluptatem offert validissimus cum mundo congressus* (такое удовольствие доставляет теснейшая связь с миром (лат.). — Прим. пер.). Пифагор, который любил символические выражения, не без основания сказал: „Так как боги дали ему преимущество помнить его прежние метаморфозы, то он сознает, что его душа прежде находилась в теле Лаисы“».

Лейбниц составил проект устава новой академии и указ об ее учреждении¹. Она должна была состоять из трех отделений: литературного (исторического и филологического), математического и естественного. В ее распоряжении должны были находиться библиотека, типография, обсерватория, лаборатория, рабочие дома, зоологический сад, минералогический грот, кабинет древностей и редкостей, художественный музей и постоянная выставка орудий, моделей и всех новых изобретений.

Чтобы не обременять скудную казну императора, Лейбниц советовал обеспечить академию некоторыми существующими стипендиями (он, вероятно, разумел стипендии, бывшие в руках духовенства), привилегиями на приготовление различных химических составов, налогами на предметы роскоши (например, карты), гербовой бумагой, лотереей и др. По окончании же войны можно было убедить земство различных областей государства назначить известную сумму на содержание академии как на общепольное дело, ибо она немедленно оказала бы хорошее влияние на образование юношества и на развитие промышленности. Целью академии, кроме теоретических исследований и издания исторических памятников, должно было быть устройство народных и ремесленных школ с преобладанием в них немецкого и других языков, так как латинские школы были в руках духовенства, воспитание инженеров и врачей для армии, межевание и кадастр земли и все, что могло служить к более правильному распределению податей, применение ботаники к сельскому хозяйству, осушение болот, заботы о лесоводстве, улучшение путей сообщения, попечение о фабриках, машинах, рудниках, рабочих домах и вообще об улучшении промышленности.

Председательство академии Лейбниц предназначал одному из вельмож, сам же желал занять место вице-президента. Ему за это обещали 6 тысяч гульденов жалованья, но потом, по причине дурных обстоятельств, уменьшили эту сумму на 2 тысячи. Еще во время его пребывания в Вене придворная канцелярия разослала рескрипт к правительствам отдельных областей и предложила им учреждение академии. Дело, по обыкновению, затянулось вследствие недостатка сумм; но когда Лейбниц уезжал из Вены, император, императрица и министры обнадеживали его самым решительным образом, что его план будет приведен в исполнение. Из Ганновера Лейбниц писал Боннвалю: «Я бы желал, чтобы дело

¹ *Foucher de Careil*. Die Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. XXV (1857) // *Foucher de Careil*. Ueber den Nutzen etc. v. Bergmann.

подвинулось вперед до моего возвращения в Вену; иначе мне придется начать снова. В мои годы нужно стараться, чтобы дело шло как можно скорее; я боюсь, чтобы со мной не случилось то же, что с Моисеем (простите за сравнение), которому удалось только издали увидеть обетованную землю».

Но та партия, которая погубила Австрию и всегда являлась на сцену, когда нужно было воспрепятствовать интересам просвещения и прогресса, и тут вмешалась в дело. Один из друзей известил Лейбница, что «известные достопочтенные отцы противятся учреждению академии, что новые изобретения в науках им внушают подозрение и что им особенно не нравится вмешательство протестанта. Им уже удалось привлечь графа Синцендорфа на свою сторону».

Лейбниц не хотел верить известию. «Граф и другие министры слишком образованны, — писал он, — чтобы обращать на это внимание. Они меня знают хорошо, а также и самое дело». Но если бы он прожил еще несколько лет, он убедился бы, как мало заботятся о пользе просвещения люди, которые имеют в виду только личные интересы.

Вообще последние годы Лейбница были полны разочарований. По смерти Эрнста-Августа, умершего в 1698 г., память которого он почтил биографией, положение Лейбница в Ганновере становилось все безотраднее. Преемник Эрнста-Августа, Георг-Людвиг, был, как мы видели, человек грубый и тяжелый; он иронически относился к деятельности Лейбница и хотел видеть в нем трудящегося чиновника, а не советника. Правда, между Лейбницем и Софьей сохранились прежние дружеские отношения, но она имела мало влияния на сына, и в последнее время находилась даже в очень натянутых отношениях к нему.

Есть известие, объясняющее отъезд Лейбница в Вену тем, что он не мог более переносить грубые выходки курфюрста Георга¹. Оно правдоподобно, хотя и без него понятно, почему Лейбниц желал ехать в Вену и почему он пробыл там два года. Лейбниц постоянно оправдывал в письмах к ганноверским министрам свое продолжительное отсутствие различными поручениями императора и предлагал воспользоваться его пребыванием в Вене для ганновер-

¹ Фуше де Капель (Die Sitzungsberichte der Akademie zu Wien. XXV. P 130) упоминает о неизданном письме Лейбница, из которого будто бы видно, «dass er wegen des barschen and aufbrausenden Wesens dieses Fürsten, welches er nicht ertragen mochte, sich 1712 an den Wiener Hof geflüchtet» (что из-за грубого и неистового нрава этого правителя, которого он не выносил, в 1712 г. он сбежал к Венскому двору (нем.). — Прим. пер.).

ских дел. Действительно, ему поручили хлопотать при императорском дворе о Лауенбургском наследстве, о котором Ганновер спорил с другими немецкими князьями.

Тем не менее Георг был очень недоволен отсутствием Лейбница. Однажды, когда в Ганновере искали собачку, которая пропала из дворца, и по обычаю с барабанным боем извещали жителей о пропаже, курфюрст сказал: «Мне придется, кажется, и моего Лейбница разыскивать посредством барабана, чтобы узнать, куда он пропал»¹. Весной 1714 г. министр Бернсторф писал ему, что «Е. К. В. начинает терять терпение, и в качестве друга и слуги он советует ему возвратиться».

Мы видели, какие планы задерживали Лейбница в Вене, и что они были в тесной связи с интересами Ганноверского дома. Трудно сказать, что ему было ближе к сердцу, торжество Германии над Францией с помощью освобожденной Англии или освобождение Англии посредством воцарения Ганноверской династии. Он находился в сношениях с различными политическими деятелями Англии, собирал сведения о положении тамошних партий и старался наставлять своими советами Софью, наследницу английского престола.

¹ Перц в предисловии к «Анналам Западной Империи» Лейбница приводит несколько забавных рассказов о том, как Георг сердился за продолжительные отлучки Лейбница и за медленное окончание его истории. Однажды, когда Лейбниц, чтобы отдохнуть от занятий, отправился на ярмарку в Брауншвейг, курфюрст иронически заметил: «M. Leibnitz promène son bel esprit à la foire de Brunsvic» (Г-н Лейбниц вывез свой светлый ум на ярмарку в Брауншвейг (фр.). — Прим. пер.). Когда в 1708 г. Лейбниц уехал без отпуска из Ганновера, Георг хотел в газетах назначить награду тому, кто отыщет Лейбница. Однажды Георг пишет своей матери о Лейбнице: «N. v. L., nach dem die Königin (Софья-Шарлотта) so sehr schmachtet, ist nicht hier, obgleich ich ihm eine Wohnung habe einrichten lassen. Er ist ebensowenig festzuhalten als Frau von Jules. Fragt man ihn, woher es kommt, dass man ihn nicht sieht, so hat er stets zur Entschuldigung, dass er an seinem unsichtbaren Buche arbeitet, dessen Dasein zu beweisen, man, wie mir scheint, eben so viel Mühe haben wird, als Herr von Jaquelot sich für das der Bücher Mose giebt» (Г-на Лейбница, по которому так тоскует королева (Софья-Шарлотта), здесь нет, хотя я и поручил обставить для него квартиру. Удержать его столь же нелегко, сколь нелегко удержать м-м де Жюль. Когда спрашиваешь, почему его нигде не видно, он всегда оправдывается тем, что занят работой над своей невидимой книгой, доказательство существования которой, думается, стоило бы такого же труда, какого стоило доказательство авторства Моисеевых книг, предпринятое г-ном Жакло (фр.). — Прим. пер.). Курфюрст Георг имел некоторое основание быть недовольным. Еще в 1690-х годах Лейбниц надеялся, что он скоро окончит свою историю Брауншвейгского дома, но этот труд против его воли разрастался все более и более.

Вигское министерство королевы Анны навлекло на себя такую непопулярность недобросовестностью, расхищением казенных сумм во время войны и политическими ошибками, что многие патриоты перешли на сторону ториев, и имя вигов сделалось ненавистным в народе. Поэтому благоразумные приверженцы Ганноверской династии, например Кер, советовали Софье не высказывать пристрастия к вигам, а стараться расположить к себе лучших людей в обеих партиях. Последний советовал даже устранить название вигов и ториев, а говорить только о приверженцах протестантской линии и о якобитах.

Лейбниц был совершенно такого же мнения.

Только крайности, — писал он Бёрнету, — предосудительны, как у вигов, так и у ториев. Умеренные с обеих сторон легко могут примириться. Крайние тории — якобиты, а крайние виги — республиканцы. Разве умеренные тории не согласятся, что бывают случаи, когда пассивное повиновение должно прекратиться и когда позволительно сопротивление власти; а умеренные виги разве не полагают, что не следует легкомысленно или без особенно важных причин решаться на такое сопротивление? То же самое можно сказать относительно наследственного права на престол — от него не следует отступать, если этого не требует спасение отечества... Так как поэтому благоразумные в обеих партиях не очень различаются в существенном, то мне кажется, что все эти споры не что иное, как трата времени и предлог, чтобы получить место и влияние. Лучше всего было бы давать места людям обеих партий, но добросовестным, и не обращать внимания на их теоретические мнения.

В таком же смысле Лейбниц писал из Вены в Ганновер.

Мы должны оставаться беспристрастны к вигам и ториям; мы имеем приверженцев между теми и между другими; как крайние тории стоят за претендента, так крайние виги желают короля (если уже такой необходим), столь же ограниченного в своей власти, как венецианский дож. Нам не нужно прибегать к чрезмерным издержкам; достаточно, если наш двор будет выказывать заботливость об интересах нации и расположение к умеренным той и другой партии.

Между тем в Англии продолжались интриги. Либералы давно желали для своего обеспечения пригласить в Англию кого-нибудь из членов Ганноверской династии. Наконец они убедили курпринца, сына Георга, потребовать от парламента, в качестве английского пера, официального приглашения. Королева Англии, расположенная к своему брату-претенденту, была чрезвычайно раздражена «дерзостью» курпринца и в письмах к Софье высказала свое неудовольствие в самых резких выражениях¹.

¹ *Mahon. History of England. I. P. 82.*

Через три дня после получения этих писем курфюрстина Софья, которая была глубоко оскорблена ими, неожиданно скончалась. Итак, оба друга Лейбница, и дочь и мать, умерли во время его отсутствия. Но еще за две недели перед смертью Софья написала ему длинное письмо об английских делах.

Это письмо, — говорит Лейбниц, — заключало в себе такие верные и меткие суждения, которые сделали бы честь самому великому государственному человеку, и было в таком веселом тоне, как будто оно было написано «молодой принцессой Софьей», как называли ее англичане.

Через два месяца после этого умерла Анна; курфюрст Георг был провозглашен королем и тотчас собрался в Англию. Теперь перед Лейбницем открылось бы блестящее поприще, если бы новый король умел оценить его. Мы видели, почему Лейбниц оставался в Вене по получении известия о смерти Анны, — он хотел убедить тамошний двор воспользоваться благоприятным случаем. Любимец Георга, Бернсторф, теперь не торопил Лейбница; но зато неутомимый Кер, который из Вены отправился в Ганновер, настаивал самым убедительным образом на его возвращении.

Для интересов короля и для счастья Великой Британии чрезвычайно важно, — писал ему Кер, — чтобы вы немедленно оставили Вену и поспешили сюда. Обширность ваших сведений, особенно в делах английских, ваш долгодетный опыт, особенное уважение короля к вам делают вас более способным, чем кого бы то ни было, к роли его главного советника, прежде чем он отправится в Англию, языка и нравов которой он не знает. Извините меня, если я позволю себе напомнить, что успех великих предприятий много зависит от первых шагов. Если начало дурно, то его трудно исправить. Вследствие несогласий и ожесточения, господствующих в Англии, король должен быть очень осторожен, чтобы выйти из неизбежных затруднений, которые непременно представятся, если он будет выказывать больше расположения к одной, чем к другой партии. С огорчением извещаю вас, что здешние министры очень несведущи в наших делах. Бернсторф находится совершенно под влиянием одного невежды, по имени Робетон, который хлопочет только о своих личных интересах. Его пристрастие и нахальство могут причинить много вреда в эту критическую минуту, от которой зависит наше будущее счастье.

Кер был прав. Как дурно ганноверские министры соблюдали интересы короля, доказывает факт, случившийся с самим Кером. Последний предпринял свою поездку в Германию в интересах Ганноверского дома и истратил на нее более 1000 фунтов стерлингов. Ганноверские министры Гёрц и Бернсторф знали об этом и обещали ему вознаграждение за принесенные им жертвы. Кер

последовал за Георгом в Гаагу и там подал ему записку о внутренней политике Англии. Ему посоветовали, чтобы он испросил себе место губернатора Бермудских островов. Оба министра обещали ему похлопотать за него у короля. Но ему дали понять, что он должен подарить Робетону, любимцу Бернсторфа, 500 гиней, если хочет получить место. Кер отказался от своего желания, но продолжал служить интересам короля. Он открыл заговор графа Мара и известил о нем Бернсторфа, но тот не обратил на это внимания; как известно, заговор Мара удался и был поводом к кровопролитной междоусобной войне. Вследствие этой деятельности Кер истратил все свое состояние и вошел в долги. Напрасно просил он Бернсторфа вознаградить его за издержки. Тогда Лейбниц, как рассказывает сам Кер, тронутый этой несправедливостью, из своих денег заплатил в Германии долг Кера в 230 фунтов стерлингов без ведома последнего.

Ганноверские министры скоро сделали Георга непопулярным в Англии. Насколько лучше Лейбниц понимал его интересы, доказывает следующее его письмо.

Король непременно должен предоставить нации свободное избрание членов парламента и в этом случае противиться ненавистным интригам и подкупам, которые были в обычае в прежние царствования, — тогда составится собрание из честных и заслуженных людей, которые будут иметь в виду только благо нации и действовать бескорыстно. Я желаю и надеюсь, что наши немецкие министры никогда не решатся вмешиваться в дела Англии; это было бы не только несправедливым делом, но и самым верным средством погубить короля во мнении народа.

Лейбниц не застал короля в Ганновере и собирался ехать за ним в Лондон; но ему дали ясно понять, что этого не желают. Георг был так недоволен им, что велел прекратить выдачу ему жалованья и даже перед отъездом в Англию в рескрипте к министрам отозвался с пренебрежением о его исторических работах. Тем более Лейбниц желал видиться с королем. Но Бернсторф писал ему из Англии:

Вы хорошо сделаете, милостивый государь, если останетесь в Ганновере и снова возьметесь за ваши занятия. Вы ничем не можете скорее угодить королю или лучше вознаградить его за ваше прежнее отсутствие, как если вы представите ему, по его возвращении, значительную часть давно ожидаемого труда.

Затем Бернсторф дал Лейбницу несколько указаний относительно Брауншвейгской истории, о которой мы говорили прежде.

Лейбниц был чрезвычайно огорчен немилостью короля и неделikatностью министра.

Такое обращение со мной, — писал он Бернсторфу, — не совсем соответствует труду и рвению в продолжение стольких лет и преданности, с которой я отказывался от больших выгод, когда сомневался, можно ли их согласовать с моей службой королю; ибо его слава была всегда одним из мотивов моей деятельности.

В другой раз он писал Бернсторфу:

Я не столько принимаю к сердцу мои убытки, как дурное мнение, которое король имеет о моих занятиях. Но меня огорчило больше, чем я могу сказать, что в то время, когда Европа отдает мне справедливость, меня не хотят знать там, где я всего более имел бы право этого ожидать.

Эти оскорбления заставили Лейбница на старости лет искать себе другого убежища. В 1716 г. он пишет Керу, что несколько раз напрасно просил позволения приехать в Англию; поэтому он «собирается тотчас по окончании своей истории удалиться в Вену, чтобы провести там остаток своих дней». Кер прибавляет к этому, что «ганноверские министры противились приезду Лейбница, зная, что этот великий человек только старался противодействовать корыстным видам, с которыми они вмешивались в английские дела».

Только этим крайним огорчением Лейбница, который привык к придворной жизни, объясняется то, что он искал убежища даже у государя, против которого боролся всю свою жизнь, — у Людовика XIV.

Лейбниц занимался в это время исследованием о происхождении франков. Незадолго перед смертью Людовика XIV он представил ему, через министра Торси, перевод своего исследования в красивой рукописи, на которой находился следующий эпитаф:

Exiguus egressa locis Gens Francica tandem
Complexa est sceptris solis utramque domum:
Magne, Tibi, Lodoix, debet fastigia tanta
Et capit ex uno Natlo fata Viro*.

По поводу этого сочинения Лейбниц находился в полемике и в переписке с иезуитом Турнемином. Через него он стал хлопотать о приглашении в Париж. «Покойный король Людовик Великий, незабвенной памяти, — рассказывает Турнемин, — читал письмо

* Вышедший из убогих мест народ франков собран наконец воедино под властью нового дома: тебе, великий Людовик, покорилась эта вершина, и благословенный народ избрал одного себе мужа (*лат.*). — *Прим. пер.*

Лейбница и поручил мне ответить, что он вполне знает заслуги г. Лейбница, что с удовольствием увидит его при своем дворе и что он сделает ему пребывание во Франции столько же приятным, сколько оно будет для нее полезным».

Но переговоры о переселении во Францию, как и в 1690-х годах, кончились ничем, потому что от Лейбница требовали обращения в католичество.

Это желание Лейбница перейти ко двору государя, которого он считал в течение 40 лет самым злым врагом своего отечества, должно казаться крайней непоследовательностью. Но не надо забывать, что патриотизм Лейбница не поглощал его исключительно. Лейбниц не потому только был вооружен против Людовика, что тот хотел отнять у Германии левый берег Рейна, но потому что он постоянно нарушал спокойствие Европы и этим вредил интересам цивилизации. Последние были для Лейбница всегда на первом плане. Мы знаем, что, по его мнению, никто не мог так много содействовать успехам цивилизации, как могущественный монарх, и поэтому мечтой всей его жизни было сделаться советником такого монарха. Притом к людям XVIII в., которые так легко переходили из одного государства в другое, не следует применять наших понятий об обязанностях, налагаемых национальностью¹. Несмотря на неблагодарность Георга, Лейбниц до конца своей жизни не переставал трудиться в интересах Ганноверской династии. Немецкие министры Георга действовали в Англии чрезвычайно бестактно и подали повод к сильному неудовольствию против нового короля. Это неудовольствие дало его врагам возможность распро-

¹ Добросовестность Лейбница доказывается тем, что он несколько раз отклонял предложение поселиться во Франции, хотя считал чрезвычайно полезным для успехов своих занятий жить в Париже, центре умственного мира, и постоянно тяготился пренебрежением к духовным интересам в Ганновере. Но его останавливала, между прочим, война между Францией и Германией; по поводу этого он пишет в 1692 г. графу Вивье, приглашавшему его в Париж: «*La seconde (cause) est la guerre présente, pendant laquelle je ne sais, comment un Allemand se pouvoit transférer en France, sans encourir des blames et des reproches. Et quoique il faille considérer le globe de la terre comme la patrie commune du genre humain, néanmoins un homme raisonnable doit éviter, tant qu'il peut, ces blames encore dans les choses, qui sont innocents en elles-mêmes*» (Вторая причина — теперешняя война; не представляю себе, каким образом в такое время немец мог бы переселиться во Францию, не навлекая на себя упреков и обвинений. И пусть он считает земной шар общей родиной всего человеческого рода, все же рассудительному человеку следует, насколько это возможно, избегать таких обвинений даже в тех случаях, которые сами по себе вполне невинны (*фр.*). — *Прим. пер.*). В 1715 г. война между Германией и Францией прекратилась.

странять о нем клевету и еще более вооружать против него общественное мнение. В одной якобитской брошюре («Avis aux propriétaires Anglais»*) министров Георга упрекали в том, что они покровительствуют промышленным и торговым классам на счет землевладельцев, стараются унижить епископальную церковь, благоприятствуют атеистам, заводят постоянные войска и др.; тут же выставляли на вид антипатию Георга против английской церкви и нации.

Лейбниц возразил против этих обвинений в брошюре «Anti-Jacobite ou Faussetés de l'avis aux propriétaires Anglais»**, которая, по его обыкновению, была издана анонимно. Он указывает на тесную связь между интересами промышленного и земледельческого классов.

Земледелие есть основание народного благосостояния, подобно корню и стволу дерева. Но торговля и промышленность привлекают из-за границы капиталы и обогащают государство; они подобны ветвям дерева, которые дают цвет и плод. Одно нуждается в другом. Землевладельцы выгодно сбывают свой хлеб, когда торговля процветает; с другой стороны, благосостояние торговых и промышленных классов растет, когда они в своей стране находят в изобилии съестные припасы и сырые материалы для торговли. Промышленники, нажившие торговлей капитал, стараются приобрести имения, как самое лучшее средство упрочить благосостояние своей семьи. Налоги же должны быть распределены таким образом, чтобы не нарушать этого согласия¹.

Далее Лейбниц указывает парламенту на великие задачи, которые ему предстоят: устранить бедствия, грозящие английской торговле (при этом Лейбниц не упустил случая напомнить о вредных последствиях Утрехтского мира), усмирить вражду партий в Британских королевствах и противодействовать неверию и безнравственности, которые навлекают на людей гнев Неба.

Возражение якобитам было последним в длинном ряду политических сочинений Лейбница. Мы видели, что было целью его деятельности как публициста и политика — равновесие и успокоение Европы и направление ее общих сил к интересам цивилизации. Лейбниц принадлежит к немногим европейским публицистам, которые умели мирить свой патриотизм с обязанностями человека. Как Лейбниц во всем остальном от частных восходил к общему и любил мирить противоречия в высшем синтезе, так он и в поли-

¹ Guhrauer. G. W. v. Leibnitz. II. P. 318.

* «Советы английским собственникам» (фр.). — Прим. пер.

** «Антиякобит, или Заблуждения, содержащиеся в советах английским собственникам» (фр.). — Прим. пер.

тике прежде всего имел в виду общую гармонию и общие интересы. Поэтому он еще в юности с таким энтузиазмом проводил идею ополчения всей Европы против магометанского Востока, чтобы водворить там цивилизацию и направить туда избыток европейских сил. Только когда Людовик отвергнул план завоевания Египта и стал угрожать безопасности Европы, Лейбниц начал взывать против него к общественному мнению и вложил в эту борьбу всю свою силу и энергию.

Честолюбие Людовика, встревожившее Европу, породило систему международного вмешательства и вызвало против себя сильную реакцию в обществе. Одним из проявлений этой реакции были мечты о вечном мире, распространению которых французский писатель аббат де Сен-Пьер посвятил всю свою жизнь. Он составил план постоянного международного конгресса, который разрешал бы все споры между отдельными государствами и устранял бы этим всякий повод к войне. И Лейбницу он прислал свой проект, прося его высказать о нем свое мнение. Лейбниц¹ считал «такой проект в целом — возможным, а осуществление его весьма полезным». Но, по его мнению, все зависело от личной воли государей.

Мы видели, какое значение Лейбниц придавал инициативе государей.

Людам недостает только воли, — пишет он Сен-Пьеру, — чтобы избавиться от бесконечных бедствий. Если бы 5 или 6 человек захотели, они могли бы прекратить великий раскол в церкви. Государь может оградить свое государство от чумы; государь же может спасти своих подданных от голода. Чтобы прекратить войны, нужно было бы, чтобы новый Генрих IV с несколькими другими государями одобрил ваш план. Беда в том, что трудно склонить к этому могущественных государей.

В этом взгляде высказывается особенность того времени. Век Лейбница был эпохой высшего развития «личного правления». Оттого Лейбниц придавал такое значение личной инициативе государей, оттого всегдашней целью его жизни было приобрести влияние при различных дворах, оттого он ставил возможность прочного мира в зависимость от воли нескольких государей и сомневался в этой возможности.

Вечный мир, в буквальном смысле слова, конечно, всегда будет мечтой. Но в проекте французского аббата заключается исто-

¹ См.: Lettre à l'abbé de S. P.; Observations sur le projet d'une paix perpétuelle / Ed. Foucher de Careil. T. IV. P. 324.

рическая истина. Влияние международных конгрессов на мирное разрешение европейских дел увеличивается с каждым веком. Уже в XIX в., хотя на французском престоле находится государь не менее неограниченный, чем Людовик XIV, влияние международного права чувствуется гораздо сильнее, чем в XVII в., и если и XIX в. войны нередки, они ведутся из-за более высоких целей, чем тогда. Но чем большее значение приобретет общественное мнение в Европе, к которому уже Лейбниц постоянно обращался, чем лучше народы будут понимать свои интересы и чем больше они будут иметь возможности проявлять свои желания, тем сильнее будет гарантия мира и тем успешнее будут действия международных конгрессов.

То, что казалось мечтой в век Сен-Пьера, в XIX в. становится ясно осознанной целью, к которой стремится Европа.

Придет время, когда громадные материи Америки, Африки, Австралии и отчасти Азии будут густо населены кавказским племенем, когда там возникнут государства, в сравнении с которыми Европа будет казаться так же мала, как древняя Эллада сравнительно с нами, — тогда все более и более выяснится необходимость центрального органа для общеевропейских интересов, тогда будет очень возможным образование *европейской конфедерации*, и войны между различными народами Европы будут считаться междоусобными войнами.

Европа давно мечтает о конфедерации для своих народов. В Средние века этот идеал думали осуществить с помощью христианской религии, точнее, католической идеи о папе и императоре как главах христианского мира. Лейбниц еще верил в этот идеал. Он считал Немецкую империю XVII в. с ее самостоятельными государствами, связанными общим сеймом под председательством императора, прототипом европейской конфедерации. Но ошибка Лейбница заключалась в том, что он брал свои идеалы из прошедшего. Идеалы XIX в. основаны на политических формах более зрелых и более согласных со свободой и прогрессом.

Летом 1716 г. Георг приезжал в Ганновер. Лейбниц виделся с королем в Пирмонте и говорил с ним о своем споре с Ньютоном. Георг, не расположенный к Лейбницу, принимал сторону Ньютона и говорил Лейбницу, что «аббат Конти собирается приехать в Германию, чтобы вразумить его». Впрочем, как кажется, Лейбниц остался доволен королем; он возвратился в Ганновер веселый и деятельно принялся за свою историю, чтобы окончить ее как можно скорее.

Этот труд лежал тяжелым бременем на нем; по окончании его он надеялся приступить к разным другим работам, не оконченным

по недостатку времени. Число таких начатых работ, предположений и проектов Лейбница было изумительно. Еще в 1696 г. он писал Бёрнету:

Если смерть позволит мне осуществить все планы, которые я уже составил, я готов обещать, что не придумаю никаких других, а только буду прилежно работать над прежними, и несмотря на то, я через подобную сделку выиграл бы много времени. Но смерть не обращает внимания на наши планы и на развитие науки.

Главные между этими планами были: издание его мелких статей, рассеянных по журналам, издание его переписки с некоторыми учеными, например Арно, окончание его динамики, наконец систематическое изложение его философии. До сих пор были известны только отрывки его философии, написанные по случайному поводу или для какого-нибудь близкого лица, но и эти не все были изданы. Лейбниц давно собирался составить полное изложение своей системы в математической форме. Он хотел показать на деле, что нравственные и философские истины можно доказывать неопровержимым образом, подобно математическим теоремам. Незадолго перед смертью он говорил Вольфу, который сделался потом главным представителем его философии, что хочет геометрическим способом доказать свои метафизические истины и сделать их столь же непреложными, как Эвклидовы теоремы. Самым же заветным его желанием, от которого он ожидал всего более пользы для науки, была его «всеобщая характеристика», или изобретение методы, с помощью которой было бы так же легко открывать новые истины нравственного и физического мира, как посредством данной формулы решать математическую задачу.

Многосторонность и восприимчивость Лейбница постоянно отрывали его от выполнения этих задач. Как разнообразны были интересы его жизни, можно видеть из отрывка дневника, который он вел в 1696 г. В начале этого отрывка Лейбниц говорит, что он заводит дневник для того, чтобы дать отчет о времени, которое у него осталось¹. В самых кратких выражениях Лейбниц отмечает, чем он занимался каждый день.

Вот что мы читаем между отметками за несколько дней:

С голландскими купцами Лейбниц едет в Герренгаузен, чтобы осмотреть водопроводы и фонтаны (Лейбниц сам принимал участие в инженерных работах, с помощью которых хотели из Герренгаузена сделать второй Версаль). Курфюрстина показывает ему письмо от гер-

¹ Этот отрывок напечатан в «Leibniz Album», изданном Гротефендом в 1846 г., в годовщину рождения Лейбница.

цогини Орлеанской о бессмертии и просит составить ответ на него. Канцлер посылает ему какую-то хронику, тайно напечатанную, и просит совета, как поступить с ней. Утром, в постели, Лейбниц обдумывает какую-то математическую проблему. Отвечает на сделанный ему запрос, какое различие между живой и мертвой силой в динамике. Придумывает железные ящики для жарения и варения мяса. Сообщает профессору Верлону свое мнение об одном юридическом вопросе. Читает депеши ганноверского посла при Регенсбургском сейме по делу о курфюрстском сани герцога. Занимается вопросом, как белишь холст посредством воска. Едет в Вольфенбюттель, и на дороге, и в гостинице решает какую-то математическую проблему...

Лейбниц и потому, между прочим, был так щедр на свое время, что надеялся на свое здоровье и был чрезвычайно бодр, хотя с пятидесятого года жизни начал страдать подагрой. От сидячей жизни этот недуг усиливался, и потому Лейбниц так охотно предпринимал разные путешествия. В последние годы у Лейбница открылась рана на ноге. Он иногда советовался с докторами, но большей частью сам лечил себя. Весной 1715 г. он писал Кортгольту:

У меня по временам болят ноги; иногда болезнь переходит на руки... голова же и желудок, слава Богу, еще исправны.

В это же время он писал Монтмору:

Я страдаю подагрой... боль не очень сильна, но она не позволяет мне иной деятельности, как в моем кабинете. где время проходит для меня всегда слишком скоро, поэтому я не знаю скуки, а это — счастье в несчастии.

Его секретарь Экгард рассказывает о нем, что он лечил себя дикой, когда подагра слишком усиливалась; за обедом он ничего не ел, кроме молока; зато вечером ужинал с аппетитом и тотчас ложился спать. Он шутил при этом, что таким образом выигрывает много времени, обедает по-римски, а желудок во сне переваривает пищу лучше, чем днем. Вообще же он ложился спать в час или два; иногда он несколько дней сряду занимался, не вставая с места. От этого у него сделалась рана на ноге; она мешала ему ходить, и он вздумал ее залечить компрессами из тонкой бумаги; она закрылась, но тогда его подагра усилилась. Он старался вылечиться тем, что лежал смирно и занимался в постели. А чтобы уничтожить боль, он велел себе сделать деревянные тиски и привинчивать их повсюду, где чувствовал боль.

Вследствие этого, — говорит Экгард, — он до такой степени расстроил свои нервы, что почти не мог ходить и все время лежал в постели.

Но еще весной 1716 г. Лейбниц писал Монтмору, что его незначительные недуги очень сносны, и что когда он лежит, то даже не чувствует боли. Если его положение не ухудшится, то оно не помешает ему предпринять довольно большое путешествие.

В августе Лейбниц был в Пирмонте на водах и возвратился веселый и бодрый. Но в ноябре он подвергнулся сильному припадку подагры, которая перешла в плечо. По своему обыкновению он принял три порции декокту, который ему дал какой-то иезуит в Вене. На этот раз лекарство оказалось слишком сильным — у больного распухло тело и сделались сильные судороги и боли. Это было 14 ноября, вечером. Ему сказали, что в Ганновер приехал Вальдекский лейбмедик, Зейп, о котором Лейбниц был очень хорошего мнения. Он послал за ним и стал ему говорить про болезнь и про свое лечение. Зейп рассказывает, что он при этом постоянно заговаривал об алхимии, сообщал, например, как известный Фуртенбах превратил во Флоренции половину железного гвоздя в золото. Зейп, заметив, что пульс больного очень слаб и что на руках выступил холодный пот, сказал ему, что он в опасном положении. Лейбниц возразил, что у него с детства холодные руки и ноги, а также слабый пульс, что у него есть разные средства на всякие случайности. Зейп отсоветовал эти средства, просил позволения прописать ему лекарство и сам отправился за ним в аптеку. Как только доктор вышел, страдания до того усилились, что больной почувствовал приближение смерти. Он спросил бумаги и перо, начал что-то писать, но когда хотел при свете прочитать написанное, то не мог разобрать. Он разорвал бумагу и прилег, снова хотел приняться писать и опять бросил бумагу, повернулся и тихо скончался около 10 часов.

Эгард прибавляет к рассказу доктора, что когда один из слуг спросил его, не хочет ли он причаститься, то он ответил, чтобы его оставили в покое, что он никого не обидел и что ему не в чем исповедоваться. Другие рассказывали, что когда кто-то ему стал говорить о смерти, он спокойно возразил: «И другие люди должны умереть»¹.

Такова была одинокая кончина философа, который имел многочисленных друзей во всех странах Европы, — любимец и советник стольких замечательных людей своего времени умер на руках прислуги и проезжего доктора.

Но еще более грустное впечатление, чем кончина Лейбница, оставляет его погребение. На похоронах его вполне уяснилось, что

¹ Рассказ о последних минутах Лейбница мы заимствуем у Гурауера, который собрал все сюда относящееся.

Ганновер был не местом для него с тех пор, как умерла Софья, которая одна могла его оценить. Министры были рады нерасположению короля к Лейбницу, чтобы устранить неудобного советника. Чиновники и филистеры Ганновера мало заботились о Лейбнице, который не занимал видного, официального положения. Духовенство не любило его за терпимость в религии и за пренебрежение ко внешнему богослужению. Экгард рассказывал, что Лейбниц редко или никогда не ходил в церковь и еще реже принимал причастие. «По крайней мере в течение 19 лет, с тех пор, как я его знаю, я не слышал об этом. Пасторы часто бранили его за это публично. Но он оставался при своем. Простонародие обыкновенно называло его на своем наречии — Lövenix (Glaubt nichts)*. Это название придумал какой-то пастор». Но один из друзей Лейбница, Бурге, рассказывает, что его прозвали так иезуиты, когда они отчаялись, что он примет католицизм.

Вследствие этого похороны Лейбница были очень странны. Король Георг находился недалеко от Ганновера, но не выказал никакого участия. Министры велели запечатать все бумаги Лейбница и перенести их в государственный архив. Этим ограничились их распоряжения. Все заботы об устройстве приличных похорон пали на секретаря Экгарда. Весь двор был приглашен на похороны, но никто не явился, «так что, — говорит Экгард, — я один шел за гробом и немало гордился честью, что мне пришлось оказать последние почести великому человеку». Да еще Кер, случайно прибывший в Ганновер в день смерти Лейбница, шел глубоко огорченный за гробом своего друга. Он был в негодовании на жителей Ганновера, хоронивших Лейбница скорее как разбойника, чем как человека, который был украшением их отечества.

Экгард, по обычаю того времени, позаботился украсить гроб эмблемами и надписями, характерными для Лейбница. На правой стороне была надписана любимая поговорка деятельного ученого: *Pars vitae, quoties perditur hora, perit!*. Над этим была изображена единица в круге с надписью «*Omnia ad unum*» (все к одному). Это, поясняет Экгард, «относится к Богу, ибо понятие о Боге было главным основанием системы Лейбница». Под этим был изображен орел, поднимающийся к солнцу со словами «*haurit de lumine lumen*» (в свете черпает свет). На левой стороне находилась эмблема математика Бернулли, которая очень нравилась Лейбницу, — спираль со словами «*Inclinata resurget*» (согнутая она воспрянет); вни-

¹ Каждая потерянная минута уносит с собой часть жизни.

* Ни во что не верящий (нем.). — Прим. пер.

зу был изображен сожигавший себя Феникс и слова «*Servabit cinis hopogem*» (с прахом останется честь).

Между этими эмблемами были приведены стихи Горация:

*Virtus, recludens immeritis mori
Coelum, negata tentat iter via,
Coetusque mortales et udam
Liquit humum fugiente penna¹.*

В головах был изображен его герб, в ногах обозначен день его кончины и возраст. Он умер в 70 лет.

Гурауер удачно сравнивает похороны Лейбница с похоронами его соперника Ньютона, на которых лорд-канцлер и члены высшей аристократии Англии держали покров гроба. Жители Лондона толпой сопровождали гроб Ньютона в Вестминстерское аббатство, где покоятся великие люди Англии. Лейбницу же не было поставлено памятника. Спустя 50 лет после его смерти иностранцы с трудом могли отыскать его могилу. Только в конце столетия пробудилось сочувствие к нему жителей Ганновера, и был поставлен ему памятник.

Кончина Лейбница представляет много общего с последними минутами его друга, Софьи-Шарлотты. Подобно ей он сделался после смерти предметом многих нареканий за недостаток благочестия. В XIX в. было бы излишне оправдывать Лейбница — мы знаем его взгляд на религию и его неутомимую деятельность в религиозных вопросах. Мы приведем только одно современное ему оправдание.

По поводу толков о неблагочестии Лейбница герцогиня Орлеанская писала одной подруге:

Люди, которые жили подобно этому человеку, как мне кажется, не нуждаются в священниках. Чему могли научить его священники? Он знал больше их. Привычка не есть благочестие, а причащение, основанное на привычке, не имеет нравственного значения, если сердце лишено благородных побуждений. Поэтому я нисколько не сомневаюсь в блаженстве Лейбница (*an des Herrn Leibnitz Seligkeit*).

Лейбниц принимался несколько раз описывать самого себя и свою жизнь, но это были все отрывочные попытки. В 1696 г. он вел, как мы видели, некоторое время дневник; однажды он начал писать свою автобиографию, но довел ее только до окончания уни-

¹ *Horatius. Carminum. III, 2. V. 21—24* («И открывая небо достойному бессмертия, доблесть рвется подняться запретным путем и на крыльях быстро летит от толпы и от грязи») (*лат.*). — *Прим. пер.*

верситетского курса. В другой раз он написал характеристику самого себя, вероятно, для кого-нибудь из своих друзей между медиками, потому что главное внимание было обращено на физические и физиологические свойства его. Лейбниц вначале говорит о здоровье своих родителей и о болезни, от которой они умерли. Потом описывает свой характер, говоря о себе в третьем лице.

По своему темпераменту он не вполне сангвиник, не холерик, не флегматик, не меланхолик. Он не сангвиник, потому что у него бледный цвет лица и он не любит движения. Он не холерик, потому что мало пьет и потому что у него гладкие волосы, сильный аппетит и крепкий сон. Не флегматик он вследствие живости и впечатлительности ума и сердца, а притом он худошав телом. Он не меланхолик, потому что у него быстрый ум и решительная воля, к тому же он не страдает печенью. Как кажется, однако, в нем преобладает холерический темперамент.

Роста он среднего и худошав, лицо бледное, руки большей частью холодные, ноги слишком длинны сравнительно с телом. Волосы его темно-русые. Зрение с детства слабое, голос более тонкий и звонкий, чем сильный; язык не довольно гибкий, ибо с трудом произносит гортанные звуки и «к». У него слабые легкие, сухая печень, ладони перекрещиваются множеством линий. Он любит сладкое, например сахар, который примешивает к вину, любит также всякий возбуждающий запах и убежден, что это очень освежительно действует на нервы, если только их не слишком раздражает. Он никогда не страдает от простуды и кашля. Глаза его не влажны, а слишком сухи, поэтому он не хорошо видит вдаль, зато тем лучше видит вблизи. Сон его крепок, потому что он поздно ложится и предпочитает ночные занятия утруненным.

С детства он вел сидячую жизнь и делал мало движений. Он рано начал много читать и еще больше думать; почти во всех науках он самоучка. У него страсть проникнуть глубже во всякий предмет, чем это обыкновенно бывает, и открыть что-нибудь новое.

Он не слишком большой охотник говорить; сильнее его склонность к размышлению и одинокому чтению. Если же он вовлечен в беседу, то продолжает ее с удовольствием, потому что предпочитает веселый и приятный разговор играм и упражнениям, требующим движения.

Он очень вспыльчив, но его гнев так же скоро проходит, как и возбуждается. Он никогда не бывает чрезмерно весел или печален. Горе и радости его всегда умеренны. Смех большей частью изменяет только выражение его лица, но не проникает вглубь. Он нерешителен, когда нужно приступить к делу, но смел в исполнении его.

Вследствие плохого зрения у него мало фантазии, а вследствие слабости его памяти незначительная утрата в настоящем огорчает его сильнее, чем самая тяжкая потеря в прошедшем.

Он обладает большой изобретательностью и рассудком (*judicio*); сочинить что-нибудь, читать, писать, говорить без приготовления и, если нужно, дойти до основания какого-нибудь понятия посредством размышления, все это не составляет для него труда (*Unde infero cerebrum ei*

esse siccum et spirituosum*). Духовная деятельность его слишком возбуждена, поэтому я опасуюсь, чтобы он не умер от чохотки, вследствие излишних занятий, чрезмерного умственного напряжения и худобы тела.

В другом месте Лейбниц говорит о себе:

Бывает двоякий ум, как и двоякая память. Один быстр и зависит от разума (*ingenium*), другой основателен и происходит от рассудка. Первый встречается у людей с живой речью, второй у людей медленных, но не без способностей к делам. Некоторые же люди имеют странное свойство, что в известное время они чрезвычайно быстры, в другое очень медленны; к таким причисляю я себя. И я заметил, что немногие похожи на меня характером, все легкое становится для меня трудным, а все трудное легким... Все люди, чувствительные к оскорблениям, бывают сострадательны. Когда они видят кого-нибудь в таком положении, которое они для себя считали бы неприятным, то оно их трогает; поэтому они желают иногда унижить других, но в ту же минуту готовы подать им руку помощи. Многие долгое время не могут забыть безделицы, но не мстительны, как скоро получили удовлетворение в чести. У таких людей ум преобладает над воображением. А люди с сильным воображением не принимают к сердцу мелкого оскорбления, но не могут забыть тяжелого; они мстительны и их трудно успокоить. Умные же люди живо чувствуют как мелкие, так и тяжкие оскорбления, но их гнев подобен зажженной соломе, которая быстро сгорает.

В сочинениях Лейбница можно встретить много мест, свидетельствующих о его необыкновенной терпимости:

Если я ошибаюсь, то ошибаюсь охотнее в пользу людей, чем во вред им. Таков я и при чтении. Я ищу в книгах не того, что я мог бы осудить, но того, что достойно одобрения и что для меня полезно. Это не самая модная метода, но зато она самая справедливая и полезная. Однако хотя мало людей и мало книг, которых я считал бы для себя бесполезными, я умею различать между ними и не одинаково им доверяюсь.

В другой раз он пишет:

Знай, ни у кого нет меньше цензорских склонностей, чем у меня, — я одобряю большую часть того, что читаю. Я хорошо знаю, как различно можно понимать вещи, а при чтении мне приходит в голову много такого, что оправдывает автора.

Много интересных сведений о характере Лейбница и о его домашнем быте сообщает его секретарь Эггард, который знал его уже в старости:

У него была слишком большая голова, в молодости покрытая темными волосами, и маленькие близорукие, но очень живые глаза. У него

* Из чего я заключаю, что ум его трезв и плодотворен (*лат.*). — *Прим. пер.*

рано образовалась лысина, а на макушке появился нарост величиной в голубиное яйцо (Лейбниц поэтому очень рано начал носить парик). Он был широкоплеч, имел привычку наклонять голову и потому казался сутуловатым. Он был скорее худошав, чем полон, а когда ходил, держал ноги криво, подобно тому как описывает себя Скаррон. Телосложения он был очень крепкого, много ел, но мало пил, если его не принуждали, и всегда прибавлял воды к вину. Он имел обыкновение дома пить немного пива и любил смешивать сладкое и кислое вино, к которому прибавлял вишневого сиропа и немного воды. Он никогда не заводил своего хозяйства и был неразборчив в пище; он посылал за кушаньем в гостиницу, обедал всегда один и в разное время, смотря по своим занятиям.

Поездки свои он всегда предпринимал в воскресенье или в праздники и в это время обдумывал свои математические теоремы. Он всегда был весел и бодр и ничем особенно не огорчался. С военными, с придворными, с дипломатами и художниками он говорил, как будто всегда занимался только их делом; потому его все любили, за исключением тех, которые его не понимали. Он говорил о всех только доброе, клонил все к лучшему, и даже щадил своих врагов, когда он мог повредить им у высокопоставленных особ.

Он читал много и делал из всего извлечения; к каждой замечательной книге он на маленьких бумажках писал примечания, но не перечитывал их никогда, потому что у него была необыкновенная память; до самой старости он знал наизусть лучшие места древних поэтов, особенно Виргилия, духовные песни, и все что он читал в юности. Он следил с участием за всем, что делалось в науке, и если слышал о каком-нибудь новом открытии, то не мог успокоиться до тех пор, пока не получал о нем полнейших сведений. Его переписка была чрезвычайно обширна и отнимала у него много времени¹. Все замечательные ученые в Европе состояли с ним в переписке, и даже если менее известные люди к нему обращались, он всегда отвечал им на их запросы.

Упрямство, которое мешало ему выносить противоречия, даже когда он сознавал свою несправедливость, было главным его недостатком². Но потом он всегда следовал лучшему убеждению. С прислугой он был очень снисходителен, склонен к вспыльчивости, но его гнев скоро проходил.

Такая заурядная натура, как Эггард, был мало способен написать характеристику Лейбница, хотя он и провел с ним около 16 лет. Кроме упрямства, Эггард упрекает Лейбница в жадности: «Он любил деньги и его почти можно назвать *sordidus* (скрягой); но он редко употреблял свои деньги на себя, а позволял себя обманывать механикам и прислуге. Арифметическая машина, которая

¹ Лейбниц писал все свои письма сначала начерно, а иногда переделывал их два, три и четыре раза.

² Понятно, почему Эггард говорит об упрямстве. Этот педантичный и ограниченный ученый, который исполнял черную работу для Лейбница, вероятно, нередко бывал прав в мелочах и был готов объяснять всякое разногласие упрямством.

была окончена незадолго до его смерти, стоила ему больших денег; поэтому он при всех своих доходах оставил только сумму в 12 тысяч талеров неблагодарному наследнику, который даже не поставил ему памятника». Экгард рассчитывает при этом доходы, которые Лейбниц получал в последнее время: 1300 талеров от Ганноверского курфюрста, притом деньги на квартиру, дрова, освещение, на стол, лошадей, писаря и прислугу; 600 талеров от герцога Вольфенбюттельского, от императора 2 тысячи гульденов, от царя 1 тысяча талеров.

Действительно, старания Лейбница приобрести официальное положение при разных дворах, связанное с жалованьем или пенсией, могут произвести неприятное впечатление. Еще в 1714 г., например, когда Георг вступил на английский престол, Лейбниц просил назначить его английским историографом, так как «вследствие близкой связи между историей Вельфского дома и историей Англии он желал в своих Гвельфских анналах коснуться также последней». Но не следует забывать, что в этих случаях Лейбниц гораздо более имел в виду политическое влияние, которое ему давало его официальное положение при нескольких дворах, чем денежные выгоды; не следует также забывать, что Лейбниц при этом руководствовался не столько честолюбием, сколько искренним желанием содействовать в возможно более обширной сфере интересам просвещения и осуществлению своих планов. Кроме того, из слов самого Экгарда видно, что Лейбниц не старался копить денег и тратил их не на себя, но на исполнение разных общепользных проектов, например на устройство самосчета, на разведение шелковичных червей и на путешествия с ученой целью.

Наконец, того блестящего положения, о котором говорит Экгард, Лейбниц достиг только в последние годы, когда ему было почти 70 лет. Русскую пенсию он получал с 1712 г., австрийскую — с 1714 г. Притом его пенсии выдавались неправильно и были очень непрочны¹. Мы видели, что ему перестали выдавать

¹ Лейбниц был часто принужден жаловаться, что ему больше года не выдавали жалованья, и напоминать о себе министрам. Мы приведем для примера неизданное письмо Шлейница, русского посла в Ганновере, к Шафирову (из архива Министерства иностранных дел) от 19 февраля 1715 г.: «Es hat der Kaiserliche Reichshofrath und Churf. Geh. Rath v. Leibnitz, so seithero der Czarischen Crohn-Prinzessin Hoh. L. Beylager von J. Cz. M. eine jährige pension von 1000 r. sp. gehabt, wovon ihm aber vor ein gantztes jahr à 1000 th. sp. annoch restiren, mich ersuchet, ihm zu erhaltung solcher gelder mit einiger recommendation an E. Ex. an Hand zu gehen. Wie nun solcher Minister jeder Zeit eine grosse Hochachtung und devotion vor E. Ex. als welche er personellement zu kennen Ehre hat

жалованье как президенту Берлинской академии вскоре после смерти Софьи-Шарлотты. Когда он зажился в Вене, в Ганновере приостановили выдачу его жалованья. В то время, при постоянных войнах и скудости финансовых средств, беспрестанно прекращали плату жалованья чиновникам или же произвольно уменьшали его. Лейбниц пишет однажды, что он поставил себе за правило тратить ежегодно только то, что было получено им два года тому назад.

Расчетливость Лейбница не подавала бы ни малейшего повода к замечаниям, если бы у него была семья или другие близкие лица. Она потому только бросается в глаза, что по смерти все его имущество досталось недостойному наследнику, пастору Лёфлеру, племяннику по сестре. Богатое наследство было причиной трагикомического события в семье наследников. Когда Лёфлер возвратился домой со своими сокровищами, жена его при виде их пришла в такое волнение, что тут же испустила дух. Сам Лёфлер не знал, что делать со своим состоянием, и потерял спокойствие. О благородстве его можно судить по тому, что он не позаботился поставить дяде памятник и продал отличный портрет великого философа одному ветошнику за несколько талеров.

Лейбниц очень любил детей; он часто призывал к себе детей своих соседей, со своего кресла любовался их играми и, раздав им лакомства, отсылал домой; но он никогда не был женат. Экгард рассказывает, что на 50-м году он вздумал жениться; особа, которой он сделал предложение, потребовала времени, чтобы подумать на досуге, как выразился Фонтенель. Лейбниц также подумал, и не женился¹.

В жизни Лейбница нет никаких следов, чтобы он когда-нибудь любил. Он охотно бывал в женском обществе и, как говорит его биограф, не жалел о времени, которое проводил с женщинами. В беседе с ними он был всегда весел и оживлен и переставал быть

bezeuget, er auch S. Cz. M. nützliche Dienste zu leisten sich stets allerunterthänigst angelegen sein lassen, so habe ich nicht entbrechen können dessen Angelegenheiten E. Ex. bestens zu recommendiren und ihm dero Protection und Gnade gehorsamst auszubitten» (Императорский придворный советник и тайный советник при курфюрсте Лейбниц, со дня свадьбы Ее Высочества царской кронпринцессы получающий по распоряжению Его Императорского Величества ежегодный пенсион в размере 1000 руб., из которого, однако, ему в прошлый год была недодана 1000, просил меня содействовать ему в получении этих денег, рекомендуя его Вашей Светлости. И поскольку этот министр всегда выказывал глубочайшее почтение и уважение к Вашей Светлости, а также мог бы сослужить выгодную службу Его Императорскому Величеству, постольку я не могу пренебречь возможностью рекомендовать его с самых лучших сторон и нижайше прошу оказать ему вашу протекцию и милость (нем.). — Прим. пер.).

¹ Éloge de Leibniz. P. 259.

ученым и философом. Дружба заменяла ему любовь; но трудно сказать, ограничился ли бы он дружбой, если бы встретил другую Софью-Шарлотту не на престоле.

Лет 14 после смерти Лейбница вдруг распространилось известие, что у него был незаконный сын по имени Вильгельм Диннигер, который служил ему секретарем. Издатель «Литературного сборника», в котором появилось это известие, ссылаясь на астронома Кирха, который будто бы знал Диннигера и заметил в нем большое сходство с Лейбницем. Никто не знал, куда он девался. 50 лет спустя в одной газете появилось приглашение помочь двум крайне бедным старушкам — внучкам Лейбница, оставшимся по смерти их отца Диннигера без всяких средств. Приглашение было от имени Мэккернского благочинного Абеля, в округе которого они жили. Абель сообщал, что Диннигер не скрывал от благообразных людей своего происхождения, но ничего не говорил об этом своим детям и таким людям, которые могли бы смеяться над ним. Диннигер часто рассказывал своим дочерям, что «великий Лейбниц очень любил его, отдал его в академию, чтобы выучить живописи, и осыпал его благодеяниями; от этого он стал высокомерен и однажды ушел недовольный от Лейбница, и, таким образом, лишился наследства, на которое имел большие надежды. После смерти Лейбница он поселился в Мэккерне и стал заниматься живописью, но в маленьком городке не мог найти работы и впал в бедность». Абель прибавляет, что Диннигер и его младшая дочь были чрезвычайно похожи на портреты Лейбница.

Прусский министр Герцберг велел по этому поводу навести справки, из которых оказалось, что Вильгельм Диннигер в метрических книгах был записан четвертым сыном приходского учителя Диннигера в Зармунде и родился в 1686 г. Мать его Мария была дочерью крестьянина из Бернштедта близ Потсдама. Это известие делает рассказ Диннигера о его происхождении неправдоподобным; но достоверного ничего не известно.

Полная характеристика Лейбница будет возможна только тогда, когда сделается известной вся его громадная переписка. Мы приведем здесь для дополнения только несколько черт, его характеризующих. Мы упомянем о том, как он старался быть доступным каждому, лишь бы от этого не пострадала истина. «En général il est bon, — писал Лейбниц однажды, — qu'on se met à la portée de tout le monde, pourvu que la vérité n'en souffre pas»¹.

¹ (В общем и целом правильно сообразоваться с понятиями, доступными каждому человеку, если только от этого не страдает истина (фр.). — Прим. пер.)

Упомянем о полнейшем отсутствии зависти к успехам и заслугам других; он охотно делился с другими своими идеями и радовался, когда они развивали их дальше. Лейбниц говорил, что смотрит с удовольствием, когда в чужих садах всходят семена, им посеянные. «Эти семена, — прибавляет Фонтенель, — часто дороже, чем сами плоды: в математике метод изобретения драгоценнее, чем большая часть результатов, достигнутых с его помощью»¹.

Лейбниц любил покровительствовать людям мало известным, но достойным и старался доставить им положение более соответствующее их заслугам, часто без их ведома.

Не только жителей Ганновера, но и всех соотечественников Лейбница можно обвинить за крайнее равнодушие к его памяти. Берлинская академия, основанная им, ничем не отозвалась на его смерть. Лейбниц был членом Лондонской и Парижской академий. Первая, которая только что принимала такое пристрастное участие в споре Лейбница с Ньютоном, не считала нужным заявить свое сочувствие к умершему. Только Парижская академия почтила его память речью своего талантливого секретаря Фонтенеля. В своем сжатом панегирике Фонтенель пересчитывает те заслуги Лейбница, которые были ему известны. Изящное изложение и неподдельное чувство уважения к гению искупают недостаток полноты в его оценке.

Лейбница тогда трудно было вполне оценить. Только в 1768 г. было издано первое собрание его сочинений, далеко не полное². Издатель его не имел возможности черпать из главного источника — Ганноверского архива. Как мало еще в то время понимали значение Лейбница, видно из того, что издатель пренебрег его интересной перепиской, доставшейся ему в руки, «потому что она была политического содержания». В Лейбнице хотели признавать только философа, математика и издателя исторических и юридических актов. Лишь недавно вышло первое издание его сочинений на немецком языке³, за ним первое критическое издание его фило-

Лессинг оправдывает Лейбница от упрека, что он будто бы старался приравниваться ко всем мнениям и системам, чтобы снискать всеобщее расположение. Лессинг показывает, что, напротив, Лейбниц старался во всех системах найти что-нибудь разумное; он извлекал из них эту разумную сторону и приравнивал ее к своей системе. «Er schlug aus Kiesel Fener, aber er verbarg sein Feuer nicht in Kiesel» (Он высекал из камня огонь, но свой огонь он не прятал в камне (нем.). — Прим. пер.).

¹ Oeuvres de Fontenelle. Eloge de M. Leibnitz. 1785. Т. II. P. 227.

² G. G. Leibniti Opera Omnia / Ed. Dutens. Genevae, 1768. 5 voll.

³ Leibniz's Deutsche Schriften / Hrsg. Guhrauer. Berlin, 1838. 2 voll.

софских сочинений¹; только в 1843 г. был наконец напечатан его знаменитый исторический труд², и вскоре после того вышло полное издание его математических сочинений.

В 1859 г. французский литератор составил план полного издания сочинений Лейбница и с самоотвержением трудился для этой цели в Ганноверских архивах. Благодаря ему выяснилась деятельность Лейбница по переговорам о примирении церквей и политическая роль, которую он играл. Издание сочинений Лейбница не может быть делом частного лица и требует искусных рук. Предприятие Фуше де Кареля подвигалось медленно вперед и представляло много недостатков³. Наконец ганноверское правительство сознало свой долг относительно Лейбница и всего ученого мира. Оно поручило своему библиотекарю приняться за полное, критическое издание его сочинений, и первые тома начали быстро появляться один за другим в самом роскошном виде⁴.

Но над сочинениями великого философа как бы властвовала особенно злая судьба. Ганноверское правительство пало, и издание прекратилось на 5-м томе. Значение Лейбница выяснится вполне, только когда будет издано полное собрание его сочинений, когда несколько специалистов примутся изучать его труды, каждый по своей науке, и когда биограф столь же многосторонний, как Лейбниц, сведет итог этих изысканий.

Но последнее условие едва ли возможно. В эпоху Лейбница различные отрасли человеческих знаний недалеко еще ушли от своей колыбели и были совместимы в обширном уме одного человека. То был первый, детский период человеческой мудрости. Лейбниц жил на грани этого периода, он был последним из счастливых, которым удалось обзреть в своем уме все обширное поле наук и содействовать развитию каждой из них. Казалось, что в лице Лейбница человечество остановилось в своем вечном прогрессе на мгновение, чтобы взглянуть на пройденный путь, чтобы собрать в одно целое весь итог достигнутых результатов, а затем раздробить свою деятельность и развивать каждую науку особенным, свойственным ей путем.

Лейбниц представляет собой целую академию; его деятельность благоприятно отразилась на всех отраслях науки. Самые важные и неоспоримые заслуги его относятся к области математи-

¹ G. G. Leibnitii Opera Philosophica Omnia / Ed. Erdmann. Berlin, 1840.

² G. W. Leibnitii Annales Imperii Occidentis. Brunsvicensis / Ed. Pertz. Hannover, 1843. 3 voll.

³ Oeuvres de Leibniz / Ed. Foucher de Careil. Paris. Didot., 1859. 6 voll.

⁴ Die Werke v. Leibniz / Hrsg. Onno Klopp. Hannover, 1864. 5 voll.

ки. Он был изобретателем дифференциального исчисления, которым обуславливаются новейшие успехи этой науки. С помощью новой методы он разрешил множество важных математических проблем¹. Он опроверг динамические законы Декарта и положил начало новой динамике. Он много занимался практической математикой — механикой. Сюда относятся его попытки к улучшению карманных часов и способов передвижения, его работы по гидростатике, которые не удалась вследствие упрямства горных инженеров, наконец его арифметическая машина для извлечения квадратных и кубических корней.

В естественных науках Лейбниц принес больше пользы своим влиянием на других, чем самостоятельными трудами. Ни в ком не было такой любви к природе и такого живого сознания, что в самых мелких произведениях ее проявляется та же творческая сила, которая создала мироздание. Лейбниц никогда не решался убить муху, как бы она его ни беспокоила, и говорил, что жалко разрушать такую «искусную машину».

Во времена Лейбница естественные науки находились в Германии еще в детском состоянии: в химии господствовали алхимические бредни, в физике разные схоластические теории. Лейбниц занимался химией, опровергнул флогистическую теорию Штала, делал наблюдения над фосфором, над магнетизмом, над пневматикой, чтобы усилить с помощью сжатого воздуха давление в оружии, в пожарных трубах и т. п. Лейбниц живо интересовался всякими опытами в этих науках, вступал в переписку с учеными, побуждал их к новым опытам и покровительствовал им, где мог. Он переписывался с Лёвенгуком в Голландии и с Валиснери в Италии о семенных животных, которых они открыли с помощью микроскопа, и излагал им свой взгляд на их открытие. Он ходатайствовал у ландграфа Гессенского за французского ученого-физика Папена (Papin), первого изобретателя паровой машины, несмотря на то что Папен находился с ним в полемике о значении картезианизма. Когда не удалась попытка первого парохода, устроенного Папеном на реке Фульде, Лейб-

¹ Oeuvres de Fontenelle. P. 226: Son nom est à la tête des plus sublimes problèmes, qui aient été résolus de nos jours et il est mêlé dans tout ce que la géométrie moderne a fait de plus grand, de plus difficile et de plus important (Его имя стоит на первом месте при упоминании о самых тонких проблемах, которые были разрешены в наши дни, и тесно связано с теми открытиями, которые в современной геометрии считаются наиболее великими, наиболее трудными и наиболее важными (фр.). — *Прим. пер.*)

ниц не разочаровался, подобно другим, а ободрял герцога и защищал Папена¹.

Лейбниц изучал в своих путешествиях фабричные промыслы и горное дело и придумывал новые способы для их улучшения. В медицине Лейбниц настаивал на необходимости статистических наблюдений, чтобы иметь твердую почву для науки; он требовал от медиков, чтобы они прилежнее изучали пищу и другие условия человеческой жизни, так как здоровая диета важнее всяких лекарств. Он первый указывал на важность сравнительного изучения анатомии, хотя эта наука в то время встречала много препятствий в господствовавших суевериях.

Но в одной отрасли естественных наук труды Лейбница самостоятельны и имеют великое значение — в геологии и палеонтологии. Мы подробно говорили о его «Протогее», первом сознательном опыте объяснить образование земного шара посредством двух факторов — огня и воды — и определить геологические эпохи с помощью ископаемых. Намереваясь предпослать «Протогею» своей истории Германской империи, он доказал, что первый сознал глубокую связь между естественными условиями и историей страны, между жизнью земли и природы и духовной жизнью человека.

По своему университетскому образованию и по первым практическим занятиям Лейбниц был юристом. В правоведении его девизом всегда было: право существует для охранения, а не для притеснения людей (*Jura ad servandos, non ad perdendos homines nata sunt*). Поэтому Лейбниц рано поставил себе целью произвести реформу в гражданском и уголовном праве, чтобы уничтожить два главных недостатка в судопроизводстве того времени: запутанность и кляузничество. Он считал нужным применить к праву математическую демонстративную методу, извлечь из римского кодекса главные вечные аксиомы права и с их помощью внести в законодательство ясность и точность. Все первые юридические труды его посвящены этим вопросам.

В государственном праве Лейбниц выяснил значение могущественных имперских князей, приобретенное ими после Вестфальского мира, и привел теорию в согласие с изменившимся фактическим положением.

¹ *Rommel. Leibniz und L. Ernst. I. P. 167: Doleo praeclara cogitata ingeniosissimi Papini casu infelici perturbata. Sed non ideo a me contemnuntur, aut pro inanibus habentur... (Я очень сожалею, что прекрасные замыслы гениального Папена не увенчались успехом. Но я их из-за этого вовсе не отвергаю и не считаю пустой выдумкой... (лат.). — Прим. пер.)*

В международном праве он указал на необходимость изучения исторического материала, чтобы доставить этой науке твердую почву. Трактаты и договоры должны были, по его мнению, играть такую же роль в международном праве, как положительное законодательство в гражданском и уголовном. Он сам издал два сборника памятников по международному праву.

В философии права Лейбниц доказывал, что законы справедливости и нравственности также вечны и также основаны на непреложной сущности вещей, как и законы арифметики и геометрии.

В тесной связи с его изданиями по международному праву стоят его труды по истории. Лейбниц выяснил методу исторической науки, которая главным образом обуславливает ее успех, именно критическую разработку исторического материала. Тогдашнее положение исторической науки принудило его приняться за черную работу; он не побрезгал ею, не пожалел неблагодарного труда и издал несколько сборников исторического материала. Он отнесся критически к этому материалу и изгнал из науки много неточностей, ошибок и предрассудков, например миф о папессе Иоанне. В «Анналах Западной Империи» он представил образчик историографического искусства, который своими достоинствами далеко опередил время. Лейбниц обнаружил в нем критический такт и тонкое понимание духовной жизни народа, проявляющейся в церкви, философии, литературе и др., — два главных условия новейшей историографии.

Этимологические исследования, под старость, были для Лейбница средством отдохновения. Но они были для него не одной только забавой. Несмотря на детское состояние науки о языке, Лейбниц осознал те две идеи, на которых основано великое развитие лингвистики в XIX в. Он понял, что языкознание имеет для истории человечества такое же значение, какое геология и палеонтология для истории земного шара и его обитателей. Он понял в то же время необходимость сравнительного изучения языков и поботился о собрании возможно большего материала. Миссионеры, путешественники, дипломаты и государи должны были доставлять ему лингвистический материал, и его изыскания обнимали Европу и Азию от кельтов до сибирских племен, имена которых только что тогда стали известными.

Хотя Лейбниц, как европейский публицист и философ, был принужден писать большей частью на общеевропейских языках того времени, латинском и французском, он не забыл своего долга относительно отечественного языка. В классическом сочинении

он восстал против безобразного смешения немецкого языка с французскими и латинскими словами, указал на средства обогатить его и красноречиво убеждал своих соотечественников принять все меры, чтобы усовершенствовать их родной язык, представляющий столько богатых задатков развития.

В XVII в. всякий образованный человек или по крайней мере литератор считал своей обязанностью писать стихи. Лейбниц также следовал моде того времени и оставил по себе целый том стихотворений на латинском, французском и немецком языках. В них есть все, чего можно требовать от умного человека, отлично владеющего языком; но в них нет поэзии. Лейбницу вообще недоставало настоящего понимания как поэзии, так и искусства. Высшей целью их, по его мнению, должно было быть нравственное и религиозное усовершенствование человека. Он еще недалеко ушел от точки зрения средневековых мистерий.

Интересам религии Лейбниц посвятил значительную часть своей деятельности. Он употребил весь богатый запас своих сведений в богословии и в истории церкви для великого дела примирения церквей. Он был одним из главных поборников религиозной терпимости, основанной не на равнодушии к религии, а на сознании, что сущность всех христианских исповеданий одна и та же и что интересы их общие. Он посвятил свои гениальные способности на то, чтобы защищать религию от скептицизма и софизмов и чтобы доказать вечную гармонию между религией и разумом, откровениями того же Божества.

В философии Лейбниц приобрел вечную славу — он создал гениальную философскую систему, которая навсегда сохранит свое значение между великими попытками человека проникнуть в тайны мира и бытия. Ни одной системе не удалось в равной степени примирить крайние противоположности — единство мира, выражающееся в Божестве, с правами индивидуального существования, вечность мира и бессмертие души, непреложность мировых законов и свободу воли. Плодотворные идеи гармонии, оптимизма и непрерывного развития были результатами этой философии.

Но далеко не все заслуги Лейбница укладываются в рамки определенных наук. Не следует забывать еще его деятельность как публициста и его заботы об интересах цивилизации и успехах просвещения. Как публицист Лейбниц имеет европейское значение. Он был поборником свободы и равновесия против деспотизма Людовика XIV и в этом отношении должен быть сопоставлен с Вильгельмом Оранским, как мыслитель с героем. Он был красноречивым проповедником освобождения христиан от магометан-

ского гнета и распространения цивилизации на отдаленном Востоке. Он был ревнителем просвещения и науки везде, где имел влияние и доступ. Четыре академии — Берлинская, Саксонская, Венская и С.-Петербургская — могут гордиться тем, что он подал мысль об их учреждении. Но исполнение далеко не соответствовало гениальному плану Лейбница. Он понял, что новые потребности науки требуют новых органов. Тогдашние университеты, со своим схоластическим направлением, духом каст и рутинерством, не могли служить орудием этих новых потребностей.

Лондонская и Парижская академии имели слишком специальное и одностороннее назначение. По плану Лейбница академия должна была быть высшей наградой за ученые заслуги, сокровищницей всех познаний, живым звеном между теорией и практикой и блюстительницей всех народных интересов, насколько они зависят от науки.

По многосторонности и обширности сведений Лейбница можно сравнить только с Аристотелем; но между ними существенное различие в положении. Век Аристотеля совпадал с высшим процветанием эллинской цивилизации. Он воспользовался плодами ее богатого развития, он свел в итог ее результаты, он заключил собой ряд глубочайших мыслителей от Пифагора до Платона. Лейбниц же жил в переходную эпоху от Средних веков — юношеского периода христианской цивилизации — к Новому времени.

В известные эпохи истории религия поглощает собой все духовные интересы человека. В ней заключаются, как в колыбели, все другие отрасли духовной жизни. Политическое устройство, наука и искусство проникнуты религиозным характером и служат целям религии. В истории нашей цивилизации мы видим такое явление два раза: в классическом мире и в Средние века. По своей деятельности, по своим целям Лейбниц принадлежит уже Новому времени и содействует торжеству новых начал; но по своему воспитанию он относится еще к предшествовавшему периоду, который оставил на нем немало следов. Лейбниц не потерял еще вполне веры в алхимию; он нехотя отказывается от астрологии; он считает возможным, чтобы движения звезд были символическими знаками того, что происходит на земле, подобно тому как линии на ладони изображают физические и духовные свойства человека. Ему случилось однажды защищать пытку как средство, подверженное большим злоупотреблениям, но иногда необходимое для восстановления истины. Он признает за поэзией и искусством только второстепенное значение, видит в них средство религиозного одушевления. Наконец, его политический и церковный идеал

заимствован из Средних веков: это — религиозное и политическое общение христианских народов под руководством папы и императора.

Подобные факты бросают яркий свет на историческое значение Лейбница. Он заключает собой религиозный период нашей цивилизации, когда Откровение считалось главным источником человеческой мудрости и когда все явления нравственного и физического мира объяснялись непосредственной волей Божества. Но в то же время деятельность Лейбница принадлежит другому, научному периоду нашей истории, в который человек старается глубже проникнуть в окружающий его мир, открывает вечные, непреложные законы, управляющие явлениями, и во все отрасли знания вносит точность и научность исследования.

Этим положением Лейбница объясняется его многосторонность. Он обнимает в своем уме всю энциклопедию наук, ко всем применяет новую методу и во всех пролагает путь к будущим результатам. Математические науки сделались в то время великой школой для человека — из них заимствовал он строгость методы и точность исследования, которые потом стал прилагать ко всем остальным наукам. Лейбниц неслучайно был великим математиком. Его стремления применить *математическую методу* к философии и ко всем наукам, не исключая юридических и политических, означали не что иное, как желание внести в них точность исследования и устранить из них всякие посторонние соображения и произвольные толкования.

Но Лейбниц, содействуя торжеству новых начал, не относился враждебно к прошедшему. Философ, открывший закон непрерывного развития, не мог допустить, чтобы новый период в истории человечества был полнейшим отрицанием предшествующего. Это свойство и составляет главное отличие Лейбница от других великих его современников: Декарта, Ньютона и Локка, односторонне примкнувших к новому. Лейбниц представляет собой связующее звено между богословским и научным периодом нашей цивилизации. Он резюмирует результаты первого и передает их как знамя будущим векам. Философия Лейбница, стоя на рубеже Нового времени, напоминает человеку, что между материальным миром и духовным установлена вечная гармония, что непреложные физические законы не исключают нравственных целей, которым они служат, что разум, раскрывающийся в мире, есть не безжизненный, математический разум, но сознательный, а следовательно, нравственный, и что человек, бесконечно малое отражение всемирного разума, есть существо духовное и нравственное.

Если сравнение Лейбница с Аристотелем объясняет общеевропейское его значение, то другим сравнением можно указать на положение, которое Лейбниц занимает в истории своего народа, — сравнением с Ломоносовым. Как ни велико различие между ними в обстановке и в достигнутых результатах, они занимают одинаковое положение в истории своего народа. Оба жили в такое время, когда их народ переступал из раннего периода своей жизни в более зрелый возраст. Оба были поставлены в необходимость взяться в одно время за все науки, не пренебрегать черной работой и своей деятельностью указать народу те пути, по которым он должен был следовать. Оба поэтому имеют одинаковое право на благодарность и уважение своего народа.

Но Лейбниц был счастливее. Чем выше степень развития, которую занимает народ в данное время, тем больше возможности имеют его передовые люди, подвигая вперед дело просвещения в своем народе, тем самым содействовать успехам цивилизации и интересам всего человечества.

ГЛАВА VIII*

ОТНОШЕНИЯ ЛЕЙБНИЦА К РОССИИ И ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ**

Gagner l'esprit d'un seul homme tel que le Czar et le tourner au véritable bien, en luy inspirant un véritable zèle pour la gloire de Dieu et pour la perfection des hommes, c'est plus faire, que si on gaignoit cent batailles, car de la volonté d'un tel homme dependent plusieurs millions des autres.

*Leibniz****

I

Взгляд Лейбница на значение России. — Старания Лейбница получить сведения о России до прибытия за границу великого посольства. — Его переписка с Лудольфом и бранденбургским посланником в России Рейером. — Куманский лексикон из библиотеки Петrarки. — Письмо Лейбница о пребывании Петра в Кенигсберге. — Прибытие русского посольства в Ганновер. — Попытки Лейб-

* В 1871 г. сочинение В. И. Герье «Отношения Лейбница к России и Петру Великому» вышло в С.-Петербурге как второй том книги «Лейбниц и его век». В данное издание названное сочинение включено как глава VIII. — *Прим. ред.*

** Предлагаемое сочинение впервые было напечатано в «Журнале Министерства народного просвещения». Оно составлено на основании писем и черновых бумаг Лейбница, хранящихся в Ганноверской библиотеке. Некоторые сведения заимствованы также из Московского архива иностранных дел. Собранные мной материалы будут изданы в свет Академией наук, которая уже сделала распоряжение о напечатании их. Так как эти материалы слишком обширны, чтобы снабдить их переводом, то я старался представить в предлагаемом сочинении по возможности полное извлечение из них и некоторые из более важных документов поместил целиком в переводе. — *Прим. В. И. Герье 1871 г.*

*** Привлечь на свою сторону ум одного человека, подобного этому царю, и направить его к истинному благу, вдохнув в него подлинное рвение во славу Божию и во имя усовершенствования человека, — означает сделать больше, нежели выиграть сотню сражений, ведь от воли такого человека зависят многие миллионы других людей. *Лейбниц (фр.). — Прим. пер.*

ница получить доступ к нему. — Письмо к Ф. Лефорту. — Записка о водворении наук в России. — Письмо Лейбница к племяннику Лефорта в Голландию. — Ответ Лефорта. — Письмо о пребывании Петра в Копенбрюгге и в Сардаме. — Попытки Лейбница воспользоваться пребыванием царя в Голландии. — Переписка с Витзенем. — Заботы Лейбница о воспитании царевича. — Письмо его к Софье-Шарlotte Прусской. — Опасения Лейбница в начале Шведской войны. — Переписка его с Спарвенфельдом. — Стихи графини Матвеевой. — Письмо к Сторрену о Карле XII.

С начала XVIII в. европейская история получает для нас совершенно новое значение. Россия становится европейской державой, принимает участие в делах западных государств и своим влиянием видоизменяет их отношения. Чем более будут развиваться материальные и нравственные силы России, чем значительнее будет ее влияние, тем более жизнь русского народа будет сливаться с жизнью западноевропейского человечества. Вследствие этого особый интерес получает в наших глазах первая встреча между Россией и Западной Европой. Во внутренней жизни России это столкновение произвело такой переворот, что с него начинается новый период русской истории. На Западную Европу встреча с Россией произвела, конечно, менее сильное впечатление, тем более, что внимание тогдашнего европейского общества было отвлечено страшной войной, которая могла повлечь за собой самые существенные результаты. Тем не менее переворот, готовившийся на востоке, не ускользнул от внимания передовых людей. Впечатление, произведенное на западного человека появлением нового восточного государства, особенно ярко отразилось на Лейбнице, который с таким живым участием следил за всем, что совершалось вокруг него, и с таким сочувствием приветствовал все, что обещало содействовать прогрессу и общим интересам человека. Поэтому мысли и надежды, возбужденные в Лейбнице деятельностью великого преобразователя России, и многочисленные проекты, составленные восприимчивым гением западного философа для водворения наук в России, не только получают значение для его биографии, но составляют интересный памятник той эпохи, когда на Россию перестали смотреть как на страну, представляющую только материал для любознательных путешественников, и начали сознавать ее права и предчувствовать ее призвание.

Лейбниц, со свойственной ему проницательностью, точно определил будущее значение России. Ей предстояли, по его мнению, две задачи: изгнать турок из Европы и цивилизовать восток. «Ей суждено сделаться, — восклицал он, — посредствующим звеном между двумя мирами, западным и восточным». Но еще прежде, чем изуми-

тельные успехи молодого царя могли возбудить в Лейбнице подобные надежды, он интересовался Россией и собирал о ней всевозможные сведения. Его внимание сосредоточивалось по преимуществу на двух вопросах. Он старался получить из России как можно больше материала для филологических и этнографических соображений. Он знал, что вопрос о родстве языков и происхождении народов не может быть разрешен, пока не будет исследовано громадное степное пространство, которое тянется от Карпатских гор мимо Каспийского моря к Аральскому и к границам Китая. Чтобы удовлетворить своей любознательности, Лейбниц заводил переписку со всеми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азии, и особенно с теми, которые имели связи в Польше и в России. С этой целью он расспрашивал путешественников и дипломатов и входил в сношения с голландскими и шведскими учеными, с римскими и польскими иезуитами¹.

Не в меньшей степени занимала Лейбница надежда, что неведомая, обширная Россия откроеет наконец доступ к себе европейской цивилизации. В этом отношении он сопоставлял Россию с Китаем и Абиссинией. Сношения европейцев с Китаем никогда еще не были так живы, как в конце XVII в., благодаря усилиям и ловкости иезуитов, которые сумели возбудить интерес богдыхана и китайских министров к математическим наукам и этим средством добиться их расположения. Мы видели, какого высокого мнения были европейцы об образованности китайцев и каких плодов Лейбниц ожидал от взаимодействия китайской и европейской цивилизаций². Почти также преувеличено было мнение европейцев того времени о значении и могуществе абиссинского царя. Лейбниц вполне разделял надежды своего друга Лудольфа, что посредством миссионеров и посольств от европейских государей к негушу можно было бы пробудить к новой жизни древнюю цивилизацию христианской Абиссинии, в союзе с ней положить конец

¹ О том, как интересовался Лейбниц сведениями о России, свидетельствует подробное извлечение на нескольких мелко исписанных листах, сделанное им из сочинения Кильбургера «О русской торговле». Кроме того, между бумагами Лейбница встречаются разные заметки о некоторых произведениях России и предметах ее торговли. В одной из них объяснено значение русских названий: мамонтова кость, Адамова кость, наливное яблоко (*Malum dictum Naliva*), *Voltschnoi Koren*, стерлядь, выхухоль. Тут же объяснено, что скорбут, *quern Russi Tsinga vocant*, славянское слово, *quasi morbus katexochen*, так как *scorb* по-славянски означает болезнь.

² См. статью «Лейбниц и его век» в «Журнале Министерства народного просвещения» за август 1867 г. (с. 337—338).

владычеству султана и распространить цивилизацию по всему громадному пространству африканского материка¹.

В своей переписке Лейбниц начинает часто упоминать о России в 1690-х годах. С этого времени она привлекает все большее и большее его внимание, как видно из его писем к Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду². Это, конечно, было не случайно, а зависело от того, что с этого времени сношения иностранцев с Россией становились все легче и легче и что внимание западных людей все более и более возбуждалось переменами, последовавшими по воцарении Петра. В 1692 г. Лейбниц известил Иова Лудольфа, что он обратился к ученому польскому иезуиту Коханскому с просьбой доставить ему какие-нибудь сведения о языках «внутренней Скифии» и прежде всего «Отче наш» на неведомых языках и что Коханский писал об этом к польскому резиденту в Москве³.

Об этом Лудольфе мы уже упоминали в нашем сочинении. Он был саксонским резидентом во Франкфурте, прославился своими трудами по истории и филологии, особенно же своими исследованиями о языке и нравах Абиссинии. Лудольф знал 25 языков, и, между прочим, польский и славянский. Первому он выучился у двух поляков, с которыми ездил в Рим, а второму — в Стокгольме, при дворе королевы Христины, по лютеранскому катехизису на русском языке⁴.

В 1696 г. Лейбниц жалуется Лудольфу, что москвитяне упорно отказывают в проезде через их страну, и продолжает:

Надобно надеяться, что они мало-помалу сделаются обходительнее. Желательно было бы, чтобы у них кто-нибудь действовал так, как

¹ Этот план о союзе Абиссинии с европейскими государствами для уничтожения турецкого владычества в древнехристианских областях Азии и Африки был возобновлен в XIX в. и на этот раз исходил от самой Абиссинии. Приглашение приступить к союзу против Турции составляло, как известно, содержание того рокового письма к королеве Виктории, которое послужило поводом к несчастному концу царя Феодора Абиссинского. Английское правительство оставило это письмо без ответа отчасти потому, что боялось оскорбить султана и вице-короля Египетского сношениями с их врагом, и возбудило этим негодование последнего. См.: *Petermann. Geogr. Mitth.* 1869. IV, где представлен свод из обширной современной литературы об Абиссинском деле.

² Все места, относящиеся к России в изданной до сего времени переписке Лейбница, собраны академиком Пекарским в статье: «Переписка Лейбница о славянских наречиях и древностях», помещенной в «Записках Императорской Академии наук» (Т. IV).

³ *Leibnitii Opera Omnia* / Ed. Dutens. Т. VI. Part. I. P. 105—110.

⁴ Катехизис этот был напечатан в 1628 г. фан-Селавом в Стокгольме; см. статью Пекарского в «Записках Академии наук» (Т. IV. С. 3).

ты у эфиопов. Если бы только обширное Московское царство склонилось к просвещенным нравам Европы, то христианство получило бы величайшее плоды. Есть, однако, надежда, что москвитяне выйдут из усыпления. Несомненно, что царь Петр сознает недостатки своих подданных и желает мало-помалу искоренить их невежество. Говорят, что он ума живого, но несколько горяч. Я слышал, что один из родственников твоих, секретарь принца Георгия, приобрел завидные познания (non poenitenda rerum Moscicarum notitia) в русском языке и предпринимает различные важные труды¹.

Родственник Лудольфа, о котором говорит Лейбниц, был его племянник Генрих-Вильгельм Лудольф, который сделался секретарем принца Георга Датского, мужа английской принцессы Анны. Важный труд, о котором намекает Лейбниц, есть русская грамматика Лудольфа, напечатанная в Оксфорде в 1696 г.

И впоследствии в своей переписке с Иовом Лудольфом Лейбниц часто упоминает о России и о русском языке. Так, несколько писем из их переписки занято спором о происхождении слова *царь*, причем Лейбниц, основываясь на том, что по-русски говорят *царь Давид*, *царь Соломон*, доказывал, что это слово не может происходить от латинского Caesar².

Польский резидент в Москве, через посредство которого иезуит Коханский надеялся доставить Лейбницу различные сведения из России, по-видимому, не оправдал этих надежд. Но в 1695 г. Лейбницу удалось завести непосредственные сношения с человеком, бывавшим в России. Это был бранденбургский гофрат Рейер, приехавший в Россию в качестве посланника (envoyé). Лейбниц познакомился с ним заочно через посредство своего друга курфюрстского секретаря Кюно в Берлине и просил его сообщить ему всевозможные сведения о России и ее жителях. В бумагах Лейбница сохранилась копия с письма этого Рейера к Кюно, в котором Рейер благодарит последнего за то, что он доставил ему знакомство со знаменитым Лейбницем, и обещает приложить все старания, чтобы исполнить возложенные на него поручения. Он старается наперед оправдать скудость своих известий тем, что «московский народ совершенно неспособен к изысканию подобных диковинок (Curiositäten), ибо он не прилагает ни малейшего труда ни к чему, что не пахнет деньгами или не представляет явной пользы». Рейер обещает просить «главного директора почт в Московии» Винууса,

¹ Leibnitii Opera Omnia T. VI. Part. I. P. 128. — Письмо переведено в статье Пекарского, где собраны также биографические сведения о семье Лудольфов.

² Переписка между Лейбницем и Лудольфом хранится в Ганноверской публичной библиотеке.

родом немца, или точнее, голландца, и иноземных послов в Москве о доставке желаемых сведений, но готов и в настоящее время сообщить Лейбницу кое-какие известия, которые он узнал от людей, бывавших в Сибири, и, между прочим, прислать извлечение из письма французского иезуита к патеру Лашезу, от 22 августа 1689 г., написанного в 300 милях расстояния от Пекина и перехваченного в Москве. Сохранилось также другое письмо Рейера, написанное прямо к Лейбницу, в котором он высказывает ту же готовность исполнять его поручения. На обороте этого письма написан черновой ответ Лейбница. Из него видно, что Лейбниц перед этим уже получил кое-какие известия от Рейера. Письмо показывает также, с каким трудом в то время проникали в Западную Европу сведения из России и каких хлопот стоило Лейбницу собирать эти сведения.

Известия, которые я получил от вас и которых можно ждать от вашего знакомства с Россией, для меня тем более дороги, что путь, вами открываемый, представляет единственное средство, чтобы проникнуть в страны, казавшиеся недоступными для европейской любознательности... Ваши сношения с г. Виниусом¹ — превосходное средство, чтобы разяснить дела. Он со спокойной совестью может оказывать нам свое содействие, потому что все это может послужить только к славе его государей и к тому, чтобы сделать известным их могущество.

Мне как-то писали из Польши, что между китайцами и москвитянами произошла новая ссора, но я этому не могу поверить. Меня извещали также, что царь Петр намерен ввести в Московию более цивилизованные обычаи нашей Европы. Этот могущественный государь может сделать великое дело, если двинется на крымских татар. Князь Голицын, который пал вместе с царевной Софьей, два раза предпринимал напрасный поход против Перекопа. Но я надеюсь, что теперь лучше возьмется за дело. Еще какой-то другой князь Голицын, считавшийся любимцем царя Петра, был потом удален от двора. Но кажется, я слышал, будто бы какого-то Голицына снова возвратили. Отец Гримальди, иезуит, прибывший из Китая, говорил мне в Риме о московском посланнике, называвшемся, кажется, Спатаром, которого он знал в Пекине. Он считает его достойным. Мне рассказывали также об одном очень ловком шотландце, Мелезиусе, который состоит в службе при отце матери царя Петра. Газеты говорили еще о Лафорете (кажется, он женевец), одном из царских генералов, который принимает участие в теперешнем походе. Я не сомневаюсь, что г. Виниус видел карту Великой Тартарии, изданную Витзенем, амстердамским бургомистром, и посвященную царям. Материал для нее он почерпнул из известий, полученных им в Москве, где он некогда был. Но я не сомневаюсь, что с тех пор оттуда получены новые сведения. Впрочем, отношения языков, без помощи

¹ Лейбниц называет в этом месте Виниуса: «Chancelier des dépêches des Czars» (Царский письмоводитель (*фр.*). — *Прим. пер.*).

которых нельзя определить родства народов, еще не выяснены. Мне говорили об одном немце¹, поселившемся в Голландии, который занимается русским языком. Я уважаю всякий труд, из которого можно чему-нибудь научиться, но я предпочел бы иметь сведения о языках менее известных. Не помню, говорил ли я в записке, сообщенной вам через посредство г. Кюно, что в одной рукописи XIII в. найден образчик языка куман, живших в Тартарии. Там сказано, что в маленьком лексиконе персидско-куманско-латинском были приведены следующие слова: *mesnoem—esitarmen—audio*; *mesnoy—esitarsen—audis*; *mesnoet—esitur—audit**. Таким образом можно напасть на след куманского языка с помощью слов, обозначающих глагол *слышать* у татарских народов².

В письме к Спарвенфельду от 29 января 1697 г. Лейбниц подробнее говорит об этом лексиконе и сообщает, что он видел в Италии каталог рукописей, принадлежавших Петрарке, и что между ними был обозначен и куманско-латинский лексикон. Эта рукопись сохранилась до нашего времени; вместе со многими другими она перешла, по завещанию Петрарки, в библиотеку Венецианской республики, где, впрочем, о ней и забыли. Но знаменитый ориенталист Клапрот, узнав из старинной биографии Петрарки (соч. *Tommasini — Padua, 1650*) о существовании этой рукописи, навел о ней справки, и ему прислали из Венеции копию с нее³. Эта рукопись тем более замечательна, что она составляет в наше время почти единственный памятник куманского языка, который некогда играл довольно значительную роль на европейском востоке.

Куманы (половцы), до покорения их татарами, кочевали по степному пространству между Волгой и Дунаем. Генуэзцы, поселившиеся в Крыму, находились в прямых сношениях с ними, а итальянские миссионеры, отправлявшиеся на восток, изучали их язык, так как знакомство с ним давало им возможность объясняться с турко-татарскими племенами, с которыми они встречались на дальнейшем пути. О важности, которую имело для итальянцев знакомство с куманским языком, свидетельствует попытка составить лексикон для более удобного изучения его. После нашествия татар значение куман пало, и остатки их смешались с ногайцами. Но еще в XI в. (в 1086 г.) часть куман перешла в Венгрию и поселилась на берегах Тиссы. Долго эти куманы вели кочевую жизнь; наконец в 1410 г. они приняли христианство и сделались земледельцами. Теперь они в числе около 70 тысяч душ населяют два

¹ Иов Лудольф.

² В письме к Спарвенфельду Лейбниц пишет третье лицо *esitur*.

³ См. заметку Клапрота в «*Journal Asiatique*» (1826. VIII. С. 114).

* Формы спряжения глагола *audire* (слышать). — Прим. пер.

комитата, носящих их имя, но уже говорят по-венгерски. В 1770 г. Варрон видел последнего старика, говорившего по-кумански.

В письме к Рейеру Лейбниц касается еще другого интересного вопроса, относящегося к древностям южной России, именно готов в Крыму.

Г. Лудольфи¹, — пишет он, — известил меня, что справлялся о том, сохранились ли в Крыму потомки немцев, о которых говорит Бусбекий, но не мог ничего узнать. Я, однако, не могу сомневаться в рассказе этого автора; ибо мы знаем из других известий, относящихся ко времени господства гуннцев в Крыму, что там в некоторых местах господствовал немецкий язык, хотя, конечно, он мог исчезнуть с тех пор. Все это стоило бы более точного исследования.

Вопрос о том, когда исчезли последние готы в Крыму, сколько нам известно, до сих пор недостаточно исследован. До нашествия гуннов готы, еще не распавшиеся на восточных и западных, были расселены по берегу Черного моря на обширном пространстве между Дунаем и Волгой. Гунны заставили их двинуться на запад к пределам Римской империи, но часть их проникла в Крым, где они долго сохраняли свою национальность и в церковном отношении составляли отдельную епархию. Титул готского митрополита был уничтожен только в 1786 г., после присоединения Крыма к России. Остатки же готов были истреблены гораздо раньше. Венецианский путешественник Барбаро, живший в XV в., еще упоминает о готах. Бержерон ссылается на свидетельство Мишова (Michow), также упоминавшего о готах. Этот Мишов, вероятно, не кто иной, как краковский каноник Матвей из Мехова, живший около 1521 г. Еще позднее свидетельство австрийского посла Бусбекия, который в 1562 г. в Константинополе видел готов из Крыма и заметил, что язык их был очень похож на немецкий. Но некоторые писатели сомневаются в справедливости этого показания и полагают, что Бусбекий принял за готов польских евреев, приехавших из Крыма и уже тогда употреблявших ломаный немецкий язык. Рейнегс, например, не допускает, чтобы потомки готов сохранились в Крыму позднее IX в.²

¹ Так Лейбниц в своих письмах называет И. Лудольфа.

² Еще недавно германисты Массман и Маннгардт сделали попытку истолковать с помощью древнеготского языка стихи, записанные Бусбекием и слышанные им от людей, которых он принимал за крымских готов. Пока не будет доказано, какому языку принадлежат слова стихотворения, приведенного Бусбекием, предположение, что в XVI в. еще существовали остатки готов в Крыму, будет считаться для многих сомнительным. См. статью в «Zeitschr. f. vergl. Sprachf.» (Изд. Куна. 1856).

После этого отступления возвратимся к письму Лейбница. Он просит Рейера разъяснить ему отношение между прусским и ливонским языками, которые употребляются в Литве, и говорит, что было бы хорошо собрать об этом предмете более точные сведения, чтобы знать, в каких местах Литвы язык отличается от немецкого или славянского, приближается он к финскому или составляет какой-нибудь особенный язык. «Я не знаю, — спрашивает Лейбниц, — один ли и тот же язык следует разуметь под названиями *lettisch* и *unteutsch* и на котором из них говорили древние пруссы и говорят теперь курляндцы и ливонцы... Я боюсь надоесть вам этими бесконечными мелочами, — заключает Лейбниц свое письмо к Рейеру, — и я бы не коснулся этого предмета, если бы мне не была известна ваша любознательность. Знакомство с таким достойным человеком, как вы, мне дороже, чем несколько варварских слов».

По словам Лейбница в приведенном письме к Лудольфу, где он возлагал такие надежды на молодого царя, можно судить, с каким живым участием он принял известие, что за границу едет большое русское посольство, при котором находится сам царь. Он старался собрать как можно больше известий о путешествии этого посольства, о лицах, из которых оно состояло, о характере царя и о его намерениях. Об этом свидетельствуют различные реляции и письма¹, касающиеся русского посольства, которые были собраны Лейбницем и сохранились в его бумагах. Особенно помогла ему в этом деле Софья-Шарлотта, которая сама чрезвычайно интересовалась русскими гостями. Она очень жалела, что не могла отправиться в Кенигсберг, где ее супруг, курфюрст Фридрих, принимал царя. Ее любопытство было сильно возбуждено различными рассказами, и она желала посмотреть на царя, как на диковинку.

Софья-Шарлотта просила министра Фукса присылать ей из Кенигсберга подробные описания всего, что он увидит, и непременно устроить так, чтобы посольство с царем проехало через Берлин. Но русские, как известно, загостились довольно долго по причине польских дел, и прежде чем посольство прибыло из Кенигсберга в Берлин, Софья-Шарлотта уехала к своей матери в Ганновер. Там с любопытством слушали ее рассказы о кенигсбергских гостях. Лейбницу хотелось поделиться ими также с Вольфенбюттельской-

¹ Письма к Софье-Шарлотте о приеме и пребывании русского посольства в Кенигсберге, сохранившиеся в бумагах Лейбница, и несколько реляций о том же предмете, находящиеся в Ганноверской библиотеке, будут напечатаны нами впоследствии.

ми друзьями и потешить своего старого покровителя, герцога Антона-Ульриха, рассказами об интересном северном царе. На основании сведений, полученных от Софьи-Шарлотты, Лейбниц составил для герцога следующее письмо¹.

Что же касается царя, то, по последним известиям, в Кенигсберге продолжают ему оказывать всевозможные почести, насколько позволяет его инкогнито. Курфюрст угощал его в загородном доме. В этом угощении принимали участие курфюрст, маркграф, герцог Голштейн-Бекский, обер-президент, военный комиссар, его брат и несколько других. Царь был очень весел и говорил со всеми совершенно запросто. Он хвалил мягкость здешних нравов и порицал жестокости своей страны. Он гулял несколько часов по саду с курфюрстом. Услышав звуки гобоев, он стал сам играть на этом инструменте, и видно было, что он несколько учился музыке. Он также бил в барабан гораздо лучше графа Книпгаузена. У него много любознательности, а также живости, и она мешает ему быть спокойным. Вот почему стоило ужасных трудов нарисовать его портрет; наконец это удалось, и портрет вышел довольно похож. Когда один из окружающих провинился довольно серьезно, царь сказал ему: «Если бы мы были в Москве, тебя наказали бы кнутом, но здесь мы в стране мягких нравов, и я тебя прощаю». Наконец прибыли три его посланника. В совете курфюрста было решено, что посольство следует принять с великой честью, так как при нем находился сам царь, хотя инкогнито. Это посольство состоит из генерала Лефорта, главного военного комиссара и государственного канцлера. Первого выдают за любимца. Он — женеvский уроженец и любит великолепие. Он и подал царю мысль о путешествии и о реформах. Лефорт пьет богатырем; никто не в состоянии с ним соперничать. Боятся, чтобы он не уморил кого-нибудь из придворных курфюрста. Начиная с вечера он не оставляет трубки и стакана ранее трех часов по восхождению солнца. А между тем он человек большого ума. Другие два москвитянина, его товарищи, гораздо сдержаннее. Курфюрст сказал царю, что ему трудно будет удержаться от смеха, когда во время аудиенции нужно будет спросить у посланников по обыкновению, как здоровье царя и в каком состоянии они его оставили. Сам царь стоял с курфюрстом у окна, чтобы видеть их въезд, который был великолепен, и царь остался очень доволен.

Знаете ли, какая мысль пришла мне в голову? Вы, вероятно, слышали, что Вейгелиус хлопочет о реформе наших школ и нашего образования. Я ему напишу, что так как царь хочет вывести свою страну из состояния невежества, то он найдет там *tabulam rasam**, как бы новизну, которую хотят распахать, ибо москвитяне не имеют понятия о науке. Царь как будто нарочно для него приехал в Германию, так что ему не нужно будет ехать в Московию, как он ездил к северным королям. Это вовсе не шутка. Вейгелиус именно то, что нужно царю.

¹ В черновой, как это часто случалось, Лейбниц не обозначил, к кому написано письмо, но по содержанию его видно, что оно было написано к кому-нибудь из придворных с тем, чтобы быть прочитанным Антону-Ульриху.

* Чистая доска (лат.). — Прим. пер.

Когда Софья-Шарлотта узнала, что русские послы, и вместе с ними царь, отправляются в Голландию и проедут через ганноверские владения, она очень обрадовалась, надеясь по крайней мере теперь удовлетворить своему любопытству и вознаградить себя за то, что не могла присутствовать в Кенигсберге при приеме царя. Она написала ему письмо и просила его ради дружбы, которая завязалась между ним и ее супругом, позволить ей приехать со своими родственниками, чтобы познакомиться с ним. Просьба была исполнена, но Петр потребовал, чтобы при свидании в замке Коппенбрюгге присутствовали только члены семьи курфюрстины. Лейбниц был этим очень огорчен. У него были разные планы и надежды, которые он думал осуществить при свидании с русскими послами. Он знал, что во главе посольства находится иностранец Лефорт, с которым ему было бы легко объясниться, и что второй посол — Головин, — наместник сибирский, заключивший знаменитый мир с китайцами, человек, видевший много стран и народов, более других в состоянии удовлетворить его любознательности и дать ему сведения о восточных народах. В Коппенбрюгге любимцу обеих курфюрстин было бы легко найти удобный случай, чтобы представиться если не самому царю, то по крайней мере его послам.

Но Лейбниц не потерял надежды. Он решился отправиться в город Минден на границе ганноверских и прусских владений, куда русское посольство должно было прибыть из Коппенбрюгге. Узнав, что один из хорошо знакомых ему придворных кавалеров, граф Пальмери, поэт и ученый-дилетант, назначен состоять в свите Бранденбургской курфюрстины во время поездки ее в Коппенбрюгге, Лейбниц обратился к нему с просьбой познакомить его с Лефортом.

Так как я слышал, — пишет он к Пальмери¹, — что вы видели и знали в Риме г. генерала Лефорта, главу посольства и человека, близкого царю, то мне пришло на ум просить вас доставить мне доступ к этому замечательному человеку, который служит одному из самых могущественных государей в мире главным орудием для осуществления его богатырских намерений, предпринимаемых для блага его народов и всего христианства. Правда, что меня побуждает к этому любопытство, но надеюсь, что никто не станет порицать его. Я желал бы узнать различные подробности как насчет родословного происхождения царя, о чем у меня есть рукописная таблица, так и насчет этнографического различия подвластных ему народов. Родословное древо, о котором я говорю, показывает, как Михаил Феодорович, первый великий царь ныне цар-

¹ Переписка Лейбница и Пальмери в Ганноверской публичной библиотеке.

ствующей ветви, происходит по прямой мужской линии от того же самого родоначальника, от которого происходила прекратившаяся теперь ветвь царей. Что же касается до различия народов, то я очень желал бы получить образчики тех наречий в России, которые совершенно различны с русским языком, например, наречий черкесских, сибирских, языка черемисов, калмыков и др. Может быть, мы узнали бы через это, из какой части Скифии вышли гунны и венгры. А так как в настоящее время власть царя простирается до границ Монголии и Китая, то эти сведения дали бы нам возможность лучше распознать значительную часть земного шара. Племенное различие народов ничем лучше не может быть определено, как посредством языков, их сходства и родства. Я прошу вас внушить все это при удобном случае, и если это возможно без большого шума; ибо есть люди, которые не очень-то любят подобную любознательность, считая ее бесполезной. Вы не разделяете их взгляда, и я также. Многие при здешнем дворе, и даже при дворе Флорентинском, будут ожидать от вас интересного описания вашей перешней поездки.

Пальмери ответил Лейбницу, что он, правда, встречал в Риме у французского посланника какого-то Лефорта, который пользовался большим доверием у посланника и собирался тогда отправиться в Польшу, но так как говорят, что посол Лефорт уже давно в Москве, то, вероятно, это не тот же самый. Впрочем, Пальмери обещал передать Лефорту желания Лейбница и предупредить посла, что он увидится с Лейбницем в Миндене. Какие последствия имела просьба Лейбница, мы не узнаем из его переписки с Пальмери; вероятно, последний, по возвращении из Коппенбрюгге, передал ему на словах о результатах своего свидания с Лефортом.

Лейбниц отправился в Минден навстречу русскому посольству. К сожалению, мы не имеем описания этой встречи и не знаем, какое впечатление он вынес из нее. В бумагах Лейбница мы нашли только одно небольшое черновое письмо без адреса, очевидно, относящееся к свиданию с русским посольством в Миндене, но столь краткое и неопределенное, что из него нельзя вывести никакого заключения. Письмо, по всей вероятности, было написано к Лефорту с целью испросить у него аудиенцию. Лейбниц выражает в начале письма надежду, что один из придворных курфюрста Ганноверского (т. е. Пальмери) уже сообщил о его желаниях.

Область моих исследований, — продолжает Лейбниц, — очень обширна. Император, курфюрст Бранденбургский и другие государи часто оказывали им свое покровительство. Те, которые я теперь имею в виду, может быть, не будут неприятны Его Величеству царю. Я желаю получить некоторые сведения, относящиеся к его государству. Я коснусь только двух вопросов. Во-первых, у меня есть рукописное родословное древо о семействе царя, но мне хотелось бы получить различ-

ные подтверждения и объяснения. Во-вторых, я прошу образчиков всех языков, которые употребляются народами, подвластными царю и ведущими торговлю с его государством и до пределов Персии, Индии и Китая. Я разумею такие языки, которые совершенно не сходны с русским, а для этих образчиков, по моему мнению, было бы лучше всего перевести «Отче наш» и составить список самых обыкновенных слов на каждом из этих языков.

Пояснив потом научное значение этих лингвистических образчиков почти теми же выражениями, как в письме к Палмьери, Лейбниц заключает свое письмо следующими словами.

Но я объяснился бы подробнее, если бы вашему превосходительству было угодно выслушать в частной беседе (*en particulier*) мои соображения об этом предмете, которые, может быть, будут приняты вами благосклонно и которые имеют целью возвысить и прославить величие царя, вашего государя.

Состоялось ли это свидание с Лефортом, мы не знаем. Мы можем, скорее, предположить, что оно не состоялось, ибо веселый посол едва ли нашел время среди пиршеств и церемониальных встреч побеседовать с любознательным философом о предметах, которые не могли его интересовать; притом Лейбниц в письме к племяннику Лефорта не посылает поклона его дяде, что он непременно сделал бы, если бы ближе с ним познакомился.

Однако в своем письме к знаменитому пиетисту и филантропу Франке, от 30 сентября 1697 г., Лейбниц пишет, что генерал Лефорт обещал ему (*promitti curaverit*) доставить образчики разных языков из России и что ему напоминали об этом. Когда и где было дано это обещание, было дано лично или через Палмьери и кто напоминал о нем Лефорту, сам Лейбниц или по его просьбе кто-нибудь другой в Голландии, мы не знаем.

Во всяком случае, поездка Лейбница в Минден была предпринята не напрасно. Ему удалось там сойтись если не с самим Францем Лефортом, генерал-адмиралом и первым послом, то по крайней мере с его племянником Петром¹, который также находился при посольстве. Лейбниц сообщил ему свои желания и получил обещание полного содействия своим планам и исследованиям. Как видно из письма Лейбница к Лефорту в Голландию, он говорил с ним именно о тех предметах, о которых намеревался беседовать с его дядей, — о родословном древе русских царей и о языках инородцев в России.

¹ Петр Лефорт приехал в Россию по приглашению своего дяди восемнадцати лет, в 1694 г.

Но прежде чем мы перейдем к этому письму, мы должны остановить внимание читателя на одной *записке* или на одном *мемуаре* Лейбница, который, по нашему мнению, относится к этому времени.

На черновых экземплярах этой записки¹ в бумагах Лейбница нет обозначений ни времени, когда она была написана, ни лица, которому она предназначалась. Но по содержанию ее очевидно, что она была составлена в 1697 г., после избрания на польский престол курфюрста Саксонского Августа. Таким образом составление ее совпадает с проездом русского посольства через ганноверские владения, и мы имеем основание предположить, что она предназначалась для Лефорта. Достигла ли она своего назначения, сообщил ли ее Лейбниц Петру Лефорту для передачи его дяде, мы не знаем. Записка эта любопытна, потому что показывает, что Лейбниц с самого начала принял близко к сердцу дело преобразования России и готов был служить ему. Она представляет любопытную программу всего того, что Лейбниц считал необходимым, чтобы ввести в России европейское образование. Она отличается от всех позднейших записок того же содержания тем, что проникнута живым впечатлением, которое произвела на Лейбница личность молодого государя, поставившего себе целью цивилизовать свой народ.

В этой записке Лейбниц еще сопоставляет русского царя с китайским императором и владетелем Абиссинии. Он еще живо убежден в том, что с возрождением России настало время низвержения турецкого господства, и радуется избранию на польский престол Августа Саксонского, ибо видит в этом важный шаг к достижению этой желанной цели. Как сильно Лейбниц в это время был занят мыслью, что русское оружие положит конец магометанскому владычеству в Европе, доказывает, между прочим, выписка, которую он сделал на клочке бумажки из путешествия Спона (Spohn) по Востоку. «Греки говорили Спону, что между турками ходит пророчество, будто их государство будет разрушено русым народом (*par une nation blonde — chrysogenos*). Спон думает, что это относится к москвитянам».

Я не знаю, — начинает Лейбниц свою записку, — какую лучшую цель может поставить себе великий государь, как не благоустройство своей страны и не возделывание до совершенства вертограда (*plantation*), который Бог ему вверил. Великий царь русских обнаруживает необыкновенную возвышенность своего ума и свою героическую энергию

¹ Эта записка сохранилась в бумагах Лейбница в трех экземплярах: в двух на французском и в одном на немецком языке.

не только в воинских делах, но и в управлении страной, составляя и приводя в исполнение планы, о которых не смел и думать ни один из его предшественников. Он даже идет далее, чем требуют нужды его собственной страны, и, не довольствуясь тем, что вводит у своих народов нужные улучшения, думает еще о всеобщем благе христианского мира, возбуждая другие народы против общего врага самым торжественным посольством и поддерживая их с большим успехом своими значительными силами. Это тем более важно, что в этом настоятельная нужда и что без этого вмешательства наши дела в Венгрии, вероятно, приняли бы дурной оборот. А потому мы должны молить Бога, чтобы Он сохранил этого великого государя, который еще находится в лучшей поре жизни, для окончания того, что он так славно начал. Неожиданный результат выборов в Польше подает нам большие надежды, что Бог предположил смирить турок и изгнать магометанство по крайней мере из Европы.

Нельзя не видеть необыкновенного совпадения обстоятельств, или вернее, воли Провидения, в том, что в то же самое время у трех самых могущественных государей на севере, на востоке и на юге явились одинаковые и в высшей степени замечательные намерения; ибо мы узнали, что кроме царя Петра Алексеевича, верховного государя русских и почти всего севера, Камга-Амалокад, хан, властитель Китая и Татарии самой восточной, а также Язок-Аджам-Саукбет, царь Абиссинии, покоривший много варварских соседей, все задумали планы, которые далеко превосходят планы их предков. Мы знаем это как по новым известиям из Китая, где христианство допущено и даже поддерживается императорским указом, так и от посольства абиссинского, отправленного в Батавию в 1692 г. Русский царь и владетель Абиссинии — оба христиане и оба соседи и враги турок, хотя и очень отдалены друг от друга. А царь и монарх китайский — соседи и оба чрезвычайно склонны к тому, чтобы привлечь в свою страну науки, искусства, и особенно, чтобы привить к ней цивилизованные нравы нашей Европы; в этом отношении они могут протянуть друг другу руку и взаимно обязывать друг друга.

Я намерен говорить теперь только о том, что может послужить этому намерению, оставляя в стороне то, что относится к устройству государства, к войне, к торговле и к мореплаванию, хотя на самом деле ничто не может быть так важно в этом отношении, как наука и искусство. Для того чтобы перенести их и в Россию сообразно с намерением царя, было бы полезно предоставить заботу об этом известным лицам и поручить им составить общий проект, который имел бы следующие два основания: во-первых, привлечь в Россию все, что ни есть лучшего у иностранцев как относительно умных и сведущих людей, так и относительно вещей редких и полезных; во-вторых, совершенствовать у себя в отечестве людей, страну и все, что с этим в связи. Людей можно развивать, заставляя их путешествовать и обучая их дома. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что в ней есть и чего нет, и стараясь дополнить то, чего ей недостает.

Итак, вот несколько статей, которые заключают в себе все, что необходимо сделать: 1) основать центральное учреждение для наук и художеств; 2) привлечь способных иностранцев; 3) выписать из-за границы такие вещи, которые стоят этого; 4) посылать подданных путешест-

вать, приняв надлежащие предосторожности; 5) просвещать народ у себя; 6) составить точное описание страны, чтобы узнать ее нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостает.

Одна записка Лейбница кончается на этом, в другой он входит в подробности по поводу каждой из статей.

Центральное учреждение требует для своего осуществления общего проекта, способных людей и достаточной суммы денег. О людях, необходимых для исполнения, Лейбниц говорит, что они должны быть очень сведущи, благородны, бескорыстны; они должны более искать славы, чем прибыли, быть усердны и деятельны, иметь большой круг знакомства и вести обширную переписку. Количество денежных средств Лейбниц предоставляет на волю царя, но замечает при этом, что нужно поспешить с началом, ибо время всего дороже на свете и не может быть куплено слишком большой ценой. По поводу второй статьи Лейбниц замечает, что необходимо отменить или изменить законы, «которые пугают иностранцев, особенно закон, воспрещающий им свободный приезд и выезд». Лейбниц требует для иностранцев особых привилегий и советует завести в нескольких местах колонии из них. Под третью статью Лейбниц подводит библиотеки, книжные лавки и печатни, кабинеты редкостей, ботанические сады и зверинцы, запасные магазины всякого рода материалов и мастерские всякого рода ремесел. Он подробно объясняет, что следует разумеать под редкостями природы и искусства, и советует разводить животных и растения, которые способны к акклиматизации. В четвертой статье Лейбниц рассматривает различные цели и способы путешествий и советует принимать надлежащие меры, чтобы путешествующее привозили с собой только хорошие обычаи других стран без примеси дурных, чтобы они не заражались идеями, несогласными с благочестием и с повиновением государю. Пятая статья касается преподавания.

Просвещение народа у себя, — говорит по этому случаю Лейбниц, требует учреждения низших и высших школ, как для изучения наук и художеств, так и для телесных упражнений. Для этого необходимо сделать выбор хороших преподавателей, которые умели бы вести детей и юношество путем не только науки, но и добродетели. Нужно начертать для них инструкции, составить особенные книги для них и для их учеников, достать учебники и все нужные орудия. Тем детям, которым хотят дать ученое образование (*çavants*), следует (*il sera bon*) преподавать историю, математику и языки, преимущественно еврейский, латинский, греческий и немецкий, особенно же латинский, заключающий в себе в настоящее время...¹

¹ Последние слова не дописаны.

Последние слова Лейбница доказывают, что он считал для России, как и для остальной Европы, латинский язык главным основанием высшего образования. Слово *çavants* (ученые) не должно смущать нас. Если бы Лейбниц разумел под этим ученых, исключительно занимающихся наукой, он бы сказал *des çavants* или *des érudits*. Говоря здесь вообще о преподавании, Лейбниц под словом *çavants* понимает тех, которые должны были воспитываться в высших школах и университетах, в противоположность ремесленникам, которым необходимо только первоначальное образование. Все это разумеется само собой, и мы не остановились бы на этом месте, если бы в одном журнале, в заметке о нашей биографии Лейбница, не был недавно возбужден вопрос, какую систему образования Лейбниц советовал ввести в России, классическую или реальную. Ставить такой вопрос значит переносить в прошедшее понятия настоящего. Если разуместь под реализмом требование от старой системы воспитания разумных уступок в пользу Нового времени, то Лейбниц был реалистом. Мы указывали, какими недостатками страдали латинская школа и университетское образование в XVII в. и как сильно Лейбниц желал не только изучения математики, естественных наук и технических знаний в университетах и ученых обществах, но и влияния этих занятий на практическую жизнь и педагогику. Мы будем еще иметь случай говорить о том, как поэтому Лейбниц советовал обращать во вновь учреждаемых в России школах более серьезное внимание на математику и ввести в них всякого рода телесные упражнения, даже упражнения в ремеслах, например, токарном, землемерстве и сельском хозяйстве. Точно так же он советовал сделать в университете изучение математики обязательным для студентов всех факультетов, поощрять занятия механикой и архитектурой и открыть в каждом университете особую кафедру сельского хозяйства для желающих. Но ему не могло прийти в голову изгнать латинский язык из системы высшего образования. Относительно же России Лейбниц желал, чтобы она усвоила себе европейское образование, а поэтому естественно должен был желать, чтобы в русские высшие школы был введен латинский язык.

Чтобы познакомиться с состоянием страны, Лейбниц советует составлять карты, записывать особенности наречий и обычаи, исследовать промыслы, определить то, что страна производит, и что она могла бы производить. Между средствами, предложенными Лейбницем для точного географического описания страны, нашего внимания особенно заслуживают два совета: во-первых, производить наблюдения над отклонениями магнитной стрелки, во-вто-

рых, исследовать берега восточной Азии и узнать, соединяется Азия с Америкой в один материк или же они разделены проливом.

Возвратимся теперь к письму Лейбница к Петру Лефорту в Голландию, о котором мы выше говорили.

Вместе с этим письмом он отправил к Петру Лефорту несколько не дошедших до нас записок (*quelques mémoires*) для объяснения своих желаний. В письме Лейбниц упоминает о родословном древе царей, которое он показывал Лефорту, и желает получить более верные и подробные сведения относительно времени и жизни отдельных лиц. Он желает также знать, с какими домами Русский царствующий дом входил в родство и какая связь существует между ним и прежней линией. Он спрашивает, нельзя ли со временем получить генеалогию русских аристократических родов (*une espèce de Nobiliario de la Russie*), так как подобные сборники существуют во всех государствах и даже в Польше — в сочинении «*Orbis Polonus*». «Такое сочинение, — говорит Лейбниц, — было бы очень поучительно и понравилось бы вашему дворянству, ибо свойство чести требует, чтобы о ней знали»¹. Он советует составить список членов посольства с означением их должностей и с некоторыми подробностями об их семействе и должностях отцов; таким списком можно было бы положить хорошее начало. «Я должен сказать вам, — прибавляет Лейбниц, — что сами курфюрстины, которые нашли, что москвитяне стоят несравненно выше, чем от них ожидали, просили меня изъявить с их стороны, что они интересуются этим, а такое желание заслуживает гораздо большего внимания, чем мое». Затем Лейбниц рассказывает, какое впечатление произвела на курфюрстин их встреча с Петром. Как они сами, так и курпринц и его братья в восторге от того, «что есть лучшего в русском царстве», и позволили ему, Лейбницу, заявить это. Они чрезвычайно благодарны за честь свидания, которую им оказали, и, возвратившись на другой день рано утром в Ганновер из опасения наскучить, с сожалением потом узнали, что их дальнейшее пребывание не было бы неприятно. Курфюрстины повторяют наперебой друг перед другом ответы и слова, достойные героя, в котором им было легко признать любовь к справедливости относительно соседей и чужих и снисходительность к подданным, когда разговор коснулся покровительства, оказанного царевичу Имеретинскому, и пощады, дарованной людям, слишком злонамеренным и не заслуживающим ее. Особенно же понравилась им в царе покорность воле Божьей, во власти которой находятся госу-

¹ Car la nature et l'honneur de la dignité est de demander, qu'on la connaisse.

дари, и мудрый и благочестивый ответ его, данный курфюрстинне Бранденбургской, когда она пожелала, чтобы русское оружие увенчалось успехом и чтобы 75 новых строящихся кораблей изгнали султана из Константинополя: «От людей ничего не зависит, все в руках Господа, который сосчитал волосы на голове нашей».

Лейбниц прибавляет, что ганноверские придворные кавалеры не могут нахвалиться любезностью и изящным видом русских; ганноверским же дамам чрезвычайно понравились русские танцы. Он передает поклоны маршала Коппенштейна и его супруги и желание ганноверской курфюрстины, чтобы впечатление, вынесенное русскими из встречи, было так же приятно, как ее собственное.

Далее Лейбниц сообщает, что в Ганновере слышали, что посол Головин пожелал иметь ноты нескольких арий, которые пел перед ним кто-то из присутствовавших певцов, — ноты будут ему посланы. Лейбниц свидетельствует при этом о себе, что он чрезвычайно рад угодить человеку, который может в такой степени удовлетворить и его любознательности, так как наместничество Головина простирается до Китайской Монголии. Затем Лейбниц переходит к вопросу о языках и просит сообщить ему «Отче наш» и список самых обыкновенных слов на различных языках, употребляющихся в Русской империи. Это дело нелегкое и может быть исполнено только по приказанию самого царя; но Лейбниц надеется, что царь согласится на его просьбу, если Лефорт ему объяснит пользу такой попытки. Географические карты указывают границы государств, но не границы народностей, которые можно определить только с помощью языков. Ничто не обнаружит в такой степени обширность империи, как многочисленность ее наречий и племен. Киммерияне, древние готы, гунны, венгры и другие вышли отчасти из стран, подвластных теперь царю. Когда будут известны их языки, тогда можно будет вернее судить о местах, из которых появились эти народы. Есть известия, что в некоторых провинциях еще говорят будто бы по-венгерски. Но эти известия не вполне достоверны и подробны; новые, предлагаемые теперь, исследования могли бы разъяснить все сомнения.

В заключение письма Лейбниц обращает внимание Лефорта на зажигательные зеркала необыкновенного размера и удивительной силы, изобретенные одним из его друзей-математиков. Таких зеркал существует три: одно принадлежит императору, другое — польскому королю, третье находится в Амстердаме у одного из друзей Лейбница, Амелдонка Блока. Действие этих зеркал превосходит своей силой действие всяких горнил, и они почти в одно

мгновение производят то, чего нельзя достигнуть посредством лучших горнил.

Письмо Лейбница только через месяц дошло до Лефорта, который тотчас ответил. Желание Лейбница, писал Лефорт¹, не могло быть удовлетворено немедленно, так как при посольстве не было людей, знавших языки инородцев; но он написал в Москву, чтобы оттуда прислали список разных слов на инородческих языках. Достать же «Отче наш» невозможно, потому что большая часть инородцев не знает этой молитвы. Лефорт говорил с Головиным, и тот обещал сообщить ему письменно некоторые подробности о народах, пограничных с Китаем. Все эти народы говорят, собственно, на одном языке — на татарском; Лефорт сомневается, знают ли они письмо, так как они кочуют в полях подобно животным. Со стороны же Тобольска живут только русские или такие народы, которые говорят на этом языке, за исключением языческих самоедов, занимающих все пространство до Северного моря и Архангельска. Лефорт обещает доставить из Москвы образчики их языка. Вдоль по Волге, — сообщал Лефорт Лейбницу, — живет множество разных народов, например чуваша; названия других Лефорт забыл. Названия эти не обозначены и на карте Витзена. Эти народы не имеют никакого понятия о Божестве. Они обоготворяют первую редкую вещь, которая им попадается, и полагают, что после смерти они превращаются в быков и коров. Лефорт познакомился с этими народами три года тому назад, когда отправлялся в Азовский поход, и не мог надивиться нечистоте, в которой они живут, нисколько не отличаясь от животных. По ту сторону Волги живут татары в городах от Казани до Астрахани. Все они говорят по-татарски, а не по-венгерски. Язык гуннов и венгров, замечает Лефорт, может быть, и представляет некоторое сходство с языком русских; но из этого не следует, чтобы они происходили от русских. Корень русского языка есть славянский; чешский и польский языки также представляют много сходства с русским. Насчет родословной таблицы русских царей Лефорт говорил с одним из послов и обещал навести справки в Москве. Географическую карту, присланную Лейбницем, он показывал Головину, чтобы посмотреть, согласна ли она с его списками.

Хотя Лейбниц не находился при свидании курфюрстин с Петром, но это свидание очень занимало его, и он часто упоминает

¹ Письмо Лефорта написано на французском языке и отличается замечательной безграмотностью в языке и орфографии, а также каким-то неопытным почерком.

о нем в своих письмах. Сообщая Пинсону, адвокату при Парижском парламенте, различные литературные новости, он продолжает:

Г. Бранд, немец по происхождению, который был недавно посланником царя в Китае, печатает описание своего путешествия. Кстати, о царе: мы его видели, когда он проезжал недалеко отсюда. Хотя у этого государя и не наши манеры, но у него очень много ума. Он находится инкогнито при своем посольстве. Первый посол — женевец Лефорт, второй — сибирский наместник, предводительствовавший русскими войсками в войне с китайцами, вероятно, тот самый, с которым отец Жербильон, французский иезуит, вел переговоры в Нипшу, в восточной Монголии. Третий посол — великий канцлер империи. Царь, говорящий немного по-голландски или по-немецки, сказал курфюрстинам, которые с ним ужинали в замке Коппенбрюгге, принадлежащем курфюрсту Ганноверскому, где угощали царя, что он намерен построить 75 военных кораблей, чтобы действовать с ними на Черном море. В настоящую минуту он думает только о войне с турками. Главное удовольствие его — морское дело, которое он изучил хорошо и хочет изучить в совершенстве, так как он имеет намерение овладеть Черным морем. Теперь он, вероятно, в Голландии, где намерен лично познакомиться со всем, что касается мореплавания. Полагают, что он проедет до Венеции, чтобы посмотреть там на галеры и на знаменитый арсенал. Впрочем, он желает остаться в совершенном инкогнито и требует, чтобы все притворялось, как будто не знают его. Только в присутствии курфюрстин он хотел быть тем, что он есть.

Еще подробнее другое письмо, которое находится в бумагах Лейбница и, судя по языку, принадлежит ему, но, подобно многим черновым письмам его, написано рукой секретаря. Ради интереса, которое оно представляет, мы приведем его целиком¹.

Так как вы любите получать известия из наших мест, то я скажу вам, что курфюрстина Бранденбургская, узнав о проезде великого царя в пяти милях отсюда через Коппенбрюгге, где курфюрст Брауншвейгский приказал его угостить, и имея в виду большую дружбу между своим супругом и царем, приказала спросить Его Величество, не может ли она иметь честь приехать с курфюрстиной матерью, герцогом Цельским и своими братьями на свидание с ним, чтобы выразить ему свою преданность и уважение. Великий царь велел ответить, что хотя он путешествует инкогнито и даже не желал бы, чтобы его присутствие в свите его собственных трех посланников сделалось известным, он, однако, будет очень рад видаться с таким знатным обществом, с условием только, чтобы они имели при себе как можно меньше свиты. По-

¹ Известно, что свидание в Коппенбрюгге описано также самими курфюрстками. Письма их, между прочим, напечатаны: *Varnhagen von Ense. Sophie-Charlotte von Preussen.*

этому их светлости отправились к назначенному месту до прибытия москвитян, которые приехали только к вечеру.

Но так как, вопреки сделанному распоряжению, собралась большая толпа, то наследный принц был принужден удалить ее с помощью своей гвардии. Когда посланники вошли со своей свитой, великий царь прошел по потаенной лестнице, никем не стесненный и не замеченный, в приготовленную для него комнату около залы, в которой был накрыт ужин. Курфюрстины и принц отправились приветствовать Его Величество. Он принял их очень любезно. Господин Лефорт, его посланник, служил ему переводчиком. По окончании приветствий отправились ужинать. Великий царь сел между курфюрстинами, а герцог Цельский изволил сесть между курфюрстиной Брауншвейгской и г. Лефортом, женевским уроженцем, около которого находились прочие посланники. По другую сторону направо от курфюрстины Бранденбургской сидели три принца и сын имеретинского царя (roi de Menetia), сверженный с престола своим дядей, который принял магометанство и отдал себя под покровительство султана, чтобы удержаться на похищенном престоле, но великий царь намерен свергнуть его и возвести снова его племянника.

За Его Величеством стояли два переводчика. Он говорил с курфюрстинами очень живо и здраво. По поводу свергнутого царевича он сказал, что никогда не предпринимает войны иначе как по справедливости. Курфюрстина Бранденбургская занимала его итальянской музыкой, которая, по-видимому, ему нравится, но он сознался, что музыка не составляет его главного удовольствия, причем курфюрстина Брауншвейгская спросила его, не предпочитает ли он охоту? На это он возразил, что император, его отец, очень любил ее, но что он сам всегда имел более склонности к мореплаванию и фейерверкам. Он рассказал, что строит в настоящее время 75 военных кораблей и что сам принимает участие в работе, когда присутствует при ней; в доказательство он показал курфюрстинам свои руки, загрубевшие от работы. Курфюрстины нашли его беседу столь приятной, что очень желали продлить ее, хотя уже долго сидели за столом. Его Величество показал им также своих четырех карликов, которые очень милы, хорошо воспитаны и одеты по-французски.

Между тем герцог Цельский разговаривал с Лефортом и нашел его очень умным, вежливым и достойным занимаемого им места. Говорят, что два других посланника также люди умные и достойные, но так как с ними нельзя было разговаривать, то об этом трудно судить. После ужина царь послал за музыкантами, и курфюрстины и их дамы танцевали с ним по-русски, что он исполнил с большим изяществом, так как он большого роста, очень хорошо сложен и чрезвычайно красив. Ему всего 26 лет. Его посланники имели честь танцевать с курфюрстинами, прочие лица также принимали участие в танцах. Все нашли русский танец очень важным и изящным. Бал продолжался до 4 часов утра, после чего курфюрстины простились с великим царем и отправились отдохнуть в дом одного соседнего дворянина, где им приготовили ночлег. Но так как было уже светло, то они, не ложась спать, возвратились прямо в Герренгаузен к курфюрсту, который был нездоров. Курфюрстины были очень довольны этим свиданием и только очень жалели, что оно не было более продолжительным.

Лейбниц продолжал следить за путешествием Петра и после выезда русского посольства из ганноверских пределов. Об этом свидетельствует отрывок письма, писанный его рукой. Кто мог быть автором письма, из отрывка не видно. Письмо помечено: Мелле (маленький город близ Оснабрюкке), 27 ноября 1697 г.

Я имел честь видеть в Ларе (также близ Оснабрюкке) посланника фон Штейнберга и находившегося при нем барона фон Гагена, который состоял на службе шести саксонских герцогов. Они чрезвычайно хвалили здравый ум великого князя Московского и его искусство в кораблестроении; он сделал в нем такие успехи, что числится вторым по достоинству и по жалованью между корабельными мастерами (*maîtres charpentiers*). Он надеется извлечь большую пользу из этого искусства и дал понять, что намерен соединить Волгу с Азовским морем (*avec la mer de Zabache, appelée autrement Palus Maeotis*)¹, чтобы напасть на тупок с этой стороны. Он рассказывал также, что в его государстве 27 языков до такой степени различных, что ни один из них не понятен жителям даже соседних областей. Его толмача спросили — по просьбе Лейбница, который старается собирать «Отче наш» на различных языках, чтобы судить об их отношениях, — сколько он знает из этих языков. Он ответил, что знает только два и охотно перевел бы на них «Отче наш», но не может найти подходящих слов, чтобы передать выражение «Да святится имя Твое». Царь нашел в Саардаме крестьянку по своему вкусу и отправляется с ней по праздникам один в своей лодке... Полагают, что, познакомившись с красавицами цивилизованного мира, он, может быть, изберет себе одну из них, ибо, как говорят, он не особенно любит парницу, свою жену.

Но хотя Лейбница и очень интересовали всякие сведения и подробности о царе, о его образе жизни, о торжественных въездах и пиршествах русского посольства, еще более занимала его существенная сторона дела. В Европу приезжает молодой восприимчивый государь необразованного народа, чтобы собственными глазами посмотреть на жизнь народов более зрелых. Он живо интересуется всем, что для него ново, отказывается от почестей своего сана, чтобы иметь больше возможности поучиться, познако-

¹ Этот предполагаемый канал между Волгой и Доном, вероятно, нередко составлял предмет разговора между членами русского посольства и любознательными иностранцами. Между бумагами Лейбница мы видели план этого канала, начерченный его рукой и скопированный с плана, набросанного самим Головиным, как видно из заметки Лейбница: «*Locus canalis Tanain Volgae conjuncturi, designatus manu domini Golovini legati Moschici 1697*» (Проект канала, соединяющего Дон с Волгой, подписанный рукой г-на Головина, московского посла (*фр.*). — *Прим. пер.*). На этом плане изображено течение Дона и Волги с их притоками Иловлей и Камышенкой: последние две реки на плане соединены каналом.

миться со всем, что остается обыкновенно неизвестным для государей. Как не воспользоваться таким счастливым случаем и не внушить царю интереса к науке, чтобы с его помощью подвинуть вперед дело цивилизации. Какой громадной пользы можно было бы ожидать для цивилизации, если бы нашелся человек, который сумел бы направить к этой цели и ум государя, управлявшего столькими миллионами людей и владевшего странами, куда еще не проникала нога образованного человека. Такие мысли занимали Лейбница во время путешествия царя по Западной Европе. Поэтому он был чрезвычайно недоволен тем, что в Кенигсберге, в Голландии, в Англии — везде, куда ни приезжали русские послы со своим молодым царем, их старались угостить, удивить роскошью пиров, завести с ними дипломатические связи, выхлопотать у них привилегии в пользу торговых обществ и частных лиц, но нигде не слышали они ни полслова о науке, о задачах цивилизации, и никто не делал ни малейшей попытки, чтобы обратить внимание царя на серьезные интересы человечества. Это чувство сожаления и недовольствия прорывается во многих письмах Лейбница, написанных в то время. Чтобы достигнуть хотя бы каких-нибудь результатов, он пишет в Голландию и Англию и обращается ко всем своим знакомым, которые имеют доступ к царю.

Для Лейбница понятие человечества совпало с понятием христианского мира или христианства, и вследствие этого в его глазах интересы цивилизации и науки совпадали с распространением христианской религии и истинного благочестия. В своих стараниях познакомить европейскую публику с жизнью и состоянием китайского народа он преследовал двойную цель — способствовать распространению на отдаленном востоке христианства и цивилизации. В 1697 г. вышло его издание «*Novissima Sinica*»¹, посредством которого он хотел возбудить интерес европейцев к успехам христианства в Китае. В замечательном предисловии к этому изданию Лейбниц высказывает мысль, что по воле Провидения цивилизация достигла высокого процветания на двух окраинах земного шара — в Европе и в Китае, для того чтобы земли, лежащие между этими двумя окраинами, скорее могли быть проникнуты светом

¹ В этом издании Лейбниц перепечатал рассказ португальского иезуита Суария о распространении христианства в Китае от первых попыток миссионерства до знаменитого указа 1692 г., которым богдыхан признал за христианами свободу вероисповедания. К этому рассказу Лейбниц присовокупил некоторые письма, полученные им из Китая, например от иезуита Гримальди.

цивилизации. С этой точки зрения он придавал особенное значение географическому положению России, которую он называл посредствующим звеном между Европой и Китаем и которая, по его мнению, была предназначена Провидением к тому, чтобы слить воедино цивилизацию Запада и Востока и довести ее таким образом до высшего процветания.

Отправляя экземпляр своего издания нумизмату Морелю¹, Лейбниц написал ему замечательные слова, поставленные нами в начале нашего сочинения*. Они служат новым доказательством того, что, по мнению Лейбница, прогресс человеческого общества всего более зависел от личной инициативы государей. Мы видели, как этот взгляд вытекал из состояния той эпохи и сколь многое он объясняет в жизни и деятельности самого Лейбница.

Вы увидите из предисловия к моим «*Novissima Sinica*», что я имел намерение побудить наше общество к распространению истинного благочестия у отдаленных народов. Вы не можете поверить, как мне больно, что у нас не пользуются как следует присутствием русского царя и добрыми намерениями, которые он выказывает. Ведь привлечь внимание одного такого человека, как царь или как государь Китая, и направить его к настоящему благу, внушив ему рвение к славе Божьей и к усовершенствованию человечества, имеет гораздо большее значение, чем выиграть сто сражений; ибо от воли такого человека зависят несколько миллионов других людей. Я не могу простить англичанам и голландцам их равнодушие в этом отношении. Но они дорого заплатят за него. Другие воспользуются выгодами, которыми они пренебрегают, тогда как если бы они были действительно благоразумны, то могли бы в одно и то же время содействовать и славе Божьей, и интересам своих государств. Я убеждаюсь с каждым днем больше, нежели мне поверят, что ничто не может быть так неблагоразумно, как нечестие, и что нет ничего столь согласного с нашими земными интересами, как истинное благочестие.

Через несколько времени Лейбниц опять пишет Морелю:

Я писал г. Витзену, амстердамскому бургомистру, и Бёрнету, салисберийскому епископу, и убеждал их, что можно было бы воспользоваться пребыванием и намерениями царя для более важных целей, чем польза нескольких частных лиц, и что с его помощью можно было бы завести сношения с Китаем, полезные и для религии. Но я полагаю, что в Голландии зависть компании Восточной Индии не позволит и подумать об этом; в Англии же слишком много других забот, и Царство Небесное — всегда последняя вещь, о которой думают, вопреки тому, что должно было бы быть.

¹ Морель жил в звании гофрата при графе Шварцбург-Арнштадтском.

* В данном издании — в начале главы VIII. — *Прим. ред.*

Еще подробнее Лейбниц писал об этом знаменитому Франке¹.

Я желал бы, чтобы мы как следует воспользовались отличным случаем, который нам послало Провидение. Два самых могущественных государя в мире стремятся с удивительным рвением познать и перенести к себе европейскую науку — владетель Китая и московский царь, государство которого соединяет нас с Китаем. А что вместе с этой наукой могут быть отличным образом перенесены и распространены истина и благочестие, ясно само по себе. Поэтому я чрезвычайно желал бы, чтобы кто-нибудь позаботился об этом. Генерал Лефорт до такой степени занят делами, придворной службой и удовольствиями, которым он должен предаваться по занимаемому им посту, что едва ли имеет довольно досуга для такого дела. Правда, он обещал мне образчики разных наречий, известных в Московском государстве, но до сих пор не прислал никакой вести о себе, хотя ему напоминали об этом (*licet admonitus*). Самое лучшее и скорое средство для достижения желаемой цели, по моему мнению, состояло бы в том, чтобы какой-нибудь благонамеренный человек, опытный в механике, сумел снискать расположение самого царя. Это было бы не трудно, пока царь находится в Амстердаме, занятый постройкой своего корабля. Но нужен был бы человек, способный к этому делу. Если бы было приобретено и упрочено расположение царя, то все пошло бы отлично не только относительно его, но, как кажется, и относительно Китая. Я писал об этом Лудольфу в Голландию, который хорошо знает московские дела. Мне кажется, что Нейгебауер мог бы через него скорее, чем через меня, найти случай предложить свои услуги, так как я недостаточно знаком с русскими, чтобы представлять им других². Притом нам нужно очень остерегаться, чтобы не оттолкнуть от себя с первого же раза людей, по природе упрямых (*tenaces*), если начнем что-нибудь просить у них; ибо таким образом, едва извлеки небольшую выгоду, мы заградим себе путь к достижению более важных выгод.

Как бы я желал, чтобы наши государи старались оказывать царю такие услуги, которые и его расположили бы в нашу пользу, и нам облегчили бы возможность привести в исполнение благие намерения. Вот о чем следовало бы стараться в Кенигсберге. Но тот, кто привык взирать на свойства человеческих дел, не станет удивляться тому, что именно об этом там всего менее хлопотали. Может быть, и теперь было бы еще не поздно подумать о таких полезных намерениях, если бы можно было сделать, чтобы Бранденбургский двор, собственный интерес которого тут замешан, сколько-нибудь одобрил их. Об этом следовало бы позаботиться вам и уважаемому мной Шпенеру. Я же, конечно, если бы блеснула какая-нибудь надежда на успех, старался бы со всевозможным рвением содействовать распространению между людьми религии

¹ Письмо от 30 сентября 1697 г.

² Нейгебауеру удалось потом, без помощи Лейбница, пристроиться к Русскому двору: он был приставлен воспитателем к царевичу Алексею, поссорился со своими русскими товарищами, впал в немилость у князя Меншикова, лишился должности и, удалившись в Германию, написал свой известный памфлет против Русского двора, опровержение которого было поручено Гюйссену, заступившему при царевиче место Нейгебауера.

и образованности. Я изложил вам свое желание, а вы подумайте, что может быть сделано вами и вашими друзьями.

Лейбниц надеялся через Франке и его друга Шпенера, который был придворным проповедником в Берлине, расположить Бранденбургский двор в пользу своих планов относительно царя. С теми же намерениями Лейбниц, как он сам говорит, писал епископу Бернету, приближенному человеку короля Вильгельма III, который вследствие торговых отношений между Англией и Россией имел еще больше средств повлиять на Русский двор¹. Рассказывая ему совершенно теми же словами, которые мы привели из письма к Пинсону, о свидании Петра с курфюрстинами и о намерении русского царя приготовиться к войне с турками, Лейбниц говорит о том, какие важные последствия может иметь эта война. Царь в союзе с германским императором и польским королем будет в состоянии изгнать из Европы варварство турок.

Et si fata volunt, Caesar, Czar Saxoque juncti
Europa poterunt pellere barbariem*.

Но особенно много надежд Лейбниц возлагал на своих голландских знакомых, Г. В. Лудольфа и Витзена. Еще до прибытия в Гаагу русского посольства Лейбниц просил Лудольфа постараться доставить ему через Головина перевод «Отче наш» на наречия сибирских инородцев². В своем ответе, от 19 сентября 1697 г., Лудольф сообщает Лейбницу разные подробности о пребывании Петра в Амстердаме. В новом своем письме Лейбниц подробно распространяется о своих планах относительно России и между прочим выражает желание, чтобы Петра побудили устроить в России наблюдения над склонением магнитной стрелки, столь важные для усовершенствования мореплавания. В ответ на это Лудольф прислал Лейбницу переводы «Отче наш» на тунгусский и монгольский языки, вероятно, переданные ему Витзеном, и снова сообщил ему некоторые подробности о Петре. Переписка меж-

¹ Leibnitii Opera Omnia. T. VI. Part II. P. 220 и след. — Это письмо переведено у Пекарского: Переписка Лейбница о славянских наречиях (Записки Академии наук. Т. IV. С. 8).

² К сожалению, переписка между Лейбницем и Г. В. Лудольфом не оказалась в Ганноверской библиотеке, несмотря на все поиски тамошних библиотекарей. Я узнал о ее существовании только из подробного рукописного каталога покойного библиотекаря Секстра, который потратил на его составление несколько лет.

* И если будет угодно судьбе, император, объединившись с царем и саксонцем, сможет изгнать варварство из Европы (лат.). — Прим. пер.

ду Лейбницем и Лудольфом окончилась в том же году, из чего видно, что Лейбниц начал ее только для того, чтобы посредством Лудольфа завести сношения с русским посольством.

Переписка между Лейбницем и Витзенем началась весной 1694 г. Лейбниц просил одного своего знакомого в Гааге достать карту Монголии, сделанную Витзенем. Ее нельзя было достать в продаже, и Витзен, узнав о желании Лейбница, прислал ему экземпляр от себя в подарок. Лейбниц воспользовался случаем, чтобы вступить в переписку со знаменитым путешественником, от которого он надеялся получить драгоценный материал для своих лингвистических работ.

Выражая Витзену свою признательность за присланную карту, Лейбниц рассказал ему о своих стараниях получить через иезуитов сведения о языках восточных народов. Иезуиты обещали доставить их; но патер Гримальди, отправившийся в Китай, не был пропущен через Россию. В своем ответе Витзен упоминает о том, что он тридцать лет тому назад был в Москве, и сообщает Лейбницу некоторые подробности о венграх. На этом переписка их, как кажется, и прекратилась.

Приезд Петра в Голландию снова возобновил ее. Витзену, как человеку, бывавшему в России и сохранившему связи с тамошним купечеством, было поручено Генеральными Штатами принимать русское посольство. Петр даже провел некоторое время в доме амстердамского бургомистра. Поэтому Лейбниц, в письме от 6 сентября 1697 г., обратился к нему с просьбой воспользоваться влиянием на царя и на его приближенных, чтобы с их помощью достать образчики разных скифских языков. Ту же просьбу Лейбниц повторил в письме от 5 апреля 1698 г. Но в этом письме он высказал еще другое желание. Распространение христианства в Китае было всегда любимой мыслью Лейбница; для этого он вступал в дружеские сношения с иезуитами и защищал, как мы видели, их миссионерскую деятельность против их противников в католическом духовенстве. Но мало-помалу Лейбниц становился все недоверчивее к иезуитам — он убедился, что для них на первом плане стояло не распространение христианства, а распространение католицизма и могущество ордена. Рисвикский договор служил ясным доказательством того, что в католическом мире не затихли прежние страсти, не были забыты старые притязания на исключительное господство, и что во имя этой идеи готовы были примириться все враждебные между собой католические партии: иезуиты способны были действовать заодно с янсенистами и галликанами, Габсбурги с Бурбонами. С этого времени Лейбниц стал деятельно хло-

потать о слиянии протестантских исповеданий, и ему пришла мысль противопоставить успешной деятельности иезуитских миссионеров в Китае евангелическую пропаганду. Он имел в виду эту цель при учреждении Берлинской академии, и, по его мысли, в уставе академии миссионерская деятельность была обозначена как третья задача ее. Но задачу эту нельзя было осуществить без помощи России, без свободного пропуска миссионеров через Сибирь; и вот Лейбниц надеется воспользоваться для этой цели приездом Петра и желает, чтобы протестантские дворы Европы выхлопотали у царя разрешение на свободный проезд протестантских миссионеров. Нам должно казаться странным, что западный философ обращался к самому могущественному представителю восточной церкви с просьбой покровительствовать евангелической пропаганде; но до Лейбница постоянно доходили слухи, что иезуиты домогаются такого же свободного пропуска то через французское, то через польское или цесарское правительство и что они имеют большие надежды достигнуть своей цели¹.

Еще прежде Лейбниц писал по этому случаю Франке:

Удивляюсь, что Лудольф младший думает о Востоке. Не знаю, может ли он принести там столько пользы, как в России. Я очень жалею, что наши упускают отличный случай. Другие между тем пользуются им; ибо говорят, что иезуиты выхлопотали себе в Вене у царя свободный проезд в Китай. Они же снова проникли в Абиссинию.

О том же в начале 1698 г. Лейбниц пишет Витзену:

Я желал бы, чтобы пребывание царя в наших краях дало возможность тем, которые ревностны к распространению исправленной религии (*geringée*), принять надлежащие меры, чтобы перенести светоч благочестия и веры к народам, обретающимся во мраке идолопоклонства, и чтобы проникнуть в самый Китай. Я не сомневаюсь, что просвещенные люди, подобные вам, подумали об этом в уверенности, что, отыскивая преимущественно Царствие Небесное, они обретут все остальное. Конечно, трудно было бы найти более удобный случай и лицо, более к этому способное, чем вы, милостивый государь. Ведь честь протестантов требует не допускать, чтобы римляне одни завладели важным миссионерством в этой обширной империи под предлогом европейских наук, в которых они, может быть, уступают протестантам.

¹ О попытке правительства Людовика XIV, еще при царевне Софье, выхлопотать иезуитам свободный проезд через Россию см.: *Соловьев*. История России. Т. XIV. С. 67. В 1707 г. князь Куракин, отправленный в Рим, чтобы склонить папу к враждебным действиям против Лещинского, вычислял все, что сделал Петр для католицизма, и между прочим приводил, что царь дал свободный проезд через Россию римским миссионерам, отправляющимся через Персию в Китай (Там же. Т. XV. С. 227).

В ответ на это Витзен сообщил Лейбницу, какие успехи делает христианство в Китае.

Последние письма, полученные мной из Москвы, сообщают, что из Тобольска, в Сибири, послали уже в Пекин русского (ггес) священника и что он уже прибыл туда. С дозволения китайского императора он велел соорудить русский или греческий храм. В том же письме меня уведомляют, что если бы были духовные лица, способные наставлять татар, живущих между большой Китайской стеной и Сибирью, то они обратили бы многих к христианской религии. Его Царское Величество очень усерден к вере христианской, очень сведущ в церковных делах и много читал Священное Писание, которое он знает в совершенстве. Я имел честь говорить с ним об этом предмете. Молю Бога, чтобы Он сделал этого великого императора славным орудием для распространения света евангельского и чтобы он возбуждал всюду таких же преданных этому делу лиц, как вы¹.

Между тем Витзен прислал Лейбницу «Отче наш» на готтентотском и монгольском языках. Первый перевод он получил из голландских колоний в южной Африке, второй составил с помощью одного Монгола, который находился у него в услужении и постоянно удивлял его своей глупостью. Наконец, летом 1698 г. Витзен был в состоянии исполнить желание Лейбница и прислать ему образчик одного из сибирских языков — это было «Отче наш» на языке самоедов. Витзен достал этот перевод с помощью своего друга Виниуса, который в это время ведал Сибирским приказом. Хотя Витзен из осторожности и не называет Виниуса, но об участии последнего можно заключить из письма Витзена от 22 января 1699 г., где он говорит:

Мой московский друг, который заведывает многими делами Сибири и самых отдаленных восточных стран, писал мне, что не мог прислать других переводов «Отче наш» на языки самых варварских народов, по причине отдаленности этих стран; но что он сделал надлежащие распоряжения, для того чтобы со временем выслали и их.

В этом же письме Витзен сообщает Лейбницу новые сведения о православных христианах в Китае. Известие, что китайский император позволил им построить церковь с правом свободного богослужения, оказалось совершенно справедливым. Витзен слышал об этом не только от путешественника Бранда, который сам присутствовал при русском богослужении в Пекине, но

¹ Письмо это переведено в вышеупомянутой статье Пекарского (с. 10).

и от товарищей его по путешествию. Русская колония в Пекине образовалась частью из перебежчиков из царского войска, частью из жителей города Албазина или Якса, на северном берегу реки Амура, отведенных в плен китайцами во время осады этого города, теперь разоренного¹. Между ними находятся женщины и несколько священников. В Китае им предоставили полную свободу, с тем чтобы они жили на отведенных им местах, под властью китайского правительства. Витзен сообщает далее, в виде слуха, что последний русский посол в Китае требовал, чтобы им было разрешено возвратиться на родину. Но китайцы отказали в этом под предлогом, что большое количество миусских татар вышло из китайских пределов и поселилось в русских областях, предпочитая русское владычество китайскому. Некоторые из русских в Китае служат в коннице императора, другие держат кабаки и продают водку. Отцы иезуиты в Пекине чрезвычайно ненавидят этих православных христиан, потому что они не присоединяются к ним (*ne se confitent pas avec eux*), — пишет Витзен к Лейбницу и к этому прибавляет замечание, которое должно было служить ответом последнему на его просьбу выхлопотать евангелическим миссионерам свободный пропуск в Китай через Россию. «Поэтому я опасаясь, что если бы протестанты хотели проникнуть в Китай, то встретили бы большие затруднения, ибо эти отцы пользуются большим уважением в Китае и находятся там *in flagranti gratia*»*. Затем Витзен отвечает на запрос Лейбница: правда ли, что шведский посол Фабриций на пути своем в Персию встретил татар, язык которых представлял большое сходство с финским языком? Витзен пишет, что это было на Волге, на расстоянии трех или четырех дней пути от Астрахани. Эта страна теперь очень пустынна и мало населена, но так как отсюда вышло несколько народов, и в том числе, как полагают многие, венгерцы, — то должно заключить, что в прежнее время она была так же хорошо населена, как любая страна в мире. Витзен прибавляет к этому, что этот Фабриций, голландец по происхождению и старый друг его, рассказывал ему очень подробно о своих путешествиях на Востоке. Витзен касается и других современных путешественников, о которых Лейбниц упоминал в своем письме, не дошедшем до нас. Он соглашается, что рассказ Адама Бранда из Любека о путешествии

¹ О спорах китайцев с русскими за Албазин см.: Соловьев. История России. Т. XIV. С. 69.

* В великой милости (лат.). — Прим. пер.

Исбранда¹ очень краток. Сам Бранд оправдывается в своей книге краткостью времени.

Это очень честный человек, который теперь, кажется, возвратился в Москву... Г. де Ланевиль делает много ошибок в своем рассказе, — продолжает Витзен, — и русские послы жаловались мне и другим на это. Г. Спатарус еще жив. Это умный человек. Он служит в канцелярии московской. Я прежде иногда получал от него письма. Но в качестве иностранца в Москве он, как мне кажется, не решается издать описание своего путешествия.

В конце письма Витзен пишет о Петре:

Не верьте, чтобы великий царь искал повода к ссоре со шведами. Я имел честь, хоть и не достоин ее, находиться здесь в близких отношениях к нему, и он никогда не выказывал никакого неудовольствия против шведов, но только против турок и неверных приверженцев Магомета; и я думаю, что если Бог продолжит его жизнь, то он удивит свет такими подвигами против магометан, которые докажут его мужество и могущество.

Последние слова служили ответом на одно место в письме Лейбница к Витзену, из которого до нас дошел только следующий отрывок²; он свидетельствует о том, с какой заботой Лейбниц следил в то время за интересами протестантов и как он боялся последствий Рисвикского мира.

Я надеюсь, что добрые услуги (*les bons offices*) короля Великой Британии и господ Штатов много помогут тому, чтобы царь, освободившись от турецкой войны, не возобновил разные старые споры со Швецией. Ибо всякий важный ущерб, нанесенный этому государству, повредил бы косвенным образом и общему делу протестантизма, который в настоящее время находится в очень опасном положении. Регенсбургские реляции только и говорят, что о кознях римской партии

¹ Голландец Исбранд (Evert Yssbrand Ides) был отправлен в 1692 г. царями Иваном и Петром в Китай для заключения торгового договора и составил описание своего путешествия по России и Китаю. В его посольстве находился уроженец Любека Бранд (Adam Brand), который также описал это путешествие. Описание Бранда вышло раньше, в 1697 г.: *Brand. Beschreibung seiner grossen Chinesischen Reise* и т. д. Дневник Исбранда издан на немецком языке в 1698 г.: *Yssbrand Ides. Dreyjährige Reise nach China* и т. д. и на голландском в 1704 г. См.: *Adelung. Uebersicht d. Reis. in Russl. II, 385.*

² Лейбниц не всегда составлял черновые своих писем. Часто он прямо писал или диктовал письмо. В таких случаях он записывал у себя только один отрывок из отправленного письма или делал для себя извлечение из него, чтобы потом знать, о чем он писал. Приведенные выше слова составляют именно такой отрывок, записанный Лейбницем на обороте письма Витзена от 5 июня 1698 г.

под предлогом Рисвикского договора. Скоро на той стороне Рейна не будет совсем протестантов, разве только в герцогстве Цвейбрюкенском, принадлежащем Швеции.

Уверения Витзена, что царь имеет замыслы только против турок, успокоили Лейбница. Он высказывает свою радость по поводу того, что все «намерения царя направлены против султана», и видит этому подтверждение в том, что русские заключили перемирие с турками на два года¹. Но в то же время Лейбниц обнаруживает сильное опасение, чтобы страшный мятеж, вызвавший Петра из-за границы, не испортил дела преобразования.

Вообще, и после возвращения русского посольства в отечество, Лейбниц продолжал собирать всевозможные сведения относительно русского царя. В его бумагах, например, нашлась копия с донесения цесарского резидента из Москвы, в котором была описана казнь над стрельцами². По поводу этих казней Лейбниц писал Витзену:

Царь Петр, без сомнения, великий государь, и это большое несчастье, что домашние беспорядки заставили его прибегнуть к стольким страшным казням. Из Москвы пишут, что самые важные сановники, как духовные, так и светские, были принуждены принимать участие в некоторых казнях. Этот обычай немножко еще напоминает Скифию, и я удивляюсь, что это не действует вредно на нравы тамошнего духовенства.

Все это не так еще важно; но я боюсь, чтобы казни, вместо подавления неудовольствий, не умножили их наподобие заразы. Дети, родственники, друзья казенных жесточены, и правило, гласящее: пусть ненавидят, лишь бы боялись (*oderint, dum metuant*), очень опасно. Молю Бога, чтобы Он сохранил царя и чтобы его преемник довершил начатое им образование народа.

Витзен успокаивал Лейбница следующим образом³.

Справедливо, что царь — великий воин и что он предпочитает продолжать войну с неверными, чем жить с ними в мире. Он даже здесь был недоволен нами за то, что мы слишком хлопотали о мире с турками. Правда, что внутренние беспорядки были очень велики во время его отсутствия и что он был принужден казнить виновных. Но со стороны их друзей нечего бояться, потому что в России существует обычай ссылать в Сибирь и в самые отдаленные страны жен, детей и даже всех родственников казенных преступников. Мы слышали здесь очень много о том, что случилось в Москве за последнее время, и вероятно, и вы имеете об этом подробные сведения.

¹ Письмо от 14/24 марта 1699 г.

² Донесение это будет напечатано нами впоследствии.

³ В письме от 9 апреля 1699 г.

Известие, что Его Царское Величество в Вене обещал немецким иезуитам свободный проезд через свои земли, мне кажется справедливым, но я сомневаюсь, как и вы, чтобы это имело какие-нибудь последствия.

Мои московские друзья писали мне, что они получили еще несколько переводов «Отче наш», но что по причине недавних смут и разных других забот они не имели времени списать их. Я надеюсь, впрочем, что скоро получу их.

Несколько позднее Витзен по поводу того, что Лейбниц назвал стрелецкие казни скифским обычаем, сообщил ему известное предание о Холопье горе и Холопье реке¹.

По случаю того, что вы говорите о московском обычае, несколько отзывающемся Скифией, я не могу удержаться, чтобы не рассказать вам то, что мне пришло на память. Находясь однажды в Московии недалеко от Новгорода, я видел гору, которая называется Cholobgoga, т. е. горой рабов, и у подошвы этой горы маленькую речку по имени Cholobresca, или река рабов. Когда я осведомился о причине и происхождении этого названия, тамошние жители рассказали мне, что однажды мужчины той местности вышли на войну в очень отдаленные страны, а жены, после долгого отсутствия их, сдружились с рабами или служителями (valets) своих мужей и противились вступлению последних, когда они вернулись домой; но мужья побили и изгнали служителей, не употребляя при том никакого другого оружия, кроме бича. Одним словом, они рассказали мне ту же историю, которую мы находим у Юстина о скифских рабах, кои противились возвращению домой своих господ. Надобно знать, что эти люди не понимают ни по-гречески, ни по-латыни и не имеют никаких сведений в древней истории. Из этого я заключаю, что страна около Новгорода составляла часть древней Скифии, как и вы это замечаете.

Дальнейшая переписка между Лейбницем и Витзеном не представляет ничего интересного для нашего предмета. Только письмо Витзена от 19 января 1706 г. опять касается России:

Правда, что так как я знаю немножко русский язык и в молодости был при Московском дворе, то Генеральные Штаты и магистрат нашего города поручили мне принимать и сопровождать царя во время его пребывания здесь. Справедливо также, что, когда он жил у меня в Гааге или когда я имел честь часто видеть его у себя в доме, я делал ему много вопросов о его отдаленных владениях в Сибири, и он был так милостив ко мне, что всегда отвечал на мои любознательные вопросы. Но с тех пор я не получал от него никаких известий, и вы увидите со временем, откуда я почерпнул сведения о географии Монголии.

¹ В письме от 5 июля 1699 г. (Leibnitii Opera Omnia. T. VI. Part II. P. 202), переведенном в вышеупомянутой статье Пекарского. Пекарский приводит по этому поводу ошибку Татищева и слова Герберштейна и Хлыновской летописи (у Карамзина прим. к т. III, 33), в которых говорится о том же предании.

В этом же письме Витзен сообщает Лейбницу, что у него накопилось много материалов для исправления изданной им карты Восточной Татарики, но что политические дела не дают ему времени приняться за новое издание. Тут же он пишет, что название реки Амура не китайское, а русское и что он первый сообщил европейской публике сведения об этой реке, так как отец Жербилийон видел эту реку 25 годами позднее, когда он ездил с китайскими послами в Нерчинск для заключения мира с русскими¹.

Опасения, что мятежи в России могут испортить дело преобразования, выражаются и в других письмах Лейбница. В сентябре 1699 г. он пишет к Мюллеру, профессору богословия в Йене:

Я уговаривал недавно Франке через нашего общего друга (Шпенера), чтобы он распространил свою деятельность на миссии и отправил работников в Москву, где предстоит обильнейшая жатва. Он мог бы начать с немецких школ, которые потом распространились бы далее под покровительством государя; ибо известно, что царь ничего более не желает, как чтобы подвластные ему народы усвоили себе образование остальной Европы. Есть слухи, что он теперь борется с опасным восстанием войска, вызванным излишней его крутостью. Я боюсь, чтобы в случае его гибели у русских не возобновилась прежняя ненависть к иностранцам, которым Петр покровительствует, и чтобы не рушилось великое дело. После смерти Лефорта его заменил в любви государя русский, Головин, бывший вторым послом, не враждебный к иностранцам. И он, и Лефорт были принуждены исполнять дело палачей против мятежников, из чего видно, что тамошний двор еще не отказался от скифской свирепости. Я желал бы, чтобы по крайней мере сын царя был воспитан в большей крутости.

Заботу, чтобы царевич был воспитан в европейских нравах, Лейбниц неоднократно высказывает в своих письмах. Любопытно в этом отношении одно из его писем к Софье-Шарлотте. Лейбниц мечтал о том, чтобы умная и образованная бранденбургская курфюрстина, «царица Савская», как он ее называл, занялась воспитанием царевича Алексея. Он указывал ей на способного человека, которого она могла бы рекомендовать Петру в воспитатели его сына, и представлял ей, какую пользу она могла бы принести целому народу и какую приобрести славу, если бы оказала благотворное влияние на воспитание будущего русского царя. Шутливый тон письма и некоторые преувеличенные выражения не должны поражать нас — все это обуславливалось придворным языком того времени; притом следует иметь в виду, что письмо было написано в первое время более близкого знакомства Лейбни-

¹ Последнее известное нам письмо Витзена к Лейбницу относится к 1712 г.

ца с Софьей-Шарлоттой, когда еще не установились между ними позднейшие дружеские отношения. Наконец, некоторые иронические выражения относительно русских объясняются поступком боярина, о котором рассказывает Лейбниц.

В начале письма Лейбниц высказывает свою радость по поводу переворота, случившегося при Берлинском дворе, когда курфюрст удалил своего советника Данкельмана, который в течение многих лет пользовался неограниченным влиянием на него. Лейбниц надеялся, что падение его будет иметь своим последствием более близкие отношения между курфюрстом и его супругой и что бывшая ганноверская принцесса будет оказывать впредь более сильное влияние на политику Пруссии и на характер Берлинского двора. Этим объясняется довольно оригинальный комплимент для такого государя, как Фридрих III, тем более странный, что его умная и насмешливая супруга легко могла видеть в этом иронию: «Я знаю, что ваша столица, кроме многих других преимуществ, сделалась теперь местопребыванием наук и искусств, так что можно сказать, там пребывают в одно время и царь Соломон, и царица Савская». Затем Лейбниц продолжает:

Что касается москвитян, то говорят, что толстый комиссар — самый умный и смысленный человек из них. Для того чтобы лучше служить вашим сношениям с ними, я нарочно возьму того переводчика, которого оставил здесь один из бояр, пробывший у нас несколько дней. Этот боярин казался человеком со здравым смыслом, но все-таки при отъезде народность его выказалась в нем, согласно с пословицей, что когти злого духа выказываются при прощании. Он купил своему переводчику парик, но перед отъездом вскрыл его сундук и отнял парик, говоря, что он дал его только на время, как в прежнее время цари давали платья своим посланникам и потом наказывали их за всякое пятно ударом кнута. Москвитянин объявил, что он это сделал по недостатку денег, прибавляя, что продаст парик и вырученными деньгами прокормится несколько лишних дней. А между тем уверяют, что он состоит в сане, который даже несколько важнее боярского.

Что касается 100 тысяч человек войска, то на этот счет эти господа гораздо более щедры, чем на соболей. При всем том если Ваша Светлость соблаговолите озарить их своими лучами, то можете много способствовать к рассеянию мрака в их умах. Было бы хорошо, если бы вы приняли участие в воспитании царского сына и дали бы ему в наставники Вальтера, который от этого не прочь.

Если нынешнее поколение и сохранит что-либо от прежних своих нравов, то его потомство будет лучше, и в русских летописях будет сказано, как много русские обязаны Вашей Светлости за свое обращение. В награду за это мы поедем через Монголию в Китай в санях с парусами и на собаках; ибо там господствует такой обычай, что как только паруса перестают действовать, пускают в дело собак, и они начинают тянуть,

а когда ветер благоприятен, собаки возвращаются в сани и едут вместе с господами.

Кстати, о Китае. Отец Вержю (брат графа Креси, одного из посланников в Дельфте), стоящий во главе миссий, которые содержатся на счет французского короля, писал мне и прислал письмо одного иезуита, возвратившегося из этих стран и собирающегося опять ехать туда; этот иезуит предлагает мне сообщать оттуда все нужные сведения. Вследствие этого я велю прибить на своей двери объявление со следующими словами: «Справочная контора для Китая», для того чтобы каждый знал, что стоит только обратиться ко мне, чтобы получить новости оттуда. Итак, если Ваша Светлость желает иметь известия о великом философе Конфуции или о древних китайских царях, близких к потопу, и следовательно, из первых потомков Ноя, или же о напитке, дающем бессмертие, который заменяет китайцам философский камень, или о чем-нибудь более достоверном, — то вам стоит только приказать. Если бы такой напиток действительно существовал, я нарочно сел бы в сани, запряженные собаками, и поехал бы за ним для Вашей Светлости, причем дал бы клятву не открывать ящика дорогой и был бы в этом на столько вернее Психеи, на сколько Ваша Светлость более достойна бессмертия, чем эта дева и чем все боги древности.

Приключение с русским боярином, который засел в Ганновере без денег, характеризует то время, когда столько русских людей по воле своего государя должны были вдруг отправиться за границу, чтобы усвоить себе тамошние нравы и образование. Сколько они должны были побороть трудностей, сколько пережить неприятностей, не зная языков и чужих обычаев, часто оставаясь без денег и без всяких вестей с родины! Положение одного из этих Петровских «пионеров образования», закинутых на чужбину, трогательно описано в письме Ребера, из Вольфенбюттеля, к Лейбницу¹.

Русский, называющийся Александром Петровым, все еще здесь и все еще получает содержание от нашего двора. Он не знает ничего верного о своем отъезде отсюда и говорит, что это известно только Богу и царю. Ожидая этого приказания, он занимается латинским языком, так как уже порядочно изучил немецкий. Он имеет при себе несколько запечатанных указов своего государя, и ему запрещено распечатывать их, прежде чем он не получит особого повеления об этом. В паспорте, который он получил от царя, сказано: *Generosus Alexander Petrov, Aulicus Noster* (благородный Александр Петров, из царедворцев наших). Но я не сомневаюсь, что вы уже видели этот паспорт и знаете его содержание.

Священник, которого он привез с собой, позволил себе несколько дерзостей относительно девиц в доме, где он живет, и хотел даже

¹ Об этом Ребере Лейбниц упоминает в своем письме в Вольфенбюттель (с. 5). Он был гофмейстером молодого принца Голштейн-Нордбургского и жил с ним при Вольфенбюттельском дворе.

убить своего господина из ружья, из которого в него выстрелил. Его отослали назад в Москву и дали ему 80 талеров на дорогу, а для того чтобы он не мог повредить своему господину ложным рассказом, наш двор дал последнему обо всем, что случилось, письменное удостоверение, которое Петров и отправил к царю и к патриарху.

Тот же Ребер пишет однажды Лейбницу, что Гертель, вольфенбюттельский библиотекарь, учится по-персидски у двух персиян. Эти персияне рассказывали ему «про царскую любовницу, через которую Лефорт получил доступ к царю, что она дочь целовальницы (*fille d'une cabaretière*) — красивая брюнетка и очень хорошо сложена».

Хотя Лейбниц относился с большим сочувствием к великому преобразователю России и возлагал на его деятельность большие надежды в интересах не только России, но и всего цивилизованного человечества, однако он в то же время, подобно всем западным людям того времени, не был совершенно свободен от опасения, что возрастающее могущество России может быть обращено также против образованного мира. Оттого, когда началась война России против Швеции и ясно обнаружилось намерение царя завладеть берегом Балтийского моря, Лейбниц стал не без некоторого страха смотреть на эту войну. Мы видели, что Лейбниц не был слишком горячим приверженцем протестантизма, как известного исповедания. Он был готов допустить различные изменения в его догматах ради соединения всех христианских исповеданий в одну церковь. Но ввиду фанатического деспотизма Людовика XIV и узкой ограниченности Римской курии Лейбниц ценил протестантизм как одно из могущественнейших орудий прогресса и во всяком ущербе, нанесенном протестантизму, видел ущерб цивилизации. Его опасения усилились особенно после Рисвикского мира, который нарушил права протестантов, дарованные им Вестфальским договором. Швеции германский протестантизм был обязан своим спасением, и Швеция была одной из главных держав, гарантировавших этот договор. Поэтому ослабление Швеции казалось Лейбницу опасным в интересах протестантизма и ввиду наступательных действий *романистов*, или ультрамонтанов, как бы сказали в XIX в. Эта недоверчивость к успехам России и опасения за Швецию высказываются в переписке Лейбница с его шведскими знакомыми. Самым замечательным из них был знаменитый лингвист Спарвенфельд¹.

¹ Биографические сведения о Спарвенфельде (1655—1727) собраны г. Пекарским в его статье «О переписке Лейбница», где сказано, что Спарвенфельд, зная восточные языки, был отправлен в Россию при шведском посольстве. Там

Переписка между Спарвенфельдом и Лейбницем началась в 1696 г., значит еще до приезда Петра в Германию. В этом году Лейбниц пишет ему между прочим следующее:

Было бы хорошо исследовать (*d'approfondir*) славянские языки. Вы это, вероятно, и сделали, так как вам удалось извлечь свет из самой тьмы, т. е. из Москвы¹. Я постоянно удивляюсь, что часто у соседних народов, каковы германцы и славяне, языки так различны. Может быть, между ними находились в прежнее время народы, которые составляли менее резкий переход от одного языка к другому и которые теперь истреблены.

Родословную таблицу русских царей, которую Лейбниц показывал Лефорту, он получил от Спарвенфельда. В письме от 29 января 1697 г. Лейбниц благодарит за нее Спарвенфельда и называет ее «*une pièce considérable*»*.

Далее Лейбниц сообщает Спарвенфельду, что он получил русскую грамматику Г. В. Лудольфа, напечатанную в Оксфорде².

Она кажется мне, также как и вам, слишком тощей, и так как автор ее говорит, что какой-то славянский язык есть язык ученых в Московии, то было бы хорошо сказать о нем несколько более и сравнить его с разговорным языком русских. Следовало бы также присовокупить небольшой лексикон. Но мы всегда будем много обязаны автору этой книги, если она послужит к тому, чтобы побудить вас к изданию ваших исследований об этих языках. Я узнал, что он был в Московии и что он после занимал место секретаря при принце Георге Датском. Я вас прошу сказать мне ваше мнение об этом славянском языке: с каким языком

он выучился русскому языку и возвратился оттуда со славянским рукописным лексиконом в трех томах *in folio*, который хранится в Упсальской библиотеке. Г. Пекарский сомневается, чтобы этот словарь был составлен самим Спарвенфельдом, и предполагает, что он в Москве списал лексикон, составленный малоросскими учеными Епифанием Славинецким и Арсением Корецким, во второй половине XVII в. Этот лексикон оказал потом Спарвенфельду важную услугу в Риме, где он поднес список с него папе Иннокентию XII и в благодарность за то получил от папы дозволение пользоваться сокровищами Ватиканской библиотеки, куда не допускаются протестанты. В библиотеке Спарвенфельда, ливонский суперинтендент Берг, автор латинского сочинения «Историко-богословский обзор состояния религии и церкви в России» (Стокгольм, 1704), читал записки Котошихина. В этом же сочинении Берга сохранилось силлабическое стихотворение Спарвенфельда на русском языке. Стихотворение это приведено у г. Пекарского. Из переписки Лейбница со Спарвенфельдом оказывается, что последний занимал разные должности при Шведском дворе и наконец был сделан обергофцеремониймейстером.

¹ *Ayant tiré des lumières des ténèbres mêmes, c'est-à-dire des Moscovites.*

² Это место переведено у г. Пекарского из: *Leibnitii Opera Omnia*. Т. V. P. 544.

* Важным документом (*фр.*). — *Прим. пер.*

он представляет больше сходства, с языком ли поляков, или чехов, или же с языком славян, живущих около Адриатического моря. У нас есть также незначительные остатки славян в Люнебургской области по Эльбе. Я справлялся о них и потребовал их «Отче наш», в котором нахожу слова, не встречающиеся в молитве Господней на других славянских наречиях и, по-видимому, идущие от пруссов, но поэтому мне кажется, что этот род вендов пришел из Литвы.

Продолжение этого письма посвящено вопросам восточной этнографии. Лейбниц, замечая, что Лудольф в приложении к своей русской грамматике говорит о бухарских купцах, которые достигают Сибири, полагает, что это должны быть узбеки бухарские, и на основании грамматики китайских татар, которую он получил, выводит заключение, что «гунны и калмыки были один и тот же народ».

Когда царь приехал в Голландию, Лейбниц писал Спарвенфельду¹ следующее:

Царь останется в Голландии, пока не будет окончен корабль, на котором он работает собственноручно. Он держится правила, что нужно изучить все подробности, и он прошел через все военные чины своего собственного войска, состоя на действительной службе. Точно так же он хочет изучить кораблестроительное дело от должности юнги до архитектора. Его намерение похвально. Но мне кажется, что он не имеет при себе людей, которые могли бы достаточно удовлетворить его любознательность. Ему было бы нужно нечто вроде Георгия Леонтинского, который знал все ремесла, или вроде нашего Франциска Меркурия Ван Гельмонта, который, к несчастью, заехал к нам, когда царя уже не было. Если бы он был моложе, он отлично пригодился бы царю. Теперь ему 80 лет, и, несмотря на это, он путешествует в почтовых тележках и обладает удивительными познаниями по всем предметам.

Мне говорили, что у вас смотрят с недоброжелательством на намерения царя (*on est jaloux des desseins du Czar*). Это естественно. Впрочем, в настоящую минуту все его виды направлены на то, чтобы воспользоваться благоприятными обстоятельствами против турок. Он это сам говорил и бранденбургской, и брауншвейгской курфюрстинам при свидании с ними в одном замке недалеко отсюда.

Затем Лейбниц излагает свои соображения о языках, употребляющихся в России, на основании того, что ему сообщил Витзен. Это место очень замечательно. Из него видно, что Лейбниц, несмотря на скудный материал, составил себе совершенно ясное и верное понятие о восточной этнографии. Только впоследствии он отступил от этого взгляда и причислил гуннов к славянам, ве-

¹ Черновая Лейбница без означения числа.

денный в заблуждение словами Приска в описании его путешествия к Аттиле.

Я полагаю, — говорит Лейбниц, — что пермяки, сибиряки и другие народы говорят на языках, не сходных с языком русских. В языке первых заметили ливонские слова. Это утверждает меня в убеждении, что все народы от лапонцев до татар, живущих за Каспийским морем, родственны по своему происхождению (*d'une race rapprochante*) и что к ним нужно отнести финнов, эстонцев, ливонцев, пермяков, самоедов и даже венгерцев, которые жили между Сибирью и Каспийским морем.

«Справедливо ли это?», — спрашивает Лейбниц Спарвенфельда. Затем он предлагает ему другие вопросы: в каком родстве находятся татарский, турецкий и крымский языки, славянского ли происхождения древние болгары? Наконец сообщает куманские слова, сохранившиеся в каталоге Петrarки.

В письме от 27 декабря 1697 г. Лейбниц говорит о своих занятиях. Друзья сердятся на него за то, что он оставляет математику для других наук; они говорят, что он напрасно жертвует положительными и вечными истинами ради изыскания непрочных и меняющихся познаний, представляемых историей и юридическими науками. Один знакомый прислал ему русскую книгу, нечто вроде грамматики, список русских слов (*un nomenclateur russe*) и несколько духовных книг на лужицком языке. «Все это для меня *Böhmische Dörfer*», — прибавляет Лейбниц. В этом же письме он рассказывает Спарвенфельду о русском толмаче, о котором упоминал уже в письме к Софье-Шарлотте.

У меня находится теперь в услужении человек, который прибыл сюда из Польши с одним московским боярином. Но так как москвитяне народ скупой и плутоватый (*chiches*) и не заботятся о том, чтобы действовать честно и порядочно, то и этот москвитянин отделался здесь от него очень некстати. Я взял его к себе не потому, чтобы нуждался в нем, а скорее из сожаления. Он венгерец по происхождению и говорит одинаково по-венгерски и по-словацки. Он находился некоторое время в Польше. Москвитянин взял его к себе в Данциге в качестве немецкого переводчика, обещая ему золотые горы, и все это он плохо сдержал, так что наш двор находит, что он поступил с ним очень гадко.

Лейбниц хвалит нравы и способности этого славянина, которого он взял к себе, и предлагает его Спарвенфельду в писцы. «Когда я его приютил у себя, я мечтал немного поучиться у него языку словаков, но человек предполагает, а Бог располагает. Время не позволило мне этого, и мне пришлось отложить (*renvoyer*) в сторону свою любознательность».

Между тем Лейбниц получил копию с реляции австрийского резидента в Москве от ноября 1698 г., в которой описывалась казнь стрельцов. Лейбниц рассказал Спарвенфельду о страшной драме, которой царь угостил резидента после обеда, и прибавил:

Полагаю, будто бы царь имел намерение сделать этим косвенный упрек императору в том, что он не довольно самовластен, ибо, говорят, когда царь был в Вене и узнал, что возвращение Филипсбурга (французам) замедлилось от того, что ландграф Гессен-Кассельский не хотел сдавать Рейнфельса, то он спросил: почему же император не отсечет голову своему вассалу? Жалко, что этот замечательный государь, у которого столько хороших свойств, не может еще отделаться от своей склонности к жестокости.

До того времени Лейбниц все успокаивал Спарвенфельда насчет намерений царя, уверял его, что все виды царя обращены на восток и на юг, против неверных. Теперь он пишет Спарвенфельду, что его опасения справедливы. Царь после мира с Турцией действительно обратится против Швеции. Шведы завладели несколькими областями, в которых господствуют русский язык и русская религия.

Но вместо того, чтобы задевать Швецию (*se froter contre la Suède*), от чего ему может не поздоровиться, я посоветовал бы ему обратить свое оружие на восток и покорить варваров, например калмыков, которые до сих пор еще не признают его власти. Правда, что завоевания, которые он мог бы совершить с этой стороны, сделали бы его еще более страшным. Но так как он, по-видимому, не хочет сидеть сложа руки, то для христианства лучше, если он будет действовать вдали от нас.

Спарвенфельд согласился принять к себе в услужение венгерца, о котором говорил Лейбниц. Последний писал ему на это 7 апреля 1699 г.

Я должен известить вас, что рекомендованное мною лицо отправляется отыскивать вас. Надеюсь, что вы будете довольны им; я объяснил ему дело как следует. Он кажется добрым и услужливым малым, знает довольно по-латыни, как водится у венгров и поляков, даже кое-что более, при этом он сведущ в музыке. Я сказал ему, что вас интересуют славянские наречия, а г. Шмидт прибавил, что вы заставите его над этим работать и что таким образом он может быть полезен вам как в этом, так и в других делах. Г. Шмидт также хочет дать ему письмо к вам и одобряет мою рекомендацию. Впоследствии он может получить какую-нибудь должность или повышение. Он везет к вам окончание сочинения Богориша¹, славянскую грамматику на рус-

¹ В издании Дутенса (*Leibnitii Opera Omnia*. Т. VI. Part II. P. 220) и в переводе г. Пекарского сказано *le reste de Bohoutz*, что не дает никакого смысла.

ском языке, заглавие которой я вам сообщил, и еще другую маленькую книжку такого же содержания и на том же языке. Но так как эта славянская грамматика, равно как и маленькая книжка, принадлежат не мне, то будьте так добры, возвратите их, когда они вам не будут более нужны...¹ Лексикон, о котором я вам писал, заключает в себе только русские слова, употребляющиеся в обиходной жизни; поэтому я его вам не посылаю. О лексиконе *langue locale* вы писали, чтобы его вам прислать. Я не понимаю, что означает это выражение. Печатавшая книга г. де Ланевилья (который умер) не заключает в себе ничего такого, чего не было бы в рукописи², кроме посвящения его французскому королю. Это посвящение разоблачает намерения автора, ибо из него видно, что он отправился в Россию в качестве польского посланника только по имени, на самом же деле как французский эmissар. Это бросает тень на память покойного польского короля, который согласился на такой поступок, несмотря на то, что был союзником императора. Полагают, что г. де Ланевилья говорил правду; но мне кажется, что ему нельзя особенно доверять, ибо я слышал, что он был несколько хвастлив (*hableur*). Вы меня обяжете, если составите и сообщите мне таблицу (*une table harmonique*) произношения славянских наречий, сравнительно с латинским и другими языками. У меня теперь нет под руками книги Менинского, которая находится в Вольфенбюттеле, а не здесь, и потому я не в состоянии сказать о ней свое мнение.

Мы полагаем, что вместо *Bohoutz* следует читать *Bohorizh* и что под этим Лейбниц разумеет сочинение: *Librum Adami Bohorizh: De Latina Carniolana Literatura ad Latinae linguae analogiam accomodata, unde Moscoviticae linguae cum Croatica... cognatio facile deprehenditur*. 1584. Об этой книге упоминается в переписке между Лейбницем и Лудольфом (*Dutens*. *Ibid.* P. 148, 151). Так как она составляла большую редкость, то Лейбниц, вероятно, велел списать ее для Спарвенфельда.

¹ Г. Пекарский полагает, что русские книги, посланные Лейбницем в Стокгольм, судя по их заглавиям и небольшому формату, несомненно принадлежали к числу тех, кто по распоряжению Петра Великого печатался в Амстердаме Ильей Копиевским, *поляком* по рождению. Кроме того г. Пекарский сделал предположение, что человек, рекомендованный Лейбницем и не названный по имени, был сам Копиевский. Теперь же из других писем Лейбница к Спарвенфельду и из письма его к Софье-Шарлотте выяснилось, кто был этот человек и каким образом он сделался известен Лейбницу. Впрочем, из письма Лейбница к Берлинской академии (1712 г.) видно, что он действительно находился в каких-то сношениях с Копиевским, или, как он его называет, *Copiewiz*: «*Wie dann mit einem gewissen H. Copiewiz, so hernach wirklich in Moscau zu Beförderung der Studien gebraucht worden, in Handel gestanden*» (Наладив впоследствии связь с известным Копиевицем, который в Москве действительно содействовал моим научным занятиям (нем.). — *Прим. пер.*). Об этих сношениях Лейбниц нигде не упоминает.

² Сочинение Ланевилья известно под заглавием «*Relation curieuse et nouvelle de Moscovie*» (1689). Проезжая через Ганновер, Ланевилья оставил герцогине Софье список своей реляции. Эту-то рукопись, которая хранится в Ганноверской публичной библиотеке, Лейбниц и сличал с напечатанной книгой.

В том же году Спарвенфельд прислал Лейбницу таблицу славянских алфавитов, о которой тот его просил. Лейбниц благодарил его и сообщил ему несколько замечаний по поводу ее.

Если Лейбниц под впечатлением неприятных известий о страшных казнях в Москве становился недоверчив к русским, то другие более благоприятные известия опять успокаивали его. В январе 1700 г. он пишет Спарвенфельду:

Москвитяне, как кажется, начинают исправляться и мало-помалу становятся более цивилизованными (*apprivoiser*). Дай Бог только, чтобы царевич-наследник получил хорошее воспитание, о чем, как говорят, там стараются. Уверяют, что г. Карловиц, саксонский дворянин и генерал-лейтенант польского короля, сделается преемником покойного Лефорта по должности и по расположению царскому. Мне рассказывали также, что жена русского посланника, недавно проехавшего через Берлин, очень красива и очень умна (*très-raisonnable*). Я знаю, что она очень понравилась курфюрстине (Софье-Шарлотте) и что сам посланник — человек умный и даже образованный. Мне говорили, что отец царя сердился на отца этого посланника за то, что тот хлопотал об образовании сына, а между тем это и повело к тому, что он может служить теперешнему царю.

Под влиянием этих хороших впечатлений Лейбниц уговаривает Спарвенфельда, чтобы он занимался славянским языком. «Эти занятия, — замечает Лейбниц, — будут теперь совершенно современны (*de saison*), ибо остальная Европа станет все более и более сближаться с Россией».

В одном из последних своих писем Спарвенфельд жалуется на трудность определить степень родства между языками финским, готским и славянским. Лейбниц отвечает ему на это: «Не мне испить море. Я предоставляю это людям с такой глубокой ученостью, как вы, и довольствуюсь тем, чему могу научиться от других»¹.

Посланник, о котором упоминает Лейбниц, был известный Андрей Артамонович Матвеев, первый русский дипломат. Он отправлялся в Гаагу, где он провел двенадцать лет в неусыпных трудах, чтобы поддержать хорошие отношения между Россией и морскими державами и отклонить их от союза с Карлом XII. В 1712 г. он был переведен в Вену, и там, как мы увидим в свое время, Лейбниц старался оказывать ему различные дипломатические услуги и желал через него обратиться на себя внимание Русского двора.

С графиней Матвеевой Лейбниц познакомился еще прежде, вероятно, при Берлинском дворе, где она имела известное столкно-

¹ «Ce n'est pa à moi à boire la mer. Je laisse ceci à l'abime d'érudition comme la vôtre et me contente de ce que vous autres me voulez apprendre».

вание с графиней Вартенберг, которое кончилось не в пользу последней. Как видно, личное впечатление, которое Матвеева произвела на ганноверского философа, совершенно соответствовало слухам о ее красоте и уме, ибо Лейбниц воспел их впоследствии в следующих стихах¹:

Votre soleil, Madame, est extraordinaire:
S'étant levé d'abord dans le septentrion
Il a de l'occident fait l'admiration.
Au Batave, au François son brillant a sçu plaire,
Quoyque à l'ordre commun sa course soit contraire.
Votre éclat et beauté s'attirent les regards,
Les encens, les hommes s'offrent de toutes parts:
L'orient prend icy part à votre lumière;
Vienne en ce beau jour célèbre votre nom.
D'un excellent époux rojoignant la carrière,
Votre gloire, Madame, égale son renom*.

Если в письмах к Спарвенфельду Лейбниц обнаруживает только заботу насчет судьбы Швеции, то в своем письме к другому шведу — Сторрену — он утверждает полную симпатию к ней и к ее молодому королю, который таким блестящим образом начал свою деятельность. Опасения Лейбница сбылись. Против Швеции составилась страшный союз трех соседних держав; войска Августа Польского, принявшего католицизм, вступили в Лифляндию, чтобы покорить эту страну. Молодой король, поспешивший с таким героизмом на защиту своих владений, мог напомнить Лейбницу своего предка Густава-Адольфа. Под этими впечатлениями Лейбниц встретился в Берлине со шведским агентом Сторреном², который много рассказывал ему про войну в Ливонии. Через несколько времени Сторрен присылает ему ответ, написанный им манифест польского короля против Швеции. Письмом от 23 сентября 1701 г. Лейбниц благодарит его за присылку и выражает надежду,

¹ Sur la célébration du jour marqué par le nom de S. Ex. M-me l'Ambassadrice de Mattveof. Vienne, 1714. Juni 6 (см.: *Leibn. Gesam. Werke / Ed. Pertz. T. IV.*)

² Об этом Сторрене нам ничего не известно. Между бумагами Лейбница находится только одно письмо к Сторрену, из которого мы взяли вышеизложенные подробности.

* Ваше солнце, госпожа, движется необычно: поднявшись на севере, оно вызывает восхищение на западе. Его блеск хорошо известен Батавии и Франции, хотя обычно порядок движения бывает обратным. Ваша слава и красота притягивают взгляды и фимиам, со всех сторон сбегаются люди: здесь восток тоже озаряется вашим светом; в эти счастливые дни Вена прославляет ваше имя. Шествуя по жизненному пути вместе с выдающимся супругом, ваша слава, госпожа, уравнивается с его славой (*фр.*). — *Прим. пер.*

что война окончится сделкой между Польшей и Швецией и что «москвитяне поплатятся за свое безумие» (*payeront la folle enchère*).

Действительно, — продолжает он, — завоевания, которые Швеция сделает с этой стороны, вызовут всего менее зависти и противодействия и могут быть очень значительны. Самая лучшая пеня, которой можно бы было подвергнуть Варшавский двор, по моему мнению, должна была бы состоять в том, чтобы принудить его оказать вам помощь. Через это король Август выиграл бы столько же, сколько и сама республика, которая этим путем могла приобрести Смоленск и другие города. Что касается меня, то я желал бы, чтобы ваш молодой король властвовал до самой Москвы и до реки Амура, которая, как говорят, отделяет империю москвитян от Китая. Теперешние обстоятельства таковы, что партия протестантов, в которой ваш король играет такую важную роль, чрезвычайно нуждается в каком-нибудь значительном приращении после стольких печальных событий. Ваши завоевания с этой стороны были бы очень важны для общего блага. Имя реки, которую я называл, служит добрым предзнаменованием и напоминает мне общие желания, чтобы ваш король (*qui se mêle de vouloir donner de l'amour à vorte monarque**) был так же счастлив в любви, как на войне.

Eadem, quae dura cura

Anna jubet, virtus teneros inspirat amores**.

Игра слов, ради которой Лейбниц пожелал шведам расширить свои владения до Амура, вызвана распространившимися в то время слухами о переговорах относительно брака молодого Карла XII. В конце письма Лейбниц выражает надежду, что увидится со Сторреном в Берлине, и говорит, что приезд Сторрена в столицу Пруссии был бы хорошим признаком того, что между враждующими державами происходит сближение.

Этим письмом можно заключить первый период в отношениях Лейбница к России. Мы видели, что в течение этого времени он не был знаком ни с кем из русских; даже из иностранцев, вступивших в русскую службу, он познакомился вскользь только с одним Лефортом, племянником царского любимца, незадолго перед тем приехавшим в Россию. Переписка Лейбница о России в это время происходила с людьми или равнодушными, или даже враждебными к ней, какими были, например, его шведские корреспонденты. Желания Лейбница относительно России вначале клонились главным образом к тому, чтобы получить из нее интересный лингвистический материал и чтобы с ее помощью усилить сношения ев-

* ...Который трудится, желая повсюду вызвать любовь к вашей монархии (фр.). — *Прим. пер.*

** Там, где строгий надзор предписывает действовать силой оружия, добродетель внушает всем любовные чувства (лат.). — *Прим. пер.*

ропейцев с Китаем и распространить христианство и европейскую науку на отдаленном востоке. Но уж и в то время Лейбниц с сочувствием относится к личности и намерениям Петра, предлагает свои услуги для перенесения в Россию европейской цивилизации и мечтает о хорошем воспитании царевича для обеспечения благотворной отцовской деятельности. Второй период можно считать от начала Шведской войны 1711 г., т. е. до свидания Лейбница с самим Петром. В 1707 г. один из его хороших знакомых — барон Урбих вступил в русскую службу и получил важный дипломатический пост посланника в Вене. В изобретательном уме Лейбница тотчас блеснула надежда воспользоваться этим счастливым случаем. Прежние его желания и надежды относительно России не уничтожаются, но на первый план выступают две новые цели — во-первых, втянуть Россию в политику запада и союзом с ней усилить европейскую коалицию против Франции, во-вторых, сделаться лично известным Петру и принять прямое участие в великом деле водворения в России науки и образования.

II

Письмо Лейбница к Любенецкому, отправлявшемуся в Россию. — Гюйссен. — Его знакомство и переписка с Лейбницем. — Письмо Гюйссена из Москвы о царевиче Алексее. — Гюйссен в Вене в качестве дипломатического агента России. — Урбих. — Его знакомство и переписка с Лейбницем. — Вступление Урбиха в русскую службу. — Переписка Урбиха с Лейбницем в 1707 и 1708 гг. — Лейбниц предлагает через Урбиха свои услуги царю. — Ответ Урбиха. — Первая попытка Урбиха завести через Лейбница дипломатические сношения между Россией и Ганновером. — Жалоба Урбиха на Гюйссена. — Приезд Лейбница в Вену для свидания с Урбихом. — Записка о введении наук в Россию, представленная через Урбиха в 1708 г. — Предложение русского правительства выслать войско против Франции. — Старания Урбиха и Лейбница о присылке русского войска на Рейн. — Впечатление, произведенное Полтавской битвой. — Урбих предлагает ганноверскому правительству через Лейбница союз с Россией. — Разговор Лейбница с Бернсдорфом. — Политика Ганновера во время Шведской войны. — Отправление в Ганновер князя Куракина для постановления союзного договора. — Переписка Лейбница с Лакрозом о Несторе и варягах. — Поездка Урбиха в Москву. — Старание Урбиха устроить брак между принцем Гессен-Кассельским и Анной Иоанновной. — Ответ на предложения Лейбница, привезенный Урбихом из Москвы. — Переписка их о вселенском соборе. — Разговор Лейбница с Бернсдорфом о политике Ганновера относительно России. — Лейбниц выражает желание сделаться президентом Петербургской академии. — Приезд царевича в Вольфенбютель. — Лейбниц предлагает устроить для царевича рельефное изображение

России с аллегорическими эмблемами. — Желание Лейбница переселиться в Вольфенбюттель. — Записка Лейбница к герцогу Антону-Ульриху о введении наук в России и просьба о ходатайстве перед царем. — Поездка к царю в Торгау.

Мы видели, что Лейбницу не удалось воспользоваться приездом в Германию царя Петра и его великого посольства для своих ученых целей. Он не имел случая завести знакомство ни с кем из русских, ни даже из иностранцев, состоявших в русской службе; он познакомился только с Лефортами, из которых один, знаменитый любимец царя, вскоре после того умер, а племянник его Петр был взят в плен в Нарвском сражении и отведен в Швецию. Чтобы получать сведения о России, Лейбницу оставалось только прежнее средство — поддерживать сношения с заграничными учеными, подобно Витзену и Спарвенфельду, которые сами бывали в России и были в состоянии сообщить ему кое-какой материал. Но вскоре и это средство истощилось. Шведская война лишила Спарвенфельда возможности сношения с Россией, Витзен же делал, что мог, но скоро и он перестал высылать Лейбницу получаемый им из России лингвистический материал.

Прошло несколько лет, в течение которых Лейбниц напрасно старался приискать новых лиц, чтобы через посредство их получать сведения из России. Он пользовался своими обширными связями при разных дворах, чтобы рекомендовать для русской службы людей, через которых надеялся достигнуть своей цели. Так, в 1702 г. какой-то медик Кортгольт, которого, впрочем, не следует смешивать с ученым Кортгольтом, благодарил Лейбница письмом за его рекомендацию при Берлинском дворе. Этой рекомендации он обязан тем, что русский посол в Берлине предложил ему на отличных условиях место лейбмедика при царе.

Вместе с этим письмом Лейбниц получил из Берлина письмо от какого-то Любенецкого, который говорит о себе, что он «кончает портреты для царя». Любенецкий предостерегает Лейбница насчет Кортгольта, который навлек на себя его подозрение своим хвастовством. Любенецкий, как видно, собирался также вступить в русскую службу и обещал Лейбницу в этом случае свое содействие. «Говорят, что Паткуль, — пишет Любенецкий, — поехал в Москву, где он был очень хорошо принят и получил должность министра (*ministre d'état*); если это правда, то наши планы от этого могут много выиграть. Вчера я был у русского посланника; он хочет дать мне письмо к посланнику в Варшаве, чтобы я мог с ним совершить мое путешествие». Какого рода были планы, о которых

упоминает Любенецкий, видно из ответа Лейбница: «Если ваш путь будет лежать на Москву, вы можете расспрашивать медиков и других ученых людей (*virtuosis*) о предметах естественной истории, а купцов — о товарах, которые производятся в Москве или привозятся туда из других мест, особенно же о китайском караване и относящихся сюда подробностях. Кроме того, вам известно, что я давно желал получить образчики наречий, на которых говорят во владениях царя и в соседних странах, особенно „Молитву Господню“ с подстрочным переводом и несколько слов из более употребительных. Преимущественно же я желаю иметь сведения о различных племенах татарских и об их различиях. По языкам можно всего лучше различать народы, но необходимо при этом знать географическое положение страны, в которой употребляется известный язык. Можно также осведомиться, нет ли в Москве рукописей греческих отцов церкви. Если представится случай, то прошу передать мой почтительный поклон г. Гюйссену. Он может во многом дать полезные указания. Если Вам случится найти что-нибудь любопытное и не слишком дорогое, то было бы недурно приобрести образчик. Здесь неизвестно, каким способом русские выделывают юфть, так что она получает приятный запах».

Гюйссен, к которому Лейбниц советует обратиться за указаниями, — лицо, хорошо известное в литературной истории Петровской эпохи, благодаря тщательному исследованию г. Пекарского¹. В толпе людей, спешивших со всех концов Европы в Россию, чтобы служить ей своим мечом, явился человек, готовый служить ей другим оружием. Когда Россия стала сблизиться с Западной Европой, там уже выработалась известная сила общественного мнения, и периодическая литература начинала уж оказывать влияние на политические дела. Поэтому нужно было действовать на это общественное мнение, возбуждать симпатии Западной Европы в пользу молодого народа и его царя, искавших просвещения, и опровергать клевету, которая распространялась политическими врагами России. Первый русский дипломат граф Матвеев не раз жаловал-

¹ Под конец своей жизни Гюйссен, вынужденный бедностью, подал записку, в которой перечислил все услуги, оказанные им русскому правительству. Эту записку датский путешественник Ф. Гавен внес в описание своего путешествия, которое потом было напечатано у Бюшинга. На русском языке записка сохранилась в более подробном, хотя черновом списке. Пользуясь ее указаниями, г. Пекарский в своем замечательном труде «Наука и литература при Петре Великом» (I. С. 64—107) подробно описал литературную деятельность Гюйссена и привел те статьи в заграничных периодических изданиях Петровского времени, которые были написаны под его руководством.

ся Петру на дурное впечатление, которое производили в Европе ложные или искаженные известия о России, печатавшиеся в голландских курантах по наущению шведских резидентов. Чтобы противодействовать подобной агитации, Петр пожелал иметь за границей особое лицо, которое должно было следить за тамошней печатью, входить в сношения с литераторами и журналистами и склонять их в пользу России. Этим первым русским агентом по заграничной печати и был барон Гюйссен. Он окончил курс юридических наук в Страсбургском университете и сделался известен некоторыми юридическими сочинениями и историческими изданиями¹. Он был некоторое время наставником при сыне прусского министра Данкельмана и, вероятно, в это время совершил свое путешествие по Италии и Германии, в продолжение которого завел сношения с многими литераторами и учеными. После того он служил советником при княжеском доме Вальдек и тут получил приглашение от Паткуля вступить в русскую службу. При этом Гюйссен в подписанных Петром статьях обязывался: 1) отыскивать и приглашать в русскую службу иностранных офицеров, инженеров, мануфактуристов, ружейников, художников, берейторов, кузнецов и других мастеровых, особенно таких, которые понимали бы по-польски или по-чешски; 2) переводить, печатать и распространять царские постановления, издаваемые для устройства военной части в России; 3) склонять ученых голландских, германских и других стран, чтобы они посвящали царю или членам его семейства, или наконец царским министрам замечательнейшие из своих произведений, преимущественно касающиеся истории, политики и механики; также чтобы эти ученые писали статьи к прославлению России; 4) войти в переговоры с почтмейстерами разных государств о правильной рассылке русских писем.

Лейбниц давно знал Гюйссена и находился с ним в переписке, хотя, по-видимому, не в очень деятельной. Первое известное нам

¹ В 1689 г. вышла «Dissert. Inaug. Justitio, vom Stillstand des Gerichts». Потом с 1694 по 1703 г. он издал «Histoire des Conclaves depuis Clément V jusqu'à présent». Ему приписывается также анонимное описание путешествия по Италии, вышедшее в 1701 г. Во время своего путешествия он собирал разные материалы, которые потом издавал. Так, в Польше, по дороге в Москву, он добыл некоторые письма польского короля Сигизмунда-Августа, которые издал в 1703 г., и рукопись Длугоша, изданную им в 1712 г. В Италии он добыл «Военные инструкции» знаменитого Монтекукули, издание которых он посвятил Петру в 1704 г., а в 1708 г. издал «Записки Монтекукули о Венгерских походах 1661 и 1664 гг.». Для русской истории, как известно, всего более замечательно возражение Гюйссена против памфлета Нейгебауера и его поденный журнал.

письмо Гюйссена к Лейбницу прислано в 1692 г. из Эссена в Вестфалии. Молодой доктор прав относится с большим почтением к знаменитому ученому. Он считает встречу и непродолжительную беседу с ним самым счастливым событием своего путешествия. Гюйссен, путешествуя по Италии и Германии, везде слышал самые восторженные похвалы Лейбницу от тех, кто его знал. Он много говорил о Лейбнице с папским нунцием в Кельне и с комендантом крепости бароном Нессельроде, которые оба были большими любителями и знатоками художественных произведений и монет. При своем письме Гюйссен отправил к Лейбницу несколько медалей, вычеканенных бароном Нессельроде, и свою диссертацию «*De Justitio*»*. Эта диссертация была написана им по поводу преобразования имперской камеры в Шпейере и напечатана в «Ученых Записках» Пармы и Феррары. Гюйссен просит Лейбница исправить его произведение и дополнить его цитатами из авторов, которые писали о том же предмете.

Дальнейший ход переписки между Гюйссеном и Лейбницем нам неизвестен. Сохранилось письмо, написанное Лейбницем уже одиннадцать лет спустя, в октябре 1703 г. Гюйссен тогда находился уже в русской службе, и Лейбниц называет его военным советником царя (*conseiller de guerre du czar*). Лейбниц, очевидно, не знал, что Гюйссен в это время получил после Нейгебауера место наставника при царевиче Алексее Петровиче. Он желает воспользоваться его пребыванием в России, чтобы получить от него сведения, которых он так давно домогался. «С тех пор как я имел честь вас узнать, — пишет он ему, — я всегда очень высоко ставил ваши заслуги, и известие, что вы собираетесь в Московию и хотите, так сказать, оставить наш мир, очень огорчило бы меня, если бы я не знал, что вы можете принести там большую пользу обществу, содействуя образованию тамошнего народа сообразно с геройским намерением его государя. Вы бесконечно обязали бы меня, если бы сообщили мне сведения об управлении, о состоянии наук и искусств в этой стране и о намерениях его царского величества относительно всего этого». Затем Лейбниц повторяет свою постоянную жалобу, что путешественники и географы обращают слишком мало внимания на лингвистические различия, и просит Гюйссена содействовать собиранию лингвистического материала в России посредством перевода «Молитвы Господней» на наречия инородцев. «Если бы его царское величество отдал повеление приступить к этому делу, оно послужило бы столько же к его славе, сколько

* «О справедливости» (лат.). — Прим. пер.

и к общественной пользе». Сообщая Гюйссену, что в Лейпциге изданы письма польского короля Сигизмунда-Августа по рукописи, принадлежащей Гюйссену, Лейбниц продолжает: «Вы, без сомнения, могли бы обогатить нас многими интересными вещами, и если бы я был в состоянии оказать вам в этом отношении какую-нибудь услугу, то считал бы честью для себя исполнить ваши приказания. Я всегда с удовольствием буду получать известия о вашем цветущем государстве и о том, что вы делаете для общественного блага». В конце письма Лейбниц сообщает Гюйссену разные новости из «своего мира», о проезде испанского короля через Ганновер и о ходе военных дел. Лейбниц был очень озабочен дурным оборотом, который приняли эти дела для Габсбургов и для Германии. Австрийский генерал Стирум был совершенно разбит французами в Баварии; партия «недовольных» овладела почти всей верхней Венгрией. «Вообще дела в Германии идут так дурно, что почти можно было бы воскликнуть:

*Ultra Sauromata fugere hinc libet et glaciale oceanum*¹».

«Ибо если мы станем продолжать так, как мы теперь действуем, и если проезд нового короля в Испанию не произведет там переворота, то Франция скоро овладеет Рейном, и империя окончательно разложится».

Ответ Гюйссена из Москвы от 23 декабря 1703 г. заключает в себе различные любопытные подробности о России и царевиче Алексее².

Не малым утешением было для меня, когда я увидел из вашего письма, которое вы сделали мне честь написать 5 ноября, что особа такого замечательного достоинства, как вы, снисходительно храните обо мне такую лестную память. Я гордился этим перед Брюсом, генералом от артиллерии, и Фергюсоном³. Брюс — первый иностранец, который был назначен председателем одного из царских приказов, а Фергюсон преподает здесь математику. Оба они знают вас по репутации и по лестному отзыву о вас английских математиков в их сочинениях. Первый дает

¹ «Хотелось бы бежать за пределы Сарматов и за Ледовитый океан» (*Гораций*).

² Ответ этот напечатан в английском переводе: *John Kemble. State Papers and Correspondence illustrative of the Social and Political State of Europe. London, 1857.* — По обычаю английских издателей-дилетантов, Кембль не позаботился даже указать, где находится оригинал, который он нашел нужным напечатать в переводе. В ответе своем Гюйссен говорит о письме Лейбница от 5 ноября. Это, вероятно, то же самое письмо, которое мы привели в тексте; черновая его помечена 7 октября, но само письмо было отправлено позднее.

³ У Кембля это лицо названо Ferkelsohn. Но здесь, очевидно, идет речь об англичанине Ferguson, которому Лейбниц писал в Москву в 1712 г.

мне список языков, которые в употреблении в странах, принадлежащих этому обширному государству, и точное описание самих стран. Я дал то же поручение лицам, служащим в тех приказах, которые заведывают этими отдаленными странами, и другим, кто там бывал. Таким образом я надеюсь удовлетворить вас сколько-нибудь относительно тех вопросов, которые вы мне делаете. Исбранд, бывший посланником его царского величества в Китае, напечатал свое путешествие in octavo в Голландии, вместе с картой и описанием стран, по которым он путешествовал; из этой книги можно почерпнуть некоторые сведения по этому предмету. От англичанина¹ вы получите с этим письмом отчет о том, что сделано у нас в области науки. Шлю вам нижайшую благодарность за превосходные замечания по поводу политических новостей; было бы очень приятно слышать их чаще, но так как другие более важные дела занимают вас, я едва осмеливаюсь просить вас оказывать мне от времени до времени честь вашими письмами. Вы оказали бы мне особенную милость, если бы поручили это какому-нибудь доверенному лицу, которому я изъявил бы полную признательность за эту услугу.

Мы более чем когда-либо заняты приготовлениями к походу следующего года. Из пяти русских слуг, у кого бы они ни были в услужении, берут одного в солдаты. Кто не расположен следовать за барабаном, бросает своего господина и обращается в бегство, чтобы не попасть в рекруты. Здесь серьезно принимаются за дело, с тем чтобы подать помощь польскому королю как деньгами, так и людьми.

Кроме должности военного советника, его величество сделал мне честь, доверив мне воспитание его высочества царевича и заведование его двором. У царевича нет недостатка в способностях и живости; у него есть честолюбие, сдержанное благоразумие, здравый смысл, большое желание отличиться и приобрести все, что считается нужным для наследника большого государства; он уступчивого и тихого нрава и показывает желание пополнить большим прилежанием то, что было упущено в его воспитании. Я замечаю в нем большую наклонность к набожности, справедливости, прямоте и чистоте нравов; он любит математику и иностранные языки и очень желает посетить чужие края. Царевич хочет основательно изучить французский и немецкий языки; он начал учиться танцам, фехтованию и военным упражнениям, которые доставляют ему большое наслаждение. Его величество позволил ему не соблюдать строго постов, из страха, чтобы это не повредило здоровью и силам, но он не хочет пользоваться этим разрешением из набожности.

Его величество возвратился из Воронежа, где он начал строить много военных кораблей, галер и бригантин. Невозможно себе представить, как этот государь трудится по делам, касающимся управления его государством; от его глаз ничто не ускользает, обо всем он спрашивается, и его планы всегда самые лучшие; он больше всего любит искусство строить корабли и управлять ими. Самые богатые из его подданных должны предпринимать какую-нибудь постройку на свой счет, и он желает, чтобы они вместе с тем учились мореплаванию. Его величество держит здесь, в отличном дворце, несколько англичан, которые обуча-

¹ Вероятно, Фергюсон.

ют ежедневно математике и навигации двести или триста человек; мало того, что царь хорошо платит учителям, но и всякий ученик, молодой или старый, получает в день по десяти копеек и больше, а после двух или трех лет по окончании курса несколько сот рублей и должность во флоте. Здесь был произнесен панегирик его величеству по-латыни, под моим руководством; я могу послать его в Германию для напечатания; он содержит в себе много подробностей из жизни и подвигов его величества.

Посылал ли Гюйссен Лейбницу из Москвы еще другие письма, мы не знаем. Но в 1705 г. Гюйссен должен был оставить царевича и снова отправиться за границу с разными поручениями. Тогда переписка между ним и Лейбницем тотчас же возобновилась. В ответе на не дошедшее до нас письмо Лейбница Гюйссен пишет ему из Берлина, от 30 июня 1705 г., что он совершил свое путешествие из России с разными приключениями, а теперь собирается к себе на родину в Вестфалию и заедет к Лейбницу, чтобы рассказать «обо всем, что делается и что можно сделать в стране, откуда он приехал». Гюйссен приехал в Берлин, чтобы посмотреть на похороны королевы Софьи-Шарлотты, описывает церемонии, которых он был свидетель, и сообщает слух, что Берлинский двор уже думает о другой церемонии, более веселой, по поводу нового брака короля. В декабре Лейбниц получил новое письмо от Гюйсена из Вены, с разными политическими новостями. В это время в Вену приехал герцог Мальборо и был принят с большим почетом. Гюйссен сообщал Лейбницу, что герцог не имел никакого официального поручения, но что его привлекли в Вену враги маркграфа Баденского, в надежде, что он поможет им лишить маркграфа команды над войсками. Но они ошиблись в своем расчете. Мальборо отзвывался о нем императору с похвалами и говорил, что без этого опытного и верного генерала императорская армия сделала бы немного, так что император одобрил план своего фельдмаршала. «Прусский посланник, — писал Гюйссен из Вены, — все еще грозит своим отъездом, если не согласятся на его требования. Он жалуется, что с прусскими войсками обходились чрезвычайно дурно во время похода. Вследствие этого они нуждаются теперь в хороших зимних квартирах; эти квартиры, по словам посланника, они найдут в Пруссии, где в то же время они могли бы наблюдать за движениями царя, которого король Август возбуждает против Пруссии. Кейзерлинг, прусский посланник при русском царе, прибыл из Гродна в Берлин и, посоветовавшись с министрами, снова возвратился туда. Говорят, что его поездка в связи с мирными переговорами, в которых участвуют также Англия и Голландия. Партия ко-

роля Августа усиливается с каждым днем. Г. Ренне сделан генерал-лейтенантом, а полковник Пфлуг генерал-майором¹. Царь дал королю Августу, при его приезде, 400 тысяч рублей субсидии и поручил ему главное начальство над своими войсками. Мазепа послал 1000 казаков в Замостье и расположился на зимних квартирах в Дубне и Бельске; войсками его не следует пренебрегать. Венгерские мятежники заняли город Брук в 6 милях от Вены. Они имели намерение захватить императора во время охоты, как видно из перехваченного письма Ракочи, в котором он просил короля Французского прислать субсидии в Венгрию, а курфюрста Баварского прислать денег в Баварию, чтобы поддержать восстание против Австрии».

Гюйссен пробыл в Вене несколько лет в качестве русского агента и имел в это время очень важные дипломатические поручения. Через него русское правительство сносилось с главой венгерских инсургентов, Ракочи; через него Петр, после Альтранштадтского мира, предложил польскую корону Евгению Савойскому².

Рядом с этими дипломатическими делами шла литературная деятельность Гюйссена. В 1706 г. он издал без своего имени свое «Пространное обличие преступного и клеветами наполненного пасквиля», автором которого, как мы упоминали, был Нейгебауер, прежний наставник царевича Алексея. В том же году появилась во Франкфурте «Реляция о теперешнем состоянии Московского царства», которая была составлена по указаниям Гюйссена. Во все это время Гюйссен переписывался с Лейбницем, как видно из некоторых дошедших до нас писем.

Весной 1707 г. Гюйссен прислал Лейбницу брошюру одного итальянского ученого с просьбой напечатать ее. Гюйссен получил эту брошюру от римского ученого Гравины, с которым находился в литературных сношениях³. Из ответа Лейбница видно, что брошюра касалась спора о способе издания древних грамот (*l'art diplomatique*) между последователями иезуита Палемброха и приверженцами знаменитого Мабильона. Сама брошюра, написанная итальянским ученым Лазарини, была направлена против иезуитов, издателей «*Journal de Trévoux*», в котором помещались критические рецензии на вновь выходящие сочинения. Лейбниц, который

¹ Эти два генерала, как известно, находились в русской службе.

² Московский архив Министерства иностранных дел. Австрийские дела.

³ Гравина был профессором прав в Риме, и сочинения его перепечатывались несколько раз после его смерти. См.: *Лекарский*. Наука и литература при Петре Великом. I. С. 103. В своей записке, поданной Русскому двору, Гюйссен говорит, что он убедил этого Гравину написать похвальное слово Петру.

не любил полемики и не хотел ссориться с издателями этого журнала, отклонил от себя напечатание брошюры и передал ее издателью Амвросию Леману, с которым Гюйссен находился в сношениях. В том же письме Лейбниц сообщает Гюйссену, что он из Берлина завернул в Саксонию, чтобы посмотреть на «трех королей»: Карла II, Станислава и Августа. В Альтранштадте он видел Нейгебауера, который перешел в шведскую службу. «Он хвалил царя и царевича, но не хвалил князя Александра (Меншикова). У него на это свои причины. Но другие много говорят о достоинствах этого любимца, которого вы должны лучше знать, чем те, кто о нем говорит. Он скоро доставит истории новый материал, если это правда, что шведы собираются идти в Польшу»¹.

Последнее письмо Гюйссена из Вены написано в январе 1708 г. Гюйссен просил Лейбница написать ему, что происходит в мире литературы и науки, ибо «этот предмет здесь очень скуден, и здесь говорят только о войне и о деньгах». Между прочими политическими новостями Гюйссен сообщает Лейбницу, что в Вене готовятся действовать решительно против папы; роли переменялись: теперь в Риме боятся молний (*fulmen*), и коллегия о *распространении* веры заботиться о *сохранении* ее («*le collège de propaganda fide consulte sur conservanda*»).

На этом переписка снова прекратилась. Гюйссен вскоре после того был вызван в Россию. Его пребывание в Вене с дипломатической целью сделалось излишним, так как в 1707 г. в Вену был назначен особый русский посланник, барон Урбих.

Урбих был старым дипломатом. Он долгое время занимал пост датского посланника в Вене. Как многие дипломаты, он охотно занимался сватовством, и брак эрцгерцога Карла с вольфенбюттельской принцессой Елизаветой-Шарлоттой был главным образом его делом. Урбих надеялся получить награждение, соответствующее его усердию, но ошибся в расчете. Карл был в Испании и даже не знал своей невесты, с которой обвенчался только в 1708 г., а родственники невесты, которые особенно дорожили почетным для них браком, были слишком бедны, для того чтобы вознаградить посредника. Когда и по каким причинам Урбих оставил датскую службу, неизвестно. Неизвестно также, через кого он получил место русского посланника в Вене. Есть основание предполагать, что

¹ Черновая этого письма сохранилась в двух экземплярах, написанных рукой писаря. На одном из них Лейбниц сделал несколько вставок и помарок; например, слова о Меншикове заменены словами: «*mais il (Нейгебауер) ne paraissoit point content des Moscovites*» (но он, по всей видимости, не был доволен москвитями (*фр.*). — *Прим. пер.*).

дело о сватовстве царевича было поводом к приглашению Урбиха в русскую службу. Урбих, проживая без должности в Вене, обратился к тамошнему русскому дипломатическому агенту Гюйссену с проектом устроить брак между царевичем Алексеем и одной из принцесс Вольфенбюттельского дома¹. Этот проект был одобрен Петром, и так как Урбих по своим отношениям к Вольфенбюттельскому дому мог быть самым лучшим посредником в деле брачных переговоров, то это, вероятно, и побудило русское правительство предложить ему место русской дипломатии. Как бы то ни было, летом 1707 г. Урбих был вызван в Россию и в августе возвратился в Вену с верительной грамотой к Германскому императору².

Лейбниц давно знал Урбиха. Первое известное нам письмо Урбиха к Лейбницу помечено 6 ноября 1688 г. и посвящено экспедиции, которую предпринимал тогда Вильгельм Оранский. Следующие затем письма Урбиха к Лейбницу писаны почти двадцать лет спустя, в 1705 г., и с этого времени начинается правильная переписка между ними. Вероятно, переговоры о браке между внучкой Антона-Ульриха и Карлом Испанским привлекли Урбиха в Вольфенбюттель и послужили поводом к сближению его с Лейбницем, который, как известно, находился в дружеских отношениях с герцогской семьей. До нас дошло несколько писем Лейбница к Урбиху от 1705 г. и одно от 1707 г. Они касаются политических дел того времени, преимущественно войны за испанское наследство. Письма Урбиха сохранились в более значительном числе³. В одном из них, написанном в декабре 1705 г., он говорит о бедственном положении Австрии, у которой нет ни денег, ни солдат.

Я предлагал им (т. е. австрийцам) уже год тому назад принять на службу 6-тысячный отряд русских, о которых недавно они уговорились с Паткулем. Тогда их здесь не хотели; потом их взяли, и это послужило к гибели Паткуля. Дело в том, что король Август хотел присоединить к ним 4 тысячи своих солдат с условием, чтобы ему гарантировали неприкосновенность его владений. Но на это здесь не могли согласиться, а в Саксонии не захотели, чтобы русские воспользовались предложени-

¹ Это известие основано на неизданном письме Урбиха к Гюйссену, которое будет напечатано нами вместе с некоторыми другими бумагами, относящимися к делу о браке царевича Алексея.

² Письмо Урбиха к Лейбницу № 1.

³ Так как эти письма и упомянутые три письма Лейбница относятся ко времени, когда Урбих еще не состоял в русской службе, мы не сочли нужным напечатать их.

ем Австрии, и это было настоящей причиной неудовольствия против Паткуля¹.

В другом письме от 22 декабря 1706 г., Урбих приписывает своим стараниям союзный договор между датским королем и императором, по которому первый обязался выслать 2 тысячи человек против французов. Урбих успел предупредить французского посла в Копенгагене, который уже получил от своего правительства приказание сделать Дании самые выгодные предложения. Урбих был чрезвычайно доволен тем, что ему удалось поступить в русскую службу. Должность, которую он получил, была почетна, и с ней было связано значительное содержание².

Долго скитавшись по разным странам мира с тех пор, как я имел честь видеться с вами, — пишет он Лейбницу, — я надеюсь впредь, если будет угодно Богу, вести жизнь более спокойную. Против всякого ожидания я снова вступил на дипломатическое поприще, ибо по непредвиденной случайности царь принял меня на службу с чином тайного советника и сделал посланником при здешнем дворе.

Уже в этом письме встречается намек на брак, который Урбих устраивал для царевича. Урбих опасался, чтобы ему не отплатили такой же неблагодарностью за его хлопоты об этом браке, как и за сватовство испанского короля.

¹ Известно, что осенью 1705 г. Паткуль заключил с Австрией договор, по которому 6-тысячный вспомогательный отряд русского войска, отведенный королем Августом в Саксонию и отрезанный шведскими войсками от Польши и России, должен был поступить на службу к императору и отправиться на Рейн против французов. Саксонские министры, не желавшие допустить этого, арестовали Паткуля и потом выдали его шведам.

² Урбих получал в Вене 10 тысяч рублей, или 9 тысяч талеров (эфимков), ежегодно, как видно из его счетов, сохранившихся в архиве Министерства иностранных дел. За это он обязывался на свой счет совершать свои поездки с дипломатической целью по германским дворам, так как он был аккредитован не только при императоре, но и при Германском сейме. В своих реляциях Урбих часто жалуется на скудость содержания, сравнительно с тем, которое получали посланники других первоклассных держав, и даже посланники такого двора, как Саксонский, старавшегося заменить политическое значение, которого ему недоставало, неумеренной роскошью своих дипломатических агентов. Скудость содержания, по словам Урбиха, была особенно чувствительна для него в экстренных торжественных случаях, например при коронации Карла VI. Урбих просил, чтобы его не посылали во Франкфурт на эту коронацию, и вычислял, какие громадные суммы получили другие дипломаты для экстренных издержек во Франкфурте. Жалобы Урбиха нужно признать справедливыми, так как и другим русским дипломатам того времени недоставало назначенного им жалованья. Так, Матвееву в Гааге было определено 15 тысяч гульденов, а в 1704 г. он издержал 27 193 (см.: *Соловьев*. История России. XV. С. 90).

Что касается благодарности за мои хлопоты, о которой вы упоминаете, то мне кажется, что эта благодарность ограничивается одной досадой и что известные господа, по обычаю неблагодарных, даже сердятся, ибо принуждены признаться, что они всем мне обязаны. Ожидает ли меня та же судьба относительно другого проектированного брака, которым я по разным причинам во многом предпочитаю первому, это покажет будущее. Царь, для которого я еще ничего не сделал, осыпает меня ласками и милостями, а другие, которым я оказал услуги, меня забывают. Таков мир.

Лейбниц чрезвычайно обрадовался назначению Урбиха; он надеялся через его посредство войти в сношения с Русским двором и получить возможность доставлять ему свои планы относительно распространения наук в России. Уже в первом письме к Урбиху ясно высказывается эта мысль. Урбих в своем письме выражал опасение, что шведы станут его преследовать и искать случая погубить его. Лейбниц в предостережение напоминает ему, как шведы поступили с русским послом Измайловым, который хотел пробраться через области, занятые их войсками, и с прусским полковником Слунтом, так как из бумаг Измайлова оказалось, что этот Слунт давал князю Меншикову разные военные советы.

Но так как вы свободны, никто не может упрекнуть вас за то, что вы поступили на службу к государю, к которому император и высокие союзники относятся по крайней мере нейтрально. Я не стану здесь касаться военных дел, но придаю большую важность намерениям царя распространить образование в своем государстве, и вот для чего я желал бы, чтобы он скорее заключил мир со шведским королем и чтобы они оба направили свои силы в другую сторону — Карл против Франции, чтобы содействовать восстановлению европейского равновесия, а царь против Персии; ибо это мне кажется для него всего выгоднее, и притом я знаю, что его величество намерен восстановить имеретинского князя, изгнанного персиянами из своих владений.

Далее Лейбниц считает нужным успокоить Урбиха несчет благодарности Вольфенбюттельского двора.

Я должен вам сказать, — пишет он Урбиху, — что отнюдь не замечаю того расположения, на которое вы жалуетесь; напротив того, здесь все очень хорошо сознают, насколько они вам обязаны.

Затем он касается предположенного брака:

Намерение, о котором вы упомянули и о котором следует говорить в темных выражениях, мне кажется прекрасным и полезным по многим причинам, и мне будет чрезвычайно приятно слышать о всем, что может содействовать его успеху.

Для того чтобы нельзя было догадаться, о чем идет речь, Лейбниц, по своему обычаю, тотчас переходит к другому:

Я интересуюсь всем, что сколько-нибудь относится к науке. Это составляет мой конек (*c'est là ma marotte*).

В своем ответе¹ Урбих распространяется с большими похвалами о царе и о его намерениях. Но из слов русского дипломата видно, что он не совсем ясно понимал политику своего государя.

Что касается царя и его личности, то я могу уверить вас, что это настоящее чудо, как этот государь умел образовать себя самоучкой (*comme un autodidacte*), без помощи наставника и только под руководством очень глупого (*très sot*) и невежественного русского, которого и зовут Зотовым. Он и теперь еще находится при дворе, где над ним потешаются, и я его видел там. Его Величество сам мне в этом признался. Между тем это государь — могу вас уверить — вполне совершенный, мягкий, умный, ласковый и трудолюбивый. Он намерен искоренить злоупотребления, изгнать невежество и грубость, ввести художества, науки и промышленность, одним словом, усовершенствовать и образовать свой народ наподобие других народов. Он старается даже о соединении греческой и римской церковей, и князю Куракину, которого очень хорошо приняли в Риме и которого я жду всякий день на возвратном пути, было поручено об этом хлопотать.

Посольство Куракина в Риме, о котором говорит Урбих, имело совершенно другой смысл. Петру, который вел в Польше трудную борьбу против шведской партии и приверженцев Станислава, было чрезвычайно выгодно расположить в свою пользу всемогущее католическое духовенство или, по крайней мере, отвлечь его от врагов. Поэтому он решился привлечь на свою сторону папу. Осенью 1707 г. Куракин был отправлен в Рим и в своей речи «распространился о расположении царя к папскому престолу»; он указывал на то, что царь позволил свободное исповедание католической веры в Москве, позволил строить римские церкви и дал свободный проезд через Россию римским миссионерам, отправляющимся в Китай и Персию². Урбих знал, до какой степени Лейбниц интересовался вопросом о соединении церковей, и мы увидим, что в своей переписке они часто будут возвращаться к этому вопросу.

¹ Письмо от 16 ноября 1707 г.

² См.: *Соловьев*. История России. XV. С. 227. — Какие надежды возбудило отправление Куракина в Рим между папскими дипломатами, видно из Тейнера (*Documents historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitz, Fédor III et Pierre le Grand*. Rome, 1859. С. 407 и след.). Там же много любопытных документов, касающихся переговоров о свободном пропуске миссионеров и о свободе католического богослужения в России.

Уверив Лейбница в расположении Петра к католицизму, Урбих продолжал: «Вы можете судить по этому, какой веры заслуживает рассказ одного поляка (вы меня обяжете, если сообщите его имя), который недавно говорил в Ганновере, что царь убил в одной варшавской церкви четырех католических священников». Факт, который отрицает Урбих, случился не в Варшаве, а в Полоцке в 1705 г. Во время пребывания там Петра один униатский монах, бывший прежде православным, в своих проповедях делал постоянные выходки против русских, возбуждал народ к тайному избиению русских солдат и бранил Петра и Августа. Петр оставил эти выходки безнаказанными, чтобы не раздражать поляков. Но однажды, зашедши в монастырь, он увидел, что висевший там образ Кунцевича отличался особенными украшениями. Выведенный из терпения монахами, он велел схватить их, но те стали защищаться, и в схватке четверо из них были смертельно ранены. После этого Петр велел повесить монаха, который был виновником столкновения¹.

Урбих доказывал добродушие царя снисходительностью, оказанной прусскому послу Кейзерлингу. «Я не могу понять, — пишет Урбих, — как его величество мог удержаться, чтобы не убить его на месте. Ни в Берлине, ни в каком другом месте не пощадили бы жизни такого сумасброда». Лейбниц говорил в оправдание Кейзерлинга, что он был пьян. В своем письме Урбих опровергает надежды, которые Лейбниц возлагал на мир между Россией и Швецией: мир не возможен, по его мнению; во всяком же случае Карл XII ни за что не обратит своего оружия против Франции. Он ввел в Германию французского эмиссара под личиной польского генерала и только ищет случая, чтобы возбудить ссоры в Нижне-Саксонском округе.

С тех пор как Урбих вступил в русскую службу, он пользовался своей перепиской с Лейбницем, как средством, чтобы завести сношения с Ганноверским двором, так как в то время Россия не имела при этом дворе особого дипломатического агента. С этой-то целью он старался через посредство Лейбница возбудить подозрение Ганноверского курфюрста относительно намерений шведского короля и сообщал ему разные известия об интригах и сношениях Карла XII с французами и турками.

¹ Соловьев. История России. XV. С. 168. — Тут же приведены преувеличенные известия об этом событии, распушенные в то время. В своем ответе Лейбниц пишет Урбиху, что он ничего не слышал о подобном рассказе и не верит, чтобы кто-нибудь из поляков распускал при Ганноверском дворе подобные слухи. «Те поляки, которых я видел здесь проездом, — прибавляет Лейбниц, — показались мне очень умеренными и отзывались о царе с уважением».

Венский двор, при котором Урбих занимал дипломатический пост, был более других заинтересован в происходившей тогда войне за испанское наследство. Поэтому Лейбниц мог получать от Урбиха важные политические новости и охотно делился с ним опасениями и надеждами, которые возбуждала в нем война. В письме от 3 января он выражает желание, чтобы император послал принца Евгения в Испанию, — это побудило бы морские державы действовать там с большей энергией: «Я убежден, что необходимо как можно скорее начать усиленные действия в Испании, ибо тамошняя Испания решит дело». Если Бурбоны сохраняют за собой Испанию и Америку, они будут навсегда опасны для Европы. Лейбниц предчувствовал исход войны: если она будет долго тянуться, она наконец надоест англичанам и голландцам, и народ принудит правительство заключить невыгодный мир. Лейбниц также очень ясно понимал разлад в политических видах Австрии и морских держав, разлад, который имел такое вредное влияние на самый ход войны.

В Англии и Голландии заботятся более о сохранении Америки, а императорский двор придает больше значения Италии. Лейбниц сомневается в справедливости слуха, будто Карл XII собирается с наступлением зимы двинуться в Польшу и Литву; его новобранные войска от этого слишком бы пострадали, тем более, что его министры имеют в виду преимущественно Германию и смотрят на дело о протестантах в Силезии, как на средство, чтобы снова вмешаться в германские дела. Интересно, что по этому поводу Лейбниц рассказывает о либерализме Австрийского двора, который тогда впервые удивил Европу уступчивостью в религиозных делах. Известно, что Карл XII, проходя в Саксонию через Силезию, заставил императора возратить силезским протестантам отнятую у них религиозную свободу. Эта уступка была вынужденная, но австрийские министры сделали вид, будто их двор охотно согласился на нее. Граф Вратислав, который был канцлером в землях чешской короны, рассказывал в Ганновере, что император очень благодарен шведскому королю за то, что тот склонил его к договору и дал ему возможность избавиться от докучливости ханжей; Силезия только выиграет от этого, ибо она погибала вследствие католической реакции, которая изгоняла жителей, особенно же хороших работников. Австрийцы делают хорошо, — прибавляет Лейбниц, — что начинают говорить в этом тоне, и в самом деле ничто не может быть более справедливо.

Лейбниц выражает опасение, чтобы турки не начали войну против царя, в том случае, если бы шведы предложили им союз против России, так как Порты охотно согласилась бы на этот союз, — ибо «я знаю от людей очень сведущих, которым приходилось часто беседовать с турецкими министрами, что турки боятся царя более, чем кого-либо из европейских государей, потому что он самый могущественный сосед их и очень близок от Константи-

нополя по причине Черного моря; наконец потому, что он исповедует греческую религию, которую исповедуют и в большей части Оттоманской империи». Конец письма посвящен русским делам. Лейбниц решается ясно высказать Урбиху, что он желал бы войти через него в сношения с русским правительством по делу распространения наук в России.

Относительно мира с Швецией я полагаю, что царь не отклонил бы его, если бы ему предложили приличные условия, и я был всегда того мнения, что очень невыгодные условия, о которых идет слух, вымышлены. Причина, почему я так сильно желаю этого мира, — та, что мне хотелось бы, чтобы царь привел в исполнение прекрасное и великое намерение цивилизовать свою обширную империю и ввести в нее науки, искусства и хорошие обычаи. Так как я предпочитаю интерес общечеловеческий (а следовательно, и славу Божью) всем остальным более частным интересам, то и питаю самое горячее желание, чтобы это намерение осуществилось; ибо таким образом можно было бы сразу усовершенствовать и привести в лучшее состояние значительную часть земного шара и почти весь северо-восток нашего материка. Это значило бы также соединить Европу с Китаем, который можно считать другой восточной Европой; вообще я не могу перечислить все выгоды, которые я предвижу. Вот почему я так часто желал познакомиться лично или через посредство других с теми людьми, с помощью которых царь приводит в исполнение свое великое намерение, ибо я мог бы в тысяче случаев навести их на что-нибудь или придумать какое-нибудь средство. Может быть, у царя нет теперь такого главного сподвижника в этом деле (*instrument en chef*) после смерти генерала Лефорта и первого министра Головина, и может быть, также неотложные заботы о войне отвлекли немного его царское величество. Потому-то мир так и желателен, чтобы этот великий государь мог наконец осуществить столь прекрасное и похвальное намерение. Есть много вещей очень славных и очень полезных, которые он мог бы легче исполнить, чем все прочие государи, тем более что перед ним *непочатое поле* (*il y a encore comme tabula rasa chez lui*). Но я мог бы подробнее распространиться об этом, если бы вы когда-нибудь приблизились к нашим местам, так чтобы я мог иметь честь лично с вами поговорить. И я желал бы, чтобы ваше полномочие распространялось и на подобные дела. Впрочем, я хотел бы, чтобы это осталось тайной между нами: большинство людей судит вкривь и вкось и не понимает ничего в самых похвальных намерениях, которые истолковывает дурно, сообразно со своим собственным настроением.

Слова Лейбница, которыми он объяснял свой интерес к делу просвещения в России, заслуживает нашего внимания. Они выставляют нам в истинном свете его постоянные попытки сблизиться с царем и с влиятельными членами русского правительства, чтобы сообщать им свои советы и указания относительно введения наук в Россию, — попытки, которые он возобновлял в течение два-

дцати лет, несмотря на равнодушие, которое они встречали. Эти слова объясняют нам также, почему Лейбниц так скоро излечился от того энтузиазма в пользу шведских завоеваний, который он выказал в своем письме к Сторрену, и почему он принял сторону России в ее борьбе с Швецией. Для Лейбница на первом плане стояла цивилизация — его политика должна была подчиняться интересам цивилизации. Он был истинным философом, потому что более всего ценил высшее благо на земле и из-за противоречивых страстей и столкновений минуты не терял из виду общих интересов человека. Лейбниц на одну минуту увлекся рыцарским образом молодого шведского короля, казавшегося вторым Александром, который своим победоносным оружием откроет европейской цивилизации доступ к отдаленному Востоку. Личность Карла XII должна была казаться ему тем более симпатичной, что шведские короли издавна слыли защитниками протестантизма и религиозной свободы, и победы Карла XII навсегда упрочили бы положение протестантизма в Европе. Но Лейбниц скоро разочаровался в тех последствиях, которых он ожидал от торжества шведского короля. Когда он стоял в Альтранштадте перед Карлом XII и «не знал, что ему сказать», он убедился, что шведские победы не послужат делу цивилизации. Он убедился, что европейское образование проникнет на Восток только тогда, когда ее рассадником сделается Россия, и с этих пор он возложил все свои надежды на Петра. В этом отношении Лейбниц может послужить примером для западных людей. Со времени Лейбница и по настоящие дни на Западе больше занимаются опасениями насчет возрастающего могущества России, чем интересуются ее успехами в образовании и цивилизации, хотя с этими успехами так тесно связаны и общечеловеческие интересы.

В своем ответном письме Урбих сообщает Лейбницу известие, которое должно было быть чрезвычайно приятно для последнего:

Я сделал извлечение из вашего письма касательно того, что вы говорите о науках, и отправил его к нашему двору. Не думайте, чтобы война уничтожила похвальное намерение его величества привести науки в большее процветание; напротив того, присылайте мне годных людей и сообщите ваш проект; и даже если вы хотите сами отправиться в Россию, я ручаюсь, что вам будут очень рады, захотите ли вы там остаться, или только дать несколько указаний. Что касается меня, то если бы мне пришлось возвратиться в Вольфенбюттель, я не упустил бы случая поговорить с вами подробнее об этом деле.

Не раз еще нам придется читать в письмах Урбиха, что он сообщил своему двору мысли или проекты Лейбница относительно

введения наук в Россию. К сожалению, реляции Урбиха не дошли до нас¹; но что Урбих говорил правду, видно из его реляции от 5 марта 1712 г., в которой он упоминает, что уже несколько лет тому назад предложил Лейбница Петру для введения наук в Россию. Как было принято это предложение, об этом мы также не можем судить, так как и ответные письма Головкина к Урбиху по большей части не сохранились.

Между тем дела коалиции против Людовика XIV шли не особенно хорошо, несмотря на блистательную деятельность Мальборо и Евгения. Причина неуспеха заключалась отчасти в несогласиях между Австрийским двором и морскими державами. «*Je voy de part et d'autre, qu'on ne s'entend pas bien Iliacos intra muros*»*, — писал с огорчением Лейбниц к Урбиху². Морские державы были недовольны, что император действует без энергии в Испании и Германии. Они требовали от него, чтобы он примирился посредством уступок с мятежными венгерцами, которые отвлекали часть его войск от войны с французами. Лейбниц порицал за это англичан и голландцев. По его мнению, уступки венгерцам дали бы им возможность свергнуть с себя навсегда австрийское господство, «что было бы опасно для Германии и для всего христианства вообще». Выражаясь таким образом, Лейбниц имел в виду, что оппозиция в Венгрии всегда искала союза с турками против императора. Он совершенно справедливо возлагал отчасти на дипломатов вину в несогласиях между членами коалиции. «Мелкие столкновения, — писал он, — очень часто разжигаются и усложняются дипломатами, которым поручены переговоры». При дурном положении, в котором находились дела коалиции, многие в Европе боялись мира между Россией и Швецией, который дал бы Карлу XII возможность вмешаться в войну за испанское наследство и «разыграть роль посредника в европейских делах». В такой неизвестности Лейбниц писал Урбиху:

Самое лучшее то, что Бог пошлет, ибо мы слишком близоруки, что-бы решить, что лучше; что же касается меня, то я желал бы мира на севере, для того чтобы опустошение прекратилось и царь получил бы возможность подвинуть вперед дело просвещения между своими подданными; ибо хотя бы этот великий государь и не переставал думать о том

¹ Куда девались реляции Урбиха за 1707—1710 гг., нам неизвестно. Реляции, сохранившиеся в Московском архиве Министерства иностранных дел, начинаются только с 6 июня 1711 г.

² Письмо № 3, от 12 апреля 1708 г.

* Я вижу, что ни одна из сторон не слышит другую через Илионские стены (фр., лат.). — Прим. пер.

во время войны, подобное дело не может идти столь же хорошо, как во время мира.

В своем письме от 13 июня 1708 г. Урбих в первый раз делает попытку завести через Лейбница дипломатические сношения с Ганноверским двором. Он пишет Лейбницу, что несколько раз собирався приехать в Ганновер. «Я очень желал иметь случай заявить мое почтение их княжеской светлости, особенно же уверить курфюрста в расположении и полном уважении его царского величества и убедить его, что он очень хорошо мог бы остаться в дружественных отношениях с королем Шведским, не принимая до такой степени к сердцу интересы последнего; ибо он агитирует через своих министров против царя и действует, как будто он его открытый враг, хотя царь не причинил и не думает причинить ему никакого вреда. Но я опасался, что меня дурно примут, и не хотел подвергать себя ни насмешкам, ни опасности, особенно зная, что господя Герц и Оберг¹ более ревностные шведы, чем если бы они родились в самом Стокгольме». Вероятно, Урбих относительно своего предложения о Лейбнице не получил никакого ответа из России или получил ответа уклончивый, так как он пишет последнему:

Не вероятно, чтобы мир был скоро заключен и чтобы можно было подумать о науках, разве только если этот поход будет решительным, чего я не предполагаю; ибо если мы выиграем, мы не заключим мира, а если проиграем, тем менее. Очевидно, что если Господь даст неприятелю победу, то она не может быть столь решительной, чтобы нельзя было из остатков составить новую армию, и по всем людским соображениям невозможно предположить, чтобы неприятель проник через линию укреплений, при стольких предосторожностях. Но если бы он и проник, то не мог бы овладеть всей линией, которая простирается почти на 40 миль в длину и за которой пролегает пустыня в 100 миль ширины.

В этом же письме Урбих жалуется Лейбницу на Гюйссена:

Гюйссен, который должен был уехать отсюда год тому назад или больше и который с того времени везде искал себе службы, выдумал сделаться дипломатическим посредником при Ракочи, без ведома и согласия его царского величества, за что ему придется отвечать. Этот поступок Гюйссена привел в негодование здешний двор, который подозревает, что царь послал его туда в качестве резидента. Этот Гюйссен любит братья за все (*est un polypragmos*) и принимается за такие дела, которые ему не поручены, причем он не верен ни своему господину, ни друзьям, ни самому себе.

¹ Тогдашние ганноверские министры.

Неудовольствие Урбиха против Гюйссена объясняется, кроме недостатков, которые первый приписывает последнему, их личным соперничеством. Мы видели, что Гюйссен имел в Вене различные дипломатические поручения, хотя не занимал официального положения. Он еще весной 1707 г. надеялся выхлопотать себе полномочие и звание официального дипломатического агента, но напрасно¹. Назначение вслед за этим Урбиха русским послом в Вене не должно было нравиться Гюйссену, который между тем продолжал свою прежнюю деятельность. С другой стороны, Урбиху, естественно тотчас по прибытии в Вену, хотелось извиниться от Гюйссена. Урбих жалуется на Гюйссена и просит отозвать его². Впрочем, Урбих, по-видимому, сам не отличался уживчивым характером; в том же письме он жалуется на молодого Зотова, а впоследствии он поставил себя в такие невыносимые отношения к австрийским министрам, что те не хотели иметь с ним дела.

Через год после отъезда Гюйссена Урбих стал снова жаловаться на него. На этот раз он обвинял его в злобе, во лжи, в растрате казенных денег и чуть не в измене³. Дело, по-видимому, не ограничилось одними жалобами.

¹ В апреле 1707 г. Головкин пишет Гюйссену по-латыни: «Non expedit посылать особенное лицо в Вену для переговоров с тамошним шведским послом; Гюйссен может сам начать их, и если они приведут к цели, ему пришлют полномочие. Несмотря, однако, на это, дело об избрании нового польского короля не должно быть им оставлено» (Московский архив Министерства иностранных дел. Австр. дела 1707 г.).

² См. письмо Урбиха от 10 сентября 1707 г. к какому-то Geh. Rath, вероятно, к Шафирову: «Прошу покорнейше защитить теперь меня от клеветы, как я об этом уже просил в М(оскве) самого царя. Я не охотно утруждал этим его царское величество, но меня заставила нужда... Молодой Зотов не без способностей, но я нахожу в нем два недостатка: 1) он слишком разыгрывает роль министра и думает, что больше понимает дела, чем все остальные, и 2) он враг иностранцев, особенно немцев, но зато очень расположен к французам. Что касается до Гюйссена, то лучше всего было бы отозвать его как можно скорее. Я даже не знаю, что и сказать о поведении его в некоторых случаях. Зотов может рассказать про некоторые его проделки» (Московский архив Министерства иностранных дел. Австр. дела 1707 г.).

³ В письме к Шафирову от 1 сентября 1708 г. (Московский архив Министерства иностранных дел. Австр. дела) Урбих радуется прибытию Веселовского: «Наконец-то придет честный человек, который отзывался обо мне лучше, чем эти бесчестные люди и клеветники — Гюйссен, Вильсдорф и им подобные... Лейтенант Гросс оказывается негодным человеком: он обещал прибыть в армию никак не позже трех недель. Но, без сомнения, его задержал коварный лгун Гюйссен (der malitiose Lügen Huyssen), ибо таковы его проделки, с помощью которых он хочет помешать, чтобы его государь не был извещен вовремя о делах, касающихся самых главных его интересов, и таким образом

В одном письме к Антону-Ульриху Лейбниц сообщает:

Мне писали из Вены, что Урбих имел неприятности с известным бароном, который утверждает, что он также имеет полномочие от царя. Но я надеюсь, что его государь (sein hoher Patron) защитит его¹.

До нас дошли не все черновые письма Лейбница. Так, из писем Урбиха видно, что в июне 1708 г. Лейбниц прислал ему три письма в течение одной недели. В одном из этих писем Лейбниц просил его доставить ему образчики всех наречий, употребляемых в России. Урбих ответил ему на это, что он отправил в Москву извлечение из его письма и ждет ответа². В своем письме от 14 августа Лейбниц снова возвращается к вопросу о русской этнографии:

Значительная часть народов в Европе и Азии вышла из областей, подвластных теперь царю; поэтому такие исследования особенно важны. До сих пор я знаю в Скифии только три языка очень распространенные: 1) сарматский, на котором говорят русские, словаки (Esclavons), поляки, богемцы и др.; 2) татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы, и 3) финский, который употребляется лапонцами, финляндцами, венгерцами и простирается за пределы Каспийского моря. Я не знаю, есть ли в России другие языки, столь же распространенные, и куда отнести множество отдельных наречий, например, язык самоедов, сибиряков, мордвы, черкесов и черемисов. Вы можете судить по этому о важности предложенного мной исследования. У меня еще тысяча других важных вопросов относительно областей, принадлежащих царю, но их нужно прибегать для более благоприятного времени.

В этом же письме между другими политическими новостями Лейбниц сообщает Урбиху слух о поездке в Бельгию короля Августа, для того чтобы переговорить там о передаче своих войск союзникам за известное вознаграждение.

Королю Августу всего более повредило недоверие к нему; иначе, как я полагаю, император постарался бы привлечь его в Венгрию, где он мог бы сразу сделать два дела — поправить в этой стране дела импе-

косвенным путем повредить ему. Я слышал, что он еще перед отъездом отсюда взял 9 тысяч галеров, ассигнованных на Амстердам; 1000 червонцев, назначенных для Мерси, также в его руках, не говоря о других суммах. Посмотрю, как-то он справится со своими счетами и как оправдает свое отсутствие и другие гадкие проделки: он дурной человек, и если ваше превосходительство спроведите его без скандала, то это будет всего лучше. Оставляя его на службе его величества я не советовал бы никоим образом, хотя для меня все равно, если он останется: я при этом ничего не потеряю».

¹ Письма Лейбница к Антону-Ульриху в Ганноверской публичной библиотеке. Черновая не помечена числом.

² Письмо № 5, от 4 августа 1708 г.

ратора и постановить или поддержать свои собственные в соседней Польше, где многие считают его отречение недействительным. Он мог бы сделать это тайком, не предпринимая ничего, что могло бы дать шведам повод к жалобам. Но я заметил уже давно, что Австрийский двор бонтса короля Августа почти столько же, как и короля Шведского, по крайней мере со стороны доброй воли.

По поводу ссоры между папой и императором Лейбниц замечает, что письмо папы к последнему написано хорошо, за исключением того места, где он грозит прибегнуть к светскому оружию: «Папам более прилично делать это, чем говорить о том, и тон писем Иннокентия XI к Людовику XIV был гораздо достойнее сана автора». Лейбниц одобряет намерение императора восстановить в Италии некоторые забытые права империи, но жалуется при этом на пренебрежение, в котором находились архивы империи и ее права, в противоположность Франции. Особенно велико было это пренебрежение в отношениях к папам и к духовенству. Отказавшись от инвеституры, императоры сохранили за собой некоторые права; но все эти права были потом оставлены без внимания или даже забыты. Через Урбиха Лейбниц хлопотал в это время в Вене, чтобы ему дали разрешение исследовать баварские архивы для предпринятой им «Истории Брауншвейгского дома». Бавария после битвы при Бленгейме находилась во власти австрийцев и управлялась австрийским наместником. Просьба Лейбница тотчас возбудила подозрение в Вене. Там боялись, чтобы князь Вельфского дома, предки которых владели некогда Баварией, не вздумали предъявить свои права на эту страну и отыскивать в ее архивах подтверждение этим правам. Урбих сообщил об этом Антону-Ульриху. Лейбниц старается успокоить Урбиха и уверяет его, что он один хлопочет об этом деле, Ганноверский же двор чрезвычайно мало интересуется этим.

Вы удивились бы, если бы я вам описал, с каким равнодушием здесь относятся теперь к «Истории Вельфского дома»; это равнодушие не раз меня отвращало от моего труда.

Урбих хлопотал о просьбе Лейбница через графа Эттингена и писал ему, что тот отзывался о нем с большим уважением. По этому поводу Лейбниц говорит о своих отношениях к австрийским министрам, и мы узнаем любопытную подробность для его биографии. Он пишет, что с графом Эттингеном он имел только несколько раз случай поговорить, так как тот всегда был очень занят; но с покойными министрами Виндишгрецом и Стратманом он был в более близких отношениях — они хотели удержать его в Вене, но

ему тогда были сделаны в Ганновере новые выгодные предложения.

Следующие за тем письма Лейбница не дошли до нас. Из ответов Урбиха видно, что Лейбниц предлагал ему вести переписку посредством шифров и прислал какой-то шифр, для употребления которого нужно было иметь под рукой словарь Французской академии. Урбих не соглашался, говорил, что ему без того приходится писать слишком много шифрованных писем, отчего у него портится зрение, и что у него нет словаря академии. Он приглашал Лейбница, который собирался в Карлсбад, заехать в Вену. Лейбниц, по-видимому, обещал приехать и говорил, что приедет с каким-то другом, которого, однако, не называл. Письмо Лейбница было отчасти написано шифрами. Урбих не мог понять шифра и приглашал Лейбница приехать со своим другом.

В сентябре Урбих известил Лейбница, что в Австрии перехватили письмо Боннака¹ к французскому послу в Венеции, из которого видно, что Людовик XIV предлагал Карлу XII четыре миллиона талеров, если он заключит мир с Россией. Боннак писал по этому поводу, что мир невозможен, пока царь не возвратит крепостей на море, а он этого никогда не сделает, если шведы, как они хвастались, не свергнут его с престола.

В октябре Урбих сообщил Лейбницу известия о победах, которые были одержаны русскими над шведами: в Эстляндии два русских полка совершенно истребили два полка шведских; в Карелии русские сделали высадку на 12 кораблях, сожгли 3 города и 500 деревень и опустошили всю область, а между Днепром и Сожем, где стоит главная армия, разбиты пять шведских полков. Самые умеренные насчитывают 2 тысячи убитых и столько же раненых; другие говорят, что убито 4 тысячи, а ранено 3 тысячи. Битва произошла 1 сентября².

Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться; если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет.

¹ Боннак, известный дипломат своего времени, был сначала французским послом при Станиславе Лещинском, а после Полтавской битвы отправился в Турцию, где впоследствии занимал пост французского посла и пользовался большим влиянием.

² Урбих говорит здесь о сражении при Добром, которое происходило двумя днями раньше — 29 августа. Петр писал о нем, что Голицыни и Флюх неприятелей сбили и 3 тысячи трупов, кроме раненых, положили, знамена и прочее побрали (см.: *Соловьев*. История России. XV. С. 281).

Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что ему прежде принадлежало, и бросить своего Стаську (Stensel), который никогда не может быть королем в Польше. Если шведский король не сделает этого, то я опасаясь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию.

С октября 1708 г. переписка между Лейбницем и Урбихом прерывается на несколько месяцев. Лейбниц сдержал свое слово и в ноябре приехал в Вену. Долго ли он там пробыл, мы не знаем; как видно из одного письма Урбиха, Лейбниц приезжал в Вену инкогнито; даже ганноверский посол при Венском дворе не знал о его приезде, и когда впоследствии узнал о том, был очень недоволен этим посещением. Он, вероятно, подозревал, что Лейбниц приезжал с тайным дипломатическим поручением, ибо он виделся в Вене с императрицей Амалией, бывшей брауншвейгской принцессой¹.

В Вене Лейбниц имел возможность на свободе переговорить с Урбихом о своих планах, для которых он нуждался в его посредничестве. Результатом этих переговоров была записка о введении наук в Россию, составленная Лейбницем для отправления ее к Петру Великому². Эта записка отличается от других подобного же содержания своим философским введением. Кроме того, Лейбниц говорит здесь подробнее, чем в других случаях, о преимуществах, которые Россия имела перед странами с более зрелой цивилизацией. Лейбниц сравнивает Петровскую Россию в деле образования с непочатой почвой, на которую можно посеять чистое семя без примеси сорных трав. Он желал перенести в нее плоды западного

¹ См. письмо Урбиха от 1 мая 1709 г.: «Huldemberg a sçu, que vous avez esté icy et que vous avez parlé á l'Impératrice, qui le luy aura redit» (Хульденберг знает, что вы были здесь и говорили с императрицей, передавшей ему ваши слова (фр.). — Прим. пер.). Имена написаны шифром. В одном письме императрицы Амалии к Антону-Ульриху от декабря 1708 г. (в Ганн. публ. библ.) также упоминается о приезде Лейбница в Вену. Эта поездка его в Вену была неизвестна его биографам. Фуше де Карель в своей статье о Лейбнице («Sitzungsberichte d. Akad. zu Wien». XXV), перечисляя поездки Лейбница в Вену, не упоминает о поездке 1708 г. В предисловии к сочинению Лейбница «Анналы Западной Римской Империи» издатель Перц рассказывает, что когда в 1708 г. Лейбниц уехал из Ганновера без отпуска, курфюрст Георг хотел в газетах назначить награду тому, кто его отыщет (см. выше, гл. VII, с. 548 данного издания). Из переписки Лейбница с Урбихом объясняется цель этой отлучки и причина, почему Лейбниц желал сохранить ее в тайне.

² Черновая, сохранившаяся в Ганн. кор. библ., помечена декабрем 1708 г. На том же листе находится краткая схема, которую Лейбниц положил в основание своей записки. Она показывает, как систематически Лейбниц обдумывал и составлял все, что выходило из-под его пера.

образования, но без недостатков, которые явились там вследствие исторических условий и различных уклонений от истинного пути. К сожалению, он не указывает подробнее на те недостатки, от которых он хотел бы предохранить молодую русскую науку. Он считал возможным дать научному делу в России такую организацию, которая обеспечила бы его правильное развитие, потому что эта организация зависела от мудрой воли одного человека и могла быть создана по гармоническому плану, подобно тому, как новый город, построенный по плану одного архитектора, правильнее и красивее, чем старый, который расширялся постепенно под влиянием разных стеснительных условий. Лейбниц прибавляет, что он может коснуться вопроса о введении наук в Россию только теоретически; для практического же применения его указаний необходимо было бы знать ближе условия и средства страны, а также людей, которым пришлось бы поручить дело. Вот содержание записки.

§ 1. По требованию его превосходительства царского уполномоченного я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширном государстве его царского величества, ибо для меня не может быть ничего приятнее, как содействовать сколько-нибудь общему благу и усовершенствованию людей, а также славе Божьей, тем более, что это царство обнимает большую часть земного шара, т. е. почти весь север нашего полушария. Кроме того, я полагаю, что так как эта страна представляет почти непочатое поле и, подобно новому сосуду, не усвоила себе чуждого запаха, то многие вкравшиеся у нас ошибки могут быть предотвращены и исправлены, особенно потому, что всем будет руководить ум мудрого государя.

§ 2. Истинную цель науки составляет блаженство людей, т. е. состояние постоянного удовлетворения, насколько это возможно для человека, причем они не должны жить в праздности и роскоши, но содействовать всякий по своим силам прославлению Господа и обществу благу великодушности и добродетелью и познанием истины. Средство, с помощью которого можно повести людей на этот путь добродетели и счастья, заключается в хорошем воспитании юношества. Посредством воспитания можно даже у животных делать чудеса, тем более у людей, которые получили от Господа бессмертную душу и созданы по его образу и подобию. Юношество можно так вести, чтобы вселить в него любовь к добродетели и охоту к науке; взрослых же, которые не получили такого воспитания, нужно сдерживать страхом наказания; с ними приходится иметь много терпения и им следует многое прощать.

§ 3. Я не стану говорить теперь о том, как следует вести юношество по указанному пути, так как это требует особого изложения; но обращусь к наукам и искусствам. Введение наук и искусств в области, подвластные царю, заключается, во-первых, в том, чтобы перенести их туда, во-вторых, в дальнейшем возделывании их.

§ 4. Перенести науки и искусства можно посредством сведущих людей и посредством приобретения необходимых пособий, состоящих

преимущественно в книгах и в произведениях природы и искусства. Для этого нужны библиотеки, музеи по естественной истории и по искусствам, зоологический и ботанический сады, обсерватория и лаборатория.

§ 5. Относительно призвания годных и способных людей я не сомневаюсь, что известное число их уже приглашено, но что многих также еще недостает; во всяком случае необходимо было бы следовать в этом определенному плану и порядку, завести переписку внутри империи и за границей, поддерживать между ними известную связь и подчинить их общему руководству, для того чтобы науки и искусства были верно и хорошо излагаемы, преподавание их шло правильно и по определенному методу, чтобы между науками и преподавателями соблюдалась известная связь и гармония, чтобы различные учения хорошо согласовались и не противоречили друг другу, но, напротив того, поясняли друг друга.

§ 6. Библиотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена, ибо часто и в плохих книгах можно найти много хорошего, чего нет в лучших; но так как во всем следует держаться известной постепенности, то нужно начать с самого важного. По моему мнению (*ich halte ohnmasgeblich dafür*), следовало бы приобрести по всем предметам что-нибудь отличное, но в особенно большом количестве книги по реальным предметам, под которыми я разумею: 1) математику с механикой; сюда относятся астрономия и ее приложения к географии, мореплавание, военное искусство и архитектура; 2) естественные науки (*physica*) по трем царствам природы; сюда же принадлежат земледелие, горное дело, химия, ботаника, анатомия, медицина со всеми искусствами, основанными на знании природы; 3) историю, которая заключает в себе описание времен и мест, следовательно, объяснение отдельных случаев (*rerum singularium expositio*); сюда входят описания и истории государств и областей, сочинения по государственному праву и особенно путешествия. Латинские книги должны составить главный отдел библиотеки; но не следует забывать хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках, так как в них находятся важные сведения особенно для практики, которых напрасно станешь искать в латинских книгах. Греческие печатные сочинения я причисляю к латинским, так как они большей частью снабжены латинским переводом. Но не следует также упускать из внимания, кроме славянских, арабские, персидские, турецкие и китайские книги, и при этом должно стараться приобретать разные древние и новые рукописи. Особенно нужно заботиться о собирании гравюр и рисунков, в которых представлены произведения природы и искусства и изобретения людей, чтобы идеи становились таким образом доступными для глаза и, так сказать, воплощались.

§ 7. О музеи и относящихся сюда кабинетах и кунсткамерах, арсеналах, галереях древностей, скульптуры и живописи, зоологических и ботанических садах, помещении для моделей и орудий, *пейхгаузе* и прочем можно было бы сказать много, ибо необходимо так устроить их, чтобы они служили не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук. Но для этого

потребовалась бы особая статья, а теперь достаточно напомнить, что в этом деле нужно иметь сколь можно более радения, а потому не нужно упускать ничего, сюда относящегося.

§ 8. Нужна также лаборатория с хорошими химиками (und Feuerkünstler), сведущими во всем, что может быть достигнуто посредством огня. Эта лаборатория должна была бы находиться в связи с аптеками, медицинской частью и горным делом, с монетным и пробирным дворами, с металлическими и стеклянными заводами и артиллерийским управлением, и хотя отнюдь не следует рассчитывать на добывание золота, можно было бы там производить множество прекрасных опытов и посредством их исследовать свойства тел, разлагать их, увеличивать их силу и совершенствовать их, ибо огонь представляет самый главный ключ к объяснению сил природы.

§ 9. Относительно обсерватории нужно заметить, что география и мореплавание заимствуют свой главный свет от астрономических наблюдений. И так как обширное Русское царство обнимает значительную часть земного шара, которую можно считать за terra vergine для науки, ибо в ней производилось мало достоверных наблюдений, то его царское величество может пролить новый свет на мореплавание и географию, устроив хорошие учреждения для астрономических наблюдений, и этим оказать немалую услугу роду человеческому, а также доставить большую пользу своему собственному государству, ибо с помощью России и ее торговли можно соединить Азию и Китай с Европой и извлечь из этого несказанную выгоду.

§ 10. До сих пор я говорил только о том, что способствует введению наук и художеств; теперь следовало бы также поговорить о способе распространения их, для того чтобы они пустили хорошие корни в обширном государстве царя и со временем дошли до значительного процветания; но для этого необходимо было бы ближе знать обстоятельства страны и людей. Можно наперед сказать только то, что необходимо учреждение особенной влиятельной коллегии с обширным кругом власти, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг а также художники и ремесленники с их произведениями.

Наконец, я должен упомянуть, что хотя настоящая Северная война и могла бы произвести замедление в этом прекрасном предприятии, все же следовало бы не откладывать приобретения многих относящихся сюда предметов, так как при теперешней тяжелой и продолжительной войне многое можно приобрести во Франции и в других местах за половину той цены, которую придется дать, когда здешние люди будут находиться в менее стесненном положении; многое же тогда совсем нельзя будет купить.

Но не один только вопрос о введении наук в Россию занимал Лейбница во время его свидания с Урбихом в Вене. В своих беседах они с неменьшим вниманием касались политических интересов того времени, а результатом этих бесед был проект, для осуществления которого они вместе выехали из Вены. Урбих жаловался

на то, что Ганноверский двор продолжал выказывать большую симпатию к Швеции. Ему чрезвычайно хотелось отвлечь Ганновер от союза с Швецией и переманить его на сторону России. Предположенный брак царевича с принцессой Вельфского дома, казалось, должен был положить основание сближению между Ганновером и Россией; чтобы довершить его, Урбих решился сделать курфюрсту одно чрезвычайно важное предложение.

С тех пор как началась война за испанское наследство, Петр постоянно старался войти в сношения с коалицией, образовавшейся против Людовика XIV. Он желал, чтобы эта коалиция приняла его сторону в борьбе с Карлом XII или принудила бы последнего к миру; за это Петр не раз вызывался прислать вспомогательный отряд против Франции. Царь видел в этом двойную выгоду для себя. Его войска, сражаясь под предводительством таких искусных полководцев, как Евгений Савойский или герцог Мальборо, прошли бы отличную военную школу, а с другой стороны, приняв русские войска, коалиционные державы вышли бы из своего нейтралитета относительно Швеции. Еще в 1702 г. Матвеев предлагал голландским Штатам за деньги отряд русского войска против французов. Штаты отклонили предложение под тем предлогом, что как сухопутные войска их, так и флот уже укомплектованы¹. В начале следующего года царь предложил в Вене через Паткуля прислать императору на помощь 6-тысячный отряд, которому император не будет обязан давать ничего, кроме зимних становищ, хлеба и воинских припасов; вместе с тем Петр предлагал, что если он достигнет своей цели относительно Швеции, то вступит с императором в наступательный союз и пошлет ему 20 тысяч войска². В то же время Матвеев должен был предложить через Витзена, чтобы Штаты взяли в свою службу из Архангельска 4 тысячи русских матросов. Витзен отвечал, что по времени года поздно посылать в Архангельск; корабли с матросами возвратятся, когда голландский флот уже уйдет в море; притом голландские адмиралы утверждали, что им будет очень трудно управляться с людьми, не знающими по-голландски. В январе 1706 г. царь говорил голландскому резиденту фан дер Гульсту, что если, благодаря посредничеству Штатов и высоких союзников, шведский король склонится к миру, то он отдаст в распоряжение союзников против общего врага 30 тысяч своего лучшего войска³. Эти пред-

¹ Соловьев. История России. Т. XV. С. 58.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 211.

ложения не имели успеха по разным причинам. Австрия боялась, что шведский король сделает нападение на Венгрию и подаст помощь тамошным инсургентам; притом она была слишком бедна, чтобы содержать русские войска. Морские державы опасались, чтобы Карл XII не принял сторону Франции и, кроме того, не питали доверия к русским войскам после Нарвского поражения, ибо, отклоняя предложение Петра, они в то же время обращались к Карлу XII с просьбой прислать вспомогательный отряд.

Теперь, по мнению Урбиха, настала благоприятная минута, чтобы возобновить предложение. Австрия сосредоточивала все свое внимание на войне в Италии, Англия же и Голландия — на Бельгии, и вследствие этого в верхней Германии война велась вяло и без успеха. Только когда в 1704 г. французы проникли в Баварию и в соединении с тамошными войсками угрожали Вене, туда поспешили Евгений из Италии и Мальборо из Бельгии, чтобы отразить французов. После же Бленгеймской победы защита верхней Германии опять была предоставлена недисциплинированным и жалким контингентам имперских князей. По смерти маркграфа Баденского предводительство над имперской армией было предложено зимой 1708 г. курфюрсту Ганноверскому. Но эта армия находилась в таком бедственном состоянии, что курфюрст долго отказывался, опасаясь за свою военную славу и не желая брать на себя передряг и споров с сеймом и с мелкими князьями, которые не высылали вовремя ни солдат, ни провианта. В виду этих обстоятельств Урбих составил проект предложить курфюрсту 15-тысячный отряд русского войска, который бы сражался на Рейне под его предводительством¹. Такое подкрепление имперской армии дало бы курфюрсту возможность приступить к более энергическим военным действиям и тесно связало бы интересы коалиции с Россией. Должно казаться странным, что в самую критическую минуту тяжелой борьбы между Россией и Швецией, когда все войска русские сосредоточивались в Малороссии в ожидании решительного столкновения с искусным неприятелем, Урбих предлагал выслать на далекий Рейн такой значительный отряд.

¹ См. письмо Лейбница к курфюрсту Ганноверскому: «Retournant cet hiver... II (Urbich) croyoit meme alors, que le czar pourroit se résoudre à envoyer un corps de ses troupes au Rhin pour agir sous S. A. Electeur à des conditions très favorables, s'il savoit que l'Electeur en seroit bien aise» (Возвращаясь к этой зиме... Он (Урбих) полагал тогда, что царь решится отправить на Рейн отряд своих войск, чтобы содействовать Вашей светлости на весьма выгодных условиях, поскольку он знал, что Ваша светлость были бы этому только рады (фр.). — Прим. пер.).

К сожалению, до нас не дошли депеши Урбиха к русскому правительству, и потому нам неизвестно, в чем состояли подробности его проекта и как далеко зашли переговоры о нем. Только сопоставляя некоторые намеки из писем Урбиха к князю В. Л. Долгорукому, русскому послу в Копенгагене¹, с замаскированными выражениями в переписке Урбиха с Лейбницем, мы получаем возможность сделать некоторые заключения. План, предложенный Урбихом или, может быть, даже составленный самим Петром, по-видимому, заключался в том, чтобы заменить вспомогательные отряды саксонцев и датчан, сражавшиеся против французов, более значительным отрядом русских войск, который мог бы действовать отчасти против мятежников в Венгрии, отчасти на Рейне. Короли Август Саксонский и Фридрих Датский получили бы таким образом возможность воспользоваться удалением Карла XII и напасть со своими войсками на незащищенные шведские владения. 14 ноября 1708 г. Урбих пишет Долгорукому: «Что касается замены датских войск, то если бы его царское величество захотел поставить вместо них двойное число, то, может быть, здесь охотно согласились бы отпустить их». Через неделю Урбих снова пишет Долгорукому:

Теперь стало известным, куда направлено путешествие датского короля, который уже проехал через Дрезден. О нем рассуждают различным образом. Его Царское Величество нашел нужным, чтобы я отправился в К. (Копенгаген) и постарался окончить там с Вашим Сиятельством переговоры согласно с известным проектом. Но есть ли какая-нибудь возможность окончить их в настоящее время? Остается одно средство, чтобы Ваше Сиятельство, в том случае, если бы датский король остался целую зиму в Венеции, отправились вслед за ним. Это чрезвычайно неприятная помеха. Мне кажется, что везде желают отделаться (от нас) и что могущества царя будут так же бояться, как до сих пор боялись шведа. Я уже замечаю здесь кое-что. Впрочем, если бы датский король согласился взять назад свои войска и удовольствовался бы деньгами, которые он получает за рекрутов, а царь прислал бы в полтора раза больше войска в Венгрию, то, может быть, была бы надежда на успех.

20 ноября Урбих известил Долгорукого, что он намерен предпринять путешествие с известной целью и выедет на третий день. 19 декабря он известил его, что предпринял поездку, чтобы повидаться с известным польским господином (под этим он разумеет, по-видимому, короля Августа).

¹ Письма Урбиха к Долгорукому хранятся в Московском архиве Министерства иностранных дел (Австр. дела).

Было бы желательно, — писал Урбих, — чтобы и Ваше Сиятельство туда отправились; я туда поеду, но не стану заключать договора, даже если бы это было возможно, а предоставлю все королю Августу, выяснив только расположение императорского двора и других немецких дворов, которые должны будут принимать участие в деле.

Из этого видно, до какой степени был сложен проект, в осуществлении которого Лейбниц должен был помогать Урбиху, и как мало было надежды на успех. Лейбниц выехал из Вены вместе с Урбихом 28 ноября¹ и доехал с ним до Лейпцига. Там они условились, что Урбих поедет в Бамберг к курфюрсту Майнцскому, канцлеру империи, и представит ему проект о присылке русского вспомогательного отряда, с тем, чтобы этот проект был внесен в имперский сейм. Лейбниц же должен был возвратиться в Ганновер и разузнать о расположении курфюрста относительно сближения с Россией. Они условились также, что Урбих придет в Ганновер своего брата с полномочием вступить от его имени в официальные переговоры с министрами курфюрста. Этот брат должен был приехать в Лейпциг для личных переговоров. 16 января 1709 г. Урбих сообщил Лейбницу из Нюрнберга, что он накануне виделся в Бамберге с канцлером и вице-канцлером и оставил им копии со своего предложения. Оба они отнеслись к нему довольно благосклонно, и последний обещал поговорить о нем в Вене, куда он должен был отправиться на днях. Между тем Лейбниц, не получая известий от Урбиха и не зная его адреса, решил вызвать в Ганновер его брата, в надежде, что тот уже снабжен необходимым полномочием. Сделал он в это время какие-нибудь предложения своему курфюрсту от имени Урбиха или нет, об этом нельзя заключить с достоверностью².

¹ См. письмо Урбиха к Долгорукому.

² В бумагах Лейбница находятся два письма его к курфюрсту, тождественные по содержанию; оба они, очевидно, написаны после Полтавской битвы, осенью 1709 г., и в них он различно говорит о своих переговорах с Урбихом в предшествовавшую зиму. В одном из писем, начинающемся словами: «Retournant cet hiver», Лейбниц, упомянув о предложении Урбиха послать русские войска на Рейн, говорит: «Il (Urbich) voulut, que je sondasse icy ce qu'on en pensait, mais j'eus de la peine à m'y résoudre» (Возвращаясь к этой зиме... Он (Урбих) хотел, чтобы я разведал, какого мнения об этом придерживаются здесь, но я, к собственному сожалению, не решился на это (фр.). — Прим. пер.). В другом письме Лейбниц говорит: «En faisant savoir à Mr. Urbich la réponse de Monsg. l'Électeur sur le sujet don't S. A. É. se souviendra sans doute, j'y donnay le tour, qu'il faut, afin qu'il ne parût rien qui put rebuter ou désobliger et je marqua y que Mr. l'Électeur avait reçu l'ouverture le mieux du monde, mais que S. A. É. jugeoit que c'était auprès de l'Empereur qu'il fallait ouvrir une négociation qui regardait les troupes, dont l'Empire pouvait tirer du service» (Ознакомив г-на Урбиха с от-

В конце января Лейбниц получил в ответ от младшего брата Урбиха уведомление, что так как письма, адресованные к нему, два раза опаздывали, то он и не поспевал на свидание со своим старшим братом, что поэтому он находится без инструкций и не знает, что ему делать. Между тем в конце февраля старший Урбих возвратился в Вену, больной и раздраженный от дурного пути. Он надеялся найти там письмо от Лейбница с известием, что последний начал переговоры с ганноверскими министрами, и был чрезвычайно недоволен его сдержанностью.

Я возвратился сюда, — писал он Лейбницу, — три недели тому назад — более похожий на мертвого, чем на живого. Я нашел здесь четыре письма из Берлина, но они не удовлетворили моего любопытства. Теперь я с величайшей тревогой ожидаю от вас письма из того места, где вы были после того. Я легко догадываюсь о причине вашего молчания, и это значит *умыть себе руки*. Уверяю вас, что если бы вместо 15 (тысяч) я предложил 50, было бы все то же. Страсти и ненависть слишком велики; у меня есть на это новые доказательства. Но мы потерпим, ибо мы ничего не теряем. Я прошу вас по крайней мере написать, в каком положении дела¹.

Успокоившись немного, Урбих старается оправдать себя в том, что не прислал брата, а также обвиняет Лейбница, которому, по мнению Урбиха, следовало бы сделать первый шаг.

Я вижу с удовольствием, — пишет Урбих, — что вы еще не совсем теряете надежду; вы можете руководствоваться бумагой, в которой изложено основание соглашения; я всегда буду держаться его сущности и хорошо знаю, что делаю. В том, что оно будет одобрено (т. е. со стороны царя), нечего сомневаться, но нельзя ждать ответа раньше месяца. Время, когда надо будет осуществить проект, придет очень скоро; дай только Бог, чтобы проект был одобрен и принят с вашей стороны, и вот в чем вопрос. Сделать слишком много и заставить действовать известное лицо (т. е. брата Урбиха) нельзя, пока не известно намерение другой стороны. Вы говорите, что вы оба (кто эти оба, вы и Бернсдорф или кто-нибудь другой?) решили, что необходимо отсрочить дело, потому

ветом г-на курфюрста по поводу предложения, о котором Ваша светлость, несомненно, хорошо помнит, я поездил по здешним местам, чтобы никого не обойти и не обидеть, и заметил, что г-н курфюрст имеет здесь поддержку большинства людей, но что Вашей светлости следовало бы начать с императором переговоры касательно войск, помощью которых могла бы воспользоваться империя (фр.). — *Прим. пер.*)

¹ Письмо от 15 марта 1709 г. За ходом этого дела трудно следить, так как многие письма не дошли до нас, а некоторые из дошедших не помечены числом; кроме того, переписка между Лейбницем и Урбихом была в это время очень неправильна по причине переездов последнего, и многое не понятно вследствие недосказанных намеков.

что ничего не известно с нашей стороны; напротив того, вы — лицо действующее (*subjectus agens*), я — лицо выжидающее; поэтому нужно сначала знать, что вы сделали и есть ли какие надежды, или нет. Что касается меня, то я опасаясь последнего».

Лейбниц, со своей стороны, был также недоволен. Он приписывал всю вину Урбиху, который оставлял его без известий и не прислал в Ганновер своего брата.

Мне кажется, что наша переписка, — отвечал Лейбниц Урбиху, — стала менее деятельна по причинам, которые должны были бы произвести совершенно противоположное действие. Мои письма из Берлина не могли заключать в себе особенных новостей, и так как, кажется, вы получили их только по возвращении в Вену, они не послужили бы вам ни к чему. Я известил вас о моем намерении относительно лица, которое я вам назвал; но сомнение, которое на нас навело ваше молчание, и неизвестность, в которой мы находились, были причиной того, что я не настаивал, когда упомянутое лицо стало затрудняться относительно предложенного путешествия¹. И мне кажется, что мы хорошо сделали, так как вы продолжаете хранить молчание как об этом, так и о другом деле; из этого я заключаю, что основание, на которое я рассчитывал для нашего плана (*à l'égard des contingences qu'il s'agissait d'obtenir*), не состоялось. Я не знаю, существуют ли в действительности те страсти и та ненависть, о которых вы говорите. Я не нахожу никакого основания к такому предположению и вижу только, что (здесь) не намерены легкомысленно изменять прежние отношения². Мне кажется, что всякое дело должно иметь прочное основание; иначе это значит рассчитывать на простоватость или легкомыслие других. Основанием нашего дела, по моему мнению, было условие насчет вспомогательного отряда. Поэтому будьте так добры, известите меня, можно ли еще на что-нибудь надеяться. Кажется, что эти два лица, участие которых было необходимо, относятся равнодушно к делу и что уверения, о которых вы мне писали, были неискренни³. Может быть, там колебались, желали знать мнение другого лица и не нашли там необходимой решимости⁴. Статья о вспомогательном отряде может пригодиться только в следующем году, если об этом еще можно думать. А без этого средства откуда взять деньги, необходимые для этих 15 или 10 (тысяч), так как никто не хочет платить. Другое было бы дело, если бы с нашей стороны захотели все сделать, но этого нельзя ожидать от самого благоприятного расположения при теперешних обстоятельствах. Итак, необходимо известить меня в том случае, если еще можно думать о предположенном деле.

¹ Это лицо — брат Урбиха, который должен был приехать в Ганновер.

² Лейбниц говорит здесь о союзе Ганновера с Швецией.

³ Здесь идет речь о саксонском и датском правительствах.

⁴ Обещания, о которых говорит Лейбниц, вероятно, были сделаны королем Августом, с которым Урбих мог видеться во время своей поездки в Саксонию. Другое лицо — датский король.

Мы не знаем, что после этого Лейбниц писал к Урбиху об общем деле. Письма его, которые он писал между 25 марта и 20 августа, не дошли до нас. Урбих же между тем несколько раз возвращался в своих письмах к несостоявшемуся плану.

Так как я не получил никаких новых сообщений, — писал он 1 мая, — то повторю только, что предложенные мной условия были бы приняты и что с нашей стороны еще теперь готовы принять их. Но так как начало военных действий уже близко, а вы ничего не предложили, то я вижу, что наш проект был напрасно составлен. Мой брат получил бы полномочие, если бы предварительно исследовали почву и известили, что курфюрст и Бернсдорф пребывают в прежнем своем расположении. Без этого было бы излишним присылать его, обнаруживать свои намерения и делать бесполезные издержки. Я очень охотно приехал бы и сам. Теперь же, так как это последний поход и царские войска не будут нужны, то я полагаю, что нет надежды на союз, тем более что, как вы говорите, да и я сам знаю, Ганновер никогда не отстанет от Карла XII. Мы можем по крайней мере сказать: «*Tamen est laudanda voluntas*».

Из Карлсбада, куда Урбих отправился в конце мая, он опять писал к Лейбницу в том же смысле.

Так как я до сих пор не знаю, говорили ли вы с патроном или с кем-нибудь из приближенных, то и не мог рисковать собой, а еще менее честью своего государя. Я полагаю, что вы приступили к объяснениям, но что они были приняты не особенно благосклонно; поэтому это дело можно считать поконченным.

Еще прежде этого Урбих сообщил Лейбницу, что его проект о введении наук в Россию переводится на голландский язык. Это делалось, очевидно, потому, что Петр знал голландский язык лучше немецкого, а Лейбниц желал, чтобы его проект был доставлен прямо царю. Теперь Урбих известил Лейбница, что его проект, переведенный по-голландски (*en flamand*), отправлен ко двору. Туда же было отправлено Урбихом какое-то латинское напечатанное письмо Лейбница и извлечение из письма Лейбница к самому Урбиху о каком-то кабинете медалей, который он советовал приобрести для России. Извещая Лейбница об этом, Урбих заметил, что было бы хорошо, если бы Россия имела запас в несколько миллионов таких медалей во время этой тяжелой войны. Лейбницу не понравилась эта острота Урбиха.

Я писал вам как-то, — отвечал он Урбиху в одном из своих следующих писем, — о кабинете медалей. Я вижу, вы того мнения, что в настоящее время деньги нужны на другое. Самые могущественные государи

никогда не имеют их слишком много, особенно когда им приходится вести большую войну. Оставим же эти дела до более благоприятного времени.

Между тем произошло то великое событие, которое так возвысило значение России для Европы и совершенно видоизменило состояние восточной половины нашего материка. Любопытно наблюдать, как известие о Полтавской победе отразилось в кругу интересов, около которых вращалась переписка Урбиха с Лейбницем. Под ее влиянием тотчас приблизились к окончанию те два дела, о которых Урбих хлопотал у князей Вельфского дома. Упорство герцога Антона-Ульриха и колебание его относительно брака его внуки с царевичем исчезли. Курфюрст Ганноверский изъявил готовность отказаться от союза с Швецией и вступить в переговоры с Россией. Урбих значительно возвышает тон, Лейбниц радостно предвидит конец Северной войны, рассчитывая, что царь займется внутренним преобразованием своей страны. Узнав, что Петр приближается к границам Германии, Лейбниц торопит Урбиха поехать к нему навстречу, в надежде, что их свидание обеспечит осуществление его проектов и планов относительно России. 7 августа нового стиля Урбих сообщает Лейбницу «великую новость о поражении шведского короля, которую не нужно описывать, так как она опубликована везде».

Мне прислано подробное описание ее, которое я напечатал. Это действительно падение Фаэтона, как очень хорошо выразился его величество в своем письме¹. Гульденберг хотел заключить из этого, что письмо подложное, ибо, — говорил он, — что знают в Московии о Фаэтоне? В настоящее время начинают бояться царя, как прежде боялись шведа. Только враги царя распускают о нем недобрые слухи; его величество не имеет намерения делать другим зло; напротив того, он готов делать всем добро: он требует только назад то, что шведы отняли у него в прежнее время. *Dare или reddite Caesari, quod Caesaris, et qui rem suam petit nemini injuriam facit**. Я не желаю верить, чтобы нашлись недоброжелатели, которые вздумали бы воспротивиться справедливым намерениям его величества. Они могут подвергнуться гневу Царя царей, Который один охранил жизнь нашего царя. Я желал бы знать, что скажут теперь эти хвастуны², которые разыгрывали шведских министров и в то

¹ Описывая Ромодановскому Полтавскую викторию, Петр писал: «И единым словом сказать, вся неприятельская армия Фаэтонов конец восприяла...» (Соловьев. История России. Т. XV. С. 377).

² Урбих говорит о ганноверских министрах.

* Отдайте... верните кесарю кесарево; кто требует того, что ему и принадлежит, тот никому не причиняет ущерба (*лат.*).

же время были клеветниками и хулителями его царского величества, особенно этот грубиян Оберг. Известите меня скорее, по секрету, о расположении курфюрста. Я не советовал бы теперь задевать нас. Ганновер должен был бы присоединиться к нам и не позволить королю Прусскому опередить себя. Известите меня также о следующем: если бы король Шведский погиб, то кто будет его наследником, герцог Голштинский или сестра короля?

В это время Урбих еще сомневался в исходе брачного дела.

Я ничего не понимаю в деле царевича с принцессой Шарлоттой. Интриги ведутся как в Вольфенбюттеле, так и у самой принцессы. Надо утешиться. Я ничего не теряю, но только царь сочтет меня дураком, если я стану писать, то что дело окончено, то что встретились новые затруднения.

Но через несколько дней после этого Лейбниц окончательно успокоил Урбиха насчет его сомнений.

Принцесса Шарлотта, — писал он ему 20 августа из Брауншвейга, — приехавшая сюда на ярмарку, была так хорошо вразумлена (а *esté si bien cathéchisée*), что приняла предназначенную для нее честь, и я узнал, что Иордан повез эту новость королю Августу. Иордан, кажется, желает принять участие в этом великом деле, но, по моему мнению, честь и выгода должны быть предоставлены только вам.

При известии о Полтавской победе возобновились надежды Лейбница на вмешательство царя в войну против французов.

Мне кажется, — пишет он Урбиху, — что если в нынешнюю зиму не состоится всеобщий мир, то желание царевича предпринять поход на Рейн принесло бы России и пользу, и славу. Нет сомнения, что если только император согласится на это, то здесь будут очень довольны. Лица, видевшие копию с договора между Ганновером и Швецией, уверяли меня, что срок союза истек в апреле 1709 г. Таким образом, Травендальский мир и спокойствие Нижне-Саксонского округа теперь обеспечены. Так как все затруднения царя теперь, по-видимому, окончились, то я думаю, что в России начнут заботиться о предметах изящных и интересных. Ведь мой конец — всеобщее благо, достигаемое посредством развития наук, и записка на голландском языке, может быть, придет кстати. Будьте так добры, известите меня о том, что вы думаете и что вы считаете возможным, а также о времени и образе действия.

О престолонаследии в Швеции Лейбниц судил очень верно.

Престол принадлежит сыну старшей сестры сообразно с завещанием ее отца, которое было одобрено чинами королевства. Но я думаю, что в случае упразднения престола там изменят образ правления и сделают его менее деспотическим.

Через неделю Лейбниц писал Урбиху:

Мы узнали многие подробности о поражении и взятии в плен всей шведской армии; это событие навсегда останется памятным в истории и будет поучительно для потомства во многих отношениях... Отныне царь будет иметь большое значение в Европе и будет принимать важное участие в общих делах. Все чрезвычайно хвалят его гуманность и милость, с которой он отпустил шведских офицеров на честном слове. Но он поступил благоразумно: удержав солдат, он может устроить с их помощью отличные колонии на границах своей империи... Я опасаясь, чтобы война не продлилась еще год или два, так как перемены, случившиеся на севере, могут возбудить надежду Франции, что она будет во второй раз спасена Швецией. Это может действительно случиться, если северные короли (Дания, Саксония) возьмут назад часть своих войск, которые они дали союзникам. Но царь легко мог бы предотвратить это и устроить все так, чтобы правое дело не пострадало¹. План, который составлял содержание прежних писем наших, о котором я еще в последнем письме имел честь говорить вам, мог бы очень этому способствовать... Имея сообщить вам очень многое (прибавил Лейбниц шифрами), я намерен отправиться к вам и надеюсь найти на Нюрнбергской почте письмо к Фрейбергу², чтобы знать, где вас найти... Вы можете себе представить, до какой степени многих удивил великий переворот

¹ Через несколько времени после свидания царя с прусским и польским королями надежда Лейбница, что торжество России не будет иметь дурного влияния на ход французской войны, еще более усилилась. По поводу этого свидания Лейбниц писал к Линтелю (Lintelo), голландскому послу в Берлине: «Cette entrevue sera de très grande importance pour les affaires générales et si jamais le Nord a eu des influences sur les autres parties du monde ce sera maintenant. Cependant il n'y a pas bien à douter des bonnes intentions de Sa M. le Roy de Prusse. Le Roy de Pol. aussi s'est bien expliqué dans son manifeste, et le Czar même paroist porté pour la bonne cause et tout cela me fait espérer, que le Nord n'empêchera pas les Hauts Alliés de pousser leur point et de nous procurer enfin un repos durable pour le rétablissement de la Monarchie d'Espagne» (Эта встреча будет иметь большое значение для всех наших дел, и если прежде Север никогда не оказывал влияния на другие страны света, то теперь обязательно окажет. Нет, однако, причин сомневаться в том, что Его Величество прусский король имеет добрые намерения. Польский король тоже ясно высказался в своем манифесте, и сам царь будто бы склоняется в сторону правого дела, и все это вселяет в меня надежду на то, что Север не станет мешать высоким союзникам отстаивать свои интересы и привести нас наконец к длительному миру, необходимому для восстановления монархии в Испании (фр.). — Прим. пер.). В ответ на это Линтелю сообщил Лейбницу, что «во время свидания все министры получили от царя богатые подарки; прусскому же королю Петр подарил первую шпагу, всю сделанную в России, не исключая и ножен. Клинок ее был надлежащего веса и замечательной работы». Дройзен («Geschichte d. Preuss. Politik») говорит, что это была шпага, которую Петр имел при себе в Полтавском сражении.

² Доверенное лицо Лейбница в Нюрнберге, через которое ему посылали письма.

на севере. Некоторые, например Оберг, по-видимому, совершенно потерялись (*paraissent avoir perdu tout leur latin*). Говорят обыкновенно, что царь сделается опасным для Европы и будет нечто вроде *северного турка*. Но можно ли помешать ему цивилизовать своих подданных и сделать их более образованными и более воинственными — *qui jure suo utitur nemini facit injuriam**. Что до меня, то я стою за благо всего человечества; я очень рад, что такое обширное царство идет по пути разума и порядка, и смотрю на царя как на лицо, которое Бог предназначил для великого дела. Он уж успел создать себе отличное войско. Я не сомневаюсь, что он будет иметь через вас хорошие связи за границей, и я был бы в восхищении, если бы мог содействовать его намерению перенести науки в его царство. Я нахожу даже, что он в этом отношении может достигнуть лучших результатов, чем все другие государи, бывшие до него, по причинам, которые я отчасти изложил в другом месте. Я говорил об этом только с герцогом, который все вполне одобрил. В этом отношении я рассчитываю не только на вашу дружбу ко мне, но и на ваше рвение к общему благу. Но при моих пожилых летах я часто думаю о девизе Гроция «время летит» (*ruit hora*), и вот почему я не сочувствую отсрочкам. Я полагаю, что вы скоро поедете навстречу царю, потому что его величество, вероятно, приблизится к нам, чтобы видиться с польским королем. Таким образом, я не сомневаюсь, что вы осуществите прекрасный план относительно наук, так же как и другие планы.

Лейбниц, очевидно, был чрезвычайно заинтересован своими проектами о распространении образования в России и очень заботился, чтобы не упустить благоприятного случая. Через несколько дней он снова писал о них Урбиху¹. На этот раз он откровенно высказал свое желание стать во главе академии или ученой коллегии, которой было бы поручено дело образования в России. Лейбниц повторяет, что царь в состоянии сделать для наук больше, чем некогда Людовик XIV, и что теперь настал самый благоприятный момент для приобретения редкостей.

Одним словом, — продолжает он, — если царь имеет в виду основать академию наук и искусств и хочет дать ей нужный авторитет и средства, то все, что сделано в других местах, будет ничто в сравнении с тем, что он мог бы сделать. Не говоря уже о тех важных открытиях, которые мне приписываются, одно то, что я имею честь быть одним из старших членов всех академий и президентом последней из них (Берлинской), дает мне право надеяться, что мне будет поручено руководство этим великим делом, и я предпочел бы его всякому другому занятию.

¹ Письмо это не помечено числом. Из сравнения с другими письмами Лейбница мы заключили, что это письмо написано 2 сентября.

* Кто пользуется своим правом, не совершает несправедливых поступков (*лат.*). — *Прим. пер.*

Перечислив все, что царь мог бы сделать для пользы науки, Лейбниц прибавляет:

С небольшой суммой можно было бы много сделать, и эти издержки окупились бы со временем. Если бы царь уполномочил вас установить со мной условие, вы могли бы оказать ему важную услугу.

Но Урбиха гораздо более занимали соображения другого рода. Впечатление, произведенное Полтавской победой, внушило ему надежду привлечь теперь Ганновер на сторону России, и он решился сделать через Лейбница новое предложение правительству курфюрста. Сообщив Лейбницу, что Пруссия снова сделала несколько попыток в пользу Швеции, не согласных с договорами, заключенными с Данией и Саксонией, Урбих спросил его:

Известите меня, захочет ли Ганновер войти в сношения с царем, т. е. считаете ли вы это возможным. В таком случае наше правительство, может быть, отказалось бы от прусского короля. Вы могли бы выпытать у Берндорфа и сообщить мне на серьезном основании, чего можно ожидать; но нужно остерегаться, чтобы это не кончилось шуткой; я полагаю, что Оберг был бы очень рад провести нас. Прошу у вас позволения, не называя нашего имени, устроить так, чтобы ему досталось за выражение, что царь есть *северный турка*. Этот господин все запутает и всему помешает. Впрочем, чем сильнее его досада, тем больше моя радость: не такие люди, как Оберг, в состоянии остановить победоносный ход царского оружия.

Только в приписке к своему письму Урбих известил Лейбница, что он давно уже отправил его проект к Русскому двору («Я не сомневаюсь, что его уже получили и обратили на него внимание»).

Вместе со своим письмом Урбих прислал Лейбницу возражение на медаль, вычеканенную в 1700 г. в Амстердаме и прославлявшую победы Карла XII над его тремя врагами. Напыщенные выражения «быстрее Персея, храбрее Геркулеса и счастливее Августа», применявшиеся тогда к Карлу XII, применялись теперь с большим правом к Полтавскому победителю¹.

¹ Лейбниц, сочинивший некогда хроностих по случаю поражения русского войска при Нарве:

Caesar eras nVnC CaesVs ut haeCt Va VVLnera VeLes
non tibi LarVa Deest, hanc bibi narVa dabit

(Цезарь, ныне ты пал, израненный, как настоящий солдат, но кости твои целы, а напиток даст тебе Нарва (лат.). — Прим. пер.), написал теперь стихотворение на Карла XII, кончавшееся стихами:

Carole, vincendi nimius te perdidit amor.
Si te vicisses, victor ut ante fares

Лейбниц согласился принять на себя поручение Урбиха, но жаловался, что оно слишком неопределенно.

Если бы ваше предложение, — писал он Урбиху, — было изложено более подробно, тогда по ответу можно было бы судить, выйдет ли какой-нибудь толк из переговоров.

В ответ на медаль, предложенную Урбихом, Лейбниц прислал ему проект другой медали, им придуманной.

Возражение (*la risposta*) на шведскую медаль мне очень понравилось; оно так же справедливо, как первая медаль оказалась несправедливой и тщеславной вследствие событий. Мне пришла на ум другая, которая применила бы к делу очень кстати стих Клавдиана. Вы знаете, что в этих случаях очень охотно пользуются стихами какого-нибудь древнего поэта. С одной стороны медали можно было бы изобразить царя, с другой — Полтаву с Днепром вдали и шведских генералов и офицеров, слагающих на землю оружие и знамена и склоняющихся пред его царским величеством, а вокруг поместить надпись: «*Confessos animo quoque subjugat hostes*»*; ибо можно сказать, что царь не только взял неприятелей в плен силой оружия, но и победил и пленил сердца их своим великодушием, которое заставило их признаться, сколько они ему обязаны и как он заслуживал сделаться победителем их. Мне кажется, что никогда не было выражения более справедливого и более соответствующего делу, как вышеприведенное.

Урбих ответил Лейбницу, от 2 октября, что он просил позволения приехать к царю, но что царю нечего спешить, и он хочет сначала покончить польские дела.

Что касается прусского короля, то у нас его не жалуют и предпочитают союз с Ганновером; я знаю также, что царь еще свободен, но в Ганновере слишком медлят.

На другой или на третий день после этого Урбих получил от Лейбница известие, что он исполнил данное поручение и говорил с Бернсдорфом. Лейбниц обстоятельно описывал свой разговор с ганноверским министром.

Я сказал ему, что имею передать ему поклон, которого он никак не ожидает, и действительно, он был очень удивлен, когда узнал, что поклон от вас. Я сказал ему, что вы просили меня узнать от него, можно ли ожидать успеха от переговоров, к которым вас побуждает ваше рвение к царской службе и ваша преданность Ганноверскому дому; что, как

(Карл, ты побежден не знаящей поражений любовью. Если бы ты победил себя, остался бы победителем как и прежде (*лат.*). — *Прим. пер.*).

* Душою своей покоряет признавших поражение врагов (*лат.*). — *Прим. пер.*

вам (Урбиху) известно, царь, с тех пор как он решился женить своего сына на принцессе этого дома, обнаружил особенную склонность вступить в дружеские сношения с курфюрстом, заслуги и добрая слава которого известны царю; но что царь был удивлен тем, что ганноверские министры при всяком случае принимали сторону шведов. Его величество оправдывал это до известной степени, полагая, что это было следствием тесного союза между курфюрстом и Швецией, а царь, который любит верность и точное исполнение своих обязательств, не может порицать эти свойства даже тогда, когда они вредят его интересам. Я сказал, что вы были, однако, того мнения, что этот союз не заставлял правительство курфюрста действовать против государя, намерения которого искренни и справедливы. Узнав недавно, что срок этого союза прошел и что причины, которые вызвали его, исчезли, вы сочли своевременным уведомить здешний двор о добрых намерениях его царского величества относительно его светлости курфюрста и его дома, а также относительно всей империи и политической свободы Европы. Но вы считали необходимым исследовать предварительно почву, чтобы не компрометировать такого могущественного государя, как царь, и убежденные в прямоте и твердости г. Бернсдорфа, вы желали бы узнать от него по секрету, полагает ли он, что предложения с русской стороны будут хорошо приняты. Я уверил его от вашего имени, что царь готов во всем содействовать тому, чтобы упрочить спокойствие империи и особенно Нижне-Саксонского округа, в чем, как известно, курфюрст очень заинтересован, имея при этом в виду более славу, чем выгоду. Бернсдорф поручил мне, в ответ на это, поблагодарить вас за доверие, которое вы ему оказываете, и прибавил, что отсутствие курфюрста не позволяет ему входить в подробности относительно последних событий. Но так как он видит, что вы желаете узнать только его личное мнение, то он с удовольствием выскажет его при этом удобном случае с такой же, как вы, доверчивостью, и не скроет, что, по его убеждению, курфюрст сочтет за честь приобрести дружбу такого великого государя, как царь, и будет всегда готов войти в добрые отношения с его царским величеством и тщательно поддерживать их, тем более что намерения царя так справедливы и так согласны с интересами курфюрста.

Но Бернсдорф особенно распространился о маленьком упреке, который проглядывал в ваших словах, именно, будто бы Ганноверский двор благоприятствовал шведам в ущерб царю. Он уверял меня, что курфюрст никогда не вмешивался в ссоры Швеции и царя и даже не входил в те интересы Швеции, которые не касались империи: «Мы истые добрые немцы и хорошие патриоты, — сказал он, — вовсе не желающие следовать за шведами и сочувствовать их страстям. Мы содействовали им только в делах справедливых и сообразных с существующим между нами договором, а если иногда казалось, что мы идем далее наших обязательств, то это делалось в интересах империи, чтобы не дать шведам повода оставаться в империи или проникнуть далее и повредить успехам союзников». Бернсдорф выразил надежду, что царь и его министры, принимая во внимание состояние политических дел, согласятся, что Ганноверский двор поступал только согласно со своими обязанностями; наконец он просил вас быть уверенным в его готовности

содействовать тем благим намерениям, к которым вы проложили путь. Вот, — заключает Лейбниц, — сущность нашего разговора, который я спешил начать, так как Берндорф завтра отправляется на две недели в деревню. Итак, ясно, что ваше предложение будет принято здесь с удовольствием, и вам не следует думать, что между нами есть люди, которые могли бы или даже хотели бы помешать такому доброму делу. Надо дать известным людям время опомниться, и лучше забыть прошедшее, чем довести их упреками до озлобления. Самые страстные становятся благоразумными, когда дела принимают известный оборот, и я не в первый раз видел министров, которые белое превращали в черное, смотря по обстоятельствам. Покойный Грот возразил мне однажды на мое замечание об этом, что нужно всегда держать сторону счастья (*qu'il falloit être du parti du ciel*). То же самое сказал один древний поэт:

*Fatis accede deisque**.

Нужно, впрочем, отдать курфюрсту, который любит держаться в пределах умеренности и не слишком сообразоваться со счастьем, справедливость в том, что когда счастье шведов достигло высшего своего предела, он всегда откровенно высказывал им свое мнение, и я полагаю, что Берндорф был прав, утверждая, что когда курфюрст старался предотвратить в Вене, в Гааге и в Лондоне все, что могло сколько-нибудь раздражить шведов, то он при этом только имел в виду выпроводить их как можно скорее из империи; события показали, что он был прав.

Уведомив Урбиха о кровопролитной победе союзников при Мальплаке, Лейбниц выражает опасение, что война продлится еще год, и замечает, что план Урбиха еще может пригодиться.

Мне кажется, — продолжает он, — что нужно желать, чтобы вы поскорее увиделись с царем и известили его о многих делах, особенно для того, чтобы прусский король, король Август и Иордан ничего не испортили. Я не стану повторять того, что я говорил о науках, которые интересуют меня более, чем политические дела, ибо польза последних большей частью преходящая, и часто то, что полезно для одних, вредно другим, тогда как умножение человеческих знаний и знакомство с природой способствуют славе Господней и благополучию рода человеческого, увеличивая богатства и цивилизацию, а потому, по моему мнению, ничто более не соответствует видам его царского величества, который старается распространить цивилизацию в своем обширном царстве. Ваше рвение ко всем интересам этого монарха заставляет меня не сомневаться в том, что вы серьезно об этом думаете и будете готовы с горячностью содействовать этому намерению, когда увидите с царем, и еще прежде посредством писем испросите полномочие вступить со мной в переговоры. Я желал бы, впрочем, чтобы вы сказали мне ваше мнение об этом откровенно, в качестве друга.

* Соглашайся с судьбой и с богами (*лат.*). — *Прим. пер.*

Получив это письмо Лейбница, Урбих поспешил ответить ему 5 октября:

С чрезвычайной радостью получил я ваше письмо от 25 сентября, и, хотя я собираюсь отправиться в путь 9-го настоящего месяца, чтобы не упустить случая найти его царское величество в Люблине или в его окрестностях, я не преминул, однако, сегодня же послать в шифрах извлечение из вашего письма с нарочным, который меня опередит. Передайте мой поклон и мою благодарность вашему великому министру; его патриотический и ясный ответ, который совершенно соответствует прямоте его характера и тому мнению, которое я, как и весь свет, всегда имел о его редких достоинствах, вызовет у нас большое сочувствие и, вероятно, будет иметь хорошие последствия, если только я достигну двора заблаговременно и прежде, чем там вступят в обязательство с другими, ибо до сих пор еще ничто не кончено. Впрочем, я не забуду вопроса о науках, в чем вы можете мне поверить.

Еще прежде, чем Лейбниц получил это письмо Урбиха, он написал ему другое. Ему чрезвычайно хотелось знать, какое впечатление произведет на Урбиха известие о его разговоре с Бернсдорфом, и он спрашивал, не нужно ли им повидаться, чтобы переговорить обо всем на словах. Тут же Лейбниц сообщил Урбиху, что он видел описание празднества, устроенного последним в честь Полтавской победы. Курфюрстина Софья отправила это описание к герцогине Орлеанской:

Действительно, говорят, что ваше празднество произвело впечатление. Курфюрстина давно и гораздо раньше Полтавской победы отзывалась о царе с похвалой и даже говорила об этом Фризендорфу (шведскому посланнику). Герцогиня Орлеанская также совершенно сочувствует царю, но она удивляется, что он, как говорят, хочет изменить одежду своих подданных. Она находит, что восточный покрой платья придает больше важности. Шведский посланник в Гааге представил мемуар с целью помешать фейерверку, который устраивает Матвеев. Он мог бы обойтись и без этого протеста, который все нашли странным. Штаты ответили на это, что иностранным посланникам предоставляется право делать радостные изъятия и что Штаты в настоящем случае тем менее имеют повод вмешаться в это дело, что не принимали никакого участия в войне царя с шведским королем. Впрочем, кажется, Англия и Голландия были бы недовольны окончательным унижением Швеции. Они помешают датскому королю сделать нападение на нее. Не знаю, однако, можно ли будет остановить этого короля одними речами, и сомневаюсь, чтобы морские державы решились перейти к действиям, пока у них на руках такая громадная война. Вот почему Петтекум, голштинский резидент в Гааге, у которого останавливался Торси, хочет биться о заклад, что мир с Францией будет заключен в эту зиму, если не возгорится война на севере. Ему следовало бы сказать: если другие не вмешаются в эту войну. Надеюсь, что Дания не предпримет ничего во-

преки Травендальскому миру, и в этом случае не нахожу, чтобы в Германии могли иметь причину смущаться тем, что происходит в Скании или Ливонии. Самое лучшее средство спасти Швецию — это склонить ее скорее к миру с Россией.

Урбих, как мы видели из его письма к Лейбницу, отправился в начале октября 1709 г. к царю в Польшу, чтобы хлопотать там о заключении союза с Ганновером. В свою очередь Лейбниц хлопотал о том же самом в Ганновере. Не дожидаясь ответа от Урбиха, а равно и возвращения курфюрста, Лейбниц послал ему записку, в которой объяснял необходимость вступить в более тесные сношения с Россией, сделавшейся после Полтавской битвы первенствующей державой на севере. Объяснив, что Урбих еще в прошлую зиму имел намерение сделать через него разные предложения Ганноверу, Лейбниц заметил, что великий переворот, происшедший с тех пор на севере, заставил его сомневаться в том, будет ли русский посол искать этого сближения теперь. Затем Лейбниц сообщил о поручении, которое он имел от Урбиха, и подробно описал свой разговор с Бернсдорфом. Зная слабую сторону ганноверского правительства — зависть к Пруссии, он искусно дал заметить курфюрсту, что нужно спешить союзом с Россией, иначе эта держава еще более сблизится с Пруссией. В конце своего письма Лейбниц метко обрисовал то значение, которое Россия приобрела вследствие Полтавской победы, и ее отношение к другим европейским государствам.

Я сужу по всему случившемуся, что царь имеет намерение принимать впредь большое участие в общих делах Европы, захватить авторитет, который имела Швеция, и пойти еще гораздо далее. Так как русский царь теперь чрезвычайно силен и так как император заискивает его дружбы по причине Венгрии, а морские державы по причине торговли, то, по моему мнению, чрезвычайно важно приобрести его расположение.

На этот раз хлопоты Урбиха и Лейбница увенчались успехом. Узнав от Урбиха, что Ганновер изъявил теперь готовность сблизиться с Россией, царское правительство отправило туда чрезвычайного посла князя Куракина, чтобы постановить условия договора.

В XVIII столетии маленькие государства Германии играли в политике роль, не соответствовавшую их действительному могуществу. Причина этого явления заключалась в том, что все тогдашние войны происходили на почве Германии и действующими силами в них являлись большей частью наемные немецкие войска, особенно с тех пор, как Англия начала принимать деятельное учас-

тие в европейской политике. Когда Россия начала свою борьбу с Швецией, ей было необходимо отвлечь силы этого воинственного государства от своих границ и поэтому она должна была искать себе союзников в Германии. Кроме Саксонии и Дании, которые вступили в союз с Россией, еще два немецких государства были особенно заинтересованы ходом Шведской войны — Пруссия и Ганновер. Оба они могли иметь большое влияние на эту войну, и для России поэтому было чрезвычайно важно или привлечь их на свою сторону, или по крайней мере убедить их сохранять строгий нейтралитет, так как оба этих государства в союзе с Швецией легко могли бы обезоружить Саксонию и Данию, и Россия в таком случае осталась бы без союзников.

Пруссия и Ганновер находились в совершенно одинаковых отношениях к Швеции. Эта держава приобрела себе своим вмешательством в Тридцатилетнюю войну чрезвычайно выгодное положение. Она получила две приморские области: одну при Балтийском море — Померанию, другую при Немцеком — Бремен и Верден. Обе области лежали при устьях больших судоходных рек Одера и Эльбы, имели поэтому чрезвычайно важное торговое и стратегическое значение и естественно возбуждали зависть тех государств, которые лежали на верхнем течении этих рек. Приобретение Померании составляло постоянную цель политики Пруссии; Бремен и Верден привлекали внимание Ганновера. Но Ганновер должен был стремиться к своей цели осторожнее, чем Пруссия, ибо рядом с ним было другое государство, которое имело те же виды. С тех пор как Голштинская линия вступила на престол Дании, это государство стало стремиться на юг, старалось завладеть приэльбскими герцогствами — Шлезвигом и Голштинией и стать твердой ногой на Эльбе. Если бы Дании удалось завладеть Бременом и Верденом и захватить Гамбург, она могла бы запереть Эльбу, наложить какие угодно пошлины на тамошнее судоходство и создать себе на устье Эльбы второй Зунд.

Естественно, что при этих условиях ганноверские герцоги пользовались соперничеством между Данией и Швецией, чтобы поддержать равновесие между ними. Ганновер противился всем попыткам Дании завладеть Гамбургом или Голштинией. С этой целью незадолго до начала Северной войны Ганновер, вместе с Англией и Голландией, гарантировал Альтонский договор между Данией и Голштинией и заключил с последней оборонительный союз. Когда состоялась коалиция Дании, Саксонии и России против Швеции и датские войска напали на области голштинского герцога, зятя Карла XII, 14 тысяч ганноверского войска в соедине-

нии с шведским отрядом из Бремена вступили в Голштинию и поспешили на выручку Теннингена. В то же время быстрое нападение Карла XII на Зеландию заставило датского короля отказаться от своих замыслов, заключить Травендальский договор и, между прочим, одной из статей его признать курфюрстский сан за Ганноверским герцогом.

Вскоре после этого началась война за испанское наследство, в которой курфюрст Ганноверский был очень заинтересован, не только как наследник английского престола, но и потому что получал громадные субсидии за свои войска. Курфюрст Георг-Людвиг и его дядя герцог Цельский обязались выставить для Англии отряд в 9300 человек, за который они получали через каждые шесть недель 190 679 голландских гульденов. Кроме того, Голландия взяла на свое жалованье пять кавалерийских полков¹. Сам курфюрст, как мы видели, командовал некоторое время императорской армией на Рейне, а наследный принц Ганноверский сражался в Бельгии под командой Мальборо. При этих обстоятельствах курфюрст должен был стараться, чтобы Северная война не коснулась ганноверских пределов или, как тогда выражались, чтобы не было нарушено спокойствие Нижне-Саксонского округа, в котором лежали ганноверские владения, а также Бремен и Верден. Поэтому курфюрст не только соблюдал нейтралитет между воюющими сторонами, но и заключил с обеими такие договоры, которые обеспечивали неприкосновенность шведских провинций в Германии. Таково было содержание договора, заключенного им с королем Августом в 1679 г. на двенадцать лет. Таково было, вероятно, и содержание договора с Швецией, о котором Лейбниц говорит, что его срок истек в апреле 1709 г. От всяких же наступательных договоров курфюрст постоянно уклонялся. Так, переговоры об оборонительном союзе с Данией² не состоялись, потому что последняя желала, чтобы курфюрст гарантировал неприкосновенность датских островов, а тот требовал, чтобы Дания воздерживалась от всяких мер, которые могли бы раздражить Швецию. Точно так же, когда в 1708 г. Дания, ободренная неуспехом Карла XII в Польше, задумала возобновить войну с ним, курфюрст отвергнул предложенный Данией союз, чтобы не поссориться с Швецией. Полтавская битва должна была изменить политику Ганновера. Нельзя было более рассчитывать на Швецию. Курфюрст мог спасти от Дании приэльбские области только посредством соглашения с державами, соединив-

¹ *Havemann*. Geschichte des Braunsch. Lüneb. Landes. III. S. 362.

² Вскоре после Травендальского мира (*Ibid.* S. 392).

шимися против Швеции. Вот почему осенью 1709 г. Ганновер должен был искать сближения с Саксонией, Данией и Россией.

В сентябре прибыл в Ганновер чрезвычайный посол короля Августа, его камергер граф Ностиц, чтобы, как сообщал Лейбниц Урбиху, не только возобновить прежнюю дружбу, но вступить в новые обязательства. Результатом его приезда было возобновление прежнего договора 1697 г. В ноябре явился датский камерюнкер барон фон Зеленталь, и летом 1710 г. между Ганновером и Данией был заключен оборонительный договор следующего содержания: обе стороны обязуются в случае несправедливого на них нападения помогать друг другу отрядом в 4 тысячи человек, который поступит под команду союзника и будет получать от него провиант за умеренную цену. В приложенной тайной статье датский король обязался не только не вторгаться в шведские провинции в Германии, но и не допускать постороннего нападения на них, курфюрст же обещал за это воспротивиться вооруженной силой всякому вторжению шведов в датские владения.

В том же ноябре 1709 г. явился в Ганновер русский чрезвычайный посол князь Куракин. Объявив на аудиенции¹ курфюрсту, что царь имеет к нему особливую склонность и почитание и желает не только прежде персонально учиненную знаемость и дружбу с ним возобновить, но и добрую корреспонденцию впредь сочинить, также и о некоторых нужных делах предложить, Куракин повторил жалобы, о которых Урбих столько раз писал Лейбницу, что «царское величество известен был, как его светлость електорская от некоторых немалых времен имел всегда с короной шведской добрую дружбу и союз, так же и двор его во всех оказиях всякое вспоможение интересу шведскому оказывал». Куракин заметил курфюрсту, что он видел не много благодарности с шведской стороны и что если бы шведы не были усмирены царским оружием, то непременно возвратились бы в империю и «учинили бы всем соседям своим немалую руину». Указав на опасность, которой подвергаются ганноверские владения вследствие близости шведских областей Бремена и Вердена, посол объявил, что, пользуясь счастливой победой над шведами, царь намерен обуздать силу шведскую и «содержать ее в прежних ее терминах», чтобы она не могла быть опасна ни Римской, ни Российской империям. Однако царь не хочет «привести оную корону в конечное разорение, но только содержать ее в умеренности». Объявив таким образом свое намерение, царь желает «ведать взаимно» намерения курфюрста.

¹ См.: Соловьев. История России. XVI. С. 61.

Георг-Людвиг выразил надежду, что царь не пожелает «в империи каких-нибудь развращений, из которых бы в нынешней войне с Францией всем союзникам произошел вред», и что зимой царь заключит мир с шведским королем. Куракин возразил на это, что на мир нет никакой надежды и что его нельзя ожидать, пока не будут удовлетворены все союзники царя. Курфюрст стал затем говорить о Полтавской битве и других посторонних делах и выразил мнение, которое было очень распространено в это время, что Карл XII умер.

Весной следующего года Куракин заключил с Ганновером договор на двенадцать лет такого же содержания, как и договор между Ганновером и Данией. Этим договором царь и курфюрст обязались: во-первых, содержать постоянную дружбу, искренне помогать друг другу советами и средствами, один другому никакого вреда или предосуждения не чинить, неприятелям друг друга ни людьми, ни деньгами не помогать, разве против всякого ожидания этого потребует постановление, составляющееся в Гааге и Регенсбурге относительно поддержания спокойствия в империи; во-вторых, царь и курфюрст сообщают друг другу о всем, также повелевают своим министрам иметь между собой добрую корреспонденцию и коммуникацию; в-третьих, если одна сторона будет в состоянии помочь другой войском, то она должна уведомить ее об этом. Важнее всего были четвертая и пятая статьи договора. С одной стороны, царь обещал, что если войска Швеции, находящиеся в ее немецких провинциях, не начнут неприятельских действий, то он не только сам не будет беспокоить эти провинции, но и будет уговаривать к этому союзников своих, для того чтобы не начались смуты в империи и чтобы высокие союзники не получили препятствия к войне против Франции. С другой стороны, курфюрст обязался стараться всеми силами, чтобы союзники царя, датский и польский короли, не подверглись нападению в своих немецких провинциях; наконец обе стороны обязались, если бы последовало нападение на кого-нибудь из них, «из противности и зависти к этому трактату» вступить в соглашение, каким образом оказать друг другу «крепкое вспоможение».

Приезд Куракина в Ганновер вселил в Лейбница надежду, что с помощью князя ему удастся завести с Россией прочные и плодотворные сношения. Он полагал, что русский боярин, имевший в отечестве обширные связи и большое влияние при своем дворе, скорее будет в состоянии удовлетворить его любознательность и доставить ему нужные сведения, чем такие иностранцы, как Урбих и Гюйссен, которые не знали страны и не имели в ней связей. Эти надежды, которые Лейбниц возлагал на Куракина, он выразил

в письме к берлинскому библиотекарю ученому Матюрен-Весьер Лакрозу, который занимался историей восточной церкви, интересовался русской историей и филологией и составил, между прочим, славяно-латинский словарь¹.

Здесь находится, — пишет Лейбниц от 10 декабря 1709 г., — московский боярин, посланник царя, и вероятно, пробудет у нас несколько недель. Он имеет титул князя и происходит из древнего рода Куракиных. Я постараюсь убедить его, чтобы он написал в царские приказы (*chancellerie du czar*) и доставил нам таким образом образчики языков из России и соседних областей. Если вы желаете получить отсюда какие-нибудь сведения, то прошу вас известить меня скорее об этом. Так как князь Куракин туземец и боярин, то его посредничество будет иметь больший успех, чем старания тех состоящих в русской службе иностранцев, к которым я по этому поводу обращался и письменно, и устно, но без всякого результата.

В своем ответе Лакроз, вероятно, просил Лейбница достать ему летопись Нестора; ибо в следующем своем письме Лейбниц пишет, что постарается достать это сочинение, и сообщает Лакрозу все, что ему известно о Несторе.

Мне попало сочинение, автор которого видел книгу Нестора и сделал из нее извлечения; это — сочинение Гербиниуса о Киевских криптах, которое вы легко найдете в Берлине, так как оно напечатано в Кенигсберге в 1675 г. Сколько я мог понять, самое сочинение этого Нестора называется «Патериком», и он изложил в нем жития святых, которые погребены в большой Киевской пещере. По словам Гербиниуса, сочинение Нестора напечатано в 1661 г. в Киеве славянскими или русскими буквами. Не знаю, эту ли книгу видели вы; меня вводит в сомнение то, что из ваших слов выходит, будто ваш «Патерик» принадлежит не Нестору, а между тем Гербиниус несколько раз говорит, что он им написан. Правда, он приводит, что Сильвестр Классов², русский епископ Мстиславский, Оршанский и Могилевский, составил сокращение Несторова «Патерика» на польском языке и напечатал его в Киеве еще в 1636 г. Не знаю, видели вы первый или последний. Гербиниусу, как кажется, не было известно, что этот Нестор написал еще другое сочинение, хотя он его и называет русским летописцем. Этот Нестор обозначен предпоследним в списке отцов, мощи которых находятся в Киевской пещере. Этот список был доставлен Гербиниусу Иннокентием Гизелем, архимандритом одного из Киевских монастырей, человеком ученым, получившим свое образование в католических академиях. Как

¹ См.: *Пекарский*. Переписка Лейбница о славянских наречиях и древностях // Записки Императорской Академии наук. Т. IV (1863).

² «Патерик» издан в Киеве в 1661 г.; есть перевод «Патерика», составленный на польском языке Сильвестром Коссовым и изданный в 1635 г. (см. вышеуказанную статью Пекарского).

бы то ни было, я попрошу князя Куракина и любознательных московских дворян, находящихся при нем, достать, если возможно, летопись Нестора. Гербинниус ссылается на его «Патерик», говоря о христианской проповеди апостола Андрея между русскими и о каком-то Андронике, пришедшем после того в Россию; имя этого Андроника, вероятно, подало потом повод к преданию об апостоле Андрее. Гербинниус сообщает еще одно известие, которого я не знал и которое очень любопытно, именно что русские решили на соборе, созванном в Москве несколько лет перед тем, как он издал свою книгу, — не крестить католиков, принимающих православие. Это обстоятельство очень важно. Гербинниус говорит также, что слышал от одного поляка, будто слово *казак* происходит от славянского слова *коза* и обозначает того, кто носит *козу*, а не от *козы*, как объясняли другие, потому будто бы, что казаки бегают и прыгают легко, как козы. Действительно, первое объяснение представляет гораздо более смысла. Впрочем, так как вы написали такой полезный труд относительно книжного славянского языка, то вам было бы легко составить список корней или главных слов, знакомства с которыми было бы достаточно для того, чтобы легче понять остальные. Я был бы вам благодарен за это.

В конце письма Лейбниц спрашивает мнения Лакроза о том князе, который, по преданию русских, пришел к ним из далекой страны. Лейбниц полагает, что эта страна есть берег Балтийского моря, и спрашивает, не тот ли это Рюрик, о котором упоминается в родословном древе, находящемся у него.

Получив от Лакроза ответ на свой вопрос, Лейбниц сообщает ему свое предположение относительно страны, откуда вышли *варяги*. По его мнению, это Вагрия, область, в которой находится город Любек и которая прежде вся была населена славянами, ваграмми, оботритами и др.

Эта Вагрия, — продолжает Лейбниц, — была несколько раз покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей; ибо имя Рюрика часто употребляется у датчан и других северных германцев, но не встречается у жителей Мекленбурга и других славян. Вагрия всегда была страной с обширной торговлей, даже еще до основания Любека, потому что эта страна лежит у входа в Ютландский полуостров и представляет возможность легкого сообщения с океаном. Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести звук *р*, сделали из Вагрии варяг.

Мы имели бы более подробные сведения о переговорах Куракина в Ганновере и о намерениях тамошнего правительства, если бы с осени 1709 г. не прервалась переписка между Лейбницем и Урбихом. Последний, как мы видели, выехал из Вены, чтобы ви-

даться с царем в Люблине, и оттуда проехал потом в Москву. О его пребывании в русской столице и о предложениях, которые он там делал, мы, к сожалению, ничего не знаем. Знаем только, что он между прочим занимался там новым сватовством. До нас дошло решение царя относительно одного из пунктов, предложенных Урбихом в декабрь 1709 г.¹ Этот пункт касался брачного союза между царевной Анной Иоанновной и наследственным принцем Гессен-Кассельским, о чем хлопотал Урбих. Как видно из примечаний, сделанных Урбихом к царскому ответу, он уже давно занимался сватовством Анны Иоанновны; сватал ее сначала одному из принцев Саксен-Веймарских, потом наследному принцу Вольфенбюттельскому, родному дяде Шарлотты. Главным препятствием к браку был пункт насчет веры, так как в обоих случаях со стороны жениха требовали, чтобы царевна приняла протестантство².

Когда именно происходили эти переговоры и как далеко они зашли, нам неизвестно; но и с принцем Гессен-Кассельским Урбих уже давно находился в переговорах. Еще до Полтавской битвы, в рескрипте из Сум от 11 января 1709 г., царь дал ответ на условия, предложенные Гессеном³. При этом царь требовал, во-первых, чтобы его племяннице была предоставлена свобода веры; во-вторых, о приданом говорил, что миллиона слишком много, но что он даст довольно, сколько император Германский дает за эрцгерцогинями; в-третьих, он соглашается дать принцу титул вице-короля; в-четвертых, о ежегодной пенсии принцу в 100 тысяч гульденов он говорил, что такой пенсии дать не может; в-пятых, относительно звания генералиссимуса русских войск, которого требовал себе принц, царь отвечал, что он сам генералиссимус своего войска, но титул фельдмаршала он готов дать принцу, и спрашивал при этом, хочет принц только иметь титул или действительно вступить в русскую службу. В Москве в декабре 1709 г. Урбих возобновил дело о сватовстве. В ответе на его предложение было сказано, что

¹ См. царского величества решение на 10-й пункт, предложенный бароном Урбихом 28 декабря 1709 г. (Московский архив Министерства иностранных дел. Австр. дела 1709 г.).

² Относительно принца Вольфенбюттельского Урбих прибавляет: «Zumalen es auch mit dem letzten nicht mehr res integra war und er sich schon mit der jetzigen Gemahlin versprochen hatte» (К тому же с последним все вопросы были уже решены, и он уже был связан обещанием со своей теперешней супругой (*нем., лат.*). — *Прим. пер.*).

³ Этот рескрипт сохранился в немецком извлечении между реляциями Урбиха от 1711 г.

царь все еще «соизволяет супружескую альянцию с Гессен-Касселем постановить, но находит гессенские условия слишком высокими. Царского величества последняя резолюция туда клонится, чтобы 1) царевне свобода веры весьма оставлена была; 2) царь соизволяет дать в приданое 300 тысяч ефимков специей; 3) наследственный принц получит титул вице-роя; 4) чин фельдмаршала и трактамент, ежели действительную службу чинить будет; 5) что же касается пенсии, его царское величество при нынешней тяжкой войне обещать не может, но можно о том в иное лучшее время согласиться».

Ответ этот был дан 24 февраля 1710 г.¹ Урбих был им, как кажется, недоволен. Он опасался, что опять будет упущено время, как и с первыми женихами, и потому заявил, что «принцу три знатные партии представлены, и он оным супружеством не обяжется, ежели особливой своей пользы при том не найдет». Гессенский принц потому так много запрашивал, что он уже был раз женат на прусской принцессе и, как он говорил, извлек из этого брака большие выгоды, получив 80 тысяч талеров чистыми деньгами, на миллион камней и драгоценностей, которые после смерти жены остались за ним, полк и наместничество в герцогстве Клеве. И теперь еще по смерти жены принц получал из своего наместничества 6 тысяч талеров пенсии, да кроме того ему было предоставлено пожизненное пользование всеми имениями жены. Переговоры с принцем продолжались через Урбиха в течение всего 1710 г., несмотря на то, что в то же время велись переговоры о том же и с герцогом Курляндским. Гессенские министры обнадеживали Урбиха, что по окончании французской войны принц вступит в русскую службу, и сбавили цену: они стали требовать только 50 тысяч талеров. Урбих прибавил к этому, что они согласятся взять и 50 тысяч гульденов², т. е. почти наполовину меньше.

Несмотря на то что в июне 1710 г. в Петербурге уже были определены условия брачного договора с герцогом Курляндским, еще в октябре Урбиха известили рескриптом, что брак с Гессен-Касселем — самый приличный и выгодный. Только два условия составляют препятствие — статьи относительно веры и пенсии; остальные можно было бы уладить. Царь находится теперь при флоте; по его возвращении ему обо всем доложат. Даже брак Анны Иоанновны не прекратил этих переговоров; как известно, герцог Курлянд-

¹ Это видно из сокращенного извлечения рескрипта на немецком языке, которое находится между реляциями Урбиха 1711 г.

² «Ich glaube, er thäte es für 50 000 fl., also die Hälfte».

ский умер через несколько дней после свадьбы, и в том же году ландграф Гессен-Кассельский стал сватать молодую вдову за своего второго сына¹.

Урбих выехал из Москвы, вероятно, в начале марта². Лейбниц с нетерпением ожидал его. Куракин показал ему письмо из Москвы, в котором было сказано, что Урбих выедет через три дня, получив все, чего он домогался. Полный надежды Лейбниц написал Урбиху в Вену (29 марта), не дожидаясь известия о его приезде.

Я очень раз вашему приезду и ожидаю благоприятных последствий не только для ваших частных дел, но и для общественных, особенно для дела о браке царевича, в котором вы принимали такое большое участие, или, вернее, о котором вы первым подумали. Мне кажется, что у нас произошли колебания на этот счет; но ваше возвращение может все уладить, ибо князь Куракин говорит, что он не имеет никакого поручения относительно этого дела. Этот посланник занимается здесь установлением договора, который мог бы обеспечить нейтральность и спокойствие империи. Я предназначал вашему брату честь положить основание союзу, но это дело тогда еще не созрело.

Упомянув далее о поражении датчан в Шонии, Лейбниц замечает, что только могущество царя в состоянии предотвратить важный переворот на севере и что без диверсии царя в Финляндии шведы легко отняли бы у датчан Норвегию и могли бы провозгласить своего короля императором Скандинавии. Затем Лейбниц сообщает Урбиху, что шведы предложили союзникам послать против Франции корпус Крассова, стоявший в Померании, под условием, чтобы датчане сделали то же с войсками, находившимися в Ютландии; но оказалось, что шведы имели в виду только воспрепятствовать этим усилению датского корпуса в Шонии.

Мы не знаем ответа Урбиха на это письмо и не имеем никаких писем от него к Лейбницу до сентября 1710 г. Вероятно, он провел большую часть лета в разъездах по дипломатическим поручениям. В августе по крайней мере мы встречаем его в Эйзенахе, где он должен был установить с Шлейницем, вольфенбюттельским уполномоченным, условия брака между царевичем и принцессой Шарлоттой. Урбих, как видно, добился своего — не Иордану, а ему было поручено довести до конца переговоры о деле, им задуманном. Об этой поездке в Эйзенах Урбих вкратце упоминает в своем письме к Лейбницу от 13 сентября.

¹ См. *Proposenda* (Предложения (лат.)). — *Прим. пер.*) Урбиха, приложенные к его реляции от 5 сентября 1711 г.

² Отпускная грамота Урбиха и новый кредитив его помечены 3 февраля, но царский ответ на его предложения состоялся только 24 февраля.

Я очень желал видетсья с вами, хотя на один час, когда я был в вашем соседстве. Я рассказал бы вам тогда обо всем, что я сделал для вас и какой я получил ответ. Я поговорил бы с вами о договоре Куракина и о расположении Бернсдорфа. Мне очень хотелось бы вступить с последним в тайную переписку, если бы это было возможно.

В другом письме, написанном через несколько дней, Урбих подробнее распространяется о том, что он сделал в Москве для Лейбница.

Прошлое должно было вас убедить, какое полное доверие я питаю со своей стороны к вашей дружбе; вы вполне оправдали это доверие, ибо отправление Куракина, которое имело довольно значительный для начала результат, должно считаться вашим делом. Я очень жалею, что не имел случая видетсья с вами, когда был в вашей стороне, но моя поездка, о которой я прежде и не думал, устроилась вдруг, так что я не имел возможности предупредить вас о том. Я могу сказать, что в мою бытность в Москве я сделал все для вас и для вашего проекта, который был одобрен. Я даже говорил о *вселенском соборе*, который должен был быть предложен царем, особенно потому, что царь до такой степени настаивает на *соединении церквей*. И я предложил вас, как человека очень способного, для того чтобы начертать план (*dresser le système*). Хотя к этому отнеслись довольно благосклонно, но выразили мнение, что следовало бы дожидаться сначала мира. Мне очень хотелось бы войти с Бернсдорфом в тайную переписку по очень важному делу. Не будете ли вы столь любезны, чтобы спросить его на этот счет, и нельзя ли доставлять ему мои письма через вас?

Ответное письмо Лейбница очень пространно и очень любопытно. Оно показывает, как разнообразны были его интересы и как он внимательно следил за тем, что делалось в разных концах Европы. В своем письме он говорит о положении дел в Испании и в Турции, о перевороте, который случился в Англии в конце 1710 г. Лейбниц получал об этом подробные сведения от лорда Риверса, английского посла в Ганновере, кроме того, находился в переписке с некоторыми вождями как вигов, так и ториев, и потому имел ясное понятие об английских делах¹. «В Англии есть люди, — писал он Урбиху, — которые желают, чтобы я туда приехал, и говорят, что мне там доверили бы такие вещи, которые не хотят сообщить обыкновенным путем. Но я избегаю всего этого,

¹ Письмо № 18: «J'ay des amis considérables dans l'un et l'autre parti, qui me donnent de bonnes informations de temps en temps, parcequ'on sait l'entrée, que j'ay ici chez la padronanza» (У меня есть влиятельные друзья как в одной, так и в другой партии, которые время от времени снабжают меня важными сведениями, поскольку знают, что у патронессы (курфюрстина Софья. — Прим. В. Герье) я был хорошо принят (*фр., итал.*). — Прим. пер.).

чтобы не возбуждать зависти» (т. е. ганноверских министров). Лейбниц не мог передать Бернсдорфу поручение Урбиха, так как его не было тогда в Ганновере. Лейбниц был очень недоволен пассивной ролью, которую ему предназначал Урбих: «Я надеюсь, что вы не заставите меня играть роль простого почтальона, тем более, что вы уверены в точности, с которой я умею хранить то, что мне доверяют. Это могло бы уронить мой кредит у тех, у которых мне придется хлопотать о вашем деле». Лейбниц был также недоволен тем, что при Русском дворе все откладывали исполнение его проектов до окончания войны; ему казалось, что Урбих несколько виноват в этой медленности. «Одно из важных практических правил, — писал он, — гласит: *Semper posuit differre paratis**. Есть много дел, которым война не должна была бы препятствовать, так как можно было бы найти средство устроить их без издержек. Дела эти не только ничего бы не стоили, но принесли бы еще барыш и были бы полезны для самой войны».

Мы видели, что Лейбниц всю жизнь был занят проектами о соединении церквей, и замечали, что вследствие тогдашнего отчуждения запада Европы от востока ее восточная церковь нисколько не входила в его соображения. Но деятельность Петра, выдвинувшая вперед Россию, напомнила западному человеку о существовании восточной церкви, и вот под конец своей жизни Лейбниц начинает также мечтать о соединении этой церкви с западными церквями или по крайней мере о вселенском соборе, который замирил бы вековую вражду и установил бы между христианскими исповеданиями Европы более терпимости и согласия. Впрочем, нужно сказать, что на этот раз Лейбниц не слишком увлекался своими надеждами и очень ясно понимал все предстоявшие трудности.

Вопрос о *вселенском соборе*, — писал он Урбиху, — чрезвычайно важен и может иметь громадные последствия. Но он не может быть осуществлен без разрешения *восточным патриархам* участвовать в нем, без чего он не будет считаться вселенским, а я не знаю, можно ли будет выхлопотать у турок такое разрешение. Чтобы подготовить это дело, было бы хорошо (если только отношения России к Турции это допускают) вступить с ней в переговоры насчет этих разрешений и постановить об этом договор, дав уверение, что это дело не повлечет за собой никакого вмешательства России в другие дела султана. Необходимо выказывать большое внимание *Риму* и действовать там с чрезвычайной осмотрительностью и осторожностью, чтобы привести дело к како-

* Тому, кто уже принял решение, медлительность всегда вредит (*лат.*). — *Прим. пер.*

му-нибудь результату. Может быть, было бы хорошо, если бы вы написали о соборе герцогу Вольфенбюттельскому; такие идеи доставляют ему большое удовольствие; вы могли бы сказать, что об этом подробнее писали ко мне. Но необходимо внушить герцогу, что это тайна, для того чтобы он не говорил об этом ни с кем, исключая меня. Если бы вы слышали разговор, который я имел с ним о подобном предмете, вы сочли бы мой совет более своевременным, и я уверен, что вы очень обязали бы герцога. Обо всем этом можно было бы сказать много такого, что, по моему мнению, соответствовало бы видам царя и в то же время послужило бы к общему благу. Когда император присылал сюда хлопотать о том же деле, Молан не хотел делать ни одного шага без меня; тогдашними переговорами наполнены целые тома и множество писем, которые у меня в руках. Есть даже одно средство, чтобы *принудить папу* к благоразумию, по крайней мере настолько, насколько это необходимо для некоторых важных мер. Но объяснение всего этого требует пространный изложения и не может быть сделано в нескольких словах.

Упрек Лейбница в нерадении к его научным проектам задел Урбиха.

Вы задали мне загадку, — писал он ему, — пословицей: *semper paratis differte paratis*. Я понимаю ее смысл и все-таки недоумеваю. Прошу вас объяснить мне точнее не ваши намерения, которые мне хорошо известны, а способ их осуществления. Я прошу вас об этом убедительно, ибо, может быть, нам скоро придется увидеться, и мне хотелось бы прежде точно знать ваши мысли, чтобы сделать запрос у своего правительства и получить инструкцию. *Вопрос о соборе*, конечно, до крайней степени важен. Я отложу его до нашего свидания. Не следует спешить с ним чрез меру. Уведомить об этом герцога я не решаюсь из опасения, чтобы он не выдал себя излишним желанием дать делу ход.

Лейбниц в ответе своем соглашался с Урбихом, что в деле собора нечего спешить, и обещал со своей стороны ту же сдержанность.

Дело чрезвычайно важно и может принести большую пользу или большой вред в будущем, смотря по тому, как его поведут.

В этом письме Лейбниц высказывается несколько подробнее о своих замыслах относительно соединения церквей. Нам известны его попытки заинтересовать в этом деле англиканское духовенство. Из письма к Урбиху оказывается, что он желал привлечь и Англию к переговорам о соединении церквей и рассчитывал сам принимать деятельное участие в этих переговорах.

Я того мнения, что нужно иметь в виду Англию не менее, чем католиков (*qu'ou n'eut pas moins égard*), и сообщить о предстоящем плане некоторым из умных и влиятельных людей, чтобы узнать их мнение; впрочем, пока не нужно говорить им о вселенском соборе. За образец

можно было бы взять древнее состояние христианского общества. Но это было бы только началом; потом следовало бы идти постепенно вперед, соблюдая чрезвычайную осторожность в практических вопросах. Нужно было бы также послать для этого к королеве Анне человека, который не принадлежал бы к греческой церкви, и потому не следует посылать русского. Одним словом, я не думаю, чтобы кто-нибудь был более годен для этого, чем Лейбниц... Я не помню, — продолжал Лейбниц, — по какому поводу я сказал: *semper posuit differre paratis*; но я вообще держусь этого правила и присоединяю к этому еще слова Священного Писания: нужно делать одно, а другого не забывать. Ибо я вижу, что обыкновенно приходится жалеть об упущенном времени. Продолжается война или нет — для меня все равно. Есть тысяча вещей, которые могут быть сделаны без больших издержек и принести большую пользу.

По поводу победы, одержанной ториями над вигами, Лейбниц излагает в этом письме свой взгляд на английские дела. Он говорит, что курфюрстина Софья всегда держалась того мнения, что не следует приставать ни к какой партии — ни к ториям, ни к вигам; но те, которые изъявляли притязания знать Англию лучше других и, по-видимому, имели основание для этого, были со времен короля Вильгельма слишком пристрастны к вигам и поссорили бы Ганноверский двор с ториями, если бы этому не воспрепятствовала сдержанность курфюрста.

Эти господа, — продолжает Лейбниц, — всегда считали меня еретиком, потому что я говорил им, что не вижу причины предпочитать вигов ториям и что, по моему мнению, следует даже больше опасаться вигов.

Лейбниц в то время надеялся, что новый торийский парламент и торийское министерство будут продолжать войну с Францией с такой же энергией, как и виги, и первые действия ториев, казалось, оправдывали эти ожидания. Но это был только искусный маневр со стороны их вождя Болингброка, который преследовал свои цели, и Лейбницу скоро пришлось разочароваться в своих надеждах.

Лейбниц выразил в своем письме полнейшую уверенность, что «турки не посмеют зашевелиться: время было бы выбрано ими очень неудачно». Но через две недели в Ганновере узнали, что французские интриги удались и что Порта объявила России войну.

Мы были введены в заблуждение, — пишет Лейбниц Урбиху 29 декабря 1710 г., — донесениями английского и голландского послов в Константинополе, которые были обмануты мирной обстановкой дел; как кажется, в государстве со слабым управлением, где государь не полный господин и где все ежедневно изменяется, нельзя полагаться на уверения министров.

Впрочем, Лейбниц был довольно спокоен относительно исхода войны; он был уверен, что король Август присоединится к царю с польскими и саксонскими войсками.

Крымский хан, — писал Лейбниц, — как говорят, особенно хлопотал, чтобы объявили войну, но она может повлечь за собой совершенное разорение его народа.

В своем ответе Урбих снова жаловался на ганноверскую политику. Упомянув о вероломстве Порты и о непостоянстве Австрии, Урбих продолжает:

Пусть бы только в Ганновере не забывали, наподобие дивана, недавних трактатов. Ганновер заплатил врагу 300 тысяч талеров, чтобы дать ему возможность возбудить новые беспокойства. Ганновер открыто ратует в Гааге против армии нейтралитета в угоду неприятелю; в Ганновере же говорят, что царь не может сохранить за собой Ливонию, но рано или поздно должен будет возвратить ее неприятелю, а ганноверский посланник оправдывает здесь всеми способами противное международному праву обращение с царским послом в Константинополе. Это никак не может служить доказательством взаимной дружбы, которой царь удостоил курфюрста; но все эти выходки вполне соответствуют видам Оберга и его приверженцев, которые смотрели бы спокойно на совершенное разорение империи, лишь бы только остался в целости их идол, шведский король (le prétendu Roi), что бы он ни предпринимал против христианства, против чести и самого Бога. Я желал бы, чтобы вы поговорили об этом секретно с Бернсдорфом. По моему мнению, было бы необходимо для царя иметь при Ганноверском дворе особого посла, чтобы противодействовать интригам, и я предложил Шлейница; что вы на это скажете? Я с нетерпением ожидаю известий о мерах, принятых царем, который 20 декабря, когда были написаны последние письма ко мне, ничего еще не знал о разрыве с Турцией, так как депеши и курьеры, отправленные нашим послом в Константинополь, были перехвачены; я отправил три нарочных одного за другим и ожидаю через две недели ответа на первую мою депешу. Между тем наши войска придвигаются к границам варварского мира. Его царское величество никогда не доверял оттоманской честности, и я очень доволен тем, что всегда утверждал, вопреки лживым письмам английского и голландского послов, что будет война с турками. Эти послы недавно еще извещали, что есть надежда на примирение. Если бы я не знал, что их правительства слишком заинтересованы в сохранении мира, я подумал бы, что они хотят обмануть и усыпить нас. Великое дело о браке (le grand mariage) приходит к концу, но я сомневаюсь, чтобы мне пришлось завершить его, по двум причинам: я не могу при этих опасных обстоятельствах удалиться от своего поста, и во всяком случае для этого захотят назначить русского. Моя судьба никогда не допускает, чтобы мне поручались выгодные дела.

Урбих не ошибся в своих ожиданиях. В начале 1711 г. царевич дал свое согласие вступить в брак с принцессой Шарлоттой, и тот-

час после того в Вольфенбюттель был отправлен граф Головкин, сын канцлера, для того чтобы окончательно установить условия брачного договора.

15 февраля 1711 г. Лейбниц сообщил Урбиху, что он исполнил его поручение и передал Бернсдорфу его жалобы на непостоянство Ганноверской политики.

Бернсдорф уверил меня, что из четырех жалоб ваших две основаны на несуществующих фактах, что повод к третьей маловероятен, а в четвертом случае вовсе нет повода жаловаться. Он говорил мне, что здесь несколько не занимаются судьбами Ливонии и что ни курфюрст, ни его министры никогда не думали разрешать вопросы, которые зависят от хода войны. Он уверял меня также, что совершенно несправедливо, будто бы в Голландии говорили от имени курфюрста против нейтралитета и гарантии. Он полагал, что, вероятно, такую ложь могли выдумать только лица неблагонамеренные, или по крайней мере враждебные интересам Ганноверского двора, или наконец лично не расположенные к г. Ботмару, бывшему тогда еще послом в Голландии. Напротив того, Ганноверский двор хлопотал об установлении нейтралитета и гарантии и готов сделать все, что нужно, чтобы поддержать их. Бернсдорф считал невероятным, чтобы Гульденберг сказал то, что вам доносили, и чтобы он имел неосторожность одобрять такое явное нарушение международного права, как заключение царского посла в Константинополе. Если же он это сказал, то он поступал не по приказанию и не в духе политики своего государя. Что же касается четвертого пункта — денег, данных шведам под залог земель, то Бернсдорф дал насчет этого такое объяснение, которого вы никак не могли ожидать. Он уверял меня, что в договоре, заключенном с князем Куракиным, ганноверское правительство предоставило себе право на такую сделку, с тем чтобы это не подавало царю повода к жалобе. Таким образом рассмотрены все пункты. Я не сомневаюсь, что Бернсдорф говорил согласно со своими намерениями и с видами своего государя; но так ли же умеренны остальные министры и говорят ли они всегда с такой же осторожностью, за это я не поручусь. Ботмар казался мне всегда довольно умеренным, и я надеюсь, что Гульденберг забыл ту страсть к Швеции, которую прежде обнаруживал. Я не знаю мнения остальных министров, но надеюсь, что их не будут слушать, если их советы будут несогласны со смыслом договора и с данными обещаниями.

Лейбниц писал это письмо перед самым отъездом своим в Берлин. При тамошнем дворе в последнее время совершился важный переворот. В конце 1710 г. впал в немилость всемогущий любимец короля, граф Вартенберг, и его падение повлекло за собой удаление всех его сообщников. Все ожидали больших перемен в Берлине. Лейбниц, как президент академии, был в них чрезвычайно заинтересован и должен был спешить в Берлин, чтобы лучше познакомиться с положением дел. Мы видели, что после смерти

Софьи-Шарлотты положение Лейбница в Берлине становилось все более и более тяжелым. Понятно, что чем более увеличивались неприятности, соединенные с президентством в Берлинской академии, тем чаще начинал он мечтать о президентском кресле в предполагаемой академии в Петербурге, насчет которой его обнадеживал Урбих. Уведомив Урбиха о своей поездке в Берлин, Лейбниц прибавляет:

Вы говорили мне об одном деле, касающемся меня; оно кажется мне возможным, если будет одобрено царем, с которым, как вы мне писали, вы говорили об этом. В этом случае оно, без сомнения, устроится отличным образом и по крайней мере так, как в Прусской (академии).

На этом прерывается переписка Урбиха с Лейбницем. Около того времени, когда было написано вышеприведенное письмо, Урбих отправился в Венецию, чтобы заключить с этой республикой союз и побудить ее принять участие в войне России с Турцией. В Венеции Урбих пробыл до июня. По возвращении в Германию его ожидали большие хлопоты. Смерть императора Иосифа произвела переворот в европейских делах. Урбиху пришлось отправиться на встречу к преемнику Иосифа, который возвращался из Испании, и узнать его мнение насчет северных дел. Прутское несчастье, возбуждившее новые надежды шведской партии, также доставило русскому послу в Вене много забот. К этому присоединилась ссора с австрийскими министрами за этикет и за доброжелательство к шведам. Наконец, к осени готовилась свадьба царевича, на которую должен был приехать царь со всем своим двором.

Лето 1711 г. царевич провел в Вольфенбюттеле у родственников своей невесты. Это дало Лейбницу возможность представиться царевичу и возобновить свои сношения с Гюйссеном, который находился в его свите. Чтобы занять царевича, Лейбниц прислал ему через Гюйссена¹ извлечение из писем, полученных им из Китая, и узнав, что царевич любит «сценические представления с содержанием, заимствованным из Ветхого Завета», Лейбниц советовал герцогу Антону-Ульриху поставить на сцене оперу «Соломон» с ее красивыми декорациями, изображающими Иерусалимский храм.

Можно бы было, — писал Лейбниц герцогу, — разыграть также какую-нибудь другую духовную драму, если бы вызвать из Гельмштедта профессора Гардта с его еврейским костюмом².

¹ Письмо Лейбница к Гюйссену от 25 июня 1711 г.

² Письмо Лейбница к Антону-Ульриху от 25 июня 1711 г.

Известие о Прутском мире и о поездке царя в Карлсбад привело Вольфенбюттельский двор в большое волнение. Там надеялись, что царь приедет в Вольфенбюттель, и начали придумывать, какой устроить ему прием и какими празднествами почтить приезд знаменитого гостя. И Лейбниц принимал участие в этих приготовлениях. Он сообщил герцогу план рельефного изображения России с аллегорическими эмблемами, которыми он хотел прославить могущество царя и обширность его империи. Зная практический ум Петра, Лейбниц хотел доставить ему такое развлечение, которое в одно и то же время было бы и поучительно, и полезно. Он придумал нечто вроде русской этнографической выставки, но в соединении с географическим изображением всей Русской империи. В большой зале Вольфенбюттельского дворца, в которой давались театральные представления, должно было быть изображено Русское царство, с его горами и долинами, с его реками и с окружающими его пятью морями. Горы должны были быть изображены выпуклостями, а чтобы наполнить реки и моря водой, предполагалось провести ее в залу с помощью особенной водоподъемной машины и скрытых от глаз зрителей сточных труб. На этой выпуклой карте должны были быть обозначены границы и имена провинций с главными городами и изображены обитающие в них народы с их костюмами и даже редкие животные. Все это должно было опираться на четыре колоннады. С двух сторон колоннады должны были представлять две триумфальные арки по случаю Северной и Турецкой войн, с изображением сражений при Полтаве и на Пруте; с остальных же двух сторон предполагалось представить Атласа с небесным шаром и Геркулеса с земным шаром; первый обозначал бы мудрость и знание царя, второй — его храбрость и силу; тут же должны были находиться другие украшения и эмблемы, которые изображали бы собой добродетели царя. Над всем должна была парить окрыленная Слава, или Виктория, со знаменем, на одной стороне которого находился бы царский герб, а на другой — какая-нибудь надпись. Изобретательность Лейбница проявлялась во всем и везде находила себе пищу. Придумывая забаву для почетного гостя Вольфенбюттельского двора, Лейбниц указал на новый способ картографического искусства, к которому спустя долгое время прибегла школьная педагогика. Лейбниц надеялся, что зрелище, устроенное им для царя, не пропадет даром и принесет пользу науке. Он советовал сохранить в музее это рельефное изображение России в надежде, что «оно послужит образцом для других государей, которые захотят подобным образом изобразить свои государства —

en relief*, каковы они в природе, но с большей тщательностью, чем нужно было в данном случае»¹.

Слух о приезде царя внушил Лейбницу и другие планы. Он чрезвычайно желал принять на себя руководство академией, которую советовал учредить в Петербурге, или занять место в ученой коллегии, которой, по его плану, следовало поручить введение наук и устройство учебной части в России; но ему при этом хотелось остаться в Германии, чтобы иметь возможность продолжать свою научную деятельность, чтобы сохранить свои ученые связи и наконец свою свободу. То, чего он не достиг через Урбиха, он надеялся получить с помощью герцога Вольфенбюттельского, который вступал в близкое родство с царем. Лейбницу нужно было только заинтересовать Антона-Ульриха и представить ему свое желание с такой стороны, которая могла бы побудить его к содействию.

Лейбниц, как мы видели, давно тяготился своим положением в Ганновере и искал выхода из него. Он охотно променял бы свою службу у резкого и повелительного курфюрста, мало интересовавшегося наукой, на более легкую зависимость от добродушного Антона-Ульриха, который сам был литератором и нередко прибегал к советам Лейбница в своей литературной деятельности. Сам Антон-Ульрих, который дал Лейбницу звание Вольфенбюттельского библиотекаря и назначил ему из своей тощей казны жалованье в 600 талеров, чтобы иметь возможность видеть его от времени до времени у себя, охотно привлек бы его навсегда к своему двору.

¹ В то время при дворах учеными особенно дорожили, потому что прибегали к их услугам в случае устройства празднеств, для составления эмблем, надписей на медалях, сочинения стихов, подбора цитат из классических авторов и т. п. Двор Людовика XIV подал в этом отношении пример, и известно, что этому кокетничанью с ученостью обязана своим происхождением Академия надписей в Париже. Лейбниц, стремившийся к достижению своих научных целей с помощью дворов, не пренебрегал модой своего времени и охотно прилагал к делу свою ученость и изобретательность, чтобы доставить удовольствие своим покровителям. Так, между прочим, он после свадьбы царевича предложил Антону-Ульриху выбить медаль, которая прославляла бы свойство Вольфенбюттельского дома с двумя императорскими династиями, русской и германской. На одной стороне он предлагал изобразить двух принцесс, супругу Карла VI и супругу царевича, с другой — Вельфского льва между двуглавыми орлами Германии и России и надпись, указывавшую месяц и год совершения брака: *Dant geMInIs oCtobrI aqVILIs bls fata Leones* (Дан в октябре львами дважды преславным орлам-близнецам *(лат.)*). — *Прим. пер.*) Сумма римских цифр в этом хронотихе составляла число 1711.

* Рельефно, наглядно *(фр.)*. — *Прим. пер.*

Но герцог Вольфенбюттельский был слишком беден, чтобы предоставить Ганноверскому историографу такие выгоды, какими он пользовался при дворе курфюрста¹. На этом Лейбниц основывал свой план. Он решился предложить Антону-Ульриху, что перейдет к нему на службу в Вольфенбюттель, если герцогу удастся выхлопотать для него у царя какое-нибудь ученое поручение. Для Лейбница такой результат представлял большие преимущества. Он достиг бы своей цели у царя и в то же время занимал бы довольно почетное и самостоятельное положение при маленьком Вольфенбюттельском дворе. Чтобы расположить герцога в пользу своего плана, Лейбниц представил ему пространную записку; он указал в ней на те услуги, которые он в состоянии будет оказать герцогу, если перейдет к нему на службу. Эти услуги касались главным образом различных прав Вельфского дома на некоторые области в Италии, прав, которые Лейбниц обязался доказать с помощью своих ученых исследований. Характерно для обстановки Вольфенбюттельского двора то, что Лейбниц надеялся между прочим соблазнить герцога предложением дать ему займы несколько тысяч талеров, «так как важные предстоящие намерения (т. е. свадьба царевича) требуют больших издержек». Эта свадьба, по мнению философа, могла еще в другом отношении способствовать его намерению переселиться в Вольфенбюттель: так как некоторые из тамошних придворных должны были вступить в штат принцессы Шарлотты и уехать с ней в Россию, то вследствие этого при дворе упразднились различные должности и герцог лишился некоторых из своих советников. Только в самом конце своей записки Лейбниц переходит к главной цели своего плана, который должен был дать ему возможность прожить в Вольфенбюттеле, несколько не отягощая герцогской казны. Напомнив Антону-Ульриху, что уже несколько лет тому назад он говорил ему о своих предположениях относительно введения наук в Россию и что его желание содействовать по силам этому великому делу было вполне одобрено герцогом, Лейбниц сообщил ему о своих переговорах с Урбихом и о записке, которую он через последнего подал царю.

Грозившее тогда вторжение шведов, — говорит Лейбниц в своей записке, — не давало возможности думать о науке; но теперь царь одер-

¹ По договору 1681 г. между братьями Рудольфом-Августом и Антоном-Ульрихом, первый обязался тратить на свой двор не более 30 тысяч талеров, а второй — не более 70 тысяч в год, причем еще должен был из этой суммы выдавать жалованье Вольфенбюттельским чиновникам (см.: *Havemann*. III. S. 431).

жал полную победу, и пришло время, когда можно спокойно предаться таким заботам. Поэтому я полагаю, что вследствие надлежащего ходатайства Вашей Светлости через Урбиха я мог бы получить от царя поручение прискивать для него годных людей, приобретать книги, музеи и изобретения всякого рода, а также составить план общего устройства научной части в России. Ваше ходатайство могло бы иметь своим последствием учреждение высшей коллегии в России, подобной той, которая существует в Китае. Эта коллегия издавала бы полезные предписания, могла бы дать хорошее устройство воспитанию юношества, прискивать годных учителей, составлять учебники, изображать науки в рисунках и моделях, так чтобы преподавание их было не только устным, но и наглядным. Если бы можно было все дело устроить таким способом, то я не только не был бы в тягость Вашей Светлости, но более чем когда-либо был бы способен к полезным услугам. Царь, со своей стороны, не имел бы причины относиться к этому недоверчиво. Я же, — прибавляет Лейбниц для успокоения советников Антона-Ульриха, — не стал бы вмешиваться в дела, касающиеся предстоящего брака и порученные другим, как разве только по вашему приказанию.

Лейбниц составил в то же время записку, в которой он перечислил все, что, по его мнению, следовало сделать царю для введения наук в Россию и для распространения цивилизации на далеком севере и востоке.

К этой записке Лейбниц приложил рекомендательное письмо от имени герцога к какому-то тайному советнику, вероятно, Шлейбницу, который в это время уже находился в русской службе. Имя Лейбница не названо в этом письме.

Рекомендую вам, — сказано в нем, — приложенную при сем статью. Она написана человеком, которого вы сами знаете и имя которого славится почти во всей Европе.

Герцог выражает надежду, что ему будут благодарны за то, что он предлагает человека, который имеет в виду не собственную пользу, а общее благо.

Если вы дадите ему возможность осуществить свои намерения, вы окажете мне лично особенную услугу; следует только все это содержать в величайшей тайне и не называть его имени даже при царском дворе раньше, чем это нужно, ибо, как известно, многие люди умеют представить в ложном свете даже самое лучшее и невинное.

Лейбниц, как видно, в это время еще не рассчитывал на возможность лично хлопотать о своих проектах при Русском дворе. Свадьба царевича доставила ему эту возможность. После Прутского мира Петр отправился на воды в Карлсбад, где хотел отпраздновать свадьбу царевича; но потом местом бракосочетания был избран город Торгау, где жила польская королева, тетка и воспитан-

тельница Софьи-Шарлотты. Город Торгау на Эльбе находился уже в недалеком расстоянии от Вольфенбюттеля, и старый герцог, которому путешествия становились в тягость, с радостью собрался в путь, чтобы присутствовать при свадьбе внучки. В свите герцога в Торгау поехал также и Лейбниц. Покровительство Антона-Ульриха дало ему наконец возможность представиться царю, и с этого времени в его деятельности начинается новый период, период его личных сношений с Петром.

III

Поездка Лейбница в Торгау на свадьбу царевича Алексея. — Ходатайство его через герцога Антона-Ульриха об устройстве в России высшей ученой коллегии. — Желание сделаться ее президентом. — Обещания, сделанные Лейбницу при Русском дворе. — Предположения Берлинской академии наук об устройстве в Москве книжной торговли, школ и миссионерского дела. — Мнение Лейбница об этих предположениях. — Письмо Лейбница к Петру от 16 января 1712 г. о том, что по воле Провидения науки обошли кругом весь земной шар и что очередь дошла до России. — Записка Лейбница об этнографии Европы и о славянском происхождении гуннов. — Переписка Лейбница с Шлейницем. — Проект Лейбница о вмешательстве северных союзников в войну против Франции. — Предложения, сделанные Лейбницем царю в Грейфсвальде через Шлейница. — Снаряд, присланный Лейбницем в дар царю. — Письмо Брюса к Лейбницу и ответ последнего о собирании в России лингвистического материала, о магнитных наблюдениях и об исследовании границы между Азией и Америкой. — Царь приглашает Лейбница в Карлсбад. — Дипломатическое поручение Лейбница у царя в Карлсбаде. — Принятие его в русскую службу и назначение ему жалованья. — Поручение, данное ему царем, представлять свои соображения относительно законодательства и судоустройства в России. — Список пособий и известий, которые Лейбниц просил доставить ему из России. — Письмо Лейбница к Стефану Яворскому. — Поездка Лейбница в Вену. — Письмо к царю о способе воевать с турками. — Дело о приглашении в русскую службу цюрихского медика Шейцера. — Переписка Лейбница с Антоном-Ульрихом. — Дипломатическая деятельность Лейбница в Вене. — Лейбниц занимается уложением царя Алексея. — Письмо к Петру от 26 октября 1713 г. — Желание Лейбница сделаться дипломатическим агентом России при Венском дворе и быть посредником союза между Россией, Австрией и Англией. — Письмо к Шафирову. — Письмо Лейбница к царю, отправленное через секретаря английского посольства Вебера. — Описание двора Аттилы, посланное Лейбницем к царю. — Известия о царе и Петербургском дворе, сообщенные Лейбницу Вебером, автором сочинения «Преобразованная Россия». — Хлопоты Шлейница о выдаче Лейбницу жалованья. — Взгляды Лейбница на политические дела 1715 г. — Письма его к Шлейницу о покупке библиотеки для России. — Письмо его к Гюйссену о новом сватовстве царевича Алексея. —

Счетная машина, которую Лейбниц приготавливал для Петра. — Приезд царя в Пирмонт. — Письма Лейбница о пребывании царя в Пирмонте. — Предложения Лейбница, сделанные в письме к Шафирову.

О пребывании Лейбница в Торгау и о его свидании с царем мы имеем не очень подробные сведения. Но мы узнаем о желании и планах Лейбница из нескольких черновых записок его к герцогу Антону-Ульриху; о результате же его пребывания в Торгау мы можем судить по его письмам к Лакрозу, Брюсу и Гюйссену.

Обещания и посредничество Урбиха не привели ни к чему. Лейбниц, как мы видели ранее, надеялся, что покровительство герцога Вольфенбюттельского будет иметь более успеха. Он обратился к герцогу с просьбой поговорить с царем о его проектах и доставить ему аудиенцию у Петра.

На обороте одной из черновых записок к герцогу сохранилась краткая, наскоро набросанная заметка Лейбница, которую едва можно разобрать. Эта заметка представляет нечто вроде программы того, чего Лейбниц желал достигнуть в Торгау, или, может быть, служила конспектом письма к Антону-Ульриху. Желания Лейбница заключались в следующих четырех пунктах.

1. Желательно, — говорит он, — получить частную аудиенцию у царя, для которой следует подготовить его величество удовлетворительным объяснением ее цели, причем просить о сохранении тайны.
2. Затем желательно, чтобы было поручено г. Шлейницу вступить с младшим г. Головкиным и со мной в переговоры для составления проекта.
3. Когда они договорятся со мной насчет того, что касается наук, я готов вступить с ними в переговоры о том, каким способом достигнуть известной политической цели, согласно с законами Германской империи. При этом я представляю свой проект, который я предлагаю так составить, чтобы можно было сообщить его Польше, Дании и Пруссии и на его основании устроить переговоры на предстоящем конгрессе.
4. Наконец, желательно выхлопотать письменный приказ под печатью его величества и все, что необходимо для его исполнения.

Из этой программы видно, что Лейбниц и в 1711 г. еще не терял надежды на участие России в войне за испанское наследство. Удалось ли ему заинтересовать кого-либо в Торгау своими дипломатическими проектами, мы не знаем. О них нигде более не упоминается в черновых бумагах.

Большее количество сведений имеем мы о планах Лейбница насчет водворения наук в России. Лейбниц старается заинтересовать в этом герцога Антона-Ульриха, представляя ему, что за ним останется главное руководство (*Oberdirectorium*) в этом великом деле, которое даст ему возможность не только одолжать царя,

своего близкого родственника, но и облагодетельствовать несколько миллионов человек к вечной своей славе и оказать великую услугу всему человечеству. «Притом, — говорит Лейбниц, — все может быть устроено таким образом, что принесет пользу стране, союзникам и Германской империи». Лейбниц обращает внимание герцога на три главных пункта: на устройство воспитательной части в России, чтобы юношество вместе с обычаями цивилизованных стран обучалось языкам и наукам; на устройство в России физических, технических и астрономических наблюдений и на ознакомление русских с главными изобретениями и с самыми важными промыслами и художествами. К этому Лейбниц присоединяет некоторые частности: предлагает изобретенную им арифметическую машину и какое-то «военное орудие», которое может оказать чудеса в войне с турками и татарами. Прежде чем сказать о нем царю, герцог сам может убедиться в его действии.

В другой своей записке Лейбниц подробнее говорит о средствах, которые, по его мнению, необходимы для осуществления его проекта.

Если, — говорит он, — его величество назначит для этого ежегодную сумму в 10 тысяч талеров и поручит главное распоряжение лицу благонамеренному и вполне для этого пригодному, которое искренне интересуется успехами науки, то я уверен, что в один год можно будет достигнуть больших результатов, чем другие народы достигали в десять лет, и с 10 тысячами талеров можно будет сделать больше, чем иные сделали со 100 тысячами талеров.

Различные важные подробности Лейбниц обещает сообщить после, когда ему сделаются лучше известны намерения царя и разные обстоятельства. Чтобы ознакомиться со всем этим, он просит герцога доставить ему возможность подробно поговорить обо всем с царем в частной беседе (*eine ausführliche Privataudienz*).

Одна из записок Лейбница касается обещанных им подробностей. Он в ней предлагает устроить коллегия, которая должна руководить учебной и ученой частями в империи и членами которой могут быть люди разных национальностей. Эта коллегия должна иметь надзор над всеми школами и учащимися, над типографиями и книжным делом, над торговлей писчей бумагой, лекарствами и аптеками, над соляной и горной промышленностью, над изобретениями и фабричной частью, над введением новых растений, новых промыслов и предметов торговли. Поэтому эта коллегия должна включать в себя коллегия общественного здоровья, берг-коллегия и комитет для надзора за съестными припасами; всякий поддан-

ный царя должен быть обязан, под страхом тяжелого наказания, по возможности оказывать содействие этой коллегии. Для того чтобы она была в состоянии исполнять свою обязанность и удовлетворить его величество, не отягощая его казны, царь может обеспечить ее известным доходом от китайской, каспийской и новой балтийской торговли, а также некоторыми привилегиями при введении новых промыслов. Между тем ей можно тотчас дать привилегию по книжной торговле, право издания и печатания календаря, газеты, указов и других казенных объявлений. Можно ей дать привилегию на устройство банка или ссудной казны (*monti di pietà*), разных лотерей по голландскому или итальянскому способу, пожизненной ренты, страховой и сохранной казны, приказа общественного призрения и других касс, банков, рабочих домов и т. п. А для того чтобы ученая коллегия имела в своем распоряжении известную сумму, ей можно уступить доход с гербовой бумаги и различных денежных штрафов. За это коллегия, со своей стороны, должна заботиться о хорошем воспитании юношества, о приискании хороших учителей и руководств, о разных мерах для общественного здравия, об исследовании и улучшении соляного и мыловаренного промыслов, о физических и технических, особенно же об астрономических и магнитных наблюдениях, важных для мореплавания, обо всем, что касается морского и речного судоходства, об устройстве библиотек и кунсткамер, о собирании разных полезных новостей из Европы и Китая, о приглашении искусных людей и художников; одним словом, должна содействовать благосостоянию, обогащению и процветанию царских владений посредством художеств и наук. Президент или директор этой коллегии должен быть членом высшего государственного совета при царе, а также тайного военного совета. Члены же коллегии должны, смотря по обстоятельствам, иметь звание царских советников и секретарей и быть изъяты из-под власти обыкновенных судов. Его величество может дать членам коллегии особенный почетный знак для ношения, чтобы внушить большее уважение к ним и лучше обеспечить их безопасность. Эта записка, представленная Лейбницем в Торгау, есть самое подробное изложение его плана относительно устройства в России ученой коллегии. Из нее можно заключить, что он желал сам сделаться ее президентом и что он связывал с этим надежду на немаловажную политическую деятельность в России.

К сожалению, мы не знаем, какие из этих записок были действительно представлены герцогу и каким образом Антон-Ульрих довел о желаниях Лейбница до сведения царя. Мы были бы, может

быть, в состоянии судить об этом, если бы нам случилось видеть интересный документ — письменные предложения, представленные царю в Торгау герцогом Антоном-Ульрихом. О существовании этого документа мы знаем только по ответу, который был дан герцогу также письменно¹. Седьмая статья этого ответа, вероятно, относится к делу Лейбница. «За это, — сказано в ней, — его царское величество считает себя чрезвычайно обязанным его светлости и охотно соглашается на особую аудиенцию». Так как герцог не нуждался в особой аудиенции, то мы полагаем, что здесь идет речь об аудиенции, которую герцог испрашивал для Лейбница, тем более что выражение *selbigen*² едва ли может быть отнесено к самому герцогу³.

Одна, по крайней мере, из записок Лейбница дошла до своего назначения, т. е. была представлена царю, вероятно, через герцога. Мы можем заключить об этом потому, что она находится в Московском архиве⁴. Записка написана рукой Лейбница и озаглавлена «доклад» (Vortrag).

Г. Урбих, — сказано в ней, — неоднократно давал понять, что я мог бы способствовать полезными советами к водворению наук и учения в обширном русском государстве, о чем его царское величество весьма заботится. По уверению Урбиха он несколько раз доносил об этом его царскому величеству, и его предложение было одобрено царем. Я охотно, по моим слабым силам, содействую к общему благу людей и в этом отношении не делаю различия между ними; Россия же представляет непочатое поле, и учебная часть в ней легко может быть так устроена, что в ней избегнут многих недостатков, вкравшихся в нашу Европу; и так как при возведении нового здания скорее можно достигнуть совершенства, чем при исправлении и перестройке старого, то я готов принять участие в этом деле, тем более что оно будет способствовать к благочестию и славе Господа, ибо изучение Его творений ведет к назиданию людей. Я уже имею честь руководить знаменитой Королевской Берлинской академией и состою одним из самых старых членов академий Французской и Английской; моя переписка с учеными охватывает не только Европу, но простирается до самого Китая; я, как известно, изобрел новый способ к усовершенствованию математики, открыв учение

¹ Antwort auf die von des Herz. v. Wolfenbüttel D. übergebenen Puncta. Torgau, 16 Oct. 1711 (в Вольфенбюттельском архиве).

² Und wollten selbigen gar gern particuliere audience geben.

³ Точно то же выражение употреблено в 5-й статье по поводу Имгофа, находившегося в заключении в Саксонии. Царь обещал ходатайствовать о его освобождении у короля Августа. Имя Имгофа также не названо, а сказано только: I. Cz. M. wollten nochmahlen D. Interposition vor selbigen einlegen.

⁴ Она приложена там к реляциям Урбиха от 1711 г., вероятно, потому что в начале ее упоминается об Урбихе.

о бесконечно малых величинах, из которого можно извлечь большую пользу.

По всему этому я могу сказать без хвастовства, что трудно найти человека, который мог бы служить этому делу лучше и ревностнее, чем я, тем более что я имею честь находиться также на службе его светлости герцога Вольфенбюттельского, вступившего теперь в близкое родство с царем. Его светлость, один из самых ученых князей и замечательных меценатов нашего времени, вполне одобряет мое предложение. Я могу заверить при этом, что это мое предложение вытекает не из тщеславия, а из необходимости самого дела, что может быть легко доказано свидетельствами многих незаинтересованных людей у разных народов.

Хотя его царское величество теперь во время войны обременен разными другими заботами и расходами, но так как все можно устроить простыми указами и без издержек и так как при краткости человеческой жизни всего более следует дорожить временем, то мне кажется, что его величество примет мое предложение благосклонно, ибо известно, что царь не только любитель просвещения, но и знаток его. Известно также, что в Голландии были приняты некогда самые лучшие меры для развития просвещения во время тяжелой войны с Испанией. Дело не следовало бы откладывать, потому особенно, что можно предложить такие средства, с помощью которых будет положено хорошее основание без особенных издержек.

Лейбниц ссылается при этом на предложенное им устройство Берлинской академии, которая почти ничего не стбит королю, а затем сводит свои предложения к трем пунктам: 1) устроить учебную часть; 2) устроить в России разные научные наблюдения, физические, астрономические и др.; 3) составить свод всех лучших изобретений, сделанных в Европе и Китае, и вводя таким образом лучшее из всех стран, привести русское государство в более и более цветущее состояние. Для достижения этой цели Лейбниц советует учредить особенную привилегированную коллегию.

Если бы его величество, — продолжает он, — обнаружил склонность к тому, то некоторые из присутствующих министров могли бы вступить со мной в конференцию и обо всем со мной условиться. В случае особенной всемирности аудиенции я мог бы коснуться нескольких частных, которые были бы, вероятно, благосклонно приняты его величеством.

Какие это были частности, о которых Лейбниц хотел говорить на аудиенции у царя, мы узнаем из черновой записки, сохранившейся в Ганноверской библиотеке¹. Во-первых, он хотел обратить внимание царя на изобретенную им счетную машину, с помощью

¹ Она составляет продолжение той записки, которая находится в Московском архиве и которую мы привели в извлечении.

которой можно было решать арифметические задачи без труда и без особенного внимания; во-вторых, коснуться устройства астрономических наблюдений от Финляндии до границ Китая, которые были бы очень полезны для мореплавания; в-третьих, сделать особенные предложения для улучшения судоходства по рекам, преимущественно по Днепру и Иртышу; в-четвертых, в случае возобновления войны с турками, указать какой-то особенный военный снаряд¹, недорогой и верный, который, пока он другим не известен, мог бы принести громадную пользу и изменить всю воинскую тактику (*totam belli rationem*)².

Лейбниц достиг своей цели: герцог выхлопотал ему частную аудиенцию у царя. К сожалению, мы не находим в письмах Лейбница никаких подробностей об этой интересной аудиенции. Никому Лейбниц не описал впечатления, которое на него произвел величайший государь его века; никому он не сообщил разговора, который между ними происходил. Лейбницу в течение его долгой и богатой впечатлениями жизни приходилось встречаться с замечательнейшими людьми его времени, но он не чувствовал потребности записывать свои впечатления, а его обширная переписка не может заменить для нас мемуаров, так как она, подобно переписке многих других ученых того времени, нисколько не имела интимного характера, а при тогдашней трудности сообщений и неразвитости периодической печати служила средством к распространению ученых известий и приобретению известности. Притом Лейбниц, входя в сношения с разными дворами, интересы которых иногда было трудно согласить, должен был многое хранить в тайне, для того особенно, чтобы не возбудить неудовольствие в курфюрсте Ганноверском, не сочувствовавшем его разнообразной деятельности. На этот раз, как мы видели, Лейбниц считал нужным соблюдать особенную осторожность и потому, может

¹ Что разумел Лейбниц под этим снарядом, видно из другой заметки его о предложениях, которые он имел в виду сделать царю. Там, между прочим, упоминается о снаряде, с помощью которого можно без пороха более 400 раз в час бросать тяжести в 2 фунта весом на расстоянии 90 шагов. Этот снаряд переносится и управляется двумя людьми, и сила его может быть увеличена по желанию.

² В конце этой записки Лейбниц, убеждая герцога выхлопотать ему аудиенцию и прося его сохранить все дело в тайне, представляет ему, что оно близко его касается, ибо все будет происходить под его главным руководством: «*Es wird auch dieses betrachtet als S. D. eigene Sach, welche hierinn das Oberdirectorium haben würde*» (Все это будет рассматриваться как собственное дело Вашего Высочества, поскольку будет осуществляться под вашим главным руководством *(нем.)*. — *Прим. пер.*).

быть, не описал свидания своего с царем даже в письмах к своему долголетнему другу курфюрстине Софье. Только вскользь он говорит об этом свидании в своем письме к Лакрозу.

Я имел честь говорить с царем, — пишет он Лакрозу два месяца спустя, — и его величество устроил магнитные наблюдения в своем обширном государстве; царь, по-видимому, расположен также оказывать покровительство другим изысканиям, и если вы укажете места, которые стоит исследовать в России, в Сибири или в самом Китае, царь, как я надеюсь, повелит оказать нам содействие.

О том же пишет он профессору Фабрицию в Гельмштедте:

Я ездил в Торгау не столько для того, чтобы посмотреть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видеть великого русского царя. Замечательны (*ingentes*) дарования этого великого государя. По моему совету он велит устроить магнитные наблюдения в своей обширной империи.

Больше узнаем мы из писем Лейбница к Брюсу и Гюйссену, написанных вскоре после свидания в Торгау. Мы видим из них, что в Торгау с интересом слушали предложения Лейбница не только об устройстве магнитных наблюдений, но и о собирании лингвистического материала и что ему обещали доставить желаемые им сведения через посредство царской канцелярии. В своих письмах Лейбниц просит напомнить *messieurs de la Chancellerie du Czar** о его замечаниях и особенно насчет способа, посредством которого следует собирать образчики различных наречий в России; относительно же того, как производить магнитные наблюдения, он обещает прислать Брюсу особенную инструкцию. Из письма к Брюсу видно, что уже в Торгау Лейбницу обещали пенсию и чин в русской службе; что Гюйссен уже сообщил Остерманну (Лейбниц называет его Остервальдом) черновой приказ об этом назначении, но что по недостатку времени приказ не мог состояться.

Письмо Лейбница к Брюсу гораздо подробнее, чем письмо к Гюйссену, хотя это первое письмо к нему, и Лейбниц только в Торгау познакомился со знаменитым фельдцейхмейстером Петра. Из этого можно заключить, что Брюс, который сам был знатком математики и астрономии, принимал более живое участие в предложениях и просьбах Ганноверского философа, чем прочие русские придворные лица. Лейбниц сообщает ему, что он уже заказал магнитный глобус, т. е. шар, на котором отмечены склонения магнитной стрелки; он просит Брюса уведомить его о лицах,

* Царскому письмоводителю (*фр.*). — *Прим. пер.*

которые по приказанию Петра ходили в Сибирь и к Ледовитому мысу, и о доставленных ими сведениях: не могут ли они послужить к разрешению вопроса о существовании моря между Азией и Америкой, которое многие допускают, другие же отрицают. «Никто не может лучше царя, — прибавляет Лейбниц, — разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования источников Нила».

Брак царевича с Вольфенбюттельской принцессой не в одном Лейбнице возбудил надежду на исполнение любимых планов. В заседании 19 ноября 1711 г. филологическое отделение Берлинской академии наук обсуждало вопрос о том, каким образом воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы распространить влияние академии на отдаленную Москву. Тут обнаружилось, насколько планы Лейбница отличались от господствующих стремлений его времени. Для Лейбница на первом плане стояли чистые интересы науки; он желал перенести просвещение в Россию и сделать ее обширные области доступными для наблюдений европейской науки. Берлинская же академия, которая по большей части состояла из богословов, не могла отделить вопроса об образовании от успехов лютеранского исповедания.

Заседание 19 ноября было открыто известным нам вице-президентом Яблонским¹, который заметил, что филологическое отделение академии пока принесло еще мало пользы, но выразил надежду, что оно уподобится благородным деревьям, которые приносят поздние, но зато превосходные плоды. Повод к таким надеждам подает брак царевича с принцессой Вольфенбюттельской. В каком отношении этот брак может послужить целям академии, о том сообщает член академии Гейнекций.

Доктор богословия Гейнекций, из Галле², обратил внимание присутствующих на то, что в упомянутом браке нельзя не видеть дела Провидения (*ein opus Providentiae*), и выразил желание, чтобы это дело послужило к пользе церкви Господней и к распространению евангельской истины. Гейнекций сообщил далее, что в брачный договор была включена статья, позволявшая принцессе взять с собой одно или два духовных лица лютеранского исповедания

¹ О сношениях придворного проповедника Яблонского с Лейбницем по поводу соединения протестантских церквей см. гл. VI, с. 464 данного издания.

² Joh Mich. Heineccius K. Preuss. Cons. Rath Inspector d. Ministerii in Halle, Ober-Pfarrer zu Uns. Lieb. Fr. und. des Gymn. Scholarcha — автор сочинения о восточной церкви: *Abbildung der alteren und neueren Griechischen Kirche. Nach ihrer Historie Glaubenslehren und Kirchengebräuchen*. 3 voll. Leipzig, 1711.

и постоянно иметь их при себе. Ему самому предлагали место при принцессе, но он отказался по разным соображениям и потому, что ничего не знал о намерениях академии насчет миссионерства. Теперь он склоняется к другому мнению, и если дело еще возможно, то он не откажется от него ради славы Господней и такой спасительной цели и тотчас же по возвращении домой будет хлопотать о месте. Впрочем, так как он слышал, что царевич получил от отца приказание поскорее возвратиться с женой в отечество, то он не знает, удастся ли ему получить место при принцессе. Но даже в том случае, если бы это место было замещено кем-либо другим, он надеется, что ему удастся через посредство Вольфенбюттельского министерства завести переписку, которая вполне могла бы заменить его присутствие, тем более что сам царевич прямо поручил ему вступить в переписку с его двором.

Яблонский заметил на это, что все будет зависеть от личности тех, которые будут сопровождать принцессу. Поэтому нужно решить: отложить ли сие обсуждение до тех пор, пока получатся точные сведения о них, или же обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые необходимо предварительно разъяснить. Здесь представляются два особенно важных вопроса: 1) относительно состояния в России книжной торговли, типографской части и т. п. и 2) относительно религии, свободы вероисповедания и т. д. Особенное внимание нужно обратить на книжную торговлю, ибо можно надеяться посредством ее добыть деньги, на которые можно будет потом содержать миссии.

Один из присутствующих, гофрат Ахенбах, спросил, имеет ли академия в своем распоряжении какую-нибудь сумму, чтобы основать в Москве и поддерживать такую книжную торговлю. Гейнекий указал на большой интерес царевича к книжному делу (*Büchergewesen*). Однажды царевич спросил тайного советника Гюйсена, каким образом книгопечатание и книжная торговля в такое короткое время достигли такого значительного развития в Европе. Тот отвечал ему, что Стефаны, Мануции, Плантины и другие ученые сами имели свои типографии и содействовали успехам книгопечатания столько же своей ученостью, сколько своим прилежанием. Царевич потребовал тогда, чтобы Гюйссен нашел ему какого-нибудь Стефана, который мог бы устроить то же самое в Москве. Поэтому имелось в виду, чтобы пастор, который должен был сопровождать принцессу, принял бы в свое попечение и типографское дело. Царевич указал на Гейнекия, чтобы тот составил для него катехизис согласно с учением православной церкви; но Гюйссен заметил ему на это, что в таком случае составителю

пришлось бы содействовать распространению учения, которое он считает ложным. Иное дело перевод, который делается с целью не поучения, а повествования.

Конректор Фриш рассказал по этому поводу, что по просьбе нескольких знакомых русских он перевел краткий катехизис Лютера, но потом узнал, что уже прежде существовал такой перевод на хорошем славянском языке, вышедший в Швеции. Он слышал, однако, что этот перевод не принят русскими. После того он читал их символическую книгу, или, как она у них называется, «Истинную веру», и извлек из нее катехизис, который и послал к Фричу в Лейпциг, но до сих пор не может получить от него обратно. Фриш убедился из многих опытов, что русские чрезвычайно склонны к светским наукам, особенно к математике и истории, и ими очень увлекаются, но в вопросах религии и веры очень щекотливы и не любят, чтоб их касались.

Гейнекий заметил, что в Галле находятся ради занятий два молодых человека, сыновья князя *Бусси* (И. А. Мусин-Пушкин), управляющего церковными делами во всей России. Нельзя ли, спрашивал Гейнекий, сделать что-нибудь через них и их отца?

Фриш рассказал, что он сделал секретарю русского посла Головкина предложение прислать русские книги в обмен на немецкие. Фриш при этом выразил надежду, что в Германии найдется достаточно любознательных людей, чтобы можно было сбыть им эти книги и таким образом выручить маленькую сумму. Он рассказал далее, что до сих пор в России книжным языком был язык славянский, который для простолюдина не более понятен, чем *Hochdeutsch** в Нижней Саксонии. Но царь повелел теперь употреблять для книг простой русский язык.

Архидьякон Рауе просил присутствующих обратить внимание на то, что, может быть, царь считает научное и книжное дело государственной монополией (*arsanum politicum*) и не желает выпускать его из своих рук, для того чтобы образование не слишком распространилось и не сделалось причиной волнений и мятежей. В таком случае лица, предлагающие средства к распространению наук и искусств, не были бы ему очень приятны.

Фриш возразил на это, что, наоборот, царь, очевидно, всеми способами содействует образованию; он учредил типографии в Москве и Киеве и ввел в литературу общедоступный язык. Против же мятежей царь придумал два отличных средства: он не заметил должность патриарха и уничтожил стрельцов. Царевич лю-

* Здесь: верхненемецкий (нем.). — Прим. пер.

бит науку еще более, чем его отец, и в свое время будет ей покровительствовать не меньше Петра.

Ахенбах снова возвратился к вопросу о катехизисе и предложил составить его как можно короче, ввести в него основные догматы православной веры, подтвердить их как можно более текстами и опустить всякую полемику. Таким образом, книжка выйдет небольшая, и, может быть, удастся выхлопотать, чтобы король дал деньги на печатание, перевод же мог бы сделать Фриш. Фриш стал отказываться и говорить, что он не довольно знает русский язык. Он давно желал, чтобы царь выслал человека, хорошо знающего русский язык, который мог бы преподавать его. По его мнению, в Германии нашлось бы столько охотников, что содержание этого человека было бы обеспечено, и он, Фриш, сам готов содействовать тому не меньше других. Если бы удалось выхлопотать у царя присылку такого человека, то ему можно было бы поручить перевод, а он, Фриш, готов проверить его. Но он должен еще раз напомнить, как щекотлива Россия относительно религии, а потому не думает, чтобы такое предприятие могло иметь успех в России или даже вызвать благодарность со стороны русских.

Архидьякон Рауе предложил после этого — так как все дело в том, чтобы приобрести в Москве точку опоры, — основать там школу или гимназию, которая зависела бы от академии и преподаватели которой набирались бы в Берлине. Эта школа, сохраняя свою связь с Берлинской академией, могла бы служить средством завести книжную торговлю и даже по возможности содействовать миссионерскому делу. Что касается жалованья, то, вероятно, на месте нашлись бы нужные для этого средства.

Фриш нашел, что это дело не невозможное; уже семь лет тому назад шла речь о такой школе, и ему предлагали тогда директорство дворянского лицея (*Ritteracademie*), который имелось в виду учредить в Москве с жалованьем в 12 тысяч талеров. Из этой суммы он должен был содержать остальных профессоров, а также учителей фехтования и танцев (*Exercitationmeister*). У него тогда не было охоты к этому делу, но если бы предложение было возобновлено, то, по его мнению, легко было бы выхлопотать прежние условия.

Гейнекий посоветовал, каковы бы ни были решения Академии, снестись с Вольфенбюттельским двором и через его ходатайство проложить себе путь к царскому двору. Гейнекий намерен сам немедленно отправиться туда и предлагает свои услуги.

После этого состоялось решение Академии написать герцогу Людвигу-Рудольфу и просить у него рекомендательного письма

к царевичу, а также написать к президенту Академии (Лейбницу), чтобы он принял участие в этом деле. Но президент Академии был, как кажется, не совсем доволен рвением, которое обнаружили его ученые товарищи. Ему хотелось, чтобы они скорее составили инструкцию для наблюдений над магнитной стрелкой, и он боялся, чтобы они своим неуместным рвением и намерением действовать через герцога Бланкенбургского и царевича не возбудили неудовольствие царя и не повредили бы его собственным планам.

В декабре Лейбниц получил протокол заседания и письмо от Гейнекия, которому не удалось лично побывать в Ганновере. В кратком ответе Лейбница Гейнекию проявляется сдержанное неудовольствие. Упомянув о своих собственных стараниях заинтересовать царя в успехе наук, он говорит, что недостойно ни такого государя, ни Королевской Академии заявлять свое рвение пустыми словами и бесплодными мнениями (*ignava, quia philosopha sententia*): «В увещеваниях и советах, как я заметил, этот государь не нуждается».

Еще подробнее Лейбниц излагает свое мнение в ответном письме Академии. Он радуется тому, что Академия заботится о содействии науке и миссионерству в России и Китае.

Я уже давно об этом говорил королю, и по моему предложению относящаяся сюда статья внесена в инструкцию Академии. И после того я по возможности содействовал этому делу; так, я завел сношения с неким Копиевичем, которого потом действительно употребляли в Москве для научных целей; впоследствии едва не состоялась по повелению его величества посылка Любенецкого в Москву. Я всегда настаивал, чтобы для этой цели был избран какой-нибудь молодой человек, знающий один из славянских языков, и основательно обучен практической математике.

Одобрив постановление Академии действовать через тестя царевича, Лейбниц заметил, что он совершенно согласен с теми, которые заявили в собрании, что отнюдь не следует в обсуждаемые предположения вмешивать религию, ибо в этом отношении не только русские вообще, но царевич в особенности, щекотливы. После этих вежливых оборотов Лейбниц приступает к самому делу и замечает, что если бы у Академии были средства издавать славянские книги и посылать в Россию людей для научных наблюдений, то она со временем не только выручила бы с барышом затраченные ею суммы, но могла бы рассчитывать на покровительство царя. Но являться перед царем от имени Королевской Академии с пустыми словами и предложениями, в которых там нет недостатка, было бы не только бесполезно, но и бесславно. Рассказав потом

о результате своей поездки в Торгау и о том, что царь особенно заинтересовался наблюдениями над склонением магнитной стрелки, Лейбниц настойчиво повторил свое требование, чтобы Академия составила инструкцию для этих наблюдений.

Если бы, — продолжал он, — Академия прискала человека, практически знающего математические науки, и, приучив его к магнитным и астрономическим наблюдениям, захотела бы послать его от своего имени в Россию, то я взял бы на себя доставить ему средства к существованию и всякое содействие его целям, а также и планам Академии. Это могло бы послужить началом для больших результатов, ибо его величество, вероятно, присоединил бы к нему несколько других лиц, и таким образом можно было бы составить ученое общество (*collegium*), которое находилось бы в сношениях с Академией.

Не получив ответа на свои письма к Брюсу и к Гюйссену, Лейбниц в середине января сделал новую попытку заинтересовать Русский двор в своих планах. На этот раз он решился обратиться с письмом прямо к царю. Письмо это было следующего содержания.

После того как Ваше Царское Величество соизволили дать мне понять в Торгау, что мои скромные предложения удостоились Вашего внимания, я не преминул изготовить магнитный глобус, доселе еще небывалый и бросающий новый свет на мореплавание. Если бы каждые 10 лет производились новые наблюдения над магнитными стрелками и по ним изготовлялись новые глобусы для употребления мореплавателей, то мы имели бы орудие, которое могло бы на срок десяти, например, лет служить к определению долготы (того, что голландцы называют *Ost und West*); по истечении же этого срока можно было бы возобновлять глобус до тех пор, пока придумали бы что-нибудь более постоянное. Но так как магнитная стрелка уклоняется не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении и так как чрезвычайно необходимо, чтобы и эти уклонения подвергались наблюдениям, то я придумал особый снаряд для этой цели и очень желал бы, чтобы в обширном царстве Вашего Величества производились в разное время и в разных местах наблюдения над уклонениями обоого свойства, так как это было бы очень полезно для мореплавания. Я ожидаю обещанного мне от имени Вашего Величества всемилостивейшего приказа, а в остальном ссылаюсь на представленное мной в Торгау письменное предложение, полагая, что, несмотря на тяжелую военную пору, Ваше Величество могли бы, с помощью надлежащих распоряжений, выиграть время (самый дорогой из всех предметов, дарованных нам Богом) и без больших издержек сделать в непродолжительный срок очень много для поощрения и распространения наук и искусств. Прилагаю при сем извлечение из китайских писем, из которых видно, что и там заботятся о развитии наук, так что и в этом отношении Ваше Величество могли бы соединить Китай с Европой.

Надеюсь также, что Ваше Величество милостиво примете мое рвение к этой великой цели и к Вашей службе, ибо я, с сожалением узнав

о смерти лейб-медика Донелли, осмеливаюсь сделать всеподданнейшее предложение. Если Ваше Величество желаете заместить его должность другим, я мог бы указать на лицо, сведущее в естественных науках и потому очень способное к разработке науки. От души желаю, чтобы Ваше Величество нуждались в таком человеке не для себя и не для августейшего семейства, а для других, и не столько для медицины, сколько для науки, и в продолжение многих лет.

Черновая этого письма сохранилась в бумагах Лейбница в двух экземплярах. Один четко написан на листе большого формата, в виде письма, с обращением и подписью. Другой экземпляр с пометками заключает в себе обширную приписку следующего содержания.

Всемиловнейший государь! Г. барон фон Урбих, вероятно, донес в свое время Вашему Величеству, и вы соблагovolите вспомнить, что сношения между вашим величеством и Ганноверским двором начаты мной и что я положил основание, на котором утвердился потом князь Куракин и заключил известный договор. Хотя мне и часто приходилось действовать на политическом и юридическом поприщах, и знатные государи иногда в этих вопросах пользуются моими советами, я все-таки предпочитаю науки и искусства, так как они постоянно содействуют к славе Господней и к благосостоянию всего рода человеческого, ибо в науках и в познании природы и искусств всего более обнаруживаются чудеса Господни, Его могущество, мудрость и милость; науки и искусства составляют настоящее сокровище человеческого рода, ибо посредством их искусство превозмогает природу и цивилизованные народы отличаются от варварских. Поэтому я с малолетства любил науки, занимался ими и имел счастье, несмотря на многие отвлекающие занятия, сделать разные очень важные открытия, восхваленные в печати беспристрастными и знаменитыми людьми. Я не находил только могущественного государя, который достаточно интересовался бы этим. Надеюсь, что нашел такового в Вашем Величестве, ибо вы можете легко и почти без хлопот и издержек сделать в Вашем обширном государстве самые лучшие распоряжения и обнаруживаете готовность к этому. Эти великодушные намерения Вашего Величества могут способствовать благосостоянию бесчисленного множества людей не только в современном, но и в грядущих поколениях, оказать большую пользу всему человеческому роду, особенно же русским и всем другим славянским народам, и сделать у них гораздо больше, чем Фу Си у китайцев, Гермес у египтян, Зердуст в Средней Азии, Ирмин у южных германцев, Один у северных германцев, Алманзор у сарацин. Провидение, по-видимому, хочет, чтобы наука обошла кругом весь земной шар и теперь перешла в Скифию, и потому избрало Ваше Величество орудием, так как вы можете, с одной стороны, из Европы и, с другой — из Азии взять лучшее и усовершенствовать надлежащими мерами то, что сделано в обеих частях света; ибо в Вашем государстве все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги, а потому можно избежать многих ошибок, которые вкратце

в Европе постепенно и незаметно. Известно, что дворец, строящийся вновь, выходит лучше, чем тот, который строился веками и часто подвигался исправлениям и изменениям.

Для этого нового и великого здания, правда, необходимы библиотеки, музеи или кунсткамера, мастерские для моделей и произведений, химические лаборатории и астрономические обсерватории, но все это нужно не за раз и может быть приготавливаемо исподволь; насчет же того, как устроить самое полезное скоро и без больших издержек, я мог бы представить особенные предложения. *Всего более необходимо достать людей, годных для этой великой цели, которые могли бы поселиться в государстве Вашего Величества и добросовестно обучать молодых людей.* Так как съестные припасы в России дешевы, то не понадобится много денег для тех, кто захочет туда переселиться. Я сочту за величайшую честь, удовольствие и славу, если буду в состоянии послужить Вашему Величеству в деле, столь похвальном и богоугодном; ибо я не из тех, которые пристрастны к своему отечеству или к какому-нибудь народу, я имею в виду пользу всего человеческого рода, ибо считаю небо своим отечеством и всех благонамеренных людей его гражданами, и мне приятнее принести много пользы у русских, чем мало пользы у немцев или других европейцев, хотя бы я пользовался у них великими почестями, богатством и спокойствием, но при этом не был бы в состоянии оказывать пользу другим. *Мой интерес и моя симпатия направлены на общее благо.* Для этой цели я уже давно завел обширную переписку в Европе и в самом Китае и не только с давних пор состою членом Французской и Английской академий, но руковожу в качестве председателя Королевской Прусской академией, которая всеми способами будет стараться содействовать высоким намерениям Вашего Величества и уже выразила свою готовность к этому в письме к его светлости герцогу Людвигу-Рудольфу. Эту Академию король основал в Берлине по моему предложению, и я дал ей такое устройство, что ее содержание почти ничего не стоит королю. Но гораздо лучше могла бы быть устроена не только такая академия, но и многое другое в государстве Вашего Величества, и молва таким образом могла бы осуществиться на деле.

Вместе с этим письмом Лейбниц отправил два письма к Брюсу и к канцлеру Головкину. В этих письмах он повторяет иными словами то, что было им высказано в письме к царю, и просит Брюса и Головкина хлопотать о том, чтобы были исполнены обещания, сделанные ему в Торгау. Все эти письма были отправлены Лейбницем в Берлин к тамошнему русскому послу Головкину-сыну, с просьбой отправить их в Россию¹.

¹ Письмо к Брюсу было напечатано Гурауером в его «Leibniz's Deutsche Schriften», но с обозначением: an den Feldzeugmeister Lesczinsky. Эта ошибка перешла и в биографию Лейбница, составленную Гурауером. Гурауеру, вероятно, попался между бумагами Лейбница другой экземпляр письма к Брюсу, на котором не обозначено имени последнего. Но как произошла ошибка Гурауера, непонятно. Такого фельдцейхмейстера никогда не было в русской службе.

Отправив свои письма, Лейбниц узнал из газет, что Брюса нет при дворе и что он поэтому не может хлопотать там в его пользу. Но в это самое время Лейбницу представился другой случай напомнить о себе Русскому двору. В конце января 1712 г. в Ганновер приехал из Вены Урбих, с которым Лейбниц около года не переписывался. Лейбниц в это время страдал открывшимися на его теле ранами и не мог выходить из дому. Урбих навестил его и тут попросил его составить для Русского двора краткую записку о происхождении славян. Урбиху уже давно было поручено русским правительством собирать разные сведения и сочинения о языке и происхождении славянских народов. В своей реляции от 4 ноября 1711 г. Урбих писал Головкину, что «дал некоторым своим друзьями в Богемии поручение приискать несколько книг о происхождении славян, богемцев и других народов»¹. Но старания Урбиха не привели его к цели, и он был очень рад, когда Лейбниц взял на себя труд составить для него краткую записку. Лейбниц прислал ее с письмом, в котором просил напомнить царю или «его канцелярии» о том, что было условлено в Торгау. Лейбниц присовокупил к этому просьбу выслать ему «одну из самых старинных русских книг», «Патерик», которая даст ему возможность лучше судить о русских древностях. 5 марта Урбих отправил ко двору письмо и записку Лейбница со следующим письмом к Головкину².

Данное мне поручение относительно происхождения славян и их языков, а также и языка других родственных народов я старался исполнить и поручил разным ученым в Праге собрать для меня относящиеся сюда сочинения. В Саксонии я также об этом старался и в одной библиотеке нашел две книги, которые сообщают некоторые сведения; одна: *Abraham Francely. De originibus linguae Sorabicae*, напечатанная в Бауцене, откуда я ее выписываю; другая: *Claude Duret. Trésor de l'histoire des langues de cet univers. Yverdun, 1619*. Эта книга очень редка, и я не знаю, можно ли ее достать. Но в этом отношении никто не может нам помочь лучше, чем тайный советник Лейбниц, в Ганновере, который по своей глубокой учености, особенно в истории и древностях, никогда не имел и не будет иметь себе подобных, тем более что он прославился и в математических науках. Уже несколько лет тому назад я его предлагал его царскому величеству для введения наук в Москве, и потеря поисти-

Письмо к Головкину сохранилось в двух черновых, из коих одна на немецком, другая — на французском языке. Гурауер напечатал немецкий экземпляр, но нам кажется, что Лейбниц отправил письмо на французском языке; он объясняет в письме к Головкину, что пишет ему по-французски, так как этот язык хорошо известен его сыну в Берлине, через которого было отправлено письмо.

¹ Реляция Урбиха в Московском архиве Министерства иностранных дел.

² Там же.

не будет не вознаградима, если он, человек уже пожилой, умрет, прежде чем в России воспользуются его услугами. Как он мне рассказывал в Ганновере, его величество сам говорил с ним в Торгау, был очень им доволен и обещал через г. генерала Брюса пенсию, как кажется, в 500 руб. К нему именно я обратился с моей просьбой, и он прислал мне, перед моим отъездом, прилагаемые при сем две записки. Это предварительное изложение составлено им вкратце, но так хорошо, что я не сомневаюсь, оно доставит его величеству большое удовольствие. Если б ему послать некоторые пособия, особенно русскую книгу, называемую «Патерик», он мог бы сделать многое и основательно объяснить вопрос о русских древностях, ибо такие занятия соответствуют его вкусу.

Вот и самое «предварительное изложение» (Vorläufiger Bericht) Лейбница.

Происхождение и древность славянских племен я исследовал уже довольно давно и нахожу, что есть два средства к тому: язык, на котором говорят эти племена, и древние свидетельства истории о них. По языку можно заключить, что весь север, насколько он нам известен, распадается на четыре главных племени: татарское, сарматское, финское и немецкое. Под татарами я разумею монголов, калмыков, жителей древней Турции, Туркестана или Бухары, древних куманов и др. Под сарматами я разумею все славянские племена, которых древние называли сарматами, прежде чем было известно название славян, или славов. В древнейшее время они распространялись от Волги и от Оби почти до Вислы. Под финнами я разумею лапонцев, которых древние называли скритофиннами¹, и другие народы того же происхождения, живущие к северу. Наконец, немцы населили своими колониями Швецию, Норвегию и Данию, ибо язык этих народов на самом деле есть наречие немецкого языка.

Откуда вышли эти народы и особенно славянские племена — история не в состоянии определить, и трудно сказать, как произвести их от потомков Ноя. Ученые много об этом думали, но я не хочу останавливаться на слишком недостоверных предположениях.

Гомер, самый древний языческий писатель, которого мы имеем, упоминает о киммерянах, живших при Черном море. Геродот говорит о скифах, сарматах, или савроматах, исседонах и аримаспах и других народах. Относительно местожительства их можно заметить многое, что, может быть, послужило бы к объяснению происхождения славян и о чем мы подробнее скажем в другом месте. Во времена римлян проливается больший свет, и мы узнаем, что уже тогда сарматы граничили с немцами и далеко распространялись в Азии, как видно из Тацита, Птолея и др. Часть немецкого племени с Балтийского моря или Пруссии (где во времена Тацита жили готы) проникла через землю вандов (или антов) и Польшу к Черному морю и поселилась между Днепром,

¹ О скритофиннах (Scritofinni) упоминает Прокопий (De bello Goth.). Павел Дьякон называет их скритобинами. Рейхард полагает, что это то же племя, которое Иорнанд называет Serfennae, и что оно жило в Швеции в окрестностях озера Веттера.

Днестром и Дунаем; но вскоре после Константина Великого они были изгнаны гуннами и принуждены переправиться через Дунай и проникнуть в Римскую империю, после чего вестготы вторгнулись во Францию и Испанию, а остготы — в Италию. Могущество гуннов достигло высшего процветания при Аттиле, который подчинил своей власти почти все пространство от Каспийского моря до Рейна, и из рассказов Приска, жившего при его дворе с Константинопольским посольством, видно, то Аттила был вовсе не дикий, но очень благоразумный властелин.

Что гунны были сарматским, или, как теперь говорят, славянским, народом, тому есть много доказательств. 1. Они перешли к Днепру, через Дон и, следовательно, жили собственно в великой России. 2. И теперь еще из славянского языка видно, что название гунны (Huni), или, как пишут некоторые древние писатели, хуны (Chuni), означает конного человека, и известно, что сарматы и гунны всегда были на конях. 3. Приск рассказывает, что при дворе Аттилы говорили только на двух языках: по-готски (т. е. по-немецки) и по-гуннски. Если же гуннский язык не славянский, не один и тот же с ним, то, без сомнения, там приходилось бы слышать и славянскую речь, ибо Аттила был в то время окружен славянскими народами. 4. У древних писателей встречается несколько слов, которые считаются гуннскими и хорошо объясняются из славянского языка. 5. Гунны, которые остались в Паннонии после Аттилы и усмирены только Карлом Великим, были славянского происхождения, так как Мефодий, который, без сомнения, говорил по-славянски, был епископом Паннонии, и почти вся верхняя Венгрия, а также и большая часть нижней Венгрии еще теперь говорят по-славянски; ибо после вторжения венгров, при императоре Арнульфе и его сыне (венгры же совершенно иного происхождения) и вышли из глубины Монголии, там осталась большая часть туземцев, сохранившая славянский язык.

После готов и гуннов начали распространяться по Европе так называемые слабины, или славяне, во времена императора Юстиниана и позднее. Они вышли из Польши и России, заняли страны между Эльбой и Балтийским морем, по большей части оставленные немцами, а также Богемию и Моравию и распространились по Кроации, Далмации, Славонии и Штирии до Адриатического моря; хазаров также нужно причислить к славянским народам. Наконец, и болгары, вышедшие с Волги, принадлежат к славянским племенам, ибо в Болгарии, между Сербией и Фракией, не только теперь употребляется славянский язык, но и от древних болгар сохранилось несколько слов, например *Богомила*. Это были известные еретики, прозванные так болгарами, потому что постоянно произносили слова «помилуй, Бог».

Наконец в IX в. по Р. Х. приобрели известность русские, вероятно, древние роксоланы, которые были так могущественны, что даже осаждали Константинополь. Чтобы лучше судить о их древнейшей истории, было бы хорошо иметь старинную книгу их, называющуюся «Патерик», и другие памятники.

Вышеприведенная реляция Урбиха была последней попыткой его покровительствовать планам Лейбница. Его место занимает

теперь для Лейбница другой дипломат русской службы, Шлейниц. Переписка Лейбница с Шлейницем заменяет для нас прежнюю переписку его с Урбихом и служит важным источником для объяснения его планов. Лейбниц был давно знаком с Шлейницем, еще когда тот был министром (*ministre d'état*) у герцога Саксен-Готского. Он переписывался тогда с Шлейницем по поводу соединения протестантских церквей, как видно из сохранившихся в его бумагах двух писем его от 1705 г. и ответов Шлейница. Еще ближе познакомились они, когда последний перешел на службу к Вольфенбюттельскому двору и принял участие в переговорах о браке царевича с Софьей-Шарлоттой. Следствием этого было назначение Шлейница русским посланником в Ганновер, где он имел случай еще ближе сойтись с Лейбницем. Их соединяли общие интересы. Для Шлейница было удобно поддерживать сношения с человеком, чрезвычайно близким ко двору; как видно из писем Шлейница к Лейбницу, первый старался узнавать через второго разные новости и сведения о Ганноверском дворе, особенно когда сам находился в разъездах. С другой стороны, Лейбниц надеялся дать через него ход своим политическим и научным проектам относительно России. Лейбниц все еще лелеял надежду на привлечение северных союзников к коалиции против Франции.

Вмешательство северных союзников никогда еще не было так необходимо. Торийское министерство Англии совершенно явно сносилось с правительством Людовика XIV и грозило своим союзникам заключением отдельного мира с Францией. С января 1712 г. в Утрехте заседал конгресс; но настоящие переговоры о мире велись в это время в Париже английским министром Сент-Джоном. Мальборо лишился командования, и главное начальство над английским войском в Бельгии было поручено якобиту Ормонду, который еще до заключения перемирия увел свои войска в виду неприятеля из позиции, занимаемой союзными войсками, и этим дал французам возможность напасть 24 июля при Денене на один из отрядов Евгения Савойского и нанести ему значительный урон. Нравственное впечатление, произведенное этим поражением при Денене, имело для союзников еще более вредные последствия, чем материальный урон. Испуганные успехом французов, голландцы стали сговорчивее относительно мира. Только новая неожиданная помощь могла поправить дела императора, и только северные союзники могли оказать ему эту помощь. В это-то самое время, согласно уговору между северными союзниками, по которому русские и саксонцы должны были в течение лета 1712 г. взять шведские крепости в Померании, а датчане завоевать провинции

Бремен и Верден, 31 июля, датское войско перешло через Эльбу и начало осаду крепости Штаде¹. Весь гарнизон этой крепости состоял из 1000 человек, помощи было ждать неоткуда, и поэтому легко было предвидеть, что крепость сдастся в самое непродолжительное время. После этого многочисленному датскому войску на левом берегу Эльбы нечего было бы делать. При этих обстоятельствах у приверженцев антифранцузской коалиции легко могло явиться желание, чтобы это датское войско продолжало свой путь на запад и присоединилось к датскому отряду, сражавшемуся во Фландрии под командой Евгения Савойского. Если бы по взятии Штаде датчане немедленно двинулись в Бельгию, они пришли бы еще вовремя, чтобы пополнить убыль, происшедшую в союзной армии от удаления английских войск, и дать ей возможность перейти к наступательным действиям.

Предположения подобного свойства составляют содержание одной записки, написанной в это время Лейбницем². Из нее видно, что он сообщил свой план Шлейници и что тот одобрил его. Они условились, что Лейбниц должен узнать, как этот план будет принят Ганноверским правительством, а Шлейниц между тем постарается расположить в его пользу царя, главного из северных союзников. План заключался в том, чтобы тотчас по взятии Штаде датское войско двинулось в Голландию, чтобы ободрить голландцев и отклонить их от поспешного мира с Францией, невыгодного для императора. Войско это должно было содержаться на счет голландцев; но Лейбниц советовал не требовать от них слишком обременительных условий, так как поход совершался также в интересах Северного союза, ибо заключение мира между морскими державами и Францией привело бы к немедленному вмешательству Франции и Англии в Северную войну и к восстановлению Швеции. Вследствие этого Лейбниц советовал, чтобы часть издержек была разделена между Россией, Саксонией и Данией и чтобы царь присоединил к датскому войску отряд русских войск. Советы Лейбница были очень своевременны. Русское правительство само было озабочено сближением между Францией и Англией и предлагало свою помощь Голландии и императору. Еще весной 1712 г. Куракин писал из Голландии, что «не надобно упускать времени заключить с Штатами хотя оборонительный союз и свой кредит устано-

¹ *A. Hojer. König Friedrich's d. IV Leben. 1829. S. 227.*

² Время, когда была составлена записка, определяется тем, что в ней говорится об ожидаемой сдаче крепости Штаде. Датчане 31 июля перешли через Эльбу, 20 августа повели траншеи против Штаде, а 6 сентября эта крепость сдалась.

вить». На это Головкин приказал ему «объявить Штатам и цесарским министрам, что в случае продолжения войны их с Францией царь готов помочь им войском от 10 до 15 тысяч человек и больше за обычные субсидии и даже без субсидий, только на их содержания и жалованье»¹.

Предсказания Лейбница относительно сближения Франции и Англии также сбылись. Уже через несколько месяцев после этого Матвеев писал, что Франция и Англия, сближаясь друг с другом, сближаются и с Швецией. Несмотря, однако, на это, диверсия в пользу бельгийской армии со стороны северных союзников едва ли была возможна. Вследствие несогласия дела их шли плохо в Померании. При Датском дворе происходили интриги в пользу мира, из Копенгагена не присылали обещанной артиллерии, необходимой для взятия Штральзунда и Штеттина. Чтобы устранить всякие недоразумения и внести больше единства в военные действия союзников, царь летом 1712 г. сам отправился в Померанию.

Приезд Петра в Германию снова оживил все надежды Лейбница. В августе Шлейниц получил приказание приехать к царю в Грейфсвальд. Лейбниц воспользовался его поездкой, чтобы дать ему разные поручения к Русскому двору. Об этих поручениях мы узнаем из записки, или «рготетога», которой Лейбниц снабдил посла и которая сохранилась в Московском архиве².

Лейбниц послал также с Шлейницем записку, которую он прежде хотел доставить царю через князя Куракина, и потому написал ее на французском языке. Он просил Шлейница перевести ее при дворе на русский язык и передать перевод в собственные руки царя³. В этой записке Лейбниц повторяет прежний свой совет — не упускать времени и приступить к введению наук, не дожидаясь окончания войны. Упомянув еще раз о том, что можно сделать

¹ См.: Соловьев. История России. Т. XVII. С. 4.

² Записка та напечатана Поссельтом (см. его соч. *Leibniz und Peter der Grosse*. N IV. S. 218). В ней не упоминается имя Шлейница, но легко догадаться, для кого она предназначена и к какому времени относится. Вероятно, она была написана Лейбницем с тем, чтобы Шлейниц мог передать ее Брюсу или самому царю, и таким образом она вместе с другими проектами Лейбница попала в наш архив. На обороте ее обозначено: «Проект Лейбн. перевод. поданный от Куракина». Имя Куракина показано, вероятно, по ошибке, только потому, что оно упоминается в начале записки. Сама же записка, как видно из ее содержания, предназначалась для Шлейница. В ней упоминается о фортификационном снаряде, который Шлейниц лично передал царю.

³ Эта записка, написанная рукой не Лейбница, хранится в Московском архиве (у Поссельта напечатана под № III, с. 216) вместе с переводом. На обороте ее обозначено: Переведено в Грейфсвальде 9 сентября 1712 г.

многое с небольшими средствами, он предлагает свои услуги для составления общего плана, если ему дадут возможность ближе познакомиться с положением дел в России и с намерениями царя.

Я скажу только, — заключает он свою записку, — что Москва, как столица, Астрахань, Киев и Петербург заслуживают особенного внимания относительно учреждения в них университетов, академий, школ и всего, что к этому относится; но особенно важно принять вообще хорошие меры для воспитания юношества и позаботиться о предотвращении злоупотреблений, которые вкрались в большинство университетов, ученых обществ и школ Европы.

Лейбниц просил Шлейница в своей промемории присовокупить к этому, что в важном и обширном деле лучше всего составить предварительно общий план, чтобы потом со временем осуществить его по частям, постепенно и при благоприятных условиях, подобно тому как при постройке большого здания начертывают точный план его, прежде чем приступают к самой постройке.

Кроме этого общего плана Лейбниц предлагал составить для Петра «Обзор тайной истории нашего времени» за несколько лет, который был бы полезен при делах, а также «Сборник (Керн) лучших правительственных правил», на основании народных пословиц, замечательных изречений славных государей, великих людей и примеров из жизни героев. Кроме того, Лейбниц изъявлял свою готовность лично обо всем доложить царю, если бы он пожелал подробнее расспросить его о мерах для водворения наук. Лейбниц прислал также Петру какой-то снаряд, полезный для фортификации, изобретенный одним из его друзей. Посредством этого снаряда можно было быстро набрасывать план не только правильных, но и неправильных крепостей, достаточно защищенных. Он предлагал свои услуги, чтобы в отсутствие посланника сообщать из Ганновера всякие нужные сведения, подобно тому как он делал это по желанию Урбиха. До Лейбница дошли слухи, что царь намерен основать в Петербурге несколько научных учреждений, и потому он просил сообщить ему верные сведения об этом, а также прислать ему славянский лексикон и грамматику. Он просил Шлейница передать поклон Урбиху, который не писал ему, получил ли он статью о славянских древностях, а также Брюсу и Гюйсену, которым он писал после свидания в Торгау и от которых также не получил ответа. Лейбниц выражал надежду, что последние два лица позаботятся теперь об исполнении царского приказа, не состоявшегося в Торгау, как они говорили, по недостатку времени. В заключение Лейбниц просил напомнить о нем Головкину, ко-

тому он писал зимой, и рекомендовать его светлейшему князю Меншикову (*obschohn unbekand*).

Еще прежде, чем Лейбниц узнал о результате своих поручений, он получил письмо от Брюса из Грейфсвальда от 30 августа старого стиля. Брюс писал ему, что, как ему помнится, Лейбниц в Торгау настаивал особенно на двух вещах: на наблюдениях за склонением магнитной стрелки в Петербурге и на присылке лингвистических образцов из России.

Так как я с тех пор, — писал Брюс, — не был ни в России, ни при дворе, то не мог помочь вам в этом деле. Теперь его царское величество сам позволил выразить желание, чтобы ваша просьба была исполнена. Поэтому я прошу вас еще раз подробно изложить то, что вы желаете узнать, для того чтобы можно было сделать все нужные распоряжения.

В ответ на это письмо Брюса Лейбниц послал ему 23 сентября нового стиля, вместе с письмом, подробный мемуар о языках и о склонении магнитной стрелки. Указав, каким способом следует собирать образцы наречий, он подробно изложил свой взгляд на этнографию северо-восточной Европы и Азии, подобно тому как он это сделал для Урбиха в приведенной нами записке.

Когда мы будем иметь достаточные сведения о всех языках северных народов, — писал Лейбниц, — тогда не только сделается известным, к какому племени — татарскому, турецкому, славянскому, германскому или финскому — принадлежит каждый народ, но и каким образом один народ проник среди других и когда происходили эти переселения народов. Это будет самым лучшим способом исследовать русские древности. Кроме того, будет видно, в каких местах лучше всего изготовить катехизисы и другие духовные книги, а также грамматики, лексиконы и другие сочинения на том или другом из главных языков для обращения и образования народов и для воспитания детей, что составляет одно из полезнейших и славнейших дел, возможных для великого монарха. И так как забота о распространении благочестия и религии, а следовательно добродетели и образования, между дикими народами, которые повинуются русским, без сомнения, составляет одну из главных целей его царского величества — ибо этот государь лучше других понимает, как это важно и что для этого необходимо, а кроме того, имеет более возможности и средств к исполнению этого, чем все другие государи, — то он в своей высокой мудрости признает заботу о языках ступенью к достижению этой цели и обратит на них свое внимание. Царь уже положил доброе начало к распространению христианской веры, и я слышал, что в Сибири и других местах многие язычники уже обратились в христианство. Кроме того, христианская религия уже глубоко проникла в Китай не только со стороны моря посредством римских миссионеров, но и со стороны Сибири с помощью русских, ибо я слышал, что русские, взятые в плен в последнюю войну китайцами, свободно исповедуют христианство; я узнал также недавно из одного

письма, что китайский богдыхан или наследник его престола потребовали у иезуитов объяснения нескольких образов, занесенных в Китай русскими, может быть, с каким-нибудь из царских посольств. Относительно языков я хочу только заметить, что, может быть, было бы всего лучше повелеть правительству, оставленному в Москве, а также правителям провинций, особыми предписаниями собрать через сведущих людей упомянутые образцы языков, ибо в таком большом городе, как Москва, вероятно, найдутся люди всех племен. Таким образом можно было бы сравнить образцы, собранные в столице, с теми, которые будут присланы из провинций, и одно послужило бы к подтверждению, исправлению и пополнению другого.

Переходя потом ко второму пункту, Лейбниц объясняет важность магнитной стрелки для определения географической долготы. Определить долготу на суше легко посредством затмений Луны или спутников Юпитера; но на море эти средства недостаточны. Затмения не происходят тогда, когда в них нуждаешься, а спутников Юпитера можно наблюдать только посредством оптических инструментов, неудобных на корабле. Прежде определяли долготу с помощью хода корабля, но это средство очень обманчиво. Потом, когда были изобретены часы с маятником, их стали употреблять не без пользы на кораблях. Но от движения корабля часы часто останавливаются и утрачивают правильность хода. Вследствие этого многие уже давно задумали воспользоваться склонениями магнитной стрелки от меридиана, которые бывают различны в разных местах. Но на беду скоро заметили, что эти склонения не постоянны. Прежде полагали, что эти изменения происходят от неправильных магнитных жил под поверхностью земного шара, но при более точном исследовании оказалось, что эти изменения должны быть вызваны какой-нибудь правильной причиной, ибо они происходят не внезапно, а постепенно, как видно из больших путешествий, совершенных голландцами, англичанами и французами.

Это подало мне мысль, — продолжает Лейбниц, — что наблюдения за склонением магнитной стрелки могли бы временно заменить другой, более правильный способ определения долготы, если бы они возобновлялись каждые 10 или 12 лет.

Лейбниц упоминает о магнитном глобусе, им заказанном, на котором видно, как различно выются магнитные меридианы.

Если бы, — говорит он, — мы стали возобновлять такие глобусы и сравнивать их между собой, то мы могли бы мало-помалу найти самый закон склонений. В Западной Европе и по берегам Азии, Африки и Америки, которые посещались европейцами, везде производились наблюдения над магнитной стрелкой. Но на севере, где они могут быть осо-

бенно полезны, таких наблюдений сделано очень мало. И так как царю подвластен почти весь север земного шара от Финляндии до китайской границы, то он может лучше других восполнить этот недостаток.

Затем Лейбниц советует учредить в разных приморских и внутренних городах Русской империи станции для наблюдений, и если не найдется достаточного числа людей, годных для этого, то поручить все дело одному способному человеку, молодому и здоровому, который мог бы переезжать с места на место. Было бы хорошо, если бы это лицо знало не только математику, но и естественные науки и могло бы наблюдать за растениями, животными, минералами и т. п. Такой человек и по окончании возложенного на него поручения был бы полезен не только для астрономических наблюдений, но и для составления специальных карт, измерений, гидрографических и разных других работ, и особенно для образования хороших наблюдателей.

Лейбниц не утерпел, чтобы в конце своей записки не коснуться третьего предмета, который его очень интересовал, — вопроса о границе между Азией и Америкой, «разрешение которого доставило бы его царскому величеству большую славу и как будто предназначено для него Провидением».

Только в одном месте, — говорит Лейбниц, — эта граница не исследована, и это место находится во владениях царя; большая полоса земли тянется к так называемому, хотя еще не известному, Ледовитому мысу, далеко на север, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его если не за раз, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все дальше. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще легче водой по обеим сторонам перешейка. Тогда, может быть, объяснится, суживается там земля или расширяется, а следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обеим сторонам перешейка.

В тот же день, когда Лейбниц отправил это письмо к Брюсу, он ответил и Шлейницу, от которого получил письмо из Берлина с разными политическими новостями и с шифром для дальнейшей переписки между ними. Письмо Лейбница очень длинно и подробно касается политических дел того времени. Он сообщает, между прочим, что ему писали из Англии, будто бы Сеттону, английскому послу в Константинополе, поручено действовать заодно с фран-

цузским послом и не жалеть денег, чтобы склонить Порту в пользу шведского короля. Другая половина письма посвящена собственным делам Лейбница. Он спрашивает Шлейница о том, что стало с библиотекой умершего доктора Мейера, которую имелось в виду купить для России, и правда ли, что царь хочет основать гимназию и академию в Петербурге; в этом случае он мог бы дать несколько полезных советов. Затем он просит посланника предложить об успехе его предложений и о выдаче обещанной ему пенсии.

Вы знаете, слух об этой пенсии распространился без моего участия так далеко, что не только герцог Вольфенбюттельский и принц Людвиг всем говорили о ней, но даже курфюрстина узнала об этом и писала герцогине Орлеанской, так что меня поздравляли из Франции. Если бы все это оказалось ложным, я подвергся бы немалому позору, и это не делало бы чести царским министрам. Правда, — продолжает он, — если царь желает, чтобы я подробнее входил в его намерения относительно наук и искусств, сообразно с большим планом, мной составленным, или сообразно с другим, то было бы необходимо назначить мне более значительное жалованье и дать соответствующий титул, но пока необходимо уладить то, что уже было условлено.

Для этой цели Лейбниц приложил к письму проект царского приказа о назначении ему ежегодной пенсии в 1000 талеров. Лейбниц отправил также через Шлейница два письма к Гюйссену и Урбиху.

Я принужден написать последнему, чтобы он не думал, что я изменился к нему. Не знаю, изменились ли эти господа относительно меня, ибо они не отвечали на мои последние письма. Что касается меня, то я привык быть постоянным и держаться одних и тех же убеждений.

В своих письмах к Гюйссену и Урбиху Лейбниц повторяет свои просьбы помочь ему при осуществлении его научных планов. Гюйссену он пишет, что считает его первым виновником оказанной ему милости, ибо полагает, что царь впервые узнал о нем из писем Гюйссена. Из письма к Урбиху видно, что последний уже давно писал о нем вице-канцлеру Шафирову. Лейбниц полагал, что Шафиров уже возвратился из Константинополя ко двору и просил Урбиха и Шлейница рекомендовать его «этому великому министру, совершившему чудеса с людьми, с которыми трудно ладить, и притом в очень опасную минуту».

Через несколько дней после этого Лейбниц получил письмо от Шлейница, которое очень его обрадовало. Шлейниц писал ему из Грейфсвальда от 22 сентября.

...Передал в собственные руки царя математический инструмент, который вы ему прислали в дар¹, и его величество был чрезвычайно доволен. Он более получаса осматривал и пробовал этот снаряд и даже чертил с его помощью карандашом в моем присутствии. Я передал также в руки генерала Брюса ваши записки; их теперь переводят по-русски, и генерал-фельдцейхмейстер передаст их потом сам в руки его царского величества. Я могу вас уверить, что генерал Брюс очень расположен к вам (*est fort de vos amis*), и я принимаю с ним нужные меры, чтобы вам выплатили вашу пенсию в 1000 талеров, которую следовало вам выдать в Рождество. Я постараюсь также выхлопотать вам через г. Брюса и других друзей приказ о вашем назначении. И так как государь проведет еще несколько времени здесь или в каком-нибудь другом месте Германии, то я предвижу возможность, что он выскажет желание, чтобы вы приехали к нему. Во всяком случае, я считаю нужным и советую вам приготовиться к этому путешествию.

Переписка со стороны Шлейница поддерживалась очень деятельно, показывая, что он принимал большое участие в Лейбнице. В течение шести дней он написал ему три письма.

В ответ на письмо Лейбница от 23 сентября Шлейниц писал ему 26 сентября, что получил и передал Брюсу письмо и записку, для него предназначенную.

Генерал велел ее перевести на русский язык. Мы ни о чем так не жалеем в настоящую минуту, как о том, что предстоящий отъезд царя в Карлсбад и его непрерывные занятия не дают нам возможности прочесть ему содержание вашей записки так скоро, как мы желаем. По-видимому, ничего нельзя будет сделать до приезда его величества в Карлсбад. Так как его величество приказал мне следовать за ним и выразил также желание поговорить с вами, то я предоставляю вашему усмотрению, хотите ли вы сделать мне честь и приехать ко мне в Брауншвейг 20-го или 21-го следующего месяца. Я могу прибыть туда только к этому времени, так как предварительно должен исполнить несколько поручений. По приезде моем в Брауншвейг вы можете или отправиться со мной в Карлсбад, или решиться на то, что найдете согласным с вашими интересами.

В приписке к этому же письму Шлейниц сообщил Лейбницу, что царь решил непременно выехать в Карлсбад в конце недели и уже потребовал через прусского генерала Гакеберга, чтобы для него выставили на станциях по 100 лошадей.

Через два дня после того пришло к Лейбницу новое письмо от Шлейница.

Его царское величество приказал мне известить вас, что желает с вами говорить и что вы должны собираться в путь, чтобы приехать

¹ Вероятно, снаряд для фортификации, о котором упоминает Лейбниц в своей «промемории».

к нему в Карлсбад. Я не премину известить вас в точности о времени отъезда его величества, ибо этот отъезд еще раз отложен на несколько времени. Надеюсь, что все устроится согласно с вашим желанием по приезде его величества в Карлсбад и по прибытии вашем туда же.

Причина, почему отъезд царя в Карлсбад то назначался в ближайший срок, то опять отсрочивался, объясняется ходом военных действий в Померании. Успех союзников зависел в значительной степени от движений датского флота, без помощи которого нельзя было взять остров Рюген. В сентябре произошло столкновение между датским и шведским флотами, окончившееся в пользу первого. Часть транспорта, предназначавшегося для Рюгена, была истреблена датчанами. Сообразно с различными известиями об этом столкновении и его последствиях, царь решался то остаться, чтобы предпринять высадку на Рюген, то уехать из Померании. Шлейниц сообщал своему корреспонденту подробные известия о ходе дел в Померании. «Царь и король Польский, — писал он ему 26-го числа, — отправились рекогносцировать места, где всего удобнее сделать высадку». Но высадка не состоялась, и через несколько дней после того Петр выехал в Карлсбад.

Лейбниц достиг своей цели. Царь выразил желание видеть его. Лейбниц мог надеяться, что личным свиданием с царем он достигнет больших результатов, чем с помощью посредников. Но не для одних только научных целей он спешил к царю: он явился перед ним с политическим проектом, ходатайствующим за тесное сближение между Австрией и Россией.

Несмотря на множество общих интересов, несмотря на неоднократные предложения со стороны Петра прислать вспомогательное войско против Франции, отношения между двумя императорскими дворами не улучшались. После Полтавской битвы Венский двор, правда, стал более дорожить этими отношениями. Но брак царевича с вольфенбюттельской принцессой вызвал новое охлаждение. До нас дошел проект¹ о брачном союзе между обоими дворами: предполагалось выдать за царевича одну из дочерей императора Иосифа. В проекте сказано, что вольфенбюттельская принцесса не принесет царю чести и выгоды, ибо вольфенбюттельский герцог — вечный союзник шведского короля, а Урбиху он обещал большие деньги. Король Август сватает за царевича принцессу из страха, чтобы у царя с цесарем не было свойства и доброго союза и чтобы прусскому и польскому королям не было тесно между такими великими монархами. У цесаря две дочери, а сыно-

¹ См.: Соловьев. История России. Т. XVII. С. 96.

вей нет, и если царское величество пожелает взять за своего сына старшую цесареву дочь, то наследником и цесарем может быть царевич. Кроме этого, царю сулили и другие выгоды. Союз с Австрией и ее союзниками, Англией и Голландией, может доставить царю Греческую империю. Если царь пожелает, то мальтийские рыцари утвердятся на Черном море; если царь пожелает королевства Польского, то оно может быть разделено пополам между Россией и Австрией. Кем подан этот проект и насколько он выражал мнение Венского двора, неизвестно; но достоверно то, что в Вене желали выдать за царевича одну из эрцгерцогинь и были недовольны браком с Софьей-Шарлоттой.

Еще в декабре 1711 г., когда брак царевича был уже совершен и место императора Иосифа занял его брат, Урбих доносил из Вены, что вдовствующая императрица, состоявшая тогда правительницей, недовольна браком царевича, ибо рассчитывала выдать за него одну из эрцгерцогинь, чтобы таким путем ввести в России открытое католическое богослужение¹.

К этому неудовольствию присоединились еще споры об этикете. Венский двор не признавал за Петром императорского титула, и потому в грамоте, в которой царь был извещен о смерти Иосифа (Notificationsschreiben), был опущен титул величества. В ответной грамоте своей (Condolenz-Schreiben) к вдовствующей императрице русское правительство также не дало ей титула величества. Венские министры требовали, чтобы Урбих взял назад грамоту, и когда тот не согласился, они тайком прислали ее к нему в дом. Вследствие этого между русским послом и венскими министрами происходили очень неприятные объяснения. Урбих ездил к обергофмейстеру Траутсону жаловаться на Вратислава и Зейлера, которых он обвинял в потворстве шведам. Во время этих объяснений были высказаны все причины взаимного неудовольствия, и раздражение усилилось с обеих сторон. Но уже тогда Урбих выражал надежду, что с приездом нового императора Карла VI отношения могут измениться к лучшему. В декабре 1711 г. Урбих отправился к нему во Франкфурт и был принят им очень ласково. Карл VI имел большие причины заискивать дружбы царя, чем покойный император. Брак царевича не мог не нравиться Карлу, ибо он сам был женат на родной сестре царевны и находился поэтому в самых близких родственных отношениях к царской семье. Кроме того, по отпадении Англии от коалиции, союз с Россией приобрел

¹ Реляция Урбиха от 9 декабря 1711 г. в Московском архиве Министерства иностранных дел.

больший вес в глазах Карла; поэтому еще во время пребывания Урбиха во Франкфурте была назначена конференция между русским послом и рейхсгофратом Консбрухом для установления тесного союза между Австрией и Россией. В то же время Карл обратился к общему родственнику, герцогу Вольфенбюттельскому, с просьбой о посредничестве.

Антон-Ульрих охотно принял на себя поручение императора и воспользовался своим свиданием с царем во время бракосочетания в Торгау, чтобы похлопотать о сближении своих могущественных родственников. До нас дошел официальный ответ русского правительства, данный герцогу в Торгау 16 октября старого стиля, на его предложения¹. Третья статья этого ответа касается сближения между Русским двором и Австрией.

Что касается восстановления доброго согласия с императорским двором, то его царское величество, со своей стороны, никогда не давал повода к недоразумениям, как это делал императорский двор. Так, в прошлую турецкую войну императорское правительство, заключив Карловицкий мир, совершенно пожертвовало интересами царя и даже не хотело дать времени царскому посланнику написать домой и вытребовать себе новые инструкции. И во многих других случаях императорский двор явно обнаруживал свое нерасположение. Если же теперь царское правительство желает впредь отказаться от такой политики и, напротив того, дать царю существенные доказательства своего расположения, то царь, со своей стороны, этому рад и охотно будет содержать с императором искреннюю дружбу. Царевич, по случаю необходимых приготовлений к походу следующего года, не может отправиться теперь к новому императору, чтобы познакомиться с ним как со своим новым зятем, но совершит эту поездку в другое, более удобное время.

В течение 1712 г. Карл VI, вероятно, повторил свою просьбу о посредничестве, ибо Антон-Ульрих решился воспользоваться приездом царя в Карлсбад, чтобы снова разыграть роль примирителя между императорскими дворами, и избрал для этой цели своим дипломатическим агентом Лейбница.

Лейбниц, узнав от Шлейница, что царь приглашает его в Карлсбад, известил об этом 23 октября Антона-Ульриха и сообщил ему при этом, что намерен продолжать путь из Карлсбада на Вену. Он просил дать ему рекомендательные письма к обоим императорам и предлагал герцогу свои услуги при Венском дворе, где в это время не было особого вольфенбюттельского поверенного, ибо барон Им-

¹ Antwort auf die von des Herzogs von Wolfenbüttel Durchl. übergebenen Punkte (в Вольфенбюттельском архиве).

гоф находился еще в Испании при императрице. Вероятно, в ответ на это письмо Антон-Ульрих, лично увидевшись с Лейбницем, сообщил ему о просьбе Карла VI и предложил принять на себя в Карлсбаде роль дипломатического посредника между императорскими дворами. Переговорив с герцогом, Лейбниц написал для себя инструкцию согласно с происходившими между ними разговорами. По этой инструкции герцог поручал ему заявить в Карлсбаде о желании Карла и предложить царю свои услуги при Венском дворе. «Так как для всех, и особенно для царя, важно, чтобы мир с Францией не был слишком скоро заключен» (*nicht praecipitirt werde*), то герцог советовал царю отвлечь амстердамских капиталистов от англичан обещанием разных торговых выгод и склонить их в пользу войны. А Карлу VI герцог советовал через Лейбница послать в империю какое-нибудь способное и влиятельное лицо (*ein deutscher Fürst von Saracität und Autorität*), чтобы личными переговорами склонить самых могущественных имперских князей и с их помощью побудить сейм к решительным мерам. Под этой инструкцией Лейбница написано рукой герцога: «Я нахожу, что все это согласно с моими намерениями, и желаю, чтобы вы имели успех у обоих императоров».

Вместе с этой запиской Лейбниц представил герцогу проект письма к императору Карлу, которое должно было служить ему рекомендацией и кредитивом. Из письма видно, что Антон-Ульрих еще во Франкфурте говорил своему зятю о Лейбнице и о его способностях к ученой и публичной деятельности и просил назначить его членом рейхсгофрата, что было ему обещано еще прежними австрийскими министрами Кенигсеком и Стратманом. Карл принял тогда просьбу своего тестя благосклонно. Напоминая об этом императору, герцог пишет, что поручил Лейбницу изложить в Вене «некоторые мысли его об общественных и имперских делах». Затем, обращаясь к вопросу о русском союзе, Антон-Ульрих сообщает своему зятю, что Лейбниц приглашен самим царем в Карлсбад; что он пользуется уважением царя; а потому он поручил ему узнать о намерениях царя относительно сближения России с Австрией и, если возможно, об условиях союза и донести обо всем в Вене императору.

Герцог снабдил Лейбница подобным же письмом к Петру. Это письмо, как кажется, написано самим герцогом, так как черновой нет в бумагах Лейбница. Само же письмо сохранилось в Московском архиве.

Я рекомендовал вашему царскому величеству в Торгау тайного советника Лейбница и с удовольствием узнал, что ваше величество наме-

рены воспользоваться его услугами. Так как он теперь будет иметь честь представиться вашему царскому величеству, то я дал ему это письмо и поручил ему уверить ваше царское величество в моей постоянной и совершенной преданности и готовности служить вам; и так как он очень сведущ не только в науках, но и в современных политических делах, то и в этом отношении он может быть полезен вашему величеству, тем более что из Карлсбада он отправится к цесарскому двору. Поэтому ему можно было бы дать к оному двору какое-нибудь тайное поручение. И так как он имеет передать вам нечто особенное по этому делу от моего имени, то я прошу ваше величество выслушать его лично и также через ваших министров.

Это письмо помечено 25 октября. Переговоры с герцогом задержали Лейбница в Вольфенбюттеле на целый месяц. Между тем Русский двор переехал в Карлсбад. Царь думал остаться там недели три, а потом отправиться в Теплиц. Брюс, который принимал искреннее участие в планах Лейбница, стал опасаться, что он опоздает в Карлсбад, и 24 октября написал ему новое письмо, чтобы поторопить его к выезду. Брюс сообщает ему в этом письме, что передал царю содержание его последней записки и что Петр приказал написать ему и пригласить в Карлсбад, «так как его величество желает лично с вами поговорить». Брюс пишет далее, что недостаток времени не позволил ему в Грайфсвальде самому писать, и он просил об этом Шлейница. Теперь же он просит Лейбница ехать прямо в Теплиц, куда царь отправится в течение 14 дней, с тем чтобы оттуда переехать в Дрезден. Относительно нового лейб-медика, которого предлагал, Брюс сообщил ему желание царя, чтобы Лейбниц привез его с собой в Теплиц, где царь будет иметь возможность лично видеть его и говорить с ним.

Лейбниц выехал в Карлсбад, вероятно, еще до получения этого письма. 29 октября, с дороги из Галле, он сообщает Шлейницу, что не мог дольше его ждать, потому что боялся опоздать на свидание с царем. Лейбниц приехал в Карлсбад в первых числах ноября нового стиля и еще застал там царя. Петр решил продлить свое пребывание в Карлсбаде на несколько дней, так как быстрый переезд, тотчас по окончании лечения, в предшествовавшем году вредно отозвался на его здоровье. К сожалению, мы не имеем подробных сведений также и о втором свидании Лейбница с царем, о его разговорах с министрами и о впечатлениях, которые произвели на него лица, составлявшие тогдашний Русский двор. В переписке Лейбница едва ли и найдутся когда-нибудь подробные сведения об этом. Свидание с царем было для Лейбница политической тайной, и он говорит о нем вскользь, даже в письмах к герцогу Вольфенбюттельскому и к курфюрстине Софье. Мы знаем толь-

ко о результатах его поездки в Карлсбад. Он преследовал там двойные цели — политические и научные. Относительно первых мы имеем интересный документ, сохранившийся в Московском архиве¹. Это записка, поданная Лейбницем царю, о дипломатическом поручении, которое он имел от герцога Вольфенбюттельского.

Его величество римский император и испанский король просил в собственноручном письме его светлость герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского приложить свои старания (*officia*) для установления полного согласия с его величеством царем в следующих словах: «Я полагаюсь на расположение вашей светлости, что вы постараетесь установить самое тесное соглашение между царем и мной, к чему я совершенно склонен, и охотно сделаю все от меня зависящее. И всего приятнее было бы для меня, если бы это согласие было установлено только стараниями вашей светлости без всякого постороннего вмешательства. Так как герцог не предвидит возможности в скором времени лично видаться с царским величеством, а по важности и опасности современных обстоятельств не хочет отсрочить свое посредничество, то он втайне поручил мне сделать здесь обо всем секретное представление».

Таким образом, от усмотрения его царского величества зависит, пожелает ли его величество высказаться настолько откровенно, чтобы можно было надеяться на установление между обоими государями искреннего и совершенного доверия и соглашения без дальнейших отлагательств.

На самом деле оба монарха имеют общий интерес, и только нужно, чтобы они согласились между собой. Статьи, о которых нужно условиться, относятся, во-первых, к тому, чего его величество желает, во-вторых, к тому, что он представляет *in desideratis et oblatis**. Желания могут заключаться в вопросах этикета и в реальных требованиях. Что требуется относительно этикета и в чем заключаются затруднения — об этом я просил бы меня уведомить. Реальные требования могут относиться или к настоящему, или к будущему. В настоящем его царское величество, вероятно, потребует от его римско-императорского величества и империи, для отвращения опасности, грозящей от шведов, того, что возможно без нарушения Вестфальского и других трактатов, заключенных между императором и Швецией, особенно же Альтранштадтского, о чем может воспоследовать более подробное объяснение. Относительно будущего его царское величество мог бы высказать, желает ли он заключить постоянный союз с императором, и на каких условиях.

По установлении этих и других возможных требований со стороны царя, пришлось бы перейти к предложениям его царского величества, которые также могут относиться к настоящему и будущему. В настоя-

¹ На обороте его обозначено: Предложение тайного советника Лейбница, переведено в Карлсбаде 27 октября (старого стиля) 1712 г.

* В пожеланиях и предложениях (*лат.*). — *Прим. пер.*

шем преимущественно важно то, насколько северные высокие союзники, и особенно его царское величество, готовы содействовать к отвращению опрометчивого мира с Францией и с домом Бурбонов, в чем обе стороны очень заинтересованы. По мнению его светлости герцога Вольфенбюттельского, можно было бы достигнуть многого в этом деле, если бы его царское величество предложил Голландии, и особенно городу Амстердаму (который имеет большое влияние, а теперь, по-видимому, охладел к войне), различные выгодные условия относительно торговли; а затем, если бы его царское величество согласился оказать императору, империи и всем высоким союзникам значительную помощь против дома Бурбонов. Относительно будущего предложения его царского величества можно иметь в виду установление и гарантию честного мира и постоянного спокойствия в Европе или в целом христианстве и необходимые для этого договоры. Кроме того, могло бы быть сделано предложение относительно Лифляндии и других частных вопросов.

В конце своей записки Лейбниц просит царя или его министров высказаться как можно определеннее и откровеннее, для того чтобы римский император убедился в искренности русского правительства и без всяких отлагательств, со своей стороны, высказал, насколько возможно, свои намерения для избежания всяких столкновений и недоразумений.

Русское правительство имело в то время в Вене двух дипломатов и, естественно, не могло посвятить постороннее лицо, не находящееся на русской службе, в свои виды и намерения. Поэтому на записку Лейбница последовал ответ в общих выражениях следующего смысла¹.

Его царское величество с удовольствием узнал о склонности его римско-императорского величества к более тесному сближению и очень благодарен его светлости герцогу за его доброе посредничество. Его царское величество, со своей стороны, всегда изъявлял свою готовность к тому, и поэтому, тотчас по вступлении на престол нового императора, сделал ему разные предложения и потом нередко их повторял; и еще недавно отправил он своего камергера и генерал-адъютанта Нарышкина с собственноручным письмом к императору, который ответил, что пришлет к царю графа Вильчека и даст ему надлежащие инструкции. (Но граф Вильчек привез с собой только общие уверения в дружбе и добрых намерениях императора и заявил, что ему приказано, — если ему будут сделаны какие-либо предложения, отправить их в Вену на рассмотрение. Вследствие этого ему был доставлен проект

¹ Этот ответ сохранился в Московском архиве в двух черновых, на немецком и на русском языках. На обороте немецкой сказано: «данной в Дрездене 12 Н.», а на обороте русской: «Резолюция 13 Н.». Немецкий ответ напечатан у Посселята (с. 225) очень небрежно, как и все остальное. Так, Посселят напечатал без оговорки и то место черновой, которое было вычеркнуто.

соглашения, и его царское величество ожидает теперь ответа от императорского двора.¹ Поэтому его царскому величеству будет особенно приятно, если его светлость (герцог) приложит старание, чтобы этот ответ последовал как можно скорее, и осуществилось дело, клонящееся к взаимной пользе и выгоде.

Этим ответом дело не кончилось. Лейбниц последовал за царем в Теплиц и Дрезден и несколько раз имел с ним и с русскими министрами разговор о политических делах. Но отчет, посланный им к герцогу о своем дипломатическом поручении, весьма краток и неполон.

Из приложенного письма его царского величества к вашей светлости, а также из приложенной копии с ответа, данного мне на русском и немецком языках, ваша светлость изволите усмотреть, что царь принял милостиво мой доклад от имени вашей светлости и считает себя обязанным ей. В устном разговоре он коснулся разных частных и изъявил желание, чтобы с шведами было поступлено согласно с имперскими законами. Я сказал на это, что датскому и польскому королям, как членам империи, следует домогаться этого законным путем у императора и империи. О Лифляндии он не упоминал, и кажется, что если бы Швеция согласилась на мир и справедливые уступки, то он возвратил бы эту область. При царском дворе очень опасаются, что мир с Францией состоится, несмотря на противодействие императора, и предвидят, что в этом случае и северные дела покончатся миром. Я действовал так осторожно, что все думали, что я говорил только о своих собственных делах и научных предметах. Впрочем, доношу, что г. Матвеев заменил в Вене барона Урбиха и в настоящее время собирается в путь к императорскому двору; но он там не останется, а через несколько времени будет переведен в Польшу. Барон Урбих, как говорят, просил об отставке и получил ее, но я надеюсь, что отставка последует не без пенсии.

Старый герцог, который, как видно, не слишком интересовался делом, о котором Лейбниц хлопотал от его имени, ответил ему следующим образом.

На письмо ваше с царским ответом² относительно Венского союза я должен был бы, конечно, раньше ответить, но моя болезнь и тысяча других препятствий были причиной этого замедления. Все теперь зависит от Вены, но там, вероятно, встретятся затруднения, так как Москве грозит нападение от турок. Дела везде идут странным образом; в «Окта-

¹ Место, обозначенное скобками, вычеркнуто в черновой.

² Царский ответ, о котором упоминает Антон-Ульрих, был отправлен к нему из Дрездена 12 ноября старого стиля; царь извещает герцога, что получил от Лейбница герцогское письмо и выслушал устный доклад его. Он благодарит герцога за его доброе расположение и заботливость о царских интересах; впрочем же ссылается на письменный ответ, данный Лейбницу и приведенный нами в тексте.

вин» я не могу сочинить таких чудес¹. Желая, чтобы путешествие в Вену было бы так же успешно, как и поездка к царю.

Если Лейбниц мог быть недоволен исходом своего дипломатического поручения, то он был вполне вознагражден успехом своим в других отношениях. Мы не знаем, какой ответ был ему дан на его предложение об устройстве в России ученой коллегии, академии, университетов и школ; в приказе о принятии Лейбница в русскую службу сказано только, что царь намерен воспользоваться его услугами и ученостью для приведения наук и искусств в русском государстве в «вящий цвет». Но царь, по-видимому, был в это время более занят вопросом о преобразовании администрации и суда в России и потому поручил Лейбницу, через графа Головкина, представить свои соображения и проекты относительно судоустройства и законодательства в России. В вознаграждение за возложенный на него труд он был принят в русскую службу с чином тайного юстиц-советника и с жалованьем по 1000 талеров в год. Жалованье считалось ему с 1711 г., и в Карлсбаде ему было выдано 500 дукатов за истекший год. Секретарь царя по иностранным делам Остерман получил приказ об изготовлении «патента». Извещая об этом Лейбница, 29 октября старого стиля, он предложил ему самому написать черновую, «так как я очень желал бы, чтобы патент был составлен к удовольствию вашего высокоблагородия; затем я уже позабочусь, чтобы он был изготовлен в надлежащей форме». В Московском архиве находится черновой проект патента на немецком языке. Почерк, которым он писан, похож на руку Лейбница, и поэтому мы можем предположить, что Лейбниц воспользовался предложением Остермана и действительно сам составил проект указа. Во всяком случае любопытно сличить черновую с самим указом. При сличении оказывается, что некоторые выражения в черновой перечеркнуты и что Лейбницу было обещано указом не все, чего он желал. Так, в черновой вычеркнуто место: «...причем мы ему всемилостивейше поручаем представлять полезные соображения относительно улучшения суда и введения хороших законов». Затем вычеркнуто обещание: «снабжать его из нашего государства полезными сведениями и обращать особенное внимание на его предложения и советы». Наконец вычеркнуты слова черновой: «Жалованье считать ему с прошлого года (т. е. со времени свидания в Торгау) и выплатить его теперь за истекший год, а впредь выплачивать всегда до окончания года». 1 ноября

¹ «Es siehet aller Ohrten wunderlich aus. In der Octavia (бесконечный роман герцога) kan ich es so seltsamb nicht beschreiben».

старого стиля Петр подписал следующий приказ о принятии Лейбница в русскую службу¹.

Мы, Петр Первый, Царь и Самодержец Всероссийский, и прочая и пр. и пр.

Изобрели мы за благо всемилостивейше курфюрстского и княжего Брауншви́г-Люнебургского тайного юстиц-рата Готфрид-Вилгелма фон Лейбница за его нам выхваленные и от нас изобретенные изрядные достоинства и искусства такожде в наши тайные юстиц-раты определить и учредить, чтобы нам, понеже мы известны, что он ко умножению математических и иных искусств и произыскиванию Гисторей и к приращению наук много вспомоши может, его ко имеющему нашему намерению, чтобы науки и искусства в нашем государстве в вящий цвет произошли, употребить. И мы для вышепомянутого его чина нашего тайного юстиц-рата годовое жалованье по тысячи ефимков алб(ертусов) ему определить изволили, которые ему от нас ежегодно исправно заплачены быть имеют, и к чему мы надлежащие указы дать изволим, а его служба начинается с нижеписанного числа; во уверение того сие за нашим собственным рукоподписанием и государственной печатью нашей дано в Карлсбаде 1 ноября 1712 г.

Как Лейбниц был доволен этим назначением и возложенным на него поручением представлять свои соображения на счет русского законодательства, видно из его письма к курфюрстине Софье, написанного по обыкновению в шуточном тоне. Он извещает курфюрстину из Карлсбада, куда он уехал без ведома Ганноверского двора, что царь желает, чтобы он сопровождал его в Теплиц, и что он отправится туда вместе с камергером Нарышкиным, возвратившимся из посольства в Вену. Сообщив потом курфюрстине о поручении царя, Лейбниц объявляет в шутку:

Вам покажется странным, что мне придется быть в известном смысле русским Солоним, хотя и издалека, так как, по моему мнению, самые краткие законы, как например десять заповедей или двенадцать таблиц Древнего Рима, лучше всех других законов и так как на этот предмет с самых ранних пор были обращены мои размышления, то поручение царя меня нисколько не затруднит; мне, впрочем, и не нужно будет особенно спешить.

Шутка насчет Солоним дошла также до герцога Антона-Ульриха и вызвала с его стороны следующее письмо.

Я удивляюсь вашему успеху и радуюсь, что в вашем лице появился на свет новый Солоним, который, впрочем, должен будет исполнять свою роль очень осторожно, если не хочет сделаться также новым Андреем, который вместо 300 червонцев получил в награду крест.

¹ Подлинный указ на русском языке хранится в Ганноверской библиотеке.

Имея в виду, что Лейбниц собирался в Вену, куда он также имел поручение от герцога, Антон-Ульрих продолжает:

Если вы, как я предполагаю, будете продолжать путь, то поручаю вам все, о чем мы условились. Прибавить к этому мне нечего, разве только я попрошу вас похлопотать, чтобы профессор Ганеман, отправляющийся в Вену, для блага университета более не возвращался оттуда. Поручаю вам также, как ревностному лютеранину, хлопотать о построении церкви (католической) в Брауншвейге. Лучше всего было бы выхлопотать через патера Тённемана, духовника императора, чтобы ко мне был прислан запрос, в каком положении находится постройка и поступают ли еще назначенные для нее деньги¹.

На этот намек герцога, чтобы вместо участи Солона Лейбница не постигла участь апостола Андрея, он ответил:

Мне приятно, что я позабавил вашу светлость моим «русским Солоном». Но русский Солон не нуждается в мудрости греческого и может обойтись с меньшим запасом ее. Андреевский крест доставил бы мне большое удовольствие, если бы был усыпан алмазами. Таких крестов в Ганновере не дают, а дают их только у царя; впрочем, мне было приятно получить 500 червонцев.

Забавляя своих светлейших покровителей шуткой насчет Солона, Лейбниц, однако, серьезно смотрел на свою новую обязанность и хотел оправдать доверие царя. Но он ничего не мог сделать без необходимого материала и без помощников, которые знали бы русский язык. Еще в Карлсбаде он подал через Брюса список того, что считал нужным для своих работ. Он просил доставить ему: 1) список вышедших в России книг; 2) известия о греческих и русских рукописях, находящихся в русских монастырях и других местах; 3) список ученых, как русских, так и иноземцев, находящихся в царской службе или вообще в России; 4) известие о японце, пригнанном бурей к сибирскому берегу; 5) известие о тех людях, которые из Сибири отправились на север и наконец прибыли будто бы в теплые страны; 6) образчики языков в России и соседних странах, состоящие в молитве Господней, символе веры и десяти заповедях, с русским подстрочным переводом, а также с кратким словарем некоторых существительных, глаголов и числительных; 7) русский словарь; 8) славянскую грамматику; 9) древние исторические сочинения на русском языке.

¹ Антон-Ульрих, принявший католичество, заботился о распространении католицизма и построении католических церквей в герцогстве и для этого нуждался в поддержке императора.

ке¹; 10) книгу, называемую «Патерик»; 11) русскую Библию нового издания, особенно Новый Завет; 12) божественную литургию на русском языке; 13) русский катехизис. Лейбниц, как мы видели уже, давно хлопотал о том, чтобы ему прислали из России «Патерик», летописи и богослужбные книги. Для того чтобы и на этот раз не обмануться в своих надеждах, он решился написать к человеку, который стоял во главе русской церкви и скорее всех других мог исполнить его желание, к блюстителю патриаршего престола, Стефану Яворскому.

Зная, что Ваша ученость не уступает вашему высокому положению в русском государстве и желая по приказанию вашего великого государя заняться не только вопросом о распространении европейских наук в России, но и историей и древностями русскими, я решился прибегнуть к вашей помощи и надеюсь узнать от вас, где находятся у вас изданные или рукописные памятники, проливающие свет на вашу древнейшую историю. Мне говорили об одной из самых старинных книг ваших, называемой «Патерик» и касающейся древней церковной истории русского народа. Не сомневаюсь также, чтобы в русских монастырях не нашлось многих замечательных рукописей греческих отцов церкви и других литературных произведений, мало известных в нашей части Европы, издание которых послужило бы не менее к вашей славе, чем к общественной пользе. Я желал бы иметь список существующих у вас книг как печатанных, так и рукописных, но еще больше я дорожу тем, чтобы познакомиться с живыми библиотеками, т. е. с людьми, известными ученостью между вашим народом или в вашем государстве.

Затем Лейбниц обращается к Яворскому с просьбой доставить ему образчики языков и объясняет, что это может одинаково послужить к исследованию о происхождении народа и к распространению христианской веры.

Лейбниц обратился к митрополиту Рязанскому, вероятно, по совету Брюса. По его же совету он написал в Москву к англичанину Фергюсону, «профессору математики», о котором Гюйссен упоминал в своем письме 1703 г. Лейбниц обратился к нему с той же просьбой выслать ему список печатанных в России книг с обозначением того, находятся ли они в продаже, или каким способом можно их достать, а также список ученых людей русского и иностранного происхождения. Ту же просьбу, наконец, Лейбниц повторяет в письме к графу Головкину-младшему, русскому послу в Берлине, с которым он не успел проститься перед его отъездом из Дрездена. Лейбниц благодарит его за оказанное ему покровитель-

¹ У Посселята напечатано по ошибке вместо *alte*, древние, — *alle* (все. — *Прим. пер.*).

ство и просит походатайствовать за него перед митрополитом Рязанским. В этом письме к Головкину, а также в письме к Брюсу от 22 ноября Лейбниц говорит о своем желании составить для русских общую энциклопедию наук.

Мне известно желание его величества, чтобы необходимые сведения были переведены на русский язык, и я ручаюсь, что если бы у меня было лицо, способное переводить, и если бы мне доставили другие нужные для этого пособия, то я составил бы общую энциклопедию или «квинтэссенцию» наук на русском языке, которая во многих отношениях превосходила бы все, что в этом роде существует на других языках.

Письма Лейбница к Стефану Яворскому и к Головкину были написаны им из Дрездена, куда он переехал из Теплица вместе с Русским двором. В Дрездене Лейбниц простился с царем, который отправился на север, чтобы принять меры для продолжения Шведской войны. Лейбниц же отправился в Вену. Вскоре по приезде туда он решил написать письмо прямо к Петру, чтобы через его содействие обеспечить исполнение просьбы, высказанной им в письмах к Стефану Яворскому и Головкину. В это время по Европе стали распространяться слухи о новом разрыве между Турцией и Россией и о предстоящей между ними войне. Имея в виду эти слухи, Лейбниц в письме к царю подробно касается способа ведения войны с турками. Основываясь на мнении знакомого ему австрийского генерала, опытного в войне с турками, Лейбниц советует царю занять как можно раньше укрепленный лагерь на Днестре и выжидать там нападения турок; если же пришлось бы выступить в поле, то оградить войско *подвижным ретраншементом*, или табором, так как опыт не раз доказывал, что батальоны европейских войск расставлены не довольно глубоко и потому часто не выдерживают напора густых масс, которыми турки, по обычаю, бросаются в атаку.

Стараясь о том, чтобы получить из России различные материалы для своих ученых исследований, Лейбниц, с другой стороны, постоянно носился с планом отправить в Россию людей, которые могли бы на месте производить наблюдения и обогащать ими науку. С этой целью Лейбниц воспользовался смертью царского лейб-медика Донелли и еще в январе 1712 г. просил позволения рекомендовать на его место другого. В Карлсбаде он возобновил свое предложение и указал на известного в свое время цюрихского ученого Шейхцера. Предложение Лейбница было принято благосклонно, и гофмедику Арескину было поручено вступить в переговоры с Шейхцером о принятии его в русскую службу.

Шейхцер был медиком, но, как нередко бывало в то время, наравне с медициной занимался математикой и естественными науками. В Цюрихе он даже занимал место профессора математики. Он был автором многих известных сочинений¹, но, несмотря на это, находился в довольно затруднительном положении. Двадцать лет служил он профессором без жалования, в ожидании вакантного места. Но когда наконец открылось давно ожидаемое место и умерло лицо, жалование которого должно было перейти к нему, его надежды были обмануты. С тех пор он стал искать места вне пределов своего отечества². Поэтому можно было ожидать, что предложение занять место придворного медика в России будет принято им с радостью, но страх и недоверие, которые питали многие иностранцы перед переселением в Россию, кажется, взяли верх у Шейхцера; он стал колебаться, придумывал разные требования, и дело затянулось. В январе 1713 г. Лейбниц сообщает из Вены Арескину и посланнику в Берлине Головкину, что Шейхцер готов переселиться в Россию, но ставит три условия: чтобы русское правительство отнеслось официально к Цюрихскому магистрату с просьбой отпустить Шейхцера на службу русскую; чтобы ему были высланы деньги на дорогу и наконец чтобы вместе с ним был принят в русскую службу его брат, который тоже был медиком и математиком. Лейбниц опасался, что главным препятствием будет последнее требование, и потому убеждал Арескина что брат Шейхцера также замечательный медик и математик и может быть полезен в России.

Правду сказать, — пишет Лейбниц Арескину, — мне самому приходило в голову, что было бы хорошо пригласить и младшего Шейхце-

¹ Главным сочинением его было энциклопедическое описание Швейцарии в естественно-историческом отношении; 1-й том озаглавлен: *Historia Naturalis*, 2-й — *Poicheologia Helvetica*, 3-й — *Orographia*, 4-й, 5-й и 6-й — *Oreographia*, 7-й — *Hydrographia*, 8-й — *Eluviones*, 9-й и 10-й — *Aquae minerales*, 11-й — *Balnea frigida*, 12-й — *Venti meteori*, 13-й и 14-й — *Минералогия*. Тома от 15-го до 25-го содержали Ботанику, 25-й — *De vinis Helveticis*, 26-й — Зоологию, 27-й — Орнитологию, 28-й — Ихтиологию, 29-й — Энтомологию. Все эти тома были написаны до 1712 г. О продолжении своего труда Шейхцер писал Лейбницу: «*Sequentur tomi de Helvetica indole, sanitate, morbis*» (Далее последуют тома о дарованиях, здравьи и болезнях Швейцарии (*лат.*). — *Прим. пер.*) и т. д.

² Письмо Бернулли к Лейбницу, в котором говорится об этом, написано в феврале 1714 г.; но из ответа Лейбница и из письма Шейхцера следует заключить, что это случилось раньше, ибо в письме от 20 марта 1713 г. Шейхцер говорит о жалованье, которое назначил ему Цюрихский магистрат.

ра, который будет довольствоваться меньшим вознаграждением, но я об этом ничего не писал его старшему брату.

Но Лейбниц ошибся. В мае пришел ответ Арескина Шейхцеру. Русское правительство соглашалось пригласить также и младшего Шейхцера, но слышать не хотело о ходатайстве перед Цюрихским магистратом о так называемых *litterae petitoriae**. «Никто, — писал Арескин, — ничего подобного от русского правительства не требовал». В деньгах на подъем Шейхцеру было отказано, жалование же ему должно было считаться со дня выезда из Цюриха. Из письма Арескина к Шейхцеру видно, что кроме вышеприведенных условий цюрихский медик требовал еще чтобы ему выдавалась особая сумма на содержание прислуги и лошадей. Арескин отмечал, что прислугу и лошадей в России всякий содержит на свой счет. Письмо Арескина заставило Шейхцера колебаться и медлить. Только 1 ноября 1713 г. он решился ответить Арескину. Он ссылается на приближение зимы, которая заставляет его отсрочить свой выезд; просит снова грамоты к Цюрихской республике и годового жалования на подъем (*pro sumptibus itineris*); пишет, кроме того, что в России, как он слышал от послов, бывших в Москве, отпускаются послам и придворным чинам (*aulicis*) ежедневно или по неделям съестные припасы (*portiones rerum ad victum necessarium*). Пока Шейхцер ждал ответа из России, его колебания и опасения еще более усилились. 27 января 1714 г. он пишет Лейбницу, что получил письмо от своего друга Шерарда, английского консула в Смирне, который предупреждает его, что царь не отпускает иностранцев, приехавших к нему на службу, и потому советует ему заключить особенное условие о свободном выезде. В заключение Шейхцер просит Лейбница подумать о другом для него месте, преимущественно в Венеции. Вслед за этим Лейбниц получил от Шейхцера письмо с новыми жалобами. Шейхцер, который сам так долго медлил с ответом, сетует теперь на Арескина и Брюса, что они не отвечают на его письмо. «Их молчание заставляет его сомневаться в успехе его дела».

Лейбниц, который уже более года не получал никаких вестей из России и не имел ответа на свои письма к Арескину и Головкину от 24 января 1713 г., был очень раздражен замедлением дела, возбужденного его посредничеством. Только в феврале 1714 г. он получил от Шейхцера копию письма Арескина и ответ Шейхцера от 1 ноября. Поэтому он всю вину замедления приписывал Арескину и Брюсу. 16 января 1714 г. он счел нужным отправить через

* Исковых письмах (*лат.*). — *Прим. пер.*

секретаря при русском посольстве в Вене, Лачинского, письмо к Русскому двору и напомнить о Шейхцере.

Мне было бы трудно, — заключает он это письмо, — найти в Европе, согласно с намерением его царского величества, человека более способного служить его величеству в его путешествиях и в то же время содействовать целям этого великого государя — разрабатывать науку в его обширной империи и производить прекрасные наблюдения над природой страны.

Но прежде еще, чем было написано это письмо Лейбница, состоялось окончательное приглашение обоих братьев Шейхцеров. Арескин дал им знать об этом письмом от 18 декабря 1713 г. Каким образом было улажено затруднение относительно подъемных и кормовых денег, мы не знаем, ибо между бумагами Лейбница нет копии с этого письма Арескина. Но Шейхцер отказался от приглашения в Россию. Отказ свой он объяснил Лейбницу следующим образом.

Я уже приготовился к отъезду, уже воображал себя в России, летал из одной провинции в другую, производя на девственной почве наблюдения над новыми растениями и минералами. Но человек предполагает, а Бог располагает. Моему отъезду противились семейство, жена (*alma thori sociâ*), родители, друзья, родственники; я не обращал никакого внимания на все это. Божественное Провидение и официальное приглашение были для меня крепким оплотом. Но магистрат не дал мне отпуска. Он увеличил мое жалование; правда оно не равняется тому, что предлагает мне царь, но оно выше обычного в здешней республике. Мне назначено 100 гульденов жалованья и 10 модий хлеба с соответствующим количеством вина.

Лейбниц был чрезвычайно недоволен такой развязкой продолжительных переговоров. В нескольких письмах к своим швейцарским корреспондентам Бернулли и Бурге он жалуется на Цюрихский магистрат, который поступил очень дурно, что не отпустил Шейхцера на несколько лет в Россию.

Это было бы почетно для республики, выгодно для самого Шейхцера и чрезвычайно полезно для интересов науки, ибо Шейхцер нашел бы в России не возделанную почву для своих наблюдений.

Но и самому Шейхцеру вскоре пришлось жалеть о том, что его поездка в Россию не состоялась. Оказалось, что он нашел бы там не только лучшее вознаграждение за свои труды и более обширное и новое поприще для своих наблюдений, но и меньше стеснений при своих исследованиях от узкого духа религиозной нетерпимости.

В России, — пишет он Лейбницу в мае 1714 г., — я, может быть, не встретил бы столько препятствий в деле разработки науки, как в моем отечестве. Здесь мне постоянно приходится ратовать за достоинство и применение математической науки. На днях еще я должен был вынести жаркую стычку с главным пастором нашим, доктором Готтингером, известным вам по письмам. Я желал бы, чтобы основательность и достоинство этого защитника божественной науки равнялись его горячности.

После этого отступления возвратимся к Лейбницу и его пребыванию в Вене. Наше внимание особенно привлекает к себе переписка его с герцогом Антоном-Ульрихом за первые месяцы 1713 г.

Письма Антона-Ульриха к Лейбницу очень интересны. Они показывают, какую живость ума и веселость сохранил этот старик, которому было в то время почти 80 лет. Замечательны, кроме того, непритворное добродушие и простота в отношении его к Лейбницу, свойства, которые редко можно было встретить у чванных и сдержанных князей Германии, никогда не упускавших из виду придворного этикета. Герцог обо всем болтает с Лейбницем, как со старым другом: дает ему разные поручения к Венскому двору, министрам, иезуитам, пишет о политике, о своей внучке Софье-Шарлотте и о царе, о своих заботах по распространению католицизма и о бесконечном своем романе «Октавия». Много острил герцог над нейтральным обсервационным корпусом против шведов в Гольштинии, который «формировался с такой тайной, что шведам были известны все подробности». Достается также дипломатическому конгрессу в Брауншвейге, куда собрались уполномоченные Австрии, России, Пруссии, Ганновера, Вольфенбюттеля и др., чтобы принять меры для нейтрализации северной Германии относительно войны между Швецией и северными союзниками. Конгресс продолжался очень долго, но не приводил ни к чему.

Здесьняя конференция, — пишет герцог Лейбницу, — похожа на голубятню; один посланник влетает, другой улетает, и доброму графу Шенборну¹ никак не удастся собрать их всех вместе.

В другой раз герцог пишет:

Здесьняя конференция все еще продолжается. Ее следовало бы прозвать конференцией газетчиков, ибо она постоянно видоизменяет свои постановления сообразно с газетными известиями.

Антон-Ульрих, как мы видели, строил у себя с помощью императора и венских иезуитов католическую церковь. Добродушно

¹ Шенборн был уполномоченным императора и председателем конгресса.

поддразнивал он Лейбница, поручая ему сообщить патеру Теннеманну, что «постройка церкви идет успешно, что в ней уже служат обедню и что она всегда полна лютеранами». Но однажды пристрастие Антона-Ульриха к католицизму было живо задето несколькими лютеранскими мальчиками. Стража не хотела впустить их в церковь. Тогда они сказали: «Отчего же нам нельзя войти; ведь там поют те же гимны, какие и мы, христиане, поем»; «из чего, — сердито прибавляет герцог, — следует, что католики не христиане». Лейбниц ответил ему на это следующим анекдотом:

Во время моего пребывания в Триенте мой хозяин, показывая мне некоторые странные римские статуи, сказал по-итальянски: «Эти древние статуи сделаны в то время, когда императоры были еще лютеранами». Под императорами он разумел Калигулу, Нерона и др., а слово *luterano* было для него хуже, чем *язычник*.

Однажды Лейбниц сообщил герцогу, что он обедал вместе с принцем Евгением у графа фон Шлика, которого назначали в преемники графу Вратиславу, обер-гофканцлеру Богемии. Принц Савойский за обедом напал на иезуитов за уступки, которые они делали в Китае культу Конфуция. Лейбниц защищал их.

Принц, — прибавляет он, — говорит несравненно лучше о богословии, чем я о военном искусстве, оттого что он в юности занимался науками, а я никогда не был на войне.

Антон-Ульрих ответил ему по этому поводу следующее.

Что касается Конфуция, то я его также вкленл в «Октавию», где он содействует увеличению *конфузии*¹. С этим сочинением постигла меня такая судьба, как будто в меня перешел дух автора «Амадиса». Вместо шести томов «Октавия» будет заключать в себе больше, чем двадцать, ибо я все пишу и никак не могу свести концов с концами. Самая удивительная странность в этом сочинении будет состоять в том, что его автор 80-летний куртизан, которому следовало бы забыть искусство описывать любовные истории.

Свидание герцога Антона-Ульриха с царем, который весной 1713 г. приезжал в Ганновер и Вольфенбюттель, снова возбудило вопрос о союзе между Россией и Австрией. Шведы были не опасны; войско их, под предводительством графа Стенбока, выступило из Померании в Шлезвиг и было осаждено в крепости Теннингене. Царь мог безопасно заняться отнятием у шведов Померании, но для этого ему было нужно согласие императора. Тотчас после свидания с Петром герцог писал Лейбницу:

¹ «Wo er die Confusionen hilft immer vermehren».

Так как шведские дела еще раз очень изменились, и поэтому, вероятно, вновь возникнет прежняя мысль о союзе, ибо его царское величество ясно обнаружил свое желание на этот счет, то предоставляю вам решить, не найдете ли вы нужным снова возбудить этот вопрос в разговоре с императором, и узнать, нельзя ли теперь осуществить это полезное дело.

В письме от 3 апреля герцог высказался еще определеннее.

Царь обнаружил большую склонность к союзу с Австрией. Если бы этот несчастный мир не был так близок, и если бы император согласился взять в помощь десять или двадцать тысяч московского войска, то, может быть, на Рейне еще можно было чего-нибудь достигнуть. Царь поручил мне сделать в Вене это предложение через своего Солона, и вы можете воспользоваться этим по вашему усмотрению.

Мы не имели под руками дальнейшей переписки между герцогом и Лейбницем и потому не знаем, каким образом последний передал императору Карлу о готовности царя помочь ему войском. Но, вероятно, вследствие сообщений Антона-Ульриха, Лейбниц возвратился к своему любимому проекту о союзе между императором и северными союзниками, по которому последние должны были помочь императору своими войсками на Рейне и принудить Францию к миру; император же, по жалобе Саксонии и Дании, должен был начать на сейме дело против Швеции и приговорить ее к лишению немецких провинций. В мае Лейбниц составил об этом записку и представил ее русским посланникам в Вене и Ганновере Матвееву и Шлейницу. К сожалению, этой записки не оказалось между бумагами Лейбница. С Матвеевым переговоры происходили устно. Лейбниц успел в короткое время стать в довольно хорошие отношения к Матвееву¹. Из одного письма Лейбница мы узнаем, что Матвеев приглашал его к себе обедать вместе со знакомыми дипломатами графом Вакербартом, посланником короля Августа, бароном Вейбургом, посланником Дании, голландским посланником и др. О переговорах с Матвеевым мы знаем только по краткой записке посланника, которую он написал Лейбницу, возвращая ему его статью. Матвеев уже совершенно усвоил себе изысканно-вежливый язык тогдашнего общества, особенно дипломатического. «Я вполне ценю честь, — писал он Лейбницу, — оказанного мне вами доверия и постараюсь по силам оправдать его при всяком случае».

¹ К этому времени относится стихотворение Лейбница к Матвеевой, которое мы привели на с. 621 данного издания.

Больше узнаем мы из переговоров с Шлейницием, которые происходили письменно. Шлейниц горячо благодарил Лейбница за его письмо и выразил полное согласие с его планом. Он сообщил письмо Лейбница польскому посланнику графу Ностицу и Гольстену, датскому резиденту, которые сделали из него извлечение и отправили к своим дворам. Более недоверчиво отнесся к проекту Лейбница ганноверский министр Бернсдорф, потому что курфюрст держался в это время нейтральной политики. Бернсдорф одобрил самый план, но стал указывать на затруднения при его исполнении, на медленность и непостоянство, с которыми велись дела на сейме, на отдаленность договаривающихся держав и несогласия между ними. Со своей стороны, Шлейниц сделал только одно возражение. По его мнению, Саксонии и Дании нельзя было начать на сейме дело против Швеции, так как эти державы были заинтересованной в деле стороной и, следовательно, истцами в процессе. «А где найти в империи другие державы, — спрашивал Шлейниц, — которые имели бы достаточно авторитета и могущества, чтобы взяться за это щекотливое дело (*um der Katze die Schellen anzuhängen*)». Другое затруднение могла представить Пруссия, новый король которой Фридрих-Вильгельм I, как писал Шлейниц, «исключительно заботился о том, чтобы всех своих мужиков сделать солдатами». Но, несмотря на эти затруднения, Шлейниц называл записку Лейбница *un soup de maître** и обещал, в ожидании ответа от Саксонии и Дании, повлиять на Бернсдорфа, чтобы потом тотчас, смотря по обстоятельствам, принять все нужные меры для осуществления «такого важного дела». Несмотря, однако, на возражения Шлейница, Лейбниц считал необходимым, чтобы дело на сейме было начато посланниками Дании и Саксонии.

Надежда, — писал он Шлейницу, — что найдутся другие державы, которые взялись за дело, несбыточна. Возражение, что будто бы короли Дании и Саксонии не могут начать иска, потому что они составляют заинтересованную сторону в процессе, неосновательно, ибо в каждом деле и в каждой жалобе истец составляет одну из сторон.

По мнению Лейбница, было бы не трудно получить большинство на сейме. Католики все враждебно относятся к шведам, да и значительная часть протестантских чинов разделяет это чувство. Но если делать дело вполнину, то результат выйдет плохой. Император имеет самые лучшие намерения. «Я имел, — пишет Лейб-

* Мастерски исполненным делом (*фр.*). — Прим. пер.

ниц, — несколько случаев в этом убедиться вполне, но его недостаточно поддерживают».

Между тем Лейбниц в Вене продолжал хлопотать о том, чтобы побудить правительство императора к принятию деятельных мер против Швеции. Об этом свидетельствует написанный им проект циркуляра, который, по его совету, Матвеев должен был разослать трем канцлерам Венского правительства, т. е. имперскому вице-канцлеру графу Зейлерну, придворному канцлеру графу Зинцендорфу и канцлеру чешской короны графу фон Шлику. В этом циркуляре Лейбниц обращал внимание императорского правительства на явные и тайные меры Франции и Англии в пользу Швеции и на опасность, которой подверглась бы империя, особенно же наследственные земли императора, в том случае, если бы война с Швецией возгорелась с новой силой. В письме, при котором он посылал свой проект циркуляра и которое, вероятно, предназначалось кому-нибудь из членов русского посольства, Лейбниц советовал убедить Матвеева, чтобы он по крайней мере обратился к графу Шлику, так как подведомственные ему земли подвергались особенной опасности в случае Шведской войны. Лейбниц советовал напомнить Шлику, как пострадала Силезия во время похода Карла XII в Саксонию, который пополнил в Силезии свои войска и магазины, как в то время опасались за Богемию и как протестантские жители Силезии расположены в пользу Карла.

Так как переговоры между Лейбницем, Матвеевым и членами венского правительства были устные, то мы не можем познакомиться ближе с дипломатической деятельностью Лейбница в Вене. Только по случайно сохранившейся черновой записке мы узнаем о ней. Хлопоты его об австро-русском союзе против Швеции и Франции не имели успеха. Из его писем можно заключить, что император был не прочь от этого союза, надеясь, может быть, усилением военных действий против Франции на Рейне спасти Барселону, где все еще находилась императрица, и таким образом посредством Барселоны сохранить за собой хоть часть Испанского королевства. Но его советники и министры, следуя обычной австрийской политике, всегда осторожной и консервативной, боялись усложнить и без того затруднительное положение Австрии новым замешательством на севере. Но не одна осторожность австрийских министров была причиной того, что союз между Австрией и Россией не состоялся; столько же препятствовала ему и прусская политика, которая во время Северной войны отличалась особенной нерешительностью и постоянными колебаниями. Любопытные сведения об этом можно почерпнуть из письма Шлейница к Лейб-

ницу из Пирмонта. Хотя, как кажется, к тому времени, когда оно писано, еще не последовало ответа Саксонии и Дании на проект Лейбница, Шлейниц по-прежнему считал этот проект самым лучшим средством покончить с Швецией. «Нужно подорвать эту державу в корне, — писал он Лейбницу, — т. е. довести Францию до такого состояния, чтобы она не могла ей помочь». Но главным препятствием дружного действия России, Дании и Саксонии в союзе с Австрией против Франции, являлась теперь Пруссия, которая сблизилась с Гольштинией, переглядывалась с Швецией и даже думала о войне с Данией.

Я в кратких словах объясню вам, в чем теперь дело, — пишет Шлейниц. — После того, как король прусский объявил курфюрсту Ганноверскому, что он не состоит ни в каких обязательствах относительно Франции, и дал ему в этом деле крепкие уверения, он недавно стал открыто сноситься с ним насчет своего союза с администратором Гольштинии. Ильген даже прямо объявил ганноверскому послу в Берлине, по приказанию своего государя, что последний согласился бы начать войну с Данией, если бы курфюрст обещал присоединить несколько батальонов к прусским войскам. Курфюрст велел ответить на эти предложения, что он не прочь, со своей стороны, содействовать дипломатическим путем тому, чтобы Дания возвратила гольштинские земли, но что он не советует королю вступать в войну с Данией, так как эта война, по его мнению, не согласна ни с интересами императора и империи, ни с его собственными.

Мы имеем еще одно письмо Лейбница к Шлейницу, которое впрочем, не объясняет дальнейшего хода переговоров. Так как Саксония и Дания не решились на более деятельные меры против Франции и каждая из этих держав преследовала только ближайшие свои цели, то переписка с Шлейницем утратила для Лейбница главный свой интерес и, кажется, на время прекратилась.

Между тем прошел целый год со времени свидания в Карлсбаде, и Лейбниц все еще не получал из России ни ответа на свои письма, ни дальнейших инструкций. 26 октября он решился обратиться к царю с новым письмом, которое он отправил через Матвеева. В начале письма Лейбниц очень искусно, как будто мимоходом, намекает царю на то, что он мог бы быть ему очень полезен в дипломатическом отношении вследствие расположения к нему императора.

Я полагаю, что пример Вашего Величества немало к тому содействовал, что и император выказывал мне большую благосклонность, часто принимал меня кроме обыкновенных аудиенций и с удовольствием слушал то, что я с благодарностью и истиной сообщал о Вашем Величестве.

Потом Лейбниц резюмирует те советы, которые он давал, и те работы, к которым готов приступить, если ему дадут на то средства. Упомянув о том, что Головкин предлагал ему заняться вопросом о законодательстве в России и что сам царь говорил графу Шенборну об этом поручении, Лейбниц пишет, что он для этой цели несколько познакомился с мудрым уложением славной памяти царя Алексея и сделал некоторые замечания сообразно с изменившимися к лучшему обстоятельствами. Впрочем, если Лейбниц и сделал несколько замечаний к Уложению, то они, должно быть, были незначительны, ибо более чем через год после этого он пишет к Бурге¹:

Я еще не успел заняться русскими законами; другие занимаются этим предметом, но я, может быть, когда-нибудь пересмотрю то, что они сделали. Я сомневаюсь, чтобы царю нужны были юристы, и мне кажется, что он скорее желает обойтись без них из опасения ввести вместе с ними кляузничество (*les chicanes*). Очень трудно удержаться в середине между судебным кляузничеством, которое господствует в нашем судопроизводстве, и насильственным произволом турецкого визири или паши.

В числе известных нам советов Лейбница делать наблюдения за отклонениями магнитной стрелки, исследовать соединение Азии с Америкой, связать Европу с Китаем не только торговыми сношениями, но и обменом ремесел и искусств, собрать лингвистический и этнографический материал, мы встречаем один новый.

Собрать памятники истории восточной церкви, сочинения святых отцов и постановления соборов, тем более, что все вселенские соборы, признаваемые русскими, признаются также в Европе до второго Никейского собора, постановления которого были в свое время не приняты Карлом Великим.

Играть дипломатическую роль было всегда задушевным желанием Лейбница. Его не удовлетворяли частные, дипломатические поручения, которые от времени до времени выпадали на его долю; он желал более обширной, более постоянной деятельности на поприще дипломатии. Его пребывание в Вене казалось ему особенно удобным для осуществления этого желания. Хотя Раштадтский мир окончательно уничтожил надежды Лейбница на слияние антибурбонской и антишведской коалиций, но Шведская война все еще продолжалась, и более тесный союз между императором, Россией и будущим королем Англии казался ему очень желательным. Лейбниц мог считать себя живым представителем этого союза.

¹ Leibniti Opera Omnia / Ed. Dutens. T II. Part I. P. 328. Dec. 1714.

Почти сорок лет жил он при Ганноверском дворе, близко знал там людей и обстоятельства; теперь он сделался домашним человеком при Венском дворе, пользовался полной доверенностью императора Карла, а наконец поручение к царю в Карлсбаде давало ему некоторое право на доверие Петра и могло казаться первым шагом к более серьезной дипломатической деятельности. В Вене Лейбниц, как мы видели, действительно вращался в дипломатической сфере, сблизился с дипломатами, давал им советы, служил между ними посредником. О сношениях его с Матвеевым свидетельствует, между прочим, письмо к нему Ланчинского, секретаря при русском посольстве в Вене, от 18 июля 1714 г. Ланчинский извещает в нем Лейбница, к которому относится с большим почтением, что получил его письмо в половине десятого часа и с удовольствием и поспешностью исполнит его поручение, до 12 часов отправится к Матвееву и без замедления даст отчет об ответе Матвеева относительно известного дела. Но Матвеев, хотя, как мы говорили, сошелся с Лейбницем и очень хорошо принимал его у себя в доме, однако не удовлетворял его страсти к дипломатической деятельности. По крайней мере, в письме к Шафирову Лейбниц жалуется, что Матвеев не давал ему возможности оказывать русскому правительству такие услуги, какие он был в состоянии оказать, и что он не пользовался его влиянием при Венском дворе так, как это сделал бы Урбих.

Между тем за границей уже ходил слух, что Матвеева переведут в Варшаву или отзовут в Россию. Кто будет назначен его преемником — было неизвестно. В мае 1714 г. Матвеев неожиданно ночью выехал из Вены. Разнесся слух, что дипломатическими делами в его отсутствие будет заведовать некто Фронвиль из Люттиха, рекомендованный Матвеевым. Это обстоятельство оживило надежды Лейбница на дипломатическую деятельность и внушило ему мысль обратиться с письмом к вице-канцлеру Шафирову, чтобы через его посредство получить официальное дипломатическое поручение в Вене от русского правительства. Шафиров в это время находился в Константинополе для переговоров с турками. Лейбниц не был ему лично известен, но мог рассчитывать, что Шафиров знает его по донесениям Урбиха; кроме того, он посылал свое письмо через князя Прозоровского, с которым давно был знаком и на рекомендацию которого мог надеяться. В своем письме Лейбниц напоминает, что он своим посредничеством положил основание к сближению между русским и ганноверским правительствами и к отправлению в Ганновер князя Куракина, сообщает о своих свиданиях с царем в Торгау и Карлсбаде и о данных ему поручении-

ях и описывает свое привилегированное положение при Венском дворе. Чтобы убедить Шафирова в доверии, которым он пользуется с разных сторон, Лейбниц извещает его, что на днях получил подробное письмо от Софьи Ганноверской, наследницы английского престола, и передает ему различные новости об английских делах¹.

Далее Лейбниц говорит о солидарности интересов царя, императора и курфюрста Ганноверского, будущего короля Англии, «со всеми, с кем он связан своей службой»², и выражает надежду, что по возвращении Шафирова в Петербург он будет иметь возможность с большей пользой служить царю, ибо будет в состоянии лучше объяснить свои взгляды через посредство Шафирова, знакомого с немецким языком.

Около того же времени Лейбниц написал письмо к царю с просьбой поручить ему дипломатические сношения в Вене в случае окончательного отъезда Матвеева, но не отправил этого письма. Вероятно потому, что Матвеев скоро возвратился на свой пост. Только в январе следующего года, уже возвратившись в Ганновер, Лейбниц отправил письмо к царю, изменив в нем то место, где он просил себе дипломатического поручения в Вене. Со времени его принятия в русскую службу и назначения ему жалованья прошло теперь уже более двух лет, и Лейбницу с тех пор не только еще ни разу не выплатили жалованья, но даже не ответили ни на одно из его писем. Лейбниц не знал, что делать; не получая никаких сведений из России, он не мог заняться ни одним из поручений царя; как относительно законодательных вопросов, так и относительно развития научной и учебной части Лейбниц мог думать, что его письма к царю, отправленные через русское посольство в Вене, не дошли до своего назначения вследствие чьей-либо неаккуратности или недоброжелательства. Поэтому он был очень рад, когда узнал по возвращении своем в Ганновер, что в Петербурге находится, в качестве ганноверского уполномоченного, секретарь посольства

¹ Об этом письме и английских делах см. гл. VII, с. 549 данного издания.

² «*Stehe doch beständig in dem Gedanken, dass keine hohe Potenzen zu finden dero wahre Angelegenheiten besser verbunden als S. Gr. Cz. M. mit dem Röm. Reich und dessen hohen Oberhaupt und in dem Reich mit dem Churf. zu Hannover als einem durch die Rechte bestimmten Erbfolger von Grosbritannien also zwischen 3 Potentaten, denen allen dreyn ich mit Diensten verwand zu seyn die Ehre habe*» (Ведь я настаиваю на том, что нет такой высокой инстанции, которая в своих истинных интересах была бы теснее, нежели Его царское величество, связана с Римской империей и ее верховными властителями, а в самой империи — с курфюрстом Ганноверским, полноправным наследником Великобритании; т. е. такая связь существует между тремя властителями, с коими я имею честь быть связанным своей службой (нем.). — Прим. пер.).

Вебер¹. Лейбниц знал этого Вебера и решился воспользоваться его присутствием в Петербурге. Переделав свое Венское письмо к Петру, он отправил его к Веберу и попросил его лично передать письмо царю. Лейбниц заказал для царя счетную машину, с помощью которой можно было не только решать задачи по четырем правилам арифметики, но даже извлекать квадратные и кубические корни. Еще в свою бытность в Париже Лейбниц изобрел эту машину или, вернее, усовершенствовал изобретенную прежде Паскалем; но у него не было тогда достаточных средств, чтобы после нескольких неудачных попыток довести дело до конца. Машина делалась у одного механика в Цейце; работа требовала большой тщательности и подвигалась медленно. Поэтому Лейбниц посылал царю пока другой подарок европейской науки — извлечение из описания двора Аттилы, сделанного Приском². Мы уже видели, что Лейбниц причислял гуннов к славянскому племени и потому считал описание двора Аттилы особенно любопытным для царя.

Я заказал, — пишет Лейбниц царю, — с немалым издивением вещь, которая может послужить когда-нибудь вашему величеству великолепным подарком для китайского хана или персидского шаха, или для какого-нибудь другого важного государя, не столько по драгоценности материала, сколько по искусной отделке ее и полезному употреблению. Весь Готторпский глобус не может выдержать сравнения с ней. Между тем я занимаюсь историей скифских народов, подвластных вашему величеству, и убедился, что гунны говорили на сарматском или славянском языке и составляют одно племя не с венграми, как многие думают, а со славянскими народами. Царь гуннов, великий Аттила, властвовал от Каспийского моря до Балтийского, как теперь ваше величество. В одной древней греческой книге я нашел донесение о посольстве, отправленном к Аттиле одним из греческих императоров. Это донесение написано самим секретарем посольства, и из него видно, что Аттила был умный и умеренный государь, пощадившей жизнь даже тех, кто хотел извести его тайным убийством. Я хочу перевести для вашего величества это донесение, в котором можно найти много подробностей о могуществе, о дворе и подвигах Аттилы, доселе неизвестных, и чтобы дать некоторое о них понятие присылаю прилагаемое извлечение.

В заключение Лейбниц повторяет свою обычную просьбу сообщить ему, чем он может быть полезен, и дать ему возможность

¹ Вебер сделался потом известен как автор важного для Петровского времени сочинения «Das veränderte Russland».

² Приск, ритор и историк, живший при Феодосие II, написал сочинение о войнах Аттилы и Византийскую историю. От этих сочинений до нас дошел только отрывок, в котором Приск описал посольство к Аттиле. Этот отрывок в первый раз был напечатан в 1603 г.

содействовать благим намерениям царя в деле развитая цивилизации¹.

У Лейбница было еще одно желание, на которое он решился только намекнуть в письме к царю. В письме же к Веберу он подробнее изложил свою просьбу, чтобы ему выплатили жалованье за два года. Он просил Вебера, чтобы тот выбрал удобную минуту для передачи царю его «мемориала», когда царь бывает в хорошем расположении духа и не окружен большой свитой.

Может быть, его величество даст благоприятный ответ и сделает распоряжение выплатить если не всю сумму, то часть ее, а может быть, и всю. Было бы хорошо если бы его величество соизволил поговорить с тем, кто управляет его финансами. В 1712 г. это был какой-то любимец царя, русский барин², который выказывал мне большое расположение и в Дрездене очень быстро для меня все сделал. Выплаченная мне тогда сумма должна быть показана в большой книге или реестре, куда вписываются все платежи.

Лейбниц просит Вебера, нельзя ли все так устроить, чтобы ему впредь не нужно было беспокоить каждый раз царя, а можно было прямо обращаться в казначейство. Затем Лейбниц спрашивает, возвратился ли Шафиров в Петербург, был ли Урбих у царя и какой имел успех, будет ли сменен Матвеев и, наконец, кто состоит при царе тайным секретарем по немецкой переписке, тот ли самый, кто находился при нем в Карлсбаде (т. е. Остерман)? «Он говорил тогда, что хочет выйти в отставку».

Хотя Лейбниц и писал Веберу, что предпочел на этот раз не обращаться ни к кому другому, «так как некоторые могли бы более повредить делу, чем содействовать ему», но в его бумагах находятся черновые письма к Головкину и Шафирову, от того же числа и по тому же делу. Может быть, Лейбниц раздумал и, несмотря на письмо к Веберу, решил написать к канцлеру и вице-канцлеру для подкрепления своей просьбы.

Ответ Вебера — от 28 февраля. Он так интересен, что мы помещаем его целиком.

Уважаемое письмо вашего превосходительства от 22 января я получил на этой неделе и, стараясь исполнить ваши поручения, искал слу-

¹ Современный перевод этого письма находится в Государственном Архивном Кабинете (П. В. II, № 24) и напечатан г. Пекарским (Записки Академии наук. Т. IV). Самое же извлечение из Приска, присланное Лейбницем, по уверению г. Пекарского, в Кабинетных Делах не отыскано. В статье г. Пекарского письмо ошибочно помечено 22 января 1725 г.

² Лейбниц, как видно из ответа Вебера, имеет в виду Шереметьева.

чая передать царю письмо к нему вашего превосходительства и интересное приложение, что и сделал вчера утром. Царь, передав их своему переводчику, спросил меня, где вы теперь находитесь, что делаете, где пребывали до сих пор, остаетесь ли в Ганновере и проч. Я отвечал на эти вопросы, насколько мог, и желал продолжать этот разговор, но он был прерван прибытием нескольких генералов, и поэтому я не мог достигнуть своей цели. Случай, когда можно поговорить с его величеством наедине, чрезвычайно редки. С царем можно говорить или на пиршествах, или во время аудиенций, при которых присутствуют министры. Мне кажется, что если бы ваше превосходительство написали несколько строк великому канцлеру графу Головкину насчет невыплаченного жалования, а я, потом, по мере сил моих, поддержал бы эту просьбу, то это был бы самый верный и легкий путь, так как в такого рода делах всегда обращаются к графу. Я постараюсь незаметным образом разведать, как понравились царю переданные вещи, что он о них сказал и пр.

Здесь все готовится к серьезному походу; армия в 40 тысяч человек стягивается к Риге. Князь Голицын в Финляндии получил приказание предпринять что-нибудь решительное в Вестботнии. Он стоит уже у Торнео, хотя его армия чувствует сильный недостаток в припасах. Супруга покойного царя Ивана с ее тремя царевнами, из которых старшая была замужем за герцогом Курляндским, ожидают здесь через два или три дня. Матвеев переходит в Варшаву, но еще неизвестно, кто его заменит. Урбих здесь не был, и я не слыхал, что он должен приехать; мне, однако, говорили в канцелярии, что он от времени до времени сюда пишет. Вице-канцлер Шафиров возвратился сюда, к радости двора и всех иностранных послов. Он оказал здешнему государству большие услуги. Генерал Шереметьев также возвратился из Украины. Тайный секретарь Остерман, с которым ваше превосходительство познакомились в Карлсбаде, здесь и остается в здешней службе. Здесь ходят слухи, что царь собирается следующей весной совершить путешествие в Карлсбад, так как тамошние воды оказали ему прежде, как и потом царевичу, большую пользу.

Вслед за тем пришло другое письмо Вебера от 26 апреля. Вебер сообщал Лейбницу, что морские офицеры получили приказание отправиться в Кронштадт.

Работы по сооружению флота идут безостановочно; он будет состоять из 30 военных кораблей и к половине мая будет готов к отплытию. Как кажется, генерал-фельдмаршал Шереметьев получит начальство над сухопутной армией, а князь Меншиков останется при царе.

Далее Вебер сообщал чрезвычайно важную новость.

Царь твердо решился устроить коллегии: военную, морскую, торговля, юстиции, финансов, и для каждой из них назначить председателем. Генерал Вейде и некоторые другие русские офицеры, находившиеся в плену в Швеции со времени Нарвского дела и познакомившиеся

с устройством Шведского государства, руководят его величеством при учреждении этих коллегий, которые должны быть устроены по шведскому образцу.

Из этого видно, что учреждение коллегий было окончательно решено царем еще ранней весной 1715 г. и что уже с тех пор главное участие в этом деле принадлежало генералу Вейде, которому потом, в августе, было поручено «достать иностранных ученых и в правостях искусных людей для отправления дел в коллегиях»¹. Конец письма Вебера заключает в себе разные известия.

Король Август даровал имениям Сапеги, которые купил князь Меншиков в Польше, льготы на вечные времена (Immuniteten) из дружбы к князю. Выписанный из Голландии шутбинахт (контр-адмирал) Трессель умер, и здесь очень огорчены потерей этого опытного моряка. Умер также генерал фон Буш, двоюродный брат ганноверского тайного советника фон Буша, и царь потерял в нем хорошего генерала. Секретарь князя Меншикова Авраам Веселовский отправляется в Вену в качестве резидента; ему доставил это место вице-канцлер, его близкий родственник; он уезжает отсюда на этой неделе; между тем к Матвееву отправлен курьер с приказом оставаться пока в Вене или даже возвратиться туда в случае выезда. В течение этой священной недели русские держатся чрезвычайно строгого поста; они не питаются ничем, кроме воды, хлеба и чеснока; зато завтра в полночь начнется самое веселое их время, которое продолжается 14 дней. 13 апреля лед прошел к великой радости двора, и началось водяное сообщение. Следствие, наконец, приведено к концу, и 17-го совершилось наказание преступников. Вице-губернатор Петербургский Корсаков за свои страшные обманы наказан кнутом; имущество его конфисковано, а сам он сослан в Сибирь. Сенатору князю Волконскому и сенатору Опухтину сожжены языки за их ужасные клятвопреступления; все их имущество также конфисковано, а они сосланы. Двое других начальников приговорены к галерам, и им отрезаны носы, а остальные подверглись наказанию батожем (eine Art von Spiessruthen); некоторые же наказаны только тяжелыми денежными пенями и лишением должностей.

О делах Лейбница в этом письме нет ни слова. Итак, Лейбниц и через Вебера не достиг желаемого результата, не добился распоряжения о выдаче ему жалованья. Может быть, в громадной массе бумаг Лейбница в Ганноверской библиотеке со временем найдется еще несколько писем Вебера; но ни в каком случае они не будут заключать в себе более благоприятных для Лейбница известий. Иначе он не последовал бы совету Вебера и не обратился бы 10 мая 1715 г. прямо к канцлеру Головкину с просьбой сделать распоря-

¹ См.: Соловьев. История России. Т. XVI. С. 186.

жение о выдаче ему денег¹. Он не ограничился этой мерой и в то же время хлопотал о своем жалованье через Шлейница. В реляции Шлейница к своему двору от 19 февраля (2 марта нового стиля) есть приписка, в которой русский посол при брауншвейгских дворах передает просьбу Лейбница и подкрепляет ее своим ходатайством². Точно так же в письме своем к Лейбницу от 15 мая Шлейниц сообщает ему:

Я писал с сегодня отправленным курьером графу Головкину и барону Шафирову о выдаче вашего жалованья. Шафирову я писал, чтобы познакомить его с вашей личностью и вашими заслугами в таких выражениях, которые внушены мне моей дружбой и моим уважением к вам.

Возобновившаяся в 1715 г. переписка между Шлейницем и Лейбницем шла довольно вяло и касалась преимущественно современных политических вопросов, предстоявшей войны между Турцией и Венецией, возвращения Карла XII и политики Пруссии. Разрыв между султаном и Венецией грозил вовлечь в войну и Австрию, а в этом случае союз с Россией, от которого император так долго отказывался, получил бы для него чрезвычайно важный интерес. Вот почему Шлейниц писал в январе 1715 г. следующее.

Матвеев, наверное, теперь сильно поднял тон (*est sur ses grands chevaux*). Царь, вероятно, будет теперь ждать предложений от императорского двора, не делая никаких со своей стороны; он достаточно заискивал расположение императора; Венский же двор только и знал, что ухаживать за шведским королем. Король, впрочем, плохо отвечает на эти любезности, и даже не хотел согласиться, чтобы его свита и войска, возвращающиеся из Бендер, содержались на австрийский счет; но император непременно хочет, против воли короля и несмотря на его отказ, истратить 200 тысяч гульденов, ибо говорят, что столько будет стоить проход шведов через императорские владения. Шведский король, как говорят, объявил, что не хочет послать уполномоченного на Брауншвейгский конгресс; тогда останется только одно средство, чтобы император, Англия, Пруссия и имперские князья, заинтересованные в спокойствии округов Верхней и Нижней Саксонии, согласились с северными союзниками насчет условий мира, сообразных с теперешним положением шведского короля, и осуществили их против его воли; но я не вижу никакого основания рассчитывать на такой исход дела, пока императорский двор будет упорствовать в том, чтобы склонить швед-

¹ В бумагах Лейбница сохранились две черновые этого письма, несколько различные по выражениям.

² Московский архив Министерства иностранных дел. Ганноверские дела. Донесения Шлейница.

ского короля к миру любезностью и лестью. Это только избалует его и сделает его более упрямым; впрочем, может быть, такой политики держатся с ним, чтобы угодить Франции.

Лейбниц, как кажется, был не совсем согласен с политическими взглядами Шлейница. Он также жалел, что шведский король не присылал своего уполномоченного на Брауншвейгский конгресс, но потому что видел в этом единственное для него средство сохранить при заключении мира большую часть потерянных провинций как в Германии, так и на Балтийском море. Впрочем, так как этот взгляд Лейбница высказан в одном письме его к графу Боннвалю, влиятельному любимцу Евгения Савойского¹, то трудно решить, выражал ли Лейбниц свое собственное желание, или же только входил в виды австрийской политики. В письме этом Лейбниц говорит о

...новой грозе, собирающейся на Рейне, которая если разразится, то произведет большие смуты в империи. Шведы, с помощью Франции, формируют значительный отряд войска (в княжестве Цвейбрюкенском, принадлежавшем Карлу XII). Они льстят себя надеждой, что гессенцы присоединятся к ним; тогда могла бы составиться армия достаточно сильная, чтобы проникнуть через Вестфалию и Нижнюю Саксонию и приблизиться к Ольденбургу и Бремену². От этого может произойти довольно серьезная опасность, так что Бранденбург, Мюнстер и брауншвейгские князья, с помощью саксонских войск, уже двинутых в Турингию, может быть, будут принуждены сформировать армию против шведов и даже призвать на помощь Генеральные Штаты на основании известных договоров. Можно опасаться, что шведский король совершенно себя погубит, доводя дело до крайности, и тогда никакие силы Франции не будут в состоянии отнять у царя то, что он может еще занять в самой Швеции. Между тем, если бы король захотел признать Брауншвейгский конгресс, составленный по настоянию его императорского величества, он мог бы не только сохранить то, что ему еще остается в империи, но и возвратить все остальное дипломатическими средствами и тогда обратиться все свои силы против царя, чтобы отнять у него Финляндию и Ливонию.

С другой стороны, Лейбница не менее беспокоила Пруссия. Колеблющаяся политика этой державы во время Северной войны постоянно давала повод опасаться, что она наконец решительно перейдет на одну из сторон и подаст повод к неожиданным столкновениям. Друзья Швеции не теряли надежд, что им удастся при-

¹ О Боннвале и его отношениях к Лейбницу см. гл. VII, с. 545 данного издания.

² Княжество Бременское принадлежало в то время Швеции, но было захвачено Данией и Ганновером.

влечь Пруссию на свою сторону. В феврале 1715 г. приезд ланд-графа Гессенского, родственника Карла XII, в Берлин внушил Лейбницу, как и многим другим, страх, что Пруссия сблизится с друзьями Швеции. В мае в Пруссию приехал маркиз де Кроасси, французский дипломат, чтобы своим посредничеством примирить воюющие стороны, конечно, в интересах Швеции. Правда, он объявил, как писал Шлейниц Лейбницу, что французский король предлагает свое посредничество только с согласия и содействия императора и что если император выскажется против этого, то король откажется от своих предложений и предоставит одному императору привести к концу Северную войну. «Fistula dulce capit»*, — прибавил Шлейниц. Но если Лейбниц в интересах мира не желал сближения Пруссии с Швецией, то его по той же причине очень беспокоил договор между Пруссией и Россией. В мае 1715 г. он узнал, что по секретному параграфу этого договора Пруссия должна была удерживать до заключения мира не только шведскую крепость Штеттин, но и всю Померанию между Одером и Пенной и что царь гарантирует королю занятие этой области, если бы кто-нибудь захотел вытеснить его оттуда.

Так как царь наконец подписал этот договор, — пишет Лейбниц Боннвалло, — то, как я узнал, по первому требованию Пруссии царь двинет в Померанию войска, которые он держит наготове в Курляндии, и вот, значит, русские снова будут призваны в пределы империи, если не найдется средства отвратить эту новую бурю.

Ходатайства Шлейница остались столь же безуспешными, как и хлопоты Вебера. Лейбниц между тем не переставал заботиться об интересах русского просвещения. В сентябре 1715 г. он извещает Шлейница, что продается отличная библиотека, стоявшая, может быть, более 50 тысяч талеров и которую, вероятно, можно было бы купить за четвертую часть ее стоимости. «Так как его величество намерен составить значительную библиотеку, хорошо снабженную по всем предметам», то Лейбниц советует Шлейницу обратить внимание на предлагаемую библиотеку.

Купив ее, царь мог бы положить основание библиотеке, достойной такого великого государя. По моему мнению, царю следовало бы иметь библиотеку, которая не уступала бы ни одной европейской, тем более, что эта библиотека была бы единственной в его стране, тогда как в других местах, в Вене и Париже, в Лондоне и Риме, то, чего недостает в библиотеке государя, может быть пополнено с помощью большего числа других публичных и частных библиотек.

* Сладко поет труба (лат.). — Прим. пер.

Шлейниц ответил на это Лейбницу, что так как царь собирается выйти в море из Ревеля вместе с русским флотом, то он, без сомнения, будет присутствовать при военных делах в Померании и призовет его (Шлейница) к себе.

Граф Головкин и барон Шафиров будут находиться при его величестве, и тогда представится удобный случай не только похлопотать о выдаче невыплаченного жалования, но и посоветовать (*insinuer*) министрам и царю приобрести библиотеку. Вы можете рассчитывать на меня как в том, так и в другом отношении, — писал Шлейниц, — и вы, без сомнения, одобрите, что по этой причине я теперь не пишу министрам, ибо, насколько я знаю ход наших дел, это не имело бы ни малейших последствий. Но мы таким образом выиграем время, если вы между тем постараетесь в точности узнать число и свойство книг в библиотеке, т. е. достать подробный каталог.

Еще до получения этого письма от Шлейница Лейбниц извещил его, что он будет только через несколько месяцев в состоянии сообщить подробности о предлагаемой библиотеке, так как его знакомый, через которого он имеет сведения о ней, уехал.

Но между тем, — писал он, — можно бы было составить общий план для приобретения библиотеки для царя, ибо это одно из самых важных и необходимых орудий для развития наук. Царь мог бы назначить ежегодную сумму для покупки книг на аукционах и у книгопродавцов, кроме покупки целых библиотек для ускорения дела. Я полагаю, что я в этом деле мог бы быть полезен его величеству.

В том же году Лейбниц возобновил свою переписку с Гюйссеном, которая прекратилась или потому, что письма Лейбница не доходили до Гюйссена, или же потому, что последний не отвечал на них. Из этой переписки сохранились только два письма Лейбница: первое, от 12 июля, не представляет особенного интереса; второе же очень оригинально по своему содержанию.

Супруга царевича Алексея скончалась 22 октября (старого стиля) 1715 г. Весть о ее кончине вызвала при многих маленьких немецких дворах не столько сожаление, сколько разнообразные надежды. Родственный союз с будущим русским царем был так заманчив, что число заботливых отцов и честолюбивых матерей, надевшихся при этом случае выгодно пристроить одну из своих взрослых принцесс, было, вероятно, немалое. Но еще более, может быть, в этом деле были заинтересованы разные придворные прожектеры и скучающие дипломаты, для которых возможность устроить выгодный брак была счастливым случаем, обещавшим

и дипломатическую известность, и блестящую карьеру. Зашевелились поэтому в разных местах дипломаты, завязалась переписка, начались переговоры о новой женитьбе царевича. Об одной из таких попыток мы узнаем из письма Лейбница к Гюйссену, написанного 24 декабря 1715 г., следовательно, не более как через неделю после смерти царевны. К кому в этом случае было удобнее обратиться, как не к Лейбницу, который находился в сношениях с Русским двором. Лейбниц же, со своей стороны, считал всего более удобным обратиться к Гюйссену, который принимал некоторое участие в первом сватовстве царевича, и как прежней воспитатель его, мог сохранить некоторое влияние на него. К сожалению, по письму Лейбница нельзя догадаться, о какой принцессе идет речь и какой двор так поспешно вздумал воспользоваться вдовством царевича¹.

Я не люблю, — пишет Лейбниц, — надоедать тем, кого уважаю, но надеюсь, что вы не посетуете на меня за то, что я по просьбе одного высокопоставленного лица (*personne distinguée*) не могу не спросить вашего мнения об одном важном деле, которое в известном отношении вас касается (*est de votre ressort*). Смерть такой достойной принцессы, как супруга царевича, тронула всех, кто умеет ценить добродетель, украшенную высоким саном. Но разумеется, что в возрасте царевича, как бы глубоко он ни чувствовал своей потери, нельзя подражать горлицам и что он будет поставлен в необходимость жениться во второй раз для упрочения своего рода (*ob firmamenta domus*). Об этом подумали при известном дворе, где есть протестантская принцесса, красивая, умная, богатая наследница, через которую можно было бы сделаться членом могущественного союза. Одно лицо, принадлежащее к этому двору, пожелало, чтобы я расследовал почву, и мне казалось, что я не могу найти лучшего для этого способа, как обратиться к вам. Я представляю на ваше усмотрение завести об этом речь и действовать, как вы найдете то удобным. Но я прошу вас ответить так, чтобы мы знали, как нам поступить. Не знаю, приняты ли уже у вас какие-либо другие меры на этот счет. Известное лицо не позволило мне высказаться яснее. Но как скоро мы узнаем, что доступ не закрыт для переговоров и что дальнейшие объяснения будут приняты с удовольствием, я буду иметь честь сообщить вам дальнейшие подробности, не сомневаясь, что в этом случае вы с удовольствием примете участие в таком подходящем деле (*affaire si convenable*): я полагаю, что вам будут очень обязаны с той и другой стороны, и по крайней мере могу уверить вас в том относительно той стороны, от имени которой я говорю.

К сожалению, мы не знаем, какой ответ получил Лейбниц от Гюйссена. Но что Гюйссен писал ему, видно из письма Лейбница

¹ Письмо Лейбница (*Leibnitii Opera Omnia* / Ed. Dutens. T. V. P. 542).

к французскому ученому аббату Биньону, в котором упоминается о письме Гюйссена¹. Мы тем более жалеем об утрате ответа Гюйссена, что, за исключением писем Вебера, это было бы единственное письмо, полученное Лейбницем из России со времени карлсбадского свидания. Три с половиной года прошло с тех пор; ни одна просьба Лейбница не была исполнена, и надежды его, что карлсбадские знакомства будут иметь какой-нибудь практический результат, вероятно, очень ослабели. Вдруг эти надежды оживились. Лейбниц узнал наверное, что царь собирается летом 1716 г. побывать на водах в Германии. Уже в марте Лейбниц знал об этом и торопил своего друга Тейбнера², которому было поручено наблюдать за изготовлением счетной машины. Так как трудно было найти хорошего мастера для машины, то окончание ее подвигалось медленно. Механик, у которого она находилась в работе, обещал, что к лету будет готова только часть ее. Лейбниц настаивал, чтобы она была вполне окончена, так как он ожидал приезда английского короля и царя и так как для него было чрезвычайно важно «представить им что-нибудь оконченное».

Для Лейбница было чрезвычайно удобно, что царь на этот раз выбрал для своего лечения не Карлсбад, а Пирмонт, так как Пирмонт находится недалеко от Ганновера. 23 мая старого стиля Петр высадился в Гарбурге, а на другой день поехал в Герренгаузен, где его ожидали внук Георга I и ганноверские министры. 26 мая он выехал в Пирмонт, где пользовался водами до 15 июня. На обратном пути он провел опять два дня в Герренгаузене и 17-го выехал оттуда в Мекленбург³. Лейбниц провел с царем неделю в Пирмонте и потом находился при нем в Герренгаузене. Во всех своих письмах от этого времени он упоминает о царе, и все они исполнены благоговения к великому государю. Гамбургскому сенатору Видау Лейбниц пишет: «Царь казался очень весел, и воды сделали ему большую пользу». В другом письме он пишет⁴: «Я был поражен не только человечностью этого замечательного государя, но и его знанием дела и верным суждением». «Чем ближе я узнаю ха-

¹ Письмо Лейбница к Биньону (*Leibnitii Opera Omnia* / Ed. Dutens. T. V. P. 565). Между бумагами Гюйссена, хранящимися в библиотеке Императорской Академии наук находится несколько писем Гюйссена к Биньону.

² Переписка Лейбница с Тейбнером напечатана филологом Ноббе в Лейпциге в 1846 и 1847 гг. (*Ducesima Natalicia Leibnitii*).

³ О путешествии царя см.: *Bacmeister. Beiträge zur Gesch. Peters d. Gr. Riga, 1774. Ч. II.*

⁴ *Miratus sum in tanto Principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum et judicium acre.*

раक्टर царя, тем более пред ним благоговею¹», — пишет Лейбниц Бернулли. А в письме его к Бурге мы читаем:

Я не могу довольно надивиться живости и уму этого великого государя. Он со всех сторон собирает около себя сведущих людей, и, когда он с ними говорит, они совершенно поражены: с таким пониманием их дела он ведет с ними речь (*tant il leur parle à propos*). Он осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой.

Из этого видно, каких предметов главным образом касался Петр в своем разговоре с Лейбницем, и можно предположить, что здесь у царя созрела мысль посредством особенной экспедиции исследовать географическую связь между азиатским и американским материками, которая была приведена в исполнение несколько лет спустя.

К сожалению, Лейбниц, сколько нам по крайней мере известно, не оставил нам никаких подробностей о пребывании царя в Пирмонте и о своем свидании с ним, как и о свиданиях в Торгау и Карлсбаде. Вследствие осторожности или по недостатку времени он в своих письмах не сообщает даже своего разговора с царем. Так, в письме к Тейбнеру из Ганновера от 26 июня нового стиля он говорит только:

Вчера я говорил с русским царем и обещал ему машину. Поэтому нужно стараться, чтобы я мог исполнить обещание.

Только одну интересную подробность о жизни царя в Пирмонте находим мы в письме Лейбница к Бернулли.

Когда царь решился пить воды (*acidulas Sauerbrunnen*), он велел пить себе кровь; то же самое сделали и другие лица его свиты, которые имели то же намерение, в том числе и русский священник, находившийся при царе. Кровь этого священника была хуже всех — бледная и густая. Когда кончилось лечение, царь, так как очень любознателен (*ingeniosus*), захотел подвергнуть опыту влияние вод и велел во второй раз пустить священнику кровь. Кровь оказалась самая чистая, отличного цвета, такого свойства, как она бывает у самого здорового человека. Я сам присутствовал, когда ее принесли. Царь был в восхищении — и был прав, ибо невозможно приписать такую значительную перемену в столь короткое время одной диете.

¹ Et quanto magis hujus Principis indolem prospicio, tanto eam magis admiror (см.: *Commercium Philosophicum Leibn. et Bern.* 1745. С. 306).

В Ганновере ходит предание, что Петр страдал в то время онемением или ревматизмом в руке, вследствие чего он не мог целить ружьем, и что Лейбниц придумал для него особый снаряд, с помощью которого царь мог держать ружье и верно направить его на цель. Снаряд этот хранится в Ганноверской библиотеке.

Вследствие краткости писем Лейбница, мы не знаем, было ли ему в Пирмонте заплачено жалованье за истекшие три года, были ли ему даны какие-либо новые поручения, и какие обещания были ему сделаны относительно высылки из России материалов для его филологических и юридических трудов. Но мы знаем, что он в Пирмонте возобновил те предложения и советы, на которых настаивал в течение стольких лет. На этот раз он действовал через Шафирова, с которым мог объясняться без переводчика. 11 июня нового стиля он подал Шафирову записку в форме письма¹, в котором, упомянув о своих дипломатических услугах и исследованиях по славянским древностям, о своем намерении заняться вопросом об улучшении русского судопроизводства, устройством учебной части и средствами избежать злоупотреблений в европейских школах и университетах, он просит сделать надлежащие распоряжения и дать ему возможность сноситься впредь более правильным образом с Русским двором и быть полезным своими представлениями и письмами. В особенном приложении он указывает по пунктам, каким способом царь мог бы с великой славой содействовать цивилизации и развитию различных наук: 1) в древней истории и этнографии — собиранием лингвистического материала; 2) распространением христианства посредством миссионеров; 3) содействовать к улучшению мореплавания посредством наблюдений над склонениями магнитной стрелки, для чего нужно было бы снестись особенно с Англией; 4) к развитию астрономии — астрономическими наблюдениями; 5) к разъяснению географии — исследованием вопроса о соединении Азии с Америкой; 6) к развитию естественных наук — собраниями всех растений, животных и ископаемых, которые встречаются не только в России, но и в соседних с ней странах, особенно на востоке; 7) наконец к улучшению всех вообще наук и искусств — переводом на русский язык краткого изложения всех наук и основательными описаниями всяких ремесел и промыслов.

Ко времени пребывания в Пирмонте мы относим, по разным причинам, еще три записки Лейбница, не обозначенные им хроно-

¹ У Посселята (*Posselt. Peter d. Gr. und Leibniz. S. 271*) письмо неверно обозначено 22 июня старого стиля; следует читать 22 июня нового стиля.

логически. Первая из этих записок касается наблюдений над склонением магнитной стрелки. Лейбниц доказывает в ней важность этих наблюдений для мореплавания, подобно тому, как в записке, отправленной к Брюсу, в Грейфсвальд. Время подачи этой записки легко определить, и мы удивляемся, как первый издатель ее мог отнести ее к 1712 г., несмотря на то, что курфюрст Ганноверский называется в ней королем Англии. Лейбниц говорит в своей записке:

Так как недавно английский парламент сделал постановление относительно определения меридианов, то было бы, может быть, полезно войти по этому вопросу в сношения с королем Англии; и если бы это было согласно с намерениями его величества царя, то эти сношения можно бы было завязать через меня с помощью статсекретаря Стангона, который, вероятно, прибудет с его королевским величеством.

Так как во время пребывания Лейбница в Пирмонте ожидали приезда из Англии Георга I, то приведенная записка, без всякого сомнения, была подана царю в Пирмонте или Ганновере в июне 1716 г.

Другую пространную записку, начинающуюся словами: «Nachdem S. Gr. Cz. M. mir allgn. aufgetragen»* и заключающую в себе подробный план для устройства учебной части, мы относим к этому же времени по двум причинам: во-первых, Лейбниц говорит в начале записки о представленном им описании двора Аттилы; следовательно, она была составлена после отправления письма от 22 января 1715 г.; после же этого письма и до свидания в Пирмонте Лейбниц, сколько нам известно, не обращался ни к царю, ни к русским министрам ни с какими письмами; во-вторых, Лейбниц в письме к Шафирову обещает представить свои соображения относительно того, как избежать злоупотреблений, вкравшихся в европейские университеты, и так как в упомянутой записке он подробно касается этого вопроса, то и следует заключить, что она была составлена для исполнения обещания, высказанного в письме к Шафирову. Лейбниц для развития просвещения считал необходимыми три средства: 1) приобретение всех нужных пособий, 2) обучение тому, что уже достигнуто в разных науках, и 3) дальнейшее развитие этих наук. Под пособиями он разумел библиотеку, музей и то, что он называет *theatrum naturae et artis***.

Подобно тому, как он исчисляет он то, что необходимо для полной библиотеки, и ссыла-

* По поручению, милостиво возложенному на меня Его царским величеством (нем.). — Прим. пер.

** Театром природы и искусства (лат.). — Прим. пер.

ется на пример португальского короля, который также собирает значительную библиотеку, так как в его стране был недостаток в иностранных книгах. Затем он переходит к музею с его разнообразными отделениями и так называемому «зрелищу природы и искусства». К последнему он относит ботанические и зоологические сады, аквариум, анатомический театр, обсерваторию, лабораторию и то, что в XIX в. было бы названо промышленным и сельскохозяйственным музеем.

Замечания Лейбница об устройстве школьной части заслуживают особенного внимания и могут служить интересным дополнением к тому, что известно о его педагогических взглядах. Лейбниц, как мы указали в первой части нашего сочинения, не сочувствовал тогдашней педагогике, которая главным образом имела в виду формальное воспитание и ставила в школе латинский язык на степень живого языка. Лейбниц как представитель в своем отечестве современного европейского духа постоянно настаивал на большем сближении теории с жизнью, на практическом применении результатов науки. Он требовал этого не только от университетской науки, но считал нужным уже в школе дать некоторое место тому, что мы называем практическим элементом, и, кроме того, обратить больше внимания на физическое воспитание. С этой точки зрения нужно рассматривать краткие замечания Лейбница, которые имели в виду не подробную программу школьного обучения, а лишь общий план его. Лейбниц считал необходимым устроить тройкие заведения сообразно возрасту учащихся: школы для детей, университеты для юношества и академии для взрослых людей, самостоятельно разрабатывающих науку. Школа, по его мнению, должна иметь три цели: нравственное воспитание, обучение языкам и обучение художествам (Künste). Под последним словом Лейбниц понимал науки в противоположность языкам и физическое воспитание. В первом отношении школа должна развивать в детях религиозность, доброту, послушание, честность и т. п. Относительно обучения языкам Лейбниц советует держаться следующей системы: те дети, которые предназначаются для какого-нибудь ремесла, могут ограничиться одним русским языком; те, которые готовятся к торговле, должны кроме того изучать латинский и немецкий языки; детям, которые должны получить высшее образование, следует, кроме того, заниматься греческим, а также французским или итальянским языками. Мальчики, предназначенные для духовного звания, должны кроме того учиться еврейскому языку; наконец те, которые готовятся к ученому званию и к занятию высших духовных и светских должностей, должны отлично

знать греческий язык и несколько упражняться в арабском. Последний язык Лейбниц, вероятно, считал необходимым для русских ради их сношений с Востоком. Между предметами, служащими к достижению третьей цели, Лейбниц, называет катехизис, основания логики, музыки, арифметику, рисование, ручные работы, как например токарное искусство и резьбу, геометрию, главные основания хозяйства, фехтование и верховую езду, смотря по свойствам и наклонностям каждого. Дети, готовящиеся к ремесленным и торговым занятиям, должны оставаться в школах до 12- или 14-летнего возраста, остальные — до 18-летнего.

По окончании курса в школе молодых людей, предназначенных в военную службу, следует посылать в гарнизоны и гавани для изучения их специальности, а тех, которые готовятся к гражданской службе, определять в университеты или дворянские лицеи (Ritteracademieen). Чтобы избегнуть злоупотреблений, которые вкрались в немецкие университеты, Лейбниц считает необходимым, чтобы молодые люди не пользовались неограниченной свободой, а были бы размещены по коллегиям или бурсам и жили там под присмотром наставников. В университетах каждый студент, несмотря на различие факультетов, должен посвятить некоторое время общему образованию, преимущественно с целью развить ум и красноречие. Но так как ничто в такой степени не содействует развитию ума, как математика, то каждый студент должен слушать несколько времени лекции математики и механики. Кроме того, Лейбниц считал необходимым, чтобы в каждом университете был профессор сельского хозяйства. Разбирая затем отдельные факультеты, Лейбниц советует, чтобы студентов богословского факультета особенно приспособляли к миссионерству и поэтому не только развивали в них терпение и постоянство, но и упражняли несколько в математике, медицине и хирургии, с помощью которых они могли бы приобрести влияние и популярность у диких народов. Юристы должны еще в университете практически изучать свой предмет; а тем, которые готовятся к высшим должностям государственной службы, следует, кроме того, изучать государственное право и всеобщую историю, особенно историю новейших времен. Наконец, относительно тех, которые выходят учителями и профессорами, Лейбниц замечает, что их не следует держать, как в Германии в бедности и пренебрежении; но профессоров поставить наравне с высшими чиновниками в главных городах и при дворе, а учителей уравнивать во всем с высшими чиновниками в провинции. Школы Лейбниц советовал устроить, если возможно, при монастырях, университеты же — в главных

городах, как Москва, Киев, Астрахань и т. п. Замечательно, что Лейбниц, перечисляя города, в которых следовало учредить университеты, всегда называет Астрахань. Нам кажется, что выбор Астрахани для университета в восточной полосе России удачнее, чем впоследствии действительно состоявшийся выбор Казани. Влияние Казани на сибирский край и поддержка, извлекаемая оттуда Казанским университетом, очень незначительны, тогда как университет в Астрахани достиг бы гораздо скорее высокого процветания, ибо притягивал бы к себе умственные силы не только приволжского, но и всего кавказского края и сделался бы истинным рассадником русского просвещения на востоке.

По поводу третьего пункта — развития наук Лейбниц говорит, что для этого необходимо, во-первых, собрать то, что уже известно, и, во-вторых, исследовать то, что неизвестно. То, что известно, или уже изложено в сочинениях, или еще не записано. Прежде всего нужно бы было собрать то, что уже изложено в сочинениях. Для этого необходимо составить словари, системы и руководства. Словари могут быть составляемы по алфавиту или систематически. Словарей существует очень много, но еще недостает самых важных, говорит Лейбниц, особенно технических словарей. Лейбниц предпочитает алфавитным словарям систематические; он называет их *indices reales**, так как в них предмет изложен в большей связи — например, история хронологически, география по государствам. Для большего удобства, говорит он, к ним могут быть приложены алфавитные указатели. К этим энциклопедическим словарям Лейбниц причисляет историю наук с биографическими указаниями о жизни тех лиц, которые содействовали к развитию наук, и полную библиографию каждой науки, так называемую *bibliotheca classica***. Под системами Лейбниц понимает полное изложение каждой науки, свод всего, что сказано о ней в хороших книгах. Такие своды, по его мнению, тем более необходимы, что с каждым годом растет количество вновь выходящих книг, и при этом, вследствие склонности людей к новизне, плохие книги часто вытесняют хорошие, так что много полезных сведений теряется и пропадает в густой чаще бесчисленных книг. Руководства Лейбниц разделяет на три разряда по размерам: на самые полные, средние и сокращенные. Полного руководства по всем наукам со всеми нужными указаниями, рисунками и прочим, говорит он, еще не существует; но оно могло бы быть результатом совокупных трудов

* Реальными каталогами (лат.). — Прим. пер.

** Классическая библиотека (лат.). — Прим. пер.

какой-нибудь хорошо устроенной академии. Опыты энциклопедических руководств среднего размера существуют: например, энциклопедия, изданная Кенерманом, или энциклопедия Альстедия, которая еще лучше; но Альстедий писал в то время, когда люди еще не достигли больших успехов, и его энциклопедия устарела. Затем, Лейбниц советует приступить к тому, чтобы привести в известность и записать те сведения, которые разбросанно существуют у разных промышленников. Подобно тому, как много прекрасных изобретений, сделанных греками и римлянами, для нас потеряны, потому что не были вовремя записаны, например употребление многих растений и лечебных средств; так и в наше время много полезных сведений, распространенных между крестьянами, ремесленниками, охотниками, рыбаками, купцами и др., пропадает почти даром, вследствие того, что они известны только небольшому числу людей. В этом отношении каждый народ должен был бы начать с себя, и уже теперь в России можно было бы приступить к собиранию тех практических сведений, которые можно найти как в ее пределах, так и у соседних с ней диких народов. У последних, например, часто встречаются чрезвычайно полезные лечебные средства, которые можно было бы заимствовать у них посредством миссионеров. Наконец, следовало бы приступить к исследованию и описанию мало известных произведений необъятной России, для чего можно было бы с пользой употребить учителей в школах, которые предполагается открыть. Между новыми открытиями, которые можно сделать в России, Лейбниц снова упоминает о наблюдениях над магнитом и о соединении Азии с Америкой.

Ко времени же составления изложенной записки мы относим, наконец, и знаменитое письмо Лейбница к Петру о коллегиях¹. Мы называем его знаменитым потому, что оно подало повод думать, что Лейбниц первый внушил Петру мысль дать высшей администрации России коллегияльное устройство. Письмо это написано на имя царя, но без означения числа и места. Подлинник, написанный, впрочем, не рукой Лейбница и не подписанный им, находится в России и хранится в Московском архиве, из чего можно заключить, что это письмо действительно было вручено Петру. Черновой мы не нашли в Ганновере между бумагами Лейбница. Мы относим это письмо ко времени пребывания царя в Пирмонте по следующим причинам: в предшествовавших своих письмах Лейбниц нигде не упоминает о том, что он писал царю о коллеги-

¹ *Posselt. Peter d. Gr. und Leibniz. S. 226.*

ях; из выражения «überreiche diese Blätter»¹ можно заключить, что записка была подана в том месте, где находился царь, и даже отсутствие обозначения времени и места может служить подтверждением нашего предположения, так как во всех письмах, отправленных к царю из-за границы, Лейбниц тщательно обозначал время и место отправления. Мы представляем себе дело так. Узнав от Вебера и потом, может быть, в самом Пирмонте от придворных, что царь решился устроить коллегии, Лейбниц поспешил убедить Петра, что в числе прочих коллегий необходимо учредить и особую коллегию для народного просвещения, описал устройство этой коллегии и вызвался составить план для устройства остальных.

Если наше предположение верно, и письмо действительно было подано в 1716, а не в 1712 г., как полагал его издатель Поссельт, то все толки о влиянии Лейбница на устройство администрации и законодательства в России должны быть отвергнуты, и надежды, что со временем найдутся другие записки Лейбница, которые еще яснее докажут это влияние, должны считаться несбыточными¹. Не Лейбниц первый заговорил о коллегиях. Мысль о их устройстве давно укоренилась в уме великого преобразователя России, и давно уже были составлены инструкции для приведения в исполнение этой мысли и для приискания годных людей, когда Лейбниц подал свою записку. Итак, мнение, что Лейбниц имел какое бы то ни было влияние на устройство коллегий, нужно отнести к области таких же вымыслов, как и темное предание, приписывающее знаменитому философу табель о рангах в России.

Предположение, что «Лейбниц имел гораздо большее влияние на Петровское законодательство, чем можно судить по немногим его сохранившимся проектам и представлениям», поддерживалось тем, что между бумагами Лейбница, хранящимися в отдельном, прекрасно переплетенном томе в Московском архиве Министерства иностранных дел находятся три пространные записки: «Мысли об устройстве финансовой части», «Инструкция для конфискационной канцелярии в России» и «Проект о сборе поголовных денег», которые до сих пор приписывались Лейбницу. Все они свидетельствуют о близком знакомстве автора с положением финансов в России и об опытности его в самом делопроизводстве этого ведомства. Последняя из них послужила основанием обнародованного в 1730 г. высочайшего указа — инструкция канцелярии конфискации, — помещенного в томе VIII «Полного собрания за-

¹ См.: *Posselt*. S. 211.

* Протянул ему эти листы (нем.). — *Прим. пер.*

конов». Первые две записки были напечатаны г. Поссельтом в его издании «бумаг Лейбница, хранящихся в Московском архиве» с пояснением, что они были отправлены Лейбницем к царю через русское посольство в 1714 г. Нельзя не удивляться, каким образом издатель их мог, нимало не усумнясь, приписать их Лейбницу, когда автор их, и особенно первой, обнаруживает такое знание русской администрации и финансов, какое Лейбниц, живя за границей, никак не мог приобрести. Кроме того, в «мыслях о финансах» говорится о камер-коллегии как о существующем учреждении, а известно, что коллегии были открыты уже после смерти Лейбница. Наконец, в этой записке постоянно встречается слово *allhier** и однажды даже выражение *bei meinem employ*** , из чего прямо следует, что автор не только писал, но и служил в России.

По устранении этих записок остается одна, в которой Лейбниц вышел из пределов обыкновенного своего предмета — вопроса о развитии просвещения в России — и коснулся общих государственных дел: это вышеупомянутая записка о коллегиях. Но если мы должны отнести ее к более позднему времени, чем полагали прежде, и таким образом уменьшить ее значение, то нельзя не выразить сожаления о том, что высказанная в ней главная мысль о необходимости устроить особенную коллегию для заведования народным просвещением не нашла себе осуществления и что интересы этой важной отрасли народной и государственной жизни не были тогда же поручены особому ведомству. Познакомимся теперь с содержанием записки, подавшей повод к нашему отступлению.

Бог, как зиждитель всякого порядка, управляет всем своей невидимой десницей мудро и законно. Боги этого мира, представляющие образчик Божьего могущества, должны устроить свое правление по образу небесной державы, если хотят за свои большие труды наслаждаться процветанием своего государства. Ваше царское величество, как кажется, совершенно убеждены в справедливости этих слов; ибо ваше похвальное рвение дать вашим областям хорошее устройство известно всему свету, и Европа с изумлением взирает на плоды этого великого подвига. Это зрелище вдохновляет многие сердца и вселяет в них желание содействовать всем, что они считают полезным для такого святого дела. Я откровенно признаюсь, что нахожусь в числе тех, которые исполнены рвения способствовать по своим силам к благоденствию вашей царской державы. Поэтому я надеюсь, что это всеподданнейшее предложение, заключающееся в моей записке, будет принято вашим величеством сообразно с вашей милостью, известной всему свету, не как смелое, достойное наказания предприятие, а как выражение моего же-

* Здесь... (нем.). — Прим. пер.

** У себя на службе (нем.). — Прим. пер.

лания видеть государство вашего царского величества в цветущем состоянии. В этой надежде подаю эти листы с глубочайшим почтением и полнейшим уважением, всеподданнейше желая, чтобы Господь со своей выси благословил великие намерения вашего царского величества и еще долго сохранил вашу священную особу в здравье и бодрости для благоденствия вашей державы.

После этого вступления Лейбниц переходит прямо к вопросу о коллегиях.

Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы. Но как по различию часов одни требуют большего, другие меньшего количества колес, так бывают различны и государства, а потому никак нельзя установить для всех определенного числа коллегий.

В державе вашего царского величества можно было бы для начала довольствоваться следующими девятью коллегиями, как главными колесами в государственной машине: 1) штатс-коллегия, 2) военная коллегия, 3) финансовая коллегия, 4) полицейская коллегия, 5) юстиц-коллегия, 6) коммерц-коллегия, 7) коллегия для религиозных дел, 8) ревизионная коллегия и 9) ученая коллегия¹.

Каждая из этих коллегий требует особенного описания относительно того, какие лица необходимы для коллегии, в чем должна заключаться их обязанность и какую пользу окажет коллегия вашему величеству и вашей державе.

Я хочу описать теперь по этой методе только последнюю, т. е. ученую, коллегию. Если это описание заслужит всемиловитейшего одобрения вашего величества, я готов потом составить инструкцию для устройства остальных коллегий, исключая штатс- и военной коллегии. Что касается свойств тех лиц, которые могут быть членами ученой коллегии, то они должны знать свой предмет основательно, а не поверхностно. Полунежесты (Stümper) не могут принести пользы стране.

¹ Для сравнения мы перечислим коллегии, действительно учрежденные при Петре: 1) коллегия чужестранных дел, 2) камер-коллегия, или казенных сборов, 3) юстиция, 4) ревизион-коллегия — счет всех государственных расходов и доходов, 5) военная коллегия, 6) адмиралтейская, 7) коммерц-коллегия, 8) штатс-контор — ведение всех государственных расходов, 9) берг- и мануфактур-коллегия. Сюда можно бы было причислить, как десятую коллегию, святейший синод. Из сличения оказывается, что против списка, представленного Лейбницем, были устроены три лишние коллегии: берг- и мануфактур-коллегия, от военной коллегии отделена особенная коллегия для ведения морскими делами, а от финансовой — штатс-контор для ведения государственными расходами. Зато не были учреждены полицейская коллегия и, о чем особенно следует сожалеть, коллегия народного просвещения.

Каждый из членов — архитектор, медик, химик, механик, историк и др., — все они должны знать свое дело в таком совершенстве, какое только возможно в их время. Обязанности их должны заключаться в следующем: 1) изложить свою науку по лучшей методе и постоянно развивать ее, чтобы извлекать из нее новые сведения; 2) следить за тем, чтобы воспитание детей было основательно и полно; 3) подвергать экзамену тех, которые годны для путешествия за границу, и указывать вашему величеству, к чему каждый более способен. Польза, которую принесет такая коллегия, будет следующая: 1) невежество мало-помалу исчезнет в стране; 2) в известных случаях можно будет испрашивать совета ученой коллегии; 3) собрание таких замечательных людей будет привлекать иностранцев; 4) посланные за границу юноши возвратятся с большой пользой, что послужит к уменьшению расходов вашего величества; 5) ваше величество будете со временем иметь из вашего собственного народа и по всем предметам таких же отличных ученых, и даже лучших, чем где-либо в Европе.

Лейбниц, коснувшись устройства ученой коллегии, которую он представлял себе вроде академии с административной властью и главным надзором за народным просвещением, переходит затем к устройству университета¹. Для хорошего обучения и воспитания юношества необходимо устроить университет. Для этого нужно: 1) большое здание, в котором профессора или преподаватели могли бы удобно помещаться; 2) хорошая библиотека и 3) типография. Затем следует обзор предметов, входящих в университетское преподавание, по следующей системе.

Преподавание юношеству заключается в познании Творца и творений. Для истинного познания их необходимо откровение Божье в Священном Писании. Отсюда (1) богословие, заключающееся не в бесполезных спорах и прениях о внешних обрядах, но в искренней любви к Богу и к ближнему. Творения могут быть чисто духовные, духовно-телесные и телесные; первые изучает (2) пневматика. Духовно-телесные творения, или человека, можно изучать двояким образом: с точки зрения своего я и других людей. В себе я могу изучать душу и тело. Душа проявляется главным образом в двух силах: в уме и воле. Что такое ум, какие его недостатки, как их исправлять, как исследовать истину и передавать ее другим, этому учит (3) логика. Как исправлять волю и ее дурные наклонности, этому учит (4) этика. Познать свое тело и средства для его сохранения учит (5) медицина. Что касается других людей, то они могут быть умершие и живые. Знакомство с умершими и с тем, что они были в жизни, составляет предмет (6) истории. Знакомство с живущими, чтобы воздавать каждому свое и вести себя благоразумно относительно их, составляет предмет (7) естественного

¹ Сообразно со значением этого слова в XVII в. *Akadémie* у Лейбница большей частью обозначает университет; академию же в русском смысле этого слова он называет *Societät der Wissenschaften* (сообществом наук (нем.). — Прим. пер.).

и политического права. Телесные творения могут быть или надомной — с ними знакомит (8) астрономия, — или же около меня. Ими занимаются (9) география, (10) архитектура, например строениями, кораблями, крепостями; для их измерения необходима (11) геометрия; основание же геометрии, составляет арифметика, а для того чтобы пользоваться всеми удобствами на суше и на воде, необходима (12) механика. На земле, в воде и в воздухе водятся разные творения; их свойства показывает (13) физика, а составные части показывает (14) химия. Для того чтобы человек не утомился от постоянного труда, ему необходима для отдыха (15) музыка; а если человек желает передать другим то, чему он выучился, ему нужны (16) языки. Такое громадное предприятие, без сомнения, потребует больших расходов. Но как найти источники для них, не уменьшая доходов вашего величества и не обременяя ваших подданных, я готов указать, если будет на то воля вашего величества. Если бы ваше величество соизволили поручить это дело опытному и благоразумному директору, то можно было бы надеяться, что при благословении Божьем в несколько лет окажется такая польза, какую невозможно здесь и описать.

Если желание Лейбница видеть в числе коллегий, которым имелось в виду вручить управление новой Россией, также особенную коллегию для заведования народным просвещением и не исполнилось, то, однако, советы его в этом отношении не остались без плодов, и можно с уверенностью предположить, что пирмонтское свидание не осталось без влияния на решение Петра учредить еще в свое царствование академию наук в Петербурге. Любопытно, что именно в Пирмонте Лейбниц познакомился с человеком, который через несколько лет сделался главным двигателем в деле основания академии, — с Блументростом. Это видно из письма Лейбница к Арескину от 3 августа, в котором он упоминает, что Блументрост, намереваясь отправиться во Францию, просил у него рекомендательных писем. По тону этого письма можно заключить, что Лейбниц вообще остался доволен своим пребыванием в Пирмонте. Он выражает Арескину свою благодарность и сообщает ему, что собирается поместить в лейпцигских «*Acta Eruditorum*», знаменитом тогдашнем журнале, письмо, в котором укажет на услуги, оказанные Арескиным обществу под покровительством великого царя. Далее Лейбниц просит в этом письме Арескина передать царю, что его счетная машина быстро подвигается, и рекомендует искусного гравера медалей, который мог бы выбить для царя такую замечательную медаль, какой никогда не видали в Европе.

Это же письмо может служить доказательством тому, с каким вниманием и с какой любознательностью царь следил за всеми изобретениями, особенно механическими. Лейбниц упоминает

о том, что царь посылал не только в Регенсбург к Агриколе, но и в Мерзебург, для сведений о машине, которую ее изобретатель Орфиреус выдавал за *perpetuum mobile*. Лейбниц пишет по этому поводу, что он знаком с Орфиреусом и видел его машину, которая в его присутствии безостановочно действовала два часа.

Я не мог дольше оставаться, — продолжает он, — потому что приехал туда вместе с одним из придворных герцога Цейцского. Теперь машине не действует, потому что изобретателю делали придирки и требовали от него денег под предлогом налога на машину. Я советовал ему пустить ее в ход на несколько недель и принять такие меры, чтобы ее действие было достаточно удостоверено; я думаю, что после этого несколько государей могли бы сложиться (как желает изобретатель), чтобы доставить ему вознаграждение, достойное его изобретения. Ибо хотя это изобретение и не было бы тем вечным механическим движением, о котором так много говорят, но оно могло бы принести большую пользу, если бы выдержало испытание в течение нескольких недель.

В заключение я считаю нужным сказать несколько слов о судьбе тех трех предприятий, об осуществлении которых Лейбниц так много хлопотал в своих сношениях с царем: о разыскании границ между Азией и Америкой, учреждении в России ученой коллегиии устройстве наблюдений над уклонением магнитной стрелки.

Раньше всего приведены были в исполнение первые два желания Лейбница. Еще сам Петр Великий пред концом жизни успел начертать инструкцию для экспедиции, которая должна была отправиться на окраины Сибири, и устав Академии наук. Вопрос о возможности проехать морем вдоль берегов Сибири и, следовательно, вопрос о границах между Азией и Америкой фактически давно уже был решен предприимчивыми сибирскими промышленниками и казаками. Летом 1648 г. партия промышленников под предводительством Федота Алексеева и в сопровождении казаков Семена Дежнева и Герасима Анкудинова отправилась на 7 судах из устьев реки Колымы, чтобы отыскать устье реки Анадыри, о которой они слышали от чукчей. Благодаря редкой случайности проезд вдоль берега на восток от Колымы не был сопряжен льдинами, и трем из судов, которыми управляли Дежнев, Анкудинов и Алексеев, удалось обогнуть северо-восточную оконечность Сибири и добраться до Чукоцкого Носа. Там судно Анкудинова разбилось, судно Алексеева было унесено на юг, и только одному Дежневу удалось после того, как и его судно разбилось, выбраться на берег и наконец с 25 спутниками достигнуть Анадыри, где он основал зимовье — Анадырский острог. Сведение об этом путешествии

Дежнева сохранилось в Якутском архиве, откуда его извлек академик Миллер во время своей ученой поездки по Сибири в 1736 г.¹

Но так как путь, по которому удалось пробраться Дежневу, был слишком опасен, то о нем со временем забыли, и сообщение между Якутском и Анадырской областью поддерживалось только сухим путем. Между тем по Сибири стали ходить слухи о большой земле, отделенной морем от сибирского материка. Поводом к этим слухам служили отчасти острова на севере от Святого Носа, которые иногда удавалось видеть издали сибирским промышленникам, частью рассказ чукчей о Северной Америке. Русское правительство в Сибири не раз обращало внимание на эти слухи и предпринимало различные меры, чтобы получить достоверные сведения о неведомой стране. В 1711 г. сибирский губернатор князь Гагарин, по приказанию «Царского Величества», поручил якутскому воеводе Траурнихту послать людей для разыскания «острова или земли близ устьев реки Колымы». Вследствие этого из Якутска было снаряжено несколько экспедиций, которые, впрочем, не привели ни к каким определенным результатам. Одной только партии, отправленной под предводительством казака Вагина и Пермякова, удалось добраться до безлюдного острова, который она обошла в течение 9 дней. Но на возвратном пути Вагин и Пермяков были убиты своими спутниками, которые боялись, что их подвергнут новым трудам и лишениям и только во время уголовного следствия убийцы дали упомянутые показания об открытом ими острове.

Между тем камчатские казаки и промышленники открыли некоторые из Курильских островов. В Якутск стали приходиться новые слухи о неведомой земле. Так в 1711 г. казак Петр Ильин, посланный к устьям Анадыри и Чукоцкому Носу для собирания дани, показал, что чукчи рассказывали ему о большой земле, жители которой прокалывают себе щеки костями моржей. Ильин сам видел в плену у чукчей 10 таких людей. Ему говорили, что летом можно доехать морем на байдарках до земли тех людей в продолжение одного дня.

Неудовлетворенный сведениями, получаемыми из Сибири, Петр Великий стал думать об отправлении экспедиции прямо из Петербурга. В 1719 г. он послал двух геодезистов в Камчатку и на Курильские острова, куда по слухам ездили японцы для добывания металла. Затем в последний год своей жизни Петр решился отправить в Сибирь экспедицию с чисто ученой целью для опреде-

¹ См.: Sammlung Russischer Geschichte III B. Petersburg, 1758.

ления границ между Азией и Америкой, о чем так часто в своих записках упоминал Лейбниц и о чем уже после смерти Лейбница хлопотала Парижская академия¹. Инструкция для экспедиции была написана царем 23 декабря 1724 г. и заключалась в следующем:

1) надлежит на Камчатке или в другом месте сделать 1 или 2 бота с палубами;

2) на оных ботах возле земли, которая идет на Норд, и по чайнику, понеже оной конца не знают; кажется, что та земля — часть Америки;

3) и для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтобы доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда.

Начальство над экспедицией было, как известно, поручено ютландскому уроженцу Берингу, который 5 февраля 1725 г. выехал из Петербурга в сопровождении нескольких офицеров, плотников и других ремесленников. Приготовления к экспедиции, постройка кораблей и прочее потребовали более трех лет, и только летом 1728 г. экспедиция Беринга вышла из устья реки Камчатки, чтобы отправиться на север. Беринг достиг $67^{\circ}18'$ с. ш. и убедился, что береговая линия Сибири на 66° поворачивает на запад. Он заключил из этого, что здесь должна быть северо-восточная оконечность азиатского материка, и, опасаясь наступившей осени, возвратился в Камчатку на зимовье. Таким образом, Беринг разрешил первую часть своей задачи — определил границы Азии; в следующем за тем году он приступил к разрешению второй части и отправился отыскивать ту неведомую землю на востоке или севере от Сибири, которую принимали за Америку. Но противные ветры не допустили его до американского материка.

Вопрос о расстоянии Америки от Азии не скоро еще был решен точным образом. Несколько лет после Беринга первое русское судно, плывшее под начальством казака Крупышева, было случайно снесено бурей к берегам Америки. Между тем в 1732 г. в Петербурге было решено снарядить новую экспедицию под начальством Беринга для точного определения берегов Америки. Приготовления на этот раз потребовали еще больше времени и только 4 июня 1741 г. Беринг в третий раз вышел в море из Камчатки, чтобы отыскать Америку. На этот раз Берингу удалось достигнуть Америки

¹ О «желании Парижской и иных академий» упоминает указ сената от 13 сентября 1732 г.

и определить в нескольких местах географическое положение материка и различных островов. Но предприимчивый моряк и его спутники дорого заплатились за свою славу. Их настигла ненастная и суровая осень, цынга лишила самого Беринга и большую часть экипажа всяких сил, наконец буря разбила их корабль у берегов одного пустынного острова, на котором им пришлось зимовать среди страшных лишений и где Беринг умер от изнеможения.

Немногие уцелевшие спутники Беринга привезли с собой весть об изобилии пушного зверя на острове, названном по имени Беринга. Промышленники пустились отыскивать его, мало-помалу открыли ряд других островов и добрались, наконец, до американского материка, где в 1781 г. образовалось общество для торговли меховыми товарами. Но от всего этого мало обогащалась географическая наука. Вопрос о расстоянии между Америкой и Азией был разрешен более точным и научным образом только экспедициями, отправленными в начале XIX в.: экспедицией Крузенштерна в 1803 г. и экспедицией, снаряженной в 1815 г. на свой счет графом Румянцевым и состоявшей под начальством Коцебу.

Другое желание Лейбница, учреждение ученой коллегии в России, также осуществлено было еще Петром Великим. Но учрежденная в Петербурге Академия мало соответствовала планам Лейбница. Он имел в виду не простое собрание ученых, а учреждение с обширным кругом практической деятельности и большими полномочиями. До XVII в. умственная деятельность в Европе была исключительно поглощаема богословием и гуманизмом; центрами этой деятельности были университеты. Но в XVII в. математические науки сделали изумительные успехи, естественные науки начали разрабатываться посредством более серьезных приемов и были сделаны первые попытки применить результаты этих наук к практической жизни и ввести их в круг общего образования.

Лейбниц, один из первых математиков своего века, живо чувствовал необходимость не только дальнейшего развития математических и естественных наук, но и применения их к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния. Этой цели, по его мнению, должны были по преимуществу служить академии. Академии поэтому должны были быть снабжены большими полномочиями. Они должны были не только руководить народным образованием, но изыскивать способы к обогащению и улучшению благосостояния страны, отправлять ученые экспедиции, производить наблюдения и опыты в обширных размерах, разводить библиотеки, зоологические и ботанические сады, устраивать музеи художественных произведений,

моделей для всяких орудий, технических искусств и промышленности, обучать ремесленников, заботиться о народном здоровье и др. Лейбниц полагал, что в России для такой академии откроется особенно благотворное поприще, так как все пришлось бы завести вновь и потому можно бы было успешнее заботиться о тесной связи и взаимодействии теоретической науки и практических сведений.

Учрежденная же в действительности Академия наук в Петербурге была снабжена очень скудными средствами и полномочиями. Но еще более повредило успешному ее развитию то, что заведование ею было поручено, вопреки советам Лейбница, не высокому сановнику, облеченному значительной властью, но лейб-медику царя — лицу зависящему, который в свою очередь передал все дела по Академии своему библиотекарю и секретарю, человеку без ученого образования и научных стремлений, мелочному и самолюбивому интригану. Лейбниц желал учреждения *Коллегии народного просвещения и общественного благосостояния*, которая могла бы занять почетное место наряду с другими учрежденными Петром правительственными коллегиями. Петербургская же академия была только подражанием Парижской и Берлинской академиям «социететом персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют». Основатели Академии руководствовались мыслью, что «надлежит смотреть на состояние здешнего государства» и хорошо понимали, что такая академия, как например Берлинская, не могла соответствовать потребностям страны, в которой не было ни университета, ни гимназии. Новое учреждение поэтому, по мысли основателей, должно было служить трем целям, соединять в себе тройное назначение: академии, университета и гимназии. Академики должны были в одно и то же время «науки производить и совершать», читать лекции и готовить учителей для гимназии. Эта в своем основании совершенно справедливая мысль была одной из главных причин, почему Петровское учреждение долго не приносило той пользы, которую можно было от него ожидать. Название и понятие академии постоянно затмевали педагогическое ее назначение, и известно, какая жалкая участь постигла тех «младых людей», которые были отправляемы в Петербург для слушания лекций академиком.

Третье желание Лейбница — устройство в России наблюдений над уклонением магнитной стрелки — осуществилось только в XIX в., благодаря настояниям другого всеобъемлющего гения — Александра Гумбольдта. Уклонение магнитной стрелки от линии меридиана, давно замеченное в Китае, сделалось известным в Ев-

ропе вслед за введением компаса и уже в XV в. отмечалось на некоторых картах. Колумб, которому во время его путешествия в Америку удалось найти линию, где это отклонение прекращалось, т. е. где магнитный меридиан совпадал с географическим, первый возымел мысль, что отклонением стрелки можно воспользоваться для определения столь важной для мореплавателей восточной долготы. В течение следующих затем веков увеличилось количество наблюдений над отклонением стрелки и были сделаны первые попытки привести их в систему. В то самое время, когда Лейбниц указывал Петру Великому на важность этих наблюдений, англичанин Галлей совершил свои знаменитые три путешествия (1698—1699—1702), столь важные для науки о магнетизме, и составил первую обширную карту магнитных отклонений. Это были первые экспедиции, снаряженные на счет правительства и принятые с чисто научной, отвлеченной целью. В XVIII в. были открыты еще различные другие явления относительно магнитной стрелки, вследствие чего наблюдения над ней усложнились и получили еще более важный научный интерес. Особенно подвинулась наука о земном магнетизме в начале XIX в., благодаря исследованиям Гумбольдта; повсюду она стала возбуждать живой интерес, который проявлялся в многочисленных и разнообразных наблюдениях. И Россия также начала тогда доставлять свой вклад в науку о магнетизме: важные результаты были добыты во время плаванья Крузенштерна (1803—1806), Коцебу (1815—1818, 1823—1826), адмирала Литке (1826—1829) и наблюдениями Купфера во время его путешествия к Эльбрусу (1829). Но эти сведения были отрывочны и не систематичны. Наконец в 1829 г. Гумбольдт предложил Академии наук в Петербурге устроить постоянные станции для магнитных и метеорологических наблюдений в различных климатических поясах Европейской и Азиатской России и центральную обсерваторию в Петербурге.

Академия приняла это предложение и поручила исполнение его академику Купферу, который горячо принялся за дело. Купферу удалось заинтересовать министра финансов Канкрин и тогдашнего начальника штаба горных инженеров Чевкина. При помощи этих лиц Купфер устроил магнетические станции в Екатеринбурге, Барнауле, Нерчинске. Такая же станция была устроена в Пекине в старинном православном монастыре. Академия наук устроила со своей стороны магнетическую обсерваторию в Петербурге. Наконец, по ходатайству Канкрин в этом деле приняло участие Министерство народного просвещения. Новые станции для наблюдений над магнитной стрелкой были устроены в Казани,

Тифлисе, Николаеве, Гельсингфорсе; Северо-Американская компания выстроила станцию на острове Ситхе. Купфер предпринял путешествие в Сибирь, чтобы все устроить и дать надлежащие руководства лицам, которым было поручено наблюдение.

Под деятельным руководством Купфера дело пошло так успешно, что Гумбольдт еще в 30-х годах мог обратиться к герцогу Суссексу, президенту Королевской академии в Лондоне, и, ссылаясь на пример России, убеждать английское правительство устроить станции для постоянных магнитных наблюдений в своих отдаленных колониях. Английское правительство приняло предложение и нашло нужным войти в соглашение с русским, для того чтобы установить общие правила для магнитных станций, разбросанных по всему земному шару. Академик Купфер был отправлен правительством на магнетический конгресс в Гёттингене, где жил знаменитый Гаусс, открывший в 1833 г. новый метод для наблюдений и куда приехали со стороны Англии ученые Сабин и Лойд¹. Таким образом, наконец исполнилось желание Лейбница, который еще в 1716 г., когда царь находился в Пирмонте, советовал ему воспользоваться приездом в Ганновер английского короля Георга, для того чтобы с согласия обоих правительств, владения которых тянулись вокруг всего земного шара, были устроены в надлежащих местах и по общему плану наблюдения над магнетизмом.

Эти краткие указания могут служить достаточным доказательством, что долготлетние заботы Лейбница об успехах науки и образования в России не остались бесплодными и что знаменитому европейскому философу и ученому принадлежит также почетное место в истории русского просвещения.

¹ См.: *Humboldt*. Kosmos. Bd IV. S. 48 f; Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. Bd IX. 1845; Bulletin scientifique de l'Académie. T. VII.

СВОЕВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Лейбниц — первый немецкий философ, соответствующий духу Просвещения. Полноте знаний Лейбница соответствовало многообразие его жизненных связей. Как советник ганноверского герцога Лейбниц оказался вовлечен в большую политику и общался с наиболее влиятельными лицами Европы. Он не удовлетворялся заботами о процветании ганноверского княжества, а беспокоился о воссоединении Германии и активно участвовал в сложной политической борьбе, которая происходила в тогдашней Европе. Франция, Голландия, Австрия, Англия, Швеция, Италия — все они соперничали за господство, а их непрерывная борьба обострялась религиозным расколом. Лейбниц был одним из немногих, кто думал об объединении Европы и пытался примирить позиции протестантов и католиков. Не только Европа, но и Азия входила в круг размышлений и забот Лейбница. Оригинальность его дипломатии заключалась в том, что вместо военных операций он предлагал культурную политику, направленную на расширение европейской цивилизации на Восток. Так, Людовику XIV Лейбниц советовал предпринять поход в Египет, а Петру Великому, которого он атаковал своими Записками об устройстве наук в России, — заняться христианизацией Китая. Конечно, он искал лучшего места под солнцем и для себя. Но мудрость философа проявилась в сотрудничестве с теми, кто содействовал развитию европейской цивилизации. Лондон, Париж, Вена, Берлин, Амстердам, Стокгольм, Санкт-Петербург — все европейские столицы привлекали Лейбница, и он участвовал во всех важных событиях своего времени. Как писал Герье, по биографии Лейбница можно изучить полувековую историю Европы. Но можно прочесть книгу Герье и с позиции философии. Тогда интерес сконцентрируется на социально-исторических корнях, или основаниях, его философского учения.

Философия Лейбница

Первые сочинения Лейбница соответствуют духу механико-математического естествознания. Он присоединяется к тому, что называет «новой философией». Согласно «новой философии, в мире нет ничего, кроме ума, пространства, материи и движения. Ум — бытие мыслящее. Пространство есть математическое тело, которое имеет три протяжения и ничего более, оно является местом всех вещей. Материя — физическое тело, имеющее кроме протяженности сопротивление, отталкивание, плотность, непроницаемость. Движение есть перемена пространства. Величина — число частей, время — число движения¹. Лейбниц доказывает, что не нужно никаких иных допущений для объяснения явлений мира и критикует допущение о невещественных субстанциях. Очевидно, что в начале своей творческой деятельности он отдал дань атомистике. В частности, Лейбниц пишет: «Я вместе с Демокритом и его последователями Гассенди и Декартом видел природу тела в одной только инертной массе»². Однако в дальнейшем он постепенно переходит на позиции динамизма и начинает выступать против «корпускулярной философии», полагая, что принцип активности недостаточно приписывать только Богу, необходимо распространить его на всю природу. Вот почему Лейбниц возрождает аристотелевскую энтелехию и противопоставляет демокритовскому атому единицу силы и действия «субстанциальное начало, которое в живых существах называется душой, в других же — субстанциальной формой, а поскольку оно составляет с материей действительно одну субстанцию, или единое само по себе, оно образует то, что я называю монадой»³. Монады — это простые субстанциальные «атомы», которые Лейбниц полагает подлинными единствами, изначальными силами, или душами. Такое понимание субстанции приводит к принципу индивидуации, согласно которому в мире нет двух существ, которые являются безусловно одинаковыми. Если бы две индивидуальности были абсолютно равны и похожи друг на друга, то они оказались бы неразличимыми. Для обоснования упорядоченности мира Лейбниц сформулировал принцип достаточного основания: «ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без

¹ См.: Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 97.

² Там же. Т. 3. С. 254.

³ Там же. С. 300.

достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе»⁴.

В начале Нового времени психология и магия, онтология и антропология, физика и социология были связаны общим принципом симпатии, который в физике выражается в понятиях «импетус», «виртус», «притяжение», «тяготение», «инерция», «сохранение энергии» и др. Таким образом, изолированные атомы, автономные субстанции, замкнутые на себя монады наделены свойством взаимодействия с другими членами универсума. Эта взаимная связь делает мир резонирующей системой, а наиболее тонкие и умные индивиды становятся медиумами мира, проводниками творческих импульсов, исходящих из других частей микрокосма. Медицина Парацельса обращает внимание на констелляции, в которые вписан человек, ибо болезни возникают из рассогласования ритмов индивида с ритмами универсума. Человек в такой резонирующей онтологии понимается как участник некоего мирового концерта, где исполнители и слушатели образуют единое коммуникативное поле. Галилей, которого считают продолжателем Бруно и Коперника, был противником симпатической магии. В трактате «Пробирщик» он отрицает существование у материи каких-либо свойств, которые не могут быть измененными или взвешенными. Но его проект «рациональной механики» был существенно скорректирован как Декартом, так и Ньютоном. Один вводит «вихри», другой вводит «тяготение» — таким образом, оба являются продолжателями не античной статики, а средневековой динамики. Это движение мысли в направлении отказа от пространственной близости в пользу дистанции приводит к тому, что в игру вводится время и формой коммуникации становится память. Отсюда само мышление определяется в терминах переноса и передачи. Вполне возможно, что от этой аттрактивной модели вообще невозможно избавиться, и об этом свидетельствует возрождение «флюидной» теории сначала месмеризмом, а потом психоанализом.

Галилей считал предметом физики неодушевленную материю, которая описывается в количественных характеристиках и не имеет никаких «духовных» свойств. Этим его теория резко отличается от метафизики Д. Бруно, который считал, что у Вселенной есть душа и все тела связаны между собой симпатическими отношениями. По Декарту, тела и души не имеют общих свойств и не могут взаимодействовать. Проблемой и камнем преткновения философии Нового времени стала связь души и тела. Их различие осозна-

⁴ Там же. Т. I. С. 41.

валось столь ярко, что приходилось допускать параллельность физического и душевного миров. Собственно, учение о предустановленной гармонии было разработано не Декартом, а Лейбницем, который писал: «Души следуют своим законам, которые состоят в известном развитии восприятия сообразно с их благом и злом, а тела тоже следуют своим законам, которые состоят в правилах движения, и, однако, эти два рода существ, совершенно различные, встречаются и согласуются друг с другом, как двое часов, может быть совершенно различных по устройству, но поставленных в полное соответствие. И это я называю предустановленной гармонией»⁵.

В «Размышлении о пластических началах» Лейбниц допускает существование в природе жизненных начал. Они мыслятся как присущие только органическим телам субстанции, или души, имеющие восприятие (*perception*) и влечение (*appetit*). Лейбниц оговаривается, что, согласно его системе, в любой части вещества присутствует бесконечное множество органических и живых тел, но это не значит, что всякая часть вещества одушевлена⁶. Жизненные начала не отменяют законосообразности мира. Эмансипация природы от множества различных сил, ее описание в терминах механики привели к трудностям в биологии и психологии. Как только речь заходила о живых, одушевленных существах, сразу же сказывалась нехватка понятийного аппарата. Впрочем, биология и психология не довольствовались механикой и были вынуждены изобретать немеханические понятия для описания своего предмета. Но в этом случае нельзя было говорить о причинно-следственном взаимодействии, и возникал вопрос о «принципиальной координации» различных описаний. Поскольку «экономия мышления» предписывала определенные ограничения, постольку пришлось допустить параллельность физического и психического миров. Это делает ненужным каждый раз допускать вмешательство Бога, мудрость которого проявляется в установлении гармонии.

Лейбниц пытается совместить идею Бога с допущением о вечном существовании мира. Таким образом, он из творца мира превращается в «первичную монаду» — прообраз всех вещей. Лейбниц различает физическую и метафизическую необходимости. Единое Существо, у которого сущность и существование совпадают, есть нечто радикально отличное от множественности существования мира. Но каким образом из вечных истин происходят вре-

⁵ Там же. Т. 3. С. 372.

⁶ Историки науки полагают, что такое изменение образа природы вызвано изобретением микроскопа.

менные? Лейбниц доказывает это, не прибегая к идее творения. Ход его рассуждений, в сравнении с традиционной теологией, весьма необычен. Лейбниц пишет: «Среди бесконечных сочетаний возможных вещей и возможных рядов существует одно, в котором приведено к бытию наибольшее количество возможности»⁷.

Как между душой и телом, так и между миром и Богом не существует «физической» связи. Одно не порождает другое. Как известно, Декарт искал точку пересечения души и тела. Лейбниц прибегает к «божественной математике», т. е. открывает новый способ соединения физических тел, души и Бога. Это логико-математическое обоснование, опирающееся на понятие возможности и действительности. Речь идет об открытии нового метафизического «механизма», опосредующего дискурсы о физических и духовных телах. Физика объясняет реальное взаимодействие. Лейбниц отстаивает существование идей — физические законы взаимодействия вещей вынуждают сделать допущение о существовании неких высших оснований. Он пишет: «В мире все совершается не только по геометрическим законам, но также и по метафизическим законам вечных истин, т. е. не только по необходимым материи, но и по необходимости формы»⁸. Метафизические законы причины, силы, действия применяются во всей природе в удивительном порядке (*ratione*) и превалируют над чисто геометрическими законами материи. Лейбниц пишет: «Мы нашли последнее основание как сущностей, так и существования в Едином Существе, которое необходимо должно быть более великим и высшим, чем сам мир»⁹. Метафизическое Единое Существо позволяет лучше понять природу, а главное, раскрыть координацию свободы и необходимости. По Лейбницу, философия позволяет утверждать благость творца и доказать, что наш мир — лучший среди других возможных миров.

Оригинальность Герье как историка философии

Трудно сказать, как воспримут книгу Герье современные философы. Будучи студентом, я начал читать этот грандиозный труд, но быстро разочаровался, так был ориентирован на поиски возвышенных мотивов философствования. Действительно, Герье можно

⁷ Там же. Т. 1. С. 283—284.

⁸ Там же. С. 286.

⁹ Там же.

упрекнуть в отсутствии философской глубины или высоты. Но тем, кто уже понял, что и в философии мы, как в стену лбом, упираемся в недоказуемые и вместе с тем не подлежащие сомнению положения, недостаточно ссылок ни на интуицию, якобы позволяющую философам видеть то, чего не видят другие, ни на логику, доказывающую истинность последних оснований познания. Историки философии маскируют эту проблему тем, что пытаются восстановить преемственность новых и старых теорий или ссылаются на дискуссии, например, Лейбница с Ньютоном, Декартом, Спинозой, Гоббсом, Локком, Мальбраншем и другими оппонентами, в которых якобы рождается истина. Но обе эти стратегии дают сбой при анализе философии Лейбница. Его монадология настолько резко отличается от сложившихся онтологических парадигм, что и сегодня вызывает сильнейшее беспокойство. Ж. Делез в своей «Складке» попытался показать, что философия Лейбница соответствует эпохе барокко. Герье не был озабочен метафизическими проблемами. Как историк он изучал не иерархию идей, а взаимосвязи и взаимоотношения людей. Даже ученые и философы живут не в заоблачной райской сфере наподобие небожителей, а в культурных и повседневных пространствах, социальная и символическая метрика которых и определяет «порядок дискурса». Герье интересуют не столько приватные пространства, сколько социальные организации, в рамках которых формируются качества и способности людей. То, что Делез называл «эпохой барокко», не сводится к набору научных, метафизических или художественных установок. Когда заходит речь о философии эпохи перемен, историка поджидают такие трудности, к встрече с которыми он плохо подготовлен школьным образованием. В переломные эпохи нарушается связь идей, и новые мысли подхватываются обществом наподобие моды. Поэтому не университетские профессора, обремененные грузом схоластической традиции, а хозяйки салонов сыграли важную роль в распространении новой философии науки Декарта, Ньютона и Лейбница.

Школы и университеты эпохи барокко

Размышляя о предпосылках мышления того или иного философа, мы интересуемся тем, у кого и чему он учился. Поэтому невозможно обойти вопрос о школах и университетах. Герье реконструировал не только влиятельные учения века Лейбница, но и образ жизни учителей и учеников. В аудиториях университета profes-

верситеты были открыты в Вене и Гейдельберге. Поскольку каждый князь стремился открыть собственный университет, в Германии появилось 12 университетов. После Реформации контроль церкви заменили контролем государства. Однако вплоть до XVII в. влияние церкви оставалось весьма значительным. Во главе университета стоял ректор, пользовавшийся большим почетом, он избирался на год поочередно от факультетов. Канцлер — второе лицо в университете — назначался папой и контролировал экзамены и выдачу дипломов.

Жалование складывалось из разных источников и сильно различалось в зависимости от факультетов. Меньше всех получали философы — около 200 талеров в год, богословы имели в два раза больше. Зато профессорам давались привилегии. Их освобождали от налогов и разрешали вести торговлю, даже спиртным. Недельная нагрузка состояла из 4 публичных лекций, за которые получали жалование. Примерно столько же читалось платных лекций. Кроме лекций профессора должны были проводить от 2 до 6 диспутов в неделю. Если учесть заседания и экзамены, а также этикетные мероприятия — посещение церкви и гостеприимные пирушки, то свободного времени оставалось немного. При этом профессора демонстрировали невероятную продуктивность в писании многотомных трудов. Современный читатель этих трудов удивляется обилию посвящений и славословий, которые не всегда выглядят искренними. Оказывается, авторы не получали гонораров, зато получали вознаграждение от тех, кому посвящали свое сочинение. Герье подробно описал повседневную жизнь профессоров, объясняя их пороки грубостью эпохи. Он отмечал: «Немногие из ученых того времени понимали самостоятельное значение науки и ставили ее интересы выше тех соображений и расчетов, к которым влекли их общие предрассудки, рутинная и предания старины»¹¹.

Раздел, посвященный Герье реконструкции университетской жизни, не только интересен сам по себе, но и позволяет лучше понять необычность как философской, так и жизненной позиции Лейбница. Лейбниц видел необеспеченность, грубость, невежество, необязательность, склонность к интриганству и нетерпимость ученого сословия. Как человек и философ Лейбниц стремился к примирению или синтезу, а как организатор науки пытался на институциональном уровне искоренить причины грубых нравов. Конечно, предлагаемые им меры по распространению наук и искусств в России далеко не демократичны. Однако по сравнению

¹¹ Там же. С. 68.

с феодальными порядками централизация власти оказывается более эффективной для развития цивилизации. Сегодня легко говорить, что опека университета со стороны национального государства — это форма власти. Но надо учитывать, что борьба за академические свободы развернулась в другую эпоху.

Республика ученых

Лейбниц не слишком хорошо вел устные споры. Его стихией были письма — он оставил огромную переписку. Возможно, к писанию писем его приучила дипломатическая служба. Круг знакомых Лейбница не ограничивался философами. В Париже он познакомился с Гюйгенсом, Кассини и другими учеными. Он бывал в Лондоне, где познакомился и потом переписывался с Ольденбургом и Коллинсом. Эти знакомства стимулировали его занятия математикой и поисками дифференциального исчисления. Читая письма Лейбница, начинаешь лучше понимать форму научного сообщества, сложившуюся в XVII в. В переписке много места уделяется обмену не только знаниями, но и новостями. Даются характеристики людей, оцениваются их знания и способности, высказываются просьбы об их «трудоустройстве». Это полноценная межличностная коммуникация. Лейбниц, как и другие пионеры науки и философии Нового времени, не был профессором. Университетские ученые были скованы средневековыми традициями. И дело даже не в давлении религиозных догм. В переписке часто упоминаются лица священного звания, особенно аббаты или епископы, которые признаются как научные авторитеты. Стало быть, дело не в церкви, а в университетах, где теологический факультет считался самым главным.

То, что Кант, Фихте, Гегель и другие представители немецкой философии в основном были профессорами, говорит об изменениях в организации университетов. Из частных предприятий или подконтрольных церкви корпораций они стали государственными заведениями. Как средневековые ученые институализировались с целью продажи знания и просили прав и «вольностей» у папы, а потом у короля, так и любители истины в конце концов обрели место под опекой государства. Но сначала ученые должны были доказать свою полезность, чтобы быть принятыми на государственную службу. Для этого они сами должны были организовать и получить поддержку общества. Хотя среди членов «Республики» и было немало аристократов, которые интересовались наукой

с целью поправить свое благосостояние, но в большинстве новые ученые были практиками, «лаборантами», изобретавшими сложные приборы и инструменты для повседневной жизни. Среди таких приборов были прежде всего часы, линзы, телескопы, микроскопы, барометры и др. Изготовить их могли и ремесленники, но изобретение было уделом только ученых-практиков. В области социальных наук сложилось нечто подобное. Там были свои «ремесленники» — юристы и историки, однако необходимость учреждения новых законов вызвала потребность в социальной философии. Что-то носилось в воздухе, заставлявшее тратить свободное время на научные изыскания. Лейбниц стремился заинтересовать своих покровителей, как бы сказали сейчас, в развитии наукоемких технологий. Он поддержал Брандта, который умел получать фосфор, а также искал машины, способные уменьшить ручное производство (особое внимание он уделял развитию и механизации рудников в Гарце). Главной целью Лейбница было открытие в Ганновере Академии наук, задачу которой он видел в развитии знаний, имеющих практическое значение.

Вряд ли можно говорить о том, что наука в то время становилась производительной силой. Учение Декарта распространялось в неформальных сообществах дилетантов и любителей экспериментальных исследований, при поддержке которых затем сложились новые научные учреждения — академии и коллегии. Почему наука прижилась в рамках придворного общества, где господа и дамы, вместо того чтобы флиртовать, поднимали проблемы натуральной философии? Какова роль салонов и иных форм распространения общественного мнения? Думается, своим восхвалением науки они способствовали ее возвышению.

В главе «Лейбниц в Париже» Герье раскрыл механизм общественного признания философии Декарта. Инициаторами были женщины. Они сделали картезианство модным. Герье писал: «Без участия женщин общество не могло бы так глубоко проникнуться идеями нового учения и так живо сочувствовать ему. Мы не в состоянии указать в истории другую эпоху, когда философия стояла бы так близко к жизни и когда она имела бы такое благотворное нравственное влияние»¹². Остается загадкой, почему Софья-Шарлотта, Елизавета, Кристина, мадам де Савиньи, герцогиня Мэнская, маркиза Сабле и другие увлекались философией Декарта и Лейбница, а профессора университетов считали их атеистами? Герье меланхолично замечает, что если сосчитать, сколько вреда

¹² Там же. С. 161.

принесли науке сами ученые ими же для научных целей созданными институтами, то результат получился бы весьма впечатляющий. Герье настолько ярко описал влияние институций на науку, что может быть причислен к родоначальникам отечественной социологии познания. Более того, он формулировал «современное» требование надзора за наукой, но при этом указал и на позитивное значение общественного мнения. Только оно защищает новаторов от консерваторов и рутинеров, препятствующим новым идеям ради сохранения своего престижа в социальной иерархии. Главным тормозом науки Нового времени были средневековые университетские порядки. Сторонниками новой философии были фрондеры-аристократы, т. е. публика наподобие мадам Лафайет и герцога Ларошфуко.

Герье отмечает важное значение женской дипломатии, о которой все знают, но не учитывают и не исследуют. Он подчеркивает, что Софье удалось сделать то, что оказалось не под силу грубой дипломатии ее мужа. Например, используя свое обаяние, она уговорила Георга-Вильгельма выдать его дочь за своего старшего сына и таким образом присоединить Люнебург к Ганноверу. Точно так же она склонила короля Вильгельма III к содействию в сохранении ее престолонаследия в Англии. К сожалению, Софья не дождалась до получения английского престола. Если бы она со своим советником Лейбницем управляла Англией, то политика Европы приобрела бы совершенно иной характер, справедливо полагал Герье.

Лейбницу, благодаря знакомству с Софьей-Шарлоттой, с которой он давно переписывался по научным вопросам, постепенно удалось стать посредником отношений Берлинского и Ганноверского дворов. Он не ограничился дипломатией и задумал создать научное сообщество, которое сосредоточило бы лучшие силы нации и направило их на развитие науки, практически способствующей общественному прогрессу и повышению благосостояния народа.

Сближение Лейбница с Берлинским двором было не случайным. Перевес Франции в европейской политике привел к пересмотру честолюбивой политики Пруссии и заставил взглянуть на нее как противовес амбициям Людовика XIV. Стимулом и одновременно средством обрести влияние в Берлине стала дочь ганноверской курфюрстины Софьи прусская королева Софья-Шарлотта — самая интересная женщина Европы, лучший продукт утонченной французской культуры, пришедшей на смену грубым нравам и религиозной схоластике. Софья-Шарлотта заимствовала

у Французского двора только его хорошие стороны. Герье заключает, что почти все европейские государства прошли через эпоху французского влияния. Это было необходимостью, так как идеи не переносятся отвлеченно от одного народа к другому. «Цивилизация, выработанная французским обществом, находила себе выражение пока только во французском языке и только с помощью этого языка могла быть пересажена на другую почву»¹³.

Муж Софьи-Шарлотты, кронпринц Фридрих, был слабого и некрасивого сложения. Главной его страстью были придворные церемонии. Однако, легко поддаваясь чужому влиянию, он не преодолел грубости Берлинского двора. Софья-Шарлотта сделала себе отдельный двор в деревне Люцерн — впоследствии ее дворец получил название Шарлоттенбург. Королева обожала танцы и музыку. В празднествах, отличавшихся грубым разгулом, тоже все больше места занимает музыка. Софья-Шарлотта разбиралась во множестве вопросов, в том числе и философских. Голанд удивлялся ее живому и ясному уму, а лейпцигский ученый Карпцов признал, что она знает книг больше, чем он.

Свой план Лейбниц не мог осуществить ни в Ганновере, ни в Вене. Фридрих-Вильгельм был не прочь завести у себя ученые учреждения, символизирующие его могущество. Интерес его жены к развитию науки был гораздо основательнее. Но не обошлось и без поддержки церкви. Учитель Лейбница математик Вейгель обратил внимание протестантов на необходимость принять Грегорианский календарь и исправить пасхалии. Лейбниц соединил эту идею с исправлением календаря, потребовавшего создания обсерватории. В результате соединения разнонаправленных интересов удалось создать Берлинскую академию наук, президентом которой был назначен Лейбниц. Академия имела национальный характер и должна была заботиться о сохранении чистоты немецкого языка и исследовании немецкой политической и церковной истории. По замыслу Лейбница, академия должна посылать миссионеров в Китай и Японию для привнесения туда христианской цивилизации. Он добивался того, чтобы исследования академиков имели практический характер, способствовали развитию промышленности и земледелия.

Смерть прусской королевы остановила развитие Берлинской академии наук. Финансирование было недостаточным, не было даже здания, строительство обсерватории затягивалось. Фактически академия состояла из трех членов: президента Лейбница, сек-

¹³ Там же. С. 476.

ретаря Яблонского и астронома Кирха. Лейбниц в поисках средств пытался даже развести шелковичных червей и тутовые деревья, но доверился неспособным людям и понес убытки. Дела шли так плохо, что академию чуть не закрыли, а Лейбницу перестали выплачивать жалование. Герье высоко ценил замысел Лейбница объединить ученых для решения насущных задач и сожалел, что академии остаются всего лишь «приютом для заслуженных ученых».

Лейбниц, пользуясь поддержкой принца Евгения Савойского, составил проект учреждения академии наук в Вене. Вначале Лейбницу обещали должность вице-президента с окладом 2 тысячи гульденов. Целью академии было изучение исторических памятников, устройство народных и ремесленных школ, подготовка инженеров для армии. Но из-за интриг придворных вельмож проект не был реализован. Лейбниц еще раньше начал хлопотать об устройстве академий в Дрездене и в Петербурге. Его внимание все больше привлекали три короля, которые вели борьбу за приоритет: Август Польский, Карл XII и Петр Великий. Август благосклонно отнесся к плану создания академии наук в Дрездене, но вследствие Польской войны этот план не был реализован. Карл также не заинтересовался проектом Лейбница. Зато Петр был весьма восприимчив к новым веяниям и осознавал практическое и государственное значение науки.

Кто интересуется ролью разного рода тайных организаций, получит большое удовлетворение от того, как Герье описывает влияние католических орденов не только на политику, но и на науку. Иезуиты понимали роль образования и старались подчинить его себе, бенедиктинцы оказались хорошими собирателями и хранителями музейных редкостей и, наряду с ораторианцами, к которым принадлежал Мальбранш, защищали философию Декарта. Герье указывал, что философия Лейбница выросла на почве картезианства, хотя и является его противоположностью. Взаимосвязь этих двух систем нельзя понять без учета роли Мальбранша в формировании взглядов Лейбница. У Мальбранша было задание обратить Лейбница в католическую веру, но в результате длившейся десятилетиями переписки оба оппонента изменили свои взгляды (упорство Лейбница вознаграждалось тем, что нередко оппоненты становились сторонниками его взглядов). Своими учителями Мальбранш считал Декарта и Августина. Примирение христианства с Аристотелем, осуществленное Фомой Аквинским, казалось Мальбраншу сомнительным. Его философия — это христианизированный платонизм, реанимированный как оппозиция аристотелевской схоластике. В характеристике разума Мальбранш делает

акцент на очевидности идей, а не на методе. «Причина несчастья людей — заблуждение»¹⁴, — полагает он. Вместе с тем позиция философа характеризуется терпимостью к заблуждениям, он стремится обратить их на пользу.

Достоинством работы Герье является внимание к мелочам. В то время как историки философии обращают внимание на соотношения значительных систем, Герье исследует личные взаимоотношения и выявляет, как и от кого, т. е. в чьей интерпретации, Лейбниц получает импульс от Декарта, Спинозы и иных крупных мыслителей. Лейбниц спорил непосредственно не с Декартом, а с Мальбраншем и Арно, и в этом споре картезианская философия акцентировалась и интерпретировалась совершенно особым образом.

Герье реконструировал спор Лейбница с Ньютоном о приоритете открытия дифференциального исчисления. Ньютон изобрел новый математический метод в 1669 г., но не обнаружил его. Лейбниц шел своим путем и сообщил о своем открытии в 1676 г. Ньютон узнал об этом и прислал ему свой бином. В ответ Лейбниц написал о своем открытии, но в весьма темных выражениях. Ньютон ответил не менее туманно. Между тем Лейбниц был знаком с сочинением Ньютона, но скрывал это, не желая вызвать подозрение в заимствовании. Он опубликовал сочинение в Лейпцигском журнале в 1684 г. «Математические начала» Ньютона вышли в 1687 г. Постепенно скрытая борьба за приоритет вышла наружу, и приверженцы Ньютона и Лейбница стали выдвигать обвинения в плагиате. Дело разбирала Королевская академия наук и решила вопрос в пользу Ньютона. Это решение имело политический подтекст и повлекло печальные последствия для Лейбница. Только в XVIII в. Лаплас показал существенное различие методов Ньютона и Лейбница и таким образом снял вопрос о плагиате.

Политика

После смерти Бойнебурга положение Лейбница в Майнце стало неопределенным, и он искал места в Париже. В то время должности во Франции покупались, а цена зависела от доходности службы. Не сумев собрать необходимую сумму, Лейбниц решил принять должность библиотекаря у герцога Ганноверского. В его обязанности входило составление докладных записок обо

¹⁴ Мальбрани Н. Разыскания истины. СПб., 1999. С. 47.

всех интересных открытиях и событиях, а также поддержка обширной переписки. Поскольку новости узнавали не из газет, то эти обязанности были весьма трудоемкими. Занимаясь комплектованием книг, Лейбниц пришел к выводу, что историческая литература может быть самой разнообразной, а научная — только необходимой, т. е. содержащей основные сведения. Будучи советником ганноверского герцога, Лейбниц настаивал на расширении библиотеки, закупке картин и эстампов, устройстве кунсткамеры и музея, научной лаборатории и типографии. Он советует учредить архив, завести статистический альманах, устроить кассу взаимопомощи. Он советует сосредоточить в своих руках надзор за образованием и здравоохранением. Эти предложения, кажущиеся сегодня банальными, а в тогдашних условиях слишком смелыми, Лейбниц настойчиво повторял то одному, то другому властителю. Он не дожидаясь воплощения своих планов, однако верно угадал тренд развития государства, состоящий в том, что перечисленные учреждения становятся институтами и одновременно символами его могущества, а также инструментами власти внутри страны и за рубежом.

Эрнст-Август — герцог Ганноверский — не интересовался ни наукой, ни религией. Он предпочитал развлечения и часто уезжал в Венецию, в которой устраивал роскошные праздники. Средства для этого он извлекал, сдавая внаем свою армию, сражавшуюся под венецианскими знаменами против турок. Показывая образ жизни при дворе ганноверского герцога, Герье описывает сложный этикет и церемониал встречи иностранных гостей, отмечая, что для своих правила гостеприимства были не столь утонченные. Герье уделил также внимание развлечениям двора, в организации которых участвовал и Лейбниц, который стремился разнообразить удовольствия чем-нибудь остроумным, напоминающим вкус древних. Это не следует воспринимать как «дешевое украшательство» — Герье внес важный вклад в воссоздание истории удовольствий и развлечений. Задолго до Н. Элиаса, он пришел к мысли, что придворный этикет привел к радикальному изменению не только внешних манер, но и менталитета людей, приучив их к самодисциплине, сдержанности, умению рассчитывать последствия своих поступков на несколько шагов вперед.

Характер политической деятельности Лейбница определялся борьбой княжеств за независимость от императора и за право самостоятельно участвовать в международных переговорах. Лейбниц, будучи сторонником единства Германии, был вынужден обосновать партикуляризм или суверенитет. Это обстоятельство и опре-

делило его позицию примиренчества и толерантности. Лейбниц указал на новое основание единства Германии и Европы в целом, значение которого стало особенно понятно сегодня. Философ, воспитанный в имперских традициях, но живший в эпоху «парада суверенитетов», интенсивно размышлял о том, на какой почве могли бы, как в эпоху «священных войн», снова объединиться европейские народы. Европа должна стать оплотом цивилизации, просвещения и вечного мира. Думается, что именно «Монадология» подводила социально-культурный фундамент под дипломатию Лейбница. Она имеет основополагающее значение для оправдания культурной автономии в рамках политической целостности.

Герье начинает главу «Лейбниц при дворе герцога Эрнста-Августа» с описания быта и порядков, царивших в мелких княжествах Германии. По сути, они превращались в музеи или в резервации старого быта. Обедневшие аристократы жили в прошлом и держались за свои привилегии, которые уже не имели значения в новых условиях. «Они скучали в своих маленьких столицах и нередко проводили время, — писал Герье, — подобно старому князю Шпильбергскому, который целыми днями сидел у окна своего замка, рассматривал проезжих, и, если замечал какое-нибудь незнакомое лицо, спрашивал его, кто он такой»¹⁵.

К концу XV в. немецкие княжества добились полной независимости, но, соблюдая верность идее единого государства, сохранили общие верховный суд, войско, казну и центральное правительство. Однако все эти федеральные институты бездействовали. Сильные не подчинялись приговору суда, а слабые не могли добиться правосудия.

Но наряду с такими музеями прошлого были и амбициозные княжества, активно содействовавшие модернизации. Ганновер принадлежал к их числу. Лейбниц прожил там 40 лет и принимал деятельное участие в политической деятельности. При этом он способствовал если не восстановлению единства Германии, что удалось Бисмарку много лет спустя, то по меньшей мере сохранению ее от поглощения могущественными соседями. В Вене, Париже, Берлине, Лейбниц предпринимал дипломатические попытки отстаивать интересы Германии. Сомнения в непоследовательности и даже противоречивости затеваемых им дипломатических интриг проходят, если принимать во внимание непостоянство основных сил, которые так или иначе могли повлиять на положение Германии. Например, Лейбниц поочередно надеялся на то, что

¹⁵ Герье В. И. Лейбниц и его век. С. 287 данного издания.

Австрия, Франция, Швеция или Россия будут способствовать консолидации Европы. Но по мере того, как становились очевидными эгоистические амбиции того или иного императора, Лейбниц искал им противовесы и часто прибегал к услугам тех, против кого ранее интриговал. Если обратиться к философии Лейбница, то именно в ней мы найдем новое учение о возможностях, существенно отличающееся от механического детерминизма его современников. И основанием этой новой онтологии является не столько механика, сколько политика.

Герье проследил все изгибы сложной дипломатии Лейбница и раскрыл ее целенаправленный характер. Герье отмечал, что имеет смысл только та политика, которая основана на какой-нибудь нравственной идее. Так, «политика Лейбница построена на идее *права*»¹⁶. Не считая политику продолжением войны или выражением экономики, Лейбниц учитывал важную роль духовности. То упорство, с которым Лейбниц содействовал организации Академии наук сначала в Ганновере и Берлине, а потом в России, объясняется его верой в то, что именно научное мировоззрение станет той силой, которая приведет народы к вечному миру. Сегодня как позитивное, так и негативное значение усилий Лейбница и Канта оценивается через призму глобализации. Наоборот, в XVIII в. призыв к созданию международных организаций определялся необходимостью защиты прав народа от произвола государственной власти.

Исторические исследования Лейбница имели своеобразный характер. Его основной обязанностью было составление родословной Вельфского дома. Построение генеалогического дерева в то время было необходимо при разрешении спорных имущественных и территориальных вопросов. Лейбниц не удовлетворился этим и по существу поставил задачу воссоздания истории Германской империи, над которой он неумоимо работал 24 года, подвергаясь обвинениям в неисполнении возложенных на него обязанностей. Необычность исторической реконструкции Лейбница состоит в учитывании геологических и географических факторов в развитии стран и народов. Лейбниц не успел завершить свой труд. После его смерти был издан четырехтомник, в котором содержалась лишь история дома Вельфов. Полностью труд Лейбница был издан через 100 лет после его смерти. Герье сожалеет об этом, так как своевременное издание труда Лейбница не только сделало бы его памятником исторической мысли, но и имело бы положительное политическое значение.

¹⁶ Там же. С. 338.

Примирение церквей

Наиболее сильной формой символического единства европейского человечества была христианская религия. К сожалению, она раскололась на несколько конфессий, представители которых втянулись в религиозные войны. Соотношение человека и Бога, религиозность разных народов и согласованность их действий весьма волновали Лейбница. Он был дипломатом и понимал недостаточность чисто договорной теории Гоббса. Каждый народ — часть целого, но не механическая часть. Нация-монада — это активная сила, обладающая желанием быть главной в мире. Поэтому естественного права, как аналога геометрического порядка, недостаточно для обоснования мирного сосуществования. Был ли Лейбниц в душе немецким националистом, неизвестно. По роду службы он принадлежал к международным чиновникам, которые вынуждены смотреть на национальные приоритеты своей страны с учетом интересов других.

Лейбниц всячески содействовал объединению церквей. Наряду с поисками глубинных оснований науки, осознание религии как формы консолидации все более разрываемого отношениями конкуренции рыночного общества определяло его интерес к теологической проблематике. Возможность сохранения философской позиции Лейбниц реализовал в своей «Теодицее», которая не сводится ни к теологии, ни к политике, ибо в ее основе лежит концепция цивилизационного процесса, проводниками которого выступают политика и философия, наука и религия. Здесь речь идет о применении метафизики к теологии.

Везде — в политической, научной, религиозной сферах — Лейбниц выступал как посредник между крайностями. Вера по существу обособляет, неизбежно ограничивает человека, полагал он, — только разум, наука делают человека свободным. Характеризуя теологию Лейбница, Герье отмечает: «Источником его религиозности был разум»¹⁷. Лейбниц исходил из гармонии Откровения и разума. Он не допускал то, что противоречит разуму, т. е. законам логики и математики, но допускал, что догматы о Святой Троице, евхаристии и воскресении выше разума.

Лейбниц смолоду занимался теологией, он оценивал религию как политик и дипломат и не оставил воспоминаний о своих религиозных переживаниях. Известно, что Лейбниц не посещал церковь. Однако рассуждения о предустановленной гармонии свидетельствуют и о его личной вере в мудрость Творца. Вера в ра-

¹⁷ Там же. С. 117.

зумность божественного замысла, Лейбниц боролся со всем неразумным, и таковым ему казалось разделение церквей.

Если политики избегали тактики священной войны и находили способы согласования интересов народов, разделенных верой, то католические и лютеранские богословы, наоборот, проявляли полное несогласие, и ярким свидетельством тому является постановление Тридентского собора¹⁸. Власть стремилась призвать фанатиков к терпимости, однако указы не помогали — богословы продолжали оскорблять друг друга. В этих условиях чрезвычайно важно было показать отсутствие принципиальных различий между направлениями христианской религии. Наиболее ярким и искусным в деле примирения церквей оказался французский епископ Боссюэ, который использовал свое красноречие для возвращения протестантов в лоно католицизма. Другой епископ — Спинола проявлял гораздо большую гибкость и стремился к унии между католиками и протестантами.

Ганновер стал местом примирения церквей, отчасти из-за симпатий герцога к католицизму. Неудивительно, что и Лейбниц был привлечен для оправдания этой политики. Он даже признал, что, если избавить католичество от средневековых злоупотреблений, оно могло бы снова стать вселенской церковью. Но идея реформы не удовлетворяла противников. Более того, фанатичные католики и протестанты считали ее еретической.

Особенности Лейбницевой теологии Герье объяснял ссылкой на конкретные обстоятельства. Будучи протестантом, Лейбниц вынужден был обосновывать католические убеждения и решения своего шефа. Подготовка разного рода записок по спорным религиозным вопросам опиралась на его научный метод беспристрастности и объективности. Лейбниц не навязывал своих убеждений, а, как он говорил, «докладывал факты». Поскольку Лейбниц и для себя должен был разобраться с различием вер и хотел, чтобы его сочинения по религиозным вопросам способствовали воссоединению церквей, ему пришлось примирять позиции протестантов и католиков. Оценивая усилия Лейбница в деле объединения церквей, Герье пишет: «Даже если бы нам пришлось причислить вопрос о соединении церквей к разряду неразрешимых проблем, мы должны были бы признать за попытками к объединению существенные заслуги. Они смягчают старинные понятия о вражде и розни и располагают к веротерпимости, не к гражданской только

¹⁸ Лейбниц полагал, что постановления Тридентского собора могли быть приняты протестантами за исключением 3-го или 4-го пунктов.

терпимости, поддерживаемой законом, но к той истинной веротерпимости, которая основана на сознании единства начала и целей»¹⁹.

Обращение на закате жизни к вопросам, считающимся религиозными, кажется вполне понятным. Трудность состоит в том, что «Теодицея» — пожалуй, самое популярное сочинение Лейбница, которое читалось людьми разного возраста, разных политических и религиозных убеждений. Герье объясняет это тем, что оно было написано на закате теологического периода европейской культуры, когда вопрос об отношении человека к Богу серьезно тревожил общество. В зависимости от решения этого вопроса возникали религиозные расхождения, имевшие серьезные политические последствия. Религия в то время и была формой идеологии. Такие ученые, как Бейль, считали, что теологические споры неразрешимы и зря отнимают время. Наоборот, Лейбниц полагал, что вопрос о свободе воли может получить ясное решение и позволит достигнуть примирения между протестантами и католиками.

Лейбниц и Петр

Как трактовать желание Лейбница содействовать реформам Петра? После выхода работ Фуко такие «советники» расцениваются как колонизаторы или миссионеры, которые видят в аборигенах недоразвитых европейцев и стремятся внушить им, что они должны встать на «цивилизационный» путь развития. Однако роль европейских специалистов, приехавших в Россию, по меньшей мере двоякая. Во-первых, конечно, они способствовали тому, чтобы русские смотрели на самих себя глазами европейцев. Но нельзя сказать, что в России они добились той степени отчуждения, когда, говоря словами Хайдеггера, «никто не есть он сам, его представляют другие». Во-вторых, бывшие немцы, французы, итальянцы, шведы, голландцы настолько быстро обрусели, что стали лучшими защитниками России.

В отличие от книги «Быт и нравы народов Сибири» (ее авторство приписывают Екатерине Великой), где описываются варварские обычаи сибиряков, книга Герье написана с позиций русского патриота. В ней нет и намек на то, что русские — это дикий нецивилизированный народ, который нужно если не колонизировать, то «просветить», т. е. внушить европейские ценности и образ жизни. Как патриот России, заинтересованный в хороших отноше-

¹⁹ Герье В. И. Лейбниц и его век. С. 468 данного издания.

ниях с Европой, Герье писал свой обширный труд, чтобы на примере деятельности Лейбница показать, в чем состоит общий интерес. Он упрекает европейцев в том, что «со времени Лейбница и по настоящие дни на Западе больше занимаются опасениями насчет возрастающего могущества России, чем интересуются ее успехами в образовании и цивилизации»²⁰. Герье искренне разделяет позицию Лейбница, что судьба России во многом определяется ее географическим или, как говорят сегодня, геополитическим положением. Располагаясь в Европе и в Азии, она соединяет Запад и Восток.

Петровские начинания и преобразования до сих пор остаются самыми спорными в отечественной истории. От них нельзя отмахнуться, заявив, что Петр Великий просто наделал много шума, но практически ничего не сделал. Он перенес столицу из центра на передовой край государства, более того, не только реформировал Россию по европейскому образцу, но и воевал с воинственным шведским монархом за прибалтийские земли.

Первая поездка Петра I в Европу предоставила широчайшие возможности для предприимчивых людей. Но Лейбниц был дальновиднее других, которые заботились лишь о выгодных контрактах, — он думал о просвещении России в интересах человечества. Правда, Герье отметил, что Лейбниц, «подобно всем западным людям того времени, не был совершенно свободен от опасения, что возрастающее могущество России может быть обращено также против образованного мира»²¹. Он мечтал о христианизации Китая и, исходя из географического положения России, считал, что самим Провидением она предназначена быть проводником Европы на Востоке. Лейбниц хорошо понимал роль личности в истории, учитывая, что умение «привлечь внимание одного такого человека, как царь или государь Китая, и направить его к настоящему благу, внушив ему рвение к славе Божьей и к усовершенствованию человечества, имеет гораздо большее значение, чем выиграть сто сражений; ибо от воли такого человека зависят несколько миллионов других людей»²². Лейбница привлекала личность Петра, несмотря на его недостатки. Мечтая, что и сын Петра станет заботиться о просвещении России, он стремился, чтобы тот получил хорошее европейское воспитание и воспринял европейский взгляд на Россию. Ставка на то, что царевич будет хорошим продолжателем дела Петра, оказалась просчетом. Царевич был слишком набожен,

²⁰ Там же. С. 640.

²¹ Там же. С. 614.

²² Там же. С. 601.

а набожность его сложилась благодаря влиянию православной церкви, которая не скрывала отрицательного отношения к вестернизации и стремилась сделать союзником царевича.

Русские дипломаты в Европе понимали значимость общественного мнения и были заинтересованы в симпатии европейцев. Первым русским агентом по заграничной печати стал барон Гюйсен. Он закончил Страсбургский университет и был какое-то время наставником при сыне прусского министра, служил советником при княжеском доме Вальдека и получил приглашение от Паткуля поступить на русскую службу. Он был обязан: 1) приглашать на русскую службу офицеров, инженеров, мануфактуристов, ружейников, художников и других мастеровых; 2) переводить, печатать и распространять царские постановления для устройства военной службы; 3) склонять европейских ученых посвящать свои произведения русскому царю или его министрам, прославлять Россию; 4) вести переговоры с почтмейстерами о правильной рассылке русских писем.

С 1707 г. русским посланником в Вене стал барон Урбих, которого Лейбниц также давно знал. Лейбниц чрезвычайно обрадовался назначению Урбиха, ибо надеялся, что старый знакомый поможет ему обрести доверие Русского двора для распространения наук и искусств в России (не безынтересно отметить, что уже тогда хорошо понимали значимость «пиара»). Одной из миссий Урбиха была подготовка брака царевича Алексея с принцессой Вольфенбюттельского дома. Но наиболее важной его миссией являлось приглашение специалистов, образующих элиту общества, людей, способных организовать ремесла и искусства, чтобы производить приборы и инструменты, разнообразные машины, а также предметы обстановки и продукты питания, потребление которых изменило бы образ жизни и тем самым органично превратило бы русских в европейцев.

В развитии отношений Лейбница к России Герье выделяет несколько периодов. *Первый период* охватывает время, когда Лейбниц не был знаком ни с кем из русских. Переписка шла с людьми равнодушными или враждебными к России. И сам Лейбниц первоначально хотел получить лингвистический материал, чтобы с его помощью установить отношения с Китаем и распространить там христианство. Как известно, Лейбниц не только интересовался теологическими проблемами, но участвовал в реализации миссионерских планов церкви. Сначала он заигрывал с иезуитами, считая их наиболее способными к этому. Разгадав их гегемонизм, он стал содействовать проникновению евангелизма на Восток. Но в Китае уже закрепились иезуиты. Кроме того, китайский император раз-

решил открыть в Китае православную церковь. В этих условиях надежды Лейбница выглядели как утопические.

В первой записке (не ясно, кому она адресована и дошла ли до адресата) Лейбниц сравнивает царя с китайским императором и королем Абиссинии. Он предлагает составить родословное дерево царской семьи и генеалогию русских аристократических родов. Лейбниц дает также советы, «как обустроить Россию»: 1) основать центральное учреждение для наук и художеств; 2) привлечь к делу способных иностранцев, которые сведущи в науках, благородны и бескорыстны; 3) выписать из-за границы необходимые книги, а также печатни, инструменты и т. п.; 4) посылать русских в Европу, чтобы они получили там хорошее образование и могли эффективно проводить преобразования; 5) просвещать народ, для этого открыть школы и при подготовке ученого сословия обратить особое внимание на освоение языков и особенно латыни; 6) составить описание ресурсов страны²³.

Второй период развития отношений Лейбница с Россией Герье отсчитывает от начала Шведской войны до 1711 г., когда состоялось его свидание с Петром. В этот период Лейбниц озабочен тем, чтобы втянуть Россию в европейскую политику и противопоставить ее Франции. При этом путь, который он выбрал, был основательным, рассчитанным на долгую перспективу, — не интриги и даже не мирные договоры, а внедрение в Россию европейской науки и образования.

Вообще говоря, частота, с которой Лейбниц подчеркивал, что его интересует только распространение образования, несколько настораживает. Не было ли это ширмой его некоей «тайной» дипломатии? Например, он не одобрял Шведскую войну и полагал, что с точки зрения европейского равновесия лучше бы Карл XII обратился против Франции, а Петр I против Персии. Исходя из той роли, которую Лейбниц отводил России, война со Швецией расценивалась им негативно. В письме к Урбиху он писал: «Причина, почему я так сильно желаю... мира, — та, что мне хотелось бы, чтобы царь привел в исполнение прекрасное и великое намерение цивилизовать свою обширную империю и ввести в нее науки, художества и хорошие обычаи. (...) ...таким образом можно было бы сразу усовершенствовать и привести в лучшее состояние значительную часть земного шара и почти весь северо-восток нашего материка»²⁴. Европа была заинтересована в том, чтобы вместо се-

²³ Там же. С. 591—592.

²⁴ Там же. С. 639.

верных войн Россия вела южные. Разумеется, Петр об этом знал и широко манифестировал планы в отношении Черного, Азовского и Средиземного морей. Он намеревался утвердиться на Черном море и строил для этой цели 75 кораблей. Думается, это воодушевляло не одного Лейбница. Европа, издавна воевавшая с турками, обрела сильного сторонника. Однако Россия начала войну со Швецией. Не обманул ли Петр ожиданий европейских дипломатов? Если Россия и Европа желали союза и торговли, то для этого был необходим надежный порт. Таким образом, борьба за выход в Балтику предполагалась переориентацией главной оси политики с «Север—Юг» на «Запад—Восток». Возможно, как и пакт Молотова—Риббентропа, этот вопрос не должен обсуждаться исключительно в моральной плоскости. Интересы Европы и России, пока речь шла об ограничении турецкого владычества, совпадали. Но диалектика развития такова, что взамен одного утверждается господство другого. А тот, кто потирал руки, наблюдая за борьбой противников, оказывается проигравшим. Впрочем, Европа и Россия сумели сохранить свои интересы в решении турецкого вопроса. У дипломатов хватило ума осознать, что полное уничтожение Османской империи привело бы к тому, что там, где был порядок, воцарился бы хаос.

Определяя миссию России, Лейбниц сформулировал установку Запада. Скорее всего, Петр столь же прагматично оценивал достижения Европы, которые он намеревался использовать с целью усиления своей державы. Герье высоко оценивает манифестируемую Лейбницем программу просвещения России, хотя вряд ли она могла быть чем-то иным, кроме как мечтой, желанием, намерением. Да, Европа хотела бы распространения своей культуры по всей Земле, но Россия видела свою миссию по-другому. Наверное, каждый народ может считать себя избранным. Но на деле ни европейский, ни православный мир не дают примеров трогательного единства по части выполнения «миссии». Чаще всего война возникает не с «неверными», а с ближайшими соседями.

Герье полагал, что оценки российско-европейских отношений у Лейбница менялись в соответствии с обстоятельствами. Сначала он видел в Карле XII воина, озабоченного распространением европейской цивилизации вообще и протестантизма на Востоке в частности. Однако позже он понял, что не Швеция, а Россия способна это сделать. В письмах Лейбниц высказывает опасение, что Карл XII договорится с Людовиком XIV. Но еще большую настойчивость вызывало подозрение, как бы Петр не вошел в союз с Францией, ведь среди его окружения были люди (молодой Зо-

тов), склоняющиеся к сотрудничеству не с немцами, а с французами.

В 1708 г. Лейбниц тайно встречался с Урбихом в Вене. Результатом переговоров стала записка Петру. Она включает в себя следующие тезисы.

1. Россия — это целина, куда можно посеять самые чистые, предварительно отобранные семена. Ошибок, имевших место в деле развития наук в Европе, можно избежать, поскольку просвещение в России вводится заново.

2. Истинная цель науки — благо людей, а это не праздность и роскошь, а вера и добродетель. Главный эффект образования — это воспитание юношества.

3. Науки и искусства лучше всего содействуют достижению этой цели.

4. Для их развития требуются сведущие люди и хорошие пособия.

5. Необходимо составить план, где изложены требования к учителям и метод преподавания, способствующий систематичности знаний.

6. Библиотеки должны быть укомплектованы книгами по математике, военному делу, астрономии, географии, истории, мореплаванию и архитектуре, а также по физике, земледелию, горному делу, ботанике, химии и медицине. Литература должна быть на латинском, а также немецком, английском и других языках.

7. Музеи, кабинеты редкостей, галереи, кунсткамеры и т. п. необходимо устроить так, чтобы они способствовали не только развлечению, но и воспитанию.

8. Нужна химическая лаборатория.

9. Обязательно следует построить обсерваторию.

10. Необходимо особое учреждение, способствующее организации и контролю науки и образования²⁵.

Поскольку шла Северная война, эта записка не пошла в дело. Однако Лейбниц не ослабил усилий участвовать в укреплении связей Ганноверского двора с Петром. Было содействие распространению цивилизации на Восток лишь прикрытием дипломатических услуг Лейбница или, наоборот, участие в тайных переговорах было платой за реализацию общей идеи? Не видно, чтобы философия помогала Лейбницу-дипломату. Тайно, долго и безрезультатно обсуждаемые вопросы решились после Полтавской битвы, победа в которой оказалась лучшим аргументом для Европы.

²⁵ Там же. С. 648—650.

Лейбниц с воодушевлением воспринял известие о победе русской армии. Судя по его письмам, он старался развеять опасения европейской элиты, воспринимавшей усиление России как новую угрозу, подобную турецкой. Лейбниц позиционировал Петра как проводника европейской цивилизации на Востоке. Дипломатические отношения с Россией давали надежду на то, что она не нарушит европейское равновесие и даже, наоборот, убавит амбиции французов. Подготовка брака принцессы Шарлотты с царевичем Алексеем также давала повод для оптимизма относительно долгосрочных отношений России с Европой. Лейбниц считает, что теперь пробил его час. Он просит Урбиха доставить его записку Петру и, будучи старейшим членом многих европейских академий, выражает готовность стать президентом Российской академии наук и искусств.

В ответ Урбих написал, что записка Лейбница представлена двору и попросил об очередной дипломатической услуге, касающейся союза Ганновера с Россией. Лейбниц выполнил поручение и снова просил о содействии его проекту. Науки, писал он, «интересуют меня более, чем политические дела, ибо польза последних большей частью преходящая... тогда как умножение человеческих знаний и знакомство с природой способствуют славе Господней и благополучию рода человеческого, увеличивая богатства и цивилизацию»²⁶.

Третий период развития отношений Лейбница с Россией охватывает личные отношения Лейбница с Петром. Лейбниц был представлен Петру Антоном-Ульрихом на свадьбе царевича Алексея в Торгау. Лейбниц заинтересовал Антона-Ульриха обещанием передать ему руководство Академией, а самому быть при нем вице-президентом. Судя по сохранившимся записям, Лейбниц преследовал две задачи: во-первых, создать в России Академию наук и искусств; во-вторых, втянуть ее в войну за испанское наследство. О том, как обстояло дело с решением последней задачи, Герье не нашел никаких материалов. Зато обсуждение вопроса об учреждении Академии зафиксировано во многих документах.

«Бизнес-план» Лейбница предполагал расходы в сумме 10 тысяч талеров, но с учетом жесткого контроля над расходами. Прежде всего Лейбниц предложил устроить коллегию, которая должна руководить ученой и учебной деятельностью в империи. Она должна была также осуществлять надзор не только за школами, но и за типографиями, аптеками, промышленностью и инновациями

²⁶ Там же. С. 665.

в сфере производства и торговли. С целью самообеспечения ей нужно дать привилегию на устройство банков и книжной торговли. Президент этой ученой коллегии должен входить в госсовет, а ее члены иметь звание царских советников²⁷.

В ноябре 1711 г. в Берлине на заседании филологической коллегии также обсуждались вопросы об участии в организации Российской академии преимущественно в интересах лютеранской церкви. При этом обнаружилось расхождение с планами Лейбница, который ставил на первое место науку. Коллегия же планировала послать в Россию пастора, который мог бы опекать заодно и книжное дело. Предлагалось составить катехизис, учитывающий основные догматы православной и лютеранской веры. В ответ на это было указано, что вряд ли такая книга будет разрешена в России. Обсуждался вопрос об открытии школы или гимназии, преподавателями которой были бы немцы из Берлина. В ответном письме Лейбниц как президент выразил неудовольствие инициативой коллегии и не советовал привносить в проект сотрудничества щекотливые религиозные проблемы. Зато он обещал поддержку кандидату от Берлинской академии, способному вести геомагнитные измерения в России.

Венский двор вел свои переговоры с Петром и тоже строил планы о женитьбе царевича на одной из дочерей императора Иосифа. Поскольку эти планы не осуществились, Венский двор не признавал за Петром императорского титула. Положение изменилось после смерти Иосифа. Его преемник Карл IV стремился к тесному союзу с Россией и просил Антона-Ульриха быть в этом посредником. Последний, узнав о намечавшейся встрече с Петром, просил Лейбница посредничать и в установлении союзных отношений Австрии и России.

К сожалению, нет никаких сведений о разговоре Лейбница с Петром и в первых числах ноября 1712 г. Лейбниц последовал за царем в Теплиц и Дрезден и имел с ним несколько встреч. В результате он был зачислен на русскую службу в чине тайного юстиц-советника с окладом тысяча талеров в год. Ему было поручено представить свои соображения насчет русского законодательства. Однако Лейбниц не спешил выполнять это поручение. И не только потому, что слабо представлял, с чего начать, но и по той причине, что судопроизводство, по его личному опыту, приводит к сутяжничеству.

В письмах к различным российским адресатам Лейбниц сообщает о намерении составить для русских общую энциклопедию

²⁷ Там же. С. 691.

наук. Сохранилась записка, в которой Лейбниц перечислил необходимые для работы материалы: список вышедших в России книг, известия о греческих и русских рукописях, список ученых, находящихся на русской службе, известия о сибирских путешественниках, отправлявшихся на север и попадавших якобы в теплые страны, образчики языков, словарь и грамматика русского языка, символ веры, русская Библия, «Патерик», богослужебные книги.

26 апреля 1715 г. Лейбниц получил известие, что царь поручил генералу Вейде учредить по шведскому образцу следующие коллегии: военную, морскую, торговли, юстиции и финансов. Неизвестно, как на это отреагировал Лейбниц, — его письма в Россию содержат в основном просьбы выплатить обещанное жалованье.

Прошло три с половиной года после карлсбадского свидания с царем, но ни одна просьба Лейбница не была выполнена. Летом 1716 г. Петр снова собирался посетить Карлсбад. Лейбниц стал торопить мастеров, которым он поручил изготовление счетной машины. В мае он встретился с царем и провел с ним несколько бесед. Во всех письмах этого времени Лейбниц расхваливал Петра за его интерес к наукам и ремеслам. Однако из этих писем не ясно, получил ли он какие-либо материалы из России и выплатили ли ему жалованье за три года. Лейбниц составил три записки, в которых советовал царю содействовать цивилизации сборением лингвистического материала, распространением христианства, наблюдениями заклонениями магнитной стрелки, географическими исследованиями, развитием естественных наук. Одна из записок посвящена устройству учебной части с целью избежать злоупотреблений, имевшихся в европейских университетах. Лейбниц предлагал учредить три ступени образования: школы для детей, университеты для юношества, академии для подготовки ученых. Школа должна ориентироваться на три цели: нравственное воспитание, обучение языкам и обучение художествам (логика, геометрия, музыка, рисование, ручные работы).

При академии должен быть и университет. Лейбниц набросал нечто вроде учебного плана. На первое место он поставил богословие. Далее следует изучение творений. Телесные творения изучаются астрономией, географией, геометрией, механикой, химией. Для понимания человека необходимо изучать тело и душу. Телом занимается медицина. Ум исправляет логика, волю — этика. Прошлым занимается история. Настоящее опирается на естественное политическое право. Чтобы человек не утомлялся, он должен отдыхать, а для отдыха ему необходима музыка. Чтобы общаться с другими и обмениваться знаниями, необходимо знание языков.

Для развития наук в России следует прежде всего заняться составлением словарей и энциклопедий. Надо собрать то, что известно, и исследовать то, что неизвестно. Необходимо изложить знания в систематической форме, а для этого тщательно отобрать разбросанные в разных источниках отрывочные знания, причем не только теоретические, но и практические. В полной мере этот замысел был реализован в «Энциклопедии» Дидро.

В отличие от европейских российским универсалам Лейбниц предлагал ограничить свободу и разместить их по коллегиям под присмотром наставников. Он рекомендовал первые годы обучения посвящать общим занятиям по логике и математике, советовал всем студентам изучать сельское хозяйство, а выпускникам теологического факультета готовиться к миссионерской деятельности. Профессоров Лейбниц предлагал приравнять к высшим чиновникам.

Лейбниц предложил план рационального государственного устройства, «главными колесами» которого должны стать коллегии. Более подробно он расписал принципы формирования ученой коллегии. Ее члены должны быть лучшими специалистами в своей области и кроме научных исследований следить за воспитанием молодежи, направлять лучших ее представителей за границу для продолжения образования.

Учрежденная Петром Академия наук имела мало общего с проектом Лейбница, который ориентировался на естественные науки и их использование для блага страны. Учрежденная Петром Академия имела весьма скудные средства и незначительные полномочия. Ею формально руководил лейб-медик, который передал функции библиотекарю. В результате была создана вывеска, за которой совершались не научные открытия, а мелкие интриги. Герье разыскал записки Лейбница о коллегиях и пришел к выводу, что Петр задумал их организацию задолго до знакомства с Лейбницем. Более того, в качестве образца он избрал шведскую модель. Герье писал: «Толки о влиянии Лейбница на устройство администрации и законодательства в России должны быть отвергнуты»²⁸. Другие предприятия, о которых хлопотал Лейбниц, были реализованы спустя долгое время. Петр Великий незадолго до смерти успел написать инструкцию для экспедиции на окраины Сибири и устав Академии. В 1728 г. была снаряжена экспедиция Беринга, который определил границу Азии, а в 1741 г. достиг Америки. Мечта Лейбница об организации наблюдений за склонением магнитной стрелки на обширной территории России сбылась лишь в XIX в.

²⁸ Там же. С. 758.

Итоги

Герье, в целом высоко оценивая вклад Лейбница в петровские преобразования, пришел к выводу, что почти ничего нового из того, что уже знал и пытался воплотить Петр I, Лейбниц не предлагал, более того, почти ничего из предложенного им не было выполнено. Читая историю попыток реализации проекта просвещения России, трудно удержаться от мысли, что не только Лейбниц, но и сам Петр, жестоко расправлявшийся с противниками реформ, не смог воплотить запланированное. Задумываясь о причинах неудачи этого проекта, можно было бы все свалить на косность российского народа. Но, читая Герье, нельзя не отметить того, как лениво, безответственно отнеслись к своим обязанностям и те, кто предлагал способы ускоренной европеизации России, и те, кто должен был исполнять эти рецепты. Каждый был озабочен своими интересами. Да, Лейбниц набросал список важных мероприятий, которые могли бы способствовать процветанию России. Но этот выдающийся философ, открывший возможность соединения индивидуального и универсального на теоретическом уровне, на практике, возможно, не слишком верил, что Россия может стать иммунной системой Запада и оберегать ее то от турок, то от имперских амбиций Карла XII или Людовика XIV. Иначе, что ему мешало приехать в Россию и самому заняться организацией академии? Почему он хотел руководить ею из Ганновера или из Берлина? Книга Герье впечатляет описаниями бедственного положения европейских интеллектуалов, большинство из которых едва сводило концы с концами. Лейбниц думал, что не составит никакого труда найти талантливых европейских ученых, которые приедут в Россию. Однако его собственные попытки отправить туда достойных кандидатов оказались неудачными. Большинство из них, как и он сам, хотело бы получать пенсии из России и писать докладные записки, оставаясь в Европе.

Герье указывал, что Лейбниц всегда стремился соединить частное и общее и примирить противоположности. Он поддерживал Людовика XIV, когда была надежда, что он объединит Европу и возглавит поход на Восток, и стал ему противодействовать, когда понял опасность его политики для Европы. Герье высоко оценил усилия Лейбница на образование европейской конфедерации. Сегодня можно сказать, что планы Лейбница, наконец, воплощаются.

Всем известны заслуги Лейбница. Важнейшим его открытием является дифференциальное и интегральное исчисление. Его

арифметическая машина для извлечения квадратных и кубических корней стала важной вехой развития счетных устройств. Он разработал новую динамическую картину мира, а также способствовал становлению научной химии. Лейбниц интересовался горным делом, палеонтологией, географией, языкознанием и медициной и в каждой из этих наук он был пионером. Лейбниц был юристом и дипломатом, он первым указал на ограниченность теории Гоббса и считал, что право предназначено не для угнетения, а для защиты людей. Исторические труды Лейбница стали образцом для историографии. Его «Монадология» позволила совместить национальное своеобразие культуры и универсальные ценности. Он первым понял возможности сравнительного анализа языков для реконструкции генеалогии народов. Значительные усилия Лейбниц приложил для воссоединения церквей, для доказательства гармонии веры и разума. Он был организатором науки и создал проекты четырех академий, которые, по его замыслу, должны были способствовать связи теории и практики.

В полной мере гений Лейбница проявился в философии, в которой он преодолел резкое разделение индивидуального и универсального, возможности и необходимости. «Философия Лейбница, стоя на рубеже Нового времени, напоминает человеку, что между материальным миром и духовным установлена вечная гармония, что непреложные физические законы не исключают нравственных целей, которым они служат, что разум, раскрывающийся в мире, есть не безжизненный, математический разум, но сознательный, а следовательно, нравственный, и что человек, бесконечно малое отражение всемирного разума, есть существо духовное и нравственное»²⁹.

В современной России дело Лейбница тоже привлекло внимание общественности. В свете происходящих реформ он расценивается как прогрессивный политик, предложения которого по организации научных и правительственных учреждений до сих пор не утратили значения³⁰.

Б. В. Марков

²⁹ Там же. С. 575.

³⁰ См.: *Барабашев А. Г.* Попытка реформы государственной службы 1999—2000 гг. (предложения Центра стратегических разработок) // Реформа государственной службы России: История попыток реформирования с 1992 по 2000 год. М., 2003. С. 168—170.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Воспитание Лейбница. Гимназии и университеты в Германии в XVII в.	10

Происхождение Лейбница. — Его семейство. — Протестантизм в XVII в. — Латинская школа. — Отсутствие реального элемента в школьном образовании. — Предметы гимназического курса. — Методы преподавания. — Диспуты. — Религиозное воспитание. — Наказания. — Нравы учеников. — Лейбниц восполняет чтением недостатки школьного образования. — Влияние классических писателей. — Занятия логикой. — Восприимчивость Лейбница. — Лейпцигский университет. — Студенческий быт. — Депозиция. — Пеннализм. — Бурсы и стипендии. — Занятия студентов. — Лекции. — Диспуты. — Университетские степени. — Церемония при получении докторства. — Пороки студентов. — Возникновение университетов из духовных училищ. — Секуляризация их и подчинение правительству в XVI в. — Ректор. — Канцлер. — Университетское управление. — Контроль над профессорами. — Отношения между университетскими преподавателями. — Профессора ordinарные и экстраординарные. — Приват-доценты. — Лекции публичные и частные. — Чинопочитание. — Занятия профессоров. — Отсутствие специализации. — Доходы профессоров. — Костюм профессоров и студентов. — Недостатки профессоров. — Их нетерпимость. — Лейбниц от схоластики переходит к изучению классической и новейшей философии. — Лейбниц в Йене. — Вейгель. — Математический метод и применение его ко всем наукам. — Занятия и диссертации Лейбница. — Лейпцигский университет отказывает ему в докторской степени. — Лейбниц в Альторфе. — Докторство. — Общество алхимиков в Нюрнберге. — Знакомство с Бойнсбургом. — Лейбниц переселяется во Франкфурт.

Глава II. Лейбниц в Майнце. Германский и восточный вопросы в XVII в.	78
---	----

Тесная связь германского вопроса с палским и итальянским. — Общее происхождение их из средневекового порядка вещей. — Различные взгляды современных немецких историков на германский

вопрос. — Различные взгляды на разрешение этого вопроса в XVII в. — Богуслав Хемниц, Hippolithus a Lapide. — Пуфендорф. — Его критика современного состояния Германии. — Переворот в европейской политике. — Могущество Франции. — Распадение Германии на 3 группы. — Рейнский союз. — Вмешательство Людовика XIV в дела Германии. — Турецкая война и Эрфуртское дело. — Архиепископ Майнцский. — Династическая политика немецких князей. — Барон Бойнебург. — Отношения Лейбница к Бойнебургу. — Его занятия в Майнце. — Математический метод в юридических и политических науках. — Занятия Лейбница по физике и философии. — Его религия. — Занятия политикой. — Записка о водворении внутренней и внешней безопасности в Германии. — Проект Лейбница о завоевании французами Египта. — Шум, который наделало обнародование этого проекта в 1803 г. — Мнение о нем французских историков. — История восточного вопроса. — Три периода его. — Общий взгляд на этот вопрос в XVII в. — Лейбниц вносит в этот вопрос новую точку зрения. — Интересы цивилизации. — Его записка об экспедиции в Египет. — Своевременность этого плана. — Переговоры с французским правительством по поводу его проекта. — Лейбниц отправляется в Париж. — Перемена, происшедшая в положении восточного вопроса вследствие политики России. — Роль России в этом вопросе.

Глава III. Лейбниц в Париже. Картезианизм и его влияние на французское общество 156

Значение картезианизма. — Его последователи и противники. — Салоны. — Университеты. — Ученые общества. — Публичные лекции. — Монашеские ордена. — Бенедиктинцы. — Доминиканцы и францисканцы. — Иезуиты. — Отношение их к науке. — Ораторианцы. — Мальбранш. — Его переписка с Лейбницем. — Арно. — Философская переписка между Лейбницем и Арно. — Ненависть иезуитов к картезианизму. — Гюе, епископ Авраншский. — Отношения Лейбница к картезианизму. — Занятия Лейбница математическими науками. — Гюйгенс. — Кольбер. — Жизнь Лейбница в Париже. — Отношения его к семейству Бойнебург и к своим родственникам. — Предложение герцога Ганноверского. — Поездка в Лондон. — Спор с Ньютоном об изобретении дифференциального исчисления. — Лейбниц и Спиноза.

Глава IV. Лейбниц при дворе герцога Иоганна-Фридриха в Ганновере 233

Герцоги Брауншвейгского дома. — Переворот в политике немецких князей. — Сыновья герцога Георга. — Иоганн-Фридрих. — Положение Лейбница. — Его занятия как библиотекаря и герцогского советника. — Его записки и предложения. — Открытие фосфора. — Бранд. — Алхимические опыты. — Химик Бехер. — Улучшение рудоконства в Гарце. — Статистический альманах и центральный архив. — Записка о направлении занятий в школах и университете. — Уничтожение преследований против колдовства. — Сочинения Лейбница о праве немецких князей отправлять полномочных по-

слов. — Его записки о соединении церквей. — Геолог Стено; его странное обращение в католицизм. — Смерть герцога. — Его торжественные похороны. — Надгробное слово Лейбница. — Его «идеал государя». — Его стихотворения на смерть герцога. — Его «правила жизни». — Его характеристика самого себя. — Цель его разнообразных занятий.

Глава V. Лейбниц при дворе герцога Эрнста-Августа в Ганновере

286

Политическое состояние Германии. — Отжившие территории и возникающая государственная жизнь. — Отношения Лейбница к политическим событиям его времени. — Герцог Эрнст-Август. — Герцогиня Софья. — Ее характер и ее переписка с Лейбницем. — Семейные раздоры в Ганноверском доме. — Убийство Кенигсмарка и заговор в пользу младших сыновей. — Установление престолонаследия в Ганновере и приобретение курфюрстского сана. — Патриотизм Лейбница. — *Mars Christianissimus* — памфлет против Людовика XIV. — Лейбниц защитник идеи права в государственных отношениях Европы. — Деятельность Лейбница при Ганноверском дворе. — Его путешествия по Германии и Италии. — Пребывание в Вене. — Его заботы об интересах империи. — Пребывание в Риме. — Знакомство Лейбница с иезуитами и старания завести сношения с Китаем. — Исторические занятия и труды Лейбница. — Судьба его Истории Вельфского дома. — Заслуги Лейбница в геологии. — Протогея, или История земного шара. — Жизнь и увеселения при Ганноверском дворе. — Участие Лейбница в этих увеселениях. — Пир Трималциона.

Глава VI. Старания Лейбница о соединении церквей

384

Отношения Лейбница к религии. — Религиозные партии в XVII в. — Попытки примирения. — Джон Дори. — Каликст и его школа. — *Методисты*. — Боссюз. — Спинола. — Моланус. — Мнение Лейбница о возможности соединения католической и протестантской церквей. — Взгляд его на отношения разума к вере. — Отношения Лейбница к католицизму. — *Systema Theologicum*. — Ландграф Эрнст Гессен-Рейнфельдский. — Его политические и религиозные убеждения. — Католическая пропаганда. — Обращение Эрнста в католицизм. — Переписка с Лейбницем. — Пропаганда в Мобюиссоне. — Пелиссон. — М-ль де Скюдери. — Переписка Пелиссона с Лейбницем. — Полемика Боссюз с Лейбницем о Тридентском соборе и об отношении протестантизма к католицизму. — М. де Бринон. — Антон-Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский. — Переписка между Лейбницем и Боссюз возобновляется. — Их полемика о канонических книгах. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невеста Карла VI. — Мнение ганноверских богословов и Лейбница о том, может ли лютеранская принцесса, выходящая за католического государя, со спокойной совестью принять католицизм. — Протесты других богословов. — Антон-Ульрих принимает католицизм. — Попытки соединения лютеранского и реформаторского ис-

поведаний. — Участие Лейбница в переговорах и переписка с Яблонским. — Желание Лейбница ввести в Пруссии епископальное устройство и соединить англиканскую церковь с протестантской. — Значение попыток к объединению христианских церквей.

Глава VII. Отношения Лейбница к Софье-Шарлотте и Венскому двору 469

Характер эпохи. — Софья-Шарлотта Прусская. — Ее образованность. — Ее муж Фридрих I. — Его любимцы. — Двор Софьи-Шарлотты в Люценбурге. — Ее дружба с Пёльниц. — Ее отношения к сыну. — Ее отношения к Лейбницу. — План Лейбница сделаться посредником между Ганновером и Пруссией. — Старания его об учреждении учебных обществ. — Желание Софьи-Шарлотты устроить в Берлине обсерваторию. — Старания Лейбница об исправлении календаря. — Учреждение Академии наук в Берлине. — Ее тройное назначение. — Мысли Лейбница о соединении в академиях теоретического и практического изучения науки. — Занятия Софьи-Шарлотты. — Ее пристрастие к Бейлю и свидание с ним. — Бейль и Лейбниц. — «Теодицея», написанная для Софьи-Шарлотты. — Философское и историческое значение «Теодицеи». — Толанд. — Любовь Софьи-Шарлотты к ученым приемам. — Иезуит Вота. — Его переписка с Софьей-Шарлоттой. — Поездка Софьи-Шарлотты в Голландию. — Приобретение королевского титула. — Торжество коронации. — Сочинение Лейбница о значении и правах прусского короля. — Маскарад в Люценбурге. — Болезнь и последние минуты Софьи-Шарлотты. — Огорчение Лейбница. — Печальное положение академии. — План учреждения академии в Дрездене. — Встреча Лейбница с Карлом XII. — Значение Лейбница в европейской политике. — Записка его о положении дел в 1691 г. — Проект высадки в Бискаю. — Вторая поездка Лейбница в Вену. — Смерть испанского короля и влияние ее на европейское равновесие. — Политические сочинения Лейбница против Франции. — Манифест в защиту прав Карла III. — Критика царствования Людовика XIV. — Война за испанское наследство и счастливый для Франции переворот в Англии. — Утрехтский мир. — План Лейбница вовлечь северных союзников в войну против Франции. — Свидание Лейбница с Петром Великим в Карлсбаде. — Последняя поездка Лейбница в Вену. — Хороший прием при Венском дворе. — Советы, которые он дает императору. — Его трактат «La Paix d'Utrecht est inéxcusable». — Тесная связь между торжеством либеральной партии в Англии и интересами Австрийского двора. — Джон Кер. — Его план для устройства каперства. — Лейбниц ратует против Раштадтского мира. — Воцарение Ганноверской династии в Англии. — Новые планы Лейбница. — Евгений Савойский. — Граф Боннваль. — Проект учреждения академии в Вене. — Немилость курфюрста. — Смерть Софьи. — Недобросовестность немецких министров Георга. — Возвращение Лейбница в Ганновер. — Недостойное обращение с ним. — Желание его переселиться в Париж. — Его возражение якобитам. — Лейбниц о Вечном мире Сен-Пьера. — Дневник Лейбница. — Его последние дни. — Его смерть и погребение. — Характеристика Лейбница, написанная им самим.

Глава VIII. Отношения Лейбница к России и Петру Великому 577

I 577

Взгляд Лейбница на значение России. — Старания Лейбница получить сведения о России до прибытия за границу великого посольства. — Его переписка с Лудольфом и бранденбургским посланником в России Рейером. — Куманский лексикон из библиотеки Петрарки. — Письмо Лейбница о пребывании Петра в Кенигсберге. — Прибытие русского посольства в Ганновер. — Попытки Лейбница получить доступ к нему. — Письмо к Ф. Лефурту. — Записка о водворении наук в России. — Письмо Лейбница к племяннику Лефорта в Голландию. — Ответ Лефорта. — Письмо о пребывании Петра в Копенбрюгге и в Сардаме. — Попытки Лейбница воспользоваться пребыванием царя в Голландии. — Переписка с Витзенем. — Заботы Лейбница о воспитании царевича. — Письмо его к Софье-Шарlotte Прусской. — Опасения Лейбница в начале Шведской войны. — Переписка его с Спарвенфельдом. — Стихи графини Матвеевой. — Письмо к Сторену о Карле XII.

II 623

Письмо Лейбница к Любенецкому, отправлявшемуся в Россию. — Гюйссен. — Его знакомство и переписка с Лейбницем. — Письмо Гюйсена из Москвы о царевиче Алексее. — Гюйссен в Вене в качестве дипломатического агента России. — Урбих. — Его знакомство и переписка с Лейбницем. — Вступление Урбиха в русскую службу. — Переписка Урбиха с Лейбницем в 1707 и 1708 гг. — Лейбниц предлагает через Урбиха свои услуги царю. — Ответ Урбиха. — Первая попытка Урбиха завести через Лейбница дипломатические сношения между Россией и Ганновером. — Жалоба Урбиха на Гюйсена. — Приезд Лейбница в Вену для свидания с Урбихом. — Записка о введении наук в Россию, представленная через Урбиха в 1708 г. — Предложение русского правительства выслать войско против Франции. — Старания Урбиха и Лейбница о присылке русского войска на Рейн. — Впечатление, произведенное Полтавской битвой. — Урбих предлагает ганноверскому правительству через Лейбница союз с Россией. — Разговор Лейбница с Бернсдорфом. — Политика Ганновера во время Шведской войны. — Отправление в Ганновер князя Куракина для постановления союзного договора. — Переписка Лейбница с Лакрозом о Несторе и варягах. — Поездка Урбиха в Москву. — Старания Урбиха устроить брак между принцем Гессен-Кассельским и Анной Иоанновной. — Ответ на предложения Лейбница, привезенный Урбихом из Москвы. — Переписка их о вселенском соборе. — Разговор Лейбница с Бернсдорфом о политике Ганновера относительно России. — Лейбниц выражает желание сделаться президентом Петербургской академии. — Приезд царевича в Вольфенбюттель. — Лейбниц предлагает устроить для царевича рельефное изображение России с аллегорическими эмблемами. — Желание Лейбница переселиться в Вольфенбюттель. — Записка Лейбница к герцогу Антону-Ульриху о введении наук в России и просьба о ходатайстве перед царем. — Поездка к царю в Торгау.

III 688

Поездка Лейбница в Торгау на свадьбу царевича Алексея. — Ходачество его через герцога Антона-Ульриха об устройстве в России высшей ученой коллегии. — Желание сделаться ее президентом. — Обещания, сделанные Лейбницу при Русском дворе. — Предположения Берлинской академии наук об устройстве в Москве книжной торговли, школ и миссионерского дела. — Мнение Лейбница об этих предположениях. — Письмо Лейбница к Петру от 16 января 1712 г. о том, что по воле Провидения науки обошли кругом весь земной шар и что очередь дошла до России. — Записка Лейбница об этнографии Европы и о славянском происхождении гуннов. — Переписка Лейбница с Шлейницем. — Проект Лейбница о вмешательстве северных союзников в войну против Франции. — Предложения, сделанные Лейбницем царю в Грейфсвальде через Шлейница. — Снаряд, присланный Лейбницем в дар царю. — Письмо Брюса к Лейбницу и ответ последнего о собирании в России лингвистического материала, о магнитных наблюдениях и об исследовании границы между Азией и Америкой. — Царь приглашает Лейбница в Карлсбад. — Дипломатическое поручение Лейбница у царя в Карлсбаде. — Принятие его в русскую службу и назначение ему жалованья. — Поручение, данное ему царем, представлять свои соображения относительно законодательства и судостроительства в России. — Список пособий и известий, которые Лейбниц просил доставить ему из России. — Письмо Лейбница к Стефану Яворскому. — Поездка Лейбница в Вену. — Письмо к царю о способе воевать с турками. — Дело о приглашении в русскую службу цюрихского медика Шейхцера. — Переписка Лейбница с Антоном-Ульрихом. — Дипломатическая деятельность Лейбница в Вене. — Лейбниц занимается уложением царя Алексея. — Письмо к Петру от 26 октября 1713 г. — Желание Лейбница сделаться дипломатическим агентом России при Венском дворе и быть посредником союза между Россией, Австрией и Англией. — Письмо к Шафирову. — Письмо Лейбница к царю, отправленное через секретаря английского посольства Вебера. — Описание двора Аттилы, посланное Лейбницем к царю. — Известия о царе и Петербургском дворе, сообщенные Лейбницу Вебером, автором сочинения «Преобразованная Россия». —хлопоты Шлейница о выдаче Лейбницу жалованья. — Взгляды Лейбница на политические дела 1715 г. — Письма его к Шлейницу о покупке библиотеки для России. — Письмо его к Гюйссену о новом сватовстве царевича Алексея. — Счетная машина, которую Лейбниц приготовлял для Петра. — Приезд царя в Пирмонт. — Письма Лейбница о пребывании царя в Пирмонте. — Предложения Лейбница, сделанные в письме к Шафирову.

Своевременная философия (Б. В. Марков) 770

Научное издание

Владимир Иванович Герье

ЛЕЙБНИЦ И ЕГО ВЕК

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Слово о сущем»*

Редактор издательства *Т. В. Глушенкова*

Художник *Е. В. Кудина*

Технический редактор *О. В. Новикова*

Корректоры *О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева, Ф. Я. Петрова* и *А. К. Рудзик*

Компьютерная верстка *Н. М. Крыловой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 20.06.07. Подписано к печати 03.03.08.

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 50.5. Уч.-изд. л. 54.0.

Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3053. С 27

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

E-mail: main@nauka.nw.ru

Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026942-2



9 785020 269422

интернет-магазин

OZON.RU



82056399